

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

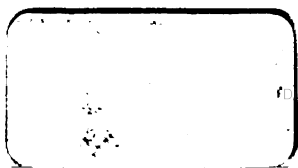
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08190621 0

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

1878

М А Й

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. БРОДЯГИ И БРОДЯЖЕСТВО. Н. В. Муравьева.
- II. УКРОЩЕНІЕ ТРЕХЪ СТРОПТИВЫХЪ. Новѣйшіе успѣхи физики. Я. И. Вейнберга.
- III. ГРЕЧЕСКІЯ СТАТУЕТКИ ИЗЪ ТАНАГРЫ. К. К. Гёрца.
- IV. ТАЙНЫ ЖИЗНИ. Послѣдніе труды Каода Бернара. С.
- V. УЧЕНО-ТОРГОВАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ КИТАЙ ВЪ 1874—1875 ГОДАХЪ. Н. О. Петровскаго.
- VI. РОССИЯ И АВСТРІЯ ВЪ ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ. Р.
- VII. НА ГОРАХЪ. Разказъ. Гл. LXV—LXXIV. Андрея Печерскаго.
- VIII. СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВЫЙ. Романъ. Часть четвертая. В. Г. Азовска.
- IX. РАЗКАЗЫ ИЗЪ 1813 ГОДА. (Ut de Franzosentid.) Фрица Рейтера. Переводъ съ нѣмецкаго. Гл. I—IV.
- X. НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ. Историко-литературный очеркъ. М. О. Де-Пуле.
- XI. ПОЭЗІЯ НЕКРАСОВА. Т. Толмачевой.
- XII. РАЗКАЗЫ БАБУШКИ. Изъ воспоминаній пяти поколѣній. Записанныя и собранныя ея внукомъ. Гл. V—VII.
- XIII. ИЗЪ ДНЕВНИКА. Принцезы острова. Князя Д. Н. Цертеллева.
- XIV. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
- XV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. Л. Эиссермана.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВИЧЪ

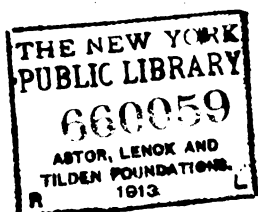
ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1878

БРОДЯГИ И БРОДЯЖЕСТВО *

Ни на какомъ-либо кружномъ выводѣ науки, не на яркомъ и въ глаза бросающемся событіи исторической жизни, не на ягучемъ и очередномъ, всѣхъ интересующемъ вопросѣ современнаго строя желаю я остановиться въ настоящей бесѣдѣ. Я ставлю себѣ задачу весьма скромную—сдѣлать бѣглый очеркъ одного сравнительно второстепеннаго явленія, принадлежащаго въ одно и то же время и къ уголовно-полицейской сферѣ, и къ области бытовыхъ отношеній и особенностей. Я буду говорить о бродягахъ и бродяжествѣ. Если къ явленію этому присмотрѣться поближе и повнимательнѣе — ему уже ни какимъ образомъ нельзя будетъ отказать въ своеобразномъ значеніи и глубокомъ живомъ интересѣ, которые не видны, быть-можетъ, лишь съ перваго взгляда, но поразительно возрастаютъ и расширяются при болѣе основательномъ знакомствѣ. Это одна изъ тѣхъ скрытыхъ сторонъ окружающей жизни, мимо которыхъ каждый проходитъ, не замѣчая ихъ потому что они его непосредственно не касаются и не затрагиваютъ, а темныя вѣянія и факты ихъ

---

* Публичная лекція, читанная 5го февраля 1878 года въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ на публичномъ курсѣ, открытомъ профессорами Университета для составленія капитала, на проценты съ котораго будутъ учреждены стипендіи для дѣтей вѣнскихъ и военныхъ врачей пострадавшихъ въ минувшую войну съ Турціей.

теряются въ массѣ другихъ болѣе выдающихся и назойливыхъ. А между тѣмъ она стоитъ вниманія—эта типическая страница русской общественной патологии, ежедневно возобновляемая дѣятельностью уголовного судьи. Много въ ней остатковъ давно минувшаго-прошлаго, много преданій и памяти о самыхъ тяжкихъ дняхъ его, много національнаго своеобразія и народной оригинальности, много и перелутанныхъ, и сбитыхъ вмѣстѣ невѣроятныхъ страданій, безысходнаго горя, мрачнаго отчаянія, непоправимаго зла и безповоротнаго паденія. Высоко надъ нимъ, ея почти не коснувшись, прошли реформы нашего времени. До сихъ поръ даже ждетъ она своего историка и изсѣдователя, первымъ разысканіямъ котораго неминуемо, прежде всего, должны будутъ столкнуться съ такою картиной:

Не проходитъ недѣли чтобы въ уголовныхъ отдѣленіяхъ нашихъ окружныхъ судовъ не совершалось одной самой будничной, безхитростной процедуры. Въ судахъ, людямъ судебной профессіи она давно такъ всѣмъ присмотрѣлась и примелькалась по своей крайней простотѣ и неизмѣнному однообразію что мало-по-малу спустилась до степени какой-то почти механической работы, сдѣлалась рядомъ неизбѣжныхъ и какъ бы бессодержательныхъ формальностей судопроизводства; публичку же, общество процедура эта вовсе не интересуется и потому она остается имъ почти неизвѣстною. Въ пустой, то-есть свободной отъ постороннихъ слушателей, отъ публички, залѣ суда открывается судебное засѣданіе, отличающееся отъ обычныхъ совершеннымъ отсутствіемъ какого бы то ни было дѣйствительнаго изсѣдованія и повѣрки фактовъ, отсутствіемъ всякаго состязанія, спора, борьбы—всегда характеризующихъ собою отправленіе правосудія. Надо всѣмъ что происходитъ въ засѣданіи какъ бы тяготѣетъ созданіе что все уже предрѣшено и извѣстно заранее, что измѣненій никакихъ быть не можетъ, что нужно только поскорѣе пройти по шаблону, исполнить нужные обряды—и дѣло съ концомъ. Предъ коллегіей судей громада тоненькихъ дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію въ этомъ засѣданіи, дѣлъ, въ которыхъ уже заранее заготовлены sacramentalные вопросы и отвѣты о виновности и наказаніи, а верѣдко и проекты самыхъ резолюцій. Обвинитель на своемъ мѣстѣ, скамья защиты въ громадномъ большинствѣ случаевъ пуста, такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ защищать некого и

ничего. Въ залъ засѣданій по близости ея, ждуть окруженная сильными коваными толпа подсудимыхъ, разнообразіе которой исчезаетъ въ общемъ обромѣ колоритъ оброй арестантской одежды. Совершенное отсутствіе всякихъ признаковъ собственнаго платья подъ острожными халатами, грубое, потертое сукно и ветхій видъ ихъ, плохая обувь, въ рукахъ какое-то жалкое подобіе головнаго убора, равнодушныя и безучастныя лица, все свидѣлствуетъ о томъ что толпа подсудимыхъ принадлежитъ къ самой несчастней, никакимъ официальнымъ тюремнымъ почетомъ не пользующейся категоріи арестантовъ. Одного за другимъ, каждаго минутъ на пятнадцать времени вызываютъ этихъ подсудимыхъ, по распоряженію председательствующаго, въ залу засѣданія. Каждый занимаетъ свое мѣсто на эстрадѣ за рѣшеткой, у роковой скамьи, среди вооруженной стражи, и съ каждымъ съ математическою почти точностью повторяется одна и та же процедура. Первыми обычными вопросами, предлагаемыми подсудимому и имѣющими въ другихъ дѣлахъ одно только формальное значеніе, здѣсь почти исчерпывается процессъ; по крайней мѣрѣ отвѣты на эти вопросы сразу освѣщаютъ юридическую сущность его и ясно показываютъ кого именно судъ видитъ предъ собой. Трудно представить себѣ что-нибудь стереотипнѣе этихъ отвѣтовъ. „Какъ васъ зовутъ, какъ ваше имя, отчество и фамилія?“ спрашиваетъ председатель; „не знаю, раздается въ отвѣтъ, *я не помнящій*.“ Иногда является какое-нибудь имя со знаменательнымъ прибавленіемъ что *такъ люди зовутъ*. „Какого вы званія, кто вы такой?“ продолжаетъ председатель. „*Богъ знаетъ откуда я пришелъ*, не знаю, я не помнящій“. „Сколько вамъ отъ роду лѣтъ?“—„Не знаю, кто его знаетъ“.—„Какой вы вѣры?“—„Не знаю, а въ церковь хожу“.—„Гдѣ жили до взятія васъ подъ стражу?“ На это отвѣтъ почти неизмѣняемый: „по разнымъ мѣстамъ, *здѣь день, гдѣь ночь*.“ На послѣдній вопросъ: „чѣмъ занимались до взятія васъ подъ стражу?“ отвѣты бываютъ поразнообразнѣе, но все это разнообразіе замыкается въ кругѣ трехъ, четырехъ варіантовъ: „поденною работою, по міру ходилъ, Христовымъ именемъ питался, ничего не дѣлаю“, а иногда проскользящее и непрощенное признаніе, „мелкими кражами занимался, воровалъ по малости что плохо лежитъ“. Въ концѣ такой странной исповѣди обыкновенно

выразительнымъ тономъ прибавляется да я бродяга чтобы не оставалось уже болѣе никакихъ сомнѣній и было бы окончательное установленіе гражданское положеніе подсудимаго. Никто впрочемъ въ немъ и не сомнѣвается. Читаютъ коротенькій обвинительный актъ, строчекъ 10—15 тоже сего стереотипнаго содержанія; изъ него оказывается что подсудимый былъ задержанъ какъ безпаспортный въ такомъ-то пунктѣ широкой Россіи, названъ такимъ-то именемъ и такимъ-то званіемъ, указавъ такое-то мѣсто своего происхожденія или приписки и былъ туда пересланъ; затѣмъ данныя имъ свидѣнія о своемъ имени, званіи и происхожденіи не подтвердились, дѣйствительныя же остались не обнаруженными и самъ онъ объявилъ себя бродягою, не помнящимъ родства. Въ этомъ-то, то-есть въ уголовномъ преступленіи бродяжества его и обвиняютъ, за это его и судятъ. Въ равнодушномъ и невнимательномъ молчаніи выслушиваетъ подсудимый обвинительный актъ и слѣдующій за прочтеніемъ его вопросъ председателя, въ которомъ излагаются законные признаки выводимаго на него преступленія: признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ что переходили отъ мѣста на мѣсто не только безъ вѣдома полицейскаго начальства и безъ установленнаго вида на жительство, но и безо всякихъ средствъ доказать свое настоящее состояніе и званіе, или же упорно отъ этого отказываясь, и кромѣ того въ томъ что дали объ этомъ состояніи своемъ или званіи ложное показаніе? Отвѣтъ на это не многосложенъ—или короткое: „такъ точно, виновать, сизмальства бродяжничаю“—или полу-тугое, полусдержанное молчаливое утвержденіе. Больше никакихъ разъясненій не даетъ подсудимый: ему не о чемъ говорить, судьямъ нечего слушать. Въ двухъ словахъ предлагаетъ обвинитель примѣнить къ подсудимому уголовный законъ, карающій за бродяжество; защитника нѣтъ, подсудимый молчитъ, и судьи поспѣшно дописываютъ и подписываютъ всегдѣ хорошо знакомый приговоръ. Какъ-то странно звучитъ его необычная въ другихъ дѣлахъ формула: неимѣннаго званія человека, называющаго себя такимъ-то именемъ, какъ признаннаго виновнымъ въ бродяжествѣ и въ давши ложнаго о званіи своемъ показанія, отдать въ исправительное арестантское отдѣленіе на одинъ годъ, а затѣмъ сослать для водворенія въ Восточную Сибирь съ

употребленіемъ тамъ въ работы по усмотрѣнію и распоряженію мѣстнаго начальства и кромѣ того наказывать его розгами въ извѣстномъ размѣрѣ—максимумъ котораго составляетъ 40, а minimum 30 ударовъ. Съ прежнимъ безучастіемъ выслаивается осужденный рѣшеніе своей темной участи и удаляется, уступая мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ другому своему тюремному товарищу, такому же какъ и онъ „бродяга, не помнящему родства“. Жалобъ на приговоръ окружнаго суда почти никогда не бываетъ, тѣмъ болѣе что жаловаться и не на что, и не зачѣмъ. Приговоръ быстро приводится въ исполненіе: при обыкновенномъ недостаткѣ мѣста въ исправительномъ отдѣленіи одна изъ ближайшихъ этапныхъ партій уводитъ съ собою осужденнаго бродягу по скорбной Вандиміркѣ; бумажное производство сводится въ архивъ, и все кончено, ограниченныя средства человѣческаго правосудія сдѣлали свое дѣло. Но какъ необычайно и ненормально слагаются въ данномъ случаѣ результаты ихъ притисненія, какою аномаліей отъмываются они среди отношеній гражданскаго быта! Они создаютъ въ немъ необыкновенное, хотя ясно обрисованное юридическое положеніе человѣка-бродяги, опредѣляемое поистинѣ поразительными чертами: это человѣкъ безъ имени, отчества и фамиліи, безъ роду и племени, безъ права и безъ званія, безъ происхожденія и безъ мѣстожительства, стоящій внѣ всякихъ политическихъ, гражданскихъ, семейныхъ, имущественныхъ отношеній, не принадлежащій къ обществу, но и не отвергнутый имъ, осужденный уголовнымъ судомъ, но и не преступникъ въ истинномъ, строгомъ смыслѣ этого слова. Не лучше этихъ юридическихъ свойствъ и другія свойства его положенія — личныя, нравственныя, бытовыя. Этотъ человѣкъ-бродяга есть человѣкъ безъ крова и безъ пропитанія, безъ труда и опредѣленныхъ заботъ, безъ семьи и родныхъ, безъ друзей и знакомыхъ, съ никому неизвѣстнымъ прошлымъ, съ предстоящимъ въ тюрьмѣ и съ будущимъ въ ссылкахъ. Вѣчный бездомный скиталецъ—онъ обреченъ только въ тюрьмѣ и ссылкахъ найти себѣ вѣрное и прочное пристанище; только онъ могутъ дать ему печальное подобіе оскѣлости, крова и куска хлѣба, вѣчто въ родѣ имени и гражданскаго состоянія. Внѣ стѣнъ острога, за предѣлами ссыльнаго края—человѣческая и юридическая личность бродяги сводится къ нулю, и врадѣ ли будетъ слишкомъ большимъ парадоксомъ

сказать что она существует *de facto*, но не *de jure*. Выбитые или сами ушедшіе изъ рамокъ государственнаго строя и гражданскаго обихода, наши бродяги слегка напоминаютъ себою и древнихъ англійскихъ *outlaws*, людей изъ закона, и *vagabonds, gens sans aveu*—этихъ страшилищъ французскаго полицейскаго порядка, но сходство не идетъ дальше нѣкоторыхъ общихъ признаковъ и второстепенныхъ особенностей, всякое сравненіе отбрасывается невозможнымъ и неудобнымъ какъ только предъ нами представятъ всесторонне очерченный типъ русскаго бродяги и мы должны будемъ убѣдиться что онъ представляетъ оригинальное произведеніе русской почвы, живой продуктъ цѣлаго бесконечнаго, сложнаго ряда историческихъ, географическихъ, правовыхъ и бытовыхъ условій русской жизни. Не упуская изъ виду что рассматриваемые съ такой точки зрѣнія бродяги и бродяжество, какъ сфера ихъ дѣятельности и существованія, оказываются явленіемъ современнымъ, живымъ и уже по одному этому достойнымъ изученія. Трудно не остановиться предъ его общественнымъ, народнымъ пожалуй даже и государственнымъ значеніемъ. Нельзя не признать что эти загадочныя, темныя, жалкія существа возбуждаютъ къ себѣ интересъ, заслуживаютъ изслѣдованія даже по однимъ только перечисленнымъ своимъ особенностямъ. Но интересъ этотъ удесятерится и потребность въ изслѣдованіи становится настоятельною если мы бросимъ взглядъ на количественные размѣры и качественное содержаніе бродячества въ массѣ. Уголовная и уголовно-полицейская статистика представляетъ данныя весьма краснорѣчивыя; по нѣкоторымъ ея цифрамъ можно составить себѣ понятіе, правда не совсемъ точное, но во всякомъ случаѣ приблизительно вѣрное объ общемъ количествѣ странствующихъ по Россіи бродягъ. По свѣдѣніямъ доставленнымъ дѣйствующею у насъ съ 1871 года системой статистической регистраціи уголовныхъ дѣлъ, оказывается что въ 1875 году, напримѣръ, въ однихъ только новыхъ судебныхъ мѣстахъ (то-есть учрежденныхъ по судебнымъ уставамъ 20го ноября 1864 года) было рассмотрѣно 3.044 дѣла о бродяжествѣ, и по дѣламъ этимъ до 2.000 человекъ официально и окончательно признаны бродягами. Если затѣмъ положить число судившихся за бродяжество въ Привислинскомъ краѣ (въ которомъ новыя суды введены

только съ 1876 года), въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и въ тѣхъ остальныхъ четырнадцати губерніяхъ Европейской Россіи на которыя еще не распространено дѣйствіе судебной реформы—приблизительно въ 2.000 человекъ, то на всю Европейскую Россію получится довольно крупная цифра около 5.000 человекъ бродягъ или 4% всехъ вообще осужденныхъ, и это однихъ только бродягъ попавшихся, задержанныхъ и прошедшихъ чрезъ руки уголовной юстиціи, а сколько еще остается ихъ ускользнувшихъ отъ власти и модъ своими таинственными масками благополучно пробирающихся среди разныхъ преградъ и гарантій общественнаго строя! Но всѣ эти цифрѣ блѣднѣютъ предъ числовыми размѣрами сибирскаго бродячества, тонутъ въ массѣ бродягъ, буквально наводняющихъ собою Сибирь. Сибирское же бродяжество, какъ увидимъ, находится въ тѣсной и неразрывной связи съ бродяжествомъ собственно русскимъ; оно есть неисчерпаемый источникъ этого послѣдняго, его главный разсадникъ и контингентъ. Сибирское бродяжество находится въ постоянномъ поступательномъ движеніи съ востока на западъ, отъ Тихаго Океана къ Уралу, за который оно ежегодно выбрасываетъ на Россію не мало своихъ представителей. Сибирскіе бродяги всѣми своими силами стремятся сбѣлаться бродягами русскими и только при совершенной невозможности перебраться въ Россію, идутъ назадъ—кружить по Сибири. Исслѣдованія Ядринцева, Максимова, Шелгунова и другихъ, не расходяціяся и съ официальными данными, собранными правительствомъ, опредѣляютъ число бродягъ, переходящихъ съ мѣста на мѣсто въ Сибири и готовыхъ при поимкѣ немедленно стать въ ряды бродягъ официальныхъ, не ломаящихъ—громадную цифру отъ 30 до 40 тысячъ человекъ. Факты иллюстрируютъ и оправдываютъ эту цифру, доказывая что нѣкоторыя мѣстности Сибири повременамъ буквально кишатъ бродягами. На выдержку два примѣра: въ 1864—1865 годахъ близъ Иркутска, по разказамъ обывателей и самихъ бродягъ, ихъ зимовало болѣе 4.000 человекъ; въ одной деревнѣ Иркутскаго уѣзда на 400 человекъ жителей ютилось по избыткамъ и сараямъ до 200 бродягъ. По такъ-называемому бродяжескому тракту, который пролегаетъ отъ Большаго Нерчинскаго завода къ Пермской губерніи, весной и лѣтомъ ежедневно проходятъ чрезъ

деревни бродяжескія партіи числомъ отъ 40—60 человекъ. Въ 1866 году въ Кулечинской волости Тобольской губерніи близъ Омока, этого высшаго административнаго центра Западной Сибири при розыскахъ по поводу убійства одного еврейскаго семейства было взято разомъ 200 бродягъ. Въ слѣдующемъ 1867 году въ Юдинской волости, той же Тобольской губерніи, настоящія облавы, произведенныя по случаю убійства трехъ проѣзжихъ монаховъ, дали мѣстамъ острогамъ 500 человекъ бродягъ. Бываютъ періоды, когда сибирскіе остроги до того переполняются надолженными бродягами что власти вынуждены подъ рукою дѣлать распоряженія о приостановленіи ловли, такъ какъ сажать вновь задерживаемыхъ бродягъ становится некуда. Такимъ образомъ врядъ ли будетъ особою натяжкой допустить что среднимъ числомъ во всякое данное время на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи страствуютъ отъ 40 до 45 тысячъ загадочныхъ личностей, подходящихъ подъ карательныя опредѣленія законовъ о бродяжествѣ. Если же при этомъ мы вспомнимъ каково юридическое положеніе такихъ личностей въ обществѣ, то въ результатъ окажется съ одной стороны что имъ терять нечего, и что въ силу одного своего положенія они не могутъ не быть въ известной степени коренными врагами и нарушителями общественнаго порядка и общественной безопасности, а съ другой что во многихъ отношеніяхъ эти безпріютные странники, эти ларіи родной земли не могутъ не возбуждать къ себѣ сожалѣнія и состраданія и прежде всего желанія всмотрѣться поближе, выискнуть въ причины и условія ихъ печальной судьбы.

Мы уже видѣли что уголовный процессъ о бродяжествѣ разрѣшаетъ вопросъ о немъ какъ объ уголовномъ преступленіи только формально. Столкнувшись съ опредѣленіями уголовного закона, но не поддавшись имъ, жизнь выработала при ихъ примѣненіи одну только фикцію, потому что ни чѣмъ инымъ, кромѣ фикціи, нельзя считать создаваемую уголовными приговорами юридическую фазіономию бродяжества. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ приговоры эти санкціонируютъ ту непроницаемую таинственность въ которую оно облечено или само облакаетъ себя, ту маску подъ которой оно является предъ судомъ и только. Рѣдко, чисто случайно и всегда съ трудомъ удается суду въ

въ которыхъ исключающихъ казусахъ снять эту маску. То что обнаруживается тогда даетъ не обильный, но драгоценный матеріалъ для изученія бродячества. То же значеніе имѣютъ выводы образовавшейся у насъ долговѣтней практики примѣненія къ бродягамъ дѣйствующихъ полицейскихъ и тюремныхъ постановленій. Личныя наблюденія надъ личностями бродягъ и типами бродячества въ рукахъ административной власти, предъ судомъ, въ тюрьмѣ и осмыслъ помогаютъ сдѣлать еще нѣсколько важныхъ шаговъ въглубъ этой мракомъ окутанной среды. Наконецъ, въ нашей литературѣ есть нѣсколько произведеній писанныхъ людьми, которыхъ судьба поставила лицомъ къ лицу съ острожнымъ и осмысленнымъ міромъ, въ томъ числѣ и со сферою бродячества (назовемъ Достоевскаго, Ядринцева, Макошова, Анучина, Соколовскаго); они видѣли и изучали этотъ міръ и эту сферу такъ-сказать на волѣ, въ такихъ положеніяхъ и въ такіа минуты которыя не доступны никакому официальному или случайному, поверхностному наблюденію. Проникнутые желаніемъ прогресса и добра родной странѣ—они подвигались съ нею и мелкими подробностями, и конечными итогами своихъ трудолюбивыхъ изслѣдованій. Все это вмѣстѣ взятое бросаетъ на злополучное бродяжество свѣтъ если и не яркій, то во всякомъ случаѣ несравненно болѣе опредѣленный нежели лѣтъ 10 тому назадъ. Остается затѣмъ подвести подъ бродячество нѣкоторыя несомнѣныя историческія его основанія, и предъ нами приподымется хоть уголокъ той завѣсы которая скрывала его отъ непрощенныхъ взоровъ, скрывается еще и теперь отъ пытливаго, но часто буквою закона связаннаго взора уголовного судьи.

Современное, въ законѣ принятое понятіе о бродягѣ сложилось постепенно, путемъ историческаго развитія и выдѣленія изъ болѣе общаго и кореннаго понятія о *блѣдомъ* чело-*вѣкѣ*, не правильно, то-есть безъ разрѣшенія власти отлучившемся изъ своего постоянного мѣстожителства. Традиціонное, проходящее чрезъ всю русскую исторію—„шатающійся изъ края въ край многихъ элементовъ Русскаго народа, характеристическая склонность русскихъ людей до-Петровскаго періода „блѣсти врозь“ по старинному техническому выраженію; прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и какъ результатъ его—постоянныя ихъ побѣги, непрерывныя смуты XVII

стоletiя, все это, еще въ эпоху Московскаго Государства, привело правительство къ необходимости установить наблюдение и контроль за переходами населенiя съ мѣста на мѣсто. Правительство видѣло и убѣждалось что бродяжничество народа представляетъ большое зло, большую опасность для едва окрѣпнувшей государственности и едва слагающихся началъ общественнаго порядка. Еще въ концѣ XVII столѣтiя неоднократно указывалось воеводамъ наблюдать чтобы въ ихъ воеводствахъ не проживали неизвестныя лица, безъавочные, прохожіе люди. Каждое такое лицо прибывшее въ городъ воевода долженъ былъ допросить о цѣли прибытія, а въ случаѣ какого-либо подозрѣнія, изъ предосторожности посадить въ тюрьму, отписать о томъ государю. Было установлено и средство такого наблюденiя—*проѣзжихъ грамотъ*, прототипъ нынѣшнихъ паспортовъ,—безъ которыхъ никто не допускался за заставу, а проникнувшій подвергался упомянутымъ предупредительнымъ мѣрамъ и входилъ въ общую рубрику „гулающихъ людей“, вредныхъ для государства. Реформы Петра Великаго, съ ихъ стремленіемъ къ строгой регламентаціи и строгому внѣшнему порядку во всемъ, возвели обязанность каждаго остающагося свое постоянное мѣстожителство имѣть при себѣ проѣзжую грамоту, паспортъ, какъ дозволеніе начальства на отлучку и вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣреніе личности, въ общее неизмѣнное правило. Указомъ, изданнымъ въ іюлѣ 1724 года и известнымъ подъ названіемъ *платката*, было постановлено воиъхъ проѣзжающихъ и проходящихъ безъ паспортовъ, платкатовъ, считать за *бѣглыхъ* и отдавать на казенныя работы. Такъ понятіе о гулающихъ людяхъ московскаго періода было обозначено новымъ терминомъ — бѣглые, существующимъ въ нашемъ законодательствѣ съ Петровскихъ временъ и до нашихъ дней. Все послѣдующее законодательство до самаго изданiя Свода Законовъ въ 1833 году, отличалось чрезвычайною сложностью и пестротой отдѣльных законовъ, проникнуто двумя основными положеніями, которыя можно выразить въ такой простой формулѣ: вѣ постоянного мѣстожителства точно и строго опредѣленнаго въ законѣ всякій долженъ имѣть установленный паспортъ, а кто почему бы то ни было не имѣетъ его, тотъ признается *бѣглымъ* и подвергается ряду самыхъ неприятныхъ и тяжкихъ послѣдствій этого состоянiя. Собранные вмѣстѣ,

въ послѣдовательно издававшіеся законы о паспортахъ и бѣглыхъ образовали въ Сводѣ Законовъ 1823 года особый *Уставъ о паспортахъ и бѣглыхъ*. Уставъ этотъ отождествляетъ бѣглаго съ бродягою, не дѣлаетъ между ними никакого различія и даетъ имъ такое длинное и теперь уже странно звучащее опредѣленіе: „бѣглыми или бродягами считаются: 1) всѣ тѣ кои отлучаясь отъ мѣстъ ихъ жительства или пребыванія даже орока и мѣста какое закономъ для временныхъ отлучекъ опредѣлено, не представлять никакихъ законныхъ видовъ на сію отлучку и 2) тѣ кои отлучаясь и съ видами начальства, и по законнымъ видамъ и паспортамъ, но потерявъ или просрочивъ оныя, не представлять въ свое время законныхъ доказательствъ въ свое оправданіе.“ Опредѣленіе широкое и поражающее своею строгостію: по буквѣ его можно взять законный паспортъ, ухватить изъ своего постоянного мѣстожительства съ вѣдома и дозволенія начальства, затѣмъ потерять паспортъ, пренебrecь въ свое время комитировать эту потерю подачею куда слѣдуетъ авочнаго прошенія и очутиться бѣглымъ, бродягой. Законъ видѣлъ кругомъ растущую не по двамъ, а по часамъ и все развѣдающую язву бѣготы и бродячества, и хотѣлъ лѣчить ее радикальными ередствами, страшно карать всякаго кто зараженъ ею, налагая на него печать совершенной отчужденности отъ общества. Благодаря такому взгляду закона, понятію о бѣглости бродягъ дано было самое широкое примѣненіе; подъ него можно было легко подвести безконечное множество категорій и лицъ. Калужское губернское начальство, напримѣръ, въ двадцатыхъ годахъ, какъ оказывается изъ официальныхъ его донесеній, считало за бѣглыхъ бродягъ и вслѣдствіе этого безъ дальнихъ справокъ и околичностей осмалло въ Сибирь всѣхъ приходящихъ въ Калужскую губернію изъ ближайшихъ мѣстностей сосѣднихъ губерній по своимъ дѣламъ или для прошенія милостыни. До 1823 года всѣхъ бѣглыхъ или бродягъ ждала одна общая участь, отдача на крѣпостнымъ и другія казенныя работы; закономъ же 23го февраля 1823 года было предписано всѣхъ такихъ бѣглыхъ людей или бродягъ и вообще всѣхъ не представившихъ паспортовъ семалть на поселеніе въ Сибирь. Результатомъ было то что въ одномъ только слѣдующемъ 1824 году сибирская семала разомъ

увеличилась на двѣнадцать тысячъ человекъ. Масса самовольныхъ переселенцевъ-крестьянъ съ семьями и домашними окарбомъ, бѣглыхъ крѣпостныхъ, сиротствующихъ нищихъ, убогихъ, огромныя толпы самаго разнохарактернаго люда ушли на основаніи этого закона въ Сибирь, подведенныя подъ общее понятіе бѣглыхъ, и по послѣдствіямъ этого положенія приравненныя къ тяжкимъ уголовнымъ преступникамъ. Произволу и волюющимъ злоупотребленіямъ стараго чиновничества открылся широкій просторъ, а самое осуществленіе осмысли крайне обременительно отозвалось на государствѣ. Поэтому закономъ отъ 22го марта 1828 года осмысли въ Сибирь за бродяжество и самое понятіе о бродягахъ и бродяжествѣ были ограничены. Сенатъ и Государственный Совѣтъ разъяснили что за бродягъ сажаютъ признавать только тѣхъ безпаспортныхъ людей „кои отъ лѣности и по распутному поведенію, избѣгая повиновенія установленнымъ властямъ и уклоняясь отъ исправленія повинностей, удаляются отъ жительствъ своихъ для праздношатательства и, не желая имѣть постоянного мѣстопробыванія, вдаются въ разныя распутства, нерѣдко совершающія ихъ въ весьма важныя преступленія.“ Явилось такимъ образомъ новое опредѣленіе, но попрежнему не отличая бродяги отъ бѣгаго, оно ввело только еще одинъ новый, и притомъ весьма неудачный признакъ бродячества, безправственное и общепасное свойство его побудительныхъ причинъ и цѣлей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Не имѣя въ себѣ ничего юридическаго, признакъ этотъ не поддавался опредѣленію, которое, къ тому же было предоставлено чинамъ воѣмъ еще памятной старой земской и городской полиціи. Между тѣмъ подъ вліяніемъ многихъ условій, о которыхъ рѣчь впереди, изъ среды бродягъ мало-по-малу началъ явственно выдѣляться и принимать опредѣленныя очертанія — особый типъ который не могъ не остановить на себѣ вниманіе закона и правительства. То былъ типъ такого безпаспортнаго скитающаго, который, кромѣ отсутствія у него паспорта, еще не хотѣлъ или не можетъ объявить своего настоящаго имени, званія и происхожденія, а помимо его объясненія обнаружить ихъ, не смотря на все принятыя мѣры, оказывается невозможнымъ. Все чаще и чаще стали попадаться въ руки правосудія такіе субъекты о которые разбивалась вся его провинца-

тельность, и которыхъ въ практикѣ стараго суда даже привыкли обозначать общимъ собирательнымъ названіемъ: „Иванъ не помнящій родства“, такъ какъ имя *Иванъ* было всегда ихъ наиболее частымъ любимымъ псевдонимомъ. Возникъ вопросъ, что дѣлать съ такими людьми, какъ относиться къ нимъ, вопросъ на разрѣшеніе котораго повалило не безосновательное убѣжденіе законодателя въ томъ что если человѣкъ находитъ нужнымъ тщательно скрывать отъ власти свое имя и званіе, то онъ дѣлаетъ это не слроста, а зная за собою что-либо тяжкое, то-есть является лицомъ весьма опаснымъ для общества и долженъ быть удаленъ изъ него. Взглядъ простой и естественный при общемъ устрашительномъ характерѣ закона, наминающій собою старый уже отжившій англійскій судебно-уголовный обычай, повелѣвавшій всякаго кто отказывается объявить правосудію свое имя считать въ одно и то же время воромъ, грабителемъ, фальсификаторомъ, поджигателемъ, убійцей, и такъ далѣе, то-есть послѣдовательно его проводить чрезъ всѣ карательные законы и подвергнуть соответствующему наказанію. Взглядъ этотъ, въ которомъ здравое основаніе заслонено преувеличеннымъ преобладаніемъ устрашительныхъ элементовъ, обусловилъ собою все дальнейшее отношеніе нашего закона къ бродячеству, вызвалъ выдѣленіе бродягъ изъ массы бѣглыхъ и выразился въ нѣмнѣ дѣйствующихъ постановленіяхъ. Бродягами были признаны безпаспортные люди переходящіе съ мѣста на мѣсто и не хотящіе или не могущіе доказать своего имени, званія и происхожденія. Обрисованное такими чертами бродяжество было возведено на стелень уголовного преступленія, помѣщено въ сводѣ карательныхъ законовъ и обложено тяжкимъ уголовнымъ наказаніемъ, высшею формою котораго явилась все та же панацея старой репрессіи—сылка въ Сибирь. Такъ образовалось въ законѣ нынѣшнее понятіе бродяги и бродячества, выраженное впервые въ Уложеніи о наказаніяхъ, изданія 1845 года, повторенное въ Сводѣ Законовъ, изданія 1857 года, и подробно развитое въ Уставѣ о паспортахъ и бѣглыхъ (томъ XIV этого Свода). Тяжки и суровы были законныя послѣдствія бродячества, проникнутыя духомъ дореформеннаго времени. Розги въ случаѣ ложнаго о себѣ показанія, отдача въ военную службу годныхъ къ ней, отдача негодныхъ въ арестантскія

роты гражданскаго вѣдомства на 10—12 лѣтъ, затѣмъ, а также въ случаѣ негодности къ работамъ въ ротахъ, ссыла на поселеніе на Кавказъ или въ Сибирь, наложеніе на правой рукѣ каждого осмылаемаго клейма съ литерой Б. (бродяга),—вотъ что еще на нашихъ глазахъ ожидало бродягу. Еще хуже была участь бродяги-рецидивиста узнаваго по клейму, или бродяги задержаннаго въ предѣлахъ Сибири. Имъ грозили плети (отъ 30 до 50), отдача на 5, 6 лѣтъ на работы на сибирскіе фабрики и заводы или ссыла въ каторжныя работы въ рудники на долгіе ероки. Преступленіе совершенное бродягой уже по осужденію подвергало его, въ качествѣ осмыльно-поселенца, отращному наказанію плетями или шпидрутевами и долгимъ годамъ самой тяжкой каторжной работы, срокъ которой иногда далеке простирается за вѣроятнае предѣлы жизни человѣческой. Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось. Въ великій день 17го апрѣля 1863 года вмѣстѣ съ другими тѣлесными карами исчезли и бродяжескія клейма. Уложеніе о Наказаніяхъ изданное въ 1866 году (дѣйствующее теперь) значительно измѣнило и смягчило наказанія за бродяжество, а 28го октября 1871 года было отмѣнено и наказаніе осмыльных шпидрутевами. Тѣмъ не менѣе, если мы бросимъ общій взглядъ на современное положеніе бродягъ предъ закономъ и на содержаніе всѣхъ дѣйствующихъ о нихъ постановленій, то должны будемъ убѣдиться что постановленія эти, по крайней мѣрѣ по основной ихъ мысли, во всякомъ случаѣ невозможно упрекнуть ни въ излишней снисходительности и слабости, ни въ недостаткѣ энергіи и репрессивной рѣшительности. Закономъ всѣми средствами стремится съ корнемъ вырывать всякое проявленіе бродячества и не жалѣетъ для этого никакихъ предупредительныхъ и карательныхъ средствъ. Но старая отжившая теорія устрашенія и безповоротнаго изгнанія человѣка изъ общества видимо все еще тяготеетъ надъ нимъ, и потому слова его звучатъ грозно и страшно, а дѣйствіе часто вяло и слабо, часто не достигаетъ предложенныхъ цѣлей, идетъ въ разрѣзъ съ измѣнившимися условіями культуры и формами быта, и настойчиво, громко требуетъ реформы. Слѣдующіе признаки устанавливають современное понятіе о бродягѣ (рѣзко отдѣленное закономъ отъ понятія о бѣгломъ): 1) странствованіе или переходъ съ мѣста на мѣсто, 2) безъ вѣдома полицейскаго начальства,

3) безъ паспорта и 4) (и самое существенное)—безъ всякой возможности доказать свое имя и званіе (то-есть то что Французы называютъ *état civil* а Нѣмцы *Stand* или же при упорномъ отъ этого уклоненіи и наименованіи себя не помнящимъ родства. Никто не въ правѣ давать бродягамъ убѣжище, напротивъ каждый гражданинъ обязанъ преслѣдовать, ловить и представлять ихъ въ полицію. Это же составляетъ особенную и непрерывную обязанность всѣхъ органовъ исполнительной полиціи, которымъ за поимку каждаго бродяги даже назначается особая должностная поощрять ихъ къ ловлѣ денежная награда по 8 р. за веро-слага, по 1 р. 50 к. за бродягу въ возрастѣ 12—17 лѣтъ, по 75 к. за бродягу ребенка. О каждомъ пойманномъ или заведенномъ бродягѣ немедленно производится лубкація съ описаніемъ его примѣтъ. Затѣмъ начинается та процедура которую можно назвать бродяжескимъ процессомъ. Бродягу который прямо называетъ себя „не помнящимъ родства“ или „безпрозваннымъ“ судятъ безъ дальнихъ околичностей; о безпаспортномъ же который указалъ свое имя, званіе и происхожденіе собираютъ справки, а чаще всего отсылаютъ его на указанную имъ родину. Не подтвердится показаніе или прямо окажется ложнымъ, бродягу ждетъ по судебному приговору тѣлесное наказаніе розгами (отъ 30 до 40 ударовъ), независимо отъ другаго общаго наказанія за бродяжество уже упомянутого. Разъ пересланнаго бродягу не возвращаютъ въ мѣсто первоначальнаго его задержанія, а судятъ тамъ куда онъ пересланъ и гдѣ обнаружена живость его показанія (во избѣжаніе дальнейшихъ издержекъ и безконечной пересылки). Новыхъ показаній объ имени и званіи, взаимно не подтвердившихся, отъ бродяги уже не принимаютъ. Въ концѣ-концовъ, послѣ всѣхъ мытарствъ, бродягъ, и мужчинъ и женщинъ, осмѣляютъ въ Сибирь, гдѣ подѣ имеемъ водворяемыхъ рабочихъ они входятъ въ составъ особаго класса ссыльныхъ и употребляются на разныя казенныя работы. Исключеніе составляютъ бродяги малолѣтніе, глухіе, слѣпые, кѣтые, драхаме. Ихъ не ссылаютъ, а помѣщаютъ въ благотвори-тельные заведенія бывшихъ приказовъ общественнаго призрѣнія, теперь перешедшія въ вѣдѣніе земства. Бродяжескій процессъ имѣетъ еще одну отягчающую особенность, которая у нихъ, уголовныхъ преступниковъ въ глазахъ

закона, отнимаетъ основное и великое право каждого осужденнаго за преступленіе требовать возобновленія и пересмотра дѣла, въ случаѣ открытія невинности въ томъ преступленіи за которое онъ осужденъ. Виновьность бродяги заключается въ сокрытіи или невозможности доказать свое имя и званіе, но и съ открытіемъ ихъ или съ наступленіемъ возможности ихъ доказать осужденный бродяга остается навсегда безнадежнымъ бродягою, вѣчнымъ сибирскимъ поселенцемъ, такъ какъ „никакихъ новыхъ показаній отъ бродяги не пріемаются“. Только до исполненія приговора, пока бродяга еще не сосланъ, возможно возобновленіе и прекращеніе дѣла о немъ, вслѣдствіе обнаруженія его званія; съ момента же приведенія приговора въ исполненіе для бродяги все кончено и только въ одномъ почти несбыточномъ случаѣ онъ можетъ быть возвращенъ на свою обнаруженную родину, именно если до истеченія двухлѣтнаго срока его случайно опознаетъ его общество и потребуетъ отъ правительства возвращенія себѣ своего затерявшагося сочлена. Бродягамъ же бѣжавшимъ изъ Сибири или совершившимъ преступленіе по осужденію за бродяжество попрежнему грозятъ плети и долгая каторга. Рѣзко бросаются въ глаза несовершенства и недостатки изложенныхъ постановленій, которымъ вѣроятно, при предполагаемой реформѣ всего уголовного законодательства, суждено отойти въ область прошедшаго. По смыслу ихъ, можно быть въ дѣйствительности самымъ отъявленнымъ и неисправнымъ, вреднымъ бродягой въ общепринятомъ значеніи этого слова, шататься безо всякой цѣли и дѣла, чуждаться труда, жить самыми темными, подозрительными средствами, и имѣть при этомъ паспортъ—этотъ продуктъ отслужившей время свое системы контроля—и не быть бродягой по закону, быть свободнымъ ото всякой ответственности за свой образъ жизни, явно опаснымъ для общественнаго порядка. Можно, наоборотъ, вести жизнь самую осѣдающую, заниматься постояннымъ промысломъ, имѣть вѣрные, ясные и чистые источники пропитанія, быть семейнымъ и полезнымъ членомъ общества, и не имѣть паспорта или, по случайному стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ, не быть въ состояніи документально доказать свое *état civil* и сдѣлаться бродягой-арестантомъ и ссыльнымъ, очутиться въ страшномъ безправномъ положеніи тяжкаго и притомъ исключительнаго

уголовнаго преступника. Затѣмъ врядъ ли справедливо подводить подъ помятое бродяги-преступника безразлично какъ того кто умышленно скрываетъ отъ правосудія личность свою и такую боязнь свѣта прямо указываетъ на мракъ и преступныя тайны жизни своей, такъ и того кого сама жизнь отъ первыхъ шаговъ выбила изъ колеи, кто самъ не знаетъ кто онъ такой и добросовѣстно, правдиво называетъ себя не помнящимъ. Жалости, общественнаго призрѣнія, общественной и частной помощи заслуживаетъ такой несчастный, а не уголовнаго преслѣдованія и наказанія. Далѣе нельзя не указать на чрезвычайную и быть-можетъ излишнюю строгость сложнаго наказанія за бродяжество, совмѣщающаго въ себѣ и работы въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, и вѣчную ссылку въ Сибирь, и въ большинствѣ случаевъ тѣлесное наказаніе. Все это далеко оставляетъ за собою послѣдствія бродячества, *vagabondage*, по французскому праву, которое караетъ его лишь тюремнымъ заключеніемъ на 3—6 мѣсяцевъ и затѣмъ продолжительнымъ нахожденіемъ подъ высшимъ полицейскимъ надзоромъ. Строгость и тяжесть наказанія, какъ неопровержимо доказали статистика и практика, не достигли цѣли своей, и не имѣ, а причинамъ совершенно другаго характера предстоитъ повліять на уменьшеніе бродячества. Онѣ только дали Сибири нѣсколько лишнихъ тысячъ въ годъ людей готовыхъ на все,—людей объявившихъ правильному гражданскому быту войну на жизнь и смерть. Бродягъ умышленныхъ, завѣдомыхъ они не устрашили и не удержали отъ бродячества, а напротивъ, мертвѣдо открывали имъ вѣрное законное убѣжище и доступъ къ безнаказанности своихъ другихъ тяжчайшихъ преступленій, меньшинство же бродягъ несчастныхъ кара закона поражаетъ слишкомъ жестоко и незаслуженно. Наконецъ, тѣлесное наказаніе, назначаемое бродягамъ за ложное о себѣ показаніе, представляетъ единственнымъ сохранившимся въ нашемъ общемъ уголовномъ законѣ случай примѣненія этой кары минаваго, и является послѣднимъ обрывкомъ пережитыхъ уже нами старыхъ дореформенныхъ временъ. Кромѣ того, она противорѣчитъ и тому основному началу новаго судопроизводства по которому ложь никогда не ставится въ вину подсудимому.

Таково бродяжество по закону. Посмотримъ, каково оно въ дѣйствительности, что скрывается подъ тѣми

тайственнымъ покровомъ который законъ и судъ опускаютъ надъ бродягою.

Многимъ изъ того что уже было сказано намѣчается первое основаніе для классификаціи бродягъ. Всю массу бродягъ, не помнящихъ, безпрозванныхъ, незаконнорожденныхъ, и такъ далѣе, проходящихъ предъ уголовнымъ судомъ можно раздѣлить на двѣ группы, не равныя по объему и содержанію. Въ одну, большую, войдетъ множество *бродягъ умилеленныхъ*, притворныхъ, старательно скрывающихъ отъ правосудія свою дѣйствительную личность подъ маскою „не помнящаго родства,“ а другую, меньшую, составитъ сравнительно незначительное количество *бродягъ дѣйствительныхъ*, не знающихъ или не помнящихъ своего имени и происхожденія или же и то, и другое знающихъ, но доказать и возстановить не могущихъ. Остановимся на минутку на этой послѣдней группѣ. Какъ бы ни показалось это страннымъ и невѣроятнымъ, практика заставляетъ убѣдиться что бываютъ, хотя ихъ и не много, такіе жалкіе, безпомощные люди, затеравшіеся въ круговоротѣ жизни. Они бродяги въ полномъ и уголовномъ, и житейскомъ смыслѣ этого понятія. Законъ караетъ и ссылаетъ ихъ, но не они, а безпощадная судьба ихъ виновата предъ нимъ. Сами же они въ большинствѣ случаевъ не желали бы ничего, кромѣ угла, покоя и куска хлѣба. Если же судъ находитъ ихъ стоящими на дурномъ пути, на пути другихъ, кромѣ бродячества, преступныхъ дѣяній, то они въ правѣ сказать что не этотъ дурной путь, не преступленія отдали ихъ бродягами, а что, наоборотъ, такъ-сказать природное или по меньшей мѣрѣ давнишнее бродячество толкнуло ихъ къ паденію. Нѣсколько иллюстрирующихъ примѣровъ пояснятъ кто это люди и какъ можетъ жизнь произвести такіа уродливыя, ненормальныя явленія. Нищія, Цыгане, прохожіе странники увели съ собою встрѣтившагося ребенка. Долго онъ ходилъ съ ними, потерявъ всякое воспоминаніе о своей родинѣ и родныхъ, отъ которыхъ его отдаляли огромныя пространства; имъ ему дали новое, паспортомъ же снабдить или къ селенію приписать не могли или не хотѣли его бродячіе покровители, и вотъ онъ выросъ и, разлученный съ ними смертью или обстоятельствами, остался одинъ бездомнымъ и безыменнымъ бродягою. Прошедшаго своего, настоящаго имени, званія, родныхъ—ничего онъ не знаетъ чѣмъ же и быть

ему какъ не бродягою? Первое столкновение со властью, съ официальными рамками общества,—и дорога въ Сибирь для него открыта. Въ эпоху крѣпостнаго права, помѣщичій крестьянинъ по примѣру многихъ тысячъ своихъ товарищей и предшественниковъ бѣжалъ въ вольныя степи Новороссійскаго края, это стародавнее убѣжище всякихъ бѣглецовъ и всякихъ „сходцевъ“. Бѣжалъ онъ съ семьей, съ дѣтьми, но конечно безъ паспорта; поселившись на новомъ мѣстѣ, онъ умеръ не успѣвъ или не сумѣвъ ни самъ прочно пристроиться, ни пристроить дѣтей. Оставленные на произволъ судьбы, они бредутъ по разнымъ мѣстамъ кормиться чѣмъ знаютъ и чѣмъ могутъ. Скоро попадаются они какъ безпаспортные и конечно не могутъ доказать своего часто даже имъ самимъ вовсе неизвѣтнаго званія. Имъ остается одна неизбѣжная участь бродягъ, хотя бы и не повинныхъ въ своемъ бродяжествѣ. Такой же судьбѣ подвергаются нерѣдко злополучныя дѣти всякихъ другихъ бѣглецовъ, покинутыя своими родителями. Знаменательно и выразительно называютъ себя нѣкоторые бродяги „незаконнорожденными“. Подкинутый младенецъ, незаконнорожденный, отданный въ частныя руки на воспитаніе и своими воспитателями брошенный или отъ нихъ отбившійся, литомедь воспитательнаго дома, не приписанный еще ни къ какому сословію, а номеръ и записъ котораго случайно затерялись, легко могутъ въ послѣдствіи сдѣлаться бродягами предъ закономъ. Все это примѣры невиннаго бродячества смолоду, но бываютъ и случаи бродячества такъ — сказать отъ старости. Вотъ одинъ не лишенный характеристики казусъ изъ недавней судебной практики. Лѣтъ 50 тому назадъ въ столичной Управѣ Благочинія служилъ скромный писецъ, мало-по-малу дослужившійся и до класснаго чина. Трудно сказать, какія исключительныя событія случились въ его тускломъ существованіи, но только прослуживъ лѣтъ двадцать, онъ вышелъ въ отставку, бросилъ свой насиженный канцелярскій стулъ, распрямилъ свою сгорбленную надъ бумагами спину, получилъ указъ объ отставкѣ и отправился бродить по святымъ мѣстамъ нашего необъятнаго отечества. Странническія скитанія столкнули его и съ расколомъ; онъ втянулся въ него и, какъ лосьменникъ, опытный человѣкъ, самъ пригодился подпольной работѣ раскола. Многие, долгіе годы переходилъ онъ изъ

деревни въ деревню, изъ монастыря въ монастырь, обошелъ раскольничьи скиты и молельни и раскольничьи поселки дальняго Сѣвера, Поволжья, всей Лѣсной полосы, побывалъ и въ Сибири, и среди своихъ странствованій, питаясь частію отъ гостепріимства и подавляя, частію отъ кое-какихъ случайныхъ занятій, потерялъ своей указъ объ отставкѣ. Давно привыкшій пробираться окольными путями и обходить большіе пути и полицію, онъ скоро забылъ о своей потерѣ и не позаботился о возобновленіи паспорта. Случайно забрелъ онъ въ Ирбитъ, Пермской губерніи и здѣсь на 70мъ году отъ рожденія былъ задержанъ какъ безпаспортный. Пришлось вспомнить и заявить свое совѣтъ было заглухшее званіе. Старый чиновникъ былъ отправленъ въ столицу для провѣрки его показанія. Здѣсь его ждало горестное извѣстіе. Оказалось совершенно невозможнымъ не только доказать и подтвердить, но даже хотя сколько-нибудь провѣрить его показаніе. Въ Управѣ Благочинія его никто не узналъ; за тридцать лѣтъ сослуживцы его частію лывымерли, частію разбредись, въ архивѣ документовъ писанныхъ его рукой не нашлось, да и какой почеркъ въ тридцать лѣтъ не сдѣлается неузнаваемымъ для сличенія. Оказалось что дѣйствительно въ 30хъ и 40хъ годахъ въ Управѣ Благочинія служилъ и потомъ былъ уволенъ такой чиновникъ какимъ называлъ себя безпаспортный старикъ, но установить тождество между ними не было возможности. Немногіе родные его давно умерли, знакомыхъ онъ и прежде почти не имѣлъ, и такимъ образомъ ему осталось одно смириться предъ названіемъ бродяги и безропотно принять приговоръ объ этомъ суда. А между тѣмъ одного взгляда на его типическую сѣдую фигуру, сохранившую еще характерныя черты приказнаго старыхъ временъ, нѣсколькихъ оригинальныхъ выраженій его канцелярскаго цвѣтистаго слога, было достаточно чтобы признать совершенное правдоподобіе за разказомъ его о себѣ, который дышалъ добродушною и правдивою простотою. Несмотря на свои преклонные годы старикъ былъ еще крѣпокъ и „къ слѣдованію въ Сибирь способенъ“. Такъ, время отъ времени, предъ органами полиціи и суда проходятъ эти несчастные люди, нерѣдко сами являющіеся ко власти съ разказомъ о своемъ положеніи и съ заявленіемъ что шататься они устали и что теперь пусть начальство само позаботится о нихъ какъ

знать и дѣлать съ ними что хочетъ. Отъ нихъ же можно слышать на вопросъ о вѣроисповѣданіи такой отвѣтъ, не лишенный трогательной наивности: „какой вѣры не знаю, а должно быть православною, потому крестъ у меня есть, да и сердце больно лежитъ къ церкви“. Вѣрить такимъ бродягамъ и сама власть, самъ судъ; но законъ о бродяжествѣ ставитъ безвыходную дилемму и по буквѣ его приходится карать за вишніе, формальные признаки преступленія, которое въ сущности есть скорѣе несчастіе.

Въ противоположность маленькой группѣ дѣйствительныхъ бродягъ представляющихъ исключеніе, бродяги притворные составляютъ, нужно сознаться, общее правило. Но и ихъ опытъ дозволяетъ раздѣлить на двѣ категоріи, неодинаковыхъ вреда и преступности—на бродягъ случайныхъ и бродягъ, если можно такъ выразиться, *коренныхъ*. Первое, это всѣ тѣ кого исключительныя, въ высшей степени неблагоприятно сложившіяся обстоятельства ихъ жизни заставляютъ навсегда или на время исчезнуть изъ общества безъ слѣда и по тѣмъ или другимъ причинамъ уклоняться отъ розысковъ и распоряженій властей. Въ объявленіи себя при задержаніи бродягою, не помнящимъ, они находятъ отличное средство къ достиженію цѣли, а о значеніи и послѣдствіяхъ этого объявленія, о свойствѣ бродяжескаго процесса они узнаютъ изъ разказовъ и преданій, свято сохраняющихся по острогамъ и по этапамъ, на большихъ дорогахъ, въ странническихъ толпахъ и нищенскихъ партіяхъ, въ ночлежныхъ домахъ большихъ городовъ, словомъ вездѣ, гдѣ стекается темный и съ обществомъ не ладащій людъ. Сюда относится множество самыхъ разнообразныхъ личностей и положеній, самыхъ разнообразныхъ житейскихъ невзгодъ. Это толпа необычайно пестрая и смѣшанная, достойная кисти художника. Здѣсь военный дезертиръ, бѣжавшій отъ тягостей прежней военной службы или отъ строгой дисциплины настоящей, ловкій и бывалый арестантъ, бѣжавшій изъ мѣста заключенія и удачно пробравшійся вдалѣ отъ него; раскольникъ-бѣгунъ, исповѣдникъ выросшей на русской почвѣ цѣлой религіи бродячества, признающей паспортъ за печать антихриста; прикащикъ или сынъ который промоталъ хозяйскія или отцовскія деньги и которому страшно и совѣстно вернуться домой; мелкій ворюшка, занимающійся кражами

какъ ремесломъ, много разъ судившійся и боящійся долгого сидѣнія и сидѣнія въ тюрьмѣ. Здѣсь далѣе бродяги изъ болѣе невнятныхъ побужденій—сынъ ушедшій изъ дому отъ жестокаго обращенія родителей или отъ мачихи, ученикъ бѣжавшій отъ лобоевъ и истязаній мастера-хозяина; рабочій или крестьянинъ съ заработка въ конецъ прогорѣвшій, пролившійся и стыдящійся показать глаза на родину, старый дворовый котораго воля выбила изъ колеи и котораго никакое общество не принимаетъ, потому что онъ ни кому и ни на что не годенъ; рабочій который потерялъ или проерочилъ свой паспортъ и которому общество за недоимки не хочетъ выдавать новаго, жена скрывающаяся отъ мужа и его преслѣдованій, Еврей улобно скрывающій причины своего бродяжества, много, много и другаго разнаго народа, котораго не перечтешь. Все это люди или знающіе за собою разные большіе и малые грѣхи и имѣющіе расчетъ даже подъ покровомъ бродяжества скрывать ихъ отъ правосудія, или же люди совсѣмъ заматавшіеся, сбившіеся съ пути и не знающіе куда преклонить свою голову, или же просто люди, очертя голову, по чьему-либо наущенію, бросающіеся въ бродяжество. Имъ все равно. Хоть въ Сибирь, только бы уйти изъ настоящаго своего положенія. А иногда и просто нужно или хочется быть переселеннымъ для провѣрки показанія изъ какой-нибудь дальней окраины куда-нибудь, хоть напримѣръ въ Москву (это любимый бродяжескій центръ). Бываетъ и такъ что человека толкаетъ въ бродяжество гнетущая, безвыходная нищета; бѣдняку надоѣдаетъ биться какъ рыба объ ледъ, не зная навѣрное не умретъ ли онъ завтра съ голоду или не замерзнетъ ли на улицѣ: вотъ онъ и ищетъ въ качествѣ бродяги тѣлаго угла въ тюрьмѣ и вѣрнаго куска арестантскаго хлѣба. Нужда страшная, заработокъ трудный, привычка къ труду и желаніе его небольшія, невѣжество и грубость—тоже не маловажныя и частыя условія случайнаго бродяжества. Бродяга-дезертиръ былъ особенно часто попадавшійся прежде видъ такого бродяжества. И теперь еще нерѣдко предъ судомъ появляется въ качествѣ „не помнящаго“ старикъ подсудимый съ явно военною выправкой, съ типическою солдатскою вышностью и типическою солдатскою рѣчью, съ употребленіемъ особыхъ извѣстныхъ фразъ при обращеніи къ судьямъ какъ къ начальству. Въ значительномъ количествѣ дѣлъ

случайные бродяги подвергаются бродяжескому процессу, но до Сибири дойти не успевают. Ихъ или узнаютъ и избиваютъ, или же сами они, одумавшись или по изменившимся обстоятельствамъ, обнаруживаютъ свое настоящее имя и происхождение. На тюремно-бродяжескомъ языкѣ (на „музыкѣ“) есть даже особое техническое выраженіе для обозначенія такого дѣйствія подсудимаго бродяги: это называется *открытъ*, *родъ жизни*.“ Случайные бродяги не открывшіе „рода жизни“ заслуживаютъ уголовного преслѣдованія и ответственности и если быть-можетъ не такой строгой какъ теперь, то во всякомъ случаѣ не могутъ оставаться безнаказанными.

Послѣдній классъ бродягъ, бродяги *коренные*, бродяги по преимуществу, представляютъ самый мрачный, темный фонъ бродячества. Къ нему навѣрное принадлежитъ большая половина бродягъ собственно русскихъ и почти всѣ бродяги сибирскіе. Это одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашего уголовного законодательства, тюремной части и разныхъ существующихъ карательныхъ порядковъ, это язва всей нашей уголовной сферы и грозный врагъ общественной безопасности. Коренные бродяги—это есмьяно-каторжные и есмьяно-поселенцы, осужденные за самыя тяжкія уголовныя преступленія и за тѣмъ бѣжавшіе изъ Сибири, съ мѣста есмьяки или работъ. Страшно и жутко звучитъ уже одно выраженіе: бѣглый каторжникъ или бѣглый есмьяный. Не помирившіеся со своею участію и ей не покорившіеся, не усмирившіеся и исправившіеся, а еще болѣе жестооченные есмьякой и Сибирью, есмьяные всѣхъ сословій и всѣхъ категорій толпами бѣгутъ изъ нея, добиваясь возврата въ Россію, на родину или хоть какой-нибудь, самой жалкой свободѣ. Трудно представить себѣ что-нибудь безотраднѣе и мрачнѣе тѣхъ красокъ которыми и официальныя и частныя данныя рисуютъ историческій ходъ и современное состояніе сибирской есмьяки. Съ самаго начала правильной ея организациі, съ тѣхъ поръ какъ въ половинѣ XVII столѣтія впервые „денежнаго дѣла воровъ и мастеровъ Великій Государь пожаловалъ казни имъ не чинить, а есмьятъ съ женами и дѣтми на вѣчное житіе и устроить на лашню“, есмьяка никогда не удовлетворяла ни колонизаціоннымъ, ни карательнымъ цѣлямъ и только глубоко извращала ихъ. По безчисленнымъ и разнообразнымъ причинамъ, о которыхъ

говорить здѣсь не мѣсто и на которыя въ послѣднее время было обращено особое вниманіе правительства, исторія сибирской ссылки вплоть до нашихъ дней была исторіею сплошнаго ряда неустройствъ и безпорядковъ, огромныхъ непроизводительныхъ затратъ и разочарованій, злоупотребленій и безсилія власти, менужной жестокости и волюющей слабости наказаній. Не лучше и настоящее ея положеніе: настоящей категоріи въ дѣйствительности въ Сибири почти нѣтъ, ссылка на поселеніе воѣхъ родовъ ссылаась въ одно ненормальное и безвыходное положеніе поселенца. Огромный классъ преступниковъ, числомъ до 200 тысячъ человѣкъ, ни чѣмъ съ Сибирью не связанный, заключенъ въ предѣлы ея и остается какъ для нея, такъ и для метрополіи вѣчнымъ и могучимъ источникомъ самыхъ растравляющихъ элементовъ и неисчислимымъ разсадникомъ всякаго зла. „Сибирская ссылка“, говоритъ профессоръ Фойницкій въ исторической запискѣ, составленной имъ подъ редакціей предсѣдателя Высочайше утвержденнаго комитета для окончательнаго обсужденія проекта о тюремномъ преобразованіи въ Имперіи „во воѣхъ ея видахъ находится въ положеніи весьма неудовлетворительномъ. Не достигая ни карательныхъ, ни фивансовыхъ, ни колонизаціонныхъ задачъ, она уничтожаетъ безплодно цѣлыя поколѣнія, создаетъ и поддерживаетъ бродяжество, ложась вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелымъ бременемъ на народномъ и государственномъ хозяйствѣ.“ Ссылка же стало-быть есть одна изъ главныхъ причинъ и условій бродячества. Бѣглые съ Ермакомъ во главѣ вѣкогда покорили Сибирь и поклонились ею царю Ивану Васильевичу; бѣглые же и понынѣ подъ именемъ бродягъ-варнаковъ, держатъ Сибирь въ страхъ и трепетъ, перенося и въ Россію свое бродяжество и свои преступленія. Побѣги составляютъ нормальное явленіе сибирской ссылки, усиливаясь къ лѣту, уменьшаясь къ зимѣ. Изъ каторжныхъ тюремъ и съ ссыльныхъ поселковъ не бѣгаетъ только тотъ кто не хочетъ. По приблизительному расчисленію, почти четвертая часть, около 25%, всего каторжнаго и ссыльнаго поселенія Сибири, находится въ бѣгахъ. Это цѣлое бродячее населеніе, бродяжество возведенное въ систему, въ своеобразно сложившійся бытъ. На виду у воѣхъ, воѣмъ привычные и извѣстные десятки тысячъ бродягъ-варнаковъ, рмекая какъ голодные волки, дошедшіе до крайней степени человѣческаго

уваженія, пробираются къ Уралу, къ Россіи по большимъ сибирскимъ дорогамъ, по непроходимымъ лѣснымъ тайгамъ и безплоднымъ, безконечнымъ стенамъ, по широкимъ судоходнымъ рѣкамъ. Голодъ, морозы, болѣзни, лишенія всякаго рода, преслѣдованія мѣстныхъ жителей, взаимная борьба за существованіе истребляютъ ихъ тысячами, но ничто не можетъ остановить ихъ неудержимаго потока, который изъ году въ годъ течетъ по необъятнымъ пространствамъ Сибири. Нужно ли говорить что такимъ людямъ съ ихъ жгучею жаждой преступной свободы ни предъ чѣмъ останавливаться не приходится, и что многочислѣйшія, разнообразнѣйшія преступления непрерывно отлущаютъ ихъ путь. Потерпѣвшіе отъ этихъ преступленій—мѣстное населеніе, которое поэтому и ведетъ съ бродягами постоянную, но почти безнадежную борьбу. Было время когда мѣстные жители и осѣдлые жители были проникнуты сочувствіемъ и жалостью къ бѣднымъ или „утеклецамъ“ по старому выраженію, когда они называли ихъ не иначе какъ „несчастными“ и на ночь у каждой избы на особой полочкѣ выставляли для нихъ съѣстные припасы. По единогласному свидѣтельству компетентныхъ людей это время прошло безвозвратно. Обыватели ожесточились: кражи, грабежи, поджоги, насилие, убійства возстановили ихъ противъ варяжковъ и теперь они видятъ въ бродягахъ своихъ злѣйшихъ враговъ, водятся еще съ ними изъ страха, по необходимости, но презираютъ, ненавидятъ ихъ и при случаѣ не щадятъ. Тѣмъ хуже стало положеніе сибирскаго бродячества, у котораго въ долгіе годы его существованія успѣли образоваться свои особенныя взгляды и понятія, свой *modus vivendi*, вѣчто въ родѣ своего обычнаго права и общиннаго устройства, свои преданія, герои, даже свои лѣсны, неизгладимо вослѣвующія печальную судьбу „бѣднаго, несчастнаго мальчишка (такъ любятъ звать себя бродяги) на чужой дальней сторонѣ“. Цѣль же у сибирскихъ бродягъ у всѣхъ одна—перехватиться въ Россію и здѣсь или даже въ самой Сибири явиться законнымъ бродягою, то-есть не помнящимъ родства, судиться за это и такимъ образомъ, постраниковать по городамъ и острогамъ, избавить себя отъ дальнѣйшаго отбыванія несравненно болѣе тяжкаго наказанія. Многимъ и слишкомъ многимъ это удается довольно легко, особенно теперь, послѣ отмены клеймъ и плетей, для обнаруженія

саѣдовъ которыхъ законъ и до сихъ поръ еще предписываетъ каждаго вновь пойманнаго бродягу подвергать медицинскому освидѣтельствуванію. Какому-нибудь такому уголовному преступнику, осужденному въ Петербургъ или Москвѣ, удастся бѣжать изъ Сибири, съ каторги; старательно избѣгая мѣстъ близкихъ къ мѣсту своей судимости, онъ прокрадывается на югъ, куда-нибудь въ Екатеринославскую, Херсонскую, Бессарабскую губерніи. Здѣсь его ловятъ какъ безпаспортнаго, онъ объявляетъ себя бродягою, не помнящимъ, судится за это и на кѣмъ не узнаваемый, никому неизвѣстный, подвергается ничтожному уже для него наказанію за бродяжество. Можно почти поручиться что ровно половина, если не больше нашихъ русскихъ бродягъ, такіе сами себя, по посредству закона, простившіе преступники, бѣгае изъ Сибири. Обманъ обнаруживается чрезвычайно рѣдко; мѣна, некупка и продажа именъ и званій, разныя ловкія, но ложныя указанія и хитрые осторожные извероты и увертки, огромность разстояній; безпорядки въ управленіи ссыльною частью въ Сибири,—все это такъ запутывается дѣломъ что самый искусный саѣдователь не найдетъ въ немъ руководящей нити. Вотъ въ немногихъ словахъ мрачная и скорбная эпопея сибирскаго бродячества. Понятно какими опасностями могутъ грозить такіе разрушительные его элементы, если они находятъ возможнымъ, а это доказываетъ статистика и рядъ уголовныхъ процессовъ, ютиться и прозябать вблизи отъ насъ, даже въ большихъ людскихъ центрахъ, среди всякихъ предосторожностей которыми обставлено мирное общество. Понятно также и то что для борьбы общества съ такими коренными бродягами всѣ наши предупредительные и карательные законы о бродяжествѣ представляютъ совершенно безсильное орудіе. Дѣйствіемъ этихъ законовъ ихъ не испугаешь и не истребишь, уже по одному тому что они сами всѣми силами желаютъ и домогаются ихъ примѣненія надъ собою и, втихомолку посмѣиваясь надъ правосудіемъ, благословляютъ эти законы за тотъ удобный и всегда готовый выходъ который въ понятіи о бродяжествѣ они устроили для всякаго энергичнаго и ловкаго сибирскаго бѣглеца. А такъ какъ сибирская ссылка, повидимому, несправедлива, то искоренить коренныхъ бродягъ есть только одно средство:

уничтожить или по крайней мѣрѣ радикально ограничить дѣйствительное ея примѣненіе.

Таковы русскіе бродаги какъ помятіе въ законѣ и какъ бытовое общественное явленіе. Обозрѣвая же его въ историческомъ ходѣ его развитія, со стороны причинъ которыя его создали и поддерживали въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій мы, признавая его явленіемъ въ всякомъ случаѣ печальнымъ и ненормальнымъ, будемъ въ правѣ придти вмѣстѣ съ тѣмъ и къ довольно утѣшительному выводу. Множество самыхъ разнообразныхъ историческихъ условій воспитали въ Русскомъ народѣ неудержимую страсть къ бездомному скитанію; какъ болѣзненное, хроническое проявленіе этой страсти выросло и окрѣпло русское бродяжество. Древніе новгородскіе *солданы*, *пришлые* люди, *гулящие* люди Московскаго государства, таившіе отовсюду къ его окраинамъ, *сходцы* и *утѣклы* всѣхъ возможныхъ родовъ, — все это прямые историческіе предки нашихъ бродягъ. Историки рисуютъ страшныя картины старой, расходящейся во всѣ стороны, бредущей врозь Руси. Осѣдлость представляеть только одну и далеко не первенствующую форму быта; рядомъ съ нею и часто побѣждая ее движутся безчисленные бродячіе элементы и осѣдаемые люди въ своихъ челобитныхъ властямъ не находятъ лучшаго аргумента въ подкрѣпленіе своихъ ходатайствъ какъ указаніе на то что имъ остается только одно — брести врозь, бродяжить. Безконечно длинною цѣлью тянутся чрезъ всю русскую исторію причины и условія бродячества: войны, усобицы, смуты, броженіе разной вольницы, скопленія ея и казачество какъ убѣжище гулящихъ людей, холопство, потомъ крѣпостное состояніе крестьянъ, крайнія тяжести прежней военной службы, жестокія тѣлесныя и членовредительныя наказанія всякаго рода, грозившія преступникамъ и заставлявшія ихъ искать спасенія въ бѣгствѣ и бродяжествѣ. Все это мало-по-малу, одно за другимъ прошло и кануло въ вѣчность: окрѣпла осѣдлость, распространилась гражданственность, водворился государственный и общественный порядокъ, пало крѣпостное право, исчезли тяжести военной службы, смягчились уголовныя наказанія. Россія настоящаго великаго царствованія есть Россія великихъ реформъ и великихъ задачъ, Россія прогресса и свѣта. Мало осталось въ ней мѣста и для

бродячества, этого обломка темнаго стараго времени. Есть еще условія которыя питають его, но ихъ немного и всѣ они могутъ быть сведены къ четыремъ главнымъ категоріямъ. Это сибирская ссылка, нѣкоторыя несовершенства дѣйствующихъ уголовныхъ законовъ, затѣмъ нищета и невѣжество народной массы. Первые двѣ доживаютъ свои послѣдніе дни, мы, повидимому, живемъ наканунѣ радикальной реформы нашего уголовного законодательства. Будемъ же надѣяться что мало-по-малу изгладятся или смягчатся и два послѣднія условія: нищета смѣнится благосостояніемъ, а невѣжество исчезнетъ предъ просвѣщеніемъ. Падая и разрушаясь, они унесутъ съ собою и русское бродячество.

Н. МУРАВЬЕВЪ.

УКРОЩЕНИЕ ТРЕХЪ СТРОПТИВЫХЪ

НОВѢЙШІЕ УСПѢХИ ФИЗИКИ.

Читатель, пробѣжавъ заглавіе нашей статьи, по вѣсѣмъ вѣроятностямъ вспомнитъ знаменитую комедію Шекспира, въ которой строптивая Катарина такъ удачно укрощается ушамъ и энергичнымъ Петручіо; иной, пожалуй, извѣстившись объ укрощеніи разомъ *трехъ* строптивыхъ, съ полнѣйшею раскроетъ статью, думая въ ней найти вѣрное средство для усмиренія и своей слутвицы жизни, также не отличающейся особенно кроткимъ и уступчивымъ характеромъ!...

Но не о строптивыхъ характерахъ мы поведемъ теперь рѣчь. Увы! неукротимымъ оказывается подъ часъ не одинъ духъ, но и матерія, и для усмиренія ея потребно еще болѣе терпѣнія, умѣнія, труда и знанія чѣмъ для усмиренія неподатливаго человѣческаго характера.

Послѣдніе дни истекшаго и первые дни нынѣшняго года ознаменованы чрезвычайнымъ событіемъ въ области естествознанія, событіемъ громадвой важности какъ само по себѣ, такъ и по своимъ послѣдствіямъ для науки. Три газа: кислородъ, азотъ и водородъ, въ теченіе болѣе полулѣта считавшіеся газами *постоянными*, то-есть не позволяющими обращать себя въ капельно-жидкое состояніе никакими усиліями, ни посредствомъ сжатія, ни охлажденіемъ,

т. е. *сжили*.

три газа, до сего времени носившіе гордое названіе *несжимаемыхъ* (gaz incoercibles), недавно поддались наконецъ усиліямъ человѣка и превращены не только въ жидкое, но даже и въ твердое состояніе! Успѣхъ громадный, достигну-
 тый одновременно и совершенно независимо другъ отъ друга двумя учеными Калльете (Cailletet) въ Парижѣ и Пикте (Raoul Pictet) въ Женевѣ. На глазахъ Парижской Академіи Наукъ, въ недавнее время повесшей столько почти непрерывно слѣдовавшихъ одна за другою утратъ, въ лицѣ ея первоклассныхъ дѣятелей: Броньяра, Леверрье, Беккереля (старшаго), Ренью и Клодъ-Бернара, совершилось это торжество науки, коего тщетно домогались даже такіе экспериментаторы какъ Фарадей и Деви. Полвѣка длилась борьба человеческой изобрѣтательности съ упорствомъ стихіи; задача о превращеніи газовъ въ жидкое и, буде возможно, въ твердое состояніе, по громадной своей важности, равно занимала и физиковъ, и химиковъ; много трудовъ, сопряженныхъ верѣдко съ опасностію, потрачено было на рѣшеніе этой задачи; пришлось даже оплакивать потерю человеческой жизни!... Правда что не мало было и успѣховъ: газы мало-по-малу, одинъ за другимъ поддались усиліямъ науки, но три изъ нихъ, азотъ, кислородъ и водородъ—газы наиболѣе распространенные въ природѣ и потому особенно для насъ важные—представляли, повидимому, непреодолимое прелѣтствіе къ обращенію ихъ въ жидкость, въ особенности же водородъ, который производимому на него давленію представляетъ гораздо большее сопротивленіе чѣмъ даже кислородъ, азотъ и смѣсь ихъ—атмосферный воздухъ. Изъ года въ годъ съ каедръ физики и химіи, при изложеніи ученія о газахъ, говорилось что три эти газа постоянны, но что, быть-можетъ, они лишь кажутся намъ таковыми потому что еще не найдено средства и ихъ превратить въ жидкое состояніе.

Возможность эта въ настоящее время найдена: съ 1го января 1878 года нѣтъ болѣе постоянныхъ, *несжимаемыхъ* газовъ, и этимъ торжествомъ науки можетъ справедливо гордиться наше поколѣніе.

Но что же тутъ особенно важнаго, спросить иной читатель. Какая отъ этого польза и къ чему понадобилось столько трудовъ и усилій?

Объ этомъ и желаемъ мы поговорить въ настоящей статьѣ; мы желаемъ объяснить всю важность событія и разказать какъ оно послѣдовательно подготовлялось. Тогда, надѣемся, читатели сами усмотрятъ причину почему недавно совершившійся фактъ произвелъ такое впечатлѣніе на естествоиспытателей и извинять намъ нашу восторженность.

I.

Господствующая нынѣ въ физикѣ молекулярная теорія допускаетъ что всѣ тѣла состоятъ изъ совокупности безконечно малыхъ частицъ, молекулъ, одаренныхъ взаимнымъ притяженіемъ, вслѣдствіе котораго всѣ молекулы должны бы постоянно прилегать одна къ другой и тѣмъ представлять собою сплошное вещество. Но совершенному сближенію между собою частицъ препятствуетъ другая сила, отталкивающая ихъ другъ отъ друга. Сила эта—теплота, которая по современному ученію физики есть не что иное какъ движеніе (поступательное и вмѣстѣ съ тѣмъ вращательное), сообщенное частицами нагреваемого тѣла. При увеличеніи температуры, (т.-е. скорости сообщаемой молекуламъ), частицы тѣла удаляются другъ отъ друга, тѣла расширяются. При дальнѣйшемъ нагреваніи, напримѣръ твердаго тѣла, мы дойдемъ до того что частицы будутъ на такомъ разстояніи между собою что ихъ взаимное притяженіе, дѣйствующее лишь на безконечно-малыхъ разстояніяхъ, почти уничтожится; тогда частицы, не связанные болѣе другъ съ другомъ, начнутъ свободно и легко перемѣщаться—получится жидкое тѣло. Если станемъ нагревать эту жидкость, то разстояніе между частицами еще болѣе увеличится; онѣ удалятся другъ отъ друга на значительное разстояніе и обратятся въ массу лыжинокъ отдѣльно несущихся и непрерывно сталкивающихся, ударяющихся и вновь отлетающихъ; жидкость мало-по-малу перейдетъ въ паръ—въ газообразное состояніе. Обратно, если станемъ газъ охлаждать, частицы его сблизятся все болѣе и болѣе; вслѣдствіе сближенія увеличивается взаимное ихъ притяженіе и подъ конецъ газъ долженъ перейти въ капельно-жидкое состояніе. При дальнѣйшемъ охлажденіи жидкости, частицы еще болѣе сблизятся и подъ конецъ получится:

твердое тѣло. Сказанныя превращенія всего легче наблюдать надъ водой: всякому извѣстно что при нагреваніи эта жидкость обращается въ газообразное состояніе и обратно, водяные пары при охлажденіи снова переходятъ въ жидкое состояніе, а въ свою очередь вода при дальнѣйшемъ охлажденіи замерзаетъ, образуя твердое тѣло.

Итакъ, если дѣйствительно справедлива молекулярная теорія (а это, замѣтимъ, основное положеніе физики); если справедливо также современное ученіе о теплотѣ какъ молекулярномъ движеніи, то мы должны ожидать что выше-сказанныя превращенія можно будетъ повторять надъ всѣми тѣлами твердыми, жидкими и газообразными. Обратно, если будетъ доказано что всѣ тѣла твердыя могутъ быть превращены въ жидкое и газообразное состояніе, а газы въ жидкое и твердое состояніе, то это будетъ служить однимъ изъ важныхъ доказательствъ справедливости и законности одного изъ главнѣйшихъ физическихъ ученій. Послѣ этого понятнымъ становится что такъ долго и настойчиво преслѣдуемая задача о превращеніи газовъ въ жидкое и твердое состояніе не есть дѣло одного простаго любопытства.

Благодаря усовершенствованію нашихъ лавильныхъ печей, благодаря пламени гремучаго газа и электричеству, посредствомъ которыхъ мы можемъ достигнуть весьма высокой степени жара, теперь найденъ способъ превращенія въ жидкое состояніе массы самихъ огнеупорныхъ даже веществъ, какова, напримѣръ, платина. Металлъ этотъ впервые удалось расплавить знаменитому французскому химику Сень-Клеръ Девиллю, посредствомъ пламени гремучаго газа, а весьма недавно американскому физику Райту (Wright) даже удалось превратить платину въ газообразное состояніе посредствомъ электрической искры въ безвоздушномъ пространствѣ; превратившуюся въ газообразное состояніе платину онъ заставляетъ опять осаждаться, и получается зеркальная поверхность, отлично пригодная для зеркала астрономическаго телескопа. Это своего рода гальванопластика, сухимъ путемъ. Мышьакъ также долгое время не могъ быть приведенъ въ жидкое состояніе по той причинѣ что точка его плавленія совпадаетъ съ точкою кипѣнія; но въ настоящее время найденъ легкій способъ плавленія мышьяка: въ трубкѣ, закрытой со всѣхъ сторонъ, пары мышьяка собственнымъ

своимъ давленіемъ обращаются въ жидкость. Химически-сложныя твердыя тѣла плавятся съ трудомъ потому что разлагаются на составныя свои части; такъ, между прочимъ, углекислая известь (мѣлъ) подѣ влияніемъ тепла разлагается на составныя части: въкую известь и угольную кислоту которая улетучивается; но если мѣлъ накаливаетъ въ закрытомъ съ обѣихъ сторонъ ружейномъ стволѣ, то онъ плавится и при остываніи своемъ образуетъ мраморъ, ничѣмъ не отличающійся отъ естественнаго, а отсюда мы заключаемъ что и послѣдній вѣроятно образовался изъ углекислой извести, подверженной весьма сильному давленію и дѣйствию подземнаго огня. Твердыя тѣла органическія расплавить нельзя потому что дѣйствіемъ жара они распадаются на свои составныя части. Такъ, при нагрѣваніи дерева въ закрытомъ сосудѣ оно разлагается: водородъ и часть углерода образуютъ водоуглеродный или свѣтильный газъ; остальная часть остается въ видѣ твердаго угля. Превращеніе угля въ жидкое состояніе представляетъ особенный интересъ, а потому и не мало занимало ученыхъ. Еслибъ удалось уголь расплавить или растворить и опять кристаллизовать, то получился бы алмазъ, такъ какъ послѣдній есть не что иное какъ уголь и отличается отъ обыкновеннаго угля своею кристаллизацией, вслѣдствіе чего приобретаетъ и твердость свою, и прозрачность. Изъ всѣхъ людей земнаго шара, наиболѣе богато одѣтъ трубочистъ: весь онъ отъ головы до ногъ покрытъ алмазами! Это совершенная правда; но бѣда въ томъ что алмазы эти не кристаллизованы! До сихъ поръ не найдено жидкости которая могла бы растворить уголь; расплавить его также нельзя—онъ обращается въ угольную кислоту, въ газъ. Но и превратить уголь въ алмазъ также удалось. Если чрезъ угольный порошокъ пропустить въ теченіе 8 дней искру гальваническую (отъ аппарата Румкорфа), то маленькія крупинки угля отъ дѣйствія электрической искры плавятся, кристаллизуются, другими словами—превращаются въ алмазы, приобретаютъ его превращеніе и твердость и даже могутъ, въ свою очередь, шлифовать алмазъ. Къ сожалѣнію, подобное превращеніе удается (покажется такъ) въ весьма маломъ видѣ и, конечно, получаемые микроскопическіе алмазы, хотя драгоцѣнны для ученаго, но въ глазахъ ювелира имѣютъ весьма малую цѣну. Обратно: алмазъ, старый,

образуетъ, подобно углю, угольную кислоту; подъ колоколомъ наполненнымъ кислородомъ, алмазъ горитъ яркимъ свѣтомъ; на воздухѣ же, менѣе обливаемый кислородомъ, онъ сгораетъ медленно. Пишущій эти строки въ сентябрѣ 1856 года, въ Москвѣ, участвовалъ въ опытѣ сожиганія алмаза посредствомъ искры громадной гальванической батареи изъ 600 элементовъ Буззена: довольно крупный алмазъ подъ влияніемъ этой искры на воздухѣ расплавился по краямъ и потерялъ прозрачность; за тѣмъ частію почернѣлъ, представляя въ этихъ мѣстахъ видъ блестящаго кокса.

Для превращенія жидкости въ твердое состояніе мы должны дѣйствовать или охлажденіемъ, или же механическимъ давленіемъ, съ цѣлью по возможности сблизить между собою частицы жидкости. Но до сихъ поръ такое превращеніе посредствомъ давленія остается безуспѣшнымъ какъ потому что жидкости сжимаются чрезвычайно мало, такъ что для уменьшенія ихъ объема на замѣтную величину потребно такое громадное давленіе какого мы произвести не въ состояніи, такъ и по той причинѣ что температуры, при которыхъ производились давленія по вѣснѣмъ вѣроятностямъ далеко были отъ той температуры при которыхъ имѣетъ мѣсто переходъ жидкости въ твердое состояніе. Благодаря сильно охлаждающимъ средствамъ коими мы обладаемъ въ настоящее время и о которыхъ скажемъ ниже, былъ превращенъ въ твердое состояніе даже алкоголь. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ физикомъ Мельсеноу и Горвату удалось заморозить водку 50% крѣпости. Полученный при холодѣ -40° и даже -50° твердый спиртъ оказался довольно пріятнымъ на вкусъ, между тѣмъ какъ обыкновенный ледъ при такой температурѣ производитъ на языкѣ пузыри. Водка означенной крѣпости, охлажденная до -70° , во рту производитъ дѣйствіе горячаго супа; при -30° она имѣетъ видъ густой жидкости на подобіе сиропу и довольно вкуса; но пить ее сѣдуетъ въ деревянной рюмкѣ, такъ какъ стеклянная посуда едва ли выдержитъ такую низкую температуру, а къ металлической посудѣ губы примерзаютъ и чувствуется какъ бы сильный обжогъ.

Весьма замѣчательно что еще въ концѣ прошлаго столѣтія, именно въ 1787 году, въ то время, когда ученый міръ только что познакомился съ газами, входящими въ составъ атмосфернаго воздуха, знаменитый основатель

современной химіи, Лавуазье, основываясь единственно на свойствахъ всѣхъ тѣлъ отъ теплоты расширяться и сокращаться въ объемѣ отъ дѣйствія холода, предвидѣлъ что вслѣдствіе послѣдняго и газы противустоятъ не могутъ и должны наконецъ превратиться въ жидкое и даже твердое состояніе. Вотъ какъ выражается Лавуазье: „Разсмотримъ что произойдетъ съ веществами составляющими земной шаръ, если внезапно измѣнить ихъ температуру. Допустимъ напримѣръ что земля вдругъ перенесена въ гораздо болѣе теплую область солнечной системы, хоть бы напримѣръ въ область, гдѣ обыкновенная температура гораздо выше температуры точки кипѣнія. Въ такомъ случаѣ вода, всѣ жидкости способныя испаряться при температурѣ, близкой къ точкѣ кипѣнія и даже нѣкоторые металлическія вещества испарились бы и, превратившись въ газообразное состояніе, вошли бы въ составъ атмосферъ. Обратнo, если вообразимъ себѣ что земля очутилась въ области весьма холодной, напримѣръ въ области Сатурна и Юпитера, то въ такомъ случаѣ вода образующая теперь наши моря и рѣки и вѣроятно также и большая часть извѣстныхъ намъ жидкостей образовали бы собою твердыя горы. При этомъ предположеніи, воздухъ или по крайней мѣрѣ часть образующихъ его газовъ, по недостатку теплоты, безъ сомнѣнія, перестали бы быть въ образѣ невидимыхъ жидкостей и превратились бы въ жидкое состояніе, а вслѣдствіе этого явились бы жидкости о коихъ въ настоящее время мы и понятия не имѣемъ.“

Это гениальное предвидѣніе великаго мыслителя предполагаетъ столь низкую температуру какой мы, по нынѣшнимъ нашимъ средствамъ, произвести не въ состояніи; но за то мы имѣемъ возможность оказывать на газъ находящійся въ сосудѣ давленіе, которое можетъ быть доведено даже до тысячи атмосферъ (болѣе 400 пудовъ на каждый квадратный дюймъ поверхности сосуда). Есть потому полное основаніе ждать что при усиленномъ давленіи, а также при помощи весьма сильнаго охлажденія, какое можно произвести искусственно (100° и болѣе ниже нуля), частицы газа взаимно облизнутся и наодъ конецъ газы превратятся въ жидкое и даже твердое состояніе.

Посмотримъ же какъ обманлась мало-по-малу мысль Лавуазье касательно газовъ.

II.

Изъ всѣхъ газовъ амміакъ первый обращенъ былъ въ жидкое состояніе фонъ-Марумомъ, который, опрокинувъ трубку наполненную этимъ газомъ, открытымъ концомъ во ртуть и сгущая воздухъ надъ ртутью, замѣтилъ что послѣдняя поднимается въ трубку и скоро почти всю ее наполнила, обративъ своимъ давленіемъ амміакъ въ жидкое состояніе. Въ 1800 году (шесть лѣтъ послѣ гибели Лавуазье, кончившаго, какъ извѣстно, жизнь на эшафотѣ) удалось Монжу и Клауэ (Clouet) обратить въ жидкое состояніе и сѣрнистую кислоту охладивъ ее до -17° Ц. Что касается азотноватой кислоты (*acide hypoazotique*), то это вещество находится какъ бы на предѣлѣ между жидкими и газообразными тѣлами при обыкновенной температурѣ, такъ какъ газъ этотъ переходитъ въ жидкое состояніе уже при $+22^{\circ}$ Ц. Въ 1805 году Нортмору (Northmore) удалось превратить хлоръ въ жидкость зеленовато-желтаго цвѣта; это былъ первый примѣръ превращенія химически *простого* газа въ жидкое состояніе.

Съ 1823 года начинаются работы Деви и Фарадея надъ превращеніемъ газовъ въ жидкое состояніе. Для этой цѣли Фарадей употребилъ столь же остроумный околько и простой способъ. Вообразимъ себѣ согнутую стеклянную трубку.

Если въ закрытомъ концѣ ея положить вещество, изъ коего посредствомъ нагреванія можетъ выдѣляться газъ, а другой конецъ залаать и погрузить въ охлаждающую смѣсь (напримѣръ, смѣсь изъ соли, снѣга и масла-тыра), то при нагреваніи того конца гдѣ находится вещество, газъ начинаетъ освобождаться и переходить въ другое колено. Такъ какъ это колено залаяно, то газъ скопится здѣсь все болѣе и болѣе, и своею упругостию самъ себя сдавливаетъ. Подъ вліяніемъ этого давленія,

а также дѣйствіемъ охлажденія, частицы газа сближаются все болѣе и болѣе, пока наконецъ газъ не превратится въ жидкое состояніе. Подобнымъ способомъ Фарадей обратилъ въ жидкое состояніе амміакъ, хлоръ и много другихъ газовъ.

Но этотъ способъ представляетъ ту невыгоду что жидкій газъ получается лишь въ незначительномъ количествѣ, и кромѣ того жидкость эта не можетъ-быть превращена въ твердое состояніе. Лучшій способъ придуманъ былъ въ 1835 году Тилорье (Thilorier), благодаря 200.000 франкамъ пожертвованнымъ для этой цѣли извѣстнымъ покровителемъ наукъ и искусствъ герцогомъ де-Люппомъ (duc de Luynes). Опыты Тилорье, произведенные имъ съ цѣлью превращенія угольной кислоты въ жидкое и твердое состояніе, заслужили особенную извѣстность, а потому мы постараемся дать понятіе объ употребленномъ имъ снарядѣ.

Вообразимъ себѣ чугунный цилиндрическій сосудъ съ весьма толстыми стѣнками. Въ верхней части есть отверстіе, плотно закрываемое краномъ. Кранъ этотъ прикрѣпленъ къ мѣдной трубкѣ, сообщающейся съ другимъ горизонтальнымъ металлическимъ сосудомъ, также имѣющимъ весьма толстыя стѣнки, и вообще способнымъ выдерживать весьма сильное давленіе. Первый, вертикальный, цилиндръ вращается на горизонтальной оси, утвержденной въ двухъ стойкахъ, а потому можетъ быть легко опрокинуть верхнею частию внизъ и снова привести въ первоначальное положеніе. Въ этотъ цилиндръ чрезъ верхнее отверстіе кладется извѣстное количество двууглекислой соды и ставится маленькая трубка наполненная сѣрною кислотой. Если закроемъ кранъ, и цилиндръ опрокинемъ верхъ дномъ, то сѣрная кислота выльется изъ трубки и, попавъ на соду, освободитъ изъ нея угольную кислоту, которая, если откроемъ кранъ, чрезъ мѣдную трубку перейдетъ въ горизонтальный металлическій сосудъ. Тутъ очевидно тотъ же самый процессъ какой происходитъ при обыкновенныхъ содовыхъ порошкахъ или въ снарядѣ въ которомъ добывается искусственная сельтерская вода и который вѣроятно хорошо знакомъ нашимъ читателямъ: та же двууглекислая сода, только вмѣсто вредной сѣрной кислоты обыкновенно употребляется кислота виннокислая. Вообразимъ себѣ что процессъ этотъ повторенъ нами нѣсколько разъ сразу (конечно закрывавъ каждый разъ плотно краномъ мѣдную трубку

чтобъ углекислый газъ, перешедшій во второй, горизонтальный сосудъ, не могъ вернуться назадъ. Тогда очевидно въ горизонтальномъ сосудѣ (температура коего гораздо ниже вертикальнаго) количество газа увеличится все болѣе и болѣе, и сообразно этому увеличится и его давленіе. Однимъ словомъ, тутъ произойдетъ то же самое явленіе что и при вышеописанномъ опытѣ Фарадея, съ тою разницей что газъ собирается въ отдѣльномъ сосудѣ, а потому и количество его гораздо больше. Если температура этого сосуда— 15° Ц., то, когда давленіе углекислаго газа достигаетъ 50 атмосферъ, газъ переходитъ въ жидкое состояніе. Во время опыта, произведеннаго Тилорье въ *École de pharmacie* (въ Парижѣ, въ декабрѣ 1840 года), сосудъ оказался недостаточно крѣпкимъ, и произошелъ взрывъ, вслѣдствіе котораго былъ убитъ ассистентъ Тилорье—Герви (Hervy). Этотъ несчастный случай заставилъ быть болѣе осторожнымъ, а потому сосудъ въ которомъ огущается угольная кислота начали дѣлать свинцовый, вкладываемый въ другой, мѣдный сосудъ, который въ свою очередь снаружи скрѣпленъ желѣзными обручами. Въ такомъ видѣ аппаратъ Тилорье представляетъ достаточную прочность, а потому совершенно безопасенъ. Въ послѣдствіи снарядъ этотъ былъ усовершенствованъ Наттереромъ, и Біанки тѣмъ что газъ не просто переходитъ во второй сосудъ, но накачивается туда посредствомъ сильнаго нагнетательнаго насоса. Вслѣдствіе этого давленіе можно доводить до 600, даже 700 атмосферъ, а потому снарядъ съ успѣхомъ употребляется для приведенія въ жидкое состояніе не только угольной кислоты, но и другихъ газовъ.

Жидкая угольная кислота безцвѣтна и безъ запаха и, по изслѣдованіямъ Тилорье, представляетъ ту особенность что при нагреваніи расширяется *болѣе чѣмъ газы*,—свойство изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ жидкостей одной ей только принадлежащее. Если сосудъ въ которомъ находится жидкая угольная кислота откроемъ, и струя оной перейдетъ въ другой сосудъ, то вслѣдствіе происшедшаго при этомъ испаренія и, слѣдовательно, заимствованія нужной для этого теплоты у частицъ оставшейся жидкости, температура послѣдней понизится до— 80° и даже— 90° и жидкость замерзнетъ въ видѣ снѣга. Въ такомъ видѣ, благодаря дурной своей теплопроводности, она испаряется довольно медленно;

такъ что Тилорье удалось изъ подобнаго куска отвердѣвшей угольной кислоты вычеканить монету. Если кусокъ этой массы положить на открытую руку, то онъ остается на ней, не таетъ и особеннаго холода не производитъ; если же концомъ пальца ставемъ кусокъ надавливать, то ощущается жгучая боль и на рукѣ образуются пузыри, точно отъ обжога.

Холодъ можно еще усилить, смѣшивая твердую угольную кислоту съ эфиромъ, жидкостію, какъ извѣстно, весьма трудно замерзающею и быстро испаряющеюся. Если смѣсь эту положить подъ колоколъ воздушнаго насоса и посредствомъ разрѣженія воздуха еще болѣе ускорить испареніе эфира (какъ это дѣлалъ Фарадей), то получается холодъ— 110°Ц. , и этимъ способомъ съ успѣхомъ пользуются для охлажденія другихъ газовъ, съ цѣлью приведенія ихъ въ жидкое и твердое состояніе. Сказанный опытъ Фарадей применилъ къ сѣдующему любопытному явленію: если въ накаленный до красна платиновый тигель положить смѣсь твердой угольной кислоты и эфира и быстро туда же влить одинъ или два лота ртути, то, несмотря на воспламененіе эфира и на подвимающееся изъ тигля высокое пламя, ртуть тѣмъ же менѣе въ тиглѣ замерзаетъ мгновенно, и если быстро вынуть ее оттуда, то вмѣсто ртути получается твердое, блестящее тѣло, которое можно бы пожалуй ковать, еслибы оно могло оставаться твердымъ долгое время.

Въ недавнее время американскіе техники Бэрберъ и Гилъ предложили употреблять жидкую угольную кислоту для тушенія пожаровъ на корабляхъ. Благодаря тому что теперь жидкую угольную кислоту можно приготовить въ довольно значительномъ количествѣ и съ малыми издержками, легко было бы каждому кораблю запасти въ нѣсколькихъ стальныхъ бутылкахъ съ жидкою угольною кислотой. Последняя, будучи впрыскиваемая въ ту камеру гдѣ начался пожаръ, не только при испареніи своемъ производитъ сильное охлажденіе, но и наполняетъ камеру углекислымъ газомъ, мгновенно прекращающимъ горѣніе.

Не менѣе любопытными свойствами обладаетъ и закись азота (*protoxyde d'azote*), приведенная въ жидкое состояніе. Подъ колоколомъ воздушнаго насоса, часть этой жидкости испаряется, осталшая же часть превращается въ твердое

состояніе, причемъ температура понижается до—88° Ц. и ниже. Металлы при погруженіи въ закись азота производятъ такое же шипѣніе какъ раскаленное желѣзо погруженное въ воду. Жидкая или твердая закись азота производитъ на кожу дѣйствіе подобное весьма сильному обжогу. Жидкая закись холодѣе даже твердой угольной кислоты смѣшанной съ эфиромъ: если трубку наполненную жидкою закисью азота олустить въ послѣднюю смѣсь, то закись испытываетъ какъ бы *нагрѣваніе* и начинаетъ кипѣть. Ртуть, налитая въ трубку содержащую жидкую закись азота замерзаетъ, уголь же въ прикосновеніи съ нею возгорается и горитъ весьма яркимъ пламенемъ, такъ что въ одной и той же пробирной трубкѣ, близъ самой поверхности жидкости, получается бѣлокапильный жаръ, а внутри—температура способная мгновенно заморозить ртуть. При смѣшеніи жидкой закиси азота со смѣсью твердой угольной кислоты съ эфиромъ получается столь низкая температура что алкоголь принимаетъ видъ тѣстообразной массы.

Пользуясь возможностью произвести весьма сильное охлажденіе, а также и громадное давленіе на испытуемые газы, Фарадей въ 1845 году снова приступилъ къ опытамъ касательно превращенія ихъ въ жидкое и твердое состояніе. Ему дѣйствительно удалось почти всѣ газы превратить въ жидкое состояніе, за исключеніемъ шести: кислорода, азота, водорода, окиси углерода, окиси азота и болотнаго газа. Что же касается приведенія въ твердое состояніе, то Фарадею этого не удалось относительно слѣдующихъ кислотъ: кремне-фтористой, фосфористо-водородной, борно-фтористой, хлористо-водородной, мышьяковисто-водородной и относительно маслороднаго газа. За исключеніемъ хлора, превращающагося въ жидкость желтовато-зеленаго цвѣта, всѣ остальные газы обращаются въ жидкости безцвѣтными, очень текучія, нерастворимыя въ водѣ, но хорошо растворимыя въ алкогольѣ и эфирѣ.

Но чѣмъ успѣшнѣе шли усилія ученыхъ касательно превращенія газовъ въ жидкое и твердое состояніе, тѣмъ большій интересъ должны были представлять вышеозначенныя шесть газовъ, такъ-называемые газы *постоянные, неусжи-малыя*. Казалось что если мы и не въ состояніи произвести холодъ (по опытамъ Фарадея) ниже—110° Ц., то отъ насъ зависитъ произвольно усилить давленіе болѣе чѣмъ до 1000

атмосферъ, благодаря снаряду Наттерера и Біанки. Нельзя ли достигъ сгущенія этимъ путемъ? Такою мыслью въ недавнее время руководствовался знаменитый химикъ Бертело (Berthelot), но и его усилія оставались безуспѣшными! Какая же этому причина?

Еще въ 1822 году Каньяръ-де-Латуръ показалъ что для всякой жидкости есть извѣстная температура, при которой она вся обращается въ паръ, какое бы ни было давленіе подъ которымъ находится она въ закрытомъ сосудѣ. Хотя, какъ извѣстно, съ увеличеніемъ давленія на жидкость, точка ея кипѣнія возвышается и, наоборотъ, паръ, насыщающій данное пространство при данной температурѣ, переходитъ, при уменьшеніи температуры или при увеличеніи давленія, опять частію въ жидкое состояніе, тѣмъ не менѣе Андрюсъ (Andrews) доказалъ что для каждаго тѣла есть опредѣленная температура, выше которой оно всегда находится въ газообразномъ состояніи, какое бы давленіе мы на него ни производили. Эту точку Андрюсъ обозначаетъ именемъ *критическаго момента*. Для воды температура эта $=400^{\circ}$ Ц., для спирта $=207^{\circ}$, для эфира $=187^{\circ}$. Если такъ, то очевиднымъ становится что каждый газъ можетъ перейти въ жидкое состояніе тогда лишь когда температура его ниже критической точки. Но такъ какъ шесть *постоянныхъ* газовъ (водородъ, азотъ, кислородъ, окись углерода, окись азота и газъ болотный) сопротивляются всѣмъ усиліямъ превратить ихъ въ жидкое состояніе, то надлежитъ заключить что критическая точка ихъ должна быть *крайне низка*, гораздо ниже того холода который до сихъ поръ намъ удавалось произвести.

Итакъ, задача о превращеніи газовъ въ жидкое состояніе обращается въ слѣдующую: найти возможность произвести сильный холодъ много ниже -110° . Объ увеличеніи давленія нечего много заботиться: мы достаточно имѣемъ для этого средствъ, да и, кромѣ того, мы видѣли выше что однимъ увеличеніемъ давленія на газъ мы не многого достигнемъ. Но какъ понизить температуру до такой неслыханной степени?..

III.

Въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, 3го декабря 1877 года (по новому стилю), непрѣмный секретарь этой академіи, знаменитый химикъ Дюма, въ числѣ прочихъ корреспонденцій, получилъ чрезъ г. Сентъ-Клеръ Девиалля запечатанный пакетъ отъ имени г. Калльете (Cailletet) для вскрытія по востребованію. Въ этомъ письмѣ (отъ 2го декабря) г. Калльете уведомляетъ г. Девиалля „что ему удалось обратить кислородъ въ жидкое состояніе при температурѣ—29° и давленіи 270 атмосферъ, дозволяя при этомъ газу внезапно расширяться.“

Такъ какъ, благодаря предшествовавшимъ отличнымъ работамъ, г. Калльете предназначался къ выбору въ званіе члена-корреспондента Академіи, въ засѣданіи долженствовавшимъ имѣть мѣсто 17го декабря, то изъ скромности онъ не пожелалъ тогда же обнародовать предъ Академіей своего открытія, не желая этимъ произвести какъ бы давленіе на выборъ и притомъ открытіемъ лишь только-что имъ сдѣланнымъ и еще не подтвержденнымъ другими учеными.

Эта чрезвычайная скромность г. Калльете, по замѣчательному стеченію обстоятельствъ, едва не лишила его первенства касательно одного изъ самыхъ блестящихъ открытій нашего вѣка: 22го декабря въ 8 часовъ вечера въ Парижѣ получена была телеграмма изъ Женевы отъ г. Пикте (Raoul Pictet) слѣдующаго содержанія: „сегодня кислородъ обращенъ въ жидкость при 320 атмосферахъ и—140° совокупнымъ дѣйствіемъ сѣрнистой и угольной кислотъ“, а 23го декабря въ *Journal de Genève* появилась статья въ которой подробно описывается способъ обращенія кислорода въ жидкое состояніе, употребленный г. Пикте.

Въ засѣданіи Академіи Наукъ 24го декабря запечатанный пакетъ г. Калльете былъ вскрытъ (избраніе его въ корреспонденты Академіи состоялось уже 17 декабря). Изъ содержанія пакета явствовало первенство г. Калльете, и оно было, согласно мнѣнію Жамеа, Дюма, Бертело и Реальо, единогласно признано Академіей, которая сочла долгомъ признать и заслугу въ этомъ отношеніи г. Пикте, достигшаго

столь же блестящаго результата лишь нѣсколькими днями послѣ г. Калльете, но *совершенно независимо* отъ послѣдняго.

Въ томъ же засѣданіи Академіи г. Калльете сообщилъ результатъ своихъ опытовъ, повторенныхъ имъ 16 декабря въ лабораторіи École Normale. „Если, говорить онъ, заключить чистый кислородъ или же окись углерода въ трубку и охладить ее до—29° посредствомъ стѣрпистой кислоты и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергнуть давленію 300 атмосферъ, то оба эти газа своего состоянія не измѣняютъ. Но если дозволить имъ внезапно расшириться (вслѣдствіе чего, по формулѣ Пуассона, температура должна понизиться по меньшей мѣрѣ до—200°), то тотчасъ же появляется густой туманъ указывающій что кислородъ или окись углерода превратились въ жидкое, и, быть-можетъ, даже въ твердое состояніе. То же самое явленіе получается при внезапномъ расширеніи сильно сжатыхъ: угольной кислоты, закиси и окиси азота. Кислородъ производитъ этотъ туманъ и при обыкновенной температурѣ, лишь бы онъ имѣлъ достаточно времени потерять теплоту, пріобрѣтенную имъ при сжатіи... Чтобы узнать въ какомъ состояніи при появленіи тумана находятся кислородъ или окись углерода—въ жидкомъ ли или же твердомъ—можно прибѣгнуть къ оптикѣ, хотя по причинѣ значительной толщины стѣнокъ трубки въ которой заключены газы опытъ будетъ довольно затруднителенъ. Можно будетъ также убѣдиться что кислородъ при сжатіи не превращается въ озонъ... При одинаковой температурѣ и давленіи, даже самое быстрое расширеніе водорода не показываетъ ни малѣйшаго признака тумана. Мы остаемся еще изслѣдовать азотъ, который вѣроятно весьма трудно перемѣнить свое газообразное состояніе, судя по малой растворимости его въ водѣ.“

Такъ разрѣшена была задача въ продолженіе столь долгаго времени тщетно занимавшая физиковъ и химиковъ нашего вѣка, и разрѣшена удивительно легко и остроумно: все дѣло въ томъ что г. Калльете заставляетъ сильно сжатый газъ охлаждать самого себя внезапнымъ своимъ расширеніемъ. А между тѣмъ тотъ фактъ что каждый сжатый газъ при внезапномъ расширеніи своемъ долженъ произвести весьма сильный холодъ далеко не новъ и не только весьма извѣстенъ, но можно даже вычислить на окошко

градусовъ будетъ простираться охлажденіе газа предварительно сдаваемнаго до известной степени и устремляющагося изъ закрытаго сосуда съ известною скоростью.

Устройство снаряда Калльете будетъ подробно изложено нами послѣ, а пока замѣтимъ что еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ минувшаго 1877 года Калльете удалось превратить въ жидкое состояніе два газа, до сего времени считавшіеся постоянными, именно окись азота и болотный газъ; первый, будучи сгущенъ до 270 атмосферъ, при темп. $+8^{\circ}$ не измѣняетъ своего состоянія, но при меньшемъ даже давленіи (104 атм.) и при -11° превращается въ жидкость, и подобное же явленіе, выказывающее преобладающее вліяніе низкой температуры, замѣчено Калльете и относительно болотнаго газа. При этомъ замѣчательно что Бертеле, сообщая въ засѣданіи 26го ноября Академіи о превращеніи въ жидкое состояніе поименованныхъ двухъ газовъ, высказалъ надежду что этимъ же способомъ можно будетъ превратить въ жидкость кислородъ и окись углерода. Мы уже знаемъ что предсказаніе это заставило ждать себя только одну недѣлю,

Но не одно это замѣчательно: любопытнѣе всего то обстоятельство что великій научный триумфъ, коего тщетно домогались столько знаменитѣйшихъ ученыхъ, достался даже не записному ученому: г. Калльете по ремеслу заводчикъ; его чугуно-литейный заводъ находится недалеко отъ Парижа; отъ подобныхъ занятій до занятій чисто-научными вопросами, повидимому, очень далеко. А между тѣмъ г. Калльете всею душой преданъ наукѣ и уже давно известенъ Парижской Академіи и ученому міру отличными своими работами. Замѣчательно что не впервые исторія науки представляетъ намъ подобное явленіе: вспомнимъ что великій астрономъ Уильямъ Гершель до сорека лѣтъ жизни былъ фортепьяннымъ настройщикомъ, знаменитый Бессель долгое время былъ лавочникомъ, а Беккерель старшій, недавнюю смерть коего оплакиваетъ наука, сначала былъ бравчѣмъ поручикомъ, заслужившимъ похвалу всѣхъ товарищей своею отвагой и беззаветною храбростью въ бою.

Мы уже говорили объ *одновременности*, но совершенной самостоятельности опытовъ гг. Калльете и Пикте, приведшихъ къ блестятельному результату. Начиная съ 22го

декабря 1877 до 14го января текущего года работы ихъ сдѣлать исправно одна почти въ перебѣжку съ другою, такъ что довольно трудно установить тутъ послѣдовательность, и въ сказанный періодъ времени не проходитъ ни одного засѣданія Парижской Академіи Наукъ, въ которомъ бы не было сообщенія, письменнаго или словеснаго, этихъ двухъ ученыхъ объ одномъ и томъ же предметѣ.

Въ засѣданіи Академіи 31го декабря, г. Калъете сдѣлао весьма важное сообщеніе объ обращеніи въ жидкое состояніе азота, водорода и атмосфернаго воздуха (24го декабря онъ самъ еще сомнѣвался въ возможности сгущенія двухъ первыхъ газовъ). Опыты произведены были имъ 30го декабря въ присутствіи гг. Бертело, Семъ-Клаеръ Девиля и Маскара и повторяемы нѣсколько разъ, такъ что результатъ не оставилъ въ этихъ ученыхъ никакого сомнѣнія: „Чистый и сухой азотъ, при температурѣ — 13° и давленіи 200 атмосферъ, при внезапномъ своемъ расширеніи весьма наглядно измѣняетъ свое состояніе; сначала получается вещество въ видѣ жидкости пульверизованной, причемъ однако же капельки имѣютъ замѣтный объемъ; потомъ жидкость отъ стѣнокъ трубки переходитъ къ оси ея, образуя на этомъ мѣстѣ вертикальную колонну. Все явленіе продолжается секунды три.

„Дѣйствуя съ чистымъ водородомъ при давленіи около 280 атмосферъ, мы, во время внезапнаго его расширенія, замѣтили весьма тонкій туманъ по всей длинѣ трубки, скоро впрочемъ исчезающій. Но несмотря на это скоропреходящее явленіе, всѣ присутствовавшіе при моемъ опытѣ ученые могли убѣдиться въ несомнѣнномъ существованіи онаго.

„Что касается атмосфернаго воздуха, то превращеніе азота и кислорода достаточно доказываетъ и его превращаемость въ жидкое состояніе. Впрочемъ я счелъ долгомъ подвергнуть испытанію и атмосферный воздухъ и, какъ сдѣлало ожидать, съ полнымъ успѣхомъ.“

Съ своей стороны г. Бертело вполне подтвердилъ все сказанное Калъете. По его мнѣнію нельзя ожидать лучшаго доказательства до тѣхъ поръ, пока не удастся ученымъ сдѣлать получаемыя изъ превращенія газовъ жидкости болѣе устойчивыми, между тѣмъ какъ въ настоящее время онѣ быстро испаряются предъ глазами наблюдателя. По мнѣнію

Бертело превращеніе г. Калльете водорода въ жидкое состояніе фактъ несомнѣнный, хотя самое явленіе труднѣе замѣтно чѣмъ при азотѣ. Чтò особенно придаетъ значеніе опытамъ Калльете, это — возможность наблюдать газы, въ одномъ и томъ же пространствѣ, подъ тремя слѣдующими другъ за другомъ видами: сжатого упругого вещества, пульверизованной жидкости и въ жидкомъ состояніи.

Въ томъ же засѣданіи прочитано было слѣдующее письмо г. Пикте: „въ четвергъ, 24го декабря, ровно въ 10 часовъ утра, манометръ показывавшій прежде 560 атмосферъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ упалъ на 505 и на этомъ остановился въ теченіе болѣе получаса, показывая этимъ уменьшеніемъ давленія переходъ части кислороднаго газа, подъ вліяніемъ холода — 140° , въ жидкое состояніе. При открытіи крана, струя кислорода брызнула съ чрезвычайною силой, и лучъ электрическаго свѣта, направленный на эту конусообразную струю, дозволилъ убѣдиться въ томъ что она состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей: одной центральной, длиною въ нѣсколько сантиметровъ, и близкой своею доказывающей присутствіе жидкихъ и даже твердыхъ частицъ, и другой наружной, синяго цвѣта, показывавшей обратный переходъ сжатого и замерзшаго кислорода въ состояніе газообразное.“

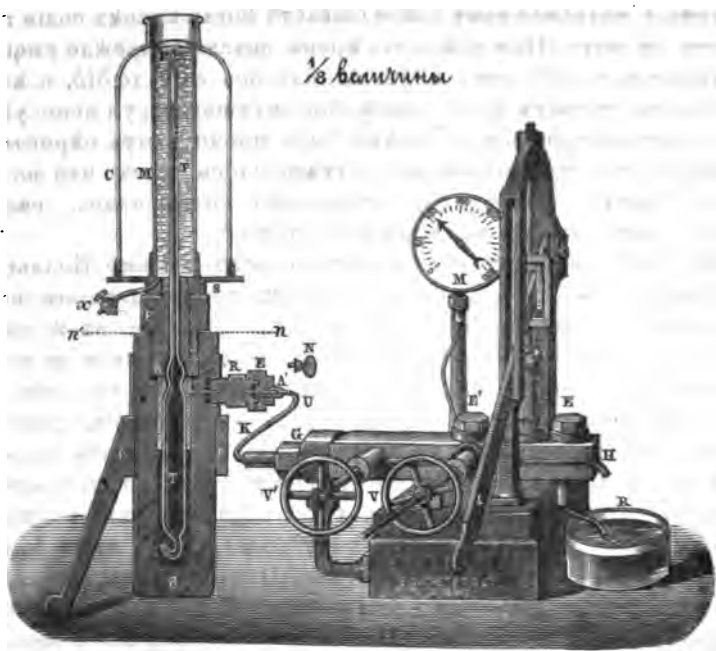
Еще лучшее подтвержденіе получили эти омыты благодаря трудамъ Пикте, сообщеннымъ имъ Парижской Академіи Наукъ въ засѣданіи 14го января. „Опытъ касательно превращенія водорода въ жидкое и твердое состояніе произведенъ былъ мною 9го января. Снаряды оставались тѣ же самыя что и при опытахъ надъ кислородомъ; для охлажденія я, вмѣсто угольной кислоты, употреблялъ закись азота. Для добыванія водорода я пользовался разложеніемъ муравьино-кислаго кали жидкимъ кали. Освобожденіе водорода (количествомъ 252 литр.) происходило правильно, безъ малѣйшаго слѣда воды, чтò способствовало точности наблюденія. Водородъ находится подъ давленіемъ 650 атмосферъ и при -140° . При открытіи крана, изъ отверстія брызнула струя жидкаго водорода, издавая сильный свистъ. Струя имѣла цвѣтъ синей стали и была совершенно непрозрачна на протяженіи почти 12 сантиметровъ. Въ этотъ самый моментъ слышенъ былъ трескъ (crépitation) подобный стуку дробы ударяющей объ землю, и свистъ перешелъ въ особенное

шипѣніе, подобное тому какое бываетъ когда кусокъ содіа падаетъ въ воду. При закрытіи крана, давленіе, прежде уменьшившееся до 370 атмосферъ, понизилось еще до 315, и когда вновь открытъ былъ кранъ, брызнувшая струя ясно указала что внутри сосуда должна была происходить окристаллизация. Это предположеніе подтвердилось тѣмъ что водородъ, когда температура нѣсколько возвысилась, снова сталъ выходить въ видѣ жидкой струи.“

Въ томъ же заведеніи прочитано было письмо Калъете на имя Сень-Клеръ Девиля о новомъ произведенномъ имъ опытѣ, который доказываетъ что превращеніе въ жидкое состояніе газовъ считавшихся несгущаемыми вовсе не такъ трудно какъ можно было полагать. Въ трубкѣ его аппарата находился сухой воздухъ, предварительно очищенный отъ углекислоты; верхняя часть трубки охлаждалась посредствомъ заиси азота. Когда давленіе достигло 200 атмосферъ, то на нижнихъ стѣнкахъ трубки показались струи несомнѣнно жидкія и весьма подвижныя, точно какъ будто вдоль трубки стекали струи эфира. При давленіи 255 атмосферъ эти жидкія струи видимо увеличились и сдѣлались гораздо болѣе видимыми. При 310 атмосферахъ замерзла ртуть содержащаяся въ трубкѣ. Когда же охлаждающій приборъ былъ быстро снятъ, то вершина ртутнаго столба оказалась покрытою инеемъ; это былъ *замороженный воздухъ*.

Опишемъ теперь приборы посредствомъ которыхъ Калъете и Пикте достигли столь значительныхъ результатовъ.

Снарядъ Калъете представленъ здѣсь въ томъ видѣ какъ сдѣланъ онъ механикомъ Дюкрете для физической лабораторіи Нормальной Школы. Онъ состоитъ существенно изъ двухъ частей: прибора содержащаго испытуемый газъ и снаряда позволяющаго сжимать оный до известнаго предѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ дающаго возможность оному газу внезапно расшириться. Стеклянная трубка Т, заканная у верхняго своего конца Р, вставляется въ желѣзный цилиндръ В съ чрезвычайно толстыми стѣнками и наполненный до нѣкоторой высоты ртутью. Стеклянная трубка Т, которая имѣетъ быть наполнена испытуемымъ газомъ, совершенно сухимъ и чистымъ, на открытомъ своемъ концѣ немного загнута и въ загнутой части находится немного ртуты съ тою цѣлью чтобъ ею преградить возможность газу выйти изъ трубки, а также для того чтобы

вытѣснѣнный воздухъ не могъ туда проникнуть. При опусканіи трубка немного наклоняется и загнутый ея открытый конецъ соединяется съ газометромъ посредствомъ каучуковой трубки. Это изображено въ большемъ видѣ на нижнемъ чертежѣ, гдѣ Т изображаетъ стеклянную трубку запаянную при Р; при нижнемъ открытомъ концѣ видна капля ртути G и каучуковая трубка Н. Послѣ того какъ трубка Т наполнена газомъ и вставлена вертикально въ желѣзный цилиндръ В, на нее надѣвается цилиндръ М съ охлаждающимъ веществомъ, который въ свою очередь окруженъ колымакомъ С съ тою цѣлью чтобы въ случаѣ разрыва трубки Т осколки ея не могли повредить наблюдателю. Насосъ назначенный для произведенія давленія на газъ представленъ

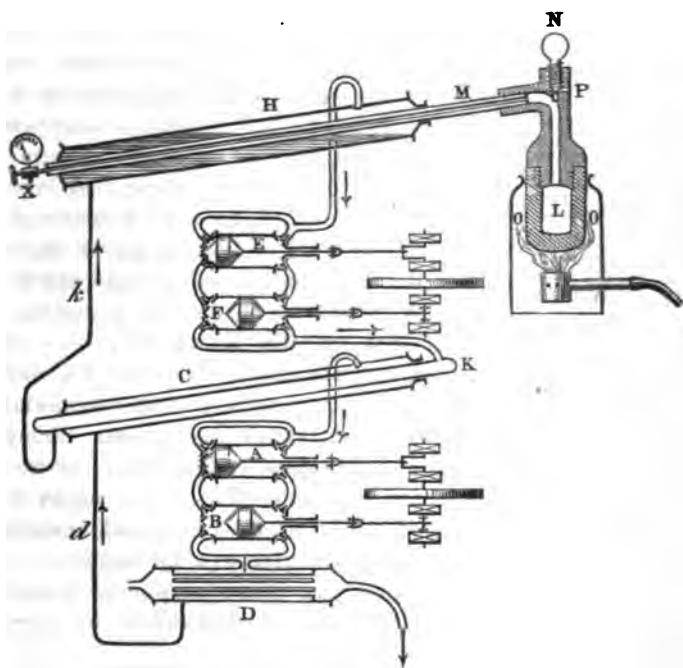
вераво и соединенъ съ сосудомъ В посредствомъ трубки КУ. Помощію рычага L въ сосудъ GH лежащій на крѣпкихъ устояхъ накачивается вода изъ сосуда R до давленія двухсотъ атмосферъ, послѣ чего давленіе въ сосудѣ GH можетъ быть доведено до 500 атмосферъ посредствомъ подвижнаго поршня,двигаемаго внутрь сосуда GH посредствомъ вращенія колеса V. На чертежѣ видно еще другое колесо V, служащее къ тому чтобы посредствомъ управленнаго имъ поршня въ данный моментъ дозволить водѣ плавать изъ сосуда GH обратно въ сосудъ R и тѣмъ внезапно уменьшить давленіе.

Если начнемъ дѣйствовать рукояткою L накачивающаго насоса, то вода изъ сосуда R перейдетъ въ сосудъ GH, а оттуда чрезъ трубку КУ въ цилиндръ В и станетъ надавливать на ртуть тамъ содержащуюся и окружающую нижнюю часть трубки Т, въ которой заключенъ испытуемый газъ. Вслѣдствіе этого давленія ртуть начнетъ повышаться въ трубку Т (входя чрезъ открытый загнутый конецъ оной). По мѣрѣ увеличенія давленія, высота вошедшей въ трубку Т ртути увеличивается все болѣе и болѣе и соответственно этому сгущается и газъ. Если температура его ниже критической точки, то на вершинѣ ртутной колонны въ трубкѣ Т вдругъ появляется столбъ жидкости, это — газъ превратившійся въ жидкое состояніе, высота жидкой колонны увеличивается все болѣе и болѣе, а между тѣмъ измѣряющій давленіе манометръ М не показываетъ увеличенія давленія, когда же затѣмъ вышеказаннымъ способомъ, внезапно уменьшено будетъ давленіе производимое водою на ртуть, а стало-быть и внутри трубки Т, то по всей ея длинѣ появляется густой туманъ, происходящій частію отъ внезапнаго перехода образовавшейся жидкости въ газообразное состояніе, а частію отъ превращенія паровъ этой жидкости въ состояніе твердое.

Таковъ снарядъ Калльете, въ сущности весьма простой, безопасный и позволяющій производить давленіе надъ значительною массою газа. Стеклянная трубка Т делается не можетъ, такъ какъ она снаружи и внутри испытываетъ одинаковое давленіе. Послѣдовательное превращеніе газа въ жидкое и твердое состояніе можно прослѣдить глазами, а для болѣе точнаго наблюденія этого процесса одновременно

нѣсколькими лицами можно изображеніе трубки Т проложить на бѣлую стѣну посредствомъ электрическаго освѣщенія.

Снарядъ Пикте, представляемый на прилагаемомъ чертежѣ, устроенъ съ цѣлью произвести возможно большее охлажденіе сжатого газа и состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ каждая управляется двумя насосами, соединяемыми между собою такимъ образомъ что выкачиваніе газа однимъ насосомъ дополняется и усиливается одновременнымъ дѣйствіемъ другого съ цѣлью произвести въ кратчайшее время наибольшее дѣйствіе.

Первая часть снаряда состоитъ изъ резервуара С, обхватывающаго какъ бы кольцомъ трубку К. Въ резервуарѣ С находится сѣрнистая кислота, которая посредствомъ двухъ одновременно дѣйствующихъ насосовъ А и В прогоняется въ холодильникъ D. Въ холодильникѣ этомъ происходитъ превращеніе сѣрнистой кислоты въ жидкое состояніе при температурѣ -25° и давленіи $2\frac{3}{4}$ атмосферъ, а затѣмъ жидкая

сѣрнистая кислота черезъ трубку *d* опять прогоняется обратно въ резервуаръ *C* (движеніе ея изъ резервуара и обратно туда можно прослѣдить по направленію стрѣлки), откуда она опять начинаетъ двигаться по прежнему порядку. Но такъ какъ жидкая сѣрнистая кислота въ резервуарѣ *C* весьма быстро испаряется, благодаря дружному дѣйствію насосовъ *A* и *B*, то потому испареніе это сопровождается пониженіемъ температуръ до -65° , при которой во все время опыта и находится резервуаръ *C*.

Подобнымъ образомъ устроена и вторая часть снарада: резервуаръ *H*, обхватывающій трубку *M*, наполненъ жидкою угольною кислотою, которая дѣйствіемъ двухъ насосовъ *E* и *F* быстро испаряется, причемъ происходитъ холодъ -140° . Угольная кислота выкачивается изъ резервуара *H* и прогоняется въ трубку *K*, въ которой, по причинѣ весьма низкой температуръ (-65°) окружающаго эту трубку резервуара *C*, (какъ объяснено было выше) угольная кислота опять переходитъ въ жидкое состояніе и черезъ трубку *k* опять прогоняется въ резервуаръ *H* (движеніе угольной кислоты также легко прослѣдить по стрѣлкѣ). Изъ послѣдняго резервуара движеніе ея продолжаютъ попрежнему и по этой именно причинѣ въ резервуарѣ *H* во все время опыта, благодаря быстрому испаренію жидкой угольной кислоты, температура поддерживается при -140° , и газъ выходящій изъ реторты *L* въ трубку *M* сильно охлаждается. Эта реторта сдѣлана изъ кованаго желѣза и имѣетъ весьма толстыя стѣнки, такъ что можетъ выдержать давленіе 500 атмосферъ. Если желательнѣе превратить въ жидкое и даже твердое состояніе кислородъ, то въ реторту *L* черезъ отверстіе *N*, закрываемое потомъ плотно вивтомъ, всыпается Бертолетова соль. Вслѣдствіе нагреванія реторты снизу спиртовой лампой *O*, изъ нея освобождается кислородъ сначала медленно, потомъ все скорѣе и скорѣе и постепенно переходитъ въ наклоненную трубку *M*, длиною въ 1 метръ. Черезъ вѣскольکو часовъ дѣйствія насосами, приводимыми въ движеніе паровою машиною въ 15 лошадиныхъ силъ, давленіе газа въ трубкѣ *M* достигнетъ 500 атмосферъ (давленіе измѣряется манометромъ Бурдона, изображеннымъ на чертежѣ при *X* въ концѣ трубки *M*) при температурѣ -140° . Но вдругъ манометръ съ 500 атм. понижается до 320: это

значить что кислородъ превратился въ жидкое состояніе. Если въ этотъ моментъ открыть край X, закрывающій отверстие въ нижней части трубки M, то изъ последней съ трескомъ брызнетъ струя жидкаго кислорода, а часть жидкости вслѣдствіе сильнаго пониженія температуръ отъ расширенія и испаренія жидкости перейдетъ даже въ твердое состояніе. Если на пути этой струи помѣстить тѣншіе угли, то они воспламеняются и сгораютъ яркимъ пламенемъ.

IV.

Благодаря блистательнымъ опытамъ Калъете и Пикте, предсказаніе Лавуазье касательно превращенія воиъхъ газовъ въ жидкое состояніе, при достаточно низкой температурѣ, оправдалось вполнѣ. Но не менѣе блистательное подтвержденіе нашли для себя въ этихъ же опытахъ и теоретическія заключенія современнаго намъ ученаго, знаменитаго французскаго химика Дюма касательно свойствъ кислорода и водорода, приведенныхъ въ жидкое и твердое состояніе. „Назадъ тому: пятьдесятъ лѣтъ, говоритъ непроницаемый секретарь Парижской Академіи Наукъ, я высказалъ мнѣніе что водородъ есть не что иное какъ металлъ превратившійся въ газообразное состояніе. Мое мнѣніе не было тогда принято учеными. Съ тѣхъ поръ, благодаря позднѣйшимъ работамъ нѣкоторыхъ химиковъ, предположеніе мое получило болѣе вѣроятія и подало мнѣ поводъ къ допущенію новаго вещества, названнаго имъ *hydrogenium*. Но оставалось доказать существованіе этого вещества, убѣдиться въ существованіи его собственными способами. Опыты Пикте не оставляютъ желать ничего болѣе: свѣтъ цвѣтъ водородной струи при выходѣ ея изъ сосуда, металлическій шумъ произведенный ею при паденіи на землю, наконецъ падающій шумъ падающей дроби, вполнѣ подтверждаютъ существованіе *hydrogenium*'а. Но это открытіе не только имѣетъ великую важность для отвѣченной науки, ему предстоитъ великая будущность и въ промышленности: расхо-

зависаніе свойствъ водорода какъ металла, конечно, не останется безъ вліянія на металлоургию и на промышленность.“

И предположенія Дюма касательно свойствъ жидкаго кислорода также не замедлили оправдаться. Основываясь на чисто-теоретическихъ соображеніяхъ, Дюма полагалъ что плотность жидкаго кислорода должна равняться плотности воды. И действительно Пикте не замедлилъ уведомить Дюма что наблюденіе согласное съ теоріей „Съ удовольствіемъ, пишетъ онъ, спѣшу сообщить вамъ что теоретическіе ваши выводы, высказанные вами задолго предъ тѣмъ въ Женевѣ, вполне оправдались. Заключенные въ мѣсь сосудахъ 45,467 граммовъ жидкаго кислорода занимали объемъ 46,25 кубическихъ центиметровъ (извѣстно что граммъ есть вѣсъ кубическаго центиметра чистой воды). Разницу 0,8 можно объяснить тѣмъ что верхній запаянный конецъ трубки не позволялъ жидкости достигнуть до верху и занять весь внутренній каналъ трубки.“

Превращеніе въ жидкое состояніе всѣхъ газовъ считавшихся до сего времени постоянными и несжимаемыми имѣетъ, повторяемъ, громадную важность для науки. Мы уже указали на то что имѣ молекулярная теорія получаетъ новое подтвержденіе, но это далеко не все. Такъ какъ жидкіе газы, при обратномъ переходѣ въ газообразное состояніе, поглощаютъ огромное количество тепла, а потому и причинаютъ страшный холодъ, то понятно что этимъ мы приобрѣли способъ производить такую низкую температуру о которой прежде и помысла не имѣли, а кто можетъ предвидѣть какіе выводы изъ этого извлечетъ химія, физика и даже промышленность? Не окажется ли возможность достигнуть того предѣла который зовется *абсолютнымъ нулемъ температуры* (теоретически полагается около—273°).

Механическая теорія тепла учитъ что теплота есть не что иное какъ движеніе частицъ тѣла; абсолютный холодъ есть сльдовательно ихъ покой. Представимъ себѣ тѣло болѣе и болѣе охлаждающееся. Это значитъ движеніе частицъ его уменьшается болѣе и болѣе. Наконецъ долженъ стать моментъ когда частицы вовсе перестанутъ двигаться. Какія свойства должны имѣть тѣла въ такомъ особомъ состояніи? Вотъ одинъ изъ важныхъ вопросовъ будущаго.

Мы видѣли что превращеніе кислорода, азота и водорода въ твердое и жидкое состояніе продолжалось лишь нѣсколь-
ко секундъ. Нѣтъ сомнѣнія что послѣдующими опытами
удастся эти новыя, доселѣ неизвѣстныя намъ жидкія и твер-
дыя вещества сохранять болѣе продолжительное время по-
добно тому какъ это дѣлается съ жидкою угольною кисло-
той. Тогда можно будетъ ближе ознакомиться съ ихъ фи-
зическими свойствами и произвести множество новыхъ за-
мѣчательнѣйшихъ опытовъ, результаты которыхъ теперь и
предвидѣть еще невозможно....

Я. ВЕЙНБЕРГЪ.

ГРЕЧЕСКІЯ СТАТУЕТКИ

ИЗЪ ТАНАГРЫ.

Griechische Thonfiguren aus Tanagra. Herausgegeben von Bernhard Kekule. Mit 17 Abbildungen. Stuttgart. 1878. Fol.

Когда мы говоримъ о древнихъ Грекахъ, тогда невольно въ воображеніи нашемъ возстаютъ величественные образы ихъ боговъ и героевъ. Когда мы ходимъ по галлереймъ Западной Европы, то эти образы являются предъ нами въ бессмертныхъ произведеніяхъ рѣзца греческихъ ваятелей. Всюду—боги и герои, и вѣдѣ вѣтъ людей, простыхъ смертныхъ людей. Вездѣ сверхчеловѣческія дѣянія, и вѣдѣ вѣтъ сценъ изъ обыкновенной, ежедневной жизни и домашняго быта. Греческое искусство, повидимому, вовсе не было знакомо съ *жанромъ*. Подъ словомъ: *жанровыя изображенія* или *сцены*, мы разумѣемъ тѣ сюжеты которые, въ противоположность сюжетамъ мифическимъ и историческимъ, передаютъ событія обыкновенныя, заимствованныя изъ ежедневной жизни. Но и этотъ родъ искусства, сколько намъ извѣстно изъ древнихъ писателей, былъ сильно въ ходу въ Греціи. Жанръ получилъ значительное развитіе особенно въ эпоху послѣ Александра Великаго, подъ правленіемъ

Диадоховъ. Ему содѣйствовало новое положеніе вещей и новыя воззрѣнія, тогда распространившіяся въ мірѣ. Первымъ условіемъ для его процвѣтанія было происшедшее тогда распаденіе языческой религіи. Религіозное значеніе древнихъ боговъ и мифовъ, столь еще сильное во времена Марафонской битвы, исчезло. Художники не могли болѣе браться за обработку темъ, которыя были равнодушны обществу. Тогда они обратились къ ежедневной жизни, стали изъ нея черпать сюжеты для своихъ изображеній, представлять страсти и волненія обыкновенныхъ людей. Древніе историки разказываютъ что въ этомъ дѣлѣ греческіе художники дошли даже до сценъ изъ самой низкой области жизни. Они изображали внутренность цирюлень, салонныхъ мастерскихъ, кухонь и т. д., и все это исполняли съ необыкновенною окончательностью, тщательностію и гениальностію.

Но древность оставила намъ мало *фамровыхъ* сценъ. Не говоря о нѣкоторыхъ помпейскихъ фрескахъ, которыя суть репродукція греческихъ оригиналовъ, въ области античнаго ваянія есть только нѣсколько статуй, которыя представляютъ сцены изъ ежедневной жизни. Таковы на-примѣръ мальчики и дѣвочки съ птичкой въ рукахъ; мальчикъ вынимающій занозу изъ ноги (въ Калитолійскомъ музее въ Римѣ); мальчикъ играющій съ гусемъ, и т. д. Вдругъ, неожиданно, дѣтъ лять тому назадъ, въ неизвѣстномъ до-тогда углу древней Греціи, былъ найденъ безчисленный заласъ глянцаныхъ статуетокъ, болшею частію отащю сохранившихся, превосходной работы, покрытыхъ самыми свѣжими красками, который открылъ намъ цѣлый міръ самыхъ интимныхъ сценъ изъ древне-греческой жизни. И все это передано столь живо и поэтично что дивиться и благодарить предъ гениемъ греческаго искусства. Но прежде слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о мѣстѣ и при какихъ условіяхъ онѣ были найдены.

Беотія, страна, мало посѣщаемая путешественниками, лежала къ сѣверу отъ Аттики, отъ которой отдѣляется горными хребтами Киллерона и Парнаса. Вообще она очень плодородна, что и было причиною что въ ней находилось много цвѣтущихъ городовъ. Но климатъ ея въ сѣверной части отъ большихъ озеръ былъ зимою сырой и холодный, а дѣтомъ быстро измѣняющійся, то страшно жаркій, то

рѣзко холодный. Воздухъ, въ сравненіи съ Атикой, тяжелый (*σπᾶςτος αἶρ*) и исполненъ лихорадками. Насмѣшливымъ Афинянамъ Беотійцы, занимавшіеся обработкой своихъ земель, богатые и, вълѣдствіе того любившіе комфортъ, казались людьми добрыми и честными, но тулоумными и лишенными тонкаго вкуса. Они любили хорошо лѣзоть и копить и не были духовно воспріимчивы. Но тѣмъ не мѣнѣ Беотія произвела многихъ великихъ воиновъ, ловкихъ атлетовъ, искусныхъ музыкантовъ и великихъ поэтовъ и писателей. Эпаминондъ и Пелопидъ, Гезіодъ, Пиндаръ, Платархъ и Коринна были ея уроженцами. Четырнадцать городовъ, изъ которыхъ значительнѣйшіе были: Галиартъ, Фескіи, Орхоменосъ и Херонея, образовали республику подъ гегемоніей Фивъ. Въ числѣ этихъ городовъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимала *Танагра*, самый значительный городъ восточной Беотіи. Городъ лежалъ близъ сѣвернаго берега рѣки Азопа и еще нынѣ можно прослѣдить фундаментъ городскихъ стѣнъ. Онъ находился въ центрѣ сообщеній, и три весьма посѣщаемыя дороги шли отъ него. Городъ раздѣлялся на двѣ части: верхній и нижній, и Павзаній хвалитъ Танагрійцевъ за то что они построили свои священные зданія совершенно отдѣльно отъ жилищъ людскихъ. Во храмахъ Танагры находились два знаменитыя произведенія искусства работы стариннаго и весьма уважаемаго художника Каламиса. Въ одной изъ важнѣйшихъ частей города былъ воздвигнутъ памятникъ въ честь Коринны, пять разъ одержавшей побѣду надъ Пиндаромъ. На стѣнѣ въ гимназій было ея изображеніе: знаменитая стихотворица была представлена въ тотъ моментъ когда налагаетъ себѣ на главу повязку. Она была такъ красива что Павзаній приписываетъ ея красоту причину ея побѣды надъ Пиндаромъ. Городскіе жители занимались земледѣліемъ и винодѣліемъ. Бѣлая глинистая почва доставляла лучшее беотійское вино. Оттого они скоро разбогатѣли. Одинъ древній писатель, путешествовавшій по Греціи около 150 года до Р. Х., олдѣвающимъ образомъ описываетъ городъ Танагру: „Дорога изъ Оролоса въ Танагру, въ продолженіе 130 стадій, идетъ по странѣ покрытой лѣсами и оливковыми деревьями, гдѣ путникъ освободенъ отъ разбойничества. Городъ Танагра стоитъ на утесистой и значительной высотѣ: онъ съ виду бѣлъ и кажется построеннымъ изъ

главы. Дома замѣчательны своими красивыми портиками и пестро расписанными посвятельными дарами, которые тутъ выставлены. Страна не очень богата хлѣбомъ, но вино лучшее въ Беотіи. Жители богаты, но ведутъ простой образъ жизни. Всѣ они земаслашцы, а не ремесленники. Они справедливы, вѣрны данному слову и гостепріимны, милосерды къ бѣднымъ и нищимъ и презируютъ каждую безчестную наживу. Во всей Беотіи нѣтъ города въ которомъ чужестранецъ могъ бы жить такъ спокойно какъ здѣсь. При богатствѣ и прилежаніи жителей, они често ненавидятъ все дурное.“ Напротивъ, тотъ же путешественникъ описываетъ Фиванцевъ какъ людей одаренныхъ сильными страстями, споролюбивыхъ и безо всякаго вниманія къ чужестранцамъ. Даже во времена римскихъ императоровъ Танагра пользовалась благосостояніемъ. По Страбону, Танагра и Феспіи были главными городами Беотіи и населеніе Фивъ.

Хотя развалины Танагры (нынѣ Гримада) древны и очень обширны, но плохо сохранились. Театръ принадлежитъ римскимъ временамъ. Но городъ Танагру въ настоящее время прославило открытіе въ немъ некрополиса, обогатившее европейскіе лубличныя и частныя музеи превосходнѣйшими произведеніями искусства. Первые находки, вѣроятно, были сдѣланы случайно, но онѣ были великолѣпны. Около 1870 года жители сосѣднихъ съ развалинами Танагры деревень Братцы и Скумитари, отстоящихъ менѣе часу отъ Танагры, открыли въ своихъ поляхъ древнія гробницы, еще никогда не раскопанныя. Раскопки долгое время производились тайно, пока слава открытыхъ вещей не сдѣлалась громкою. Производство раскопокъ въ Греціи нынѣ весьма затруднительно. По закону, раскопки дозволяются только съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, который обращается за свѣдѣніями къ Аѳинскому Археологическому Обществу, Общество же обыкновенно мѣшаетъ производству раскопокъ. По закону, половина находокъ принадлежитъ Греческому правительству, другая—не смѣетъ быть вывезена изъ страны. Поэтому Греки, не желая дѣлиться пріобрѣтеніями, основанными на ихъ трудахъ и затратахъ, обыкновенно производятъ всѣ раскопки тайно. Открывъ гробницу и очистивъ ее отъ всего что содержится въ ней, ее снова наполняютъ землею. Оттого нѣтъ

положительныхъ извѣстій о томъ гдѣ найденъ тотъ или другой предметъ и съ какими другими, но даже и о мѣстѣ гдѣ сдѣлана раскопка. Археологу по ремеслу трудно присутствовать при открытіи гробницъ: никто не скажетъ ему что будетъ произведена раскопка. Аѣинское Археологическое Общество узнавъ объ открытіи гробницъ въ Танагрѣ послало на мѣсто своего члена г. Стаматикиса. Онъ явился въ сопровожденіи отряда солдатъ, запретилъ крестьянамъ самовольныя раскопки и объявлялъ что будутъ производиться новыя, на издержки Археологическаго Общества. Съ тѣхъ поръ и именно съ зимы 1873 года сдѣлано нѣсколько изслѣдованій и открыто нѣсколько тысячъ гробницъ. Онѣ даютъ намъ понятіе объ устройствѣ гробницъ у древнихъ Танагрійцевъ.

Эти гробницы очень разнообразныхъ родовъ и устройства. Ученые археологи, производившіе раскопки на мѣстѣ, считают ихъ до пяти родовъ. Онѣ частію вырыты въ землѣ, частію вырублены въ скалѣ, частію построены изъ камня, большею частію продолговатыя по формѣ, рѣдко квадратныя. Въ послѣднемъ случаѣ объемъ ихъ такъ малъ что онѣ были назначены только для воспріятія урны съ сожженнымъ прахомъ. Гробницы продолговатой формы, длиною отъ 2½ до трехъ аршинъ, имѣютъ стѣны оштукатуренныя, а у позднѣйшихъ даже расписанныя разными простыми архитектурными орнаментами, или сценами охотъ и фантастическими пейзажами. Въ саркофагѣ лежитъ скелетъ. Въ древнѣйшихъ гробницахъ возлѣ него находится много вазъ азіатскаго стиля, прежде называвшагося коринѣскимъ. Въ позднѣйшихъ гробницахъ, обыкновенно у головы, находится только одна ваза содержащая въ себѣ напитокъ предназначенный покойнику. Но у богатыхъ лицъ еще хранятся глиняныя (терракотовыя) статуетки, стеклянные сосуды, разные домашнія вещи и украшенія, даже раковины. Въ древнѣйшихъ гробницахъ были найдены очень странныя куклы, грубой работы, размазанные красками, такъ-называемыя *parades*. Затѣмъ по времени идутъ статуетки стилей архаическаго, усовершенствованнаго и полнаго развитія, такъ что по найденнымъ въ Танагрѣ статуеткамъ можно было бы составить цѣлую исторію развитія греческаго ваятельнаго искуства. Надгробныя камни съ над-

лисами не находятся болѣе на первоначальномъ мѣстѣ. Надписи принадлежатъ различнымъ эпохамъ.

Обратимся теперь исключительно къ этимъ статуеткамъ, въ новѣйшее время прославившимъ Танагру. Число найденныхъ статуетокъ безконечно. Онѣ различаются по стилю, совершенству работы и сюжетамъ. Ихъ находили расположенными въ гробницахъ, гдѣ только есть мѣсто между покойникомъ и стѣнами гробницы. Вотъ почему нѣмцы улали и сломаны, другія же были найдены прямо стоящими и цѣлыми. Если гробница никогда не была тронута хищниками, то статуетки сохранились такъ превосходно какъ будто сейчасъ вышли изъ рукъ художника. Однако красивѣйшія были найдены заключенными въ вазы изъ грубой глины чтобы не потерпѣли вреда. Но кромѣ статуетокъ въ гробницахъ встрѣчаются и другія, расположенныя возлѣ въ землѣ. Родственники ставили ихъ на крышу гробницы и вокругъ всей гробницы. Такимъ образомъ у нѣмцевъ покойниковъ найдено до двадцати статуетокъ, даже, говорятъ, до пятидесяти. Но такъ какъ эти послѣднія были подвержены всѣмъ случайностямъ, то большая часть ихъ погибла или такъ попорчена что не можетъ быть восстановлена. Расколками, производимыми втайнѣ, воспользовались частные лица и агенты разныхъ музеевъ, живущіе въ Афинахъ, и такимъ образомъ составились коллекціи статуетокъ въ музеяхъ Луврскомъ, Британскомъ, Берлинскомъ и Вѣнскомъ. Но самое большое собраніе ихъ хранится въ Афинахъ, въ Варвакіонѣ. Изъ частныхъ лицъ, говорятъ, собраніемъ превосходнѣйшихъ статуетокъ владѣетъ г. Сабуровъ, русскій посланникъ въ Афинахъ. Цѣны хорошо сохранившихся статуетокъ были дороги: требовали за одну фигуру отъ 5.000 до 6.000 франковъ. Но, приобрѣтая ихъ, нужно соблюдать чрезвычайную осторожность: въ Афинахъ явился цѣлый классъ людей, которые не только оклеиваютъ сломанныя статуетки, но и поправляютъ исчезнувшія краски, и даже фабрикутъ новыя статуетки, обывая ихъ легковѣрными, или мало знающимъ за старыя. Противъ этихъ фальсификаторовъ нужно быть насторожѣ.

Вышнія статуетокъ очень различны: обыкновенныя имѣютъ 8 вершка, большія—7 вершковъ, есть даже статуетка еще большаго размѣровъ. Всѣ вылиты въ форму; но что составляетъ ихъ артистическое достоинство есть то

обстоятельство что, вынувъ ихъ изъ формы, художники еще ретушировали ихъ. Оттого каждая получаетъ индивидуальную фizioномію и становится художественнымъ произведеніемъ. На нихъ ясно видны слѣды инструмента ваятеля. Хотя всѣ вышли изъ сравнительно небольшого числа формъ, но художники умѣли придавать каждой индивидуальную фizioномію, то давъ головѣ илѣ рукамъ тотъ или другой поворотъ, или придавъ тотъ или другой предметъ. Когда статуетка была окончена ваятелемъ, она поступала въ руки къ живописцу. Только хорошо сохранившіяся статуетки расписаны красками вполнѣ. Съ особенною тщательностію отдѣланы статуетки изображающія женскія фигуры. У нихъ волосы каштановые или блѣднокурые, иногда переходящіе въ красноватый цвѣтъ, глаза голубые, брови черныя, уста пурпуровыя и ланиты розовыя. Одежда лѣкрыта голубою, красною и розовою красками, но встрѣчаются и другіе цвѣта. Она украшена каймой. Украшенія, какъ-то: діадемы, ожерелья и серьги вызолочены. Опахала въ рукахъ женщинъ тоже украшены позолоченными каймами. Но не надобно предполагать чтобы живописецъ наносилъ краски прямо на глину. Напротивъ, статуетку покрывали сперва тонкимъ слоемъ гилса, на которомъ краски могли солиднѣе лечь. Всѣ эти статуетки вышли изъ одной мѣстности, но не изъ одной фабрики или мастерской. Ученые археологи различаютъ четыре фабрики гдѣ ихъ производили.

Кого же изображаютъ эти статуетки? какіе ихъ сюжеты? Ясно что одни изъ нихъ—и ихъ число сравнительно не велико—посвящены миеологическимъ изображеніямъ; другія, и именно бѣльшая часть, представляютъ обыкновенныхъ людей и сцены изъ ежедневной жизни. Къ миеологическимъ сюжетамъ относится напримѣръ статуетка Артемиды, изображенной въ короткомъ дорическомъ хитонѣ, съ колчаномъ за плечами, въ сопровожденіи собаки. Если верхняя часть тѣла у женщинъ обнажена, то ясно что это нимфы или музы. Такова женская полуобнаженная фигура съ комическою маской въ рукахъ. Очевидно, это муза комедіи, такъ какъ у Грековъ не было актрисъ. Сюда же относятся прекрасныя статуетки эротовъ изображенныхъ нагими малютками съ крыльями, силеновъ, Пана и т. д. Въ Британскомъ музеѣ эротъ играетъ на лирѣ. Другой эротъ несетъ плоды, какъ бы олицетворяя осень. Иные археологи уже

слишкомъ далеко простирають свои миеологическія толкованія, и въ каждой женской фигурѣ облеченной въ вуаль видятъ Деметеръ или Корю, а въ женщинѣ облеченной въ одежду, съ яблокомъ въ рукахъ, Афродиту, и т. д.

Но *большая* часть статуетокъ изъ Танагры изображаетъ дѣйствительныхъ людей и сцены изъ ежедневной жизни. Въ этомъ ихъ главное достоинство. Они совершенно соответствуютъ нашимъ *жанровымъ* сюжетамъ, потому что представляютъ Грековъ и Гречанокъ каковы они были въ ежедневной жизни. Сюжеты такъ просты, такъ схвачены изъ жизни, такъ разоблачаютъ внутреннюю жизнь Грековъ что, кажется, видишь предъ собою живыхъ людей. То мальчики и дѣвочки стоятъ или сидятъ съ доской, на которой учатся писать, и со стилемъ въ рукахъ. Голова ихъ обнажена или покрыта шляпой. Въ рукахъ дѣтей часто игрушка или кошелекъ. Часто дѣти изображаются и съ лѣтучкомъ въ рукахъ, потому что Танагрійцы очень любили лѣтучковъ. Дѣвушки часто представляются играющими въ кости, или изображены юноши идущіе на палестру, или видишь охотника въ легкой хламидѣ съ копьемъ въ рукахъ. Сгорбленная старуха держитъ дитя. Старый нищій опирается на плечо здороваго мальчика. Но вообще изображенія мужчинъ рѣдки, такъ что на десять женскихъ фигуръ приходится одна мужская. Встрѣчаются сцены совершенно жанроваго характера. Такъ представленъ хлѣбопекъ сидящій на низкой скамейкѣ занятый своею работою: онъ печетъ пироги, у него остроконечная борода какъ носили въ старину; гражданинъ, въ длинномъ, бѣломъ плащѣ, сидитъ не шевелясь, потому что сзади стоящій рабъ стрижетъ ему ножницами волосы. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ животныхъ, собакъ, свиней, охотничьихъ собакъ съ зайцемъ во рту, и т. д.

Но числомъ, изящною отдѣлкой и красками, статуетки изображающія женщинъ превосходятъ всѣ прочія. Женщины представлены во всѣхъ положеніяхъ: или стоятъ спокойно, или идутъ, или сидятъ и мечтаютъ, или покоятся на богатомъ сѣдалищѣ. Олутивъ ноги на табуретъ, сидитъ красавица: въ рукахъ у нея прялка, а на колѣняхъ—зроть. Встрѣчаются сцены совершенно идиллическаго характера: голубъ сѣлъ на плечо дѣвушки и цѣлуетъ ее.

Есть женщины изображенныя въ печальномъ настроеніи духа; имая похожа на покинутую Аріадну. Прогуливающіяся женщины обыкновенно идутъ медленно и важно; другія, болѣе одушевленные, юныя, весело смотрятъ на міръ; третьи сидятъ сложа руки, погруженныя въ сладкія мечты. Съ неподражаемымъ совершенствомъ умѣли художники драматизировать женскія статуетки: костюмъ всегда соответствуетъ возрасту. Женщинамъ носятъ длинный хитонъ изъ шерсти. Хитонъ бросаетъ множество мелкихъ складокъ, схваченныхъ неподражаемо. Посрединѣ тѣла онъ сдерживается поясомъ. Ноги обуты въ желтые башмаки съ краснымъ ободкомъ. Когда женщина выходила со двора, то она надѣвала *гиматіонъ*, родъ шали или большого вуаля сдѣланнаго изъ тонкой матеріи. Женщины въ Танагрѣ, любившія роскошь и богатство, имѣли эту шаль не бѣлаго, но розоваго цвѣта, съ разноцвѣтною каймой. Складки образуемыя гиматіономъ гораздо мельче складокъ пеплоса, сдѣланнаго изъ шерсти. Иногда этою шалью обвертывали и лицо, такъ что оставались видимы только глаза. Волосы на головѣ обыкновенно искусно убраны, и особенно музыкантши и пѣвицы имѣютъ причудливыя прически. Прежде думали что только одиѣ путешественницы имѣютъ шалы, но на женскихъ статуеткахъ мы встрѣчаемъ множество круглыхъ и остроконечныхъ шалей. Въ рукахъ женщины держатъ опахало въ формѣ лotosоваго листа голубаго цвѣта, съ каймой.

Что касается времени происхожденія этихъ статуетокъ, то эпоху когда процвѣтала въ Беотіи школа производившая лучшіе экземпляры, трудно опредѣлить съ точностію. Вѣроятно, послѣднія возникли въ концѣ IV вѣка и въ III столѣтіи, когда греческое ваяніе находилось на высшей стелени процвѣтанія, когда Лизиппъ, великій ваятель временъ Александра Великаго, создалъ вѣрные, но вмѣстѣ съ тѣмъ идеальныя образы дѣйствительныхъ лицъ. Въ эту эпоху, когда искусство перешло отъ изображенія боговъ и героевъ къ ежедневнымъ людямъ, вѣроятно были созданы танагрійскія статуетки. Можно предполагать, что на стиль танагрійскихъ ваятелей имѣла сильное вліяніе Оиванско-Аттическая школа живописи тогда процвѣтавшая. Танагра была слишкомъ близка отъ Аѳинъ чтобы не подвергнуться ихъ вліянію.

Наконецъ, эти статуетки важны и для исторіи греческаго искусства. Они опровергаютъ старую теорію объ отсутствіи красокъ въ греческой скульптурѣ и впервые представляютъ намъ образцы полной и богатой полихроміи греческаго ваянія. Правда, это только главныя статуетки, но отъ нихъ возможно перейти и къ полихроміи мраморныхъ статуй, чему есть также примѣры въ дошедшихъ до насъ образцахъ античнаго ваянія.

Но почему же Греки клали эти статуетки въ могилу съ покойникомъ? Вотъ послѣдній вопросъ который остается рѣшить. Греки вѣрили въ безсмертіе души, но имѣли о будущей жизни нѣсколько матеріальное представленіе. Они воображали себѣ что будущая жизнь есть продолженіе здѣшней, съ тѣми же товарищами и удовольствіями. Вотъ отчего они ставили въ гробницу все что покойникъ любилъ, находясь на землѣ. Вотъ почему они клали въ гробницу не только все припасы нужныя для жизни, какъ-то: вино, масло, пироги, но и оружіе, коней, рабовъ и т. д. Ему не будетъ страшно въ будущей жизни: онъ—не одинъ. Въ древнѣйшія времена на могилы приносились кровавыя жертвы людей, вдовъ, плѣнницъ, рабовъ и т. д. Но эти кровавыя жертвы рано прекратились, и ихъ стали замѣнять терракоттовыми статуетками. Вотъ почему въ гробницахъ Танагры найдены эти красивыя статуетки: покойника окружаютъ женщины, веселыя и изящныя, дѣти, эроты. Съ теченіемъ времени, статуетки эти одѣвались изящными художественными произведеніями приводящими въ восторгъ не только любителя искусства, но и каждаго зрителя.

К. ГЁРЦЪ.

ТАЙНЫ ЖИЗНИ

ПОСЛѢДНІЕ ТРУДЫ КЛОДА БЕРНАРА.

Leçons sur les phénomènes de la vie communs aux animaux et aux végétaux, par Claude Bernard. Paris, 1878.

La science expérimentale, par Claude Bernard. Paris, 1878.

Шестнадцатаго февраля нынѣшняго года Франція, съ почестями національнаго погребенія, проводила въ могилу знаменитаго фізіолога Клода Бернара, которому, въ области ученія о жизни, общимъ признаніемъ уступала первенство ученые всего міра. Въ концѣ декабря, занимаясь въ своей лабораторіи въ *Collège de France*, Клодъ Бернаръ почувствовалъ сильный ознобъ; обнаружилась лихорадка и признаки воспаленія почекъ. Болѣзнь, зародышъ которой давно коренился въ организмѣ, быстро развилась; ея серьезный характеръ не укрывался отъ великаго знатока жизненныхъ явленій, и онъ безъ ложныхъ надеждъ смотрѣлъ на свое состояніе, грустною улыбкой отвѣчая на усложнительныя обладеживанія медицинскихъ знаменитостей, окружавшихъ его постель. Въ воскресенье, девятаго февраля, Клодъ Бернара не стало. Онъ умеръ на шестьдесятъ четвертомъ году отъ рожденія, одаренный какъ великій ученый и какъ самый мягкій, чистый и доброжелательный человѣкъ.

Уроки о явленіяхъ жизни общихъ животнымъ и растеніямъ—послѣдній научный трудъ Клода Бернара. Это курсъ читанный имъ въ Музеѣ естественной исторіи (*Jardin des Plantes*), куда онъ перешелъ въ 1868 году, замѣстивъ Флураяса и оставивъ созданную для него катедру общей физиологіи на факультетѣ точныхъ наукъ въ Сорбоннѣ. Клодъ Бернаръ не успѣлъ выдать свой трудъ, послѣднія корректуры котораго исправлялъ уже охваченный холодомъ смертной болѣзни.

Уроки появились въ печати, имѣя вмѣсто авторскаго предисловія похоронныя рѣчи Вюльпіана и Поля Берта, произнесенныя отъ имени Академіи Наукъ и Факультета надъ гробомъ великаго учителя. Другое сочиненіе, заглавіе котораго приведено выше, *Экспериментальная наука*, издано также по смерти автора и есть сборникъ научныхъ статей печатанныхъ имъ въ различныхъ изданіяхъ, а также сообщавшихся на съѣздахъ французскихъ ученыхъ. Считаемо не лишнимъ познакомить читателей съ послѣдними выводами великаго ученаго, посвятившаго сорокъ лѣтъ геніальныхъ усилій для открытія и изслѣдованія законовъ управляющихъ жизненными явленіями. На двадцатомъ году своей жизни прибылъ въ 1833 году Клодъ Бернаръ въ Парижъ. Его багажъ состоялъ изъ трагедіи которой не суждено было увидѣть свѣта и комедіи-водевиля не безъ успѣха играннаго на маленькомъ театрѣ въ Лионѣ. Молодой авторъ явился къ Сентъ - Маркъ - Жирардену, замѣщавшему тогда Гизо на катедрѣ въ Сорбоннѣ. Жирарденъ посоветовалъ молодому автору научиться какому-нибудь ремеслу чтобы жить, а потомъ уже заниматься поэзіей въ часы досуга. Юный драматургъ послушался совѣта и поступилъ на медицинскій факультетъ. Въ 1839 году онъ получилъ мѣсто интерна въ одномъ изъ госпиталей. Никто не подозревалъ священнаго огня въ задумчивомъ и уединенномъ студентѣ, когда въ 1843 году нѣскольکو капитальныхъ трудовъ обнаружили появленіе новаго свѣтила на научномъ горизонтѣ. Одинъ человѣкъ былъ свидѣтелемъ перваго проявленія геніальныхъ способностей молодого ученаго, тотъ чьи уроки имѣли въ судьбѣ будущаго перваго физиолога нашего времени, рѣшающее значеніе,—знаменитый Мажанди, основатель метода изслѣдованія физиологическихъ явленій путемъ опытовъ надъ живыми

животными. Съ первыхъ же его уроковъ, Клодъ Бернаръ сдѣлался увлеченнымъ ученикомъ, помощникомъ и послѣдователемъ. Въ пятидесятыхъ годахъ Клодъ Бернаръ уже замѣщалъ своего учителя на кафедрѣ въ *Collège de France*, а въ 1854 для него была основана кафедра физиологіи на факультетѣ наукъ и въ томъ же году онъ избранъ членомъ Академіи Наукъ. Въ 1868 году его почтила выборомъ въ число „бессмертныхъ“ на мѣсто Флуранса и Французская Академія. Въ 1869 году покойный императоръ Французовъ неожиданно возвелъ его въ званіе сенатора и, къ удивленію, назначеніе это ни въ комъ не возбуждало зависти. Покойный въ высокой степени обладалъ обаяніемъ мягкости и ласки и тою извѣстностью величія за которыя люди иногда прощаютъ превосходство. Относительно его научныхъ качествъ Поль Бертъ справедливо выразился что онъ открывалъ какъ другіе дышатъ; никто не дѣлалъ открытія проще и наивнѣе его. „У Клода Бернара глаза вокругъ всей головы“, говорили его ученики съ изумленіемъ, будучи свидѣтелями какъ во время опыта онъ усматривалъ явленія очевидныя, но которыя между тѣмъ никто кромѣ его и не замѣтилъ....

I.

Что такое жизнь? Что такое смерть? Съ эпохи когда опытъ сдѣлался главнымъ орудіемъ научныхъ изысканій въ области природы, и великими философами новаго времени были положены основы современнаго естествознанія, можно замѣтить въ области ученія о явленіяхъ и тайнахъ жизни два главные умственныхъ тока. Одинъ, ведущій начало отъ Декарта, близко родствененъ господствующимъ мыслъ воззрѣніямъ и во многихъ отношеніяхъ ихъ первый источникъ; другой, болѣе древній по своему источнику, нашолъ свое главное выраженіе въ ученіяхъ анимистовъ прошлаго вѣка и виталистовъ нынѣшняго столѣтія. Для Декарта, положившаго непреходимую пропасть между матеріею и духомъ, — разсматривавшаго міръ матеріи или пространства и міръ духа или сознанія какъ два независимые міра, связанные лишь чудеснымъ посредствомъ божественной силы, — живыя тѣла, и животныя, и человѣкъ какъ тѣлесный

организмъ суть автоматы природы, „подчиненные тѣмъ же механическимъ (въ обширномъ смыслѣ) законамъ, но представляющие болѣе разнообразныя и удивительныя явленія чѣмъ искусственные автоматы, вслѣдствіе безконечно болѣе сложности своего устройства.“ „Это, говоритъ Декартъ (*Discours de la Méthode*, V part.), никоимъ образомъ не должно казаться страннымъ тѣмъ кто,—зная сколь разнообразныхъ автоматовъ и движущихся машинъ можетъ сдѣлать искусство человѣка при употребленіи очень немногихъ частей сравнительно съ огромнымъ множествомъ костей, мускуловъ, нервовъ, артерій, венъ и другихъ частей находящихся въ тѣлѣ каждаго животнаго,—будутъ разсматривать таковое тѣло какъ машину, которая будучи сдѣлана руками Бога, безъ сравненія лучше устроена и имѣетъ движенія безъ сравненія удивительнѣйшія чѣмъ какая-либо машина устроенная человѣкомъ.“ Лейбницъ, принимая систему предоставленной гармоніи и сравнивая тѣло и духъ съ двумя вполнѣ независимыми, но идущими согласно часами, столь же рѣзко, какъ и Декартъ, раздѣляя міръ матеріи отъ міра духа и говорилъ: „Тѣло развивается механически, и законы механики никогда не нарушаются въ естественныхъ движеніяхъ; все происходитъ такъ въ душѣ какъ будто бы не было тѣла, все такъ совершается въ тѣлѣ какъ будто бы не было души.“ Добрѣйшій Малербраншъ нещадно билъ собаку въ убѣжденіи что этотъ кричащій автоматъ не имѣетъ ощущенія боли.

Согласно другому воззрѣнію, органическій міръ есть міръ совершенно особый отъ неорганическаго, *одушевленный*, въ которомъ матеріальныя частицы составляющія тѣло, и подчиненныя въ неорганическомъ ихъ бытіи исключительно физическимъ и химическимъ силамъ, управляются еще другими новыми силами—душевыми, жизненными. Сталь, главный представитель *анимизма* въ прошломъ вѣкѣ, въ области жизненныхъ явленій отвергаетъ всѣ объясненія основанныя на механическихъ, физическихъ и химическихъ законахъ матеріи. Знаменитый химикъ, извѣстный анатомъ, онъ утверждалъ что и химія и анатомія играютъ лишь мало-важную роль въ ученіи о живомъ тѣлѣ. Физическія, химическія силы не только отличны отъ жизненныхъ, но и въ соперничествѣ съ ними: стремятся разрушить то что первыя создаютъ. Жизненные силы суть прямое проявленіе

душевного начала, дѣйствующаго цѣлесообразно и стремящагося къ охраненію организма. Подобныя идеи, но въ болѣе строгой научной формѣ, породили ученіе *виталистовъ*, имѣвшее въ свое время огромное значеніе по его вліянію на практическую медицину. Французскій ученый начала нынѣшняго столѣтія Биша есть глава этой школы. „Жизнь“, училъ онъ, есть совокупность отпращиваній сопротивляющихся смерти. Въ теченіе жизни физическія свойства сдерживаются жизненными и не могутъ произвести дѣйствій которыя произвели бы дѣйствуя свободно.“ „Физическія свойства тѣла“, прибавляетъ Биша, вѣчны. При созданіи свойства эти овладѣли матеріей, и она остается проникнутою ими въ громадномъ рядѣ вѣковъ. Жизненные свойства напротивъ того существенно временны; неорганическая матерія, переходя въ живыя тѣла, проникается этими свойствами которыя и являются тогда соединенными съ физическими; но союзъ этотъ не продолжителенъ, ибо истощеніе въ натурѣ жизненныхъ свойствъ; время истощаетъ ихъ въ данномъ тѣлѣ. Усиленно проявляясь въ первый періодъ, они остаются какъ бы въ неизмѣнномъ положеніи въ зрѣломъ возрастѣ, ослабѣваютъ и доходятъ до нуля въ послѣднее время. Можно сказать что Прометей, образовавъ нѣсколько человѣческихъ статуи, похитилъ небесный огонь чтобъ ихъ оживить. Огонь этотъ эмблема жизненныхъ свойствъ: пока онъ горитъ, жизнь поддерживается; она уничтожается когда онъ гаснетъ.“ Идеи Биша въ свое время имѣли огромное вліяніе. Знаменитый и крайне осторожный въ гипотезахъ Кювье, рисуя картину смерти блотающаго красотою жемчужнаго тѣла и указывая какъ гаснетъ теплота, слабѣютъ мускулы, мутнѣютъ взоры и мало-по-малу наступаетъ разрушеніе: тѣло синѣетъ, зелѣнетъ, чернѣетъ и влага выдѣляется гниющими жидкостями и заражающими воздухъ испареніями,—прибавляетъ въ духѣ ученія Биша: „Все это есть естественное дѣйствіе воздуха, влаги, теплоты, словомъ—всѣхъ вѣдѣмыхъ дѣятелей на мертвое тѣло... Но тѣло было уже окружено ими въ продолженіе жизни, ихъ сродство къ его частицамъ было то же, и они уступили бы ему еслибы не были удержаны вмѣстѣ силой вышешо сравнительно со сродствомъ, но которая перестала дѣйствовать на нихъ съ момента смерти.“

Идея объ особыхъ жизненныхъ свойствахъ матеріи въ организмѣ и о противоборствѣ физическихъ и химическихъ силъ съ жизненною силой организма, несмотря на ея увлекательность, вела изслѣдователей на ложный путь. Она отвлекала ихъ отъ оказавшагося потомъ столь плодотворнымъ приложенію физическихъ и химическихъ наукъ къ физиологіи. Была прямо возставала противъ такого приложенія, говоря что „въ этомъ-то и есть ложный принципъ необходимо долженствующій вести къ ложнымъ слѣдствіямъ.“ Онъ утверждалъ что „жизненные явленія способны къ такому разнообразію, которое ускользаетъ отъ всякаго рода вычисленія, и въ которомъ ничего нельзя предвидѣть или предсказать.“ Приверженецъ такихъ идей, хирургъ Жерди, какъ вспоминаетъ Клодъ Бернаръ, дѣтъ тридцать тому назадъ съ катедры медицинскаго факультета въ Парижѣ, училъ, основываясь на своей хирургической практикѣ, что „крайне ошибочно утверждать въ физиологіи что жизненные явленія постоянно тождественны если происходятъ въ тождественныхъ условіяхъ: это вѣрно только для неорганическихъ тѣлъ.“ Ближайшее изученіе показало что законы физики и химіи въ полномѣ прилагаются къ явленіямъ происходящимъ въ живыхъ тѣлахъ, и наиболѣе плодотворными въ своихъ результатахъ оказались труды изслѣдователей выходившихъ отъ этой идеи и не приписывавшихъ частицамъ изъ какихъ складается живое тѣло какихъ-либо новыхъ и лишнихъ свойствъ противъ тѣхъ какія обнаруживаютъ онѣ среди физическихъ и химическихъ процессовъ неорганическаго міра. Идея антагонизма оказалась научною фантазіей. Она должна бы, по замѣчанію Клода Бернара, логически вести къ заключенію что чѣмъ сильнѣе проявленіе жизненной силы, тѣмъ слабѣе должно быть дѣйствіе физическихъ и химическихъ силъ, и наоборотъ, чѣмъ сильнѣе физическіе и химическіе процессы въ организмѣ, тѣмъ слабѣе должны обнаруживаться жизненные свойства, а между тѣмъ, какъ видно изъ процесса дыханія, обнаруживается полный параллелизмъ между тѣми и другими явленіями, одновременно возрастающими и ослабѣвающими. Идея антагонизма находила сильную поддержку въ фактѣ всегда поражавшемъ естествоиспытателей: въ удивительномъ стремленіи организма возстанавливать свою форму, исправлять ея нарушеніе и поцѣлать свои раны. „Неорганическія тѣла, училъ Тидеманъ,

не представляют никакого явления которое можно бы рассматривать какъ дѣйствіе возрожденія или исцѣленія. Ни одинъ кристаллъ не воспроизводитъ потерянные части, не восполняетъ нарушенія въ его непрерывности и не возвращается самъ собою къ состоянію цѣлости.“ Но и это оказывается неточнымъ. Опытъ показываетъ что кристаллы, подобно живымъ тѣламъ, восстанавливаютъ нарушенія формы процессомъ представляющимъ родъ кристаллическаго возрожденія. Кристаллы съ обломаннымъ концомъ, погруженные въ маточный растворъ, претерпѣвая общее нарощеніе, въ то же время обнаруживаютъ въ мѣстѣ облома усиленную дѣятельность восстанавливающую правильность формы. Чѣмъ шире становилось приложеніе физическихъ и химическихъ методовъ и ученій въ области физиологіи, тѣмъ менѣе чувствовалась потребность въ особыхъ жизненныхъ свойствахъ и жизненной силѣ для объясненія явленія, и идея таковой силъ болѣе и болѣе отодвигалась на задній планъ, уступая мѣсто представленію о жизненныхъ процессахъ какъ процессахъ физико-химическаго свойства.

Ученія руководящіе исследователями въ области отдѣльных наукъ всегда находятся во взаимодѣйствіи и связи съ общими философскими ученіями эпохи, обнаруживая взаимное вліяніе. Изгнаніе жизненной силы изъ физиологіи приветствуется приверженцами матеріалистическихъ ученій какъ великое подтвержденіе ихъ системы. Но при этомъ имѣетъ забываются: что изгнаніе это имѣетъ отрицательный только характеръ, что оно вовсе не есть объясненіе жизненныхъ явленій. Сказать что жизненные процессы суть процессы физико-химическіе не значитъ еще объяснить тѣ очевидныя и громадныя особенности, которыя дѣлаютъ органическій міръ рѣзко отдѣльнымъ отъ неорганическаго. Если законы физики и химіи имѣютъ ненарушимое дѣйствіе въ органическомъ мірѣ и имѣтъ особой жизненной силъ движущей частицы живаго тѣла, то тѣмъ не менѣе есть жизненные явленія имѣющія явно свой особенный характеръ, благодаря которому понятіе *жизни* принадлежитъ къ такимъ не трудно опредѣляемымъ, но непосредственно знакомымъ понятіямъ какъ время, пространство и т. под. Знаменитый геометръ Пуансо говорилъ: „Еслибы кто-нибудь спросилъ меня опредѣлить *срелю*, я бы отвѣтилъ: знаете ли вы о чемъ говорите? Отвѣтитъ онъ: да. — „Ну, такъ будемъ о немъ

говорить". Скажете: нѣтъ.—„Ну, такъ будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ.“

Жизненные явленія суть физико-химическія явленія матеріи *организованной*, приведенной въ ту комбинацію частей какую встречаемъ въ живомъ тѣлѣ и въ производныхъ отъ него новыхъ организмахъ. Тайна въ томъ какъ сложилась и продолжаетъ слагаться такая комбинація.

Чтобъ ознакомить читателей съ воззрѣніями на жизненные явленія великаго физиолога, о трудахъ котораго мы говоримъ, приведемъ нѣсколько мыслей высказанныя имъ въ первомъ урокъ его книги.

„Ученія спиритуалистовъ и матеріалистовъ разбираются въ философіи: имъ нѣтъ мѣста въ опытной физиологіи, для нихъ тамъ нѣтъ полезной роли, ибо тамъ единственный критерій есть опытъ. Приверженцы того и другаго равно могутъ дѣлать полезныя открытія; величайшіе успѣхи во всякомъ случаѣ не во имя ихъ являлись въ наукѣ. Никто не знаетъ или не интересуется знать были ли Гарвей и Галлеръ спиритуалисты или матеріалисты, знаютъ только что они были великіе физиологи, и только одни наблюденія или опыты ихъ дошли до насъ... Мы не хотимъ этимъ отвергать важность великихъ задачъ тревожащихъ умъ человека; хотимъ только отдѣлить ихъ отъ физиологіи, отличить ихъ, ибо они требуютъ методовъ совершенно иныхъ... Въ этомъ сочиненіи мы будемъ исключительно физиологами, и въ этомъ званіи не можемъ помѣстить себя ни въ лагерь виталистовъ, ни въ лагерь матеріалистовъ. Мы отлучаемся отъ виталистовъ, ибо признаемся что *жизненная сила*, какъ бы ни называли ее, ничего не можетъ сдѣлать сама по себѣ, дѣйствуетъ только чрезъ общія силы природы и не способна обнаружиться внѣ ихъ. Мы отдѣляемъ себя равнымъ образомъ отъ матеріалистовъ, ибо допускаемъ что хотя жизненныя проявленія прямо находятся подъ вліяніемъ физико-химическихъ условій, условія эти однако не могли бы сами по себѣ группировать и приводить въ гармонію явленія въ томъ порядкѣ и послѣдовательности какіе спеціально обнаруживаются въ живыхъ существахъ. Мы остаемся предъ лицомъ жизненныхъ явленій какъ люди научнаго опыта, наблюдатели фактовъ безъ предвзятой идеи. Мы будемъ стараться точно опредѣлить условія при какихъ обнаруживаются явленія жизни, дабы овладѣть ими какъ

физикъ и химикъ овладѣваютъ явленіями неорганической природы... Идея причины управляющей связью жизненныхъ явленій есть первая представляющаяся уму; она кажется неотклонимой когда разсматриваемъ строго опредѣленное развитіе многочисленныхъ, такъ согласенныхъ между собою явленій какими животное и растение поддерживаютъ свое существованіе, проходить свой путь. При видѣ какъ животное выходитъ изъ яйца и приобретаетъ послѣдовательную форму и строеніе существа которое ему предшествовало и того которое ему послѣдуетъ; при видѣ какъ въ одно и то же время свершается безконечное число явныхъ и скрытыхъ дѣйствій ведущихъ какъ по разчитанному плану къ сохраненію и поддержанію животнаго, невольно рождается сознаніе причины управляющей согласіемъ частей и ведущей по ихъ пути отдѣльныя явленія въ немъ происходящія. Эту-то причину, разсматриваемую какъ направляющая сила, можно назвать физиологическою душой или *жизненною силой*, и можно принять ее подъ условіемъ точно опредѣлить, приписывая ей только то что ей принадлежитъ. Жизненный принципъ этотъ, чрезъ ложное истолкованіе, такъ-сказать олицетворили, сдѣлавъ изъ него какъ бы работника всякаго органическаго труда. Въ немъ видѣли исполнителяго агента, разумнаго дѣателя формирующаго тѣло и управляющаго косою и послушною матеріей живаго существа. Достаточное основаніе каждаго акта жизни было для виталистовъ въ этой силѣ, не имѣющей нужды въ посторонней помощи физическихъ и химическихъ силъ, даже борющейся съ ними при исполненіи своего назначенія. Но опытная наука именно противорѣчитъ такому взгляду... Физиологическія изысканія показываютъ что жизненная сила или жизненные силы не въ состояніи ничего произвести безъ содѣйствія физическихъ условій. Есть внутреннее согласіе, тѣсная связь между явленіями физическими и химическими и явленіями жизни. Между ними замѣчается полный параллелизмъ, необходимое гармоническое единеніе. Влажность, тепло, воздухъ создаютъ условія необходимыя для обнаруженія жизни. Жизненные процессы возрастаютъ или ослабѣваютъ одновременно съ химическою дѣятельностью тканей и ей пропорціонально. Пониженіе температуры ведетъ за собою пониженіе чувствительности, сознанія и производитъ одѣвленіе жизни. Чрезъ высушеніе

нѣкоторыя существа повергаются въ состояніе кажущейся смерти, прекращающееся когда возвращеніе воды возстановитъ физико-химическія условія необходимыя имъ для обнаруженія жизненныхъ явленій.. Но принимая что жизненные явленія тѣсно связанны съ физико-химическими процессами, что справедливо,—мы не разъясняемъ еще вопроса въ его сущности. Не случайная игра физико-химическихъ явленій построаетъ каждое живое существо по плану и чертежу постояннымъ и заранее предвидѣннымъ, и производитъ удивительную подчиненность и гармоническое единеніе жизненныхъ актовъ. Въ живомъ тѣлѣ есть опредѣленное устройство, родъ указанного распорядка котораго нельзя оставлять въ тѣни, ибо въ нихъ наиболѣе выдающаяся черта живыхъ существъ. Допустимъ что идея такого распорядка дурно выражена словомъ *сила*: но слово здѣсь не много значить, достаточно чтобы дѣйствительность факта была внѣ спора. Жизненные явленія подчинены строго опредѣленнымъ физико-химическимъ условіямъ; но въ то же время они взаимно подчиняются и слѣдуютъ одно за другимъ въ связи и по законамъ заранее установленнымъ; они повторяются вѣчно, въ порядкѣ, съ правильностію, постоянствомъ, во взаимной гармоніи, въ виду опредѣляемаго результата каковымъ является организація и ростъ индивидуума, животного или растенія. Есть какъ бы предустановленный планъ cadaго существа и cadaго органа; взятое отдѣльно, каждое явленіе жизненной экономіи есть данникъ общихъ силъ природы; рассматриваемое въ отношеніяхъ его къ другимъ обнаруживаетъ специальную зависимость, кажется направляемымъ нѣкоторымъ невидимымъ проводникомъ, приводящимъ его по опредѣленному пути на занимаемое имъ мѣсто. Нельзя, при самомъ простомъ размысленіи, не видѣть въ этомъ предустановленномъ распорядкѣ главнаго характера живаго существа, его *quid proprium*. Во всякомъ случаѣ наблюденіе показываетъ одно: органическій планъ, но не прямое вмѣшательство жизненнаго принципа. Единственная жизненная сила какую можемъ допустить есть сила такъ-сказать законодательная, но никакъ не исполнительная.

„Чтобы выразить ското нашу мысль, можемъ оказать метафорически: *эфианная сила направляетъ явленія которыя не производятъ; физическіе дѣтели производятъ явленія которыя не направляютъ*“.

II.

Жизнь является въ трехъ формахъ: *жизнь скрытая*, *жизнь колеблющаяся* и *жизнь постоянная*. Скрытая жизнь представляется тѣми существами коихъ организмъ впадъ въ состояніе полного отсутствія химическихъ процессовъ, въ химическій индифферентизмъ, по выраженію Клода Бернара. И въ животномъ и въ растительномъ мірѣ встрѣчается не мало примѣровъ этой формы жизни. Можно сказать даже что скрытая жизнь въ обиліи распространена въ природѣ и можетъ-быть ею объяснито въ будущемъ не малое количество фактовъ являющихся нынѣ таинственными. Каждое растительное зерно есть примѣръ скрытой формы жизни. Зерно въ своей организаціи имѣетъ все потребное для жизни, но оно не живетъ, жизнь его ничѣмъ не обнаруживается пока оно не поставлено въ надлежащія внѣшнія условія. Такими условіями являются воздухъ (кислородъ), тепло и влага. Внутри зерна есть питательный запасъ имѣющій истребится какъ скоро начнутся физико-химическіе процессы появляющейся жизни.

Всѣ три указанныя условія необходимы. Сухое зерно помещенное въ сухой почвѣ не развивается, хотя бы условія теплоты и атмосферы были причисляющія произрастанію. Въ отсутствіи влаги зерно сохраняетъ жизненную способность чрезъ десятки, сотни лѣтъ. Зерно помещенное на влажной губкѣ при надлежащей температурѣ, но въ атмосферѣ лишенной кислорода (въ азотѣ или въ угольной кислотѣ) также не развивается; произрастаніе начинается тотчасъ какъ скоро окружающій зерно газъ смѣняется обыкновеннымъ воздухомъ или кислородомъ. Условія теплоты должны быть также опредѣленныя, и температура варьируется между предѣлами различными для разныхъ родовъ зеренъ. Не только пониженіе температуръ, но и повышение за извѣстнымъ предѣломъ замедляетъ и даже прекращаетъ произрастаніе. Клодъ Бернаръ въ опытахъ съ зернами садового кресса (*cresson alénois*) обнаружилъ что наибольшее произрастаніе происходитъ въ предѣлахъ температуры 19°—29°. Около 40° зерна не произрастаютъ хотя и не теряли еще безвозвратно способность произрастанія. Съ этимъ

фактомъ Клодъ Бернаръ сближаетъ другой, давно имъ замѣченный—что при этой же температурѣ лягушки впадаютъ въ состояніе безчувствія (анестезіа) между тѣмъ какъ именно эта температура есть нормальная температура жизни млекопитающихъ (температура крови).

Съ зерномъ растенія не должно быть сравниваемо въ физиологическомъ отношеніи яйцо животныхъ. Яйцо никогда не впадаетъ въ состояніе скрытой жизни или химической индифферентности. Можно доказать что оно дышетъ, поглощая кислородъ и выделяя углекислоту, хотя процессъ и происходитъ въ крайне слабой степени. Да зерно и не соответствуетъ яйцу; зерно въ своей существеннѣйшей части есть какъ бы все растеніе въ миниатюрѣ, въ немъ зачатки и корня, и ствола, и листьевъ.

Животный міръ въ свою очередь представляетъ не мало примѣровъ скрытой жизни. Есть не мало мелкихъ животныхъ существъ которыя чрезъ высушеніе впадаютъ въ состояніе полной химической индифферентности. Замѣчательныя явленія представляемыя коловратками (*rotifères*). Коловратки микроскопическія (достигающія впрочемъ до миллиметра величины), существа весьма сложной организаціи, будучи лишены влаги, теряютъ подвижность и высыхаютъ принимая клубообразную форму. Капля воды вновь пробуждаетъ жизнь и движеніе. Спаланцани наблюдали до шестнадцати разъ послѣдовательное замираніе и оживленіе паразитныхъ червячковъ встрѣчающихся въ зернахъ ржи, а Бекеръ (*Baker*, 1771) видѣлъ какъ они оживаютъ послѣ двадцати семи лѣтъ безжизненнаго состоянія.

Причина по которой удаленіе влаги, измѣняя физически живыя ткани, останавливаетъ и химическій процессъ обуславливающий проявленія жизни, заключается въ томъ основномъ правилѣ что химическія взаимныя дѣйствія частицъ обнаруживаются въ жидкой средѣ. *Corpora non agunt nisi soluta*. Бродящія начала или ферменты какъ организованные, такъ и не организованные требуютъ потому для своего дѣйствія известной степени теплоты и влаги. Желудочный сокъ высушенный не оказываетъ никакого дѣйствія будучи смѣшанъ съ высушеною же говядиною. Дѣйствіе тотчасъ начинается съ прибавленіемъ воды при температурѣ близкой къ температурѣ тѣла (около 40°).

Живыя существа коихъ жизненные процессы, не замирая

вполнѣ, претерпѣваютъ однако измѣненія въ широкихъ предѣлахъ, зависимо отъ вѣшнихъ условій, имѣютъ по терминологіи Клода Бернара *колеблющуюся жизнь* (*vie oscillante*). Такихъ существъ очень много въ природѣ. У всѣхъ растений жизнь притуляется зимой. Она не погасаетъ вполнѣ, процессъ прінятія и выдѣленія продолжаются, но доведень до *minimum*. Весною, съ возвращеніемъ теплоты, жизненное движеніе усиленно пробуждается, появляются почки, листья, образуются новыя части.

Въ животномъ царствѣ замѣчаются подобныя явленія. Всѣ безпозвоночныя, всѣ хладнокровныя позвоночныя имѣютъ колеблющуюся жизнь и зимою погружаются въ состояніе оцѣпенія. Состояніе это у млекопитающихъ ему подверженныхъ называется *спячкой*. Оно вообще есть сдѣдствіе пониженія температуры, но замѣчательно что иногда повышение ея ведетъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ. Лагушки при температурѣ около 40° приходятъ въ оцѣпенѣлое состояніе, американское млекопитающее тапекъ въ большіе жары впадаетъ въ летаргію.

Въ чемъ состоитъ это притупляющее дѣйствіе холода являющагося обыкновенно причиной ослабленія жизненныхъ процессовъ? Опытъ показываетъ что животное впадаетъ въ состояніе оцѣпенія, потому что его органическіе элементы окружены охлажденною средой, въ которой химическіе процессы ослабѣваютъ. У хладнокровныхъ животныхъ нѣтъ механизма который поддерживалъ бы, какъ у теплокровныхъ, температуру внутренней среды неизмѣнною, несмотря на атмосферныя перемѣны. Охлажденіе вѣшней среды прямо ведетъ за собой охлажденіе и внутренней. Не должно думать что охлажденіе дѣйствуетъ первоначально на нервную систему, на чувствительность животнаго. Нѣтъ, всакій органическій элементъ окруженный охладѣвшею средою цѣлѣнѣтъ самостоятельно, и самостоятельно возвращается къ жизни. Клодъ Бернаръ бралъ лягушку въ состояніи зимняго оцѣпенія; чувствительность, движенія притуплены, жизненное сгараніе крайне слабо, сердце дѣлаетъ четыре удара въ минуту вмѣсто лятнадцати или двадцати какъ лѣтомъ. Открывъ полость груди такъ что было видно сердце, Клодъ Бернаръ погружалъ лапку такой лягушки въ теплую воду. Былъ ли нервъ лапки прерѣзанъ или нѣтъ, лягушка оживала чрезъ одинаковое время: сердце

начинало биться сильнѣе и всѣ органы повемного пробуждались. Очевидно что кровь въ потокѣ своего круговращенія нагрѣвалась въ лалкѣ и приходя болѣе теплою въ сердце ускоряла его бѣвеніа и ускореннымъ токомъ разливалась въ организмъ, примося всюду оживленіе.

Состояніе зимняго оцѣпленьія спасаетъ животное отъ гибели. Лягушки всю зиму не привимають лица, онѣ не выдержали бы такого продолжительнаго воздержанія есабы кровь ихъ была теплѣе. Маленькая птичка, которой жизненная дѣятельность всегда значительна, не можетъ сутокъ прожить безъ лица.

Третья форма жизни—*жизнь постоянная* по Клоду Бернару есть принадлежность тѣхъ существъ у которыхъ физическія условія внутренней среды,—крови омывающей органы ткани, элементы тканей, остаются постоянными, у которыхъ несмотря на атмосферное измѣненіе температура крови не мѣняется замѣтно. Дѣйствіе вѣшнихъ пережѣвъ уравнивается измѣненіемъ внутреннихъ процессовъ. Любопытны механизмы и средства какими поддерживается и регулируется постоянство свойствъ внутренней среды омывающей органическіе элементы тѣла. Нервная система оказывается играющею важную роль въ этихъ регулирующихъ дѣйствіяхъ. Такъ вода, въ опредѣленномъ количествѣ, есть необходимая составная часть разсматриваемой среды. Все количество воды доставляется извнѣ (нѣтъ никакихъ указаній чтобъ она могла образоваться внутри организма). Ощущеніе жажды, находящееся въ зависимости отъ нервной системы извѣщаетъ о недостаткѣ этой влаги въ крови. Будетъ ли ея избытокъ—увеличивается ея выведение изъ организма путемъ жидкихъ и парообразныхъ выдѣленій. Нервная система регулируетъ и внутреннюю теплоту нашего организма, усиливая ее когда требуется повышение температуры, ослабляя когда нужно пониженіе и вообще сохраняя ее въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Замѣчательныя изслѣдованія Клода Бернара показали что есть нервы *термические* и есть нервы *сосудо-двигательные*, вазомоторные. Первые, принадлежащіе къ системѣ большаго симпатическаго нерва, служатъ какъ бы уздомъ для химико-термическихъ процессовъ въ тканяхъ, порождающихъ теплоту. Когда эти нервы дѣйствуютъ, они уменьшаютъ внутреннее сгараніе ткани и понижаютъ температуру.

Вазомоторные (сосудо-двигательные) нервы, ускоряя кровообращение въ периферіи тѣла или въ центральныхъ органахъ, усиливаютъ сгораніе и температуру. Если сильно ослабить дѣйствіе голово-спиннаго мозга, отъ котораго зависятъ вазомоторные нервы, и оставить въ полной силѣ дѣйствіе большого симпатическаго нерва, отъ котораго зависятъ нервы термическіе, температура крови сильно понижается, теплокровное животное какъ бы обращается въ животное съ холодною кровью. Такой опытъ Клодъ Бернаръ осуществлялъ надъ кроликомъ. Онъ перерѣзывалъ ему позвоночный мозгъ между седьмымъ черепнымъ и первымъ спиннымъ позвонкомъ, и температура крови сильно понижалась. Если, напротивъ того, разрушить большой симпатическій нервъ, оставивъ въ цѣлости голово-спинную систему, температура крови увеличивается. Опытъ былъ сдѣланъ съ лошадью. Замѣчалось сильное повышение температуры, настоящая лихорадка.

III.

Міръ живыхъ существъ распадается на два отдѣла: царство растеній и царство животныхъ, два отдѣла рѣзко различающіеся между собою въ вышнихъ своихъ представителяхъ, близко граничащіе на низшихъ ступеняхъ, свидѣтельствующіе о существенномъ единствѣ жизненныхъ явленій.

Въ чемъ различіе животнымъ отъ растеній? Великій Линней, раздѣляя природу на три царства, выразилъ существенный характеръ каждаго изъ нихъ въ афоризмъ: *минералы существуютъ, растенія существуютъ и растутъ, животныя существуютъ, растутъ и чувствуютъ* (*mineralia sunt, vegetalia sunt et crescunt, animalia sunt, crescunt et sentiunt*). Такимъ образомъ: *быть* (*esse*), *жить* (*vivere*) и *чувствовать* (*sentire*), такова по Линнею характеристическая часть трехъ отдѣловъ природы. Линней вернулся къ первоначальному двойственному дѣленію (дѣленіе на три царства, но замѣчанію Клода Бернара, введено около середины XVII вѣка французскимъ алхимикомъ Колесомъ) и признавалъ, по дѣламъ первоначально различія между живыми существами, два класса тѣлъ—тѣла живыя и тѣла неодушевленные. „Но, замѣчаетъ Клодъ Бернаръ, раздѣленіе на три царства все-преобладало и два царства, животное и растительное, стали

разсматриваться почти настолько раздѣльными между собою насколько каждое изъ нихъ отличается отъ минеральнаго царства“. Клодъ Бернаръ возстаетъ противъ такого взгляда. „Пусть образуютъ, говоритъ онъ, далѣе, изъ животныхъ и растений двѣ отдѣльныя категоріи, этому мы конечно противѣчить не станемъ; но если этимъ хотятъ установить между двумя группами столь глубокое различіе что онѣ имѣютъ такъ-сказать двѣ различныя физиологіи, одну животную, другую растительную, то противъ такого воззрѣнія мы должны возстать рѣшительно.“ Элементарная жизнь, жизнь клѣточки, этой основной составной части каждаго организма, въ главныхъ чертахъ подлежитъ одинаковымъ законамъ во всей живой природѣ. Сравнительный обзоръ жизненныхъ процессовъ въ животномъ и растительномъ царствахъ и критика ученія о противоположности жизненныхъ процессовъ у животныхъ и растений принадлежатъ къ любопытѣйшимъ страницамъ новаго очищенія великаго физиолога.

Бюве видѣлъ въ отсутствіи пищеварительнаго канала у растенія весьма общую характеристическую черту отличающую растенія отъ животныхъ. Но намъ извѣстно огромное число назшихъ животныхъ у которыхъ точно также отсутствуетъ пищеварительный каналъ. Строго говоря, каналъ этотъ есть придаточный аппаратъ въ процесѣ питанія, и тѣ выработанные внутри запасы которые составляютъ основу питанія одинаковы въ животныхъ и растеніяхъ.

Далѣе, въ присутствіи азота видѣли характеристическую особенность животнаго организма, полагая что вещество лишь какъ исключеніе встрѣчается въ растительномъ царствѣ. Но анализъ паразитич. грибовъ и зеренъ тайнобрачныхъ растеній опровергъ это мнѣніе. Ничѣя всѣмъ допускается, что протоплазма, главная дѣятельная, работающая часть растеній, имѣетъ тотъ же составъ какъ протоплазма растеній, и азотъ ея существенная часть. Протоплазма исчезаетъ въ клѣточкахъ, фибрахъ и сосудахъ, которые перестаютъ служить развитію растенія и получаютъ значеніе простыхъ опоръ и поддержекъ. Подобнымъ образомъ и въ области животнаго царства панцири скорлупообразныхъ, твердые покровы настькомыхъ суть части бѣдныя азотомъ или и совсѣмъ его лишеныя. Въ свою очередь *клетчатка*, главная составная часть растительныхъ тканей, считавшаяся

характеристическою принадлежностію растений, найдена въ покровѣхъ нѣкоторыхъ животныхъ.

Идея о различіи и даже противоположности двухъ царствъ органическаго міра получила особое развитіе въ остроумныхъ и увлекательныхъ теоріяхъ, которыя Клодъ Бернаръ называетъ теоріями жизненной двойственности, и которыя имѣютъ своими представителями: Дюма, Буссенго, Либиха, Гексли, Тиндала и другихъ. Теоріи эти имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ опыты Пристлиа, произведенные въ концѣ прошлаго вѣка. Великій химикъ показалъ что растенія очищаютъ воздухъ испорченный животными, такъ что процессъ дыханія въ двухъ царствахъ имѣетъ, повидимому, совершенно противоположный характеръ. Мышь посаженная подъ колоколъ погибаетъ чрезъ нѣкоторое время, испортивъ воздухъ въ которомъ немедленно гибнетъ и другое посаженное животное. Но если помѣстить подъ колоколъ шарокастное растеніе, оно очиститъ воздухъ, и животное снова можетъ въ немъ жить. Явленіе происходитъ отъ того что кислородъ, поглощаемый животными, возстановляется растеніями. Животныя потребляютъ кислородъ, растенія его выделяютъ. Животныя сжигаютъ уголь, растенія его производятъ изъ поглощаемой углекислоты, тогда какъ животныя углекислоту выделяютъ. Животному царству принадлежитъ, повидимому, потребление, сжиганіе органическихъ матеріаловъ; растеніямъ—ихъ созиданіе. Дюма и Буссенго въ своей химической статикѣ живыхъ существъ такъ выразили противоположность двухъ царствъ природы:

Растеніе	Животное
производитъ сахарныя, жирныя, бѣлковыя вещества,	потребляетъ сахарныя, жирныя, бѣлковыя вещества;
разлагаетъ съ выдѣленіемъ кислорода—углекислоту, воду, водный амміакъ,	производитъ съ поглощеніемъ кислорода—углекислоту, воду, амміакъ,
поглощаетъ теплоту, неподвижно.	выдѣляетъ теплоту, движется.

Согласно такому ученію, жизненное твореніе матеріаловъ принадлежитъ исключительно растеніямъ; организмъ животныхъ не способенъ образовывать входящіе въ его составъ жиръ, бѣлокъ, фибринъ, сахаръ, крахмалъ. Все это доставляется растеніями, и животное въ процессъ питанія принимаетъ эти вещества уже готовыми. Молоко доставляемое

коровую въ его составныхъ частяхъ, казеинъ, маслѣ, сахарѣ, должно въ точномъ равенствѣ по вѣсу заключаться въ травѣ которую она питается. Клодъ Бернаръ опровергаетъ эту теорію *прямаго питанія* или улодобленія животнымъ организмомъ готовыхъ матеріаловъ заключающихся въ пищѣ. „Физиологическое изученіе явленій, говоритъ онъ, доказываетъ что питаніе всегда есть *не прямое*. Пища прежде всего исчезаетъ какъ опредѣленное химическое вещество и только затѣмъ, послѣ долгой органической работы, сложной жизненной обработки, образуетъ *запасы* всегда одинаковые, которые служатъ для питанія организма. Питаніе и пищевареніе вполнѣ отдѣльны; природа пищи существенно измѣняющаяся, въ нормальномъ состояніи, не имѣетъ вліянія на образованіе запасовъ остающихся постоянными какъ постоянно составъ органическихъ жидкостей и тканей. Словомъ, тѣло никогда не питается разнообразною пищей, но всегда чрезъ посредство тождественныхъ запасовъ, приготовленныхъ нѣ котораго рода работой отдѣленія. И то что мы говорили объ образованіи *питательныхъ запасовъ* прилагается одинаково къ обоимъ царствамъ, и къ животному, и къ растительному.“ Доказано что животнымъ дѣйствительно образуютъ жиръ независимо отъ жира который они могутъ получить изъ пищи. Травоядное животное создаетъ жиръ вмѣсто того чтобы находить его готовымъ, плотоядное дѣлаетъ то же. Природа не употребляетъ тутъ мѣры экономіи и не пользуется готовымъ матеріаломъ. Собака съѣдающая баранье мясо жирѣетъ не отъ жира барана, а приготовляетъ собственный. Клодъ Бернаръ, при содѣйствіи Бертело, пытался дать опытное доказательство этого положенія, кормивъ животное хлористымъ жиромъ (въ коемъ нѣсколько частицъ водорода замѣщены частицами хлора) и убѣждался что жиръ выработанный въ организмѣ былъ иной чѣмъ тотъ какимъ кормили животное и представлялъ обыкновенныя свойства жира того организма въ которомъ отложился. Образованіе сахара работою печени въ животномъ организмѣ, главнѣйшее открытіе Клода Бернара, даетъ еще болѣе разительное подтвержденіе его ученію. Лѣтъ тридцать тому назадъ всѣ были увѣрены что сахаръ есть вещество несомнѣнно растительнаго происхожденія, и что тотъ который встрѣчается въ животныхъ заимствованъ отъ растений. Клодъ Бернаръ доказалъ что сахаръ фабрикуется самимъ

животнымъ изъ весьма различныхъ питательныхъ матеріаловъ и помощію приемовъ тождественныхъ съ тѣми какіе имѣютъ мѣсто въ растеніяхъ.

Ученіе о двойственности жизни въ природѣ, о противоположности животнаго и растительнаго міра находило особую опору въ фактахъ животнаго и растительнаго дыханія. Животные поглощаютъ кислородъ изъ атмосферы и выделяютъ углекислоту, растенія поглощаютъ углекислоту и выделяютъ кислородъ. Вотъ фактъ послужившій основаніемъ къ построенію остроумнаго отношенія двухъ царствъ живой природы, приведеннаго въ связь съ механическою теоріей теплоты.

„Земная атмосфера, говоритъ Тиндаль, содержитъ углекислоту, поверхность земли покрыта живою растительностію. Углекислота—лица растенія. Въ ней растеніе принимаетъ кислородъ соединенный съ углеродомъ; оно раздѣляетъ ихъ, удерживая углеродъ, выделяя на свободу кислородъ. Эту работу удобоженія растеніе производитъ не помощію какой-либо спеціальной силы отличной отъ другихъ силъ природы: великимъ магомъ является опять солнце.... Разложеніе углекислоты происходитъ на счетъ солнечнаго свѣта. Безъ солнца оно не имѣло бы мѣста и требуетъ траты солнечнаго свѣта равной произведенной частичной работѣ раздѣленія. Такъ возрастаютъ деревья, зеленеютъ луга, распускаются цвѣты. Когда лучи солнца падаютъ на песчаную поверхность, песокъ нагревается и въ концѣ-концовъ лучеиспускаетъ столько тепла сколько получилъ. Но если эти лучи падаютъ на лѣсъ,—количество возвращенной теплоты менѣе количества полученной, ибо энергія нѣкоторой части лучей пошла на произрастаніе деревъ. И зажигаю волокно хлопка, оно сгораетъ выделяя опредѣленное количество тепла: это то самое количество какое было похищено у солнца чтобъ образовать волокно. Всякое дерево, всякое растеніе, всякій цвѣтокъ, растутъ и цвѣтутъ благодаря солнцу. Но не остановимся на растительной жизни, посредственномъ или непосредственномъ источникѣ самой животной жизни, и сдѣлаемъ шагъ далѣе. Въ тѣлѣ животнаго растительныя вещества вновь приходятъ въ прикосновеніе съ ихъ любимымъ кислородомъ и сгораютъ въ насъ какъ сгораетъ уголь на очагѣ. Пораждаемая этимъ горѣніемъ теплота есть источникъ всей энергіи животнаго; силы при этомъ дѣйствующія

тъ же, по роду своему, какъ силы дѣйствующія въ неорганической природѣ. Въ растеніи пружина заведена, въ животномъ она разматывается. Въ растеніи атомы раздѣляются, въ животномъ соединяются вновь.“ Растеніе образуетъ запасъ такъ-называемой потенціальной энергіи, какъ бы подымаетъ грузъ на верхъ; животное обращаетъ ее въ энергію движенія и работы: грузъ падаетъ съ высоты производя дѣйствіе.

Клодъ Бернаръ рѣшительно возстаетъ противъ раздѣленія главныхъ жизненныхъ функцій органическаго созданія и органическаго разрушенія въ два царства природы. Оба процесса въ совмѣстномъ проявленіи,—необходимое условіе жизни. Въ частности по отношенію къ процессу дыханія опытъ не подтверждаетъ антагонизма этого процесса у животныхъ и растеній. Дыханіе тождественно въ растительномъ и животномъ мірѣ. Растительная протоплазма, незеленныя части растенія, корни, зерна и проч. имѣютъ тѣ же дыхательныя свойства какъ животныя тѣла; точно также поглощаютъ кислородъ, выделяютъ углекислоту и производятъ теплоту: фактъ несомнѣнно доказываемый прорѣзаніемъ зеренъ. Само по себѣ важное, дѣйствительно характеристическое для растительнаго царства разложеніе углекислоты и выдѣленіе кислорода *зелеными* частями растенія есть особый процессъ, зависящій отъ присутствія особаго вещества *хлорофилла*, не имѣющій никакаго отношенія къ дыханію. Сама хлорофилловая протоплазма имѣющая своею функціей разлагать углекислоту, удерживая углеродъ и выдѣляя кислородъ, живетъ также какъ всѣ животныя и растительныя протоплазмы, поглощая кислородъ и выдѣляя углекислоту. Особая функція хлорофилла обнаруживается подѣ влияніемъ солнечныхъ лучей. Но присутствіе въ живомъ тѣлѣ этого матеріала, съ его замѣчательною химическою особенностію, не принадлежитъ исключительно растительному міру, и потому въ строгомъ смыслѣ не можетъ служить къ различенію животныхъ и растеній. Правда, растенія, особенно аѣтомъ, снабжены хлорофилломъ въ несравненно большемъ количествѣ чѣмъ животныя, но хлорофиллъ не отсутствуетъ абсолютно и въ животныхъ. Есть животныя обладающія тѣмъ матеріаломъ (*Euglena viridis*, *Stentor polymorphus* и др.) съ его характеристическою функціей. Съ другой стороны

обширный классъ грибовъ въ растительномъ мірѣ лишены хлорофилла. Есаябъ обладаніе хлорофилломъ считать отличительнымъ признакомъ растенія, грибы пришлось бы перенести въ царство животныхъ.

IV.

Но чувствительность, движеніе? Не полагаютъ ли эти явленія разной гравиды между двумя формами жизни—растительною и живоотною? Животныя чувствуютъ, училъ Линней, полагая въ этомъ признакъ отсутствующемъ въ растеніяхъ характеристическій признакъ животноаго организма. Но чтобы сравнивать жизненные явленія въ двухъ органическихъ царствахъ надлежитъ обращаться не къ вышшимъ ихъ формамъ, такъ рѣзко разошедшимся между собою чрезъ сложную, разнмъ образомъ свершившуюся группировку простѣйшихъ элементовъ, но остановить вниманіе на самыхъ этихъ элементахъ. Физическая частица кристаллъ есть основная, простѣйшая форма неорганическаго міра. Какая основная форма организованной матеріи? Микроскопъ указалъ эту форму въ органической *кѣточкѣ*. Всякій организмъ есть совокупность кѣточекъ. Кѣточка есть анатомическій элементъ растенія и животноаго, простѣйшій морфологическій организмъ, изъ каковыхъ слагаются сложные организмы. Есть растенія которыхъ вся ткань есть простое сгруппированіе кѣточекъ. Въ другихъ случаяхъ кѣточки сплавляются въ *сосуды*, преобразуются въ *волокна*. То же и въ животномъ мірѣ. Элементы всѣхъ тканей сводятся гистологами къ формамъ кѣточки. Всѣ двадцать одна органическія ткани Биша сводятся къ этому единому элементу, одинаковому въ двухъ царствахъ и свидѣтельствующему о единствѣ строенія всѣхъ живыхъ существъ. Изученіе жизненныхъ явленій должно сводиться къ изученію жизни кѣточки.

Такова *целлюлярная* теорія. Но дальнѣйшія изслѣдованія показали что кѣточки не есть еще простѣйшій организованный элементъ. Въ 1850 году, ботаникъ Коль наблюдалъ зооспоры и антерозонды папоротниковъ,—болѣе простые элементы чѣмъ кѣточки, въ томъ отношеніи что состоятъ изъ массы *протоплазмы* голой, безъ оболочки. Кѣточка,

оказывается, есть уже усложненный элементъ. Точка отправления организованныхъ формъ есть масса протоплазмы. Первая ступень усложненія есть образованіе ядра, напоминающее сгущеніе космическихъ туманностей; вторая—образованіе уплотненнаго наружнаго слоя, *оболочки*. Является клеточка какъ мышечекъ съ ядромъ и протоплазмой внутри. Такимъ образомъ изученіе жизненныхъ процессовъ въ ихъ простѣйшемъ проявленіи приводится къ изученію свойствъ и дѣйствій этой морфологической безформенной зернистой массы опредѣленнаго физико-химическаго строенія. Есть основаніе полагать что строеніе это при кажущейся однородности весьма сложно, что протоплазма не послѣдній предѣлъ до какого достигаетъ микроскопическій анализъ организованнаго міра. Но теорія сложности строенія протоплазмы (пластидулярная теорія) пока еще не получила достаточнаго развитія.

Какое свойство протоплазмы можетъ быть названо ея жизненнымъ свойствомъ? Такое свойство есть такъ-называемая *раздражимость* (*irritabilité*), видимо обнаруживающаяся явленіями движенія при извѣстныхъ условіяхъ. Явленія сократимости и перемѣщенія суть первыя явленія раздражительности обнаруживающіяся подъ условіемъ вѣшняго дѣйствія. По мѣрѣ усложненія организмовъ, и явленія раздражительности принимаютъ болѣе сложныя формы, но на всѣхъ ступеняхъ, по опредѣленію Клода Бернара „раздражительность есть свойство какимъ обладаетъ всякій анатомическій элементъ, то-есть протоплазма входящая въ его строеніе, приходитъ въ дѣйствіе и отвѣчать (реагировать) извѣстнымъ образомъ на дѣйствія вѣшнихъ возбудителей.“ Возможность разнообразія такихъ отвѣтовъ смутно заключается въ первоначальныхъ свойствахъ протоплазмы, которыя специализуются и дифференцируются въ усложненныхъ формахъ организаціи. Въ каждой живой ткани протоплазма никогда не теряетъ способности отвѣчать на дѣйствіе возбудителя, обнаруживая какое-либо изъ своихъ спеціальныхъ свойствъ. Въ нѣкоторыхъ клеточкахъ вѣшнее раздраженіе имѣетъ послѣдствіемъ химическіе процессы, результатъ коихъ обнаруживается въ формѣ отдѣленій твердыхъ или жидкихъ; въ другихъ вѣшнее раздраженіе производитъ размноженіе клеточекъ; въ иныхъ мускульное сокращеніе. Протоплазма есть такимъ образомъ

источникъ всего, единственная живая матерія тѣла, одушевляющая всѣ другія. Новое существо развивается изъ части протоплазмы родителей и жизнь продолжается чрезъ непрерывное воспроизведеніе протоплазмы.

Вѣдѣніе возбудители протоплазмы разнообразны. Это суть вода, кислородъ, теплота, различныя тѣла растворенныя въ окружающей средѣ, — какъ бы четырехъ стихій древнихъ. Между веществами дѣйствующими на протоплазму, особаго изученія заслуживаютъ тѣ которыя лишаютъ ее раздражительности, — временно, а при болѣе продолжительномъ дѣйствіи и навсегда. Клодомъ Бернаромъ произведены любопытнѣйшія изслѣдованія надъ дѣйствіемъ такихъ *анестезическихъ* веществъ, — каковы хлороформъ, эфиръ, — на организмы какъ животныя, такъ и растительныя. Вещества эти имѣютъ способность прекращать дѣятельность протоплазмы, какая бы она ни была и какимъ бы образомъ ни обнаруживалась. Всѣ явленія дѣйствительно зависящія отъ физической раздражительности прекращаются временно или окончательно, тогда какъ другія явленія, чисто химическія, происходящія безъ участія раздражительности, продолжаютъ. Отсюда прекрасное средство распознавать собственно жизненные процессы отъ другихъ.

Всякій знаетъ что эфиръ и хлороформъ имѣютъ свойство отнимать мгновенно чувствительность и чрезъ то оперируемаго больного лишать сознанія и воспоминанія боли, что равносильно съ ея прекращеніемъ. Клодъ Бернаръ нашелъ что это анестезическое дѣйствіе есть общее, касающееся не только чувствительности или сознанія боли, но простирающееся на всякаго рода жизненные проявленія, ибо дѣйствуетъ на протоплазму, лишая ее *раздражимости* во всѣхъ ея формахъ. Анестезирующее дѣйствіе поражаетъ такимъ образомъ постепенно всѣ ткани живаго существа. Когда человѣкъ приводится въ безчувствіе помощью эфира или хлороформа, вещества эти вдыхаются помощію легкихъ и, поступивъ въ кровь, обращаются съ нею въ тканяхъ. Прежде всего дѣйствіе обнаруживается на болѣе delicateй протоплазмѣ нервныхъ центровъ, чрезъ что прежде всего исчезаютъ явленія сознанія и чувствительнаго воспріятія, тогда какъ протоплазма нервовъ, мускуловъ, железъ и другихъ анатомическихъ элементовъ еще не поражена.

Жизненные процессы продолжаются, и безчувственное состояние не грозитъ опасностію жизни. Еслибъ анестезіей были поражены всѣ анатомическіе элементы, всѣ жизненные процессы прекратились бы, и послѣдовала бы мгновенная смерть. Хирургическая анестезія есть слѣдовательно не полная, простирающаяся лишь на первые, наиболѣе тонкіе элементы, коими обуславливается сознательная чувствительность.

Явленія анестезіи въ ихъ различныхъ стадіяхъ можно изучать, какъ показалъ Клодъ Бернаръ, не только на животнымъ, но и на растеніяхъ. Въ растительномъ царствѣ есть масса примѣровъ движеній наступающихъ подъ вліяніемъ вѣтшахъ раздраженій и свидѣтельствующихъ что органическая раздражительность не есть исключительная принадлежность животнымъ. Примѣровъ особенно много у тайнобрачныхъ растеній; есть не мало и въ отдѣлѣ явнобрачныхъ и на первомъ планѣ поразительныя движенія листьевъ мухоловки (*Mimosa pudica*). Листья мухоловки сложныя, расположенныя въ каждой вѣткѣ на четырехъ развѣтвленіяхъ общаго черенка. Когда растеніе подвергнуто дѣйствію какого-либо возбuditеля, общій черенокъ опускается, четыре развѣтвленія его обжимаются и листочки складываются вѣтвь, налегая одинъ на другой верхнею стороною. Возбудителями могутъ вообще служить тѣ же дѣйствія какія пробуждаютъ животную чувствительность: толчки, удары, обжоги, дѣйствіе ѣдкихъ веществъ, электрическій разрядъ. Обнаруживаются даже явленія утомленія и какъ бы привычки. Дефонтезъ наблюдалъ что при перевозкѣ мухоловки первыя сотрясенія экипажа производили опусканіе черенковъ и обжатіе листьевъ, но скоро листья расправлялись: растеніе какъ бы привыкало къ толчкамъ. Остановка, новое движеніе возобновляли явленіе, но съ ослабѣвющею силой. Клодъ Бернаръ показалъ что хлороформъ и эфиръ дѣйствуютъ на мухоловку, и что слѣдовательно средства усыпляютъ чувствительность животнымъ производятъ аналогическія явленія и въ растеніяхъ. Онъ помѣщалъ подъ стеклянные колпаки, — подъ одинъ птичку, подъ другой мышь, подъ третій лягушку и подъ четвертый мухоловку. Подъ каждый изъ колпаковъ было введено по губкѣ смоченной эфиромъ. Анестетическое дѣйствіе не замедлило обнаружиться. Птичка первая его почувствовала: она шатается и падаетъ безъ

чувствъ по истеченіи четырехъ, пяти минутъ; очередь за мышью: чрезъ десять минутъ ея можно тревожить, щипать за лапку, и движенія не обнаруживаются. Позже парализуется и лягушка: ее можно вынуть изъ-подъ колокола въ совершенно безчувственномъ состояніи. Остается мухоловка; минутъ чрезъ двадцать, двадцать лять начинается обнаруживаться и ея нечувствительность; прикосновеніе къ листьямъ не производитъ ихъ движенія, какъ производило его въ нормальномъ состояніи растенія. Съ удаленіемъ ээира раздражительность мало-по-малу возстановляется.

Всѣ живые элементы организованнаго тѣла, благодаря ихъ протоплазмѣ, подвержены дѣйствию анестезирующихъ веществъ. Въ пропитанной ээиромъ атмосферѣ отдѣленное отъ тѣла сердце лягушки перестаетъ биться; біенія возстановляются съ удаленіемъ вліянія ээира. Дрожація волокна эпителиальной ткани выстилающей лицевой каналъ лягушки подъ дѣйствиемъ паровъ ээира прекращаютъ свое движеніе. Положенныя на такую ткань, въ нормальномъ ея состояніи, легкія тѣла (даже дробинки) постепенно перемещаются этимъ движеніемъ даже вопреки тяжести; остаются неподвижными какъ скоро ткань подвергнута вліянію ээира.

Въ чемъ состоитъ дѣйствіе ээира; почему прекращается его раздражительность тканей или ихъ элементовъ? Дѣйствіе это очевидно есть нѣкоторое химическое или частичное измѣненіе въ самомъ веществѣ элементовъ. Основываясь на своихъ опытахъ, Клодъ Бернаръ полагаетъ что дѣйствіе это есть родъ *свертыванія*. Ээиръ, повидимому, свертываетъ протоплазму перваго элемента, свертываетъ содержимое мускульнаго волокна, производя въ немъ жесткость въ родѣ трутня. Въ физиологическомъ состояніи, элементы тканей обнаруживаютъ дѣятельность при извѣстныхъ условіяхъ жидкости или полужидкости ихъ вещества. Такъ, мускульное содержимое полужидко; со свертываніемъ его дѣятельность прекращается, подобно тому какъ съ замерзаніемъ воды прекращаются ея механическія свойства впродъ до растаянія. Микроскопъ въ волокнахъ мускула подвергнутаго дѣйствию ээира обнаруживаетъ непрозрачность и полусвернутое состояніе содержимаго матеріала.

Наконецъ, Клодъ Бернаръ обнаружилъ анестезирующее дѣйствіе хлороформа и ээира въ явленіяхъ прозябанія

зеренъ, развитія яйца и въ процессахъ броженія у животныхъ и растеній. Оказалось что при всѣхъ благоприятныхъ условіяхъ воздуха, влаги, теплоты его въ атмосферѣ пропитанной анестезирующимъ веществомъ, зерна не прозябаютъ. Яйцо въ такой атмосферѣ умираетъ. Растворимые ферменты броженія, какъ не живые, вліянію хлороформа и эфира не подлежатъ; протоплазмическіе или живые останавливаются въ своемъ дѣйствіи. Въ высокой степени интересны изслѣдованія надъ вліяніемъ анестезирующихъ веществъ, функція хлорофилла въ растеніяхъ сравнительно съ процессомъ дыханія. Разлагающая углекислоту воздуха работа хлорофилла оказывается жизненнымъ актомъ. Онъ ослабѣваетъ и исчезаетъ подъ дѣйствіемъ анестезирующихъ средствъ, тогда какъ средства эти на процессъ дыханія не имѣютъ вліянія. Разложеніе углекислоты прекращается, а свойственное процессу дыханія образованіе углекислоты продолжается. Уже давно Спалланцани показалъ что мускулъ отдѣленный отъ тѣла, лишенный жизни, продолжаетъ отдѣлять углекислоту. Кусокъ вареной ветчины, помѣщенный подъ колоколомъ, дышитъ и производитъ углекислоту. Дыханіе есть процессъ чисто химическій, функція хлорофилла процессъ жизненный.

Тождество дыхательнаго процесса въ животныхъ и растеніяхъ Клодъ Бернаръ подтверждаетъ опытомъ въ которомъ воздушный потокъ раздѣляется на двѣ вѣтви, одну проходящую чрезъ колоколъ гдѣ помѣщена мышь, другой чрезъ колоколъ содержащій молодую калуету. Выходящій изъ того и другаго колокола воздухъ изслѣдуется относительно образовавшейся углекислоты, и оказывается что какъ дыханіе животнаго, такъ и дыханіе растенія ведетъ къ образованію углекислоты.

V.

Каждое живое тѣло есть лабораторія. Процессы въ немъ происходятъ по общимъ химическимъ законамъ, явленія евершаются въ силу того же средства какъ и въ неживой природѣ. Двухъ химій нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, химическіе приемы обыкновенной лабораторіи и живаго тѣла существенно разнятся между собою. Живое тѣло есть лабораторія особаго устройства, съ особыми снарядами и реагентами,

созданными организмомъ. „Такъ химикъ, замѣчаетъ Клодъ Бернаръ, превращаетъ крахмалъ въ сахаръ помощію кислоты имъ сфабрикованной; онъ производитъ процессъ мылообразованія въ жирныхъ тѣлахъ помощію такого поташа, концентрированной сѣрной кислоты, перегрѣтаго водяного пара—реактивовъ которые онъ самъ составилъ. Животное, также какъ и прозябающее зерно, обращаетъ крахмалъ въ сахаръ безъ кислоты, помощію фермента (діастаза), который есть продуктъ организма. Салонификація жировъ въ животномъ, въ его кишечномъ каналѣ, происходитъ безъ такого поташа, безъ водяного пара, но помощію сока поджелудочной железы, который есть ея продуктъ. Живая лабораторія имѣетъ сдѣловательно свои реактивы, но химическіе процессы въ сущности тѣ же что и въ обыкновенной.“ Обращеніе крахмала въ сахаръ, раздвоеніе жира на жирную кислоту и глицеринъ въ обоихъ случаяхъ свершаются тождественнымъ химическимъ механизмомъ. То же и относительно органическаго созданія веществъ. Химизмъ лабораторіи можетъ производить синтезы какъ и живыя тѣла, и уже осуществилъ значительное ихъ число. Химики приготавливаютъ масла, жиры, кислоты какіе фабрикуются живымъ организмомъ. Но можно утвердительно сказать что и тутъ агенты синтеза различны; такіе особые агенты несомнѣнно существуютъ въ тѣлѣ хотя еще и неизвѣстны... Однимъ словомъ, химикъ въ своей лабораторіи и живой организмъ среди своихъ аппаратовъ работаютъ каждый одинаково, но разными орудіями. Химикъ можетъ сдѣлать продукты живаго существа, но никогда не сдѣлаетъ его орудій, ибо орудія эти суть результатъ органической морфологіи, стоящей внѣ химизма въ тѣсномъ смыслѣ; въ этомъ отношеніи химику столь же невозможно сфабриковать протѣйный ферментъ какъ сфабриковать цѣлое живое существо.“

Разъясненіе тайны обработки сахара въ животномъ организмѣ—величайшее изъ открытій Клода Бернара. Въ теченіе тридцати лѣтъ онъ не переставалъ возвращаться къ этому важному вопросу, а въ послѣдніе два года сдѣлалъ цѣлый рядъ опытныхъ и практическихъ сообщеній по этому предмету.

„Тридцать лѣтъ тому назадъ, говоритъ онъ въ своихъ *Урокахъ*, я пришелъ къ открытію гликотенической (сахаро-

образовательной) функціи животныхъ. Я былъ приведенъ къ этому открытію не предвзятыми идеями, а частыми и простыми наблюденіями фактовъ. Тогда думалъ что сахаръ образуется исключительно растеніями. Я только начиналъ учное поприще и естественно имѣлъ мнѣнія того времени. Я не хотѣлъ разрушать теоріи исключительно растительнаго гликогенеза, а искалъ подтвердить ее и распространить. Я спрашивалъ себя: какимъ образомъ сахаръ, принимаемый животнымъ въ растительной пищѣ, разлагается и разрушается въ животномъ организмѣ. Не довольствуясь гипотезами основанными на уравненіи входящихъ въ организмъ и выходящихъ изъ него питательныхъ матеріаловъ, я предпринялъ рядъ опытовъ, помощью коихъ предположилъ сдѣлать въ крови, до его исчезновенія, сахаръ принятой питательнымъ путемъ животного. Съ первыхъ же попытокъ я былъ изумленъ найдя что кровь собакъ всегда заключаетъ сахаръ, какаѣ бы ни была ихъ пища и даже когда онѣ голодаютъ. Фактъ этотъ такъ легко обнаружился что очень удивительно какъ его не замѣтили прежде. Произшло это единственно оттого что господствовало вліяніе предвзятыхъ идей, отъ каковыхъ надлежало освободиться, и что съ другой стороны изсѣдователи, мои предшественники, не соблюли строго правилъ экспериментальной методы. Уже въ 1832 году Тидеманъ нашелъ что крахмалъ пищи можетъ преобразоваться въ сахаръ и перейти въ кровь. Онъ находилъ глюкозу въ кишкахъ, потомъ въ крови собаки питавшейся мучнистыми веществами. Тидеманъ вывелъ заключеніе, тогда новое, что сахаръ нормально образуется въ кишкахъ чрезъ пищевареніе мучной пищи и отсюда можетъ перейти въ питательный сокъ и кровь. Тидеманъ не сдѣлалъ дальнѣйшаго открытія, ибо пренебрегъ въ своихъ опытахъ однимъ изъ важнѣйшихъ предписаній экспериментальной методы: не сдѣлалъ противо-испытанія. Онъ удовольствовался заключеніемъ что сахаръ крови происходитъ изъ принятаго крахмала, но не испыталъ, чтобы подкрѣпить свое наблюденіе, отсутствуетъ ли сахаръ въ крови животного которое не питалось крахмаломъ. Вотъ это-то противо-испытаніе я сдѣлалъ, и оно показало мнѣ что сахаръ животныхъ нормально содержитъ сахаръ, независимо отъ ихъ пищи. Я пошелъ далѣе и показалъ что у взрослыхъ млекопитающихъ образованіе сахара происходитъ

въ печени. Выходящая изъ печени кровь всегда болѣе обильно снабжена сахаромъ чѣмъ кровь какой-либо другой части тѣла.“ Много труда положилъ Клодъ Бернаръ чтобы разъяснить самый процессъ образованія сахара въ печени. Онъ открылъ наконецъ что матеріалъ производящій сахаръ въ печени есть настоящій животный крахмалъ, *гликогенъ*, и показалъ что такимъ образомъ способъ образованія сахара тождественъ въ двухъ царствахъ живой природы. Самый синтезъ животного крахмала еще окруженъ тайною. Вивисекція нарушаетъ, останавливаетъ процессъ образованія гликогена, не останавливая и даже ускоряя явления разрушенія и преобразованія. Вслѣдствіе этого, *post mortem* наблюдается процессъ разрушенія гликогена, тогда какъ процессъ его образованія требуетъ цѣлости организма.

VI.

Остановимъ, въ заключеніе, вниманіе на токсикологическихъ изслѣдованіяхъ Клода Бернара. Между многочисленными трудами великаго физиолога, изученіе дѣйствія ядовъ на организмъ занимаетъ видное мѣсто. Изученіе это важно для физиолога, ибо во многихъ случаяхъ позволяетъ анализировать сложные и тонкіе жизненные процессы: раскрывая механизмъ смерти послѣдовавшей отъ ядовитого вещества, оно раскрываетъ не прямымъ путемъ механизмъ жизни. Особенно любопытно многотомнее изслѣдованіе дѣйствія *кураре*, ядъ которымъ дикари Южной Америки напаяютъ свои ядовитыя стрѣлы. Существованіе этого яда извѣстно въ Европѣ со времени открытія Гвіаны Вальтеромъ Ралейгомъ въ концѣ XVI вѣка. Онъ первый привезъ такіа стрѣлы въ Европу. Въ описаніяхъ путешествій послѣдующаго времени можно встрѣтить самые сказочные разказы о приготовленіи и дѣйствіи этого яда. Кондаминъ между прочимъ разказываетъ что обязанность варить ядъ возлагается на старую женщину. Если она умретъ, *кураре* считается хорошаго качества, если останется жива—ее бьютъ розгами. Гумбольдту удалось (во время путешествія по Америкѣ въ началѣ нынѣшняго вѣка) быть свидѣтелемъ приготовленія *кураре*. Два приготовленія—праздники въ родѣ сбора винограда. Дикари отправляются

т. охлху.

въ лѣса собирать листья ядовитаго ліана, изъ сока котораго варится ядъ. Съ возвращеніемъ начинается праздноство знаменуемое повальнымъ пьянствомъ. Въ это время колдунъ, онъ же и врачъ селенія, удаляется одинъ и готовить ядъ, составъ котораго по мнѣнію Гумбольдта, исключительно растительный. Нѣкоторые другіе путешественники свидѣтельствуютъ что въ ядъ, кромѣ растительной части, кладутъ ядовитыхъ муравьевъ и порошокъ изъ вымытыхъ зубовъ. Повидимому, приготовленіе яда различно разныхъ мѣстахъ и окружено таинственными приемами, главная составная часть несомнѣнно одинъ и тотъ же растительный ядъ.

Кюраре привозится въ Европу въ маленькихъ глиняны горшечкахъ. Ядъ чернаго цвѣта и имѣетъ видъ лакрицы.

Утверждали что *кюраре*, быстро и смертельно поражающій когда введенъ въ кровь, не дѣйствуетъ ядовито если принять внутрь, въ желудокъ. Клодъ Бернаръ показалъ что это предразсудокъ. Дѣло въ дозѣ и большей или меньшей быстротѣ проникновенія въ кровь. Ядъ чтобъ оказать дѣйствіе долженъ быть съ потокомъ крови принесенъ къ тѣмъ анатомическимъ элементамъ которые специально поражаетъ. Принятый внутрь онъ проникаетъ въ кровь медленнымъ всасываніемъ, приносится въ случаѣ небольшой дозы къ элементамъ въ недостаточномъ количествѣ и выходитъ изъ организма съ выдѣленіями прежде чѣмъ его накопится крови достаточно для произведенія дѣйствія.

Смерть отъ *кюраре* имѣетъ особый характеръ. Повидимому это самая спокойная смерть. Въ ранкѣ чрезъ какъ введенъ ядъ не обнаруживается никакого болѣзненнаго раздраженія; животное можетъ быть отравлено и не замѣтитъ того. Индійцы ранятъ птицъ маленькими ядовитыми стрѣлами, кончики которыхъ какъ иголка. Часто случается животное не чувствуетъ ранъ, а чрезъ двѣ-три минуты умираетъ. Смертная агонія сопровождается обыкновенно конвульсивными движеніями. Здѣсь ничего подобнаго. И путешественникъ Уаттертонъ разказываетъ что на охотѣ Индеецъ пустилъ стрѣлу въ обезьяну сидѣвшую на деревѣ прямо надъ нимъ. Стрѣла не попала въ животное, но для обратно попала въ руку охотнику выше локтя. Индеецъ тотчасъ понялъ что все для него кончено, „никогда болѣе мнѣ не стрѣлять“, сказалъ онъ, снялъ висѣвшій

печѣ бамбуковый ящикъ съ ядомъ, положилъ на землю лукъ и стрѣлы, протянулся, закрывъ глаза и заснулъ на вѣкъ.

Такимъ образомъ всѣ описанія рисуютъ смерть отъ *кюраре* какъ самую тихую и спокойную. Клодъ Бернаръ показалъ что это заблужденіе, что смерть отъ *кюраре*, особенно для сознательнаго существа, должна сопровождаться ужаснымъ страданіемъ, хотя и невидимымъ для ея свидѣтелей.

Первые опыты свои надъ дѣйствіемъ *кюраре* Клодъ Бернаръ произвелъ въ іюнѣ 1844 года. Онъ ввелъ подъ кожу лягушки маленькій кусочекъ сухаго *кюраре* и наблюдалъ животное. Въ первыя минуты лягушка двигалась и скакала съ большою подвижностью. Но минутъ чрезъ пять переднія ноги перестали ей служить, тѣло осунилось, лягушка осталась недвижима. Прошло нѣсколько минутъ, животное умерло. Немедленное вскрытіе показало что всѣ анатомическіе элементы, исключая нервного, остались неповрежденными: сердце еще билось, мускулы непосредственно раздражаемые электричествомъ обнаруживали сократимость, но возбужденіе электричествомъ нервовъ не производило дѣйствія. Съ прекращеніемъ дѣйствія нервовъ должны были прекратиться и дыхательныя движенія, что ближайшимъ образомъ и повело за собою смерть.

Но нервный элементъ двойкій: *чувствительный* и *двигательный*. Первый есть проводникъ боли и страданія, второй возбуждатель мускуловъ производящихъ всѣ разнообразныя движенія въ нашемъ тѣлѣ. Многообразныя изслѣдованія Клода Бернара показали, что *кюраре* поражаетъ спеціально и исключительно *двигательный* нервный элементъ. Сознаніе сохранено, чувствительность осталась, боль, уколъ ощущаются, но всякое движеніе, всякое внѣшнее обнаруженіе страданій парализовано. Сознательное существо чувствуетъ себя залертымъ въ недвижномъ трулѣ и лишеннымъ всякой силы проявленія. Производя опытъ надъ двумя собаками, одной весьма ласковаго характера, другой дикой и злой, Клодъ Бернаръ могъ прослѣдить какъ оба животныя въ постепенномъ замираніи до конца сохранили свой характеръ. Тихое животное уже лишенное движенія членовъ, слабымъ маханіемъ хвоста, движеніемъ глазъ отвѣчало на призывъ. И когда дыхательныя движенія почти прекратились, глаза потускли, легкое движеніе хвоста еще свидѣ-

тѣлствовало что слышала того кто ей говорилъ. Собака дикой природы до конца обнаруживала ярость, и когда уже не въ силахъ была обнаруживать ее движеніями рта и зубъ, сохраняла ее въ выраженіи глазъ.

Есть ли средство бороться съ отравленіемъ чрезъ кюраре? Еслибы можно было искусственно поддержать дыхательный процессъ пока адъ мало-по-малу съ выдѣленіями выйдетъ изъ организма, жизнь была бы спасена. Подобныя опыты дѣлались надъ животными. Еще въ 1815 году Уаттертонъ и Броди, отравивъ ослицу, чрезъ десять минутъ, когда животное казалось совсѣмъ мертвымъ, вводили въ теченіе двухъ часовъ воздухъ въ легкія помощію мѣха чрезъ разрѣзъ сдѣланный въ дыхательномъ горлѣ. Прерванная было жизнь немедленно возвратилась; ослица подняла голову и поглядѣла вокругъ. Дѣйствія мѣха было на минуту приостановлено, животное опять впадо въ смертный сонъ. Чрезъ два часа искусственнаго дыханія ослица поднялась; всѣ отправления возобновились. Рана на горлѣ скоро была залѣчена и животное вполне выздоровѣло. Приѣмъ искусственнаго дыханія можетъ быть приложенъ и къ человѣку. Но если ядовитыя пораненія только-что произошли, есть и другое средство не дать развиваться отравляющему дѣйствію. Надо послѣднѣе сдѣлать лигатуру (повязку) пораженнаго члена выше того мѣста гдѣ рана. Движеніе крови приостановится въ членѣ, и замедленный ея токъ будетъ постепенно вносить въ остальной организмъ лишь малыя количества ядовитаго вещества недостаточныя чтобы произвести полное дѣйствіе. Чрезъ выдѣленія, адъ постепенно исчезнетъ изъ организма. Дѣйствительность такого приѣма Клодъ Бернаръ доказалъ многочисленными опытами надъ животными.

С.

УЧЕНО-ТОРГОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ВЪ КИТАЙ

ВЪ 1874—1875 ГОДАХЪ

Со времени прекращенія, вслѣдствіе дууганскаго возстанія, торговли нашей въ Кульдѣ и Чугучакѣ, правительство обратило особенное вниманіе на открытіе новыхъ рынковъ для русской предприимчивости въ другихъ частяхъ внутренняго Китая. Съ этою цѣлю въ 1868 году былъ отправленъ въ западную Монголію бывший нашъ консулъ въ Кульдѣ, г. Павликовъ, а вслѣдъ за тѣмъ былъ командированъ въ Уласутай, въ видахъ содѣйствія нашимъ купцамъ, секретарь нашего консульства въ Ургѣ. Кроме того по распоряженію главнаго начальства западной Сибири, въ 1872 году была снаряжена развѣдочная экспедиція въ долину Чернаго Иртыша подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Сосновскаго, которому между прочимъ было поручено собрать полезныя свѣдѣнія объ этомъ край, „представляющемъ самый естественный и кратчайшій путь изъ Западной Сибири внутрь Китая“. * На конецъ, для окончательнаго упроченія возникающихъ торговыхъ связей

* Всеподданнѣйшій докладъ государственнаго канцлера 5го января 1874 года. Не лишнимъ замѣтить что естественность и краткость этого пути, какъ видно, предполагалась заранее, ибо ни то, ни другое еще не было изслѣдовано.

съ Китаемъ и для большаго развитія начатыхъ въ 1868 году, въ этомъ направленіи, изысканій, въ началѣ 1874 года, по соглашенію министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ, Финансовъ и Военнаго и съ Высочайшаго соизволенія, рѣшено было снарядить въ Китай новую экспедицію, съ цѣлю изслѣдовать естественныя, торговыя и политическія условія вышеуказаннаго „кратчайшаго пути“, ведущаго отъ предѣловъ Западной Сибири къ юго-западному углу внутренняго Китая, а именно въ провинціи Сы-чуань. Руководство дѣйствіями экспедиціи было поручено подполковнику генеральнаго штаба Сосновскому, отчетъ котораго объ исполненіи возложеннаго на экспедицію порученія напечатать частями въ каталогъ выставки предметовъ привезенныхъ экспедиціей, въ *Извѣст. Имп. Геогр. Общ.* *, въ газетѣ *Голосъ* ** и въ журналѣ *Военный Сборникъ* и издавъ редакціей этого журнала въ отдѣльной брошюрѣ.

Важность предметовъ, подлежащихъ изслѣдованію экспедиціи, значеніе задачи порученной ей разрѣшенію, значительныя суммы употребленныя на это дѣло правительствомъ и наконецъ то живое сочувствіе которое встрѣтила экспедиція со стороны торговаго сословія и всего образованнаго общества, даетъ отчету г. Сосновскаго право на особенное вниманіе, и подробный разборъ. Прежде всего нѣсколько словъ о самой задачѣ экспедиціи.

Русская учено-торговая экспедиція, какъ видно изъ отчета (стр. 8а), имѣла своею цѣлю: во-первыхъ, изслѣдовать, въ топографическомъ отношеніи, дорогу отъ Зайсанскаго поста, въ Семипалатинской области, къ юго-западнымъ провинціямъ за-стѣннаго Китая и указать при какихъ условіяхъ и средствахъ она можетъ быть примѣнима для нашей торговли; во-вторыхъ, если торговля въ этомъ направленіи представляетъ задатки къ дальнѣйшему развитію, то выяснить соображенія, гдѣ удобнѣе учредить консульство и факторіи, а гдѣ достаточно ограничиться торговыми агентствами, и третьихъ, собрать возможно полныя свѣдѣнія о такъ-называемомъ дууганскомъ возстаніи, которая давали бы возможность опредѣлить будущую политическую судьбу охваченныхъ инсurreкціей провинцій. Такимъ образомъ

* Т. XIII и отдѣльный оттискъ.

** 19го апрѣля 1876 года, № 108.

собственно ученаго порученія экспедиція не имѣла, и задача ея сводилась, главнымъ образомъ, къ цѣлямъ практическимъ: топографическому описанію пути и собранію свѣдѣній о торговлѣ. Исключеніе изъ задачъ экспедиціи ученыхъ изслѣдованій и вообще отсутствіе въ этомъ дѣлѣ участія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, всегда оказывавшаго подобнаго рода экспедиціямъ дѣятельное содѣйствіе, представляется тѣмъ болѣе достойнымъ сожалѣнія что бѣольшая часть посѣщенныхъ экспедиціею мѣстностей принадлежитъ къ наименѣе изслѣдованнымъ въ ученѣмъ отношеніи, что подобныя экспедиціи случаются не часто и не часто обладаютъ такими матеріальными средствами какія имѣла экспедиція г. Сосновскаго, и что наконецъ личный составъ этой экспедиціи былъ сравнительно болѣе пригоденъ для ученыхъ изслѣдованій чѣмъ для изысканій торговыхъ и собиранія свѣдѣній коммерческаго свойства. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи составъ экспедиціи, какъ увидимъ ниже, былъ весьма некомпетентенъ. Что же касается порученія экспедиціи собрать *возможно полныя* данныя о такъ-называемомъ дунганскомъ возстаніи, *которыя давали бы возможность опредѣлить будущую политическую судьбу означенныхъ инсurreкцій провинцій*, то смѣемъ думать что за отсутствіемъ въ этомъ отношеніи болѣе подробной программы, исполненіе такого порученія показалось бы затруднительнымъ не только для членовъ означенной экспедиціи, лицъ (судя по спеціальности ихъ занятій) совсѣмъ незнакомыхъ съ Востокомъ и никогда прежде не посѣщавшихъ Китая, но и для знаменитѣйшихъ изслѣдователей Азіи и знатоковъ Китая, прожившихъ въ немъ десятки лѣтъ. Данными могущими опредѣлить, да и то весьма гадательно, будущую политическую судьбу какой бы то ни было страны сказать, какъ извѣстно, прежде всего, исторія этой страны, а затѣмъ самое широкое изученіе современнаго ея положенія во всѣхъ главнѣйшихъ отношеніяхъ: политическомъ, экономическомъ, этнографическомъ и т. п. Какія же именно данныя для разрѣшенія этой задачи нужно и можно было собрать экспедиціи, слѣдовавшей почти безъ остановокъ изодня въ день по одному направленію заранѣе намѣченному, и состоявшей изъ лицъ не знающихъ языка страны и даже едва ли имѣвшихъ время не только подготовитъ себя для

исполненія порученнаго имъ дѣла, но и съоснымъ образомъ собраться въ дорогу? * Вотъ вопросы которые естественно и сами собою возникаютъ при разсмотрѣннн этой части даннаго экспедиціи порученія. Какъ она на нихъ отвѣтила, это мы увидимъ ниже при обзорѣ тѣхъ страницъ отчета, гдѣ говорится о дунганскомъ возстаніи.

Ограниченная въ своей задачѣ, какъ сказано выше, изслѣдованіями преимущественно торговыми, русская (уже не учено, а просто) торговая экспедиція конечно должна бы была имѣть въ своемъ составѣ если не большинство, то ло крайней мѣрѣ хотя нѣсколько членовъ, специально знакомыхъ съ русскою торговлею вообще и въ частности съ торговлею русско-китайскою. Дѣятельное участіе которое оказало дѣлу экспедиціи Министерство Финансовъ, разославъ многимъ представителямъ нашей торговли извѣщенія о снаряженіи экспедиціи и приглашенія объ оказаніи ей содѣйствія, и сочувственныя отзывы этихъ лицъ цѣли экспедиціи давали, повидимому, полную возможность пріобрѣсти для экспедиціи такихъ полезныхъ и необходимыхъ для успѣха ея дѣла членовъ. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей Московскаго коммерческаго міра, отъ имени московскаго купечества, даже рекомендовалъ для этой цѣли весьма извѣстное въ Москвѣ лицо, вполне знакомое какъ съ китайскимъ языкомъ, устнымъ и письменнымъ, такъ и съ положеніемъ русско-китайской торговли. ** Къ сожалѣнію, нѣкоторыя условія, поставленныя этому лицу начальникомъ экспедиціи, не могли быть имъ приняты. Такимъ образомъ торговая экспедиція въ Китай составилаь изъ лицъ столько же знакомыхъ съ русско-китайскою торговлею сколько знакомъ съ нею всякій образованный русскій человѣкъ. Въ составѣ экспедиціи, кромѣ подполковника генеральнаго штаба Сосновскаго, находились: докторъ медицины Пясецкій—для естественно-историческихъ изслѣдованій, которыя, какъ

---

* Всеподданнѣйшій докладъ государственнаго канцлера о назначеніи экспедиціи былъ Высочайше утвержденъ 5го января 1874 года, а въ мартѣ того же года экспедиція уже вышла изъ Петербурга.

** Дѣло Департамента Торговли и Мануфактуръ 10го декабря 1873 года, № 62.

указано выше, въ официальное порученіе экспедиціи не входили, * капитанъ Матусовскій въ качествѣ топографа, ** вольнонаемный переводчикъ „иркутскій гражданинъ“ (?) Андріевскій и три урядника Сибирскаго казачьяго войска. Представителей торговаго сословія и вообще людей знакомыхъ съ торговлей, въ числѣ членовъ экспедиціи, какъ уже было сказано, не находилось вовсе. Этотъ существенный недостатокъ торговой экспедиціи, повидимому, чувствовался и самимъ ея начальникомъ, пригласившимъ, уже „лично отъ себя“ въ составъ экспедиціи Китайца Сю „бывшаго представителемъ серіозной чайной фирмы Сю-хе-лунъ и прожившаго въ Клатъ 36 лѣтъ.“ *** Кроме этихъ лицъ въ составъ экспедиціи находилась фотографъ г. Боярскій, также приглашенный начальникомъ экспедиціи.

Денежныя средства экспедиціи были не скудными: на безотчетные экстраординарные расходы получено было отъ казны 5 т. руб., кяхтинское купечество, со своей стороны, дало 3 т. руб., а бывший вице-консулъ въ Ханькоу, г. Ивановъ, и представитель торговаго дома г. Родионова, въ свою очередь, присоединили, для расширенія дѣйствій экспедиціи,

* Тамъ же мѣсто докторомъ Пясецкимъ были собраны переданыя имъ въ Академію Наукъ зоологическія и ботаническія коллекціи и сдѣлано огромное число замѣчательно характерныхъ акварельныхъ, рисунковъ, которыми мы имѣли возможность любоваться на выставкѣ этихъ рисунковъ въ зданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и въ засѣданіи Географическаго Общества. Въ числѣ рисунковъ г. Пясецкаго особенно обращаетъ на себя вниманіе панорама (50 в. въ аршинѣ) всего пути пройденнаго экспедиціей.

** Почтенная дѣятельность г. Матусовскаго на поприщѣ русской географической науки извѣстна давно и по справедливости оценена всѣми кому дороги интересы этой науки. Болѣе десяти лѣтъ обогащаетъ онъ картографію Азіи самыми драгоценными свѣдѣніями. Составленный имъ маршрутъ учено-торговой экспедиціи наиболѣе серіозный трудъ экспедиціи, если не считать работъ доктора Пясецкаго которыя, какъ сказано выше, въ официальное порученіе экспедиціи не входили.

*** На стр. 4 отчета Китаецъ Сюй называется переводчикомъ, какимъ онъ вѣроятно и былъ въ дѣйствительности, ибо изъ отчета не видно въ чемъ именно проявлялась дѣятельность этого Китайца по изученію русской торговли въ Китаѣ, котораго онъ не видавъ 36 лѣтъ.

по 2 т. руб., итого въ безотчетномъ распоряженіи начальника экспедиціи находилось 12 т. руб. * Взаимныя отношенія членовъ экспедиціи по производству изслѣдованій, а равно и самыя эти изслѣдованія, не были обусловлены никакою, строго выработанною и опредѣленною программой: ни ученые, ни коммерческія общества и учрежденія, которыя, за исключеніемъ Москвы какъ кажется, и мало знали о снаряженіи экспедиціи, не снабдили ее никакими указаніями и наставленіями.

Въ мартѣ 1874 года экспедиція отправилась изъ Петербурга, черезъ Сибирь, на Кяхту, въ Пекинъ, „потерявъ, какъ откровенно сказано въ отчетѣ, „для бесѣдъ съ представителями купечества“, по нѣсколькимъ днямъ въ Москвѣ, Нижнемъ и Казани, пять дней въ Перми, по недѣлѣ въ Тюмени, Омскѣ, Томскѣ и Иркутскѣ и до двухъ недѣль въ Кяхтѣ. ** Вездѣ встрѣчали мы, говоритъ отчетъ, неподдѣльное, исполненное живаго интереса сочувствіе, полную готовность служить общему дѣлу и поглощающее личными разчетами безучастіе; были требованія разумныя, выработанныя на почвѣ практической дѣятельности, а съ другой стороны предначертанія столь размахистаго пошиба, какія могла вскормить лишь локоющаяся на слишкомъ обезлеченныхъ барышахъ самонадѣяность. *** Какія были эти разумныя требованія и размахистыя предначертанія—составитель отчета къ сожалѣнію не указываетъ и тѣмъ лишаетъ насъ возможности познакомиться съ мнѣніями именно тѣхъ лицъ ради которыхъ и была снаряжена въ Китай русская торговая экспедиція, и для которыхъ она представляла не предметъ научной любознательности, а живой практической интересъ, затрогивающій самыя существенныя отношенія и условія нашей торговли съ Китаемъ. Переступивъ границу 12го іюля,

---

* Стр. 4я отчета. Здѣсь говорится собственно о безотчетныхъ расходахъ. Вообще же на экспедицію было истрачено 43.071 руб., изъ числа которыхъ 36.071 руб. составляютъ расходъ казны, а 7 т. руб.—купечества. Казенныя суммы были употреблены: на прогонныя (6.682 руб.), суточные (11.769), и наградныя (5.300 руб.), деньги чинамъ экспедиціи, и на расходы экстраординарные (12 420). Дѣло Департамента Торговли и Мануфактуръ.

** Стр. 4я.

*** Тамъ же.

экспедиція направлялась черезъ Ургу и Кааганъ и къ 19му августа была въ Пекинѣ. Здѣсь она раздѣлилась: оба переводчика, гг. Андриевскій и Сюй, отправлены были сухопутно чтобъ изслѣдовать свойства луты по которому Сансиды везутъ свои чаи въ Кааганъ и Гуй-хуа-ченъ, а остальные члены отправились моремъ черезъ Тяньцзинь и Шанхай и прибыли въ Ханькоу къ концу октября. Отсюда, собственно говоря, началось исполненіе возложеннаго на экспедицію порученія. Задавшись мыслію проеѣхать діагональ ведущую въ долину Чернаго Иртыша, экспедиція 11 января 1875 г. поднялась вверхъ по р. Хань-цзяну и, затѣмъ сухопутно, черезъ Хань-чжуань-фу, Лань-чжеу-фу, Су-чжеу-фу, Ань-синь-чжеу, Хами, Баркюль и Гученъ, прибыла въ половинѣ октября въ Зайсанскій постъ, употребивъ слѣдовательно на главную часть своего путешествія около девяти мѣсяцевъ изъ двадцати одного—всего времени существованія экспедиціи.

Согласно вышеизложеннымъ задачамъ экспедиціи, отчетъ г. Сосновскаго можетъ быть раздѣленъ на три части: а) на изслѣдованіе торговли по пройденному экспедиціей луты и изложеніе доказательствъ въ пользу выгодности этого лута противъ кахтискаго, б) на описаніе дунганскаго возстанія съ „впечатлѣніями автора отчета по поводу столь общаго, столь укореившагося возрѣнія на такъ-называемый китаизмъ“ * и в) на извлеченіе изъ путевого журнала экспедиціи съ маршрутами и замѣтками о торговлѣ.

Обратимся къ первой части.

Путь по которому прошла экспедиція, какъ справедливо говоритъ авторъ отчета, „путь старыи, даже очень старыи: издавна, еще въ весьма отдаленную эпоху, онъ былъ извѣстенъ, а послѣ покореиія Джунгаріи и Туркестана такъ-называемая новая линія сдѣлалась главнымъ путемъ сообщенія внутренняго Китая съ его внѣшними, вновь приобрѣтенными владѣніями; стали возникать торговые колоніи, начался обмѣнъ произведеній, дороги были обставлены возможными удобствами, и движеніе было безпрепятственно до самаго позднѣйшаго времени, когда мусульманская инсurreкція нарушила установившійся лорядокъ вещей **.“ Не останавливаясь на утвержденіи автора отчета о безпрепят-

* Стр. 73.

** Стр. 68.

ственномъ обихѣ и движеніи на этомъ пути, * мы съ своей стороны прибавимъ что дѣйствительно путь этотъ не только давно былъ извѣстенъ, но и торговое значеніе его вообще и по отношенію къ пути кяхтинскому бывало уже предметомъ обсужденія и въ официальной перепискѣ, и въ печати. Сколько намъ извѣстно, первое серьезное вниманіе нашего правительства на торговлю чрезъ западныя провинціи Китая было обращено въ 1843 г., когда обличеніе Англичанъ и другихъ Европейцевъ съ Китаемъ и заключеніе за годъ предъ тѣмъ Нанкинскаго трактата стало угрожать подрывомъ всей нашей торговли съ этимъ государствомъ. Начальнику нашей Пекинской миссіи, которой было поручено въ то время имѣть наблюденіе за ходомъ всей вообще китайской торговли и сообщать о ней свѣдѣнія, принадлежитъ честь перваго указанія на важное значеніе для нашей торговли западныхъ провинцій Китая. Замѣчательная и полная любопытныя свѣдѣній записка по этому предмету отца-Поликарпа и донесенія командированнаго, вслѣдствіе этой записки, въ означенныя провинціи д. с. с. Любимова были, какъ кажется, первыми официальными изслѣдованіемъ западно-китайской торговли и послужили основаніемъ цѣлаго ряда весьма важныхъ правительственныхъ мѣръ къ ея упроченію и дальнѣйшему развитію **. Къ числу этихъ мѣръ принадлежало, какъ извѣстно, и основаніе

---

* Замѣтимъ только что этому утвержденію противорѣчатъ не только извѣстные факты о всегдашнихъ притѣсненіяхъ которыми подвергалась эта торговля, но и отчетъ самого же г. Сосновскаго о его прежней, Буаунъ-тохойской экспедиціи (отдѣльная брошюра), гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: „всакому ближе знакомому съ китайскими порядками весьма хорошо извѣстно что здѣсь въ (Джунгаріи) правительственные договоры и гарантіи, обезпечивающіе право свободной торговли, сами по себѣ, а манджурскій чиновникъ, дѣлающій всевозможныя стѣсненія на каждомъ шагѣ, самъ по себѣ, и что этотъ врагъ, сила котораго ослаблена нѣсколько мыслящимъ возстаніемъ, едва ли не опаснѣе для русскаго торговца мятежнаго Дунганина.“ То же самое подтверждается свѣдѣніями каравана Т. С. Морозова и другими недавними извѣстіями.

** Всѣ эти, въ высокой степени интересные, документы, хранящіеся въ архивахъ министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ и Финансовъ, въ скоромъ времени будутъ изданы нами съ надлежащими объясненіями и примѣчаніями.

нашихъ консультовъ въ Кульдѣ и Чугучакѣ. Въ печати сказанный предметъ также не разъ затрогивался и обсуждался. Достаточно указать на статьи Крита, Скачкова, Тарасова, Веникова и др. Наконецъ, въ послѣднее время и иностранцы обратили на него вниманіе: извѣстный путешественникъ и знатокъ Китая фонъ-Рихтгофенъ, въ своихъ замѣчательныхъ письмахъ Шанхайской торговой палаты *, а также и въ другихъ статьяхъ **, посвятивъ этому пути весьма обстоятельныя изслѣдованія, и даже одинъ изъ проектовъ желѣзной дороги въ Китай (по направленію которой прошла экспедиція г. Сосновскаго) окрещенъ его именемъ. *** Вышеприведенною краткою справкой мы, конечно, не имѣемъ ни малѣйшаго желанія умалить значеніе русской торговой экспедиціи въ Китай; мы только отводимъ ей надлежащее мѣсто и вводимъ ее, такъ сказать, въ должныя рамки.

Возвратимся къ отчету.

Главная мысль и всѣ старанія автора отчета направлены къ одной цѣли — доказать то что было имъ высказано ранее въ отчетѣ о Булузъ-тохойской экспедиціи, именно что путь пройденный экспедиціей представляетъ такія преимущества для торговли каковыхъ не имѣетъ никакой другой путь въ Китай, и каковыя дѣлаютъ этотъ западный путь способнымъ идти въ параллель даже съ путемъ морскимъ черезъ Суэзскій каналъ. Всѣ остальныя затѣмъ свѣдѣнія и разсужденія г. Сосновскаго составляютъ только необходимыя принадлежности и украшенія для подтвержденія вышеуказанной главной мысли отчета. Свѣдѣнія эти по большей части взяты изъ консульскихъ отчетовъ и другихъ документовъ, а разсужденія заключаются въ давно извѣстныхъ фразахъ и сѣтованіяхъ на нашу коммерческую отсталость, рутинность, отсутствіе широкихъ взглядовъ и т. п., причемъ, какъ всегда случается съ подобнаго рода бойкими, но мале солидными разсужденіями, они

* *Letter on the provinces of Honan and Shansi; letter on the provinces of Chili, Shansi, Shensi.*

** „Ueber den natürlichsten Weg für eine Eisenbahnverbindung zwischen China und Europa“ (*Verhandl. der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin*, 1874, № 4).

*** Азія, проектированныя въ ней желѣзныя дороги по Гофштерю, вост. Копенъ. Прил. къ *Горн. Журналу* 1877 года.

поверхностны и грѣшатъ протнворчнчми иногда самаго поразительнаго свойства. Такъ, напримѣръ, на стр. 9 отчета читаемъ: „всѣ знаютъ что вѣкогда блестящая по оборотамъ кяхтинская торговля нынѣ въ упадкѣ, годъ отъ году слабѣетъ, представляя какое-то загадочное, ненормальное явленіе“, а на стр. 14 видимъ что „съ допускомъ чая по западной границѣ, ввозъ его черезъ Кяхту не прекращается, напротивъ, годъ отъ года увеличивается“. Поэтому мы и не будемъ останавливаться на этихъ разсужденіяхъ, а обратимся къ главной мысли отчета—къ доказательствамъ преимуществъ западнаго пути предъ всѣми остальными. Преимущества эти, по удостовѣренію отчета, заключаются: а) въ разотелніи, б) во времени транспортировки и в) въ стоимости транспортировки. Провѣрить всѣ приводимыя въ этихъ рубрикахъ цифры мы не въ состояніи: такой трудъ пусть сдѣлаютъ тѣ кто прямо и непосредственно заинтересованъ въ ихъ точности и вѣрности. Здѣсь же достаточно ограничиться нѣкоторыми не подлежащими спору цифрами и остановиться на общихъ приѣмахъ обхожденія съ ними.

Относительно разстоянія на 19 стр. отчета показано ннжеслѣдующее сравненіе путей кяхтинскаго и западнаго:

а) по кяхтинскому пути:

Отъ Тюмени до Кяхты.....	3.500 верстѣ.
„ Кяхты караваннымъ путемъ до Тяньцзина...	1.620 „
„ Тяньцзина до Ханькоу моремъ.....	1.850 „

Итого.. 6.970 в.

б) по западному пути:

Отъ Тюмени до Зайсанскаго поста.....	1.797 „
„ Зайсанскаго пути до Хами.....	1.090 „
„ Хами до Аль-силь-чжеу.....	382 „
„ Аль-силь-чжеу, черезъ Су-чжеу-фу и Лань-чжеу-фу до Циль-чжеу.....	1.283 „
„ Циль-чжеу до Хань-чжунъ-фу.....	250 „

Итого.. 4.782 в.

Такимъ образомъ, по удостовѣренію отчета, на сторонѣ новаго пути представляется сокращенія на 2.200 вер.

Весь этотъ разчетъ, по ближайшемъ его разсмотрѣніи, оказывается не точнымъ, а именно:

1е. Разстоянія, какъ всѣмъ извѣстно, могутъ быть сравниваемы между собою при одномъ только непрѣмномъ

условіи—чтобъ исходные и конечные пункты этихъ разстояній были *одны и тѣ же*; въ противномъ случаѣ никакое сравненіе разстояній немислимо. Въ отчетѣ мы видимъ противное: исходною точкой для обоихъ путей взятъ дѣйствительно одинъ и тотъ же пунктъ—Тюмень, конечныхъ же пунктовъ два: для кяхтинскаго—Ханькоу, для западнаго—Хань-чжунъ-фу, отстоящій отъ Хань-коу, какъ видно изъ отчета *, на 1.200 верстъ. Вслѣдствіе такого приѣма западный путь произвольно сокращенъ на 1.200 верстъ.

2е. Отдѣльныя разстоянія, входящія слагаемыми въ общее исчисленіе каждаго изъ обоихъ путей, не вѣрны: они увеличены для кяхтинскаго и уменьшены для западнаго и, кромѣ того, для сего послѣдняго самый итогъ сложенія отдѣльныхъ разстояній показанъ менѣе противъ дѣйствительнаго. А именно: отъ Тяньцзина до Ханькоу моремъ не 1.850 вер., а только 1.199 **, т.-е. менѣе на 651 вер.; отъ Тюмени же до Зайсанскаго поста, если даже считать по самому ближайшему разстоянію, 1870, а не 1797 верстъ ***. Другихъ разстояній собственно по Китаю мы провѣрить не въ состояніи, но замѣтимъ что итогъ разстояній по западному пути (4.782 в.) не вѣренъ вдвойнѣ: если сложить отдѣльныя цифры изъ которыхъ онъ составился, то будетъ 4.802 в.; если же сравнить его со стр. 95 отчета, на которой указано что отъ Зайсанскаго поста до Хань-чжу-фу 3.037 в., то общій итогъ будетъ 4.832 версты.

Такимъ образомъ (не говоря даже о невозможности безусловнаго сравненія двухъ путей, изъ которыхъ одинъ на значительномъ прѣтяженіи—морской), оказывается, вопреки утвержденію отчета, что преимущества западнаго пути противъ кяхтинскаго по разстоянію не велики, а именно не болѣе какъ на 300 верстъ. Заключеніе это впрочемъ нисколько не ново: оно было высказано еще въ 1864 году извѣстнымъ знатокомъ нашей торговли съ Китаемъ Н. К. Критомъ въ его „Замѣтки о торговыхъ путяхъ изъ Китая въ Россію чрезъ азіатскую границу“. ****

* Стр. 76.

** Критъ, *О торговыхъ путяхъ*.

*** *Почт. дорожники*.

**** *Изв. И. Г. О.* 186.

Время транспортировки по старому и новому пути показало въ отчетѣ въ нижеслѣдующихъ цифрахъ *:

а) по старому пути:

Отъ Ханькоу до Танъцзина на пароходахъ прямого сообщенія.....	15 дней.
До Туль-чжеу на китайскихъ джонкахъ.....	5 "
„ Камгана на мулахъ.....	10 "
„ Урги на верблюдахъ.....	36 "
„ Кяхты.....	12 "
„ Иркутска.....	12 "
„ Томска.....	26 "
„ Тюмени.....	14 "

Всего чистого хода..... 130 дней.

Считая хотя по пяти дней на перегрузку получимъ 170 дней; но, вслѣдствіе недостатка верблюдовъ и частыхъ ладей, обыкновенно только часть изъ всей массы чаевъ отправляемыхъ сухопутно идетъ на верблюдахъ, а остальные на быкахъ и приходятъ въ Кяхту чрезъ 80 дней, такъ что всего ходу до Тюмени 202 дня.

б) по новому пути.

Перегрузка въ силу принятаго обыкновенія утаможнена въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Цинь-чжеу, откуда начинается тележная дорога, а затѣмъ въ Лань-чжеу-фу, въ Сю-чжеу-фу, Хами и Гученъ; весь путь до Зайсана совершается въ 85 дней по слѣдующему разчету:

отъ Хань-чжунъ-фу до Цинь-чжеу.....	8 дней
„ Цинь-чжеу до Лань-чжеу-фу.....	9 "
до Сю-чжеу-фу.....	18 "
„ Хами.....	18 "
„ Гучена.....	13 "
„ Зайсанаго поста.....	19 "

Итого. . . . 85 дней.

Отсюда до Тюмени надо считать 20 дней, хотя пароходы Хрущовъ шелъ въ 1871 г., дѣлая пробный рейсъ, всего 14½ дней. Полагая и здѣсь на перегрузку по пяти дней, всего хода будетъ 140 сутокъ. **

* Стр. 20

** Стр. 20.

Таково, по утверждённому отчету, преимущество новаго пути по времени транспортировки.

Здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, неправильность приёма сравненія путей, увеличеніе цифръ для стараго и уменьшеніе ихъ для новаго пути, бросаются въ глаза съ перваго взгляда, а именно:

1) По старому пути сравненіе времени транспортировки, какъ было уже нами замѣчено при разсмотрѣніи разстояній, взято отъ Ханькоу до Тюмени, по новому же отъ Ханьчжунъ-фу до Тюмени.

2) По старому пути времена доставки товара показаны въ бо́льшихъ противъ дѣйствительности цифрахъ: отъ Ханькоу до Тяньцзига на параходахъ не 15, а только 8—9 дней, * отъ Тунъ-чжеу до Калгана на гьючныхъ верблюдахъ или мулахъ не 10, а 7—8 дней **, отъ Калгана до Кяхты на верблюдахъ не 48, а 28—32 дня ***. Отъ Кяхты сроки доставки товара разные, и медленные и скорые, смотря по времени года и другимъ обстоятельствамъ; но вообще средній срокъ доставки изъ Ханькоу чрезъ Кяхту даже въ Москву, а не Тюмень, отстоящій отъ Москвы на 2.075 в., не превышаетъ 177—186 дней, **** значить далеко менѣе 202 дней, указанныхъ въ отчетѣ.

3) По новому пути расчетъ времени транспортировки отъ Зайсанскаго поста до Тюмени взять по пути водному, тогда какъ соответственное разстояніе во времени движенія по старому пути отъ Томска до Тюмени показано по пути сухопутному, что въ томъ и другомъ случаѣ значительно измѣняетъ расчетъ. Провѣрить цифры времени транспортировки по пути западному въ предѣлахъ Китая, невозможно, такъ какъ для этой провѣрки въ настоящее время не имѣется никакихъ данныхъ: въ странѣ, гдѣ только-что закончилось страшное возстаніе, уничтожившее сотни тысячъ душъ и десятки тысячъ поселеній, тамъ этихъ данныхъ и быть не можетъ. Допустимъ что движеніе по западному пути возможно; но и тогда

* Критъ, *Будущность Кяхтинской торговли*, стр. 7 и *The treaty ports of China and Japan*, стр. 407.

** *Будущность Кяхтинской торговли* Н. Крита, стр. 7.

*** Тамъ же, стр. 7.

**** Тамъ же, стр. 31.

безостановочная доставка товара отъ Хаяькоу до Тюмея, считая по 40 в. въ день и безъ перегрузокъ, потребовала бы не 140, а 152 дня, а съ перегрузкою, даже при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, до 180 дней.

Сравненіе по стоимости транспортировки западнаго пути съ кяхтинскимъ и морскимъ чрезъ Суэцъ даетъ первому, по мнѣнію г. Сосновскаго, несомнѣнные преимущества: расходы доставки по западному пути дешевле противъ кяхтинскаго почти на 10 р., а противъ морскаго—на 36 к. съ луда, и если на сторонѣ сего послѣдняго пути остается выигрышъ во времени доставки, то потеря времени на западномъ пути съ лихвой покрывается выгодною покупкой чая. * Мнѣніе свое авторъ подтверждаетъ рядомъ подробныхъ расчетовъ. Проверить эти расчеты по той же причинѣ, которая указана выше, мы не въ состояніи; замѣтимъ только одно. „Мы шли“, говоритъ г. Сосновскій, „живымъ слѣдомъ недавняго прошлаго. Нѣтъ дерева, отдѣльнаго стоящаго жилья, которыя бы пощадили разрушительный потокъ инсurreкціи. Обширныя села, многочисленныя поселенія, еще не такъ давно квітѣвшія жизнью и дѣятельностію, стоятъ и лопытѣ въ мрачномъ безмолвіи обгорѣвшихъ кровлю руинъ. Все пусто—ни души. Только кое-гдѣ изъ-за наскоро слѣпленной мазанки или выдѣланной въ толщѣ земли амы выставится робкая изможденная фигура.“ **

Какъ согласить это описаніе съ вышеуказанными расчетами и разсужденіями—мы не знаемъ; думаемъ, однакожъ, что при такомъ положеніи западнаго пути никакіе расчеты относительно движенія по немъ торговли немислимы, а всѣ разсужденія о его преимуществахъ по меньшей мѣрѣ, преждевременны.

Вторая часть отчета занята описаніемъ дунганскаго возстанія и разсужденіями автора о такъ-называемомъ китаизмѣ. Всѣ извѣстныя до сего времени свѣдѣнія объ этомъ возстаніи или вѣрнѣе поголовной рѣзнѣ Китайцевъ мусульманами и обратно, истребившей почти безслѣдно десятки городовъ и сотни тысячъ людей, закалились въ отрывочныхъ замѣткахъ, корреспондентціяхъ и мелкихъ статьяхъ, составленныхъ по слухамъ или по разказамъ, всегда въ ту или другую сторону преувеличенными, очевидцевъ туземцевъ враждебныхъ лагерей. Начальнакъ

* Стр. 59.

** Стр. 21.

торговой экспедиціи и его спутники были единственные пока русскіе образованные люди, прошедшіе вдоль тѣхъ странъ гдѣ недавно разыгрывалось дунганское возстаніе, видѣвшіе всѣ ужасныя его послѣдствія и имѣвшіе своею цѣлью собрать о немъ подробныя свѣдѣнія. * Понятно поэтому съ какимъ любопытствомъ всякій интересующійся положеніемъ дѣлъ на крайнемъ Востокѣ приступаетъ къ чтенію этой части отчета экспедиціи. Къ сожалѣнію, ожиданія оказываются напрасными: вся эта часть отчета г. Сосновскаго есть буквальная перепечатка съ собственными вставочными въ текстъ разсужденіями автора цѣлыхъ страницъ и отдѣльныхъ строкъ, безъ указанія источниковъ, не только изъ статей помѣщенныхъ въ рѣдкихъ изданіяхъ, какъ напримѣръ статья отца Паладія, но и изъ весьма извѣстныхъ путешествій и справочныхъ книгъ, какъ напримѣръ изъ *Военно-Статистическаго Сборника*, изъ котораго авторомъ отчета, перепечатана бѣлая часть свѣдѣній относящихся до устройства китайскихъ войскъ. Нижеслѣдующія выписки подтверждаютъ сказанное.

Стр. 38.

„Позитивизмъ той религіозно-философской школы которая измѣстна у насъ подъ именемъ Конфуція, представляетъ обширное поле для построения любой системы; духъ терпимости какимъ отличается это ученіе достаточно характеризуется словами даже мусульманскихъ писателей, говорящихъ что оно даетъ матеріалъ изъ котораго съ одностороннимъ удобствомъ можно построить и мусульманскую мечеть и ламайское капище.“

Стр. 39.

„У втораго министра умерла жена, женщина обыкновенная, ничѣмъ не прославившаяся“ и пр.

„Позитивизмъ Конфуціанцевъ... оставляетъ широкое поле для построения любой системы; мусульманскіе писатели сравниваютъ конфуціанское ученіе съ готовымъ матеріаломъ изъ котораго можно построить капище или мечеть.“

(О магометанахъ въ Китаѣ, арх. Паладія. *Труды Пекинск. дух. миссіи*, т. IV, стр. 447).

„У втораго министра, Манджура, умерла жена, женщина обыкновенная, ничѣмъ не прославившаяся“ и пр.

(Пут. въ Китай Ковалевскаго, т. II, стр. 64 и 65).

* Изъ иностранцевъ кажется только одинъ Рихтгофенъ бывавъ въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ возникало и откуда распространилось возстаніе.

Стр. 40.

„...только актеры, военнопламенные, сторожа присутственных мѣстъ и полицейскіе служители считаются людьми позорнаго происхожденія, лишены гражданскихъ правъ, почему имъ и не дозволено поступленіе въ учебныя заведенія, а следовательно и на государственную службу. Званія эти наследственныя, а прежде сторожа, напри-мѣръ, присутственных мѣстъ комплектовались изъ каторжныхъ“ и пр.

„Аграрные законы поражаютъ глубиною, ясностью взгляда и заботами о пользѣ народной.“

„...рабы, военнопламенные, актеры, а также полицейскіе служители, набравшіеся прежде изъ каторжниковъ, но нынѣ насѣдственные. Послѣдніе - сказанныя категоріи лицъ не имѣютъ гражданскихъ правъ, не могутъ поступать въ учебныя заведенія, а следовательно и въ государственную службу.“

(Военно-Статист. Сборникъ, в. III, стр. 152).

„Многія постановленія въ Китаѣ поражаютъ и теперь ясностію взгляда, предусмотрительностію и заботливостію законодателя о пользѣ народа.“

(Ковалевскій, стр. 60).

Стр. 41.

„Обрабатывающая промышленность развилась самобытно и достигла непоподражаемой степени совершенства“ и пр.

„Хорошіе сорта фарфора стали рѣже попадаться, потому что лучшіе фарфоровые заводы (въ Нанси) разрушены тайпингами въ 1860 г.“

„Китайская промышленность, развившаяся совершенно самобытно... во многихъ отрасляхъ достигла совершенства.“

(Военно-Статист. Сборникъ в. III, стр. 166).

„Лучшіе фарфоровые заводы въ провинціи Нанси были разорены въ 1860 годахъ инсургентами, и хорошіе сорта фарфора теперь не выдѣлываются.“

(Тамъ же, стр. 167).

Стр. 42.

„Земля не знаетъ отдыха, и отнятыя у нея силы возвращаются ей посредствомъ тщательнаго удобренія“ и пр.

„Земля не знаетъ отдыха, и отнятыя у нея силы возвращаются ей посредствомъ тщательнаго удобренія“ и пр.

(Тамъ же стр. 159).

Стр. 43.

„Получившіе первоначальныя свѣдѣнія въ народныхъ школахъ или у домашнихъ учителей отправляются въ свой уѣздный окружный или областной городъ“, и пр. до конца страницы, съ пропусками, перепечатка того же источника.

„Достигшіе достаточнаго образованія въ народныхъ училищахъ или у домашнихъ учителей являются въ свой областной или окружный городъ...“

(Китай въ гражд. и нравств. состояніи Іакина, ч. III, стр. 3, 18, 19, 27, 29, 39 и 41).

Стр. 44.

„Строгая отчетность въ расходованіи казенныхъ суммъ исключаетъ, повидимому, всякую возможность похищенія, а между тѣмъ когда послѣ первой войны съ Англичанами, хватились денегъ“ и пр.

„Сложная и строгая отчетность въ казенныхъ деньгахъ, повидимому, лишаетъ всякой возможности украсть ихъ, а между тѣмъ когда послѣ первой кон рибудіи Англичанамъ, хватились денегъ“ и пр.

(Ковалевскій, т. II, стр. 3).

Стр. 46, 47 и 48 — буквальная перепечатка, съ пропусками и перестановкою фразъ, статьи арх. Палладія о магометанахъ въ Китай (см. выше), причемъ мнѣнія арх. Палладія авторъ отчета приводитъ какъ собственныя, на примѣръ, (стр. 47).

„Отмѣтили здѣсь кстату грубое заблужденіе, когда отождествляютъ въ одномъ понятіи китайскихъ магометанъ и Татаръ: какъ будто магометанинъ синонимъ Татарина. Татары составляютъ вѣтъ тюркскаго племени и не имѣютъ ничего общаго съ китайскими мусульманами ни по происхожденію, ни по языку“ и пр.

„Здѣсь кстату замѣтить до какой степени не точно называютъ китайскихъ магометанъ Татарами, какъ будто магометанинъ не что иное какъ Татаръ. Последние составляютъ вѣтъ тюркскаго племени и не имѣютъ ничего общаго съ китайскими магометанами ни по происхожденію, ни по языку“ и пр. (стр. 441).

Стр. 49.

„Главное управленіе арміею раздѣлено между тремя палатами“ и пр.

„Главное управленіе арміею раздѣлено между тремя палатами“ и пр.

(Военно-Стат. Сборн., в. III, стр. 190).

Стр. 50.

„Знаменное войско... лишено всякой воинственности и годно только для китайской полицейской службы и слава казеннаго хлѣба по рѣкамъ“ и пр.

„Войско... не только утратило всякую воинственность, но впадо въ лѣность и нищету, такъ что можетъ быть только годно для китайской полицейской службы и слава по рѣкамъ и каналамъ казеннаго хлѣба“ и пр.

(Тамъ же, стр. 189).

Стр. 51.

„Въ войскахъ восемь знаменъ оружіе выдается натурой или деньгами, а въ зеленомъ знамени всегда натурою“.

„Порохъ приготавливаютъ войска сами по мѣрѣ надобности“ и пр.

„Въ войскахъ восемь знаменъ оружіе выдается натурой или деньгами, а въ зеленомъ знамени всегда натурою“.

„Порохъ приготавливается самими войсками по мѣрѣ надобности“.

(Тамъ же, стр. 191).

Стр. 52.

„Артиллерія... состоитъ... восьми шестифунтовыхъ орудій, подаренныхъ русскимъ правительствомъ и мѣдныхъ орудій, отлукъ еще іезуитами при императорѣ Канси и они, конечно, давно уже пришли въ совершенную негодность“.

„Артиллерія находится въ самомъ жалкомъ состояніи, заключающемъ восьми шестифунтовыхъ орудій, подаренныхъ русскимъ правительствомъ, остальные орудія отлукъ еще іезуитами при имп. Канси и пришли въ совершенную негодность“.

(Тамъ же, стр. 191).

Стр. 54.

„Въ войскахъ восьми знаменъ многія офицерскія должности, исключая первыхъ четырехъ классовъ, наследственны“.

„Въ знаменныхъ войскахъ многія офицерскія должности, исключая первыхъ четырехъ классовъ, наследственны“.

(Тамъ же, стр. 190).

и пр.

Описанію, собственно дунганскаго возстанія въ отчетѣ по-священо не болѣе четырехъ страницъ, кажется, ни откуда не заимствованныхъ; по крайней мѣрѣ мы не могли найти источника (а ихъ не много) изъ котораго могли бы быть сдѣланы выписки. Но въ этомъ отношеніи сѣдуетъ жалѣть объ обратномъ. Еслибы въ отчетѣ были сдѣланы выписки изъ чужихъ статей, то можетъ-быть случайно въ эти выписки попало бы, хотя бы въ дурномъ переводѣ, * превосходное (VI) письмо барона фонъ-Рихтгофена Шанхайской палатѣ о возстаніи въ Ганасу и Шенси. ** Телерь же свѣдѣнія собранныя экспедиціей объ этомъ возстаніи на мѣотѣ дѣйствія и, такъ-сказать, изъ первыхъ рукъ до того незначительны и поверхностны что всѣ прежнія статьи о дунганскомъ возстаніи, составленныя въ Россіи по слухамъ или разказамъ очевидцевъ, далеко превосходятъ эту часть отчета экспедиціи. Извѣстно что дунганское возстаніе охватило собою огромное пространство, далося болѣе десяти лѣтъ, уничтожило почти безсѣдно массу городовъ и селеній и потребило не десятки, а сотни тысячъ, миліоны людей. Чтò же это за возстаніе, въ чемъ

* Говоримъ это потому что на стр. 71й сказано: „По таможеннымъ отчетамъ (въ Халкюу) оборотъ иностранной торговли простирается на 15.409.470 руб. по привозу и на 40.437.360 руб. отлуска.“ Слѣдуетъ что здѣсь „foreign trade“ переведено буквально, когда слѣдовало перевести: оборотъ ~~таможенн~~ торговли. Иначе можно подумать что дѣло идетъ только объ иностранныхъ товарахъ, или о товарахъ иностранныхъ купцовъ.

** Letter № VI, the Rebellion in Kansu and Shensi 1872 года.

оно заключалось, какія его отдаленныя причины и ближайшіе поводы, какъ и кѣмъ оно велось, что оно сдѣлало и т. п., — вотъ вопросы которые естественно возникаютъ у каждаго кто хоть мало-мальски знаетъ объ этомъ возстаніи, и разъясненіе которыхъ скорѣе и ближе всего должно бы найти себѣ мѣсто въ отчетѣ той экспедиціи на которую было специально возложено собрать возможно полныя данныя объ этомъ возстаніи. Вотъ какъ отвѣчаетъ на всѣ такіе вопросы г. Сосновскій: „Напрасно мы искали бы дѣйствительные поводы къ движенію: ни руководящей мысли, ни единства цѣли оно не имѣетъ. Это не кликъ газавата во имя знамени пророка, не зовъ убогой райи за кусекъ хлѣба и свободы совѣсти, а *просто бойня безъ смысла и причины.*“ * Итакъ, ожесточенная рѣзня, поголовное въ теченіе десяти лѣтъ истребленіе другъ друга двумя народностями, не имѣетъ ни смысла, ни причинъ? Нѣтъ, причины эти существуютъ, и уже были указаны нашимъ русскимъ ученымъ Васильевымъ и иностранцемъ Рихтгофеномъ, но только изслѣдованіе этихъ причинъ не далось автору отчета. Въмѣсто того онъ приводитъ нѣкныя разказы объ обстоятельствахъ послужившихъ будто бы поводомъ къ возстанію, о „давнишнихъ спорахъ о потравахъ“, ** мщеніи какого-то Малакуна за кровь родственника и т. п., что можетъ-статься было поводомъ ссоръ и дракъ между смежными волостями или родами, но отнюдь не причиною такого историческаго урагана какимъ было дунганское возстаніе. Вторая часть отчета заключается опять заимствованіями, изъ конца статьи о. Палладія, начало которой мы видѣли выше.

Стр. 65.

„Нѣкогда мусульмане долго засѣдали въ Пекинскомъ астрономическомъ трибуналѣ и пользовались вниманіемъ двора пока ихъ не смѣнили въ послѣдствіи ученые іезуиты; Ма-синъ губернаторъ Чже-цзяна былъ изъ мусульманъ“ и пр.

„Губернаторъ губерніи Чже-цзянъ Ма-синъ магометанинъ, и единоутробны нисколько не считаютъ его за то ренегатомъ. Нѣкогда они, мусульмане, долгое время сидѣли въ Пекинскомъ астрономическомъ трибуналѣ и пользовались вниманіемъ двора пока ученые іезуиты не смѣнили ихъ въ этомъ званіи“ (Палладій, см. выше).

* Стр. 48—49.

** Стр. 58.

Въ разсмотрѣніе третьяго отдѣла отчета, извлеченія изъ путеваго журнала экспедиціи, наполненнаго разнообразными свѣдѣніями, маршрутами и всевозможными цифрами входить не будемъ. Можетъ-быть свѣдѣнія эти интересны, маршруты полезны и цифры вѣрны. Но тѣ приемы какіе вообще употребляетъ авторъ въ своемъ отчетѣ невольно возбуждаютъ недоувѣріе и къ этой его части. Трудно дать полную вѣру этимъ поддѣвающимся только тщательному и продолжительному изслѣдованію свѣдѣніямъ и цифрамъ, когда видишь что мимо самыхъ крупныхъ явленій авторъ прошелъ, такъ сказать, зажмуря глаза и нашелъ лучшимъ позаимствовать о нихъ, безъ указанія источниковъ, чужія описанія и маѣяія. Кто можетъ положиться на такой цифирный дневникъ въ которомъ съ одной стороны встрѣчается самое скрупулезное даже въ процентномъ отношеніи перечисленіе населенія многихъ городовъ и селеній съ показаніемъ числа въ нихъ шалочниковъ, кузнецовъ и плотниковъ, а съ другой, вопреки давно извѣстнымъ фактамъ, * утверждается что, въ Китаѣ правильныхъ перелисей не производится, а потому и трудно дать болѣе или менѣе точную цифру населенія.“ ** Для кого, наконецъ, могутъ быть нужны такія свѣдѣнія (а ихъ много) какъ напримѣръ: „плоды, какъ-то: сы-цзы, каштаны, орѣхи и пр. (?) считаются такъ: сы-цзы на гиы или штукаи, а въ послѣднемъ случаѣ 110 штукъ за 100 (?); каштаны и грецкіе орѣхи на дѣу, принимая дѣу въ 30—32 гиы; орѣхи лахуасинъ на гиы. Дрова, мясо, птицъ живьемъ (дрова живьемъ!), а прочее (?) на гиы.“ *** По всему видно что свѣдѣнія собирались лишь бы какъ-нибудь пополнить ими дневникъ, и пощеголять легкостью цифръ, мѣръ, вѣсовъ, монетъ и названій на китайскіе и русскіе лады. „Масса матеріаловъ“, говорилъ г. Сосновскій въ своемъ сообщеніи въ Географическомъ Обществѣ, „требующихъ времени для разработки, лишаетъ меня возможности сдѣлать обстоятельный докладъ.“ **** „Мы разчитываемъ“, продолжаетъ онъ теперь въ своемъ отчетѣ,

---

* *Китай Іакина и Путешествіе Ковалевскаго.*

** Стр. 76.

*** Стр. 79.

**** *Изв. И. Г. О. 1876.*

„современемъ, отдать весь собранный матеріалъ на судъ публики.“ *

Будемъ ждать исполненія этого обѣщанія, а пока подведемъ итоги тому что имѣемъ не въ обѣщаніи, а въ дѣйствительности.

Отчетъ начальника учено-торговой экспедиціи въ Китай, по тѣмъ главнѣйшимъ предметамъ изслѣдованіе которыхъ было экспедиціи поручено, представляетъ, какъ мы видѣли, въ значительной своей долѣ поверхностнаго свойства компилятивный трудъ изъ матеріаловъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, и свѣдѣній и разсужденій перепечатанныхъ буквально изъ книгъ и изъ сочиненій изданныхъ десять и болѣе лѣтъ тому назадъ. Собственные разсужденія автора обыкновенно противорѣчивы и бездоказательны. Заключающіяся же въ отчетѣ разнообразныя свѣдѣнія, вслѣдствіе общаго характера отчета и приѣмовъ составителя, не могутъ возбуждать къ себѣ серіознаго довѣрія, по крайней мѣрѣ до того времени, пока эти свѣдѣнія не будутъ проверены и подтверждены лицами безпристрастными и компетентными.

Н. ПЕТРОВСКИЙ.

* Стр. 66.

РОССІЯ И АВСТРІЯ

ВЪ ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ

Собраніе трактатовъ и конвенцій заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Сост. Ф. Мартенсъ. Томъ IV.

Г. Мартенсъ продолжаетъ неутомимо свой полезный трудъ. Недавно появился IV томъ предпринятаго имъ *Собранія трактатовъ и конвенцій*, въ который вошли международные договоры между Россіей и Австріей съ 1815 до 1849 года. Этотъ періодъ времени необыкновенно интересенъ уже потому что до сихъ поръ очень мало было извѣстно намъ о немъ изъ официальныхъ русскихъ источниковъ, а г. Мартенсъ пользовался именно этими источниками. „Въ историческихъ очеркахъ (предпосланныхъ каждому изъ сколько-нибудь замѣчательныхъ трактатовъ), говоритъ онъ, приведено нами больше новыхъ фактовъ чѣмъ во всѣхъ первыхъ трехъ томахъ, вмѣстѣ взятыхъ.“ Это вполне справедливо, и вотъ почему между прочимъ Сборникъ г. Мартенса все болѣе и болѣе упрочиваетъ за собою репутацію книги, долженствующей служить настольною для всякаго занимающагося новѣйшею исторіей и международнымъ правомъ.

Восточная война, окончившаяся подъ обгагранными кровью стѣнами Севастополя, произвела переворотъ во взаимныхъ отношеніяхъ державъ и между прочимъ въ отношеніяхъ Россіи къ Австріи. Такимъ образомъ періодъ времени предшествовавшій этой войнѣ мы можемъ разсматривать какъ отдѣльное цѣлое, отличающееся особымъ, ему свойственнымъ характеромъ.

Посмотримъ же какой роли держались тогда относительно другъ друга Австрія и Россія. Прежде всего, что такое представляла собою Австрія? Мы не станемъ сосылаться здѣсь на мнѣнія объ этомъ государствѣ людей стоящихъ въ сторонѣ отъ него; приведемъ напротивъ отзывъ лица которое нельзя заподозрить въ нерасположеніи къ ней, а именно императора Австрійскаго Франца I. Въ 1829 году говорилъ онъ нашему послу Татищеву: „Моя имперія походитъ на домъ изъѣденный червями; если желаютъ разрушить только одну часть его, никто не можетъ предвидѣть сколько отъ него обрушится.“ Ничего сильнѣе не могъ бы оказывать самый отвращенный недоброжелатель Австріи. Но если такъ, то казалось бы хозяину дома изъѣденнаго червями только и нужно было помышлять о томъ чтобы какъ-нибудь поддерживать его существованіе, но къ удивленію мы видимъ что онъ заботится повидимому не столько о себѣ, сколько о другихъ. Во всѣ стороны обращены его безпокойные взоры, во всѣ стороны указываетъ онъ близкую гибель. Германія, если вѣрить ему, охвачена опаснымъ революционнымъ броженіемъ; Пруссія должна страшиться этого за более чѣмъ какое-либо изъ другихъ германскихъ государствъ; къ тому же Пруссія вообще не имѣетъ подъ собою твердой почвы, ибо виновникъ ея возвышенія, Фридрихъ Великій, „далъ ей только матеріальную силу, но не далъ нравственной основы“ (слова князя Меттерниха въ запискѣ, представленной имъ въ 1848 году императору Николаю Павловичу); Англія и Франція не въ лучшемъ положеніи. Австрійскій канцлеръ сравнивалъ ихъ „съ двумя зданіями, изъ которыхъ одно совершенно вновь построено на мѣстѣ стараго, разрушеннаго до самаго фундамента; другое же — старой конструкціи, подвергающейся однако измѣненіямъ сообразно требованіямъ новаго времени. Оба зданія совершенно необитаемы, потому что въ первомъ строители забыли упрочить фундаментъ, а во второмъ они забыли крышу

и принялся за разрушеніе фундамента. Которое изъ нихъ скорѣе разрушится? Это только вопросъ времени.“ Вообще вся Европа „очень больна и нуждается въ хорошемъ уходѣ и лѣченіи; Европу слѣдуетъ подвергнуть такому же процессу лѣченія какой практикуется въ домахъ умалишенныхъ“ (письмо князя Меттерниха ко графу Нессельроде, отъ 16го мая 1818 года). Хозяева дома изъѣденнаго червями какъ бы сосредоточили всѣ свои помыслы на одной заботѣ спасать, оберегать сосѣдей. Не трудно было конечно угадать что дѣйствительно скрывалось за этими заботами. Австрійское государство, это—„мозаическое издѣліе“ (*un gaie piéce de marqueterie*), какъ называлъ его нашъ посолъ при Вѣнскомъ дворѣ графъ Штакельбергъ—вполнѣ оправдывало мнѣніе о немъ императора Франца; оно такъ слабо держалось на ногахъ что готово было разрушиться не только отъ удара направленного прямо противъ него, но отъ всякаго движенія которое могло косвенно на немъ отразиться; ему нуженъ былъ повсемѣстный застой чтобы поддерживать застой у себя. Сохрани Богъ если національныя стремленія и стремленія къ политической озабодѣ возникнуть въ Германіи или на Апеннинскомъ полуостровѣ; сохрани Богъ если для христіанскихъ племенъ подвластныхъ Турціи наступитъ часъ возрожденія къ лучшей жизни! Опасность угрожаетъ рѣшительно отовсюду—и съ сѣвера, и съ запада, и съ востока. Австрія боится всѣхъ и всего, не довѣряетъ никому, и именно потому такъ настойчиво кричитъ о бѣдствіяхъ угрожающихъ будто бы другимъ государствамъ что видитъ для самой себя неминуемую бѣду въ каждой перемѣнѣ существующаго порядка вещей въ Европѣ.

Вотъ съ какою державой судьба поставила насъ въ близкое сосѣдство. Въ сравненіи съ нею Россія представляла рѣзкую противоположность. Россія крѣпка своимъ государственнымъ единствомъ; на ней менѣе всего могли отразиться смуты грозившія Европѣ; ей предстояло еще сдѣлать очень много для своего внутренняго развитія, и она не имѣла никакой причины смотрѣть на всякій разумный прогрессъ, на всякое движеніе впередъ какъ на шагъ къ гибели. Россіи нечего было ожидать для себя отъ Австріи, а Австрія напротивъ всего могла ожидать отъ Россіи. Какія же отношенія установились между ними послѣ 1815

года? Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Мартенсъ говоритъ между прочимъ: „Если русская политика одержала нѣсколько блестящихъ успѣховъ и заставила себя бояться и уважать, то она достигла этого не только своимъ искусствомъ, но также честностью своихъ стремленій. *Прямота и честность*—вотъ девизъ который былъ начертанъ на политическомъ знамени Россіи.“ Это замѣчаніе, вообще вѣрное, оказывается особенно справедливымъ въ примѣненіи къ Австріи. Въ теченіе почти сорока лѣтъ сряду нельзя указать ни на одно дѣйствіе которое свидѣтельствовало бы о намѣреніи Русскаго правительства воспользоваться далеко незавиднымъ положеніемъ Австрійской монархіи; мало того что оно не обнаруживало подобныхъ попытокъ, но постоянно заявляло готовность идти съ нею по одному пути и принимать въ расчетъ ея интересы. Словомъ, великодушіе, безкорыстіе и добросовѣстность Русскаго правительства не подлежатъ ни малѣйшему нареканію. Что же, оцѣнимъ ли былъ по достоинству этотъ образъ дѣйствій Вѣнскимъ дворомъ? Нѣсколько: подозрительность, составлявшая, какъ мы замѣтили выше, отличительную его черту, была особенно направлена противъ Россіи. Всѣ наши посланники въ Вѣнѣ были одинаковаго мнѣнія на этотъ счетъ. Графъ Штакельбергъ, не отступая даже предъ страхомъ что его образъ мыслей не понравится въ Петербургѣ, не переставалъ твердить: „сaveant consules;“ по словамъ графа Головкина „Австрію отдѣляютъ отъ Россіи какъ различіе въ интересахъ и видахъ, такъ и въ направленіи всей обоюдной ихъ политики по отношенію къ Востоку;“ даже Татищевъ, долгое время совершенно обворожанный австрійскимъ канцлеромъ, писавшій послѣ перваго свиданія съ нимъ что ему казалось „будто онъ находится въ Афинахъ и слушаетъ Платона“(!), отрезвился отъ непостижимаго своего увлеченія и предостерегалъ противъ замысловъ Австріи. Впрочемъ и въ Петербургѣ знали очень хорошо съ кѣмъ имѣютъ дѣло. „Императоръ Александръ и его ближайшіе совѣтники, замѣчаетъ г. Мартенсъ, единогласно признавали необходимость отнестись съ должною осмотрительностью къ политикѣ Вѣнскаго кабинета и, въ частности, къ руководителю его князю Меттерниху;“ „договоръ 3го января 1815 года“, говорилъ

* Договоръ, тайно заключенный между Австріей, Англіей и

императоръ, всегда остается предъ нашими глазами.“ Нѣсколько разъ представлялся Австрія случай доказать намъ свое расположеніе—во время греческаго возстанія и послѣдовавшей затѣмъ войны между Россіей и Турціей въ 1828 и 1829 годахъ, во время замѣшательства на Востокъ въ 1839 и 1840 годахъ—но въ эти критическія минуты мы не встрѣчали съ ея стороны ничего кромѣ вражды. Она была душой всѣхъ направленныхъ противъ насъ интригъ когда Россія вела борьбу, окончившуюся Адрианопольскимъ миромъ, и графъ Нессельдоре во всеподданѣйшемъ своемъ отчетѣ слѣдующимъ образомъ отзывался объ ея тогдашнемъ образѣ дѣйствій: „Австрія не принимала никакого непосредственнаго участія въ переговорахъ которые мы продолжали въ Лондонѣ; но она съ тѣмъ большимъ усердіемъ дѣйствовала въ смыслѣ враждебномъ интересамъ Россіи. Всѣ австрійскіе заграничные агенты отчасти по инстинкту, отчасти вслѣдствіе полученныхъ инструкцій, усердно старались поддерживать непріязненный образъ дѣйствій ихъ правительства и помогали другъ другу съ замѣчательнымъ единодушіемъ. Ихъ языкъ и поведеніе обнаруживали повсюду одинаковую зависть къ могуществу Россіи, одинаковую ревность воздвигать ей препятствія, одинаковое пристрастіе къ Туркамъ и наконецъ одинаковыя желанія въ пользу торжества послѣднихъ.“ Словомъ, въ періодъ времени который начинается тѣмъ что мы спасли Австрію отъ Наполеоноваго гнета и кончается тѣмъ что мы, подавъ ей помощь противъ взбунтовавшихся Мадьяръ, спасли ее отъ внутренняго разложенія, нельзя указать на на одно сколько-нибудь важное событіе въ которомъ она дѣйствительно обнаружила бы къ намъ дружескія чувства.

Тѣмъ болѣе достойно удивленія что Русское правительство считало основнымъ правиломъ своей политики дѣйствовать непремѣнно во что бы то ни стало заодно съ Австріей. Оно оставалось вѣрнымъ этому правилу послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ разочарованій, и даже въ 1840 году, то есть въ томъ самомъ году когда Вѣнскій дворъ еще разъ убѣдительно доказалъ намъ что мы не можемъ на него

Франціей противъ Россіи по поводу требованій предъявляемыхъ императоромъ Александромъ на Вѣнскомъ конгрессѣ относительно польскихъ земель.

полагаться, оно „придавало особенное значеніе тѣсному союзу съ Австріей и видѣло въ немъ послѣднюю и наиболѣе надежную опору установившагося порядка вещей.“ Что же именно служило связью между двумя державами, интересы коихъ сталкивались между собою въ самыхъ существенныхъ пунктахъ? Связь эта заключалась въ обоюдной готовности ихъ поддерживать порядокъ вещей установленный въ Европѣ Вѣнскими трактатами и противодѣйствовать революціоннымъ стремленіямъ. Но и тутъ недомѣтки наши не прекращаются. Несомнѣнно что напимѣръ императоръ Александръ смотрѣлъ на причины революцій, на ту систему управленія которой надо слѣдовать для избавленія ихъ, совершенно иначе чѣмъ Вѣнскій дворъ. „Необходимо сознаться, говоритъ императоръ Александръ (въ документѣ подъ заглавіемъ *Aperçu des idées de l'Empereur sur les affaires de l'Allemagne*, отъ 21го ноября 1819 года) что современныя правительства вовсе лишены обаянія, тогда какъ вся ихъ сила должна напротивъ состоять въ либеральныхъ учрежденіяхъ, даруемыхъ ими своимъ народамъ. Но говоря о либеральныхъ учрежденіяхъ, мы не имѣемъ въ виду ни актовъ исторгнутыхъ у слабости, ни договоровъ навазанныхъ вожаками народа монархамъ, ни наконецъ конституцій дарованныхъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ какъ средство для успокоенія наступившей бури. Мы полагаемъ что наше время требуетъ—и притомъ настоятельно, чтобы правительства, особенно же тѣ изъ нихъ которыя прошли революціонные кризисы, сама себѣ добровольно обязывали управлять на основаніяхъ точно опредѣленныхъ и въ формахъ твердо установленныхъ... Свобода необходимо можетъ быть и даже должна быть поставлена въ точныя границы, такъ какъ все въ мірѣ имѣетъ свои предѣлы. Границы свободы заключаюся не въ чемъ иномъ какъ въ началахъ порядка.“ Все это справедливо, но едва ли можно на однихъ отвлеченныхъ принципахъ основать политическую программу. Нужно было позаботиться еще и о томъ какъ именно примѣнить ихъ къ дѣлу. „Правительствамъ слѣдуетъ управлять народами на основаніяхъ точно опредѣленныхъ и въ формахъ твердо установленныхъ“: ну, а если правительства, какъ это и оказалось относительно многихъ изъ нихъ, не будутъ слѣдовать этому мудрому правилу? Если они своими дѣйствіями будутъ возбуждать въ

предѣлахъ своихъ государствъ смуты способныя тревожить епокойствіе Европы которое мы столь близко принимали къ сердцу? Какъ поступать Россіи въ подобномъ случаѣ? Тщетно искали бы мы отвѣта на этотъ вопросъ въ документахъ съ которыми познакомилъ насъ г. Мартенсъ. Съ великодушными и благородными принципами встрѣчаемся мы на каждомъ шагѣ, но опредѣленнаго политическаго плана не видимъ нигдѣ. Намъ казалось что все уладится какъ нельзя лучше само собою, что правила усвоенныя нами такъ возвышенны и гуманны что торжество ихъ несомнѣнно. Нужно только не отступать отъ нихъ, и общественное мнѣніе будетъ за насъ. Въ „общественномъ мнѣніи“ мы были расположены видѣть самую твердую свою опору. Предположимъ даже, говорилось въ одномъ изъ официальныхъ русскихъ документовъ (въ депешѣ графа Нессельроде ко графу Штакельбергу, отъ 31го января 1817 года), что европейскія державы проникнутыя враждою къ Россіи и прибѣгнутъ къ наступательнымъ противъ нея дѣйствіямъ: „именно тутъ ожидаетъ ихъ трибуналъ общественнаго мнѣнія, отъ котораго всѣ правительства, какъ бы впрочемъ могущественны они ни были, зависятъ нынѣ болѣе чѣмъ когда-нибудь. Такая зависимость покоится на справедливой волѣ Божественнаго Провидѣнія пожелавшаго чтобы въ то время, когда старыя и отжившія свой вѣкъ учрежденія еще не замѣнены новыми и крѣпкими, сила общественнаго мнѣнія служила въ эту переходную эпоху мѣриломъ политическаго и соціальнаго порядка.“

Австрія знала чего она хотѣла и къ чему она идетъ; она искусно соображала средства для достиженія своихъ цѣлей, и къ сожалѣнію именно въ этомъ Россія и уступала ей. Вотъ почему, несмотря на выгоды своего положенія и несмотря на превосходство своихъ силъ, Россія непрерывно усвоивала себѣ взгляды Вѣнскаго двора. „Русское правительство, говоритъ г. Мартенсъ, не могло сочувствовать постояннымъ попыткамъ Вѣнскаго двора вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ“, а чрезъ нѣсколько страницъ онъ замѣчаетъ: „Вѣнскій кабинетъ во всѣхъ своихъ усиліяхъ, направленныхъ къ уничтоженію всякой политической свободы въ Европѣ, постоянно обращался къ Россіи съ просьбами о содѣйствіи; князь Меттернихъ весьма искусно пользовался снисходительною уступчивостью и

миролюбіемъ Русскаго правительства для осуществленія своихъ политическихъ плановъ какъ въ Италиі, такъ и въ Германіи.“ Итакъ мы не сочувствовали дѣлу задуманному Австріей и все-таки являлись пособниками этого дѣла. Планами Вѣнскаго двора, напимѣръ, относительно Германіи казались намъ въ высшей степени несправедливыми, но лишь только планы эти выяснились въ извѣстныхъ Карлсбадскихъ постановленіяхъ, лишь только Австрія обнаружила твердое намѣреніе осуществить ихъ, тотчасъ же начинаются колебанія съ нашей стороны. „Еслибы Русское правительство, говоритъ г. Мартенсъ, обратило надлежащее вниманіе на неотъемлемое право каждаго государства самостоятельно завѣдывать своими собственными дѣлами, то Вѣнскій кабинетъ долженъ былъ бы получить только категорическій отказъ на всѣ его ходатайства о вмѣшательствѣ. Но императоръ Александръ былъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ что союзъ и дружба между его Имперіей и Австріей совершенно необходимы для сохраненія мира, стоившаго народамъ столькохъ неисчислимыхъ жертвъ. Онъ очень хорошо сознавалъ что въ принципѣ ни одно государство не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла другого, и онъ неоднократно указывалъ на опасности неизбѣжно вытекающія изъ подобнаго рода вмѣшательствъ, *однако съ другой стороны* внутренніе перевороты въ государствахъ и пропаганда революціонныхъ идей среди европейскихъ народовъ представлялись, по мнѣнію императора, не менѣе опасными для мира чѣмъ посягательства на независимость и спокойствіе того или другаго государства. Безусловное сохраненіе мира какъ въ области международныхъ отношеній, такъ и внутри государствъ—таковъ былъ девизъ русскоі политики послѣ 1815 года. Но если даже всякія внутреннія государственныя преобразованія рассматривались какъ посягательства на международный порядокъ и миръ, то иностранное вмѣшательство необходимо было признать не только удобнымъ средствомъ для сохраненія неприкосновенности правъ даннаго монарха, но также вполнѣ законнымъ и неизбѣжнымъ. Только нельзя не согласиться что подобный взглядъ на условія сохраненія status quo въ международныхъ отношеніяхъ по необходимости долженъ былъ привести къ неустойчивости въ стремленіяхъ, къ самопротворѣніямъ и непослѣдовательности въ аргументаціи.“

Благодаря всѣмъ этимъ оговоркамъ, всѣмъ этимъ *но, однако и съ другой стороны*, Австрія выигрывала свое дѣло; она выступала противъ Германіи не одна, а опираясь на Россію. То же самое и въ вопросѣ о неаполитанской революціи. Русское правительство, говоритъ г. Мартенсъ, было о ней совершенно другаго мнѣнія чѣмъ Австрія. Оно отдавало себѣ ясный отчетъ въ вызвавшихъ ее причинахъ. Въ докладѣ представленномъ 30го марта 1820 года на высочайшее усмотрѣніе прямо было сказано что отвѣтственность за подобныя событія должна лежать на правительствахъ: „Причина зла коренится въ несчастной потерѣ уваженія со стороны правительствъ... Они *объщали*, но только для того чтобъ отвратить угрожающую имъ бѣду или выдти изъ затрудненія; они *сдѣлали уступки*, но, развѣ эти уступки были полны? Они стараются создать себѣ нравственное вліяніе, но развѣ достигнуть этого можно посредствомъ примѣненія безнравственнаго принципа *divide et impera*?“ Кажется ясно, однако и тутъ возникаютъ обычныя недомыслія. Австрія предлагаетъ конгрессъ: согласиться на него значитъ освятить право вмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ; вмѣшательство же подобнаго рода не можетъ принести пользы и самимъ правительствамъ ради которыхъ оно предпринимается; оно не способно возвысить эти правительства въ глазахъ ихъ подданныхъ; но если идти въ разрѣзъ съ политикою Австріи, то пожалуй распадется Священный Союзъ, въ которомъ Австріи отведено столь видное мѣсто. Русское правительство возражаетъ, противорѣчить и въ концѣ-концовъ все-таки присоединяется къ Вѣнскому двору. На Троппаускомъ конгрессѣ одинъ изъ нашихъ уполномоченныхъ, графъ Каподистрія, съ негодованіемъ отзывался о поведеніи Неаполитанскаго короля. „Съ одной стороны, говорилъ онъ, Фердинандъ торжественно присягнулъ актамъ благодаря которымъ собралась у его престола значительная часть его подданныхъ; съ другой—онъ намѣревается наказывать этихъ же самыхъ подданныхъ, призывая въ свою страну иностранныя войска. И за что онъ хочетъ наказывать ихъ? За то что они, подобно ему, присягали актамъ утвержденнымъ, судя по всѣмъ даннымъ, его же собственнымъ авторитетомъ.“— „Да, отвѣчалъ на это князь Меттернихъ, я согласенъ что альтернатива несчастна и прискорбна, но что прикажете

дѣлать?" И мы дѣлали такъ какъ хотѣла Австрія, мы все болѣе и болѣе втягивались въ политику вмѣшательства, хотя въ то же время нисколько не скрывали отъ себя что Вѣнскій дворъ „умышленно рисуеъ положеніе Европы слишкомъ мрачными красками“.

Происходило это отъ желанія нашего играть роль въ Европѣ и обнаруживать вліяніе на ея дѣла. Опорой для подобной роли долженствовалъ служить Священный Союзъ. Но Союзъ этотъ—какъ былъ онъ задуманъ императоромъ Александромъ—никогда не существовалъ въ дѣйствительности. „Только одни мы, говорилъ нашъ посолъ въ Вѣнѣ, графъ Головкинъ, остались стражами и вѣрными исполнителями началъ положенныхъ въ основу Союза.“ Впрочемъ даже и это несправедливо; начала провозглашенныя Александромъ совершенно извратились, да иначе не могло и быть въ виду крайней ихъ неопредѣленности. Отъ Союза сохранилась только форма, а содержаніе было даваемо ему Вѣнскимъ дворомъ, согласно интересамъ и цѣлямъ этого двора, а мы все-таки дорожили имъ, потому что почетъ и первое мѣсто въ Союзѣ были очень искусно предоставлены Россіи, отъ которой взаимно того требовались одні уступки за другими по самой сущности дѣла. Пользу изъ всего этого извлекала для себя Австрія. Она конечно имѣла прямую выгоду дѣлать Россіи чтобъ опираться на нее въ борьбѣ съ либеральными стремленіями и правительствъ и народовъ, предоставляя однако себѣ право выступать противъ нея всякій разъ когда Россія въ свою очередь нуждалась въ ея содѣйствіи для своихъ интересовъ. И это какъ нельзя лучше было извѣстно намъ. Нѣсколько позднѣе, во всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Нессельроде было сказано: „Вообще Русское правительство вывело то заключеніе что какъ только Вѣнскій кабинетъ считаетъ себя безопаснымъ въ отношеніи страшнаго призракъ революціи и не видитъ опасностей для соціальнаго порядка, онъ тотчасъ же меньше чувствуетъ потребности опираться на Россію и на союзъ съ нею.“

Пора было убѣдиться въ томъ послѣ цѣлаго ряда доказательствъ представленныхъ Австріей. Первое, и наиболѣе убѣдительное изъ нихъ, относится ко греческому возстанію двадцатыхъ годовъ. Дипломатическіе переговоры Россіи съ Австріей по этому вопросу изложены у г. Мартенса не такъ

подробно какъ было бы желательно, хотя все-таки читатель найдетъ у него много драгоценныхъ подробностей. Съ самаго начала обнаружилось что мы не можемъ идти съ Австріей однимъ путемъ. „Греки, говоритъ г. Мартенсъ, всегда оставались въ глазахъ главнаго защитника легитимности (князя Меттерниха) крамольниками, осмѣливавшимися претендовать на неприкосновенность ихъ жизни, чести и собственности противъ насилій турецкихъ палачей. Вся же усилія русской политики положить предѣлъ турецкимъ вѣрствамъ, при содѣйствіи Австріи, должны были рушиться, потому что цѣли австрійской политики были совершенно иныя....“ Въ виду этихъ соображеній, прибавляетъ авторъ, довольно любопытно что Татищевъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ искренности политики Меттерниха и въ согласіи ея съ политическими видами Россіи. Нашъ посолъ въ началѣ своей дипломатической дѣятельности въ Вѣнѣ (а онъ—замѣтимъ здѣсь—прибылъ туда когда Греческій вопросъ былъ уже въ полномъ развитіи) писалъ своему правительству что ему было бы чрезвычайно трудно исполнить возложенное на него порученіе еслибы онъ не находилъ въ австрійскомъ министрѣ „намѣренія столь согласныя съ великодушными желаніями Государя“; по мнѣнію его, „мы не имѣли никакой причины не быть довольными точкой зрѣнія Вѣнскаго кабинета на Восточный вопросъ“. Конечно, образъ дѣйствій Татищева чрезвычайно страненъ, но нѣкоторымъ оправданіемъ ему могло служить то что самый искусный дипломатъ потерялъ бы голову въ его положеніи. Послѣ 1815 года былъ у насъ посланникомъ въ Вѣнѣ графъ Штакельбергъ какъ нельзя болѣе вѣрно судившій объ австрійской политикѣ, но именно поэтому ему не удалось удержать за собою своего мѣста; онъ выпросилъ отставку, „объявивъ правительству что не въ состояніи на старости лѣтъ измѣнить своего характера и убѣжденій“; послѣ него былъ посланникомъ графъ Головкинъ, не перестававшій повторять что „политика князя Меттерниха двулична и враждебна Россіи“, что соглашеніе между нами и Австріей „немыслимо“, но достигъ лишь того что утратилъ всякій авторитетъ. „Русское правительство, замѣчаетъ г. Мартенсъ, искренно желало согласія съ Австріей“,—что же удивительнаго если смѣлившій Головкина Татищевъ заговорилъ совершенно другимъ языкомъ? Иначе ему и не зачѣмъ было являться

въ Вѣну. Прошло нѣсколько времени, правительство отступило отъ своего прежняго образа дѣйствій, и томъ Татищевъ тотчасъ же измѣнился. „Боже упаси, писалъ онъ въ 1829 году императору Николаю Павловичу, чтобъ я бралъ на себя предъ вашимъ величествомъ поручительство въ добросовѣстности Австріи. Я не могу быть защитникомъ добросовѣстности которой нѣтъ на дѣлѣ, и далека отъ меня мысль предаться довѣрію не имѣющему разумнаго основанія.“ Чѣмъ болѣе имъ поддавались навітамъ Австріи, чѣмъ болѣе дѣлали ей уступокъ, тѣмъ отважнѣе упражнялась она въ интригахъ, имѣвшихъ цѣлю воспрепятствовать Россіи исполнить роль которая условивалась ея историческимъ призваніемъ на Востока.

Но стоило только Русскому правительству усвоить себѣ болѣе энергическій образъ дѣйствій—и картина тотчасъ же измѣнилась. Перемена эта произошла по вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, но начало ея можно отнести еще къ послѣднимъ годамъ царствованія императора Александра. Уже онъ, убѣдившись въ невозможности разчитывать на Вѣнскій дворъ, рѣшился не вступать съ нимъ ни въ какія объясненія, хранить глубокое молчаніе о положеніи дѣлъ на Востока. Той же политикѣ слѣдовалъ и его преемникъ. „Спокойствіе Россіи, сказано было въ депешѣ нашему послу Татищеву, будетъ болѣе тревожить Вѣнскій дворъ чѣмъ непосредственнымъ объясненіемъ. Ничто не въ состояніи столь смущать правительства безпокойнымъ, сознающимъ свои ошибки, какъ такое невозмутимое спокойствіе. Ничто не характеризуетъ лучше истинную силу, соединенную съ умѣренностью и справедливостью.“ Золотыя слова! Еслибы всегда служили они руководящимъ правиломъ нашей политики! „Любопытнѣе замѣчаетъ г. Мартеновъ, что молчаніе Россіи производило на Австрію несравненно болѣе сильное впечатаніе чѣмъ безконечныя депеши, въ которыхъ мы откровенно излагали ея свои планы и приводили самыя вѣрныя доказательства въ пользу безкорыстія своихъ намѣреній. Конечно, Австрія не измѣнилась: она продолжала свою недостойную игру, но отътомъ на это съ нашей стороны служили не слова, а дѣйствія. Въ 1826 году состоялось соглашеніе по Восточному вопросу между Россіей и Англіей, а въ 1827 году, послѣ того какъ присоединилась къ нимъ Франція, возникъ

тройственный союзъ. На докладъ по этому поводу графа Нессельроде, императоръ Николай собственноручно написалъ: „Да будетъ тысячу разъ благословенъ Богъ и понадемся что все пойдетъ къ лучшему.“ Задача трехъ державъ была трудна, во первыхъ, вслѣдствіе разногласій которыя могли возникнуть между ними; во вторыхъ, вслѣдствіе упорства со стороны Турціи находившей поддержку въ Вѣнскомъ дворѣ; и Вѣнскій дворъ дѣйствительно не щадилъ усилій чтобы посеять раздоры между союзниками и затруднить осуществленіе ихъ плановъ на Востокъ. Наваринская битва еще усугубила его печальную дѣятельность въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе того въ ноябрѣ 1827 года отправлена была къ Татищеву депеша, содержаніе коей г. Мартенсъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: „Въ депешѣ этой неотразимо убѣдительно доказывалось что напрасно Вѣнскій дворъ дѣлаетъ надежду на отсутствіе энергіи Россіи въ преслѣдованіи своихъ политическихъ цѣлей, и напрасно онъ полагаетъ что Русское правительство не понимаетъ двуличной игры князя Меттерниха. Вѣнскій дворъ не только не поддерживаетъ требованій трехъ союзныхъ державъ въ Константинополѣ, но напротивъ—вопреки своему формальному обѣщанію—не перестаетъ убѣждать Порту чтобы она выказывала большую энергію и не принимала предложеній союзниковъ. Австрія подстрекаетъ Турцію начать войну и инсинуируетъ что союзъ между тремя державами крайне не проченъ. Но чего же добивается Вѣнскій дворъ? Неужели разрушенія Оттоманской имперіи? Неужели Австрія не видитъ что еслибы не было подстрекательства съ ея стороны, то не было бы и Наваринской битвы, не были бы уничтожены турецкій и египетскій флоты?... Пусть же знаетъ она что императоръ готовъ вооруженною силою образумить Турокъ, и тогда, за всѣ бѣдствія которыя обрушатся на Оттоманскую имперію, отвѣтственна будетъ только одна Австрія. Татищеву предписано было безъ обиняковъ объявить князю Меттерниху что дѣйствія его въ Греціи, Египтѣ и Константинополѣ отлочно извѣстны въ Петербургѣ, что онъ сильно ошибается, думая разстроить союзъ трехъ державъ и поколебать энергію императора. Весь вопросъ состоитъ въ томъ: желаетъ ли Австрія войны между Россіей и Турціей? Если да, то Вѣнскій дворъ навѣрно достигаетъ своей цѣли, идя по избранному имъ пути; если

же имѣть, то онъ долженъ совершенно измѣнить путь и убедить Порту немедленно исполнить постановленія июльской конвенціи.“ Въ заключеніе дѣла было сказано: „Наступилъ моментъ когда имѣть другаго выбора для Вѣнскаго кабинета. Всякая отсрочка можетъ сдѣлаться роковою. Вы, г. посолъ, заставьте его рѣшиться на выборъ и высказаться безъ малѣйшаго замедленія.“ Австрійское правительство послѣ тщательныхъ протестовъ противъ обвиненій въ интригахъ сочло повидимому благоразумнымъ покориться: устали самаго императора Франца обѣщало оно убѣждать Порту что единственное для нея спасеніе заключается въ безпрекословномъ исполненіи требованій Россіи и ея союзниковъ. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того когда Россія вынуждена была объявить войну Турціи, Вѣнскій дворъ началъ снова обнаруживать враждебныя чувства. Австрія вооружалась, сосредоточивала свои войска въ Трансильваніи и все заставляло думать что она готовилась уже занять Дунайскія княжества. Въ виду этого главнокомандующему князю Витгенштейну дана была слѣдующая секретная инструкція: 1) если Австрійцы попытаются преградить путь русской арміи, то слѣдовало пригласить ихъ отступить назадъ; 2) если они не отступятъ, Русскіе должны были не останавливаясь идти впередъ; 3) если Австрійцы окажутъ при этомъ сопротивленіе, то приказано было отвѣчать на силу силою. Въ послѣднемъ случаѣ Татищевъ имѣлъ порученіе объявить въ Вѣнѣ что если Австрія хочетъ войны, то Россія вполне къ ней готова.

Это подѣйствовало какъ нельзя лучше. Выступать прямо противъ Россіи Вѣнскій дворъ не отважился, продолжать козни въ Константинополѣ было безполезно послѣ того какъ началась война; оставалось лишь занимать интригами въ Лондонѣ и Парижѣ, — и князь Меттернихъ не медлилъ пустить тутъ въ ходъ всю свою изобрѣтательность и ловкость. Послѣ блестящихъ побѣдъ одержанныхъ нашею арміею болѣе всего озабочивала его мысль о томъ чтобы Россія не могла надлежащимъ образомъ воспользоваться результатами этихъ побѣдъ, чтобъ она заключила миръ на возможно менѣе выгодныхъ для себя условіяхъ. Князь Меттернихъ склонилъ Парижскій и Лондонскій кабинеты предложить Россіи свое посредничество для переговоровъ съ Турціей. Правительство наше отвѣчало что

оно не въ состояніи допустить посредничества въ своей распрѣ съ Оттоманскою имперіей. Такъ какъ ему хорошо было извѣстно откуда идутъ враждебные противъ него замыслы, то Татищеву вѣрно было потребовать объясненій отъ Вѣнскаго двора и угрожать ему, если не прекратитъ онъ свои происки, сосредоточеніемъ на австрійской границѣ observationalнаго корпуса. „Это отъ васъ зависитъ, воскликнулъ князь Меттернихъ, но я вамъ объявляю что если даже вы сосредоточите на границѣ это тысячъ человѣкъ, мы не движемъ противъ васъ ни одного барабаника. Война между двумя имперіями немыслима.“ Австрійскій канцлеръ клялся конечно что подозрѣнія противъ него неоправданнымъ, но такъ какъ Русское правительство съ своей стороны не имѣло причины сомнѣваться въ основательности этихъ подозрѣній, то оно сочло долгомъ съ полною откровенностью указать Австріи каковы будутъ послѣдствія ея политики. Татищевъ отдалъ Вѣнскому двору слѣдующія заявленія: 1) отношенія между Австріей и Россіей ухудшаются съ каждымъ днемъ; 2) внимательство европейскихъ державъ въ переговоры съ Портою было бы ничѣмъ инымъ какъ коалиціей противъ Россіи, которая готова защищаться до послѣдней возможности; 3) внимательство это достигаетъ лишь того что сдѣлаетъ условія мира еще болѣе тяжкими для Турціи. Русское правительство до конца осталось вѣрнымъ этому образу дѣйствій: на интриги Австріи отвѣчало оно угрозами, а когда при заявленіи Адрианопольскаго мира предложила она свои услуги, то императоръ Николай приказалъ отвѣчать что „еслибы даже Россія нуждалась въ услугахъ какой-нибудь иностранной державы, то меньше всего обратилась бы къ Австріи, которая во время войны обнаруживала болѣе недоброжелательства къ Россіи чѣмъ всѣ другія государства.“

Вообще изложенный нами эпизодъ представляетъ одно изъ утѣшительныхъ явленій въ исторіи русской политики. Опытъ доказалъ что угодливость наша предъ Австріей не цѣнится ею рѣшительно ни во что какъ скоро заходитъ рѣчь о наиболее дорогихъ и существенныхъ интересахъ нашего отечества, что она выступаетъ тогда непримиримымъ нашимъ врагомъ, но что есть вѣрное средство обуздать ея вражду, и состоитъ оно въ рѣшительномъ и энергическомъ отношеніи къ ея образѣ дѣйствій. Возмож-

ность вооруженнаго столкновенія должна была устрашать не Россію, а Австрію; сами государственные ея люди, самъ ея монархъ, не скрывали этой истины. Намъ слѣдовало постоянно имѣть ее въ виду не для того, конечно, чтобъ угрожать бренивому существованію Австрійской имперіи, но для того чтобы не допускать ее становиться намъ на дорогѣ и не поддерживать безъ нужды такіе ея виды и намѣренія отъ которыхъ собственно для себя не могли ожидать никакой выгоды, тѣмъ болѣе что—мы должны были знать это впередъ—Вѣнскій дворъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отплатитъ намъ за всѣ наши услуги черною неблагодарностью.

Случилось однако иначе. Опытъ, повидимому, не показавъ намъ достаточно убѣдительнымъ. Прошло очень немного времени и мы снова повернули на тотъ же путь по которому шли съ 1815 до 1826 года. Г. Мартенсъ находить это вполнѣ естественнымъ. „Въ политической системѣ Австріи и Россіи, говорить онъ, было столько точекъ соприкосновенія, столько общности въ основныхъ положеніяхъ что союзъ между этими державами навязывался силой самихъ обстоятельствъ.“ (!) Но какая же связь соединяла ихъ? „Россія и Австрія, по словамъ того же автора, имѣли одинаковыя цѣли: сохраненіе внутреннего порядка въ государствѣ и поддержаніе мира въ Европѣ.“ Очевидно, однако, что къ послѣдней изъ этихъ задачъ Россія могла стремиться и не принимая на себя относительно Австріи какихъ-либо обязательствъ которыхъ трудно избѣжать при заключеніи формальнаго союзнаго договора, а что касается „сохраненія внутреннего порядка въ государствѣ“, то какое содѣйствіе могъ оказать тутъ Вѣнскій дворъ нашему правительству? Внутренній порядокъ въ Австріи дѣйствительно много зависѣлъ отъ общаго хода европейскіхъ дѣлъ, но на сохраненіе порядка и спокойствія въ Россіи какія бы то ни было европейскія замѣшательства не способны были обнаружить никакого вліянія. Или не имѣется ли тутъ, быть-можетъ, въ виду Польскій вопросъ? Но Австрія, и помимо соглашенія съ нею, была заинтересована въ томъ чтобы не возбуждать національных притязаній Поляковъ и принимать мѣры противъ революціонныхъ взышекъ польскаго общества; если именно этотъ вопросъ долженъ былъ служить почвой для тѣснаго сближенія съ нею, то почва представлялась крайне неудобною для насъ,

ибо—какъ увидимъ—Россія была тотчасъ же вовлечена въ такія дѣйствія которыя съ Польшей не имѣли ничего общаго. Словомъ, тѣхъ безчисленныхъ „точекъ соприкосновенія“, о которыхъ говоритъ г. Мартенсъ, мы рѣшительно не видимъ. Толковать о нихъ могъ лишь Вѣнскій дворъ, ибо обстоятельства въ началѣ тридцатыхъ годовъ были крайне неблагоприятны для него, — вспыхнула французская революція, отозвавшаяся и въ Германіи и Италіи, и Австрія считала далеко не безполезнаго опереться на Россію особенно послѣ того какъ война прекратилась на Востоку. Опять возымаетъ она голосъ объ опасностяхъ угрожающихъ Европѣ со стороны революціонныхъ элементовъ, и возвышаетъ его съ полнымъ успѣхомъ: „Императоръ Николай, говоритъ г. Мартенсъ, готовъ былъ забыть прошлое; скоро Россія и Австрія дѣйствуютъ съ рѣдкимъ единодушіемъ по всемъ важнѣйшимъ вопросамъ.“

Въ этомъ единодушномъ образѣ дѣйствій не трудно однако подмѣтить существенное различіе. Австрійское правительство ненавидѣло революцію и боялось ея, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно выступало противъ нея съ крайнею осторожностью; оно отваживалось на это лишь въ такихъ случаяхъ когда требовали того его интересы, и ему не приходило на мысль ополчаться безкорыстно въ крестовые походы противъ революціонныхъ броженій если они не угрожали непосредственно Австрійской монархіи. Такъ, напримѣръ, еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ Вѣнскій дворъ настаивалъ энергически на подавленіи оружіемъ италіанской революціи, но вовсе не обнаруживалъ желанія вмѣшиваться въ дѣла испанскія; въ одной изъ своихъ делешъ князь Меттернихъ подробно развивалъ мысль что подобное вмѣшательство было бы даже вредно, ибо въ Испаніи все зло „матеріальнаго“ свойства, тогда какъ Европа больна „морально“ (?). Не такова была политика Россіи. Русское правительство дѣйствовало изъ принципа; усвоивъ себѣ этотъ принципъ, оно не допускало сдѣлокъ и готово было идти даже дальше чѣмъ его „вѣрный“ союзникъ. Такъ, въ глазахъ его монархія Лудовика-Филиппа была волащеніемъ революціоннаго начала; оно доказывало необходимость прибѣгнуть противъ нея къ мѣрамъ предосторожности; императоръ Николай Павловичъ былъ озабоченъ устройствомъ „системы общей обороны“ (*système de défense commune*) и согласно

съ этою мыслью соглашался исполнить желаніе Вѣнскаго двора чтобы стотысячная русская армія была сосредоточена въ Польшѣ, а 50.000 человекъ отправлены въ Германію; но онъ былъ непріятно удивленъ когда Австрія, успокоившись насчетъ намѣреній короля Французовъ, выразила готовность поддерживать съ нимъ добрыя отношенія. Точно также когда вспыхнуло возстаніе въ Бельгіи, Русское правительство готовилось вооруженною силой охранять существующіе трактаты. Оно не колебалось даже примѣнять свой принципъ въ отдаленной Исламіи, а именно, согласилось открыто оказать помощь донъ-Карлосу, принявъ на себя участіе въ поручительствѣ займа заключеннаго этимъ претендентомъ, и согласилось сверхъ того давать ему значительную субсидію. Словомъ, выступивъ на путь на которомъ осязательныя выгоды ожидали только Австрію, а отнюдь не насъ, мы шли по нему неуклонно, нерѣдко сѣтуя на союзниковъ за то что они оглядывались по сторонамъ и колебались тамъ гдѣ мы требовали отъ нихъ рѣшительности и энергіи. Въ этой борьбѣ съ революціей самое видное мѣсто должно было принадлежать Австріи, но оно очень искусно было предоставлено ею намъ, и такимъ образомъ Россія подвергалась преимущественно той непопулярности которая неизбѣжно сопряжена со вмѣшательствомъ въ дѣла отнюдь ея не касавшіяся.

Къ сожалѣнію принципъ, служившій руководящимъ правиломъ Русскаго правительства, былъ примѣненъ имъ даже къ Восточному вопросу. Въ 1838 году происходили конференціи въ Мюнхенгретцѣ, цѣлью коихъ, говоритъ г. Мартенсъ, было „выяснить точнымъ образомъ общность интересовъ Россіи и Австріи по отношенію къ Оттоманской имперіи.“ То была конечно очень трудная задача: выяснить общность интересовъ когда этой общности не было и когда еще не задолго предъ симъ цѣлый рядъ событий доказалъ что стремиться къ подобной цѣли значило изощрять свой умъ надъ неразрѣшимою задачей! Тѣмъ не менѣе соглашеніе состоялось, и г. Мартенсъ даже теперь является жаркимъ его защитникомъ. „Въ дѣйствительности, говоритъ онъ, цѣль Мюнхенгретскаго соглашенія состояла въ томъ чтобы обезпечить цѣльность Оттоманской имперіи... Съ перваго взгляда союзъ Австріи и Россіи для достиженія

именно этой цѣли можетъ казаться невозможнымъ, непонятнымъ и даже неестественнымъ. Если вспомнить событія 1828—29 годовъ, если имѣть въ виду непріязненные отношенія Австріи къ Россіи въ продолженіе этихъ годовъ и всего греческаго кризиса, то заключеніе между ними союза для охраненія неприкосновенности Турціи могло казаться въ совершенномъ противорѣчій съ истинными стремленіями и пользою Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, даже самъ князь Меттернихъ былъ убѣжденъ что въ Мюнхенгрעדѣ онъ одержалъ блестящую побѣду надъ русскою политикою, заставивъ ее формально отречься отъ вѣковыхъ своихъ стремленій, направленныхъ къ разрушенію Оттоманской имперіи... Однако если вникнуть въ политику императора Николая I относительно Турціи, то едва ли справедливо признать въ Мюнхенгредской конвенціи малѣйшее отступленіе отъ вѣковыхъ задачъ русской политики въ Восточномъ вопросѣ. Напротивъ, этотъ актъ служить какъ памятникомъ замѣчательной послѣдовательности въ преслѣдованіи своихъ цѣлей со стороны Россіи, такъ и доказательствомъ ненарушимой трезвости и ясности взглядовъ русской политики."

Таково мнѣніе г. Мартенса. На чемъ же оно основано?

Авторъ ссылается на нѣкоторые факты, впервые обнародованные имъ въ недавно появившейся брошюрѣ подъ заглавіемъ: *Étude historique sur la politique russe dans la question d'Orient*. Изъ нихъ оказывается что въ 1829 году, вслѣдствіе блестящихъ успѣховъ одержанныхъ нашими войсками, появилась на очереди вопросъ о существованіи Оттоманской имперіи, и императоръ Николай Павловичъ назначилъ особый комитетъ для всесторонняго обсужденія этого вопроса; председателемъ былъ графъ Кочубей, а членами: графъ Толстой, принцъ Александръ, графъ Нессельроде, графъ Чернышевъ и тайный совѣтникъ Дашковъ. Въ комитетѣ канцлеръ прочелъ высочайше одобренный меморандумъ въ которомъ доказывалось что Россія не должна желать распаденія Турціи. „Мы всегда были того мнѣнія, говоритъ въ этомъ документѣ графъ Нессельроде, что сохраненіе Турціи болѣе полезно чѣмъ вредно для дѣйствительныхъ интересовъ Россіи; что никакой другой порядокъ вещей не можетъ возмѣстить намъ выгоду имѣть сосѣдомъ государство слабое, постоянно угрожаемое революціоннымъ духомъ которымъ проникнуты его вассалы, и вынужденное

счастливою войной покориться волѣ побѣдителя. "Дашковъ въ представленной имъ комитету запискѣ развивалъ ту же мысль. „Напрасно, говорилъ онъ, возражали бы намъ учисленіемъ тѣхъ выгодъ и пріобрѣтеній кои достались бы тогда (то-есть еслибы распалась Турція) на часть Россіи: ей нужны не новыя пріобрѣтенія, не распространеніе предѣловъ, но безопасность оныхъ и распространеніе ея вліянія между содѣйственными народами, а сего она удобнѣе достигнуть можетъ продавъ существованіе Оттоманской имперіи на *извѣстныхъ условіяхъ*...“ „Было время, продолжалъ Дашковъ, когда раздѣлъ Турціи могъ входить въ тайные расчеты русской политики. Нынѣ, когда предѣлы Имперіи распространены отъ Бѣлаго Моря до Дуная и Аракса, отъ Камчатки до Вислы, весьма немногія пріобрѣтенія могутъ быть ей полезны. Обладаніе Босфоромъ и Дарданеллами, конечно, дало бы новую жизнь нашей торговлѣ, но какою цѣной надлежало бы купить оное!“

Комитетъ, выслушавъ записки графа Нессельроде и Дашкова и ознакомившись также съ дѣлешами князя Ливена, Поццо-ди-Борго и съ представленнымъ ему проектомъ графа Каподистріи, пришелъ къ слѣдующему единогласному рѣшенію:

1. Выгоды отъ сохраненія Оттоманской имперіи превышаютъ его невыгоды.

2. Слѣдовательно разрушеніе Турціи будетъ противно дѣйствительнымъ интересамъ Россіи.

3. Благоразуміе требуетъ повтому предупредить ея паденіе посредствомъ пользованія всѣми обстоятельствами которыя могутъ представиться для заключенія почетнаго мира. Но если наступитъ послѣдній часъ турецкаго владычества въ Европѣ, то Русское правительство обязано принять самыя энергическія мѣры чтобы входить въ Черное Море не былъ захваченъ какою-либо великою державой. Что же касается опредѣленія судьбы земель входящихъ въ составъ Оттоманской имперіи, то для этого необходимо чтобы Россія вступила въ переговоры съ остальными державами.

„Такимъ образомъ, восклицаетъ г. Мартенсъ, не разрушеніе Турціи, не завоеваніе какихъ-нибудь областей, но сохраненіе status quo на югѣ Европы—вотъ въ чемъ состояла цѣль Россіи.“ Отсюда, по мнѣнію его, прямой выводъ: если и Австрія одинаково считала полезнымъ противиться

распаденію Оттоманской имперіи, то онѣ могли дѣйствовать сообща въ Восточномъ вопросѣ. Соглашеніе состоявшееся въ Мюнхенгретѣ представляется вполне естественнымъ.

Не думаемъ чтобы можно было согласиться съ подобнымъ выводомъ. Допустимъ что приведенное выше мнѣніе комитета вполне справедливо, хотя можно было бы многое возразить противъ него: мнѣніе это проникнуто слишкомъ холоднымъ расчетомъ, оно оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ что для Россіи шло дѣло на Востокъ не объ однихъ только территоріальныхъ приобрѣтеніяхъ. Но даже съ его точки зрѣнія представляется весьма сомнительнымъ будто бы намъ было выгодно имѣть по соседству съ собою такое слабое государство какъ Турція. Не говоря уже о прежнемъ времени, но даже въ нынѣшнемъ столѣтіи это слабое государство причинило намъ не мало невзгодъ, вовлекало насъ въ тяжкія войны, хотя всякій сколько-нибудь безпристрастный человѣкъ долженъ согласиться что поводы къ этимъ войнамъ возникали не съ нашей стороны. Слабость Турціи вовсе не служила слѣдовательно гарантіей для Россіи. Но не останавливаясь на этомъ, мы понимаемъ что Русское правительство не считало полезнымъ стремиться къ распаденію Оттоманской имперіи. Но если оно имѣло въ виду сохранить ее, то слѣдуетъ ли изъ этого что оно смотрѣло на подобную задачу совершенно также какъ Австрія? И въ комитетѣ 1829 года, Дашковъ, какъ упомянуто сейчасъ, говорилъ о возможности продлить существованіе Турціи лишь на „известныхъ условіяхъ“. Какія же это условія? Намъ кажется что не трудно опредѣлить ихъ. Еслибы Порта захотѣла поддерживать у себя прежній порядокъ вещей, то какъ бы ни остерегалась Россія нанести ей рѣшительный ударъ, она должна была въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ и въ силу естественнаго хода вещей подвергнуться катастрофѣ. Между Турками и христіанами не могло быть примиренія; никакими усиліями нельзя было достигнуть того чтобы христіане сдѣлались покорными подданными султана, ибо султанъ не былъ въ состояніи, еслибы даже и хотѣлъ того, распространить на нихъ права принадлежавшія мусульманскому населенію. Этому воспротивилась бы его религія. Судьба устроила такъ что Оттоманская имперія представляла собою два враждебные лагера, не имѣвшіе ничего общаго, должно-

завшіе отрицать другъ друга. При подобномъ положеніи дѣлъ возможность существованія Турціи условливалась лишь тѣмъ еслибы Порты убѣдилась въ необходимости выгородить христіанъ, предоставлять имъ, держа ихъ подъ своею властью, значительную автономію, создать для нихъ такой порядокъ вещей при которомъ были бы ограждаемы ихъ жизнь, честь и собственность. Это было бы выгодно прежде всего для самихъ Турокъ, ибо, сѣдѣя подобной политикѣ, они успѣли бы продлить свое господство на Балканскомъ полуостровѣ. Вотъ къ чему должна была стремиться русская политика, и обстоятельства были какъ нельзя болѣе благоприятны для такого образа дѣйствій съ ея стороны: вліяніе Россіи очень усилилось въ Константинополѣ послѣ войны 1829 года; Порты видѣла какъ умѣренно воспользовались ны плодами нашихъ побѣдъ, а вскорѣ, въ 1833 году, произошли событія которыя еще яснѣе доказали ей что она отнюдь не имѣетъ въ Россіи коварнаго и непримиримаго врага. Еслибы Русское правительство встрѣтило для достиженія означенной цѣли искреннюю и ревностную поддержку со стороны Австріи, то быть-можетъ дѣйствительно были бы достигнуты солидные результаты, но мы не изъ чего не видимъ чтобы оно имѣло право обольщать себя подобною надеждой. Австрія оставалась вѣрна самой себѣ: она желала только чтобы все замерло на Востокѣ, чтобы никакой лучъ свѣта не проникалъ въ эту страну, чтобы ничто не тревожило ея непробуднаго сна. Такимъ образомъ и мы хотѣли сохранить существованіе Оттоманской имперіи, и Австрія хотѣла того же самаго, но какъ сохранить—въ этомъ весь вопросъ. Неужели нашею задачей могло быть устраненіе всякихъ опасностей могущихъ угрожать Турціи, еслибы даже Турція оставалась неизмѣнно вѣрною своимъ постыднымъ преданіямъ? Неужели это было согласно съ нашею вѣковою политикой? А если цѣль наша была другая, то гдѣ же была почва для союза Россіи съ Австріей въ виду подобной цѣли?

Г. Мартенсъ приводитъ впрочемъ документъ изъ котораго видно что Вѣнскій дворъ, вслѣдствіе соглашенія состоявшагося между нею и Россіей, пытался натолкнуть Порту на какой-то новый для нея путь. Чтò же именно предлагалъ онъ ей? Мысли его по этому поводу изложены въ депешѣ князя Меттерниха къ барону Мейзенбургу бывшему

австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Русскомъ дворѣ. Въ депешѣ этой князь Меттернихъ доказывалъ что самый опасный ядъ для Турціи — „реформы на европейскій ладъ“ и затѣмъ онъ сообщалъ что имъ преподаны слѣдующіе совѣты правительству султана: „Положите въ основу вашего правительства уваженіе къ *вашиимъ религіознымъ учрежденіямъ, составляющимъ фундаментъ вашего существованія* какъ державы и служащимъ главною связью между султаномъ и его подданными *магометанской вѣры*. Идите впередъ за временемъ и за его потребностями (?). Приведите въ порядокъ вашу администрацію, преобразуйте ее, но не пытайтесь ее извергнуть для замѣщенія ея порядками которые къ вамъ непримѣнимы. Не заимствуйте у европейскихъ народовъ порядковъ не соотвѣтствующихъ вашимъ учрежденіямъ. *Оставайтесь Турками*. Оказывайте вашимъ христіанскимъ подданнымъ полное покровительство; оказывайте имъ дѣйствительную вѣротерпимость; не позволяйте чтобы лаши и низшія должностныя лица ихъ притѣсняли...“ Итакъ съ одной стороны Туркамъ дается совѣтъ не смѣшкомъ угнетать христіанъ, а съ другой, убѣждаютъ ихъ болѣе всего дорожить своею религіей, которая именно предписываетъ имъ обращаться съ христіанами какъ съ собаками! Конечно, съ программой такого рода нельзя было далеко уйти впередъ. Но замѣчательнѣе всего сообщаемый г. Мартенсомъ фактъ что Русское правительство стало совершенно на точку зрѣнія Австріи, что оно повторило Портъ почти *съ тѣми же словами* совѣты которые были изложены въ упомянутой сейчасъ депешѣ князя Меттерниха.

Все это убѣждаетъ насъ что Мюнхенгредское соглашеніе могло состояться лишь потому что мы недостаточно ясно опредѣлили цѣли долженствующія руководить нашею политикой на Востокѣ. Въ книгѣ г. Мартенса впервые обнаружена конвенція заключенная въ Мюнхенгрецѣ между Австріей и Россіей. Она состоитъ изъ двухъ статей слѣдующаго содержанія:

1. Дворы Австрійскій и Россійскій обязуются обоюдно сохранять принятое ими рѣшеніе—поддерживать существованіе Оттоманской имперіи подъ управленіемъ нынѣшней династіи и посвятить для сей цѣли всѣ вліяющія и дѣйствительныя средства какія находятся въ ихъ власти.

2. Вслѣдствіе сего оба императорскіе двора принимаютъ на себя обязательство противостоятъ общими силами

всякой комбинаціи которая наносила бы ущербъ правамъ верховной власти въ Турціи или учрежденіемъ временнаго регентства, или же совершенною переминой династіи. Еслибы тотъ или другой изъ сихъ случаевъ осуществился, обѣ высокія договаривающіяся стороны не только не признаютъ подобнаго порядка вещей, но войдутъ въ соглашеніе относительно принятія сообща самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ для предотвращенія опасностей которыя могли бы быть навлечены случившеюся въ существующей Оттоманской имперіи переминой, для безопасности и интересовъ ихъ собственныхъ пограничныхъ съ Турціею владѣній.

Къ конвенціи были присоединены секретныя статьи. Одна изъ нихъ гласила что соглашеніе возникшее между Россіей и Австріей примѣняется спеціально къ дѣйствіямъ египетскаго паши Мегемета-Али, а другая имѣла въ виду случайность распада Оттоманской имперіи. Никакихъ подробныхъ и опредѣленныхъ условій не заключалось въ ней относительно этого послѣдняго обстоятельства. Было только сказано что „оба императорскіе двора будутъ дѣйствовать въ согласіи и въ духѣ совершенной солидарности въ отношеніи всего что касается учрежденія новаго порядка дѣлъ, имѣющаго замѣнить существующій въ настоящее время, и сообща будутъ имѣть наблюденіе за тѣмъ чтобъ измѣненія совершившіяся во внутреннемъ строѣ Турціи не могли касаться ни безопасности ихъ собственныхъ владѣній и правъ обезпеченныхъ за ними трактатами, ни сохраненія европейскаго равновѣсія.“

Съ 1833 года Россія исполняла неуклонно принятые ею на себя обязательства по Восточному вопросу. Она доказала это явившись на помощь султану въ упомянутомъ году, когда серьезная опасность угрожала ему со стороны Мегеметъ-Али; она энергичеcки содѣйствовала устраненію смутъ на Востоке, когда нѣсколько позднѣе возобновились враждебныя дѣйствія египетскаго паши противъ Порты. Въ сороковыхъ годахъ вспыхнула въ Греціи революція, отозвавшаяся и на турецкихъ областяхъ съ греческимъ народонаселеніемъ. „Государь, читаемъ мы въ депешѣ адресованной графомъ Несельроде по поводу этого событія къ нашему посланнику въ Афинахъ, выразилъ самое строгое осужденіе заговору направленному противъ Порты,—заговору основанному на революціонныхъ началахъ,

всегда нами открыто осуждаемыхъ и который каждую минуту можетъ произвести пожаръ на всемъ Востокѣ.“ Русское правительство заявило даже готовность „въ случаѣ надобности оказать добросовѣстнымъ образомъ свою помощь Портѣ въ ея усиліяхъ къ усмирению взбунтовавшихся ея подданныхъ и къ возвращенію ихъ къ покорности.“ Одновременно съ тѣмъ поручило оно своимъ агентамъ какъ въ самой Турціи, такъ и въ Греціи объявить старшинамъ мѣстныхъ христіанскихъ общинъ что имъ нечего ожидать отъ Россіи. Эмиссару греческой гетеріи, прибывшему въ Петербургъ съ секретными предложеніями, былъ сдѣланъ строжайшій выговоръ и онъ вскорѣ былъ высланъ изъ Россіи. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ за 1845 годъ графъ Нессельроде говорилъ: „На Востокѣ мы продолжаемъ вмѣстѣ съ Австріей поддерживать независимость и неприкосновенность Оттоманской имперіи. Мы присоединяемъ свои усилія къ ея стараніямъ чтобы открыть латаенные плавы, подготовляемые въ Болгаріи, Албаніи и въ другихъ провинціяхъ коноводами французской и польской пропаганды, принявшими маску славянофильства.“ Соображая приведенные факты, нельзя удивляться тому что князь Меттернихъ былъ очень доволенъ результатами Мюнхенгредской конвенціи и гордился ими: „Когда Россія шла другимъ путемъ чѣмъ я, говорилъ онъ Прокешъ-Остену, я покинулъ ее: теперь я иду съ нею, потому что она идетъ по моей дорогѣ.“

И еслибы по крайней мѣрѣ Вѣнскій дворъ оцѣнилъ по достоинству доброжелательный относительно его образъ дѣйствій Россіи! Но нѣтъ, подозрительность и враждебныя его къ намъ чувства не ослабили нисколько. Г. Мартенсъ, утверждающій будто бы съ 1833 года „Австрія была постоянно на сторонѣ Россіи“, вынужденъ однако замѣтить: „только Вѣнскій дворъ (*excusez du peu*) не могъ отречься отъ желанія сблизиться также съ Англіей, хотя политическіе виды Англіи становились въ разрѣзъ со стремленіями русской политики.“ Изъ делешъ нашего упомянутаго въ Вѣнѣ видно что князь Меттернихъ откровенно заявлялъ что „въ тотъ самый день когда Австрія захочетъ заключить союзъ съ Англіей, онъ будетъ заключенъ, и что союзъ англо-австрійскій окажется гораздо болѣе прочнымъ (чѣмъ союзъ съ Россіей), ибо будетъ основанъ

на полной солидарности матеріальныхъ интересовъ.“ Русское правительство по собственному его сознанію убѣдилось что „къ сожалѣнію Вѣнскій кабинетъ видитъ въ Мюнхенгредской конвенціи скорѣе средство привязать Россію къ себѣ чѣмъ быть привязаннымъ къ ней.“

Великодушіе Русскаго правительства и вѣрность его консервативному принципу, самою надежною опорой коего считалъ онъ Австрію, не знали однако никакихъ границъ. Даже событія 1848 — 1849 годовъ не измѣнили его образа мыслей, а между тѣмъ они представили наглядное доказательство что это былъ за оплотъ консерватизма, который рухнулъ не выдержавъ даже перваго напора бури! Правительству нашему не только была чужда мысль воспользо-ваться невыносимымъ положеніемъ Австріи, но оно готово было принести безкорыстныя жертвы чтобы спасти свою союзницу отъ угрожавшихъ ей бѣдствій. Въ „народы“ Австрійской монархіи заколебались: Нѣмцы тянули къ Нѣмцамъ, Итальянцы къ Итальянцамъ, естественно что и Славяне обращали свои взоры на Россію, но имъ тотчасъ же было показано что нечего имъ ожидать съ этой стороны. „Въ іюлѣ 1848 года, разсказываетъ г. Мартенсъ, къ русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ пришли кроатскіе депутаты чтобы отъ имени барона Геллачича жаловаться на притѣсненія Венгерцевъ и просить защиты Россіи. Фонтонъ объявилъ имъ что онъ не можетъ ни принимать ихъ, ни выслушивать въ качествѣ представителя Русскаго правительства. Только какъ частное лицо онъ можетъ дать имъ дружескій совѣтъ не надѣяться на помощь Россіи, политика коей проникнута мыслью охранять неприкосновенность Австрійской имперіи и благо ея династіи.“ Императоръ Николай Павловичъ сочувственно сѣдѣлъ за всѣми дѣйствіями направленными въ самой Австріи къ этой цѣли. Князь Виндигрецъ—одинъ изъ тѣхъ на которыхъ главнымъ образомъ лежала задача вести борьбу съ революціей—говорилъ г. Фонтону что онъ надѣется на успѣхъ, но что быть-можетъ Австрія будетъ вынуждена прибѣгнуть къ „великодушному сердцу его величества императора“. На докладѣ объ этомъ Фонтонъ находились двѣ собственноручныя отмѣтки государя; одна изъ нихъ гласила: „и я отечу“, другая: „и они (Австрійцы) не ошибутся“. Въ скоромъ времени послѣ того Австрія была дѣйствительно спасена

отъ гибели только вооруженнымъ внимательствомъ Россіи.

Очеркъ дипломатическихъ отношеній между Россіей и Австріей съ 1815 года получалъ бы полное освѣщеніе въ томъ случаѣ еслибы на основаніи официальныхъ документовъ было изложено какимъ образомъ Вѣнскій дворъ отплатилъ намъ во время Восточной войны 1853—1856 годовъ. Къ сожалѣнію—г. Мартенсъ заявляетъ что мы не найдемъ этихъ свѣдѣній и въ слѣдующемъ томъ *Собранія трактатовъ и конвенцій*, ибо еще не наступило время для ихъ обнародованія.

Но уже и изъ того что сообщено г. Мартенсомъ можно одѣлать весьма полезный выводъ. Мы видимъ что австрійская политика достигала важныхъ успѣховъ, но успѣхи эти условливались исключительно податливостью и уступками со стороны Россіи. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда выведенное наконецъ изъ терпѣнія Русское правительство возвышало тонъ, обнаруживало твердую готовность прибѣгнуть къ энергическому образу дѣйствій, Вѣнскій дворъ тотчасъ же склонялъ голову. Поступалъ онъ такимъ образомъ потому что не могъ не сознавать какъ шатки основы на которыхъ держится Австрійская имперія. А между тѣмъ въ то время она еще ничего не терпѣла, она вышла даже съ приобретеніями изъ войны за независимость противъ Наполеона, и если уже тогда императоръ Францъ I придумалъ для нея весьма не лестное сравненіе, то не примѣняется ли къ Австріи это сравненіе теперь, когда она утратила свое вліяніе на Германію, вынуждена была отказаться отъ своихъ италіянскихъ областей, и во внутреннемъ своемъ управленіи прибѣгаетъ къ такимъ изворотамъ и тонкостямъ о которыхъ и не помышлялъ князь Меттернихъ?..

Разставаясь съ любопытною книгой г. Мартенса не можемъ не замѣтить что въ русскомъ текстѣ сравнительно съ французскимъ встрѣчаются иногда и неточности, и кривой переводъ. Приведемъ примѣры. На стр. 38: „*Metternich se plaignait des intrigues des princes allemands qui, disait-il, „ont un marché d'âmes à faire“* „Меттернихъ жаловался на интриги германскихъ князей, которые по его словамъ, собирались „торговать душой;“ на стр. 51 слѣдующія слова изъ дѣлети графа Штакельберга: „*mais, M. le comte, dans quel siècle vivons-nous? On conçoit tous les vices, parce qu'en les*

partage; on ne croit à aucune vertu, parcequ'on n'en trouve pas de trace dans son coeur“, переведены слѣдующимъ образомъ: „Но, графъ, въ какомъ вѣкѣ живемъ мы? Развѣ не поминуютъ всѣхъ пороковъ потому что имъ предаются? Развѣ не вѣрятъ ни въ какую добродѣтель потому что въ сердцахъ своемъ не находятъ ни малѣйшаго ея слѣда?“ На стр. 267: „Le prince Metternich est parvenu à grouper autour de lui des gens sages et des gens de bien,“—до-русски: „князю М. удалось собрать около себя людей разумныхъ и добрыхъ;“ на стр. 370: „ébranler l'énergie de l'empereur“—„убить непоколебимую энергію императора;“ на стр. 448 слова императора Николая „je ne vois de mon côté rien de mieux à faire“ переданы такъ: „но съ своей стороны я ничего лучше не знаю сдѣлать.“ Можно было бы привести не мало и другихъ примѣровъ въ томъ же родѣ.

Р.

НА ГОРАХЪ*

РАЗКАЗЪ

LXV.

На другой день по приѣздѣ Марьи Ивановны Смолокуровъ съ позаряюмъ проснулся. Не спалось ему въ душевной комнатѣ. Въ спальнѣ у него возлѣ постели стоялъ желѣзный сундукъ съ деньгами. Хоть и былъ онъ прививченъ и къ полу и къ стѣнамъ, хоть въ окнахъ и вѣдланы были толстыя желѣзныя рѣшетки, но Марко Давидычъ никогда не забывалъ что на бѣломъ свѣту много есть охотниковъ до чужаго добра. Потому зимнихъ рамъ онъ въ спальнѣ не выставлялъ, а дверь всегда почти держалъ на заперти. Никому кромѣ Дуки да еще Дарьи Сергѣевны приходившей постель оправить да въ комнатѣ немножко прибрать, безъ особаго зова туда ходу не было.

Не спится Марку Давидычу. То объ ненаглядной своей Душюнкѣ мыслями раскидываетъ, то о ненавистномъ Орошинѣ помышляетъ. Давно послалъ онъ въ Астрахань своего калерсника Корнея Евстигнѣева, ухитрился бѣ онъ тамъ

* См. *Русск. Вѣстн.* № 5 и 10ѣ 1875, № 8 и 10ѣ 1876 и № 5, 6, 7, 9, 10ѣ 1877. и № 1, 1878.

возку подставить не въ мѣру расходившемуся Описиму Самойловичу, но вотъ ужъ что-то долго нѣтъ отъ него никакихъ извѣстій. Дождался наконецъ письма. — Пишетъ Корней, что съ Орошинымъ никакого сладу нѣтъ, все прибрать къ своимъ рукамъ норовитъ, всѣмъ дѣломъ почти завладалъ, акру заподрядилъ до послѣдняго пуда, къ суши теперь подбирается. Денегъ кучу привезъ Орошинъ, Корнею съ какими-нибудь двадцатью тысячами и думать нечего тягаться съ нимъ.

„Ахъ ты песъ смердящій этакой! ругаетъ мысленно Марко Давылычъ Орошина. Причта во азычѣхъ!... Египетская твоя образина!... Эхъ надо бы мнѣ самому въ Астрахань слыть, да ужъ поздно теперь! Привезти бы туда денегъ побольше, вырвать бы у проклятой собаки изъ пасти лакомый кусъ!... А Корнею больше двадцати тысячъ довѣрить нельзя... Да, опоздалъ я, улупилъ дорогѣй случай!... Вотъ голову то замочить теперь чертова лѣвшъ; рукой не достанешь... Потокнуть бы баржамъ твоимъ, бѣсова кукла, всѣмъ бы до единой погорѣть у тебя проклятика... * А самого пострѣломъ ** бы тебя положило, рукамъ, ногамъ отсохнуть бы у аваемы!...“

Не совсѣмъ доругавшись всталъ съ постели, и къ окну подошелъ освѣжиться. Тутъ увидѣлъ его со двора Василій Ѡадѣвъ и тотчасъ пошелъ къ нему. У дверей постучался.

— Кто тамъ? крикнулъ съ досадой Марко Давылычъ.

— Я-съ, Василій Ѡадѣвъ, робко отвѣтилъ за дверью прикащикъ.

— Коего дьявола надо? Еще черти на кулачки не дирались, а ты подлецъ ужъ и лѣзешь ко мнѣ! лучше прежняго закричалъ Смолокуровъ, отпирая дверь.

— Штафету пригнали, протягивая въ полуотворенную дверь гусиную свою шею робко промолвилъ Ѡадѣвъ.

— Отколь?

— Изъ Астрахани сказалъ почтальонъ, молвилъ Ѡадѣвъ протягивая въ дверь руку съ письмомъ. Въ спальню войти не посмѣлъ.

Быстро сорвалъ печать Марко Давылычъ и сталъ письмо читать. Изъ Астрахани оно было отъ Корнея Евстигнѣича Прожженного.

* Проклятый.

** Пострѣлъ—апоплексическiй ударъ.

— Почтмейстеръ наказывалъ напомнить вашей милости насчетъ осетрины.... началъ было Василій Оадѣевъ, но Марко Давидычъ гнѣвно прикрикнулъ на него:

— Убирайся покаместъ цѣль.

Василій Оадѣевъ исчезъ какъ бѣсъ ослепленный крестнымъ знаменемъ.

Читаетъ Марко Давидычъ:

„Милостивѣйшему государю моему, благодѣтелю и отцу Марку Давидычу, вопервыхъ приношу нижайшее почитаніе съ желаніемъ со всѣмъ благословеннымъ вашимъ семействомъ лаче всего многолѣтняго здравія и всякаго благополучія, а наиболѣ въ дѣлахъ скорого и счастливаго успѣха съ хорошимъ прибыткомъ и доброй наживой. Самъ самонужнѣйшимъ съ нарочитою штафетой письмомъ спѣшу почтеннѣйше вашей милости довести что въ препорученныхъ дѣлахъ тружусь со всякимъ моимъ усердіемъ лаче всякія мѣры, только въ деньгахъ объявляется великая недостача и о томъ я ужъ два раза отписывалъ вамъ, отецъ нашъ и великій благодѣтель Марко Давидычъ. Довосилъ я также вашей милости что Овисимъ Самойдычъ будуча лично самъ на Низу завладалъ всѣмъ дѣломъ насчетъ икры и суша, однакожъ благодаря Всевышнему того одѣлать ему не сгодилося. Въ семь дѣлъ помѣшали ему извѣстные вамъ господа саратовскіе кулды Меркуловъ Никита Федорычъ да Веденѣевъ Дмитрій Петровичъ. Въ лятвицу на прошедшей недѣлѣ оба оня прибыли въ Астрахань и тогчасъ зачали скупать икру и рыбу большими партіями, и такимъ манеромъ на весь рыбный товаръ много цѣны подаяли, а платятъ все наличными безъ разсрочекъ, и задатки наличными же даютъ, а задатки у нихъ даются большіе. Овисимъ Самойдычъ желаетъ производить улааты векселями на двѣнадцать да на осмнадцать мѣсяцевъ потому съ ними тягаться ему стало не подъ силу. Онъ же по великой своей жадности напередъ сего ни съ кѣмъ письменныхъ условій не заключалъ, потому что жалко было улачивать пошляки. Отъ того отъ самаго которые ему контрактомъ не обязались всѣ до единого перешли къ Меркулову да къ Веденѣеву, а которые задатки отъ него заплучили тѣ отплачиваютъ теперь въ Енотаевскъ или на Бирючью Косу и оттуда по почтѣ деньги ему посылаютъ чтобъ онъ не отперся въ случаѣ еслибъ ему задатки въ руки воротили. Никто на

его честь по здѣшнимъ мѣстамъ по всѣмъ ватагамъ ни одна душа съ увѣреніемъ положить не можетъ. Описимъ Самоилычъ съ таковой досады теперь и рветъ и мечетъ. Вечорашній день довелось маѣ видѣть его: охрипъ сердечный отъ ругани, а третьяго дня въ трактирѣ одному промышленнику * съ сердцовъ даже въ ухо заѣхалъ, а тотъ съ своей стороны уважилъ господина Орошана и угостилъ его ладошками прелорядочно, чуть-чуть обоихъ на съѣзжую не забрали. А Меркуловъ съ Веденѣвымъ какъ только пожелались на дочеряхъ благопріятеля нашего Зановья Алексѣича Доронина такъ свои капиталы и женины приданыя деньги да и тестовыхъ можетъ половину, а пожалуй и больше, сложили вкулъ и повели въ Астрахани дѣла на самую большую руку, никто не запомнить такихъ большихъ дѣловъ. И теперь у нихъ товарищество на паяхъ, а прозывается оно „Зановій Доронинъ съ зятьями“. Самъ Доронинъ собственно говорятъ ни при чемъ, даъ того что сами вы, отецъ нашъ и благодѣтель, по своей прозорливости лучше меня неразумнаго изволите знать что рыбнаго дѣла онъ смысломъ своимъ обаять не годится. Пребываніе же имѣть въ городѣ Вольскѣ да на своей мельницѣ, а зятья въ Астрахани икрой да рыбой теперь ворочаютъ. По моему разсужденью Описимъ Самоилычъ по своей ненасытности и по великой своей отважности безпрестанно остается въ большомъ накладѣ, дѣло завелъ широкое, а закончить силы не стало. Намедни при моей бытности расхвастался что при разчетахъ у Макарья получить онъ большіе барыши, а выходитъ на повѣрку что дааъ бы только ему Богъ свои воротать. Думалъ заграбаставши и сушь и икру подвать у Макарья цѣны колѣекъ на сорокъ съ рубля, а Меркуловъ съ Веденѣвымъ ежели, какъ ходятъ слухи, и повисать цѣны, такъ много что развѣ гривну на рубль помимо того во что самимъ обойдется. Только по моему глупому разуму радоваться вашей милости неудачѣ Описима Самоилыча кажись бы не приходится потому что все его подходы всякому человѣку извѣстны какъ свои пять пальцевъ, во всякое значить время можно ему какой ни на есть подвохъ учинить, а Меркуловъ съ Веденѣвымъ люди тонкіе, полированные; съ нами ладить не въ примѣръ мушкетѣ. Олять же и ловцамъ, и

* Промышленникъ — рыболовъ имѣющій свою кусовую лодку.

солельщикамъ, и икрынникамъ, и жиротопамъ, и клеевщикамъ' развѣзднымъ всѣмъ плату ни съ того, ни съ сего они повысили, и это всѣмъ рыбаымъ торговцамъ стало за великую обиду. Да еще по народу обносится молва будто они всѣ казенныя и казачьи воды, а равно и вольный промыселъ и владѣльческихъ знатную часть берутъ на откупъ на двѣнадцать лѣтъ. * Тогда на всѣхъ ватагахъ будетъ вся ихняя воля. И на Волгѣ, на Низу и на морѣ станутъ они одни властвовать и всѣ должны будутъ изъ ихъ рукъ смотрѣть. Отъ этого отъ самаго и вѣтъ стати по моему разсужденію очень радоваться что Онисима Самойлыча они теперь крѣлко прижали. Господина Меркулова до сей поры я нигдѣ не видалъ, да ежели и довелось бы столкнуться съ нимъ такъ я полагаю онъ зло на меня мыслить большое за то что въ прошедшемъ году въ Царцынѣ по вашему приказанію обдѣлать его намѣревался. А съ Дмитріемъ Петровичемъ вчера столкнулись въ трактиръ—ласковый такой и пріятливый, чаемъ угостилъ меня, и про вашу милость много спрашивалъ. Наказывалъ безотвѣнно объ его почтеніи отписать вашей милости, а также и Авдотѣ Марковнѣ отъ ихней супруги кланяться. Затѣмъ прекратя сіе письмо съ досточнымъ уваженіемъ и нижайшею покорностью остаюсь, милостивѣйшій отецъ и благодѣтель нашъ, всегда вѣрный вашъ прикащикъ *Корней Евстигнѣевъ*."

И радъ и не радъ былъ Марко Данилычъ вѣстямъ астраханскимъ. Потѣшало его извѣстіе о неудачѣ Орошина, безъ смѣха вспомнить онъ не могъ что какой-то промышленникъ слѣзсвому Онисиму Самойлычу захватилъ въ Харьковскую губернію, въ Зубцовскій уѣздъ, въ городъ Рыльскъ да въ село Рождествино, но ни мало не радовало извѣстіе о Меркуловѣ съ Веденѣвымъ... Многими годами насиженье дѣла чего добраго какъ разъ испакостятъ въ конецъ

---

* *Солельщики*—солить рыбу, *икрынники*—вынимаютъ икру и пропускаютъ ее черезъ грохотъ, *жиротопы*—вытапливаютъ жиръ изъ бѣшенки или изъ тюленя, *клеевщики* вынимаютъ и сушатъ рыбій клей.—*Казачьи воды*—принадлежащія Астраханскому казачьему войску. *Вольный промыселъ*—воды въ Каспійскомъ морѣ отъ земли Уральскихъ казаковъ или отъ Гривнаго Бугра до острова Ракуши, а отсюда до Жилей Косы (рѣки Эмбы) и дальше до Мангышакскихъ горъ съ заливами Меркынъ Куатуконъ и Сартакенъ.

эти молокососы!! Глѣзнуть и сильно заботить это Марка Данилыча и заобу свою переносить онъ съ Орошина на зятьевъ Зинovieвъ Алексиича. „Угораздило жь меня тогда свести Дорожника съ Веденѣевымъ — вотъ тѣ и свелъ на свою же голову... Хорошо что посбили спѣси у этой анаемы, да вѣдь того и гляди что и мнѣ и всѣмъ рыбакамъ окаянные слѣтышки въ шалку накладутъ... Цѣны спускать!.. Эхъ, что вздумали отягить!.. * Сквозь бы землю вѣтъ въ таръ-тарары провалиться!.. А испекъ же промышленникъ, дай Богъ ему добраго здоровья, другу любезному Овсиму Самоилычу лепешку во всю щеку, да еще не одну. Молодецъ!.. Чать у милаго друга искры изъ глазъ посыпались, небо съ овчинку показалось!.. Молодецъ промышленникъ!.. Люблю такихъ“!..

Въ одной рубахѣ, заткнувъ большіе пальцы за шелковый скитскій поясокъ, долго босыми ногами ходилъ взадъ и впередъ по спальной Марко Данилычъ. Сто разъ на всѣ лады передумывалъ онъ какъ бы и отъ Дорожниковъ зятьевъ безъ убытка остаться, и проклятику Орошину хорошенько насолать. Не вольная птичка съ сука́ на суку перепархиваетъ, хитрый умъ разгнѣваннаго рыбака съ мысли на мысль переносится. Мыслей много, доммысла ** нѣтъ. Ничего не приходитъ на разумъ. Хватилъ съ досады Смолокуровъ кулакомъ по столу, плюнулъ выругался и сталъ одѣваться. Чай пора пить съ Марьей Ивановной.

LXVI.

— Вотъ сударыня Марья Ивановна, сидя за чаемъ сказалъ Марко Данилычъ указывая на Дуню. — Хоть бы вы ее вразумили. Родительскихъ совѣтовъ не принимаетъ и слушать не хочетъ ихъ.

— Что такое, Марко Данилычъ? съ удивленьемъ спросила Марья Ивановна.

— Дѣвица, видите, ужъ на возрастѣ, пора бы и своимъ домкомъ жить, продолжалъ Марко Данилычъ. — Самъ я покаместъ Господь грѣхамъ терпитъ живу еще, да вѣдь нѣкътъ не

* *Отягитъ* — проклятый, отверженный, негодяй.

** *Досадка* — достигнутая путемъ размышлений.

узнаю что напередъ будетъ. Помри я, что станется съ ней? Сами посудите.... Дарья Сергѣевна намъ все едино что родная и любить она Дунюшку, ровно дочь, да вѣдь и ея дѣло тоже женское. Гдѣ имъ будетъ дѣлами управлять?—Я вотъ и сѣдую бороду нажилъ, а иной разъ и у меня отъ этихъ дѣловъ голова трещить.

Вслыхнула Марья Ивановна. Сжавъ губы и потуливъ глаза, сморщила она брови.

— Къ чему объ этомъ говорить прежде времени, сказала она.—Богъ дастъ проживете. Ваши годы еще не слишкомъ большіе.

— Шестой десятокъ, матушка, живу, до седьмого не далеко.... А знаете что Татары говорятъ?... „Шестьдесятъ лѣтъ прошелъ, ума назадъ пошелъ“, съ усмѣшкой моавилъ Марко Данилычъ. — Ежели покамѣсть и не помру, такъ недуги старости одолають, да по правдѣ сказать помаленьку ужъ и подходятъ. А тамъ еще впереди подальше—трудъ и болѣзнь, какъ царь Давыдъ въ *Псалтырь* писалъ... А хворому да старому, сударыня Марья Ивановна, не до дѣла. Помощникъ ему нуженъ, а его-то у меня и нѣтъ. А ежели бъ Господь благословилъ сыномъ богоданнымъ, всѣмъ бы тогда я доволенъ былъ. И о Дунюшкѣ бы не гребѣлось, и дѣло-то было бы кому передать... А теперь только одні думы да заботы!...

— Живуть же не выходя замужъ, возразила Марья Ивановна.—Меня хотъ возьмите, а осталась я послѣ батюшки не на возрастъ какъ Дуня теперь, а ребенкомъ почти несмысленнымъ.

— Ваше дѣло, матушка, дворянское. У васъ можно дѣвцамъ замужъ не выходить, а у насъ по кулечеству не годится, сказалъ Марко Данилычъ.—Опять же хотя вы послѣ батюшки остались и въ малолѣтствѣ, все-таки у васъ дяденька съ тетенькой были и другіе сродники. А Дунюшка-то одна какъ перстикъ. Опрочь Дарьи Сергѣевны никого нѣтъ у ней.

— Сироту Господь не покинетъ, молвила Марья Ивановна. Говорится же вѣдь: „отца съ матерью Богъ прибираетъ, а къ сиротѣ ангела приставляетъ.“

— Конечно такъ матушка, отвѣчалъ Марко Данилычъ.—Сказано еще что „за сираго самъ Богъ на стражѣ стѣитъ“, да вѣдь мы люди земные—о земномъ и ломаемся.

— То-то и есть Марко Давидычъ что мы о земномъ только помышляемъ, а о небесномъ совѣстѣ позабыли да и знать его не хотимъ, сказала Марья Ивановна.—А на землѣ-то мы вѣтъ только въ гостяхъ, къ тому жъ на короткое время—настоящая-то наша жизнь тамъ.

— Противъ этого можно ль что сказать, сударыня Марья Ивановна? Ваши рѣчи правильныя, отозвался Марко Давидычъ.—Да вѣдь я сужу по человечеству что Дунюшкѣ надо покуда не померъ я къ доброму, хорошему человѣку пристроиться.

— Полноте, Марко Давидычъ, не невольте ея, сказала Марья Ивановна.—Станете неволить—великій грѣхъ на душу примете. Нѣтъ того грѣха больше какъ у человѣка волю его отнимать... Великій грѣхъ, незамолимый!.. Не грѣховное наше тѣло, а разумъ и свободная воля составляютъ образъ и подобіе Божіе... Какъ же смѣть отнимать у кого-нибудь свободную волю? Богъ далъ, а человѣкъ отнять хочетъ этотъ великій даръ Божій!... Это значить Бога обкрадывать. Подумайте-ка объ этомъ хорошенько. Нѣтъ, Марко Давидычъ, послушайтесь меня—не принуждайте Дунюшки. Иначе Бога обидите и Онъ васъ накажетъ, страшно накажетъ.

Со страстнымъ увлеченьемъ, громко, порывисто говорила взволнованная Марья Ивановна. Глаза у ней загорѣлись какъ у изстуженной. Не мало подивилась тому Марко Давидычъ, подивилась и Дарья Сергѣевна, а Дуня съ самаго начала разговора сидѣла опустя взоры какъ въ воду опущенная. Изрѣдка блѣдныя губы у ней судорожно вздрагивали.

— Нешто неволю я ее? съ досадой вскакинулъ Марко Давидычъ.—Да сохрани меня Господи отъ этого!... А ваши рѣчи, матушка Марья Ивановна, скажу вамъ по душѣ и по совѣсти, больно ужъ мудрены. Моему разуму ихъ не понять.... Говорите вы что въ свободѣ да въ волѣ образъ и подобіе Господне, а насъ, сударыня, учили что смиренность да покорность Господу угодны... И въ Писаніи сказано: „Въ терпѣніи стяжите души ваши“. И хотя мнѣ рѣчей вашихъ не домыслить, а все-таки съ Дунюшки воли я не снимаю—за кого хочеть, за того и выходи. Объ этомъ я давно ужъ ей говорю, съ того самаго времени какъ она у меня заневѣстилась, шестнадцать годовъ когда значить ей исполнилось.

— Дѣло доброе, нѣсколько слокойнѣ молвила Марья Ивановна. И впередъ не невольте—хочеть выходи замужъ, не

хочетъ пускай ее въ дѣвицахъ остается. Сейчасъ вы отъ Писанія сказали мнѣ, и я скажу вамъ отъ того же Писанія: „вдай браку свою дѣву добрѣ творить, а не вдай лучше творить.“ Чтѣ вы на это скажете?

— По Писанію-то оно пожалуй такъ выходитъ, да по человечеству-то, нѣтъ, отвѣчалъ Марко Давидычъ. Мало ль чего въ Писаніи-то нѣтъ: Вѣрно, къ примѣру сказать, око вырвать ежели оно тебя соблазняетъ, всѣ мы соблазняемся, никому безъ соблазна вѣку не прожить, а кривыхъ что-то не больно много видится. Опять же въ Писаніи-то не сказано вѣдь что худо тотъ творить кто замужъ дочь выдаетъ, а сказано „добрѣ творить“. Хотя мы люди непоученные, а святое Писаніе тоже сколь-нибудь да знаемъ. Апостолъ точне сказалъ „не вдай лучше творить“ да вѣдь сказалъ онъ это не просто, а съ оговорочкой „сіе же глаголю по совѣту, а не по повелѣнію“ и паки: „о дѣвахъ же повелѣнія Господня не имѣю.“ * Вотъ тутъ, сударыня Марья Ивановна, и извольте-ка поразсудить.

— Вотъ до чего договорились мы съ вами, съ улыбкой сказала Марья Ивановна. Въ богословію пустились... Оставимте эти разговоры, Марко Давидычъ. Писаніе—лучина безмѣрная, вполнѣ никому его не понять нельзя кромѣ развѣ людей озаренныхъ особенной благодатью, тѣхъ чтѣ имѣють въ устахъ „слово живота“... А такіе люди есть, прибавила она немного помолчавъ и быстро взглянувъ на Дуню. Но не въ томъ дѣло—не невольте Дуяшки, предоставьте все волѣ Божіей. Господь устроить лучше васъ.

— Да кто жъ ее неволить? съ ясной улыбкой отвѣтилъ Марко Давидычъ. Сказано ей: кто лѣ сердцу придется, за того и выходи, только напередъ со мной посоветуйся, отецъ зла дѣтищу не пожелаетъ, а молоденькій умокъ старымъ умомъ укрѣпляется. Бывали у насъ и женишки—люди хорошие, съ достатками. Такъ нѣтъ—глядѣть ни на кого не хочеть.

— И пускай ее не глядитъ, перебила Марья Ивановна. Какъ знаетъ, такъ пусть и дѣлаетъ. Вѣрьте, Марко Давидычъ, что Господь на все призираетъ, все къ лучшему для насъ устроитъ. Положитесь на Него. Сами знаете что на каждую людскую глупость есть Божья премудрость. На нее и уповайте.

* Писаніе къ Коринѳянамъ IX—38, 6, 25.

Тѣмъ бесѣда у нихъ и кончилась. Разошлись, осталась въ столовой одна Дарья Сергѣевна.

„Экой богословъ у насъ проявился, думала она перетирая чайную посуду. Послушать только! Чѣмъ бы уговаривать Дулюшку, она на-ка поди!.. Въ иночество что ли прочить ее? Такъ сама-то что же пойдетъ въ монахию? Сбивается только дѣвку... А вѣдь какъ было распыхалась, глаза-то такъ и разгорѣлись, голосъ-отъ такъ и задрожалъ, ровно кукуша какая!... Охъ Дулюшка, Дулюшка, на горе подружилась ты съ этой барышней!... Съ той самой поры какъ спозналась ты съ ней одишь Господь знаетъ что стало у тебя бродить въ головушкѣ. Что ни думаешь, о чемъ ни горюешь—никому словечка ни скажешь. А привесла велегкая эту алазему, шагу отъ нея не отходить... И что у тебя съ ней за тайности, что за разговоры?... Книжки какія-то все передъ вами, вчера про какихъ-то „Божьихъ людей“ она рассказывала. Что за „Божьи люди“? Вотъ мы Божьи, вотъ Его создавье... Ахъ Дулюшка, Дулюшка, голубушка ты моя милая!.. Мудрена эта Марья Ивановна. Вчера лѣзла какую-то лѣва, по голосу выходитъ *По улицѣ монастырей*, а покиваются и Святый Духъ и Пречистая Богородица!... Надо Марку Данилычу сказать — да какъ скажешь?... Очень ужъ радъ ей, доволенъ предоволенъ что знатная барышня гоститъ у него. Попробуй сказать, зарычить аки звѣрь—ногъ не увесешь... О Господи, Господи! какую напасть Ты на насъ послалъ... Не думано, не чаяно... И что бѣ такое было у этой окаянной, чѣмъ она прельщаетъ Дулюшку?.. Добьюсь, безпремѣнно добьюсь. Рядомъ каморка, самшю оттоль... Добьюсь, выведу еретицу на чистую воду и только она со двора, все, все расскажу Марку Данилычу, все до послѣдней виточки что наливала она Дулюшкѣ. Хоть на весь свѣтъ раскричись, хоть побей пожалуй, а ужъ выведу наружу козны проклятой Марьи Ивановны.“

LXVII.

Больше недѣли прошло съ тѣхъ поръ какъ Марко Данилычъ получилъ съ эстафетой письмо отъ Корнея. А все еще не можетъ онъ успокоиться, все еще не можетъ забыть оставшихъ ему ненавистными Веденѣва съ Меркуловымъ не можетъ забыть и давняго недруга своего Орошина. Съ утра

до ночи думаетъ онъ и раздумываетъ, какъ бы избыть бѣды отъ зятьевъ Дорожнскихъ, а любезнаго Описима Самойлыча такъ утопить чтобъ и помину о немъ не осталось. Только и не сердчалъ при Душѣ да при Марьѣ Ивановнѣ, на Дарью Сергѣевну сталъ и ворчать и покрикивать.

Рветъ и мечетъ Смолокуровъ. У прикащиковъ, у рабочихъ каждая вина стала виновата—кто ни подвернись всякаго ни за что ни про что обругаетъ, а расходится рука такъ пожалуй и побьетъ, да что хуже всего со двора долой сгонитъ. Въ иную пору не стали бы у него рабочіе ни брани, ни побой терпѣть, а теперь всѣ безответны. Ни въ дому, ни на праздникахъ, ни на лѣтнемъ дворѣ, вотъ ужъ больше двухъ мѣсяцевъ, чуть не съ начала Великаго поста, громкаго слова не слышно. Всѣ приосмирѣли, всѣ какъ тѣни бродятъ, ни живы ни мертвы... Таково время была: пролѣтъ * проходить, Петровки на дворѣ, а по сельщицѣ, деревеньщицѣ голодуха. Въ лѣтошномъ году повсюду былъ недородъ, своего хлѣба до Масляницы не хватило, озими отъ голой ** зимы померзли, весной яровые залило, на урожай никакой нѣтъ надежды. Покупной хлѣбъ дорогъ, а новый не послѣдъ, Петровъ день не за горами—подати плати да оброки. Въ каждой семьѣ лишній ротъ сталъ накладезъ, отъ того и дорожили рабочіе мѣстами на заработкахъ. Въ иное время у Марка Данилыча работники—буянь на буянь, а теперь съ перваго до послѣдняго тише воды, ниже травы, ходятъ какъ лизъ гдѣ и воды не замутятъ. Нужда учить обиды терпѣть.

Троицынъ День пришелъ, работная избы и дѣловые двѣры опустѣли у Марка Данилыча. Изъ рабочихъ—кто изъ соседнихъ деревень, домой пошли справлять зеленныя святки, а дальніе повалили гурьбой въ подгородную рощу, гулянье тамъ каждый годъ на Троицу бываетъ. И въ домѣ было нелюдно. Въ густомъ тѣнистомъ садикѣ полъ старыми дилами и цвѣтущей сиренью вечеромъ Троицына Дня сидѣлъ Смолокуровъ за чаемъ съ Дункей, съ Марьей Ивановной, съ Дарьей Сергѣевной. Чай пили они на прохлаждѣ—значитъ тоже зеленныя святки справляли. Ради праздника порекомендовалъ немножко и Марко Данилычъ, позабылъ на время свои астраханскія заботы. Чаю налили, наговорились, надвинулись

* Конецъ весны.

** Голая зима—безснѣжная.

сумерки. Василий Оадѣевъ, убирая самоваръ, работѣливо наклонился къ хозяину, и шепнулъ ему на ухо:

— Василий Корнѣевъ пріѣхалъ.

— Какъ? вскрикнулъ Марко Давилычъ, опрометью вскочить съ дерновой скамейки. Что такое случилось? Что жь онъ неидетъ?

— Наказывалъ доложить вашей милости, самикъ бы вамъ къ нему пойти, олатъ таки шепотомъ сказалъ на ухо хозяину Василий Оадѣевъ.

— Что за новости! зычнымъ голосомъ вскрикнулъ Марко Давилычъ. — Сейчасъ шелъ бы сюда!

Василій Оадѣевъ взялся было за опорожненный ведерный самоваръ.

— Услѣшь! гнѣвно кричалъ Смолокуровъ. Корнея зови.

Склонивъ голову, зайцемъ въ калитку Оадѣевъ юркнулъ, но тотчасъ же назадъ воротился.

— Ну? крикнулъ раздраженный Марко Давилычъ.

— Ругается-съ... Нельзя, говорить, ему на людяхъ съ вашей милостью разговаривать. Надо, говорить, однолично... Старикъ съ нимъ какой-то.... лятась отъ распалившагося гнѣвомъ хозяина, еле слышно шепталъ Василій Оадѣевъ.

— Не смѣть умичать! Сію бы минуту здѣсь былъ! во все горло закричалъ Марко Давилычъ, забывши и про Марью Ивановну. При ней все-таки сдерживалъ онъ порывы запальчивости.

— Сыро становится, сказала вставая съ мѣста Марья Ивановна. — Пойдемъ Дуяшкѣ, Марко Давилычъ дѣлами займется здѣсь.

И взявши лодъ руку Дуяю, скорыми шагами пошла изъ саду. За ними тихими не ровными стопами ползла и Дарья Сергѣевна.

Увидавъ что въ саду хозяинъ одинъ остался, Корней бѣгомъ подбѣжалъ къ нему. Василій Оадѣевъ пошелъ было вслѣдъ за нимъ, но тотъ, грубо оттолкнувъ его, залеръ садовую калитку на задвижку.

— Чего толкается! вскинулся на Корнея Оадѣевъ. Самоваръ чать надо привать да посуду.

— А ты ухай да не бухай, съ наглою усмѣшкой молвилъ Прожженный. — Убратъ послѣдешь, а ежели думаешь уши наостривать, такъ я ихъ тебѣ засвѣчу, прибавилъ онъ, поднимая ухвѣсистый кулакъ.

— Это что значить? воскликнулъ Марко Данилычъ завидѣвъ Корнея. — Отъ дѣловъ безъ спросу уѣхалъ, да и глазъ еще не кажетъ... Самъ хозяинъ изволь бѣжать къ нему... Я братъ этого не больно жаую.

— Ругани-то я много слышалъ, меня не удивишь, сердито пробурчалъ Корней Евстигнѣевъ. Чѣмъ бы орать, лучше бы путемъ поспросать, для чего побросавши дѣла я на слѣхъ пріѣхалъ...

— Чтò такое случилось? ужь безъ задора, но съ тревогой и сильнѣйшимъ безпокойствомъ, спросилъ любѣдѣвшій Смолокуровъ. Орошилъ чтò ли?... Али еще зятки Доровицкіе?...

— Совсѣмъ иная статья, лукаво прищуривъ глаза и закинувъ за спину руки, промолвилъ Корней.

— Да говори же толкомъ, дѣшій ты этакой! Морить чтò ли вздумалъ меня? во всю ночь крикуулъ на него Смолокуровъ.

— Мокей Данилычъ кланяться велѣлъ да про здоровье спросить, съ хитрой улыбкой протяжно проговорилъ Прожженный.

Какъ ярый громъ изъ яснаго тихаго неба грянули эти слова надъ Маркомъ Данилычемъ. Съ разу отвѣтить не могъ. Встрепенулось было сердце у него радостью, при вѣсти что давно оплаканный и забытый уже братъ въ живыхъ оказался, мелькнула въ памяти и тѣсная дружба, и беззавѣтная любовь къ нему во дни молодости, но тотчасъ же налетѣла и хмарая мрачная дума. — „Половину достатковъ отдать!... Думюшку обездолить!... Вретъ Корней.“

— Какая рыба принесла поклоны отъ покойника?... Али тюлень морской съ тобой на ватагѣ разговоры объ этомъ держалъ? захохотавъ недобрымъ смѣхомъ сказалъ Корнею Марко Данилычъ. — Сорóка на хвостъ ему басни примесеть, а онъ въ самое-то нужное время побросаетъ дѣла да и помчится безъ хозяйскаго спросу!... Съ ума ты что ли сошелъ?

— Не сорóка мнѣ вѣсти принесла, Хлябивъ Терентій Михайловъ, чтò тогда на „бѣленькаго“ съ нами ѣздилъ, сказалъ Корней. Нарочно сюда его привезъ, пуцай самъ расскажетъ.

— Чтò за Терентій такой? спросилъ Марко Данилычъ.

— Изъ здѣшнихъ мѣстовъ будетъ, отвѣтилъ Корней. Отъ того и кучился мнѣ довести его со сродниками повѣдѣться. Лѣтшаимъ годомъ утекъ онъ отъ басурмановъ, а Мокей Данилычъ и до сей поры у нихъ въ полону. Въ избѣ

сидить Терентій — обо всемъ можетъ разказать. Кликнуть что ли его?

— Пошли, немного повременя, молвилъ Марко Давилычъ. — А самъ иди отдыхай, надобень будешь — лозову.

Вышелъ изъ саду Корней, а Марко Давилычъ склонивъ голову медленными шагами сталъ ходить взадъ и впередъ по дорожкѣ обсаженной стоявшею въ полномъ цвѣту благоуханной сиренью.

LXVIII.

Пришелъ необычайно высокій, и собой коренастый пожилой человекъ. Борода вся была сѣда, и въ головѣ сѣдина сильно пробилась: русыхъ волосъ не осталось и половины. Изнуренный, въ лицѣ ни кровинки, въ засаленномъ, оборваномъ архаукѣ изъ адрыса* подошелъ онъ къ Марку Давилычу и отвѣсилъ низкій поклонъ.

Слѣзъ на скамейку Марко Давилычъ и зорко посмотрѣлъ прямо въ глаза незнакомцу.

— Что любезный скажешь? вахмурясь спросилъ онъ его наконецъ.

— Про Мокея Давилыча доложить вашей милости, проговорилъ въ полголоса Терентій.

Не отвѣтилъ Марко Давилычъ. Низко наклонясь сталъ онъ тросточкою по леску чертить.

— Сказывалъ Корней, послѣ долгаго молчанья промолвилъ Смолокуровъ.... Да не врешь ли? поднявъ голову и вскинувъ глазами на незваного гостя, прибавилъ онъ.

— Какъ возможно мнѣ врать, вашему степенству? скорбно и даже обидчиво сказалъ Терентій Михайловъ. Помилуйте!... Столько годовъ съ вашимъ братцомъ мыкали мы подневольную, горькую жизнь... Стану я врать!... Да Самъ Господь не полуститъ!... Всего-то мы съ Мокеемъ Давилычемъ наглядѣлись, всего натерпѣлись.... Какъ же языкъ у меня повернется неправду сказать?

— Самъ-отъ кто таковъ? спросилъ Марко Давилычъ.

— Здѣшней округи** деревни Обуховой, Терентій

* *Адрыса* или *падчай* — полутешковая ткань съ волнистыми пестрыми узорами по одинаковому полю.

** Прежде (съ екатерининскаго учрежденія о губерніяхъ до начала нынѣшняго столѣтія) уѣзды назывались округами. Въ народномъ языкѣ мѣстами и до сихъ поръ это слово въ ходу.

Михайловъ. Хлябины прежде звались, теперь какъ не знаю. Дома-то я еще не бывалъ.

— Барскій? спросилъ Марко Давилычъ.

— Былъ барскимъ, господъ Раменскихъ, а теперича будучи выходцомъ изъ хивинскаго полонѣ вольнымъ сталъ, отвѣтилъ Хлябинъ.

— Ишь ты! насмѣшливо промолвилъ Марко Давилычъ. Не дальній значить отсюда?

— Сорока верстъ не будетъ, отвѣтилъ Хлябинъ. Да вѣдь я, ежели на памяти у вашего степенства въ работникахъ у васъ служилъ. Тогда съ Мокеемъ Давилычемъ мы и въ Астрахань-то вмѣстѣ сламали. Вотъ и Корней Евстигнѣичъ съ нами тоже поѣхалъ въ тѣ поры.... Конечно, время давнее можно забыть? И братца-то пожалуй плохо стали помнить... Много съ той поры воды утекло... Давно, да, очень давно, со вздохомъ промолвилъ Терентій Михайловъ.

— Да, время давнее.... точно что давнее, процѣдилъ сквозь зубы Смолокуровъ.

Не охота ему была вдаваться въ распросы. И вѣрилъ онъ и не хотѣлось вѣрить словамъ хивинскаго выходца.

Немного погодя Хлябинъ самъ сталъ разказывать.

— Какъ на морѣ разорвало нашу льдину на большой лоскутъ насъ съ Мокеемъ Давилычемъ было двадцать четыре человека, а кормовъ ничегошенько. Лошадь съ нами была, зарѣзали ее, съѣли кобылатину и чаяли лопнуть либо голодную смерть принять... А вѣтеръ-отъ крѣпче да крѣпче. Гонитъ насъ все на востокъ, думаемъ авось принесетъ живыхъ къ Мангышлаку... Да гдѣ — куда дѣлать до берега? Изноетъ льдина, растаетъ — сгинемъ мы въ лучинѣ морской. На четвертый день рано по утру видимъ — три ясудины одна за другой vyplываютъ, а какія разглядѣть не можемъ — потому что далеко... Подняли мы крикъ, авось подойдутъ да насъ переймутъ.... Услышали ль на лодкахъ наши крики, увидали ль насъ про то неизвѣстно, — однако же поворотили къ нашей льдинѣ.... Какъ стали они подъѣзжать мы такъ и ужаснулись.... Трухменцы въ лодкахъ-то съ самопалами, съ чеканами. * Стали они переминать

* Самопалъ — фитильное ружье, въ родѣ пичахи безъ замка, иногда съ замкомъ, но не съ кремнемъ, а съ тѣнющимъ фитилемъ. Чеканы — топорикъ съ молоткомъ на короткой рукояткѣ. У Трухменцевъ до послѣдняго времени держались самопалы, а дѣтъ 25 тому назадъ было ихъ довольно много.

насъ со льдинами. Кого возьмутъ первымъ дѣломъ руки ему назадъ, рѣмнемъ либо арканомъ скрутятъ да ровно бѣдугу на дво лодки и кинутъ. Ногъ не вязали, знали собаки что по морю бѣжать не удобно... На каждую лодку пришлося насъ по восьми человекъ, а ихъ было по пяти оттого и вязали чтобъ мы не одолѣли да не отплыли съ ними къ русскому берегу... Не догадайся разбойники перевязать насъ—такъ бы и было... На полдень злодѣи путь держали — на другой день рано по утра чѣрни * завидѣли мы верстахъ въ десяти. Съ того часу Трухменцы чѣрней не завышивали **, стало имъ тутъ не боязно — русскихъ людей по тѣмъ мѣстамъ нѣтъ на берегу. А держали они ходъ какъ и прежде все на полдень, vyplыли на пятый день въ Киндербай. *** Силъ не жалѣли, веслами здорово работали. Лодки не плавали а ровно скакали по морю—видно разбойники ждали погони отколѣ-нибудь. Наврядъ ли Русскихъ они опасались, у нихъ у самихъ много разныхъ родовъ, а каждый родъ только и ждетъ того какъ бы у другаго добычу отбить. Самый разбойный народъ.

— Хоть бѣжать и подумать было нельзя, въ голодной-то степи куда убѣжати? однако жъ Трухменцы и на берегу не дремали—боялись чтобъ мы у нихъ не пропали. Были у нихъ ножныя желѣза—лошадинаыя луты, да всего только трое, шестерыхъ насъ перековали по двое ногу съ ногой, въ ларѣ со мной довелось быть Мокею Давилычу. Другихъ арканами скрутили тоже нога съ ногой. И ровно стадо стреноженныхъ коней погнали насъ по степи. А вѣсть давали только по чурекъ **** въ день на человека, и какъ руки-то у насъ были назадъ скручены такъ басурманы изъ своихъ рукъ насъ кормили... Хоть и поганю, да мы съ голодухи и тому рады. Отошли отъ берега верстъ съ десятокъ—тутъ у нихъ временное кочевье: расковали насъ злодѣи, развязали, распутали, раздѣли да нага и каждого ровно продажную

* Чѣрни — плоскій берегъ, видный съ моря, когда еще мало на немъ что-нибудь можно различить глазомъ. Это слово въ ходу только на Каспійскомъ морѣ.

** Завыситъ чѣрни — уйти изъ виду отъ береговъ. Слово каспійское.

*** Заливъ на восточномъ берегу Каспійскаго Моря южнѣ полуострова Мангышлака, сѣвернѣ залива Карабугаза.

**** Прѣсный хлѣбъ въ видѣ лепешки.

лошадь осматривали, и зубы во рту смотрѣли, и щупали вездѣ и пальцами ковыряли. Потомъ у нихъ дѣлать добычи пошелъ. Цѣлый день съ утра до ночи шумѣли да спорили, а что говорили понять не можемъ. Они спорятъ, а мы сидимъ на горячемъ пескѣ голодные. Къ вечеру подѣлили насъ. Мы съ Мокоемъ Давылычемъ одному хозяину достались—Чулмъ-ходжѣ изъ Адаевского рода. Былъ онъ человѣкъ богатый и властный, всѣ его слушались, боялись и уважали, и во всемъ ихнемъ кочевьѣ старше Чулума не было никого. Для черезъ два Трухменцы перекочевали отъ моря верстѣ за двѣсти. Много тутъ мы всего натерпѣлись: степи голыя, безводныя, ежели и попадется вода—въ ротъ ее не возьмешь: соль, голая соль. Ни деревца нигдѣ, ни кустика. Травы даже мало, и та полынь только одна. А по степи ящерицы, скорпионы, тарантулы такъ и шнырютъ во всѣ стороны, а мы лѣтши и босы—салоги-то еще въ лодкахъ разбойники съ насъ носилимъ и одѣжу всю ограбили. Сами-то Адаевцы съ женами, да съ дѣтьми на коняхъ да на верблюдахъ, а мы двѣсти верстѣ лѣтшечкомъ. Думали тутъ и жизни будетъ конецъ, однако жъ Господь помиловалъ долгались кое-какъ. Дошли до новой кочевки—травы тутъ хорошия и колодцы есть съ прѣсной водой, отдавало солью маленько, да ничего, по нуждѣ пить можно. Тутъ насъ хозяинъ заставилъ коней да барановъ ласти—что станешь дѣлать попали въ пастухи. Хозяинъ много говорилъ съ нами по своему, иное слово и по-русскому скажетъ, а больше руками все маячить: „ежели дескать бѣжать вздумаете, голову долой“. Чего тутъ бѣжать?... Куда?.. Прожили мы на новой кочевкѣ недѣль съ шесть, а пожалуй и больше. Всѣ полонянники въ одномъ мѣстѣ проживали, потомъ začали насъ по одиночкѣ, а иной разъ и по два, и по три въ Хиву продавать. Нарочно Хивинцы пріѣзжали къ Адаевцамъ за продажными кулами.* Дошла очередь и до меня, продали меня, раба Божія, купцу, въ какую цѣну пошелъ тогда я не зналъ. Горько было разставаться съ товарищами, плакали мы на прощаньѣ, я только тѣмъ себя утѣшалъ что Хива хотя и басурманскій, а все-таки городъ, работа можетъ будетъ тамъ и потяжелѣ, за то кормить стануть посылать. Опять же мы насышаны были что въ Хивѣ

* Кулы — рабъ.

русскихъ поломянниковъ много, значить хоша и въ неволѣ, а все-таки со своими... А купецъ что купилъ меня у Адаевцевъ, Зерганъ Худаевъ, человекъ былъ богатый, торговалъ онъ только однимъ русскимъ полономъ. Во всѣхъ трухменскихъ родахъ были у него друзья и пріятели, они и доставляли ему Русскихъ. Занимался Худаевъ такимъ торгомъ лѣтъ ужъ сорокъ, и водясь съ Русскими, научился по-нашему съ грѣхомъ пополамъ говорить. Ёдемъ мы съ нимъ, а онъ и говоритъ, очень дескать хотѣлось ему и товарища моего купить, Мокея значить Давилыча, да дорого, говоритъ, просить за него Адаевцы, за такую цѣну его не перепродать. Сталъ я расхваливать Мокея Давилыча и молодеже-то онъ, говорю, меня, и сильнѣе-то, а ежели до выкупа дѣло дойдетъ за него, не въ примѣръ больше денегъ дадутъ чѣмъ за меня.

— Зачѣмъ хвасталъ? перерывалъ Марко Давилычъ разказъ Терентья Хлябина.

— Думалъ не купить ли Худаевъ и Мокея Давилыча, отъчалъ Хлябинъ. Вмѣстѣ бы жили тогда.

— Напрасно, съ недовольствомъ трянувъ головой молвилъ Марко Давилычъ.

Хлябинъ продолжалъ свой разказъ:

— У Худаева оставался я недолго—недѣли полторы либо двѣ... Продавъ онъ меня самому хану. А передъ тѣмъ больно сердчалъ. Плетью даже выхлесталъ.... „Зачѣмъ, говоритъ, ты такой-сякой выходилъ на улицу когда ханъ проѣзжалъ. Теперь онъ тебя къ себѣ беретъ, а денегъ мнѣ дастъ тѣ же пятьдесятъ золотыхъ, что и я далъ за тебя Адаевцамъ. Таковъ у него ужъ законъ. Черезъ тебя, русска собака, теперь убытокъ мнѣ. Напрасно я хлопоталъ, напрасно ѣздилъ въ степь за тобой!... Помни жь ты меня, помни, русска невѣрна собака, помни Зеряна Худаева.“ А самъ плетью да плетью по голымъ плечамъ. И вотъ подумаешь судьба-то что дѣлается—двухъ годовъ не прошло какъ тотъ же самый Зерянь Худаевъ, что ругалъ меня да плетью стегалъ, сряду по три дня въ ногахъ у меня валялся чтобъ я похлопоталъ за него у хана. А ему тогда за одну провинность ханъ голову хотѣлъ срубить... Не хотя зла, а поминавочи евангельскую заповѣдь улросилъ я, укладывая тогда хана—помиловать бы Худаева. Ну велѣлъ только ста четыре либо пять плетей ему влѣпить, носъ окорнать да уши отрѣзать. Много послѣ этого благодарилъ меня Зерянь Худаевъ

и всегда благодѣтелемъ звалъ. Тридцать золотыхъ подарилъ, да что ужъ грѣха таить—тогда еще я молодой былъ—племянницу свою, Сельмой звали, въ тайныя полюбовницы на полгода отдалъ мнѣ. Славная дѣвчурка была, только ее до меня еще очень опорочили на базарѣ, бить даже хотѣли. Замужъ значить она ни за кого не годится.

— Ну тебѣ про логаныхъ басурманскихъ дѣвокъ рассказывать, молвилъ Марко Данилычъ и даже лаюнулъ брезгливо на сторону.

— Слушаю, ваше степенство—не буду, хотя оно и запятно, оказалъ Хлябиль. И потомъ сталъ продолжать свой рассказъ:

— На утро, говорилъ онъ, отвели меня къ самому хану хивинскому, къ тамошнему царю значить. И велѣлъ онъ мнѣ у дворцовыхъ дверей на стражѣ стоять. Ростъ ему мой очень понравился, охотъ больно былъ до высокихъ, по всему царству росамъ отыскивалъ и набиралъ себѣ въ прислугу, и полованиковъ высокихъ тоже бралъ. А росаме у него больше все изъ Русскихъ—цѣлые побусурманились, поженились, дѣтми обзавелись, ханъ даетъ имъ всякія должности и живутъ они въ довольствѣ и почетѣ. И меня тоже уговаривали перешелъ бы въ ихнюю Бахметову вѣру, да Богъ помогъ я укрѣпился. Мало кто изъ Русскихъ въ полону вѣру свою оставляетъ, рѣдкій отъ Христа отречется. А ханъ хоть какой ни на есть тоже государь, живетъ не больно по-государски—просто ужъ очень. Хотя у него и ковры вездѣ, и серебряной посуды вдосталь, и халатовъ дорогихъ, и шубъ, и камней дорогихъ много, а по буднямъ ходитъ такъ что даже срамъ поглядѣть—халатикъ старенькій, измасляный, салогі въ дырахъ—ему все ни по чемъ. А женъ да дочерей въ ситцевыхъ платьяхъ водить, самаго дешевенькаго ивановскаго ситца, лиляючаго. А ѣды только и есть что пилавъ да бишбармакъ, литья—айрянъ да кумысъ. * А иной разъ и наше русское зелено вино ханъ испиваетъ. Ихній законъ хмѣльнаго не дозволяетъ, да Хивинцы то ставятъ себѣ въ оправданье, запрещено де вино виноградное, а русское изъ хлѣба—значить не

---

* Бишбармакъ—въ переводѣ „пятипалое“ потому что его ѣдятъ горстью. Это вареная и накрошенная баранина съ прибавкой къ вару муки или крупъ. Айрянъ—разбогатанная на водѣ простокваша.

грѣхъ. Любить еще ханъ пироги. Полала къ нему наша поломанка, мѣщанка изъ Краснаго Яра, Матреной Васильевной звали. Купилъ ее ханъ и велѣлъ на женъ своихъ страдать. И привелъ Богъ Матрену Васильевну въ страданья жить у хановыхъ женъ. Онѣ очень ее полюбили за то что рисовую кашу на кобыльемъ молокѣ съ изюмомъ да съ урюкомъ больно вкусно варила имъ. Разъ какъ-то самая любимая ханова жена вздумала поподчивать своего муженька русскимъ кислымъ пирогомъ съ бараниной Матрениной страдан. Пирогъ хану по вкусу пришлось и съ того дня Матрена Васильевна каждый день должна была кислые пироги ему печь. За дрожжами нарочно въ Оренбургъ купцовъ посылали — во всей Хивѣ нѣтъ ихъ ни капельки. И вошла Матрена Васильевна въ такую силу что министры даже ханскіе боялись ее лучше бухарскаго царя, али персидскаго шаха. Матрена Васильевна, дай Богъ ей царство небесное, баба была бойкая, расторопная, развеселая. Ханши отъ нея безъ ума были, и ханъ много дорожилъ ею. Кажется полцарства бухарскаго не взялъ бы за ея пироги съ бараниной. А когда какой-то купецъ осетра въ Хиву привезъ и хану поклонился имъ, такъ Матрена Васильевна такую кулебяку состряпала что ханъ трое сутокъ, говорятъ, пальчики облизывалъ, и съ той поры повариха въ великой власти стала находиться при немъ. Чего бывало Матрена Васильевна не пожелаетъ все по ея хотѣнью дѣлается. И смотрѣть ни на кого не хочетъ — придетъ на повариху какой-нибудь басурманскій вельможа — да подвернется ей не въ добрый часъ, Матрена Васильевна много не говоря хватъ его по лбу скалкой и обругаетъ. А Русскимъ много добра дѣлала, крѣпкая заступница была за нихъ передъ ханомъ. Много русскихъ полоняниковъ даже отъ смерти освободила просьбами у хана. А когда бывало не захочетъ онъ уважить ея прошенія такъ она и крикнетъ и ногой даже притоплетъ на него: „такъ нѣтъ же тебѣ пироговъ скажетъ, ищи другую страляху, а я про тебя страдать не стану. Ну ханъ по желанью Матрены Васильевны и сдѣлается. Много за нее Бога молили, вотъ и мнѣ съ Моисеемъ Давидычемъ по ея милости много было въ рабствѣ облегченья. Дай Богъ ей царство небесное!

Примолкъ Хлябинъ, а Марко Давидычъ все сидитъ, все молчитъ, склонивъ думную голову.

— Разказывай, а ты разказывай, молвилъ онъ наконецъ. Очень занятно разказываешь...

— Года этакъ черезъ два какъ сталъ я у хана проживать, продолжалъ Хлябинъ, — идѣу разъ по базару — идетъ на встрѣчу русскій человѣкъ — тамъ издали своего брата узнаешь. Идетъ едва ноги волочить въ однихъ кожаныхъ штанахъ, безъ рубахи, а на голыхъ, избитыхъ плечахъ полубатанный * мѣшокъ со пшеницей тащѣтъ. Батюшки свѣты!.. Мокей Давилычъ!... Едва узнать могъ — трудненько вижу житье ему. И онъ меня узналъ, разговорились. „Живу, говорить, у хозяина немилостиваго, работой заваленъ, побоевъ много, а кормятъ въ проголодь“. Тѣмъ же часомъ я къ Матренѣ Васильевнѣ: „такъ и такъ, говорю, помилосердуй“. Дѣнь этакъ черезъ пятокъ пристроила она его къ ханскому дому — тутъ ему стало полегче. И выжили мы тутъ съ вашимъ братцомъ безъ малаго двадцать годовъ и было намъ житье хорошее, вольготное, а какъ померла, дай Богъ ей царство небесное, Матрена Васильевна, и намъ съ Мокеемъ Давилычемъ и всѣмъ Русскимъ что проживали у хана стало гораздо тяжелѣе... Тутъ, надумалъ я бѣжать. Сговорился съ двумя Астраханцами тайкомъ на Русь выйдти, молвилъ о томъ и Мокею Давилычу, да онъ побоялся. И хорошо сдѣлалъ на ту пору — пятидесяти верстъ не отъѣхали мы на краденыхъ ханскихъ лошадяхъ, какъ насъ поймали. Ханъ живо распорядился — одного Астраханца повѣсить велѣлъ, другому носъ и уши окорнать, а меня помиловалъ, дай Богъ ему здоровья, лортить такого рослаго не захотѣлъ, выше меня никого у него не было. Дали мнѣ ста два плетей да къ висѣлицѣ ухомъ пригвоздили — поглядите, ваше степенство, ухо-то у меня вѣдь поротое. Потомъ ничего, опять ханъ сталъ держать меня въ милости, опять стало вольготно, да тоской вовсе измучился — такъ вотъ и тянетъ на родную сторону.... Года три либо четыре прошло послѣ побѣга, опять я рѣшился бѣжать — лущай, думаю, повѣсятъ, лучше смерть принять, чѣмъ съ тоски погибать. Подговорилъ товарища изъ уральскихъ казаковъ, лѣтомъ прошлаго года было то дѣло — ханъ въ ту пору былъ на кочевкѣ верстахъ во ста отъ города. Украли

---

* Батманъ — въ Хивѣ и Бухарѣ — восемь пудовъ, крымскій и закавказскій 26 пудовъ, поволжскій 10 фунтовъ.

мы у него четырехъ аргамаковъ что ни на есть самыхъ лучшихъ изъ-подъ его сѣдла. Вынесъ Богъ, слава Тѣ, Господи!.. А ѣхали только по ночамъ, днемъ въ камышахъ за-легли, лошадей стреножили да на земь валили чтобъ Хи-виды аь Киргизы не запримѣтили насъ. Какъ обирались бѣжать опять Мокея Давиамча я уговаривалъ, и онъ опять не согласился на побѣгъ, а только мыъ и уральскому казаку слезно плачучи наказывалъ: „Ежель, говоритъ, Богъ вынесетъ насъ, повѣстите, говоритъ, братца моего родимаго Марка Давиамча господина Смолокурова, а ежель въ живыхъ его не стало такъ племянниковъ моихъ аь племянницъ отыщите. Попросите ихъ Христомъ Богомъ поболѣли бъ сердцемъ по горькомъ несчастномъ житьѣ моемъ. Ханъ въ деньгахъ теперь нуждается, казна у него совсѣмъ пустехонька. Сотъ пять тысячъ, значить тысячу цѣлковыхъ, радехонекъ будетъ взять за меня.“

— А дѣло надо дѣлать, прибавилъ Хлябинъ, черезъ Оренбургскаго купца Махмета Субханкулова. Каждый годъ ѣздитъ онъ въ Хиву торговать. Съ ханомъ въ большой дружбѣ, иной разъ по цѣлымъ ночамъ вдвоемъ куликаютъ. Вишневой наливкой больше всего хивинскому хану угождаетъ онъ. Много привозитъ ее и денегъ за то не беретъ, а ханъ до вишневки охочъ. Отъ того и уважаетъ Субханкулова. Немало русскаго полому тотъ Татаринъ выкупилъ, ходокъ на это дѣло. Только и ему надо сотъ пять рублей за труды дать.

LXIX.

Кончилъ Хлябинъ, а Марко Давиамчъ все сидитъ, склонивши голову... Жаль ему брата, не жалко денегъ на выкупъ... Но такъ и сверкаетъ мысль: „А какъ воротится да половину достатковъ потребуетъ? Дунюшка при чемъ тогда?... Да вретъ Корней, вретъ и этотъ проходимецъ, думаетъ за сказки сорвать съ меня. Народъ теплый. Надо чтобъ ни онъ, ни Корней никому ни гу-гу, по народу бы не разнеслось, Дарья Сергѣевна лучше всего не провѣдала бы.... Обоихъ надо сбыть.... А жаль Мокеюшку!... Шутка ли — двадцать годовъ въ бусурманской неволѣ? Сколько страху, сколько маета привалъ сердечный!... Да вретъ проходимецъ.... Не можетъ того быть.“

А долговязый Хлябинъ все стоитъ да стоитъ, все ждетъ отвѣта на рѣчи свои.

— Разказалъ ты братецъ, мнѣ какъ размазалъ, молвилъ ему наконецъ Марко Давидычъ. Послушать тебя, и сказокъ не надо... Знатный бахарь! * Надо чести приписать! А скажи-ка ты мнѣ по чистой правдѣ да по совѣсти — самъ ты эти небывицы въ лицахъ выдумалъ, али самшалъ отъ Какого-нибудь бахвала?

— Истинную правду сказываю вамъ Марко Давидычъ, вотъ какъ передъ самимъ Христомъ, воскликнулъ Терентій и перекрестился. Опречь меня другихъ выходцевъ изъ хивинскаго племени довольно—кого хотите спросите; всѣ Мокея Давидыча знаютъ, потому человѣкъ на виду—у хана живетъ.

— Знаю я васъ хивинскихъ племениковъ, молвилъ нахмурясь Марко Давидычъ. Иной гулемыга ** бѣжитъ отъ господъ аль отъ некрутчимъ скроется да напатавшись до сыта по бѣлу свѣту и скажется хивинскимъ выходцемъ. Выгодно—барскій такъ волю дадутъ, а отъ солдатчины во всякомъ разѣ ушелъ... Ты господскій, говоришь?

— Господскимъ былъ, отвѣчалъ Хлябинъ.

— Ну, такъ я и зналъ, молвилъ Смолокуровъ. — И чего не напелъ! И у самага-то царя въ домѣ жилъ, и жем-то царскія въ ситцевыхъ платишкахъ ходятъ, и стряпка-то царемъ ворочаетъ, и министровъ-то она скалкой по лбу колотитъ!... Кто тебѣ повѣритъ? Хоша хивинскій царь и бурсурманинъ, а все же царь—стать ли ему изъ-за пироговъ со стряпкой дружбу водить. Да и какъ бы она посмѣла министровъ скалкой колотить? Ври, братецъ, на здоровье, да не завирайся. Не хорошо такъ, любезный!

— Не вѣрите мнѣ, у Корнея Евстигьявича спросите, сказавъ на то Хлябинъ. Не я одинъ ему про Мокея Давидыча разказывалъ, и тотъ казакъ съ коимъ изъ племени мы ушли говорилъ. Да опречь казака и другіе выходцы въ Астрахани есть, и они то же самое скажутъ. А когда мы вышли на Русь, заявляли о себѣ станичному атаману. Билеты выдалъ намъ. Извольте посмотрѣть, прибавилъ Хлябинъ, вынимая бумагу изъ-за пазухи.

* Бахарь—краснобай, а также оказочникъ.

** Гулемыга—праздный гуляка, шатулъ.

Внимательно прочелъ билетъ Марко Давидычъ, и сложивъ его отдалъ молча Терентью. „А вѣдь дѣло-то пожалуй на правду похоже! подумалъ онъ. Эхъ Мокеюшка, Мокеюшка!... Сердечный ты мой!... Какъ же быть-то? Душюшку надо со-всѣмъ обездолить!... Ахъ Ты Господи, Господи!... Наставь, разуми какъ поступить.“

— Вотъ что, надумавшись сказалъ онъ Хлябину. — Теперь по твоему билету я вижу что ты въ самомъ дѣлѣ изъ положенія вышелъ. Хотя много ты наговорилъ мнѣ несодѣ-ланнаго, а все-таки насчетъ брата постараюсь узнать правду, а потомъ что надо то и сдѣлаю. Этотъ оренбургскій Татаринъ къ Макарыю на ярманку ѣздитъ?

— Каждый годъ ѣздитъ; тамъ у него и лавка въ Бухар-скомъ ряду, отвѣчалъ Хлябинъ.

— Дастъ Богъ повидаться потоакую съ нимъ, ярманка не за горами, сказалъ Смолокуровъ. — И ежели твои слова справедливы окажутся, уговоримся съ нимъ на счетъ выку-па. А теперь вотъ тебѣ, прибавилъ Марко Давидычъ подавая Хлябину пятирублевую.

Тотъ поблагодарилъ съ визкимъ поклономъ.

— Вы Субханкулову, ваше степенство, больше тысячи цѣковыхъ ли подъ какимъ видомъ не дадите, пряча бу-манку въ карманъ молвилъ Хлябинъ. — Человѣкъ онъ хоро-шій, добрый, за то ужъ такой жадный что другого наврядъ ли сыскать? И не вѣсть что заломить, узнавши про ваши недостатки. А вы ему молвите тогда, какъ же молъ ты, Мах-метушка, лѣтотшій годъ казачку-то Палагею Аванасьевну у кушъ-бека * Римъ Берды только за пятьдесятъ тиллъ выкупилъ, значить меньше двухъ сотъ цѣковыхъ, какъ же молъ ты, дружище, енотаевского мѣщанина Илью Гаври-лова, у махтара ** Ата-Бишуева за семьдесятъ тиллъ выку-пилъ?.... Да я записочку вамъ напишу за сколько кого онъ выкупалъ. А ежели скажетъ Субханкуловъ что Мокея Да-видыча у самого хана надо выкупать, а онъ дешево своихъ рабовъ не продаетъ, такъ вы ему молвите, ваше степенство: „а какъ же молъ ты, Махметушка, два года тому назадъ у него астраханскаго купецкаго сына Махрушева Ивана Фи-липыча, и съ женой, да съ двумя ребятишками за сто за двѣсти

* *Кушъ-бекъ* — въ родѣ министра.

** *Махтаръ* — вельможа.

тиллѣ выкупили?“ Да тутъ же и спросите его: „а сколько молъ надо тебѣ вишневки на придачу. Кіевской, скажите, отлущу, знаю де что его ханское величество очень уважаетъ вишневку.“ Скажите только—перестанетъ лишкѣ запрашивать.

— Самъ же ты говоришь, что цѣна на поломянниковъ ниже тысячи рублей на серебро. За что жъ я бритой плѣши, этому Субханкулову, тысячу, а пожалуй и больше отвалю?

— Хана не согласишь дешево взять за Мокея Давилыча, моавиль Хялбия. — Ему извѣстно что онъ изъ богатого дома. И другіе что съ нами вмѣстѣ въ лоловъ попали про то говорили, и самъ Мокей Давилычъ не скрывался.

— Нужно было! съ досадою молвилъ Марко Давилычъ. — Языки-то больно долги тамъ у васъ! Говорили бъ да оглядывались, а то съ дуру какъ съ дубу!

— Кулца Богданова семипалатинскаго изъ лолову выкупили, сказалъ Хялбия. Хлопоталъ не Субханкуловъ, а сибирскій кулецъ тоже Татаринъ. Знали въ Хивѣ что Богдановъ изъ богатой семьи, восемь сотъ лобанчиковъ * сорвали, значитъ больше тысячи тиллѣ ** безъ мамаго то-есть четыре тысячи цѣлковыхъ. А про Мокея Давилыча тоже, знаютъ что онъ изъ богатыхъ. Вѣдь Хивинцы на Макарьевскую ѣздить и оттолѣ всякія вѣсти возятъ. Мокею Давилычу про свои достатки было никакъ невозможно скрыть—безъ него всѣ знали. Прейній-то хозяинъ для того больше и мучилъ его что въ былъ надеждѣ хорошія деньги взять за него.

Замолчалъ Марко Давилычъ и зорко поглядѣвъ на Хялбиа спросилъ:

— Что жъ ты хочешь телерь дѣлать съ собой?

— Первѣ на перво въ деревнѣ у себя надо лобывать, сродниковъ ловидать, отвѣчалъ Хялбия, а потомъ стану волю отъ господъ выправлять....

— А послѣ? спросилъ Смолокуровъ.

— А послѣ того надо будетъ работы искать, сказалъ Хялбия. —Еще въ Астрахани отъ земляковъ я провѣдалъ что

---

* Лобанчикъ золотая двадцатифранковая монета временъ Реставраціи и Лудовика Филиппа. До Крымской войны она была въ большомъ ходу по Россіи.

** Тилла—золотая бухарская монета, по достоинству равняется 3 рублямъ 84 копейкамъ металлическимъ.

сродниковъ кои знали меня ни единого въ живѣ не осталось—хозяйка померла, дѣтки тоже примерли, домоу владѣютъ племянники—значитъ я какъ есть отрѣзанный лоскутъ.—Надо будетъ на сторонѣ кормиться.

— Хочешь ко мнѣ? спросилъ Марко Давилычъ.

— Не оставьте вашей добротой, явите милость, низко кланяясь радостно молвилъ Хлябинъ. — Вѣкъ бы служилъ вамъ вѣрой и правдой. Въ неволѣ къ работѣ привыкъ, остаетесь довольнымъ.... Только не знаю какъ же на счетъ води-то?

— Самъ я стану объ ней хлопотать, вставая со скамьи и выпрямляясь во весь ростъ, сказалъ Смолокуровъ.—Скорѣй тебя выхлопочу. Тебя на Унжу пошлю, дѣсныя дачи я тамъ купилъ, при рубкѣ будешь находиться.

— Всячески буду стараться заслужить вамъ Марко Давилычъ, не оставьте Христа ради при моей бѣдности, сказалъ Терентій Михайловъ.

— Насчетъ жалованья завтра потолкуемъ, теперь поздно. Да и тебѣ пора отдохнуть съ дороги-то, сказалъ Марко Давилычъ, направляясь изъ сада вмѣстѣ съ Хлябинымъ.... Все тебѣ будетъ сдѣлаю... Не забуду что братишку участь ты облегчалъ. Не оставляю... Стулай съ Богомъ да кликну Корвю въ горницы бы ко мнѣ взшелъ.... Вотъ еще что—крѣпко на крѣпко помни приказъ мой. Ни здѣсь, ни въ деревнѣ у своихъ сродниковъ, ни на Унжѣ ни одного слова про Мокея Давилыча не могли вымолвить. Ранней болтовней все дѣло испортишь. Про свои лохотенья что хочешь болтай, а о братѣ не смѣй и поминать. Слышишь?

— Слушаю, Марко Давилычъ, исполню ваше приказанье, отвѣтилъ Хлябинъ.—Мнѣ что? Зачѣмъ лишнее болтать?

— Стулай же со Христомъ. Спроси тамъ у стражки поуживать себѣ, да и ложись съ Богомъ спать, сказалъ Марко Давилычъ. Водку льешь?

— При случаѣ употребляемъ, сладко улыбаясь отвѣтилъ Хлябинъ.

— Пришлю стаканчикъ на сонъ грядущій, молвилъ Смолокуровъ.—Прощай. Не забудь же Корвю кликнуть, сейчасъ бы шелъ, прикомвилъ онъ, входя по ступенямъ задняго крыльца.

Пришелъ Марко Давилычъ въ душную свою горницу и тяжело опустился на кресло возлѣ постели... „Ровно во снѣ, размышлялъ онъ. Больше двадцати годовъ ни сауху, ни духу, и вдругъ въ живѣ... Что за притча такая?.. На разумъ не

вспадало, во снахъ не спилось... Знать бы это годика черезъ три, какъ пропалъ Мокеюшко на морѣ, то-то бы радости было... А теперь.... Главное — Дуя причеъ останется?... Еще женитея пожалуй на Дарь Сергѣевичъ, дѣтей народятъ... А жаль Дарью Сергѣевичу, чувствуетъ ли сердечная что онъ въ живѣ?... Какъ бы не узнала!... Поскорѣй надо Корнея въ Астрахань, а Терентья на Уажу. Не то наливши зенки еще наболтаютъ... А Субханкулова отыщу...”

Корней вошелъ. Не успѣлъ положить онъ уставнаго начала передъ иконами, какъ Марко Данилычъ напустился на него.

— Тебя-то зачѣмъ нелегкая принесла? Ты-то для чего, кинувши дѣла, помчался съ этимъ проходимцомъ? Слушаалъ я его, наставлялъ онъ мнѣ сказокъ три короба, только мало вѣры даю я имъ. Ты-то, спрашиваю я, ты-то зачѣмъ пожаловалъ сюда? Въ такое горячее время... Теперь пожалуй тамъ все дѣло у насъ станетъ.

— Насчетъ этого безпokoиться нечего. Все дѣло въ ходу и всему будетъ хорошее совершенье, съ обычной грубостью отвѣтилъ Корней.—А насчетъ Терентья будучи въ Астрахани такъ я разсудилъ—слышу на каждомъ базарѣ всякому встрѣчному, полеречному разказываетъ онъ про свои похождения и ни разу не обойдется безъ того чтобы Мокея Данилыча не помянулъ. Думаю: „какъ объ этомъ посудить хозяинъ? порадуется аль захочетъ дѣло замять? На то его воля, а мнѣ надо ему послужить лишней болтовни не было бы“. Пуще всего опасался чтобы рѣчи Хлябина до Описима Самофлыча не дошли, пакости бы изъ того онъ какой не выкинулъ. И вздумалъ я Терентья спровадить подальше отъ Астрахани, обѣщалъ свезти его на родину. А онъ и радъ. Самъ я для того поѣхалъ чтобы онъ дорогою поменьше болталъ. Глазъ съ него не спускалъ. Хорошо ли сдѣлано?

— Хорошо, немного помолчавши сказалъ Марко Данилычъ.

— То-то и есть, а то кричать безъ луты да орать, да ругаться, ворчалъ Корней.—И у насъ голова тоже не навозомъ набита, и мы кое-что смѣкаемъ. Такъ-то сударь, Марко Данилычъ, добавилъ онъ съ лукавой улыбкой.

— Ладно, ладно, сказалъ Марко Данилычъ.—Только смотри никому ни гу-гу да и за выходцемъ приглядывай не болталъ бы лишняго. Къ себѣ беру его, на Уажу...

— Чтò жъ? Дѣло не худое, молвилъ Корней.—Будетъ отсюда подальше.

— А про выкупъ подумаю, продолжалъ Марко Давылычъ. — Надо у Макарья съ этимъ Субханкуловымъ поглядаться... Ну что въ Астрахани? Что зятя Дороницкіе? Орошишь что?

Обо всемъ сталъ Корней подробно хозяину докладывать. Просидѣли они далѣко за полночь. Марко Давылычъ остался Корнеемъ доволенъ.

Черезъ день Корней слезалъ на Низъ, а Хлябинъ къ сродникамъ въ деревню пошелъ. Воротився онъ съ горькими жалобами что не радостно, не ласково встрѣтили его на родной сторонѣ. Повято: лишній ротъ за обѣдомъ, а домъ бѣдный. Терентій однако жъ не горевалъ, мѣсто ему готово. Скоро на Унжу поѣхалъ.

LXX.

Въ Духовъ День Марко Давылычъ съ семьей и съ Марьей Ивановой за чаемъ сидѣлъ. Весна была, вся живая тварь радовалась, праздники настали, люди тоже были веселы, у Марка Давылыча не тѣмъ пахло. Всѣ сидѣли сумрачны, каждый думалъ свою думу. Хозяинъ какъ ни силился отдѣлаться отъ тягостныхъ мыслей, плѣнный братъ, въ непосильной работѣ, изъ ума у него не сходилъ. Но чуть взглянетъ онъ на Дуню равно искра стрекнетъ у него въ головѣ: „его избавить—ее обездолить!...“ Борьба застывшей любви къ брату съ горячѣй любовью къ дочери, совѣтъ его одолевала. Дарья Сергѣевна сидѣла мрачная и злобно молчала искоса поглядывая на ненавистную ей Марью Иванову. Сколько ни сидѣла она въ каморкѣ, сколько ни подслушивала, не могла хорошенько понять о чемъ говоритъ старая барышня съ Дуней. Всѣмъ было тоскливо.

Первый заговорилъ Марко Давылычъ, нельзя жъ было ему при знатной гостьѣ молчать. Разговоръ однако не вязался. Марья Ивановна была задумчива и въ разсѣяньи отшучивала иногда не въ попадъ. На нездоровье жаловалась, говорила что голова у ней разболѣлась.

Марко Давылычъ сталъ безлокоитьсѣ, хотѣлъ за лѣкаремъ посылать, но Марья Ивановна наотрѣвъ отказалась отъ лѣченія.

— Въ саду вчера долго сидѣли, сказалъ Марко Давылычъ,
т. сxxxv.

а было сыровато... Дѣло ваше матушка Марья Ивановна нѣжное, господское, много ль вамъ надо чтобы простудиться?

— Нѣтъ, это со мной бываетъ, молвила Марья Ивановна взявшись руками за голову. Здоровьемъ я вѣдь не богата. Поиду прилягу. Умѣешь горчишники дѣлать, Дуняшка?

— Умѣю, отвѣтила Дуня.

— Сдѣлай мнѣ пожалуста, сказала Марья Ивановна. Прощайте, Марко Давидычъ. Обойдется Богъ дать и безъ доктора.

Въ Дуниной комнатѣ Марья Ивановна прилегла на диванѣ. Въ самомъ дѣлѣ она чувствовала себя не совсѣмъ хорошо. Дуня устала возаѣ нея на скамеечкѣ и полными любви взорами уныло глядѣла на больную свою наставницу.

Марья Ивановна въ эти дни возбуждала въ душѣ Дуни сильное ничѣмъ не удержимое стремленіе къ таинственной вѣрѣ которую называла она единою истинной. Взрослая на строгомъ соблюденіи внѣшнихъ обрядовъ, привыкшая только въ нихъ однихъ видѣть вѣру, молодая впечатлительная дѣвушка, начитавшись мистическихъ книгъ, равнодушно стала теперь смотрѣть на всякую внѣшность. Дарья Сергѣевна еще до пріѣзда Марьи Ивановны съ ужасомъ стала замѣчать что Дуня иной разъ даже спать не помолившись ложится. Не разъ ее журила за то, и Дуня не оправдывалась, ссылаясь на забывчивость. Съ пріѣздомъ Марьи Ивановны стала она еще равнодушнѣй къ обрядамъ, хотъ та сама не разъ ей говорила что она должна, непременно ихъ соблюдать, не навести бы домашнихъ на мысль что она хочетъ идти „путемъ тайной вѣры къ духовному свѣту“. Марья Ивановна и то говорила что въ церковныхъ обрядахъ нѣтъ ничего худого, что они даже спасительны для тѣхъ кто не можетъ постигнуть сокровенной тайны открытой только невеликому числу избранныхъ.

— Общали вы, душечка Марья Ивановна, разказать мнѣ когда-нибудь о „живомъ словѣ“, сказала Дуня сидя на скамеечкѣ возаѣ Марьи Ивановны. Или можетъ-быть вамъ тяжело теперь говорить?

— Изволь, мой другъ, отвѣтила Марья Ивановна. Расскажу кое-что, на сколько ты можешь понять. Помнишь ли говорила я про людей просвѣщаемыхъ благодатью,

озаренныхъ неприступнымъ духовнымъ свѣтомъ. Своей жизнью и стремленьемъ къ духовному они получаютъ блаженство еще здѣсь на землѣ. Самъ Богъ вселяется въ нихъ и что ни говорятъ они, что ни приказываютъ должно исполнять безъ разсужденія потому что не свое говорятъ они, а вѣщаютъ волю Божию. Ихъ рѣчи и есть „живое слово“. Передъ тѣмъ какъ говорить они приходятъ въ восторгъ, въ восторгъ не описанный, а потому читаютъ въ душѣ каждого, узнаютъ чужія мысли и поступки какъ бы скрытно они не были сдѣланы и тогда начинаютъ обличать и пророчествовать... Увидишь такихъ.

Задумалась Дуня, ни слова не молвила въ отвѣтъ. Разгорѣлась у ней душа, и чувствовала она меодолимое желанье какъ можно поскорѣй увидать этихъ чудныхъ людей, усаманять живое ихъ слово.

— Помнишь ли Дунышка еще въ прошломъ году, ты меня спрашивала что такое значить „духовный супругъ“, продолжала Марья Ивановна. Тогда я не сказала тебѣ потому что ты не поняла бы моихъ словъ, теперь какъ ты прочтала столько полезныхъ книгъ и сердцемъ приняла все въ нихъ написанное, понять ты можешь, хоть покамѣсть и не все еще. Слушай. Ежели кто проникнетъ во всю сокровенную тайну, ежели кто всю ее познаетъ и будетъ къ ней „приведенъ“, тотъ вступаетъ въ супружество съ тѣмъ пророкомъ который его принялъ. Въ духовное супружество вступаетъ, не въ плотское. Между людьми познавшими „тайну“ и мужичны есть и женщичны, они водятся Духомъ, они обитаемы Богомъ. Такіе мужичны—приводятъ въ тайну женщичны, женщичны—мужичны. Это и есть „духовное супружество“. Оно вѣчно. Плотское супружество дается до смерти жены или мужа, духовное во вѣки вѣковъ не прекращается. Оно сохраняется въ будущей жизни и вѣтъ ему конца... Тутъ великая премудрость... Нельзя ее постичь умомъ человѣческимъ, нельзя и разказать обыкновеннымъ словомъ.

— Стало-быть у духовнаго супруга бываетъ по нѣскольку женъ? спросила не мало удивленная словами Марьи Ивановны Дуня.

— Что жъ изъ того? сказала Марья Ивановна. Вѣдь это не плотскіе мужъ съ женой. Не тѣлесная между ними связь, а духовная. Все равно что союзъ безтѣлесныхъ ангеловъ. Тебѣ еще это пока не понятно, но когда познаешь „сокро-

вѣнную тайну“ будетъ ясно какъ день. Тутъ творится дѣло Божіе, а не вражье. Врагъ въ человѣкѣ только тѣломъ и дѣлаетъ, оттого что имъ оно сотворено, а Богу принадлежитъ душа Имъ созданная. Потому плотское супружество—служеніе врагу, духовное—служеніе Богу. Для того-то и на всю свою жизнь хранить дѣвство чтобъ врагу погубителю не поработить себя, для того-то и надо тѣло свое всячески измучать трудами, мучить его постомъ, страданьями.... Тѣло—твой врагъ, оно—темница души твоей, ломай ее, разрушай, освобождай изъ нея душу свою.... Но лишеній, и трудовъ еще мало, для спасенія непременно надо проникнуть въ „кровенную тайну“, тогда только можешь Бога вмѣстить въ себя. А вмѣстятъ—тогда ужъ врагъ тебѣ не страшенъ, плоть надъ тобой владѣть ужъ не можетъ тогда. Праведницей станешь и не будетъ въ тебѣ грѣха, не будетъ надъ тобой ни власти, ни закона потому что „праведнику законъ не лежитъ“. Будешь свободна все дѣлать, будешь блаженна и здѣсь на землѣ, будешь блаженна какъ ангелъ небесный, будешь райскія радости видѣть, будешь сладкое ангельское пѣніе слышать.

Въ это время за перегородкой возлѣ дивана посамшала шорохъ. Вздрогнула Марья Ивановна.

— Что это? спросила она.

— Мыши должно-быть, спокойно отвѣтила Дуня. Тутъ есть каморка, въ ней никогда никого не бываетъ. Тетиня Марья Сергѣевна иногда тамъ ставитъ кое-что изъ съѣстныхъ и развела ихъ. А вы развѣ боитесь мышей?

— Не мышей, а людей я боюсь, не подслушалъ бы кто сказала Марья Ивановна.

— Кому подслушивать? съ улыбкой молвила Дуня.—Никогда тутъ никого не бываетъ. Да и услышалъ бы кто развѣ пойметъ?

Марья Ивановна успокоилась.

— Ахъ милая моя, дорогая Марья Ивановна, послѣ короткаго молчанья лѣжно ласкаясь къ ней и цѣлуя руку говорила Дуня. Хоть бы глазкомъ взглянуть на тѣхъ чуждыхъ людей, хоть бы словечко одно услышать отъ нихъ.

— Имѣй терпѣнье, мой другъ, сказала Марья Ивановна.—Ждать недолго, если ты твердо рѣшилась „идти на путь и приватъ „сокровенную тайну“.

— Всею душой хоть сейчасъ, вся дрожа отъ волненія

отвѣтила Дуля.... Покажите ихъ мнѣ, Марья Ивановна, ради Христа покажите.... Все сдѣлаю что нужно, все....

— Какъ же это сдѣлать? въ раздумѣ сказала Марья Ивановна.... Развѣ вотъ что.... Отпустить ли тебя Марко Давидычъ погостить ко мнѣ ну хоть на мѣсяцъ, хоть на три недѣли?... Я бы тебѣ показала.

— Не знаю, грустно отвѣтила Дуля. Кажись бы отъ чего не пустить? Самъ же онъ тоже собирается ѣхать на мѣсяцъ... Попросите Марья Ивановна—васъ-то послушаетъ онъ....

— Попробую.... сказала Марья Ивановна. А теперь почи-тай мнѣ Дуляшкѣ что-нибудь изъ *Таинства Креста*, * а я буду тебѣ пояснять чего не вдругъ поймешь.

LXXI.

Все утро просидѣла въ каморкѣ Дарья Сергѣевна жадно прислушиваясь къ словамъ Марьи Ивановны, но какъ ни старалась не могла взять въ толкъ о чемъ она говорила. Появля только что рѣчь идетъ о вѣрѣ и что Марья Ивановна чѣмъ-то смущаетъ Дулю, въ иную вѣру что ли хочетъ ее свратить. Въ какую же? „Конечно въ никоніанство, въ свою смущенную великороссійскую церковь, догадывалась Дарья Сергѣевна. Охъ, Господи, Господи!... И отца убьетъ и себя-то на вѣки-вѣчныя погубитъ!... Охъ ужъ эта проклятая Марья Ивановна!... А насчетъ замужства ужъ такъ темно говоритъ что и понять ее невозможно.... Господи, Господи! Принесло же еретицу на нашу бѣду—совсѣмъ разстроить она Дулюшкѣ, сгубить сердечную!... Да еще въ гости къ себѣ зоветъ. Нѣтъ безпремѣнно разкажу обо всемъ Марку Давидычу. А какъ не приметъ словъ моихъ?... Она и его-то ровно околдовала. Что ни скажетъ окаянная, то у него и свято.... А все же попытаюсь, будь что будетъ, а скажу непремѣнно.“

И тогчасъ же рѣшилась поговорить съ Маркомъ Давидычемъ.

Все еще воювали Смолокурова привезенная Корнеемъ

* Мистическое сочиненіе Дю-Туа. Переводъ на русскій языкъ И. Ястребцова напечатанъ въ 1820 году въ Петербургѣ.

вѣсти. Плѣнный братъ изъ ума не выходилъ, а любовь къ дочери и жадность къ деньгамъ не позволяли рѣшиться на выкупъ. А тутъ еще Дарья Сергѣевна пришла со своими опасеньями.

— Свободно вамъ Марко Давидычъ? спросила она входя осторожно въ его комнату. Мнѣ бы чуточку поговорить съ вами.

„Не проболтался ли Корней?“ подумалъ Марко Давидычъ и кровь бросилась ему въ голову. „За жениха не пришла ли просить?“

И съ потерпѣваемъ онъ вскинулъ на Дарью Сергѣевну горѣвшіе какъ уголь глаза.

— Что случилось? тревожнымъ голосомъ спросилъ онъ у нея.

— Покаместъ еще ничего особеннаго не случилось, отвѣтила Дарья Сергѣевна. — Насчетъ Дуни хотѣла немножко поговорить съ вами.

— Что такое? спросилъ Марко Давидычъ.

— Видите ли.... Какъ бы это сказать?... робко начала Дарья Сергѣевна. — Сдается мнѣ что то не больно хорошее.

— Что такое? сверкнувъ очами, съ безлободствомъ громко воскликнулъ Марко Давидычъ. — Что такое случилось?

— Пока еще ничего, а стала я замѣчать что какъ только пріѣхала къ намъ эта Марья Ивановна, Думюшка совсѣмъ другая стала, понизивъ голосъ отвѣчала Дарья Сергѣевна.

— Повеселѣла маленько? Ну, и слава Богу! молвилъ Марко Давидычъ.

— Богу молиться перестала.... Вотъ что! прошептала Дарья Сергѣевна.

— Какъ Богу перестала молиться? нахмурился спросилъ Марко Давидычъ.

— Ни вечеромъ на сонъ грядущій, ни по утру какъ встанетъ больше трехъ поклоновъ не кладетъ и то кой-какъ да таково неблагочестно. Не разъ говорила я ей не годится молъ дѣлать такъ—а она равно и не слышитъ, равно я стѣнъ говорю. Вамъ бы самимъ, Марко Давидычъ, поговорить съ ней. Вы отецъ, родитель, ваше дѣло поучить свое дѣтище. Богъ съ васъ взыщетъ ежели такъ оставите.

— Поговорю, надо поговорить. Въ самомъ дѣлѣ такъ не

годится.... Какъ можно Бога забывать!... ходя взадъ и впередъ говорилъ Марко Давидычъ.—Сегодня же поговорю... Напрасно прежде не сказали.... Молода еще.... А надо поначить, надо.

— Олять же вотъ что я замѣчаю, Марко Давидычъ, продолжала ободренная успѣхомъ разговора Дарья Сергѣевна.—Какъ только прѣехала эта Марья Ивановна, Дулюшка постъ наложила на себя, мяснаго въ ротъ не беретъ.

— Ну въ этомъ бѣды еще немного, сказалъ Марко Давидычъ.—Ея дѣло. Пушай постится коли хочетъ.

— А въ пятницу зашла я къ ней—сидитъ съ Марьей Ивановной, самоваръ на столѣ, а чай пьютъ со сливками... По какому это уставу? А все съ Марьи Ивановны примѣры беретъ. Во всемъ идетъ по ея слѣдамъ.

— Хорошаго тутъ не много, да и больно худого не вижу, сказалъ Марко Давидычъ.—Мы вотъ и до старости дожили, да и то иной разъ согрѣшимъ оскоромиться, особливо въ дорогѣ, либо въ компаніи. А поговорить и про это поговорю. Надо исполнять правила, надо.

— Главное-то вотъ въ чемъ, Марко Давидычъ, продолжала Дарья Сергѣевна.—Прислушалась я давеча къ ихнимъ разговорамъ—да ни какъ не могу объять ихъ разумомъ. Что-то ужъ очень мудрено, а хорошаго кажись немного. Хотите вѣрьте хотите не вѣрьте, а Марья Ивановна смущаетъ Дулюшку.

— Чѣмъ это? быстро спросилъ Марко Давидычъ.

— Насчетъ вѣры, Марко Давидычъ, все насчетъ вѣры, доказывая головой, съ глубокимъ вздохомъ, отвѣчала Дарья Сергѣевна.—Про какія-то сокровенныя тайны толкуетъ ей, про какихъ-то безгрѣшныхъ людей... что въ нихъ Самъ Богъ пребываетъ.

— Что жъ тутъ худого? возразилъ Марко Давидычъ.—Про святыхъ угольниковъ должно-быть говорила. Вреднаго не замѣчаю.

— А тайны-то сокровенныя? полусмелотомъ спросила Дарья Сергѣевна.

— Какія сокровенныя тайны? спросилъ Марко Давидычъ.

— Сама не знаю, и домыслиться не могу что за сокровенныя тайны, въ недоумѣніи разводя руками отвѣчала Дарья Сергѣевна.—А одается что тутъ что-нибудь недоброе. Сбиваетъ она нашу голубушку съ пути истиннаго.

Въ свою должно - быть великороссійскую церковь хочетъ совратить ея. Вотъ чего боюсь, вотъ чего опасаясь Марко Давилычъ, сударикъ.... Какъ подумаю, сердце даже кровью обольется, такъ и закипитъ... Охъ, Господи, Господи!... До какихъ бѣдъ мы дожили.

— Какія тутъ бѣды? Гдѣ оны? сказалъ Марко Давилычъ. Помстилось вамъ что Марья Ивановна въ великороссійскую хочетъ Дуню съести.... Полъ что ли она консисторскій? Нужно ей очень! Толкомъ не поняли, — сами же говорите — да не знай какихъ страховъ и навыдумали.

— Истолковалась я, Марко Давилычъ, совсѣмъ истолковалась, глядя на Дунюшку, горько всхлиывая продолжала Дарья Сергѣевна. Вотъ вѣдь что еще у нихъ затѣяно: вѣхатъ собирается Марья-то Ивановна, и хочетъ она просить васъ отлучили бы вы Дунюшку погостить къ ней.

— Отчего жъ не пустить? сказалъ Марко Давилычъ. — Я съ перваго же раза какъ она прѣѣхала обѣщался. Слова назадъ не ворочу.

— Охъ Марко Давилычъ, Марко Давилычъ! Быть, сударикъ, бѣдѣ! Помяните мое слово! навзрыдъ плача говорила Дарья Сергѣевна.

— Полно хныкать-то ничего не вида, съ досадою сказалъ Марко Давилычъ. Подите-ка лучше закусить приласите чего-нибудь — бѣлужинки звѣно да провѣсной бѣлорыбцы, икорки зернистой поставьте да селедочекъ копченыхъ, водочки анисовой да желудочной, мадерцы бутылочку. Обѣдать еще не скоро, а пожевать охота.

И Дарья Сергѣевна тихими шагами пошла вонъ изъ комнаты.

На другой день вечеромъ, не совсѣмъ еще здоровая, Марья Ивановна сидѣла за круглымъ чайнымъ столомъ укутавшись въ большой теплый платокъ. Дуня рядомъ съ нею, а напротивъ Марко Давилычъ и Дарья Сергѣевна.

— Эхъ какую вдругъ надудло погодушку, молвилъ Марко Давилычъ, прислушиваясь какъ крупный частый дождикъ стучалъ въ стекла, а отъ порывистаго вѣтра тряслись оконницы, свистѣло и визжало по желѣзнымъ крышамъ и заунывно гудѣло въ трубы.

— Боюсь надолго бы не испортилась погода, сказала Марья Ивановна. — Загостились я у васъ, Марко Давилычъ, пора бы вамъ такую наянливую гостью и со двора долой.

— Что жь это вы, сударыня Марья Ивановна, такъ ужь оченно заторопились? Погостите, отозвался Марко Данилычъ. Переждите хоть ненастье-то. Теперича не осеннее дѣло, дожди да холода простоятъ не долго.

— Пора мнѣ, очень пора, Марко Данилычъ, отвѣчала Марья Ивановна. Вотъ ужь вѣдь двѣ недѣли какъ я у васъ. Братья навѣрно домой воротились, теперь ждутъ меня не дождутся.

— Успѣете повидѣться съ ними сударыня, а васъ бы еще хоть сколько-нибудь деньковъ порадовали... Дунышка у меня совсѣмъ безъ васъ стоскуется, говорилъ Марко Данилычъ.

Съ полными слезъ глазами прижалась Дунышка къ Марьѣ Ивановнѣ и шепотомъ просила ее:

— Хоть немножко погостите... Безъ васъ я съ тоски помру.

— Нельзя, Дунышка, никакъ нельзя, моя милая. Въ другое время наговоримся, а теперь не могу я дольше у васъ оставаться, съ ласковой улыбкой отвѣчала на горячія просьбы Дуни Марья Ивановна. Черезъ мѣсяцъ я буду въ Фатляктъ. Тогда, надѣюсь, Марко Данилычъ посѣтитъ меня на новосельѣ и тебя привезетъ. Ягоды къ тому времени поспѣютъ, за ягодами будемъ ходить, за грибами. Ты любишь грибы брать?

— Никогда не хаживала, отвѣчала Дуня. Не съ кѣмъ. Не одной же идти.

— Ну Богъ дастъ со мной будете ходить. Это очень весело. Вы позволите? спросила Марья Ивановна обращаясь къ Марку Данилычу.

— Съ вами-то не позволить! молвилъ Марко Данилычъ.— А здѣсь точно что ей скучновато — такихъ подругъ, съ какими бы можно было ей знакомство водить, нѣтъ ни одной. Кулцовъ хорошихъ опричь меня въ нашемъ городѣ ни единого, дворянъ хорешихъ тоже нѣтъ, одно только крапивное сѣмя—чиновники эти. А съ ихними дочерями, да съ мѣщанками да съ крестьянками ни за что въ свѣтѣ не позволю я водиться Дунышкѣ. Народъ балованный. Мало ль чего отъ нихъ можно набратъся.

— Могу увѣрить васъ, Марко Данилычъ, что ваша Дуня не такова чтобы могла отъ кого бы то ни было дурного набратъся. Мало встрѣчала я такихъ строгихъ къ себѣ дѣвушекъ, сказала Марья Ивановна. Бояться за нее вамъ нечего.

— Не объ томъ рѣчи сударыня, возразилъ Марко Данилычъ. Тутъ главная причина въ томъ состоитъ что отъ людей ей будетъ очень зазорно ежели съ простыми дѣвками она водиться станетъ. Не знаете вы что за народъ у насъ въ городѣ живетъ. Какъ разъ того налетутъ что и во снѣ никому не видѣлось.

— Да, должно-быть ей скучно бѣдненькой, замѣтила Марья Ивановна. А знаете ли что пришло мнѣ въ голову, Марко Данилычъ? прибавила она немножко повременя. Какъ-то вы говорили что куда-то вамъ по дѣламъ надо ѣхать. На мѣсяцъ, помнитесь?

— Безъотмѣнно нужно, отвѣчалъ Марко Данилычъ.—Въ Астрахань надо, а оттоль въ Оренбургъ можетъ статья.

— Мѣсяцъ проѣздите? спросила Марья Ивановна.

— Да, съ мѣсяцъ проѣзжу, отвѣтилъ Марко Данилычъ.—Да наврядъ ли еще однимъ то мѣсяцомъ управлюсь.—Передъ самымъ Макарьемъ видно придется домой воротиться.

— Отпустите-ка нѣ это время ко мнѣ Дулюшку-то, сказала Марья Ивановна. Ей бы повеселѣе было: у меня племянница есть ея лѣтъ, развѣ маленько постарше. Онѣ бы подружились. Племянница моя дѣвушка хорошая, добрая и ей-то было бы пріятно имѣть такую милую гостью и Дуля было бы весело. Садъ у братьевъ огромный, десятинахъ на четырехъ, есть гдѣ погулять. И купанье въ саду и теплицы. Отпустите, Марко Данилычъ, привезу ее къ вашему возврату въ сохранности.

— Право не знаю что вамъ нѣ это сказать, матушка Марья Ивановна, нерѣшительно молвилъ Марко Данилычъ. Какъ же ѣхать-то ей къ незнакомымъ людямъ?

— Къ какимъ это незнакомымъ? Вѣдь она ко мнѣ поѣдетъ? Общали же ее ко мнѣ отпускать? сказала Марья Ивановна.

— Къ вамъ, сударыня Марья Ивановна, въ Фатьянку значить. А какъ же я ее пущу къ господамъ Луховицкимъ? Ни я ихъ не знаю, ни они Дулюшки не знаютъ, говорилъ Марко Данилычъ.

— Не къ Луховицкимъ она поѣдетъ, а ко мнѣ, возразила Марья Ивановна. Вѣдь у меня и въ Луховицахъ есть своя часть послѣ матушки. Тамъ у меня и флигелекъ свой и кой-какое хозяйство. Нѣтъ, отпустите въ самомъ дѣлѣ, Полноте упрямитесь, недобрый этакій!

— Тятенька, пожалуста! тихо промолвила Дуня склонивъ русую головку на плечо отцовское... Скучно мнѣ вѣдь будетъ—безъ тебя, не буду знать куда и дѣваться. Пожалуста отпусти!

А Дарья Сергѣевна такъ и сверкаетъ глазами. Была бъ ея воля на отрѣзъ отказала бы.

— Отпустите Марко Данилычъ, продолжала Марья Ивановна. Каково въ самомъ дѣлѣ цѣлый мѣсяцъ быть ей одной. Конечно при ней Дарья Сергѣевна останется, да вѣдь у нея и безъ того сколько заботъ и хлопотъ по хозяйству. Душюшкѣ одной придется скучать.

— Одна не останется, объ этомъ не извольте беспокоиться, обидчиво промолвила Дарья Сергѣевна, злобно вставивши на Марью Ивановну.

— Какъ же вы рѣшите Марко Данилычъ? спросила Марья Ивановна, не обращая вниманья на Дарью Сергѣевну.

— Право не знаю что и сказать вамъ, въ раздумьи молвилъ Марко Данилычъ. Дѣло-то видите, новое, непривычное. Никогда еще я ее въ чужіе люди не пускалъ.

— Такъ вы мнѣ не довѣряте Марко Данилычъ? Ай, ай, ай какъ стыдно! Между друзьями такъ не дѣлается, съ укоризной покачивая головой сказала Марья Ивановна.—Согласились, да и на полатынь. Не ожидала я этого отъ васъ, Марко Данилычъ.

— Тятенька да отпусти жь, ради Господа, сдѣлай такую дая меня милость, вѣжно обвивая руками отца молила Дуня.

— Какъ тутъ устоять, какъ не согласиться? оказалъ наконецъ Марко Данилычъ глядя Дуню по головкѣ. Ну такъ и быть—поѣзжай.

Вспрыгнула отъ радости Дуня, схватила отцовскую руку и покрыла ее горячими поцѣлуями.

— Ну, ну, полно Душюшка, полно голубушка, будетъ, говорилъ Марко Данилычъ.—А вы ужь матушка Марья Ивановна, поберегите ее у меня пожалуста. Я на васъ полагаюсь. Сдѣлайте милость.

— Не беспокойтесь Марко Данилычъ, сказала въ отвѣтъ Марья Ивановна.— Дурного у меня она ничего не увидитъ, шагу отъ нея прочь не ступлю, съ глазъ не спущу.

— Дико ей будетъ, не привычно, глубоко вздохнувъ, молвилъ Марко Данилычъ.— Господскій домъ, совсѣмъ иное

дѣло чѣмъ наше житье. Изъ головы у меня этого не выйдетъ. Съѣдутся напиримѣръ къ вашимъ братьямъ гости, а она на такихъ людяхъ никогда не бывала. Тяжко ей будетъ и совѣстливо, мѣшаться станетъ, въ отвѣтахъ лутаться. Какое ужъ тутъ веселье?

— Не знаете вы, Марко Данилычъ, какъ мои братья живутъ; возразила Марья Ивановна. Какіе у нихъ гости, какія собранья? Просто на просто монастырь. Старшій братъ Николай Александрычъ почти совсѣмъ ужъ старикъ, чуть бродить. Андрей Александрычъ, олричь хозяйства ничего знать не хочетъ, жена у него домосѣдка, въ цѣлый годъ можетъ-быть раза два либо три къ близкимъ оосѣдямъ выѣдетъ. А дома у нихъ чужихъ никогда почти не бываетъ, особливо лѣтомъ во время работъ. Живутъ тихо, уединенно. Говорю вамъ монастырь, какъ есть монастырь.

На другой день начались Дувины сборы. Не осушая глазъ больше всѣхъ хлопотала угрюмая Дарья Сергѣевна, а ночью по цѣлымъ часамъ стояла она передъ иконами и клала поклоны за поклонами, сохранилъ бы Господь рабу Свою, дѣвицу Евдокію ото всѣхъ козней и навѣтовъ вражнихъ.

LXXII.

Въ степной гаушѣ, на верховьяхъ тихаго Дона, вдали отъ большихъ дорогъ, городовъ и людныхъ селеній стоитъ село Луховицы. Село большое, но строенье въ немъ плохое какъ обыкновенно бываетъ въ степныхъ малолѣсныхъ мѣстахъ — избы малеькія, крыты соломой, печи топятся по черному тоже соломой, вездѣ грязь, нечистота, далекѣ не то что въ привольномъ Поволжѣ. За то на гумнахъ такіе скирды хлѣба, какихъ не видавали въ лѣсахъ за Волгой.

Оврагъ, бывшій когда-то порядочной рѣчкой, отдѣляетъ крестьянскія избы отъ большой, съ виду очень богатой господской усадьбы. Каменный домъ въ два яруса съ двумя флигелями лицевой стороной обращенъ на широкій дворъ, почти сплошь усаженный сиренью, жимолостью, тавоагрѣй, акаціей и лабазникомъ. * За дѣломъ старинный тѣнистый

* Жимолость—*Lonicera tatarica*. Тавоага—*Spirea crenata*. Лабазникъ—*Spirea ulmaria*.

садъ съ громадными дубами и липами. Съ перваго взгляда на строенія кидается въ глаза ихъ запущенность. Видно что когда-то тутъ жила на широкую руку, а потомъ или дѣла хозяина разстроились, или помѣстье досталось другимъ, измѣнившимъ образъ жизни прежнихъ владѣльцевъ и забросившимъ роскошныя палаты въ небреженіи. Въ сторонѣ усадьбы былъ огромный, но ужъ на половину совсѣмъ развалившійся царскій дворъ, за нимъ театръ безъ крыши, еще дальше запустѣлые конный заводъ и суконная фабрика. Зато хозяйственныя постройки были въ рѣдкомъ порядкѣ — хлѣбные амбары, молотильня, рига, построены были на славу изъ здороваго дѣса, крыты желѣзомъ, и всѣ новенькія какъ съ иголочки.

Отецъ Луховицкихъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ той стороны. Съ молодю служилъ какъ водится въ гвардіи, но послѣ возврата нашихъ войскъ изъ Франціи вышелъ въ отставку, женился и поселился въ своемъ родовомъ имѣнии. Заграничная жизнь хоть и поразстроила немножко его дѣла, но не пошатнула состоянія. Луховицкій жилъ баринкомъ, гости у него не переводились, одни со двора, другіе на дворъ. Пары бывали чуть не каждый Божій день, охоты то и дѣло, и никто изъ сосѣдей-помѣщиковъ, никто изъ городскихъ чиновниковъ помыслить даже не смѣлъ отказать когда-нибудь отъ приглашенія гостепріимнаго хлѣбосола. Иначе бѣда: Луховицкій баринъ знатный, генералъ, не одно трехлѣтіе служилъ губернскимъ предводителемъ, имѣлъ вѣсь не только въ своей губерніи, но въ самомъ Петербургѣ. Связи у него въ самомъ дѣлѣ были большія — оставшіеся на службѣ его товарищи вышли въ большіе чины, заняли важныя должности, но со старымъ однополчаниномъ дружбу сохранили. Пріязнь ихъ тщательно поддерживалась породистыми конями Луховицкаго, отводимыми въ Петербургъ на конюшни вельможныхъ друзей. На царскомъ дворѣ у Луховицкаго было четыреста лсовъ борзыхъ и гончихъ. Крѣпостной оркестръ музыкантовъ управлялся выписаннымъ изъ Италіи капельмейстеромъ. Была и роговая музыка, и два хора пѣвчихъ, актеры оперные, балетные, драматическіе, живописцы, всякаго рода ремесленники, и все крѣпостные. Такъ широко и богато проживалъ въ своемъ помѣстьѣ столовой бояринъ Александръ Федорычъ Луховицкій.

Подъ шумокъ поговаривали, будто Луховицкій масонъ. Не мудрено—въ то время каждый сколько-нибудь замѣтный человѣкъ непременно былъ къ какой-нибудь ложѣ. Масонство однако не мѣшало шумной, безпечной жизни богатыхъ людей, а не слишкомъ достаточные для того больше и постулали въ ложи чтобы ѣсть даровые роскошные ужины. Ежели Луховицкій и былъ масономъ, такъ это не препятствовало ни его пирамъ, ни его театру, ни музыкѣ, ни охотѣ. Иное сталося когда онъ прожилъ въ Петербургѣ цѣлую зиму. Воротившись оттуда къ удивленью знакомыхъ и незнакомыхъ онъ вдругъ охладѣлъ къ прежнимъ забавамъ, возненавидѣлъ и пиры, и ночныя бражничанья, и музыку, и отъѣзжія поля все, все безъ чего въ прежнее время для одного прожить не могъ.—Музыканты, актеры, живописцы были раслуценны по оброкамъ, псаря частью распродана, частью перевѣшена, пиры и банкеты прекратились.—Для привычныхъ гостей двери стали на запоръ и совсѣмъ опустѣлъ шумный дотошъ домъ. Луховицкій съ женою начали вести жизнь отшельниковъ. Въмѣсто прежнихъ веселыхъ гостей къ нимъ стали приходять монахи и монахини, странники, богомольцы, даже юродивые. Иногда собиралось ихъ по нѣскольку человѣкъ разомъ, и тогда хозяева запершись во внутреннихъ комнатахъ проводили съ ними цѣлыя ночи на пролетъ. Слышали тогда что они въ залпѣ поютъ лѣси, слышали неистовый топотъ ногами, какіе-то странные кайки и необычныя всхлипыванья. Черезъ нѣсколько времени опричь странниковъ и богомольцевъ стали къ Луховицкимъ сходитьса на ночныя бесѣды солдаты, крестьяне, даже изъ ихнихъ крѣпостныхъ. Пенять никто не могъ что эготъ сбродъ грубыхъ невѣждъ и шатуновъ-дармоѣдовъ дѣлаеть у такихъ просвѣщенныхъ, свѣтскихъ и знатныхъ людей какъ Луховицкіе. Александръ Федорычъ и во всемъ другомъ измѣнился—любилъ онъ прежде выпить лишнюю рюмку, любилъ даже бывать на веселѣ, любилъ хорошо и много покушать—а теперь ни вина, ни пива, даже квасу не пьетъ, только и пьетъ у него что чай да вода. Не только мяснago, рыбноgo даже за столомъ у него больше не бывало, тѣи Луховицкіе только хлѣбъ, овощи, плоды, яда, молочное и больше ничего.—За то и въ Свѣтлое Воскресенье и въ Великую Пятницу съ сочельниками подавалась у нихъ пища одна и та же.

Сестра Луховицкаго, замужемъ была за Алымовымъ,

отцомъ Марьи Ивановны, умерла она раньше перемѣны случившейся съ ея братомъ. Вскорѣ умеръ и мужъ ея — тогда Луховицкіе маленькую сиротку Марью Ивановну, взяли на свое попеченіе. Воспитаніе они давали ей обыкновенное для того времени — наняты были Французенка, Нѣмка, учительница музыки, учительница лѣнія, а русскому языку, русской исторіи и закону Божию велѣли учить уволеннаго за пьянство дьякона изъ сосѣднаго села. Два сына Александра Федорыча тоже дома воспитывались — цѣлый флигель былъ наполненъ ихъ гувернерами и разнаго рода учителями отъ высшей математики до верховой ѣзды и фехтованья все иностранцами, русскую же премудрость и сынки выѣхавъ съ Марьей Ивановной почерпали у пролившагося дьякона. Петербургскіе вельможные друзья въ благодарность за рѣзвыхъ рысаковъ предлагали Луховицкому, выхлопотать его сыновьямъ званіе пажей, но Александръ Федорычъ до поѣздки въ Петербургъ сильно тошковавшій что не будучи генералъ-лейтенантомъ онъ не можетъ отдать дѣтей въ Пажескій Корпусъ, теперь и слышать о томъ не хотѣлъ. „Хочу изъ нихъ сдѣлать сельскихъ хозяевъ“, писалъ онъ къ старымъ пріятелямъ и тѣхъ нельзя было разуверить что бывшій ихъ однополчанинъ умомъ обносился, и оттого на вышкѣ у него стало не совсѣмъ благополучно.

Все дивились перемѣнѣ въ образѣ жизни Луховицкихъ, но никто не могъ разгадать причины ея. Черезъ нѣсколько лѣтъ она объяснилась. Былъ въ Петербургѣ „духовный союзъ“ Татариновой. * Принадлежавшіе къ нему собирались въ ея квартирѣ и совершали странные обряды. Съ нею черезъ одного изъ вельможныхъ однополчанъ и познакомился Александръ Федорычъ. Вскорѣ и самъ онъ и жена его, женщина

---

* Екатерина Филипповна Татаримова, жена директора рязанской гимназіи, урожденная Буксгевденъ, во второмъ десятилѣтіи нынѣшняго столѣтія собирала таинственныя собранія въ квартирѣ своей матери въ Петербургѣ, въ Михайловскомъ замкѣ. Это было собраніе ламистовъ изъ высшаго общества. Оно называлось „духовнымъ союзомъ“. Послѣ того какъ собранія Татариновой были прекращены, они возобновились въ Петербургѣ же за Московской заставой, и въ тридцатыхъ годахъ снова были закрыты. Въ это время Татаримова и нѣкоторые изъ ея покровителей разосланы были по монастырямъ.

набожная, кроткая и добрая, вошла въ союзъ, а воротясь въ Луховицы и тамъ завела тайныя сборища.

Между тѣмъ о „духовномъ союзѣ“ узнали и участникомъ его разослали по монастырямъ. Добрались и до Луховицкихъ. Ни богатства ихъ, ни щедрья пожертвованья на церкви, больницы и богадѣльни, ни вельможные однополчане, ничто не могло имъ помочь. Кончилъ дни свои Александръ Федорычъ въ какомъ-то дальнемъ монастырѣ, а жена его умерла раньше его ссылки.

И сыновья и племянница хоть и проводили почти все время съ гувернерами и учительницами, но послѣ начитавшись сначала *Чети-Миней* и *Патериковъ* объ умерщвленіи плоти угодниками, а потомъ мистическихъ книгъ незаметно для самихъ себя вошли „въ тайну сокровенную“. Старшій остался холостымъ, а меньшой женился на одной бѣдной барышнѣ участницѣ „духовнаго союза“ Татариновой. Звали ее Варварой Петровной, у нихъ была дочь, но ходили слухи что она не родная имъ, а приемышъ либо подкидышъ.

Ссылка отца научила сыновей быть скрытнѣй и осторожнѣе. Не прекратились у нихъ собранія, но стали они не такъ многолюдны. Не было на нихъ больше ни грязныхъ юродивыхъ, ни шатуновъ богомольцевъ, ни странниковъ, монахи съ монахинями бывали, но рѣдко. Притаились Луховицкіе, — какъ-то прѣвѣдали они что и за ними тоже слѣдять. Тогда Марья Ивановна изъ Луховицъ перѣехала въ свое Талызино и тамъ выстроила въ лѣсу домъ будто для житья лѣсовика, а въ самомъ дѣлѣ для хлыстовскихъ сборищъ. Въ тѣхъ мѣстахъ хлыстовщина межъ крестьянами велась изстари и Марья Ивановна нашла много желающихъ быть участниками въ „тайнѣ сокровенной“. Но черезъ нѣсколько лѣтъ она узнавъ что объ ея лѣсныхъ сборищахъ дошли вѣсти до Петербурга, рѣшилась она перѣхать на житье въ другую губернію. Кто-то сказалъ ей что продается пустошь Фатьянка гдѣ въ старыя годы бывали хлыстовскія сходбища съ самимъ Иваномъ Тимофеевичемъ христомъ людей Божіихъ, она тѣчасъ же купила ее и построила усадьбу на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ по преданьямъ бывали собранья „Божьихъ людей“.*

---

* *Божьими людьми* называютъ сами себя хлысты. Иванъ Тимофеевичъ Сусловъ, христосъ людей Божіихъ, жилъ въ концѣ XVII и

Ряды были сестриниу пріѣзду Луховицкіе, давно они съ лею не видались, обо многомъ нужно было поговорить, обо многомъ посоветоваться. Письмамъ своихъ тайнъ они не доверяли, бѣды опасаясь. Потому раза по два въ году ѣзжали другъ къ другу для переговоровъ. Луховицкіе сначала удивились было что Марья Ивановна, такая умная и осторожная привезла съ собой незнакомую дѣвушку, но когда узнали что она желаетъ быть „на пути“, осыпали Дулю самыми нѣжными ласками. Съ хорошенькой, но какъ смерть блѣдной племянницей Марьи Ивановны Варенькой Дуля Смолокурова сблизилась съ первого же дня знакомства. Молодая дѣвушка съ небольшимъ двадцати лѣтъ съ умными и немножко насмѣшливыми глазами приваля Дулю съ такой радостью, съ такой лаской и пріятельностью что казалось будто она встрѣчаетъ самую близкую и всей душой любимую родственницу послѣ долгой разлуки.

Обстановка у Луховицкихъ поразила Дулю сидѣвшую до тѣхъ поръ въ четырехъ стѣнахъ отцовскаго дома и ничего подобнаго не видавшую. Налюбоваться она не могла на убранство комнатъ, сохранившихъ еще остатки бывшей роскоши. Огромныя комнаты, особенно большая зала съ блѣно-мраморными стѣнами и колоннами, съ дорогими хоть и заколѣтыми люстрами, со стульями и диванчиками обитыми хоть и полинявшею, но шелковой тканью, другія комнаты обитые гобеленами, китайскія вазы, лаковые вещи, множество стараго саксонскаго и севрскаго фарфора, вся эта поблѣднѣвшая, износившаяся роскошь когда-то изящно и свѣжо разубраннаго вельможескаго дома на каждомъ шагу вызывала громкое удивленіе Дули. Варенька снисходительно ей улыбалась, какъ улыбается взрослый человѣкъ глядя на любопытнаго ребенка. На восторженные похвалы Дули она холодно, даже презрительно сказала:

— Суета! Язычество!... Дивляюсь какъ до сихъ поръ не выкинуть всего этого въ помойную яму.

— Какъ это можно! воскликнула Дуля. Такія прекрасныя, красивыя вещи.

въ началѣ XVIII столѣтія въ нынѣшнихъ Владимірской, Нижегородской, Костромской и Ярославской губерніяхъ а также въ Москвѣ гдѣ и умеръ.

— Суета и пустота! молвила Варенька. Это вѣдь все отъ врага, на усладу язычникамъ.

— Какимъ язычникамъ? Кажется ихъ теперь вѣтъ больше, съ удивленьемъ сказала Дуля.

— Земля полна язычниками; избранное стадо не велико, отвѣчала Варенька.

— Ктожь язычники? спросила Дуля.

— Всѣ, отвѣтила Варенька. — Всѣ кого до сихъ поръ вы ни знали, кромѣ развѣ одной тетеньки, сказала Варенька и не давъ Дулѣ слова вымолвить, спросила у нея:—Сколько вамъ лѣтъ?

— Девятнадцать, отвѣтила Дуля.

— Пора отложить суету, время вступить вамъ на „путь“. Я сама въ ваши годы пошла путемъ праведныхъ, понизивъ голосъ сказала Варенька. — Однако пойдѣмте я вамъ садъ покажу.... Посмотрите какой у насъ хорошенькій садикъ — цвѣтовъ множество, дядя очень любитъ цвѣты, онъ цѣлый день въ саду, и мама тоже любитъ... Какія у насъ теплицы, какія растенія — пойдѣмте я вамъ все покажу.

И дѣвушки взявшись подъ руку вышли на обильно уставленную цвѣтами мраморную террасу, а потомъ медленными шагами спустились въ садъ по широкимъ ея ступенямъ.

Межъ тѣмъ Марья Ивановна сидѣла въ комнатѣ старшаго брата съ меньшимъ братомъ и съ женою его.

— Ну какъ Машенька устроилась ты въ Фатьянкѣ? спросилъ Николай Александрычъ.

— Слава Богу, совсѣмъ почти обстроилась, остается внутри кой-что обдѣлать да мебель изъ Талмызина перевезти, отвѣчала Марья Ивановна. — Къ осени Богъ дастъ все кончу, тогда все пойдѣтъ своей колеей.

— Чтѣ жъ? Въ самомъ дѣлѣ тамъ былъ корабль батюшки Ивана Тимоѣевича? * спросила Варвара Петровна.

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчала Марья Ивановна. — И по преданіямъ такъ выходитъ и по всѣмъ примѣтамъ. Тутъ и Святой ключъ и надгробный камень преподобнаго Фотима, замѣтны ямы гдѣ домъ стоялъ, замѣтны и огородамы гряды.

— Хорошо что въ твои руки досталось святое мѣсто,

---

* „Кораблемъ“ называется общество хлыстовъ.

сказала Варвара Петровна. — Лѣтомъ на будущій годъ непремѣнно побываю у тебя. Теперь у тебя мичего еще не приспособлено?

— Ничего еще, отвѣчала Марья Ивановна. Сіонскую горницу * сдѣлали, не очень велика, а человекъ на двадцать будетъ. Мѣсто въ Фатьянкѣ очень хорошее—уютно, укромно, отъ селенья не близко, помѣщиковъ сосѣдей нѣтъ, заборы полторы сажени вышиной. Шесть избъ возлѣ дома я поставила, двадцать лѣтъ душъ изъ Талызина перевела. Всѣ „маши“.

— А по близости-то есть ли Божьи-то люди? спросилъ Андрей Александрычъ.

— Не знаю еще, отвѣчала Марья Ивановна, не доходило пока до меня. Да я впрочемъ и разыскивать не стану. Не такое время теперь. Долго ль до бѣды?

— Ну а эта дѣвушка чтò пріѣхала съ тобой? въ самомъ дѣлѣ близка къ пути? спросилъ Николай Александрычъ.

— Совсѣмъ готова, сказала Марья Ивановна. — Больше воемми мѣсяцовъ надъ Штиллингомъ, Гіонъ и Экартсгаузеномъ сидѣла. И стала такая восторженная, такая мечтательная, созерцательная и нервная. Изъ нея выйдетъ избранный сосудъ.

— Ну это еще не угадано, молвилъ меньшой Луховицкій. Бывали и восторженные, бывали и мечтательные, а послѣ назадъ въ язычество возвращались замужъ даже выходили.

— Эта замужъ не пойдетъ, сказала Марья Ивановна. Любовь житейская противна ей, въ этомъ я успѣла настроить ее. И другая тому причина есть—я и ею воспользовалась, хоть и ни разу не намекнула Душѣ объ сердечныхъ ея ранахъ. Повралася ей какой-то кулчикъ, познакомила я съ нею тотчасъ послѣ разрыва, поговорила я съ ней, посоветовала читать мистическія книги, а теперь, проживши у нихъ больше двухъ недѣль, кажется совсѣмъ укрѣпила ее. Многое поразказала я ей и теперь она горитъ желаньемъ услышать „живое слово“. Въ первое же собраніе можно будетъ ее допустить, разумѣется пока, безъ „приводу“. ** Я увѣрена что она озарится. Когда будетъ у васъ собраніе-то?

* Сіонскою горницею у хлыстовъ называется комната гдѣ происходить ихъ собранія.

** Приводъ—обрядъ поступления въ секту.

— Хотѣлось бы въ субботу на воскресенье, сказалъ Николай Александричъ.— Не знаю, сберутся ли. *

— А по многу ли теперь собирается къ вамъ, братецъ? спросила Марья Ивановна.

— Умалился корабль, очень умалился, скорбно промолвилъ Николай Александричъ.— Которыхъ на землѣ не стало, которые по дальнимъ мѣстамъ разошлись. Рѣдко когда больше двадцати Божьихъ людей наберется... Насъ четверо, изъ двораи пять человѣкъ, у Варварушки въ богадѣльнѣ семеро. Ну еще человѣка два, три со стороны. Не прежнее время, сестрица. Теперь, слышно опять распыхались злобой на Божьихъ людей язычники, опять иудеи и фарисеи ** воздвигаютъ бурю на корабли христовы. Надо имѣть мудрость змиину и какъ можно быть осторожнѣе.

И съ покорнымъ видомъ, съ умильнымъ взоромъ на Спасителя съ апостолами во время бури на Галилейскомъ морѣ, знаменитой кисти извѣстнаго художника Боровиковскаго, залѣлъ Николай Александричъ въ полголоса заунывную лѣсню. Другіе прилѣпали ему въ полголоса, а у него щеки такъ и орошались слезами.

Корабликъ заливаетъ морскими волнами,
Сверху грозятъ тучи, стоячи надъ нами,
Заставляютъ бѣдныхъ страдать подъ водами.
Скудны мы, бѣдны—нищета вся съ нами,
Скудость и бѣдность всегда жили съ нами
Какъ въ прежнихъ вѣкахъ такъ и нынѣ тоже.
Охъ, много зачинающихъ, да мало скончающихся!
Припадемъ колѣнами на сыру мать землю,
Пролиемъ мы слезы какъ быстрыя рѣки,
Воздохнемъ въ печали къ Создателю свѣта:
„Боже ты нашъ Боже, Боже отецъ нашихъ,
„Услыши Ты Боже сію Ти молитву,
„Сію Ти молитву, какъ блуднаго сына,
„Прекажи Ты ухо къ сердечному стогу,
„Прими Ты къ престолу текуція слезы,
„Пожалѣй Создатель бѣдное созданье,
„Предѣли насъ Боже къ избранному стаду,
„Залужи Родитель въ животную книгу,
„Огради насъ бѣдныхъ своею оградой,
„Приди въ наши души съ небесной отрадой,

* Религіозная пляска хамствова.

** Иудеями и фарисеями хамсты называютъ православныя власти, преимущественно духовныя.

„Всѣхъ поставь насъ Боже,
 „Здѣсь на крѣпкомъ камнѣ,
 „Чтобъ мы были крѣпки во время печали,
 „Мы всегда желаемъ быть въ избранномъ стадѣ,
 „Ты нашъ, Господи, учитель, ты нашъ полечитель,
 „Просимъ милости богатой у тебя Владыки
 „И всегда ходить желаемъ подъ твоимъ покровомъ,
 „Ты насъ, батюшка, питаешь и всѣмъ отдаешь,
 „Въ нашихъ скорбяхъ и печалахъ Самъ насъ подкрѣпляешь
 „Тебѣ слава и держава въ пречистыхъ руки. *

Всѣ сидѣли съ благоговѣніемъ и всѣ плакали. Не вдругъ успокоились, долго сидѣли послѣ того молча, вздыхая и отирая слезы. Наконецъ Марья Ивановна спросила у Николая Александрыча.

— А въ словѣ кто теперь ходитъ? **

— Да все тѣ же. Племяненька наша, Варенька, стала въ словѣ сильна и съ каждымъ разомъ сильнѣй становится, сказалъ Николай Александрычъ. — Златой сосудъ! — По времени, благодать великая будетъ въ ней.

— Слава въ вышнихъ Богу! благоговѣнно поднявши глаза, проговорила Марья Ивановна. — На Дуяю тоже я много разчитываю. Помните какъ я въ прошломъ году подъ осень гостила у васъ, про нее тогда я вамъ сказывала что какъ скоро я заговорила съ ней едва едва открывая „тайну“ на нее Духъ накатила. *** — Вся задрожала, затрепетала какъ голубь, глаза загорѣлись и она безъ чувствъ утала ко мнѣ на руки. Великимъ знаменіемъ я тогда же это сочла. А теперь, какъ гостила я у нихъ, каждый почти день она бывала въ восторгѣ, такъ и трясетъ ее всю: судороги, истерика, лѣна у рта. Я ни словомъ ей не заикнулась что бываетъ на радѣвяхъ, а ее все-таки поднимало.

* Эта лѣсна не безъ основанія приписывается одному изъ участниковъ Татариковскаго корабля, отправленному лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ Саратовскую пустынь, а потомъ едва ли не въ Соловки. Первоначальная же редакція принадлежала Александру Иванычу Шилову, изъ Орловской губерніи, сначала хлысту, а потомъ скопческому Іоанну Предтечѣ, умершему въ самыхъ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія въ Шлиссельбургѣ.

** *Ходитъ въ словѣ* — пророчествовать во время изступленія, находящаго на иныхъ хлыстовъ во время радѣнія и послѣ него.

*** *Духъ накатила*, то-есть сошелъ духъ (по понятіямъ хлыстовъ Святой Духъ).

— Дай намъ Господи такую подвижницу, подай истинный свѣтъ новую силу въ ея словѣ, сложивъ руки набожно сказалъ Николай Александрычъ. — Ежели такъ, можно ее будетъ допустить на собраніе, и если готова будетъ принять „благодать“, тогда можно и „приводъ“ сдѣлать.... Только вѣдь она у отца въ дому живетъ. Помнится мнѣ, говорила ты Машенька что, онъ раскольникъ, и совсѣмъ плотской азычникъ, духовнаго ни капельки.

— Это такъ, подтвердила Марья Ивановна. Какъ есть плотской—деньги только на умѣ.

— Какъ же Авдотьюшка-то познавъ тайну станетъ въ Гоморѣ жить? сказалъ Николай Александрычъ. — Тяжело вѣдь будетъ ей межъ азычниками... Некому будетъ ни утѣшить ее, ни поддержать въ ней святаго пламени. Устоитъ ли она тогда на „правомъ пути“, сохранить ли „тайну сокровенную“? Объ этомъ надо хорошенько обсудить, Машенька. То помни что ангелы небесные ликуютъ и радуются когда азычская душа вступаетъ въ ограду спасенія, но что всѣ силы небесныя въ тоскѣ и печали мечутся по небу ежели „приведенная“ душа возвратится вспять и снова вступить на гибельный путь фарисейскій.

— Со мной будетъ часто видаться, я буду ее поддерживать. Отецъ обѣщалъ отпустить ее ко мнѣ въ Фатьянку. При мнѣ не пойдетъ она во врата адскія, не возвратится въ азычество, твердо и рѣшительно сказала Марья Ивановна. На „приводъ“ я пожалуй буду ее поручницей и все время, пока обитаю въ этомъ грѣховномъ тѣлѣ, стану поддерживать ее на „правомъ пути.“

— А дашь ли за нее страшное священное зарученье? строго спросилъ у сестры Николай Александрычъ.

— Дамъ, отвѣтила Марья Ивановна. — Дамъ, потому что ручаюсь за нее какъ за самое себя.

— Но вѣдь ты знаешь, Машенька, что бываетъ съ заручниками если приведенные ими отвергнутся „пути“? спросилъ Николай Александрычъ.

— Знаю, слегка кивнувъ головою, отвѣтила Марья Ивановна.

— Отлученіе отъ части праведныхъ, отлученіе отъ небесныхъ силъ, отторженіе отъ свѣтѣйшаго сонма поющихъ хвалебныя пѣсни предъ Агнцемъ, вѣчное страданье души въ грѣховномъ тѣлѣ, изведеніе въ геенну на нескончаемую

власть врага, * торжественно говорилъ Николай Александричъ.—Вспомни, сестрица, вспомни моя душевная.

— Не давала бѣ я, Николаюшка, великаго и страшнаго зарученія, не ставила бѣ за чужую душу въ залогъ душу свою, ежели бы не знала я Дунюшки, въ совершенномъ испугѣ дикимъ, дрожащимъ голосомъ, сказала брату Марья Ивановна.

И крѣпко стиснувъ руками грудь, со слезами на глазахъ, задыхаясь отъ непрерывныхъ вздоховъ и сильныхъ судорожныхъ движеній тѣла стала она „выплѣвывать“: ** —

Высоко будетъ ходить во „святѣмъ во кругу“. *** Высока ея доля небесная, вѣсѣмъ праведнымъ она будетъ любезная. Великіи будутъ труды, да и правильны суды....

Всѣ встали. На Марью Ивановну „накатило“. Она въ восторгѣ была, въ испугѣ, слово ея было „живое слово, святое, вдохновенное пророческое“. Дрожа вѣсѣмъ тѣломъ и сжимая изо всей силы грудь, дикимъ, но какимъ-то торжественнымъ голосомъ заплѣла она:

Изведетъ изъ темницъ
Сонмы чистыхъ дѣвицъ,
Привлечетъ въ Божій чинъ
Сонмы грѣшныхъ мужицъ.
Самъ Спаситель ей радъ,
Возведетъ въ вышній градъ,

* Хлысты никогда не употребляютъ словъ: „дьяволъ“, „Сатана“, „чортъ“ и тому подобныхъ, дабы не осквернить проклятымъ именемъ своего языка. Одно у нихъ имя ему—„врагъ“, иногда „врагъ Божій“, рѣдко „врагъ человѣческій“. Нѣкоторые учителя ихъ о дьяволѣ такъ говорятъ: „какой онъ врагъ человѣкамъ?—онъ другъ имъ и покровитель, какъ любимымъ своимъ созданнымъ. Онъ врагъ только намъ, пришедшимъ изъ вѣчнаго міра и познавшимъ правый путь и сокровенную тайну.“ Хлысты вполнѣ увѣрены что смертное тѣло человѣка сотворилъ Сатанаина по образу и подобию своему, потому онъ и владѣетъ тѣломъ, а Богъ въ это тѣло вдунулъ дыханіе жизни, то-есть душу, по своему образу и подобию, отъ того душа и бессмертна. Только познавшіе правый путь и сокровенную тайну, по мнѣнію ихъ, войдутъ въ селенія праведныхъ, остальные вѣчно будутъ мучиться заключенные въ тѣла и находясь въ полной власти отца своего Сатанаила.

** „Выплѣвывать“ — въ безмятежствѣ говорить съ приемами, импровизовать.

*** „Святѣмъ кругомъ“ у хлыстовъ называется мѣсто въ родѣ хоровода исполняющихъ религіозныя пляски.

Осѣнить Святой Духъ
 Ея огненный духъ,
 И на радость она
 Будеть Богу вѣрна.
 Поручусь за нее,
 И молюсь на нее,
 То—невеста Христа
 Сниметъ насъ со креста,
 Силу вышнюю дастъ,
 Благодать преподастъ.

Съ повикшими головами и сокрушеннымъ сердцемъ слушали Луховицкіе свою сестрицу, затрубившую въ трубу сладкогласную, возглашавшую златыя вѣщанія, чудоносныя, цѣльбоносныя. *

Въ изнеможеньи совсѣмъ безъ чувствъ упала Марья Ивановна на диванъ и прилегла на немъ. Глаза у ней закрылись, всю ее то и дѣло дергало и корчило въ судорогахъ. Покрытое обильнымъ потомъ лицо ея горѣло, бѣлая пѣна клубилась на раскрытыхъ и трепетавшихъ губахъ. Нѣсколько минутъ продолжался такой припадокъ, и въ это время никто изъ Луховицкихъ нисколько не потревожился, корчи и судороги считали они за дѣйствіе Святаго Духа, внезапно сошедшаго на пророчицу. Съ благоговѣньемъ смотрѣли они на страдавшую Марью Ивановну.

Мало-по-малу она успокоилась, корчи и судороги прекратились, она открыла глаза, отерла латкомъ лицо и сѣла на диванъ, но не говорила ни слова. Подошла къ ней Варвара Петровна, со стаканомъ воды въ рукѣ. Большими глотками, съ жадностью выпила воду Марья Ивановна и чуть слышно промолвила:

— Еще.

Другой стаканъ подала Варвара Петровна, Марья Ивановна и его выпила, волненіе стало въ ней прекращаться, только грудь поднималась тяжело и порывисто.

„Живымъ словомъ“ Марьи Ивановны участь Дуни была рѣшена. Луховицкіе съ радостью согласились открыть ей всю „сокровенную тайну“. Въ словѣ Марьи Ивановны и въ постигшемъ ее послѣ того припадкѣ видѣли они явную волю Божію.

---

* „Трубой сладкогласною“ и „златыми вѣщаніями, чудоносными, цѣльбоносными“ хамсты называютъ слова своихъ пророковъ сказанныя во время изступленія.

— Я пойду... раздѣнусь... въ постель лягу... слабымъ, со-
всѣмъ упавшимъ голосомъ проговорила Марья Ивановна,
приподнимаясь съ дивана. Варвара Петровна подхватила ее
подъ руку и тихонько съ осторожностью повела едва пере-
двигавшую ноги пророчицу.

LXXIII.

Въ родительскомъ домѣ всѣ дни съ утра до ночи Дуня
проводила съ Марьей Ивановной, въ Луховицахъ стала она
неразлучна съ Варенькой. Погода на ту пору стояла тихая,
теплая, и обѣ дѣвушки изъ сада почти не выходили, онѣ
бывали въ домѣ только за обѣдомъ и за чаемъ. Постель
Дуни была поставлена въ Варенькиной спальнѣ. Это было
сдѣлано по желанію Марьи Ивановны. И во время про-
гулокъ и лежа на постеляхъ по ночамъ, Дуня съ Ва-
ренькой водила такіе же разговоры какъ прежде быва-
ло съ Марьей Ивановной. Разказы молодой дѣвушки о
таинственной вѣрѣ нравились Дуни гораздо больше чѣмъ
разказы Марьи Ивановны. Они были для нея и проще и
попятѣе. Иногда приходили къ нимъ въ садъ и Варвара
Петровна, и Марья Ивановна, но всегда на самое короткое
время. Въ совѣтъ Луховицкихъ Дуня была отдана для вра-
зумленій Варенькѣ потому что эта ближе подходила къ
ней возрастомъ и отъ того могла имѣть на нее больше влі-
янія чѣмъ другой кто-нибудь. Такъ оно и вышло.

Однажды Варенька съ Дуней, крѣпко обнявшись, сидѣли
на уютномъ диванчикѣ въ обширной теплицѣ уставленной
огнями пальмами. Другихъ растений въ той теплицѣ не бы-
ло. Говорили дѣвушки о „союзѣ“ къ которому такъ неудер-
жимо влеклась мечтательная Дуня.

— Варенька, я тебѣ еще кажется не сказывала что Марья
Ивановна общалась мнѣ здѣсь, въ Луховицахъ, показать
такихъ праведныхъ что говорятъ „живое слово“, сказала
Дуня. Теперь каждый день ее спрашиваю когда жь это бу-
детъ, а у нея только и отвѣтовъ: „погоди, да погоди“.

— А тебѣ очень хочется видѣть ихъ? съ улыбкой спра-
сила Варенька.

— Господи! Да я бы жизнь тотчасъ же бы отдала только
бы взглянуть на нихъ, только бы одно „живое слово“ услы-
шать, съ живымъ нетерпѣньемъ отвѣчала Дуня.

— Развѣ ты никогда ихъ не видала? улыбаясь спросила Варенька.

— Гдѣ жъ мнѣ ихъ видѣть? грустно промолвила Дуля... Не такая жизнь на долю мнѣ выпала. Развѣ не знаешь что я выросла въ скиту, а потомъ жила у тятеньки въ четырехъ стѣнахъ. До знакомства съ Марьей Ивановной о духовности и понятія у меня не было. Она только открыла глаза мнѣ.

— А ты тогда и не догадывалась что она сама „просвѣтлена“, что въ ней самой живетъ Духъ Божій, что она сама вѣщаетъ „глаголы живота“? спросила Варенька.

— Какъ? Не ужли? въ изумлѣньи вскрикнула Дуля и порывисто вскочила съ диванчика.

— Да, „просвѣтлена“, сказала Варенька. Она таинственно давно ужъ умерла и давно таинственно воскресла. Нѣтъ въ ней больше грѣховнаго человѣка, нѣтъ въ ней ветхаго Адама. Теперь къ ней недоступны ни грѣхъ ни страсти свойственныя простому человѣку.

Припомнила Дуля слова Марьи Ивановны о тѣхъ людяхъ что послѣ таинственной смерти таинственно воскресаютъ. Всѣ ея слова были твердо ей памяты, въ сердцѣ носила она ихъ.

— Такъ въ ней самъ Богъ?... Такъ отъ нея отъ самой можно услышать слово вѣчной жизни? вскрикнула Дуля задрожавшимъ отъ волненія голосомъ.

— Да, она, „труба живогласная“ молвила Варенька. Она святая пророчица, ея устами Духъ вѣщаетъ волю свою.

— А я и не знала... И въ голову не приходило... тихо опускаясь на диванчикъ едва слышно промолвила Дуля.

— Чужому этого нельзя знать, сказала Варенька.

— Зачѣмъ же она не сказала мнѣ?... Зачѣмъ говорила что увижу такихъ людей только здѣсь въ Духовицахъ?... тоскаиво говорила Дуля не слушая Вареньки.

— Услышишь... И ее услышишь и другихъ услышишь, сказала Варенька. Въ пророческомъ словѣ не одна она ходитъ.

— Кто же еще? спросила Дуля.

— Дядюшка и другіе еще, отвѣтила Варенька.

— Какъ? Николай Александрычъ?

— Да. Силень въ немъ Духъ, гораздо сильнѣе чѣмъ въ тетѣ Машинькѣ. Онъ вѣдь кормщикъ корабля, всѣмъ

руководить. Въ немъ давно ужъ являть своей воли, она вся попалена небеснымъ огнемъ, совсемъ уничтожена. Въ немъ только одна святая воля Духа. Чтобъ онъ ни приказалъ чего бы не захотѣлъ все исполняй какъ Божье повелѣнье. Чтобъ ни сказалъ онъ во всякомъ его словѣ премудрость Божія.— Слѣдуетъ что живутъ языческой жизнью въ лѣтѣхъ Вавилонскомъ, тѣмъ что ваяются въ срамной тинѣ грѣховъ его слова конечно иной разъ покажутся безуміемъ. Но помни, Дуляшка, слово сказанное въ Писаніи: „безумное Божіе мудрѣ людей и немощное Божіе сильнѣ человѣковъ“ *. Всякій кормщикъ такой какъ дядюшка чтобъ ни сдѣлалъ все, все свято сдѣлалъ. Какъ бы поступокъ его ни показался сквернымъ или даже незаконнымъ все-таки онъ безмѣрно выше, правдивѣе и законнѣе самой высшей чистоты и праведности человѣческой. Не кормщикъ такъ поступаетъ, а живущій въ немъ, Духъ. Читала ли ты когда-нибудь преподобнаго отца Макарія Египетскаго?

— Какъ же не читать? читала отвѣчала Дуля.

— Вспомни что онъ говоритъ. „Душа которую Духъ, уготовляющій Себѣ въ престолъ и жилище, удостоитъ пріобщиться Его свѣта, осілетъ неизреченною красотой Его славы. Она сама вся становится свѣтомъ, въ ней не остается ни одной части, которая бы не была исполнена духовныхъ очей.“ А со многими очами, многочисленны кто?

— Херувимы, сказала Дуля.

— Ну, да, подтвердила Варенька. Такъ ты поминай кому подобны люди Божьи, особенно кормщики кораблей, одаренные Духомъ сугубой благодатью. Макарій Египетскій вотъ еще что говоритъ: „Не остается въ той просвѣщенной душѣ ничего темнаго, вся она дѣлается свѣтомъ и Духомъ. Такіе люди, соединенные съ Духомъ Божіемъ дѣлаются подобными самому Христу, сохраняя въ себѣ постоянно силамъ Духа и являя для всѣхъ духовные плоды, потому что когда они Духомъ содѣланы чистыми и непорочными—то невозможно, чтобъ въ себя приносили они плоды злые. Всегда и во всемъ являются у нихъ добрые плоды Духа.“ **

* I. Корин. I—25.

** Св. Макарія Египетскаго *Бесѣда* 1, п. 2. Слово о любви п. 7.

Долго ничего не могла сказать на это Дуля.

— Когда жъ и гдѣ Николай Александръичъ или Марья Ивановна говорятъ „живое слово“. Какъ бы послушать ихъ Варенька?... послѣ долгаго молчанья спросила Дуля.

— Когда соберется корабль, когда властью и величіемъ Духа, собраны будутъ люди Божьи во едино мѣсто въ Сіонскую горницу, отвѣтила Варенька. Будетъ воля Божія допустить и тебя посмотреть и послушать, хоть ты и язычница.. Кто знаетъ? Можетъ-быть даже слово будетъ къ тебѣ? Рѣдко, а иногда и это бываетъ.

— Ахъ, всѣмъ бы сердцемъ, всею бы душою хотѣла я войти въ тотъ корабль, съ глубокимъ вздохомъ сказала Дуля.

— Нельзя покаместъ Дулюшка. Вдругъ никакъ невозможно, отвѣчала ей Варенька. Можетъ-быть обраніе-то когда ты побываешь въ немъ еще соблазнить тебя? Можетъ-быть станешь ты избѣгать его, какъ грѣшного.

— Что ты, что ты Варенька! вскрикнула Дуля. Я и такъ кажется довольно ужъ знаю... Сколько книгъ я перечитала, сколько Марья Ивановна со мной говорила. Во все, во все я вѣрю и всею душой стремлюсь къ раскрытію „сокровенной тайны“.

— Не говори такъ Дулюшка, прервала ее Варенька, не говори съ такой увѣренностью. Сказала я тебѣ что Божіе безумное яремудрѣе человѣческой мудрости, но вѣдь обыкновенные люди, язычники въ проявленіяхъ Духа видятъ либо глупость, либо юродство, либо даже кощунство и богохульство, кликушами Божьихъ людей называютъ, икотниками да икотницами даже бѣсноватыми. * Когда явишься

---

* *Кликуши*, на сѣверо-востокъ *икотники*—люди одержимые особаго рода надучей болѣзью, въ припадкахъ которой терается сознаніе и больная (у мужчинъ эта болѣзнь бываетъ чрезвычайно рѣдко) въ корчахъ и судорогахъ безпрестанно плачетъ либо кричитъ звѣрыими голосами, изрыгая брань, ругательства и даже богохульство. Народъ приписываетъ эту болѣзнь напуску отъ злыхъ козлуновъ. Сами кликуши почти всегда выкрикиваютъ что такой-то испортилъ ихъ. Считаая эту нервную болѣзнь, истерику въ самой сильной степени, за притворство пробовали лечить бабъ розгами, инымъ это лекарство помогало, но въ большей части случаевъ сводило больныхъ въ могилу.

ты въ средѣ малаго стада, въ сонмѣ племени новаго Израиля и люди Божьи станутъ на твоихъ глазахъ молиться истинной молитвой, не подумаешь ли ты по язычески и не скажешь ли въ сердцахъ своихъ: „зачѣмъ же они хлопаютъ такъ неистово въ ладоши, зачѣмъ громко кричатъ страдальческими голосами“?... Когда услышишь вдохновенныя, однако непонятныя тебѣ рѣчи не скажешь ли: „безуміе это, сумасбродство“... Мало того—не скажешь ли ты самой себѣ: „это кощунство“. Такъ всегда говоритъ про Божьихъ людей слѣпой и глухой языческой міръ, такъ и ты скажешь, потому что ты язычница.

— За чѣмъ же, однако, на молитвѣ хлопать въ ладоши? съ удивленіемъ спросила Дуля. По моему это не хорошо. Такъ нигдѣ не водится.

— *Псалтырь* читывала? спросила Варенька.

— Какъ не читать? Училась же *Псалтырю*. Чуть не весь наизусть знаю, отвѣтила Дуля.

— Помнишь: „вослаещите руками, воскликните Богу...“ А дальше: „взыде Богъ въ восклицаніи“, сказала Варенька.

— Псаломъ сорокъ шестой, въ концѣ о смышѣхъ Кореовыхъ, промолвила Дуля и смолкла.

— Отъ того люди Божьи и плещутъ руками. Царь-пророкъ ихъ тому научилъ. И восклицаютъ они громкими радостными голосами хвалебныя лѣснѣи, сказала Варенька. То не забудь что самъ Богъ ходитъ при восклицаніяхъ и гласъ трубномъ т.-е. съ лѣнїемъ, съ музыкой. Тебѣ покажется это соблазнительнымъ потому что привыкла къ мертвому богочтенію. У васъ только поклоны да поклоны. Знать одну сливу гнуть — и будешь спасенъ.... Такъ вѣдь по вашему? А у Божьихъ людей не такъ, у нихъ все тѣло, все члены его поклономъ бьютъ. А когда увидишь какъ это дѣлается—соблазнишься...

— Что жъ это за поклоны всѣмъ тѣломъ? съ напряженнымъ вниманіемъ спросила у Вареньки Дуля.

— Съ перваго взгляда они похожи на скачку, на пляску, на языческіе хороводы, отвѣтила Варенька. И если бы увидалъ язычникъ святое „радѣніе“ людей Божьихъ непременно бы назвалъ его неистовымъ скаканьемъ, богопротивною пляской. Но это „радѣніе“ къ Богу. Сказано: „вселюся въ нихъ и похожу“ — и вотъ когда вселится Онъ въ людей

Своихъ тогда и ходитъ въ нихъ. Божьи люди въ восторгѣ тогда пребываютъ, все, все забываютъ, землю покидаютъ, въ небесахъ пребываютъ.

— Какъ же это можно плясать на мелутѣхъ? сказала совсемъ изумленная Дуля. Вѣдь это грѣхъ... Подумать такъ страшно...

— Службу на Пасху знаешь? спросила Варенька.

— Вою наизусть, отвѣтила Дуля.

— „Богоотецъ убо Давидъ предъ сѣннымъ ковчегомъ окламе играя...“ помнишь? спросила Варенька.

— Помню, тихо въ раздумьѣ отвѣтила Дуля.

— А въ Писаніи читала какъ царь Давидъ плясалъ предъ Господомъ? спросила Варенька.

— Что-то не помню, отвѣтила Дуля.

— Шелъ онъ въ Іерусалимъ съ кивотомъ Божиимъ, скакалъ предъ нимъ и игралъ. Мельхола, Саулова дочь, какъ язычница надъ нимъ насмѣхалась, а онъ сказалъ ей: „буду играть и плясать предъ Господомъ“ *. Теперь онъ въ райскихъ вѣтвицахъ препрославленъ, а она въ адскихъ мукахъ томится, во власти врага Божія.

Не отвѣчала Дуля. Совершенно была поражена она словами Вареньки. Та продолжала:

— Увидишь людей Божьихъ и мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ въ одѣхъ бѣлыхъ рубашкахъ съ пальмами въ рукахъ— и тоже соблазнишься?... А между тѣмъ тутъ тайна.— Почему святыхъ, праведныхъ зовутъ „людьми Божьими“? Потому что они запечатлѣны печатью Бога живаго.

— Объ этомъ я въ книгѣ госпожи Гіонъ читала, молвила Дуля. **

— Ну да, подтвердила Варенька, и въ *Апокалипсисѣ* тоже есть. Тамъ сказано: „вотъ множество людей ото всѣхъ племенъ стоятъ предъ престоломъ и предъ Агнцемъ въ бѣлыхъ одеждахъ съ пальмовыми вѣтками въ рукахъ и восклицаютъ громкимъ голосомъ...“ *** Потому люди Божьи и „радіють“ Господу въ бѣлыхъ одеждахъ съ пальмами въ рукахъ... Конечно не вездѣ можно достать пальмъ—у насъ вотъ ихъ

* Госпожи Гіонъ *Изъясненіе на Апокалипсисѣ*. Москва 1821.

** II *Царствъ*, гл. 6.

*** *Апокалипсисъ*, гл. 7.

нарочно цѣлая теплица для этого заведена, а по другимъ мѣстамъ вмѣсто ладанъ держать вербы въ рукахъ, либо зеленыя вѣтви съ какого-нибудь дерева, не то бѣлые платки либо жгутики... Вотъ отъ чего люди Божьи молятся въ однихъ бѣлыхъ рубашкахъ... А тебѣ пожалуй и это за соблазнъ покажется.

Не отвѣчала на эти слова Дуня, погрузившись въ сильное раздумье.

— А когда услышишь что восклицаютъ въ то время Божьи люди? Какія слова говорятъ и поютъ они—соблазнишься, непременно соблазнишься, продолжала Варенька.

— Что жъ такое они восклицаютъ? пытливымъ взоромъ глядя на Вареньку спросила Дуня.

— Они поютъ, сказала Варенька.—Поютъ „пѣснь нову“ и кромѣ ихъ никто не можетъ научиться ее пѣть, прибавила она посапывая короткаго молчанья. Пѣвцы тѣ искуплены, они первенцы Богу и Агаци... Въ ихъ устахъ нѣтъ лукавства... Они непорочны предъ Божьимъ престоломъ... На нихъ Божія печать.*

— То же читала въ книгѣ гослосжи Гіонъ, сказала Дуня. Я бы кажется услышавши такую пѣсню слушала бъ ее не наслаждалась.

— А все-таки она соблазнила бы тебя; отвѣтила Варенька, устремляя пристальный взоръ на Дуню. Не забывай мой милый другъ что ты еще пока язычница и что врагъ имѣетъ надъ тобой полную власть. Онъ-то и вложитъ въ твою душу нечистый помыслъ, онъ-то и скажетъ тебѣ что „новая пѣсня“—безуміе... Но помни всегда, всегда помни, моя милая, желанная, что „безумное Божіе премудрѣй человеческой мудрости“. Что если услышишь ты въ собраніи Божьихъ людей не тотъ напѣвъ, къ которому привыкла ты въ своихъ часовняхъ? Услышишь что новыя пѣсни поются на голосъ мірскихъ пѣсень—хороводныхъ напримѣръ, или такихъ что пьяные мужики поютъ на гуляньяхъ, либо крестьянскія дѣвки на посидѣлкахъ, иной разъ даже псалмовую услышишь?

— Зачѣмъ же такъ пѣть? въ сильномъ смущеніи спросила Дуня. Развѣ нельзя пѣть какъ слѣдуетъ?

— Можно бы, отвѣтила Варенька. Очень бы можно ежели

---

* Тамъ же.

бы новую лѣсню лѣли какъ у васъ бездушныя кимвамы бря-
дающіе. Но вѣдь на радѣньяхъ людей Божьихъ не сами они
поютъ, не своей волей и не своимъ хотѣньемъ; Духъ жи-
вущій въ нихъ, и слова лѣсенъ и пѣнѣвъ имъ внушаетъ...
Опять-таки прежде скажу тебѣ, не знаю ужъ въ который
разъ, помни слова Писанія: „безумное Божіе премудрѣе че-
ловѣческой мудрости“... Да, во всемъ, во всемъ у людей
Божьихъ для языческаго грѣховнаго міра тайна великая.
Люди Божьи ежечасно славятъ Творца что, давъ имъ по-
знать Его тайны, прибавила Варенька. Утаилъ Онъ тайны
тѣ отъ премудрыхъ и разумныхъ, открылъ младенцамъ
Своимъ неразумнымъ!

— Какія жь это лѣсны? Ты знаешь какую-нибудь? спра-
сила Дуля.

— Знаю, но далѣко не всѣ, отвѣтила Варенька.—Пѣсенъ
этихъ много—каждое собранье новая бываетъ, и не одна, а
сколько Духъ Святой захочетъ столько и даетъ ихъ. Вѣдь
это не то что у язычниковъ по тысячи лѣтъ одно и то же
поютъ. Прислушались и смысла въ старыхъ лѣснахъ даже
не понимаютъ. А и тѣ лѣсны святы, потому что въ свое
время были внушены Духомъ же Святымъ. У Божьихъ
людей доселѣ лѣсны новыя поются по наитію Духа и кромѣ
ихъ никто не можетъ навывають лѣтъ эти лѣсны, какъ ска-
зано въ Писаніи... Но есть и старыя лѣсны такія что давно
лѣвались пророками и теперь по церквамъ по вашимъ скит-
скимъ часовнямъ поются. Ихъ тоже поютъ на собраньяхъ
люди познавшіе „тайну сокровенную“.

— Если можно, Богомъ прошу тебя Варенька, слей ка-
кую-нибудь новую лѣсню, просила Дуля крѣлко сжимая
Вареньку въ своихъ объятіяхъ.

Немного призадумалась Варенька, наконецъ сказала:

— Изволь, такъ и быть, слою одну, но смотри, наблю-
дай за собой — соблазна врагъ не постылся бы въ сердцѣ
твоёмъ.

— Нѣтъ, Варенька, нѣтъ. Не мнѣ, Самому Богу повѣрь
что я не соблажусь. Пой Варенька пой, со страстнымъ
увлеченьемъ говорила Дуля. А сама такъ и мѣлеть, такъ и
дрожитъ всѣмъ тѣломъ.

Помолчала Варенька, потомъ яснымъ чистымъ голосомъ
запѣла:

Бога человѣкамъ невозможно видѣти
На Него жь не снѣютъ чины ангельскіе взирати.

— Да это и у насъ поется, сказала Дуня.—Напѣвъ только не тотъ. У насъ этотъ тропарь поютъ на гласъ шестый.

Варенька не слыхала словъ Дуни? Громче и громче раздавалась ея пѣсня въ теплицѣ подъ стѣною длиннолистныхъ пальмъ.

Тобою Пречиста, Дѣва благодатна .
Къ намъ Господь явился въ плоти человѣка.
Люди не познали, что Богъ съ нами ходитъ,
Надъ нами надругаецъ—вины не смыкали,
Всѣ не знали въ любви что Тебѣ сказать,
Рученьки пречисты вѣдали связати,
На тебя плавали, вѣмцы накладали,
Отвели къ Пилату чтобы вѣдать распяти,
А ты милосердый, терпѣливый Агнецъ
Грѣхъ со всѣхъ снимаешь, къ Отцу воздыхаешь:
„Отпусти имъ Отче—творятъ что не видать“.
Благообразный Іосифъ упросилъ Пилата
Съ древа тѣло снять, погребеной обвити,
На тебя глядящи сталъ онъ слезы лить,
И во гробъ новъ положилъ покрывши,
Зарылъ тѣло въ землю, камень положивши.

— Это псалма, сказала Дуня. — Не эту самую, а другія такія же у насъ по скитамъ поютъ, не въ часовнѣ только, а въ келарнѣ, либо въ кельѣ у какой-нибудь матери гдѣ дѣвицы на постѣлки собираются.

Не отвѣчала Варенька. Она пришла уже въ восторгъ и не слушая Дуни продолжала пѣть:

Нынѣ нашъ Спаситель проситъ отпущенья,
Плачетъ и рыдаетъ, на страды взираетъ —
Сократи Святый Духъ царствовать на землю!...
Повелѣвъ Спаситель—намъ врагамъ прощати,
Пойдемъ же мы въ царствіе тѣсною дорогою
Царіе и князи, богаты и нищи
Всѣхъ ты, нашъ Родитель, зовешь къ своей нищѣ,
Придетъ пора время—всѣ къ Тебѣ слетимся,
На Тебя, нашъ Пастырь, тогда наглядимся,
Отъ пакостна тѣла бѣрютъ здѣсь насъ страсти,
Ты Господь всеспасный дай намъ не отгаси,
Дай Ты Царь небесный вѣру и надежду,

Одѣвъ наши души въ небесны одежам,
 Въ путь узкій, прискорбный идемъ—помогай намъ!
 Злые люда тати ищутъ насъ предати,
 Идутъ въ путь пространный—надъ нами хохочутъ,
 Пышность, асть и гордость удавить не хочутъ,
 Злого князя міра мы не устрашимся,
 Всегда другъ ко другу какъ итады састанемъ...
 Что же здѣсь намъ други на землѣ дѣлаютъ?
 У насъ одинъ пастырь, а мы Его овцы,
 Силемъ все намъ дати, силемъ и отнати,
 Мы его не видимъ, а гласъ его слышимъ:
 Заповѣди баюдите, въ любви всѣ ходите
 „Во Христово имя вездѣ собирайтесь,
 Хоть насъ и погоняетъ—мы не отирайтесь“
 У племени мы, други, стойте не окаяете,
 Надо утѣшати батюшку родного,
 Агнца дорогого, Сына всеблагаго,
 Авось нашъ Спаситель до насъ унизится
 Въ нашихъ сокрушенныхъ сердцахъ изволитъ авѣтсѣся,
 Съ нами вѣсть будетъ, покажетъ всѣ аести.
 Нашихъ смѣхъ не станетъ тайну всю познати,
 Надо крѣпкими быти и всегда молиться,
 Тогда и злодѣи всякъ отъ насъ удалятся. *

Пропѣвъ „новую пѣснь“ Варенька склонилась на диванчикъ и долго въ забытіи оставалась. Слезы орошали бѣдныя ланиты ея. Молчала Дуля, перебирая складки передника, погрузилась и она въ какое-то особенное состояніе духа не то забытѣе, не то дремоту... Когда наконецъ Варенька пришла въ себя, она спросила у нее:

— А въ этихъ собраніяхъ крестятся ли?

— Какъ же можно безъ креста? слабымъ голосомъ чуть слышно проговорила Варенька. А ты и тутъ пожалуй соблазнишься увидавши какъ крестятся Божьи люди, прибавила она.

— Не ужели щелотью? тревожно спросила Дуля.

— Нѣтъ. Крестятся больше двумя перстами, но не одной рукой, а сѣвими, отвѣчала Варенька.

— Какъ сѣвими руками? Да развѣ это можно? воскликнула Дуля.

— А что такое значить крестное знаменье на молитвѣ? Что такое значить самая молитва? спросила Варенька.

---

* Эта хмыстовская пѣсня тоже, тоже принадлежитъ одному изъ участниковъ общества Татариновой.

— Кто жъ не знаетъ этого? слегка улыбувшись молвила Дуя. Молиться—значить молитвы читать, у Бога милости просить.

— Молитва—возношеніе души къ Богу, прервала ее Варенька. Молитва—полетъ души отъ грѣшной земли къ праведному небу, отъ юдоли плача къ неприступному престолу Господню. Такъ али нѣтъ?

— Конечно, тихо отвѣтила Дуя.

— А крестное знаменье что значить въ этомъ полетѣ? спросила Варенька.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать? въ недоумѣніи отвѣтила Дуя. А какъ по твоему?

— Въ полетѣ къ небу, въ пареньи къ огнесвѣчному престолу Творца крестное знаменье—крылья означаетъ, сказала Варенька.

— Да, и я не помню гдѣ-то объ этомъ читала, сказала Дуя. Не въ тѣхъ книгахъ что Марья Ивановна совѣтовала читать, а въ отеческихъ... Въ *Цѣтникахъ* въ какомъ-то мнѣ, въ *Торжественникѣ* не припомню. Еще бывши въ скиту объ этомъ читала.

— Ну, хорошо, молвила Варенька. А гдѣ жъ ты видала чтобы птица однимъ крыломъ летала? Повинаешь теперь для чего Божьи люди крестятся обѣими руками?

Призадумалась Дуя. Послѣ короткаго молчанія спросила она.

— Когда жъ я увижу все это?

— Скоро, молвила Варенька. Твердо ли только рѣшилась ты вступить на путь праведныхъ?

— Цѣлый годъ объ этомъ только и думаю, отвѣтила съ увлеченьемъ Дуя. Сердцемъ жажду, душой алчу, умою горю, внутреннее чувство устремляетъ меня къ исканію истины, говорила она языкомъ знакомыхъ ей мистическихъ книгъ.

— А знаешь ли какъ тяжела и горька, какъ полна скорбей и лишеній жизнь человека Божія? сказала Варенька. Тѣсный путь, тернистый путь избираешь ты.... Совладѣешь ли съ собой, устоишь ли противъ козней врага?.. А вѣдь онъ ополчится на тебя всей силой только бы сбить съ пути праведныхъ, увлечь бы только въ подвластный ему міръ исполненнымъ грѣховъ и суеты....

— Не послушаю я наветовъ діавола... начала было Дуня, но Варенька порывистымъ движеніемъ крѣпко схватила ее за руку.

— Не лопнивай, не лопнивай его имени!... оторопѣлымъ отъ страха голосомъ закричала она. Одне ему имя—врагъ. Другаго имени нѣтъ. Станешь именами его уста свои сквернить и душу осквернишь—не видать тогда тебѣ праведныхъ, не самхатъ ни „новой лѣси“ ни „живаго слова“.

Смутилась Дуня, но оправившись сказала:

— Не знала я этого.

— То-то смотри, молвила Варенька. Не только не называй его, даже въ мысляхъ не держи его скверныхъ именъ. Не то станетъ онъ въ твою душу съять соблазнами. Возбудитъ въ тебѣ подозрѣніе и недоверіе... Будешь тогда на гѣки лишена ангельскихъ лобзаній.

— Это что за ангельскія лобзанья? съ живымъ любопытствомъ спросила Дуня.

— Взаимные поцѣлуи Божьихъ людей на собраніяхъ. Эти лобзанья—великая тайна, отвѣтила Варенька.

— Какъ? И съ мужчинами цѣловаться? съ ислугомъ вскрикнула Дуня.

— У Божьихъ людей какъ у ангеловъ—ни мужчинъ нѣтъ, ни женщинъ, сказала Варенька.

— Все-таки стыдно, зардѣвшись вся промолвила Дуня.

— Видишь ли? Врагъ-отъ не дремлетъ. — Едва сошло съ твоего языка прескверное имя его онъ ужъ тутъ, онъ ужъ тотчасъ къ тебѣ съ соблазномъ подѣхалъ, сказала Варенька. Люди Божьи, мой другъ милый, живутъ не по вашему, не по-язычески. Они въ Богѣ живутъ, въ нихъ вселена благодать мірскимъ людямъ недоступная. Нѣтъ у нихъ приличій, нѣтъ запрещеній, нѣтъ ни закона, ни власти, опрочъ Божьей воли. И грѣха нѣтъ у нихъ, потому что они умертвили его. Всѣ они братья и сестры одного святаго семейства, живутъ всѣ въ чистотѣ небесной, въ ангельской свободѣ. Въ поцѣлуяхъ ихъ нѣтъ ни стыда ни соблазна, ничего нѣтъ дурнаго. Ангельскія лобзанія — славословіе Бога. Великая тайна въ нихъ. Къ духовному супругу они ведутъ.

— Скажи мнѣ Варенька пожалуста что это такое „духовный супругъ“? съ живостью спросила Дуня. Слыхала я

объ немъ отъ Марьи Ивановны и въ книгахъ тоже поня-
далось, но никакъ не могу ясно понять что это такое....

— О! Шагу еще не ступивши по правому пути она ужъ
хочетъ проникнуть въ одну изъ самыхъ сокровеннѣйшихъ
тайнъ, сказала улыбаясь Варенька. Но такъ какъ ты хо-
рошо подготовлена, то можно передъ тобой немножко при-
поднять завѣсу этого таинства. Видишь ли—одинъ чело-
вѣкъ не совершенъ. Самъ Богъ сказалъ: „не добро быть
человѣку единому“ и создалъ Еву для Адама. Это было
еще до грѣха нашихъ праотцовъ. Первые супруги соз-
данные самимъ Богомъ были „духовные супруги“, на всю
вѣчность супруги. Грѣхъ внушенный имъ отъ врага все из-
мѣнилъ въ нихъ. Съ тѣхъ поръ супружество стало только
временнымъ на одну только земную жизнь. Со смертью
одного супруга обыкновенному, плотскому, азычскому
браку конецъ, онъ не можетъ продолжаться на вѣки вѣч-
ные. А между людьми умертвившими въ себѣ грѣхъ и вѣт-
хаго Адама заключается такое духовное супружество въ
какомъ праотцы жили въ раю. Духовное супружество без-
смертно, какъ душа человѣческая. Оно не разрывается при
освобожденіи души изъ созданной врагомъ темницы смертию.
Смертью какъ зовете вы азычники освобожденіе души отъ
вражескихъ узъ и плачете притомъ и рыдаете, А люди
Божьи смерти праведника радуются—потому что освободилъ
его Господь, вывелъ изъ смрадной темницы этого тѣла,
созданнаго врагомъ.... Поняла ли?

— Кажется понимаю немножко, думчиво отвѣтила Дуня.—
Но какъ же вступаютъ въ эти духовныя супружества?

— Разумѣется они не такъ совершаются какъ браки у
язычниковъ, отвѣтила Варенька. Нѣтъ ни предложеній, ни
сватовства и никакихъ обрядовъ. Выбора даже нѣтъ.—Самъ
Духъ укажетъ кому соединиться кому изъ двухъ составить
одно. Тутъ великая тайна!... Больше открыть не могу.

Весь день послѣ этого разговора Дуня была сама не своя.
Много думала она объ томъ что узнала отъ Вареньки, мы-
сли у нея роились, голова шла кругомъ. Почти до изступ-
ленья дошедшая восторженностью овладѣла ею.

Межъ тѣмъ Варенька разказала Луховицкимъ и Марьѣ
Ивановнѣ о разговорѣ своемъ съ Дуней. Увлеченную въ
сѣти дѣвушку на весь вечеръ оставили одну—лустъ ее ду-
маетъ и надумается.

— Кажется овечка на лажить готова, сказала Варвара Петровна. Когда приведемъ ее?

— До привода надобно ей прежде побывать на соборѣ, сказалъ Николай Александрычъ. Да и потомъ еще не все вдругъ обнаруживать.

— Кажется завтра и Лукерьюшка изъ Маркова придетъ въ богадѣльню, сказала Варвара Петровна.—Надо и ее уговорить. Мнѣ кажется много въ ней и силы и духа.

LXXIV.

У Варвары Петровны хозяйство было большое—скотный дворъ, тонкорунныя овцы, огромный птичникъ, обширные, прекрасно воздѣланные огороды, а за садомъ возлѣ рощи вѣсковыхъ густолиственныхъ липъ большая ласѣвка. Все было въ такомъ порядкѣ что изъ сосѣдей кто ни взглянетъ всякъ позавидуетъ. Полевое хозяйство въ Луховицахъ тоже на славу шло, хоть и велось стариннымъ трехпольнымъ порядкомъ и не было заведено никакихъ хитрыхъ заморскихъ машинъ. Оба брата рѣдко, рѣдко бывало когда выѣдутъ въ поле или на ригу, а межъ тѣмъ ни у кого такъ хорошо хлѣбъ не родится, хоть земля и не лучше была сосѣдской. На садовые плоды тоже не бывало неурожая, въ рѣкѣ и въ озерахъ рыбы налавливалось чуть ли не больше чѣмъ въ цѣломъ уѣздѣ, объ дѣловыхъ порубкахъ, потравахъ, прерывахъ мельничныхъ плотинъ слуховъ никогда не бывало. Народъ въ имѣніи Луховицкихъ былъ хоть не богатъ, но достаточенъ. Всѣ были богомольны, каждый праздникъ въ церкви бывало яблоку негдѣ упасть, воровства и лѣнства вовсе почти не было, убійствъ и дракъ никогда. И ни малѣйшей отъ господъ строгости. Всѣ мужики, жены и дочери ихъ барской грозы никогда не видавали, даже суроваго слова никогда отъ нихъ не слыхивали. Луховицкіе считали своихъ крѣпостныхъ за равныхъ себѣ по человечеству и говоря съ ними называли ихъ Иванушкой да Романушкой, Харламушкой да Егорушкой, а бабъ и дѣвокъ Маманьюшкой, Оленушкой, Катериனுшкой *.

---

* Хамсты своихъ, и тѣхъ изъ непосвященныхъ что по обществу положенію ниже ихъ всегда зовутъ ласкательными полуименами.

Завидовали Луховицкимъ сосѣди и придумать не могли отчего у нихъ все такъ спорится. Сами они лѣтомъ каждый день съ утра до ночи въ полѣ, за всякой бездѣлицей слѣдятъ зорко, каждое яблоко у нихъ на перечесть, а все ровно вѣтромъ метется — нейдетъ въ прокъ, да и полно. И народъ совсѣмъ иной у нихъ чѣмъ у Луховицкихъ — избаловался до нельзя, воровъ не оберешься, лянницъ не перечесть, лѣнь, нищета въ каждомъ домѣ. А кажется все держится такъ строго — всякая вина у нихъ виновата. „Тутъ не безъ колдовства, говаривали сосѣди про Луховицкихъ — отецъ фармазономъ былъ, за то на старости лѣтъ и въ монастырь попалъ грѣхи замазывать. А что фармазонство, что чернокушкіе одно. Пошло оно отъ колдуна Брюса и вотъ досель не переводится проклятсе. Сынки по стопамъ родителя пошли, яблочко недалеко вѣдь отъ яблонки падаетъ, такіе же фарماзоны. Съ бѣсомъ знаютъся. Чему жь тутъ дивиться что имъ удастся все? Самъ Сатана на послугахъ — такого работника не всякій найметъ... За то каково-то будетъ какъ на томъ свѣтѣ очутятся они въ далахъ у тенерешаихъ своихъ работниковъ! Другую лѣсню заложутъ тогда!“ То особенно досадно было сосѣдямъ что Луховицкіе при такомъ состояніи живутъ отшельниками — ни псарни, ни отъѣзжихъ полей, ни картежной игры, ни безумной гульбы, ни попоекъ. Два-три раза въ году зададутъ обѣдъ и basta, а сами ни къ кому ни ногой... Какъ ни досадовали однако сосѣдушки, какъ ни честили они Луховицкихъ, а обѣдовъ ихнихъ не пропускали. Хоть и противно было Луховицкимъ, все-таки сзывали они изрѣдка сосѣдей на кормежку — нельзя иначе, не покормишь какъ разъ бѣду накачаютъ.

Рано по утру осмотрѣвъ хозяйство, Варвара Петровна съ ласки въ богадѣльню пошла. Устроенная ею женская богадѣльня стояла въ самомъ отдаленномъ углу сада и была кругомъ обсажена густыми вишенъ. Только крыша видѣлась изъ-за кустовъ, а окна совсѣмъ были закрыты вишневыми деревьями, отъ того въ комнатахъ даже и въ лѣтніе дни постоянный былъ сумракъ. Одна комната была во всю длину дома, и въ ней какъ въ крестьянскихъ избахъ вдоль стѣнъ стояли скамьи. Въ переднемъ углу какъ водится кіотъ съ образами, рядомъ на стѣнѣ „Распятіе Плоти“*, „Со-

* „Распятіе Плоти“ — печатная мистическая картина, въ особенно-

шествіе благодати“ * и два портрета какихъ-то истощенныхъ блѣднѣющихъ людей. Комната эта называлась „столовою“, хоть въ ней ни посуды, ни другихъ домашнихъ вещей не видно было. Сзади столовой отъ одного конца дома до другаго былъ корридоръ, изъ него двери въ темныя кельи. Ихъ было семь и въ каждой жило по женщинѣ. Къ богатымъ примыкала пристройка, тамъ стрелуца была, еще три кельи и множество чулановъ.

Войдя въ столовую Варвара Петровна сѣла у стола и къ ней медленнымъ шагомъ одна за другою подошли семь женщинъ. Всѣ онѣ были одѣты въ черныя сарафаны, повязаны черными платками. На серегѣ, ни даже мѣдныхъ пуговицъ, обыкновенно пришиваемыхъ къ бабынымъ сарафанамъ ни у которой не было. Четыре женщины были пожилыя, три помоложе, одной по виду и двадцати лѣтъ еще нельзя было дать. У всѣхъ въ лицѣ ни кровинки, глаза тусклые, безжизненные, не видно было въ нихъ ни малѣйшаго оживленія. Ровно мертвецы пришли изъ могилъ на поклонъ къ Варварѣ Петровнѣ.

Одна за другой подходя къ ней онѣ цѣловались съ нею.

— Здравствуй сестрица, обращалась къ каждой изъ нихъ Варвара Петровна.

— Здравствуй Варварушка, каждая ей отвѣчала.

Затѣмъ всѣ ушли на скамьяхъ по ту и другую сторону отъ Варвары Петровны.

— Ну что Матренушка, какъ тебя гобударь Святой Духъ милуетъ? обратилась Варвара Петровна къ сидѣвшей вонѣ нея старушкѣ.

сти любимая хлыстами. Изображается распятый на крестѣ монахъ съ замкомъ на устахъ, съ открытымъ сердцемъ въ груди, въ рукахъ у него чаши съ пламенемъ, а по сторонамъ діаволъ и міръ, въ видѣ вооруженнаго челоуѣка съ турецкой чалмой на головѣ стрѣляющаго изъ лука въ монаха, отъ его рта лезта, на ней написано: „спиди со креста“. Въ Чернухидскомъ скитѣ на Керженцѣ (поповщискаго топка) было такое изображеніе писанное на доскѣ, оно стояло въ часовѣ въ видѣ мѣстной иконы.

* „Изліаніе благодати“ рисуется красками отъ руки, оно изображаетъ отрока въ бѣлой рубашкѣ съ поднятыми къ небу руками и очми. Въ небесахъ изображенъ окруженный ангелами Святой Духъ въ видѣ голубя, изливающій на отрока благодать въ видѣ сіянія и огненныхъ языковъ.

— Милуетъ, Варварушка, милуетъ. Въ немъ государь каждый день пребываю. Велика милость, голубушка, велика благодать! локыкнувъ головой отвѣчала старушка.

— Что твоя дочка духовная? спросила Варвара Петровна, съ ласковой улыбкой взглянувъ на сѣвшую одадь молоденькую дѣвушку.

— Приобываетъ, Варварушка, приобываетъ помаленьку дружина моя, отвѣчала Матренушка.—Нельзя вдругъ—благодать-то не съ разу дается.... А скоро можно будетъ ее и къ „приводу“, примолвила шепотомъ Матренушка наклонясь къ уху Варвары Петровны. Совсѣмъ на пути, хоть сейчасъ во „святой кругъ“ * родимая.

— Доброе дѣло, спасѣное дѣло, Матренушка, отвѣчала Варвара Петровна. Приведетъ Господь такъ дѣзъ этакъ черезъ десять разомъ двухъ приведемъ.

— Еще-то кого? спросила Матренушка.

— А ту дѣвицу что теперъ гостить у насъ, сказала Варвара Петровна.—Съ Волги она, купеческая дочь, молоденькая, двадцати годовъ еще не будетъ, а ужъ во многомъ искусилась, знаетъ даже кое-что и „про тайну сокровенную“.

— Не та ли что съ Марьюшкой прѣхала? спросила Матренушка.

— Та самая, отвѣтила Варвара Петровна.—Самъ Николаюшка долго къ ней приглядывался и говорить: великъ судъ будетъ.

— Хорѣшее дѣло, Варварушка, дѣло хорѣшее, сказала Матренушка. А родители-то ея? Тоже пойдутъ по правому пути?

— Не пойдутъ, отвѣчала Варвара Петровна. Матери у ней нѣтъ, отецъ только. Сама-то я его не знаю, а сестрица Марьюшка знаетъ довольно—прежде былъ онъ ихнимъ алымовскимъ крѣпостнымъ. Старовѣръ. Да это бы ничего—мало ль изъ старовѣровъ на праведномъ пути пребываетъ, человѣкъ-отъ не такой чтобы къ Божьимъ людямъ подходилъ. Ему Богъ—карманъ, вся вѣра въ живѣхъ. Стропотѣя къ тому же и люте. Страхомъ и бичомъ подвластными править. И ни къ кому опричь дочери любви у него нѣтъ.

Подъ эти слова растворилась дверь и въ „столовую“ вошла молодая крестьянская дѣвушка, босая и бѣдно одѣтая. Истао-

* Нѣчто въ родѣ хоровода пляшущихъ или вертащихся хамствова.

какая пошева изъ ватулы и синяя крашенная занавѣска* были у ней залатаны разноцвѣтными лоскутками. Въ одной рукѣ держала она лукошко грибовъ, въ другой деревянную чашку съ земляникой.

— Здравствуй Лукерьюшка, здравствуй родная, привѣтливо молвила ей Варвара Петровна. Какъ поживаетъ, красавица?

— Все также, тихимъ, робкимъ голосомъ сказала Лукерьюшка и подойдя къ Варварѣ Петровнѣ, подала ей грибы и ягоды, примолвивъ: Не побрезгайте.

— Спасибо родная, спасибо, ласково отвѣтила Варвара Петровна и поцѣловала Лукерьюшку. Поставь на скамейку, а ужь зайди ко мнѣ, я тебѣ за этотъ гостинецъ платочекъ подарю, а то вонъ у тебя какой дыравый на головѣ-то.

— Не жалуйте платка Варвара Петровна, съ горькой жалобной улыбкой сказала Лукерьюшка. Тетенька отниметъ, Паранькѣ отдастъ.

— Жаль мнѣ тебя сиротку бѣдную... Тяжело у дяди-то? спросила Варвара Петровна.

— Какъ же не тяжело? съ глубокимъ вздохомъ молвила Лукерьюшка. — Въ дому то вѣдь все на мнѣ одной лежитъ — тетенька только стряпаетъ. Дровъ ли принести, воды ль натаскать, огородъ ли вскопать, корму ли коровушкѣ замѣсить все я да я.

— Что жь нейдешь сюда подъ началъ къ Матренушкѣ? спросила Варвара Петровна. И сыта бы здѣсь была, и одѣта, и обута, и работы никакой на тебѣ не лежало бы.

— Этого никакъ мнѣ сдѣлать нельзя, сударыня Варвара Петровна. Какъ же можно изъ дядина дома уйти? пригорюнившись съ намернувшимися на глазахъ слезами сказала Лукерьюшка. Намедни по вашему приказанью попросилась было я у него въ богадѣльню то такъ онъ и слышать не хотѣлъ, ругается. Живи, говоритъ, у меня до поры до

---

* *Понеска* въ Рязанской, Тамбовской, Тульской, а отчасти и въ Курской губерніяхъ — юбка изъ трехъ разнополосныхъ полотнищъ. *Ватюла* или *ватоло* самая грубая деревенская ткань въ Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерніяхъ. Основа ватулы изъ самой толстой пражы, утокъ изъ скрученныхъ льняныхъ охапковъ. Идетъ больше на покрывку возовъ, на подстилку и на одѣлаа. То же самое что *рядмола* или *серетье* по другимъ мѣстамъ зовется. *Занавѣска* — передникъ съ лифомъ и рукавами. Иногда, особенно у бѣдныхъ, она покрываетъ только задъ и бока женщины.

времени, а ежели выпадетъ случай устрою тебя. Съ начала, говоритъ, потрудишься, поработай на меня, а тамъ дастъ Богъ такъ сдѣлаю что будешь своимъ домкомъ жить....

— Замужъ видно прочить тебя? спросила Варвара Петровна.

— Не знаю что у него на разумѣ-то, отвѣчала Лукерьюшка.

— А самой-то тебѣ охота развѣ замужъ-отъ идти? спросила старая Матренушка.

— Гдѣ ужъ мнѣ объ этомъ думать! Кто нынче возьметъ безприданницу? отвѣчала Лукерьюшка.

— И сыщется такъ не ходи, строго сказала Матренушка. Одишь только грѣхъ. Путного мужа тебѣ по твоему сиротству и по бѣдотѣ въ жизнь не найти, попадется какой-нибудь озорникъ, весь вѣкъ будетъ надъ тобой потѣшаться, станетъ пить да тебя же бить, ломаться надъ тобой: „то сдѣлай, да это подай, это не ладно, да то не по моему!“... А все изъ озорства чтобы только надругаться надъ тобой... Съ пьянства да съ гульбы въ нехорошія дѣла влутается, а ты ему должна пекаться да помогать — на то жена. Узнаютъ, раскроется дѣло — угодишь тогда съ нимъ куда воронъ костей не занеситъ... А въ богадѣленкѣ-то не такая бы тебѣ жизнь была. Была бы ты здѣсь человекъ Божій, все бы тебя почитали и денежки бы у тебя завелись, а работы, да заботы нѣтъ никакой. Знай только молись да душевненьку свою спасай.

Призадумалась Лукерьюшка. Хотѣлось ей привольной жизни, хотѣлось отдохнуть отъ тяжелой, непосильной работы у дяди.

— Дяденька-то не пустить, со слезами жалобно она проговорила.

— Пустить ли онъ даровую работницу! сказала старая Матренушка. — Да ты пришта что ли къ нему?... Какой онъ тебѣ дядя? Внучатымъ братомъ твоей матери доводился. И родства-то между васъ нѣтъ никакого, хоть пола спроси и онъ то же скажетъ. Сиротинушка ты одинокая, никого-то нѣтъ у тебя сродничковъ, одна сама какъ перстикъ — вотъ что... Какъ же можетъ онъ насильно держать тебя на работѣ? Своя у тебя воля... Набольшаго надъ тобой нѣтъ.

— Не пустить, чуть слышно промолвила Лукерьюшка.

— А какъ онъ не пустить-то тебя? сказала Матренушка. Что у тебя пожитковъ что ли больно много? Сборы что ли долгіе пойдутъ у тебя? Пошла изъ дому по воду, а сама сюда — и дѣло съ концомъ... Да чего тутъ время-то волочить — оставайся теперь же. Барыня пошлетъ сказать дядѣ чтобъ онъ тебя не ждалъ. Какъ Варварушка по твоему? прибавила она, обращаясь къ Варварѣ Петровнѣ.

— Что жь? Это можно, сказала Варвара Петровна. Оставайся въ самомъ дѣлѣ Лукерьюшка.

— Боязно мнѣ, вздрогнувъ вся тихо промолвила оторопѣлая дѣвушка.

— Чего боишься?... Кого?... вскрикнула Матренушка. Дяди что ли али тетки? Такъ ужъ сказано тебѣ что вѣтъ у нихъ надъ тобой власти. Плюнь на нихъ да и все тутъ!

— Прибѣтъ тетенька-то... шепотомъ сказала Лукерьюшка.

— Руки коротки — сюда не досагнутъ, замѣтила Матренушка. Ты-то пойми подъ чьей защитой будешь ты жить. Господа-то вѣдь послышѣй будутъ твоего дяди.

— Скажеть: за хлѣбъ за соль не заработала.... молвила Лукерьюшка, утирая рукавомъ слезы.

— Мало ль что скажутъ, да вѣдь на всякій сказъ есть свой приказъ, сказала Матренушка.

— Намедни какъ сказала я ему что зовутъ меня въ Луховцы за старушками въ богадѣльнѣ ходить, такъ и дядя и тетка разговаривались что страшненько даже стало, молвила Лукерьюшка. „Судомъ, говорятъ, тебя вытребуемъ, никому говорить не уважимъ“.

— Пустыя рѣчи, молвила Матренушка. — Напугать только хотѣли тебя. Небойсь, не выдадутъ. Такъ али вѣтъ Варварушка?

— Конечно не выдадимъ, отозвалась Варвара Петровна. Нечего въ самомъ дѣлѣ тебѣ, Лукерьюшка слушать ихнія угрозы. Ну еще въ самомъ дѣлѣ родной бы дядя былъ, а то и сродникомъ-то онъ тебѣ не доводится.

— Грезится дядя-то: „господамъ, говорить, своимъ стану жалобиться чтобы взяли изъ Луховицъ ихнюю дѣвку“, сказала Лукерьюшка.

— Я у Оброныхъ тебя выкуплю — моя будешь, молвила Варвара Петровна. Съ Обронымъ съ Михайломъ Григорьичемъ, съ бариномъ съ вашимъ мы въ ладахъ живемъ.

— Чего жь тебѣ еще, гаупенькая? подхватила Матренушка. Цѣлуй ручку, благодари барыню-то да пойдемъ я тебѣ мѣстечко укажу. А къ дядѣ и не думай ходить—вотъ что. Живи съ Божьими людьми; въ міру дѣлать тебѣ нечего. — Здѣсь будетъ хорошо тебѣ никто надъ тобой ни ломаться ни надругаться не станетъ, битья ни отъ кого не примешь, брали да попрековъ не услышишь, будешь съезы лить только не отъ лиха, а ради спасенія души.

Колесалаась Лукерьюшка, но когда всѣ пристаѣли къ ней съ уговарами, выхвастала богатыенку гдѣ ни холоду нѣтъ, ни голоду, есть во что одѣться, есть во что обуться, а жизнь ровно у птицы небесной — объ завтрашаемъ дѣѣ и ломышасья не имѣѣ, она согласилась остаться.

Выѣѣ изъ богатыенки вдвоемъ съ Матренушкой Варвара Петровна сказала ей:

— Приучай ее помаленьку, учи, испытывай...

— Будетъ она Варварушка въ кораблѣ, безъотмѣнно будетъ. Объ этомъ голубушка не беспокойся. Скоро уготовимъ дѣвицу къ Божьему дѣлу.... сказала Матренушка. Когда собраніе-то думаете одѣлать? спросила она. Надо бы поскорѣе. Охъ какъ бы наде-то—дѣвочка ужъ я не радѣла.

— Съ субботы на воскресенье, я думаю соберемся, отвѣчала Варвара Петровна. Приводи Лукерьюшку-то.

— Приведу Варварушка, приведу родная моя.—Какъ же ее привести? Пущай ее приобываетъ.... Прощай моя голубушка, прощай.

— Прощай, сказала Варвара Петровна и медленными шагами въ домъ пошла.

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКИЙ.

СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВНЫЙ *

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

I.

Какъ прежде бывали безлокойно-вредные люди, не приносящіе вреда, такъ теперь есть люди безлокойно-полезные, не приносящіе пользы.

Главная черта этихъ людей — способность увлекаться до самозабвенія такимъ предметомъ о которомъ даже странно подумать чтобъ онъ могъ остановить на себѣ чей-нибудь вкусъ. Когда человѣкъ увлекается политикой, искусствомъ, женщиной, наукой, лошадьми, картами, это никого не удивляетъ. Но вдругъ является полковникъ Бойко, увлеченный вопросомъ о городской ассенизаціи. Сегодня вы находите въ газетахъ отчетъ о его докладѣ въ думѣ. Завтра вы его встрѣчаете на улицѣ, онъ поворачиваетъ вмѣстѣ съ вами и на протяженіе цѣлаго Невскаго развиваетъ вамъ систему удаленія городскихъ нечистотъ по новому, не имѣющему придуманному способу. Послѣ завтра его докладъ, отпечатанный

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1й, 2й и 3й.

читъ на собственный счетъ и разосланный со значительными издержками при всѣхъ газетахъ, лежитъ у васъ на столѣ. Еще черезъ день вы получаете по городской почтѣ извѣщеніе что такого-то числа у него, полковника Бойко, имѣетъ быть частное собраніе лицъ интересующихся вопросомъ о городской ассенизаціи, и что ваше присутствіе было бы весьма желательно. Вы изумлены, вы стараетесь отыскать какую-то отдаленную, тайную связь между полковникомъ Бойко и городской ассенизаціей, и ничего не находите. Онъ не инженеръ, не медикъ, не администраторъ и даже не капиталистъ; онъ просто полковникъ Бойко, несущій свои спеціальныя служебныя обязанности, ни мало не соприкасающіяся съ городскимъ управленіемъ. И хотя онъ вѣлически выдаетъ себя за практическаго человѣка и готовъ прихвастнуть даже нѣкоторою плутоватостію, но вы очень хорошо знаете что ни одной аферой онъ неспособенъ довести до конца и что ни одинъ дуракъ не позволитъ ему попользоваться на его счетъ. Вы знаете также что пройдетъ мѣсяцъ—другой, и объ ассенизаціи милѣйшій полковникъ даже не заикнется, а будетъ до невѣроятной степени обуреваться вопросомъ о перенесеніи городской бойни на шансальбургскій трактъ или объ учрежденіи эмеритурмъ для думскихъ сторожей. Почему именно въкусъ его падаетъ все на такіе предметы, для васъ останется вѣчною загадкою, но въ концѣ-концовъ вы приходите къ заключенію что этотъ безлохотливо-полезный человѣкъ есть явленіе въ высокой степени современное и занимаетъ совершенно законное мѣсто въ нынѣшней жизни. Онъ даже помогаетъ понять ее, потому что въ его безмѣрно-прозаическомъ, надолбавномъ образѣ несомнѣнно сосредоточиваются ея самыя общія, стихійныя теченія.

Въ то время, когда полковнику Бойко суждено быть подхваченнымъ тихою волною нашего повѣствованія, онъ еще весь одержимъ новою системой ассенизаціи. Наткнулся онъ на нее совершенно случайно. Какой-то неудавшійся инженеръ, нѣсколько поврежденный меланхоліей, выдумалъ новый способъ очистки городскихъ трубъ. Бойко при этомъ извѣстіи вдругъ почувствовалъ что дѣло жизни найдено, поѣхалъ къ инженеру и вернулся отъ него уже въ состояніи полного одержанія. На другой день онъ олять поѣхалъ, привезъ инженера съ собою, накормилъ обѣдомъ, просидѣлъ

съ нимъ весь вечеръ за чертежами и расчетами, и уложилъ его спать у себя въ кабинетѣ, къ величайшему неудовольствію своей жены, которая брала урки на арфѣ и поэтому не допускала никакого другого фанатизма кромѣ музыкальнаго. Надо замѣтить что въ этомъ быстромъ обличіи полковника Бойко съ инженеромъ играло роль, помимо городской ассенизаціи, еще то обстоятельство что инженеръ былъ человѣкъ безо всякаго имени и заведомо неудавшійся. Полковникъ до крайности любилъ насканивать именно на такихъ людей, присвоивать ихъ себѣ, создавать имъ репутацію и твердить всѣмъ и каждому: „есть у меня одинъ такой человѣчекъ — съ виду не казистъ, а какъ раскусить его — претензия штучка! Я его хочу немножко въ ходъ пустить — пора, въ самомъ дѣлѣ, утереть носъ нашимъ знаменитостямъ!“ И въ теченіе нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ полковникъ охотно втрывалъ въ своего чело-вѣка, и даже потѣхъ, когда неспособность этого чело-вѣка окончательно опредѣлялась, онъ все-таки повторялъ съ задумчивымъ вздохомъ: „Нѣтъ, вы не говорите; въ немъ все-таки что-то такое есть... такая искра гонія; еслибы мнѣ было время имъ заняться, я бы его направилъ. Самородокъ-съ!“ Самородки вообще были слабостью милѣйшаго полковника, какъ и многихъ русскихъ людей.

Провѣдавъ о новомъ предпріятіи, имѣвшемъ такую банальную связь съ вопросомъ о городской ассенизаціи, Бойко немедленно сѣздалъ къ Каричу и къ Безбѣдному, но не засталъ обоихъ. Адвокатъ, по совѣту Карича, спустя нѣсколько дней самъ отправился къ нему и былъ принятъ.

Поручивъ горничной свое пальто, Безбѣдный направился изъ полутемной прихожей въ гостиную, но при самомъ входѣ вдругъ наткнулся на что-то болтавшееся сверху и дозволиво больно ударившее его по головѣ. Оказалось что это была комнатная гимнастика, подвѣшенная къ притолкѣ въ видахъ рациональнаго физическаго воспитанія золотушныхъ дѣтей, которыми музыкальная полковница награждала своего мужа въ нѣкоторомъ даже излишествѣ. Ступивъ еще нѣсколько шаговъ, гость наткнулся на огромную деревянную лошадь и тотчасъ же залутался ногами въ каталкѣ, съ помощью которой послѣдній плодъ счастливаго супружества приучался ходить на собственныхъ ногахъ. Въ то же мгновеніе въ противоположномъ углу раздался страшный трескъ,

а что-то, шила и свиста, пролетѣло надъ самою головою адвоката: это была механическая бабочка, удачно пущенная старшимъ сыномъ хозяйки. Вообще дѣтскій элементъ, вооруженный всеми новѣйшими приспособленіями, занималъ въ домашнемъ быту полковника преобладающее мѣсто.

Безбѣдный рѣшился наконецъ хорошенько оглядѣться прежде чѣмъ ступить далѣе, тѣмъ болѣе что онъ не могъ объяснить себѣ, во первыхъ, тихихъ металлическихъ звуковъ, действительно дѣйствовавшихъ на его слухъ, а во вторыхъ, запаха горѣлой бумаги, почувствованнаго имъ еще въ передней. Хотя гостиная была въ три окна, но гардины и цвѣты отнимали свѣтъ. У одного изъ оконъ возвышался этакисманъ окруженный высокими растеніями, и за этими растеніями Безбѣдный не безъ труда разглядѣлъ сначала огромную золоченую арфу, а потомъ маленькую некрасивую даму, извлекавшую изъ нея тихіе, но настойчивые звуки. Безбѣдный поклонился; дама, не переставая звенѣть, медленно склонилась за зеленую свою высокую шеверюру.

— Мужъ въ кабинетѣ, произнесла она, движеніемъ головы указывая на дверь, изъ-за которой шелъ дымъ и чувствовался запахъ горѣлой бумаги.

Безбѣдный направился туда. Въ большой комнатѣ на письменномъ столѣ стоялъ какой-то зловѣщій аппаратъ, окруженный дымнымъ облакомъ. Полковникъ, въ разстегнутомъ сюртукѣ и съ залачканнымъ лицомъ, съ глазами покраснѣвшими отъ дыма, возился около него. Подлѣ стояли тарелки, жестянки и какія-то круглыя плиткі, похожія на кусочки прессованнаго сѣна.

При входѣ гостя полковникъ не то чтобы сконфузился—онъ никогда не конфузился—но сталъ очень извиняться.

— Это я сейчасъ купилъ. Вамъ не извѣстна эта штука? Французская кухня *à la minute*. Захотѣлось испробовать. Съ помощью одного газетнаго листа я въ минуту варю хлебку или жарю бифштексъ. Вотъ, вотъ ужъ готово—говорилъ онъ, мѣшая ложкой въ кастрюлкѣ, въ которой плавали въ буровой жидкости какіе-то сморщенные листья.— Не правда ли удивительно? Ни угля, ни спирту, одинъ газетный листъ. Немножко дымитъ, но бумага не даетъ угару. Впрочемъ оставимъ это.

Онъ попросилъ гостя садиться и сразу, стремительно, подчеркивая и отчеканивая, заговорилъ о необходимости

прибѣгнуть къ ассимиляціи города по новой системѣ. На нѣкоторыхъ особенно нравившихся ему словахъ онъ ударялъ съ такою энергіей и такъ вылачивалъ глаза что послѣ пяти минутъ Безбѣдный почувствовалъ нервное безпокойство. Онъ уже пересталъ слушать и только глядѣлъ на полковника, развлекаая по временамъ свой взглядъ любопытными и мало понятными предметами, наполнявшими кабинетъ. Въ особенности одинъ огромный желѣзный ящикъ, выкрашенный подъ дубъ и поставленный прямо на полъ посреди комнаты, привлекалъ его вниманіе. Онъ никакъ не могъ догадаться что бы такое было въ этомъ ящикѣ?

— А, васъ занимаетъ эта штука? перебилъ самъ себя полковникъ, и тотчасъ поднялъ крышку.—Это комнатный ледникъ, объяснилъ онъ съ удовольствіемъ.—Преостроумная вещица. Вотъ взгляните: тутъ у меня масло, сливки, мясная провизія, все что угодно. Постоянная температура точки замерзанія. Я потому дамъ вамъ адресъ гдѣ это можно купить. Ну, такъ на чемъ же мы остановились? Да, я хотѣлъ вамъ разказать какъ у насъ дѣлаются дѣла въ думѣ...

И опять безъ отдыха посыпалась трескучая рѣчь полковника. Онъ уже не отчеканивалъ, онъ вошелъ въ азартъ, громилъ, грозилъ, и только изрѣдка, сказавъ: „какъ вамъ это покажется? какъ вамъ это покажется, я васъ спрашиваю?“ давалъ себѣ мгновеніе передышки.

Безбѣдный пришелъ къ заключенію что Каричъ совершенно правъ, считая необходимымъ привлечь Бойко къ организуемому предпріятію. Лучшей рекламы нельзя было бы придумать; онъ будетъ кричать подобно трубамъ іерихонскимъ, и въ одну недѣлю подогрѣетъ дѣло до температуры требуемой спекуляціей. Достаточно намекнуть ему что онъ можетъ сдѣлаться директоромъ правленія и осуществить свою систему очищенія городскихъ трубъ. Безбѣдный не интересовался этою системой и полагалъ что она гроша не стоитъ, но такъ какъ планы его простирались только на спекуляцію съ выпускомъ акцій, то дальнѣйшая судьба предпріятія нисколько его не касалась. Онъ и Каричъ продадутъ свои акціи прежде чѣмъ общество начнетъ дѣйствовать, а тамъ кому угодно пусть хапочетъ и дожидается дивиденда.

Онъ спѣшилъ объясниться объ этомъ съ Бойко, но въ серединѣ рѣчи вдругъ умолкъ, пораженный страннымъ

предметомъ, представившимся ему въ углу за шкаломъ. Полковникъ тотчасъ поймалъ его взглядъ.

— А, колотилка. Автоматическая мускульная колотилка, употребляемая для возбужденія ослабѣвшихъ мышцъ въ нервныхъ болѣзняхъ и при неправильномъ кровообращеніи, объяснилъ онъ съ явнымъ удовольствіемъ, и подошла стала готовить аппаратъ къ дѣйствію.—Можетъ замѣнить гимнастику и даже электротерапію. Чрезвычайно простое устройство. Я становлюсь вотъ такъ... дѣлаю вотъ такъ... и вотъ...

Аппаратъ со слабымъ стукомъ забарабанилъ по его спицѣ. Бойко съ блаженной улыбкой глядѣлъ на Безбѣднаго. Изъ гостиной попрежнему доносились тихіе, но настойчивые звуки арфы.

— Разумѣется прежде надо раздѣться, но вѣдь я вамъ только такъ, для примѣра, сказалъ Бойко, какъ бы извиняясь въ томъ что не раздѣлся.—Я привезъ эту штуку имѣвшимся лѣтомъ изъ Берлина. У насъ ея еще совсѣмъ не знаютъ. Какъ вы находите?

— Занимательная вещь, оказалъ адвокатъ, и взялся за шляпу.

— Я впрочемъ написалъ на дняхъ къ изобрѣтателю—предложилъ ему устроить здѣсь въ Петербургѣ маленькій складъ. Тогда и вы можете пріобрѣсть, успокоилъ его полковникъ.

Дѣловые люди наконецъ простились, утѣряя другъ друга во взаимномъ удовольствіи, доставленномъ этимъ свиданіемъ.

Полковникъ, соображая что окладъ директора правленія пріятнымъ образомъ усилить его средства, рѣшилъ сегодня же купить двѣ вещи, о которыхъ мечталъ уже съ давняго времени—piano mécanique новѣйшей конструкции чтобъ аккомпанировать женѣ, и аппаратъ для искусственнаго высиживания цыплятъ. Последняя штука привлекала его преимущественно тѣмъ что обѣщала возможность наблюдать собственными глазами и какъ бы даже осязать быстрое приумноженіе оборотнаго капитала.

II.

По этому же самому дѣлу Безбѣдному надо было сдѣлать еще одинъ визитъ и очень затруднительный. Онъ всегда испытывалъ затрудненіе когда приходилось бывать въ томъ памятномъ ему домѣ около котораго онъ ребенкомъ бродилъ съ преждевременно растревоженнымъ злымъ и мстительнымъ чувствомъ. Это чувство еще сохранилось въ немъ, сосредоточившись на баронѣ Павлѣ Евгеньевичѣ который сдѣлался для него какъ бы воплощеніемъ неотомщенной обиды. Безбѣдный не любилъ его за то что онъ былъ похожъ на него, за то что онъ носилъ титулъ и занималъ видное положеніе въ свѣтѣ, за то что онъ относился къ нему съ неизмѣнною холодною, какъ бы намѣренно предупредждавшею всякую попытку сближенія на основаніи непризнанныхъ, хотя кровныхъ правъ. Со старою баронессой онъ уже примирился, признавая въ ней отчасти тоже пострадавшую сторону; притомъ она ничѣмъ не раздражала его и въ ней не было нестерпимой надменности проливавшей все существо барона Поля. Къ другому, младшему сыну Безбѣдный относился даже съ нѣкоторымъ покровительственнымъ сочувствіемъ. Это былъ неудавшійся членъ семьи и виновникъ глубокихъ огорченій баронессы.

Андрей Евгеньевичъ благополучно окончилъ курсъ привилегированнаго учебнаго заведенія и поступилъ въ кавалерійскій полкъ. Онъ не былъ такъ прилично красивъ какъ старшій братъ и въ особенности не былъ такъ ловокъ, но его тяжелая, крѣпко и добродушно сложенная фигура производила хорошее впечатлѣніе. Ума въ немъ не замѣчали, но къ этому недостатку у насъ списходительны. Скоро однако въ молодомъ баронѣ обнаружились наклонности испугавшія Ксенію Михайловну. Онъ любилъ много пить и терпѣть не могъ показываться въ свѣтѣ; сближался съ людьми сомнительнаго тона и тяготился службой. Сюртуки и эполеты его рѣдко отличались свѣжестью; къ перчаткамъ онъ питалъ почти физическое отвращеніе. Послѣ обѣда обыкновенно заваливался спать и спалъ долго, такъ что ни въ театрѣ, ни на вечеръ не было силъ его вытащить. Но особенно смущали и безпокоили Ксенію Михайловну его

вкусы относительно женщинъ. Барышень и барынь своего круга баронъ Андрей терпѣть не могъ, а о Француженкахъ говорилъ не иначе какъ съ озлобленіемъ. Ради товарищей онъ иногда участвовалъ въ кутежахъ украшенныхъ присутствіемъ блестящихъ Ирмъ и Сюеттъ, но ни за одною изъ этихъ звѣздъ международнаго полусвѣта никогда не ухаживалъ. Ему нравились только простыя русскія женщины, къ которымъ онъ могъ приходить въ засаженномъ сюртукѣ и которыя ставили ему самоваръ и цѣловали его въ руку. Въ полку на все это ложила плечами, потомъ начали сторониться отъ него; онъ вышелъ въ отставку и сталъ еще больше пить и спать. Ксенія Михайловна совѣтъ въ немъ отчаялась и только сторожила чтобъ онъ какъ-нибудь не женился на одной изъ тѣхъ женщинъ къ которымъ имѣлъ вкусъ.

На вопросъ: дома ли баронесса, швейцаръ объяснилъ Безбѣдному что она уѣхала съ барономъ Павломъ Евгеньевичемъ, но должно-быть сейчасъ будетъ.

— Коли угодно подождите бы, прибавилъ онъ.—А то къ барону Андрею Евгеньевичу не зайдете ли, они у себя.

Безбѣдный рѣшился послѣдовать этому совѣту. Андрей Евгеньевичъ занималъ внизу небольшую холостую квартиру, заботливо отдѣланную для него матерью еще въ то время когда онъ только что вышелъ изъ заведенія. Съ тѣхъ поръ онъ порядочно залустилъ ее и находилъ что такъ лучше: нарядная обстановка ему была противна какъ и нарядные люди.

Самъ онъ лежалъ съ ногами на широкомъ бархатномъ диванѣ, подложивъ руку подъ голову, и выпускалъ кольцами дымъ. На полу подлѣ него валялась раскрытая книжка французскаго романа. Шагахъ въ трехъ подальше, прислонясь къ письменному столу стояла дѣвушка, на которую Безбѣдный взглянулъ мелькомъ и тотчасъ опять взглянулъ, ловиуясь овладѣвшему имъ чувству изумленія—и этотъ второй взглядъ невольно замедлился дальше чѣмъ допускамо приличіе.

То что онъ видѣлъ было поразительно не только само по себѣ, но и потому что именно здѣсь, въ этой наполненной веряшливымъ беспорядкомъ комнатѣ, предъ этимъ неприлично растянувшимся барономъ Андреемъ, совершенно невѣроятно было встрѣтить что-нибудь подобное. Эта дѣвушка

никакъ не могла принадлежать къ разряду тѣхъ женщинъ которыя нравились барону Андрею. Правда, ея красота была несомнѣнно русская, но поразительная и рѣдкая между самими русскими женщинами—красота которую встрѣчаешь только разъ въ жизни и которая потомъ остается жить въ воображеніи какъ что-то почти недѣйствительное, чему вѣришь и не вѣришь и что наконецъ привыкаешь считать за призракъ, именно потому что уже ничего и никогда больше не встрѣчаешь подобнаго.

Дѣвушка, стоявшая предъ барономъ Андреемъ, представляла пожалуй рѣзкую противоположность тому что обыкновенно называютъ русскимъ типомъ. И между тѣмъ при одномъ взглядѣ на это лицо всякій безъ колебанія призналъ бы что это несомнѣнно русское лицо, потому что никакая иностранная красота не могла бы примириться съ такою своевольною неправильностью линий, сладить съ такими беззаконными отступленіями отъ античнаго идеала. Иностранныя красавицы заставляютъ мечтать о мраморахъ; а та красота предъ которою въ изумленіи остановился Безбѣдный была—мягка какъ воскъ и уступала какъ воскъ, позволяя вызывать взгляду въ ней новыя сочетанія линий. Достаточно было маленькаго поворота головы или только движенія глазъ — удивительныхъ, синихъ, темныхъ и прозрачныхъ въ одно время глазъ — и вамъ казалось что это лицо измѣнило свои нѣжныя и сильныя очертанія, и вы хотѣли любоваться имъ какъ чѣмъ-то новымъ, чего скоро ни понять, ни изучить нельзя. Даже волосы имѣли разныя оттѣнки, казались то темнѣе, то свѣтлѣе, и ихъ блескъ измѣнялся вмѣстѣ съ освѣщеніемъ, отливалъ серебристымъ матомъ или вспыхивалъ бронзовыми искрами.

Безбѣдный издали покачивался; дѣвушка отвѣтила небольшимъ наклоненіемъ головы и тѣмъ общимъ движеніемъ станна которое показывало что она сейчасъ уйдетъ. Баронъ приподнялся съ дивана и назвалъ адвоката. Она отошла отъ стола.

— Такъ будете наверху обѣдать? сказала она барону, остановясь и въ полоборота глядя на него.

Андрей съ недовольнымъ и застѣнчивымъ видомъ провелъ рукой по головѣ отъ затылка ко лбу, и потомъ по лицу.

— Я ей-Богу не знаю зачѣмъ вы это все... Не люблю вѣдь я, ну и кому это мѣшаетъ? проговорилъ онъ.

— Мы потомъ окончимъ этотъ разговоръ, а къ обѣду приходите, сказала дѣвушка своимъ красивымъ, полнымъ, упругимъ голосомъ, и прошаа въ ту самую дверь въ которую вошелъ Безбѣдный.

Андрей сдѣлалъ движеніе какъ будто хотѣлъ проводить ее, но только поѣрзалъ по дивану и повторилъ свой любимый жестъ рукой по головъ.

— Кто это? спросилъ Безбѣдный.

— Да прѣхала къ мамашѣ, живетъ у нея. Сродни намъ вѣроятно приходится, только дальняя, десятая вода на кисель, отвѣтилъ Андрей.

— Но кто же такая? опять спросилъ Безбѣдный.

— Дина Ловацкая. Она сирота, ея мать и тетка были подругами моей матери, объяснилъ какъ бы съ неохотой Андрей. — Послѣдніе годы она жила съ теткой въ Парижѣ пока та не прогорѣла окончательно и не скрылась гдѣ-то въ мансардѣ, въ ожиданіи лучшихъ временъ. Племянницу, разумѣется, держать при себѣ не захотѣла больше, да оно и лучше: мало ли что можетъ придти въ голову прогорѣвшей барыни, у которой на рукахъ молоденькая дѣвушка. Такъ Дина и осталась одна, чуть не на улицѣ. Къ счастью тетка догадалась написать мамашѣ, та вызвала барышню къ себѣ.

— Какая однакоже въ самомъ дѣлѣ красавица! сказалъ Безбѣдный.

Андрей лѣживо потянулся на диванѣ.

— Вы находите? Дѣло вкуса, проговорилъ онъ.

— Да полноте, не говорите вы такимъ тономъ! почти съ досадой отозвался Безбѣдный. — И какъ это вы себя держите съ ней. Очаровательная дѣвушка стоитъ предъ нимъ, уговариваетъ придти обѣдать за однимъ столомъ съ нею, а онъ лежитъ съ ногами на диванѣ и дымитъ изъ папироски...

Андрей только махнулъ рукой.

— Кто ее проситъ возиться со мной? возразилъ онъ. — Вѣдь знаетъ она что я ничего этого не люблю, ну и оставь. Терпѣть я не могу когда меня хотятъ спасать и поднимать. Еще пожалуй кадрили танцевать заставляютъ.

— Да вы, баронъ, послѣ этого просто извергъ рода человѣческаго! сказалъ Безбѣдный. — Ну, положимъ вы дорожите

своими привычками, но вѣдь нельзя же оставаться безчувственнымъ предъ такою красотой, нельзя же не почитать ее!

— Я вамъ сказалъ что это дѣло вкуса, повторилъ брюзливо Андрей.—Что мнѣ въ ея красотѣ? Обыкновенная наша барышня, тюль-палаузионъ, да еще съ парижемскимъ воспитаніемъ. Ололонаксомъ такъ и разить, и въ головѣ самыя неестественныя мысли. По-моему чѣмъ этакая барышня красивѣе тѣмъ непріятнѣе.—Левонтіи! вдругъ крикнулъ онъ.

На этотъ зовъ появился мрачный, неопрятный лакей. Баронъ больше всего потому и дорожилъ имъ что въ цѣломъ домѣ онъ одинъ не ходилъ во фракѣ и имѣлъ озлобленный взглядъ на все въ природѣ.

— Чаю, приказалъ Андрей.

— Готово-съ, отвѣтилъ лакей, и тотчасъ вместе на крашеномъ подносѣ чай и большой графинъ съ ромомъ. Андрей бросилъ въ стаканы вѣсколько кусковъ сахара, плеснулъ чаю и остальное долилъ ромомъ. Безбѣдный догадался что чай только для того и нуженъ ему былъ чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ напиться рому.

Изъ другой двери появился лакей во фракѣ

— Баронесса пріѣхали, просятъ васъ наверхъ, доложилъ онъ Безбѣдному.

Адвокатъ взялъ шляпу, и прощаясь съ барономъ потянулъ его за руку.

— Пойдемте, сказалъ онъ.

— Нѣтъ ужъ увольте, отказался тотъ.—Я тамъ всѣхъ поневожжу отучилъ отъ себя, и такъ теперь славно. Вѣрите ли, по цѣлымъ недѣлямъ изъ лиджака не вытѣзаю. А все-таки въ деревнѣ лучше. Думаю удрать пока рѣки не разошлись. Что бы вамъ съѣздить со мной недѣльки на двѣ, а?

— Помните, мнѣ дохнуть некогда, а вы выдумали въ деревню! возразилъ Безбѣдный, еще разъ пожимая ему руку.

III.

Съ той поры когда мы въ первый разъ видѣли баронессу Ксенію Михайловну, она стала совѣтъ старушкой. Маленькая, сухенькая, тихенькая, все съ тѣми же незначительными, но не лишними пріятности чертами, она походила на заготовленное въ прокъ воспоминаніе чего-то прекратившагося и не имѣющаго возобновиться. Еще въ молодости она была очень богомольна и любила раздѣлять свой вечеръ между всеющной и баяномъ; потомъ холодность мужа, къ которому она продолжала относиться съ затаеннымъ обожаніемъ, заставила ее еще болѣе цѣнить утѣшенія религіи, а по смерти его эти утѣшенія заняли главное мѣсто въ ея жизни. Она доживала свой вѣкъ почти затворницей, выѣзжала только въ немногіе почтенные дома, и у себя принимала лишь утромъ. Чаше всего у ея подъѣзда можно было видѣть тѣ нѣсколько особаго типа кареты въ какихъ ѣздятъ духовныя лица. Но заведенный при покойномъ баронѣ высокій и парадный строй въ домѣ еще поддерживался, отчасти какъ бы въ воспоминаніе о томъ кто былъ такъ неправъ противъ нея, отчасти потому что этого требовалъ Павелъ Евгеньевичъ, очень походившій на отца и наружною, и характеромъ, и вкусами. Впрочемъ и сама Ксенія Михайловна, несмотря на ея стремленія стать не отъ міра сего, была женщиною съ очень аристократическими поважками и привычками и съ нѣкоторою даже нетерпимостью къ людямъ другаго тона если ихъ не прикрывало длинное облаченіе.

Поднимаясь по лѣстницѣ, Безбѣдный еще издали слышалъ громкіе, сильныя звуки бетховенской сонаты. „Вѣроятно она“, подумалъ адвокатъ. Дѣйствительно въ большой залъ, за великолѣпнымъ Этаромъ, сидѣла Дина; баронъ Поль стоялъ противъ нея, пожирая ее явно восторженнымъ взглядомъ. Этотъ взглядъ, такъ мало идущій къ надменно-холодному лицу барона, бросился въ глаза Безбѣдному.

Баронесса протянула руку, которую адвокатъ почтительно поцѣловалъ, и представила его Динѣ. Дѣвушка наклонила голову и улыбнулась съ тѣмъ выраженіемъ которое говорило: хотя насъ уже познакомили раньше, но это не

такъ важно чтобы стоило объяснять—и встала изъ-за рояля.

— Я помѣшалъ вашей музыкѣ? Я такъ былъ бы радъ прослушать васъ до конца, сказалъ Безбѣдный.

— Нѣтъ, я шута; когда-нибудь въ другой разъ, отвѣтила Дина.

— Monsieur Безбѣдный страстно любитъ музыку и большой знатокъ, отрекомендовала его баронесса.—Я бы тоже хотѣла чтобы онъ васъ послушалъ.

— Когда-нибудь, повторила улыбаясь Дина.—Я много училась, особенно въ Парижѣ, но кажется не имѣю большого дарованія, добавила она Безбѣдному.

— Дарованія у васъ еще больше чѣмъ эрудиціи, возразилъ баронъ.

Дѣвушка весело взглянула на него.

— Вы неисправимы, сказала она;—вѣдь я васъ просила чтобы вы не защищали меня отъ меня самой. Право, я не могу сама о себѣ думать хуже чѣмъ я стою.

— Еслибъ у васъ были враги, я считалъ бы за счастье защищать васъ отъ нихъ, отвѣтилъ нѣсколько напряженно баронъ.—Но до сихъ поръ только вы однѣ говорите о себѣ дурно, поэтому мнѣ и приходится съ вами спорить.

—И все спорять, сказала Ксенія Михайловна, показывая на нихъ Безбѣдному.

— Еслибы меня допустили къ участию въ этихъ спорахъ я принужденъ былъ бы взять сторону барона, отнесся къ Динѣ адвокатъ.

Красавица отвѣтила ему сдержанною улыбкой. „Я предоставляю вамъ догадаться что вы слишкомъ поторопились съ вашей любезностью, но по добротѣ своей не хочу замѣтить вамъ вслухъ“, говорила эта улыбка. Баронъ взглянулъ на Безбѣднаго ледяющимъ взглядомъ.

„Онъ за ней ухаживаетъ; какъ это глупо!“, подумалъ адвокатъ. „Только такой надутый болванъ какъ онъ можетъ ухаживать за подобною женщиной. Предъ нею можно лишь благоговѣть безстрастно и богомольно какъ предъ случайнымъ властоушествомъ чего-то недостижимаго.“ И съ свойственнымъ ему опасливымъ недоверіемъ ко всякому страстному чувству, Безбѣдный былъ очень радъ этому впечатлѣнію богомольнаго благоговѣнія, произведенному на него Диною. Такъ онъ меньше боялся. „Страстно

относиться слѣдуетъ только къ той женщинѣ около которой можно похлопотать“, повторилъ онъ свое любимое правило жизни. „И такая женщина у меня есть“, добавлялъ онъ мысленно, съ пріятнымъ сознаниемъ безопасности слѣдя за красивыми движеніями Дины, которая отойдя къ жардиньеркѣ отбирала въ зажатую кулачкомъ руку засохшіе листья мирта. Онъ видѣлъ какъ баронъ протянулъ ей ладонь, и она смѣясь высыпала ему на руку весь соръ изъ своего кулачка. Къ этому маленькому обстоятельству Безбѣдный отнесся уже не такъ спокойно, потому что видѣлъ какъ руки ихъ коснулись одна другой. „Надо сознаться что положеніе барона чертовски выгодно“, подумалъ онъ съ нѣкоторымъ недоброжелательнымъ чувствомъ.

Ему было досадно что въ эту самую минуту баронесса пригласила его перейти изъ залы въ ея кабинетикъ—тотъ самый больше походившій на модельню чѣмъ на будуаръ—въ которомъ онъ увидѣлъ ее въ первый разъ когда его привела мать. Оттуда онъ уже не могъ видѣть ни Дины, ни барона, хотя до него долетали отдѣльные слова изъ ихъ разговора, прерываемыя негромкимъ смѣхомъ.

— Ну, какъ же вы поживаете? разкажите что-нибудь нового, пригласила Ксенія Михайловна, садясь на свое любимое мѣсто въ углу дивана.

Безбѣдный сказалъ на это что обыкновенно говорятъ въ такихъ случаяхъ, когда знаютъ что спрашивающій мало интересуется отвѣтомъ. Хотя баронесса постоянно выражала ему расположеніе, но онъ основательно подозрѣвалъ что въ сущности она совершенно къ нему равнодушна, и что даже самыя сношенія съ нимъ составляютъ для нея родъ жертвы.

— Мнѣ говорилъ Поль что вы затѣваете какое-то большое денежное дѣло, въ которомъ онъ хочетъ участвовать? продолжала баронесса такимъ тономъ который долженъ былъ свидѣтельствовать что хотя она и любопытствуетъ узнать объ этомъ дѣлѣ, потому что оно касается сына, но заранее не одобряетъ его участія. Это было далеко не совсемъ вѣрно, но баронесса привыкла никогда не показывать людямъ своихъ настоящихъ мыслей и отношеній.

— Затѣваю не я, а нѣкто Каричъ, отвѣтилъ Безбѣдный;—но такъ какъ дѣло представляется мнѣ очень полезнымъ и выгоднымъ, то я дѣйствительно думаю имѣть въ немъ часть.

Баронесса задумчиво посмотрѣла на него и на большое художественной работы распятіе (впрочемъ совсѣмъ католическое) стоявшее среди вышитаго собственными ея руками ковра.

— Ужъ выгодное ли, я не знаю? промолвила она.—Говорятъ, этотъ Каричъ очень не надежный человѣкъ. Вѣдь онъ судился недавно за что-то?

Адвокатъ пожалъ плечами.

— Что меня касается, я въ подобныхъ случаяхъ никогда не смотрю на человѣка, а только на самое дѣло, сказалъ онъ.—Если дѣло хорошо, то ужъ это отъ меня зависитъ чтобы меня не обмошенничали въ немъ.

— А дѣло, вы думаете, хорошо? значительно спросила баронесса.

— Разъ что я въ немъ участвую, вы уже можете судить какъ я о немъ думаю, отвѣтилъ Безбѣдный.

Баронесса опять подвела на него тревожно-задумчивый взглядъ.

— Поль хочетъ очень большія деньги вложить въ него, сказала она.—Конечно, онъ человѣкъ практическій; а все какъ-то страшно. Какъ бы вы, Евгенийъ Саввичъ, посоветовали тутъ?

Адвокатъ повторилъ свой жестъ плечами.

— Мое правило никогда въ этихъ случаяхъ не совѣтовать, сказалъ онъ.—Это дѣло личное. — Совершенно безусловно только одно—что держать деньги на трехъ процентахъ въ Государственномъ Банкѣ безопаснѣе всего на свѣтѣ.

Ничего непріятнаго онъ не могъ бы сказать. Дѣло въ томъ что Ксенія Михайловна, независимо отъ возвышеннаго строя своихъ мыслей и чувствъ, была втайнѣ подвержена одной очень матеріальной слабости, чего никакъ не подозревали люди мало ее знавшіе. Она была очень жадна къ деньгамъ, и между другими, гораздо высшими мечтами, представлявшимися ей въ удивленіи ея думъ, мечта о приумноженіи состоянія занимала довольно значительное мѣсто. Но эта была почти невнятная, хотя и тревожная мечта, потому что баронесса сознавала въ себѣ прирожденную неспособность появлять какое-нибудь денежное дѣло, и лично рѣшалась только на самыя маленькія и негласныя спекуляціи. Тѣмъ не менѣе, она постоянно мучилась мыслию что капиталъ

привосить ей незначительный доходъ, и что она не умѣетъ дѣлать какъ другіе. Поэтому слова адвоката о безопасности казеннаго процента уязвили ее въ самое чувствительное мѣсто.

— Что жь, разумѣется Поль можетъ распорядиться своими деньгами какъ знаетъ, сказала она, и втайнѣ даже подумала въ эту минуту что если дѣло пойдетъ хорошо, то тогда можетъ-быть и она пристроить къ нему часть своего капитала.

Безбѣдный искалъ шалю.

— Вы сейчасъ были у André? остановила его баронесса.

— Да. Онъ приглашалъ меня съ собой въ деревню, отвѣтилъ адвокатъ, обнаруживая улыбкой свою насмѣшливую точку зрѣнія на такое неумѣстное приглашеніе.

Ксенія Михайловна вздохнула.

— Вотъ видите жь, сказала она. — Я никогда не могла понять его вкусовъ. André—это крестъ мой. Я ужасно боюсь, прибавила она понижая голосъ, чтобъ его послѣдняя страсть не завела слишкомъ далеко.

— Да, отозвался Безбѣдный, мало интересовавшійся заблужденіями барона Андрея.

— Какъ же, это ужъ цѣлый годъ продолжается, объяснила съ новымъ вздохомъ баронесса.—Онъ и въ деревню-то стремится, потому что тамъ ему свобода. Вѣдь онъ возьметъ ее съ собой. Подумайте, простая швейка, и даже неграмотная. Онъ ее самъ читать учитъ.

— Да, это бываетъ; многіе рѣшительно предпочитаютъ такихъ женщинъ, сказалъ Безбѣдный.—Что жь, по крайней мѣрѣ хороша ли она собой?

— Ахъ Боже мой, развѣ я ее видѣла? возразила съ негодованіемъ Ксенія Михайловна. — Я только укрѣпляю себя мыслію что испытанія посылаются намъ для искупленія нашихъ грѣховъ, и что въ этой жизни надо быть постоянно готовымъ ко всему худшему.

Безбѣдный не зналъ что на это сказать, и только почтительно поцѣловалъ протянутую ему маленькую, хорошо лахвущую и еще нѣжную руку.

— Какая прелестная дѣвушка эта mlle Дина, которая гоститъ у васъ! замѣтилъ онъ прощаясь.

— Не правда ли? оживилась баронесса.—И какое чудесное сердце! Я ее полюбила какъ родную дочь. Представьте

же себя, прибавила она, снова понижая голосъ—что André даже красоты ея не хочетъ признать и всячески отъ нея удаляется, хотя она сразу обнаружила столько къ нему участія и какой-то даже вѣры въ него! Сначала я думала что она спасетъ его.

Безбѣдный подивился въ душѣ эгоизму материальскаго чувства. Для него одна мысль чтобы красавица Дина могла сдѣлаться женой Андрея казалась чѣмъ-то волнующимъ и безобразнымъ.

Дина и Поль все еще были въ залѣ.

— Я сейчасъ познакомился съ полковникомъ Бойко, знаете который возится съ новою системой ассенизаціи, оканзаль Безбѣдный барону.

Тотъ обратился на него напряженный и какъ бы стыдящійся взглядъ. Этотъ взглядъ всегда являлся у него когда онъ говорилъ съ Безбѣднымъ объ ихъ общемъ дѣлѣ. Онъ дѣйствительно очень стѣснялся соучастіемъ со своимъ побочнымъ братомъ, но тайнѣмъ разчитывалъ также какъ и баронесса что Безбѣдный, несмотря на существовавшую между ними холодность, не дастъ Каричу смѣшкомъ запутать его.

— Я общалъ ему нѣкоторую роль въ этомъ дѣлѣ, продолжалъ Безбѣдный, — потому что онъ можетъ быть полезенъ какъ извѣстный крикунъ и хлопотунъ. Надо немножко раздуть предпріятіе чтобы сразу погнать акціи.

На лицѣ барона оставалось все то же напряженное и конфузливое выраженіе. Онъ въ первый разъ вступалъ въ спекуляцію и, при его привычкѣ къ болѣе чистоплотнымъ сферамъ, нѣкоторыя слова звучали грубо для его еще стыдливаго слуха. Онъ хотѣлъ видѣть въ предпріятіи обще - полезное, хотя матеріальное дѣло, и его коробило когда Безбѣдный или Каричъ выражались о немъ какъ о нѣкоторой облавѣ на публику и акціонеровъ. Въ особенности теперь, въ присутствіи Дины, разговоръ этотъ казался ему очень непріятнымъ.

— Я вѣдь ничего этого не знаю и не умѣю, оказалъ онъ, въ затрудненіи взглянувъ на свои красивыя бѣлыя руки.

— Полноте, баронъ, кто пускаетъ въ акціонерное предпріятіе всѣ свои деньги, тотъ не долженъ сохранять извѣстной брезгливости, возразилъ адвокатъ.—Гдѣ золото тамъ

обыкновенно и грязь; и чтобъ дорыться до золота приходится иногда и собственными бѣленькими ручками локотаться въ грязь, прибавилъ онъ, олутивъ свой играющій взглядъ на выколенные руки барона.

Тотъ замѣтно покрасѣлъ.

— Я боюсь что этотъ разговоръ совершенно не интересенъ для васъ, сказалъ онъ Динѣ съ напряженною улыбкой на обозначившемся лицѣ. — Не угодно ли вамъ пройти ко мнѣ въ кабинетъ? прибавилъ онъ, обращаясь къ адвокату.

— Да, мнѣ надо бы переговорить съ вами о нашемъ гешефтѣ, согласился Безбѣдный, съ особеннымъ удовольствіемъ выговаривая это неблагозвучное слово.

Его очевидно потѣшала возможность дразнить бѣднаго барона, поставленнаго между своею чистоплотною надменностью и вождельніями стяжательнаго свойства.

IV

Въ теченіе нѣсколькихъ дней со времени внезапнаго появленія Василя Петровича Илатова, ни Безбѣдный, ни Лилочка не получали отъ него никакихъ извѣстій. Это наконецъ начало ихъ беспокоить, тѣмъ болѣе что онъ никому не сообщилъ своего точнаго адреса. Сперва Лилочка подумала, не уѣхалъ ли онъ потихоньку изъ Петербурга, но потомъ догадка что можетъ-быть онъ заболѣлъ—показалась ей болѣе правдоподобною. Она нѣсколько разъ спрашивала Безбѣднаго о чемъ у нихъ былъ разговоръ, но адвокатъ отвѣчалъ съ преувеличенною небрежностью что кажется никакого особеннаго разговора не было. При этомъ онъ съ большею чѣмъ прежде стравностью говорилъ ей о своей любви и о томъ что онъ впервые испытываетъ неограниченное, цѣльное и полное счастье—счастье естественнаго, свободнаго чувства, не искаженнаго никакими условными интересами.

Когда прошло уже пять дней, а объ отцѣ попрежнему не было слуха, Лилочка захотѣла наконецъ попытаться что-нибудь узнать о немъ. Она вспомнила какъ онъ говорилъ ей что остановился „въ прекраснѣйшемъ отелѣ, подлѣ самаго вокзала.“ Это было очень важное указаніе, и она рѣшилась имъ воспользоваться. Въ первой гостиницѣ куда

она пришла, имя Илатова оказалось совершенно неизвестнымъ, но во второй швейцаръ очень ей обрадовался и сообщилъ что Илатовъ вотъ уже пять дней лежитъ боленъ и что въ отелѣ очень о немъ беспокоятся, потому что, по его словамъ, ни родныхъ, ни знакомыхъ у него въ Петербургѣ никого нѣтъ. Съ тяжелымъ сердцемъ Липочка подвинулась на самый верхній этажъ и вошла въ номеръ.

Василій Петровичъ лежалъ въ постели, подложивъ одну руку подъ голову и поправляя другой постоянно сползавшее одеяло. Похудѣвшее, осунувшееся лицо его выражало не боль, но тоску, и эта тоска съ такою страшною явственностью застыла въ тусклыхъ глазахъ что у Липочки при взглядѣ на отца похолодѣло въ груди. Она быстро подошла къ постели и поцѣловала лежавшую на одеялѣ руку.

— Какъ же вамъ не стыдно, папа, что вы не дали мнѣ знать, сказала она.

Василій Петровичъ съ трудомъ приподнялъ голову.

— Заболѣлъ... свалило... проговорилъ онъ, не отвѣчая на ея замѣчаніе.

Она сѣла на постель и со страхомъ заглянула ему въ глаза. Ей было страшно не только того что онъ боленъ, но и чего-то другаго что она усиливалась прочесть своимъ взглядомъ. Василій Петровичъ поналъ ее и съ тоскливою застѣнчивостью повернулъ лицо отъ свѣта.

— Ну спасибо что пришла. А то я боялся какъ бы хуже не разнемочься. Скверно такъ-то, въ гостиницѣ... проговорилъ онъ, не глядя на нее.

— Да что же собственно такое у васъ? Былъ ли докторъ? спросила Липочка.

Старикъ неопредѣленно махнулъ рукой.

— Простудился должно-быть. Ну и усталость, послѣ дороги. Старъ вѣдь я. Съ прїѣзду-то тогда цѣлое утро рыскалъ по городу, вотъ оно и прохватило. Да слава Богу, кажется ничего такого серьезнаго не разыгралось. Слабость только одолеваетъ, встать не могу, говорилъ онъ, оправляя на себѣ жиденькое байковое одеяльце.

— Но вѣдь это невозможно такъ запускать болѣзнь, тревожилась Липочка.— Я съѣзжу за докторомъ.

— Нѣтъ, что жъ доктора? Я своимъ чайкомъ лечусь, знаешь сборный у меня такой, изъ семи травъ. Сестрица догадалась положить въ чемоданишко, отвѣтилъ Василій

Петровичъ, немного какъ будто оживляясь при этомъ воспоминаніи.—Ну, а ты что, дочка?

— Я все понять не могла, отчего вы не приходите, отвѣтила Липочка.—И Евгеній Саввичъ, и Молодцовъ, всѣ наконецъ начали тревожиться, прибавила она съ нѣкоторымъ усиленіемъ.

Старикъ при этихъ словахъ снова повернулъ отъ свѣта свое тоскующее лицо.

— Что тамъ тревожиться... обо мнѣ... проговорилъ онъ неохотно, и замолчалъ.

Липочка тоже не знала что еще сказать. Послѣ перваго впечатлѣнія страха и состраданія, сказавшаго ей сердце, она теперь испытывала что-то даже въ родѣ досады на отца, зачѣмъ онъ заболѣлъ. Эта болѣзнь какъ будто требовала отъ нея чего-то такого что она не умѣла и не могла сдѣлать. Она оглянула невзрачную обстановку номера и въ недоумѣніи сжала руки.

— Я право не знаю, что жь это будетъ. Вѣдь невозможно оставить васъ здѣсь одного, безо всякаго ухода, безъ удобствъ и даже безъ доктора! сказала она.

Василій Петровичъ поправился на постели и потрогалъ рукою свой растрепавшійся хохолокъ. Черты его осунувшагося и какъ бы размякшаго лица пришли въ движеніе, онъ очевидно собирался заговорить о чемъ-то очень его волновавшемъ.

— Я было вотъ что хотѣлъ, дочка... сказалъ онъ совѣстнымъ, искусственно-спокойнымъ и твердымъ голосомъ:— Ты вѣдь знаешь, недостатки мои не велики, лишняго я никогда ничего не могъ себѣ позволить, да и не любилъ я этого... однакоже и нищеты тоже благодаря Бога не терпѣлъ, въ помощи чужихъ людей не нуждался, жилъ своимъ домкомъ, который хотя и маленькій, а все же доходъ приносилъ.. Ну, и на черный день... понемножку... тоже скопилъ кое-что. Не капиталъ, а кое-что есть.

— Ну что жь, папѣ, я рада что вамъ съ этой стороны не о чемъ безпокоиться, сказала Липочка.

— Да... Такъ вотъ, дочка, что я хотѣлъ... Я вѣдь не о томъ... продолжалъ, взглянувъ на нее, Василій Петровичъ.— Я это все къ тому что еслибъ... Ты мнѣ тогда сказала, Евгеній Саввичъ помогаетъ тебѣ... Чужой вѣдь онъ, дочка. Зачѣмъ? Я жизнь прожилъ, мнѣ не помогали. Есть у меня.

Самому мнѣ не надо. Коли живъ буду, левсiонатка моего да домика хватить, а помру тоже будетъ чѣмъ похоронить. Берегъ я понемножку, по рубашку складывалъ, а вотъ теперь и пригодится. Такъ-то, дочка.

Онъ поднималъ на нее все тотъ же тоскующій, тусклый взглядъ которому старался придать искусственную твердость. Лилочка съ смущеніемъ наклонилась надъ нимъ и поцѣловала потянувшіяся къ ней сухія желтыя губы. Болѣзненное чувство жалости и умиленія, вмѣстѣ съ сознаніемъ какой-то вины предъ этимъ ослабленнымъ старческимъ тѣломъ, тихонько сдавили ей сердце. Она чувствовала что рука отца легла ей на голову и осторожно гладила ея волосы. Ей хотѣлось плакать. Лицо старика было мокро, и она не знала чьи это слезы.

— Какой вы добрый, лапа. Но зачѣмъ? мнѣ не надо, проговорила она, не подымая головы.

— Какъ же не надо? надо, дочка,—возразилъ весь колыхаясь подъ одѣяломъ Василій Петровичъ.—И тебѣ надо, да и я спокойнѣе буду. Ты вотъ учишься, имѣешь серьезную цѣль,—что жъ? я не стѣсняю. Нужда страшная вещь. Изъ нужды, съ отчаянія, иногда люди забываютъ все. Какъ стану умирать, все у меня эта мысль будетъ что кабы во время... Страшная вѣдь это мысль, дочка. А такъ покойнѣе.

Онъ заложилъ обѣ руки подъ голову и съ тоской уперся взглядомъ въ стѣну.

— Отдай ему, дочка, отдай. Чужой вѣдь онъ. Зачѣмъ? повторилъ онъ, возвращаясь къ этой наиболѣе занимавшей его мысли.

Лилочка подняла свое смущенное лицо.

— Не совѣмъ ужъ чужой, лапа, сказала она, и въ ея неуверенномъ голосѣ послышалась слабая нота раздраженія.

— Нѣтъ, отдай, повторилъ Василій Петровичъ, покачавъ головой на сложенныхъ подъ нею рукахъ.—Я вѣдь... я говорилъ съ нимъ, прибавилъ онъ со внезапно сверкнувшимъ на лицѣ ожесточеніемъ.

Лилочка только поглядѣла на него, шевельнувъ бровями. Она чувствовала какъ сердцу ея стало тѣсно отъ прилива тяжелой, стыгущей крови.

— Да, дочка, сказалъ Василій Петровичъ и замолчалъ.

Тоскующій взглядъ его опять оставовился на дочери. Онъ зналъ что его мысль договорена этимъ взглядомъ. И Лилочка дѣйствительно поняла. Побѣдившія вѣки ея раздвинулись, и большіе сѣрые зрачки продолжали со злымъ вниманіемъ читать то что выражало оживленное внезапнымъ ожесточеніемъ лица больного.

— Онъ сказалъ вамъ? проговорила она, почти не шевеля губами.

Старикъ подыалъ на нее глаза и съ уныніемъ опустил ихъ. „Ахъ, зачѣмъ только я долженъ говорить и видѣть все это“, выражалъ его взглядъ.

— Нѣтъ, дочка, онъ не говорилъ, отвѣтилъ онъ съ тѣмъ условнымъ слокойствіемъ которое происходитъ отъ невольной осторожности предъ причинаемою самому себѣ болю.—Онъ не говорилъ. Онъ и мнѣ не далъ сказать. Но я поняла что... никогда... не бывать этому... говорилъ онъ съ усиленіемъ, и не взглянувъ на дочь повернулася лицомъ отъ свѣта.

Лилочка молча слѣдила за нимъ глазами. Выраженіе этихъ глазъ было почти злобно. Брови ея совсѣмъ сдвинулись, и красивыя страстные губы чуть трепетали.

— Это неправда, сказала она.—Этого не можетъ быть. Вы поняли то чего вамъ хотѣлось или чего вы боялись. Это неправда. Онъ меня любитъ.

Василій Петровичъ продолжалъ молча глядѣть въ стѣну.

— Онъ меня любитъ. Я одна могу это знать! повторила съ усиливающимся раздраженіемъ Лилочка и пошевелилась всѣмъ тѣломъ, какъ будто хотѣла встряхнуть эту постель на которой страдалъ ея отецъ. Ей было нестерпимо его молчаніе, и какая-то злая сила безжадно душила ее.

— Да, вы поняли какъ вамъ хотѣлось, потому что вы именно съ этою мыслью пріѣхали въ Петербургъ, продолжала она, не замѣчая что ея голосъ вдругъ сталъ громокъ и какъ-то болѣзненно-произителенъ.—И вы совсѣмъ не могли говорить съ нимъ объ этомъ, потому что я очень хорошо знаю Евгенія и знаю что онъ даже со мной не любитъ говорить объ этомъ, и съ какой стати станетъ онъ объясняться съ вами объ этомъ? досказала она, путаясь въ порывистыхъ движеніяхъ своей мысли.

— Вѣдь онъ чай тоже знаетъ что ты не чужая мнѣ, возразилъ не глядя на нее Василій Петровичъ.

— Но кажется мы уже два года знакомы, и однакожь онъ никогда ничего не говорилъ вамъ! продолжала также тревожно и раздражительно Липочка, не замѣчая своего громкаго голоса.—Онъ считаетъ меня настолько взрослою дѣвушкой что конечно не нашелъ бы нужнымъ признавать чей-нибудь контроль надъ нашими отношеніями, и я увѣрена что ему даже совсѣмъ не понравилось когда вы пріѣхали и заговорили съ нимъ объ этомъ!

Василій Петровичъ повернулся на постели и тихонько вздохнулъ.

— Не сердись, дочка, не кричи.... на старика, сказалъ онъ.

Липочка тотчасъ притихла. Ей стало стыдно и непріятно за себя что она забыла о положеніи больнаго отца и увлеклась досадой. Но чувства раздраженія она не могла подавить въ себѣ, и оно еще звучало въ ея голосъ когда она сказала, сдвинувъ свои выразительныя брови:

— Въ самомъ дѣлѣ, лалѣ, не будемъ говорить объ этомъ.

Василій Петровичъ приподнялся на локтѣ, досталъ изъ-подъ подушки носовой платокъ и медленно высморкался.

— Я вѣдь не къ тому... что жъ, можетъ-быть и точно Евгению Саввичу непріятенъ мой пріѣздъ... проговорилъ онъ, вытирая платкомъ глаза и губы.—Я этого какъ ты говоришь контроля не искалъ. Поправлюсь вотъ, Богъ дастъ, и уѣду... А если я помощь мою предлагаю тебѣ, такъ вѣдь... вѣдь это... не оскорбительно же для тебя! договорилъ онъ, колыхаясь подъ одеяломъ.—Моя цѣль чтобы ты не нуждалась, не одождалась отъ чужихъ людей, когда съ Божьею помощью есть возможность... своими средствами... А тамъ, если оно точно... если ты такъ любишь его...

Василій Петровичъ не могъ продолжать: губы его раздвинулись, лицо приняло еще болѣе размякшее выраженіе и слезы обильно потекли изъ глазъ. Липочка въ смятеніи наклонила голову ему на грудь.

— Полноте, лалѣ, не волнуйтесь такъ, говорила она, почти испуганная тою недосказанною мыслью которая ей представилась въ его словахъ.—Да, да, это правда, я люблю его, люблю, люблю... повторяла она, вздрагивая на его колыхавшейся груди.—Что жъ я буду дѣлать если я такъ люблю его?

— А ты переживи, дочка, переживи... говорилъ страшно

возбужденнымъ голосомъ Василій Петровичъ.—Время и страстямъ приносить врачеваніе. У тебя къ тому же цѣль есть серьезная—не слѣдуетъ пренебрегать. Добивайся, дочка, добивайся, а потомъ можетъ-быть и Евгенийъ Саввичъ другими глазами взглянетъ какъ имя твое загремитъ по Россіи. А и то сказать, свѣтъ не клиномъ сошелся, и дѣвичье сердце не крѣпостная душа—сегодня здѣсь, а завтра тамъ!

Липочка снова чувствовала его руку на своей головѣ. Эта рука осторожно прижимала ее, и ей казалось будто ее таинственно осыплетъ благословляющая любовь...

V.

Въ тотъ же день у Липочки было съ Безбѣднымъ серьезное объясненіе.

Онъ заѣхалъ за ней чтобы вмѣстѣ обѣдать. Она только что вернулась отъ отца, и по лицу ея онъ сейчасъ догадался что она чѣмъ-то разстроена. На его просьбу поскорѣ одѣться, потому что уже лора ѣхать, она отвѣчала что не совсѣмъ здорова и будетъ обѣдать дома.

— Да что такое съ вами? спросилъ онъ взявъ ее за обѣ руки.

Липочка отвернулась и высвободивъ руки сѣла у окна.

— Нѣтъ ли извѣстій о вашемъ папѣ? опять спросилъ Безбѣдный.

— Я сейчасъ была у него. Онъ очень боленъ, отвѣтила Липочка.

— Ахъ, бѣдный Василій Петровичъ! надо его провѣдать, сказалъ адвокатъ.

— Нѣтъ, пожалуйста не беспокойтесь; ему очень непріятно было бы васъ видѣть, возразила Липочка.—Развѣ вы этого не понимаете? добавила она, быстро взглянувъ на него изъ-подъ нахмуренныхъ бровей.

— Но почему же? мы съ нимъ расстались какъ старые знакомые, отвѣтилъ Безбѣдный.

Липочка молча и внимательно посмотрѣла на него.

— Вы кажется считаете меня совершенною душой! сказала она.

Безбѣдный взялъ стулъ, поставилъ его къ окну и сѣлъ близко подлѣ Липочки.

— Не капризничайте, моя дорогая, обратился онъ къ ней, осторожно беря ее за руку и заглядывая ей въ лицо чуть-чуть смущенными глазами.— Скажите мнѣ коротко и ясно, за что вы сердитесь и чѣмъ я виноватъ предъ вами или вашимъ лалѣ?

Липочка отняла руку и поставивъ оба локтя на подоконникъ молча смотрѣла сквозь тусклое стекло на противоложную стѣну дома. Предстоявшее объясненіе уже дѣйствовало ей на нервы.

— Вы не понимаете? повторила она свой сердитый вопросъ.— Вы не понимаете почему отецъ слегъ въ постель и почему у меня сердце изныло? Чтѣ вы на меня смотрите? Васъ удивляетъ что отецъ не могъ перевести... и что я можетъ-быть съ ума сойду отъ того положенія въ которое вы меня поставили!

Лицо Безбѣднаго мгновенно омрачилось.

— Теперь понимаю, отвѣтилъ онъ и замолчалъ, угрюмо глядя на ея красивый профиль.

— Чтѣ жъ вы молчите? продолжала Липочка рѣзко завысившимъ голосомъ.— И о чемъ вы думаете? чтѣ такое вы можете думать?

— Я разумѣется зналъ что рано или поздно этотъ разговоръ неизбеженъ, сказалъ Безбѣдный, все также угрюмо глядя на ея возбужденное лицо.— Вы не увѣрены въ честности моихъ намѣреній. Я не буду оскорбляться этимъ, хотя можетъ-быть заслуживалъ бы большаго довѣрія. Я понимаю что вашъ лалѣ могъ разстроить васъ своими соображеніями. Ему вѣроятно показалось подозрительнымъ что я уклонялся говорить съ нимъ о нашихъ отношеніяхъ. Но какъ бы я сталъ объясняться съ нимъ когда даже съ вами, съ вами мнѣ тяжело и трудно говорить объ этомъ...

— Если тяжело, и трудно, то и не будемъ! сказала Липочка, быстро бѣднѣя.

— Вы меня не поняли. Для вашего лалѣ во всемъ этомъ одинъ практическій вопросъ—скоро ли я женюсь на васъ? И еслибъ онъ мнѣ дѣйствительно предлагалъ его, я отвѣчалъ бы: сегодня, завтра, сейчасъ, сію минуту, когда будетъ угодно вашей дочери. Потому что другой развязки разумѣется не можетъ быть. Но для меня здѣсь не одна только дѣловая сторона, а что-то другое, и оттого я такъ боюсь этого вопроса и такъ долго избѣгалъ его.

Липочка не перегибая положенія искося одними углами глазъ бросала на него горѣвшіе быстрые взгляды.

— Но разъ что этотъ вопросъ поставленъ, я буду отвѣчать, продолжалъ Безбѣдный.—Да, я разумѣется иначе никогда не представлялъ себѣ развязки нашихъ отношеній. Еслибы вы отказались быть моею женой, это была бы утрата которой ничто не вознаградило бы мнѣ. Притомъ, живя между людьми, необходимо вступать въ сдѣлку съ установленными требованіями. А между тѣмъ, когда мы приближаемся къ этой развязкѣ, я чувствую что я теряю часть моего счастья, и можетъ-быть лучшую его часть.

— Я васъ не понимаю, сказала Липочка, строго поведя бровями.

— А это такъ легко понять! возразилъ Безбѣдный.—Вѣдь наши отношенія слишкомъ не похожи на то какъ обыкновенно въ жизни люди сходятся и вступаютъ въ бракъ. Мы до сихъ поръ существовали въ атмосферѣ свободнаго, страстнаго чувства, къ которому не примѣшивался ни одинъ посторонній охлаждающій, буржуазный интересъ—и будете ли вы удивляться, если я скажу вамъ что это счастье имѣетъ для меня цѣну, не искупаемую солидными выгодами брака? Обыкновенная, буржуазная женщина не способна стать на эту точку зрѣнія, потому что она всегда предпочтетъ бракъ самому страстному, самому поэтическому счастью. Но вы, съ вашимъ свободнымъ умомъ, съ вашею артистическою натурой—неужели вы не понимаете меня? Или неужели васъ удивляетъ что я избѣгалъ объясняться объ этомъ съ вашимъ отцомъ? Развѣ онъ понималъ бы меня?

— Оставьте папѣ, нетерпѣливо сказала Липочка, и отвернувшись къ окну.

Ее раздражало что онъ такъ свободно и спокойно говорить о ея отцѣ, предъ которыми оба они такъ виноваты. Она кажется еще видѣла предъ собой его тоскующій взглядъ и разнемогшееся старое тѣло, безсильно распростертое подъ жиденькимъ одѣяльцемъ. Она кажется еще дышала спертымъ воздухомъ маленькаго номера, наполненнымъ тѣмъ особымъ запахомъ который всегда чувствуется въ комнатахъ больнаго. И вмѣстѣ съ тѣмъ она сознавала что не въ ея власти вырваться изъ-подъ затамутаго надъ всею ула. Эта власть находилась въ рукахъ того кого она такъ

любила и кого она готова была ненавидѣть. Она молча глядѣла въ окно, на грязную стѣну дома, хмурясь и поводя темными бровями. Страстное и злое чувство вспыхивало въ ея душѣ и не разрѣшалось. Вдругъ она встала, и не взглянувъ на Безбѣднаго подошла къ комоду и торопливо надѣла шляпку.

— Вы уходите? спросилъ въ недоумѣніи адвокатъ.

— Да. Извините меня пожалуйста. Мой отецъ очень боленъ, и я не могу его оставить, сухо отвѣтила Липочка.

— Когда же мы увидимся?

— Не знаю.

Безбѣдный внимательно посмотрѣлъ на нее смущенными глазами.

— Вы сердитесь, сказалъ онъ.

Липочка продолжала торопливо собираться. Не разрѣшившееся, злое и страстное чувство душило ее, ей хотѣлось крикнуть. Когда она была уже совсѣмъ одѣта, силы вдругъ оставили ее, она опустилась на стулъ и закрыла лицо руками.

— Ахъ, я не могу, не могу больше выносить этого состоянія! проговорила она сквозь сжатые пальцы.—Уйдите, оставьте меня. Оставьте совсѣмъ.

— Вы знаете что это невозможно, сказалъ съ снисходительною улыбкой Безбѣдный.

Липочка не видала этой улыбки, но слышала ее въ его голосъ.

— Я не могу, не могу больше! повторила она, чувствуя странное нервное щекотаніе въ горлѣ. Слышите, я не могу! Я вся изныла въ этихъ мукахъ. Я не умѣю такъ любить какъ вы хотите. Я никогда не перенесу такого положенія... Чѣобы на меня показывали пальцами на улицѣ, въ театрѣ... я не могу! Никогда, никогда!

Безбѣдный въ смущеніи подвинулъ стулъ и сѣлъ податъ кел.

— Полноте, Липочка, сказалъ онъ.—Я васъ не ловимаю. Развѣ я подаю поводъ думать что я уклоняюсь отъ женитьбы? Я сейчасъ говорилъ вамъ что это зависитъ отъ васъ. Если я позволялъ себѣ откровенно объяснить вамъ мою точку зрѣнія, то потому что считалъ васъ болѣе независимую по уму и характеру. Я думалъ что предразсудки

общаго мнѣнія не такъ важны для васъ, во всякомъ случаѣ менѣе важны чѣмъ чувство которое соединяетъ насъ. При томъ я думалъ что вы серьезно смотрите на свою артистическую карьеру, и пожалуй не жертвуете ею ради положенія—вовсе не такого блестящаго—жены адвоката Безбѣднаго.

— О, вы умѣете все объяснить и все оправдать, и на всѣ случаи жизни найти самую удобную точку зрѣнія! перебила его Лилочка.—Но я слишкомъ хорошо знаю цѣну этимъ разговорамъ. Еслибы вы въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ дѣлѣ любили меня, вы бы поняли что нельзя такъ оставлять меня страдать, вы бы сами знали что должны сдѣлать.

Ея губы нервно вздрагивали, и это мѣшало ей говорить. Все то же страстное и злобное чувство продолжало душить ее, и раздраженная мысль безпорядочно билась въ тѣснотѣ наполняя ее тѣмъ нестерпимымъ ощущеніемъ которое испытываетъ человѣкъ когда ему не достаетъ воздуха для дыханія. Ей опять хотѣлось крикнуть, сдѣлать что-то рѣшительное, послѣднее и злое надъ собой или надъ нимъ, все равно. Или разорвать летая, или затянуть ее совѣсть, но только не чувствовать на шеѣ этого непрерывнаго, раздражающаго давленія которое мѣшаетъ дышать. Но въ рукахъ не было силы, и растревоженное чувство закипало и стлало, раздражая нервы истомой опущенныхъ крылъ.

Она встала, застегнула воротъ у шубки и опустила вуалетку.

— Я вамъ скажу только одну вещь, Евгенийъ Саввичъ, продолжала она ослабѣвшимъ голосомъ.—Вамъ будетъ пріятно узнать это. Да, вы угадали: я не стану заставлять васъ насильно жениться на мнѣ. Этой опасности вы можете не бояться. Если ваша совѣсть свободна, то и вы свободны. Вотъ все что я хотѣла вамъ сказать. А затѣмъ прощайте, мнѣ надо къ отцу.

Она быстро просунула руки въ маленькую барашковую пуфту, и не взглянувъ на Безбѣднаго вышла изъ комнаты.

Свѣжій воздухъ, пахнувшій холодомъ въ ея разгоряченное лицо, какъ будто придавъ ей силы. Она быстро шла по мокрому тротуару, унося съ собою смутное сознаніе что если она ничѣмъ не помогла своему положенію, то что-то такое нравственно развязала въ затянутахъ надъ нею

улаѣ. Страданіе приблизило ее къ мысли что можно остаться независимой, хотя несчастною женщиной, можно жить съ нанесенною обидой. „Да, вы не должны думать чтобы эта обида отдавала меня вамъ во власть“, говорила она, мысленно обращаясь къ тому кого такъ страстно любила и ненавидѣла. „Я докажу что этотъ роковой шагъ еще не погубилъ меня. Я могу продолжать борьбу. Съ петлей на шеѣ, я еще также нужна ему какъ и онъ мнѣ. А если нѣтъ, если я для него была только игрушкой, прихотью, тогда... тогда...“ Она не доканчивала своей мысли, но глаза ея мрачно вспыхивали подъ сдвинутыми бровами.

Василій Петровичъ чрезвычайно удивился ея приходу. Недовѣрчивая, слабая, улыбка оживила его лицо.

— Большаго навѣстить? Ну спасибо, дочка. Только зачѣмъ? зачѣмъ беспокоиться? сказалъ онъ, старательно и конфузливо оправывая одѣяло. — Я тутъ велѣлъ чайку себѣ подать, такъ вотъ оно и того... и хорошо будетъ.

Липочка положила на столикъ шалку, тихими шажками подошла къ кровати и наклонившись поцѣловала старика прямо въ губы.

— Отлично, лалѣ, я буду съ вами вмѣстѣ чай пить; мнѣ ѣсть хочется, сказала она, вспомнивъ что сегодня не обѣдала.

Она пришла на постель и спокойными, почти радостными глазами смотрѣла на отца. Горькое рѣшеніе къ которому она пришла дѣйствовало на нее ободряющимъ образомъ.

— Я къ вамъ съ предложеніемъ, лалѣ, сказала она, и прибавила съ серіозною улыбкой: — Только вы непременно, непременно должны одѣлать такъ какъ я скажу.

Василій Петровичъ тревожно взглянулъ на нее.

— Видите ли, вамъ здѣсь очень неудобно, продолжала Липочка. — Это невозможно такъ оставить; вы никогда не поправитесь если будете тутъ валяться безо всякаго ухода. И потому я вотъ что хочу одѣлать... Только вы не возражайте. Я отыщу небольшую квартиру, недорогую и удобную, переѣду туда и перевезу васъ. И такимъ образомъ мы будемъ жить вмѣстѣ пока вы не выздоровѣете совершенно и не соскучитесь по дому. А такъ какъ дома вамъ собственно нечего дѣлать, то можетъ-быть вы и сохотѣли остаться, по крайней мѣрѣ пока мои дѣла не опредѣлятемъ окончательно.

Василій Петровичъ пришелъ въ чрезвычайное волненіе и въ замѣшательствѣ поправлялъ свой растрепанный хохолокъ, тогда какъ мигающіе глаза его радостно свѣтились.

— Какъ же такъ, дочка? Зачѣмъ? Стѣснительно вѣдь это очень для тебя будетъ... Подумай, сколько-то времени съ большимъ старикомъ возиться! говорилъ онъ, колыхался подъ одеяломъ.—Для меня драгоцѣнно... драгоцѣнно это движеніе твоего сердца; но вѣдь я никогда не требовалъ какихъ-нибудь тамъ жертвъ съ твоей стороны...

Лилочка вмѣсто возраженія наклонилась и опять поцѣловала его. Старикъ тихою рукою прижалъ ее къ своей груди.

— Ну, значитъ такъ и будетъ, сказала она.—А иначе я не соглашусь воспользоваться вашими сбереженіями, о которыхъ вы давеча говорили.

На другой же день планъ Лилочки были приведены въ исполненіе. Она отыскала чистенькую квартирку въ три комнаты, купила по случаю очень дешево необходимую мебель, и такъ какъ Василю Петровичу стало замѣтно лучше, то сейчасъ же перевезла его на новоселье. Сама она съ чувствомъ радостнаго освобожденія покидала ненавистную комнату у Пелагеи Прохоровны.

VI.

Исчезновеніе стараго князя со всеми его капиталами не на шутку тревожило Кокó, и на другой день послѣ заданнаго имъ благотѣльнаго обѣда онъ отправился къ князьямъ за новостями. Тамъ ему сказали что отвѣта отъ управляющаго на послѣднюю телеграмму не получено. Кокó, выпативъ губу и покачиваясь на разставленныхъ ногахъ, съ минутой молча смотрѣлъ на Алину вылученными глазами.

— Однако это очень глупо, сказалъ онъ наконецъ.

Алина пожала плечами.

— Очень можетъ-быть что папá запретилъ управляющему отвѣчать намъ, выразила она свою догадку.

— Но это очень глупо, повторилъ Кокó, продолжая покачиваться.—Пойдемте въ кабинетъ, а я хочу сдѣлать маленькое предварительное дознаніе, прибавилъ онъ послѣ краткаго раздумья.

Въ кабинетъ все сохранялось въ томъ самомъ порядкѣ

какъ при старомъ князѣ; только ящики бюро, обыкновенно запертые, теперь свободно вынимались, и въ нихъ ничего не было кромѣ нѣсколькихъ измятыхъ листовъ оберточной бумаги. Кокó, освидѣтельствовавъ ихъ печальную пустоту, съ глубокомысленнымъ видомъ осматрѣлъ замки и даже опускался на колѣни чтобы лучше видѣть. Потомъ онъ перевернулъ спинкой впередъ рабочій стулъ князя и сѣлъ на него верхомъ.

— Сколько времени уже какъ это случилось? обратился онъ ко княжнамъ, многозначительно ударяя на словѣ *это*.

— Пятый день ужъ сегодня, печально отвѣтила Алина.

— Гм, сказалъ Кокó.—А кто первый замѣтилъ что ящики не заперты и пустые?

Алина отвѣтила что зайдя въ кабинетъ на другой день послѣ исчезновенія отца, она замѣтила что ящики какъ будто не плотно задвинуты; это ее испугало, и она попробовала ногтемъ открыть ихъ. Оказалось что бюро не заперто и денегъ нѣтъ.

— Ногтемъ? переспросилъ все съ тою же многозначительностью Кокó.

— Ну да, вотъ такъ, отвѣтила Алина и показала какъ выдвигаютъ ногтемъ незапертый ящикъ.

Кокó помолчалъ и почему-то занялся разсматриваніемъ собственныхъ ногтей.

— Потрудитесь позвать сюда Сиклитею; процѣдилъ онъ наконецъ.

Маленькое предварительное дознаніе очевидно очень занимало его и заставляло воображать себя въ какой-то важной сценической роли.

Сиклитея явилась.

— Скажите, милая, не вы ли собирали князя въ дорогу? обратился къ ней Кокó.

— Кому же больше? всегда я при немъ, отвѣтила Сиклитея.

— А видѣли ли вы что онъ взялъ съ собою всѣ деньги?

— Безпрѣмѣнно взялъ. Все какъ есть изъ ящичковъ выбралъ, въ газету завернулъ и сунулъ въ голенище.

— Въ голенище? переспросилъ Кокó, поднявъ брови.

— Да, онъ всегда въ голенище кладетъ. Развѣ я не знаю! подтвердила Сиклитея.

— Вотъ представьте себѣ! обратился Кокó ко княжнамъ. Тѣ только печально развели руками.

Кокó, сидя верхомъ на стулѣ, задумчиво поводилъ глазами. Наконецъ онъ потребовалъ чтобы къ нему прислали дворника.

— Мнѣ надо сдѣлать ему маленькій отдѣльный допросъ, объяснилъ онъ княжнамъ, приглашая ихъ удалиться.

Дворникъ, вѣсколько удивленный что его требуютъ къ молодому барину съ которымъ онъ не имѣлъ никакихъ отношеній, съ независимымъ видомъ остановился у дверей. Кокó строго взглянулъ на него.

— Ты давно здѣсь въ домѣ? спросилъ онъ его, не перемѣняя своего положенія.

— Да-съ, мы уже сколько лѣтъ, отвѣтилъ дворникъ.

— А какъ тебя, любезный, зовутъ?

— Ильей зовутъ.

— Когда князь уѣзжалъ, онъ не отдалъ, тебѣ никакихъ распоряженій насчетъ дома?

— Я даже и не видѣлъ когда они уѣзжали-то, отвѣтилъ Илья.

Кокó покачался на стулѣ и слегка посвисталъ. Этимъ онъ хотѣлъ уравновѣсить тонъ независимости, который такъ не нравился ему въ дворникъ.

— Всѣ квартиры заняты? спросилъ онъ строго.

— Которыя заняты, а то и пустыя есть двѣ во дворѣ, отвѣтилъ съ явнымъ пренебреженіемъ къ этому разговору Илья.

Кокó значительно посмотрѣлъ на него.

— А какъ обыкновенно было, кто получалъ отъ жильцовъ деньги? спросилъ онъ.

— Да кто самъ къ князю приносить, а съ кого я получаю, отвѣтилъ дворникъ.

— Что жь, эти дни наступилъ кому-нибудь срокъ платить? продолжалъ Кокó.

— Вотъ сейчасъ въ первомъ номерѣ за треть получилъ, шестьсотъ рублей.

— Гдѣ жь они?

— Чего-съ?

— Гдѣ жь эти деньги?

— Деньги у насъ при себѣ.

Кокó опять покачался на стулѣ и устремилъ на дворника значительный взглядъ.

— Положи ихъ тутъ на столѣ, сказалъ онъ.

— Чего изволите?

— Положи деньги здѣсь на столѣ, я ихъ спрячу до возвращенія князя, повторилъ Кокѳ.

Дворникъ только усмѣхнулся.

— Чтѳ вы, помиауйте-сь! сказалъ онъ степенно, и даже объясняться не счелъ нужнымъ.

„Экая скотина“, подумалъ Кокѳ, и вдругъ наморщивъ брови прикрикнулъ:

— Пошелъ вонъ!

Илья поглядѣлъ на него, обвелъ глазами комнату, словно спрашивая: чтѳ сей сонъ значить? — и не сказавъ ни слова вышелъ.

Кокѳ, въ высшей степени недовольный всѣмъ что онъ видѣлъ и слышалъ, очень недобезно простился со княжнами и сказалъ что во всякомъ случаѣ не позволить себя одурачить. Алина хотя не могла отвести эту угрозу къ себѣ, но странное положеніе въ какое поставило ее исчезновеніе отца уже сильно подѣйствовало на ея нервы, и она охотно заплакала.

Въ затруднительныхъ случаяхъ жизни Кокѳ сохранилъ привычку прибѣгать ко своей матери. Онъ очень довѣрлял ея практическому и даже пренырливому уму, и притомъ она никогда не говорила ему такихъ обидныхъ вещей какъ отецъ. Поэтому онъ рѣшился повѣхать къ ней посовѣтоваться.

Прасковья Викторовна всѣ эти дни сидѣла по случаю легкаго нездоровья дома. Появленіе сына очень ее обрадовало, такъ какъ со времени женитьбы она мало его видѣла, и притомъ интересовалась узнать подробности вчерашняго банкета. Хотя Кокѳ не оправдалъ ея равнихъ надеждъ, но она все-таки любила его, и будучи сама довольно плутоватаго нрава, втайнѣ сочувствовала нѣкоторымъ его взглядамъ на вещи. Но главное, почему Кокѳ питалъ къ ней довѣріе, заключалось въ томъ что Прасковья Викторовна раздѣляла его собственную точку зрѣнія на самого себя, именно считала что онъ долженъ откуда-то всегда имѣть много денегъ, хорошо жить и ничего не дѣлать.

При взглядѣ на наморщенный лобъ и сердито вылученные глаза своего любимца Прасковья Викторовна догадалась что онъ имѣетъ сообщить ей нѣчто непріятное. Это

было бы тѣмъ болѣе для нея прискорбно что его медовый мѣсяцъ еще не совсѣмъ окончился.

— Ну, шатап, я не хочу чтобы меня дурачили, сказалъ Кокѡ, тотчасъ забираясь съ ногами на кушетку.

— Что такое? встревожилась Прасковья Викторовна.

— Старый князь. Онъ всегда былъ фарсеръ, но это ужъ слишкомъ. Представьте, засунулъ въ голенище и исчезъ неизвестно куда. Сегодня ятый день.

— Какое голенище? говори пожалуйста толкомъ, перебила его Прасковья Викторовна.

— Кажется я говорю довольно ясно: голенище. Точно вы не знаете что это такое. Старая Сиклитея сама видѣла. Она увѣрляетъ что онъ всегда кладетъ въ голенище когда уѣзжаетъ. Какое жь онъ имѣетъ право? Онъ можетъ заснуть и у него вытащутъ. Его могутъ убить. Наконецъ я не знаю гдѣ онъ?

— Да что такое кладетъ? Деньги что ли?

Кокѡ злобно повелъ глазами.

— Какъ будто я не сказалъ? Разумѣется деньги. Билеты, свидѣтельства, акціи, векселя, однимъ словомъ все. Все приданое Полины. Я сейчасъ производилъ на мѣстѣ маленькое предварительное дознаніе. Это надо подать въ судъ, а? Я найму Безбѣднаго.

Прасковья Викторовна хотя не все какъ слѣдуетъ уразумѣла изъ безтолковаго разказа Кокѡ, но очень встревожилась и даже раскраснѣлась въ лицѣ. Впрочемъ къ волненію ея примѣшивалось также и нѣчто радостное, потому что воображенію ея внезапно представилась нѣкоторая сфера дѣятельности: она очень любила вмѣшиваться въ семейныя и въ особенности въ денежныя дѣла.

— Однако тебѣ надо поторопиться и показать что ты намѣренъ дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ! сказала она сыну. — Невозможно же въ самомъ дѣлѣ позволить себя дурачить. Пускай старый князь отдастъ Полинѣ ея часть, и тогда можетъ дѣлать что хочетъ. Но держать ея деньги Богъ знаетъ гдѣ, въ голенищѣ... Ты напрасно не напугалъ хорошенько Аину.

— Ну, это я еще всегда могу сдѣлать, возразилъ Кокѡ;— она и такъ все хнычетъ. Знаете, шатап, толстая Надишка дѣлается очень недурна; у нея ялечи какъ у Аметки Каричъ.

— Ты скажи имъ обѣимъ, что намѣренъ тотчасъ же заявить обо всемъ полиціи, что въ домѣ будетъ обыскъ и что ихъ арестуютъ по подозрѣнію въ сокрытіи капиталовъ, по совѣтовала Прасковья Викторовна, не обращая вниманія на неумѣстное замѣчаніе о плечахъ Надьины. — Пусть онѣ напишутъ отцу. Старый фарсёръ догадается что съ нимъ не шутятъ и тотчасъ прискачетъ назадъ. Если хочешь я сама къ нимъ поѣду и переговорю серьезно съ Алиной.

— Ну, это не надо, возразилъ Кокѡ. — Лучше вы переговорите со старымъ княземъ, когда онъ вернется. Я съ нимъ никогда не умѣю. А Алину я пугаю. Въ самомъ дѣлѣ, почему я знаю что это не она припрятала деньги? Я могу даже сдѣлать что ее арестуютъ.

Очень довольный этою идеей, Кокѡ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Палѣ дома? пожалуй я зайду къ нему, сказалъ онъ, направляясь на половину отца.

Павелъ Юрьевичъ очень одобрилъ совѣтъ жены, но замѣтилъ что если старый князь не намѣренъ выдѣлать Полину, то не такъ-то легко будетъ сладить съ его упрямствомъ.

— Тутъ надо чтобы твоя жена сама сумѣла похлопотать, сказалъ онъ.

— Ну, я заставлю ее поѣхать къ отцу и просить у него прощенія, отозвался Кокѡ.

Павелъ Юрьевичъ только сомнительно посмотрѣлъ на него.

— Будто ужъ Полина такъ подчиняется тебѣ? замѣтилъ онъ.

— Но, что жъ ей больше дѣлать? Ей также нужны деньги какъ и мнѣ, возразилъ Кокѡ.

— Да, кстати, перебилъ его Павелъ Юрьевичъ: — я хотѣлъ тебя спросить, чего ты зѣваешь? У тебя люди носомъ знакомые твои организуютъ большое акціонерное дѣло, а ты кажешься и понятія объ этомъ не имѣешь?

— Я что-то самшала... что жъ мнѣ до этого? отозвался Кокѡ.

— А то что пора тебѣ научиться самому приобрѣтать что-нибудь. Подобный случай не скоро представится. Кто ворочаетъ предпріятіемъ? Каричъ, Безбѣдный, баронъ Грабенъ — все твои знакомые. Двое вчера еще у тебя обѣдали.

Какъ же ты пропускаешь? Они должны непременно тебя при-строить. Ты могъ бы быть членомъ правленія, съ хоро-шимъ жалованьемъ.

— Пс! произнесъ Кокò, но на этотъ разъ любимый звукъ его выражалъ не пренебреженіе, а скорѣе пріятное удивле-ніе предъ блестящею идеей отца. — Въ самомъ дѣлѣ это очень хорошо, большое жалованье. Баронъ въ Обществѣ взаимнаго поощренія получаетъ десять тысячъ. Я никогда не могъ понять за что ему платять? Да и вы тоже гдѣ-то получаете что-то подобное.

— Мнѣ кажется они не могутъ отказать тебѣ, подтвер-дилъ Павелъ Юрьевичъ. — Я вчера думалъ что ты именно въ этихъ видахъ устроилъ обѣдъ. Но ты еще очень не-опытенъ и швыряешь деньги даромъ. Въ какихъ ты теперь отношеніяхъ съ Каричемъ?

— Ну, онъ скотина, объяснилъ Кокò.

— Это ни чему не мѣшаетъ, возразилъ Павелъ Юрь-евичъ. — Я такъ и быть переговорю съ нимъ самъ. Но надо заручиться также Безбѣднымъ и барономъ. Даромъ ничего не дается, но дешево дается очень многое!

Окрыленный наставленіями родителей, Кокò взялъ шля-пу и поѣхалъ пугать Алину и устраивать себѣ директор-ское мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ.

VII.

При счастливомъ сочетаніи такихъ силъ какъ Каричъ, Безбѣдный и баронъ Грабенъ, новсе акціонерно-промыш-ленное предпріятіе организовалось чрезвычайно скоро. Уч-редители оставили за собой половину акцій, за которыя впрочемъ только одинъ баронъ внесъ полностью соотвѣт-ствующій капиталъ; другіе двое не считали нужнымъ по-сѣдовать его примѣру, находя что баронскихъ денегъ до-статочно не только для первоначальныхъ расходовъ пред-пріятія, но и для уплаты солидныхъ директорскихъ окла-довъ. Акціи предназначенныя для публики выпускались маленькими партіями, съ расчетомъ чтобы предложеніе на первыхъ порахъ не превышало спроса, и чтобъ эта новая проблематическая цѣнность не устремилась къ пониже-нію. Въ то же время реклама, организованная въ самыхъ

широкихъ размѣрахъ и подъ самыми разнообразными формами, отъ газетныхъ статей до торжественныхъ завтраковъ съ молебнами и до публичныхъ опытовъ надъ какимъ-то новоизобрѣтеннымъ аппаратомъ, дѣятельно работала на пользу предпріятія. Баронъ, слѣдя за благопріятнымъ направле-ніемъ курса и получая изъ кассы Общества отличное жало-ванье, былъ совершенно счастливъ, не подозревая что это жалованье уплачивается изъ его же собственныхъ де-негъ... Чтобы устроить дѣло такимъ отменно выгоднымъ образомъ, Каричу необходимо было обставиться подходя-щимъ персоналомъ, и потому несмотря на личное нераспо-ложеніе къ Кокѣ онъ охотно согласился предоставить ему въ главное завѣдываніе счетную часть: не понимая ничего въ этомъ дѣлѣ, Кокѣ съ признательностію пользовался расчетами которые любезно составлялъ для него самъ Каричъ, и ко-нечно не любилъ стеснялся узнать, почему деньги причи-тающіяся за лаи двухъ главныхъ учредителей помѣщаются гдѣ-то въ кассы Общества. Полковникъ Бойко, получив-шій въ завѣдываніе техническую часть, считалъ себя тоже счастливейшимъ человѣкомъ и самоотверженно посвящалъ интересамъ Общества все время остававшееся у него сво-боднымъ отъ игры на рiаніно mésanique и отъ занятій съ ап-паратомъ для искусственнаго высиживания цыплятъ. Однимъ словомъ дѣло, обѣщавшее такъ много для общественнаго блага, въ то же время было благоразумно направлено къ частному благу пріотившихся подъ его стѣною лицъ.

Очень естественно что предпріятіе, такъ удобно устроен-ное ко взаимному удовольствію участниковъ, значительно облизнило ихъ между собой. Безбѣдный хотя и раньше до-рожилъ связью съ Каричемъ и считалъ ее весьма выгодною для своей адвокатской практики, но въ личныя отношенія его къ знаменитому капиталисту входило нѣкоторое брез-гливое чувство, отсылавшееся впечатлѣніями подсѣдствен-ной камеры. Онъ познакомился съ Каричемъ именно во время процесса, когда кліентъ его долженъ былъ предстать предъ нимъ во всей нечистоплотной обстановкѣ своего скверненькаго дѣла, и хотя вердиктъ присяжныхъ какъ бы связалъ дѣло адвоката съ дѣломъ подсудимаго, Безбѣдный до сихъ поръ все-таки чувствовалъ между нимъ и собою нѣкоторую нравственную перегородку. Грязь была слиш-комъ видна, и онъ какъ бы боялся запачкаться. Онъ былъ

по преимуществу человѣкъ формы, и какъ всѣ такіе люди очень требователенъ относительно внѣшней опрятности. Но съ теченіемъ времени это нарушенное условіе внѣшней опрятности казалось возстановленнымъ. Каричъ былъ возвращенъ обществу, связи возобновились, люди порядочные и гадкіе одинаково подчинялись его умѣнью держать себя свободно и значительно, со вліяющею, но не отталкивающею наглостью. Газеты перестали наконецъ толковать о его процессѣ, а бывая у него въ домѣ и заставляя его за рабочимъ столомъ или въ обществѣ хорошенькой дочери и очаровательной тѣе Олжанской, Безбѣдный уже совсѣмъ не замѣчалъ той грязи которая сначала оскорбляла его брезгливое чувство. Постепенно онъ становился на эту самую точку зрѣнія на какой стояли всѣ другіе, менѣе интимно знавшіе Карича и находившіе что хотя онъ конечно большой лаутъ, но въ сущности это его личное дѣло, а для постороннихъ онъ можетъ быть очень полезнымъ и даже пріятнымъ человѣкомъ. Когда Каричъ пригласилъ молодого адвоката участвовать въ затѣянномъ имъ предпріятіи, облежаніе ихъ еще болѣе облегчилось, такъ какъ дѣло оказывалось несомнѣнно выгоднымъ и обставленнымъ всеми условіями внѣшней опрятности. Что въ сущности это было вполне надувательское дѣло, Безбѣдный понималъ это очень хорошо: но во первыхъ, надувательство въ такой сложной и тонкой формѣ, такъ опрятно замаскированное, не слишкомъ рѣзало глаза, а во вторыхъ, вѣдь Безбѣдный принималъ на себя только второстепенную роль. Затѣя принадлежала не ему, и отказись онъ, Каричъ отлично могъ бы обойтись безъ него. Онъ собирался воспользоваться дѣломъ лишь для биржевой игры, а играть на биржѣ также мало предосудительно какъ играть въ рулетку. Даже тѣе Олжанская имѣла акціи новаго предпріятія и совершенно откровенно говорила что спекулируетъ ими только потому что знаетъ навѣрное когда онъ поднимутся и когда начнутъ падать. Дѣлать то самое что дѣлала изящная, милая и добрая женщина—что жъ тутъ можетъ быть дурного?

Да и не одна Олжанская. Хорошенькая Аннетъ, на которую Безбѣдный прежде какъ-то мало обращалъ вниманія, очень твердо знала всѣ условія и весь персоналъ молодого акціонернаго предпріятія. Она говорила о немъ также свободно и спокойно какъ ее отецъ, шутила надъ странностями

полковника Бойко и надъ медленно и скрытно разгоравшимся корыстолюбіемъ барона. Дѣло, къ которому прикасались эти почти дѣтскія, нѣжныя руки, и о движеніи котораго Безбѣдный чаще всего узнавалъ изъ болтовни этого хорошенькаго ротика, должно было сдѣлаться въ его глазахъ очень опрятнымъ дѣломъ. Когда спекулируютъ, жадничаютъ и грабятъ люди вполне обезпеченные, что за бѣда если онъ живущій своимъ личнымъ трудомъ тоже займется немножко спекуляціей?

И подводя ожидаемые итоги этой маленькой спекуляціи, Безбѣдный возвращался къ заключенію которое высказалъ Полицѣ на раутѣ у Луховецкихъ: „Право, все это очень условно“. При этомъ его глаза съ сочувственнымъ вниманіемъ останавливались на хорошенькомъ смѣшливомъ личикѣ mlle Каричъ. Она служила подтвержденіемъ что въ самомъ дѣлѣ „все это очень условно“. Ей едва ли минуло полныхъ семнадцать лѣтъ, она еще ѣздила къ ште Труба на особые курсы французской литературы и морали, она не знала никакихъ испытаний, жизнь не дала ей ни одного изъ своихъ тяжкихъ уроковъ; но она отлучно знала практическую цѣну вещей и даже знала что никакой другой цѣны онѣ и имѣть не могутъ. Она глядѣла на дѣятельность отца такъ просто, съ такою стихійною увѣренностью въ разумности всѣхъ его операций, для нея было такъ ясно что эти операціи представляютъ самую удобную, привилегированную категорію человѣческихъ дѣлъ, что молодой адвокат могъ только повторять съ чувствомъ пріятнаго успокоенія: „въ самомъ дѣлѣ, все это такъ условно“.

Тѣ же самыя общіе интересы заставили Безбѣднаго нѣсколько сблизиться съ барономъ. Послѣдній, при всемъ своемъ нерасположеніи къ нему, все-таки довѣрялъ ему больше чѣмъ Каричу. Несмотря на свѣтскую выдержку и большое влеченіе къ практической сторонѣ жизни, баронъ былъ въ сущности довольно ограниченный человѣкъ и не очень тонко понималъ людей и людскія отношенія. Такъ какъ его собственная холодность къ Безбѣдному происходила главнымъ образомъ изъ желанія держать его подальше отъ себя и предупреждать попытку родственнаго сближенія, то онъ думалъ что и Безбѣдный не долюбиваетъ его только за то что тотъ не хочетъ сближаться съ нимъ. Ему не приходило въ голову чтобы молодой адвокатъ, которому

онъ во всякомъ случаѣ не сдѣлалъ никакого зла, могъ питать къ нему болѣе глубокую и затаенную неприязнь. Встрѣчаясь съ нимъ теперь гораздо чаще и замѣчая съ его стороны постоянно ровный, даже дружелюбный тонъ, баронъ начиналъ думать что Безбѣдный оцѣнилъ его вниманіе. А для него было очень утѣшительно такъ думать, потому что, пустившись въ мало-знакомую ему сферу спекуляціи, онъ чувствовалъ себя не очень твердымъ на ногахъ и нуждался въ опорѣ. Инстинктъ жизни, не имѣвшій раньше случая обнаружить себя, разгарался въ немъ скрытымъ, но упорнымъ пламенемъ, приводя въ недуміи его самого. Баронъ судилъ о себѣ отчасти также какъ судили о немъ другіе, обманутые его холодными глазами и нѣкоторою ледяною корою, лежавшею на всей его виѣшности. Въ сущности же онъ былъ очень страстнымъ человѣкъ, и страсти, разъ проснувшись въ немъ, способны были проявить совершенно неожиданную, упорную и долго не догорающую силу.

Барона очень удивляло что акціонерный недугъ, который онъ такъ старательно скрывалъ чуть ли даже не отъ себя самого, становился замѣтенъ для окружающихъ. Его не-пріятно коробило когда мать предостерегала его чтобъ онъ не слишкомъ увлекался. Ему было досадно когда Безбѣдный улыбался, отвѣчая на его взволнованные разспросы о дѣлѣ. Но болѣе всего онъ былъ удивленъ когда Дина, эта красавица Дина, въ присутствіи которой онъ старался показать себя такимъ чуждымъ всякихъ матеріальныхъ интересовъ, однажды спросила его:

— Это вѣроятно очень большое дѣло, которое вы ведете съ Каричемъ и Безбѣднымъ?

— Да, то-есть въ смыслѣ денежномъ это довольно крупное предпріятіе, отвѣтилъ съ дѣланною небрежностью баронъ.

— То-то вы такъ увлечены имъ, сказала чуть-чуть улыбаясь Дина.—Вы ожидаете очень большихъ выгодъ?

Баронъ съ тою же небрежностью пожалъ плечами, хотя краска досады слегка покрыла его щеки и лобъ. Ему чрезвычайно не-пріятно было что пришлось объясняться съ Диною объ этомъ предметѣ.

— Право не знаю какъ вамъ сказать, отвѣтилъ онъ.—Я вошелъ въ дѣло почти случайно. Но такъ какъ въ него положено все мое состояніе, то разумѣется мнѣ хотѣлось бы чтобъ оно шло хорошо.

Дина поглядѣла на него своими спокойными синими глазами.

— Что же васъ заставило рисковать всѣмъ своимъ состояніемъ? спросила она.

Баронъ повторилъ движеніе плечами.

— Нельзя же держать деньги вѣчно на казенномъ процентѣ, объяснилъ онъ.

— Но рисковать всѣмъ что имѣешь—это опять совсѣмъ другое дѣло, возразила Дина.—Значитъ, вы очень хотите сдѣлаться гораздо богаче чѣмъ вы были?

— Когда представляется случай, кто же станетъ упускать его? отвѣтилъ баронъ.—Я такъ скромно цѣню свои личныя достоинства что мнѣ позволительно желать—сдѣлаться по крайней мѣрѣ очень богатымъ человѣкомъ.

— Но вы и такъ богаты, и у васъ нѣтъ семьи...

— Я еще не старикъ, возразилъ баронъ.—Но я думаю этотъ разговоръ не имѣетъ для васъ никакого интереса, добавилъ онъ съ нѣкоторою холодною.

— Напротивъ, всякая страсть интересуется меня, возразила Дина.—Я люблю наблюдать людей съ опредѣленными инстинктами и даже съ одностороннимъ характеромъ. Въ Парижѣ я цѣлый годъ слѣдила за однимъ страстнымъ игрокомъ, и эта драма до того заинтересовала меня что я даже давала ему свои деньги чтобъ отыгратъся. Къ сожалѣнію онъ дурно кончилъ.

— Можетъ быть и я тоже дурно кончу, сказалъ съ натянутою улыбкой баронъ;—но мнѣ кажется для постороннихъ это совсѣмъ не интересно.

— Почему же нѣтъ? Гдѣ страсть, тамъ и драма, а драма въ дѣйствительной жизни всегда интересна. Страсть даетъ характеръ. Я знаю только одну вещь которая въ людяхъ интересуется меня больше чѣмъ ихъ страсти... продолжала Дина, и ея глаза со страннымъ, опечаленнымъ выраженіемъ посмотрѣли мимо барона въ пустоту большой и холодной залы.

— А именно? спросилъ баронъ.

— Слабости, отвѣтила Дина.—Въ нихъ иногда больше драмы чѣмъ въ страстяхъ. Страсть интересна какъ высшее напряженіе характера, а слабость—какъ его паденіе. Наблюдать страсть очень легко, она бросается въ глаза, кричитъ, показываетъ больше чѣмъ есть. Но когда человѣкъ

медленно падаетъ подъ вліяніемъ какой-нибудь унизительной слабости... я не умѣю вамъ сказать до чего это глубоко на меня дѣйствуетъ.

Баронъ взглянулъ на нее своими холодными глазами.

— Я знаю о комъ вы говорите, сказалъ онъ, и его голосъ зазвенѣлъ также холодно какъ глядѣли его глаза.

Дина почувствовала этотъ холодъ и посмотрѣла на него въ упоръ настойчивымъ, внимательнымъ взглядомъ. Баронъ невольно потупился.

— Онъ приходилъ къ маманъ когда я была въ своей комнатѣ. Вы знаете зачѣмъ? сказала она послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, во время котораго оживленіе повсѣмному сбѣжало съ ея лица.

Баронъ пожалъ плечами.

— Вѣроятно ему нужны деньги, такъ какъ онъ увѣзжаетъ въ деревню, сказалъ онъ.

Дина ничего на это не промолвила и подойдя къ роялю разсѣянно тронула клавиши. Баронъ подошелъ вслѣдъ за нею, развернулъ піесу которую она еще нѣсколько дней назадъ обѣщала сыграть ему и сталъ противъ нея, приготовясь слушать. Дина съ удивленіемъ взглянула на него.

— Ахъ нѣтъ, сказала она, и послѣднѣю отошла отъ рояля.

VIII.

Въ большой залѣ было холодно. Поеживаясь плечами, Дина перешла въ гостиную и прислушиваясь къ раздававшимся близко за нею шагамъ барона, повернула въ сосѣднюю комнату, которую въ домѣ называли „портретною“. Оттуда она вошла въ корридорчикъ, отдѣлявшій парадныя комнаты отъ половины Ксеніи Михайловны. Шаги уже не были слышны. Дина прошла по всему корридорчику и потомъ черезъ маленькую проходную комнату, служившую аванзалой, вышла на лѣстницу и спустилась въ нижній этажъ.

— Баронъ дома? спросила она швейцара.

Ей отвѣтили что дома. Она вошла въ переднюю и тихо по постучала въ саѣдующую дверь.

— Можно къ вамъ André? окликнула она.

— Войдите, отозвался Андрей не тотчасъ и какъ будто невольнымъ тономъ.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы потертаго пиджака, странно сидѣвшаго на его толстой, потерявшей талию фигурѣ. Густые, отростшіе волосы ерошились и падали на лобъ, придавая его тихимъ глазамъ унылое и почти злое выраженіе.

Дина, продолжая поеживаться озябшими на лѣстницѣ плечами, потянула носикомъ воздухъ чтобы узнать не пахнетъ ли въ комнатѣ ромомъ и чуть-чуть наморщила брови.

— Вы уѣзжаете въ деревню? сказала она, садясь на обтянутую ковромъ качалку предъ каминомъ, въ которомъ едва таили уголья.

— Хочу ѣхать, отвѣтилъ Андрей, продолжая взадъ и впередъ ходить мимо нея.

— Теперь въ деревнѣ самое дурное время, возразила Дина:— снѣгъ стаялъ, грязь, все пышетъ, въ воздухѣ гниль, деревья стоятъ голыя. Даже гулять негдѣ.

— Да я никогда и не гуляю, сказалъ Андрей.

— Что жъ вы будете дѣлать? спросила Дина и прямо посмотрѣла на него серьезными, вызывающими глазами.

Андрей отвернулся, но не дошелъ до конца комнаты и остановился въ полоборота къ ней.

— Я не понимаю этого вопроса, проговорилъ онъ. Развѣ непременно надо что-нибудь дѣлать? Я именно буду ничего не дѣлать.

Дина чуть-чуть улыбнулась этой замысловатой фразѣ.

— Вѣдь вы и тутъ ничего не дѣлаете, сказала она.

— А тамъ лучше, возразилъ Андрей съ легкимъ отѣвкомъ нетерпѣнія.

Онъ продолжалъ попрежнему ходить мимо нея изъ угла въ уголъ. Ей каждый разъ казалось что онъ задѣнеть ее ногами.

— Сядьте пожалуйста, André, маѣ такъ неудобно говорить съ вами, сказала она.

Андрей съ видомъ вынужденной покорности присѣлъ прямо противъ нея на мягкій валежъ дивана. „И вовсе вамъ незачѣмъ безлекоитъся говорить со мною“, выражало его лицо. Дина глядѣла на него и на слабый красноватый огонекъ въ каминѣ.

— André, сдѣлайте о чемъ я буду просить васъ, сказала она, откинувъ голову на локатую спинку качалки.

Андрей только вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Познакомьте меня съ Таней, доказала Дина.

Андрей быстро всталъ и съ видомъ совершеннаго отчаянія взялся за голову.

— Ахъ, что только вы можете выдумать! и къ чему, къ чему всѣ эти выдумки! сказалъ онъ почти плаксивымъ отъ отчаянія голосомъ и снова заходилъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, серьезно! продолжала Дина. — Вы ужъ представьте мнѣ самой разсудить, прилично это или неприлично. Маман пусть не знаетъ, ей не надо. А я хочу ее видѣть. Если вы ее такъ любите, значитъ есть же въ ней что-нибудь. Тогда вамъ не должно быть стыдно показать ее. А я могу безпристрастно судить о всякомъ женскомъ сердцѣ, будетъ ли это сердце горничной или графини, или погибшаго существа...

Андрей остановился подлѣ камина и съ видомъ крайняго вѣтерливнаго водилъ рукою по волосамъ отъ затылка ко лбу.

— Что жъ, исполните мою просьбу? сказала Дина, взглянувъ на него своимъ спокойнымъ, мягкимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, коротко отвѣтилъ Андрей.

— Почему?

— Потому что я не имѣю никакого права вводить васъ въ неподходящія для васъ знакомства, да и совсѣмъ это для васъ не нужно и не интересно. Я, извините меня, ей-Богу же не понимаю...

— Чего?

— Да вотъ, зачѣмъ это все... Что васъ такъ интересуешь? Бросьте вы меня пожалуста, не стою я совсѣмъ этого вниманія...

Онъ махнулъ рукою и еѣлъ на прежнее мѣсто. Въ тихихъ тонахъ его отразился красноватый отблескъ камина и придавъ имъ несвойственное, злое выраженіе. Дина толкнула качалку, которая сдѣлала два короткіе размаха и остановилась.

— Или вы очень не довѣряете мнѣ, или... или вы сами считаете свою страсть унизительною, сказала Дина.

— Страсть... какія у васъ слова! возразилъ съ ироніей Андрей. — Я никогда не думалъ что у меня есть страсть.

— Что жъ это такое? спросила Дина.

Андрей пожалъ плечами.

— Почему же страсть? повторилъ онъ, словно это опредѣленіе имѣло для него что-то особенно неприятное и

безпокойное.—Надо же чтобы какая-нибудь женщина нравилась больше другихъ. Мнѣ нравится та которая для меня удобнѣе. И потому это дѣло вкуса. У меня могутъ быть очень дурные вкусы, и все-таки они очень хороши для меня.

— Хороши въ эту минуту, но не навсегда? сказала Дина. Андрей вопросительно посмотрѣлъ на нее, и показавъ за-ключавшійся въ ея словахъ намекъ, вдругъ весь вслыхнулъ.

— Ахъ, вамъ тоже сообщили что я намѣреваюсь тайно жениться, проговорилъ онъ.—Теперь я знаю почему вы такъ стараетесь спасти меня. Но только какъ же это никто не хочетъ понять что если я дѣйствительно, дѣйствительно захочу жениться, то этому невозможно будетъ помѣшать? И я самъ никому не мѣшаю и никому не нуженъ. Я хочу только чтобы меня оставили въ покоѣ. Пусть мнѣ дадутъ жить такъ какъ я люблю.

— Но если эта жизнь ниже вашего образованія, вашего положенія? Если она затягиваетъ до такой степени что потомъ изъ нея уже нѣтъ возврата? сказала Дина и въ ея голосѣ слышалась какая-то нервная усталость.

— Нѣтъ, такъ и не надо, возразилъ Андрей и изъ подлба взглянулъ на нее вызывающими глазами.

Она встала, и положивъ руку на каминъ, наклонила къ нему лицо.

— Теперь есть, но послѣ не будетъ, сказала она.

Андрей не отвѣчалъ. Длинные темные рѣсницы Дины чуть-чуть дрогнули. Она подняла голову.

— Я не буду больше надѣяться вамъ, сказала она, уронивъ на него медленный взглядъ своихъ синихъ глазъ.

Она не считала себя оскорбленною, но уносила съ собою тоскливое чувство, съ какимъ покидаютъ безнадѣжнаго больного. Печальное и разсѣянное выраженіе осталось на ея лицѣ и за обѣдомъ она неохотно отвѣчала на вопросы Павла Евгеньевича, сѣдившаго за нею недоумѣвающимъ и безпокойнымъ взглядомъ.

Когда встали изъ-за стола, онъ прошелъ вслѣдъ за нею въ „портретную“, гдѣ стояла ея рабочая корзинка и попросилъ позволенія закурить сигару. По нѣкоторому напряженію во всей его фигурѣ можно было догадаться что онъ намѣренъ заговорить о чемъ-то сильно его зажимавшемъ. Онъ

очень долго возился со спичками, взглядывая искоса на наклоненную надъ работою головку Дины, и наконецъ спросилъ:

— Вы кажется были у брата?

— Да, отвѣтила Дина.

— И вамъ удалось убѣдить его остаться въ Петербургѣ и отказаться отъ нѣкоторыхъ неудобныхъ привычекъ и можетъ-быть даже... привязанностей? продолжалъ съ натянутою шутовскою баронъ.

Дина подняла голову и вопросительно посмотрѣла на него. Ей было всегда непріятно когда онъ говорилъ о братѣ съ раздраженіемъ или насмѣшкой.

— Нѣтъ, отвѣтила она коротко.

— Такъ что вы наконецъ вѣроятно откажетесь отъ вашей великодушной идеи — поднять его, вырвать изъ той жизни въ которую онъ вовлеченъ своими нѣсколько странными вкусами, и такъ далѣе, и такъ далѣе? продолжалъ баронъ, расправляя двумя пальцами свои слегка надутые усы.

— Я не понимаю почему вы всегда такъ строги къ нему? сказала Дина. У него отличное сердце, и хотя у меня никогда не было той смѣлой идеи которую вы предполагаете, но я считаю его вполне достойнымъ сочувствія.

— Я очень хорошо знаю что вы ему сочувствуете! оказалъ съ удареніемъ баронъ.

Дина, не оставляя работы, вскользь взглянула на него.

— И признаюсь вамъ для меня это большая загадка! добавилъ баронъ, безлокойно поворачивая въ рукахъ сигару.

— Въ чемъ вы видите загадку? спросила Дина.

— Въ томъ что хотя братъ дѣйствительно очень добрый человѣкъ, но по моему мнѣнію ни въ какихъ отношеніяхъ не достоинъ васъ! объяснилъ баронъ, быстро покраснѣвъ до корней волосъ.

Дина положила работу и спокойно прислонилась къ спинкѣ дивана.

— Мнѣ кажется вы очень странно и очень неправильно понимаете мои отношенія къ André, сказала она. Зачѣмъ этотъ вопросъ—достойны ли мы другъ другъ? Я вамъ говорила что такіе люди какъ André возбуждаютъ во мнѣ глубокое участіе, потому что они несчастны. Развѣ это такъ удивительно?

— Только такіе какъ André? переспросилъ баронъ.

Дина пожала плечами и потянула къ себѣ работу. Рука барона теребившая усы слегка дрожала.

— Вы мнѣ позволите высказать одно замѣчаніе? сказалъ онъ неспокойно.

— Пожалуста, согласилась Дина.

— Надѣюсь что оно не покажется вамъ слишкомъ... притязательнымъ, продолжалъ тѣмъ же нетвердымъ голосомъ баронъ.—Я позволяю себѣ сдѣлать его именно потому что вы не можете сомнѣваться какъ высоко я цѣню вашъ характеръ и вашъ умъ. Вотъ потому-то я хотѣлъ сказать что такіа великодушныя натуры какъ ваша иногда бываютъ очень несправедливы. Отдавать свое сочувствіе слабымъ и несчастнымъ людямъ—это такъ естественно. Но неужели тотъ кто не заслуживаетъ состраданія уже недостойнъ вашего вниманія? Вы нѣсколько часовъ назадъ интересовались моими денежными дѣлами. Я очень хорошо понимаю вашу точку зрѣнія на эти дѣла. Вы разспрашивали меня чтобы только вѣрнѣе убѣдиться въ вашемъ мнѣніи обо мнѣ какъ о человѣкѣ совершенно матеріальномъ, практическомъ и прозаическомъ... А знаете ли что это мнѣніе не совсѣмъ вѣрно?

Баронъ вдругъ остановился, потому что голосъ его дрожалъ и онъ не могъ овладѣть своимъ волненіемъ.

— Кто же вамъ говоритъ что я не считаю васъ достойнымъ своего вниманія? возразила въ смущеніи Дина.

— Нѣтъ, я знаю. Я знаю что всѣ судятъ обо мнѣ по наружности, въ которой есть можетъ-быть даже что-то отталкивающее для нѣкоторыхъ... продолжалъ волнуясь баронъ.— Мнѣніе людей постороннихъ меня мало интересуетъ, но быть такъ дурно понятымъ вами... вами... это для меня очень тяжело, потому что если когда-нибудь была женщина...

Дина съ испугомъ подняла голову. Волненіе барона, его тяжело разгарававшаяся рѣчь, заставляли ее ждать неосторожнаго слова, къ которому она не была готова, котораго она боялась.

— Полноте, Поль, я не знаю откуда у васъ такіа подозрѣнія! сказала она, послѣшно собирая свою работу. Я васъ всегда считала въ числѣ своихъ друзей, и намъ ничто не помѣшаетъ сохранить эти отношенія, не правда ли? добавила она улыбаясь и протягивая ему руку.

Баронъ прижался губами къ ея тонкимъ пальцамъ и бо-
лса подыять свое смущенное, горѣвшее лицо. Остановив-
шееся дыханіе тѣснило ему грудь.

Дива тихонько отняла руку и не оглянувшись на него
вышла изъ комнаты. Выраженіе тревожнаго удивленія ле-
жало на ея чуть-чуть поблѣдѣвшемъ лицѣ.

IX.

Очень удачно Липочка выбрала квартиру: чистенькая,
соразмѣрная, на солнечной сторонѣ, сухая и свѣтлая, она
сразу понравилась и ей самой, и Василью Петровичу, а
когда они въ ней расположились и разстались, понрави-
лась еще больше. Мебель тоже была хорошо куплена и да-
же подошла къ обоямъ, точно по заказу. Въ такихъ милыхъ
комнатахъ, такъ уютно и почти модно обставленныхъ, Ли-
почкѣ приходилось хозяйничать въ первый разъ, и когда
наконецъ все очутилось на своихъ мѣстахъ и послѣдній
гвоздь былъ налаженъ подъ маленькій складной образокъ,
привезенный Васильемъ Петровичемъ изъ дому—и отецъ, и
дочь оглянулись на свое новое жилище съ чувствомъ какого-
то радостнаго удивленія, недоумѣвая какъ это имъ удалось
все такъ легко и дешево устроить. Василій Петровичъ, быстро
оправлявшійся послѣ болѣзни, все похаживалъ изъ своей
спаленки въ гостиную, приглядывался, трогалъ рукой по-
лосатый ремень на креслахъ, постукивалъ но столу и приго-
варивалъ:

— А хорошо... право хорошо... доброкачественное сдѣлано,
чисто. Ужъ точно что Петербургъ. У насъ за такую мебель
какія бы деньги залаатить надо. Ну, конечно куплено по
случаю, однако дождись въ другомъ мѣстѣ такого случая!
Молодець ты у меня, Липочка, право молодець: совсѣмъ на
столичную ногу стала!

Липочка снисходительно улыбалась и надумавшись про-
изводила еще какое-нибудь улучшеніе въ гостиной или въ
своей комнатѣ. Эта мелочная, пріятно-суебивая и совер-
шенно для нея новая дѣятельность отвлекала ее отъ дру-
гой, трудной и мучительной работы, втайнѣ проеиходив-
шей въ ней всѣ эти дни. Она была рада такому отвлеченію,
хотя знала что оно очень ненадежно, и что та другая,

тайная дѣятельность гораздо значительнѣе и остановить ее невозможно. Дѣйствительно, когда возня съ устройствомъ была окончена и жизнь въ ея внѣшнихъ формахъ казалась налаженною, Липочка вдругъ увидѣла что все это не имѣетъ ровно никакого значенія, что жизнь никогда не войдетъ въ налаженные формы, и что все имѣющее въ ней смыслъ, все волнующее и тревожащее, продолжаетъ съ прежнею болью властвовать надъ ея мыслью и чувствомъ. Она была рада что отецъ такъ скоро поправляется и еще больше была рада отъ сознанія какого-то исполненнаго относительно него долга. Но когда старикъ, залахнувшись въ мажорскія поды своего халатика и видимо томясь непривычнымъ ему бездѣйствіемъ, сѣдился противъ нея въ кресло, глядѣлъ на нее и барабанилъ по столу пальцами, она чувствовала что имъ обоимъ не о чемъ говорить, и что такъ жить невозможно. Ощущеніе пустоты, гнавшее ее изъ Т* и наполнявшее ее нестерпимымъ нервнымъ безпокойствомъ, теперь давило еще сильнѣе. Ей опять казалось что жизнь замкнулась въ тѣсный глухой закоулокъ, гдѣ даже крикъ, внезапно и невольно вырвавшійся изъ надорванной отчаяніемъ груди, никого не удивить и не разбудить...

Она не послушалась совѣта Бездѣднаго — оставить консерваторію, хотя знала что туда проникали нѣкоторые двусмысленные толки на ея счетъ. Она рѣшилась не обращать на нихъ вниманія и усерднѣе прежняго заниматься своимъ музыкальнымъ образованіемъ. У нея было теперь пианино, очень недорогое, но на которомъ по крайней мѣрѣ можно было аккомпанировать. Она не позволяла себѣ пропустить ни одного урока, заставляла себя по цѣлымъ часамъ упражняться надъ скучными сольфеджіо. Профессора находили что она дѣлаетъ успѣхи, но въ ней самой точка зрѣнія на ея музыкальную карьеру какъ-то передвинулась и съ этимъ передвиженіемъ исчезла прежняя увѣренность въ своихъ силахъ. Ей казалось что голосъ ея упалъ, но на самомъ дѣлѣ въ ней уляло прежнее, нѣсколько искусственно вызванное возбужденіе. Достигнутое представлялось ей еще бесконечно далекимъ отъ той артистической зрѣлости которая тѣмъ болѣе вырастала въ ея сознаніи, чѣмъ медленнѣе она приближалась къ ней. Часто, усталая, она отходила отъ пианино и опустивъ руки, въ состояніи тулой неподвижности, глядѣла предъ собой заслоненнымъ взглядомъ.

Ничтожность внѣшней, посторонней жизни, состоящей въ устройствѣ положенія, въ занятіяхъ и успѣхахъ, чувствовалась особенно сильно въ эти минуты, и она вся обращалась къ той тайной и властительной силѣ которой она не хотѣла дать мѣста и которая упорно и мучительные раздѣлала что-то внутри.

О Безбѣдномъ не было ни слуху, ни духу...

Василій Петровичъ хотя былъ очень доволенъ новымъ устройствомъ, придуманнымъ Лилочкой, но и онъ понималъ что все это какъ-то непрочо и что жить такъ вдвоемъ, посреди незнакомаго имъ обоимъ Петербурга, въ насильственномъ удаленіи отъ всего съ чѣмъ обстоятельства связали ихъ раньше—невозможно. Его очень тревожило что дочь никогда не упоминаетъ о Безбѣдномъ и что ни одна живая душа у нихъ не бываетъ,—все это напоминало о чемъ-то первѣшномъ, неконченномъ, ожидающемъ неизвѣстной и опасной развязки, и ему становилось жутко посреди непривычнаго бездѣлья этихъ тихихъ, долгихъ, томительныхъ дней.

— А что дочка, вѣдь Сергѣй Михайловичъ не знаетъ куда мы перебрались? сказалъ онъ ей разъ.—Обидно это можетъ ему показаться. Сообщить бы ему адресъ. Какъ ты полагаешь?

При имени Молостова брови Лилочки пришли въ движеніе. Она можетъ-быть не питала къ нему личнаго враждебнаго чувства, но онъ для нея олицетворялъ собою противорѣчіе всему что она сдѣлала, что она считала хорошимъ и правильнымъ и стоящимъ внѣ всякаго посторонняго суда. Теперь, когда она уже не была такъ увѣрена какъ прежде въ превосходствѣ сдѣланныхъ шаговъ жизни, встрѣча съ нимъ получала для нея особенное, горькое значеніе. Но искушеніе увидѣть единственнаго человѣка, отъ котораго она могла что-нибудь узнать о Безбѣдномъ, было такъ сильно, что на вопросъ отца она только пожала плечами и съ видомъ совершеннаго равнодушія сказала:

— Почему жъ не написать ему? Я ни отъ кого не скрываюсь, мнѣ все равно.

Василій Петровичъ поглядѣлъ на нее, поигравъ пальцами по столу и уйдя въ свою комнату принялся медленню и старательно выводить на почтовомъ листѣ крупными строки.

Молостовъ пришелъ вечеромъ въ тотъ же день. Лилочка

присѣла съ работой къ столу и прилежно шила, почти не вмѣшиваясь въ разговоръ. Когда Молоствовъ обращался прямо къ ней, она отвѣчала коротко и равнодушно и взглядывала на отца какъ будто говоря ему: „вѣдь это *вашъ* гость, а не мой, и ужъ вы сами ведите съ нимъ разговоръ, а я только такъ, потому что мнѣ все равно“. Василий Петровичъ покорился и перешелъ къ воспоминаніямъ объ общихъ провинціальныхъ знакомыхъ. Молоствовъ отзывался о нихъ какъ бы съ добродушною ироніей, но въ сущности очень презрительно: онъ вообще всѣхъ презиралъ и добродушія въ немъ совсѣмъ не было. Василию Петровичу это нравилось, и при особенно злыхъ замѣчаніяхъ молодого человека онъ одобрительно подмигивалъ дочери и распускалъ складки лица... Липочка перестала ихъ слушать. Трудная, собственная мысль до такой степени владѣла ею что она даже не замѣчала ея. Только когда разговоръ на минуту умолкалъ, она вдругъ выходила изъ состоянія неподвижности и съ удивленіемъ взглядывала на Молостова какъ будто не понимая какъ же это могло быть что вотъ онъ здѣсь—и ничего не говоритъ о томъ что только одно и имѣло для всѣхъ значеніе.

— Ну, а что жъ вы не скажете какъ проживаетъ почтеннѣйшій Евгенийъ Саввичъ? вдругъ съ преувеличеннымъ равнодушіемъ обратился къ нему Василий Петровичъ и украдкой, боязливо оглянувшись на дочь.

У Липочки только чуть-чуть дрогнули рѣсницы.

— Да вѣроятно очень хорошо проживаетъ, отвѣтилъ Молоствовъ, весь какъ-то злорадно пожившись при этомъ вопросе.—Для человека избравшаго себѣ такой вѣрный путь—какія же могутъ быть затрудненія или неудачи? добавилъ онъ, вскользь взглянувъ на Липочку.

— Это вы на счетъ адвокатуры? переспросилъ прищурившись на него Василий Петровичъ.

— Нѣтъ, собственно на счетъ самого Евгения Саввича, поправилъ Молоствовъ.—Взглядъ у него очень правильный, вотъ что главное. Это не у всѣхъ бываетъ. Вотъ и мы съ вами тоже вѣроятно имѣемъ кое-какія стремленія и требованія отъ жизни, только куда же намъ противъ Евгения Саввича! Мы постоянно съ оглядкой, а у него все это ясно и сосредоточенно. Мы какъ увидимъ лакомый кусокъ, сейчасъ справляемся нѣтъ ли къ нему хозяина, да деликатно

ли будетъ съ нашей стороны прѣгаотить его, да не нарушимъ ли мы какихъ-то частныхъ и общественныхъ правъ и интересовъ; а онъ просто беретъ и глотаетъ, и развѣ что только кому-нибудь изъ вѣжливости мерсі скажетъ. Тутъ, я полагаю, большая разница выходитъ, Василій Петровичъ.

Онъ опять вскодьзь взглянулъ на Липочку. Ему кажется пріятно было замѣтить что она поблѣдѣла. Василій Петровичъ улыбался съ неувѣреннымъ выраженіемъ, не зная какъ покажется ей то что говорилъ Молоствовъ.

— Сергѣю Михайловичу на язычекъ не попадайся! рѣшился онъ подмигнуть имъ обоимъ. У Липочки при этихъ словахъ глаза вспыхнули.

— Вы вѣдь всегда его терпѣть не могли, и я только не понимаю какъ при такомъ условіи вы можете жить съ нимъ! сказала она.

Молоствовъ поежился.

— Нѣтъ, почему бы я сталъ не терпѣть Евгенія Саввича? возразилъ онъ.—Лично онъ мнѣ ни малѣйшаго зла не сдѣлалъ, и даже не далѣе какъ сегодня въ порывѣ великодушія предлагалъ мнѣ нѣсколько акцій новаго общества ассенизаціи. Положимъ, я отказался, но за что же я буду не терпѣть Евгенія Саввича? Я вѣдь, Олимпиада Васильевна, только наблюдаю и притомъ исключительно лишь для собственнаго поученія. Самъ я человѣкъ неопытный, ни жизни, ни людей не знаю, такъ мнѣ и полезно. Вы даже представить себѣ не можете, сколько я ужъ уразумѣлъ въ самое короткое время.

— Что же именно вы уразумѣли? тономъ вызова обратилась къ нему Липочка.

— Самую суть уразумѣлъ, отвѣтилъ со своимъ всегдашнимъ поеживаніемъ Молоствовъ.—Уразумѣлъ „что есть истина“, только не та о которой спрашивалъ Пилать. Тамъ, въ провинціи, видны только послѣдніе расходящіеся круги жизни, а здѣсь даже такой маленькій человѣчекъ какъ я можетъ заглянуть въ самую воронку водоворота. Тамъ я только догадывался что есть жрецы и есть жертвы, а тутъ сталъ ловимать—почему именно одинъ дѣлается жрецомъ, а другіе жертвами. Повѣрите ли такая это простая вещь (какъ и всѣ впрочемъ великія истины), а такъ мало кто это знаетъ! Вы думаете нужен талантъ, умъ, знаніе, характеръ, счастье? Ничего не нужно кромѣ наглости и твердой

увѣренности что если я могу что-нибудь проглотить, стало-быть оно предназначено именно для моего питанія. Правда, наглость должна быть доведена до такихъ размѣровъ при которыхъ она становится почти геніальностью. Евгений Саввичъ еще не дошелъ до этого предѣла, оттого я и считаю что онъ находится теперь въ самомъ интересномъ періодѣ для наблюденія. Вотъ немного погодя, когда онъ сформируется, наблюдать будетъ уже поздно, останется только отлить его изъ бронзы или выстѣчь изъ мрамора.

Молоствовъ разсмѣялся тонкимъ, срывающимся смѣхомъ. Онъ наслаждался. „Странно—думалъ онъ въ эту самую минуту, по своей всегдашней привычкѣ думать о чемъ-нибудь тайно въ немъ происходящемъ—странно что я золь, несомнѣнно золь, и къ каждому отдѣльному человѣку питаю охотѣе всего враждебное чувство. А между тѣмъ при словѣ *человѣчество* во мнѣ разгарается ненасытная потребность любви и во мнѣ есть болѣзненная чуткость къ добру и правдѣ.“

У Лилочки отъ его смѣха что-то непріятное пробѣжало по нервамъ.

— Не понимаю зачѣмъ вы такъ стараетесь? сказала она.—Я давно знаю что вы его ненавидите. Но кто ненавидитъ, тотъ не можетъ судить. Я Безбѣднаго знаю больше вашего и знаю что жизнь сдѣлала его эгоистомъ, страшнымъ эгоистомъ, но онъ въ этомъ не виноватъ, какъ не виноватъ въ томъ что его братья спали на готовыхъ милліонахъ въ то время какъ онъ голодалъ и бѣгалъ за подачками къ Фамалѣеву. (Лилочка отчасти знала исторію Безбѣднаго и очень ей сочувствовала.) Вы хотите чтобы человѣкъ имѣющій право мстить и получившій возможность мстить продолжалъ великодушно жертвовать собою? Это слишкомъ кислосладко, Сергѣй Михайловичъ. И знаете ли что я вамъ скажу? добавила она со внезапною зазвенѣвшею злобой—что каковы бы ни были мои личныя отношенія къ Евгению Саввичу, я прошу васъ никогда не говорить о немъ при мнѣ такимъ тономъ какъ вы сейчасъ говорили! Потому что мнѣ непріятно когда вы, именно вы такъ говорите о немъ!

Василій Петровичъ всполошился:

— Зачѣмъ же, дочка, на Сергѣя Михайловича нападать? Онъ не хотѣлъ сказать тебѣ ничего непріятнаго, и я

увѣренъ что увлекаясь даромъ остроумія, онъ тѣмъ не менѣе отдастъ справедливость Евгенію Саввичу, вмѣшался онъ, бросая на обоихъ встревоженные взгляды.—Невозможно стѣснять свободу личнаго мнѣнія, такъ — сказать посягать на человѣческую совѣсть! добавилъ онъ съ нѣкоторыми даже воодушевленіемъ.

Молоствовъ напряженно усмѣхнулся и сказалъ что охотно исполнитъ желаніе Олимпиады Васильевны. Но разговоръ оборвался, и несмотря на усилія Василя Петровича навести его на предметы нейтральнаго содержанія, всѣ трое чувствовали себя неловко и спѣшили окончить этотъ неудавшійся вечеръ. Выпивъ предложенный ему стаканъ чаю, Молоствовъ взявъ шляпу, но прощаясь опять не выдержалъ и сказалъ съ напряженною интонаціей, обращаясь къ Липочкѣ:

— Прикажете сообщить Евгенію Саввичу вашъ вмѣстный адресъ?

Липочка почувствовала какъ кровь прихлынула къ сердцу и расстроила его бѣшеніе. Она помолчала, но вдругъ съ выраженіемъ вызова поднявъ на Молостова потемнѣвшіе глаза, проговорила отчетливо и повелительно:

— Да, сообщите.

X.

Она возвратилась къ себѣ въ комнату вся взволнованная безпокойною внутреннею возмездіею, вызвавно поднявшеюся въ ней. Тишина „наложенной“ жизни, которую она пыталась обмануть себя, представлялась ей теперь безсильнымъ вздоромъ. Ясно что этимъ вздоромъ невозможно жить, пока живетъ въ ней нѣчто другое, мучительное и требовательное.

Въ первый разъ ей захотѣлось постороннимъ, свободнымъ взглядомъ рассмотреть того о комъ она до сихъ поръ умѣла судить только въ зависимости отъ своего личнаго чувства. Она съ удивленіемъ замѣтила что человѣкъ къ которому она была такъ близка становится для нея загадкой... Молоствовъ говорилъ о немъ слишкомъ раздражительно и злобно, и она была довольна тѣмъ что такъ рѣзко остановила его. Но самъ Молоствовъ былъ въ ея глазахъ несомнѣнно честный и искренній человѣкъ, и хотя она никогда не повѣритъ тому что онъ говорилъ о Безбѣдномъ, но въ его злобныхъ

словахъ звучалъ какой-то хорошій звукъ, и этотъ звукъ раздавался у нея въ ушахъ и не давалъ покоя...

Далеко за полночь Василій Петровичъ тихонечко подошелъ къ ея двери и заглянулъ въ замочную скважинку чтобъ узнать есть ли у нея огонь. Убѣдившись что свѣча потушена, онъ съ облегченнымъ сердцемъ вернулся въ свою горенку. „Ну слава Богу, значитъ спитъ“, сказалъ онъ вздыхая и становясь на молитву. Но Лилочка не спала. Обнявъ обложенною рукой подушку, она неподвижно, долго глядѣла въ темноту, и все одна и та же бесконечно-длинная мысль таялась предъ ея открытыми и незрячими глазами. Эта мысль принадлежала Безбѣдному. И онъ самъ тоже былъ затѣмъ, она видѣла его въ темнотѣ и понимала почему она любить его. Да, это такъ просто и ясно. Вотъ Молоствовъ очень благороденъ и честенъ, можетъ-быть гораздо благороднѣе и честнѣе Безбѣднаго, но развѣ можно его любить? Онъ со своею честностью живетъ чуть не изъ милости у Безбѣднаго и такой предъ нимъ маленькій, маленькій... Онъ никогда ничего не сдѣлаетъ. А Безбѣдный сдѣлаетъ. И Молоствовъ будетъ правъ, негодую на него горячо и честно, и все-таки Безбѣдный будетъ неизмѣримо больше и дѣйствительнѣе Молостова и будетъ заставлять себя любить, а Молоствовъ не будетъ.

Лилочка припоминала почему-то также свое посѣщеніе Настеньки Яничъ, и ожиданія съ которыми ѣхала туда. Ей хотѣлось увидѣть большихъ, сильныхъ, идущихъ впереди жизни людей. Еслибъ она увидѣла такихъ, она можетъ-быть была бы тамъ же гдѣ и они. Во всякой хорошей женской душѣ есть ненасытная потребность въ такихъ людяхъ. Но она не нашла чего искала, она поняла что тѣ кого тамъ увидѣла „никогда ничего не сдѣлаютъ“. И она вернулась къ тому кто одинъ представлялъ для нея собою дѣйствующую жизнь и какъ жрецъ глядѣлъ жертвенное стадо въ калище своего бога. Какого?

Мысль ея луталась, терлась, таяла въ туманѣ какъ низкая гряда облаковъ на безвѣтренномъ небѣ. Онъ, этотъ дѣйствительный человѣкъ, эта дѣйствующая сила, этотъ жрецъ продолжалъ стоять предъ нею, играя жертвеннымъ ножомъ, и она чувствовала сырую прохладу калища, тающій блескъ огней предъ невѣдомымъ богомъ и мракъ вверху—и засыпая вздрагивала какимъ-то жуткимъ трепетомъ и наслаждалась непоматною болью.

На другой день, когда Илатовы только-что пообедали, въ передней раздался звонокъ. Лилочка вздрогнула и пошла сама отворить дверь. Она знала что въ этотъ часъ Безбѣдный освобождается отъ своихъ занятій, знала что это онъ. И это дѣйствительно былъ онъ—красивый, оживленный, во всемъ блескъ успѣвающей дѣловитости и избалованнаго самообладанія.

Онъ спѣшно и крѣпко пожалъ ей руку, прошелъ за нею въ маленькую гостиную, сказалъ вскользь что они прекрасно устроились и, завидя въ дверяхъ Василія Петровича, быстро направился ему навстрѣчу. Онъ былъ сдержанно любезенъ и такъ непринужденно и изящно свободенъ въ каждомъ движеніи какъ умѣютъ быть только въ высшей степени удобные, общительные и пріятные люди—тѣ люди для которыхъ не существуетъ затруднительныхъ положеній и щекотливыхъ разговоровъ. Онъ сказалъ что былъ очень встревоженъ болѣзнію Василія Петровича, такъ какъ для прѣзжихъ петербургскій климатъ бываетъ опасенъ, и полуплутливо попенялъ зачѣмъ ему не дали знать раньше. Казалось какъ будто весь смыслъ послѣднихъ событій и отношеній заключался именно въ томъ что отъ него изъ извѣстной щепетильности скрыли о болѣзни Василія Петровича, и что еслибъ онъ зналъ о ней раньше, то конечно давно бы навѣстилъ больного. Только когда старикъ, догадавшись не смотря на непринужденную любезность гостя что присутствіе его здѣсь излишне, ушелъ снова къ себѣ въ горелку,—Безбѣдный подвинулъ свой стулъ къ Лилочкѣ и нагнувшись заглянулъ ей въ глаза внимательнымъ, играющимъ и благодарнымъ взглядомъ.

— Солнце проглянуло изъ-за тучъ? сказалъ онъ, чуть улыбаясь красивыми губами.—Я думаю что вы на меня сердитесь, вы были такіа недобрыя послѣдній разъ. Хотя я думаю и не могъ придумать чѣмъ я виноватъ предъ вами, но вы такъ подозрительны и такъ любите толковать все въ мрачную сторону что право иногда не знаешь какъ съ вами быть. Вѣдь не шута, я постоянно васъ боюсь. Мнѣ, напримѣръ, до сихъ поръ не хватало духу сдѣлать такую обыкновенную вещь какъ какой-нибудь подарокъ: вдругъ вы въ недобрую минуту швырнете мнѣ его въ лицо?

Онъ говорилъ это съ такою подкупающею, искреннею простотой, его глаза такъ локорно и ясно смотрѣли ей въ

лицо, его губы такъ ласково улыбались подъ мягкими молодыми ушами что она чувствовала себя безоружною предъ нимъ. Она должна была собрать всю силу воли чтобъ удержать доверчивую улыбку, просившуюся на ее строгія губы. Ей было досадно на непрочность оскорбленнаго, злаго чувства, которымъ она мучительно наслаждалась въ эти тяжелые, долгіе дни размолвки и борьбы. Досада свѣтилась въ ея глазахъ, глядѣвшихъ подозрительно и строго подъ наспущенными бровями.

— Вы напрасно считаете какимъ-то моимъ капризомъ то что было между нами послѣдній разъ, сказала она.—Я можеть-быть и хотѣла бы загладить и забыть, но не могу.

Безбѣдный сдѣлалъ движеніе, выразившее покорное отчаяніе.

— Ну да, вы хотѣли меня помучить, я понимаю и покоряюсь, сказалъ онъ.—Женщины всегда желаютъ мучить когда знаютъ что ихъ любятъ. Я этому радостно покоряюсь, потому что знаю—эта жестокость составляетъ потребность чувства, а мнѣ только и дорого ваше чувство. И я не стану хитрить, я скажу откровенно что если вы хотѣли заставить меня любить васъ больше прежняго, вы заставили. Я былъ самый несчастный человекъ эти дни, я думалъ тысячу разъ что для меня все потеряно, я хотѣлъ ѣхать искать васъ въ Т*, я былъ боленъ, я не могъ сладить съ моими нервами, и если вамъ хотѣлось довести мое чувство къ вамъ до горячки, до глулости, до сумашествія, вы довели. Видите какъ я откровененъ, я даю вамъ оружіе, я поощряю васъ мучить меня. Но теперь, когда вы должны быть довольны своимъ торжествомъ, я имѣю право отдохнуть послѣ моихъ мукъ. Мнѣ надо много, много сказать вамъ. Я рассчитывалъ что вы доставите мнѣ счастье провести сегодняшний вечеръ съ вами. Будемте вмѣстѣ обѣдать?

— Я обѣдала, возразила Липочка.

— Ну, не все ли вамъ равно? Дѣло разумѣется не въ обѣдѣ. Вы будете кушать только то что вамъ особенно понравится. Дорогая моя, это рѣшено. Я иначе никогда не повѣрю что у васъ сохранилось хотя немножко добраго чувства ко мнѣ.

Липочка нервничательно покачала головой. Ей опять досадно было на непрочность внутренней опоры на которую

она разчитывала. Глаза и губы ея потеряли строгое выраженіе, но не чувство радости, а чувство какого-то сладкаго и жуткаго униженія тѣснилось ей въ грудь, и въ этомъ чувствѣ таяло оскорбленное и мстительное раздраженіе, составлявшее для нея отраду и муку этихъ дней...

Безбѣдный всталъ, улыбаясь взялъ ея руку и тихонько поднималъ ее съ кресла. Лилочка остановила на немъ медленный взглядъ, и ничего не прочитавъ въ его ясныхъ глазахъ, молча подняла и опустила плечи, словно отвѣчая этимъ движеніемъ на нервическій въ ея мысли вопросъ.

Черезъ десять минутъ великолѣпные, недавно выписанные рысаки уже мчали ихъ по торцамъ. Безбѣдный, имѣя въ виду увести Лилочку, нарочно прѣхалъ въ каретѣ.

— Гдѣ же мы будемъ обѣдать? спросила Лилочка.

— Вы не отбѣдаетесь однимъ обѣдомъ, отвѣтилъ улыбаясь Безбѣдный:—я сегодня нестерпимъ. Мы начнемъ съ того что вы позволите мнѣ исполнить мое давнишнее желаніе—подарить вамъ что-нибудь.

— Что за фантазія! сказала съ внезапнымъ недовѣріемъ Лилочка.

— Очень попятная фантазія, возразилъ Безбѣдный.—Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ между людьми любовь, она требуетъ однихъ и тѣхъ же выраженій, и мы по этой части никогда не выдумаемъ ничего новаго. Рекомендую вамъ этотъ магазинъ—тутъ можно найти очень хорошія вещи, добавилъ онъ останавливая кучера.

Лилочка съ яввою неохотой вышла изъ кареты. Ей въ ея отношеніяхъ къ Безбѣдному нравилось именно то что онъ не дѣлалъ ей никакихъ дорогихъ подарковъ. Безбѣдный это понималъ и потому даже во время самого страстнаго ихъ сближенія предоставлялъ ей жить среди жалкой обстановки у Палагеи Прохоровны, ожидая того момента когда представится удобный случай дѣйствовать иначе. Сегодня у него были нѣкоторые особые планы и соображенія по которымъ онъ желалъ приблизить этотъ ожидаемый моментъ.

Въ магазинѣ дѣйствительно были восхитительныя вещи. Лилочка, никогда не имѣвшая такихъ чудныхъ брилліантовъ, была въ сущности довольно равнодушна къ нимъ, но извѣстие работы и богатство рисунковъ заинтересовали ее. Съ чувствомъ дикарки она разсматривала эти

прелестныя вещицы, залазъ которыхъ казался неистощимъ въ рукахъ красиваго и важнаго какъ владѣтельный принцъ прикащика.

— На вашемъ мѣстѣ я остановился бы вотъ на этомъ, сказалъ Безбѣдный, откладывая изящный полный приборъ изъ бирюзы и бриллиантовъ.

— Полноте, это должно быть ужасно дорого, возразила Липочка.

— Вотъ именно та сторона которой вы не имѣете права касаться, отвѣтилъ улыбаясь Безбѣдный, и приказалъ вернуть вещи.

— Теперь я васъ попрошу сдѣлать нѣсколько шаговъ лѣшкомъ, потому что рядомъ есть тоже очень хорошій магазинъ, сказалъ онъ, когда они вышли на тротуаръ.

Липочка только повела плечами: ее начинали забавлять всѣ эти неожиданныя продѣлки Безбѣднаго. Новое подмывающее чувство какого-то безотчетнаго веселья и легкомысленнаго возбужденія, свойственное кажется самому воздуху подобныхъ магазиновъ, незамѣтно овладѣвало ею.

Едва она поднялась по лѣстницѣ и переступила порогъ зеркальной двери, какъ двѣ некрасивыя, но нарядныя Француженки приняли ее въ свое распоряженіе и съ невѣроятною быстротою примѣрили на нее множество изящнѣйшихъ вещей. Она не имѣла даже времени протестовать, сказать что ей этого не надо, что она не хочетъ.

— Пожалуста оставайтесь въ этой шляпкѣ, это такъ просто и изящно! попросилъ Безбѣдный.— Не правда ли, обратился онъ ко Француженкѣ, открывая только-что купленный футляръ,—что эти boucles d'oreille какъ будто нарочно сдѣланы для этой шляпки?

Француженка мгновенно вынула вещи изъ футляра и улыбаясь подала ихъ Липочкѣ съ такимъ настоятельнымъ видомъ что та повиновалась. Огромное трюмо отразило ея прелестное личико, сдѣлавшееся на ея женскій глазъ еще прелестнѣе отъ этихъ изящныхъ украшеній.

— И пожалуста ужъ не снимайте этой ротонды, а старую она пришиваютъ, настаивалъ Безбѣдный, любящъ быстрымъ превращеніемъ Липочки въ нарядную бабочку.

— Это маскарадъ, сказала она, неопредѣленно шевеля бровями и со страшнымъ, но не неприятымъ чувствомъ глядя въ зеркало.—Надѣюсь, больше не будетъ никакихъ гаупостей? добавила она, сходя съ лѣстницы.

— Еще одна, улыбулся Безбѣдный.
 — Нѣтъ, нѣтъ, рѣшительно протестовала Липочка..
 — Но совѣмъ не то что вы думаете. По магазинамъ я васъ больше не повезу. Но мнѣ хочется сдѣлать одну шалость. Скажите, вы согласны были бы очень, очень весело пообѣдать?

— Ну? протавуда не безъ любопытства Липочка.
 — Здѣсь есть одинъ французскій табльдотъ, гдѣ велико-лѣпно кормятъ и гдѣ бываетъ отличное общество, объяснилъ Безбѣдный.—Чтобы попасть надо быть представленнымъ хозяйкѣ, мме Вермисель. Но кромѣ превосходной кухни и въ особенности салатовъ, составляющихъ спеціальность этого учрежденія, туда привлекаетъ общество французскихъ актрисъ и вообще артистическихъ знаменитостей. Даже Флютенгаль тамъ бываетъ.

— Но можетъ-быть это не особенно прилично? съ недо-вѣріемъ освѣдомилась Липочка.

— Я вамъ не ручаюсь что дамы будутъ *du grand monde*, но послушайте, вѣдь вы тутъ прїѣзжая, а прїѣзжія во всѣхъ большихъ городахъ пользуются совершенно особыми правами, убѣждалъ Безбѣдный.—Вы не можете себя представить гдѣ только наши дамы не бываютъ въ Парижѣ, а Петербургъ для васъ то же что для нихъ Парижъ. Такъ ѣдемъ?

Липочка пожала плечами.

— Вѣдь вы не повезете меня туда гдѣ мнѣ не слѣдуетъ быть, сказала она.—Но представьте себѣ что я хотя обѣдала, а успѣла уже проголодаться! добавила она смѣясь.

Веселый воздухъ и путешествіе по магазинамъ въ самомъ дѣлѣ возбудили ея аппетитъ.

XI.

Учрежденіе Мме Вермисель очень хорошо извѣстно въ Петербургѣ. Устроенное на полу-семейную ногу, обставленное умѣренной, но солидною роскошью, оно среди другихъ подобныхъ заведеній отличается значительною оригинальностью. Попасть туда дѣйствительно можно не иначе какъ будучи представленнымъ хозяйкѣ, хотя конечно всякій обѣдавшій тамъ одинъ разъ имѣетъ право представить кого

удобно. Хозяйка всегда сама садится за столъ, сама разливаетъ супъ и заправляетъ салатъ. За десертомъ подаютъ бри, несомнѣнный французскій бри, въ послѣднемъ градусѣ разложенія. Послѣ обѣда переходятъ въ гостиную, гдѣ иногда устраивается маленькая баккара. Ни завтраковъ, ни ужиновъ Мме Вермисель не даетъ.

Обычные посѣтители этого пріятнаго учрежденія принадлежатъ къ очень хорошему обществу въ томъ смыслѣ что все это люди безукоризненной вѣнственности, и притомъ ищущіе дорогихъ и пріятныхъ развлеченій. Чтобы поддержать честь своего заведенія, Мме Вермисель иногда отказываетъ принять кого-нибудь, или распускаетъ слухъ что она кому-то сдѣлала замѣчаніе. Но привычка сорить деньгами составляетъ здѣсь конечно гораздо лучшую рекомендацію чѣмъ хорошія манеры или аристократическое имя.

Самую интересную часть общества Мме Вермисель представляютъ впрочемъ дамы. Иногда здѣсь собирается цѣлый букетъ хорошенькихъ личиковъ и изящныхъ туалетовъ. Француженки преобладаютъ, и для нихъ это учрежденіе представляетъ незамѣнимыя выгоды. Во-первыхъ, радужная хозяйка, оказывающая имъ явное и неизмѣнное покровительство; во-вторыхъ, чисто-французскій столъ, понежего вводящій однако въ знакомство съ диковинными варварскими кушаньями, о которыхъ онѣ слышали разказы еще въ Парижѣ, какъ напримѣръ *botvinia* и *koulébiak*; въ-третьихъ, общество сорящихъ деньгами мужчинъ; въ-четвертыхъ, кружокъ соотечественницъ, знакомыхъ со всѣми условіями русской жизни и полезныхъ своею опытностью. Поэтому всякая Француженка, пріѣзжающая въ Петербургъ съ полупартистическими и другими цѣлями, непременно прежде всего появляется у Мме Вермисель и возвращается къ ней снова какъ въ родное пристанище, въ періоды катастрофъ и кризисовъ. Онѣ здѣсь чувствуютъ себя совершенно свободно, имъ здѣсь всегда весело, онѣ знаютъ черту за которой рисковали бы навлечь на себя неблагоклонность хозяйки, и ихъ трескучіе голоса наполняютъ залу неумолкаемымъ щебетаньемъ.

Иногда, впрочемъ рѣдко, чья-нибудь грубая натура, возбужденная слишкомъ неосторожнымъ прикосновеніемъ къ ея тайнымъ интересамъ, внезапно сбрасываетъ обязательную маску и прерывается яростно и некрасиво, заставляя

весь кружокъ нѣсколько дней говорить о происшедшемъ скандалѣ...

Безбѣдный былъ у Мме Вермисель рѣдкимъ, но какъ всегда и вездѣ—желаннымъ гостемъ. Онъ былъ знакомъ со всеми обычными ея посѣтителями и зналъ очень хорошо всѣ порядки дома. Рѣшаясь привезти сюда Лилочку, онъ руководился довольно основательными и тонкими соображеніями. По его мнѣнію, она вела слишкомъ замкнутую жизнь, и оттого горизонтъ ея понятій, стремленій и вкусовъ оставался очень узкимъ. Жизнь очевидно представлялась ей только въ двухъ формахъ—въ формѣ брака или въ формѣ труда. Но огромный кругъ петербургскаго общества, кругъ къ которому онъ самъ принадлежалъ, давно уже въ своихъ взглядахъ на женщину вышелъ изъ этой дилеммы. Женская красота признавалась въ этомъ кругу капиталомъ обладающимъ всеми свойствами спекулятивной цѣнности. Помѣщать подобный капиталъ въ бракъ казалось такимъ же старомоднымъ провинціализмомъ, какъ держать его на скудномъ казенномъ процентѣ въ Государственномъ Банкѣ. Та жизнь которую вела до сихъ поръ Лилочка не могла развить въ ней спекулятивныхъ инстинктовъ. Самая роскошь кажется не имѣла для нея неотразимой притягательной силы. И вотъ именно для того чтобы расширить ограниченный круговоръ провинціалки, убѣдить ее что давно уже найденъ выходъ изъ дилеммы въ которую замкнулась жизнь предъ ея недоразвившимся взглядомъ, что кромѣ извѣстныхъ ей формъ есть еще другая жизнь, легкая и блестящая, и что всѣ пустые страхи, окружающіе въ ея воображеніи эту жизнь, разлетаются при ближайшемъ соприкосновеніи съ нею—вотъ именно съ такою-то воспитательною цѣлью Безбѣдный и рѣшился привезти Лилочку къ Мме Вермисель.

Гости только-что сѣли за столъ, и любезная хозяйка, поднявшись на встрѣчу Лилочки, тотчасъ очистила ей мѣсто подлѣ себя. Безбѣдный сѣлъ рядомъ, обитавшись поклонами съ многочисленными гостями, шумно выразившими свое удовольствіе по случаю его появленія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ зналъ тутъ почти всѣхъ, со всеми уже не одинъ разъ встрѣчался раньше на многоразличныхъ сценахъ петербургскаго прожиганія жизни. Къ немалому его удивленію тутъ былъ и Каричъ. Несмотря на свои солидные

дѣта, опытный миллионеръ, въ качествѣ биржеваго интеллигента, очень любилъ веселое женское общество и нередко посѣщалъ табльдотъ Мме Вермисель. Француженки звали его рара Jacques и охотно играли съ нимъ въ баккара. Онъ сидѣлъ прямо противъ Липочки и, утирая залащанные суломъ усы, разглядывалъ ее улыбающимися, жирными глазами.

Появленіе новаго, красиваго, свѣжаго женскаго лица произвело на всѣхъ вообще замѣтное впечатлѣніе. Липочка чувствовала себя предметомъ общаго вниманія и любопытства. Всѣ глаза были направлены на нее, она слышала какъ о ней спрашивали другъ друга. Это ужасно ее смущало, и въ особенности жирный взглядъ Карича, съ которымъ она встрѣчалась какъ только подымала голову.

— Кто это? спросила она Безбѣднаго.

Тотъ назвалъ своего недавняго кліента. Липочкѣ, съ тѣхъ поръ какъ она узнала что это Каричъ, еще непріятнѣе сидѣлись его взгляды. Они мѣшали ей наблюдать. А наблюдать было очень интересно. Хорошенькія лица, изящныя туалеты, громкій, почти общій разговоръ, особаго рода рѣзкость, не грубая, а только весело-откровенная, и въ особенности что-то общее, неуловимое, соединявшее тутъ всѣхъ—какая-то атмосфера полунаглаго, полулчтительнаго ухаживанія, и вдругъ изрѣдка циническій отвѣтъ покрываемый жирнымъ хохотомъ—все это было и странно и ново, смѣшило и лугало и слегка кружило голову. „Зачѣмъ я здѣсь? Какимъ образомъ я здѣсь? Неужели Евгений могъ думать что мнѣ здѣсь будетъ весело, очень, очень весело?“ волновалась Липочка.

Полнолицый господинъ, сидѣвшій подаѣ нея, обратился къ ней и спросилъ по-французски съ преувеличенно-любезнымъ выраженіемъ на цвѣтущемъ лицѣ—давно ли она въ Петербургѣ.

Липочка отвѣтила что недавно.

— N'êtes-vous pas Parisienne, madame? продолжалъ полнолицый господинъ.

Этотъ вопросъ чрезвычайно удивилъ Липочку; ей никогда и въ голову не приходило чтобы кто-нибудь могъ принять ее за Парижанку. Русская провинціалка и Парижанка—это такъ далеко одно отъ другаго! Она отвѣтила отрицательно; разговорчивый сосѣдъ, сохраняя все то же преувеличенно-

любезное выраженіе на лицѣ, сталъ объяснять свою ошибку такимъ лестнымъ для Липочки образомъ что она покраснѣла, и чтобы скрыть свое смущеніе заговорила съ Безбѣднымъ.

Изъ-за затворенной двери единственнаго отдѣльнаго кабинета слышались громкіе голоса, ласкаивый смѣхъ и наконецъ крики.

— *La voilà partie, notre grosse Suzanne*, сказала маленькая брюнетка, сидѣвшая подлѣ Карича. — *Est-ce qu'on la chatouille, par exemple?*

Какъ только встали изъ-за стола, Каричъ попросилъ Безбѣднаго представить его Липочкѣ. За спиной его какъ-то тотчасъ же появился лакей со стаканами и шампанскимъ. Каричъ чокнулся съ ней и съ Безбѣднымъ. Гостиная наполнилась дамами и мужчинами, движеніе и шумъ дошли до такой степени что у Липочки кружилась голова. Въ столовой чей-то женскій голосъ лился, заглушаемый звачаньемъ сабаи и шпоръ и звономъ убираемой посуды.

— *Votre santé, madame*, сказалъ Каричъ, снова подымая стаканы.

Липочкѣ было жарко и она почти машинально выпила все свое шампанское.

Двѣ Француженки, не обращая на нее ни малѣйшаго вниманія, разговаривали съ Безбѣднымъ, смѣялись и ударили его върамы по рукѣ. Онъ тоже смѣялся и наклоняясь къ одной изъ нихъ говорилъ что-то на ухо. Ему вѣроятно было весело, или по крайней мѣрѣ не было страшно, не было того ощущенія которое давило Липочку и которое заключалось въ совершенной невозможности чувствовать и смотрѣть такъ какъ смотрѣли и чувствовали здѣсь всѣ другіе. Она почти безсознательно отвѣчала на любезности Карича, не понимая почему этотъ ужасный человѣкъ пристаётъ къ ней и почему Безбѣдный какъ будто находитъ все это вполне естественнымъ. Одно только понимала она совершенно ясно—и это сознаніе все росло въ ней, безжалостно давая всякую другую мысль, именно—что еслибы Безбѣдный хотѣлъ сдѣлать ее своею женой, то не привезъ бы ее сюда.

Она встала и подошла къ нему.

— Я не совсѣмъ хорошо себя чувствую. Увезите меня пожалуйста, сказала она.

Безбѣдный посмотрѣлъ на нее какъ бы удивленными глазами, но тотчасъ отыскалъ свою шляпу.

— Тебѣ въ самомъ дѣлѣ не здоровится, или ты только устала? спросилъ онъ ее въ каретѣ, бережно залакивая на ея колѣняхъ великолѣпную новую ротонду.

Лилочка не отвѣчала. Прижавшись въ темномъ углу она вся задыхалась подъ безжалостно придавившимъ ее гнетомъ. Сознаніе конца, конца тому что давало силу жить, холоднымъ призракомъ стояло предъ ея глазами.

Безбѣдный отыскалъ ея руку, на которую она не успѣла натянуть перчатку, и покрывалъ ее поцѣлуями. Рука трепетала, и этотъ трепеть оживлялъ его.

— Это нервы, ты не привыкла къ обществу, говорилъ онъ.— Не мы будемъ почаще повторять маленькія шалости въ подобномъ родѣ. Мнѣ показалось что ты совсѣмъ растерялась на первый разъ. Но вѣдь тамъ преславно, не правда ли? Сегодня я не успѣлъ никого тебѣ представить кромѣ этого Карича, который разумеется вовсе не занимателенъ. Впрочемъ, и онъ бываетъ интересенъ, когда ближе познакомиться. Въ его натурѣ есть сатирическая жилка, ты увидишь. Но можетъ-быть тебѣ не понравилось? Можетъ-быть ты на меня сердилась?

Тихое заглушенное нечеловѣческимъ усиленіемъ рыданіе послышалось въ углу кареты. Безбѣдный тревожно наклонился къ Лилочкѣ.

— Что такое? что съ тобой? спросилъ онъ, тщетно стараясь разглядѣть въ темнотѣ ея подергиваемое судорогой лицо.

Лилочка подняла руки и сжала голову, такъ что роскошная шляпка ея хрустнула.

— О, будьте вы прокляты! сказала она.

В. АВСѢНКО.

РАЗКАЗЫ ИЗЪ 1813 ГОДА

(UT DE FRANZOSENTID)

ФРИЦА РЕЙТЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НИЖНЕ-НѢМЕЦКАГО.

Фрицъ Рейтеръ, умершій 12го іюля 1873 года, лучший изъ современныхъ нѣмецкихъ юмористовъ. Сочиненія его пользуются въ Германіи громадною извѣстностью. Еще при жизни писателя была уже помѣщена мраморная доска на стѣнѣ того дома въ которомъ онъ родился; домъ этотъ находится въ Мекленбургъ-Шверинскомъ городѣ Ставенгагенѣ. Лѣтомъ настоящаго года въ Штутгартѣ собирается съѣздъ для обсужденія вопроса о сооруженіи памятника Рейтеру.

Талантъ Рейтера по своему направленію и характеру всего ближе подходитъ къ талантамъ Диккенса и Гоголя, но отличается необыкновенною своебытностію. Подобно мастерамъ старой голландской школы, Рейтеръ избираетъ для своихъ разказовъ весьма тѣсный, замкнутый кругъ явленій и лицъ, и въ этомъ кругѣ онъ неограниченный хозяинъ. Онъ описываетъ жизнь небольшого провинціальнаго города, чиновный людъ, землевладѣльцевъ, арендаторовъ, управителей, пасторовъ, ремесленниковъ, крестьянъ. Но каждая фигура есть типъ. Читатель чувствуетъ внутреннюю правду и необыкновенную любовь съ которыми авторъ изображаетъ каждое лицо; лица эти встаютъ предъ нимъ какъ живыя, они кажутся ему давно знакомыми и онъ начинаетъ любить ихъ въ свою очередь. Въ разказахъ Рейтера не встрѣчается замъ людей; имъ нѣтъ мѣста въ этомъ мирномъ обществѣ

простыхъ, добрыхъ и честныхъ натуръ. Единственное темное пятно составляютъ ростовщики высасывающіе кровь изъ арендаторовъ и обѣдѣвшихъ землевладѣльцевъ. Но и здѣсь талантъ юмориста смягчаетъ рѣзкія тѣни; улыбка чередуется со слезой, и глубокое чувство примиренія остается въ душѣ читателя когда онъ закрываетъ книгу. Міръ Рейтера есть міръ „добрыхъ людей“, и поэтому онъ доступенъ пониманію cadaго и каждому симпатиченъ.

Мы избрали для ознакомленія русскихъ читателей съ этимъ замѣчательнымъ юмористомъ рассказы изъ того времени которое особенно близко намъ, рассказы изъ 1813 года. Сколько намъ извѣстно, это первая попытка перевода Рейтера на русскій языкъ. Переводъ cadaго юмориста представляетъ особую трудность. Въ настоящемъ случаѣ трудность эта увеличивается еще своеобразностію нижне-нѣмецкаго нарѣчія на которомъ писалъ Рейтеръ. Нижне-нѣмецкое нарѣчіе, *Plattdeutsch*, стоитъ къ нѣмецкому языку приблизительно въ такомъ же отношеніи въ какомъ малороссійскій языкъ находится къ русскому, и подобно малороссійскому представляетъ наиболѣе выгодный матеріалъ для юмориста. Съ особою любовью занимались мы этимъ трудомъ и отъ души желали бы чтобъ онъ помогъ „добрымъ людямъ“ Рейтера найти дорогу къ симпатіямъ русскихъ читателей и доставить имъ то же художественное наслажденіе которое испытывалъ въ обществѣ ихъ переводчикъ.

С. ФЛЕРОВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Почему медальникъ Фоссъ не можетъ объявить себя банкротомъ.— Какъ онъ оказываетъ господину президенту помощь въ большой бѣдѣ.

Я тоже человѣкъ крещеный и у меня были крестные отцы: цѣлыхъ четверо. И еслибъ они были еще живы и пошли бы со мною по улицѣ, то весь народъ сталъ бы останавливаться и всѣ стали бы говорить: „смотрите, вотъ это люди! такихъ людей долго поискать! вотъ такъ крестные отцы!“ А между ними былъ одинъ который на цѣлую голову былъ выше другихъ и поднимался надъ ними какъ Саулъ надъ своими братьями. Это былъ старикъ президентъ Веберъ. Онъ носилъ всегда прекрасный голубой сюртукъ, желтые лавталоны и высокіе, чисто на чисто вычищенные салогі. Хотя лицо его было все изрыто ослонъ какъ будто бы чортъ молотилъ на немъ горохъ, или какъ будто бы онъ сидѣлъ имъ на ластеномъ стулѣ, но на его ши-

рокомъ лбу было написано и въ его голубыхъ глазахъ можно было прочесть: „не страхъ человѣческій, но страхъ Господень!“ И это былъ человѣкъ на своемъ мѣстѣ.

Утромъ около одиннадцати часовъ онъ сѣдѣлъ на стулѣ посреди комнаты. Его жена повязывала ему на шею широкій старый плащъ, который въ то время называли „лудромантель“, лудрила ему волосы и связывала ихъ сзади въ маленькую косичку.

Въ этомъ не было ничего особеннаго; мало ли что и наши жены дѣлаютъ за нашею спиною. Но только нашимъ дамамъ уже не заплести такой косички. Когда бывало старикъ въ полдень гулялъ въ тѣни подъ каштановыми деревьями, косичка выглядывала изъ-за голубаго воротника какъ знатная, но добродушная особа и говорила каждому кто только хотѣлъ ее слушать: „вотъ, смотри! что ты думаешь? я только самый крайній кончикъ на его головѣ, а видишь какъ я весело качаюсь взадъ и впередъ и какъ я умно смотрю на бѣлый свѣтъ; ты можешь теперь самъ представить себѣ какъ хорошо должно быть у него тамъ, въ самой-то головѣ.“

Когда я приходилъ съ порученіемъ отъ моего отца и вся рѣчь сходилась у меня гладко и безъ запинки, президентъ слегка ударялъ меня рукой по головѣ и говорилъ: „молодецъ, мальчижъ! будь всегда какъ ружье: какъ только приложишься, сейчасъ же чтобъ и выстрѣлило безъ осячки!— Ну, теперь лоди къ дѣвицѣ Вестфаленъ и скажи чтобы тебѣ дали яблоко“. — А моему отцу онъ говорилъ потомъ: „дружокъ, вы вѣроятно тоже радуетесь что у васъ сынъ. Мальчишки лучше дѣвочекъ; дѣвочки всѣ плаксы. Слава Богу, у меня также сынъ. — Не такъ ли“?

Отецъ бывало скажетъ моей матери: „знаешь что говорить старикъ? мальчишки лучше дѣвочекъ“.

А я стою въ комнатѣ, слышу что сказалъ отецъ и разумѣется вверхъ свое слово: „да“, скажу я бывало, „мой крестный всегда говоритъ правду. Мальчишки лучше дѣвочекъ; всякому свое, а каждому по заслугамъ.“ И послѣ этого возьмешь себѣ большой кусокъ пирога, а сестрѣ дашь маленькій и воображаешь о себѣ не вѣсть что. Но дѣло не долго шло такъ; скоро наступила перемѣна.

Разъ утромъ—это было въ то время когда эта дрянная Французинка вернулась изъ Россіи и въ Германіи все стало

шевелиться — кто-то постучалъ въ дверь комнаты президента. „Войдите!“ крикнулъ старикъ и въ комнату вошелъ мельникъ Фоссъ изъ Гилова. Онъ пролѣзъ въ дверь задомъ и такъ искосясь, отвѣщая поклоны, какъ будто господамъ президенту прежде всего нужно было узнать что у него, мельника, нѣтъ сзади запаatokъ.

— Добрый день, господинъ президентъ! сказалъ онъ.

— Доброе утро, мой милый мельникъ! сказалъ президентъ.

Ну, вотъ видите ли: одинъ говорилъ про добрый день, другой—про доброе утро и все-таки каждый изъ нихъ былъ по своему правъ; мельникъ вставалъ въ четыре часа, онъ явился уже пообѣдавъ, а для господина президента только что начиналось утро, потому что онъ вставалъ въ половинѣ одиннадцатаго.

— Что ты хочешь, мой милый мельникъ? — въ то время мельникамъ еще говорили „ты“.

— Да что, господинъ президентъ, я къ вамъ по важному дѣлу.—Я пришелъ вамъ доложить: я тоже хочу объявить себя банкротомъ.

— Что ты хочешь сдѣлать, мой милый мельникъ?

— Объявить себя банкротомъ, господинъ президентъ.

— Гмъ, гмъ! проворчалъ президентъ, — это дѣло совсѣмъ плохое—потеръ себѣ голову и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатамъ.—Какъ давно ты живешь въ моемъ округѣ?

— Къ Иванову дѣлу будетъ тридцать три года.

— Гмъ, гмъ! опять проворчалъ президентъ,—а сколько тебѣ лѣтъ, мельникъ?

— Осенью исполнится шестьдесятъ лѣтъ, а можетъ-быть и шестьдесятъ шесть. Нашъ покойный пасторъ не очень заботился о метрическихъ книгахъ, а писать и совсѣмъ не любилъ. Писаньемъ занималась его супруга; у нея разумѣется было много своего дѣла, ну такъ она и пригоняла эту запись черезъ три года въ четвертый чтобъ ужъ стоило надъ чѣмъ заняться. Бывало выберетъ какъ-нибудь денекъ, и пойдетъ послѣ обѣда по деревнѣ записывать ребятъ; только записывала то она больше по росту да по дородству, а не по годамъ. Моя матушка всегда говаривала что пасторша обочла меня на цѣлый годъ, потому что я ребенкомъ былъ невеличекъ. Ну, а ужъ изъ шестидесяти лѣтъ устать мнѣ нечего, столько-то мнѣ ужъ навѣрное есть.

Президентъ между тѣмъ все ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ и слушалъ однимъ ухомъ. Наконецъ онъ оставался предъ мельникомъ, пристально посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и рѣзко сказалъ:

— Мельникъ Фоссъ, если это такъ, то ты слишкомъ старъ для такого дѣла.

— Почему же? спросилъ мельникъ, совсѣмъ озадаченный.

— Объявлять себя банкротомъ дѣло трудное; ты съ нимъ не совладаешь въ твои лѣта.

— Вы такъ полагаете, господинъ президентъ?

— Да, я такъ полагаю. Мы оба слишкомъ стары для этого и должны предоставить это тѣмъ кто помоложе. Подумай самъ что бы сказали люди еслибъ я вздумалъ объявить себя банкротомъ? Они сказали бы: нашъ старикъ президентъ помѣшался въ своемъ умѣ,—тутъ онъ положилъ ему руку на плечо—и они были бы правы, мельникъ Фоссъ. Не такъ ли?

Мельникъ посмотрѣлъ на кончики своихъ салоговъ и почесалъ за ухомъ:

— Это правда, сударь!

— Ну, спросилъ президентъ, и слегка потрясъ мельника за плечо,—въ чемъ у тебя горе? Что тебя особенно мучаетъ?

— Мучаетъ, господинъ президентъ? воскликнулъ мельникъ Фоссъ и съ такимъ ожесточеніемъ началъ чесать затылокъ какъ будто его укусила пчела.—Меня не просто мучаютъ, сударь, съ меня дерутъ кожу, меня живаго рѣжутъ! Жидъ меня одолеваетъ, Жидъ проклятый! Да еще тяжба, господинъ президентъ, проклятая тяжба!

— Вотъ видишь, мельникъ? Это тоже глупость что ты въ твои лѣта затѣялъ тяжбу.

— Да вѣдь когда я ее начиналъ—то, сударь, я еще былъ въ самой настоящей лорѣ и думалъ что кончу ее присвоей жизни. Теперь я вижу что тяжба такой жерновъ который самого мельника перетретъ.

— Она, кажется, идетъ къ концу.

— Да, сударь, и когда она кончится тогда и мнѣ будетъ конецъ, потому что мое дѣло плохо, адвокаты мнѣ его совсѣмъ испортили. А тотъ съ кѣмъ я тягаюсь, мой родственникъ-то которому досталось все наследство, говорятъ всякаго адвоката за поясъ заткнетъ и покаялся, мнѣ

сказывали люди, выпырынуть меня съ мельницы. А дѣло мое правое, господинъ президентъ, и я до сей поры не знаю какъ у меня завязалась тяжба, потому что мы между собою родня и моя тетка...

— Я знаю всю эту исторію, сказалъ президентъ, — и если ты хочешь моего совѣта, то я совѣтую тебѣ кончить дѣло миромъ.

— Не могу, сударь! Онъ не помирится менѣе какъ на половинѣ, а если мнѣ выдать ему половину, то я долженъ буду пойти съ сумой. Нѣтъ, господинъ президентъ, пусть дѣло идетъ какъ ему тамъ ужь слѣдуетъ идти, а дать я ничего не дамъ, я дойду до самого герцога. Дрянъ! молоко-сось! ходить съ отцовскими деньгами въ карманѣ и не знаетъ каково въ теперешнія времена человѣку который долженъ содержать семью и хозяйство. Развѣ у него проклятые Французы отняли скотъ? развѣ они вывели у него лошадей изъ конюшни и обчистили весь домъ? и онъ еще хочетъ мнѣ истить? Съ вашего позволенія, господинъ президентъ, плевать я хотѣлъ на этого «мальчишку»; прошу не прогибаться если я говорю такія слова.

— Мельникъ Фоссъ, сказалъ президентъ, — мельникъ Фоссъ, услокойся! Тяжба твоя тоже вѣдь когда-нибудь кончится, дѣло теперь въ полномъ ходу.

— Въ ходу, господинъ президентъ? Нѣтъ, оно въ полномъ оборотѣ, какъ сказалъ чортъ когда онъ навазалъ слово Божіе на кончикъ кнута и сталъ имъ махать надъ своею головою.

— Пусть даже и такъ, мельникъ Фоссъ. Но это не можетъ особенно тяготить тебя именно въ эту минуту.

— Тяготить? Скажите, сударь, жать въ тискахъ, щемить до крови. Жидъ одолеваетъ, господинъ президентъ, Жидъ безпардонный!

— Который? спросилъ господинъ президентъ.

Мельникъ началъ вертѣть въ рукахъ свою шляпу, оглянувшись въ полуоборотъ не слышитъ ли его кто, медленно подтащился къ президенту, приложилъ руку ко рту и прошепталъ въ полголоса: — Ицигъ, господинъ президентъ.

— Фу! сказалъ тотъ. — Что тебѣ за охота именно съ нимъ имѣть дѣло?

— Что за охота ослу имѣть длинныя уши, господинъ президентъ? Почему иной хочетъ сорвать землянику, а

ухватить крапиву да обожжетъ себя всю руку? А то ѣхалъ еще мужикъ съ возомъ и думалъ что у него на возу-то все ангелы сидятъ: глѣдь, а съ воза ему киваетъ чортова бабушка, да еще въ разговоры съ нимъ луснула. Когда мнѣ пришлось ужъ очень плохо послѣ того какъ Французы все у меня обобрали, я занялъ у него двѣсти талеровъ, да года два онъ меня заставлялъ бумагу-то все переписывать; теперь дѣло дошло до пятисотъ талеровъ и послѣ-завтра мнѣ ихъ нужно платить.

— Мельникъ, ты подписался подъ бумагой?

— Да, господишь президентъ.

— Въ такомъ случаѣ ты долженъ заплатить. Что написано, то написано.

— Я думалъ, господишь президентъ...

— Все это тебѣ не поможетъ: что написано, то написано.

— Да вѣдь Жидъ...

— Мельникъ, что написано, то написано.

— Да что же мнѣ дѣлать-то, господишь президентъ?

Старый президентъ прошелся по комнатѣ, потеръ себя голову и опять пристально посмотрѣлъ на мельника, а мельникъ посмотрѣлъ на него. Наконецъ онъ заговорилъ:

— Мельникъ, молодые люди лучше стариковъ могутъ сообразить эти дѣла; приходи ко мнѣ котораго-нибудь изъ твоихъ сыновей.

Старый мельникъ снова усаживаясь смотрѣть на кончики своихъ сапоговъ, потомъ чуть-чуть отвернувшись въ сторону и сказалъ такимъ голосомъ который насквозь проникъ въ стараго президента:

— Кого мнѣ послать-то, сударь? Одинъ надорвался на мельницѣ и умеръ, а другаго Французы въ прошломъ году увели съ собою въ Россію, и онъ такъ и не возвращался.

— Мельникъ, сказалъ старый президентъ, погладишь стараго мельника по спинѣ и возьмешь его за подбородокъ, — развѣ у тебя больше нѣтъ дѣтей?

— Есть, господишь президентъ, отвѣтилъ тотъ и утеръ глаза рукой, — есть еще дочь.

— Ну, сказалъ президентъ, — я не очень за дѣвочекъ, мельникъ; дѣвочки всѣ плаксы.

— Это правда, сударь, истинная правда.

— И ничего не могутъ помочь въ такомъ дѣлѣ, мельникъ.

— Что же со мною сдѣлають?

— Опишутъ имѣніе, другъ; Жидъ все заберетъ себѣ.

— Французы два раза уже забирали, господина президентъ; пусть теперь Жидъ дѣлаетъ то же. Жерновъ-то онъ все мнѣ чай оставить. А чтобъ объявить себя банкротомъ я ужъ слишкомъ старъ?

— Да, мой милый мельникъ.

— Ну, такъ счастливо оставаться, господинъ президентъ!

И съ этимъ словомъ онъ ушелъ.

Старый президентъ стоялъ у окна и нѣсколько времени смотрѣлъ вслѣдъ мельнику который переходилъ черезъ дворъ.— Да, говорилъ онъ про себя, печально видѣть старику какъ другой старикъ гибнетъ отъ плохихъ временъ и плохихъ людей. Кто можетъ ему пособить? Единственное средство— дать ему выиграть время. Пятьсотъ талеровъ! У кого теперь есть такая сумма? Если исключить стараго Роггенбома, то я думаю въ цѣломъ городѣ, да и во всемъ округѣ не соберешь пятисотъ талеровъ. А Роггенбомъ не дастъ денегъ. Къ Святой Недѣлѣ еще можно было бы какъ-нибудь устроить дѣло, но Жидъ не станетъ такъ долго ждать. Да, плохое настало время для старыхъ людей!

Онъ еще смотрѣлъ чрезъ окно, какъ на дворѣ вдругъ заколошилось. Семь французскихъ стрѣлковъ вѣхали въ ворота. Одинъ изъ нихъ привязалъ свою лошадь къ двери курятника которымъ завѣдывала дѣвица Вестфаленъ, вошелъ прямо въ комнату президента и началъ здѣсь предъ нимъ лопотать что-то по-своему и размахивать руками. Старикъ спокойно стоялъ и смотрѣлъ на него. Но когда Французъ сталъ все болѣе горячиться и выхватилъ свою саблю, старый баринъ подошелъ къ звонку и позвалъ Фрица Зальмана который исправлялъ у него должность истопника и былъ на посылкахъ.

— Фрицъ, сказалъ онъ,—добѣги до господина бургомистра и попроси его чтобъ онъ сейчасъ же пришелъ сюда на нѣсколько минутъ. Я ничего не могу разобрать.

Фрицъ Зальманъ прибѣжалъ къ моему отцу и оказалъ:

— Господинъ бургомистръ, пожалуйста поскорѣе къ намъ; у насъ неблагополучно.

— Чтò у васъ случилось? спросилъ мой старикъ.

— На дворѣ у насъ стоятъ шесть проклятыхъ французскихъ мошенниковъ—стрѣлковъ, а который у нихъ за главного тотъ теперь въ комнатѣ у стараго барина, позабылъ

всякое уваженіе и махаетъ ему предъ глазами голою саблей, а баринъ стоитъ предъ нимъ, вытянувшись во весь свой ростъ, не двигается и не шевельнется: я, говоритъ, столько же смыслу во французскомъ языкѣ сколько корова въ воскресенье.

— Вотъ такъ дѣла! сказалъ мой старикъ, вскочилъ и побѣжалъ въ замокъ. Онъ былъ смѣлый, рѣшительный человѣкъ и зналъ страхъ только по названію.

Когда мой старикъ вошелъ въ комнату къ президенту, Французъ ревѣлъ тамъ точно звѣрь; слова лились у него съ языка какъ у бочки изъ которой выдернута втулка. Президентъ спокойно стоялъ предъ нимъ и держалъ въ рукахъ французскій словарь; какъ только ему казалось что онъ разобралъ какое-нибудь слово, онъ начиналъ справляться что оно могло бы значить. Когда пришелъ мой старикъ, президентъ обратился къ нему:

— Дружокъ, чего онъ хочетъ? Спросите у него что ему нужно?

Мой отецъ началъ говорить съ Французомъ, но тотъ ничего не хотѣлъ слушать и такъ безобразничалъ и бранился что старикъ президентъ опять спросилъ:

— Дружокъ, о чемъ онъ такъ горячится?

Наконецъ, мой старикъ добился своего: Французъ сказалъ что ему нужно. Когда онъ объявилъ что они требуютъ лятнадцатъ откормленных быковъ, муки, семьсотъ аршинъ зеленого сукна, сто луидоровъ, да еще много „дю ваяъ“, старый президентъ сказалъ:

— Дружокъ, скажите ему что мы ихъ...

— Пойдите! воскликнулъ мой отецъ.—Господина президентъ! не произносите этого слова; въ послѣднее время онъ вѣроятно слышалъ ужъ его въ разныхъ мѣстахъ и можетъ-быть понимаетъ его. Я совѣтую дать ему „дю ваяъ“, а тамъ посмотримъ.

Старикъ президентъ согласился съ моимъ отцомъ. Онъ позвалъ Фрица Зальмана и велѣлъ ему спросить у двѣицы Вестфаленъ стакановъ и вина, только не самого лучшаго. Вино принесли. Отецъ мой налилъ Французу, Французъ налилъ моему отцу и такъ пошло поочереды.

— Господина президентъ, сказалъ мой старикъ,—вамъ тоже слѣдуетъ мнѣ пособить, потому что этотъ человѣкъ все равно что бочка съ выбитымъ дномъ.

— Дружокъ, сказалъ президентъ, — я человѣкъ старшій и первое лицо между всѣми служащими въ здѣшнемъ округѣ; мнѣ непристойно водить компанію съ этимъ человѣкомъ.

— Нужда и лѣси заставить лѣтъ, сказалъ мой старикъ, — вѣдь это дѣлается для пользы отечества.

Президентъ пришелъ къ нимъ и по мѣрѣ силъ также принималъ участіе въ угощеніи. Но черезъ нѣсколько времени мой старикъ сказалъ: господинъ президентъ, онъ одолеетъ насъ обоихъ; было бы милостью Божіею еслибы Господь послалъ намъ теперь кого-нибудь съ крѣпкою головою и здоровымъ желудкомъ. — Едва успѣлъ онъ это сказать, какъ въ дверь постучали.

— Войдите!

— Еще разъ здравствуйте! сказалъ мельникъ Фоссъ изъ Гилова и вошелъ въ комнату. — Добраго дня, господинъ президентъ.

— Добраго дня, мой милый мельникъ.

— Я, сударь, еще разъ пришелъ къ вамъ по моему дѣлу.

— Сегодня не время для этого, сказалъ старшій баринъ, — ты видишь въ какихъ мы теперь обстоятельствахъ. А мой отецъ воскликнулъ: мой милый Фоссъ, сдѣлай христіанское дѣло, ступай садись сюда и займись вотъ этимъ Французомъ, да хорошенько.

Мельникъ Фоссъ посмотрѣлъ на моего старика и на господина президента, подумалъ про себя: на такомъ засѣданіи мнѣ еще не случалось бывать, но не затруднился и сейчасъ же приступилъ къ дѣлу.

Мой отецъ подошелъ къ господину президенту и сказалъ: господинъ президентъ, мельникъ насъ выручить, я его знаю, онъ съ нимъ справится.

— Хорошо, сказалъ президентъ, — мо, дружокъ, какъ же намъ быть теперь съ тѣми шестью которые стоятъ на дворѣ?

— Это навѣрное мародеры, сказалъ мой старикъ, — подождите, я ихъ валугаю. — Онъ позвалъ Фрица Зальмана и сказалъ:

— Фрицъ, дитя мое, ступай черезъ садъ чтобы тебя никто не видалъ, бѣги къ часовщику Дрозу и скажи ему чтобы онъ сейчасъ же надѣвалъ свой мундиръ, длинные черные штіблеты и медвѣжьё шалку, бралъ бы съ собою ружье и

саблю и пробрался бы черезъ маленькую зеленую дверь въ садъ подъ угольное окно; когда онъ придетъ, пусть кашалетъ.

Часовщикъ Дрозъ былъ родомъ изъ Нефштатеа; онъ служилъ въ разныхъ арміяхъ, поступилъ напослѣдокъ къ Французамъ, да такъ и застрялъ въ нашемъ городѣ потому что женился здѣсь на вдовѣ. Онъ сберегъ свой французскій мундиръ и когда вечеромъ становилось уже темно чтобы чинить часы, Дрозъ надѣвалъ свою аммуницію и все ходилъ взадъ и впередъ по своей маленькой горницѣ; медвѣжьёу шалку ему нельзя было надѣвать въ комнатахъ, она задѣвала за потолокъ. Онъ говорилъ въ это время про „гранъ-насіонъ“ и „лѣ гранъ-амперёръ“, командовавъ баталіономъ, приказывалъ наступать и ходить въ штыки, и поднималъ такой шумъ что жена и дѣти прятались за постель. Но онъ былъ добрый человекъ и не обижалъ мухи. Днемъ вся „гранъ-насіонъ“ лежала спрятанною въ сундукъ, а онъ самъ чинилъ часы, прочищалъ и смазывалъ ихъ и ѣлъ мекленбургскій картофель, поджаренный въ мекленбургскомъ салѣ.

Пока часовщикъ застегивалъ свои длинные суковные штіблеты и надѣвалъ свою медвѣжьёу шалку, мельникъ Фоссъ сидѣлъ вмѣстѣ съ Французомъ и трудился въ потѣ лица надъ краснымъ виномъ господина президента. Французъ чокался съ мельникомъ и говорилъ: „А ву!“ мельникъ бралъ тогда свой стаканъ, пилъ и отвѣчалъ: „ну, ну!“ а потомъ чокался въ свою очередь съ Французомъ. Французъ благодарилъ по-своему и говорилъ: „сервитёръ!“, а мельникъ выливалъ свой стаканъ и отвѣчалъ: „щелкоперъ!“ И такимъ образомъ они разговаривали между собою по-французски и пили.

Мало-по-малу между ними начала завязываться дружба. Французъ вложилъ свою саблю въ ножны и черезъ нѣсколько времени его жесткіе черные усы очутились подъ самымъ носомъ мельника. Французъ впрочемъ не оставался въ накладе. У мельника губы были настоящія лопаты и когда онъ въ свою очередь чокался Француза на всю комнату, то можно было навѣрное сказать что каждый его поцѣлуй стоилъ добрыхъ трехъ.

Цѣлованье только что началось, какъ подъ угольнымъ окномъ раздался кашель; мой старикъ лотихоньку вышелъ изъ комнаты и рассказалъ часовщику что ему нужно дѣлать.

А господинъ президентъ все ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ и раздумывалъ что бы сказала высшее начальство еслибы оно увидало всю эту исторію. Потомъ онъ подошелъ къ мельнику и сказалъ:—не унывай, мельникъ, я тебѣ это помочу.—И мельникъ, не унывая, храбро лилъ далѣе.

Между тѣмъ часовщикъ потихоньку вернулся назадъ черезъ садъ и выбрался на обыкновенную дорогу которая вела къ замку. Подходя къ нему, онъ громко началъ стучать ногами, гордо выставилъ грудь и весь сдѣлался „лагранъ насіонъ.“ Съ молодецкою военною выправкой вошелъ часовщикъ въ ворота, и у него это въ самомъ дѣлѣ вышло очень хорошо, потому что онъ былъ высокаго роста и красивый собою. Шесть стрѣлковъ, которые все стояли около своихъ лошадей, начали глядѣть другъ на друга и перешептываться между собой, а одинъ изъ нихъ подошелъ и спросилъ часовщика кто онъ и откуда. Но Дрозъ презрительно посмотрѣлъ на него черезъ плечо и рѣзко отвѣтилъ ему по-французски что онъ квартирмейстеръ 78го полка который черезъ полчаса будетъ здѣсь, и что ему нужно видѣть мусье-лѣ байлифъ. Французы притихли, а когда Дрозъ довольно явственно началъ намекать на мародеровъ и разказалъ что еще вчера его полковникъ приказалъ разстрѣлять двухъ такихъ молодцовъ, то Французы одинъ за другимъ начали убираться. Нѣкоторые изъ нихъ еще потараторили между собой и все показывали пальцами на замокъ гдѣ остался ихъ командиръ; но ждать имъ было ужъ некогда и дворъ опустѣлъ въ одно мгновеніе. А мы, мальчишки, стояли въ другихъ воротахъ и смотрѣли какъ Французы безпорядочно гнали своихъ лошадей по глубокой, вязкой глинѣ. Дѣло было въ началѣ весны, оттепели только-что начались и тогдашнія мекленбургскія дороги находились во всемъ цвѣтѣ своей непролазной грязи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Что говорили между собою дѣвица Вестфаленъ и часовщикъ.—Почему Фридрихъ хотѣлъ срѣзвать Французу пуговицы отъ панталонъ, почему онъ уложилъ его спать на опущкѣ дѣса и почему Фихенъ не вышла замужъ за купца.

Когда дворъ замка былъ очищенъ отъ Французовъ, часовщикъ съ ружьемъ и саблей промаршировалъ въ кухню къ дѣвицѣ Вестфаленъ. Дѣвица Вестфаленъ отерла себѣ глаза и сказала:

— Господинъ Дрой, вы ангелъ спасенія!

Она всегда называла его „Дрой“ вмѣсто „Дрозъ“ потому что по ея мнѣнію „Дрой“ было самое настоящее французское произношеніе и всѣ кромѣ нея неправильно выговаривали это слово. Ангелъ спасенія поставилъ свое ружье въ уголъ, повѣсилъ свою саблю на крюкъ, положилъ свою медвѣжью шапку на кадку съ масломъ и сѣлъ самъ на чурбанъ. Затѣмъ онъ вытащилъ кавччатый носовой платокъ, тщательно сложилъ его у себя на колѣняхъ, бережно провелъ имъ два раза подъ своимъ горбатымъ носомъ, вынулъ большую круглую табатерку, протянулъ ее дѣвицѣ Вестфаленъ и спросилъ:

— Плав-ти?

— Да, сказала дѣвица Вестфаленъ, — это мнѣ плав-титъ, господинъ Дрой. Потому что, господинъ Дрой, у меня, видите ли, плохи глаза и съ прошлой осени они все становятся слабѣе; въ то время у меня была большая болѣзнь и доктора давали ей мудреное имя; а я говорю, господинъ Дрой, что у меня была обыкновенная лихорадка, и въ этомъ меня никто не разубѣдитъ.

Разговаривая такимъ образомъ, дѣвица Вестфаленъ поставила предъ господиномъ Дрой жареную утку и бутылку вина, изъ хорошихъ, сдѣлала реверансъ—онъ былъ очень похожъ на движеніе съ которымъ люди окунаются въ воду,—и сказала:

— Плав-ти?

Часовщикъ былъ очень доволенъ; ему казалось что онъ дѣйствительно ангелъ, а кухня дѣвицы Вестфаленъ рай.

Черезъ нѣсколько времени стемнѣло. Фрицъ Зальманъ вошелъ въ кухню и сказалъ:

— Вотъ ужъ исторія, такъ исторія: господинъ президентъ безъ шапки ходитъ ночью по саду и разсуждаетъ самъ съ собою, бургомистра и слѣдъ простылъ, Фридрихъ мельника Фосса уже съ часъ какъ стоитъ съ лошадьми у воротъ и бранитъ Французовъ и кошеника Дюмуррье; мельникъ держитъ кулакъ предъ носомъ у Француза и спрашиваетъ куда дѣвались его четыре лошади и шесть быковъ которыхъ Французы у него отняли, а Французъ совсѣмъ обезумѣлъ, сидитъ недвижимъ и только ворочаетъ глазами.

— Фрицъ Зальманъ, спросила дѣвица Вестфаленъ, — онъ сидитъ *недвужимло*?

— Да, мамзель Вестфаленъ.

— Фрицъ Зальманъ, я знаю, ты иногда строишь изъ себя шута и часто привираешь; я спрашиваю тебя по совѣсти: онъ *совсѣмъ* не движется?

— Ни однимъ пальцемъ, мамзель Вестфаленъ.

— Если такъ, господинъ Дрой, пойдемте наверхъ и посмотримъ что тамъ дѣлается. Только возьмите съ собою что-нибудь изъ вашихъ снарядовъ и если увидите что онъ хочетъ на меня напасть, то помогите мнѣ. А ты, Фрицъ Зальманъ, бѣги къ мельникову Фридриху и скажи ему чтобъ онъ распрягъ лошадей и шелъ бы сюда; одному хорошо, а вдвоемъ лучше; а что можетъ сдѣлать одинъ, то не затруднять двоихъ.

Фридрихъ пришелъ. Ему поднесли большую рюмку водки, и онъ выливъ ее крякнулъ и потрясся какъ того требуетъ обмѣй. Потомъ въ комнату господина президента направилось шествіе: впереди шелъ Фридрихъ, за нимъ дѣвица Вестфаленъ подъ руку съ часовщикомъ, и въ арріергардѣ — Фрицъ Зальманъ.

Когда они вошли въ комнату, мельникъ сидѣлъ за столомъ. Предъ нимъ стояли два полные стакана вина; онъ чокался самъ съ собою и пилъ за двухъ; улыбка озаряла его широкое лицо. Онъ снялъ съ себя верхнее платье, потому что ему сдѣлалось жарко отъ его усердныхъ трудовъ; на головѣ у него былъ надѣтъ киверъ Француза, а свой толстый животъ онъ опоясалъ, какъ умѣлъ, саблей своего собутыльщика. Французъ лежалъ въ углѣ дивана растянувшись во всю свою длину; на немъ былъ надѣтъ бѣлый,

вязанный изъ бумаги, мочной коллакъ президента и его халатъ съ красными цвѣтами. Въмѣсто сабли плутъ-мельникъ вложилъ ему въ руку гусиное крыло, и этимъ крыломъ онъ молча размахивалъ по воздуху; словъ ужъ онъ произносить не могъ.

Когда дѣвица Вестфаленъ вошла въ дверь и увидала эти дѣла, она подперлась въ бока обѣими руками какъ должна была бы, собственно говоря, дѣлать каждая почтенная, пожилая женщина которая сознаетъ свою правоту, и спросила:

— Мельникъ Фоссъ, что это такое? Что это значитъ? Какъ это называется?

Мельникъ хотѣлъ отвѣчать, но его одолевъ смѣхъ и онъ съ трудомъ могъ только произнести:

— Кукольная комедія!

— Что? спросила дѣвица Вестфаленъ. Развѣ это отвѣтъ для человѣка который имѣетъ жену и дѣтей? Развѣ это уваженіе къ начальству,—разыгрывать изъ себя шута въ собственной комнатѣ господина президента? Господинъ Дрой, идите за мною.

Съ этими словами она подошла къ Французу, сорвала съ его головы коллакъ, два раза ударила имъ Француза по ушамъ и сказала только:

— Чѣмъ коллакъ-то виновать! и:—нечистая тварь!

Потомъ она повернулась и воскликнула:

— Фридрихъ, лоди сюда и помоги мнѣ снять съ него бариновъ рокеморъ; а вы, господинъ Дрой, снимите съ дурака мельника киверъ и саблю; вы умѣете это сдѣлать.

Когда все было исполнено, она обратилась къ Фрицу Зальману и сказала:

— А ты, Фрицъ Зальманъ, известный болтунъ и враль! ты у меня не смѣй сказывать господину президенту что здѣсь произошло съ его домашними удобствами, потому что иначе онъ велитъ ихъ сжечь, а чѣмъ виноваты халатъ и коллакъ въ томъ что старики ведутъ себя какъ мальчишки.

При этихъ словахъ она пристально посмотрѣла на старика мельника который все продолжалъ улыбаться, заткнула бутылку пробкой, подперла опять бока руками и спросила:

— Ну что теперь дѣлать?

— Я знаю что дѣлать, сказалъ Фридрихъ, вынулъ изъ кармана складной ножъ, раскрылъ его, подошелъ къ Французу,

разстегнулъ ему мундиръ и началъ очень подозрительно дѣйствовать ножомъ у него подъ ребрами.

— Господи помилуй! Фридрихъ! воскликнула дѣвица Вестфаленъ и бросилась къ нему, — что тебя окаянный что ли попуталъ? Что ты убійство здѣсь хочешь произвести?

— Дьяблы! сказалъ господинъ Дрой и схватилъ Фридриха за руки; а Фрицъ Заальманъ, неразумный молокососъ, растворилъ окно и началъ кричать:

— Господинъ президентъ! господинъ президентъ! пожалуйста! начинается!

— Бацъ! ему залѣпила ротъ чья-то рука, которая показала ему очень знакома. Впрочемъ, ему пора было знать руку дѣвицы Вестфаленъ, потому что она каждый день раза три останавливала его такимъ образомъ; то-есть раза три говоря вообще, потому что этимъ остановкамъ точнаго счета не велось.

А Фридрихъ стоялъ совершенно спокойно и сказалъ:

— Что съ вами? Что вы себя воображаете? Неужели вы думаете что я живьемъ рѣжу людей? Я только хочу отрѣзать ему луговицы отъ ланталонъ. Мы всегда дѣлали такъ когда кто-нибудь попадался къ намъ въ лѣтѣ, въ то время какъ я еще сражался въ Голландіи противъ проклятыхъ Французовъ, да въ девяностыхъ годахъ противъ мошенника Дюмурье. — Затѣмъ онъ обратился къ дѣвицѣ Вестфаленъ: — Потому что, видите ли, мамзель Вестфаленъ, когда у него отрѣзаемы луговицы, онъ не можетъ уйти, штаны у него валятся съ ногъ.

— Ты бы постыдился, Фридрихъ, говорить мнѣ такія вещи! Что мнѣ за дѣло до французскихъ ланталонъ и прочихъ предметовъ; я не желаю видѣть здѣсь такой картины и ни одинъ человѣкъ не долженъ сказать что здѣсь, въ собственной комнатѣ господина президента, происходило такое непристойное зрѣлище. — Нѣтъ, мы лучше посоветуемся что намъ дѣлать съ Французомъ.

Тутъ выступилъ впередъ мельникъ Фоссъ. Онъ хотѣлъ ударить себя въ грудь, но рука у него опустилась и ударъ пришелся по желудку. — Что съ нимъ дѣлать? сказалъ онъ, что дѣлать? Гдѣ я, тамъ и онъ, мы выпили съ нимъ брудершафтъ, онъ настоящій Французъ, а я настоящій Мекленбургецъ, и кому до этого есть какое дѣло, тотъ подходи ближе! — Сказалъ и поочереди поглядѣлъ на каждого.

Всѣ молчали. Мельникъ потрепалъ Француза по плечу и сказалъ:

— Братъ, я возьму тебя съ собою.

— И самое лучшее, сказала дѣвица Вестфаленъ,—тогда мы отъ него отдѣлались. Господимъ Дрой, берите его!

И одна частица „гранъ насіонъ“ взяла другую частицу за ноги, Фридрихъ подхватилъ голову, Фрицъ Зальманъ несъ свѣчу, дѣвица Вестфаленъ распорядилась вѣсти шествіемъ, а мельникъ шелъ сзади и описывалъ дугу то на одну, то на другую сторону.

— Такъ, сказалъ Фридрихъ,—ну-ка его теперь въ повозку! Готово! ну теперь лежи!—Фрицъ Зальманъ, запряги-ка мнѣ лошадей! А вы, господинъ Дрой, помогите-ка мнѣ посадить мельника; только смотрите чтобъ онъ не потерялъ баланса; а его знаю, онъ тогда перекувырнется.

Когда мельникъ сѣлъ въ повозкѣ, Фридрихъ спросилъ:— все въ порядкѣ?

— Все! сказала дѣвица Вестфаленъ.

— Значитъ можно трогать, сказалъ Фридрихъ.

Но едва онъ успѣлъ отъѣхать два шага, какъ часовщикъ закричалъ:

— Стой! стой! Фридерикъ! вы лузавали камрада его лошадя, который стоитъ на ложи летить лулы!

— Да, сказалъ Фрицъ Зальманъ,—лошадь стоитъ у курятника.

— Ну, тогда нужно остановиться, сказалъ Фридрихъ,—привяжите лошадь къ повозкѣ.

Лошадь начали привязывать. Въ это время старый президентъ возвратился со своей прогулки по саду и спросилъ что тутъ происходитъ.

— Ровно ничего сказала дѣвица Вестфаленъ.—Мельникъ Фоссъ пригласилъ Француза ѣхать съ нимъ и переночевать у него въ Гилловѣ на мельницѣ.

— Это другое дѣло! сказалъ старый президентъ. Прощай, мельникъ! я тебѣ это поломаю.

Мельникъ началъ что-то бормотать про себя о прекрасной погодѣ, а дѣвица Вестфаленъ шепнула Фрицу Зальману чтобъ онъ бѣжалъ впередъ и взялъ бы изъ комнаты барина киверъ и саблю Француза.—Пусть они не попадаются ему на глаза, сказала она.—Снеси ихъ въ мою комнату и оставь ихъ за мою кровать.

Фридрихъ ударилъ по лошадямъ и погналъ во весь духъ съ горы.—Если мельникъ усидитъ на мѣшкахъ при этой ѣздѣ, говорилъ онъ про себя,—то значитъ онъ самъ выйдетъ изъ повозки, когда пріѣдетъ домой.

Но когда они миновали службы и Фридрихъ оглянулся, мельникъ лежалъ между мѣшками.

— Нѣтъ, сказалъ Фридрихъ,—одинъ не выйдетъ.—Онъ взялъ нѣсколько дорожныхъ мѣшковъ и покрылъ ими хозяина чтобъ онъ не простудился.

Они спустились съ горы. Лошади шагомъ тащились въ темнотѣ, уходя по колючо въ грязь. Фридрихъ сидѣлъ и раздумывалъ. Прежде всего онъ вспомнилъ что говаривала мельничиха когда бывало мельникъ одинъ пріѣзжалъ въ такомъ видѣ; теперь онъ раздумывалъ что она скажетъ увидѣвъ его съ Французомъ и что скажетъ его дочь Фихенъ.* Онъ покачалъ головой и сказалъ: „благополучно не обойдется“. Потомъ ему пришло въ голову что въ такую же темную ночь и въ это же время года онъ дезертировалъ изъ прусской службы и что онъ тогда лежалъ подъ открытымъ небомъ, прикрываясь кустами, пока не перебрался черезъ границу. А втретыхъ, онъ вспоминалъ—и при этомъ воспоминаніи онъ закричалъ зубами—какъ онъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ былъ во Франціи, какъ ему было голодно и холодно, какъ Французы его гоняли и били, какъ множество его товарищей остались покинутыми на большой дорогѣ, въ томъ числѣ его лучший другъ Христіанъ Крегеръ, и какъ народъ не имѣлъ къ нимъ никакой жалости.—Они отняли у меня моихъ двухъ вороныхъ, говорилъ онъ про себя,—и я принужденъ теперь править двумя старыми, хромыми клячами. И этимъ несчастнымъ тварямъ еще нужно мучиться и тащить по такой дорогѣ какую-то каналью мародера, который совсѣмъ и не можетъ считаться за настоящаго солдата? — Проклятые Французы! — Мошенникъ Дюмуррь!—Это были единственные бранныя слова которыя онъ употреблялъ въ сердцахъ.

— Тпррру! закричалъ онъ, спрыгнувъ на землю, подошелъ къ повозкѣ, схватилъ Француза за ногу, на половину вытащилъ его, подставилъ плечо, взвалилъ Француза на себя, перетаскивалъ черезъ канаву и положилъ его подъ деревья.

* Уменьшительное отъ *Sophie*.

— Да, братъ, сказалъ онъ когда Французъ началъ тутъ немного шевелиться,—тебѣ здѣсь сыро, ну да вѣдь ты размокъ внутри, отчего же тебѣ не размокнуть и сваружи?

Онъ посмотрѣлъ на небо и продолжалъ:—для послѣднихъ дней февраля сегодня очень хорошая, теплая ночь и если кукушка и не кукуетъ теперь, то я самъ слышалъ какъ она куковала здѣсь прошлымъ лѣтомъ; Богъ дастъ и опять услышимъ ее въ нынѣшнемъ году.

Французъ началъ вздрагивать, какъ будто бы его пробираетъ холодъ.

— Немного свѣжо, братъ, не правда ли? сказалъ Фридрихъ.—Я могъ бы закрыть тебя здѣсь землею и никто бы не узналъ про это, но я хочу тебѣ доказать что у меня душа христіанская.

Онъ подошелъ къ повозкѣ, взялъ двѣ охапки соломы, кинулъ ихъ на Француза и прибавилъ: „теперь прощай! съ собою я тебя не возьму, зачѣмъ мельничихѣ и Фихенъ сердиться, глядя на тебя?“ Онъ опять сѣлъ на свое мѣсто и не спѣша поѣхалъ домой. Когда они были уже недалеко отъ дома, Фридрихъ разбудилъ мельника и сказалъ: „мельникъ, садитесь на мѣшокъ и держитесь прамѣ, я помогу вамъ потомъ сойти“.

Мельникъ приподнялся и сказалъ: „покорно благодарю, господинъ президентъ!“ Онъ началъ дико озираться, соображая гдѣ онъ находится, спросилъ что это за лошадь привязана сзади къ повозкѣ и когда нѣсколько образумился, то ощутилъ вокругъ себя и сказалъ:

— Фридрихъ, гдѣ же Французъ?

— А кто его знаетъ! сказалъ Фридрихъ, подѣхавъ къ двери, спрыгнулъ съ повозки и помогъ хозяину сойти прежде чѣмъ жена и дочь вышли встрѣчать его съ огнемъ. Мельникъ едва вползъ на крыльцо, какъ жена уже встрѣтила его и спросила:

— Отецъ, какъ дѣла?

Мельникъ, слоткнувшись о порогъ, вѣзъ въ горницу, положилъ на столъ шапку и перчатки и разъ два проехался по комнатѣ, не слуская глазъ съ половицы.

— Трудно ходить! сказалъ онъ.

— Это я вижу, сказала мельничиха.

Фихенъ сидѣла у стола и шила бѣлье. Мельникъ приса-
нился и опять началъ ходить взадъ и впередъ.

— Вы развѣ во мнѣ ничего не замѣчаете? спросилъ онъ.

— Какъ не замѣтить, сказала его жена. — Ты опять сидѣлъ у хлѣбника Витта, забылъ про свои дѣла, про жену и дѣтей, и подкутилъ.

— У хлѣбника? ты такъ думаешь? Ну, такъ вотъ я тебѣ что скажу: бываетъ что и умная курица кладетъ яйца мимо гнѣзда. Нѣтъ, я лилъ брудершафтъ съ господиномъ президентомъ, и господиномъ бургомистромъ, и съ французскимъ генераломъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ; и господинъ президентъ сказалъ мнѣ что онъ мнѣ это помнитъ, что это дѣлается для отечества. А ты, Фихель, не выходи замужъ за перваго встрѣчнаго! Не роняй себя, это я тебѣ говорю! Тебѣ нѣтъ въ этомъ нужды! За того купца ты пожалуй могла бы выдти; да вѣдь ты не хочешь!

Фихель немного приподняла голову отъ своего питья и сказала:

— Отецъ, оставь говорить про это, по крайней мѣрѣ вечеромъ!

— Хорошо дочка. Ты права, мое дитятко. Ты вѣдь теперь у меня одна осталась. Гдѣ твои братья-то? Ахъ! Господи, Боже мой! Я говорю только одно: не роняй себя! и больше я ничего не скажу. — А на счетъ нашихъ дѣлъ, жена знаешь, что говоритъ господинъ президентъ? Мельникъ Фоссъ, я, говоритъ, тебѣ это помню! А Французъ-то жена, Французъ-то! Да гдѣ же Французъ? Онъ лежалъ въ повозкѣ; Фридрихъ долженъ про это знать.

Мельникъ открылъ окно и закричалъ:

— Фридрихъ! Фридрихъ, не слышишь ты что ли?

Фридрихъ хорошо слышалъ что кричалъ мельникъ; но онъ только подмигнулъ глазомъ и сказалъ:

— Да, кричи себѣ знай! Что мнѣ тамъ расписывать-то что мельничиха сама видитъ?

Онъ поставилъ лошадь Француза въ стойло, привязалъ ее и началъ разсѣдывать. „Вотъ тяжело-то!“ сказалъ онъ снимая чемоданъ Француза, положилъ его въ закрому, насыпалъ своимъ лошадямъ овса, легъ въ постель и заснулъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Когда мельникъ началъ было браниться на то что Фридрихъ не идетъ, жена его сказала:

— Оставь его, отецъ, ты усталъ, цѣлый день хлопоталъ и трясся на повозкѣ: ступай, ложись спать, Фихель

подогреветъ тебѣ пива чтобы тебѣ не повредила холодный ночной воздухъ.

— Жена, отвѣтилъ мельникъ, — ты всегда права, а страсть какъ измѣрился, нѣтъ ничего хуже этихъ денежныхъ дѣлъ. Ну, да теперь все въ порядкѣ, дѣло все равно что обдѣла-но потому что господина президентъ сказалъ: мельникъ Фоссъ, говорить, а тебѣ это помню. А завтра утромъ мнѣ опять ѣхать въ городъ.

Съ этими словами онъ ушелъ, легъ и тотчасъ же заснулъ.

Мельничиха и Фихенъ сидѣли еще вѣсело нѣсколько времени. Фихенъ молча продолжала пить и задумалась.

— Да, Фихенъ, сказала наконецъ мать, ты вотъ трудишься, а также не сижу сложа руки, а отецъ всю жизнь работалъ сколько у него было силъ; а что изъ всего этого вышло? Плохія времена разоряютъ насъ въ конецъ; что намъ оставили Французы, то отнимутъ Жиды да адвокаты; послѣ завтра мы должны платить пятьсотъ талеровъ Ицигу, а у насъ нѣтъ гроша.

— У отца такой видъ какъ будто онъ все устроилъ.

— Не обращай вниманія на то что онъ говорилъ сегодня вечеромъ; вечеромъ одинъ разговоръ, а утромъ — другой. Въ одномъ отецъ сегодня вечеромъ былъ правъ: тебѣ бы слѣдовало выйти замужъ за купца который къ тебѣ сватался.

— Матушка, сказала Фихенъ, тихо положила свою руку на руку матери и спокойно посмотрѣла ей въ глаза, — матушка, онъ мнѣ не суженый.

— Дочка, совсемъ по своему выбору немногія выходятъ замужъ въ теперешнія времена; безъ разчета теперь нельзя обойтись. Вотъ видишь ли: у этого купца есть вѣрный кусокъ хлѣба, и еслибъ я и твой отецъ знали что ты пристроена, у насъ свалился бы съ сердца большой камень.

— Матушка, матушка, не говори такъ! какъ мнѣ покинуть васъ, когда вы въ бѣдѣ? Да еще такимъ нечестнымъ образомъ!

— Нечестнымъ, Фихенъ?

— Да, нечестнымъ, матушка, сказала Фихенъ, она — начала горячиться, — потому что когда купецъ сталъ свататься за меня, онъ думалъ что мы богаты и потому онъ хотѣлъ на мнѣ жениться; но я не хочу его обманывать и хотя ты

и отецъ по своей добротѣ и не говорили мнѣ въ какомъ положеніи ваши дѣла и что мы обѣднали, но я сама замѣтила это давно. Теперь это почти все знаютъ, и если теперь кто-нибудь станетъ ко мнѣ свататься, то значить ему нужна я, а не деньги, и можетъ-быть теперь-то и явится настоящій суженый.

Съ этими словами она встала, собрала свое шитье и поцѣловала мать:

— Доброй ночи, матушка, сказала она и пошла въ свою свѣтелку.

Мельничиха сидѣла въ тихомъ раздумьѣ.

— Она права, сказала она со вздохомъ,—Господь Богъ все дѣлаетъ къ лучшему!

Мельничиха также пошла спать. Настало глубокое спокойствіе. Только мельница вертѣлась безъ отдыха и остановки, все стучала и все торопилась. Колеса, точно руки, съ дикою поспѣшностью махали направо и налево, какъ будто человекъ который находится въ злой нуждѣ и бьется и мучается чтобы снискать дневное пропитаніе. А съ нихъ капала вода, какъ будто капли трудового пота, и ручей журчалъ внизу все одну и ту же рѣчь, все одну и ту же лѣню: Ничто тебѣ не поможетъ! я твое сердце. Пока я теку волава за волавою, пока желанье смѣняетъ желанье, тебѣ нѣтъ покоя. Но когда настанетъ жатва и посѣвъ созреетъ, тогда мой потокъ станетъ течъ все медленнѣе и наконецъ все остановится. И тогда будетъ воскресенье.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Почему Фрицъ Заальманъ получилъ пощечину, а часовщикъ цѣлую ночь вѣдичъ по комнатѣ съ кроватью дѣвцы Вестфаленъ, и почему французскій полковникъ явился въ красномъ одѣялѣ съ визитомъ къ часовщику.

Когда мельникъ скрылся изъ виду, господина президентъ пошелъ было въ свою комнату, но вернулся назадъ, подошелъ къ господину Дрозу и спросилъ:

— Сколько я вамъ долженъ, мой милый Дрозъ?

Часовщикъ отвѣтилъ, стараясь говорить какъ можно лучше: что онъ сдѣлалъ все съ удовольствіемъ, потому что л'Аллемаанъ теперь его патри, а онъ—ту пуръ ла патри.

— Я говорю не про это, сказалъ президентъ, — я говорю про мои часы которые вы мнѣ лочилили.

Господинъ Дрозъ отвѣтилъ что за нихъ ему уже заплачено, что маленькій гарсонъ, ле Фрицъ Зальманъ, сдѣлалъ съ нимъ разчетъ.

— Я это знаю, сказалъ президентъ, — но, мой милый Дрозъ, часовщикамъ приходится иногда платить даже и за то чего они и не думали дѣлать съ часами, а такъ какъ вы не изъ такихъ, то вотъ вамъ, мой милый Дрозъ, — и онъ сунулъ ему въ руку два талера и пошелъ въ домъ.

— Оставьте его, сказала дѣвица Вестфаленъ. — Онъ чудакъ, но онъ сдѣлалъ это изъ расположенія къ вамъ. А теперь, господинъ Дрой, пойдемте: отогрѣйтесь немного въ моей комнатѣ потому что въ такую погоду кровь просто стываетъ въ жилахъ.

Господинъ Дрой пошелъ съ нею. Едва успѣли они сѣсть, какъ вошелъ Фрицъ Зальманъ; на головѣ у него былъ надѣтъ киверъ Француза; въ рукахъ онъ держалъ его голую саблю и, въ довершеніе, успѣлъ нарисовать себѣ углемъ усы. Рука дѣвицы Вестфаленъ мгновенно мелькнула около его уха: шутъ! сказала она, схватила киверъ и саблю и поставила ихъ къ себѣ за кровать: шутъ гороховый! въ такое время когда мы всѣ сидимъ здѣсь въ разныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, ты строишь изъ себя комедіанта! — Сходи-ка лучше къ супругѣ господина Дрой, поклонись ей отъ меня и скажи чтобъ она не беспокоилась что господинъ Дрой сидитъ у меня въ комнатѣ и что опасности вѣтъ никакой.

Фрицъ Зальманъ ушелъ, а дѣвица Вестфаленъ и господинъ Дрой остались и начали толковать про то и про другое: Дѣвица Вестфаленъ плохо понимала что разказывалъ господинъ Дрой, и господинъ Дрой не понималъ и половины того что говорилъ дѣвица Вестфаленъ.

— Она бою! говорилъ господинъ Дрой, зная въ рукѣ своими двумя талерами.

— Разумѣется они хорошіе, отвѣчала дѣвица Вестфаленъ. — Неужели вы думаете что господинъ президентъ дастъ вамъ фальшивыхъ?

— А! ни какой фальшивый деньга! Я говорю люи мемъ, сказалъ господинъ Дрой, — и показалъ рукой на потолокъ.

— Ахъ да, вы говорите про господина президента? Да,

онъ боиъ, только чѣмъ старѣе онъ дѣлается, тѣмъ чуднѣе онъ становится. Онъ дѣлаетъ изъ ночи день, господинъ Дрой. Вотъ видите ли: теперь я должна сидѣть и ночью варить и жарить, потому что онъ ужинаетъ только въ одиннадцать часовъ, а иногда и въ двѣнадцать. Если кушанье усохнетъ или пережарится, онъ начинаетъ сердиться, а супруга его имѣетъ нѣжный характеръ и сейчасъ въ слезы. Я ей часто говорю: сударыня, о чемъ вы ревете? Развѣ мы виноваты что онъ живетъ не какъ всѣ люди? Перестаньте плакать, скажешь ей, у насъ совѣсть чиста! Только вотъ что мнѣ тяжело бываетъ, господинъ Дрой—сидѣть здѣсь одной и слушать какъ вѣтеръ бушуетъ кругомъ зѣмка, какъ дождь стучитъ въ окна, какъ кричать совы и оквозной вѣтеръ воетъ по корридору, точно нечистая сила. Вотъ послушайте сами что олятъ за погода! Вы вѣрно ничего не боитесь, господинъ Дрой?

— Ахъ, нонъ, сказалъ господинъ Дрой, однако сталъ прислушиваться къ погодѣ и наконецъ сказалъ:

— О аттандэ, дю тонверъ!—Нѣтъ, сказалъ онъ черезъ нѣсколько времени—это де тамбуръ, это идутъ мои товарищи, гренадеры.

Онъ вскочилъ, надѣлъ на голову свою медвѣжью шапку—комната была достаточно высока — и началъ маршировать взадъ и впередъ. Потомъ онъ остановился и снова началъ прислушиваться: слышите? они вступаютъ на площадь! вотъ идутъ пушки, дѣ гранъ канонъ!

А дѣвица Вестефаленъ сидѣла сложивъ руки на колѣняхъ, смотрѣла на часовщика и качая головой говорила:—Вѣдь вотъ подите какъ это укореняется! Вотъ онъ: совсѣмъ какъ слѣдуетъ быть настоящему человѣку, а вѣдь вотъ изъ-за чего онъ теперь бѣснуется? Должно-быть съ военными людьми то же что со старыми извозчиками: когда ужъ они не въ силахъ больше ѣздить, имъ бы хотъ только кнутомъ похлопать.

Не долго спустя, въ комнату вошла жена ткача Сталя, которая каждый день привосила дѣвицѣ Вестфаленъ всѣ городскія новости и получала за это вознагражденіе въ формѣ котелка съ кушаньемъ. Она отряхнула свое платье поднятое на голову—съ него текло какъ изъ желоба—и сказала:—вотъ такъ погода!

— Ваша правда, хозяйка, сказала дѣвица Вестфаленъ. —

Она всегда называла ткачиху хозяйкой, — не ради ея, говорила она, а ради меня самой, потому что же скажутъ люди если я буду водить знакомство съ простыми женщинами, у меня вѣдь тоже есть амбиція!

— Мамзель Вестфаленъ, сказала хозяйка, — я пришла вамъ сказать: вся площадь такъ и кипитъ Французами, они привезли съ собою цѣлую кучу пушекъ и бургомистръ посылаетъ за моимъ мужемъ и приказалъ ему по этой погодѣ ночью же объѣзжать всѣ деревни и созвать на завтра, къ двѣнадцати часамъ, крестьянъ съ подводами. Смотрите! у васъ также будетъ лостой!

— Ужь разумѣется! сказала дѣвица Вестфаленъ, подошла къ двери, позвала двухъ работниковъ и велѣла имъ затопить печь въ голубой комнатѣ и приготовить въ ней двѣ постели, потому что чортъ навѣрное скоро принесетъ въ замокъ какого-нибудь горластаго французскаго полковника съ его саюнявымъ адъютантомъ.

Потомъ она обратилась къ своимъ гостямъ и сказала: — Пусть они тамъ поспятъ: тамъ водятся привидѣнія и если они отъ нечистой силы, то Французамъ не знать ночью покоя, и я этому очень рада. Вы знаете, господинъ Дрой, здѣсь рядомъ, въ соседней комнатѣ по ночамъ не спокойно. Вѣрите вы въ привидѣнія?

Господинъ Дрой сказалъ: конъ, а на дворѣ между тѣмъ подыался шумъ и когда дѣвица Вестфаленъ выглянула наружу, то она увидала какъ въ дверь входилъ французскій полковникъ со своимъ адъютантомъ и двумя ординарцами. Ихъ провели въ голубую комнату; они переодѣлись и ложились потомъ наверхъ къ господину президенту чтобы тамъ уживаться.

Между тѣмъ господинъ Дрой сидѣлъ въ глубокомъ раздумьѣ и все говорилъ про себя „дьяблъ“! и „дѣявтръ“! Его начали разспрашивать и онъ наконецъ объяснилъ что его положеніе очень затруднительно и что онъ можетъ попасть въ большую бѣду если пойдетъ теперь по улицѣ въ своемъ мундирѣ и медвѣжьей шалкѣ, съ ружьемъ и при саблѣ; его могутъ увидать ординарцы, или часовые, или же просто какой-нибудь шальной Французъ, могутъ спросить кто онъ и откуда, и если онъ отвѣтитъ не влопадъ, то можетъ выдти большая неприятность, пожалуй выламыветъ наружу вся сегодняшняя исторія, а тогда что дѣлать?

— Господинъ Дрой, сказала дѣвица Вестфаленъ,—это плохое дѣло! Вы не можете надѣть платье этого плута Фрица Зальмана, потому что если вамъ и удастся какъ-нибудь наплатить его на плеча, концы-то ваши все таки останутся не прикрытыми. А что касается платья господина президента, то, господинъ Дрой, такого дѣла вы отъ меня и не требуйте, это все равно какъ еслибы меня заставляли поджечь замокъ собственными руками. Ну, а другихъ мушницъ у насъ здѣсь, слава Богу, нѣтъ. Но вы, господинъ Дрой, спасли насъ сегодня изъ большой бѣды и за это я васъ тоже спасу. Ваша жена знаетъ что вы здѣсь, между крещеными людьми; ночуйте эту ночь на моей кровати съ пологомъ; я постелю вамъ чистую простыню, а сама буду спать у горячливой дѣвушки. Пойдемте хозяйка!

Съ этими словами она вышла изъ двери, но скоро возвратилась, постлала на постель простыню и опять спросила:—господинъ Дрой, вы въ самомъ дѣлѣ ничего не боитесь?

Господинъ Дрой сказалъ опять: нѣтъ, а она сказала: Ну и хорошо!—Здѣсь въ сосѣдней комнатѣ иной разъ въ самомъ дѣлѣ какъ-будто кто-то ходитъ; вотъ такъ; топъ! топъ! топъ! Но сюда ничего не забредаетъ, я велѣла прибить на моей двери подкову. Однако Французы здѣсь рядомъ тоже ложатся спать. Послушайте только, какъ они языками стрекочутъ! Господинъ Дрой,—сказала она въ полголоса,—вы можете понять весь ихъ разговоръ?

— Вуй, сказалъ господинъ Дрой.

— Я вѣрю, сказала она,—потому что стѣна очень тонка. Прежде это была одна большая комната, а потомъ ее перегородили и сдѣлали изъ нея двѣ. Ну, доброй ночи, господинъ Дрой! пойдемте, хозяйка!

Господинъ Дрой также пожелалъ ей по-французски доброй ночи, но у него былъ такой видъ какъ будто бы онъ чего-то не могъ или не хотѣлъ сказать. Дѣвица Вестфаленъ тихо сказала ткачихѣ: „хозяйка, вы женщина замужняя, объясните ему, мнѣ это непристойно“ и съ этими словами ушла. Когда она скрылась, часовщикъ тоже куда-то вышелъ съ ткачихой.

Едва всѣ они ушли, какъ по корридору, въ которомъ горѣлъ ночникъ, послышались чьи-то крадущіеся шаги и кто-то вошелъ въ комнату дѣвицы Вестфаленъ. Это былъ плутъ Фрицъ Зальманъ. Онъ несъ въ рукахъ кусокъ льду

величиною съ голову человека. Какъ кошка вспрыгнувъ онъ на кровать двѣицы Вестфаленъ, весьма походившую на кузовъ кареты въ которой вмѣсто боковыхъ стѣнокъ повѣшены кисейныя занавѣски, положилъ ледышку на потолокъ кровати и сказалъ самъ про себя: погоди, старая злючка! Это тебѣ за твою олаеуху; это тебѣ успокоительное средство.—И съ этими словами онъ исчезъ за дверью.

Господинъ Дрой возвратился въ комнату, раздѣлся, положилъ „да гранъ насіонъ“ на стулъ предъ кроватью, задулъ свѣчу, легъ, протянулся въ прекрасной мягкой постели и сказалъ: ахъ, съ бонъ! Потомъ онъ началъ прислушиваться какъ на дворѣ лилъ дождь и бушевала буря и какъ разсуждали два Француза въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ болтовня ихъ замолкла. Господина Дрой уже стала клонить дремота, какъ вдругъ въ тишинѣ начало раздаваться: „танъ—танъ—танъ. „Ага“, подумалъ по-французски господинъ Дрой, это привидѣніе которое является здѣсь радомъ“! Онъ началъ прислушиваться что будутъ говорить его соотечественники. Но они лежали смирно, а звуки *танъ—танъ—танъ* спокойно продолжали раздаваться и господину Дрой показалось какъ будто онъ слышитъ ихъ въ своей комнатѣ. Да, дѣйствительно они раздавались здѣсь. Откуда могло забраться сюда привидѣніе, если не въ дверь? Господинъ Дрой схватилъ одинъ изъ своихъ башмаковъ и бросилъ его по направленію къ двери. Башмакъ ударился о нее и—бумъ! точно громъ загудѣлъ по корридору. Французы въ сосѣдней комнатѣ зашевелились и стали говорить между собою. Скоро однако все опять смолкло; но звуки *танъ—танъ—танъ* продолжали раздаваться и на этотъ разъ уже возлѣ самой кровати господина Дрой. Онъ приподнялся и нагнулся впередъ чтобы лучше разслышать,—разъ!—на лысину ему упала капля воды,—два!—другая капля упала на его горбатый носъ и онъ замѣтилъ, протянувъ руку, что отдѣло на немъ начинаетъ промокать.

— Діантръ! сказалъ онъ,—вѣдь крыша-то худа; это течетъ сквозь потолокъ. Какъ быть?

Разумѣется, ему сейчасъ же пришло въ голову самое разумное средство на которое можетъ напасть человекъ въ такого рода обстоятельствахъ: онъ рѣшился передвинуть кровать. Господинъ Дрой всталъ и началъ отодвигать тяжелое изголовье; онъ совершенно забылъ про киверъ и саблю

Француза, находившіеся въ углу, какъ вдругъ что-то зашуршало по стѣнѣ и сабля вмѣстѣ съ киверомъ грохнулась на полъ. Господинъ Дрой обмеръ, остановился и сталъ слушать: такъ и есть! оба Француза проснулись отъ стука и съ сердцемъ начали браниться. Онъ подумалъ однако что дѣло теперь поправлено и тихонько улегся опять.

Но кусокъ льда успѣлъ уже растаять какъ сѣдуетъ и на постель полилась струя воды. Господинъ Дрой полежалъ нѣсколько времени, но потомъ ему сдѣлалось холодно, вода начала подтекать подъ него и онъ подумалъ, разумеется все по-французски: „ну вотъ и здравствуйте! нужно будетъ подвинуть другой конецъ, тогда можетъ я уйду изъ-подъ калела“. Онъ всталъ и началъ тащить кровать. Бухъ! ружье его хлопнулось о полъ, и если ужъ и отъ сабли былъ порядочный шумъ, то теперь ружье шумѣло вдвое.

Бѣдный часовщикъ закусилъ губы и затаилъ дыханіе какъ будто онъ могъ имъ разбудить Французовъ. Они опять проснулись, съ громкою бранью стучали въ стѣну и кричали: „силянсь“!

— Что же было дѣлать? по-французски говорилъ онъ про себя,—нужно же было помогать бѣдѣ—и съ этими словами снова легъ въ постель и сказалъ:

— Слава Богу! теперь не будетъ течь!

Напротивъ. Вода лила что далѣе то хуже. Господинъ Дрой совсѣмъ прозябъ; постель сдѣлалась вся мокрая и онъ сидѣлъ въ ней какъ лягушка въ болотѣ. Ничего не оставалось дѣлать: онъ долженъ былъ опять встать и опять подвинуть кровать, но осторожно, чтобы ничего не опрокинуть. Онъ отодвинулъ ее въ одинъ уголъ въ которомъ вечеромъ было совершенно сухо, онъ передвинулъ ее въ другой уголъ, тамъ также было прежде сухо, и такимъ образомъ цѣлую ночь возилъ съ кроватью по комнатѣ, все потихоньку, все осторожно. Но крыша протекала всякій разъ именно въ томъ мѣстѣ на которое онъ передвигался со своею кроватью.

Господинъ Дрой остановился въ одной сорочкѣ среди комнаты и началъ раздумывать чтобъ это значило и отчего бы это могло происходить. Наконецъ онъ, все по-французски, ударилъ себя рукой по лбу и сказалъ: „ахъ я глупецъ“, потому что у него въ головѣ засіяла мысль. Но мысль озарила только его голову; въ комнатѣ было темно

полпрежнему, а ему нужно было достать огня. Онъ на ды-
почкахъ вышелъ въ корридоръ,—тамъ еще горѣлъ ночникъ—
зажегъ свою свѣчу, вернулся назадъ и посвѣтилъ на пото-
локъ кровати. Тамъ что-то лежало.

— Ахъ, каналья! сказалъ господинъ Дрой и всталъ на по-
стель чтобы достать ледышку.

Это было не легко. Онъ вытянулся еколько могъ и ста-
рался ухватить руками ледъ, но ледъ былъ слишкомъ сколь-
зокъ и не давался ему въ руки. Парба! нужно вытянуть-
ся еще хотя бы на полпальца! Онъ налегъ изо всей силы,—
крахъ!—Пологъ обломился и господинъ Дрой, пологъ и ле-
дышка полетѣли внизъ и ударились о стѣну за которой
спали Французы. Господинъ Дрой лежалъ на полу весь
покрытый бѣлыми занавѣсками и болталъ по воздуху го-
лыми ногами, какъ будто онъ могли разказать что происхо-
дитъ у него на душѣ.

Вдругъ дверь отворилась, и въ комнату вошелъ француз-
скій полковникъ. Чтобы не простудиться онъ завернулся
въ красное шерстяное одѣяло; въ рукѣ у него былъ дву-
ствольный листолетъ; сзади его стоялъ адъютантъ съ
саблей наголо и всякимъ другимъ оружіемъ. Господинъ
Дрой выкарабкался изъ-подъ разваливъ, нагнулся на го-
лову свою медвѣжью шалку, вытянулся въ струнку, прило-
жилъ руку къ шалкѣ и сказалъ: „бонъ суаръ, монъ колонель!“

Полковникъ смотрѣлъ на него, адъютантъ смотрѣлъ на
полковника. Они слышали что имѣютъ дѣло съ Францу-
зомъ, они видѣли что предъ кроватью лежатъ черныя су-
конныя штилеты и вся „гранъ насіонъ“, что на полу ва-
ляются ружье и сабли и,—это было всего хуже,—киверъ
французскаго стрѣлка съ его длиннымъ султаномъ изъ кон-
скаго волоса.—Что это такое? Что это значитъ?

Господинъ Дрой что-то забормоталъ по-своему, госпо-
динъ Дрой началъ разказывать о сраженіяхъ при Маренго
и подъ Йеною, господинъ Дрой началъ лгать и лгать пре-
восходно, только, къ сожалѣнію, Французы ему не повѣ-
рили. Въ комнатѣ и въ корридорѣ поднялся невообразимый
шумъ. Полковникъ ругалъ господина Дроя дезертиромъ и
мародеромъ, адъютантъ во весь голосъ звалъ ординарцевъ.
Съ одного конца корридора опрометью бѣжали ординарцы
въ однихъ короткихъ сорочкахъ; они какъ будто готови-
лись броситься въ воду чтобы спасти утолающаго. Съ дру-

гаго конца выступала дѣвица Вестфаленъ въ сопровожденіи кухарки и горничной; въ рукахъ у нея былъ большой конюшенный фонарь, но одежды на ней было очень мало. Она рукою закрывала себѣ глаза, какъ будто загораживаясь отъ фонаря, а между тѣмъ горничная выглядывала изъ-за ея плеча и говорила кухаркѣ:

— Господи, какой срамъ! Посмотри-ка, Каролина...

— Постыдись хоть немного, сказала дѣвица Вестфаленъ, — на что ей смотрѣть? На что тебѣ смотрѣть? На что тутъ смотрѣть вообще? Мы пришли сюда по случаю ихъ анаемскаго ночнаго гвалта и потому что слышали голосъ господина Дрой который въ своей бѣдѣ закричалъ намъ:— Отвернитесь!

Обѣ дѣвушки и дѣвица Вестфаленъ повернулись спиной къ Французамъ, и дѣвица Вестфаленъ сказала:

— Господинъ французскій полковникъ, что это такое? какъ это называется? и что это значить? Почему вы не даете господину Дрой спокойно уснуть въ моей комнатѣ? Въ этомъ домѣ живутъ христіане, это тихій, спокойный домъ; мы не привыкли къ такимъ бунтамъ.—Про себя она прибавила вполголоса: кто-нибудь изъ этихъ мошенниковъ пойметъ меня.

Французскій полковникъ посмотрѣлъ на себя и на свое красное одѣяло, на господина Дрой стоявшаго въ медвѣжьей шалкѣ, на своего тонконогаго адъютанта который отъ усердія прыгалъ и метался по комнатѣ, на широкую спину дѣвицы Вестфаленъ;—все это показалось ему такъ смѣшно что онъ громко расхохотался и на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ сказалъ чтобъ она говорила далѣе, что онъ ее очень хорошо понимаетъ, что онъ самъ Нѣмецъ, что онъ Вестфалецъ.

— Да вѣдь и моя фамилія такая же! сказала дѣвица Вестфаленъ.

Полковникъ опять засмѣялся и отвѣтилъ что онъ только родомъ изъ Вестфалии, а что фамилія его фонъ-Толль.

Дѣвица Вестфаленъ низко присѣла—она все стояла къ нему спиной—и сказала:

— Позвольте спросить, вы можете быть въ родствѣ съ нашимъ почтмейстеромъ Толемъ который еще содержитъ въ городѣ гостиницу?

Полковникъ сказалъ что онъ ему не родня.—Однако онъ

началъ забнуть; онъ приказалъ ординарцамъ остаться съ господиномъ Дрой потому что онъ вѣроятно французскій дезертиръ и разузнать куда дѣвался французскій стрѣлокъ, сабля и киверъ котораго лежали въ комнатѣ.

Господинъ Дрой началъ опять лгать; дѣвица Вестфаленъ сдѣлалось совѣстно за него, она во гнѣвѣ обернулась и сказала:

— Постыдитесь, господинъ Дрой, вѣдь вамъ когда-нибудь придется дать въ этомъ отвѣтъ Всевышнему! Да еще не совѣстно ли вамъ, господинъ Дрой, какой порядочный мушкетеръ надѣваетъ шалку прежде панталонъ! — Она обернулась и замѣтивъ что горничная также стояла лицомъ къ мушкетерамъ, слегка толкнула ее локтемъ реберъ и сказала: „глупая дѣвка!“ Потомъ дѣвица Вестфаленъ еще разъ низко присѣла, сплотившись къ полковнику, сказала: „мое почтеніе, господинъ полковникъ фонъ-Толль!“ и удалилась съ обѣими дѣвками. Всѣ остальные также разошлись, а господинъ президентъ спалъ своимъ праведникомъ и не подозрѣвалъ что произошло въ его домѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ чувствовалъ себя мельникъ на другое утро. Почему Фридрихъ показался мельничихѣ зѣмлемъ-искусителемъ и почему Фихель подумала что сынъ Іохана Фосса посланъ къ нимъ Богомъ.

На другое утро мельнику Фоссу казалось что въ головѣ у него сидитъ полдюжины воробьевъ и что они ловятъ тамъ мухъ. Ощущеніе это происходило не столько отъ выпитаго наканунѣ вина сколько отъ заботы о Французѣ.

— Жена, сказалъ онъ, надѣвая на себя сапоги, глубоко-мысленно посмотрѣлъ на нихъ и покачалъ головой, — красное вино вечеромъ очень хорошая вещь, а утромъ нѣтъ никакой разницы—что вино, что водка, что ливро, все выходитъ то же самое. Ну да это статья особая; главное дѣло во Французѣ. Онъ лежалъ въ повозкѣ и Фридрихъ долженъ знать куда онъ дѣлся.

— Отецъ, сказала его жена, — оставь пока это дѣло; Фридрихъ сейчасъ придетъ потому что время завтракать.

Мельникъ вышелъ въ горницу и сѣлъ за столъ на которомъ стояла миска съ похлебкой. Онъ первый

зачерпнулъ своею ложкой похлебки, за нимъ зачерпнула жена, потомъ Фихенъ и наконецъ уже обѣ работницы. Таковъ былъ въ то время обычай, и ни одинъ мельникъ еще не зналъ про кофе.

Мельникъ позвалъ и положилъ ложку.

— Гдѣ же это Фридрихъ?

Потомъ онъ стѣлъ еще нѣсколько ложекъ, подошелъ къ окну и закричалъ черезъ дворъ: „Фридрихъ!“—Фридрихъ не показывался. Миска опустѣла, работницы начали выносить посуду и мельникъ сказалъ: „если я нанялъ работника, то я не хочу чтобъ онъ былъ у меня въ домѣ баринкомъ!“ Онъ только-что собрался выйти и посмотреть что дѣлаетъ Фридрихъ, какъ послѣдній вошелъ въ дверь, держа что-то въ рукахъ.

— Гдѣ ты пропадаешь, мерзавецъ? спросилъ мельникъ.

— Хозяинъ, сказалъ Фридрихъ и вынувъ изъ кармана складной ножъ подсунулъ его подъ ручку двери,—отвыкайте отъ такихъ словъ, они не къ лицу ни вамъ, ни мнѣ. Не хорошо быть горохомъ когда по воздуху летаютъ дикіе гуси, а когда въ комнатѣ сидятъ трещотки-работницы, нехорошо при нихъ что-нибудь говорить. Поэтому я и дожидался пока онѣ уйдутъ.—Вотъ вамъ! сказалъ онъ и бросилъ на столъ какой-то предметъ внутри котораго раздавался звукъ металла,—вотъ вамъ, мельникъ Фоссъ, если не самъ Французъ, то его чемоданъ!

— Что это значить? спросилъ мельникъ и послѣднимъ отстегнулъ ремни у чемодана.

— Что это значить? сказалъ Фридрихъ,—это вы ужь разберете сами, это не мое дѣло. Свою часть я себѣ взялъ.

Мельникъ высыпалъ на столъ все что было въ чемоданѣ. Въ немъ оказалась связка серебряныхъ ложекъ, серебряныя и золотыя монеты, да еще небольшой футляръ. Когда мельничиха открыла его, она увидѣла кольцо, серьги и золотую цѣлочку которая извивалась какъ змѣя между цѣпками.

— Господи спаси насъ и помилуй! воскликнула мельничиха и вырвала футляръ изъ рукъ.

Фихенъ стояла тутъ же и все видѣла. Она сложила руки на груди, глаза ея раскрывались все шире и шире и, побѣдѣвъ какъ полотно, она бросилась къ столу и накрывала руками сверкавшее на немъ золото и серебро:

— Это все принадлежитъ Французу, воскликнула она,—это не наше!

Она подняла голову и посмотрѣла на отца; на лицѣ ея изображался такой томительный страхъ какъ будто бы ей вонзали въ сердце ножъ и она только говорила: „батюшка! батюшка“!

Старый мельникъ сидѣлъ, двигая ночною кошакомъ на своей головѣ со стороны въ сторону и глядѣлъ то на испуганную дочь, то на деньги. Вдругъ онъ вскочилъ такъ стремительно что едва не уронилъ стоялъ и закричалъ:

— Господи Боже мой! да вѣдь я ничего вѣдать не вѣдаю, я не знаю куда онъ дѣвался, онъ лежалъ у меня въ повозкѣ, я только это знаю!—онъ прибавилъ едва слышно:—Фридрихъ долженъ знать про остальное.

Фихенъ оставила деньги, бросилась къ Фридриху и закричала: „что случилось съ Французомъ?“ Фридрихъ стоялъ спокойно, онъ посмотрѣлъ съ своимъ невозмутимымъ лицомъ на молодую дѣвушку и сказалъ:

— Господи помилуй! да вѣдь это точно допросъ на судѣ? Фихенъ! Фихенъ! развѣ я похожъ на разбойника и убійцу? Француза я ообственными руками сложилъ на дорогѣ подъ деревьями и если онъ не слишкомъ прозябъ ночью, то онъ и теперь лежитъ тамъ какъ крыса, потому что онъ былъ пьянъ до безпамятства.

— До безпамятства, это вѣрно, сказалъ мельникъ; а Фихенъ смотрѣла на Фридриха и на своего старика отца слушавшаго его рѣчь и сказала:—Фридрихъ, Фридрихъ! Да что же мнѣ дѣлать? Ты самъ всегда говорилъ что Французовъ слѣдуетъ колотить и убивать!—Съ этими словами она закрыла глаза передникомъ, бросилась на скамью стоявшую за печью и начала горько плакать.

— Дюмуррь! сказалъ Фридрихъ,—я ихъ и убивалъ! и еслибъ я могъ душилъ ихъ проклятыхъ руками, а бы дѣлалъ это. Но развѣ я стану грабить беззащитнаго человѣка?

Онъ проворчалъ еще что-то про себя, подошелъ къ двери, вынулъ изъ-подъ ея ручки свой ножъ и на самомъ порогѣ обернулся къ мельнику:

— Хозяинъ, теперь никого здѣсь нѣтъ, работницы ушли въ огородъ. Я отдалъ вамъ весь этотъ потрохъ, обсудите дѣло какъ слѣдуетъ. Хотите оставить его себѣ—ладно! Я противъ этого ничего не могу сказать, потому что по моему

глупому разсужденію вы имѣете на это право. Французы отняли у васъ болѣе того что тутъ есть. Если вы не хотите чтобы про это знали, то я, по крайней мѣрѣ, умѣю молчать. Если же вы захотите представить чемоданъ по начальству и вамъ пришлось бы принять клятву въ томъ что въ немъ все осталось въ цѣлости, то скажите что я взялъ изъ него свою часть.

— Фридрихъ, Фридрихъ, сказала мельничиха,—не вводи себя и насъ въ бѣду; ты кажешься мнѣ теперь змѣемъ-искусителемъ.

— Хозяйка, сказалъ Фридрихъ,—каждый долженъ самъ знать что онъ дѣлаетъ. Два года тому назадъ я возилъ соль и заѣхалъ въ харчевню. Когда я хотѣлъ расплатиться и положилъ на столъ монету, такой же мошенникъ стрѣлокъ подошелъ и стащилъ мои деньги, а когда я вступился, то ихъ подошло еще трое и они такъ меня исколотили что я не чаялъ остаться живымъ. Вотъ эти-то деньги, восемь грошей, я себѣ и взялъ назадъ. Побой пока еще остаются за мною. Если мои деньги стащилъ и не этотъ Французъ, то можетъ это былъ его братъ, или товарищъ, или пріятель. Эти восемь грошей я не отдамъ.—И съ этими словами онъ вышелъ изъ двери.

Между тѣмъ мельникъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, теръ себѣ голову и чесалъ затылокъ. Время отъ времени онъ останавливался и глядѣлъ на деньги лежавшія на столѣ, а когда Фридрихъ вышелъ, мельникъ досталъ изъ шкафа календарь, посмотрѣлъ на страницу на которую онъ уже прежде смотрѣлъ разъ сто и со вздохомъ сказалъ: да, завтра срокъ.

Жена его только молча всплескивала руками съ видомъ величайшаго изумленія.

— Да, продолжалъ мельникъ,—если мы оставимъ себѣ эти деньги, всей нашей нуждѣ конецъ.

— Ахъ Господи, Царь небесный! сказала жена и нерѣшительно посмотрѣла на мужа.

— А что у Француза все это краденое, продолжалъ онъ,—такъ это вѣрно. На ложкахъ стоитъ большой гербъ и если можетъ и удастся разыскать чьи онъ, то деньги ужъ не попадутъ въ хозяйскія руки: какъ узнать у кого онъ украденъ?

— Отецъ, сказала мельничиха,—тебѣ можетъ быть плохо если Французъ пожалуется что вы взяли его добро.

— Французъ любитъ разинутъ ротъ про это дѣло, потому что если ему придется разказать какъ къ нему попали эти деньги, то его за это тоже не станутъ всю жизнь кормить пряниками. Да и мы развѣ сами взяли эти деньги? Лошадь намъ вчера привязали къ повозкѣ въ замкѣ; лошадь привезла вчера съ собою чемоданъ прямо въ конюшню къ Фридриху; кто же можетъ сказать что я *взялъ* деньги?—Съ этими словами онъ началъ разбирать монеты, считать ихъ и ставить кучками на столѣ.

— А все-таки деньги эти не наши, сказала мельничиха.

— Чьи же онѣ? спросилъ мельникъ.—Французу онѣ также не принадлежать, и еслибы мы даже захотѣли отдать ихъ ему, гдѣ онъ самъ?

— Фридрихъ вѣдь сказалъ: подъ деревьями на дорогѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ мельникъ. — Ты думаешь что онъ по этой погодѣ лежитъ тамъ съ восьми часовъ вчерашняго вечера до девяти часовъ вывѣшняго утра? Онъ ужъ давно пошелъ своею дорогой; кто можетъ мнѣ приказать ѣздить и возить за нимъ его добро?

Онъ началъ считать далѣе, а жена его сѣла, сложила руки на колѣняхъ и, смотря въ земаю, сказала со вздохомъ: тебѣ лучше знать. Фихенъ сидѣла на скамейкѣ и тихо плакала про себя. Мельникъ досчитывалъ деньги и время отъ времени искоса взглядывалъ на Фихенъ; когда онъ переводилъ свой взглядъ отъ дочери на золото, ему каждый разъ казалось что онъ долженъ обчесться. Наконецъ онъ кончилъ свое дѣло, уперся руками о столъ, еще разъ взглянулъ на деньги и сказалъ:

— Тутъ болѣе семисотъ талеровъ; теперь мы вышли изъ бѣды.

Фихенъ встала и отерла слезы; лицо ея было блѣдно и спокойно.

— Наша бѣда только что начинается, тихо сказала она.

— Фихенъ, не говори такихъ словъ, сказалъ ея отецъ и началъ смотрѣть въ сторону.

— Съ вывѣшняго дня, продолжала она,—не будетъ на нашемъ домѣ благословенія Божія: мы не будемъ ни ѣсть, ни спать спокойно. Ты зароешь въ землю деньги и вмѣстѣ съ ними твое честное имя.

— Про зарываніе и рѣчи не было, сказалъ мельникъ. Нѣтъ, а честнымъ образомъ заплачу этими деньгами мои долги.

— Честнымъ, батюшка? И еслибы даже все было такъ какъ ты думаешь, и чего вѣтъ на самомъ дѣлѣ, развѣ господинъ президентъ не спроситъ какими деньгами ты заплатилъ Жиду? Развѣ Франгузы не спросятъ откуда у тебя взялась лошадь? А кто тебѣ поручится что Фридрихъ не проболтается?

На лицѣ стараго мельника видны были смущеніе и досада. Онъ хотѣлъ раскричаться какъ обыкновенно дѣлаютъ люди которыхъ кто-нибудь уличить въ глупомъ или нечестномъ поступкѣ. Ему хотѣлось немного заглушить крикомъ свою совѣсть, точно также какъ дѣти ложатъ въ потемкахъ чтобъ ихъ не тронули привидѣнія.

Но Фихенъ не допустила его до этого. Она порывисто кинулась на грудь къ отцу, обняла его обѣими руками и такъ свѣтло посмотрѣла ему въ глаза.

— Батюшка, воскликнула она, — свези деньги въ правленіе и отдай ихъ президенту; если онъ тебѣ сказалъ что онъ тебя попомнитъ, то это и будетъ такъ. Сколько разъ ты разказывалъ мнѣ про твоего отца, про твою мать, которая до самой смерти все прядла и прокармливала себя честнымъ трудомъ! Сколько разъ ты разказывалъ мнѣ какъ ты самъ во время путешествія нашелъ кошелекъ другаго бурша, какъ онъ радовался когда ты отдалъ ему этотъ кошелекъ, и какъ у тебя самого хорошо было на душѣ!

— Да это было совсѣмъ другаго рода дѣло, сказалъ мельникъ, — я зналъ кому принадлежали деньги, а теперь я не знаю чьи онѣ, и я ихъ не краду и не отнималъ ни у кого. У меня совѣсть спокойна.

Въ это время мельничиха вдругъ вскочила со своего стула и воскликнула:

— Господи Іисусе! какой-то незнакомый человѣкъ прошелъ подъ окномъ и пошелъ къ двери!

— Подержи дверь! воскликнулъ мельникъ, кинулся къ деньгамъ и такъ толкнулъ столъ что нѣкоторыя кучки опрокинулись и деньги покатались по комнатѣ.

— Такая-то у васъ чистая совѣсть? спросила Фихенъ и посмотрѣла на отца и на мать. — Матушка, сказала она, — не держи дверь! Этого человѣка намъ посылаетъ Богъ, онъ принесетъ нашему дому благословеніе!

Мельничиха отошла отъ двери и молча стояла, опустивъ глаза внизъ; мельникъ весь покраснѣлъ, быстро

отвернулся и сталъ смотрѣть въ окно. Въ дверь посту- чали.

— Взойдите! воскликнула Фихенъ, и въ комнату вошелъ стройный молодой парень лѣтъ двадцати съ чѣмъ-нибудь. Онъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ вокругъ, какъ будто ему давно хотѣлось видѣть житье-бытье въ этомъ домѣ, поклонился какъ слѣдуетъ, немного пришаркнувъ ногой и сказалъ: „доброе утро“!

— Благодаримъ покерно! сказала Фихенъ.—Мельникъ сто- ялъ неподвижно, а жена его нагнулась и подбирала съ пола таперы которые разсыпались по комнатѣ. Замѣтивъ что ста- рики нездороваются съ нимъ, а на столѣ разложенъ деньги, молодой человѣкъ сказалъ:

— Просту не прогнѣваться! я должно-быть пришелъ не во- время?

— Напротивъ, сказала Фихенъ и поставила ему стулъ около печи.—Присядьте пока. Батюшка сейчасъ покончить свои дѣла.

— Да, сейчасъ! сказалъ мельникъ, открылъ окно и закри- чалъ:—Фридрихъ! Запряги лошадей въ маленькую повозку и привяжи сзади Французову лошадь; мы поѣдемъ въ прав- ление.—Онъ затворилъ окно, обернулся и сказалъ женѣ и до- чери:—ну, съ этими дѣлами мы покоячили. Соберите-ка весь этотъ потрохъ опять въ чемоданъ, Фридрихъ потомъ вывезетъ его въ повозку.

Затѣмъ онъ подошелъ къ гостю, протянулъ ему руку и сказалъ:—добро пожаловать!

— Мельникъ Фоссъ, сказалъ молодой человѣкъ, подавъ ему руку и всталъ со стула,—занимайтесь вашими дѣлами, я подожду; я къ вамъ по совершенно особому дѣлу и вре- мя терпѣть; мнѣ собственно хотѣлось только повидать родню.

— Родню? спросилъ мельникъ и посмотрѣлъ на него съ какимъ-то особымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Да, сказалъ гость,—я сынъ Іохена Фосса, мы съ вами въ третьей степени.

Старый мельникъ не отвѣтилъ ни слова и оттащъ свою руку.

— Недѣли двѣ тому назадъ,—продолжалъ молодой чело- вѣкъ,—меня объявили совершеннолѣтнимъ, вотъ я и подумалъ: сестеръ и братьевъ у меня нѣтъ, другихъ родствен-

никовъ тоже, дай съѣзжу въ Штемгагенскій округъ и посмотрю хотять ли тамъ знать сына Йохена Фосса.

Съ этими словами онъ подошелъ къ мельничихѣ, а потомъ къ Фихенъ и подалъ имъ руку. Мельникъ все еще стоялъ и раздумывалъ; лицо его имѣло такое выраженіе какъ будто бы сейчасъ предъ нимъ пробѣжала мышь ихватила у него изъ рукъ кусокъ сала.

— Братецъ, сказалъ гость, — вы думаете о нашей тяжбѣ; она не помѣшаетъ намъ быть добрыми родственниками.

— Ты думаешь? сказалъ мельникъ. — А кто хвастался предъ людьми что вышвырнетъ меня съ мельницы?

— Да вѣдь это болтаютъ люди, сказалъ Генрихъ Фоссъ, — чѣмъ же я-то тутъ виноватъ? Тяжбу началъ мой отецъ и думалъ что онъ правъ; мой олекумъ повелъ ее далѣе, а я смотрѣлъ да слушалъ. Одно только я долженъ сказать: тяжба эта отняла у насъ много денегъ, и если мы могли бы съ вами кончить дѣло полюбовно, я первый этому радъ.

— Ты хочешь меня выпытать; это твой адвокатъ посовѣтовалъ тебѣ эту штуку.

— Я самъ себѣ совѣтчикъ, братецъ, сказалъ молодой человекъ и взялся за шляпу: — если мнѣ слушать адвокатовъ, то у меня скоро не достанетъ воды и остановится мельница. У васъ другое дѣло. Кто можетъ такъ начинать свой чемоданъ, у того какъ ни топи печь, а жаркое все не пригорить, — и онъ указалъ на чемоданъ который увязывали мельничиха и Фихенъ.

— Типунъ тебѣ на языкъ! вслышалъ мельникъ, весь побагровѣлъ и отвернулся. — Эти деньги — эти деньги не мои.

Фихенъ подошла къ отцу, положила на его плечи свои руки и сказала:

— Батюшка, вѣдь онъ пришелъ добромъ.

— Разумѣется, сказалъ Генрихъ, — я добромъ пришелъ, добромъ и уйду. Повозка моя стоитъ тутъ недалеко, всего пройти нѣсколько шаговъ.

— Подождите, сказала Фихенъ. Не торопитесь такъ, братецъ Генрихъ! Отецъ съ утра озабоченъ однимъ дѣломъ которое нужно поскорѣе кончить. Ему будетъ очень неприятно если вы такъ уйдете отъ насъ.

— Фихенъ, сказалъ старый мельникъ, обернулся и поцѣловалъ дочь, ты сегодня утромъ два раза была права, а я два раза неправъ. Ты моя милая дочка. — Онъ протянулъ

руку молодому челоѣку.—Геврихъ—никто не долженъ сказать про меня что сынъ Іохана Фосса въ обидѣ ушелъ изъ моего дома. Ты хочешь уйти не отвѣдавъ нашего хлѣба и соли? Нѣтъ, мой сынъ, ты останешься у меня пока я вернусь назадъ; я долженъ по нужному дѣлу сѣздить въ правленіе. Вотъ, Фридрихъ ужъ подалъ лошадей. Прощай мой сынъ, и если ты въ самомъ дѣлѣ думаешь кончить дѣло полюбовно, то можетъ-быть все такъ и устроится. Прощай жена, прощай Фихель!

Онъ вышелъ изъ комнаты, сѣлъ въ повозку и уѣхалъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ НЕКРАСОВЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ

Ты смялъ больноу больнаго вѣка...

Некрасовъ (*Стихотвор.* ч. II, стр. 99).

Мнѣ борьба мѣшала быть поетомъ,

Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.

Онъ же (*Послѣдн. Пѣсни*, стр. 17).

Въ самомъ концѣ прошлаго 1877 года русская литература лишилась одного изъ крупныхъ дѣятелей своихъ въ лицѣ Николая Алексѣевича Некрасова, скончавшагося 27го декабря, въ С.-Петербургѣ.

Что за талантъ былъ у Некрасова? Какой характеръ имѣла его муза? Лирическіе поеты любятъ характеризовать свою музу и отъ времени до времени къ ней обращаются, и едва ли у кого изъ поэтовъ мы найдемъ такое частое обращеніе къ своей музѣ какъ у Некрасова,—обстоятельство довольно благопріятное для критики.

Но, у Некрасова была не одна муза, а двѣ: одна—обыкновенная, лирическая, муза вдохновительница пѣсней, а другая—мать поэта. Некрасовъ не только любилъ, но и обожалъ свою мать. Она была для него божествомъ, предъ

которымъ поэтъ съ благоговѣніемъ преклонялся, вдохновительницей его жизни во всю жизнь, до самой гробовой доски. Ей посвящена цѣлая большая поэма (не вся еще напечатанная), гдѣ она является героинею, мученицей окруженною блестящимъ ореоломъ. Ей престарѣлый, уже умирающій поэтъ посвящаетъ свою послѣднюю, лебединую жизнь, въ которой заставляетъ страдалицу мать убаюкивать себя предъ вѣчнымъ сномъ, и въ которой слышатся не только рыданія, но и вопли потрясающіе душу читателя.

Мать Николая Алексѣвича была Польшка, кажется, уроженка Варшавы; поэтъ-сынъ говоритъ только что она была рождена „въ иномъ краю, не менѣе несчастномъ, но менѣе суровомъ“ (*Послѣдн. Пѣсни* стр. 161) чѣмъ Россія. Кажется она была аристократка по происхожденію, во всякомъ случаѣ красавица, любви которой тщетно искали первые лъвы польской столицы. Но къ ужасу родныхъ и знакомыхъ прелестная дѣвушка предпочла всѣмъ русскаго армейскаго офицера Некрасова, умнаго, красиваго и приличнаго „по манерамъ“ господина, и не только предпочла, но въ одинъ прекрасный день и бѣжала съ нимъ изъ-подъ родительскаго крова. Это событіе сдѣлалось басней всей Варшавы. Мать бѣглянки, бабушка нашего поэта, не могла примириться съ этимъ событіемъ даже по простествію многихъ лѣтъ, когда у дочери уже были дѣти. Поэтъ-внукъ воспроизводитъ намъ страхи и ужасы своей бабушки въ слѣдующихъ стихахъ:

Приснилось мнѣ: затравленная псами,
Занесена ты русскими слѣгами.
Была зима, была глухая ночь,
Пылалъ костеръ, зажженный дикарями,
И у костра, съ закрытыми глазами
Лежала ты, моя родная дочь!

(Idem, стр. 157).

Почтенная варшавская дама была убѣждена что красота дочери погибнетъ въ Россіи, какъ въ такой странѣ гдѣ „свой девизъ—любить и бить“. Русская жизнь приводила польскую леди въ неподдѣльный ужасъ. „Какая жизнь!“ восклицаетъ она:

Полотна, тальки, куры .
Съ несчастныхъ бабъ; сосѣди—дикари,
А жены ихъ—безграмотныя дуры..
Сегодня пиръ... псаря, псаря, псаря!

Пой, дочь моя! средь самаго разгара
Твоихъ рудадъ, не выдержавъ удара,
Валится рабъ...

(стр. 158).

И что же? По словамъ поэта, пророчество его бабушки почти буквально исполнилось: все такъ и было, за исключеніемъ семейныхъ дракъ. Мрачными, отталкивающими чертами изображаетъ намъ поэтъ своего отца,—и не одного отца, но и своихъ предковъ, даже домъ въ которомъ ему было суждено увидѣть свѣтъ Божій. Въ этомъ домѣ жизнь предковъ поэта, со стороны отца, „безплодная и пустая“

Текаа среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житію послѣднихъ барскихъ псовъ,
Гдѣ было суждено мнѣ Божію свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть.

(Стихотв. I, 35).

Жизнь „отцовъ“, со стороны матери, конечно, представлялась мальчику совершенно противоположною плодотворною и многосодержательною. Отецъ поэта былъ „угрюмый невѣжда“ (стр. 36), тиранъ своихъ рабовъ и псовый охотникъ какъ и всѣ его предки. Онъ скоро разлюбилъ свою жену; но не разлюбила его эта послѣдняя, терпѣливо, съ геройскимъ мужествомъ, переносившая свои страданія въ теченіе двадцати лѣтъ. Только къ концу жизни они прекратились. Вслѣдствіе какого-то къ сожалѣнію неизвѣстнаго намъ событія, мужъ изъяснилъ раскаяніе и улазилъ къ ногамъ своей жертвы. (Послѣдн. Пѣсни, стр. 163). Страдальца-мать нашего поэта, артистка-музыкантша и вообще поэтъ въ душѣ, не только утѣшала себя во время страданій, но даже была „тверда и весела“, при слѣдующей мысли:

„Несчастлива я, терзаемая другомъ,
Но предъ тобой, о, женщина раба!
Передъ рабомъ, согнувшимся надъ плугомъ,
Моя судьба—завидная судьба!“

(Ibid., стр. 162).

Подъ ея вліяніемъ рабъ вздохнулъ свободнѣе, взглянулъ бодрѣе (164); подъ ея вліяніемъ даже дикій „власотливъ“ ея иногда покидалъ „наслѣдственные нравы“ и „не доводилъ своей разнузданной свободы до роковой черты“ (стр. 164—165); она видѣла плоды своего вліянія на воспитаніи

дѣтей, особенно на старшемъ сынѣ, нашемъ поэтѣ, которому во время кончины матери было около двадцати лѣтъ. „Несчастные! говорила она: зачѣмъ родились вы? Пойдете вы дорогой прямою (т.-е. дорогою отца и предковъ) и вамъ судьбы своей не избѣжать!“ (*Стих.* т. IV, стр. 222). Въ дѣтствѣ Некрасова, кромѣ матери, не было свѣтлыхъ и отрадныхъ воспоминаній; даже о нянѣ вспоминаетъ онъ со враждой и злобою (*Стих.* I, 37). Что можетъ быть печальнѣе подобнаго положенія и ужаснѣе строкъ, вырвавшихся у поэта.

... все что жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легло неотразимымъ,—
Всеу начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ!..

(*Ibid.*, 37).

Но за то мать нашего поэта была для него все,—воспитательница, наставница, гений ободряющій и поднимающій его морально,—муза вдохновляющая его къ лѣсямъ, къ *тѣснѣ страданій!* Въ этомъ смыслѣ, въ образѣ прелестномъ и увлекательномъ, Некрасовъ рисуетъ намъ свою мать въ отрывкѣ изъ поэмы *Рыцарь на часъ*, заставляя впрочемъ вмѣсто себя говорить Валежникова, героя поэмы (*Стих.* III, 34—40). „Чистѣйшей любви божествомъ“ (III, 38) называетъ усолпшій поэтъ свою мать.

Но какими бы совершенствами ни обладала мать Некрасова и какое бы значеніе ни придавалъ ей сынъ, вліяніе ея на его поэтическое дарованіе было положительно вредно. Вліяніе это было жгучаго, остраго, подавляющаго свойства; оно если и возбуждало къ чему-либо любовь, то еще болѣе возбуждало ненависть, вносило въ душу тревогу, разливало желчь. Пусть отецъ Некрасова и вся его обстановка были способны возбуждать отвращеніе и даже ненависть; но въ дѣтской душѣ, безъ посторонняго возбужденія, ненависть не проявляется. Какъ бы ни было, но воспитанное на этихъ чувствахъ молодое существо уже будетъ болѣзненнымъ, какъ болѣзненнымъ на всю жизнь останется и поэтическое дарованіе развившееся при ненормальныхъ семейныхъ отношеніяхъ, не при теплѣ и свѣтѣ, а при стужѣ и мракѣ, среди страданій и стоговъ.

Итакъ, муза-мать дѣйствовала на Некрасова отрицательнымъ образомъ, настраивая его музу на тоскливый, моющій тонъ и возбуждая въ немъ чувства горечи и

недовольства. Лирическая муза приняла съ любовію это наслѣдство матери и дала ему развитіе поглотившее и погубившее все остальное,—все что составляетъ вѣчную принадлежность и неувядаемую красу лирической поэзіи. „Рано надо мной, говоритъ поэтъ нашъ, таготѣли цѣли неласковой и нелюбимой музы“,

Печальной спутницы печальныхъ бѣднѣковъ,
Режженныхъ для труда, страданья и оковъ,—
Той музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото—единственный кумиръ...

(Стих. I, 67—68).

Эта муза кричала поэту о мщеніи, вела его чрезъ темныя бездны зла и насилія, труда и голода и научила его понимать страданія (I, 68—69). Свою лирическую музу Некрасовъ называетъ также музою „мести и печали“, музою ненависти которая не могла не подавлять бѣднаго поэта:

Мнѣ самому, какъ скрипъ тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

(Стих. I, 153).

Въ началѣ, въ первыхъ своихъ стихотвереніяхъ, Некрасовъ еще бодро и горделиво относится къ особенностямъ своего поэтического дарованія, какъ это доказываетъ стихотвореніе начинающееся словами: „Блаженъ незлобивый поэтъ“ (I, 93—95), гдѣ встрѣчаемъ слѣдующіе куплеты:

Но кѣтъ пощады у судьбы
Тому чей благородный геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооруживъ сатирой,
Проходитъ онъ тернистый путь
Съ своей карающею лирой.

Но въ извѣстномъ всѣмъ стихотвореніи *Поэтъ и Гражданинъ*, написанномъ позже, мы уже меньше замѣчаемъ этой бодрости, хотя еще и не видимъ отчаянія. (Стих. II, 90—99.) Позднѣе отчаяніе дѣлается уже ярко замѣтнымъ. „Какъ мало зналъ свободныхъ вдохновеній“, восклицаетъ нашъ поэтъ,

О, родина! печальный твой поэтъ!
Какихъ преградъ не встрѣтилъ мимоходомъ
Съ своей угрюмой музою на пути?..

.....

Я призванъ былъ воспитать твои страданья,
 Терпѣньемъ изумляющій народъ!
 И бросить хотѣ единый лучъ сознанья
 На путь которымъ Богъ тебя ведетъ.
 Но, жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ
 Прикованный привычкой и средой,
 Я къ дѣлу шелъ колеблющимся шагомъ,
 Я для нея не жертвовалъ собой.

(Стихотв. IV, 224—226.)

Жалобы на это безсиліе пожертвовать собою для народнаго блага встрѣчаются во многихъ стихотвореніяхъ Некрасова. Но не однѣ эти жалобы, не одно недовольство собою, но и тоска по другому поэтическомъ идеалѣ, по другой музѣ, вырвали изъ души поэта тѣ воли которые слышны въ его послѣднихъ, предсмертныхъ стихотвореніяхъ. Если Некрасовъ тосковалъ о томъ что онъ мало сдѣлалъ, то не менѣе глубока и искренна была тоска его объ односторонности и болѣзненности его дарованія; ибо онъ отлично понималъ что „мечь и печаль“, вражда и злоба еще не составляютъ содержанія лирической поэзіи, всей ея сущности. Онъ говорилъ (*Послѣдн. Пѣсни*, 32—33) что задача поэта—„внести гармонію въ дѣла и чувства человѣка, что въ груди поэта—тройя истины, любви и красоты“. Вражда и ненависть глубоко томили его. Вотъ что онъ говоритъ *Посту* въ одномъ изъ предсмертныхъ его стихотвореній:

Куда ни глянь—предательство, вражда,
 А ты молчишь, бездѣйственъ и печаленъ,
 И медленно сгораешь со стыда.

(Стр. 37)

Или еще сильнѣе въ слѣдующихъ стихахъ изъ стихотворенія *Страшный Годъ* (1870), годъ Пруско-Французской войны:

О, любовь! гдѣ всѣ твои усилія?
 Разумъ!—гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
 . . . . .
 Этотъ годъ готовить и для звуковъ
 Сѣмена раздора и войны.
 Въ мірѣ нѣтъ святыхъ и кроткихъ звуковъ,
 Нѣтъ любви, свободы, тишины!
 Гдѣ вражда, гдѣ трусость роковая,
 Мстащая—купаются въ крови,
 Стоякъ стоитъ надъ міромъ не смокая;

Только ты, поэзія святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!
Голосъ твой, увы, безсиленъ нынѣ!...

(Послѣдн. Пѣсни, 30—31.)

Но, эти воли были слишкомъ запоздалыми: они явились только когда предъ умственнымъ очами поэта предсталъ *Богъ старости* (Послѣдн. Пѣсни, 21—22) и потребовалъ отъ него строгаго отчета, „дѣлъ достойныхъ человѣка“, то-есть въ ту пору когда поэтъ былъ уже не въ силахъ измѣнить себя, направить свой поэтический талантъ по другому пути.

„Я отрокомъ покинулъ отчій домъ“, говоритъ Некрасовъ. Гонимая за славой, то-есть желая поступить въ военную службу, поэтъ нашъ отправился въ Петербургъ; но поступить ему въ военную службу не удалось; онъ началъ слушать лекціи въ университетѣ, но курса не окончилъ. „Въ шестнадцать лѣтъ я жилъ своимъ трудомъ“, говоритъ поэтъ, то-есть различными мелкими литературными трудами, весьма скудно оплачиваемыми, а поэтому терпѣлъ не только лишенія и нужду, но и крайнюю бѣдность*. Казалось бы человѣку въ положеніи Некрасова, сыну помѣщика, повидимому достаточнаго, имѣющаго возможность держать псарни, не было надобности голодать; это обстоятельство можетъ разъяснить только будущій біографъ поэта. Но молодой человѣкъ съ талантомъ Некрасова естественно не могъ погибнуть, и въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ уже становится замѣтнымъ. Некрасовъ сходится съ Бѣлинскимъ и вступаетъ въ литературный кружокъ который группировался тогда въ *Отечествен. Запискѣхъ*. Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ Некрасовъ приобретаетъ уже большую извѣстность, благодаря народному характеру нѣкоторыхъ изъ своихъ стихотвореній и сатирическому направленію другихъ: имя его ставится рядомъ съ лучшими писателями, явившимися въ ту пору и потомъ прославившимися въ позднѣйшее время.

Говорить объ историческомъ значеніи Некрасова значитъ то же что говорить объ эпохѣ 40—50 годовъ, которой онъ вмѣстѣ съ другими былъ талантливымъ выразителемъ, а это значило бы говорить и объ этихъ *другихъ* его

---

* См. въ февральской книжкѣ *Русск. Старинны* 1878 г. некрологъ Некрасова стр. 358, а также *Послѣднія Пѣсни*, стр. 153.

современникахъ; но такая задача, для рѣшенія которой еще не достаетъ многихъ матеріаловъ, потребовала бы не *очерка*, а цѣлой большой книги. Въ жизни Некрасова и въ его литературной дѣятельности есть нѣкоторыя весьма замѣтныя черты аналогіи, съ двумя тоже весьма даровитыми литераторами, хотя и не поэтами: говоримъ о Герценѣ и Бѣлинскомъ. Какъ бы ни смотрѣть на эти три лица, но невозможно отрицать что эти люди были морально больными и несчастными, каждый конечно по разнымъ причинамъ и по своему. Что для Некрасова былъ отецъ его, то же самое значеніе, отравляющее и возбуждающее желчъ, имѣла для Бѣлинскаго вся семья его въ совокупности; для Герцена, хроническій недугъ котораго состоялъ въ страданіяхъ самолюбія, его незаконное происхожденіе. Такъ или иначе, но съ юныхъ лѣтъ червь недовольства точилъ души этихъ молодыхъ людей, а происходящая отсюда боль иначе и не могла направить ихъ дѣятельность какъ на путь отрицательный. Это отрицательное или *сатирическое* направленіе въ литературѣ, конечно, имѣетъ свою важную роль. Но для того чтобы быть сатирикомъ или комикомъ, личныя несчастія не только не составляютъ необходимой принадлежности, а даже положительно вредны, потому что давятъ талантъ и стѣсняютъ свободу творчества; гдѣ слышатся плачъ и стоны, тамъ уже нѣтъ „невидимыхъ слезъ сквозь смѣхъ“. Если складъ русской жизни таковъ что сатирическое направленіе является преобладающимъ въ литературѣ, то это преобладаніе только кажущееся: оно не только не исключаетъ положительнаго творчества, но идетъ отъ него или къ нему. У насъ часто забываются такіа азбучныя истины что, кромѣ сатирическихъ писателей и сатирической литературы, есть литература положительная, безъ которой и сатира не имѣла бы смысла. Мы имѣемъ основаніе полагать что Некрасовъ сильно подчинился вліянію Бѣлинскаго, что, впрочемъ, и естественно, въ началѣ его литературной дѣятельности, при его образовательной подготовкѣ. До самыхъ позднихъ лѣтъ сохранилъ нашъ поэтъ благоговѣйное, но ученическое, не свободное отношеніе къ критику. Вотъ какъ взымаетъ къ памяти Бѣлинскаго одинъ изъ героев лирической комедіи Некрасова, *Медвѣжья Охота*, написанной въ 1867 году:

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ имеемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

(Стихотвор. IV, 206).

Въ числѣ причинъ такого поклоненія указывается, какъ на самую главную, на *недовольство*:

Не думалъ ты что стоишь ты вѣнца,
И разумъ твой горѣлъ не угасая,
Самимъ собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя. (Ibid., 207).

Итакъ, поэтический талантъ Некрасова, по всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, долженъ быть вступить на отрицательный путь, и онъ пошелъ по немъ, но имъ однимъ не ограничился. Начало дѣятельности Некрасова относится къ той порѣ когда наша литература намѣтила себѣ особыя задачи и, такъ-сказать, отмежевала особыя участки подлежащія ея обработкѣ. Въ числѣ такихъ участковъ, *народный бытъ*, жизнь народа, особенно *крѣпостнаго*, сталъ на первомъ планѣ. Изъ писателей сороковыхъ годовъ не одинъ литературный талантъ дѣйствовалъ нѣкоторое время, съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ, въ этой сферѣ (вспомнимъ Григоровича, Тургенева и отчасти Писемскаго); но никто такъ не спеціализовалъ свой талантъ въ этомъ направленіи какъ Некрасовъ. Онъ направилъ свою лирическую музу на служеніе народу, и именно на *бичеваніе крѣпостнаго права*. Послѣ Кольцова, народное направленіе въ литературѣ не составляло новости; но Кольцовъ пѣлъ народъ не закрѣпощенный, пѣлъ радости и печали народныя нисколько не думая о крѣпостномъ правѣ. Преемникъ Кольцова, естественно, долженъ былъ пойти дальше, остановиться на послѣднемъ и пѣть ему, разумѣется, уже не хвалебныя гимны. Въ полнотѣ и въ прелести изображенія народной жизни Некрасовъ далеко отсталъ отъ Кольцова, но въ изображеніи страданія онъ пошелъ дальше воронежскаго прасола, такъ что его можно назвать скорѣе пѣвцомъ народныхъ страданій чѣмъ просто пѣвцомъ народа, какимъ дѣйствительно былъ Кольцовъ. О сатирахъ Некрасова можно сказать словами его *Гражданина*, перифразируя ихъ нѣсколько: „твои сатиры безтолковы“, то - есть не замѣ и бѣды здоровымъ, сильнымъ юморомъ. Онъ хороши тамъ гдѣ соединяются со

страданіемъ; но въ такомъ случаѣ поэтъ бросаетъ свой сатирическій мечъ, и его лиризмъ разрѣшается стономъ и рыданіями. Вотъ почему Некрасовъ неподражаемъ тамъ гдѣ изображеніе страданія служитъ само себѣ цѣлю, какъ, на примѣръ въ поэмѣ *Морозъ красный носъ*, въ этомъ капитальномъ его произведеніи. Еслибы мы писали эстетическій разборъ стихотвореній Некрасова, мы могли бы указать и на многія другія его лѣсы въ сатирическомъ и элегическомъ родахъ, которыя переживутъ поэта; но теперь ограничиваемся однимъ заявленіемъ объ этомъ, которое дѣлаемъ во избѣжаніе упрека въ пристрастіи, въ односторонности или въ непониманіи писателя. Устами своего Поэта Некрасовъ даетъ намъ нѣкоторое понятіе о своихъ работахъ:

Безъ отвращенія, безъ боязни,
Я шелъ въ тюрьму и къ мѣсту казни,
Въ суды, въ больницы я входилъ.
Не повторю что тамъ я видѣлъ....
Клянусь, я честно ненавидѣлъ!
Клянусь, я искренно любилъ!

(Стихотв. II, 98),

Не разъ останавливается Некрасовъ на „честной ненависти“ и на „горячей любви“ своей какъ бы прося читателя и потомство вѣрить что у него дѣйствительно были эти чувства.

Литература сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, вслѣдствіе тогдашней цензуры, была лишь въ слабой степени выраженіемъ помысловъ и идеаловъ передовыхъ людей той эпохи. Современники Некрасова могли высказаться только въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ; это условіе, неблагопріятное для таланта вообще, было тѣмъ неблагопріятнѣе для таланта съ направленіемъ Некрасова: ему приходилось являться такъ-сказать заднимъ числомъ. Изъ шести книжекъ стихотвореній, изданныхъ самимъ поетомъ, четыре книжки были написаны уже въ шестидесятихъ годахъ; но на такое запаздываніе русская публика, по привычкѣ, не обращала вниманія. А между тѣмъ время уходило и все измѣняло. Измѣнился и видъ родной страны: ига рабства пало, свершилась судебная реформа, палки и плети исчезли... Что же Некрасовъ?.. Замѣтилъ ли онъ перемѣну? А если замѣтилъ,

то какъ къ ней отнесся?.. Увы! онъ остался тѣмъ же чѣмъ былъ, и продолжалъ до самой смерти тянуть одну и ту же тоскливую, ноющую ноту: точно ничего не измѣнилось! Точно Россія шестидесятихъ-семидесятихъ годовъ оставалась тою же какою она была въ концѣ сороковыхъ!...

Для доказательства остановимся съ нѣкоторымъ вниманіемъ на самой большой піесѣ Некрасова которую онъ писалъ въ продолженіе многихъ лѣтъ (1865—1873) и которая составила бы одна цѣлый томъ: говоримъ о повѣсти *Кому на Руси жить хорошо*. Семь временно-обязанныхъ крестьянъ Подтагнутой губерніи, Терлигорева уѣзда, Пустопорожней волости, обыватели смежныхъ деревень: Заллатова, Дыравина, Разутова, Знобичина, Горѣлова и Неѣлова (Неурожайка тожь), странствуютъ по Руси, съ цѣлю разрѣшить многотрудный вопросъ: кому въ ней хорошо жить? Идутъ они дорогой и встрѣчаютъ попо. На ихъ вопросъ священникъ отвѣчаетъ что житье поповское совсѣмъ не веселое, и что прежде, при крѣпостномъ правѣ, когда помѣщики были богаче, и попоу жилось лучше. Потомъ наши странники приходятъ въ село Кузьминское, гдѣ по случаю ярмарки было разливанное море, какъ говорится. Такъ какъ странствующие крестьяне имѣли возможность кормить и угощать, то на ихъ кличъ: „нѣтъ ли здѣсь счастливыхъ?“ тотчасъ же явилось нѣсколько человѣкъ изъ желающихъ вылить. Но такихъ „счастливицевъ“, какъ отставнаго дьячка, кривую старуху, мертвецки пьянаго солдата, силача-каменотеса, хилаго Бѣлоруса и т. л., сами крестьяне не признавали счастливыми. Въ дальнѣйшемъ странствіи своемъ терлигоревскіе крестьяне приходятъ въ Безграмотную губернію, въ село Большіе Вахлаки, расположенное по Волгѣ. Пришли они въ самый разгаръ сѣнокоса. Работа килѣла. Народъ высматривалъ бодро. Вотъ тутъ-то, казалось бы, можно найти довольныхъ и счастливыхъ; но повѣсть задается мыслію что ихъ и быть не можетъ между русскими крестьянами, даже послѣ освобожденія, даже въ 1872 году, когда писалась повѣсть *Послѣдній* (VI, 1 — 70), отрывокъ изъ второй части поэмы, въ которомъ разказывается о пребываніи терлигоревскихъ крестьянъ въ селѣ Вахлакахъ. Послѣдній, это помѣщикъ села Большихъ Вахлаковъ, князь Угятинъ, старикъ-крѣпостникъ, котораго поразилъ ударъ при первой вѣсти объ отмианіи крѣпостнаго права. Два его

сына и двѣ вѣстки, для спасенія жизни старика, придумали слѣдующее средство. Они вступили въ сдѣлку съ крестьянами и, цѣной всякаго рода уступокъ и подарковъ, убѣдили ихъ всѣмъ сообща обманывать стараго князя и казать видъ что никакой отмычки крѣпостнаго права нѣтъ, и что все идетъ по-старому. Старикъ ожилъ и еще больше прежняго началъ куражиться. Пошла порка, но крестьяне съ удовольствіемъ даютъ себя сѣчь, во первыхъ, потому что это сѣченіе было мнимое, а во вторыхъ, при каждомъ подобномъ случаѣ, молодые помѣщики чуть не валяются въ ногахъ у крестьянъ, испрашивая ихъ согласія. Итакъ, куражился не одинъ князь Утятинъ, но и его временно-обязанные крестьяне. Въ такую пору прибыли къ этимъ новымъ Оеакійцамъ наши терлигоровскіе философы, отыскивавшіе въ Русской землѣ счастливаго человѣка. Поэтъ доставилъ имъ удовольствіе полюбоваться этимъ оригинальнымъ счастьемъ которое при нихъ же и обрывается смертію старика Утатина. Повѣсть оканчивается сообщеніемъ что молодые князья, тотчасъ же по смерти отца, измѣнили свои отношенія къ крестьянамъ и отяжи у нихъ лоскутные дуга. Наконецъ Терлигоровцы находят счастливаго человѣка которому хорошо живется на Руси: это была крестьянка Корчагина, Матрена Тимофеевна, прозвищемъ Губернаторша, достаточная вдова, пользовавшаяся общимъ уваженіемъ въ селѣ Клину. Жизнь этой Корчагиной составляетъ опять новую поэму (VI, 73—201), тѣмъ любопытнѣйшую что она, по цѣлямъ автора, юмористически рѣшаетъ вопросъ о крестьянскомъ счастьи. Но начало этой поэмы, къ удивленію, не возбуждаетъ никакихъ ужасовъ. Читатель не безъ удовольствія воображаетъ что наконецъ-то онъ попалъ въ простой крестьянскій, а не въ рабочій міръ; поэзія Некрасова только и знаетъ этотъ послѣдній, игнорируя тотъ фактъ что кромѣ рабовъ были крестьяне свободные, въ количествѣ не одного милліона. Дѣвичьи годы счастливой Матрены проходятъ въ пѣгѣ и холѣ, она выходитъ замужъ за любимаго парня и живетъ съ нимъ душа въ душу. Правда, жизнь ея не безъ печали. Мужъ ея былъ литерщикъ, по мастерству печникъ, дома не живалъ, а семья была большущая, сварливая; трудно было ладить со свекромъ, свекровью и съ золовками, но все же до большихъ безобразій не доходило, какъ объ этомъ можно судить

по словамъ самой Матрены, обращеннымъ къ терпигоревскимъ крестьянамъ:

Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота...
Чего же вамъ еще?

(Стих. VI, 198).

Правда, даже и такой мужъ, какъ печникъ Филиппъ, разъ больно побилъ жену, но ужъ безъ этого въ крестьянскомъ быту не бываетъ (припомнимъ мѣние бабушки поэта о русской любви). Въ семьѣ свекора проживалъ отецъ его, Савелій, древній старикъ, котораго всѣ звали дѣдушкой и многіе очень любили. Зимой онъ сидѣлъ на печкѣ, а лѣтомъ ходилъ за грабами и ловилъ птицъ. Старикъ этотъ былъ очень умный, благодушный, религіозный; онъ умѣлъ грамотѣ и любилъ читать св. книги. Онъ полюбилъ Матрему и ея сынишка Дѣмушку и ласкалъ ихъ обоихъ. По своему развитію, Савелій былъ цѣлою головою выше крестьянской среды. Можно было бы подумать что этимъ онъ былъ обязанъ своей начитанности, принадлежности къ расколу; ли чуть не бывало! Савелій получалъ свое воспитаніе—въ острогѣ, на каторгѣ!! Савелій былъ крѣпостной помѣщика Шалашникова, военнаго служака. Здорово диралъ Шалашниковъ своихъ крестьянъ; но возьметъ съ нихъ деньги, уѣдетъ на службу, и крестьяне дышатъ свободно. По смерти же Шалашникова, наследники его посадили въ имѣніе управителемъ Нѣмца который систематически мучилъ и разорялъ крестьянъ. Этого-то Нѣмца Савелій закопалъ въ землю живымъ, за чтѣ и поплатился каторгой. Несчастныя походы Матрены Корчагиной начинаются со смерти ея сынишка, Дѣмушки, котораго съѣли свиньи, въ присутствіи задремавшаго дѣдушки, караулившаго внука, за отсутствіемъ матери бывшей на полевыхъ работахъ. Наѣзжаетъ судъ. Начинаютъ рѣзать трупъ младенца и дѣлать допросы его матери и Саведію: не состояли ли они въ любовной связи? (!!). Черезъ нѣсколько лѣтъ случилось другое несчастіе. Второй сынъ Матрены, Федотушка, былъ подпаскомъ. Увидѣвъ разъ голодную волчиху, совсѣмъ обезсилевшую и державшую въ лапахъ уже дохлую овцу, мальчикъ сжался надъ нею и не отнялъ у нея овцы, хотя это и легко было сдѣлать, по отоцалости волчихи, къ тому же щепяной.

За такое великодушіе староста хотѣлъ было выдрать Федотушку, но мать отняла его и пожаловалась барину; баринъ приказалъ: мальчика, по гаупости, простить, а дерзкую мать его выпороть, что и было исполнено. Третья бѣда: Филиппа отдали въ солдаты, не въ очередь и неправильно. Матрена въ отчаяніи. Новобранцевъ приводятъ въ ихъ село. Шалашниковъ (вѣроятно сынъ, ибо Шалашниковъ № 14 былъ убитъ подъ Варной) предводительствуетъ новобранцами. Придя въ село гдѣ жили Корчагины, Шалашниковъ устраиваетъ порку: стѣкутъ разумѣется Филиппа и, конечно, для того чтобы дать автору предлогъ отправить свою героиню въ губернскій городъ, съ жалобой къ губернатору на неправильную отдачу въ солдаты ея мужа. Жалоба эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, благодаря участію губернаторши въ судьбѣ Матрены. Мужъ былъ возвращенъ; но годы шли, она овдовѣла, а затѣмъ... Но какое же счастье крестьянину вообще, а крестьянкѣ въ особенности! Вотъ философія Матрены почерпнутая ею изъ житейскаго опыта:

Мужчинамъ три дороженьки:
Кабакъ, острогъ да каторга,
А бабамъ на Руен
Три пята; теакъ бѣлаго,
Вторая—теакъ краснаго,
А третья теакъ чернаго,
Любую выбирай!...
Въ любую пользай...

(Стихотв. VI, 160).

Еще безотраднѣе философія дѣдушки Савелія, хотя свои созрѣнія онъ облачаетъ въ поэтическую форму, въ апофеозъ порки:

Эхъ, доля сяторусскаго
Богатыря сермяжнаго!
Всю жизнь его дерутъ,
Раздумается временемъ
О смерти,—муки адскія
Въ ту-свѣтной жизни ждуть.

(Ibid., 118).

Почему же? А вотъ почему:

Цѣпами руки кручены,
Железомъ ноги кованы,
Спина... ахъ дремучіе
Прощай по ней—самокапса,

А грудь? Илья Пророкъ
По ней гремитъ—катается,
На колесницѣ огненной...
Все терпитъ богатырь!

(Ibid., 129—130).

Можно подумать что при созданіи своей поэмы, Некрасовъ имѣлъ въ виду не столько юмористическое рѣшеніе вопроса о крестьянскомъ счастьѣ сколько реальное изображеніе лорки и стѣченія въ разныхъ видахъ. У него есть даже гимнъ Плету (VI, 110—112), который терлигоревскіе крестьяне поютъ хоромъ съ Матреною!...

Что это такое, спрашиваемъ,—какъ не галлюцинаціи больного воображенія, какъ не каррикатурная работа одряхлѣвшей кисти? Некрасовъ умеръ 57 лѣтъ, но онъ могъ прожить 67 и писать до 1888 года. Неужели и тогда громадная его поэма, еслибы онъ десятью годами написалъ ее позже, не была тоже карриатурой? Докуда же хватать объ отшедшихъ въ исторію страданійхъ и—не умѣть, не смочь или не смѣть повести рѣчь о страданіяхъ и болячкахъ новой жизни, о ихъ врачеваніи, о путеводныхъ идеалахъ современности! Пусть даже положеніе русскихъ крѣпостныхъ ничѣмъ не отличалось отъ положенія американскихъ негровъ, но изображеніе страданій потерявшихъ реальную почву грѣшничить не съ трагическимъ элементомъ (какъ бы слѣдовало), а съ комическимъ. Сентиментальное направленіе было когда-то весьма реально; но еще реальнѣе было и будетъ самоубійство отъ любви. Но *Бѣдная Лиза* Карамзина уже давно возбуждаетъ не слезы, а улыбку; та же участь ожидаетъ въ недалекомъ будущемъ и такіа каррикатуры надъ которыми мы остановились.

„Мнѣ борьба мѣшаетъ быть поэтомъ...“

Но съ кѣмъ же или съ чѣмъ?... Подробная біографія Некрасова, едва ли возможная теперь, разкажетъ съ кѣмъ и съ чѣмъ боролся нашъ поэтъ. Кромѣ людей, враговъ и друзей, были идеи, которыя напирали на Некрасова, съ которыми онъ боролся, но которыя потомъ рабски себѣ его подчинили.

„Что ни годъ—уменьшаются силы, что ни годъ—камень душой“ (III, 128), говорилъ поэтъ еще въ 1861 году, и правда, при ослабленіи таланта, при порабощеніи его идеей абсолютнаго, тупаго и безысходнаго отрицанія! Поэтическая

Немезида жестоко отомстила бѣдному поэту, наказавъ его обиліемъ старческихъ, плохихъ піесъ. Некрасовъ, будучи русскимъ публицистомъ, зналъ только Россію старую, крѣпостную, и не хотѣлъ знать новой, освобожденной.

Въ самомъ дѣлѣ что мы находимъ у Некрасова о времени послѣ реформы? Да ничего здороваго, талантливаго, бодрого, смѣлаго! По крайней мѣрѣ это можно сказать въ приписаніи къ тому что онъ сдѣлалъ своею спеціальностію—народную жизнь. Все такъ вяло и прозаично! Въмѣсто ясныхъ идей, часто одни намеки, которые можно толковать и такъ, и этакъ. Поэтъ, напримѣръ, радуется освобожденію крестьянъ, но радость его тоскливаго свойства: его смущаетъ мысль что вмѣсто крѣпостныхъ, люди придумаютъ другія цѣли (IV, 237—238). Нужда и бѣдность, и послѣ освобожденія, не исчезли, а мѣстами и въ иныхъ случаяхъ, пожалуй, и увеличились. Но вѣдь „сулъ съ курицей на столѣ крестьянина“ возможенъ только въ поэтическихъ мечтаніяхъ, которыя не способны увеличить производительныя силы страны и которыя ничего не даютъ кромѣ раздраженія и недовольства, ужъ конечно, „не святаго“. Что же нужно?... Знаніе, образованіе, говоритъ поэтъ. Такъ, но какое? „Разумное, доброе, вѣчное“ (*Послѣдн. Пѣсни*, 9), говоритъ онъ свѣтелямъ знанія на живу народную. Кто же эти „свѣтели“,—священникъ, народный учитель или еще кто? Этого поэтъ намъ не говорить, а потому позволительно предполагать что эти „свѣтели“ друзья его, прощаясь съ которыми предъ смертію вотъ что онъ желаетъ имъ:

—въ такую могилу сойти
Чтобъ широкіе дали народные
Къ ней проторили пути...

(*Послѣдн. Пѣсни*, 16).

То-есть желаетъ имъ славы, популярности. Но этимъ желаніемъ еще не опредѣляется миссія друзей, духовныя потребности въ которыхъ нуждается нашъ народъ. Мы знаемъ только объ одномъ желаніи, категорически выраженномъ поэтомъ, о томъ чтобы крестьяне читали Гоголя и Белинскаго (V, 60—61), и такое желаніе Некрасовъ конечно считалъ „разумнымъ, добрымъ и вѣчнымъ“. Но такіа *ria desideria*, по меньшей мѣрѣ крайне наивны; поэтому и поэтѣ поэтѣ о добрѣ и благѣ не можетъ быть принято безъ

критики. Спрашивается: какое это сѣмя даетъ, какъ онъ говоритъ, хилые всходы? Какія зерна плохи и какіе сѣятели робки сердцемъ и слабы силами? (*Послѣдн. Пѣсни*, 9). Сѣятели бываютъ разные: дѣйствительно *добрые* и тѣ что только самихъ себя считаютъ таковыми, тѣ *тати* и *разбойники* которые развращаютъ народъ, вносятъ смуту въ его душу и проповѣдуютъ убійство и грабежъ. Лѣтописи нашихъ уголовныхъ преступленій за послѣдніе годы переполнены ихъ похожденіями. Мы готовы повѣрить что Некрасовъ гнушался подобными „сѣятелями“; но у него не достало мужества отречься отъ нихъ громко, какъ это сдѣлалъ Герценъ въ другую пору и по отношенію къ другимъ людямъ, тоже отрицателямъ, но, по крайней мѣрѣ, не разбойникамъ. Эти послѣдніе Герцена не сочтутъ своимъ, но Некрасова... Бѣдный поэтъ!... Разные „мечаявцы“, „долгушинцы“, всѣ эти герои послѣднихъ социальныхъ смутъ въ правѣ будутъ нозорить его память. Онъ не сказалъ устами того чью память думаютъ омрачить теперь многіе, но кого цѣнилъ Некрасовъ:

Подите прочь—какое дѣло
Поету мирному до васъ!

Мать умирающаго поэта утѣшаетъ его что онъ услышитъ свою пѣсенку надъ Волгой, Окой и Камой (*Послѣдн. Пѣсни*, 189). Но, напримѣръ, такая пѣсенка какъ *Еще тройка*, въ которой говорится о путешествіи пьянаго жандарма въ Сибирь съ девятнадцатилѣтнимъ юншей, не то убійцей, не то грабителемъ и нигилистомъ (IV, 121—124), такая пѣсня споется гораздо раньше если уже не пѣлась...

Бѣдный поэтъ! Большой сынъ большого вѣка!...

По словамъ очевидцевъ, похороны Некрасова были величественно-просты, но обставлены величавою „и въ то же время до умильности скромною“ торжественностію. Толпа окружавшая гробъ и могилу поэта состояла изъ нѣсколькихъ тысячъ. Говорились рѣчи, вызванныя горечью утраты и торжественною печальною обстановкой. Одинъ изъ ораторовъ выразился что Некрасовъ *можетъ* быть поставленъ наравнѣ съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ. „Нѣтъ, выше, выше“, громко раздались голоса изъ толпы. Что же? Подъ вліяніемъ минуты эти сочувственные крики, такое увлеченіе—ловатымъ. „Выше, выше!“ закричалъ одинъ изъ присутствовавшихъ при печальной церемоніи литераторовъ,

посвящавшій до сихъ поръ свою дѣятельность историческимъ статьямъ.

Не довольствуясь такимъ надгробнымъ заявленіемъ, г. Мордовцевъ пишетъ на тему „Выше! выше,“ статью, * въ которой доказываетъ, что въ глазахъ будущихъ историковъ Россіи Некрасовъ „неизмѣримо выше Пушкина и Лермонтова“. Не знаемъ каковы будутъ „будущіе историки Россіи“; но настоящіе и прошедшіе удѣляютъ въ своихъ трудахъ литературѣ и писателямъ весьма скромное мѣсто, — и еще скромнѣйшее мѣсто въ числѣ источниковъ даютъ они произведеніямъ фантазіи, предпочитая имъ прозу, факты. Такимъ образомъ, будущій Карамзинъ задумавъ представить картину страданій Русскаго народа въ эпоху предъ освобожденіемъ, если и обратится къ Некрасову, то послѣ всего и всѣхъ: прежде же всего онъ пороется по архивамъ, по библіотекамъ, какъ роются телерешніе историки, какъ дѣлаетъ, конечно, и г. Мордовцевъ.

Не говоримъ уже будущіе Карамзины или Соловьевы, но даже будущіе Мордовцевы, историки-патологи, какими бы болѣзнями народнаго организма ни занимались они, и какъ бы ни увлекались сими болѣзнями, не станутъ смѣшивать фактовъ съ вымыслами, историческихъ матеріаловъ съ поэтическими произведеніями или беллетристикой. Мы думаемъ что они будутъ болѣе зрѣлы чѣмъ мы все еще шатающіеся изъ стороны въ сторону и все еще не знающіе гдѣ оканчивается вымыселъ и откуда начинается дѣйствительность, правда, и что дѣлать и куда дѣвать этотъ вымыселъ и эту правду!

Но, можетъ, почтенный авторъ статьи „Объ историческомъ значеніи Некрасова какъ поэта“ обмолвился и хотѣлъ сказать: „будущіе историки русской литературы (а не Россіи)“; но въ такомъ случаѣ онъ оказываетъ памяти поэта плохую услугу, признавая что въ стихѣ Некрасова звучитъ одна и та же воющая нота, что онъ сухъ, что муза поэта односторонняя, что Пушкинъ и Лермонтовъ положительно его талантливѣе, что они дали Россіи безсмертные образцы своего творчества. Будущій историкъ литературы (смыслъ

* См. № 2 *Древней и Новой Россіи* за этотъ годъ. Помѣщая эту статью, редакция Сборника оговаривается что опредѣленіе историческаго значенія Некрасова еще преждевременно.

увѣрить г. Мордовцева) не оставить безъ вниманія такихъ пустяковъ какъ великій талантъ, способъ его проявленія въ словѣ и безсмертные образцы поэтическаго творчества. Всѣ эти мелочи, конечно, не утилитарныя, конечно, безплоднѣйшія даже подметокъ, очень крупны и драгоцѣнны для историка вообще,—настоящаго и будущаго; ибо *мелочи* эти свидѣлствуютъ о здоровьѣ и бодрости національнаго генія, носящагося надъ цѣлою страной, а не пребывающаго надъ какимъ-нибудь однимъ излюбленнымъ мѣстомъ или средой.

О вкусахъ не спорятъ. Объ историческомъ значеніи Некрасова можно говорить что угодно; но едвали это значеніе что-нибудь выиграетъ когда во имя его приближаются другіе, когда Пушкина упрекаютъ въ барскомъ отношеніи къ задачамъ жизни, а Лермонтова—въ печоринствѣ, какъ это дѣлаетъ г. Мордовцевъ. Такое обличеніе, притомъ же не новое, только подрываетъ историческій и эстетическій авторитетъ почтеннаго панегириста Некрасова. Не возвышается этимъ авторитетъ и отъ его сравненій крайне неудачныхъ.

Какъ ни странно это покажется нѣкоторымъ, Некрасовъ не зналъ Россіи, не зналъ и Русскаго народа. Это незнаніе прежде всего проявляется у него внѣшнимъ образомъ. Уже не говоря о Малороссіи, жителю великорусскихъ губерній, находящихся на югъ отъ Москвы, это незнаніе рѣзко бьетъ въ глаза: для обитателей этихъ мѣстностей Некрасовская Русь—не ихъ Русь, „менѣе суровая“, а Русь ярославская, вообще сѣверная, бѣдная земледѣльческимъ промысломъ и скотоводствомъ, но обильная лѣсомъ и всякимъ древеснымъ товаромъ, слѣдовательно и лыками, изъ которыхъ плетутся „широкіе народные лапти“ (*Послѣдн. Пѣсни*, стр. 16), которые уже давно и съ каждымъ годомъ все болѣе теряютъ характеръ „народности“. Весь вѣкъ проживя въ Петербургѣ и тридцать лѣтъ усердно занимаясь журнальною работою, приковывающею человека къ одному мѣсту и поглощающею все его время, Некрасовъ не имѣлъ возможности, не говоримъ, изучить, а просто побывать въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, взглянуть не на одну Волгу, но и на Донъ, на Днѣпръ, на Черное Море, на Кавказъ, словомъ въ тѣ мѣста которыя вдохновляли Пушкина и Лермонтова. Для нашего поэта Русь дѣйствительно

сошлась клиномъ, основаніе котораго лежало на его родинѣ, а вершина въ Петербургѣ. Но на родинѣ Некрасовъ бывалъ только урывками, и притомъ въ качествѣ охотника, больше стакивающегося съ міромъ птицъ и звѣрей чѣмъ съ живою народною жизнью. Народное міросозерцаніе нашего поэта слагалось подъ вліяніемъ матери, Бѣлинскаго и затѣмъ того журнальнаго кружка который собирался у Некрасова, или въ средѣ котораго онъ самъ вращался. Но мать дала поэту только отрицательное отношеніе къ русской народной жизни, безо всякой любви къ ней (по меньшей мѣрѣ). Бѣлинскій сообщалъ ему платоническую любовь къ народу, но такое же отрицательное отношеніе къ его жизни какъ „омуту грязной дѣйствительности“. Некрасовъ пошелъ конечно дальше такого отрицанія: онъ несомнѣнно любилъ народъ, любилъ и жизнь его, но странно, болѣзненно, патологически. Въ міросозерцаніи нашего поэта русскій народный организмъ иначе и не представлялся какъ пораженнымъ проказою. Будущій биографъ Некрасова разкажетъ намъ какимъ образомъ развивалось и крѣпло потомъ въ нашемъ поэтѣ это міросозерцаніе, — было ли оно самобытнымъ продуктомъ прежнихъ, юношескихъ вліяній, или же образовалось подъ давленіемъ вліяній *иныхъ*, съ которыми поэтъ былъ не въ силахъ бороться? Пока мы знаемъ одно: онъ велъ съ *кѣмъ-то* или съ *чѣмъ-то* борьбу которая даже мѣшала ему быть поэтомъ:

Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ...

Борьба, конечно, не съ нуждою какъ въ юности, — борьба еще неопредѣлившагося дарованія, не знающаго на чемъ остановиться, на театральныхъ ли піесахъ, на повѣстяхъ ли и романахъ, или на лирическихъ стихотвореніяхъ. Пока мы можемъ сказать одно что въ Некрасовѣ происходила борьба между поэтомъ и публицистомъ (точнѣе журналистомъ) и что, по собственному его сознанию, вслѣдствіе такой борьбы онъ сталъ ни тѣмъ, ни другимъ. Положимъ, такое сознаніе было минутнымъ, въ порывѣ предсмертной тоски; положимъ, этому сознанію можно противопоставить другое совершенно противное, высоко (если не чрезмерно) опредѣляющее свои заслуги и свое значеніе въ потомствѣ; но все же, какъ бы ни относиться къ Некрасову, какъ бы ни симпатизировать ему, двойственность его литературной дѣятельности рѣзко бросается въ глаза. Онъ смѣшалъ

задачи лирическаго поэта и публициста, и въ послѣдствіи дѣйствительно не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Да послужитъ его печальный примѣръ урокомъ будущимъ молодымъ русскимъ поэтамъ, которые во всякомъ случаѣ не пройдутъ его мимо! Поучительно это печальное ослабленіе таланта преждевременно одряхлѣвшаго подъ давленіемъ всякихъ *практическихъ* и *полезныхъ* идей, подъ давленіемъ публициста задвигнутаго числомъ, плохо сознающаго къ чему онъ стремится, чего онъ хочетъ? Такимъ публицистомъ является Некрасовъ въ позднѣйшихъ своихъ стихотвореніяхъ. Нужно ли доказывать что будь онъ публицистомъ высшаго сорта, стоящимъ въ уровень съ потребностями времени, дѣйствительно, то-есть практически, а не туманно, смутно понимающимъ эти потребности и возможность ихъ осуществленія; будь онъ больше образованъ, зналъ онъ лучше исторію своей страны и жизнь своего народа, все-таки для поэта было бы этого недостаточно? Всѣ эти условія, необходимыя публицисту и мыслителю, необходимы дѣйствительно и лирику, но при другомъ *основномъ* условіи которому измѣнилъ Некрасовъ, при свободѣ поэтической дѣятельности, имѣющей свои пути и свои задачи, совсѣмъ особыя отъ тѣхъ по которымъ проходитъ дѣятельность публициста и мыслителя. Когда же въ дѣятельность крупнаго поэтическаго таланта вторгается весьма незрѣлый публицистъ, тогда и литература пріобрѣтаетъ только посредственныя, малостоящія произведенія какими въ изобиліи дарилъ насъ позднѣйшій Некрасовъ.

М. ДЕ-ПУЛЕ.

Мартъ 1878 г.
Тамбовъ.

ПОЭЗИЯ НЕКРАСОВА

Некрасовъ выступилъ на литературное поприще лѣтъ тридцать тому назадъ. Съ тѣхъ поръ вышло лять изданій его твореній, и онъ сдѣлался идоломъ извѣстной части публики. Свою популярность онъ сохранилъ до гробовой доски; его хоронили съ великимъ почетомъ, и смерть его вызвала длинный рядъ журнальных статей. Еслибы подвести имъ общій итогъ всѣмъ, то читатели узнали бы что какъ артистъ онъ стоитъ на высотѣ рѣдко достигаемой, но что въ особенности великъ онъ по заслугамъ оказаннымъ имъ народу и публикѣ, народу—въ качествѣ его лѣвца, а публикѣ—въ качествѣ моралиста. „Некрасовъ, говоритъ г. Антоновичъ, былъ поэтъ по преимуществу, если даже не исключительно, дидактическій; онъ творилъ холодно, обдуманно и строго-сознательно, съ опредѣленною, напередъ намѣченною цѣлью, съ извѣстною тенденціей.“ Не всѣ сходятся въ подробностяхъ съ высказаннымъ мнѣніемъ, но въ концѣ-концовъ эти мнѣнія сливаются въ хвалебный гимнъ. Лишь рецензентъ *Journal de St.-Petersbourg* позволялъ себѣ обнаружить взглядъ не совсѣмъ совпадающій съ хоромъ восторженныхъ лѣсень. Отдавъ полную справедливость *знаменитому писателю, великому поэту*, онъ говоритъ:

„Литературное вліяніе Некрасова,—надо имѣть настоятельно мужества чтобы это сказать—было губительно. Оно испортило вкусъ нашей публики и положило начало тедеациозной литературѣ, отъ которой мы такъ долго страдали (*qui pncus a affligés si longtemps*) и которая оспариваетъ еще первенство у истинной литературы, унаслѣдовавшей великія преданія Пушкина, Гоголя и цѣлой блестящей плеяды другихъ писателей... Подъ вліяніемъ г. Некрасова, Пушкинъ прослылъ человѣкомъ бездарнымъ, ничтожнымъ поэтомъ, Лермонтовъ утратилъ свое обаяніе, Майковъ, Мей и Фетъ потеряли заслуженное уваженіе которымъ пользовались.“

Критикъ слѣдуетъ прибавить что „самъ г. Некрасовъ былъ тутъ ни при чемъ“; онъ сваливаетъ всю вину на его подражателей, а его упрекаетъ онъ развѣ въ томъ что, увлеченный социальными теоріями, лѣвѣе примѣшивалъ длинныя риемованныя диссертациі о пролетаріатѣ и умышленно грубыя выходки противъ общества къ великолѣпнымъ страницамъ въ которыхъ высказывается блестяще переклассный талантъ.

Признавшись что г. Некрасовъ въ послѣдніе годы своей жизни оказался *рѣшительно отсталымъ*, критикъ говоритъ:

„Въ итогъ Россія потеряла въ Некрасовѣ писателя съ великимъ талантомъ, одного можетъ - быть изъ представителей національной славы; но эта утрата не изъ тѣхъ которыя могутъ имѣть губительныя послѣдствія для литературы въ томъ смыслѣ что вліяніе поэта было далеко не благотворно для свободнаго развитія этой литературы“. *

Намъ довольно трудно согласовать всѣ эти оговорки, трудно понять какъ вліяніе поэтическихъ произведеній можетъ стѣснять развитіе литературы и довести публику до того тулаго непониманія искусства которое выразилось въ пошломъ глауменіи надъ его великими представителями. Судя по духу рецензій видно что писавшій ее сочувствуетъ поэзіи и ее понимаетъ, но *мужество* которое онъ выказалъ въ началѣ своей статьи не поддержалось до конца: онъ какъ будто извиняется въ истинахъ высказанныхъ имъ, напоминаетъ что критика должна быть вѣрна миссіи возложенной на нее, и что эта миссія предписываетъ ей остерегаться поклоненія успѣху, не имѣющему иногда ничего

* *Journal de St.-Petersbourg.* № 6.

общаго съ литературой въ собственномъ смыслѣ. Можно подумать что его пугаетъ мнимый блескъ свѣтила, что онъ робѣетъ предъ собственнымъ мнѣніемъ, и не рѣшается развѣчивать идола во имя котораго помогались развѣчивать Пушкина и Лермонтова. Оговорки и противорѣчія критика объясняются его попыткой согласовать понятія исключаящія другъ друга. Если г. Некрасовъ былъ дѣйствительно великій поэтъ, то вкусъ лублики онъ испортить не могъ; если же по мнѣнію рецензента онъ его испортилъ, то великимъ поетомъ признать его невозможно. Въ самомъ содѣлѣ есть лѣтина, и мы можемъ указать на Ахиллесову пятую многихъ славныхъ художниковъ. Ихъ ошибки оставили не безвредныя, но и не глубокіе слѣды, между тѣмъ какъ благотворныя плоды ихъ генія безсмертны. Но когда вліяніе поэтическихъ произведеній состоитъ исключительно въ томъ что они портятъ вкусъ лублики, мы приходимъ къ заключенію что ихъ поэзія обуславливалась лишь римой, и они испортили вкусъ лублики тѣмъ именно что приучили ее принимать римованную прозу, „да еще плохую“, можетъ быть за поэзію.

Статья въ *Дневникъ Писателя*, уже по имени автора, обращаетъ на себя особенное вниманіе читателей. „За Некрасовымъ, говоритъ О. М. Достоевскій между прочимъ, остается безсмертіе, вполне заслуженное за преклоненіе его предъ народною правдой... Онъ болѣлъ о страданіяхъ его (народа) всею душой, но видѣлъ въ немъ не одинъ лишь увиженный рабствомъ образъ, звѣриное подобіе, но смогъ, силой любви своей, постичь почти безсознательно, и красоту народную, и силу его, и умъ его, и страдальческую кротость его... Онъ былъ печальникъ *народнаго горя*. И по мнѣнію г. Достоевскаго, отрицающіе такое значеніе покойнаго низводятъ его на степенъ „самаго блестящаго представителя „искусства для искусства, не больше“...“

Несмотря, однако на авторитетъ автора *Бьсовъ*, мы не можемъ согласиться съ его мнѣніемъ. Онъ общается взглянуть *безпристрастно* на вопросъ, но полагаясь безусловно на его добросовѣстность, мы далеко не доверяемся его безпристрастію, а думаемъ, наоборотъ, что оно не совмѣстно съ горячею и впечатлительною его природою. Мы именно цѣнимъ въ немъ совершенную его неспособность обсуждать хладнокровно явленія затрагивающія его чувство, цѣнимъ

постоянное увлеченіе проглатывающее въ его воззрѣніяхъ. Сколько разъ онъ ридилъ въ собственный свой идеалъ и собственные мечты голые факты и роковую истину! Судь его всегда подкуленъ его личными чувствами, и мы позволяемъ себѣ не соглашаться не только съ его взглядомъ на г. Некрасова, но даже съ его воззрѣніемъ на искусство.

„Искусство для искусства не болѣе“—это слово какъ бы указываетъ на то что искусство не должно существовать само для себя, а намъ кажется, наоборотъ, что оно иначе существовать вовсе не можетъ. Поэзія когда она преслѣдуетъ какую бы то ни было цѣль отделяется отъ своего высокаго назначенія и гибнетъ лишенная почвы. Она родилась съ первымъ человекомъ, и народы, еще въ первобытномъ состояніи ловившаясь безсознательной потребности, высказывали въ лѣсахъ свои идеалы, радости и горе. Съ какою цѣлью была написана Иліада? Съ какою цѣлью сложилъ краснокожій дикарь лѣсню въ честь Невидимаго Духа и кочующій туземецъ Индіи въ честь Александра Великаго? Съ какою цѣлью

Пастухъ, плетя свой пестрый ланоть,
Поетъ про волжскихъ рыбаей?

Поэзія звучала въ мірѣ задолго до той минуты когда развивающаяся образованность возвела ее на степенъ искусства. Но подчиняясь извѣстнымъ законамъ, она не измѣнила и не должна была измѣнять своему характеру, ни отдаляться отъ своего назначенія. Поэтъ не преслѣдуетъ никакой цѣли; его вдохновеніе должно быть свободно, онъ не стѣсняетъ его размѣрами заранее придуманной рамки, не подчиняетъ какой бы то ни было теоріи; онъ не принимаетъ на себя роли школьнаго учителя, не хлопочетъ о томъ чтобъ обучать людей, а поетъ потому только что ему поется:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ

говорить Пушкинъ, великій представитель русскаго искусства.

Но неужели, скажутъ намъ, надо отвергать вліяніе поэзии и литературы вообще на массы? Сохрани насъ Богъ отъ

подобной мысли: ничто не имѣетъ на людей такого благотворнаго вліянія какъ искусство. Отрывая ихъ отъ пошлости всенедней жизни, увлекаая въ высшій міръ, оно ихъ облагораживаетъ. Но этого вліянія достигаетъ художникъ лишь когда онъ не домогается его достигнуть. Предвзятая мысль, задуманная заранѣе цѣль, отънимають свободу его порывовъ, парализуютъ его мощь. Мы всѣ подчинились нравственному впечатлѣнію великихъ произведеній Гоголя пока онъ оставался вѣрнѣмъ призванію художника, и видѣли его паденіе когда преслѣдуя *полезную цѣль* онъ промѣнялъ кисть художника на указку школьнаго учителя. Намъ замѣтять можетъ-быть что его Костанджогло не удался потому только что Гоголь задумалъ его во время упадка своего таланта. Но все дѣло въ томъ что лишь тогда Гоголь и могъ задумать его. Художнику живется привольно лишь въ своей средѣ, и онъ не промѣняетъ ее добровольно на иную, ему чуждую. Съ высоты, куда поставила его миссія возложенная на него Провидѣніемъ, онъ властвуетъ надъ толпой и вызываетъ ея восторгъ, смѣхъ или слезы. Онъ сознаетъ свою силу и не промѣняетъ ни на какія сокровища своего вдохновенія. Но когда священный огонь покинулъ Гоголя, когда почва пропала подъ его ногами, онъ перебросился на другую и создалъ Костанджогло. Ему въ голову не приходило прибавлять къ своимъ первымъ произведеніямъ нравственныя афоризмы, имѣющіе цѣлью спасти читателя отъ мошенничества и лжи, но художественно воспроизведенная пошлость Ноздрева и Городничаго клеймили пороки и вызывали въ публикѣ тотъ смѣхъ о которомъ самъ Гоголь говорилъ послѣ представленія *Ревизора*: „смѣхъ—честное лицо моей комедіи.“ А Костанджогло наводитъ на читателей непроходимую скуку, свѣтаго впечатлѣнія онъ произвести не можетъ, потому что онъ не живой организмъ, а остовъ безъ плоти и крови, ходячая проповѣдь о необходимости для русскихъ дворянъ заниматься хлѣбопашествомъ. Но была ли по крайпей мѣрѣ достигнута, хотя въ ущербъ искусству, цѣль преподавателя? Стали ли наши помѣщики обрѣтывать дѣльно свои земли? Вынесли ли они хотя какія-нибудь основныя агрономическія понятія изъ рѣчей образованаго хозяина? Мы позволяемъ себѣ въ этомъ сомнѣваться и полагаемъ что они наши бы гораздо болѣе полезныхъ свѣдѣній въ любомъ земледѣльческомъ журналѣ нежели во второмъ томѣ *Мертвыхъ Душъ*.

Возвратимся къ г. Некрасову. Первые его произведенія были приняты очень сочувственно публикой, не тою которая сдѣлала изъ него въ послѣдствіи идола, но тою которая знала наизусть Пушкина и Лермонтова. Этими произведеніямъ невозможно было отказать въ поэтическомъ чувствѣ и теплотѣ душевной: *Когда изъ мрака заблужденья, Ночь, Успяли мы встать насладиться, Въ столицахъ шумъ, Не сжатая полоса, Тишина, Забытая деревня* и другія подавали большинству надежды на развитіе молодого таланта. Но даже и тогда грубая струна, звучавшая по временамъ среди этихъ первыхъ опытовъ, приводила нѣкихъ къ заключенію что поэтический заласъ г. Некрасова не обилаетъ и скоро истощится. Мы помнимъ по этому поводу много толковъ и споровъ въ то время когда въ московскихъ гостиныхъ занимались такъ горячо поэзіей и литературой. Читатели подкупленные изяществомъ формы, которой еще держался поэтъ, упорно его отстаивали; но болѣе зоркіе критики предвидѣли какое направленіе приметъ его развитіе и указывали на оскорблявшія ихъ выходки. Мы могли бы привести многія стихотворенія вызывавшія тогда жаркія пренія, но ограничимся двумя служащими лучшимъ комментариемъ одно другому. Начнемъ съ того, которое озаглавлено: *Въ дорогѣ*.

Поэтъ проситъ своего ямщика разогнать его скуку какими-нибудь разказами:

„Самому мнѣ не весело, баринъ:
Сокрушила заодѣйка жена!...
Слышь ты, съ молоду, сударь, она
Въ барскомъ домѣ была учена
Вмѣстѣ съ барышней разнымъ наукамъ,
Понимаетъ—ста, шить и вязать,
На варганѣ играть и читать—
Всѣмъ дворянскимъ манерамъ и штукамъ.
Одѣваться не то что у насъ
На селѣ сарафаницы наши,
А примѣрно представить, въ атласъ;
Вла вдоволь и меду, и кашу.“

Единственная дочь помѣщика выходитъ замужъ и уѣзжаетъ въ Петербургъ. Отецъ ея умираетъ, а зять принявъ наслѣдство возвращаетъ на село бѣдную дѣвушку, которую зовутъ Грушей.

„Какъ на грѣхъ девятнадцатый годъ
 Мнѣ въ ту пору случись... Посадили
 На тягло—да на ней и женили...
 Тоесь околько я нажилъ хлопотъ!
 Видъ такой; понимаешь, суровый...
 Ни косить, ни ходить за коровой!...
 Грѣхъ сказать чтобъ лѣнива была,
 Да вить дѣло въ рукахъ не спорилось!
 Какъ дрова или воду носила,
 Какъ на барщину шла—становилось
 Индо жалко подъ часъ... да куда!—
 Не утѣшишь ее и обновкой:
 То матерли ей ногу коты,
 То, слышь, ей въ сарафанѣ не ловко.
 При чужихъ и туда и сюда
 А украдкой реветъ какъ шальная..
 Погубили ее господа,
 А была бы бабенка лихая!
 На какой-то патреть все гадить
 Да читаетъ какую-то книжку...
 Индо страхъ меня, слышь ты, щемить,
 Что погубить она и сынишку:
 Учить грамотѣ, мостъ, стрижетъ,
 Словно барченка, каждый день чешетъ,
 Бить не бьетъ—бить и мнѣ не даетъ...
 Да не доаго пострѣла потѣшить!
 Слышь, какъ щелка худа и блѣда,
 Ходитъ, точно, совсѣмъ черезъ силу,
 Въ день двухъ ложекъ не съѣстъ толочка—
 Чай свалимъ черезъ мѣсяцъ въ могилу...
 А съ чего?... Видитъ Богъ не томилъ
 Я ее безустанной работой...
 Одѣвалъ и кормилъ, безъ пути не бранилъ,
 Уважалъ тоесь вотъ какъ, съ охотой...
 А, слышь, бить, такъ почти не бывалъ,
 Развѣ только подъ пьяную руку...“

Мы не войдемъ въ разборъ стихотворенія, содержаніе его
 очень просто и вполне понятно. Будь ямщикъ мужемъ лю-
 бой красной дѣвицы своего села оба нашли бы въ бракѣ
 все задатки счастія. Она любовалась бы молодцоватостью
 мужа и потѣшалась бы его гостинцами. Еслибъ ему случилось
 ее ударить въ хмѣлю, то она не приняла бы его побоевъ въ
 обиду, зная что съ пьянаго нечего взять и что мужъ ее

убалтеть. Онъ же со своей стороны нашелъ бы въ женѣ все что могъ требовать отъ нея: честную, пригожую бабенку, добрую работницу, и въ ихъ любви была бы поэзія, потому что поэзія таится вездѣ гдѣ есть гармонія. Но насильственное сочетаніе развитой дѣвушки съ этимъ крестьяниномъ не что иное какъ лоруганіе женскаго достоинства и стыдливости. Онъ добрый и честный малый, смотреть на нее съ состраданіемъ когда она идетъ на барщину, не утомляетъ ее работой, и радъ бы потѣшить обновкой. Но между ними бездна ни чѣмъ не наполняемая. Еслибы даже эта женщина не любила другого, какъ мы можемъ догадаться изъ наивнаго разказа ямщика, всѣ ея вѣжныя чувства были бы не менѣе оскорблены каждымъ его словомъ, каждую его ласку она принимала бы не менѣе какъ незаслуженный позоръ. Горе стыдъ и униженіе ведутъ ее быстро къ могилѣ, но этотъ добрый человекъ, далеко можетъ-быть не глупый, способный можетъ-быть на высокое чувство, не понимаетъ и не можетъ понять что ее сокрушаетъ. „Съ чего?“ говоритъ онъ, не подозревая что онъ самъ невинный палачъ этой невинной жертвы.

Послушаемъ теперь стихотвореніе подъ заглавіемъ *Огородникъ*:

Не гулялъ съ кистенемъ я въ дремучемъ лѣсу,
Не лежалъ я во рву въ непроглядную ночь,
Я свой вѣкъ загубилъ за дѣвицу красу,
За дѣвицу красу, за дворянскую дочь.

Я въ пѣмецкомъ саду работалъ по веснѣ:
Вотъ однажды сгребаю сучки да лою,
Глядь, хозяйская дочка стоитъ въ сторонѣ,
Смотрить въ оба, да слушаетъ пѣсню мою.

По торговымъ селамъ, по большимъ городамъ
Я не даромъ жилаю, огородаикъ лихой,
Раскрасавицъ дѣвицъ посмотрѣлся я тамъ,
А такой не видалъ, да и нѣту другой.

Чернобровая, статна, словно сахаръ бѣла!..
Стало жутко, я пѣсни своей не допѣлъ.
А она—ничего, постояла; прошла,
Оглянулась: за ней какъ шальной я глядѣлъ.

Я слышалъ на селѣ отъ своихъ молодицъ,
 Что и самъ я пригожъ, не уродомъ рожденъ,
 Словно соколъ гляжу, круглочицъ, бѣлолицъ,
 У меня ль, молодца, кудри чесаныя лень...

Разыгралась душа на часокъ, на другой...
 Да какъ глянулъ я вдругъ на хоромы ея—
 Посвисталъ и махнулъ молодецкой рукой,
 Да скорѣй за мужицкое дѣло свое!

А частенько она приходила съ тѣхъ поръ
 Погулять, посмотреть на работу мою,
 И смѣялась со мной, и веда разговоръ:
 Отчего приунылъ? что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
 Только буйную голову свѣшу на грудь...
 „Дай-ка яблоньку а за тебя посажу,
 Ты усталъ, чай пора ужъ тебѣ отдохнуть“.

— Ну пожалуй изволь, госпожа, поучись,
 Пособи мужику, поработай часокъ,—
 Да какъ заступъ брава у меня, смѣючись,
 Увидала на правой рукѣ перстемѣкъ:

Очи стали темнѣй непогоднаго дня,
 На губахъ, на щекахъ разыгралась кровь.
 „Что съ тобой госпожа? Отчего, на меня
 Неприятно глядишь, хмуришь черную бровь?“

— Отъ кого у тебя перстемѣкъ золотой?
 „Скоро старость придетъ коли будешь все знать“.
 — Дай-ка а погадаю, несговорный какой!—
 И за палецъ меня бѣлой рученькой хвать!

Потемнѣло въ глазахъ, душу кинуло въ дрожь,
 Я давалъ—не давалъ золотой перстемѣкъ...
 Я вдругъ вспомнилъ опять что и самъ я пригожъ,
 Да не знаю ужъ какъ—въ щеку дѣвицу чмокъ!..

Много съ ней скороталъ невозвратныхъ ночей
 Огородники лихой... Въ ясны очи глядѣлъ,
 Расплеталъ, заплеталъ русу косынку ей,
 Цѣловалъ, миловалъ, пѣсни воляжскія пѣлъ.

Мигомъ аѣто прошло, ночи стали свѣжѣй,
 А подъ утро морозъ подъ ногами хруститъ.
 Вотъ однажды, какъ а краса въ горенку къ ней,
 Кто-то цалъ за плечо: „держи вора!“ кричитъ.

Со стыдомъ молодца на допросъ привели,
Я стоялъ да молчалъ, говорить не хотѣлъ...
И красу съ головы острой бритвой снесли,
И желѣзный уборъ на ногахъ зазвенѣлъ.

Постегали плетью, и уводятъ дружка
Отъ родной стороны и отъ дашутки прочь
На печаль и страду!.. Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

Какъ согласить эти два произведенія?

Самый строгій моралистъ не всегда рѣшится бросить камнемъ въ женщину которая не устояла противъ любви. Неумолимость людскаго суда уступаетъ невольно обаянію живаго чувства. Человѣкъ прощаетъ охотно вину напавшую ему что и подъ его ногами не всегда тверда была почва, что и его сердце не всегда ровно билось. Почему преданія о герцогинѣ Лавальеръ возбуждаютъ такую горючую симпатію когда образы ея предшественницъ и преемницъ повергнуты въ грязь? Почему воображеніе слѣдитъ за ней съ сочувствіемъ въ ея грѣшномъ счастіи и среди стѣн обители, гдѣ она искулила дорогою цѣной это счастье? Что окружило ее такимъ поэтическимъ ореоломъ? Она любила. Почему послѣ цѣлыхъ семи столѣтій имя Элоизы прославляется съ умиленіемъ? Почему сложили, въ ея честь, тригательныя легенды? Почему воспоминанія о ней передаются изъ поколѣній въ поколѣнія, и надгробный ея памятникъ попрежнему украшенъ свѣжими цвѣтами? * Какой подвигъ совершила она? Чѣмъ обязано ей человѣчество, забывающее слишкомъ часто великихъ дѣятелей, которые посвятили себя его пользѣ? Нѣтъ, она не совершила никакого подвига, ея жизнь была отдана личному чувству, но имя ея затрогиваетъ въ сердцѣ каждого самая вѣчная, самая сокровенная его струна: она любила.

Мы спросимъ теперь, наоборотъ, какъ посмотритъ самый свисходительный судъ на героиню г. Некрасова? Формы его стихотворенія дѣйствительно изящны, но содержаніе. Вотъ оно, въ двухъ словахъ: развитая дѣвушка въ связѣ

---

* Элоиза и Абеларъ похоронены на кладбищѣ Перъ-ла-Шеза. Влюбленные носятъ обыкновенные цвѣты на ихъ памятники: это обычай.

съ мужикомъ,—говоря прозой, принуждены называть вещи по имени; къ тому же мы не намѣрены поэтизировать празь. Барышня приглянулась мужику, но онъ зналъ что, по выраженію ямщика, она была *учена разными науками, на гармонь играть и читать*, и не смѣлъ даже мечтать о чести ожидавшей его. Но демократка сдѣлала первый шагъ: она съ нимъ заговаривала, смѣялась, и разъ, въ ту минуту какъ онъ принимался за заступъ, полагая вѣроятно по обычаю въ ладонь, увидала перстень на его рукѣ, стала допытываться кто его подарилъ и схватила огородаику за пальцы, а огородаику, вспоминая что *самъ пригоужь*, воспользовался удобнымъ случаемъ чтобы поцѣловать ее; она только того и ждала: ей не нужно было ни вѣжнаго приваива, ни задушевнаго порыва, ни страстныхъ моленій, но красивый мужикъ поцѣловалъ ее, и полирая ногами женскую стыдливость и дѣвичью строгость она отдалась ему.

Много съ ней короталъ невозвратныхъ ночей
Огородаику лихой.

Можетъ-быть, какъ ямщикъ свою жену, онъ бивалъ ее *подъ пыльную руку*, но вѣтъ причины полагать что лобои оскорбляли ея нравственное чувство, такъ какъ это чувство ни въ чемъ не проявляется, а если, на ея счастье, у огородаику рука оказалась не тяжела, то и горевать не о чемъ было, и распри влюбленныхъ не омрачали того счастья которыми они одаряли другъ друга: вѣдь наша барышня не искала рыцаря въ предметъ своей любви. Однако огородаику оказалъ истинное великодушіе: его судили за воровство, и онъ выслушалъ приговоръ не вымолвивъ слова въ свое оправданіе: онъ не хотѣлъ выдать на позоръ своей *лапушки*. Но въ ней не проявилось до конца человѣческаго чувства; она могла, объявляя истину, спасти невиннаго отъ Сибири, но сердце ея не сжалось надъ его горькою судьбой. Бѣднака угнали на каторжныя работы, а она, по всей вѣроятности, скоро нашла кѣмъ его замѣнить, такъ какъ требованія ея были довольно скромны: красивый парень,—вотъ и все.

Надо сказать, къ несчастію, что такія женщины встрѣчаются вездѣ, и вездѣ ихъ клеймятъ позоромъ. Во Франціи Берамже олицетворилъ ихъ тилъ въ маркизъ de Prétentaille, и бичуетъ ихъ развратъ своей неумолимою сатирой. Никто

не смѣлъ еще до сихъ поръ вослѣдовать подобную героиню, никто не возводилъ ее въ идеалъ. Было бы недобросовѣстно возражать что въ стихотвореніи нельзя указать ни на одно слово гдѣ проявилось бы сочувствіе автора къ ней. Прямое замечаніе было тѣмъ невозможно что авторъ говоритъ не отъ своего имени, но дѣло въ томъ что окружилъ поэзіей образъ *дворянской дочки*, и его взглядъ на нее проглядываетъ во всемъ духѣ стихотворенія. Онъ точно также не высказываетъ прямо своего воззрѣнія на Грушу, но мы знаемъ несомнѣнно что онъ смотритъ на нее съ любовью. Съ такою же точно любовью описывалъ онъ героиню отородника и хотѣлъ возбудить къ ней симпатію читателей. Мы не сомнѣваемся что къ сожалѣнію это ему удалось отчасти только. Ничто не дѣйствуетъ такъ губительно на воображеніе какъ произведенія гдѣ цѣпизмъ содержания облеченъ въ художественную форму. Они доводятъ мало-по-малу молодые умы до примиренія съ самыми безправственными явленіями, а послѣдствія этого примиренія несомнѣнны. Когда литература радитъ въ ореолы маркиза de Fretentaille, когда ихъ образъ возбуждаетъ въ обществѣ какое бы то ни было чувство кромѣ глубокаго отвращенія, то можно предсказать безошибочно что это общество стоитъ на краю пропасти, и что въ него скоро вкрадутся нравы времени французскаго Регентства. Но пока публика не утратила еще до послѣдней тѣни уваженія къ себѣ, къ вещь подобныхъ женщинъ оскорбляетъ самыя первоначальныя правила ея нравственныхъ понятій.

По мѣрѣ того какъ съ одной стороны первые читатели г. Некрасова удалялись отъ него, съ другой росло число его поклонниковъ которые не замедлили объявить себя его учениками. Тогда начало проявляться дидактическое направленіе стяжавшее ему такую славу въ глазахъ г. Антоновича. Поэтъ развернулъ социалистское знамя и началъ читать проповѣдь новой морали какъ въ своихъ стихотвореніяхъ, такъ и въ *Современникѣ*, который издавалъ вмѣстѣ съ г. Панаевымъ. Онъ не ограничился политико-экономическимъ вопросомъ о пролетаріатѣ, онъ проповѣдывалъ философію социализма. Теорія новой морали всѣмъ извѣстна: человѣкъ не что иное какъ продуктъ среды, въ которую поставленъ силой обстоятельствъ. Она его облагораживаетъ или развращаетъ, прививаетъ ему

самовластные добродѣтели или пороки. Личность во власти среды, личность невмѣлема. Человѣкъ не виновенъ въ своихъ проступкахъ, точно также какъ не виновенъ цвѣтокъ слоившійся подъ тяжестью камня брошеннаго въ него, какъ не виновенъ въ своемъ уродствѣ несчастный которому вывихнули съ дѣтства руки и ноги. Словомъ, зародившійся зла не въ людяхъ, а въ окружающей ихъ средѣ. Мы не входимъ въ разборъ пропаганды, но желаемъ только посмотрѣть какъ пропагандистъ поставилъ вопросъ. Выписываемъ въкоторыя изъ стихотвореній гдѣ онъ проводитъ свою мысль.

В о р ъ.

Спѣша на званый пиръ по улицѣ преграженной,
Вчера былъ пораженъ я стеной безобразной:
Торгашъ, у коего украденъ былъ калачъ,
Вадрогнулъ и побѣдился, варагу подмалъ вой, и плачъ
И, бросаясь отъ лотка, кричалъ: держите, врагъ!
И воръ былъ окруженъ и остановленъ скоро.
Закушенный калачъ дрожалъ въ его рукахъ;
Онъ былъ безъ сапоговъ, въ дырявомъ сюртукѣ;
Лицо являло слѣды недавняго недуга,
Стыда, отчаянья, мольбы и искута....
Пришелъ городской, подчаска, подождалъ,
По пунктамъ отобравъ допросъ отменно строгій,
И вора повелъ торжественно въ кварталъ.
Я крикнулъ кучеру: „пошелъ своей дорогой“!
И Богу послѣшилъ молебствіе принести
За то что у меня насѣдственное есть...

Несправедливо было бы сказать что поэтъ позволилъ себѣ пожертвовать опредѣленностью мысли художественности формы. Мысль очень ясна. *Наслѣдственное*, по выраженію г. Некрасова, удаляло его отъ искушеній и оберегало честнаго его правила, между тѣмъ какъ бѣдный крестьянинъ былъ вѣчно подъ гнетомъ суровой судьбы, и нищета его сокрушила, а среда не дала возможности бороться противъ нея или разбила его нравственную силу. Онъ былъ пассивною игрушкой злой доли; онъ невмѣлемъ.

Вотъ и другое стихотвореніе.

В и н о

.....
Безъ вина меня баринъ постѣлъ,
Самъ не знаю что стало со мной?

Я не то что большой человекъ,
 Да вишь дѣло-то было въ первой.
 Какъ подумаю, весь задрожу,
 На душѣ все чертѣй да чертѣй

Лукавый шелчетъ ему *неразумныя буйныя рѣчи*, и пострадавшій невинно идетъ изъ избы съ намѣреніемъ отмстить за себя:

Вдругъ: не хочешь ли, братикъ вина?
 Мнѣ во садѣзъ закричала сестра.
 Цѣлый штофъ осушилъ я до дна.
 И въ тотъ день не ходилъ со двора.

Потомъ полюбилась ему соседская дочь и шла за него охотно, но старостѣ поклонился другой, и ее поставили съ немилымъ подъ вѣнецъ. Отчаяніе одолеваетъ парня:

Наточилъ я на старосту ножъ
 И для смѣлости выпилъ вина,
 Да попался Петруха, свой братъ,
 Въ кабацъ: навзвася угостить:
 Даровому дѣшвыи не радъ—
 Я остался, поштофа раслить.
 А за первымъ—другой; въ куражъ
 Отъ души невзначай отлегалъ,
 Позабылъ я въ тотъ день объ ножѣ,
 А на утро раздумье пришло...

Въ концѣ-концовъ кулець подражаетъ его передѣлать всѣ лечи въ дому, и по окончаніи работы отказывается заплатить, несмотря на просьбы и моленья бѣдняка:

Разчитать было нечѣмъ артель,
 И меня, слышь, потянуть въ острогъ...
 Наточивши широкій топоръ,
 „Пропадай“ самъ себя я сказалъ:
 Подбѣжалъ, притаился какъ воръ
 У знакомаго дома,—и ждалъ
 Да прозябъ, а напротивъ кабацъ,
 Разсудилъ: отчего не зайти?
 На послѣдній хватилъ четвертакъ,
 Подрался—и проснулся въ части.

Все та же исторія: кто же рѣшится обвинить бѣдняка? Не поспѣки его *баринъ безъ вины*, не пожертвуй имъ старости своей корысти, расплатись съ нимъ честно кулець, горе не навело бы его на преступныя мысли, отъ которыхъ

онъ искалъ спасенія въ винѣ. Сколько женщинъ были брошены нищетою, голодомъ и въ особенности безправственною средою на роковой путь съ котораго нѣтъ возврата, и потеряли стыдъ и совѣсть потому только что окружавшій ихъ міръ задушилъ въ зародышѣ ихъ совѣсть и стыдъ...
 Перо г. Некрасова передаетъ намъ повѣсть двухъ подобныхъ жертвъ рока и людей.

Убогая и нарядная

Безпокойная ласковость загада
 И поддѣльная краска лавить,
 И убогая роскошь наряда—
 Все не въ пользу ея говорить.
 Но не лучше ли прежде чѣмъ бросить
 Мы въ нее приговоръ роковой,
 Подзовемъ-ка ее да разспросимъ:
 „Какъ дошла ты до жизни такой?“

Не длиненъ и не новъ разказъ:
 Отецъ ея подлѣцѣй бѣдный
 Таскался писаремъ въ приказъ,
 Имѣлъ порокъ дурной и вредный—
 Запоемъ пилъ и былъ буянъ,
 Когда домой являлся пьянъ.
 Предвида роковую схватку
 Жена малютку уведетъ,
 Уложить наскоро въ кроватку
 И двери полагатѣй припретъ.
 Но бѣдной дѣвочки не спится!
 Ей чудится: отецъ бранится,
 „Мать плачетъ.....“

Но какъ ни буенъ былъ отецъ,
 Угмонился наконецъ,
 И стало безъ него имъ хуже.
 Мать умерла въ тоскѣ по мужѣ,
 А дѣвочку взяла „мадамъ“
 И въ магазинъ поселила.
 Не очень много шила тамъ
 И не въ шитьѣ была тамъ сила...

Впрочемъ чтожь мы? насъ могутъ замѣтить
 Рядомъ съ ней!.. И отхлынули прочь..
 Нѣтъ! тебѣ состраданья не встрѣтить,
 Нищеты и несчастія дочь!

Дѣйствительно, отъ этого разказа сжимается сердце, и мы понимаемъ соотраданіе съ которымъ поэтъ относится къ падшей женщинѣ.

Вторая повѣсть дѣйствуетъ еще сильнѣе на воображеніе. Г. Некрасовъ обращается съ такими словами къ героинѣ извѣстной всей петербургской молодежи:

Ты ребенкомъ пала въ Парижъ,
Потеряла невинность и совѣсть,
Научилась бѣгать и агать;
И явилась въ наивное царство:
Ты самаа, легко обирая,
Наше будто богатое барство.
.....
Ты красивый, была и морже,
Но увы! неизвестна, бѣдна,
И нуждалась, сначала, о Боже!
Твой разказъ о купцѣ разрывааъ,
Намъ сердца: по натурѣ бурлацкой
Онъ то ноги твои цѣловалъ,
То хлесталъ тебя плетью казацкой.
.....
..... ты заведи
Рысаковъ, экипажи, наряды,
И прославилась—въ моду, ватаа!
Мы знакомству скандальному рады.
.....
..... знатоки, вашей націи
Порѣшили разумнымъ судомъ,
Что цинизмъ твой, доходитъ до граци,
Что геройство въ безстыдствѣ твоёмъ!
Ты у Бога дѣтей не просила,
Но ты женщина тоже была
Ты со скрежетомъ сына носила,
И съ проклятьемъ его родила....

Тутъ все соединилось чтобы развратить женское сердце. Судьба занесла дѣвочку въ Парижъ, за которымъ, по словамъ Альфреда де Мюссе, остается старѣйшее порока. Тамъ она рано узнала во сколько цѣнится красота. Съ каждымъ днемъ, помимо ея вѣдома, порча вкрадывалась все глубже въ ея сердце. Молодая дѣвушка переселилась въ Петербургъ, красивая, неизвестная и бѣдная, ремесла она не знала никакого, и настали горкіе дни. Тогда явился бурлацкій дикарь и лобызалъ казной: пришлось выбирать между нищетой

и унизительною роскошью. Не понимая униженія она выбрала роскошь, но по выраженію народному, слезы ея текли часто чрезъ золото: бурлаки въ припадкахъ необузданной ярости хлестали ея плетью. Она начала искать другихъ покровителей, вошла наконецъ въ моду. Тогда въ ней погубили окончательно всякій задатокъ человѣческаго достоинства; развратили даже материнское чувство. Окружавшіе ея поклонники превозносили ея цинизмъ и безстыдство, а нравственнаго міра она не видала, до нея не доходило никогда честное слово; она не знала ничего кромѣ торжества убитагого порока; не могла вѣрить существованію добра; потому что не видала его, точно также какъ не вѣритъ существованію свѣта несчастный которому выкололи при рожденіи глаза. Вспоминая одно изъ самыхъ извѣстныхъ произведеній г. Некрасова, помолимся же вмѣстѣ съ поэтомъ о томъ:

Кто бредеть по житейской дорогѣ
Въ безразсѣтной, глубокой ночи,
Безъ поманья о правѣ; о Богѣ
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи.*.

Но не всѣ взглянуть на погибшую женщину съ состраданіемъ,—и кто бы могъ ожидать? Нѣ съ состраданіемъ обращается къ ней поэтъ. Нѣтъ, онъ негодуетъ зачѣмъ въ нее не бросаютъ грязью.

И не кинулъ никто негодуя
Комомъ грязи въ безстыдную мать!

восклицаетъ въ порывѣ благороднаго увлеченія—кто же? авторъ вышеназванной трогательной молитвы.

Почему же изъ двухъ погибшихъ женщинъ *нарядная* виновата *убогая*? Чѣмъ объяснить что къ ней не прилагается законъ лежащій въ принципѣ вещей? Если допускать исключенія, что же останется отъ теоріи доказывающей что человѣкъ не что иное какъ продуктъ среды? А. г. Некрасовъ ихъ допускаетъ. Онъ писалъ въ одно и то же время статьи для *Современника*, социалистическія стихотворенія и другія стихотворенія, гдѣ забрасывалъ грязью всѣхъ богатыхъ, всѣхъ пользующихся свѣтскимъ положеніемъ. Изъ проклятій которыми онъ ихъ громитъ, подобно Ватикану, поэтъ сдѣлалъ даже спеціальность своей музыки:

* Ночь. Успали мы совесть насладиться.

Замолкли муза мести и печали,
Довольно мы съ тобою проклинали!

Но кому же онъ собирается мстить и кого проклинаетъ? Тѣхъ кого провозгласилъ самъ невинными? Если мы говоримъ: вотъ крестьянинъ слившійся съ круга, но мы не въ правѣ его осудить, потому что онъ находился въ зависимости отъ причинъ побудившихъ его къ пьянству: *барина постыжъ его безъ вины*,—или, мы обязаны оправдать вора, потому что не отъ него зависѣло стать виѣ обстоятельствъ доведшихъ его до преступленія—или наконецъ: эта убого-нарядная женщина должна вызвать наше состраданіе, а не укоръ, потому что принципъ ея паденія не въ ней, а въ нищетѣ увлекшей ее насильственно на путь порока,—то въ силу какой логики признаемъ мы виновнымъ барина который съчтетъ невинныхъ крестьянъ потому только что родители не дали ему приличнаго воспитанія? Почему осудимъ мы нарядную въ бархатъ и кружева женщину, которая, по словамъ же г. Некрасова, была брошена съ раннихъ лѣтъ въ среду порока и жи? Какъ объяснить что виновенъ даже безъ смягчающихъ обстоятельствъ богатъ развращенный вліаніемъ позолоченныхъ палатъ, а не виновенъ бѣднякъ развращенный вліаніемъ смрадной избы? Кто стоитъ виѣ впечатлѣній окружающей его сферы? Кто отвѣчаетъ за свое рожденіе или за среду въ которую оно его поставило? Почему одни оправданы, а другіе подлежатъ проклятіямъ карающей музы?

Мало ли мы видѣли людей неспособныхъ поддержать свою теорію, но мы не будемъ обвинять ихъ въ недобросовѣстности. Мы только замѣтимъ что у нихъ не достало силъ, таланта, краснорѣчія. Они могутъ быть слабы въ своихъ доводахъ, не сумѣть доказать правоту своихъ убѣжденій, но остаются въ нихъ непоколебимы. Что же касается Некрасова, то мы обязаны сказать, особенно если вспомнимъ *Современникъ*, что невозможно обвинять его въ недостаткѣ краснорѣчія. Ему измѣнилъ не талантъ, а измѣнила ему выдержка въ роли. Онъ проповѣдывалъ лоялія въ котормъ не вѣрилъ самъ; онъ просто счелъ удобнымъ стать подъ знамя показавшееся ему красивымъ, такъ какъ въ это время, по французскому выраженію, *le socialisme était très bien porté*. Искреннее чувство—сила, опора чело-вѣка, но роль—вещь предательская: какъ ни твердо изучишь

ее, рано ли поздно ли она измѣнитъ актеру. Ничего ни стоило написать молитву о несчастныхъ которые идутъ

Безъ памяти о правѣ, о Богѣ.

Но такъ какъ въ сущности его сердце не сжималось надъ ними, то Некрасовъ высказывался вполнѣ, забравшая ихъ грязью когда забывалъ что стоитъ на подмосткахъ. Точно также провирается Хлестаковъ когда, разказывая о своемъ блестящемъ положеніи въ Петербургѣ, прибавляетъ: „какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвертый этажъ, скажешь только кухаркѣ: на Маврушка шнелъ...“ Комъ грязи Некрасова, та же Хлестаковская Маврушка: актеръ не выдержалъ роли.

Но если социализмъ не всегда былъ вѣренъ себѣ, то можетъ-быть народный трибунъ остался безупречнымъ, такъ какъ, по увѣреніямъ его поклонниковъ, онъ вѣрой и правдой поддерживалъ народные права. *Вѣстники Европы* замѣчаютъ что его стихотворенія были писаны, точно такъ же какъ *Записки Охотника, ради народа*. „Есть эпохи, прибавляетъ онъ, когда великій художникъ дѣйствуетъ могущественнѣй чѣмъ цѣлые трактаты направленные въ настоящемъ случаѣ, напимѣръ, противъ крѣпостнаго права; великій художникъ вноситъ свѣтъ въ общественную совѣсть и подготавливаетъ почву прежде нежели наступитъ пора бросить въ нее сѣмя.“ Неоспоримая истина, и рѣдко проявлялась она такъ ярко какъ во вліяніи *Записокъ Охотника* надъ обществомъ; но мы полагаемъ что это вліяніе было такъ мало, потому именно что г. Тургеневъ писалъ тогда исключительно *ради искусства*. Авторъ *Записокъ Охотника* не являлся въ наши села съ надеждой вывести изъ нихъ вдохновеніе которое могъ бы употребить съ пользою *для народа*. Но когда эти впечатлѣнія сложились въ художественный образъ, онъ высказалъ ихъ предъ лубанкой, и благодаря ему она ознакомилась съ крестьяниномъ, въ которомъ не видала до тѣхъ поръ человека, потому что была слишкомъ отъ него отдалена. La reésie, сказалъ В. Гюго, est ce qu'il y a d'intime dans tous—слово которое намъ приходилось часто вспоминать читая г. Тургенева. Онъ не наряжалъ слѣдствій, не спрашивалъ послѣкъ ли кого сегодня баринъ безъ вины, или вчера становой, или кто въ кабацѣ

На посаднѣй хватилъ четвертакъ,

Подрался,—и проснулся въ части,

Онъ не списывалъ рабочино отвратительныхъ, голыхъ фактовъ, а, наоборотъ, прошелъ мимо ихъ и загаянулъ въ глубь таинственной жизни народа. Проникнувшись ею, онъ показалъ читателямъ сколько человеческого, сколько трогательныхъ чувствъ въ этомъ крестьянинѣ на котораго они смотрѣли съ высоты своей аристократической брюзгливости. Какой новый міръ, какой міръ полный грустной поэзіи узнали они читая *Смерть*, *Бирюкъ*, *Хоръ* и *Калинычъ*, и пр. Артистъ заставлялъ ихъ плакать надъ подавленными слезами и страданіями, до тѣхъ поръ имъ неизвѣстными. Онъ пробудилъ ихъ горячее сочувствіе къ народу, и они содрогнулись невольно предъ фактами на которые смотрѣли до тѣхъ поръ съ совершеннымъ равнодушіемъ. Вліяніе г. Тургенева на публику было достигнуто помимо всякаго разчета; оно истекало непосредственно изъ глубины его таланта, изъ *искусства для искусства*, и потому это вліяніе оставило такіе глубокіе слѣды.

Не такими путями шелъ г. Некрасовъ. По справедливымъ словамъ поклонника его, г. Антоновича, „онъ творилъ холодно обдуманно, съ опредѣленною, напередъ намѣченною цѣлью, съ извѣстною тенденціей.... Онъ могъ предсказать какія мысли возбудить въ читателѣ каждое его стихотвореніе.“ Положимъ что относительно многихъ онъ могъ ошибаться въ своихъ предсказаніяхъ, но неоспоримо что онъ писалъ холодно, съ исключительнымъ желаніемъ выказать надъ публикой свои педагогическія способности. Съ этою цѣлью онъ описывалъ, во всей безобразной наготѣ, сцены которыя возмущаютъ одинаково сердце и художественное чутье. Онъ занялся съ любовью драками пьяныхъ мужиковъ и преимущественно *дрангелъ*. Пытаясь облечь свои картины въ трагическое величіе, онъ прибавляетъ еще къ ихъ пошлости каррикатурный оттѣнокъ. Такъ, напримѣръ пѣвецъ задумалъ тилъ русскаго богатыря:

Съ большущей сивой гривой,
Чай двадцать лѣтъ не стриженной,
Съ большущей бородой
Дѣдъ на медвѣда смахивалъ.

Этотъ дѣдъ, котораго онъ желаетъ передать во всемъ блескѣ его мощи, передаетъ въ слѣдующихъ строкахъ эпизодъ изъ своей жизни:

Рѣшенье вышло: каторга
 И лести предварительно;
 Не выдрали—помазали,
 Плохое тамъ дранье!
 Потомъ бѣжалъ я съ каторги
 Поймали! не погладили
 И тутъ по головѣ.
 Заводскіе начальники
 По всей Сибири славятся—
 Собаку съѣли драть.
 Да насъ диралъ Шалашниковъ
 Большой—я не поморщился
 Съ заводскаго дранья.
 Тотъ мастеръ былъ—умѣлъ пороть!
 Онъ такъ мнѣ шкуру выдѣлалъ,
 Что носится сто лѣтъ.

Трудно не унынуть предъ образомъ этого титана, котораго все драматическое величіе состоитъ въ выдѣланной какъ сафьянъ *шкурѣ*. Онъ сильно проникнутъ чувствомъ собственнаго достоинства, и разказывая о томъ какъ несмотря на розги онъ самъ и его товарищи не платили оброка помѣщику, прибавляетъ:

То были люди гордые!
 А нынче дай затрепичу—
 Исправнику, помѣщику,
 Тащатъ послѣдній грошъ!

Онъ клеймилъ неумолимымъ презрѣніемъ тѣхъ кто не могутъ похвастаться зебровою спиной; но всѣ славилъ въ его время, въ то незабвенное время когда были люди *гордые*, когда дорожили честію. Величавый старикъ изучилъ собственнымъ опытомъ всю теорію дранья. Мы уже видѣли что заводскіе чиновники были слабы въ сравненіи съ Шалашниковымъ, и узнаемъ дальше что самъ Шалашниковъ долженъ по справедливости отступить на второй планъ предъ Нѣмцемъ Христіаномъ Христіановичемъ Фогель, показавшимъ также свое искусство надъ спиной богатыря. Шалашниковъ драгъ сгорача, а у Нѣмца была *хватка мертвая*. Старикъ уважаетъ безгранично всѣхъ пороныхъ, однако сътуетъ о ихъ горькой судьбѣ:

Эхъ! доля саторусскаго
 Богатыря сермяжнаго
 Всю жизнь его дерутъ!

Оказавъ должное сочувствіе этому драгому герою, читатель умиляется вѣроятно надъ идилліей подъ заглавіемъ *Деревенскія Новости*.

— Какъ урожай?—Ничего.
Горе другое: покрали
Много дѣску твоего.
Мы становаго ужъ звали.
Шутъ и дуракъ на-гого!
Слово-то молвить, скотина,
Словно какъ дунетъ въ дуло,
Несообразный дѣтина!
— „Станъ мой великъ, говорить,
Съ хвостикомъ двадцать пять тысячъ,
Гдѣ тутъ судить, говорить,
Всѣхъ не успѣешь и высѣчь!“
Съ тѣмъ и уѣхалъ домой,
Такъ, ничего не подѣлавъ:
Нуженъ-ста тутъ межевой
Да депутатъ отъ удѣловъ!
— Въ Ботовѣ вадится скотъ,
А у солдатки Аксиньи
Дѣвочку—было ей съ годъ—
Съѣли проклятыя свиньи;
Въ Шаховѣ свекру сноха
Вилами бокъ просадила—
Было за что...

Приведемъ еще выписки изъ поэмы въ нѣсколькихъ частяхъ, подъ заглавіемъ: *Кому на Руси жибется хорошо?* Судя по напечатаннымъ отрывкамъ она должна быть значительнаго объема. Это произведеніе относится къ послѣднимъ годамъ литературной дѣятельности г. Некрасова, и на него надо смотрѣть какъ на самый серьезный его трудъ посвященный народу. Тутъ онъ могъ выводить во всей ихъ разнообразности русскіе типы, такъ глубоко изученные имъ, и ознакомить съ ними читателей. Дѣйствительно, не мало почерпнуть они изъ этой поэмы новыхъ свѣдѣній о народномъ бытѣ и характерѣ. Начнемъ съ содержанія.

Семь крестьянъ изъ разныхъ деревень сошлись невзначай и заспорили о томъ кому жибется счастливо на Руси:

Романъ сказалъ: помѣщику.
Демьянъ сказалъ: чиновнику.
Лука сказалъ: попу.

Купчина толстопузому,
Сказали братья Губины
Иванъ и Митродоръ.
Пахомъ сказалъ: свѣтаѣшему
Вельможному боярину
Министру государеву.
А Провъ сказалъ: царю....
Мужикъ что быкъ: втемящется
Въ башку какая блажь,
Коломъ ее оттудова
Не выбьешь!

Споря дошли до драки. Наконецъ мужики дали себѣ слово что не вернутся домой, не увидатся ни съ женами ни съ дѣтьми пока не рѣшатъ вопроса. Съ этою цѣлю они пошли куда глаза глядятъ, и стали спрашивать встрѣчныхъ. Но путешествіе могло продолжиться и надо было подумать о средствахъ пропитанія. Странники находятъ птицу, которая снабжаетъ ихъ *самобранной* скатертью, прибавляя: стоить только ее развернуть и на ней появляются вино и готовый обѣдъ. Но этого мало: крестьяне просятъ чтобъ ихъ одежда и обувь не износились,

Чтобъ воть, блоха ласкунная
Въ рубахахъ не ладила.

Птица обѣщаетъ что скатерть будетъ все *чинить, стирать и просушивать*.

Такимъ образомъ снабженные всѣмъ необходимымъ, благодаря обязательности птицы и разнообразнымъ талантамъ скатерти, они пускаются въ путь и *измѣряютъ полцарства* для удовлетворенія своей любознательности.

Мы читали въ восточной сказкѣ что факиръ испытаннымъ мудростію спросилъ себя разъ: есть ли счастливый человекъ на землѣ? и не смѣя рѣшить вопроса ходилъ изъ Кааькутты до Бомбея, допрашивая тѣхъ кто казались ему избалованными судьбой. Но кто когда слышалъ чтобы русскій мужичокъ, въ виду подобной цѣли, пустился путешествовать по бѣлу свѣту? Посмотримъ по крайней мѣрѣ какими благоуханными цвѣтами подарила насъ фантазія г. Некрасова, не стѣсненная предѣлами истины.

Его странники являются въ село, гдѣ намъ приходится опять видѣть крестьянъ въ довольно оригинальной для

нихъ роли. Помѣщикъ ихъ, князь Утятинъ, при извѣстїи объ отнятіи крѣпостнаго права, пришелъ въ такое отчаяніе что его разбилъ параличъ. Старшій сынъ князя, молодой гвардеецъ, въ силу довѣренности полученной отъ отца написалъ уставную грамоту. Однако старикъ оправился совершенно неожиданно и узнавъ о случившемся пришелъ въ такой гнѣвъ что пригрозилъ лишить дѣтей наслѣдства. Исполанный'сынъ увѣряетъ его что вышелъ указъ по которому крестьяне возвращаются помѣщикамъ. Это извѣстіе возстановило окончательно силы больного, и необходимо поддерживать обманъ; молодой князь собираетъ міръ и уговариваетъ мужиковъ прикидываться крѣпостными до смерти отца, обѣщая,

За лишній трудъ, за барщину

За слово даже брачное

вознаградить ихъ лоскными лугами когда получатъ наслѣдство. Крестьяне соглашаются и, къ удивленію читателя, оказываютъ такое безусловное довѣріе къ барину что вѣрятъ на слово его обѣщаніямъ. Никому не приходится в голову что онъ можетъ обмануть. Или въ повѣстіяхъ г. Некрасова наши помѣщики вели себя до такой степени безукоризненно что изъ всего села не нашлось ни одного чловека который позволилъ бы себѣ усомниться въ ихъ боярскомъ словѣ? Этого взгляда на нихъ онъ до сихъ поръ не высказывалъ, но какъ видно приписываетъ его народъ! Весь міръ, въ надеждѣ на дуга, согласился на *камедь*, и от мала до велика всѣ прикидывались крѣпостными.

Этотъ разказъ напомнитъ многимъ Мольеровскіе фарсы дровосѣка Сганареля который прикидывается медикомъ Обригана надѣвающего фальшивую бороду имѣющую цѣлью преобразовать его во фламандскаго кулца, лакея Микариля и пріятеля его Жоделя разыгрывающихъ—первыя роль маркиза, а второй виконта. Мы могли бы найти въ французскихъ водевиляхъ еще многіе примѣры такихъ превращеній, но до сихъ поръ ни въ русской жизни, ни въ литературѣ, мы не видали подобныхъ явленій.

Читателю любопытно можетъ-быть знать насколько русскіе крестьяне оказали сценическаго таланта? Надеюсь дать имъ справедливость что свою *камедь* они разыгрывали мастерски. Это дѣлаетъ имъ тѣмъ болѣе чести что

отъ нихъ требовалось ни нѣсколько часовъ выдержки, какъ отъ обыкновенныхъ актеровъ, ни даже нѣсколько дней, но недѣли, мѣсяцы, можетъ-быть годы. Каждое утро бурмистръ являлся съ докладомъ къ барину, котораго они называли *последышемъ*,—какъ послѣдняго представителя отжившаго порядка вещей,—и выслушивалъ молча его приказанія, его брань.

Бурмистръ передъ помѣщикомъ
Какъ бѣсъ передъ заутреней
Юлилъ: „Такъ точно! Саушаюсь!“
И каанялся помѣщику
Чуть-чуть не до земаи.

Разъ князь Утятинъ явился на сельскія работы, но подозрѣвая что крестьяне трудятся уже для себя, а не для него и, желая придратъся къ чему-нибудь чтобы заявить свою власть, находить что просушенное сѣно уже сложенное въ стога—еще сыро. Староста Климъ Яковичъ отвѣчаетъ ему:

Недосмотрѣлъ маненучко!
Сырелько: виновать!

И приказалъ немедленно народу разметать сухое сѣно. Пока крестьяне работали вилами, староста, отвѣчая на вопросъ барина, употребилъ слово которое сильно не понравилось старику: „господскій срокъ“.

„Помѣщикъ вдругъ оскабился
И началъ хохотать:
„Ха-ха! дуракъ!... ха-ха-ха-ха!
„Дуракъ! дуракъ! дуракъ!
„Придумали: господскій срокъ!
„Ха-ха!... дуракъ!... ха-ха-ха-ха!
„Господскій срокъ—вся живая раба!“

И онъ лустился въ исчисленіе своихъ правъ.

Отцы! сказалъ Климъ Яковичъ
Съ какимъ-то визгомъ въ голосъ,
Какъ будто вся утроба въ немъ
При мысляхъ о помѣщикахъ
Замыковала вдругъ:
— Кого же намъ послушаться?
Кого любить—надѣяться
Крестьянству на кого?

Бѣдами уливаемся,
 Слезами унываемся,
 Куда намъ буктовать?
 Все ваше; все господское
 Домашки наши ветхіе
 И животинки хворые
 И сами—ваши мы!
 Зерно что въ землю брошено,
 И овець огородная,
 И волосъ на чесаной
 Мужичкой головѣ—
 Все ваше, все господское!
 Въ могилахъ наши прады,
 На печкахъ дѣды старые
 И въ зыбкѣхъ дѣти малыя
 Все ваше, все господское!

Смягченный баринъ наливаетъ ему рюмку вина, Климу Яковичъ, выливъ, начинаетъ лѣтъ хвалебный гимнъ господамъ, и говоритъ такъ краснорѣчиво что у одного изъ дворовыхъ брызнули слезы. Онъ предлагаетъ помолиться за господъ.

И бабы, что протискались
 Поближе къ господамъ,
 Креститься тоже начали.

Какъ видите, каждый изъ актеровъ умѣлъ поддержать свою роль. Приведемъ еще оригинальную сцену, которую крестьяне разказываютъ любознательнымъ странникамъ:

На селѣ нашелся мужикъ,—звали его Агаломъ,—который не скоро согласился на предлагаемую *камедь*, говоря что онъ вольный, и хочетъ воспользоваться царскою милостью, однако миръ упросилъ его не упрямиться. Агалъ согласился, но разъ встрѣтивъ барина наговорилъ ему грубостей: у него какъ видно не было сценической выдержки.

Князь Утатинъ отдалъ немедленно приказъ выстѣчь его. Тогда струсили не на шутку сыновья князя. Дрожа при мысли что ихъ обманъ можетъ открыться они умоляли крестьянъ убѣдить Агала лечь подъ розги. Староста взялся за это дѣло, напоилъ Агала и привелъ его пьянаго въ господскую конюшню, между тѣмъ какъ баринъ сидя на крыльцѣ ждалъ исполненія своихъ приказаній. Тогда Климу Яковичъ предъ крестьянствомъ поставилъ штофъ вина:

„Пей, да кричи помпашите!
 Ой батюшки! ой матушки!
 Послушаася Агалъ,
 Чу, волить! Словно музыку
 Посаддытъ стоны саушаетъ.
 Чуть мы не размѣялися
 Какъ сталъ онъ приговаривать:
 „Ка-тай его, раз-бой-ни-ка,
 „Бун-тов-щи-ка... Ка-тай!“
 Ни дать, ни взять, подъ розгами
 Кричалъ Агалъ, дурачился,
 Пока не допелъ штофъ.

Не успѣли еще странники оставить эту оригинальную русскую деревню какъ умеръ князь Утятивъ.

А за дуга поемные
 Насадники съ крестьянами
 Тягаются до днесь.

Да какая же тяжба? Крестьяне, которые потребовали бы чужіе дуга на единственномъ основаніи что они имъ обѣщаны законными владѣльцами, прослыли бы за помѣшанныхъ.

Возвращаемся къ нашимъ любознательнымъ героямъ. Они идутъ дальше:

„Не все между мужчинами
 Отыскивать счастливаго,
 Послушаемъ-ка бабъ!“
 Рѣшили наши странники,
 И стали бабъ опрашивать.
 Въ селѣ Неготинѣ
 Сказали, какъ отрѣзали:
 У насъ такой не водится,
 А есть въ селѣ Клинку
 Корова холмогорская
 Не баба! Доброумнѣе
 И глаже бабы нѣтъ.

Сравненіе немного странное. Народъ коровой называетъ обыкновенно неуклюжую бабу.

Эта корова (въ крещеніи Матрена) принимаетъ ласково странниковъ, и узнавъ цѣль ихъ посѣщенія передаетъ имъ исторію своей жизни. Читатель ознакомится дальше съ ея разказомъ, но теперь бросимъ взглядъ на извѣстные уже намъ эпизоды народной поэмы, и спросимъ: для кого она написана?

„Всякій выходящій изъ народа, говоритъ г. Достоевскій, при самомъ маломъ даже образованіи пойметъ уже много у Некрасова. Но лишь при образованіи. Вопросъ о томъ пойметъ ли Некрасова теперь прямо весь народъ Русскій, безъ сомнѣнія вопросъ явно немислимый... Некрасовъ пока еще лишь поэтъ русской интеллигенціи, съ любовью и со страстію говорившій о народѣ и страданіяхъ его той же русской интеллигенціи. Не говорю о будущемъ. Въ будущемъ народъ отмѣтитъ Некрасова.“

Что касается русской интеллигенціи, то мы ссылаемся на всѣхъ имѣющихъ право занять мѣсто въ рядахъ людей образованныхъ и спрашиваемъ, отвѣчаетъ ли Некрасовъ ихъ понятіямъ объ искусствѣ? поразилъ ли онъ ихъ глубиною мысли, вѣрностью картины, и кто изъ нихъ прочелъ безъ отвращенія приведенныя строфы? Но по несложности мысли и по простотѣ изложенія мы полагаемъ что онѣ принадлежатъ къ числу тѣхъ именно произведеній которыя „пойметъ всякій выходящій изъ народа даже при самомъ маломъ образованіи“. Но чтожь дадутъ они народу? Что побудило бы народъ обогатить свою поэзію похожденіями фигляра выхваченныхъ изъ Французскихъ водевилей, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго, или факировъ одинаково ему чуждыхъ, и всей этой грязи, отъ которой онъ ищетъ убѣжища въ ятлѣхъ, какъ напиримѣръ разказами о сѣзжихъ домахъ, и сотскихъ, о дѣтяхъ съѣденныхъ свиньями, о просаженныхъ вилами бокахъ и наконецъ разсужденіями о предпочтеніи которое заслуживаетъ дранье Шалашникова надъ драньемъ сибирскихъ чиновниковъ? Какому чувству, какому сердечному порыву, какой духовной потребности откликнутся Некрасовскія вирши?

Возвращаемся къ Матренѣ. Она разсказываетъ странникамъ что жила душа въ душу со своимъ мужемъ Филиппомъ, который любилъ ее и не обижалъ, за исключеніемъ одного только раза, когда *хлопнулъ ее въ високъ*. Но буря разразилась неожиданно-негаданно надъ ихъ головами. Разъ подъ вечеръ свекоръ Матрены, вернувшись съ міровой ссорки, которая собиралась по поводу рекрутскаго набора, вошелъ въ избу съ такими словами:

Пропали мы, жена!

Гдѣ видано, гдѣ слыхано:

Давно ли взяли старшаго,

Теперь меньшаго дай!

Меньшой ли кто иной какъ Филиппушка

Я по годамъ высчитывалъ,
 Я міру въ ноги кланялся.
 Да міръ у насъ какой?
 Просилъ буржистра: божится,
 Что жалъ, да дѣлать нечего!
 И писара просилъ,
 Да правды изъ кошепки
 И топоромъ не вырубашь,
 Что тѣмъ изъ стѣны!
 Задаренъ... Всѣ задарены!"

Матрена лежа на печи слышитъ эти слова и предъ ней
 пржемелькнули грустныя картины ожидающія ее въ буду-
 щемъ.

. . . . . Голодные
 Стоять сиротки дѣвочки
 Передо мной... Неласково
 Глядитъ на нихъ семья.
 Охъ въ дому шумавыя,
 На улицѣ драчливыя,
 Обжоры за столомъ...
 И стали ихъ пощипывать,
 Въ головку покалечивать....
 Молчи, солдатка - мать!

. . . . .
 Теперь ужъ я не дольщица
 Участку деревенскому,
 Хорошему строеньицу,
 Одежѣ и скоту.
 Теперь одно богатство:
 Три озеръ напалакано
 Горючихъ слезъ, застѣано
 Три поясы бѣдой.

. . . . .
 Нѣтъ у солдатки-матери
 Во всемъ міру дружка!
 Съ кѣмъ думашку подумати?
 Съ кѣмъ словомъ перемолвиться?

. . . . .
 Получше нарядилась я,
 Пошла я въ церковь Божию,
 Смѣхъ слышу за собой!

. . . . .

Хорошо не одѣвайся,
 До бѣла не умывайся,
 У есѣдокъ очи зорки,
 Востры языки!
 Ходи улицей потише,
 Носи голову пониже,
 Коли весело не смѣйся,
 Не поплачь съ тоску!

Мы приступили къ разбору послѣдняго отрывка поэмы г. Некрасова съ надеждой что инстинктивное сознаніе народа которое поэтъ носилъ во глубинѣ души выльется помимо его воли изъ-подъ его пера; но что жъ мы видимъ въ этой первой картинѣ? Писарь подкупленъ чтобы вопреки совѣсти и права отнять мужа у жены, отца у дѣтей, послѣдняго сына у престарѣлыхъ родителей. Это не изолированный фактъ, не дѣло какого-нибудь одного мошенника, но беззаконіе совершается такъ - называемымъ *честнымъ міромъ*, и ни одинъ голосъ не протестуетъ противъ насилія и лжи. Отецъ кланяется міру въ ноги и на-поминаетъ что одинъ изъ сыновей уже подъ красною шалкой; старикъ проситъ не милости, онъ умоляетъ чтобы судили по-божески, чтобы пощадили его, не раздавили ради безпомощности, но міръ его давитъ, рѣжетъ безъ ножа. А будущая солдатка? Она знаетъ какая доля ожидаетъ ее. Безотрадныя грезы и преслѣдующія не что иное, подобно всѣмъ болѣзненнымъ грезамъ, какъ отраженіе интимныхъ чувствъ и понятій человека, свои понятія Матрена вынесла изъ жизненнаго опыта, изъ того что въ продолженіе всей жизни видѣла въ своей средѣ. Что же ей мерещится? Не столько мучить ее предстоящая разлука съ любимымъ мужемъ сколько преслѣдованія, оскорбленія, обиды, которыми ее подвергнетъ беззащитное положеніе. На голодныхъ ея сиротокъ сыплются брань и побои: семья упрекаетъ ихъ съѣденнымъ кускомъ. Ни отъ чужихъ, ни отъ своихъ бѣдная солдатка не слышитъ добраго слова, не встрѣчаетъ нигдѣ участія. Она живетъ что чужая среди мужниной родни; ей нѣтъ доли въ семейной собственности накопленной частію ея трудами и трудами мужа. Горемычная женщина идетъ въ церковь, пріютъ всегда открытый страждущимъ и сирымъ; ей хочется облегчить сердце слезами и молитвой; но и тутъ ее преслѣдуетъ обидный смѣхъ, и тутъ православный народъ издѣвается надъ ея горемъ.

На мірскихъ сходкахъ достаточно иногда одного нечестнаго голоса чтобъ увлечь за собой всѣ другіе голоса. Иному и стыдно вымолвить неправоe слово, но онъ вторитъ ему охотно когда другіе его произнесли; въ ихъ мнѣніи онъ ищетъ себѣ оправданія и заглушаетъ укоръ совѣсти. Но въ разказѣ Некрасова мы не видимъ даже эгоистическаго увлеченія, не видимъ чтобы люди желали обманывать свое честное чувство, что доказало бы по крайней мѣрѣ существованіе этого чувства. Тутъ просто хладнокровно задуманная и хладнокровно исполненная мошенническая штука: весь міръ *безъ исключенія* сговорился чтобы подкупить лисара, и собрался не для обсужденія дѣла, а для того только чтобы разыграть безбожную комедію, такъ какъ вопросъ былъ уже рѣшенъ впередъ. Допуская что у насъ есть цѣлая масса гдѣ нравственное чувство до такой степени погибло, мы на нихъ смотримъ какъ на исключенія, а поэтъ конечно не выбиралъ исключеній, — ими пробавляются одни школьники, — онъ изображалъ типы. Какое же изъ этого разказа можемъ мы вывести заключеніе о его взглядѣ на народъ? гдѣ та будто бы горячая любовь которою онъ будто бы постигъ „и красоту его, и силу его, и умъ его, и страдальческую кротость его?“

Что касается краснорѣчивой картины въ которой поэтъ описываетъ горькую участь солдатики, мы замѣтимъ что сиротская доля вообще не завидна, но неужели не нашлось бы во всемъ селѣ ни одной доброй души которая сказала бы: сироту приголубить, Богу свѣчу поставить? Неужели ничье сердце не сожмется надъ слезами бѣдной женщины? Или Некрасовъ никогда не видывалъ какъ провожали во время ѡно рекрута? Похороны потрясали не такъ болѣзненно душу. Молодцы стоявшіе на очереди ѣхали съ женами, матерями и отцами въ присутственное мѣсто: поселане шли за ними до околицы, и ни одна женщина, плакали даже мужчины. Въ присутствіи, лишь только роковое слово было произнесено, пощаженные судьбой кланялись въ ноги рекруту и одѣляли его деньгами. Между тѣмъ на селѣ народъ ожидалъ съ трепетомъ возвращенія своихъ. Всѣ отъ мала до велика стекались въ избу пострадавшаго семейства; его горе становилось общимъ горемъ и высказывалось тѣмъ скорбнымъ плачемъ которымъ провожаютъ покойника. Нѣтъ сомнѣнія что всѣ

эти подробности были коротко извѣстны Матренѣ, но какъ видно ихъ не зналъ поэтъ. Еслибы „печальникъ народнаго горя“ имѣлъ понятіе о томъ какъ совершалась нѣсколько лѣтъ тому назадъ страшная драма называемая рекрутскій наборъ, онъ не могъ бы допустить полнаго равнодушія нашихъ добрыхъ крестьянъ къ жентъ и дѣтямъ рекрута. Но онъ даже не ограничился равнодушіемъ: по его словамъ всѣ потѣшаются ихъ горемъ, глумятся надъ нимъ. Къ тому же не надо забывать что эти сироты, что эта безпомощная солдатка—жертвы беззаконія того же міра который издѣвается надъ ними, и что ихъ несчастье должно бы возбудить не только состраданіе, но и угрызеніе совѣсти въ людяхъ не утратившихъ вовсе человѣческаго чувства.

Если читатели интересуются судьбой Филиппа, мы можемъ имъ сказать что онъ въ солдаты не попалъ, благодаря губернатору который взялъ его подъ свое покровительство. Савокное лицо играетъ въ этомъ дѣлѣ довольно оригинальную роль, если мы вспомнимъ какъ безплощадно *жуза мести и печали* караеа отъ высоко поставленныхъ до самыхъ мелкихъ чиновниковъ, въ которыхъ видѣла притѣснителей честнаго народа. Теперь же оказывается, наоборотъ, что губернаторъ спасаетъ крестьянина отъ притѣсненій *честнаго міра*.

Много новаго, много неожиданнаго узнаемъ мы читая эту поэму. Изъ всей семьи Матрены къ ней былъ ласковъ лишь дѣдъ ея мужа, старикъ Савелій, тотъ самый драный богатырь который хвастался мастерски *выдѣланною шкурою*. Онъ провелъ двадцать лѣтъ на каторгѣ,—за какое преступленіе, мы увидимъ дальше,—столько же на поселеніи, гдѣ накопилъ денегъ, и по Царскому манифесту вернулся наконецъ на родину. Тутъ онъ пристроилъ къ семейной избѣ горенку, гдѣ поселился. Но его ожидала дома плачевная участь: ни отъ кого не слышалъ онъ добраго слова, и даже себѣ на него

..... „сердилась, даялась,
Его, „клеимыиъ, каторжныиъ“
Честилъ родной сынокъ.
Савелій не разсердился,
Уйдетъ въ свою свѣтелочку,
Читаешь святцы, крестится....“

Народъ не читалъ статей *Современника*, но онъ носилъ глубоко запечатлѣннымъ въ сердцахъ чувство милосердія, въ которое иные радятся какъ вороны въ лавины перья. Оно выразилось въ трогательномъ имени *несчастные*, которыми онъ называетъ преступниковъ. Когда они идутъ гремя цѣпами по городской улицѣ, къ ихъ ногамъ сыплются мѣдныя деньги, и народъ снимаетъ шапки чтобы перекреститься. Онъ помнитъ что лежащаго не бьютъ, онъ не оскорбляетъ жестокимъ словомъ *несчастныхъ*, а напутствуетъ ихъ подаваніемъ и молитвой. Богъ знаетъ какія преступленія лежатъ на ихъ совѣсти, можетъ-быть ихъ руки обгажены еще кровью, но они были предъ людскимъ судомъ, предъ судомъ Божіимъ, и ихъ видъ не возбуждаетъ ничего кромѣ состраданія. Мы это знаемъ, мы это видѣли, и разказъ Некрасова знакомитъ насъ съ совершенно новою чертой народнаго характера. Тутъ мы видимъ старика искупившаго свою вину сорокалѣтнимъ наказаніемъ. Онъ переноситъ безмолвно обиды, и когда сердце его слишкомъ наболитъ, то онъ становится на молитву и высказываетъ свое горе одному лишь Богу. Но его благочестіе и кротость не внушаютъ къ нему ни малѣйшаго участія, не трогаютъ никого. Даже родной *сынъ* *честилъ его клейменомъ и каторжнымъ*. Надо сказать однако что по словамъ самого Савелія онъ былъ принятъ радушно и ласково по своему возвращеніи въ родное село. Откуда же произошла неожиданная перемена въ обращеніи съ нимъ?

„Покуда были денежки—
Любили дѣда, хололаи,
Теперь въ глаза плюютъ!“

Слѣдовательно грубыя оскорбленія которыми онъ подвергался не могутъ быть даже объяснены сухостью проявляющеюся иногда въ людяхъ безукоризненныхъ, но непреклонныхъ и холодныхъ сердцемъ. Они встрѣчаются развѣ какъ исключенія въ Русскомъ народѣ который отличается большою душевною мягкостью, но какъ видно Некрасовъ не имѣлъ ихъ даже въ виду. Народъ описанный имъ любитъ и холитъ преступника пока пользуется его деньгами, а обобравъ его *плюетъ ему въ глаза*, и полпрекаетъ старымъ грѣхомъ. Мы знаемъ что г. Достоевскій общается безсмертіе поэту за его преклоненіе предъ *народною правдой*, но нельзя сказать чтобы въ разбираемой нами поэмѣ

эта правда проявилась, до сихъ поръ въ блестящемъ свѣтѣ. Можетъ-быть мы ее узнаемъ наконецъ изъ исторіи каюцагося грѣшника. Послушаемъ какъ онъ рассказываетъ Матренѣ свои похождения:

„Во времена досюльныя
Мы были тоже барскіе,
Да только ни помѣщиковъ
Ни Нѣмцовъ управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброкомъ не платили мы,
А такъ, когда разсудится,
Въ три года разъ пошлемъ.“
„Да какъ же такъ Савелѣйшкѣ?
„А были благодѣтельны
Такія времена
Не даромъ есть пословица
Что нашей-то сторонутки
Три года чортъ искалъ:
Кругомъ лѣса дремучія
Кругомъ болота топкія,
Ни конному проѣхать къ намъ,
Ни лѣшему пройти!
Помѣщикъ нашъ Шалашниковъ
Черезъ тропы звѣриныя
Съ полкомъ своимъ, военный былъ,
Къ намъ достигнута пробоваъ,
Да лыжи повернулъ!“

Изъ Гоголевскаго городка, по словамъ городничаго, „хоть три года скачи ни до какого государства не доѣдешь“, а здѣсь, наоборотъ, откуда ни скачи въ три года не доѣдешь до этого диковиннаго села. Народъ, какъ мы видѣли, пользовался выгодами его географическаго положенія, но г. Шалашникову пришлось наконецъ не по душѣ этотъ порядокъ вещей. Онъ обратился къ полиціи, которая нашаа средство добраться до заколдованнаго мѣста. Крестьяне были богаты.

—„Кулцами жили мы“

говоритъ Савелій; они подкупили медомъ и рыбой полицію. Немного погодя она возвратилась, и на этотъ разъ ее подкупили мѣхами. Тогда г. Шалашниковъ потребовалъ крестьянъ въ губернскій городъ гдѣ стоялъ со своимъ полкомъ.

Они надѣли *шанки реанья, худые армяки*, явились къ барину и стали разказывать о своихъ недостаткахъ:

„Не стааъ и разговаривать:
— „Эй, переки́на перваа!“
И началъ насъ пороты!
Туга мощна корежская!
Да стоекъ и Шашашиковъ:
Ужь азыки мѣшались,
Мозги ужъ потрясались,
Въ головушкахъ—дереть!
Укрѣла богатырская,
Не розги!... Дѣлать нечего!
Кричимъ: постой, дай срокъ!
Олучи распороли мы
И барину „лобакчиковъ“
Поль-шанки поднесли. .

Крестьяне возвратились домой всѣ недовольные, за исключеніемъ двухъ стариковъ; они показали, смѣясь, молодежи сто-рублевая бумажки которыхъ не выдали барину даже изъ-подъ розогъ:

„Какъ уперлись: мы нищіе,
Такъ тѣмъ и отбоарились!“
Подумалъ я тогда:
Ну, ладно жъ, черти сивые,
Впередъ не доведется вамъ
Смѣяться надо мной!
И прочимъ стало совѣстно,
На церковь побожился:
„Впередъ не посраимся мы,
Подъ розгами укрѣмъ!“

Ужь не здѣсь ли намъ искать народную правду? Крестьяне не знаютъ ни помѣщиковъ ни управляющихъ, некому ихъ притѣснять. Они разбогатѣли и живутъ какъ жили бы люди вольные, на чужой землѣ, за которую, по закону и по совѣсти, должны платить, такъ какъ пользуются ея доходами. Однако они не платятъ, подкупаютъ полицію, которая помогаетъ имъ мошенничать, и вынуждены наконецъ розгами внести оброкъ. Замѣчательно что никто не постыдился безчестнаго дѣла, но когда старики, обязанные подавать примѣръ молодежи, объявили что обманули окончательно барина, то Савелію

„И прочимъ стало совѣстно.

Тогда всѣ произносятъ предъ церковною клятву—въ чемъ же? Въ томъ что будутъ напередъ наживаться чужимъ добромъ, что будутъ безбожно лгать и обманывать. Оригинальное проявленіе благочестія! Наши крестьяне любятъ обѣты: иные обѣщаются ходить по богомолямъ, иные жить въ смирении, другіе отказываться отъ вина; но кто когда слышалъ чтобы народъ православный давалъ предъ церквами клятву воровать и мошенничать? Мы не знаемъ насколько такой обѣтъ былъ уважителенъ въ глазахъ поэта, но убѣждены что русскій мужичокъ назвалъ бы его кощунствомъ.

Возвращаемся къ разказу Саведія. Православные сдержали свято обѣщаніе данное Богу, и какъ ни дралъ ихъ Шалашиковъ, они лишь изрядка потѣшдали его бездѣльной платой. Наконецъ онъ умеръ, и наотвѣдикъ его прислалъ въ село Нѣмца-управляющаго, который принялся искусно за дѣло. Онъ дралъ крестьянъ, морилъ ихъ на работѣ и разорялъ. Цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ терпѣли они его притѣсненія и выбились наконецъ изъ силъ. Онъ велѣлъ имъ рыть колодезь: девять человѣкъ принялись за лопаты и выкопали довольно глубокую яму. Нѣмецъ пришелъ взглянуть на работу и сталъ бранить мужиковъ за ихъ лѣнь.

„Случилось я легонечко
Толкнулъ его плечомъ,
Потомъ другой толкнулъ его
И третій... мы погрузились...
До ямы два шага...
Мы слова не промолвили,
Другъ другу не глядѣли мы
Въ глаза... а всей гурьбой
Христьяна Христіанчы
Потакивали бережно
Все къ ямѣ... все на край...
И Нѣмецъ въ яму бухнулся,
Кричить: веревку! лѣстницу!
Мы девятью лопатами
Отвѣтили ему.
„Наддай! я слово выронилъ“,—
Подъ слово люди русскіе
Работаютъ дружныѣ—
„Наддай! наддай!“ Такъ наддали

Что змы саовно не было—
Сравнялася съ землею!

Ужели этотъ эпизодъ принадлежитъ исторіи Русскаго народа? Еслибы поэма г. Некрасова явилась въ свѣтъ немного позднѣе, мы подумали бы что онъ выписалъ ее цѣликомъ изъ современныхъ журналовъ которые разказываютъ какъ Турки зарываютъ живыхъ людей въ землю. На эти разказы нашъ народъ откликнулся крикомъ ужаса. Варварства совершенныя Турками поразили его какъ что-то неслыханное, немислимое, несбыточное; и кто слышалъ чтобы даже въ порывѣ законной мести, даже при видѣ изуверческихъ труловъ своихъ братій, наши солдаты истязали палачей или зарывали ихъ живыми въ землю. А когда Турки, — которые оказались не милосерднѣе Некрасовскаго Нѣмца, — попадали въ плѣнъ, то злоба возбужденная ими умолкала, и они были поражены заявленіями состраданія къ ихъ участи и добродушіемъ солдата. Будущій историкъ послѣдней войны приведетъ по этому поводу много трогательныхъ эпизодовъ. Не намъ заступаться противъ Некрасова за поруганный имъ народъ; пускай заступаются за него эти самые Турки, испытавшіе надъ собой всю его гуманность, всю сердечную мягкость. Пускай они уличаютъ „русскаго народнаго поэта“ въ неправдѣ и клеветѣ, пусть они скажутъ ему что русскій человѣкъ (говоря вообще) можетъ въ минуту необузданнаго гнѣва убить своего мучителя, а не способенъ хладнокровно зарыть его живаго въ землю.

Но что скажетъ этотъ народъ который долженъ по словамъ г. Достоевскаго отмѣтить современемъ г. Некрасова, что скажетъ онъ когда узнаетъ что *его поэтъ*, что *печальникъ его гора* поставилъ его не содрогнувшись на одномъ ряду съ варварами совершившими всѣ ужасы отъ которыхъ не оломился еще крещеный міръ?

Не даромъ говорятъ однако что въ семьѣ не безъ уroda, и вѣроятно есть каторжники полавшіе въ Сибирь за продолки подобныя тѣмъ какія разказываетъ Некрасовъ. Ужь не надъ этими ли людьми изучалъ онъ *народную правду*? Мы попросимъ читателей замѣтить что въ своей поэмѣ онъ показалъ намъ не отдѣльныя лица, но цѣлыя три

села и совокупныя дѣйствія каждаго изъ нихъ. Въ первомъ освобожденные уже крестьяне ломаются предъ помѣщикомъ, кланяются до земли, поютъ холоцкіе гимны, и противъ этой отвратительной комедіи протестуетъ лишь одинъ герой Агапъ. Въ другомъ селѣ крестьяне подкупаютъ писаря чтобы логубить ихъ же брата, и готовятся преслѣдовать безжалостно осиротѣвшее семейство ихъ жертвы. Наконецъ, хотя театромъ исторіи Савелія было то же самое село въ которомъ живетъ Матрена, авторъ ознакомилъ насъ съ новыми еще людьми, такъ какъ Савелій передаетъ событія послѣ которыхъ протекло около полустолѣтія. Тутъ мы видимъ опять единодушное мошенничество всего населенія, единодушно произнесенную безсовѣстную клятву и наконецъ вѣрскую месть совершенную надъ Нѣмцемъ. На это послѣднее дѣло мы должны смотрѣть также какъ на подвигъ цѣлаго села. Надъ колодеземъ работали девять человѣкъ; еслибъ они сговорились впередъ зарыть управляющаго въ землю, то мы могли бы подумать что варваръ замыслившій о томъ первый зналъ въ комъ найдетъ себѣ сообщниковъ и обратился къ нимъ. Но преступленіе не было задумано впередъ, оно совершилось экспромптомъ, а Нѣмецъ, посылая девять человѣкъ на работу, не хлопоталъ о томъ чтобы назначать именно самыхъ бездушныхъ, такъ какъ этого не требовалось для копанія колодезя, и трудно предположить что его выборъ палъ случайно на единственныхъ девять злодѣевъ села. Самыя первоначальныя попятія логически протестуютъ противъ подобнаго вывода и приводятъ насъ къ заключенію что вся мѣстность была населена злодѣями. Замѣчательно также что разказъ старика не изумилъ ни мало Матрену. Выслушавъ исторію Нѣмца она просто спрашиваетъ:

— Что жъ дальше?

Для нея также естественно зарыть живаго въ землю какъ вѣсть бичны на масляницѣ.

Если читатель подведетъ итогъ свѣдѣніямъ которыя почерпнулъ о народѣ изъ поэмы Некрасова, то скажетъ вѣроятно съ глубокимъ убѣжденіемъ то что говорить богатырь Савелій въ припадкѣ горькой ироніи:

„Мужикамъ три дороги:
Кабакъ, острогъ да каторга“.

Дѣйствительно, было бы довольно трудно отыскать четвертый путь для героевъ вослѣдующихъ поэтомъ.

Дѣло въ томъ что народность поэзіи Некрасова не была правдой. Это была поддѣлка. Когда поэтъ былъ подтянутъ и застегнутъ, то-есть, когда онъ, говоря словами г. Антоновича, „творилъ холодно, обдуманно и строго тщательно, съ опредѣленною, напередъ намѣченною цѣлью“, онъ выдѣлывалъ изъ народа, хотя не всегда вѣрные, но казистыя фигурки. Но невозможно требовать отъ человѣка постоянной обдуманности. Приходятъ минуты забвенія, минуты безсознательности, когда поддѣлка уступаетъ правдѣ, актеръ человѣку. Подъ вліяніемъ такихъ минутъ Некрасовъ не могъ видѣть и не могъ догадываться что колоритъ его картинъ быстро мѣняется, что вмѣсто трогательныхъ сценъ, вмѣсто хорошихъ крестьянъ, являлись предъ публикой люди которые предстоятъ лишь три дороги:

„Кабакъ, острогъ да каторга.“

Актеръ не выдержалъ роли...

Т. ТОЛЫЧЕВА.

РАЗКАЗЫ БАБУШКИ *

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЯТИ ПОКОЛѢНІЙ

ЗАПИСАННЫЕ И СОБРАННЫЕ ЕЯ ВНУКОМЪ

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Въ 1798 или 1799 году, батюшка продалъ свой старый домъ и купилъ другой, каменный, прекрасный, на Zubovskomъ бульварѣ. Этотъ домъ принадлежалъ прежде графу Толстому, человѣку очень богатому, который въ одно время выстроилъ два совершенно одинаковые дома: одинъ у себя въ деревнѣ, а другой, въ Москвѣ. Оба дома были отдѣланы совершенно однимъ манеромъ: обои, мебель, словомъ все какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ. Это для того чтобы при переездѣ изъ Москвы въ деревню не чувствовать никакой перемѣны.

Батюшка отдѣлалъ свой домъ тогдашнему очень хорошо: въ одной гостиной мебель была бѣлая съ золотомъ, обита голубымъ штофомъ, а въ другой вся золоченая, обита шпалернымъ пестрымъ ковромъ на манеръ гобленовыхъ издѣлій, цвѣты букетами и птицы: очень было это хорошо. Вездѣ были люстры съ хрусталами и столы съ

---

* См. *Русскіе Вѣстники* № 35 и 45 1878 года.

мраморными накладками. Въ саду были фонтаны, оранжерея и большой грунтовый сарай.

Соотвѣтственно дому батюшка захотѣлъ чтобъ и весь обиходъ домашній былъ лучше и потому заказалъ серебряный новый сервизъ; фарфоръ и хрусталь, все было прекрасное и все это скоро было обновлено къ свадьбѣ сестры Александры Петровны. Она выходила за князя Николая Семеновича Вяземскаго. Онъ былъ полковникъ въ отставкѣ, при взятіи Очакова былъ раненъ пулею въ бокъ; и странно: пуля осталась не вынутою и лѣтъ черезъ пятнадцать спустилась и ее вырѣзывали изъ ноги. Онъ былъ лѣтъ на десять старше сестры; собою не дуракъ, но вслѣдствіе контузіи немного глупъ. Его отецъ, князь Семенъ Ивановичъ, былъ женатъ на Ковериной, а какъ ее звали не знаю. Были еще два брата: князь Василій и князь Юрій Семеновичи и сестра княжна Дарья Семеновна, которую я знала и которая умерла въ 1859 или 1860 году. Можетъ-быть и еще были сестры, но этого навѣрно не знаю.

Свадьба была опять у батюшки въ домѣ, а такъ какъ у жениха не было своего собственнаго дома въ Москвѣ, то и послѣ свадьбы первое время молодые жили у батюшки и потомъ лѣхали въ деревню.

Князь Николай Семеновичъ былъ добрый и честный человѣкъ, но по характеру самый несносимый: преупрямый и прѣбшанный, и что въ особенности для его жены было тяжело, разсердиться и нѣсколько дней молчать, ни слова не скажетъ. Она и такъ и слѣзъ заговариваетъ: молчать, ни слова. Наконецъ самому ставетъ совѣстно что капризничаетъ изъ-за пустяковъ, чувствуетъ это, а признаться не хочется. Тутъ сестра иначаетъ разказывать что-нибудь смѣшное, онъ расхохочется и все пройдетъ. А то иногда, когда разсердится, уйдетъ къ себѣ и все спитъ: придутъ звать къ обѣду, придетъ, отобѣдаетъ молча и опять спать и не выходить изъ кабинета. Вотъ пріѣдемъ мы съ мужемъ, сестра и говоритъ мнѣ: „А князь Николай Семеновичъ опять все спитъ.“ Это значить что онъ не въ духѣ и сердится. „Пожалуста сестра, сходи растереби его.“ Вотъ и пойду я къ нему: „Николай Семеновичъ, мы пріѣхали къ тебѣ въ гости, сестра тебя зоветъ, пойдемъ.“ Молчать. Придетъ сестра и возьмемъ мы его подъ руки, да насилау и подыдемъ. „Ха-ха-ха“, громко захохочетъ онъ, и все

его сердце пройдетъ. Былъ онъ еще очень скупъ и эта скупость была иногда причиною досады: нужно что-нибудь купить для дома, не покупаетъ; сестра пристаётъ: „купи“. Купить и дается потомъ въсколько дней что купить. Престрашный былъ человекъ. Сердцемъ былъ предобрый, а характеръ имѣлъ самый непріятный.

Вскорѣ послѣ женитьбы Вяземскій купилъ себѣ домъ на Пречистенкѣ, на углу переулка, наискосокъ съ домомъ бывшимъ) Всеволожскаго.

Однажды утромъ сижу я у сестры,—это было въ 1801 году, 14 или 15 марта,—входитъ ея дворецкій и говоритъ намъ вполголоса что онъ только-что возвратился съ торга и что носится слухъ что въ ночь на 12 марта государя не стало, что онъ скончался.

Мы не повѣрили и сказали дворецкому чтобъ онъ молчалъ, не говорилъ глупостей и не разглашалъ можетъ-быть ложнаго слуха, что можетъ отъ этого быть для него бѣда. Немного погодя приходитъ князь Николай Семеновичъ откуда-то возвратившійся и тоже шепчетъ намъ:

— Говорятъ, государь скончался.

Къ обѣду пріѣхалъ и мой мужъ и съ тѣмъ же извѣстіемъ... Мы все еще не вѣримъ; наконецъ стали разносить повѣстку чтобы собирались въ соборъ для присяги, ну тутъ мы уже перестали сомнѣваться.

Въ то время извѣстія не могли доходить въ Москву какъ теперь, потому что не было телеграфовъ, и хотя курьеры и ѣздили скоро, но все-таки извѣстія достигали чрезъ двое сутокъ на третьи.

II.

Все лѣто 1801 года мы прожили въ нашей подмосковной и положили въ августѣ ѣхать въ нашу тамбовскую деревню. Къ намъ пріѣзжали погостить сперва молодые наши Вяземскіе, а потомъ батюшка и сестры, и очень насъ уговаривали чтобы мы дождались коронаціи которая была назначена въ началѣ сентября, однако мы рѣшились ѣхать. *

---

* Всѣ эти поѣздки я могъ потому такъ подробно изложить что сохранилась собственноручная тетрадь моего дѣда, ею я и руководствовался чтобы полнѣе передать устные рассказы бабушки. *Вукъ.*

Августа 10го мы выѣхали изъ деревни въ Москву и тамъ пробыли до 14го. Въ этотъ день, въ шесть часовъ утра, выѣхали изъ Москвы, и 16, въ четыре часа послѣ обѣда, пріѣхали въ село Петрово къ моему дѣверю Николаю Александровичу Янькову.

Онъ былъ женатъ на Федосѣ Андреевѣ Зыбиной которая годомъ или двумя была моложе меня; женился онъ за годъ до своего старшаго брата. Невѣстка моя была добрая женщина, очень благочестивая, но совершенно безо всякаго воспитанія даже и по нашему времени. Она была бѣдная дворянка которую пригрѣли Долгоруковы, и они-то и спихнули ее съ рукъ за Янькова. Онъ былъ очень добрый, но и очень ограниченный человѣкъ, и вдобавокъ небольшого роста и весьма кривобокъ, такъ что онъ и не могъ разчитывать на болѣе выгодную женитьбу и рисковалъ жениться на дѣвушкѣ которая пошла бы за него изъ-за его имѣнія, и можетъ-быть сдѣлала бы его несчастливѣе, или бы совершенно разорила. Такіе примѣры бывали и въ наше время.

Яньковы жили въ старомъ домѣ, гдѣ жилали ихъ дѣдъ и отецъ, домъ былъ ветхъ и содержанъ не по-барски, довольно неопрятно и мы оба, и мой мужъ и я, были этимъ очень поражены. Сосѣди были тоже престранные и совершенно долотолапы и безо всякаго воспитанія и умѣнія жить. Одни только и пришли мнѣ по мысли: верстахъ въ 40 отъ нихъ въ селѣ Михайловскомъ жилъ Вилимъ Денисовичъ Ридеръ, отставной генералъ, вдовецъ и у него была дочь Агаѣя Вилимовна, молодая дѣвушка. Она была не дурна собою, хорошо воспитана, очень умная и милая. Тутъ я съ нею и познакомилась; потомъ она была замужемъ за Кротковымъ Степаномъ Степановичемъ, очень богатымъ человѣкомъ.

Прогостивъ у Яньковыхъ болѣе недѣли, мы поѣхали далѣе, останавливались въ нашемъ вековомъ имѣніи и на слѣдующій день пріѣхали ночевать въ Епифань. Городокъ довольно раскинутый, но болѣе похожій на деревню чѣмъ на городъ: дома все деревянные, есть и крытые соломой, церкви тоже деревянные, исключая двухъ каменныхъ, вообще городишко очень невзрачный.

Выѣхавъ рано утромъ по Ефремовской дорогѣ, мы три раза переезжали черезъ Донъ по очень дурнымъ мостамъ которые вообще въ той мѣстности ужасные; и были крутыя

горы и дорога очень дурная, такъ что мы отъѣхали не болѣе 50 верстъ и ночевали. На слѣдующій день обѣдали у моей золовки въ деревнѣ, въ селѣ Телаомѣ, и не доѣхавъ до Лебедави 8 верстъ остановились ночевать.

На слѣдующій день мы проѣхали рано утромъ чрезъ Лебедави, городъ гдѣ бываетъ нѣсколько армарокъ, больше лошадиныхъ. Городъ тоже показался мнѣ плоховать, но соборъ каменный повидимому хорошъ.

¶ Ночевать мы въ этотъ день пріѣхали въ Лилецкъ, нашъ уѣздный городъ. Мы слѣшили добраться поскорѣе до мѣста, и потому ранехонько утромъ, не осматривая города, поѣхали къ себѣ въ деревню Аяино, въ 40 верстахъ отъ города; обились съ дороги, воротились назадъ и наконецъ пріѣхали благополучно къ себѣ въ имѣніе.

Сельце Аяино, такъ названное въ честь моей свекрови Аяны Ивановны, при нашемъ пріѣздѣ почти никакой не имѣло усадьбы, и намъ приходилось строиться и устраиваться. Первое время мы жили въ банѣ: мой мужъ, я и наши четыре дѣвочки: Груша, Аяночка, Сонюшка и Клеопатра. Эти годы проведенные нами въ тамбовской деревнѣ были для меня тяжелымъ временемъ: мы жили въ тѣсотѣ и съ дѣтьми у которыхъ едѣлася кокашуть; докторовъ по близости не было, а и тѣ которые были, оказались очень плохими.

Ближайшими нашими сосѣдами было семейство Бурцевыхъ: Петръ Тимоѣевичъ и Екатерина Дмитриевна и ихъ дочери Александра Петровна за Александровымъ и Аполлѣварія Петровна за Бартеневымъ, * люди добрые, честные и благочестивые, которымъ мы многимъ обязаны были въ первое время нашего жительства въ неустроенномъ нашемъ имѣніи.

Дмитрій Александровичъ, хозяинъ еще знковъ и притомъ въ совершенно незнакомой мѣстности, часто прибѣгалъ къ совѣтамъ этого опытнаго человѣка, а во время нашей стройки Бурцевы не разъ ссужали насъ и деньгами. Екатерина Дмитриевна была хорошая хозяйка, опытная, добрая жена и прекрасная мать.

Въ 1802 году, въ половинѣ января, Дмитрій Александровичъ поѣхалъ въ Москву одинъ, а я съ дѣтьми осталась

* Отцомъ издателя *Русскаго Архива* П. И. Бартенева.

въ деревнѣ и въ скоромъ времени послѣ отъѣзда мужа была обрадована неожиданнымъ пріѣздомъ батюшки. Это было въ началѣ февраля. Но эта радость обратилась мнѣ въ великое горе: батюшка оласно занемогъ, у него сдѣлалось воспламенение легкихъ. Докторовъ по близости не было и потому посылали въ Козловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ я писала къ мужу и къ брату Николаю Петровичу въ Москву. Письмо мое застало обоихъ въ Москвѣ 23го февраля. На другой день они взяли подорожную и отправились вдвоемъ, пріѣхали къ намъ на третьи сутки и назвали что батюшкѣ, слава Богу, лучше.

Очень настрадалась я душой во время батюшкиной болѣзни, хотя и сама была не совсѣмъ здорова, потому что была при послѣднемъ мѣсяцѣ тягости, и въ самое Вербное Воскресенье, апрѣля 6го, родила дочь Елизавету, которую батюшка и Екатерина Дмитриевна Бурцева и крестили въ день Пасхи, апрѣля 13го.

Батюшка дождался просухи и тогда отъ насъ лоѣхалъ, волей-неволей прогостивъ у насъ слишкомъ три мѣсяца.

Въ концѣ мая Дмитрій Александровичъ ѣздивъ въ Москву одинъ, и проѣздивъ около мѣсяца, а у меня въ это время гостили сестры и лоѣхали въ июлѣ обратно къ батюшкѣ въ Покровское.

Въ концѣ сентября, въ 20 числахъ, мы тоже собрались побывать у батюшки въ Покровскомъ, что отъ нашей деревни 220 верстъ. Мы отправились съ мужемъ и съ тремя старшими дѣвочками, Грушей, Анячкой и Сонюшкой, въ большой линейкѣ, и пріѣхавъ ночевать въ Лилецкѣ, остановились въ домѣ Курганова. На утро мы осматривали городъ, который я еще не видывала. Городъ совершенно еще новый, основанный при Петрѣ I, раскиданъ по горамъ; мѣстность красива; каменный соборъ очень хорошъ, тогда только-что отдѣланъ. Здѣсь минеральныя желѣзныя воды, которыя своими врачебными свойствами не уступаютъ, говорятъ, заграничнымъ; кое-кто лѣтомъ начинали пріѣзжать; собирались выстроить галлерею и залу для лѣющихъ воды.

Тутъ были, оказываютъ, желѣзные заводы устроенныя Петромъ I, съ которыхъ доставлялись нужныя вещи по близости въ Воронежъ, когда тамъ собирали корабли. При императрицѣ Елисаветѣ эти заводы были пожалованы какому-то князю Репнину, а при покойной государынѣ (Ека-

терія II) опять куплены въ казну. Жителей немного, но все-таки считаютъ что тысячъ около семи есть или немного менѣе.

Мы выѣхали изъ Лилецка поутру, обѣдали въ селѣ Ку-мани, а къ вечеру пріѣхали въ Лебедавъ и тамъ ночевали. При въѣздѣ въ городъ очень крутая и каменная гора. По случаю открытія ярмарки торгующіе начинали уже съѣзжаться, и чтобъ имѣть понятіе объ этой ярмаркѣ, мы провели въ городѣ цѣлый день. Ряды большею частию деревянные, но есть и каменные лавки, это они называютъ гостиный дворъ. Торгующіе пріѣзжаютъ изъ разныхъ мѣстъ: изъ Москвы привозятъ шерстяной и шелковый товаръ, чай, сахаръ и другую домашнюю провизію, которую господа пріѣзжаютъ закупать. Была какая-то торговка-Француженка, мадамъ, съ моднымъ старьемъ которое въ Москвѣ уже не носятъ: наколки и шляпы преужасныя съ перьями, съ лентами и цвѣтами, точно вербы; и все это втридорога. Купечеству эта ярмарка праздникъ: и жены и дочери ихъ, разодѣтыя въ шелкъ и бархатъ, въ жемчугахъ, брилліантахъ, сидятъ у входа лавокъ и вереницей свуютъ взадъ и впередъ по ярмаркѣ, высматривая себѣ жениховъ. Много помѣщиковъ, барышниковъ и Цыганъ толпятся тамъ гдѣ выводка лошадей которыхъ пригоняютъ табунами: какихъ только тутъ нѣтъ породъ и мастей!

Въ этотъ разъ были балаганы и кукольная комедія, куда мы водили дѣтей, и они очень этимъ утѣшались.

На другой день мы ночевали въ селѣ Шиловъ, а на слѣдующій пріѣхали обѣдать въ Ефремовъ. Городъ очень плохенькій, выстроенный какъ-то не по-людски, а просто по-татарски въ разбродъ: куда какой домъ юпалъ, тамъ и стоитъ: гдѣ лицомъ повернуть, гдѣ иначе. Улицы и площади немощенныя, прегрязныя и претолкія; дома гдѣ деревянные, гдѣ мазанки, и много кровель соломенныхъ. Можетъ статься что теперь, чрезъ шестьдесятъ лѣтъ, онъ улучшился, а тогда былъ претошный городишка. Ночевали мы въ селѣ Овечьи Воды и, выѣхавъ оттуда рано поутру, прибыли наконецъ въ село Покровское. Это было 28го сентября.

Батюшки мы не нашли дома, онъ съ сестрами еще не возвращался изъ Боброва; братъ Николай Петровичъ одинъ былъ въ Покровскомъ и очень намъ обрадовался. На слѣдующій день поздно вечеромъ возвратился и батюшка, и

такъ мы всѣ вмѣстѣ встрѣтили праздникъ Покрова и прогостили еще съ недѣлю.

На возвратномъ пути къ себѣ мы расположились ѣхать другою дорогою, верстѣ на 20 подалѣе, чтобы заѣхать въ Задовскъ поклониться праху преосвященнаго Тихона, жившаго тамъ лѣтъ двадцать предъ тѣмъ на покое и тамъ скончавшагося. Батюшка съ нами былъ лично знакомъ и очень чтилъ его память, а дядюшка графъ Степанъ Федоровичъ былъ съ нами очень друженъ и имѣлъ переписку.

Батюшка предложилъ намъ отправить впередъ нашихъ лошадей на первую станцію въ Овечьи Воды, а самимъ ѣхать на слѣдующій день на его лошадахъ, что мы и сдѣлали: нашихъ лошадей отправили 5го числа, а сами отъ батюшки поѣхали 6го октября. Отобѣдавъ въ селѣ Овечьи Воды, мы перемѣнили лошадей и отправились далѣе, пріѣхали ночевать въ Ефремовъ, а на утро выѣхали очень рано при лунномъ свѣтѣ; на дорогѣ въ одномъ селеніи останавливались кормить лошадей и обѣдать, и къ вечеру пріѣхали въ Елецъ. Городъ очень приглядный, только при въѣздѣ весьма крутая гора и другая при въѣздѣ, но гораздо отаже.

Изъ Ельца мы выѣхали въ 8 часовъ утра и пріѣхали въ Задовскъ во второмъ часу дня: противъ города переѣхали по мосту черезъ Долю и остановились въ монастырской гостиницѣ въ самомъ городѣ.

Монастырь, говорятъ, древній, но сперва былъ весь деревянный и сгорѣлъ; при императрицѣ Аннѣ стали его перестраивать изъ камня и отдѣлывать. Въ особенности этотъ монастырь началъ прославляться когда въ немъ жилъ на покое великій подвижникъ и служитель Господень, преосвященный Тихонъ, къ которому стекалось множество богомольцевъ отовсюду за благословеніемъ. Онъ былъ удивительно кротокъ, и столько же своими поученіями сколько и примѣромъ добродѣтельной жизни служилъ назиданіемъ для приходившихъ къ нему. Келія его была самая убогая, одежда грубая, и лица скудная и простая. Онъ скончался на моей памяти, и Господь сподобилъ меня слышать о прославленіи его нетлѣнныхъ мощей. И въ то время были уже изслѣденія отъ его могилы, но мощи не были еще свидѣтельствованы, и по немъ служили ланнихиды. День его тезоименитства былъ 16го мая, а преставился онъ 13го августа 1783 года.

Кромѣ того здѣсь погребены игуменъ обители Евсеій, жившій въ давнее время, и схимонахъ Митрофанъ, скончавшійся 27го февраля въ 1790 году. И тотъ, и другой оставили по себѣ хорошую память какъ великіе подвижники проводившіе праведную жизнь.

Весь этотъ день мы провели въ Задонскѣ и были въ церкви у службы; настоятелемъ былъ тогда архимандритъ Тимоѣей.

Городъ этотъ потому былъ названъ Задонскомъ что отъ Москвы онъ находится ле ту сторону Дона, это еще молодой городъ которому едва сто лѣтъ; монастырь давнишній, а городъ одного времени съ Липецкомъ, и тамъ, и здѣсь были при Петрѣ желѣзные и пушечные заводы.

Ночевали мы въ Боренскихъ заводахъ, которые тогда приходили уже въ упадокъ, потому что все было деревянное, а лѣсъ тамъ выводился и сталъ дорогъ.

На слѣдующій день проѣхали чрезъ Липецкъ не останавливаясь, обѣдали въ бывшемъ когда-то и потомъ упраздненномъ городкѣ Сокольскѣ, и тамъ отобѣдавъ пріѣхали къ себѣ въ деревню 10го октября.

III.

Въ 1803 году, въ январѣ мѣсяцѣ, ѣздила въ Москву Дмитрій Александровичъ одинъ и возвратился 20го февраля. Во время его отсутствія, 24го января умерла моя меньшая дѣвочка Лизанька, и тутъ мнѣ много оказала участія добрая наша соседка Катерина Дмитриевна Бурцева: я была и сама нездорова, и всѣ дѣти хворали, и она ѣздила и хоронила мою дѣвочку въ селѣ Грязяхъ, отъ насъ двѣ версты. Такое живое участіе никогда не забывается; много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а очень я помню всѣ леченія обо мнѣ Екатериной Дмитриевной.

Скажу къ слову о нашемъ причтѣ. Въ первое время, какъ мы пріѣхали въ эту деревню, я и вздумала послать къ священнику просить его отслужить у насъ на дому всенощную подъ какой-то большой праздникъ. Каково же мое было удивленіе: священникъ приходитъ въ валенкахъ, а діаконъ и дьячекъ въ лаптяхъ и въ превосючихъ тулупахъ. Сначала я это терпѣла, хотя бывало послѣ нихъ, не закуришь

ничѣмъ, а полы хоть мой; потомъ это мнѣ надоѣло и я велѣла сшить всѣмъ тремъ сагоги и имъ подарила. Надобно было видѣть ихъ радость: ужъ такъ я ихъ этимъ утѣшила.

Сосѣди, кромѣ Бурцевыхъ, были все однодворцы и мелкіе помѣщики, не лучше однодворцевъ. Верстахъ въ двадцати отъ насъ жило семейство Бершовыхъ, которые у насъ бывали. Состояныице у нихъ было очень небольшое, и барыня сама хаживала со своими домашними на работы. Звали ее Матрена, какъ по батюшкѣ и не ломаю. „Вотъ, матушка“, разказывала она мнѣ, „какъ макъ-то поспѣетъ, засучимъ мы свои подолаы, подвяжемъ и пойдемъ макъ отряхать: я иду впередъ, а за мною по бокамъ мои дѣвки и живо всю десятину отхватаетъ.“

Разъ на перелутьи изъ деревни нашей въ Лилецкѣ заѣхали мы къ Бершовымъ, пошли въ садъ. Это было въ концѣ августа. Хозяйкѣ захотѣлось моихъ дѣтей угостить яблоками, которыя не были еще сняты. За нами бѣжало съ дюжины полуоборванныхъ босовогихъ дворовыхъ дѣвченокъ.

— Эй, Машка, Дашка, Оенька, крикнула хозяйка, — полѣзайте на деревья, нарвите поспѣлые яблочекъ. Дѣвочки какъ-то позамаялись, вылучили глаза и не знаютъ какъ имъ дѣлать...

— Чего вы смотрите, мерзавки, прикрикнула на нихъ Бершова, живо полѣзайте: холопки, лакошницы, а туда же робѣютъ... подлая...

— Чтò ты, матушка, какъ ихъ не хорошо бранишь, говорю я ей, — и въ особенности при дѣтяхъ...

— Ахъ, матушка, говоритъ Бершова, — чего на нихъ глядѣть-то, развѣ это люди чтò ль, — тварь, просто сволочь... вѣдь это я люблю ихъ...

А добрая была женщина, да ужъ очень дубовата; бывало такіа слова употребляетъ при моихъ дѣтяхъ что иногда отъ стыда огорить. Я все ее останавливала и оговаривала, того и гляжу что мои дѣвочки подцѣляютъ какое-нибудь у ней слово, срамъ будетъ... Потомъ она стала при мнѣ остерегаться, перестала говорить бранныя слова. А кому-то на меня жаловалась, говорить: „Какая Елизавета Петровна спѣсивая барыня, все политику наблюдаетъ, оговариваетъ меня что я говорю спросту, не по приворному...“

Ужь куда по придворному, иногда совсѣмъ по площадному.

Деревенька въ которой жили Бершovy была издавна въ ихъ родѣ, можетъ-статься лѣтъ сто или болѣе. Въ той мѣстности лѣсъ очень дорогъ, не то что строевой, и дровяной за рѣдкость: топятъ жгутами изъ соломы, а то и просто навезомъ. Вотъ дѣдушка Бершова, догадливый хозяинъ, что же придумалъ; каждый годъ по двѣ десятины засаживалъ ивовыми кольями; они легко принимаются и въ особенности на хорошей черноземной землѣ, какъ тамъ. Итакъ засадилъ онъ что-то много десятинъ, сынъ его не трогалъ этихъ деревьевъ, а внукъ дождавшись времени бралъ потомъ большія деньги за хорошія дрова.

Неподалеку отъ этихъ Бершовыхъ жилъ одинъ одноворецъ, который промышлялъ рыбой, ловилъ ее въ рѣкахъ и потомъ куда-то возилъ продавать. Онъ и у насъ въ рѣкѣ Матырѣ, предъ домомъ, лавивалъ излола, съ нашего согласія, и потому иногда бывалъ у Дмитрія Александровича по дѣлу. Однажды онъ и предлагаетъ моему мужу: „Александрычъ“ такъ онъ его называлъ, у тебя сказываютъ вишь, есть некошная* дѣвка, льянчуга и воровка, съ которою тебѣ только одна докука, продай ты мнѣ ее, а тебѣ хорошія за нее дамъ деньги.“

— Ну, а сколько, напримѣръ? спрашиваетъ мужъ.

— Да ежели чистогадомъ—деньгами, такъ двадцать пять рублей, а коли хоть на рыбу смѣняться, такъ рыбы дамъ тебѣ на пятьдесятъ рублей.

Эта дѣвка точно была предьянная: льяница, воровка, убѣжить безъ паспорта, накрадетъ гдѣ-нибудь, попадется за кражу, сидитъ въ острогѣ, потомъ ее выпустятъ и къ намъ по эталу пришаютъ. Держать у себя ее опасно было, и мы не знали что намъ съ нею и дѣлать. Дмитрій Александровичъ не разъ говаривалъ:

— Грѣшно, а желалъ бы чтобъ она чего-нибудь побольше накрала и чтобъ ее совсѣмъ сослали, намъ бы руки развязали...

Вотъ, какъ одноворецъ вызвался ее купить у насъ, мужъ и приходитъ ко мнѣ посовѣтоваться и рассказываетъ что за нее даютъ или 25 рублей деньгами, или рыбы на 50 рублей...

* То-есть негодная.

Я и говорю ему: „Ты ужь лучше возьми деньгами, а то это какъ-то ужасно подумать что мы дѣвку промѣняли на рыбу, это и кусокъ въ горло не пойдетъ.“ Такъ за дѣвку и взяли мы 25 рублей и отъ нея избавились.

Наши сосѣди-однودворцы были пресмѣшныя и преглауныя. У насъ въ деревнѣ не было хорошей воды: въ рѣкѣ вода вонючая, потому что въ нее много валили тогда навозу, котораго дѣвать было некуда; слышимъ отъ Бурцевыхъ что гдѣ-то неподалеку есть ключевая вода. Послали, привезли, точно вода хороша. Дмитрій Александровичъ велѣлъ срубить срубъ, окопали мѣсто гдѣ ключъ и поставили этотъ срубъ; а было это на однودворческой землѣ. Смотримъ, на утро срубъ этотъ стоитъ у насъ посередь двора. „Что это такое?“ Говорятъ, ночью однودворцы привезли его и сложили на дворѣ. Послали узнать: отчего они нашъ срубъ къ намъ привезли; кажется не мѣшалъ онъ имъ. Приходятъ нѣсколько человекъ. Дмитрій Александровичъ вышелъ къ нимъ: „Скажите, братцы, чѣмъ вамъ мѣшалъ мой срубъ, поставленный на ключъ?“

— Батюшка, Александрычъ, не вели его тамъ ставить, просимъ тебя..

— Да чѣмъ же онъ вамъ мѣшаетъ? Развѣ жаль вамъ воды?..

— Воды не жаль, а сруба не ставь.

— Что же вы такъ сруба моего не жалуете?

— Коли вода тебѣ такъ любя, прикажи, мы тебѣ сгорючимъ какой хошь срубъ; а тебѣ ставить не дадимъ...

— Вы мнѣ скажите, друзья, какая причина...

Мялись, мялись, наконецъ высказались.

— Вотъ что Александрычъ, какъ ты свой срубъ-то поставишь, да примежуетъ къ нему отъ нашей земли? Мы вотъ этого-то и стережемся.

— Ахъ, какіе же вы чудачи, мнѣ никогда этого и въ голову не приходило.. Даю вамъ слово... Да развѣ это возможно сдѣлать?..

— А, Богъ тебя знаетъ... А ужь если хочешь, мы лочтимъ тебя: ты подари намъ этотъ срубъ, мы его сами и лѣстазимъ.

— Мнѣ, право, все равно, возьмите и оставьте его сами...

— Значить срубъ нашъ, ты его намъ жалуетъ...

— Жалую, жалую...

— Эй самшъ, господа, Лександрычъ отдаѣтъ намъ этотъ орубъ, значить онъ нашъ...

Итакъ они его взяли, сами опять поставили на ключъ и успокоились.

Это смѣшное опасеніе однодворцевъ имѣло однако нѣкоторое основаніе: въ то время было много дорожныхъ земель въ Тамбовской губерніи, а можетъ-быть и въ другихъ, и помѣщики заявляли только куда саѣдовало что вотъ тамъ-то и тамъ-то у нихъ столько-то земли, но что павана не чиняють и просятъ выдать паванъ и землю за ними укрѣпить.

Такъ одинъ сосѣдъ разказывалъ намъ:

„Землицы у меня было маловато, а возлѣ меня борозда къ бороздѣ была большая пустошь, казенная что ль или кѣмъ брошенная, только никто ея не владѣлъ, и мы издавна ея пользовались какъ своею. Былъ я въ городѣ, мнѣ тамъ и говорятъ что скоро молъ будетъ размежеваніе, такъ хорошо кто этимъ воспользуется и изъ пустыхъ земель себѣ примежуетъ. Думаю себѣ, ладно. Заѣхалъ къ межевщику, захватилъ его къ себѣ и сталъ межевать пустошь, обошли окружающую межу—вышло съ заимкомъ пятьсотъ восемьдесятъ десятинъ. Я поставилъ на пустырѣ избушку и подаѣлъ заявленіе объ этой землѣ; что же, вѣдь ее за мной и укрѣпили...“

Итакъ дѣлали многіе помѣщики; можетъ-быть, подобнаго захвата боялись и наши сосѣди-однодворцы.

IV.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ мы поѣхали въ Москву всюю семьей. За недѣлю до нашего отъѣзда мы отправили свой обозъ: три фуры, три кибитки на волахъ парами, и телѣгу въ одну лошадь, обозныхъ три человѣка и Тараса повара съ парой лошадей; а сами отправились мы 13 числа въ восьмидесяти ливнейкѣ въ 6 лошадей, въ каретѣ въ 6 лошадей, коляскѣ въ 4 лошади и кибиткѣ въ 3 лошади, всего на 19 лошадяхъ. Въ Липецкѣ мы пристали у Бурцевыхъ въ ихъ домѣ, гдѣ насъ поджидала Катерина Дмитриевна и ея дочь Александра Петровна Александрова.

По пути заѣзжали къ моему деверю въ село Петрово и тамъ прогостили пять сутокъ, и наконецъ пріѣхали 28го въ Москву, послѣ двухлѣтняго отсутствія.

Старшій изъ моихъ братьевъ, Михаилъ Петровичъ (двумя годами младшій меня) женился въ этомъ году на графинѣ Варварѣ Николаевнѣ Марковой. Она была дочь графа Николая Ивановича и родная племянница извѣстнаго въ свое время графа Аркадія Ивановича, бывшаго посланникомъ въ Голландію, а въ то время находившагося посломъ въ Парижѣ при Бонапарте. Брату было около тридцать четырехъ лѣтъ, а его невѣстѣ лѣтъ на десять или на двѣнадцать менѣе. Она была очень не дурна собою, мила и обходительна; одно только вредило ей въ разговорѣ: ужасно пришепетывала, и чувствуя свой недостатокъ сама же надъ нимъ смѣялась и называла себя картавою. Это происходило отъ того что ея языкъ былъ даивнѣе обыкновеннаго и съ трудомъ умѣщался во рту.

Батюшка былъ очень доволенъ что братъ женится: домъ свой къ свадьбѣ опять отдавалъ заново; весь свой серебряный сервизъ перемѣнилъ, и весело и свѣтло праздновалъ братнину свадьбу. Верхній этажъ онъ уступилъ молодымъ, а самъ помѣстился въ нижнемъ этажѣ, и съ нимъ двѣ мои сестры, Варвара Петровна и Анна Петровна. У моей невѣстки была еще сестра Прасковья Николаевна за княземъ Андреемъ Михайловичемъ Оболенскимъ, они жили тѣмъ въ своей подмосковной деревнѣ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 18 отъ насъ, и не рѣдко ѣдучи въ Москву заѣзжали къ намъ на перелутьи. Кн. Оболенская скончалась въ 1832 году въ іюлѣ, а ея сестра, моя невѣстка, въ февралѣ 1833 года. У брата было нѣсколько члвчкъ дѣтей, но въ живыхъ остался только одинъ Владиміръ.

Мы до самаго мая мѣсяца прожили въ Москвѣ, а въ половинѣ мая опять всею семьей поѣхали въ Липецкъ пить воды. Въ селѣ Петровѣ мы прогостили болѣе недѣли, и пріѣхали въ Липецкъ 31 мая въ свой домъ, купленный нами у Бурцевыхъ.

Весь іюль мѣсяцъ мы провели въ Липецкѣ, пили воды и потомъ поѣхали въ Елизаветино и жили тамъ до половины сентября мѣсяца.

Во время лѣта пріѣзжали къ намъ въ гости братъ Николай Петровичъ и съ нимъ Семенъ Сергѣевичъ Зыковъ, они тоже въ Липецкѣ пили воды и жили въ нашемъ домѣ.

Въ іюлѣ пріѣхали лить воды тетушка графиня Александръ Николаевна Толстая съ дядюшкой и дѣтьми: Елизаветою Степановною и Владиміромъ и Петромъ Степановичами. Была съ ними и дядюшкина сестра Варвара Ѳедоровна Доктурова съ дѣвочкой своею Машенькой.

Мы съ мужемъ вѣдали повидаться съ ними въ Лилецкѣ, предложили имъ свой домъ на время ихъ житья въ Лилецкѣ и звали ихъ къ себѣ въ гости въ Елизаветино, и они обѣщали у насъ быть.

Въ этотъ годъ лилъ воды Дмитрій Ивановичъ Яковлевъ; ему очень понравился нашъ домъ и онъ нанялъ его у насъ на весь водяной курсъ слѣдующаго 1805 года за 700 рублей.

Іюля 30го къ намъ пріѣхали въ деревню Толстые, прогостили у насъ двое сутокъ и поѣхали отъ насъ къ себѣ въ деревню.

Послѣ Спасова дѣя мужъ мой и братъ Николай Петровичъ вздумали отправиться за 80 верстъ на ярмарку въ заштатный Толшевскій Спасо-Преображенскій монастырь, 40 верстъ не доѣзжая Воронежа и, проѣхавшись полустому, потому что ярмарки уже не застали, возвратились домой.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ мы стали собираться на зиму въ Москву.

Сентября 15го отправили свой обозъ: три фуры, двѣ кибитки и двѣ телѣги, а чрезъ недѣлю выѣхали сами на 24 лошадахъ, потому что было много экипажей: большая линейка въ 8 мѣстъ, маленькая въ 4 мѣста, карета, коляска и двѣ кибитки.

Утромъ 26го числа проѣзжали чрезъ Куликово Поле, гдѣ Дмитрій Донской разбилъ Мамая. Старшимъ моимъ дѣвочкамъ захотѣлось посмотриѣть на Поле; погода была хорошая мы всѣ вышли изъ экипажей и пошли пѣшкомъ. Поле очень обширное, кругомъ, куда ни посмотришь, не видно конца; такъ мы прошли съ полверсты и опять всѣ устались.

Мы обѣдали въ селѣ Мышинкѣ, и здѣсь хозяинъ, у котораго мы останавливались въ домѣ, рассказывалъ намъ что среди Куликова Поля есть большая яма которую мѣстами жители называютъ денежною, потому что въ то время когда здѣсь кочевали Татары, они имѣли тамъ складъ и была тамъ настоящая кладовая съ желѣзными створами; потомъ эта кладовая обвалилась, заросла травой и кустарникомъ. Мышинки при рѣкѣ Непрядвѣ, которая вытекаетъ оттуда въ 7 верстахъ изъ болота.

Въ село Петрово мы прѣѣхали 28го числа. Дѣти заевоги-ли сыльно и потому прожили въ Петровѣ до 10го октября, когда выѣхали въ Москву, гдѣ и провели всю зиму и весну до начала мая 1805 года.

Батюшка съ сестрами и братъ съ невѣсткою были въ Москвѣ. Сестра Варвара Петровна была помолвлена за Ивана Елисеевича Комарова. Онъ былъ вдовецъ, не молодыхъ лѣтъ и калужскій вице-губернаторъ. Сестрѣ тоже было уже за тридцать лѣтъ, собою она была не особенно хороша и потому, хотя партія не была въ особенности заманчива, сестра пошла замужъ, и батюшка не воспротивился этому браку.

Кто были эти Комаровы, я что-то не могу хорошенъко сказать, знаю что дворяне настоящіе, а съ кѣмъ въ родствѣ и чьихъ была женихова мать — что-то не помню.... У Комарова былъ сынъ отъ первой жены Николаша, молоденькій мальчикъ, отъ котораго потомъ сестрѣ было много горя.

Батюшка и сестра очень желали чтобы мы были на свадьбѣ, которую хотѣли справлять въ Бобровѣ.

Послѣ Николаина дня мы взяли младшихъ дѣтей Союшку и Клеопашу и поѣхали въ дмитровскую деревню и уговорили съ собою ѣхать одну добрую нашу знакомую Федосью Федоровну Егорову. Она была не молодыхъ лѣтъ вдова, совершенно безродная, которая жила небольшою пенсіей послѣ мужа своего бывшаго чиновникомъ и, нанимая у насъ въ домѣ половину мезенина, съ нами познакоми-лась. Это была предобрая и прелобочестивая женщина, характера самаго пріятнаго, и для меня она была кладомъ: бывало куда-нибудь поѣду, поручу ей всѣхъ дѣтей, дамъ ей ключи; ежели къ дѣтямъ придутъ учителя—попрошу ее присутствовать при урокахъ, словомъ сказать—правый глазъ и правая рука. Когда мы ближе познакомились, мы перестали брать съ нея деньги за квартиру, предложили ей жить у насъ по дружбѣ, пользоваться нашимъ столомъ и быть своимъ человекомъ. Иногда мы ей дѣлали подарки: платье, платокъ и деньгами, а она дарила дѣтямъ въ праздни-ки и въ именины, то саксонскую какую-нибудь старин-ную чашку, бронзовую корзинку и въ этомъ родѣ, потому что имѣла множество вещей.

Вотъ ее-то мы уговорили съ собою ѣхать въ деревню, оставивъ тамъ своихъ дѣтей на ея попеченіе, чрезъ три дня, возвратились въ Москву къ батюшкѣ въ домъ.

Въ 20хъ числахъ мы отправились всѣ въ Боброво. Слѣва батюшка, сестры, братъ съ невѣсткой, сестра Вяземскій съ мужемъ въ пяти или шести экипажахъ, а на другою день и мы съ двумя старшими дѣвочками. Дорога была преужасная, грязная, какихъ я и не заломлю, и мы насилью доѣхали на третью сутки, хотя отъ Москвы до Боброва менѣе 160 верстъ.

Свадьба назначена была на 2 іюня. Для за три брата Михаилъ Петровичъ съ зятемъ Вяземскимъ ѣздили въ Калугу съ визитами: обѣдали у Сергія Александровича Сомова, вечеромъ были у Демидова, а къ ужину возвратились домой. На слѣдующій день невѣстка моя Варвара Николаевна и сестры тоже ѣздили въ Калугу съ визитомъ послѣ обѣда.

Іюня 2го была свадьба послѣ обѣда часовъ въ 6; кромѣ всѣхъ насъ родныхъ, была еще Марья Семеновна Каръ, съ жениховой стороны Сомовы, Сергіи Александровичъ жена его Авдотья Михайловна. Отужинавъ въ 9 часовъ мы всѣ поѣхали провожать молодыхъ въ Калугу; пробыли у нихъ съ полчаса и обратно поѣхали въ Боброво. На другой день послѣ свадьбы, молодые и еще кой-кто изъ гостей изъ Калуги пріѣхали къ батюшкѣ въ Боброво обѣдать послѣ ужина разѣхались, это было стало-быть 3 числа 4го мы всѣ ѣздили къ молодымъ въ Калугу и провели у нихъ цѣлый день: обѣдали, ужинали и поздно вечеромъ возвратились домой.

Чрезъ день или два всѣ мы ѣздили вмѣстѣ съ молодыми въ деревню къ Василию Алексѣевичу Кару, у котораго пролировали цѣлый день, потому что онъ былъ хлѣбосолъ, хозяинъ примѣрный и весьма гостепріимный и любезный въ обращеніи.

Въ одинъ изъ дней что гостили мы у батюшки чуть-чуть было не постигло меня несчастье: какъ-то полутру Дмитрій Александровичъ гулялъ въ саду и только-что вышелъ изъ поперечной аллеи въ длинную, какъ предъ самымъ его носомъ просвистѣла пуля. Оказалось что лаотникъ пробовалъ ружье и изъ воротъ стрѣлялъ въ даль аллеи, никого въ немъ не вида, а Дмитрій Александровичъ въ эту самую минуту

въ нее и вышелъ изъ другой, и шелъ прямо противъ выстрѣла. Явное милосердіе Божіе что онъ остался живъ.

Пробывъ еще нѣсколько дней мы собрались въ обратный путь въ Москву: Вяземскіе и мы, и отправились вмѣстѣ.

Братъ Николай Петровичъ былъ въ это время нездоровъ и не могъ быть на свадьбѣ, а жилъ въ Москвѣ въ батюшкиномъ домѣ, гдѣ остановились и мы, такъ какъ въ нашемъ собственномъ домѣ передѣлывали въ это время полы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Возвратившись къ себѣ въ село Горки мы нашли дѣтей нашихъ здоровыми по милости Божіей, и очень благодарили Θεодосью Θεодоровну за то что она безъ насъ съ ними являлась. Она осталась у насъ гостить еще.

Сосѣди наши Титовы узнавъ что мы пріѣхали, не дожидаясь нашего посла, тотчасъ къ намъ сами послѣдили и были очень рады нашему возвращенію. Отъ нихъ мы узнали что во время нашего отсутствія произошла перемѣна въ нашемъ сосѣдствѣ.

Въ Ольгово пріѣхали на жительство Апраксины; въ Храбровѣ сталъ жить сынъ старика Оболенскаго князь Алексѣй Николаевичъ; Горюшки принадлежали Оболянинову вмѣсто Власова; въ Дьяковѣ поселился Жуковъ, въ Шиховѣ Бахметевъ былъ съ женою.

Апраксины графы и просто Апраксины, хотя и одного поколѣнія, но родствомъ счастливо не могутъ. Самый извѣстный изъ Апраксиныхъ "былъ старшій братъ царицы Марыи Матвѣевны, невестки Петра I, графъ Θεодоръ Матвѣевичъ. Онъ былъ фельдмаршаломъ и подъ его начальствомъ началъ свою службу дѣдъ моего мужа, первый изъ Яныковыхъ, Даниилъ Ивановичъ. У этого Апраксина было два брата, тоже графы, и отъ нихъ пошла графы, а у Θεодора Матвѣевича, который былъ женатъ на Хрущевой, дѣтей не было; онъ умеръ при Петрѣ II и скоропечъ въ Московскомъ Златоустовомъ монастырѣ. Батюшка служилъ подъ начальствомъ Степана Θεодоровича Апраксина, тоже фельдмаршала, и этотъ приходился Θεодору

Матвѣевичу и царицѣ (умершей задолго до его рожден-
правнучатымъ внукомъ, т.-е. только слава что родъ

Степанъ Ѳедоровичъ былъ единственный сынъ Ѳеодора Карповича женатаго на Кокоткиной, которая потомъ вышла за графа Ушакова Андрея Ивановича. Одна изъ ихъ дочерей, графиня Екатерина Андреевна была за графомъ Петромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, отцомъ княгини Натальи Петровны Голицыной и дѣдомъ Екатерины Владимировны Алраксиной. Стало-быть по своей матери Степанъ Ѳедоровичъ и графиня Чернышева были родные братья сестра; сынъ Степана Ѳедоровича, Степанъ Степановичъ былъ двоюроднымъ братомъ княгини Натальи Петровны Голицыной (урожденной графини Чернышевой) и женившись на ея дочери быдъ стало-быть женатъ на своей двоюродной племянницѣ.

Степанъ Ѳедоровичъ былъ женатъ на Аграфенѣ Леонтьевнѣ Соимоновой, которой мать была урожденная Кокоткина, а какъ звали не знаю. Такъ какъ онъ служилъ и бывалъ въ отлучкахъ и походахъ, то всѣмъ завѣдывалъ его жена, и должно быть она была скулеяка; какъ только добьются деньги, вотъ онъ и придетъ къ ней: „Ну-ка Леонтьевна, распоясывайся, разставайся съ завѣтными, давай-ка денежекъ.“

У Степана Ѳедоровича было двѣ дочери и только одинъ сынъ, Степанъ Степановичъ. Онъ былъ младшій изъ всѣхъ дѣтей и былъ крестникомъ покойной императрицы почтенъ и былъ пожалованъ при крещеніи чиномъ капитана. Когда отецъ его умеръ, онъ былъ еще ребенкомъ и очень молодъ когда лишился своей матери. Старшей сестры его, княгини Куракиной, тогда тоже не было уже въ живыхъ, и онъ остался на попеченіи своей сестры Талызиной Марьи Степановны, которой мужъ кажется, въ то время былъ еще въ живыхъ. Марья Степановна была фрейлиной при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, и известный графъ Шуваловъ Петръ Ивановичъ за нею, говорятъ, очень ухаживалъ, изъ-за тому что въ молодости она была очень хороша. Когда стала знать ее, въ первые годы моего замужества, ей было лѣтъ около 60, и то еще была видная женщина.

Братъ ея, Степанъ Степановичъ, былъ лѣтъ на двадцать меньше ея и родился, думаю, около 1758 или 57 года, а женился онъ на княжнѣ Голицыной Екатеринѣ Владимировнѣ или

Или въ 95 году. Апраксина была годомъ старше меня или годомъ моложе, стало-быть родилась или въ 1767 или въ 1769 году. У нея было три брата: Петръ, Борисъ и Димитрій Владиміровичи и сестра Софья Владиміровна за графомъ Строгановымъ; всѣ они были моложе Апраксиной и всѣ умерли прежде ея. Отецъ ея, Владиміръ Борисовичъ, былъ только бригадиръ, человѣкъ очень богатый, но, какъ сказывали знавшіе его, очень посредственнаго ума, жена его, княгиня Наталья Петровна, напротивъ того была женщина очень умная, любимая императрицами Екатериною и Марією Теодоровною съ которою была весьма коротка, и уважаемая всѣмъ Петербургомъ, гдѣ большею частию всегда жила при Дворѣ, потому что была статсъ-дамою и чуть ли не имѣла Екатерининской ленты первой степени. Она много путешествовала и была въ Парижѣ при Лудовикѣ XVI, была очень хорошо принята несчастною королевою Марією-Антуанетой и выѣхала изъ Парижа не задолго до начала революціи. Она была собою очень не хороша: съ большими усами и съ бородой, отчего еще и называли *la princesse-moustache*. Хотя она и была довольно надменна съ людьми знатыми, равными ей по положенію, но вообще она была пріятлива. Мужъ ея былъ сынъ Бориса Васильевича желатаго на Екатерину Ивановну Стрѣшневой, внукъ Василья Борисовича и правнукъ Бориса Алексѣевича, воспитателя Петра I, по крайней мѣрѣ такъ я всегда слыхала, а вѣрно ли это—этого я ужъ не знаю. Екатерина Владиміровна была очень хороша собою, но имѣла черты рѣзкія и выраженіе лица довольно суровое. и поэтому въ молодости, когда она была въ Парижѣ, ее называли Французы *Venus en songe*, потому что походила на разгнѣванную богиню. Она была фрейлиной при императрицѣ Екатеринѣ II, потомъ когда овдовѣла, при императорѣ Николаѣ Павловичѣ была сдѣлана статсъ-дамою и какъ это называется гофмейстериною, кажется при дворѣ Елены Павловны, а въ послѣдніе годы своей жизни была кавалерственною дамою большаго креста.

Съ самаго перваго времени своего жительства въ Москвѣ и въ нашемъ сосѣдствѣ, Апраксины заняли почетное первое мѣсто, не знаю былъ ли домъ подобный ихъ дому до ихъ переселенія въ Москву, но что послѣ нихъ не было подобнаго, это я могу сказать по всей справедливости.

Отчасти можно еще сравнить жизнь князя Юрія Владиміровича Долгорукова, но и то, домъ его при всей своей вельможественности былъ далеко не домъ Апраксиныхъ.

Не застава я того времени въ Москвѣ, когда графъ Орловъ, Алексѣй Григорьевичъ, жилъ подъ Донскимъ и тѣшилъ весь городъ своими праздниками, но думаю что и это были дорого, стоявшія празднества, но не съ такимъ утѣшеніемъ и не съ такимъ вкусомъ, устроеннымъ, какъ у Апраксиныхъ.

Эти, имѣя все, чего человекъ могъ только пожелать: оба были молоды, хороши собою, знатные, богатые, любимы и уважаемы. Вся ихъ жизнь проходила въ постоянномъ веселіи и была продолжительнымъ пиршествомъ.

Когда они жилали въ Ольговѣ, куда приходилось изъ Москвы ѣхать мимо насъ, то не проходило дня, чтобы не проѣхало двухъ-трехъ экипажей туда или оттуда. Бывало видишь съ балкона, или изъ гостиной что ѣдетъ къ мосту экипажъ, вотъ и пошлешь садовъ, человека узнать кто ѣдетъ? И окажется что это или Гедеродовъ, Яковлевъ, Кошкунъ или кто-нибудь изъ Голицыныхъ ѣдутъ въ Ольгово. Теперь не кому, и не чѣмъ такъ весело жить какъ въ то время. Чего только не бывало въ Ольговѣ: былъ отдѣльный театръ, свои актеры, и музыканты, балы, федерверки, охоты. Эти 20 или 25 дѣтъ, которые провели Апраксины у насъ въ соседствѣ, въ дѣтвое время, и по зимамъ въ Москвѣ, было самое веселое время моей жизни, и хотя я сама не была никогда большою охотницей до разсѣянной жизни, но тутъ мнѣ приходилось поневолѣ тѣшиться для моихъ дочерей, и скажу безъ хвастовства и лести что то что намъ пришлось видѣть на нашемъ вѣку, мнѣ и дочерямъ моимъ, того ни дѣти ихъ, ни внуки конечно уже не увидать.

Тогда было совсѣмъ другое время, и жизнь проводили иначе чѣмъ теперь: кто имѣлъ средства, не скулился и не сидѣлъ на своемъ сундукѣ, а жилъ открыто, тѣшилъ другихъ и самъ чрезъ то тѣшился, а теперь только и думаютъ о себѣ, самимъ бы лишь было хорошо, да достаточно. Впрочемъ надобно и то сказать что теперь у всѣхъ средства далеко не такіа какъ тогда, и все несравненно дороже стало, и люди требовательнѣе, потому что больше во всемъ роскоши.

При нашемъ знакомствѣ Алраксина была лѣтъ 35 или немножко болѣе: она была небольшого роста, очень статная и стройная. Лицомъ была очень красива: прекрасный профиль, взглядъ выразительный, но общее выраженіе лица суровое даже и во время веселости и смѣха. По прежней привычкѣ Екатерина Владиміровна продолжала густо румяниться, когда уже другія переставали употреблять румяны. Одѣвалась она всегда хорошо и къ лицу, и болѣе всего старалась нравиться своему мужу, у котораго на счету было не мало грѣшковъ противъ жены, но объ этомъ лучше и не говорить. Она это знала, потому что многое слишкомъ явно бросалось въ глаза, но никогда не подавала и виду что знаетъ что-нибудь, или догадывается. Вообще нельзя не подивиться какъ она умѣла владѣть собой и какъ она была всегда одинаково хороша со своимъ мужемъ. Чувствуя всю добродѣтель жены, Степанъ Степановичъ ее очень уважалъ и, отдавая полную справедливость ей, онъ выстроилъ у себя въ Ольговѣ въ саду бесѣдку на подобіе древняго храма, по срединѣ на высокомъ пьедесталѣ поставилъ мраморную статую своей жены, а надъ входомъ въ храмъ золотыми словами была надпись: *Hommage à la Vertu.*

Алраксина была примѣрная и почтительная дочь, вѣрная и добродѣтельная жена и заботливая и хорошая мать.

Степанъ Степановичъ былъ годами 12 старше своей жены, но по живости и веселости, скажу даже вѣтренности своего характера всегда казался моложе ея. Онъ былъ добрый, милый и любезный человѣкъ, очень общительный и готовый для каждаго на всевозможныя услуги.

При императорѣ Александрѣ I онъ вышелъ въ отставку и служилъ только по выборамъ: былъ очень долгое время московскимъ губерньскимъ предводителемъ и былъ всѣми очень любимъ; имѣлъ онъ чинъ генерала-отъ-кавалеріи и Александровскую ленту. Не сумѣю я толкомъ разказать и подробностей не помню, но слышала я что онъ повредилъ себѣ по службѣ своимъ легкомысліемъ: служилъ онъ въ Польшѣ и имѣлъ какое-то секретное, очень важное порученіе, которое требовало большой осторожности и тайны. Польскіе лавы какъ-то это почували и, зная что Алраксинъ очень пылокъ сердцемъ къ хорошенькимъ женщинамъ, подослали къ нему такихъ которыя его очаровали и

незамѣтно для него вывѣдали тайну и чрезъ то помѣшали ему исполнить секретное порученіе. Это я разсказываю въ общихъ словахъ, потому что подробностей не знаю; слышала только что еслибъ это сдѣлалъ другой кто-нибудь безъ такой сильной протекціи какъ Апраксинъ, то не только былъ бы уволенъ отъ службы, но и подвергся бы военному суду. Не злой умыселъ, но легкомысліе были причиной его оплошности, и вслѣдствіе этого онъ оставилъ службу, уѣхалъ изъ Петербурга и жилъ въ Москвѣ какъ совершенный вельможа, безъ лести, онъ былъ у насъ въ Москвѣ послѣднимъ истиннымъ вельможей по своему образу жизни.

Состояніе Апраксиныхъ позволяло имъ жить по-барски, потому что имѣли они 13 или 14 тысячъ душъ крестьянъ. Самое любимое ихъ мѣсто жительства было село Ольгово, которое они привели въ цвѣтущее положеніе, а домъ ихъ въ Москвѣ, на углу Знаменки, рядомъ съ церковію черезъ переулочъ, былъ въ свое время совершеннымъ дворцомъ и по обширности однимъ изъ самыхъ большихъ домовъ въ Москвѣ. Въ этомъ домѣ бывали такіа пражднества какихъ Москва уже не увидить.

Въ 1818 году, когда Дворъ былъ въ Москвѣ, Апраксины давали балъ, и вся царская фамилія и какіе-то принцы иностранные были на этомъ праждникѣ, а званыхъ гостей было, я думаю, 800 ежели не 1.000 человекъ.

Ужинъ былъ приготоленъ въ манежѣ, который былъ для этого вечера весь заставленъ растеніями и цвѣтами, было нѣсколько клумбъ, между ними битыя дорожки. На возвышеніи въ нѣсколько ступенекъ приготоленъ столъ для государя, императрицы, двухъ великихъ князей и принцевъ, а направо и налево вдоль всего манежа множество маленькихъ столовъ для прочихъ гостей. Государь велъ къ ужину хозяйку дома, которая-то изъ императрицъ подавала руку Степану Степановичу, а великіе князья и принцы вели дочерей и невѣстку, молодую Апраксину, Софью Петровну, урожденную графиню Толстую, дочь графа Петра Александровича, бывшаго одно время посломъ при Бонапарте. Графиня Марья Алексѣевна жена его была урожденная княжна Голицына и приходилась Екатеринѣ Владиміровнѣ двоюродною сестрой, потому что была дочь роднаго ея дяди, князя Алексѣя Борисовича, женатаго на княжнѣ Грузинской.

Молодая Алраксина была прекрасная собой: свѣжа и румяна, совершенная роза. На ней была бѣлая атласная юбка въ клѣтку шитая бусами, а на тѣхъ мѣстахъ гдѣ клѣтки пересѣкались, крупные солитеры, лифъ бархатный ярко-красный также шитый бусами и солитерами...

Во время бала вдовствующей императрицы угодно было обойти всю залу и привѣтствовать дамъ и дѣвицъ милости-вымъ словомъ.

За ужиномъ мнѣ пришлось сидѣть неподалеку отъ царскаго стола и хотя не все было слышно что тамъ говорили, но все видно что дѣлалось. На концѣ царскаго стола сидѣла графиня Разумовская Марья Григорьевна, урожденная княжна Вяземская. Она была сперва за княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, потомъ его оставила и при его жизни вышла за графа Льва Кирилловича Разумовскаго, и пока ея первый мужъ былъ живъ, бракъ ея съ Разумовскимъ не былъ признаваемъ. Голицынъ умеръ или въ 1817 или въ этомъ же 1818 году. За ужиномъ государь обратился къ ней съ какимъ-то вѣпросомъ, она отвѣчала и потомъ слышу она спрашиваетъ вполголоса у своей сосѣдки по-французски.

- Вы слышали что государь меня назвалъ графиней?
- Да, какъ же...
- Вы хорошо слышали?
- Конечно, Боже мой, слышала...
- Такъ онъ меня назвалъ графиней? Ахъ, слава Богу, слава Богу...

Это потому такъ порадовало Разумовскую что ея бракъ былъ стало-быть признанъ по смерти ея перваго мужа...

Въ послѣдствіи эта графиня Разумовская была при Дворѣ и, не имѣя никакого придворнаго чина, очень часто посѣщала императрицу какъ знакомая *.

Въ домѣ Алраксиныхъ былъ отдѣльный театръ съ ложами въ нѣсколько ярусовъ, и когда въ Москву пріѣзжала италіянская опера, то Италіяны въ этомъ театрѣ и давали свои представленія, и помнится мнѣ что въ 1818 или

---

* Скончалась въ шестидесятихъ годахъ имѣя болѣе отъ рожденія 90 лѣтъ, до конца жизни одѣвалась по модѣ, и послѣ ея смерти осталось нѣсколько сотъ платьевъ и сундуки съ кружевами и лентами.

1819 году какъ будто тутъ же видѣла известную мамзель Жоржъ.

Всѣ знатные пѣвцы, музыканты и пѣвицы, которые бывали въ Москвѣ, непременно поютъ и поиграютъ у Апраксиныхъ, и много хорошаго наслушалась я на своемъ вѣку въ ихъ домѣ.

Не припомню въ которомъ именно году, добрые наши сосѣди Титовы продали свою деревню Сокольники которую и купилъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ, а когда его старшая дочь Наталья Степановна вышла замужъ за князя Сергѣя Сергѣевича Голицына, то онъ ей и отдалъ это имѣніе, и Голицыны вѣскольکو лѣтъ тутъ прожили. Жаль намъ было Титовыхъ, потому что мы съ ними свыклись, но соседство Голицыныхъ было пріятно потому что князь Сергѣй Сергѣевичъ былъ очень веселый и милый человекъ, весьма любезный и привѣдливый, и очень хороший музыкантъ и сочинитель многихъ романсовъ. Потомъ Голицыны переехали жить въ Петербургъ, и когда мы туда ѣздили въ 1822 году и тамъ прожили дѣлый годъ, съ ними часто видались; онъ умеръ въ скоромъ времени послѣ холеры, помнится что въ одинъ годъ съ Владиміромъ Степановичемъ Апраксинымъ, стало быть въ 1832 или 1833 году, дѣтей у Голицыныхъ не было.

Вторая дочь, Софья Степановна, вышла за князя Щербатова, Алексѣя Григорьевича, который потомъ былъ въ Москвѣ генералъ-губернаторомъ.

II.

Домъ Оболяниновыхъ былъ совершенно въ другомъ родѣ чѣмъ домъ Апраксиныхъ, чувствовалась великая разница: одинъ былъ природный вельможа, другой человекъ случайный и временщикъ.

Петръ Хрисановичъ Оболяниновъ былъ очень небогатый порховскій дворянинъ который служилъ въ военной службѣ и въ Гатчинскомъ полку, умѣлъ свискать расположеніе великаго князя Павла Петровича, а когда тотъ вступилъ на престолъ, сдѣался важнымъ человекомъ и получилъ пожалованіе отъ государя болѣе 3.000 душъ крестьянъ, и въ четыре года Павлова царствованія очень шагнулъ впередъ. Онъ одинъ изъ первыхъ, послѣ кончины импера-

трицы, получилъ Анненскую ленту, былъ потомъ генералъ-прокуроромъ и пользовался неограниченною довѣренностью государя.

Отъ природы Обольяниновъ былъ очень умный человекъ, съ быстрымъ соображеніемъ, но мало ученья и не дающему времени, такъ что едва-едва умѣлъ писать, а былъ, однако человекомъ, государственнымъ и не посаженнымъ.

Онъ не зналъ иностранныхъ языковъ, не говорилъ и даже не понималъ, и вообще не любилъ ничего иноземнаго. Находявшись долгое время при дворѣ и въ обществѣ людей высшаго круга, онъ довольно поватерся: умѣлъ себя держать очень прилично своему званію, но въ разговорѣ замѣтно было, что онъ не получилъ настоящаго обученія. Характеромъ онъ былъ крутъ, былъ честенъ, благороденъ, но жестокосердъ и очень вѣстойчивъ. Вотъ ничтожный случай, который можетъ показать до чего онъ былъ требователенъ, чтобы его воля была исполнена безотговорочно. Онъ былъ охотникъ до цвѣтовъ, и когда купилъ Горюшки очень замандался своимъ садомъ и любилъ чтобы было много цвѣтовъ и строго запрещалъ ихъ рвать. Какая-то сосѣдка, прѣѣхавъ къ нему въ деревню со своимъ сыномъ, мальчикомъ, лѣтъ 10 или 12. Предъ обѣдомъ мальчикъ просится идти погулять въ садъ. Обольяниновъ и говоритъ ему: „иди, гуляй, сколько угодно, но сохрани тебя Богъ ежели ты у меня сорвешь цвѣтокъ — заставляю съѣсть, слышишь, уговоръ лучше денегъ.“ Пошелъ мальчикъ въ садъ и нагулявшись вдоволь возвращается оттуда. Обольяниновъ подозвалъ его къ себѣ. „Ну что, голубчикъ, набѣгался, натѣшился? И цвѣтовъ не рвалъ?“

— Нѣтъ-съ...

Послѣ обѣда пошелъ въ садъ гулять всѣ гости и самъ Обольяниновъ и тутъ онъ гдѣ-то въ кустахъ подсмотрѣлъ пучекъ нарванныхъ садовыхъ цвѣтовъ. Ему тотчасъ пришла мысль что вѣрно мальчикъ-гость нарвалъ и потомъ бросилъ струсивъ... Онъ поднялъ цвѣты и держа въ рукахъ подошелъ къ гостямъ и пристально и строго посмотрѣлъ на мальчика, тотъ весь такъ и посоловилъ.

Обольяниновъ подозвалъ мальчика и спросилъ его: „что говорилъ, я тебѣ, когда ты просился гулять въ садъ?“

Мальчикъ молчитъ, опустивъ голову. Онъ опять его спрашиваетъ:—нельзя не отвѣчать.

— Чтобъ я не рвалъ цвѣтовъ.

— А это что? Кто это рвалъ?

Пришлось признаться.

— Я обѣщалъ тебѣ что заставлю тебя съѣсть,—такъ ѣшь же сейчасъ все что ты нарвалъ.

Всѣ думали что онъ хочетъ пугнуть мальчика и пострадать за послушаніе и засмѣялись, вида испугъ мальчика, но какво же было удивленіе всѣхъ, когда увидѣли что хозяинъ не шутитъ и настоятельно требуетъ чтобъ ребенокъ ѣлъ цвѣты.

— Петръ Хрисанеовичъ, простите, моему сыну, онъ виноватъ, болѣе не будетъ этого дѣлать, говорилъ мать...

— Можетъ быть тутъ вредные цвѣты, сказалъ кто-то изъ гостей.

Что же? поставилъ на своемъ: заставилъ мальчика все съѣсть до послѣдняго листика, и кромѣ того выдралъ еще за уши, приговаривая: „это за то что ты солгалъ и заперался.

Мальчика стало рвать.

— Начево, говорилъ Обольяниновъ, впередъ будетъ умѣе; не безлокойтеся, не умреть.

Однако, говорятъ, у бѣднаго мальчика была потомъ горячка отъ испуга что ль или отъ вредныхъ цвѣтовъ? *

Лицомъ Обольяниновъ былъ очень не красивъ: худощавъ, большой носъ луковицей, впадыя глаза со строгимъ взглядомъ, волосы очень рѣдкіе на всей головѣ, и такъ плотно выстрижены что ухватить нельзя. Онъ былъ бы довольно высокъ еслибы не держалъ себя согнутымъ, думаю что это было отъ привычки; а подъ старость, когда онъ не могъ уже ходить и его возили по комнатамъ въ креслахъ, голова его до того нагнулась что чуть не на кофѣняхъ лежала; это была уже немощь.

Жена его Анна Александровна, урожденная Ермолаева, была въ первомъ замужествѣ за Нащокинымъ, который былъ гораздо старше чѣмъ она, и потому, какъ сама разказывала, она одѣвалась старше своихъ дѣтъ, а когда вышла за

---

* Этотъ разказъ я много разъ слышалъ и отъ бабушки, и отъ матушки которая почти всегда мнѣ его повторяла когда мы ѣхали въ Горюшки къ Обольянинову, и я въ дѣтствѣ на него всегда смотрѣлъ съ ужасомъ и страхомъ, и конечно никогда и не подумалъ посягнуть на его цвѣты. *Внукъ.*

Обольяникова, лѣтъ на пять или на шесть моложе ея, она стала молодиться чтобы казаться моложавѣе.

Была очень добрая и пріятная женщина, собою красавица, но очень простовата и безо всякаго образованія, и такъ какъ она была великая охотница до собакъ, которыхъ держала множество, то и разговоръ былъ только что про ея собакъ. „Мишка сдѣлала вотъ то-то, а Фиделька или Амишка вотъ это-то“. Самая любимая собака Мишка была предурная собаченка, въ родѣ дворняжки и вдобавокъ презлая, того и гляди что схватитъ за ногу. Пріѣдешь бывало къ нимъ въ домъ: въ передней чувствуешь что есть собаки, такъ и схватитъ запахомъ, а войдешь въ гостиную поднимется лай и визготая. Для собакъ была особая горничная, и ежели въ чемъ провинится которая изъ собакъ, виновата не она, а дѣвушка—зачѣмъ не доглядѣла. На ночь всѣ эти собаченки взберутся на постель и забьются подъ одеяло, а ежели вздумается, такъ и на подушки, и тогда Анна Александровна уступаетъ имъ мѣсто и сама кой-какъ лѣжится на краю постели, а ежели собаки станутъ проситься изъ комнаты, то Петръ Хрисанеовичъ долженъ встать выпускать ихъ и впускать, и это нѣсколь-ко разъ во время ночи. Ежели кто приласкаетъ которуюнибудь изъ собакъ или похвалитъ, то хозяйка готова того человѣка расцѣловать, такъ ей этимъ можно было удружить; а собаку согнать съ колѣнъ, ежели ей вздумается къ гостю вскочить — значило хозяйку разобидѣть до нельзя: хочешь не хочешь держи, а ежели и укуситъ — молчи, а то Обольяникова тотчасъ надуется.

Разъ кто-то изъ людей на собаку толпалъ, собака завизжала и бросилась бѣжать къ хозяйкѣ, изъ-за этого вышла цѣлая исторія: Обольяниновъ возвратился домой, жена ему пожаловалась,—человѣка выбрали и разчитали, потому что былъ наемный, а своему было бы и того хуже.

Словомъ сказать, у Обольяниновыхъ въ домѣ хозяева были не они сами, а ихъ собаки; все имъ угождало, всѣ ихъ ласкали и хозяйка все это вниманіе принимала на свой счетъ.

Дѣтей у Обольяниновыхъ не было. Онь имѣлъ брата и сестру.

Кто былъ братъ его Михаилъ Хрисанеовичъ—я совсѣмъ не знаю, онъ былъ не богатый псковскій дворянинъ, женатъ

на Евфиміи Ефимовѣ и имѣлъ сына Михаила, котораго я помню еще Мишенькой. Потомъ онъ служилъ въ военной службѣ; въ Дѣвѣнадцатомъ году ему оторвало ногу и онъ ходилъ на деревянной ногѣ: былъ онъ кажется полковникомъ въ отставкѣ. Добрый, хорошій человекъ, очень умный, но ужасно боявшійся дяди: въ его присутствіи онъ все болѣе молчалъ. Собою онъ былъ бы недурень, но лицо его отъ оспы было очень испорчено. Онъ былъ женатъ въ послѣдствіи на княжнѣ Горчаковой, Елизаветѣ Михайловнѣ, дочери князя Михаила Алексѣевича, женатаго на баронессѣ Остенъ-Сакенѣ, урожденкой Ферзенѣ. Не умѣю сказать, отчего, Горчаковъ жилъ въ Ревелѣ, и княжны прекрасно воспитанныя были совершенныя Нѣмки, и когда Оболенская, вспоминая свое дѣтство, хвалила что-нибудь нѣмецкое, старику-дядѣ это было какъ ножъ острый,—онъ который любилъ одно только русское.

Аня Александровна Господъ не судилъ видѣть Мишу женатымъ, она скончалась въ 1822 году, а плѣмянникъ ея мужъ женился въ 25 или 26 году. Петръ Хрисанеовичъ очень былъ огорченъ кончиной жены, и до самой своей смерти спалъ на ея кровати, на ея подушкахъ, и покрывался тѣмъ одѣяломъ подъ которымъ она умерла. Судя по наружности нельзя бы казалось и ожидать отъ него такой нѣжной любви.

Насъ въ Москвѣ не было когда умерла его жена, мы въ тотъ годъ жили въ Петербургѣ и не видали его въ первое время его вдовства, а онъ говорить былъ неутѣшенъ и плакалъ какъ ребенокъ.

У Михаила Михайловича были три дочери: Анючка, Еленючка и Катенька, и всѣ три умерли въ 1831 или 1832 году отъ скарлатины въ одну недѣлю; это старика тоже очень огорчило. Потомъ у нихъ родились еще двѣ дочери вторыя Анна и Елена, * и онѣ пережили свою мать, дѣдушку и отца. Елизавета Михайловна умерла родами въ 1840 году. Я ѣздилъ навѣщать Петра Хрисанеовича, и сама была свидѣтельницею того какъ этотъ старикъ, повидимому черствый и суровый, горько плакалъ. Ему тогда было за 80 лѣтъ.

---

* Анна Михайловна за графомъ Адамомъ Васильевичемъ Олсуфьевымъ. Елена Михайловна за Владиміромъ Алексѣевичемъ Всеволодскимъ (вторая его жена, первая была Суровщикова).

— Благодарю васъ, матушка Елизавета Петровна, что вы меня вспомнили и посѣтили старика въ великой скорби: я лишаясь не племянницы, а дочери, и она оставляетъ трехъ сиротъ—двухъ дочерей да меня. Я надѣялся что она мнѣ глаза закроетъ и меня скоронитъ, а вотъ приходится мнѣ видѣть ее въ гробу.

И очень, очень плакалъ старикъ.

Впрочемъ ему не долго приходилось сиротѣть, потому что чрезъ годъ или полтора * и самъ успокоился.

По вступленіи на престолъ императора Александра I, Оболяниновъ вышелъ въ отставку. Онъ во всеусыпаніе говорилъ:

„Я всею душой былъ преданъ покойному государю (императору Павлу) и чувствую что служить опять такъ другому я не могу: и онъ легко остался бы недоволенъ, а главное и я самъ, и потому лучше съ честію идти на покой.“

Онъ былъ много лѣтъ московскимъ губернскимъ предводителемъ, и всею Москвою былъ высоко чтимъ, и во время своего служенія по выборамъ получалъ Владимірскую ленту, а Андреевскую онъ имѣлъ уже при императорѣ Павлѣ. Домъ его былъ на углу Тверской и Садовой къ Тверской-Ямской; до 1812 года домъ былъ на дворѣ съ большимъ садомъ и двумя флигелями, въ Двѣнадцатомъ году большой домъ и одинъ изъ флигелей сгорѣлъ, а другой флигель уцѣлѣлъ, и въ немъ-то онъ потомъ и жилъ до своей кончины. У него въ домѣ была домовая церковь, которую послѣ его кончины упразднили.

Сестра Петра Хрисановича, Марья Хрисановна, была замужемъ за полковникомъ Симоновымъ. По смерти мужа она осталась съ очень скромнымъ состояніемъ, и по хатайству брата ей было пожаловано имѣніе въ 300 душъ. У нея было два сына Федоръ и Александръ и дочь Наталья Андреевна, которая въ дѣвицахъ. Въ 1822 году въ бытность нашу въ Петербургѣ, Марья Хрисановна Симонова была еще въ живыхъ, а когда умерла, достоверно этого не знаю.

Въ Дьяковѣ, въ шести верстахъ отъ насъ, поселился Жуковъ Никифоръ Ивановичъ. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, плотенъ, плечистъ и лицомъ весьма не красивъ. Прежде онъ былъ очень небогатъ: имѣлъ душъ

* Умеръ въ 1842 году 22го сентября въ Москвѣ, погребенъ вмѣстѣ съ женою въ своемъ имѣніи въ Тверской губерніи.

150 или 200 крестьянъ, и жилъ скромно и разчетливо. Вдругъ ему досталось послѣ отца имѣніе въ 1.000 душъ, у него закружилась голова, онъ думалъ что его состоянію не будетъ конца, и видя какъ жилъ Апраксинъ отъ 13.000 душъ или Обольяниновъ, тоже богатый человѣкъ, вотъ и онъ вздумалъ тянуться за ними. Завелъ охоту, музыкантовъ, лѣвчихъ, и мало ли какихъ еще прихотей онъ себѣ не позволялъ...

Онъ у насъ бывалъ довольно часто, и насъ очень забавлялъ своимъ хвастовствомъ и лганьемъ; вотъ ужъ точно можно было про него сказать: не люблю не слушаю а лгать не мѣшаю. Когда онъ начинаетъ что разказывать—говорить сперва какъ и всѣ порядочные люди, а тамъ и поидетъ прилыгать и все лучше, и лучше вретъ, и наконецъ до того заврется что и самъ почувствуетъ что далеко заѣхалъ, и вдругъ остановится и скажетъ:—Вы я вижу не вѣрите, а оно правда такъ было...

Одинъ разъ сталъ разказывать при насъ у Апраксиныхъ что у него въ Дьяковѣ такой урожай этотъ годъ, такая рожь что войдетъ человѣкъ—такъ и не видать его во ржи.

— Высока и густа у меня рожь въ тамбовской деревнѣ, говоритъ Дмитрій Александровичъ,—а такой я все-таки не видывалъ.

— Вы не вѣрите, ну хорошо же пришлю вамъ показать...

Прошло нѣсколько дней и точно присылаетъ цѣлый смоль: предлинная солома, пожалуй безъ малаго въ сажень; но только потомъ намъ сказывали что онъ посылалъ по всему полю собирать самые высокіе стебли.

Однажды у насъ гостила сестра моя Анна Петровна, вотъ мы и сговорились, мой мужъ, она и я, поочереди подстрекать Жукова. Чуть не бѣды мы сдѣлали: когда онъ ляжетъ, то весь раскраснѣется и съ него потъ градомъ, онъ лгалъ, лгалъ—смотримъ покраснѣлъ весь багровый, того и гляди съ нимъ будетъ ударъ.

Потомъ еще разъ привозитъ намъ корзину яблокъ крупныхъ и говоритъ:—Отгадайте съ какой яблони эти яблоки?

Ему и говорятъ что это такей-то сортъ.

— Ну чуть не бывало... Буду я разъ лѣсомъ смотрю яблоня въ цвѣту, велѣлъ я замѣтить, пересадить ее въ садъ, и вотъ съ нея эти яблоки, а яблоня-то была дикая.

Онъ плохо зналъ по-французки, а любилъ щегольнуть своимъ знаніемъ и выходило всегда пресмѣшно.

Такъ онъ говаривалъ: J'avais connu un demoiselle français. J'ai des pompiers féroces dans la bois, и въ этомъ родѣ.

Что потомъ съ нимъ случилось, я не знаю: онъ продалъ свое имѣніе, переехалъ въ Москву и такъ я потеряла его изъ виду.

Въ Храбровѣ вмѣсто старика Оболенскаго стали жить его сынъ князь Алексѣй Николаевичъ съ женой. Она была по себѣ Магнитская, Александра Леонтьевна, внука извѣстнаго Магнитскаго, составителя первой русской ариметики. Она была очень милая, добрая и любезная женщина, очень не дурна собой и пріятнаго обращенія. У нея было четверо дѣтей: два сына—Николай и Михаилъ и двѣ дочери Екатерина и Варвара. Съ Оболенскою жила и сестра ея, Анастасія Леонтьевна Магнитская, пожилая дѣвица. Въ Москвѣ у нихъ былъ домъ Подъ Новинскимъ, а другой рядомъ въ переулкѣ, каменный что на бульварѣ, былъ купленъ Колосниковымъ въ 1837 или 38 году и залаченъ 35.000 ассигнаціями.

Кромѣ этихъ ближайшихъ сосѣдей, мы ѣзжали въ Новое къ двоюродной сестрѣ мужа, къ Неклюдовой, и по пути заѣзжали въ Храброво къ Оболенскимъ, потомъ къ обѣду пріѣдемъ въ Новое, тамъ отдохнемъ и возвратимся домой къ вечеру, а то отправимся далѣе въ село Болдино къ бабушкѣ Аграфенѣ Федотовнѣ Татищевой, у нея переночуемъ, иногда гостимъ день и два. Случалось что мы ѣздили къ ея именинамъ 23го іюня, тогда и свою именинницу—Грушеньку, ея крестницу, беремъ съ собою. Бабушка очень ее любила и была къ ней весьма милостива.

Бабушка скончалась въ 1811 году. До самой ея смерти мы бывали у нея разъ или два въ лѣто, въ иной годъ и она пріѣзжала къ намъ, иногда дядюшка Ростиславъ Евграфовичъ Татищевъ, тоже на перелутьѣ изъ Москвы въ свою тверскую деревню (село Дубны) заѣзжалъ къ намъ, и это почти каждое лѣто разъ, а иногда и два раза.

Евграфъ Васильевичъ не ѣздилъ къ себѣ въ деревню какъ обыкновенно ѣздить другіе, онъ терпѣть не могъ останавливаться на постоялыхъ дворахъ или въ избахъ, а останавливался, гдѣ ему приглашается мѣсто и когда вздумается. За нимъ всегда ѣздила фура въ которой ѣхала дорожная

поварня, буфетъ и лалатка. Вдругъ ему понравится мѣсто и закричитъ: „Стой, лалатку!“ Тетчасъ разобьютъ лалатку, разстелютъ ковры, разставятъ складной столъ, походныя кресла, и онъ выйдетъ изъ кареты и сидитъ себѣ въ лалаткѣ, жуируетъ, а въ другой лалаткѣ люди, а лошадей кормятъ въ это время. Онъ былъ очень умный человекъ, и сердцемъ не то чтобы злой человекъ, но превзбалмашный и прегорячій: чуть что не по немъ сдѣлаетъ человекъ, того и гледи что закричитъ: „плетей“, и живо велитъ отодрать на комыши. Въ ту пору, къ сожалѣнiю, это водилось и зачастую что пороли людей, и по тогдашнему это не считалось предосудительнымъ, не казалось даже и жестокимъ. Но бывали и ужасныя случаи: такъ вотъ налримѣръ графъ Каменскій былъ очень жестокъ въ обращенiи со своими людьми, и кончилось тѣмъ что люди его сговорились и въ деревнѣ его зарѣзали. Да, бывали такіе случаи!

Къ слову о Каменскихъ, вспомнила я еще одну мелочь о бабушкѣ Аграфенѣ Федотовнѣ Татищевой.

Она нюхала табакъ, какъ почти и всѣ въ наше время, потому что любили пощеголять богатыми табатерками, и у бабушки были прекрасныя, золотыя, съ эмалью и съ брилліантами. И что же? какая странность: позвонитъ бывало человекъ, дастъ ему грошъ или пять копѣекъ и скажетъ: „пошла взять у булочника мнѣ табаку“. Немного погодя и несутъ ей на серебряномъ подносѣ табакъ отъ булочника въ прегрязнѣйшей бумагѣ, и она не брезгая сама развернетъ и насыпаетъ этотъ зеленый противный табакъ въ свои дорогія золотыя табатерки. И это много разъ случалось при мнѣ, и я не могла надивиться какъ ей это только не было гадко локулатъ свой табакъ у булочника.

Въ наше время рѣдкій не нюхалъ, а курить считали весьма предосудительнымъ, а чтобы женщины курили, этого и не слыхивали, и мужчины курили у себя въ кабинетахъ или на воздухѣ, и ежели при дамахъ, то всегда не иначе какъ спросить сперва: „позвольте“.

Въ гостиной и въ залѣ никогда никто не курилъ даже и безъ гостей въ своей семьѣ чтобы, сохрани Богъ, какъ-нибудь не осталось этого залаху и чтобы мебель не провоняла.

Каждое время имѣетъ свои особыя привычки и понятія.

Курение стало распространяться замѣтнымъ образомъ послѣ 1812 года, а въ особенности въ 1820 годахъ: стали привозить сигарки о которыхъ мы не имѣли и понятія, и первыя которыя привезли намъ показывали за диковинку.

И много бывало такихъ вещей которыя намъ казались странными и которыя потомъ сдѣлались совершенно обыкновенными. Какъ сейчасъ помню что въ началѣ 1800 годовъ Дмитрій Александровичъ читалъ однажды газеты, остановился, да и говорить мнѣ: „Представь себѣ, какой вздоръ печатають: будто въ Америкѣ Англичане хотятъ устроить дорогу по которой будутъ ѣздить безъ лошадей, а посредствомъ силы паровъ, это значитъ какъ въ сказкѣ будетъ коверъ-самолетъ. Какихъ глупостей ни печатають!“ Тогда это казалось невѣроятнымъ, а прошло 30 или 40 лѣтъ, и у насъ у самихъ стали кататься по желѣзнымъ дорогамъ, и что тогда мы считали вздоромъ, теперь оказывается возможнымъ и становится самою обыкновенною вещью. Пароходамъ тоже какъ дивились въ первое время, и странные спички, которыя сами зажигаются, совсѣмъ теперь не рѣдкость и не диковинка, а за сто лѣтъ все это сочлось бы едва ли не колдовствомъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА

ПРИНЦЕВЫ ОСТРОВА

Мнѣ душно здѣсь, вашъ кругъ мнѣ тѣсенъ.
Цѣтовъ, мнѣ хочется цѣтовъ...

.... Кто испытывалъ хоть иногда усталость среди искусственной общественной жизни съ ея дѣловымъ бездѣльемъ, натянутою веселостью, стѣсненіемъ во всемъ и вездѣ, тотъ пойметъ какъ томительно можетъ дѣлаться иной разъ однообразіе мелочныхъ событій, какъ раздражаетъ уже съ утра мысль что и этотъ день пройдетъ также пусто, также безтолково какъ и прежніе; столько же усамшано и сказано будетъ гладкихъ фразъ, тонкихъ шутокъ, избитыхъ анекдотовъ, выкраденныхъ остротъ, вычитанныхъ наблюденій, личныхъ сллетенъ; тѣ же лица будутъ складываться въ тѣ же гримасы, губы кривиться тѣми же улыбками, голоса звучать тѣмъ же налускнымъ смѣхомъ, та же нескладная комедія будетъ играна тѣми же плохими актерами, давнымъ давно прискучившими и себѣ и другимъ; то же гаулое тоже повторится и сегодня.

И засылаешь съ чувствомъ омерзѣнія съ которыми проснулся и даже мысль что день прожилъ, что днемъ осталось

меньше, даже эта мысль не успокоиваетъ... Тяготятъ, мучатъ песковыя пути, связывающія не только дѣйствія и слова, но и самыя думы, чувства. На волю хочется, на волю, и бьешься какъ попавшійся въ сѣти лтица, или прачешься въ темный уголокъ какъ засаженный въ яму волкъ; все сильнѣй, все непреодолимѣй становится желаніе вырваться, убѣжать:

Черезъ рѣчку да въ темный садъ,
Гдѣ соловушка, въ черемухѣ,
Цѣлу почечку на пролетъ поетъ.

... И вотъ я вырвался, я свободенъ. Ни до кого мнѣ вѣтъ дѣла, я властенъ жить моею жизнью, думать мои думы, молчать и хмуриться когда хочу.

Я почувствовалъ себя независимымъ какъ только сѣлъ на пароходъ и оставилъ за собою Перу и Галапу съ ихъ пылью и шумною, пестрою толпою, уѣхалъ я на палубѣ, на солнышкѣ и сталъ глядѣть вокругъ.

Былъ тихій, свѣтлый весенній вечеръ, безъ яркихъ рѣзкихъ красокъ, спокойной, мягкой красоты. Легкій туманъ удалялъ берега, и точно скрадывалъ дальнія азіатскія горы. Море едва рябило; ослѣпительно блестя на немъ широкая огненная полоса, дожившаяся отъ солнца; судовъ не было видно, только впереди почти недвижимо стоялъ бригъ, ожившая сизую даль своими золотисто-бѣлыми, парусами; мы поравнялись съ нимъ, и на мгновеніе его очертившія, тонкія очертанія вырѣзались отчетливо на огненной полосѣ моря.

Чѣмъ ниже опускалось солнце, тѣмъ ярже становилась цвѣтъ неба и воды; за пароходомъ расходились медленно дѣвъ волны, точно широкія складки бѣлаго, желто-голубаго атласа; лѣва отъ колесъ зарумянилась. Вспомнилась родная картина: обитый вьюгою свѣтъ вдоль дороги; скользить по немъ красные лучи заходящаго зимняго солнца, и несутся санки, а отъ жолтыхъ приставныхъ летитъ морозная пыль...

Какъ тихо и уютно въ маленькомъ городкѣ, на Прикило. Обитые зеленью, уставленные цвѣтами балконы, террасы, веранды, смотрятъ приветливо; ихъ не портятъ еще пошлѣяя фигура прѣѣзжихъ туристовъ или раздраженныхъ по праздничному горожанъ. Сезонъ еще не начался.

Въ гостиницѣ тоже я одинъ, живу какъ дома, самъ себя хозяинъ. Ничто не тревожитъ, не раздражаетъ меня. Какъ хорошо побыть съ самимъ собою, въ обычной колѣи, въ

ярма вытерпѣлаго шею! Какъ хорошо выпрямиться, распрямиться, послѣ долгой дороги выдѣзть изъ тѣсной кареты и пройтись лѣшкомъ куда глаза глядятъ...

Обѣдать подали мнѣ въ маленькой комнаткѣ. Но тутъ я былъ уже не одинъ. На стулѣ тарелокъ и на залахъ сѣдѣлаго являлся старый, рыжеватого-сѣрый котъ, съ обрѣзанными ушами и пушистымъ хвостомъ. Умудренный житейскимъ опытомъ, онъ сперва нерѣшительно подошелъ ко мнѣ, выгнувъ спину, прищурилъ какъ-то вопросительно глазъ и началъ мурлыкать; я обласкалъ его, усадилъ около себя, и мы подружились съ нимъ. Съ тѣхъ поръ онъ исправно являлся къ завтраку и обѣду; если я не замѣчалъ его, потрогивалъ меня лапкой, и откушавъ удалялся съ достоинствомъ.

Стемнѣло. Я сѣлъ у открытаго окна. Наступила ночь лѣтная и спокойная какъ и вечеръ. Яркимъ, бѣлымъ свѣтомъ горитъ вечерняя звѣзда; отблескъ молодого мѣсяца блѣдно-золотистымъ столбомъ дрожитъ въ морѣ, и все оно темное покрыто то вспыхивающими, то потухающими искрами, отраженіемъ звѣзднаго неба. На горѣ цѣль огоньковъ Халки—городокъ на сосѣднемъ островѣ; азіатскій берегъ уже спитъ въ темнотѣ; на небосклонѣ вспыхиваетъ краснымъ огнемъ маякъ у Золотого Рога.

Становится поздно. Смолкли голоса. Изрѣдка лишь доносится лѣнивый лай собакъ... Что-то плеснуло разъ, другой, это шумъ веселья: медленно скользящая лодка рыбаковъ. Вдали какимъ-то темнымъ, таинственнымъ призракомъ кажется приближающійся бригъ. Гаснутъ огни; точно послѣдній изъ нихъ догораетъ мѣсяцъ, но вотъ и онъ тихо опустился за островъ.

Все уснуло.

Я проснулся рано. Въ ясномъ весеннемъ утрѣ было что-то освѣжающее, ободряющее. Яркое свѣтило солнце, веселые лѣтучи, откуда-то долетали звонкіе дѣтскіе голоса. Я вышелъ бродить по острову.

Да, утро было чудесное. Давно не испытывалъ я того добраго, грустно-слѣдковаго настроенія при которомъ какъ-то ступенчато все горькое, тяжелое, вся „злоба дня“, чувствуется мелочность, ничтожность личной жизни, и за то близка, и дорога, и понятна становится жизнь вѣдъ и

вокругъ меня, и живешь ею, и наслаждаешься красотою всюду разлитую, и голубымъ небомъ, и прозрачнымъ моремъ, и весной...

Все цвѣло. Въ садахъ стояли какъ иносѣмъ покрытыя вишней, и алыя яблоки, и вѣжно лалевыя груши, абрикосы; зеленѣла молодая сирень, готовясь цвѣсти; кусты магнолій блестящи плотными досягающимися листьями; нѣсколько розъ еще вершинительно выглядывали изъ-подъ мелкихъ, темно-красныхъ своихъ вѣтокъ; изрѣзанные листья каштановъ вѣшали клейкіе и слабые какъ не окрѣвшія еще крылья мотылька, выползшаго изъ куколки. Въ садахъ и въ виноградникахъ рабочіе заступомъ и мотыкою дружно переворачивали пласты буро-красной, влажной почвы. Чувствовался запахъ цвѣтущихъ деревьевъ и сырой земли и соленого моря, которое едва подымая лѣтняя волна, точно вздыхая, шептало у каменистаго берега.

Дорожка повела меня въ гору, поросшую кустами азалий, можжевельника, терновника, жимолости, черемухи, вереска. Тутъ также все цвѣло: воздухъ былъ насыщенъ вѣковыми, неуловимымъ благоуханіемъ дикихъ растений, вѣяло отъ нихъ медомъ, смолою, чѣмъ-то острымъ и сладкимъ. Я остановился надышаться этимъ воздухомъ, налюбоваться блѣдыми незабудками и маргаритками и какими-то яркими и бѣлыми, изрѣзанными какъ звѣзды цвѣтами, и жаль было рвать ихъ, такъ уютно росли они въ молодой травѣ, такъ добро и привѣтливо глядѣли на меня.

Видно давно никто не ходилъ по этой тропинкѣ. Она вся была заткана переливавшею на солнцѣ паутиной; приходилось безпокоить мохнатыхъ пауковъ, испуганно разбѣгавшихся въ обѣ стороны, цѣлаясь крючковатыми ногами; мошки толкались въ воздухъ; улитки переползали съ мѣста на мѣсто, поводя рогами и оставляя блестящія какъ слюда дорожки; свѣтло-зеленые жуки шумно вылетали изъ цвѣтущихъ кустовъ; лавно носились бѣлая бабочки; мелкія, сѣрозеленыя подпрыгивали въ воздухъ какъ оторванные листики; полосатый *padalirius* провесся веревочнымъ полетомъ; спокойно взмахивая темно-бархатными крыльями съ широкою бѣлою каймою подымались изящныя *atalants*; красныя и голубыя кузнечики съ трескомъ выскакивали изъ-подъ ногъ....

Идя вдоль самаго берега, по леску смачиваемому волною, по закругленнымъ камнямъ и раковинамъ, скрипѣвшимъ подъ ногами, я разглядывалъ въ прозрачной водѣ причудливыя травы, куда съ испугомъ юркнули, гнѣвшіеся въ мелководьи рыбки; нѣсколько дикихъ утокъ, завидя меня, вырнули и выплыли далеко, далеко, весело крикая и самодовольно повертывая головками.

Я поднялся къ сосновой рошѣ и сѣлъ въ тѣни. Внизу, на обѣ стороны раскинулось ярко голубое море, залитое полуденнымъ свѣтомъ южнаго солнца; широкіе, мощные загибы скалистаго берега сливались съ синевою дальнихъ хребтовъ; надъ нами высились свѣжныя вершины Олимпа, и эти очертанія, тишина, свѣтъ, благоуханія, тепло, все было такъ цѣльно, такъ стройно, такъ полно могучей, свѣтлой красы что щемило сердце и захватывало духъ.... Прошедшее и будущее потонуло въ этомъ сіяніи погоды. Вотъ жизнь, настоящая жизнь! Все другое какой-то безсвязный бредъ.

Закачались вершины сосенъ, подулъ вѣтеръ, набѣжали тучи, скрылись свѣжныя горы будто и не было ихъ, непривѣтливо потемнѣло море, какъ сонъ, какъ марево исчезла чудная картина.....

Я вернулся въ Перу....

Какъ сонъ, какъ призракъ, промелькнули минуты, дни забытѣя, спокойствія. Злыми, сѣрыми волнами нахлынули тревоги и заботы, мелкимъ, проливающимъ дождемъ зачастили скучныя дѣла и скучное бездѣлье. Стало холодно и мрачно.

Гдѣ же весна, гдѣ же солнце?...

Князь А. ЦЕРЕТЕЛЕВЪ.

Пера,
апрѣль, 1876 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Новый труд Эберса объ Египтѣ.

Описание Египта, Георга Эберса. (*Aegypten*, beschrieben von Georg Ebers, dargestellt in etwa 700 Bildern von den ersten deutschen Künstlern. 1878. Stuttgart und Leipzig Verlag von Hallberger.)

Георгъ Эберсъ, знаменитый египтологъ и авторъ извѣстныхъ романовъ *Дочь египетскаго царя*, *Уарда* и *Нотомит*, родился 1го марта 1837 года, въ Берлинѣ. Отецъ его былъ банкиромъ и славился своимъ гостеприимствомъ. Все что въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія было въ Берлинѣ знаменитаго на поприщѣ науки и искусства, сходилось въ домѣ Эберса. Гегель былъ здѣсь постояннымъ гостемъ, братья Гриммы, Шадовъ, Гоетей и многіе другіе писатели, ученые и художники постоянно посѣщали просвѣщенныхъ и привѣтливыхъ хозяевъ. Когда родился Георгъ Эберсъ, глубокое горе царствовало въ семьѣ: отецъ его умеръ за двѣ недѣли до рожденія сына, и всѣ заботы о воспитаніи мальчика должны были достаться на долю матери, энергической и умной женщины. Одинадцати лѣтъ Георгъ Эберсъ поступилъ въ учебное заведеніе д-ра Барула близъ Рудольштадта; впечатлѣніе вынесенное имъ отсюда было такъ благопріятно что онъ до настоящаго времени сохранялъ глубокую привязанность къ мѣсту своего перво-

начальнаго воспитанія. Рядомъ съ серьезнымъ ученіемъ, молодой Эберсъ много занимался физическими упражненіями, и не подлежить сомнѣнію что превосходная мѣстность и живописныя окрестности школы заронили въ молодой душѣ первыя сѣмена той чуткой впечатлительности къ природѣ и способности наблюдать и понимать ее которыя должны были въ послѣдствіи получить такое блестящее и сильное развитіе въ ученѣи и въ писателѣ. Пройдя гимназическій курсъ, Эберсъ поступилъ въ число студентовъ Геттингенскаго университета. Онъ избралъ юридическій факультетъ, но юридическія науки не особенно привлекательно подѣйствовали на него, и Эберсъ началъ по преимуществу заниматься изученіемъ археологіи и исторіи искусства. Въ это время съ нимъ случилось одно изъ тѣхъ несчастій которыя часто роковымъ образомъ дѣйствуютъ на судьбу знаменитыхъ людей. Онъ лишился вслѣдствіе сильной простуды употребленія обуви ногъ и долженъ былъ пролежать нѣсколько лѣтъ въ постели. Эта катастрофа, происшедшая въ 1858 году, рѣшила его дальнѣйшую участь. Эберсъ тщательно посѣщалъ въ Геттингенѣ лекціи профессора Угера по исторіи византийскаго искусства, и по этому поводу вскользь ознакомился съ египетскимъ искусствомъ, іероглифами и способомъ ихъ чтенія. Прикованный къ постели, онъ вспомнилъ про іероглифы и въ немъ возникло намѣреніе посвятить себя изученію египтологіи. Онъ принялся за трудъ съ необычайною, свойственною ему энергіей. Яковъ Гриммъ, старинный другъ дома, познакомилъ его со знаменитымъ Лелсіусомъ, который началъ посѣщать юношу и руководить его занятіями. По своему выздоровленіи, Эберсъ слушалъ лекціи Лелсіуса, Вругша, Рёдигера, Бёка, Гергарда, Барта и другихъ, выдержалъ въ 1862 году экзаменъ и отправился путешествовать съ цѣлю осмотра и изученія египетскихъ музеевъ.

Съ жельзною энергіей занимаясь наукой, Эберсъ не могъ заглушить въ себѣ вѣщій голосъ поэта. Въ 1863 году появился его романъ *Дочь египетскаго царя*. Въ 1866 году Эберсъ женился и поселился въ Левъ въ качествѣ приват-доцента; въ 1870 году онъ одѣлался экстраординарнымъ профессоромъ, и съ полнымъ увлеченіемъ отдавался своей трудной наукѣ, которая въ то время когда Эберсъ приступалъ къ ея изученію находилась совершенно въ новомъ поло-

жеиі нежели теперь. Египтологія была одною изъ самыхъ юныхъ, только-что возникнувшихъ отраслей знанія; грамматики и словари далеко не могли считаться удовлетворительными, научныя изслѣдованія не представляли того обилія которыми они отличаются въ наше время, и ученому предстояло собственными трудами, съ необычайною осмотрительностію и осторожностію, добывать то что въ другихъ отрасляхъ знанія давно уже сдѣлалось общимъ достояніемъ. За первымъ учебнымъ изслѣдованіемъ Эберса о XXVI Египетской династіи, написаннымъ на латинскомъ языкѣ, послѣдовало сочиненіе *Aegypten und die Bücher Moses*, въ которомъ Эберсъ задался цѣлью представить реальный комментарий ко всѣмъ мѣстамъ книгъ *Бытія* и *Исхода* имѣющимъ отношеніе къ Египту. Желаніе непосредственнымъ образомъ ознакомиться съ мѣстностію побудило Эберса предпринять путешествіе въ западныя страны нижняго Египта и на Синайскій полуостровъ, прежде нежели приступить къ изданію второй части своего труда. Отчетъ объ этомъ путешествіи изложенъ въ книгѣ *Durch Gosen zum Sinai*, въ которой авторъ чрезвычайно привлекательно разказываетъ свои дорожныя впечатлѣнія и приключенія; въ научномъ отношеніи первое посѣщеніе Эберсомъ Египта принесло тотъ результатъ что окончательнымъ образомъ былъ разрѣшенъ вопросъ о томъ какую гору слѣдуетъ считать Синаемъ. Опираясь на свое подробное знакомство съ древнѣйшею литературою христіанства, Эберсъ доказалъ что Синаемъ должна быть признана гора Сербазъ, а не та гора которая самая подъ именемъ Синаа со временъ императора Юстиніана. Окончивъ вторую часть своего сочиненія, Эберсъ снова отправился въ Египетъ. На этотъ разъ путешествіе его было продолжительнѣе, такъ какъ онъ предпринималъ изслѣдованіе всей долины рѣки Нила. Результаты вторичнаго пребыванія Эберса въ Египтѣ были чрезвычайно важны для науки. Онъ открылъ на могилѣ египетскаго полководца Аменемтеба надпись содержащую повѣствованіе о походахъ его съ царемъ Тутмосомъ III въ Сирію и въ область верхняго Евфрата и точное опредѣленіе времени въ продолженіе котораго Тутмосъ правилъ Египтомъ. Но еще важнѣе было открытіе знаменитаго папируса, съ которымъ имя Эберса будетъ соединено пока существуетъ египтологія. „Папирусъ Эберса“ есть лучший изъ всѣхъ извѣстныхъ до настоящаго времени

какъ по степени своей полной сохранности, такъ и по изяществу письма. Содержаніе его чрезвычайно важно. Это древнѣйшее руководство ко врачеванію, древнѣйшее изъ всѣхъ существующихъ описаній человеческихъ болѣзней. Матеріалъ предоставляемый этимъ драгоценнымъ остаткомъ египетской литературы еще далеко не исчерпанъ, а уже съ помощью его открыто нѣсколько новыхъ грамматическихъ законовъ и толкованій словъ, и все это благодаря образцовому изданію Эберса, которое, по отзывамъ компетентныхъ лицъ, не имѣетъ себѣ до настоящаго времени равнаго. Изъ другихъ ученыхъ трудовъ Эберса слѣдуетъ указать еще на его изложеніе египетскихъ писемъ и способъ разбирать ихъ, и на его участіе въ изданіи Рама: *Handwörterbuch des biblischen Alterthums*. Въ 1870 году Эберсъ переселился въ Лейпцигъ, послѣдовавъ приглашенію Лейпцигскаго университета, въ которомъ онъ и въ настоящее время состоитъ ординарнымъ профессоромъ. Простуда возобновила его прежнія страданія, и онъ снова слегъ въ 1876 году. Но болѣзнь какъ бы боялась коснуться духовныхъ силъ Эберса. Два знаменитые романа, *Уарда* и *Ното зит*, написаны имъ въ этотъ періодъ.

Въ настоящее время Эберсъ приступилъ къ труду который никто кромѣ него не могъ бы исполнить съ такимъ необыкновеннымъ знаніемъ дѣла и въ такомъ совершенствѣ. Это описаніе Египта. Къ живому, увлекательному слову Эберса присоединяется рядъ превосходныхъ рисунковъ исполненныхъ первоклассными художниками, каковы: Генцъ, Ленбахъ, Макартъ, Мюллеръ, Густавъ Рихтеръ, Альма Тадема, Вернеръ. Чрезвычайный интересъ предоставляемый такимъ рѣдкимъ сочетаніемъ талантовъ, направившихъ свои усилія къ одной цѣли, увеличивается въ настоящее время тѣмъ вниманіемъ которое привлекаетъ къ себѣ Египетъ. Какими цѣлями заданъ Эберсъ приступая къ описанію Египта? Цѣль эта выяснена авторомъ въ предисловіи.

Откуда происходитъ, спрашиваетъ Эберсъ, та удивительная сила притяженія которая свойственна древней землѣ Фараоновъ? Почему имя Египта, его исторія, условія его природы, его памятники стоятъ къ намъ въ совершенно иныхъ отношеніяхъ между тѣмъ же явленія другихъ странъ? Египетъ знаютъ всѣ. Ребенокъ едва начинаетъ учиться какъ уже слышитъ разказы о добрыхъ

и замѣхъ Фараонахъ; прежде нежели онъ узнаетъ имя на рѣкѣ орошающихъ его отечество, ему уже знакомо имя Нила, на покрытыхъ тростникомъ берегахъ котораго былъ найденъ младенецъ Моисей; онъ слышитъ разказъ про Иосифа въ Египтѣ и знаетъ что оюда же, на древнюю и почтенную почву Египта, укрылась Богоматерь со младенцемъ Иисусомъ. Часто встречаемое въ природѣ математическое тѣло носитъ названіе *пирамиды*, и это имя оно получило отъ египетскихъ построекъ, а не наоборотъ. По имени египетскаго дворца называется *лабиринтомъ* каждое запутанное, недоное, многосложное сочетаніе предметовъ. Мы называемъ *гиперсимболомъ* всякую мысль скрытую подъ мистическою формою, и замѣствуемъ это слово отъ названія египетскихъ писемъ. Намъ приходится на каждомъ шагѣ совершенно безсознательно имѣть дѣло съ предметами и представленіями возникнувшими на почвѣ Египта.

Современный Египетъ остался такимъ же привлекательнымъ и своеобразнымъ какимъ онъ былъ во времена Геродота, по словамъ котораго долина Нила заключаетъ больше достопримѣчательностей нежели какая-либо другая страна, а жители ея столько же отличаются отъ другихъ людей своимъ правомъ и законами, сколько земля ихъ отличается отъ другихъ земель своею рѣкою и своимъ климатомъ. Нилъ, климатъ Египта и многое другое остались такими же какими они описаны у Геродота. Закономъ и нравы измѣнились, и только изслѣдователь можетъ найти въ существующихъ обычаяхъ воспоминаніе и остатки прежнихъ временъ. За злохой Фараоновъ послѣдовало греческое и римское владѣтельство, эпоха христіанства и безплощадное владѣтельство Ислама. Въ настоящее время на престолѣ Египта сидитъ правитель который съ успѣхомъ старается воспользоваться для своего народа ледями европейской культуры. Но вмѣстѣ съ этою западною культурою въ Египетъ вступило и ея порожденіе, безсодержательная внутри, разрушительная снаружи, такъ-называемая цивилизація. Она ненавидитъ все своеобразное, она стремится къ безплощадному уравнианію и срываетъ съ улицъ и площадей, деревень и городовъ, лозію ихъ своеобразнаго стила создававшегося на почвѣ Востока. Она проникаетъ въ жилища, и на мѣсто стараго, роскошнаго простора ставитъ бережливое, трезвое пользованіе пространствомъ; она заставляетъ

мущинъ покинуть роскошную восточную одежду и богатое оружіе, женщинъ — стремиться къ некрасивымъ нарядамъ ихъ европейскіхъ сестеръ. Свистокъ локомотива летящаго черезъ поля и лутыни какъ бы свѣтоса надъ терлѣиенъ верблюда и быстротой арабскаго коза; одежда и вооруженіе войскъ становятся все болѣе похожими на европейскіе образцы. Народные праздники еще сохранили свой оригинальный характеръ; но въ большихъ городахъ европейскіе экипажи начинаютъ вытѣснять верховнаго коза, а египетская военная музыка играетъ мѣсы Рихарда Вагнера и Верди. Въ зажиточныхъ арабскихъ домахъ европейская мебель вытѣсняется восточные диваны, комода занимаютъ мѣсто богато украшенныхъ ларцовъ, а кофе пьютъ уже не изъ чеканнаго металлическаго фиалана, но изъ изящныхъ фарфоровыхъ чашекъ. Какъ въ кружевахъ, такъ и въ мелочахъ оттѣсняются и бѣднѣютъ все особенности Востока. Имъ грозитъ опасность совершенно исчезнуть въ теченіе немногихъ годовъ.

Ни одна изъ этихъ особенностей пока не стерлась еще безслѣдно. Глазъ художника еще можетъ найти въ герцахъ и въ деревнѣ, на улицахъ и въ домахъ, подъ открытымъ небомъ и въ палаткахъ, между знатными и простолюдинами, обитателями городовъ и жителями лутыни, среди торжествъ и повседневныхъ занятій населенія долины Нила древнія, живописныя, яркія, своеобразно прекрасныя формы. Въ Египтѣ еще сохранились величественныя слѣды трехъ великихъ эпохъ искусства: древнеегипетской, греческой и арабскаго. Они сохраняются еще долго. Но многія и самыя привлекательныя черты своеобразной восточной жизни исчезнутъ прежде нежели пройдетъ десять лѣтъ; кое-что исчезнетъ еще ранѣе; быть-можетъ ни одна изъ этихъ чертъ не доживетъ до начала слѣдующаго столѣтія. „Я знаю и люблю Египетъ, продолжаетъ Эберсъ,—и поэтому съ радостію взялъ на себя задачу собрать на поученіе и на радость современникамъ и грядущему поколѣнію все что прекрасно и почтенно въ древнемъ и современномъ Египтѣ, все что въ немъ живописно, своеобразно и привлекательно. Я говорю на радость, ибо картины которыя я долженъ сопроводить объяснительнымъ словомъ—единственныя въ своемъ родѣ. Величайшіе германскіе художники и глубочайшіе знатоки всего живописнаго что представляетъ Востокъ пре-

доставили намъ эти картины. Египетъ представляется въ нихъ такимъ какъ онъ отражается въ душѣ художника, а не на пластинкѣ фотографа.“

Два первые выпуска *Описанія Египта* уже вышли и лежатъ предъ вами. Текстъ заключаетъ въ себѣ описаніе древней и новой Александріи. Семь большихъ картинъ и болѣе тридцати рисунковъ въ текстѣ наглядно поясняютъ слово и принадлежатъ карандашу Генца (*Мудезимы зовущіе на молитву, Стриука серблюдоев, Еснута*), Рихтера (*Корабль Омара, Египетская дѣвушка, Пальмы*), Мюллера (*Желтухина гарема, Вдова, Сборъ финиковъ, Развалины древней Александрійской стѣны, Малкъ въ Александріи*), Макарта (*Египтянки у колодца*), Вернера, Глаута, Бургера, и т. д. Рисунки не оставляютъ желать ничего лучшаго какъ по замыслу, такъ и по исполненію. Какъ на первомъ между равными имъ могли бы указать въ двухъ первыхъ выпускахъ на *Мудезимовъ* Генца и на *Омара* Густава Рихтера. Все изданіе будетъ состоять приблизительно изъ 36 выпусковъ въ размѣрѣ пяти листовъ in folio каждый. Бумага и печать превосходны.

II. Новый романъ Золя.

Emile Zola: *Une page d'amour*. 1878, 8me édition, Paris, Charpentier.

Новый романъ Золя открывается чертежомъ изображающимъ родословное дерево семьи Руговъ-Маккаръ. Авторъ сопровождаетъ это приложеніе замѣткою. „Двѣ причины побудили меня, говорить онъ, присоединить къ этому роману родословное дерево семьи Руговъ-Маккаръ. Первая состоитъ въ томъ что многіе его у меня просили. Дѣйствительно оно должно помочь читателю ориентироваться среди многочисленныхъ членовъ семьи, историкомъ которой я одѣлся. Вторая причина болѣе сложная. Я сожалѣю что не помѣстилъ родословнаго дерева въ первомъ томѣ этой серіи романовъ чтобы сразу показать мой планъ во всей его цѣлости. Еслибъ я сталъ медлить еще, меня стали бы наконецъ упрекать въ томъ что я искусственно создалъ его въ послѣдствіи. Пора, давно пора уже установить тотъ фактъ что планъ

мой построенъ въ своемъ настоящемъ видѣ еще въ 1868 году, прежде нежели я написалъ хотя бы одну строку моего романа. Это одѣлается очевиднымъ изъ чтенія перваго эпизода *La fortune des Rougon*, въ которомъ я не могъ бы установить основанія всего послѣдующаго, не опредѣливъ предварительно всѣ развѣтвленія и поколѣнія семьи Ругонъ-Маккаръ. Трудность увеличивалась тѣмъ что я ставилъ лицомъ къ лицу четыре поколѣнія и что дѣйствующія лица вращались въ періодѣ обнимавшемъ собою всего восемнадцать лѣтъ. Обнародованіе родословной служить съ моей стороны отвѣтомъ тѣмъ которые обвиняли меня въ погонѣ за событіями для и за скандалами. Начиная съ 1865 года я пополняю рамку которую я предначерталъ себѣ; родословное дерево намѣчаетъ для меня основныя линіи плана и не позволяетъ мнѣ уклоняться ни направо, ни налево. Я долженъ неуклонно слѣдовать ему; въ немъ заключаются моя сила, оно служить мнѣ путеводительною нитью. Выводъ совершенно готовъ. Вотъ что я хотѣлъ сказать и вотъ что я одѣлаю.“

„Мнѣ остается объяснить, продолжаетъ Зола, что только стеченіе обстоятельствъ повредило меня обнародовать родословное дерево вмѣстѣ съ *Une page d'amour*, этимъ циничнымъ произведеніемъ написаннымъ пелутонами. Я предполагалъ присоединить родословную только къ послѣднему тому. Восемь томовъ уже появились, двѣнадцать еще въ работѣ (*sur le chantier*); вотъ почему у меня не достало терпѣнія ждать долѣе. Въ моихъ предположеніяхъ родословное дерево есть результатъ наблюденій Паскаля Ругона, врача, члена семьи Ругонъ-Маккаръ. Онъ будетъ героемъ послѣдняго романа представляющаго научное заключеніе моего труда. Врачъ Паскаль освѣтитъ его своими учеными анализами, дополнитъ его положительными указаніями которыхъ я долженъ былъ олуstitъ чтобы не разоблачить тайны будущихъ эпизодовъ. Естественная и социальная роль каждаго члена семьи будетъ окончательно опредѣлена, а комментарий отниметъ все чуждое у техническихъ терминовъ. Читатели, впрочемъ, уже могутъ сами исполнить значительную часть этого труда. Я не буду указывать здѣсь на всѣ сочиненія по физиологіи которыя служили мнѣ матеріаломъ для справокъ. Я только укажу на трудъ доктора Люкаса *l'Hérédité naturelle*: любопытные могутъ найти

въ немъ объясненія той физиологической системы съ помощью которой я устанавливалъ родословное дерево семьи Ругонъ-Маккаръ. Въ настоящее время я просто желаю доказать что романы издаваемые мною въ теченіе девяти лѣтъ находятся все въ зависимости отъ обширнаго цѣлаго, и что слѣдовательно необходимо при обсужденіи каждаго эпизода въ отдельности имѣть въ виду то мѣсто которое онъ занимаетъ въ гармоніи цѣлаго произведенія. Только тогда можно произвести о моемъ трудѣ болѣе справедливое и широкое сужденіе.“

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ романомъ физиологическимъ. Зола ли разу еще не высказывался такъ опредѣленно и положительно о характерѣ своего труда. Этотъ романъ написанный на основаніи цѣлага ряда сочиненій по физиологіи, романъ требующій родословнаго дерева для своего поясненія и долженствующій въ своемъ послѣднемъ, *двадцатомъ* томѣ представить научный анализъ врача надъ всеми дѣйствующими лицами. Современный романъ уже приучилъ насъ къ разнаго рода уклонамъ. Мы знаемъ что нѣчто подобное сочиненію Зола предпринято Фрейтагомъ въ его многотомномъ романѣ *Die Ahnen*. Намъ кажется что романъ построенный на изученіи сочиненій по физиологіи выходитъ за предѣлы своей задачи, что существуетъ органическое различіе между приемами и цѣлями искусства и науки. Но мы послѣдуемъ совѣту Зола и подождемъ высказывать свое сужденіе объ его трудѣ которому не достаетъ еще цѣлыхъ двѣнадцати томовъ до его заключенія. Мы постараемся лишь намѣтить въ главныхъ чертахъ содержаніе новаго романа Зла какъ отдельнаго литературнаго произведенія

Романъ этотъ представляетъ намъ сравнительно наиболѣе слабымъ изъ всего написаннаго до настоящаго времени Эмилемъ Зола. Намъ кажется что авторъ самъ сознавалъ эту относительную слабость своего послѣдняго произведенія и не безъ намѣренія указалъ въ предисловіи на необходимость судить о немъ лишь въ его гармонической связи съ цѣлымъ. Этому цѣлѣ мы не имѣемъ еще предъ глазами, и намъ невозможно приложить къ роману математическаго приѣма пропорціональной критики. Самое заглавіе романа кажется читателю чѣмъ-то фальшивымъ когда онъ осматриваетъ большую его посылку. Это совсѣмъ не та цѣлѣсть

о которой можно было бы думать судя по заглавію. Это даже не любовь, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ въ какомъ мы привыкли встрѣчать понятіе о любви въ литературныхъ, художественныхъ произведеніяхъ. Любви этой не достаетъ ея наиболѣе симпатичной, эстетической, общечеловѣческой стороны: не достаетъ психологическаго мотива, какой бы то ни было идеализаціи. Мы присутствуемъ при развитіи у молодой, здоровой, красивой, слокойной, нѣсколько флегматичной вдовы молчаливаго, физиологическаго подчиненія такому же молодому, здоровому, плечистому мушкетѣ. Она не падаетъ, она только отдается, и не въ порывѣ горячаго, страстнаго чувства, нѣтъ, а только потому что, какъ ей кажется, это должно такъ быть, что болѣе ничего не остается дѣлать. Это не любовь, а какой-то физиологическій силлогизмъ, не страсть и не увлеченіе, а примѣръ изъ медицинской практики. Еще страшнѣе отношеніе автора къ герою. Зола не обрисовалъ ни однимъ штрихомъ его нравственной физіономіи и совершающихся въ душѣ его психическихъ процессовъ. Это какая-то тулая животная сила которая багровымъ заревомъ вспыхиваетъ повременамъ подъ оболочкою челоуѣка, какое-то стихійное начало безсознательно дѣйствующее по сабному инстинкту и какимъ-то роковымъ образомъ повинующееся органическому призванію поглотить столь же неосознательно и туло поддающуюся ему жертву. Рядомъ съ главными лицами, Еленой и Генри, авторъ выводитъ другую пару, деревенскую дѣвушку и деревенскаго парня только-что поступившаго въ солдаты. Между этою парой такъ же существуетъ то отношеніе которое Зола называетъ любовью. Медленно, туло и туго, но неотразимо развивается этотъ процессъ въ средѣ кухни, среди щипковъ, пощечинъ, колотушекъ, ударовъ по сплнѣ и по рукамъ. Это какъ бы прототипъ того процесса который происходитъ между главными лицами романа. Наконецъ есть еще третья пара, жена Генри и богатый пустой франтъ, *le beau Malignon*. Между этою послѣднею парой завязывается интрига отъ нечего дѣлать, интрига служащая ликантнымъ примѣсненіемъ различныхъ приключеній вычитанныхъ въ романахъ, живописная экскурсія въ области проституціи.

Но эти пары не исчерпываютъ содержанія романа. Рядомъ съ ними авторъ изображаетъ дѣвочку двѣнадцати

лѣтъ, дочь героини. Эта дѣвочка, Жанна, занимаетъ широкое мѣсто въ послѣднемъ романѣ Зола, настолько широкое что онъ отвелъ ей особый листъ на родословномъ деревѣ семьи Руговъ-Маккаръ. *Jeanne Grandjean*, значится на этомъ листѣ, *née en 1842. Hérité en retour, autant deux générations. Ressemblance physique d'Adelaide Fouqué.* Прабабушка Жанны, Аделаида Фуке, страдала врожденнымъ неврозомъ; Жанна имѣетъ съ нею физическое сходство и страдаетъ хлорозомъ и анеміею переходящими въ быстро-течную чахотку. Зола съ особенною подробностью останавливается на этомъ ребенкѣ въ которомъ женщина пробуждается равнѣ обыкновеннаго, которая инстинктивно угадываетъ отношенія своей матери къ доктору Дебэру и умираетъ оттого что мать принадлежитъ уже не одной ей. Мы возвращаемся въ душливой атмосферѣ физиологическихъ процессовъ и патологическихъ явленій. Не пересказывая ихъ подробно, мы познакомимъ читателей съ двумя главными лицами этой *Page d'amour*.

Елена была дочь шпалника Мурэ, жившаго въ Марсели. Ея мать постоянно хворала, отецъ работалъ съ утра до ночи. Когда ей было семнадцать лѣтъ, въ нее влюбился Гравжанъ, сынъ богатаго сахаровара. Родители его были противъ этой свадьбы, но онъ настоялъ на своемъ и они оставили его съ женою жить въ бѣдности. Такъ прошло двѣнадцать лѣтъ. Одинъ изъ родственниковъ, умирая, оставилъ мужу Елены довольно значительное состояніе. Онъ немедленно рѣшился уѣхать изъ Марсели и отправиться въ Парижъ. Едва успѣвъ выдти изъ вагона, Гравжанъ внезапно умеръ и Елена осталась съ Жанной совершенно одинокою въ неизвестномъ ей Парижѣ. Но у нея нашлись знакомые, добродушный старикъ аббатъ Жуве и его братъ, г. Рамбо, negociantъ, удалившійся отъ дѣлъ. Они отыскали Еленѣ квартиру, наняли ей кухарку, устроили ея жизнь, и жизнь эта сложилась ровню, спокойно и однообразно. Елена нигде не выходила; она занималась исключительно своимъ хозяйствомъ и своею дочерью. Она много шила и ничего не читала. Зола не говоритъ намъ чтобы потеря мужа оставила какую-либо пустоту въ ея существованіи. Въ извѣстный день къ обѣду являлись аббатъ и г. Рамбо. Другихъ гостей у нея не было.

Елена познакомилась съ докторомъ Генри Дебэрмъ, въ домѣ котораго она жила, вслѣдствіе внезапнаго припадка случившагося ночью съ Жанною. Въ испугѣ, полуодѣтая, она бросилась сама на улицу искать врача и случайно попала къ Дебэру. Они въ первый разъ увидались у постели Жанны. Вотъ портретъ героя и героини какъ ихъ рисуетъ Зола:

— „Ея отецъ часто бывалъ боленъ, тихо сказала Елена.— Я всегда была здорова.

Докторъ, который еще ни разу не смотрѣлъ на нее, поднималъ глаза и не могъ сдержать улыбку, такъ она показалась ему сильна и здорова. Она также улыбнулась своею доброю, спокойною улыбкой. Она была счастлива сознаниемъ своего здоровья.

Но онъ не отводилъ отъ нея глазъ. Никогда еще онъ не видалъ такой правильной красоты. Высокая, роскошная, она походила на Юнону съ золотисто-каштановыми волосами, въ которыхъ свѣтились блѣлокурныя отливы. Когда она медленно поворачивала свою голову, профиль ея принималъ строгость и чистоту статуи. Ея сѣрые глаза и бѣлые зубы обливали свѣтомъ ея лицо. У нея былъ круглый, нѣсколько крутой подбородокъ, придававшій ей разсудительный и твердый видъ. Но всего болѣе поражала доктора гордая нагота этой матери. Шаль ея спускалась съ плечъ, грудь была полуоткрыта, руки обнажены. Густая прядь волосъ золотисто-темнаго цвѣта спускалась черезъ плечо и терялась на груди (*se perdait entre les seins*). И несмотря на весь безпорядокъ своей одежды, несмотря на то что юбка была завязана кое-какъ и волосы растрепались, она сохраняла величіе и такую высоту скромности и стыдливости которыя сохраняли ея цѣломудренною подъ взорами этого чело-вѣка выразившими уже сильное смущеніе.“

Такова была Елена. Посмотримъ каковъ Генри:

„Она сама посмотрѣла на него одно мгновеніе. Докторъ Дебэръ былъ чело-вѣкъ тридцати лѣтъ лѣтъ, съ бритыми, нѣсколько продолговатыми лицомъ; у него были умные глаза и тонкія губы. Въ то время какъ Елена смотрѣла на него, она замѣтила въ свою очередь что у него была голая шея. Они остались такимъ образомъ другъ противъ друга; между ними лежала уснувшая Жанна. Но это пространство раздѣлявшее ихъ и бывшее нѣсколько минутъ тому назадъ

громкимъ, казалось становилось все тише. Ребенокъ дышалъ слишкомъ тихо. Елена медленно подняла шаль на плечи и завернулась въ нее, между тѣмъ какъ докторъ застегивалъ воротникъ своего пальто.

Такова была первая встрѣча Елены и доктора Дебѣра. Она хотѣла отправиться благодарить его на слѣдующій день, но все откладывала это намѣреніе по причинамъ которыя она сама не въ состояніи была бы объяснить. „Эти колебанія заставляли ее заниматься докторомъ; разъ утромъ она встрѣтила его и спряталась какъ ребенокъ.“ Случай помогъ имъ сойтись ближе. По совѣту аббата Жуве, Елена начала посѣщать одну больную старуху; докторъ Дебѣръ навѣщалъ ее также. „Она спрашивала его про здоровье больной; потомъ они разговаривали нѣсколько минутъ про разные предметы, стоя другъ противъ друга и смотря себѣ прямо въ глаза. Между ними начала завязываться близость. Они удивлялись, открывая что у нихъ одинаковые вкусы. Часто они понимали другъ друга не произнося ни одного слова. Они находились далеко отъ свѣта, раздѣляли единственный стулъ стоявшій въ комнатѣ; они были почти счастливы окружавшимъ ихъ безобразіемъ и нищетой, умилавшими ихъ и сближавшими ихъ между собою чрезъ это умиленіе. Чрезъ недѣлю они знали другъ друга такъ хорошо какъ будто бы они прожили вмѣстѣ цѣлые годы.“ Старуха отблагодарила по своему. Выздоровѣвъ, она заперла Елену и доктора въ своей комнатѣ, искусно найдя поводъ удаляться. Они оба смутились и поспѣшили уйти.

Елена познакомилась съ женою доктора Дебѣра. Они ходили вмѣстѣ въ церковь, и докторъ являлся каждый разъ провожать ихъ. Елена почти каждый день приходила сидѣть въ саду Дебѣровъ. „Глаза Генри во время разговора часто встрѣчались съ глазами Елены. Они глядѣли въ упоръ другъ на друга въ продолженіе секунды, какъ будто проникая взорами въ сердце другъ другу; потомъ они улыбались и медленно опускали рѣсницы. Они обмѣнивались медленными и тихими фразами которыя, казалось имъ, принимали глубокій смыслъ. При каждомъ словѣ они выражали легкимъ наклоненіемъ головъ свое согласіе, какъ будто бы всѣ мысли ихъ были общія. Елена признавалась теперь сама себѣ что между ею и имъ существовало скрытое чувство, а сладость этого ощущенія увеличивалась потому что

никто въ цѣломъ свѣтѣ не раздѣлялъ его съ ними. Аббатъ Жуве замѣтилъ однако что въ Еленѣ происходитъ перемѣна. Онъ указалъ ей на то что въ ея лѣта не слѣдуетъ удаляться отъ жизни, и наконецъ объявилъ что братъ его, г. Рамбо, предлагаетъ ей свою руку. Елена сказала что она будетъ долго думать. Дебэръ узналъ про это предложеніе отъ Жанны. Страсть вспыхнула въ немъ сильнѣе при мысли о возможности этого брака. На дѣтскомъ балу, который давала его жена, онъ признался Еленѣ въ своей любви. Елена молча убѣжала къ себѣ домой. Вотъ какъ описываетъ Зола ея чувства:

„Елена не сопротивлялась болѣе. Она чувствовала что не можетъ болѣе бороться со своимъ сердцемъ. Генри можетъ ее взять, она отдавалась ему. Она испытывала безконечное счастье при мысли что ей не нужно болѣе бороться. Зачѣмъ ей было долѣе отказывать? Развѣ она не достаточно долго ждала? Воспоминаніе о прошлой жизни наполняло ее презрѣніемъ и гнѣвомъ. Какъ могла она существовать такою холодною, какъ могла она прежде гордиться этою холодною? Она вспоминала какъ она зябла дѣвушкою въ маленькой Марсельской улицѣ, никогда не видавшей солнечнаго луча; она вспоминала какъ вышедши замужъ она оставалась холодною подлѣ ея мужа, этого большого ребенка, цѣловавшаго ея ноги; она припомнила все свое существованіе, припомнила какъ она шла все тою же дорогой, безо всякаго волеженія которое нарушило бы ея спокойствіе. И это одиообразіе, и эта дремота любви приводили ее теперь въ ожесточеніе. Какъ! она считала себя счастливою въ теченіе тридцати лѣтъ, въ то время какъ сердце ея было пусто и она наполняла пустоту своего существованія только своею гордостью честной женщины! Она отрицала прежде паденіе, она думала что дойдетъ до конца, не задѣвъ ногой за камень. Теперь она требовала этого паденія, она желала бы чтобъ оно было мгновенно и глубоко.“

Мы прослѣдили въ крупныхъ чертахъ развитіе того процесса который Зола называетъ *une rage d'amour* и не будемъ продолжать далѣе анализа на этой физиологической почвѣ. Справедливость требуетъ указать что въ романѣ Зола есть нѣкоторыя превосходныя главы. Къ числу ихъ относится та въ которой авторъ описываетъ похороны Жанны. По смерти ея Елена вышла замужъ за г. Рамбо.

III. Нынѣшняя Греція.

1. *La Grèce telle qu'elle est*, par P. A. Moraitinis. Paris, Firmin Didot 1878.
2. *Précis d'une histoire de la littérature neohellenique*, par A. R. Rangabe, Berlin, Calvary. 1877.
3. *La Turquie ou la Grèce*, par R***, Paris, 1877.
4. *Peloponnesische Wanderung* von Wilhelm Lang. Berlin, Gebrüder Paetel. 1878.

Что такое нынѣшняя Греція? Событія настоящаго времени придаютъ особый интересъ этому вопросу. Съ разныхъ сторонъ слышатся на него весьма разнорѣчивые отзывы. Это страна которой предстоить великая будущность, говорятъ одни. Это государство неспособное къ политической жизни, восклицаютъ другіе. На чьей сторонѣ правда? или можетъ-быть, какъ обыкновенно случается, и въ томъ и въ другомъ мнѣніи есть доля истины, только затемнен-ная духомъ партіи, личными наклонностями? Современная Греція находится, по замѣчанію одного нѣмецкаго путешественника *, въ такомъ же неблагоприятномъ положеніи какъ дѣти слишкомъ знаменитыхъ родителей. Ея далекое прошлое, воскрешаемое предъ нами классическою школою, и располагаетъ въ ея пользу, и вредить ей. Мы забываемъ разстояніе, отдѣляющее нынѣшнихъ Грековъ отъ согражданъ Перикла, Фидія, Платона. Вотъ почему горячее сочувствіе къ нимъ часто смѣняется внезапнымъ охлажденіемъ. Въ 1821 году, при началѣ войны за независимость Греціи, повсюду въ Европѣ съ восторгомъ привѣтствовали возрожденіе великаго народа, и вдругъ, едва кончилась война, едва образовалось независимое государство греческое, восторгъ смѣнился равнодушіемъ, чуть не презрѣніемъ, когда новое государство оказалось не такимъ какимъ ожидали.

Припомнимъ однако, въ какихъ оно находилось условіяхъ. Можно сказать что послѣ войны за свою независимость Греція во всѣхъ почти отношеніяхъ была *tabula rasa*: все приходилось заводить, устранивать, создавать сызнова. Въ 1832 году въ новомъ Греческомъ государствѣ насчиты-

* Dr. Gustav Hirschfeld. *Deutsche Rundschau*, April 1878.

валось всего 612,608 жителей, земледѣліе находилось въ крайнемъ упадкѣ, виноградарьки были истреблены, фруктовые деревья сожжены и вырублены дикими воинами Ибрагима; главные статьи торговли почти уничтожены; 1.000 судовъ, большею частію мелкихъ, всего въ 33.600 тоннъ вѣстимости, составляли всю морскую силу; города лежали въ развалинахъ; въ Аѳинахъ не уцѣлѣло отъ времени турецкаго владычества ни одного дома. Ко всему этому надо прибавить еще два обстоятельства, весьма неблагоприятныя для политическаго развитія, вредное вліяніе которыхъ особенно сильно чувствовалось при началѣ самостоятельной государственной жизни и до сихъ поръ еще продолжаетъ оказываться. При турецкомъ владычествѣ у большинства Грековъ вошло въ обычай, для сохраненія имущества и личной безопасности, отдаваться подъ покровительство какому-нибудь богатому, знатному соотечественнику пользовавшемуся почему-либо вліяніемъ и уваженіемъ у Турокъ. Этотъ вліятельный человекъ съ своей стороны старался конечно умножить по возможности число такихъ безусловно преданныхъ ему кліентовъ чтобъ упрочить и усилить свое вліяніе, а при случаѣ и подорвать вліяніе какого-нибудь соперника. Такъ составились многочисленныя группы, партіи, тѣсно сомкнутыя, неразрывно связанныя личными интересами, и часто враждовавшія другъ съ другомъ. Вожди этихъ партій были главами возстанія противъ Турокъ.

По окончаніи войны имъ не хотѣлось отказаться отъ положенія почти неограниченныхъ въ своемъ кругу властителей, и приверженцы ихъ не склонны были признавать надъ собою другой власти. Отсюда внутреннія несогласія, раздоры, весьма серьезныя затрудненія для новаго правительства.

Еще тяжелѣе отзывается на благосостояніи страны другое обстоятельство. Изъ областей возставшихъ некогда противъ владычества Турокъ, лишь малая часть вошла въ составъ Греческаго государства. Во время войны, именно въ 1824 и 1825 годахъ, были сдѣланы въ Англіи два займа, всего на номинальную сумму 2,300,000 фунт. стерл. При этомъ имѣлось въ виду что заемъ этотъ падеть не на провинціи только теперешняго королевства, но и на Эпиръ, Фессалію, Македонію, Малоазіатскія острова, гдѣ также кипѣла война. И однако акціи займа, какъ дѣла весьма рискованнаго, цѣнились только въ 55 за сто, такъ что въ

дѣйствительности Греція, то-есть всѣ возставшія области, получили не болѣе милліона фунтовъ стер. Деньги эти были немедленно истрочены на военныя потребности, а по окончаніи войны вся номинальная сумма долга легла на Греческое государство, сложившееся далеко не въ тѣхъ предѣлахъ какъ сначала предполагалось. Этого мало. Изъ Греціи оставшихся подъ турецкою властью, которыхъ насчитывается около 6.000.000, всакій кто только можетъ перебирается въ Греческое королевство и старается тамъ добиться положенія, сдѣлать карьеру. Отсюда постоянный приливъ честолюбивыхъ, тревожныхъ элементовъ, множество искателей на каждую должность, соперничества, происки, потрясенія, частыя смѣны министерствъ.

И несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, при которыхъ и создалась, и развивалась до сихъ поръ кумѣшная Греція, она, какъ доказываетъ авторъ перваго изъ обозначенныхъ нами въ заголовкѣ сочиненій, сдѣлала весьма значительные успѣхи въ непродолжительный еще періодъ своего самостоятельнаго существованія.

Народонаселеніе уже въ 1870 году (при послѣдней переписи) возрасло до 1.228.378 человекъ. Слѣдовательно оно въ Греціи удвоилось въ 45 лѣтъ, тогда какъ въ Пруссіи, напримѣръ, періодъ удвоенія народонаселенія 48 лѣтъ, въ Италіи 136 лѣтъ, во Франціи 165 лѣтъ. Почти половина всей площади государства теперь воздѣлана, что весьма значительно при гористой, во многихъ мѣстахъ каменистой и негодной для земледѣлія почвѣ. Выѣшная торговля быстро расширилась. Главную статью вывоза составляетъ такъ-называемая корица. Ея вывозилось по окончаніи войны за независимость всего около 5.000.000 фунтовъ, исключительно въ Англію, а въ 1874 году вывозилось уже около 133.000.000, что представляетъ цѣнность приблизительно въ 35.000.000 франковъ. Количество виноградниковъ въ продолженіе 38 лѣтъ, съ 1830 по 1868 годъ, увеличилось въ двадцать разъ; производство табаку въ послѣднія двадцать лѣтъ увеличилось въ пять разъ; производство хлопка съ 1862 по 1864 годъ возрасло въ восемь разъ. Лишь въ весьма недавнее время, именно съ 1869 года, появилось въ Греціи фабричное производство. Теперь въ Пирей, при 18.000 жителей, 30 паровыхъ фабрикъ, а во всей странѣ ихъ 112; сверхъ того 300 фабрикъ дѣйствующихъ не паровою силой, и 400 большихъ промыш-

лемыхъ заведеній разнаго рода. На этихъ фабрикахъ и заведеніяхъ работаетъ 24.300 человекъ и производится цѣнностей ежегодно на 166.000.000 драхмъ. Греческій флотъ весьма значительно увеличился: въ 1874 году въ немъ насчитывалось уже 5.830 судовъ со вмѣстимостью въ 260.700 тоннъ. Наряду съ этими матеріальными успѣхами идетъ и развитіе образованности. Почти тотчасъ же, какъ только образовалось независимое Греческое государство, въ 1834 году, было введено обязательное даровое обученіе, въ 1839 году основанъ былъ университетъ. Весьма знаменательно развитіе въ Греціи школьнаго дѣла. Въ 1830 году въ ней была 71 элементарная школа съ 6.721 учениками, въ 1860 году было 695 элементарныхъ школъ въ которыхъ обучалось 42.230 человекъ, въ 1874 году 1.127 школъ и въ нихъ 74.561 учениковъ. Въ университетѣ въ 1875 году было 1.400 студентовъ и 74 профессора. Въ современной Греціи издается 129 газетъ и журналовъ, изъ коихъ 55 въ Афинахъ, 10 въ Патрасѣ. Вотъ цифры и данныя которыми г. Морайтинисъ, самъ природный Грекъ, доказываетъ что если его отечество и не оправдало надеждъ возлагавшихся на него слишкомъ восторженными приверженцами, оно не заслуживаетъ и осужденія съ какимъ смотрѣть на него недоброжелатели. Во всякомъ случаѣ свидѣнія эти не лишены интереса, и книга г. Морайтиниса заслуживаетъ вниманія.

IV. Новое произведеніе Виктора Гюго.

Le Pape. Par Victor Hugo. Paris. Culman-Lévy.

Только-что вышедшее подъ этимъ заглавіемъ новое произведеніе Виктора Гюго, весьма своеобразно, даже для этого писателя уже давно приучившаго насъ къ своимъ своеобразностямъ. Это въ сущности не что иное какъ рядъ эффектныхъ изреченій, поразительныхъ образовъ, неясныхъ, изысканныхъ мыслей, лирическихъ изліяній, произвольно связанныхъ или, лучше сказать, только сопоставленныхъ другъ съ другомъ. Мѣста поэтическія, благородныя чувства, возвышенныя взгляды много теряютъ отъ того что слова которыя произвели бы хорошее впечатлѣніе на чита-

тебя, еслибы сказаны были отъ лица самого поэта, влагаются въ уста палы. Несообразность такъ рѣзка что вмѣсто теплаго сочувствія, какое хотѣлъ вызвать авторъ, невольно возбуждается смѣхъ. Не можемъ удержаться чтобы не привести нѣсколько отрывковъ: они лучше всего характеризуютъ это странное сочиненіе щеголяющаго странностями поэта. Пала слить въ Ватиканъ. Снѣжъ, по мнѣнію Виктора Гюго, не есть необходимое отдохновеніе, возстановляющее физическія силы, это „пробужденіе души“, такое состояніе въ которомъ человѣкъ видитъ, слышитъ, понимаетъ то что недоступно ему наяву.

La vie est une page obscurément pliée,
Que l'homme en mourant lit, et déchiffre en dormant.
Le sommeil est un sombre épanouissement...

Итакъ пала слить. Къ нему являються короли. Происходить слѣдующій разговоръ:

Les Rois. Salut, Pape. Nous sommes
Les tous-puissants, les rois, les maîtres.
Le Pape. Salut, hommes.
Les Rois. Prêtre, nous sommes rois.
Le Pape. Pourquoi?

На этотъ странный, неожиданный вопросъ „короли“ стараются отвѣчать по возможности удовлетворительно, но пала не удовлетворяется ихъ отвѣтами. Наконецъ они его спрашиваютъ:

Les Rois. N'es-tu pas roi toi-même?
Le Pape. Moi! Régner! Non!
Les Rois. Alors, qu'est ce que tu fais?
Le Pape. J'aime.

Завивъ такимъ образомъ о своемъ исключительномъ значеніи, пала затѣмъ, среди непрерывно мѣняющихся оцѣнъ, произноситъ рядъ весьма поэтическихъ, можетъ-быть прекрасныхъ, но для палы именно совершенно невозможныхъ рѣчей. Такъ, послѣ увѣщанія толпъ на улицѣ, онъ восклицаетъ:

O Soleils! Astres! Gouffres des êtres!
Que dites vous du pape infallible et des prêtres,
Des conciles, mettant le pied sur vos hauteurs?
Que dis tu de ce tas de sinistres docteurs,
Ciel terrible, imposant leur néant au mystère,
Et tâchant d'ajouter à Dieu le ver de terre!

Мимоходомъ онъ весьма простымъ способомъ обращаетъ невѣрующаго. Бѣднякъ, встрѣчая его, говоритъ:

Je ne crois pas en Dieu.

Папа отвѣчаетъ:

Tu dois avoir faim.

Даетъ ему кусокъ хлѣба и когда онъ съѣлъ его начинаетъ опять разговоръ:

Et maintenant parlons de Dieu,

На что бѣднякъ отзывается тотчасъ же:

J'y crois.

Все это папа говоритъ и дѣлаетъ во снѣ. Въ заключеніе онъ просылается съ восклицаніемъ:

Quel rêve affreux je viens de faire!

Удивительно ли, если англійскій критикъ усматриваетъ изъ этой книги что слящій папа гораздо лучше папы бодрствующаго, и что сочинять энциклики слѣдовало бы ему во снѣ.

V.

Китай: исторія законовъ, нравовъ и обычаевъ народа. Грея. (*China: a history of the laws, manners and customs of the people.* By I. H. Gray, archdeacon of Hong-Kong, 2 vols. London, 1878.)

Проживъ двадцать пять лѣтъ въ Кантонѣ, г. Грей имѣлъ полную возможность изучить въ подробности нравы и обычаи Китайцевъ. Онъ знаетъ основательно китайскій языкъ и, несмотря на предубѣжденіе Китайцевъ противъ всего иностраннаго, сумѣлъ приобрести себѣ обширный кругъ знакомства въ туземномъ обществѣ. Слѣдствія сообщаемыя этимъ серьезнымъ знатокомъ страны во многомъ противорѣчатъ ходячимъ въ Европѣ понятіямъ о Китаѣ. Такъ въ опроверженіе сложившагося мнѣнія будто бы мѣры жестокости не употребительны въ китайскомъ правосудіи, отличающимся де безпристрастіемъ и милосердіемъ, Грей разказываетъ слѣдующее:

„По дѣлу объ убійствѣ, судившемся въ 1860 году, были вызваны двое свидѣтелей противъ обвиняемаго, отецъ и

смыслъ. Они настойчиво заявляли что рѣшительно ничего не знаютъ объ обстоятельствахъ этого дѣла. Судъ счелъ почему-то это показаніе ложнымъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ несчастныхъ свидѣтелей держали въ тюрьмѣ, часто водили къ допросу и всякій разъ жестоко били. Несмотря на всѣ мои ходатайства предъ мѣстными властями, мнѣ не удалось выручить бѣдняковъ, которые наконецъ и умерли въ тюрьмѣ.“ Пытку Китайцы оправдываютъ „необходимостью“. Они, какъ увѣряетъ авторъ, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о значеніи и силѣ присяги. Имъ кажется болѣе удобнымъ и надежнымъ добиваться истины посредствомъ физическихъ истязаній. Вообще религіозное чувство находится у Китайцевъ въ сильномъ упадкѣ. Три господствующія въ Китаѣ религіозныя ученія: буддизмъ, отвлеченная доктрина Лао-тсе, и нравственная философія Конфуція, давно утратили первоначальную силу и чистоту и перешли въ пустую внѣшнюю обрядность. Грей говоритъ подробно о семейной жизни, о бракахъ и разводахъ, весьма легкихъ и употребительныхъ въ Китаѣ. Характеристична слѣдующая черта нравовъ: „Въ случаѣ долгаго и счастливаго супружества — говоритъ Грей — существуетъ обычай вторичнаго обрученія. Достигшіе уже преклонныхъ лѣтъ супруги совершаютъ снова извѣстные обряды и заявляютъ публично объ испытанномъ въ теченіе многолѣтней супружеской жизни счастіи, приглашая друзей и знакомыхъ въ свидѣтели своего вторичнаго обрученія другъ другу.“

Второй томъ книги Грея посвященъ обзору состоянія искусствъ, ремеселъ и мануфактуръ въ Китаѣ.

VI.

Путешествіе на „Солнечномъ Лучѣ“. (A voyage in the Sunbeam. By Mrs Brassey. London 1878.)

Гжа Брасси едвали не первая дама на свѣтѣ, которая совершила кругосвѣтное плаваніе со своимъ семействомъ. Ея судно, носящее поэтическое названіе *Солнечный Лучъ*, было значительно больше обыкновенной яхты и заключало въ себѣ, кромѣ всѣхъ морскихъ принадлежностей и приспособленій, бібліотеки, гостиной, курильни, дѣтскія

ночныя и дневныя. Весьма подробный дневникъ гжи Брасси, напечатанный подъ выписаннымъ заглавіемъ, представляетъ множество чрезвычайно интересныхъ наблюдений и приключений, весьма живо и просто рассказанныхъ. Авторъ съ жемскою наблюдательностью схватываетъ характеристическія, иногда мелкія особенности нравовъ и мѣстностей. Такъ въ Бразиліи гжу Брасси поражаетъ что никто никогда плѣшкомъ не ходитъ и даже нищія являются верхомъ. „Когда ловятъ рыбу, въѣзжаютъ верхомъ въ воду насколько возможно, и затѣмъ съ лошади закидываютъ сѣть или удочку... Чтобы сбить масло, наливаютъ молоко въ мѣшокъ изъ козьей шкуры, привязываютъ его длинною веревкой къ сѣдлу лошади, и работникъ скачетъ, таща мѣшокъ за собой по землѣ, до тѣхъ поръ пока масло не собьется... Куропатокъ не стрѣляютъ, какъ въ Европѣ, а скачутъ за ними верхомъ, постоянно слѣдя гдѣ они садутъ, до тѣхъ поръ, пока измученная птица, не въ силахъ уже летать, дается въ руки.“ Оставивъ Бразилію, *Солнечный Лучъ* встрѣтилъ загорѣвшееся англійское судно съ грузомъ угля. Оказывается что изъ трехъ судовъ доставляющихъ такого рода грузъ въ Вальпараизо или Калао, одно почти всегда подвергается пожару. Экипажъ терялъ уже надежду на спасеніе, послѣ того какъ американскій пароходъ прошелъ мимо не обращая вниманія на подаваемые ему сигналы. *Солнечный Лучъ* спасъ несчастныхъ, принявъ ихъ на свой бортъ и снабдивъ пищей въ которой они очень нуждались. Они рассказывали что соловья сохранившаяся у нихъ нѣсколько лѣтъ сдѣлалась до такой степени тверда что ее не ѣли, а выдѣлывали изъ нея для забавы табатерки, модели кораблей и т. п. Особенно интересны страницы дневника гжи Брасси, касающіяся Полинезіи и Огненной Земли. Она сообщаетъ образки надписей встрѣчающихся на островахъ Тихаго Океана, которыя наводятъ на мысль что можетъ-быть когда-то въ этихъ, теперь дикихъ странахъ существовала своеобразная, довольно высокая, давно исчезнувшая цивилизація. Жители Огненной Земли и внѣшній видъ ея произвели на гжу Брасси нѣсколько не отталкивающее, а скорѣе пріятное впечатлѣніе. „Мушкетеры и женщины которыхъ я видѣла, говоритъ она, вовсе не дуры собою и смотрятъ здоровыми и бодрыми; въ особенности же наружность женщинъ, когда онѣ съ радостною улыбкой разматривали данныя имъ нами

бусы и зеркальца, симпатична и привлекательна." Ледники Огненной Земли, по мнению путешественницы, несравненно величественнѣе норвежскихъ и швейцарскихъ. „Они представляютъ самыя разнообразныя, причудливыя очертанія, валоминающія то громадныхъ лебедей, то оснащенные корабли подъ вѣтви парусами, и множество другихъ фантастическихъ образовъ." Чрезвычайно наглядно описаніе узкаго пролива „гдѣ приходится держаться такъ близко западнаго берега что бугшпритъ почти задѣваетъ за землю, вѣтви деревьевъ цѣпляются за снасти, и бокъ корабля чуть не трется о скалы." Трудно провести годъ полезнѣе и пріятнѣе нежели проведя его гжа Брасси среди этихъ разнообразныхъ, непрерывно мѣняющихся оцѣнъ и впечатлѣній. Не малая доля и пользы, и удовольствія передается и читателю живымъ разказомъ. Множество картъ и рисунковъ помогаетъ переноситься воображеніемъ въ описываемыя мѣстности.

VII.

Заря исторіи. Кэри. (The dawn of history: an introduction to prehistoric study. By C. F. Keary. London, 1878.)

Эта небольшая книга можетъ служить весьма полезнымъ и надежнымъ руководствомъ для вступающаго въ область недавно открытую успѣхами изслѣдованій о доисторическомъ времени.

Лучше конечно было бы еслибы г. Кэри менѣе останавливался на общихъ взглядахъ, сообщалъ бы больше фактовъ, точнѣе опредѣлялъ время и мѣстности, но во всякомъ случаѣ здѣсь въ четырнадцати главахъ собраны и тщательно сгруппированы важнѣйшіе и наиболѣе положительные результаты длиннаго ряда частныхъ, спеціальныхъ изысканій.

Начальныя главы представляютъ наглядный очеркъ перваго періода каменнаго вѣка, когда употреблялся еще грубый необдѣланный камень, когда человѣкъ боролся съ пещернымъ медвѣдемъ и гіеной, гонялся за лосью, и умѣлъ уже нацарапать на кости изображеніе громаднаго мамонта.

Во второмъ періодѣ каменнаго вѣка въ періодѣ обдѣланнаго, отглаженнаго камня, послѣ пробѣла до сихъ поръ еще

загадочнаго, мы находимъ груды отбросковъ указывающія чѣмъ человѣкъ питался, могли уясняющія обращеніе съ мертвыми, топоры, молотки, стрѣлы, колья, свидѣтельствующіе о развивающемся искусствѣ и о возрастающихъ потребностяхъ человѣка. Анатомія является на помощь археологіи, изслѣдуются типы различныхъ расъ представляемые формою череповъ и скелетовъ. Весьма любопытны главы въ которыхъ изображается постепенное развитіе и развитіе языка человѣческаго. „Что значать, говорить Кэри, орудія и жилища нашихъ первобытныхъ предковъ, вѣтъ эти вещественныя свидѣтельства о ихъ бытѣ, въ сравненіи съ умѣніемъ выражать мысль устно и письменно, этимъ таинственнымъ, неуловимымъ искусствомъ, которое передавалось и совершенствовалось преемственно отъ самыхъ раннихъ обитателей земнаго шара?“ Не останавливаясь на вопросѣ о происхожденіи дара слова, авторъ видитъ въ языкѣ естественный отголосокъ мыслей и чувствъ находящійся въ тѣсной связи съ вѣщными предметами дающими толчекъ уму. Онъ различаетъ два разряда словъ: 1) Слова имѣющія образное значеніе (глаголы, существительныя, прилагательныя) и 2) слова не имѣющія образнаго значенія, служащія только для связи (нарѣчія, предлоги, частицы). Первыя считаетъ онъ болѣе древними и приписываетъ звукоподражанію значительное участіе въ ихъ образованіи. Какъ отъ этихъ первоначальныхъ образныхъ словъ произошли слова второго разряда, не имѣющія самостоятельнаго, образнаго значенія, трудно прослѣдить, но этотъ процессъ совершается и въ языкахъ новѣйшихъ, такъ-сказать на нашихъ глазахъ. Кэри приводитъ въ примѣръ англійское слово „yes“ (да). Это слово, теперь выражающее лишь утвержденіе, онъ производитъ отъ латинскаго глагола „est“ (есть). Римляне употребляли этотъ глаголъ въ смыслѣ утвердительнаго отвѣта. Мало-по-малу онъ показался у Германцевъ въ „es“, у Англичанъ въ „yes“, и изъ слова образнаго, самостоятельнаго, сдѣлалось слово не выражающее образа, служебное. Точно тоже, продолжаетъ авторъ, видимъ мы и во французскомъ языкѣ. Жители Галліи, говорившіе по-латини не такъ чисто какъ Римляне, употребляли для утвердительнаго отвѣта мѣстоименіе: на сѣверѣ „ille“ (тотъ), на югѣ „hoc“ (это). Изъ этихъ латинскихъ словъ мало-по-малу чрезъ искаженіе образовались французскія слова „oil“, „oui“ и „oé“

(да), которая долго служила отличительнымъ признакомъ сѣвернаго и южнаго нарѣчія (Langue d'oil, Langue d'oc). Указавъ затѣмъ на постепенное развитіе грамматическихъ свойствъ языка, Кэри переходитъ къ изображенію слагающейся общественной жизни. Онъ долго останавливается на религиозныхъ вѣрованіяхъ народовъ и въ особенности подробно излагаетъ мѣны, обычаи, обряды, въ которыхъ выразились понятія о будущей, загробной жизни. Если и нельзя принять за достовѣрные всѣ взгляды и выводы Кэри, во всякомъ случаѣ обиліе научнаго матеріала и тщательная группировка разнообразныхъ свѣдѣній придаютъ его книгѣ не малую цѣну.

VIII.

Прогулка по Алжирѣ и Легена. (Walks in Algiers and its surroundings. By L. G. Léguin, 1878.)

Прекрасно написанная книга эта равно интересна и для того кто желаетъ легкимъ способомъ,—помощью чужихъ замѣтокъ и наблюденій—ознакомиться съ Алжиріей, и для того кто хочетъ глубже и серьезнѣе изучить страну. Алжирія, говоритъ авторъ, представляетъ картину поразительнаго разнообразія,—смѣшеніе мавританской жизни со всею роскошью современной французской цивилизаціи: французскія фисіономіи, французскіе мундиры, французскій говоръ, ряды великолѣпныхъ домовъ, напоминающіе бульвары Гаусмана, отели устроенные по парижскому образцу, и тутъ же величественные Арабы въ бѣлоснѣжныхъ бурнуссахъ, Мавры въ шитыхъ курткахъ, женщины покрытыя чадрами, горцы Кабили, Негры изъ Сагары, а кругомъ пышная африканская растительность: стройныя пальмы, выдающіяся изысканными очертаніями на лазуревомъ небѣ, заборы изъ кактуса, неистощимое обиліе всевозможныхъ цвѣтовъ. Новоприбывшему путешественнику невольно думается что предъ нимъ не дѣйствительность, а какой-то сказочный, фантастическій маскарадъ. За описаніемъ страны слѣдуетъ обзоръ ея исторіи. Состояніе Алжиріи подъ правленіемъ дееевъ характеризуется достойнымъ замѣчаніа фактомъ что въ продолженіе первой четверти нынѣшняго столѣтія изъ шести влаетителей только одинъ, сдѣлавшійся жертвой чумы, умеръ не насильственной смертью. Авторъ весьма живо

разказываетъ войны съ Абд-эль-Кадеромъ и подвиги прославившіе многихъ французскихъ генераловъ, но изъ историческихъ воспоминаній всего интереснѣе свидѣнія о несчастныхъ христіанахъ поладавшихъ въ лѣвыя алжирскіе пиратамъ. Рядомъ съ отступниками покулавшими богатства и почести отреченіемъ отъ своей вѣры, мы видимъ примѣры геройскаго великодушія съ какимъ многіе жертвовали присылаемымъ за нихъ выкупомъ чтобы спасти еще болѣе жалкихъ страдальцевъ. Читателю ищущему лишь развлечения болѣе всего можетъ-быть понравятся тѣ главы книги гдѣ описываются окрестности Алжира. Авторъ останавливаетъ наше вниманіе на кладбищахъ. „Живописныя группы памятниковъ на склонахъ холма, поросшихъ цвѣтами и зеленью, среди пальмъ, аркаго кактуса и вьющагося лапша, навѣваютъ на душу тишину и отраду.“ Отъ этихъ мирныхъ, свѣтлыхъ картинъ мы переносимся въ уединенное, дикое ущелье Чиффы, гдѣ на крутыхъ обрывахъ зелень дубовъ смѣшивается съ темною листвою маслинъ и миртовъ, и чугунный мостъ смѣло переброшенный черезъ глубокій оврагъ свидѣтельствуетъ о побѣдѣ просвѣщенія надъ естественными преградами. Углубляясь во внутренность страны, авторъ доходитъ до форта Наполеона, гдѣ 187 Европейцевъ беззаботно живутъ среди враждебнаго окрестнаго населенія, численность котораго доходитъ до 95.000 человекъ. Дивясь этой безпечности, г. Леганъ указываетъ на другой примѣръ ея, еще болѣе поразительный. Одинъ англійскій путешественникъ въ 1871 году посѣтилъ фортъ Таймальтъ, не болѣе какъ за мѣсяцъ до возмущенія Кабилловъ, во время котораго эта крѣпость была взята и разрушена. Весь гарнизонъ состоялъ лишь изъ четырехъ человекъ, и только двое изъ нихъ были военные, а губернаторъ весело смѣялся надъ всякою мыслію о возможной опасности....

IX.

Знатная Царица. Исторический романъ Тэлора. (*A noble Queen. A romance of Indian history.* By M. Taylor. London 1878.)

Исторический романъ вообще, и романъ изъ восточныхъ нравовъ въ особенности, не пользуются нмѣ, какъ извѣстно, особенною благосклонностью читающей публики. Преобладаніе вымысла надъ дѣйствительностью, самовольное искаженіе фактовъ сильно подорвали довѣріе къ этому роду литературы.

Книга Тэлора представляетъ въ этомъ отношеніи довольно рѣдкое исключеніе. Тэлоръ знакомъ съ Индіей какъ истый туземецъ: онъ жилъ въ ней много лѣтъ, извѣдывалъ ее вдоль и поперекъ, изучилъ на мѣстѣ преданія, памятники, нравы и обычаи населяющихъ ее народовъ. Онъ говоритъ не съ чужихъ словъ, черпаетъ не изъ книжныхъ источниковъ. Ему источникомъ служить живая дѣйствительность, личные наблюденія и впечатлѣнія, онъ описываетъ то что видѣлъ самъ. Вотъ что придаетъ особый интересъ его роману *Знатная Царица*. Тэлоръ рисуетъ въ немъ бытъ XVIго вѣка въ Индіи, а бытъ шестнадцатаго вѣка немногимъ отличается въ этой странѣ отъ современнаго. Закоренѣлая суевѣрія, слѣпой фанатизмъ воинственныхъ поклонниковъ Пророка, флегматическая безлечность и любовь къ независимости грубыхъ первобытныхъ племенъ, пышныя церемоніалы двора—все это есть и теперь какъ въ старинныя времена.

Содержаніе романа *Знатная Царица* составляютъ историческія событія, но между ними являются и романическія обстоятельства,—любовь двухъ юношей къ героинѣ романа, Зорѣ,—и свойственныя восточной жизни рѣзкія, неожиданныя перемѣны въ судьбѣ человѣка, по волѣ властителя. Мы видимъ лучшія черты мусульманскаго витязя въ лицѣ Аббасъ-хана и самыя темныя его стороны въ мрачномъ образѣ Османъ-бека. Рамкою всему служитъ роскошная природа Индіи.

Центромъ вокругъ котораго группируются событія и лица является умная, смѣлая, прекрасная царица Чендъ-Бейи, трагически гибнущая послѣ долгой борьбы со внутрен-

нами распрами, придворными интригами, непокорными бей-дурскими шайками и вѣчными врагами. Ея красота, ея любовь къ родинѣ, ея геройская защита столицы, осажденной деспотическими войсками, ея преждевременная кончина живутъ до сихъ поръ въ индійскихъ лѣсахъ и преданіяхъ. „Въ Біалурѣ, говоритъ Телоръ, хранится и теперь еще портретъ царицы, писанный красками однимъ изъ придворныхъ художниковъ. Прекрасный профиль очерченъ мастерскою рукой. Предъ вами красавица. Большіе темные глаза, длинныя рѣсницы, легкая улыбка на вѣжныхъ губахъ, а въ кругломъ, полномъ подбородкѣ, въ изгибѣ шеи, въ размѣрахъ широкаго, хотя и не высокаго лба сказывается рѣшительность, энергія и сила воли. Скорѣе европейская чѣмъ восточная фizioномія царицы принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ которыя не забываются, если хоть разъ видѣлъ ихъ.“ Красивая, талантливая, добрая царица пользуется всеобщимъ уваженіемъ и любовью. О времени ея правленія даже враги ея отзываются съ похвалою.

Главными дѣйствующими лицами романа являются преставная четырнадцатилѣтняя Зора, слѣпой факиръ Сіудъ, ея дѣдъ, и два представителя противоположныхъ другъ другу типовъ мусульманскаго рыцарства: Аббасъ-ханъ и Османъ-бекъ. Исторія Сіуда одна изъ тѣхъ которыя такъ часто повторяются на Востоцѣ. Знаменитый когда-то придворный врачъ Сіудъ, осыпавшій щедротами и почестями, вдругъ лишается царской милости — ему приказываютъ выколотъ глаза. Сіудъ преклоняется предъ волей судьбы, принимая съ покорностью постигшее его несчастіе. Онъ удаляется отъ міра, живетъ подаваемымъ и ищетъ „луті сласенія“. Любовь къ ближнему, дѣла милосердія и поученіе народа наполняютъ отнынѣ его жизнь. Слава святости слѣпаго факира растетъ и распространяется. Онъ проповѣдуетъ среди огромнаго стеченія народа. „Когда облеченный въ зеленую одежду Сіудъ сталъ, опираясь на посохъ, на верхней ступени каѣдры и простеръ руку надъ немыслимо толпою, въ народѣ пронесся почтительный шепотъ, возбужденный духъ проповѣдника. Рѣчь слѣпца полилась горячимъ потокомъ. Онъ говорилъ не по-персидски, а на простомъ, безыскусственномъ нарѣчій Декана. Утѣшенія, укоры, обличенія смѣшались въ страстной рѣчи словами любви и мира. Онъ говорилъ о милосердіи, терпѣніи, надеждѣ,

указывалъ народу путь спасенія.“ Чудо! Святой! раздалось въ толпѣ въ отвѣтъ на вдохновенную рѣчь, какой не слышивалъ никто. И вотъ народнымъ голосомъ Сіудъ возведенъ въ священникъ санъ, недоступный уже земнымъ превратностямъ, независимый даже отъ царской власти, и земная власть спѣшитъ привѣтствовать проявившагося внезапною святого. Внезапный рѣзкій переворотъ происходитъ опять въ судьбѣ Сіуда: нищаго факира осылаютъ богатыми дарами, онъ становится владѣльцемъ обширныхъ помѣстій.

Часть всеобщаго уваженія къ Сіуду переходитъ и на его науку и постоянную спутницу Зору. Она еще полудитя, она выросла на свободѣ, вдали отъ стѣсненій и предрассудковъ. Сіудъ передалъ ей часть своихъ познаній и приучилъ ее къ добрымъ дѣламъ. Она умна, учена не по лѣтамъ, помощница въ нуждѣ и горѣ, отрада несчастныхъ. Дикіе, воинственные Бейдуры чуть не покланяются ей, готовы умереть за нее. „На видъ ей можно было дать лѣтъ четырнадцать или немного болѣе. Она не могла еще назваться красавицей, хотя будущая необыкновенная красота уже сказывалась въ граціи движеній. Но въ небольшой, обремененной густыми, темными кудрями головкѣ, въ широкомъ гладкомъ лбѣ, въ тонкихъ бровяхъ, въ блестящемъ рядѣ зубовъ не было пока ничего поразительнаго. Главная прелесть ея заключалась въ глазахъ выражавшихъ всѣ малѣйшія движенія души, и въ очертаніяхъ рта. Большіе, словно потонушіе въ глубокой, темной синевѣ глаза глядѣли прямо и открыто; взглядъ ихъ то ласкалъ обворожительною вѣжностью, то сверкалъ и искрился весельемъ.“ На Зорѣ былъ накинутъ простой кисейный шарфъ, и она такъ изящно завертывалась въ него что одержала бы побѣду надъ любой нарядною красавицей. Горе и страданіе еще не нарушали ея беззаботности, не возмущали ея спокойствія. И вотъ это прелестное дитя подвергается грубому преслѣдованію суетнаго Османъ-бека, приписывающаго какимъ-то чарамъ впечатлѣніе которое она на него произвела. Надъ городомъ, гдѣ живетъ Сіудъ съ Зорой, возвышается на неприступной высотѣ крѣпость Юльдругъ, глухое удивленное мѣсто. Кругомъ гранитныя и базальтовыя скалы, когдѣ поросшія зеленью, спускаются крутыми уступами къ бурливой рѣкѣ Кришиѣ. Въ этой крѣпости начальствуетъ Османъ-бекъ. Онъ сосланъ сюда за темныя дѣла. Его окру-

жають буйная шайка, наводящая ужасъ на всю окрестность. Плъневный Зорой онъ похищаетъ ее. Отъ грозящей ей въ страшной крѣпости опасности спасаютъ ее Бейдуры. Описаніе этихъ дикихъ горцевъ едва ли не лучший эпизодъ въ книгѣ. Авторъ, долго жившій между ними, имѣлъ случай близко съ ними познакомиться и выставляетъ въ привлекательномъ свѣтѣ благородныя черты ихъ суровыхъ нравовъ. Въ противоположность мрачному Османъ-беку является пылкій, великодушный Аббасъ-ханъ. Это характеръ нѣсколько идеализованный, напоминающій романтическихъ рыцарей. Его обаянію поддаются не только Чендъ-Бейби и Зора, но и воины, и самые заклятые враги. Аббасъ-ханъ въ свою очередь очарованъ прелестью Зорой. Она отправляется подъ его покровительствомъ, вмѣстѣ съ дѣдомъ своимъ Сіудомъ, ко двору Чендъ-Бейби, въ многолюдный богатый городъ Біалуръ. Тутъ на улицахъ тѣснятся толпы народа, скачутъ всадники въ драгоцѣнномъ блестящемъ вооруженіи, дворцы и храмы сіяютъ среди роскошной зелени. При дворѣ Зора дѣлается всеобщей любимицей. Царица привязывается къ ней какъ къ дочери. „Въ смущеніи, въ слезахъ, прижимаясь къ обаявшей ее царицѣ, Зора разказываетъ ей какъ полюбила она Аббасъ-хана съ того вечера когда его раненаго привесли въ хижину Сіуда.“

„Что мнѣ дѣлать? Какъ поступить?“ спрашиваетъ она. Царица ласково ободряетъ ее. Аббасъ-ханъ явился ко двору чтобъ оправдаться отъ взведеннаго на него обвиненія. Наемныя абиссинскія войска обвиняють его въ убійствѣ своего вождя. Вождь этотъ дѣйствительно палъ отъ руки Аббасъ-хана, но не предательски, а въ честномъ, открытомъ бою. Судъ совершается со всею пышностью Востока. На немъ присутствуютъ вооруженные воины: съ одной стороны Бейдуры въ грубой кожаной одеждѣ, съ другой царская стража въ богатомъ уборѣ, и тяжелая пѣхота со слонами подъ яркими пологами. Среди всей этой пестроты выдѣляется фигура Аббасъ-хана. На немъ кольчуга сверкающая драгоцѣнными камнями, легкій плащъ, чама обвитая золотомъ цѣлью. Онъ произноситъ увлекательную рѣчь. Рѣшеніе дѣла предоставляется суду Божьему. Аббасъ-ханъ выходитъ побѣдителемъ изъ поединка, и опять совершается одинъ изъ обычныхъ на Востокѣ поворотовъ:

увлеченная его мужествомъ, красотой и краснорѣчіемъ войска провозглашаютъ его своимъ вождемъ; царица, и прежде уже къ нему расположенная, осыпаетъ его щедрыми милостями. За судомъ надъ Аббасъ-ханомъ слѣдуетъ судъ надъ Османъ-бекомъ. Уличенный въ заговоръ противъ царицы и въ покушеніи на Зору, Османъ-бекъ признается достойнымъ смерти, но по заступничеству Аббасъ-хана приговаривается лишь къ изгнанію изъ страны и къ покаянію въ Меккѣ. Примеръ такого своеобразнаго правосудія, освобождающаго уличеннаго преступника, не рѣдко встрѣчаются на Востоке, говоритъ Тэлоръ. Романъ кончается бракомъ Аббасъ-хана съ Зорой. Остальныя, разказанныя въ немъ событія принадлежать исторіи. Мастерство изложенія, разнообразіе и яркость картинъ, богатство и основательность свѣдѣній даютъ книгѣ Тэлора неоспоримое право на вниманіе.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

24го мая 1878.

Опять прошелъ цѣлый мѣсяцъ и все-таки никакой мудрецъ не въ состояніи дать отвѣтъ на роковой вопросъ: миръ или война? Такого запутаннаго, почти трагически-безысходнаго политическаго положенія какъ настоящее, едва ли представляетъ исторія... Послѣ страшнаго кровопролитія, послѣ баснословныхъ геройскихъ подвиговъ, побѣдившихъ и природу, и многочисленнаго упорнаго непріятеля, послѣ полнаго пораженія силъ противника, потерявшаго свои арміи, крѣпчайшія позиціи, всю почти свою территорію, послѣ приближенія наконецъ къ его столицѣ, занятіе коей зависѣло отъ воли побѣдителя, этотъ самый побѣдитель вотъ уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ въ сущности не воспользовался никакимъ результатомъ своихъ побѣдъ и, мало этого, повнесъ громадныя многомилліонныя издержки, теряя своихъ лучшихъ людей отъ болѣзней, неизбѣжно сопровождавшихъ военные лагери на поляхъ битвъ, нанеся огромный ущербъ всему экономическому строю государства, очутился въ положеніи худшемъ чѣмъ былъ, ибо далѣе время встѣмъ своимъ противникамъ вооружиться, укрѣпиться на важнѣйшихъ пунктахъ и усилиться до того что они отъ угрозъ могутъ перейти къ дѣйствіямъ съ шансами на успѣхъ...

Какъ, почему все это произошло; какой злой геній вѣтшался въ дѣло, что остановило насъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ цѣли и превратило вдругъ геройство, не знавшее препонъ ни въ сугробахъ и льдахъ Балкана, ни въ каменныхъ твердыхъ крѣпостяхъ, ни въ жерлахъ сотенъ орудій и тучахъ пуль, сыпавшихся изъ-за искусно устроенныхъ укрѣпленій, ни въ холодѣ, ни въ голодѣ, почему такое баснословное геройство превратилось въ безграничную робость и смиреніе, подобающее побѣжденному? Дипломатическая ли интрига, вооруженная залугиваньями, тонкія комбинаціи запутавшіяся въ клубокъ, въ которомъ нельзя найти ни конца, ни начала?..

19го февраля заключенъ мирный договоръ, хотя и названный предварительнымъ, однако ратификованный и объявленный обязательнымъ для обѣихъ сторонъ. Но мира нѣтъ и договоръ не исполненъ, даже въ тѣхъ пунктахъ, исполненіе коихъ не требовало больше трехъ дней времени, именно: не послѣдовало очищенія крѣпостей Шумам, Вармы и Батума; послѣдній съ того времени даже постоянно укрѣплялся новыми верками. На требованія наши на этотъ счетъ Турція уже не обращаетъ вниманія и отпихивается подъ пустѣйшими предлогами. Это и естественно: обстоятельства успѣли такъ измѣниться въ ея пользу, или лучше не въ нашу пользу, что она уже можетъ говорить другимъ тономъ чѣмъ 19го января.

Но оставимъ объ этомъ рѣчь; прошлаго не воротить. Ошибки одного часа требуютъ часто десятковъ лѣтъ для своего исправленія. Обратимся къ выдающимся фактамъ въ политикѣ за послѣднія четыре лѣтъ.

На первомъ планѣ является „поѣздка графа Шувалова.“ Эта поѣздка превратилась нѣкоторымъ образомъ въ политическій терминъ, въ родѣ „европейскаго концерта,“ на которомъ, какъ извѣстно, европейская дипломатія и состоящая на службѣ у ней газеты гарцовали до первыхъ выстрѣловъ раздавшихся на Дунаѣ.

Съ этою поѣздкой соединилось убѣжденіе въ мирномъ исходѣ дѣла; самъ графъ былъ названъ ангеломъ мира; ему приписывались самыя миролюбивыя стремленія, основанныя главнѣйшимъ образомъ на томъ что Англія не шутитъ, что могущество ея не допускаетъ даже мысли о возможности для Россіи борьбы съ нею, что нужно уступать

и уступать широко, безъ торга, сколько запросятъ; что онъ будто бы даже сказалъ при отъѣздѣ изъ Лондона: „я ихъ тамъ, въ Петербургѣ, разочарую“.

Само-собою, всѣмъ этимъ толкамъ заграничной печати мы вовсе не придаемъ значенія вѣрныхъ извѣстій; приводимъ ихъ только для характеристики отношеній газетъ, считаемыхъ впрочемъ за офиціозные органы своихъ правительствъ, къ политическому положенію. Намъ важнѣе сущность дѣла, то-есть результатъ поѣздки графа Шувалова. Но объ этомъ-то именно до послѣднихъ дней никто ничего сказать не могъ: все велось въ такой непрозрачной тайнѣ что даже тѣ кто всегда и все отлично знаютъ, въ этотъ разъ ничего не знали. Ограничивались только подтвержденіемъ миролюбивыхъ стремленій нашего лондонскаго посла, его настойчивости склонить Россію на широкія уступки, наконецъ говорили что онъ успѣлъ въ своихъ стараніяхъ, что князь Бисмаркъ, котораго графъ Шуваловъ посѣтилъ въ его имѣніи, поздравлялъ его съ достигнутымъ результатомъ что Англія сочтетъ себя теперь удовлетворенною, и миръ, миръ, или лучше сказать конгрессъ, обезпеченъ. Опять раздались ликованія, биржи заиграли à la hausse; даже нашъ злополучный курсъ поднялся на нѣсколько процентовъ.

Почему однако конгрессъ долженъ означать миръ, до сихъ поръ еще никто не объяснилъ. Ужъ если ратификованный мирный трактатъ не миръ, то конгрессу вполнѣ простиительно не претендовать на это званіе, особенно если принять во вниманіе что къ этому конгрессу всѣ съ лихорадочною дѣятельностью спѣшатъ своими вооруженіями.

Графъ Беконсфилдъ, какъ говорятъ, былъ уступками еще недоволенъ, но по настояніямъ маркиза Солсбери и сэръ-Стаффорда Норткота, грозившихъ отставкой, наконецъ, изъявилъ свое согласіе на участіе въ конгрессѣ, къ которому самъ своею особою и намѣренъ отправиться.

Болѣе заклятаго врага чѣмъ нынѣшній англійскій премьеръ Россія едва ли имѣетъ даже среди разбитыхъ Турокъ. Но при всей враждебности нашихъ чувствъ къ этому человеку, нельзя не отдать справедливости его энергіи и настойчивости на службѣ своей странѣ. Не стѣсняясь никакими средствами, лишь бы они вели къ цѣли, онъ сумѣлъ бороться и съ оппозиціей у себя дома, и съ неисчислимыми

прелатствами для созданія вооруженія, могущаго поддерживать угрозы; онъ сумѣлъ заставить служить себя тѣхъ кто казалось должны бы были его крайними противниками.

Итакъ, на основаніи соглашенія нашего съ Англіей посредствомъ поѣздки графа Шувалова рѣшено наконецъ обратиться въ Берлинъ къ 1му іюня. Слѣдовательно, еще двѣ-три недѣли пройдетъ пока мы приблизимся къ разрѣшенію вопроса: миръ или война.

До сихъ поръ рѣчь шла объ Англіи и о томъ какъ ее ублажить; объ Австріи какъ бы забыли. Но какъ только въ Вѣнѣ узнали о состоявшихся соглашеніяхъ между Петербургомъ и Лондономъ, тамъ заговорили другимъ тономъ. Графъ Андраши, въ засѣданіи делегацій, давая объясненія о положеніи дѣлъ, воскликнулъ: „Берегись всякій кто насъ затронетъ!“ Чтобы говорить такіа слова, нужно быть увѣрену и въ своихъ силахъ, и въ посторонней поддержкѣ. Вооруженія Австріи производились въроятво съ успѣхомъ, а внезапнымъ занятіемъ острова Ада-Кале, по соглашенію съ Турціей (?), она получила весьма выгодную позицію, командующую теченіемъ нижняго Дуная и угрожающую Сербіи. По какому праву сдѣлавъ этотъ захватъ, невольно спрашиваетъ себя? На это нѣкоторымъ образомъ отвѣчаетъ графъ Андраши опять въ собраніи делегацій. „Государство не должно становиться въ нравственную зависимость отъ другихъ государствъ; оно должно быть готово ко всякимъ случайностямъ.“ Отлично сказано. Если бы мы руководились этимъ принципомъ то не обратили бы конечно никакого вниманія на австрійскія требованія, имѣвшія послѣдствіемъ Плевну, на лондонскія внушенія вслѣдствіе коихъ не заняли Галлиполи и Константинополя; тогда мы давно покончили бы дѣло освобожденія христіанскихъ народностей отъ Турокъ и обезпеченія нашихъ жизненныхъ интересовъ въ бассейнѣ Чернаго Моря.

Представители Австріи явятся такимъ образомъ на конгрессъ, опираясь на достаточныя вооруженія и занятый важный стратегическій пунктъ. Но это кажется меньшее на что они будутъ опираться въ своихъ требованіяхъ; главная опора ихъ, должно думать, будетъ въ поддержкѣ князя Бисмарка. Едва ли подлежитъ сомнѣнію что идея германскаго объединенія не считаетъ себя удовлетворенною пока и нѣмецкая часть Австріи не присоединится

къ общему отечеству; рано или поздно это должно совершиться, и „германскіе ручки сольются въ прусскомъ морѣ“. На такой случай нужно однако Габсбургскому дому какое-нибудь приличное вознагражденіе приискать; не оставлять же его при одномъ Венгерскомъ королевствѣ. Этой цѣли вполне соответствуетъ Балканскій полуостровъ; сколько можно будетъ прихватится и совсѣмъ присоединится, остальное же, то-есть Черногорія, Сербія, Румынія войдутъ въ составъ новой монархіи посредствомъ разныхъ конвенцій—торговыхъ, военныхъ, почтовыхъ и прочихъ, такъ что отъ самостоятельности ихъ останется въ сущности одна тѣнь. Въ этомъ-то и заключается самая суть дѣла, о которомъ говорится туманными фразами: „сфера австро-венгерскихъ интересовъ.“

Нашъ офиціозный французскій листокъ *Agence Générale Russe* говоритъ, по поводу собранія конгресса, что духъ который повидимому (?) будетъ руководить соображеніями связующихся государственныхъ людей, *позволяетъ надѣяться* что къ разрѣшенію Восточнаго вопроса будетъ приступлено въ широкихъ основаніяхъ, безъ мелкой зависти и соперничества, но съ цѣлью достигнуть взаимнаго соглашенія и привести общую пользу. Какой духъ напелся для такихъ надеждъ—не знаемъ; но думаемъ что зависть и соперничество именно будутъ, какъ были до сихъ поръ, препятствіями къ справедливому разрѣшенію Восточнаго вопроса. Всѣ шаги придвинувшіе насъ къ его разрѣшенію были войны которыя мы вели съ Турками, а не общія стремленія европейскихъ дипломатовъ. Мы были бы еще ближе къ этому рѣшенію еслибы меньше заботились о томъ что скажутъ въ Европѣ. Мы не видимъ ни малѣйшихъ признаковъ чтобы обстоятельства измѣнились; напротивъ, чѣмъ ближе окончательное разрѣшеніе вопроса тѣмъ болѣе аппетитъ увеличивается, всякій боится получить менѣе чѣмъ можно бы и особенно боится чтобы, Боже упаси, Россія не получила выгодъ и лишняго вліянія; Англія стремится къ исключительному господству на Востокѣ, Австрія къ держанію въ своихъ рукахъ Славянъ; въ томъ и другомъ отношеніи Россія имъ обѣимъ бѣально на глазу. Мы достаточно видѣли во все продолженіе послѣдней войны какъ „безъ зависти и соперничества“ дѣйствовали всѣ эти Эллиоты, Лейарды, Зичи и пр. Нѣтъ, не на это нужно полагаться: довести вооруженія до

приличныхъ Россіи размѣровъ, дать толчекъ снаряженію крейсерскаго флота, не ожидая результатовъ частныхъ пожертвованій, прекратить заискиванья, не выказывать робости предъ запугиваньями семью тысячами индійскихъ войскъ и ста тысячами гонимцевъ, да не пренебрегать никакими средствами въ борьбѣ, это будетъ гораздо дѣйствительнѣе.

Что же дѣлаетъ въ это время „большой человѣкъ“ когда Европа собирается рѣшать окончательно его судьбу? Отвѣчать на это трудно: всякую самостоятельность въ дѣйствіяхъ Блистательная Порта давно потеряла; подпавъ окончательно подъ команду британскаго посла Лейарда, она дѣлаетъ все что онъ прикажетъ; если же султанъ чуть-чуть вздумаетъ оказать непослушаніе и поступить по своему усмотрѣнію, на сцену являются разные средства, въ числѣ коихъ главное—революція, сверженіе съ престола съ перспективой воцѣлится... Нѣсколько дней тому назадъ, нѣкто Али-Суави, турецкій ученый мужъ, бывшій директоръ лицея, женатый на Англичанкѣ, другъ и приверженецъ реформатора Оттоманской имперіи Мидхатъ-паша, ворвавшись съ толпой въ Чераганскій дворецъ, гдѣ содержался ех-султанъ Мурадъ, хотѣлъ его провозгласить царствующимъ и посадить на мѣсто Абдулъ-Гамида. Попытка не удалась; прибѣжавшія по тревогѣ войска прогнали толпу, причемъ погибло нѣсколько десятковъ человѣкъ и въ томъ числѣ самъ зачинщикъ Али-Суави. Бѣдный султанъ Абдулъ-Гамидъ, усложившійся было въ послѣднее время, занявшійся даже астрономіей и сочиненіемъ новыхъ формъ обмундированія для своихъ армій, опять повергнутъ въ страхъ и боится выходить изъ своихъ комнатъ даже въ мечеть. Одно только рѣшился онъ сдѣлать послѣ этого революціоннаго происшествія: смѣнилъ „перваго министра“ и назначилъ другаго опять по старому „великимъ визиремъ“. Продуктъ конституціонной комедіи разыгранной въ эпоху константинопольской конференціи, первый министръ исчезъ, и мы имѣемъ опять дѣло съ визиремъ, этимъ традиціоннымъ османскимъ правителемъ. Въ сущности для дѣла это никакой разницы не составляетъ: ни полагаться въ чемъ-нибудь на Турцію, ни вѣрить ей нельзя, да и не можетъ она безъ разрѣшенія Англіи что-нибудь дѣлать. Изъ нея пока выжимаютъ послѣдніе соки и забираютъ всѣхъ людей отъ 15 до 50лѣтняго возраста включительно во вновь формируемая

арміи; предъ Константинополемъ въ сильно укрѣпленныхъ позиціяхъ считаютъ не менѣе 150 тысячъ, а въ Азіи, въ Батумѣ, Трѣбизондѣ и ближе къ Эрзеруму до 70, отчасти вооруженныхъ, снабженныхъ артиллеріей и всеми возможными запасами въ изобиліи. Удивительно однако какой источникъ силы еще хранился въ этомъ очевидно разлагающемся организмѣ!

На конгрессѣ представители Оттоманской имперіи должны будутъ окончательно убѣдиться какую жалкую роль играли интересы ихъ государства въ глазахъ Англіи, выдававшей себя за старѣйшаго союзника и лучшаго друга Турціи; они увидятъ что бархатныя перчатки лордовъ пожалуй жестче вооруженныхъ грубыхъ русскихъ рукъ...

Германію постигли въ эти три недѣли печальныя событія. Ея маститый, доблестный императоръ, творецъ ея единства и величія, подвергся двукратному злодѣйскому покушенію, и послѣднее было не счастливѣе неудачно. Жизнь императора, слава Богу, не въ опасности; но потеря крови и сильное потрясеніе въ его преклонныя лѣта внушаютъ тѣмъ не менѣе тревожныя опасенія за послѣдствія. Наконецъ, въ промежутокъ времени отъ одного покушенія на жизнь императора до другаго, Германскій наслѣдный принцъ, гостившій въ Лондонѣ со своею супругою, старшею дочерью королевы Викторіи, былъ предметомъ возмутительной со стороны социалистовъ демонстраціи...

Невольно задаетъ себѣ вопросъ чего хотятъ эти злоумышленники, эти Гёдели и Нобилинги? Кто ихъ руководители и во имя какихъ цѣлей поднимаются преступныя руки на монарха, оказавшаго столько услугъ своей странѣ, поставившаго ее на степень первой державы въ Европѣ! Соціалъ-демократія? Но почему именно теперь эти соціалъ-демократы возчувствовали вдругъ такую ненависть къ германскому императору и даже къ его сыну?

Въ заключеніе слѣдовало бы еще упомянуть о производившихся продолжительныхъ переговорахъ на счетъ одновременнаго оставленія англійскимъ флотомъ и нашими войсками окрестностей Константинополя. Переговоры не повели ни къ чему, также точно какъ не повели ни къ чему всѣ наши требованія объ очищеніи Турками крѣпостей. Эти обстоятельства заслуживаютъ вниманія въ томъ

отношеніи что доказываютъ какъ мало еще довѣрія къ конгрессу въ смыслѣ мирнаго разрѣшенія дѣла, и какъ всѣ желаютъ сохранить свои военныя позиціи. Въ этихъ видахъ намъ не слѣдуетъ ослабѣвать въ заготовленіи крейсеровъ, и не давать себя дурачить якобы проницескими улыбками надъ попытками бороться съ морскимъ могуществомъ Британіи. Главное не преувеличивать въ собственномъ воображеніи чужихъ силъ и не низводить себя и свой народъ на степень какого-то истощеннаго, разслабленнаго организма... Пусть поймутъ что ни дурачить себя, ни запугивать, ни тѣмъ болѣе оскорблять уничтоженіемъ всѣхъ народовъ пролитой крови, мы не допустимъ и найдемъ для этого силы и средства.

А. ЗИССЕРМАНЪ.

ВЪ КОНТОРѢ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любека Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Браддонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВЪРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сенъ-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фонбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ гжи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

3190 .

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1878 году

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1878 въ Москвѣ, безъ доставки, **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Заграничныя высылаютъ за доставку въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 р. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1878 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1878 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій **четырнадцать рублей 50 коп.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки **шестнадцать рублей 50 коп.**; съ доставкой и пересылкой **девятнадцать рублей 50 коп.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ и въ конторѣ редакціи отъ иногороднихъ и заграничныхъ подписчиковъ, на Страстномъ бульварѣ.

—*—*—

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ Бульварѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

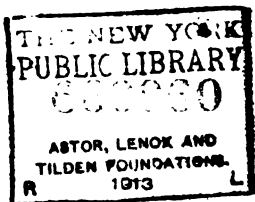
1878

І Ю Н Ъ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. МНѢНІЯ ПОСОШКОВА О РЕЛИГІИ И ЦЕРКВИ.
А. Г. Врикнера.
- II. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧЕЛОВѢКА. Педагогическія занятія въ Москвѣ (1832—1849), женское образованіе за этотъ періодъ времени. Сто одного.
- III. ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО. Въ походѣ и въ битвѣ. Гл. I—IV. В. П. Гамулецкаго.
- IV. ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ. Гл. XIII—XXVIII. В. М. Маркевича.
- V. АНГЛІЯ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ ВОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ. Р.
- VI. ОТРЫВКИ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. Гл. XLIII—LXV. А. Л. Эксермана.
- VII. РАЗКАЗЫ ИЗЪ 1813 ГОДА. (Ut de Franzosentid.) Фрица Рейтера. Переводъ съ нѣмецкаго. Гл. V—X.
- VIII. ДЕНЬГИ МИЛЕДИ. Эпизодъ изъ жизни молодой дѣвушки, разсказанный Уилки Коллинзомъ. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.
- IX. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.
- X. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. Л. Эксермана.

МНѢНІЯ ПОСОШКОВА

О РЕЛИГІИ И ЦЕРКВИ

Уже во введеніи къ первой части нашего труда * объ Иванѣ Посошковѣ, въ которой подвергаются разбору политико-экономическія понятія этого крестьянина-публициста, мы указали на то обстоятельство что Посошковъ въ одно и то же время оказывается ретроградомъ и прогрессистомъ, отстаивая въ одномъ отношеніи идеи будущаго, въ другомъ предразсудки и предвзятія понятія прошлаго времени. Именно въ такомъ кажущемся противорѣчіи и отсутствіи послѣдовательности обнаруживается тѣсная связь Посошкова какъ съ обществомъ тогдашняго времени, стоявшимъ подъ вліяніемъ до-петровскихъ началъ русской культуры, такъ и съ великимъ преобразователемъ. Посошковъ проповѣдуетъ то радикальныя реформы, то совершенно консервативныя правила. Иногда онъ является единомышленникомъ Петра, иногда же его убѣжденія диаметрально противоположны взглядамъ и образу дѣйствій его наставника-царя. Въ области духовной онъ заклятый врагъ

---

* См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1875 и 1876 годовъ.

всякой новизны; обсуждая свѣтскіе вопросы, онъ требуетъ коренныхъ измѣненій существующаго.

Но именно этотъ дуализмъ, эти крайнія противоположности во мнѣніяхъ Посошкова о различныхъ вопросахъ духовной и свѣтской жизни придаютъ ему особенное значеніе. Этимъ явленіемъ доказывается лучше всего что общество при Петрѣ было менѣе пассивнымъ чѣмъ можетъ казаться на первый взглядъ. Состоя въ некоторомъ образомъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ реформъ Петра, Посошковъ остается во многихъ отношеніяхъ совершенно независимымъ отъ круга идей и дѣйствій преобразователя.

Разбору этого явленія—согласія между мнѣніями Посошкова и Петра въ вопросахъ свѣтскихъ, согласія которое бросается въ глаза именно при разборѣ экономическихъ понятій Посошкова, и несогласія въ области религіозной, духовной—посвящено предлагаемое нами кнѣ труда.

Духовные вопросы, дѣла религіи и церкви интересовали Посошкова въ первой половинѣ его литературной дѣятельности; вопросы свѣтскіе составляютъ главное содержаніе его позднѣйшихъ трудовъ. *Отеческое Заповѣданіе* составляетъ такъ - сказать грань между этими двумя половинами дѣятельности Посошкова. Главнѣйшій трудъ его до *Отеческаго Заповѣданія*—*Зерцало* посвященъ исключительно религіозной догматикѣ; *Книга о скудости и богатствѣ* писана послѣ *Отеческаго Заповѣданія*, самое же *Отеческое Заповѣданіе* дѣлится на двѣ совершенно разнородныя по характеру и изложенію половины: первая посвящена вопросамъ религіи и церкви, вторая—„гражданскому житію“, разбору обязанностей приказныхъ людей и судей.

Между тѣмъ какъ разборъ политико-экономическихъ воззрѣній Посошкова, игравшихъ столь важную роль въ самой большей части трудовъ Посошкова, требовалъ болѣе подробнаго изложенія въ довольно объемистомъ томѣ, указаніе на содержаніе его трудовъ о религіи и церкви, о нравственности и педагогикѣ съ одной стороны и о военномъ вопросѣ и юридическомъ бытѣ съ другой едва ли потребуетъ столь подробнаго изложенія. Не говоря уже о томъ что для всесторонней оцѣнки мнѣній Посошкова о догматахъ церкви нужно быть специалистомъ въ области богословія, такъ что мы поневолѣ должны предоставить

полную разработку вопроса о значеніи *Зерцала* знатокамъ дѣла; намъ кажется что значеніе Посомшкова-богослова или Посомшкова-юриста далеко уступаетъ значенію Посомшкова-экономиста. Хотя богословскія сочиненія Посомшкова по своему объему превосходятъ его сочиненія посвященныя обсужденію свѣтскихъ вопросовъ, послѣднія съ точки зрѣнія общесоциологической намъ кажутся болѣе важными, болѣе достойными вниманія. Историкъ литературы о расколѣ безъ сомнѣнія найдетъ въ *Зерцалѣ* много весьма замѣчательнаго отчасти даже новаго, едва ли однако результатъ изслѣдователя-богослова при изученіи сочиненій Посомшкова будетъ равняться богатству данныхъ, открываемыхъ въ трудахъ крестьянина-промышленника историкомъ-экономистомъ.

Подвергая разбору мнѣнія Посомшкова о религіи и церкви, о морали и педагогикѣ, мы сначала намѣрены доказать полное согласіе между этими воззрѣніями Посомшкова и ученіемъ *Домостроя*. Затѣмъ мы укажемъ на отношеніе Посомшкова къ протестантизму и расколу. Наконецъ мы увидимъ что Посомшковъ требовалъ довольно важныхъ реформъ относительно матеріальнаго и умственнаго быта духовнаго сословія.

I. Религіозныя понятія Посомшкова и *Домострой*.

Опредѣлить мѣру распространенія *Домостроя* въ XVI и XVII столѣтіяхъ трудно. Слѣсковъ этого сочиненія сохранилось далеко не такъ много какъ другихъ памятниковъ древней литературы. Вѣроятно *Домострой* былъ не въ такъ большомъ ходу въ древней Руси какъ предполагали то прежде. Во всякомъ случаѣ у лучшихъ людей древней Руси онъ бывалъ въ рукахъ и могъ потому вліять на ихъ понятія и быть *. Какъ бы то ни было, этотъ памятникъ служить важнымъ матеріаломъ для характеристики древнерусскаго экономическаго и религіозно-нравственнаго быта.

* См. И. Некрасова *Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи Домостроя*, въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Истории и Древностей* 1872. III, стр. 100.

Духовныя наставленія проповѣдуемыя въ *Домостроѣ*, правила нравственности въ немъ преподаваемыя заимствованы, какъ было доказано еще недавно г. Некрасовымъ, значительно долей изъ византийскихъ источниковъ. Въ какой мѣрѣ все это привилось къ воззрѣнιάмъ русскаго общества, сдѣлалось достоянιάмъ русскихъ людей, соответствовало духовнымъ потребностямъ ихъ видно изъ характера и содержанія тѣхъ частей *Отческаго Заповѣданія* Посомкова которыя посвящены религiи.

Въ *Домостроѣ* религiозныя наставленія имѣютъ скорѣе характеръ наказа, дѣловой инструкціи чѣмъ изложенія сущности религiи. О вѣшнемъ отношеніи къ дѣлу говорится много, о внутреннемъ мало. Главныя правила относятся къ тому какъ человекъ долженъ вести себя при религiозныхъ обрядахъ, при посѣщеніи церкви, монастырей или при молитвѣ. Благоприличіе, благопристойность стоять на первомъ планѣ. Вѣра полагается главнымъ образомъ во вѣшной обрядности. Воспитаніе заключается въ ученіи земнымъ поклонамъ и обрядамъ, преподносятся подробныя правила, какъ вкушать просфоры, уламывать ихъ на кусочки, не роняя крохъ на землю и прочее. О духѣ христіанства, объ истинномъ евангельскомъ ученіи говорится мало. Правила какъ при цѣлованіи иконъ должно „духъ въ себѣ удерживати“, замѣчаніе что Богу непріятенъ „дмшъ смрадъ и обоняніе“ (духъ хмѣльной, чесночный и пр.), наставленіе что въ церкви не должно „на стѣну приклонатися, ни къ столу, ни съ посохомъ не стояти, ни съ ноги на ногу не переступати“, и такъ далѣе занимаютъ весьма видное мѣсто въ *Домостроѣ*. Болѣзни считаются наказаніемъ Божиимъ, противъ коего нужно дѣйствовать лишь покаяніемъ, молитвой и святою водою. Въ списокъ грѣховъ указано на такіе за которые Провидѣніе наказываетъ болѣзнію. Таковыя занятія астрологіей, азартныя игры, приглашеніе чародѣевъ, кудесниковъ въ случаѣ болѣзни. Врачи смѣшивались съ кудесниками, и жизнь иностранныхъ докторовъ верѣдко находилась въ опасности какъ скоро чернь узнавала что у нихъ находится какой-либо зоологическій или анатомическій препаратъ, либо каракатица, либо раковина, либо черепъ или даже цѣлый скелетъ. Царя Алексѣя упрекали въ томъ что онъ любитъ алмашниковъ, а полъ Лазарь

обвинялъ царя: „Имѣши у себѣ мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лица небесе и земли и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ.“ *

Грубость нравовъ въ увеселеніяхъ народа въ то время вызывала реакцію со стороны духовенства. Мы знаемъ напримѣръ изъ разказовъ Олеарія сколь нескромныя шутки составляли главную черту кукольныхъ комедій, весьма любимыхъ народомъ. Потому скоморохи, плясанія и солѣли, бѣсовскія лѣсны, шахматы и тавлеи, и т. л. запрещены *Домостроемъ*. Во главѣ о томъ какъ должно вести себя за столомъ сказано: „Аще начнутъ смрадины и скареды рѣчи и блудны и срамословіе и смѣхотвореніе и всяко глумленіе или гусли и всяко гудѣніе и плясаніе и плесканіе и всякія игры бѣсовскія, тогда якожъ дымъ отгонитъ пчелы, такожъ отыдутъ ангели Божія отъ тоя трапезы и смрадиня бѣсы предстанутъ тѣ и возрадуются и волю свою улачатъ и прочіе.“ ** Достоинно вниманія то что тѣмъ которые за столомъ ведутъ себя чинно и слѣдуютъ правиламъ благочестія „яства и питіе въ сладость бываетъ“; значитъ въ благочиніи и благочестіи заключается и матеріальная выгода. Такой разчетъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Домостроя*. Такъ совѣтуется гостепріимство въ отношеніи къ убогимъ и нищимъ для составленія себѣ хорошей репутаціи. За праведное житіе Богъ награждаетъ и земными благами и т. л.

Далѣе слѣдуютъ правила „како читати отецъ своихъ духовныхъ и повиноватися имъ во всемъ“, „како къ церквамъ Божиимъ и въ монастыри съ привошеніемъ приходити“, „како домъ свой украсити святыми образы и храмъ чисто имѣти“, „како мужу съ женою и съ домочадцы въ дому своемъ молитися Богу“, „како креститися и поклонятися“, „како священниковъ и инокъ въ домъ свой призывать и молитися“, и т. л.

Между составленіемъ *Домостроя* и появленіемъ Посомковского *Отеческаго Заповѣданія* прошло около двухъ столѣтій. Въ продолженіе всего этого времени основная помятая о религіи и нравственности не измѣнилась въ народѣ.

* Щаповъ, *Расказы*, стр. 94.

** *Домострой*, изд. Яковлева, стр. 38.

Но благодаря развитію въ этотъ промежутокъ времени протестантизма и раскола, обращеніе вниманія на вѣдную обрядность заняло въ сочиненіяхъ Посомкова еще болѣе видное мѣсто чѣмъ въ *Домостроѣ*. Полемическій тонъ Посомкова усиливаетъ впечатлѣніе.

Укажемъ сперва на черты сходства между *Отеческимъ Заповѣдникомъ* и *Домостроемъ*.

Въ *Домостроѣ* говорится о томъ какъ должно почитать духовныхъ лицъ. И Посомковъ на этотъ предметъ обращаетъ особенное вниманіе. Онъ пишетъ въ *Зерцалѣ*, осуждая образъ мыслей приверженцевъ безпоповщины, что Богъ вручилъ пастырямъ ключи царства небеснаго и что поэтому безъ нихъ нельзя войти въ оное. * Въ *Отеческомъ Заповѣдникѣ* Посомковъ совѣтуетъ сыну въ гостяхъ за столомъ сажаться ниже „презвитера, или діакона, или монаха“. Мы узнаемъ однако что это правило было часто нарушаемо въ то время. Посомковъ пишетъ: „Есть въ народѣ обычай зѣло непотребный: ибо богатые люди, а наипаче савовитіи, презвитеровъ ниже себя сажаютъ, и то они чинятъ отъ неразумія своего: мнятъ бо себѣ великихъ быти, а священный чинъ наипаче же за ихъ убожество и безкнижество снижаютъ, и то они, ово отъ незнанія ихъ священнической чести, ово же отъ безумія своего, наипаче отъ гордости своея тако чинятъ.“ Затѣмъ слѣдуетъ наставленіе что нужно чтить пастыря, считать его отцомъ, давать ему лучшую пищу. Великій грѣхъ насмѣхаться надъ священникомъ: Богъ за это наказываетъ чрезвычайно строго. И пьянаго пресвитера почитать должно „обаче данный ему отъ Бога даръ не пьянъ, но дѣйствителенъ есть. Духъ бо Святый имъ дѣйствуетъ: и никогда вдохновенный отъ самого Бога во презвитеры даръ Духа Святаго не отъемлется, и пр.“ ** Посомковъ требуетъ чтобы сынъ почиталъ архіереевъ и іереевъ „несравненно съ царскими слугами“, причемъ замѣчаетъ: „да и ты отъ Бога почетеъ будеши“. Отца духовнаго, по мнѣнію Посомкова, нужно считать гораздо „честѣе“ плотскаго. Не иначе какъ при помощи духовныхъ лицъ можно противодействовать діаволу.

* *Зерцало*, стр. 44—45.

** *Отеч. Зап.* 62—64.

„Діаволь аще и веаміи естествомъ товокъ и провидателемъ есть, иже и сквозь желѣза проходитъ, а въ челоуѣка безъ дыры вѣйти не можетъ. Но егда Божію заповѣдь или отца своего духовнаго приказаніе челоуѣкъ кой преступитъ и вскорѣ покаяться не потщится, то къ тому челоуѣку діаволь дерзко приступаетъ и вреждаетъ его и егда покается, то пакы діаволь отъ него отдаляется и въ такова челоуѣка никоими мѣрами вѣйти и вредити его не можетъ, и т. д.“ *

И заступничество нищихъ предъ Богомъ считается Посомковымъ имѣющимъ великую силу. Если во время обѣда придетъ нищій, „то даждь ему лучшей кусокъ, кой тебѣ угоденъ: а худшаго отнюдь не давай, дабы тебѣ вмѣсто милости Бога на гнѣвъ не привести, понеже подаваемая милостыня въ руцѣ Бога подается. И аще Бога любиши, то лучшее ему подаси, а аще худшее Богу подаси, то ты ложь еси и любяши себя паче нежели Бога... Ты, сыне мой, самъ по себѣ рассуди: егда твой рабъ при твоихъ очахъ будетъ ясти лучшее, а тебѣ поднесетъ худшее и аще тебѣ будетъ то и угодно: обаче ты подай Богу лучшее, а аще же тебѣ то негодно будетъ, еже отъ раба твоего, такова жъ челоуѣка каковъ и ты, поданое ти негодно, то помысли како будетъ Богу угодно: понеже оиъ не примѣръ тебѣ: ты прахъ и пепелъ и червь непотребный, а Богъ творецъ тебѣ и всей твари, а ты подаси ему худши своего куса, и пр.“ **.

Съ бумагою нужно обращаться весьма осторожно, не бросать оную подъ ноги и т. п., потому что на бумагѣ можетъ быть написано имя Божіе или же имя царя, помазанника Божія; при желаніи отвѣдать перо или черниль, не должно писать „по древнему обыкновению: помилуй мя Боже или по милости Божіей“, но нужно писать „опытъ перу“ или „опытъ черниламъ“ или „какую-либо рѣчь мірскую, коя бы была безъ воспоминанія имени Божія, потому что тѣ всѣ опытные бумажки ни во что обращаются и мечутся подъ ноги, и въ таковомъ неразуміи имя Божіе въ поправіе повергается, и т. д.“ ***.

* Тамъ же, 67.

** *Отч. Зав.*, 173.

*** *Отч. Зав.*, 214.

Таковъ же взглядъ на книги. Понятіе о книгахъ у Посошкова совпадаетъ съ понятіемъ о священныхъ книгахъ. Онъ пишетъ: „Книгу же читающе не облокотися о ню: но книгу почитая клади ее въ честномъ мѣстѣ и на книги никаковыя вещи свѣтскія не налагай: яко святую икону почитаеши, тако и книги почитай, всакая бо икона за имя Божіе свята есть: тако и книга за имя же Божіе свята же есть, и того ради надлежитъ и почитати и аще случится съ собою взяти ее, то не полагай ю въ штаны, но полагай въ кастаный карманъ и то не велми бы низкоъ быть... Видѣхъ бо многихъ челоувѣковъ, иже и подевѣшники сальные поставляють на книги, дабы выше стояли и сіе явѣ есть, яко чинятъ за недознаніе свое, а аще кто вѣдая, да имя Божіе уничтожитъ, той смертію согрѣшитъ“.*

Хотя въ *Отеческомъ Заповѣданіи* нигдѣ не упоминается о *Домостроѣ*, нельзя однако сомнѣваться въ томъ что Посошкову содержаніе этого памятника было хорошо извѣстно. Это видно, между прочимъ, изъ тѣхъ мѣстъ въ *Отеческомъ Заповѣданіи* гдѣ говорится о томъ какъ должно вести себя въ церкви при богослуженіи. Тутъ, между прочимъ, подробно говорится объ обязанности снимать шапку, приближаясь къ церкви, „да не явишися предъ Богомъ гордъ“, или при видѣ издалека образа несомаго съ пѣніемъ.

„Егда узриши несомо святое тѣло Христово, то лишь чють завидиши его, то шапку съ себя сойми и съ комя своего или съ колесницы сяди и егда приблизится къ тебѣ и аще и грязно поклонишь до земли.“ Затѣмъ слѣдуютъ подробныя правила о поклонахъ въ церкви и предъ иконами и о молитвахъ, которыя должны произноситься предъ каждою иконою. „Мѣста же себѣ во церкви не избирай и стоя о стѣну или объ иное что не опирайся, кромѣ немощи тѣлесныя или древности престарѣлая. А аще и въ старости а можеши стоять о себѣ: то стой не опершися и жезломъ развѣ немощи тѣлесныя отнюдь не подпирайся, а еще въ бодрости, то и въ рукахъ жезла или тростки, по обыкновенію маломысленныхъ не держи, аще и въ чинѣ хотя офицерскомъ или судейскомъ будеши, трости отнюдь въ рукахъ своихъ не держи, но отдай его слугѣ, понеже въ церковь вошелъ ты молиться, а не судити кого или поученіе тростью кому чинити.

* *Отеч. Зап.*, 170.

Также и шпагу или саблю, не воедѣ въ церковь славъ съ себя, отдай слугѣ, дабы тѣмъ оружіемъ поклоны твоя не избости кому ока или иной какой досады не учинити.“ Посомковъ съ негодованіемъ говоритъ о Нѣмцахъ являющихся въ церкви съ оружіемъ, сидящихъ въ церкви и пр. Затѣмъ слѣдуютъ другія правила: „Стоя въ церкви не лапай гордостю въ дальность отъ себя, но лапай только предъ собою въ близости. И лаюновеніе свое подтирай ногою, дабы самому тебѣ поклониться было не глупо и егда поклоны сотвориши до земли чтобы тебѣ рукъ своихъ или ризы своя лаюновеніемъ не оскаредити, а егда поклонишься и самъ себя тѣмъ лаюновеніемъ умараеши, то будешь разумѣть что не добро и не подтирать и пр.“—Въ церкви нужно стоять смиренно, не возвышаться надъ кѣмъ-либо, не толкать никого, а всѣмъ уступать „понеже у Бога яко богатія, такѣ и убозіи вси суть равны“. Другое правило слѣдующее: „Аще и въ великомъ могущество будешь, а во церкви стой яко самый послѣдній человекъ и на сторонѣ отнюдь не поглядывай, егда поглядѣвъ, узриши жену или дѣвицу добродѣлю и красотою ея уязвишися, то ты всю свою молитву погубиши и вмѣсто пользы ласость себѣ приобращеши и того ради на стороны отнюдь не поглядывай.“ *

О почитаніи иконъ говорится много и подробно. Посомковъ негодуетъ что иногда предъ иконами святыхъ угольниковъ ставится болѣе свѣчъ чѣмъ предъ иконою Спасителя или Богородицы. И число свѣчекъ и низкость поклоновъ должны быть различны предъ различными иконами („никогда въ равенство съ Богомъ святыхъ Его угольниковъ не равняй“). И цѣловать иконы нужно различно: „Спасителя образъ цѣлуй въ носъ, прочихъ же святыхъ цѣлуй руцѣ, а не носъ“, и пр. При почитаніи иконъ не должно обращать вниманія на живопись или на бѣлыню или меньшую знаменитость художника писавшаго ее, или на украшеніе золотомъ или серебромъ, или бисеромъ, но только на имя образа. Если особенно древнія или писанныя свято живущими иконописцами иконы считались бы по преимуществу чудотворными то „таковыя иконы не далеке будутъ отъ идоловъ, понеже чудеса будутъ

* Отмеч. Зап., 105—108.

творити не Божією силою, но силою иконописцовою. И по такому безумному и проклятію подлежащему разсужденію Божіе имя и сила его уже ни во что будетъ, токмо велико будетъ имя иконописцово.“ *

На необходимость различнаго почитанія иконъ Пососковъ уже и прежде обратилъ вниманіе въ посланіи къ Стефану Яворскому. Тамъ сказано: „Мнѣ, государь, сіе зрится вельми келраво что во церквахъ свѣщи поставляютъ всякой человѣкъ предъ свою собину, кои у него иконы привесены изъ дому, а предъ церковныя иконы и двадцатые доли свѣчъ не поставляютъ, а кои свѣчи и подають предъ церковныя иконы и тѣ наилучше поставляютъ предъ образъ Святаго Николая и прочихъ святыхъ, кто кого лаче чтить, а предъ Спасителевою и предъ Богородичною иконами вельми мало свѣчъ является, а въ иное время и безъ свѣчъ бывають.“ Священники должны заботиться чтобы было достаточно свѣчъ „предъ самымъ животворящимъ тѣломъ Христовымъ“, „у престола Божія и предъ козчегомъ, идѣже тѣло Христово лежитъ“. Пососковъ предлагаетъ предписать священникамъ учить своихъ духовныхъ дѣтей какъ они должны поступать въ отношеніи ко свѣчамъ въ церкви. **

Требуя различія въ почитаніи иконъ Спасителя, Богородицы и святыхъ угодниковъ, Пососковъ въ то же время требуетъ нѣкоторой равноправности святыхъ угодниковъ. Онъ пишетъ на этотъ счетъ въ *Отеческомъ Запискѣ* что если у сына родится сынъ, то не должно долго задумываться надъ именемъ которое должно дать сыну, а назвать его именемъ того святаго въ день котораго родился сынъ. „А и въ томъ дни, избирай лаче имя то коего мало дають люди, дабы и тми святыми за тяжесть имянъ, не въ презрѣніи были. Сей бо обычай въ народѣ не весьма правъ: еже имена давать младенцамъ знакомые, а дикихъ имянъ обѣгаютъ, иже суть Созонъ, Доримедонъ, Акила, Селиванъ, Евлампій и прочихъ таковыхъ имянъ не дають и тымъ святымъ презрѣніе чинятъ напрасно и не безъ обиды сіе имъ чинимъ, понеже они такіе же святии угодницы Божія яко же и легкія имена, и т. д.“ ***

* *Отеч. Зап.* 110—113.

** *Соч. Пос.* I. 315.

*** *Отеч. Зап.* 49.

Любопытство сѣдующее обстоятельство. Между тѣмъ какъ обыкновенно понятіе о фарисеяхъ и фарисействѣ совладаетъ съ понятіемъ о ханжахъ и ханжествѣ, Песотковъ напротивъ считаетъ фарисеевъ образцами если не благочестія, то набожности. Съ омерзѣніемъ лоричая лютеранъ, не обращающихъ вниманія на дѣла, отвергающихъ постъ и т. л., Песотковъ въ противоположность къ лютеранамъ указываетъ на фарисеевъ и требуетъ при этомъ чтобы сынъ старался превосходить фарисеевъ набожностью, то-есть исполненіемъ вѣншихъ религіозныхъ обязанностей. Замѣчая что лютеране живутъ какъ безсловесный скотъ, Песотковъ пишетъ: „Ты же, сыне мой, буди словеснымъ человѣкомъ, а не скотомъ, разумѣй что добро или что худо, и добрая дѣла яко лшеницу въ житицу твою собирай, а худая дѣла и люторская преданія яко лшвы отъ лшеницы отбирай, и огню предавай. Ты тако тѣси еже бы тебѣ книжниковъ и фарисеевъ своими добродѣтелями превмшати, чтобы тебѣ по Господню словеси вѣсти во царство небесное. И того ради положи себѣ предѣлъ, еже на кѣждо бы годъ исчислити прибытки свои воѣ, и аще въ годъ придетъ тебѣ по исчисленію твоему прибытку тысяча рублевъ, то отдѣли ты Богу сто рублевъ и приложи ты рублевъ пять или большіи или меньшіи по своей любви къ Богу приложи по своему намѣренію, дабы тебѣ превмшати фарисеево подаваніе. Фарисей двократы въ недѣлѣ постился, и ты по уставу церковному двократы въ недѣлѣ постишися, то-есть среда и лятница и въ тыя дни не токмо мяса, но и рыбы не ѣждь, кромѣ разрѣшенныхъ дней. Къ тому же отъ святыхъ отецъ положены въ году четыре посты, и аще ты вси посты будеши постигшися, то ты и въ постѣ превмшеши фарисеевъ. Они аще чужаго и не лохищали, а за себя стояли, а ты такожде чужаго не лохищай; а кто твое лохититъ не возвращай, те и въ томъ правда твоя превмдетъ фарисейскую правду. Паки кто тя ударитъ по лавитѣ, и ты по еврейскому узаконенію не бей его оупротивно по его лавитѣ во отпущеніе, но обрати ему и другую свою лавиту, то и въ томъ правда твоя превмдетъ книжникъ и фарисей.“ *

Въ какой мѣрѣ богоугодныя дѣла являются у Песоткова вѣншимъ, обряднымъ исполненіемъ религіозныхъ

* Отеч. Зап., 138—139.

обязанностей, видно между прочимъ изъ предписаній Посоткова относительно способа подаванія милостыни нищимъ. Онъ говоритъ сыну: „Егда изыдеши изъ дому своего, то... изми три лѣнязя, велики или малы, и каковы тебѣ первые попадутъ нищіе, кто каковъ ни будетъ, еще старъ или младъ или увѣченъ или здоровъ: не разбирая даждь первымъ близъ тебя случившимся. И еще узриши и весьма древна или дряхла идуща или сѣдаща, а передъ нимъ случаться млади и здоровы, и ты не разбирая между ними, даждь тѣ три лѣнязя первымъ случившимся тебѣ, а потомъ еще восходеши даждь увѣчному особымъ лѣнязю, въ прибавку первымъ; а первыя три лѣнязя неизмѣнно отдаждь случившимся первымъ идущимъ или и сѣдающимъ, и прочее.“ * И это несмотря на то что самъ Посотковъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Многіе нищіе по улицамъ скитаются, а въ домъ своемъ не токмо хлѣба, но и лѣнязей имѣютъ до вольство“. **

Совершенно сообразно съ ученіемъ *Домостроя* Посотковъ предостерегаетъ своего сына отъ всякаго сношенія съ кудесниками. „Ворожей къ себѣ никаковыхъ не призывай и самъ не касайся вороженья, ни бобами не разводи, ни въ примѣты ни въ каковыя не вѣрь, но всю свою надежду возложи на Бога. А еще ворожбѣ какой коснешися, то все свои добрыя дѣла погубиши и вмѣсто благословенія приими клятву, вмѣсто же царства небеснаго насладити вѣчную муку.“ ***

Посотковъ совѣтуетъ сыну, если тотъ будетъ солдатомъ, никогда не имѣть заговоровъ. „Аще заговоры имѣти будешь, то съ Богомъ вражду возымѣши, понеже вмѣсто Бога будешь у себя имѣти заговоры, и аще съ тѣми заговоры убьютъ тебя, то будешь ты чорту баранъ и кровь твоя и съ душею твоею ни за что погибаетъ.“ ****

Домострой ратовалъ противъ кудесниковъ-врачей. Посотковъ пишетъ что если колдунъ приглашенный по случаю

* *Отеч. Зап.*, 174.

** *Отеч. Зап.*, 140.

*** *Отеч. Зап.*, 205.

**** *Отеч. Зап.*, 198. Юрій Крижанецъ разказываетъ что Густавъ Адольфъ носилъ мечъ на которомъ были вырѣзаны заклинанія демоновъ, и полагаетъ что это было причиной его гибели. См. изд. Безсонова II, 255 и 256.

болѣзни напишетъ „отрицательное писмо отъ болѣзни“ и большою по приказанію колдуна проглотить эту бумагу, то въ этомъ заключается страшная опасность: „оттуда не ладъ“, совѣтуетъ онъ сыну, „бойся, дабы тебѣ въ такомъ письмѣ прикровеннаго не съясти діавола и еже бы тебѣ послѣди самому не быти лицемъ діаволу“.*

Съ тѣхъ поръ какъ былъ написанъ *Домострой* и до Посомкова многое измѣнилось въ Россіи. Во время составленія *Домостроя* почти вовсе не было врачей въ Россіи. Во время Посомкова число докторовъ-иностранцевъ было весьма значительнымъ. Хотя масса народа и не имѣла возможности пользоваться аптеками и врачами, все-таки по крайней мѣрѣ въ столицѣ высшіе слои общества мало-по-малу привыкали обращаться въ случаѣ болѣзни ко врачамъ и посылать въ аптеку за лѣкарствомъ. Посомковъ, какъ видно, не раздѣлялъ предубѣжденія черни противъ докторовъ и совѣтовалъ сыну, „аще скорбію каковою заскорбиши, ничтоже сумняся врачуйся отъ добраго врача, кой лечитъ зѣліемъ и быліемъ, понеже въ быліи лечебную силу Богъ положилъ. И врачуйся прежде расширенія болѣзни. Исусъ Сираховъ оказываетъ еще издревлѣ: яко врачевство сотворено отъ Бога, и врача противу лотребы его повелѣлъ чтити, то-есть за врачеваніе его платити ему. А аще заскорбиши, а лечитися не будещи, и та болѣзнь расширится въ тебѣ и ѹмрещи отъ нея, то ты самъ себѣ убійца будещи, понеже и отъ малыя болѣзни, аще ее не прелпнещи лѣкарствы, смерть случается, а аще и великая болѣзнь зародится въ человѣкѣ, а не дастъ ей къ тому расширится, то она утолится и оздравѣтъ человѣкъ, и пр.“

Изъ другихъ замѣчаній Посомкова явствуетъ что въ его глазахъ вся жизнь была ничѣмъ инымъ какъ постоянною борьбой съ вѣчною силой. Эта мысль особенно излагается во главѣ „о мирскомъ моленіи и о молитвѣ“. Тутъ прежде всего говорится о правильномъ крестномъ знаменіи и о чемъ должно думать при каждомъ движеніи. „Первѣ возложи на чело, потомъ низведи свою руку на лупъ, отъ лупа же на десное чело, а потомъ на лѣвое, и пр.... егда же руку свою возложиши на чело, то въ умѣ своемъ помышлай о вышнемъ рогѣ креста Христова, егда же низводити будещи руку на

* *Отеч. Зав.* 174.

жизнь, то помышляй о дивномъ древѣ крестномъ, а егда же руку свою низведеша на плуъ, то помышляй о нижнемъ рогѣ креста, и пр..." Не вполне точное исполненіе этихъ формальностей подвергаетъ человѣка опасностямъ со стороны діавола; за то соблюденіе всѣхъ таковыхъ правилъ оказывается вполне цѣлесообразнымъ. „Противо такого воображенія діаволъ не можетъ устояти, но какъ дымъ исчезаетъ и исчезаетъ“. * Затѣмъ слѣдуютъ разныя правила о количествѣ и содержаніи молитвъ и о мысляхъ при каждомъ словѣ молитвы. Во время молитвы діаволъ постоянно старается помѣшать человѣку, и поэтому нужно всѣми мѣрами остерегаться и стоять твердо противъ покушеній діавола. Посомковъ замѣчаетъ: „И еще діаволъ, ненавидя чистые молитвы, замѣняетъ чѣмъ или поведеніемъ каковаго размышленія изъ памяти твоея выгоняетъ и проглаголеши въ безпамятствіи своемъ, повеже діаволъ протѣкая твое возведеніе ума на небо въ забытіе ума твоего приведетъ тея и еже глаголаеши не упомниши, то ты лажу начни ю глаголати снова. И еще вторицею или и третицею или и вѣщи умъ твой діаволъ отведетъ какими размышленіями отъ богомыслия, то ты вся та глаголанія ни во что себѣ выѣдай... Кую молитву глаголетъ кто въ забытіи ума своего и та молитва до Бога не доходитъ, но на воздухѣ демоны ю расторгаютъ“. **

Какое значеніе имѣетъ количество молитвъ, видно изъ слѣдующихъ совѣтовъ Посомкова: „Никогда празденъ смир мой не сиди, либо какое художественное дѣло дѣлай, либо книги читай, либо молитвы или псалмы читай, либо мысляю своею съ Богомъ бесѣдуй"... „И егда путемъ идеши или ѣдеша, не можешь ты и въ то время бездѣленъ быти, но глаголи умомъ своимъ Давидовы псалмы, кои можешь памятовати. А еще не единого не памятуеши, то наречно затверди латидесятый псаломъ: Помилуй мя Боже, да 142 псаломъ: „Господи услыши молитву мою.“ ***

Посомковъ, какъ уже было сказано, нигдѣ не осуждаетъ мѣръ Петра. Въ *Отечественнъ Запискѣхъ* однако онъ говоритъ

* *Отеч. Зап.*, 75.

** Тамъ же, 96.

*** *Отеч. Зап.*, 170—171.

о парикахъ совершенно также какъ говорили о нѣмецкомъ платѣ и о парикахъ въ народѣ.

Какъ на парики смотрѣли въ низшемъ классѣ народа, видно изъ слѣдующаго случая. Когда вспыхнулъ астраханскій бунтъ, въ грамотѣ бунтовщиковъ, разосланной къ окрестнымъ казакамъ, говорилося, по обыкновению, о вѣрѣ христіанской нарушенной брандобритіемъ, нѣмецкимъ платьемъ, табакомъ, и пр. Затѣмъ разказано что „воеводы и начальныя люди покланялись и насъ кланяться заставляли. И мы за вѣру христіанскую стали и чинить того чтобы бранзовомъ кланяться не хотѣли... и мы у начальныхъ людей въ домахъ вынули кумирскихъ боговъ“. Въ Москвѣ любопытствовали знать что такое за кумирскіе боги, о которыхъ писали Астраханцы. Дѣло объяснилось: кумирами бунтовщики называли „столярной работы личины деревяныя, на которыхъ у цыземцевъ и у русскихъ начальныхъ людей кладутся накладные волосы для береженія чтобы не маились“ *.

Посомшковъ, лоричая лютеранъ за то, что они „въ шалкахъ, въ шаялахъ и въ парухахъ сидятъ въ креслахъ въ церкви“, сожалѣетъ о томъ что и нѣкоторые православные научились у Нѣмцевъ „во время божественныя литургіи въ церкви стоять въ парухахъ и въ явленіе пресвятаго тѣла Христова не снимаютъ ихъ со главъ своихъ и тѣмъ они тѣло Христово ругаютъ“. Шалки и парики по мнѣнію Посомшкова, тоже „покрывало“; парики однако гораздо хуже шалока: „въ шалкѣ бо и въ шаялѣ шерсть... отъ чистыхъ овецъ и отъ чистыхъ звѣрей дубравныхъ, на коихъ не токмо грѣха, но и заповѣдь никакая не лежитъ. А въ парухахъ волосы собраны отъ мертвыхъ женъ и дѣвицъ и много и отъ скверныхъ блудницъ и таковыхъ мертвечинныхъ и нечистыхъ блудницъ волосы православнымъ христіанамъ и въ церкви на главы свои возлагати не господствуетъ. Лютеранамъ же то свойственно есть еже носить таковыя парухи, понеже они въ оутѣ истиннаго христіанства.“ Потому Посомшковъ совѣтуетъ своему сыну, если тотъ будетъ офицеромъ или знатымъ саловникомъ и долженъ будетъ „не безъ уборства главу свою имѣть“, оторвать свои волосы каковы Богъ далъ и украшаться ими.—

* Соловьевъ XV, 144 и 148.

„Покровенною главою молити“ Посомшковъ считаетъ „персидскою и люторскою гордостью“.—Схоластическіе приемы его при обсужденіи этого вопроса видны изъ сѣдующей его аргументаціи: „Аще речеть ти, ларукъ де не шалка, ни шляпа, ни чалма, но волосы человѣчьи, и убраны по обычаю натуральному, и ты ему рцы, вопрошая его: егда де кто изъ рыбья тѣла сдѣлаетъ на образъ гуся или утицы или четвероножнаго скота или звѣря какова, то не будетъ ли грѣха еже въ постной день тое ясти. И аще речеть, нѣсть въ томъ грѣха: аще видѣ имѣеть птичей или четвероножнаго скота или звѣря, но самую вещью рыба есть. И ты лаки вопросы его глаголя: а аще кто изъ говяжья или изъ баранья мяса сдѣлаетъ видомъ рыбнымъ, или и овощія какова, то не будетъ ли грѣха инокѣ тое ясти или и мирянину въ постной день. И буде речеть, такожде, что де ты меня искушаеши, видѣ де ни скорому, ни поста не наложить, ниже грѣха какова ни святости, но судитца самая матеріальная вещь, а не видѣ: уже что ни сдѣлано изъ мяса, то мясо и есть, а не иная какая вещь и ни инокѣ, ни миряномъ въ постной день ясти тоя яди не можно. И ты ему рцы, яко о мясѣ и рыбѣ право разсудилъ еси; чесо же ради о накладныхъ волосахъ разсуждаеши неправо, и глаголеши яко ларукъ не примѣръ ни шалкѣ, ни шляпѣ, ни чалмѣ, а я де вижу, како шалкою или шляпою или и накладными волосами голову покроеши, то покрывало головѣ и стало быть. Аще бо ларукъ видомъ ни шалочнымъ, ни шляпнымъ сдѣланъ, но самую вещью покрывало главѣ и проч....“ Съ прокіей прибавляетъ Посомшковъ: „люторы, господице, намъ православнымъ христіанамъ не примѣръ; у нихъ все свято, и ни въ какой вещи и ни въ какомъ дѣлѣ грѣха нѣсть, а мы и родимся во грѣхахъ и живемъ во грѣхахъ и нѣсть такова ни дая, ни часа еже бы мы безъ грѣха пробыли, и пр.“*

Посомшковъ возстаеъ противъ ученія Коперника, замѣчая: „Богъ сотворилъ земаю тягостную и недвижную и отъ небесъ всякую тягостную вещь устрои къ земли клонитися, а легкости къ небеси устрои возноситися и вещь самую отъ всѣхъ элементовъ легчайшую солнце отдѣли отъ земли, сотвори его послѣди

* *Отеческое Заблужденіе*, 150—167.

тягостная земля въ четвертый день и подъявъ его къ вы-
сотѣ и постави на четвертомъ небеси еже освѣщати ему
всю вселенную и на кѣждо сутки повелѣ ему обходить
вкругъ всея земли. А ты лютораня то твореніе Божіе
олакъ обращаютъ и глаголятъ яко бы легкость солнечная
стоитъ недвижима, а тягостная земля на кѣждо сутки
обходить.... неисчислимые милліоны верстъ. И такимъ сво-
имъ (окирно)словіемъ не только слово Божіе, но и дѣла его
опорочаши.“ Затѣмъ Посомковъ упомянувъ что „боговидецъ
Моисей написалъ явно отъ устъ Божіихъ“ продолжаетъ:
„А проклятый Колерникъ, Бого-суперникъ тотъ творитель-
ный глаголъ Божій опоритъ и Моисеево писаніе: еже отъ
творенія Божія написанныя ничтожить и тому своему лже-
составному вымыслу никакова отъ божественныхъ писанія
свидѣтельства не являетъ, но токмо своимъ богопротив-
нымъ умствованіемъ.“ *

Посмотримъ теперь въ какомъ антагонизмѣ къ понятіямъ
передовыхъ людей, самого государя и Теофана, стояли до-
мостроевскія и византійскія понятія Посомкова.

Въ древней Руси византійское вліяніе было чрезвычай-
но сильно. Съ общимъ христіанскимъ знаніемъ, церков-
ною литературой, легендами и сказаніями, почерпался и
тотъ особый складъ религіозности который отличалъ ви-
зантійскихъ ревнителей. Русская литература складывалась
подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ византійскихъ образ-
цовъ: въ догматикѣ, въ поученіи, въ „житіи“ русскіе писа-
тели примѣняли византійскую манеру. Византія, отдаля
древнюю Русь отъ католицизма, отдаляла вообще отъ За-
пада и сдѣлала надолго невозможными образовательныя съ-
вязи. Въ XVмъ и XVIмъ столѣтіяхъ развились все
болѣе и болѣе та религіозная нетерпимость, то недовѣріе къ
Западу которое было внушаемо Византіею съ самаго начала.
Все это усиливается въ то время, когда религіозные против-
ники (Поляки, Нѣмцы) оказывались и политическими вра-
гами, когда въ притязаніяхъ римской церкви легко бы-
ло усмотрѣть дѣло чистаго властолюбія, политическую
интригу и нетерпимость, которая вызывала такой же от-
поръ. Европа локималась какъ латинство; и когда свер-
шилась реформація и отпаденіе протестантовъ, по мнѣнію

* Отеч. Заб. 157.

русскихъ теологовъ и книжниковъ на свѣтѣ прибавилась только одна новая секта, „лютерская ересь“. Все латинское, и эта ересь въ томъ числѣ, считалось „поганымъ“, басурманскимъ, нехристью.

Въ противоположность ко всему этому Петръ Великій, выйдя изъ закодированнаго круга византійскихъ понятій, желая учиться, отправился въ Нѣмецкую слободу, а оттуда въ Западную Европу. Русское общество усамшило при немъ въ первый разъ о терпимости и свободѣ совѣсти. Наставало новое время.

Характеристическою чертой сильнаго вліянія Византіи на Россію было развитіе монашества. Монашество, отшельничество оказывали вліяніе на весь русскій общественный бытъ.

Злоупотребленія монашествомъ встрѣтили въ Петрѣ сильнаго противника, какъ видно изъ слѣдующихъ его замѣчаній: „Монашество явилось, во первыхъ, отъ людей удивленія по совѣсти желающихъ и безо всякой страсти или мнѣнія, якобы невозможно въ мірѣ спастись, но ради токмо природной къ тому склонности; другіе мучителей и гонителей ради укрывались и невольны, хотя соблюсти душу свою. Монастыри же въ тѣхъ же пустыняхъ имѣли и такимъ же правиломъ яко и удивленные жили, не требуя прочихъ трудами туне насмѣщаться. Когда греческіе императоры нѣкоторымъ, покинувъ свое званіе, ханжить начали и лаче ихъ жены, тогда нѣкоторые плуты къ онымъ подошли и монастыри уже въ самыхъ городахъ строить испросили и денежныя помочи требовали: еще же горше, яко не трудиться, но трудами другихъ туне питаться восхотѣли, къ чему императоры весьма склонны явились и великую часть погибели самимъ себѣ и народу стажали, на одномъ каналѣ отъ Чернаго моря даже до Царьгорода на 30 верстахъ съ 300 монастырей было и такъ какъ отъ прочаго неосмотрѣнія, такъ и отъ сего въ такое бѣдство пришли: когда Турки осадили Царьгородъ, ниже 6.000 человекъ воиновъ сыскать могли. Сія гангрена и у насъ зѣло было распространяться начала подъ защищеніемъ епархіальныхъ церковныхъ, но еще Господь Богъ прежнихъ владѣтелей такъ благодати своей не лишилъ какъ греческихъ, которые (т.-е. Русскіе) въ умѣренности оныхъ держали. Могутъ ли у насъ монахи имя свое дѣломъ исполнять?

Но сего весьма климать стѣверныя наша страхи не до-
пускаетъ и безъ трудовъ своихъ или чужихъ весьма про-
литатися не могутъ, и пр.“ Немного позже въ указѣ 1724
года сказано: „Большая часть монаховъ тунеядцы суть и
помеже корень всему злу явственность, то сколько забабоновъ
(суевѣрій), расколовъ и возмутителей произошло, всѣмъ въ-
домо есть... большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣ-
ности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть, и т. д.“

Въ преувеличенной обрядности, схоластическихъ мело-
чахъ и догматическихъ тонкостяхъ Петръ видѣлъ опасность
лицемѣрія и ханжества. Будучи непримиримымъ врагомъ
лицемѣрія и ханжества и замѣчая сильное развитіе это-
го порока, прикрывающагося набожностью, Петръ меч-
талъ о средствахъ искоренить это зло наставленіемъ на-
рода. Его занимала мысль составить такую книгу въ ко-
торой съ обвиненіемъ лицемѣрія предлагалось бы наставле-
ніе о правильномъ благочестіи. При составленіи программы
такого сочиненія, Петръ удивился тому что между десятью
заповѣдями нѣтъ заповѣди запрещающей лицемѣріе и ста-
рался въ довольно подробномъ изложеніи доказать что ли-
цемѣріе содержитъ въ себѣ грѣхи противъ всѣхъ заповѣ-
дей. Онъ писалъ между прочимъ: „Христосъ Спаситель ни-
чего Апостоламъ своимъ боится не велѣлъ, а сего весьма
велѣлъ: *блюдитесь, рече, отъ кваса фарисейска*, еже есть ли-
цемѣріе.“ **

Извѣстно какъ строго Петръ преслѣдовалъ и наказывалъ
виновниковъ ложныхъ чудесъ, какъ онъ старался остано-
вливать учрежденіе лишнихъ церквей и часовень, какъ онъ
требовалъ безпрекословной преданности духовныхъ лицъ
свѣтской власти. Во всемъ этомъ Теофанъ Прокоповичъ
былъ ему ревностнымъ помощникомъ.

Тотчасъ же послѣ пріѣзда въ Петербургъ, въ 1715 году,
Теофанъ въ одной проповѣди намекнулъ на недоброжела-
телей Петра, на противниковъ нововведеній: „Помислите
бо кто — и многія мыслить что не вси весьма люди симъ
долженствомъ обязани суть, но нѣкии выключаются, именно

* Соловьевъ, XVIII, 203—204.

** См. соч. Частовича, *Теофанъ Прокоповичъ и его время въ Сбор-
никъ статей отд. р. аз. и слов. Имп. Академіи Наукъ т. IV*
(Спб. 1868) стр. 124—147.

же священство и монашество. Се терпѣть, или лаче рещи жало, но жало се зміино есть, палежкоій се духъ, но не вѣтъ какъ-то достигающій и касающійся насъ; священство бо ино дѣло, иный чинъ есть въ народѣ, а не иное государство.*

Главнымъ побужденіемъ для Петра отложить избраніе новаго патріарха и измѣнить вообще главныя формы церковнаго устройства было опасеніе солидарности духовенства и народа въ борьбѣ противъ всякой новизны. Не даромъ Петръ особенно строго наказывалъ священниковъ участвовавшихъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ. По случаю печальнаго эпизода съ царевичемъ Алексѣемъ Петръ сказалъ: „Ой бородачъ многому залу корень старцы и лопы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачомъ, а я съ тысячами.“** За то въ народѣ говорили о Петрѣ: „Прежніе государи по монастырямъ ѣздили, Богу молились, а нынѣшній государь только и Кокуй ѣздитъ,“ „какой онъ намъ христіанамъ государь? онъ не государь, Латышъ: поста никогда не имѣетъ“***, и пр.

Враги преобразованій постоянно вооружались противъ нихъ во имя религіи, во имя древняго благочестія, которому де измѣнялъ царь, другъ еретиковъ, Нѣмцевъ; и на ходили сильную опору въ томъ что духовенство смотрѣло очень неблагоклонно на нововведенія и на новыхъ учителей. Патріархъ Іоакимъ вооружался противъ пріема иностранцевъ въ русскую службу; патріархъ Адрианъ писалъ сильныя выходки противъ бранобритія, и когда замолкъ, увидавъ что самъ царь ввелъ бранобритіе, то навлекъ отъ ревнителей старины жестокіе на себя укоры. „Какой онъ патріархъ? живетъ изъ куска, спать бы ему да вѣсть, бережетъ мантию да клобука бѣлаго, затѣмъ и не облачается.“ Не считая легко возможнымъ найти архіерея, который вполнѣ сочувствовалъ бы преобразованіямъ, опасаясь что патріархъ будетъ нравственною опорой недовольныхъ, царь отмѣнилъ патріаршество. Еще ранѣе онъ рѣшился быть вполнѣ независимымъ отъ духовенства. Сохранилось извѣстіе что англійскимъ купцамъ, изъявившимъ опасеніе не будетъ ли патріархъ сопротивляться табачной продажѣ, Петръ сказалъ: „Не опасайтесь, я далъ объ этомъ указъ, и постараюсь чтобы патріархъ въ табачныя дѣла не

* Чистовичъ, 29.

** Соловьевъ, т. XVII, 216.

*** Соловьевъ т. XV, 135 и 137.

тѣшался: онъ при мнѣ блюститель только вѣры, а не та-
коженный надзиратель.“*

Послѣ учрежденія Монастырскаго Приказа оказалось что
графъ Мусинъ-Пушкинъ, которому было поручено вѣдѣ-
ніе этого Приказа, имѣлъ гораздо большее значеніе чѣмъ
блюститель патріаршихъ дѣлъ, Стефанъ Яворскій. Пуш-
кинъ объявлялъ Стефану повелѣнія государя и полно-
мощно распоряжался дѣлами которыя подлежали вѣдѣ-
нію мѣстоблюстителя. Патріаршая типографія была подъ
исключительнымъ вѣдѣніемъ Мусина-Пушкина: сочине-
нія, переводы и изданія книгъ, даже исправленіе Библии,
которое поручено было главному надзору Стефана, шли
рукою его. Школы московскія также во многомъ за-
висѣли отъ Мусина - Пушкина. Наконецъ и въ хозяй-
ственныхъ дѣлахъ Стефанъ Яворскій былъ ограниченъ Мо-
настырскимъ Приказомъ, которому передано было управле-
ніе патріаршими, архіерейскими и монастырскими вотчина-
ми. Но и эта ограниченная власть Стефана становилась
болѣе номинальною нежели дѣйствительною. Когда Сте-
фанъ сдѣлался президентомъ Духовной Коллегіи, тотчасъ
же послѣдовало объясненіе: „Имя *президентъ* не гордое
имя, не иное бо что значить, токмо *предсѣдателя*; не мо-
жетъ убо ниже онъ самъ о себѣ, ниже кто иной о немъ вы-
соко помышляти“.**

При сильномъ, имѣвшемъ глубокіе корни антагонизмъ
между Теофаномъ Прокоповичемъ и Стефаномъ Яворскимъ
стойкимъ вниманію то обстоятельство что Посомшковъ, въ
другихъ отношеніяхъ столь ревностный сторонникъ Петра,
нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не уломинаетъ о дѣятель-
ности друга и единомышленника Петра — Теофана. За то
онъ не разъ обращался съ большими и важными запы-
тками къ Стефану Яворскому, не разъ стѣлкивавшемуся съ
Петромъ и противодѣйствовавшему, насколько это было
возможно, мѣрамъ преобразователя. Направленіе Стефана
Яворскаго, не знавшаго терпимости, гораздо болѣе соот-
вѣтствовало убѣжденіямъ Посомшкова нежели взгляды скло-
наго къ протестантизму Прокоповича. И въ отношеніи къ
ютеранамъ, и въ отношеніи къ раскольникамъ Посомшковъ

* Соловьевъ, XV, 112—113.

** Чистовичъ, 60, 73.

стоялъ на одной и той же почвѣ со Стефаномъ Яворскимъ, между тѣмъ какъ Петръ и Теофанъ въ обоихъ отношеніяхъ думали и дѣйствовали совсѣмъ иначе.

II. Посомковъ о протестантизмѣ.

Мы уже въ другомъ мѣстѣ говорили о недовѣріи Посомкова къ иностранцамъ. Онъ полагалъ опаснымъ заказывать у нихъ военные снаряды, считая ихъ склонными къ обману и измѣнѣ. Онъ съ негодованіемъ видѣлъ какую важную роль они играли въ русской торговлѣ. Это нерасположеніе Посомкова къ иноземцамъ было въ тѣсной связи съ его религіозною нетерпимостью.

Въ этомъ отношеніи Посомковъ раздѣлялъ вполне предрассудки господствовавшіе въ народѣ, между тѣмъ какъ правительство, сознававшее необходимость сближенія съ Западомъ и ученія у иностранцевъ, на „Нѣмцевъ“ смотрѣло съ другой точки зрѣнія. Правительство обнаруживало терпимость, позволяя сначала протестантамъ, затѣмъ и католикамъ строить церкви, отправлять богослуженіе. Въ массѣ же народа нетерпимость оставалась въ полной силѣ.

Вообще говоря въ продолженіе XVII вѣка ненависть къ католикамъ была сильнѣе чѣмъ ненависть къ протестантамъ. И правительство, какъ извѣстно, относилось съ недовѣріемъ къ латинамъ, сознавая опасность угрожавшую Россіи со стороны іезуитскаго ордена. Вопросъ объ Уніи, преобладаніе католицизма въ Польшѣ, бывшей долгое время опаснѣйшимъ противникомъ Россіи, имѣли слѣдствіемъ особенное нерасположеніе къ „латинствамъ“, къ „папешанамъ“.

Масса народа впрочемъ не была въ состояніи отличать католиковъ отъ протестантовъ. На этотъ счетъ были чрезвычайно смутныя понятія. Даже въ манифестѣ патріарха Іова о первомъ Лжедимитріи сказано что „разстрига прѣхавши въ Москву съ Люторами, Жидами, Ляхами и Рамлянами, и съ прочими оскверненными языками, Люторами и Жидами христіанскія церкви оскверняли и привезъ изъ литовской земли невѣсту люторской вѣры дѣвку“.

Между тѣмъ колонія иностранцевъ въ Москвѣ постоянно росла. Нѣмецкая слобода находившаяся у самыхъ стѣнъ Москвы, „третьяго Рима“, становилась все болѣе и болѣе виднымъ, бросающимся въ глаза явленіемъ. Нужно имѣть въ виду что село Покровское, родина Посомкова, находилось въ самомъ близкомъ отъ этой Нѣмецкой слободы разстояніи. Тутъ были лютеране, кальвинисты, католики. Сюда любилъ прѣзжать Петръ въ девятидесятыхъ годахъ почти ежедневно, какъ мы знаемъ изъ *Дневника* Гордона. Здѣсь онъ даже весьма часто принималъ участіе въ религіозныхъ церемоніяхъ иностранцевъ, присутствовалъ при свадьбахъ, крестинахъ и погребеніяхъ. Онъ былъ другомъ кальвиниста Лефорта и католика Гордона, предпочиталъ Анну Моисѣ своей супругѣ Евдокіи Лолухиной; однимъ словомъ, онъ „любилъ Нѣмцевъ“, какъ говорили съ негодованіемъ въ народѣ. Одинъ монахъ сказалъ: „Государь ѣздилъ за море, возлюбилъ вѣру нѣмецкую: будетъ то что станутъ по средамъ и пятницамъ бѣлцы и старцы ѣсть молоко.“ „Нѣмцы его обогнали, испортили“, говорили другіе. Объяснялось нѣмецкое наклоненіе Петра тѣмъ что онъ будто родился отъ Нѣмки и подмѣнялъ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, родившей дѣвочку. Разказывали что онъ смилъ Лефорта, что на смертномъ одрѣ царица Наталья Кирилловна говорила ему: „Ты де не смилъ мой, замѣняемый“. Мало того, разнеслась молва что Нѣмцы во время путешествія Петра за границею погубили настоящаго царя Петра у себя и прислали на Русь другаго, своего Нѣмца же, чтобъ обусурманить православныхъ. „Это не нашъ государь,—Нѣмецъ“, говорили въ народѣ, „а нашъ царь въ Нѣмцахъ въ бочку закованъ, да въ море пущенъ“, и пр.*

Въ то самое время, когда въ народѣ не желали ни малѣйшихъ уступокъ иностранцамъ, Петръ обнародовалъ знаменитый манифестъ 16 апрѣля 1702, которымъ вызывались въ Россію иностранцы для достиженія и этимъ средствомъ желанной цѣли „приведенія подданныхъ въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе“. При этомъ было объявлено: „Понеже здѣсь въ столицѣ нашей уже введено свободное отправленіе богослуженія всѣхъ другихъ, хотя съ нашею церковію несогласныхъ христіанскихъ сектъ; того ради

* Соловьевъ, XV, 130—132.

и оное симъ вновь подтверждается, такимъ образомъ что мы по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, оовѣста человеческой прииводивать не жалаемъ и охотно пред-оставляемъ каждому хрстіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей. * И такъ мы крѣпко того ставемъ смотрѣть, чтобы по прежнему обычаю никто какъ въ своемъ публичномъ, такъ и частномъ отправленіи богослуженія безпокоенъ не былъ, и т. д. **

Оеофанъ Прокоповичъ, единомышленникъ и сподвижникъ Петра, особенно благосклонно и терпимо относился къ протестантамъ. Онъ самъ своимъ образованіемъ отчасти былъ обязавъ богословской наукѣ протестантовъ, подвинувшихъ впередъ библейскую филологію, критику, церковную исторію. Ему не нравилась ни іезуитская наука въ схоластическомъ богословіи, ни католическая обрядность въ церковномъ богослуженіи и церковной практикѣ. Сдѣлавшись профессоромъ богословія, онъ выбралъ себѣ образцами не схоластическія суммы (Summa theologiae), а лютеранскія догматики Герарда, Голлезія, Квештедта и другихъ, и проложилъ новую тропу русскому богословію. Въ юности слышавъ въ Римѣ, изъ устъ папы Инокентія XII публичныя проклятія на лютеранъ, кальвинистовъ и прочихъ схизматиковъ, онъ тайно смѣялся надъ ними какъ надъ пустымъ громомъ. Онъ любилъ сочиненія Буддея, Декарта, Бекова и другихъ ученыхъ Западной Европы. *** Его не разъ обвиняли въ склонности въ протестантизму.

Совсѣмъ иначе относился къ протестантамъ Стефанъ Яворскій. Въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ сильно нападаетъ на Лютера называя его: „червь ядомъ адскимъ наполненный, треокаянный еретикъ, мерзкій ересіархо, богомерзкій блюзверцо, глухій аслиде“ и пр. ****

Посомшковъ вполнѣ разделяетъ мнѣнія Яворскаго въ отношенія къ протестантизму вообще и къ Лютеру въ особенности. Та глава въ сочиненіи *Зерцало* которая была посвящена этому предмету, какъ ужъ въ другомъ мѣстѣ

* Почти слово въ слово сходно со знаменитымъ изреченіемъ Фридриха Великаго нѣсколько десятилѣтій позже: *zu meinem Lande kann jeder nach seiner Façon selig werden.*

** II. С. З. № 1910.

*** Чистевичъ, 6, 18 и 37.

**** Пекарскій, *Наука и Литература*, II, 4.

было нами доказано,* потеряна. О содержаніи ея мы знаемъ изъ есмлюкъ на ту главу въ *Отеческомъ Записаніи*. Въ этомъ повѣднемъ сочиненіи о лютеранахъ говорится весьма часто и чрезвычайно рѣзко. „Отъ тоя древнія вѣры, говоритъ Посомшковъ, прежде Римляне возгордѣвша восточаю церковію отладоша. Мартинъ же Люторъ и отъ тоя римскія вѣры отступилъ и сочинилъ себѣ новѣйшую вѣру, древніе восточные и новые западные легчайшую, а Яганъ Кальвинъ уже и отъ лютерокіе вѣры отложился и издалъ свои законы.“ Лютера Посомшковъ называетъ „все-сквернымъ“, „авнымъ законопреступникомъ“, „растригомъ“; его и Кальвина онъ называетъ „двумя адскими волками“, ихъ законы „развращенными, слабыми, роскошными“, и пр. **. Лютера самого и его приверженцевъ Посомшковъ въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія упрекаетъ въ улученія нѣкоторыхъ омовеній. Объ этомъ предметѣ говорится съ чрезвычайною подробностью, въ нѣсколько циническомъ тонѣ. Какъ Стефанъ Яворскій, такъ и Посомшковъ особенно по случаю вопроса о таинствѣ брака охотно останавливаются на Лютерѣ и его ученіи, причемъ сочиняются или передаются разныя грязныя сплетни. *** „Мартинъ“ Посомшковымъ сравнивается со свиньями, съ безсловеснымъ скотомъ. „Онъ Мартинъ не потаенный блудникъ, но всему свѣту явный“, „скверный человѣкъ“, „лестъ“, „апостоловы глаголы отвергъ и ногами своими попрахъ“, „презрѣвъ древняя и новыя заповѣди Божія вся“, и т. д. „Люторъ постъ откинулъ“ и „послушницы его яко безсловесный скотъ, яко безкнижная Мордва въ самое воспоминаніе Страстей Христовыхъ мясо ядаютъ“. „Мартинъ Люторъ, колико какихъ законовъ ни узаконилъ, а все отъ своего умышленія издалъ и того ради вси тыя его законы стали быть Богу противны... онъ издалъ свои законы по умствованію мира сего и по лакомству своему, а не по духовной твердости“, „онъ сугубый еретикъ перелитрозованный въ еретичествѣ своемъ.... и кіи человѣды его Мартина и похваляютъ, то вси тіи

* См. I томъ нашего сочиненія о Посомшковѣ, стр. 46.

** *Отеч. Зап.*, 5.

*** См. напримѣръ *Отеч. Зап.*, 30 и 31 и слѣд. Какъ кажется и въ *Книжѣ о Скудости и Богатствѣ* было что-то подобное; см. I, 135. Тутъ говорится о „Люторахъ“, причемъ г. Погодинъ замѣчаетъ подъ страницей: „Опускаемъ нѣсколько строкъ“.

либо несовершеннаго разума, либо несовершенно его ереси разумѣютъ. И еще кто вѣдая его предъ Богомъ противленіе, да похвалитъ его законы, то тотъ предъ Богомъ сугубо согрѣшитъ“. „Онъ самый всесвѣтлый дуракъ, понеже въ разумѣ своемъ велики вознесся“. „Люторама вса Божія и отеческія заповѣди ни во что, но токмо предводителя своего Мартина слушаютъ, избрали себѣ въ мѣсто законника беззаконника, въ мѣсто чистолюбца сквернолюбца и въ мѣсто ангельскія чистоты хранителей бѣсовъ блудныхъ послушника и блудные похоти рачителя и тому всескверному блуднику душами и тѣлеса вѣрилися.“ „Лгутъ Люторане, сказующе о себѣ, яко бы они по волѣ Божіей живутъ, еще бо по волѣ Божіей жили, то бы они того преемственника антихристового посланника Мартина Лютора тогда же бы по Господню словеси во огни сожгли. А они бѣдѣе обрадовались легкостному житію.“ *

Въ другомъ мѣстѣ Посошковъ обвиняетъ что „проклятые Люторане равняютъ Богородицу со своими скверными женами. Мы вѣруемъ, яко Она не токмо ихъ Люторскихъ всескверныхъ женъ, но и горнихъ силъ, ангеловъ и архангеловъ и превышнихъ херувимовъ и серафимовъ, несравненно честѣйши есть.“ Что Люторане не обращаютъ особое вниманіе на поклоны и въ церкви сидятъ въ креслахъ, Посошковъ объясняетъ ихъ „лѣнностью“ и „гордостью“. „Люторове сѣдять по кресламъ яко разслабленіи или лаче яко бездушные и недвижимые идола. Тако бо она возгордѣша и обвиняшася: еже не хотятъ ни мало тѣла своего потрудить или бы его ради спасенія своего удручить и ради Бога не хотятъ и единого своего члена двигнути, ибо и крестнаго воображенія не хотятъ на себя возложить; ради же угожденія діаволу, на вечеринкахъ, въ богомерзкихъ танцахъ тако себя удручаютъ, что едва съ душою собираются и тако утрудившися спать даже до обѣда, и то ихъ житіе стало быть не христіанское, но самое языческое,“ ** и пр. По всему этому Посошковъ заключаетъ что „Мартина Лютеръ подобенъ не Христу, но самому діаволу“. „Нѣмцы толь обезумѣлися, яко хуже скота явились, что пьяный блудникъ

* Отеч. Заб., 48.

** Отеч. Заб., 85, 98 и слѣд.

ни совралъ тому и повѣрилъ“. „Не меньше его наставлялъ и Махометь, но надобно вѣрить пососмотря“, и т. д. *

III. Посошковъ о расколѣ.

Еще строже Посошковъ относится къ раскольникамъ. На нихъ онъ нападаетъ фанатически. Съ ихъ воззрѣніями и ученіями онъ гораздо подробнѣе знакомъ: онъ самъ былъ когда-то раскольникомъ. Онъ знаетъ какія раскольниками употреблялись средства для убѣжденія контроля надъ ними правительства. Онъ могъ цѣнить опасность заключающуюся въ раскольникахъ для авторитета правительства.

Расколъ, имѣвшій свое начало въ чисто-догматическихъ вопросахъ, мало-по-малу изъ области теоріи сталъ входить въ область практики и сдѣлался противугосударственнымъ началомъ. Раскольники протестовали противъ новшествъ не только церковныхъ но и гражданскихъ, они не могли отдѣлать Божіе отъ Кесарева, религіозное отъ гражданского, церковное отъ государственнаго. Сначала Никонъ считался антихристомъ, затѣмъ Петръ.

Посошковъ занимаетъ нѣкоторымъ образомъ среднее мѣсто между раскольниками съ одной стороны и правительствомъ съ другой. Съ раскольниками онъ раздѣляетъ догматическій фанатизмъ, страсть къ занятіямъ богословскими вопросами, обращеніе вниманія на вѣшнюю обрядность, фарисейскій формализмъ. Съ другой стороны въ одинъ голосъ съ Петромъ и Теофаномъ Прокоповичемъ онъ требуетъ большаго образованія отъ духовенства. Многія изъ его предложеній относительно раскола вполне соглашаются съ мѣрами принятыми самимъ правительствомъ; но крайняя рѣзкость и строгость въ его взглядахъ на расколъ имѣютъ мало общаго съ терпимостью Теофана и Петра. За то онъ походитъ на Стефана Яворскаго весьма склоннаго играть роль великаго инквизитора.

Чрезмѣрная строгость и рѣзкость Стефана Яворскаго не нравились правительству. Сенатъ однажды высказалъ явное неудовольствіе Яворскому, когда сей послѣдній съ чрезмѣрнымъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ еретиковъ. Въ

* Тамъ же, 151 и слѣд.

письмѣ къ царю Стефанъ Яворскій долженъ былъ извиняться. *

Чрезвычайно любопытно письмо Теофана, писанное скоро послѣ его пріѣзда въ Петербургъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ встрѣчи съ московскими учеными. „Всѣ мы,“ пишетъ онъ, „болѣемъ теологією. О если бы во всѣхъ возбуждалась жажда знанія и изученія, вопреки трактату предзанятаго мѣня. Тогда была бы надежда что изъ тьмы возсіяетъ истина, но иное, какъ мы видимъ, совершается на дѣлѣ. Всѣ стремятся учить и почти никто не хочетъ учиться. И въ такіа-то мрачныя времена, когда почти нельзя найти ревностнаго ученика божественныхъ знаній, вотъ тебѣ безчисленное множество учителей! То-есть когда міръ достигъ высшей степени несчастія, онъ покушается выставить себя въ высшей степени святымъ, и пр.“ **

Посотковъ, въ области богословія диллетантъ, самоучка, также желалъ быть наставникомъ другихъ. Его сочиненіе *Зерцала* понравилось митрополиту ростовскому Дмитрію. Его начитанность и знаніе дѣла дѣйствительно достойны удивленія. Крестьянинъ, цѣловальникъ, фабрикантъ, какъ авторъ *Зерцала*, производитъ на насъ впечатлѣніе ученаго, но ученаго не на подобіе болѣе просвѣщеннаго Теофана Прокоповича, а похожаго на фанатическаго Стефана Яворскаго.

Предоставляя, какъ уже было сказано, специалистамъ заниматься подробнымъ разборомъ сочиненія Посоткова *Зерцала*, мы укажемъ вкратцѣ на содержаніе этого замѣчательнаго труда. Оно въ главныхъ чертахъ слѣдующее:

Зеркало необходимо для человѣка чтобъ онъ могъ видѣть воѣ пятна на своемъ лицѣ. Есть люди безъ самосознанія. Такъ и раскольники не сознаютъ какое они творятъ зло и какъ они ратуютъ противъ самого Бога. „Кто и малымъ нѣчимъ прильпился расколу и окаялся ихъ нечистотами, въ сіе же зеркало зря и самое малое то окаяніе душевное можетъ познати. Но токмо той не узритъ себя въ сіе зеркало смотря, иже душевными очима въ конецъ ослѣплъ.“

...„Аще же кто отъ діавола пораженъ душевною слѣпотою и за отчаяніемъ не желаетъ отъ окаянія духовнаго чистъ

* Чистовичъ, 61.

** Чистовичъ, 39.

быти, но хощеть въ каѣхъ невѣдѣніяхъ своего валятися, то вѣмъ, яко не восхощеть сего свѣтлаго зеркала и въ руцѣ свои пріяти, понеже въ немъ вся раскольничья благословенія ясно зрима суть, и яр.“

Полное заглавіе труда слѣдующее: „Зеркало, сирѣчь изъясненіе очевидное и извѣстное, на суетумудріа раскольнича, въ немъ же чрезъ святое Евангеліе и апостолоскую проповѣдь и чрезъ многая божественная писанія, ясно вся ихъ оквернословная гавизна изъяснися“.

Самый трудъ переполненъ ссылками на Священное Писаніе, на сочиненія святыхъ отцовъ и на нѣкоторыя сочиненія раскольниковъ. Особенно тщательно собраны самыя рѣзкія выраженія изъ Библіи для осужденія раскольниковъ. „Лжеучители не токмо волцы, но и врази и навѣтницы и хульницы, татіе и разбойницы, наставники сѣтлые, противники Христовы, сынове лукаваго“.—„Хищные волки въ овчихъ одеждахъ“... Въ концѣ первой главы „о хулѣ“ даются разные совѣты какимъ образомъ можно легко распознать „кто есть волкъ и кто овца Христова стада“. Въ заключеніе сказано: „Аще кто хульника пріиметь въ свой домъ или какое сообщеніе будетъ съ нимъ имѣти и той постраждетъ таяжде еже и хульникъ“.—Подобнаго же содержанія и слѣдующія главы „о ругателѣхъ“, „о осудителѣхъ“, и т. д.

Въ слѣдующихъ главахъ говорится „о Крестѣ Господнемъ“ и „о раслятїи“. Тутъ доказывается неосновательность мнѣнія раскольниковъ что у креста Спасителя было подвѣжіе и объясняется подробно форма креста. Съ необыкновеннымъ жаромъ Посомковъ доказываетъ что Спаситель „плотїю висѣлъ на крестѣ, а не стоялъ“, причемъ подробно и съ нѣкоторою ученостью говорится объ источникахъ и происхожденіи послѣдняго ложнаго мнѣнія. Крестамъ разбойниковъ „раслятыхъ окрестъ Христа“ посвящена особая (шестая) глава. Въ главѣ „о гнушающихся Святою Христовою церковью“ Посомковъ осуждаетъ образъ дѣйствій раскольниковъ, надѣющихся на спасеніе безъ пастырей, не хотѣвшихъ „шествовати царскимъ прямымъ путемъ“, заблудившихся „ходя по стремнинамъ высокоумія своего“. Ихъ браки Посомкову кажутся незаконными: они живутъ „бусурмански съ чужими женами наипаче же съ дѣвицами блудно“. Съ крайнимъ негодованіемъ онъ разказываетъ что

раскольники „во церкви причастіе пріемають и то причастіе изъ устъ своихъ измещуть“, что они своихъ младенцевъ, крещенныхъ въ церкви „послѣди слова крестятъ и вѣнчавшихся въ церкви переѣнчаваютъ въ домѣхъ своихъ слова жъ“. Затѣмъ онъ сожалеетъ горько о сильномъ вліяніи лжеучителей. „Отъ невѣдѣнія множество народа погибаетъ и впредъ погибати будутъ, понеже непрестанно лезать и не умолкаютъ; ходя по домамъ, со истиннаго пути совращаютъ и своей ереси научаютъ“. Съ ужасомъ Посошковъ замѣчаетъ что раскольники до того гнушаются святыхъ Божіихъ церквей „что и возвратъ на нихъ не хотятъ, но путемъ идуще потуляся или шалку нахауца или лице свое отъративъ отъ церкви проходятъ“. Онъ восклицаетъ: „О безумія великаго и изреци неудобнаго! О права жестокаго и отъ вѣка несмысланнаго! и пр.“ Затѣмъ сабдуютъ главы „о пресвитерахъ и о власти отъ Бога данной имъ“, „о исповѣданіи грѣховъ“, „о причащеніи тѣла и крове Христовы“, „о мерзости что есть мерзость запустѣнія“, въ которыхъ говорится о разныхъ догматическихъ вопросахъ. Любопытно что Посошковъ, самъ мірянинъ, въ особой (13й) главѣ доказываетъ что „мірянину учителемъ не быть“. Весьма рѣзкія выраженія встрѣчаются въ главахъ „о еретикахъ“, „о лжепророкахъ“, и т. п. Чисто богословскій характеръ имѣетъ изложеніе „о символѣ“, „о книжномъ исправленіи“, и т. д. Мѣстами Посошковъ является какъ бы ученымъ филологомъ. Весьма важному по мнѣнію и православныхъ и раскольниковъ вопросу „о сложеніи перстовъ“ посвящена 20я глава. Въ 27й главѣ онъ доказываетъ что „лжеучителемъ и лжепророкамъ и раскольникамъ противу молчать не подобаетъ“. Въ послѣдней главѣ говорится „о дву царствахъ, Божіемъ и діаволомъ“.

Посошковъ въ отношеніи къ расколу не ограничивался одною теоретическою полемикой. Есть основаніе думать что ему принадлежитъ записка о раскольникахъ, списокъ которой находится въ бібліотекѣ Императорской Академіи Наукъ. Въ этой запискѣ предлагаются чрезвычайно строгія мѣры противъ раскола. Такъ какъ это сочиненіе еще не издано, то мы укажемъ на содержаніе его только подробно. Между тѣмъ какъ въ *Зерцалѣ* Посошковъ трактуетъ о раскольникахъ съ чисто догматической точки зрѣнія, авторъ записки, до того сходной съ содержаніемъ

и характеромъ другихъ сочиненій Посошкова что мы имѣемъ право считать авторство Посошкова въ высшей степени вѣроятнымъ, стоитъ на почвѣ практической политики и предлагаетъ цѣлый рядъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ. Та же самая паспортная система которую — *mutatis mutandis* — Посошковъ предлагаетъ относительно крестьянъ для вѣщаго надъ ними надзора, или для дворянъ для болѣе успѣшнаго привлеченія ихъ къ военной службѣ, встрѣчается здѣсь въ еще болѣе развитой формѣ, съ болѣею рѣзкостью и неумолимою строгостью. Крайне стѣснительныя мѣры, предлагаемыя Посошковымъ, не согласовались съ мыслями Петра или Θεοφана; за то онѣ вполне согласны съ убѣжденіями и дѣйствіями Стефана Яворскаго. Мы уже въ другомъ мѣстѣ говорили о томъ что, какъ кажется, эта записка была назначена для Яворскаго.*

Содержаніе этой записки, списокъ которой намъ былъ сообщенъ обязательно Академіей Наукъ, въ главныхъ чертахъ слѣдующее. Авторъ пишетъ: „Много у насъ въ Руси раскольниковъ и ратниковъ на святую церковь Христову и живутъ яко на Москвѣ и тако и во градѣхъ между православными христіанами невозбранно: и непрестанно уловляютъ всякими образы и съ православія въ свое зловѣріе; и надлежитъ, государь, всякими образы подцатися како бы сіи плевелы или рецѣ терніе изъ среди лшеницы истребити, дабы тое злое терніе добрыя лшеницы не подавило и безъ вѣсти не сотворило. Якоже и въ нѣмецкихъ рѣсахъ (sic?) возросте терніе отъ отладшаго отъ благочестія Мартина Лютера и отъ Кальвина иже такъ подави лшеницу, ако и слѣда ея тамо не оста, реку вѣсть бо въ томъ народѣ ни единого челоувѣка, иже бы держался благочестія.“

„Такожде и наши раскольниковы тѣшатся желающе благочестію нашу вѣру старую вконецъ истребити и свою новую и отъ вѣка несыханную насадити и еще намъ умоачать, то мало по малу всѣхъ привлекутъ къ своему зловѣрію и сего ради надлежитъ намъ воѣмъ православнымъ христіанамъ о семъ подцатися дабы новѣ не дати больше раскольниковамъ расширяться, а потомъ ово увѣщаніемъ, ово прещеніемъ, ово же изъясненіемъ ихъ безумія мало по малу обращати ихъ отъ зловѣрія ко благовѣрію.“

* См. наше сочиненіе *Иванъ Посошковъ*, часть I, стр. 35.

„И того ради азъ сице уммыслихъ еще по вашему святи-
тельскому соизволенію великій государь укажетъ по всемъ
приходскимъ и не приходскимъ церквамъ иже обрѣтаются
подъ его царскою десницею учить седмеры книги, едины
родильныя, другіе крестивныя, третіе покаянныя, четвер-
тые причащальныя, пятые вѣнчальныя, шестые погребальныя,
седьмые описныя.“

Затѣмъ излагается система этой сложной бухгалтеріи.

При рожденіи младенца имена отца и матери, а также
приходъ, къ которому они принадлежатъ, должны быть
вписаны въ родильную книгу. Вотъ образецъ этой регла-
ментации. Посомковъ пишетъ: „Естьли родилица приго-
дилася пришлая, то описывать именно коего она горо-
да или уѣзда, или коего села и деревни, и коего госпо-
дина, а буде свободная, то коего чина, и буде кой сва-
щенникъ дастъ молитву прѣзжаго человека женѣ или
по какому либо случаю и по приходному человеку и ему
записать у себя въ молитвенную книгу имянно, якоже вы-
ше реклось и въ той описи, и о томъ описать имянно жъ
какова ради случая давалъ молитву прилучившейся при-
шлой женѣ и у кого въ домѣ, и записавъ въ книгу списавъ
съ книги слово въ слово и заруча тотъ списокъ през-
витеру своею рукою отдать для крещенія младенца отцу
младенчу или самой родилицѣ чтобы имъ то писмо у кре-
щенія подать въ свидѣтельство данныя молитвы тому по-
ворожденному младенцу, а крещающему презвитеру при-
нявъ то писмо, записать имянно у себя въ родильную книгу,
а то писмо склеить съ иными такими жъ писмами въ столпъ
и для вѣрности держать тѣ столпы въ соблюденіи въ мѣстѣ
сохраняѣ.“

Съ такими же формальностями сопряжено веденіе метри-
ческихъ книгъ относительно крещенія младенца „и то пис-
мо отцу и матери держать въ сохраненіи и куда лучится
стучка въ иной приходъ или въ иной городъ, а тотъ ма-
ленецъ тамо скончается и у погребенія то писмо объявить
погребавшему презвитеру, а буде у коего младенца тако-
ваго писма не явится и таковыхъ у церкви не погребать
и христіанскаго надгробнаго плѣнія надъ нимъ не чинить,
но повергать ихъ въѣ города не погребенныхъ писмъ на
свидѣніе, понеже мнози расколницы дѣтей своихъ некре-
щеныхъ у церквей полагаютъ.—Буде же кой младенецъ

совершенно крещенъ, а писмо како либо затерялось и тому погубившему писмо сходить къ тому презвитеру гдѣ той младенецъ крещенъ и лаки списать списокъ и заруча тое церкви презвитеру прислать къ погребенію, а безъ того писма отнюдь бы не погребать младенцевъ, а ещелучится младенцу умерети въ дальнемъ разстояніи на иномъ городѣ, а скажутъ отецъ или мать что то крестильное писмо затерялось, а о справкѣ ѣхать далеко, то о такомъ писмѣ взять писмо у него съ поруками еже поставитъ ему на срокъ, хотя въ годъ или и вѣцши отъ крестильнаго презвитера заручный съ книгъ списокъ и такого младенца, еще и семи лѣтъ будетъ, отливъ погresti у церкви, а буде на срокъ не привезутъ такого писма, то потому же вылавъ изъ земаи извергать вѣ града писмъ на свиденіе, дабы и по смерти врага святыхъ церкви при святой церкви погребены не были, но да будь часть ихъ со Иудю. *

Въ „исповѣдальныхъ“ книгахъ должно было вписываться кто когда у кого исповѣдывался, особенно же „будетъ кто исповѣдываться впервые, и тѣхъ новыхъ своихъ дѣтей духовныхъ записывать, у кого онъ прежде сего исповѣдывался и у одного ли былъ на духу или у многихъ, и буде послѣдней отецъ духовной живъ, то во свидѣтельство отлускаго отъ того отца духовнаго писма надлежитъ спросить, и принявъ то писмо вклеить въ столбъ и записать то писмо въ свою исповѣдальную книгу и всѣхъ прежнихъ отцовъ духовныхъ имѣна, и коихъ они церквей были презвитеры записывать имѣнно жъ и давно ли у послѣдняго отца духовнаго исповѣдывался и давно ль причащался; и отъ коего отца духовнаго какое игомошеніе на него наложено было, и снято ли то игомошеніе или по тое число на немъ лежитъ, и исправенъ ли онъ въ томъ игомошеніи, и буде исправенъ и неагоство ему то смотря по могутъ его и по намѣренію его хотя маленькая частица и приложить ему ига, дабы той сынъ духовный не ослабѣвалъ и къ Богу бы былъ близшій, а буде отецъ его духовный преставился въ вѣчную жизнь, то велѣтъ ему съ тамошнихъ книгъ, гдѣ онъ прежде исповѣ-

* Въ 1724 году былъ изданъ синодскій указъ о содержаніи метрическихъ книгъ, причемъ были разсылаемы формуляры; см. Д. С. З. № 4.460.

дывался списать списокъ, и пр. и пр.“ Въ случаѣ отъѣзда каждый долженъ брать у пресвитера свидѣтельство объ исповѣданіи. „Не взявъ у отца духовнаго такого писма отнюдь въ отъѣздъ для прикающаго болѣзни или иначе же смерти не отъѣзжать и отцамъ духовнымъ не давъ такого писма отнюдь дѣтей своихъ духовныхъ въ отъѣзды не отпускати и пр.“

Такимъ же образомъ должно вести „причащальныя“ книги. Въ нихъ отмѣчается у кого и гдѣ кто исповѣдывался и причащался до этого. Тутъ особенно нужно обращать вниманіе на пришлыхъ людей и на образъ дѣйствій причащающихся: „Презвитеру и причетникамъ смотрѣть накрѣпко дабы тѣла Христова легко не принимали и за щекоту бы прочь не отбрасывали, но якобы потребляли, также и со своими дѣтьми духовными кои извѣріемъ одержимы или усумнѣнія каковое въ вѣрѣ имѣютъ, и за такими дѣтьми духовными надобно же смотрѣть неоплошно, потому что есть у раскольниковъ тотъ проклятый обычай еже причація ради тѣло Христово принимаютъ, дабы отъ православныхъ христіанъ неопознаваемо было ихъ зловѣріе, а отшедши прочь извергаютъ, а того они трескоканіи не знаютъ, что не токмо пріявъ тѣло Христово въ поправленіе ногамъ грѣхъ страшный, но еще кто и подъ сумнѣніемъ приметъ или не совершенною вѣрой, то и тому несть воспріяти тѣла Христова спасенія, но лагуба вѣчная, понеже входитъ въ негосаана, яко же и во Іуду предателя и творить имъ еже хощеть.“ Также о причастіи младенцевъ должны быть ведены подробные списки съ обозначеніемъ имени, мѣстожительства. Посомковъ объясняетъ необходимость такихъ отмѣтокъ. „Аще сіе видится и малая нужда еже младенцевъ у причастія записывать, обаче есть въ томъ таинствѣ немалое, понеже раскольники своихъ дѣтей ко причастію отнюдь не приносятъ лаче крещенія отъ святаго причастія бѣгаютъ и есть ли ради сосѣдей и повесутъ раскольника больнаго своего младенца якобы причастить и вывезши изъ двора за угломъ постоитъ да и примесетъ домой и скажетъ сосѣдамъ яко причащала и такимъ образомъ сокрываютъ свое раскольчество, и естли младенецъ кой умереть и презвитерамъ не справяся съ причащальною книгою отнюдь не погребати, а буде кои младенцы въ крестильныхъ книгахъ записаны, а въ причащальныхъ книгахъ ихъ не явится и

тѣхъ младенцевъ у церквей не погребать и подавать на нихъ извѣтъ въ патріаршемъ приказѣ и изъ приказу размыскивать чесо ради той младець крещенъ, а не причащенъ а естли же не явится онъ и въ крестильныхъ книгахъ, то и размыскивать нечего, что отецъ его и мать раскольники, и святой церкви противники и таковыхъ некрещенныхъ умершихъ младенцевъ, аще и въ возрастѣ изметать въ града на свидѣніе писамъ и на растерзаніе птицамъ небеснымъ.“

„И сіа причащальная книга, замѣчаетъ въ заключеніи Посомковъ, аще и видится и страшиовата, только ею мнози раскольники означатся и живы будутъ.“

При веденіи „вѣнчальныхъ“ книгъ нужно обращать вниманіе на прежнія свидѣтельства. Если у жениха нѣтъ такихъ бумагъ, „то онъ не смѣлъ святой церкви и таковыхъ не вѣнчать, но отсылать въ святительскій приказъ къ розыску....“ „и аще неѣвста явится раскольничья дочь, то лотомужъ не вѣнчать, и отсылать ее въ патріаршій приказъ, а буде она аще и раскольничья дочь, а у вѣнца обѣщается оже она хочеть бытъ при святой церкви и женихъ еще благочестивъ смѣи и восхоцетъ ее взяти на свои руки и еже ее присоединить святой церкви, и въ томъ обѣщаніи руку свою къ той запискѣ приложить, и таковыхъ вѣнчать, а о томъ извѣтъ презвитеру подать въ приказѣ что отецъ или мать или дядя или кто онъ естъ у него же она въ дому была и въ расколѣ возросла, а будетъ вдова, то волпросить ее, коимъ бракомъ вѣнчаться хочеть и за каковыми мужами замужемъ была и у коихъ церквей первымъ и вторымъ бракомъ вѣнчалася, и пр.“

„Погребальныя“ книги имѣють цѣлю повтореніе контроля относительно всѣхъ прежнихъ бумагъ. Особенно строго должно наблюдать за порядкомъ въ томъ случаѣ если кто умираетъ не дома, а въ чужомъ мѣстѣ. Всѣ свидѣтельства, относящіяся къ умершему, должны быть положены во гробъ, „а отъ погребенія отнюдь крестильныхъ писемъ не оставлять, дабы ихъ раскольники ко своимъ дѣтямъ не присвоили“. Опять проектируются мѣры крайней строгости: „Буде кой человекъ умереть безъ покаянія, а свидѣтельства о немъ не будетъ за рукою отца духовнаго мѣстнаго презвитера и таковымъ и изъ тіумескіа избы погребальныхъ памятей не давать, и не токмо у церквей, но и за городомъ

ни въ каковыхъ мѣстахъ тѣло съ тѣхъ земли не предавать, но отдавать ихъ псамъ и птицамъ на сѣденіе, и пр.“

Въ „описныхъ“ книгахъ должны были обозначаться всѣ дворы и дома со всеми жильцами, кѣе хозяйятъ, какого чина, какого прихода, какого духовнаго отца сынъ, сколько у кого дѣтей и какого возраста и гдѣ они крещены, и пр. Далѣе нужно было бы обозначить о каждомъ помѣщеніи дома и двора, гдѣ кто живетъ, на переднемъ и на заднемъ дворѣ. И все это „описывать съ подлиннымъ испытаніемъ и со всякою очисткою, еже бы не пропустить ни единого человѣка“, причемъ необходимо для контроля разспрашивать и сосѣдей. Если про какого-либо жильца скажутъ что онъ въ отъѣздѣ, то нужно записать куда онъ поѣхалъ и когда онъ возвратится и наблюдать за тѣмъ чтобы онъ тотчасъ послѣ возвращенія явился куда сѣдуетъ для освидѣтельствованія.

Посошковъ хорошо понимаетъ что для такой „многодѣльной“ описи потребуется много чиновниковъ, лицовъ, поэтому онъ предлагаетъ „дать изъ приказовъ приказнымъ подьячимъ и отъ записки давать имъ со всякаго человѣка по деньгѣ за работу“. Расходъ предполагаемый Посошковымъ весьма значителенъ. Еслибы принять въ соображеніе разницу между цѣнами хлѣба въ то время и нынѣ, то проведеніе этой мѣры въ настоящее время стоило бы нѣсколько милліоновъ рублей.*

Такимъ образомъ Посошковъ надѣялся искоренить „ацкихъ воиновъ, тищущихся Христова стадо погубити“. Всѣ пресвитеры должны были обязаны обходить по временамъ весь свой приходъ по домамъ и составлять точные списки всѣмъ людямъ и допрашивать всѣхъ, а если кто при этомъ окажется неисправнымъ, „тѣхъ людей отдавать къ градскому суду“.

Если кто и не окажется роскошникомъ, но у него нѣтъ духовнаго отца, то и такихъ людей нужно отдавать градскому суду, гдѣ они „по достоинству своему примутъ наказаніе“.

На каждомъ дворѣ, на воротахъ должно быть отмѣчено сколько жильцовъ, какого прихода. „И таковое подлисаніе чинить для того чтобы межъ приходовъ неописаннымъ

---

* 80 милліоновъ по $\frac{1}{4}$ коп. составляютъ 400.000 р. Четверть ржи въ то время была 50 коп., нынѣ 7—8 рублей.

дворъ неостался, понеже дворы приходскіе многіе перемѣшаны и въ междѣ ближней церкви, многіа бывають дальнихъ церквей приходоу дворы, и то учинено велики нечинно, хорошо бы быти всемъ дворамъ коегожде приходу сразу безъ перемѣжки, а раскольниковъ въ таковыхъ дворѣхъ погнѣждаютъ. Кіи бывають междѣ приходоу и размѣшенныхъ дворѣхъ и егда ближніа церкви придетъ пресвитеръ со святынею, то онъ глаголетъ: азъ не того приходу, но сицы, а егда же той дальніа церкви пресвитеръ придетъ, то онъ указываетъ на ближняго, а де прихожанамъ его церкви, и тако безъ вѣсти пребываютъ, и пр.“ Посомшковъ совѣтуетъ обращать особенное вниманіе на задніе дворы и много говоритъ о калиткахъ и воротахъ и проходахъ, которые нужно имѣть въ виду для контроля.

Предвидя однако возможность сопротивленія въ населеніи противъ такихъ стѣснительныхъ мѣръ, Посомшковъ пишетъ: „буде кто будетъ въ семъ приходѣ упоренъ и на дворѣ священника описывать и вкорѣ впуститъ и на такихъ ослушниковъ давать солдаты колико человекъ пригоже, смотря по величеству дому и входить на дворъ силою и господина дому свести въ приказъ и допросить, чего ради онъ на дворъ пресвитера описывать добровольно не пустилъ и править на таковыхъ штрафы, и пр.“

Сложная процедура описи должна повторяться ежегодно въ началѣ года. Такимъ образомъ не можетъ не обнаружиться кто въ которое время къ исповѣди не ходилъ, и т. п. „Буде кто другой годъ пропустять неисповѣдывавшися, то уже есть въ тѣхъ людяхъ раскольниковъ прозябъ и развѣ кой пресвитеръ по великой нуждѣ умолчить объ нихъ. А еще въ третій годъ явятся кіи люди неисповѣдывавшіеся, то безъ всякаго испытанія и безъ всякаго милосердія отдавать тѣхъ людей градскому суду, а буде кой пресвитеръ о таковыхъ умолчить, то самъ онъ повиненъ будетъ сугубое наказаніе подъяти нежели тому уже три года неисповѣдывавша.“

Такимъ образомъ на всѣхъ лежала тяжелая отвѣтственность.

О наказаніи виновныхъ Посомшковъ предлагаетъ слѣдующія правила: „Въ чьемъ домѣ явятся таковыя ослушники уже о исповѣди грѣховъ своихъ не лекутся, или ко церкви явившыя ходятъ изъ старожилцовъ его домовыхъ

или изъ новопешшихъ въ домъ его сосѣдей или иныхъ какихъ ни есть людей, а онъ ихъ понуждаетъ и извѣсту на нихъ не подавъ то повиненъ онъ сугубой вины нежеланной домовой его, и того ради всякому господину надлежитъ въ домъ своемъ не токмо за своими домовыми людьми, но и за сосѣдами, кои у него на дворѣ и задворкахъ и на загородныхъ дворѣхъ живутъ смотрѣть накрѣпко, дабы не было у нихъ не токмо раскольниковъ, но ниже протестовъ, кои отъ лѣности ко церкви не ходятъ, но всѣхъ понуждать ко святей церкви на молитву и ко отцамъ духовнымъ на исповѣдь, дабы за нихъ господину дома не страдать напрасно. А буде кой господинъ будетъ у себя въ прикрытіи держать раскольниковъ, а со стороны кто извѣститъ на него что онъ кроетъ у себя въ домѣ раскольниковъ и про то сыщется допряма, то сокрывателя послать въ заточеніе съ женою и дѣтьми, кой вышши лѣтъ двѣнадцать, а кои ниже двѣнадцати лѣтъ, тѣхъ оставить въ домѣ, а ложитковъ что есть описавъ раздѣлить на двое и отдать одна половина извѣтчику, а другая половина бессмысленнымъ дѣтямъ.“

Особенно же строго наказываются священники. „А кой прѣзвитеръ самъ будетъ раскольниковъ прикрывать ради милосердія своего, а про то сыщется, то тому прѣзвитеру учинить бы великое наказаніе, сама изверженіе и ложитковъ всѣхъ лишеніе, понеже тотъ прѣзвитеръ Богу врагъ заеже антихристовыхъ посланниковъ подъ кровомъ своимъ соблюдаетъ, а Божіихъ работъ ими травитъ, а кто такова прѣзвитера друга антихристовъ извѣститъ, тому дать изъ всѣхъ прѣзвитерскихъ ложитковъ половину, а буде кой прѣзвитеръ и забывъ страхъ Божій мзды ради раскольника назоветъ сыномъ духовнымъ ложно и дастъ е немъ свидѣтельство письменное своею рукою и про то еще и той раскольникъ извѣститъ что взятъ ради названъ ево сыномъ духовнымъ или дочерью духовною и тотъ раскольникъ въ винѣ своей будетъ прощенъ, а изъ прѣзвитерскихъ ложитковъ.... дама будетъ половина извѣтчику и тому прѣзвитеру доведется учинить лаче раскольника наказаніе, и розыску гражданскому подлежитъ онъ и огневлаго спаленія, понеже онъ сопричастникъ Іудѣ предателю и другъ антихристовъ.“

Залиска оканчивается указаніемъ на многія выгоды

такихъ мѣръ. „Началось бы враговъ Христовыхъ искорененіе“.... „Раскольникамъ сія оплошъ будетъ великая тѣснота“, такъ что они „велею или неведею были бы спасены“.

Многія мысли и фразы встрѣчаемыя въ запискѣ встрѣчаются совершенно въ томъ же видѣ въ другихъ сочиненіяхъ Посомшкова. Такъ, напримѣръ, въ началѣ записки сказано, по вопросу о крещеніи дѣтей, что нужно крестить дѣтей по имени святаго „сего настоящаго дни, а по прихотямъ родителейъ изъ иныхъ чиселъ имая не избирати бы, дабы всѣхъ святыхъ имена въ презрѣніи не были бѣ“. Эта же мысль высказана въ *Отечскомъ Записаніи* *. Замѣчаніе о томъ что раскольники по необходимости принимая причастіе, „тѣло Христово изъ устъ своихъ извергають“, встрѣчается въ томъ же видѣ въ запискѣ о раскольникахъ и въ *Зерцалѣ* **. Ужасная жестокость, неумолимая строгость, которыми отличается записка о раскольникахъ, встрѣчаются въ томъ же видѣ во главѣ „о судействѣ“ въ *Отечскомъ Записаніи*. Здѣсь Посомшковъ совѣтуетъ сыну, если тотъ будетъ судьей, поступать съ раскольниками безо всякаго милосердія. Вотъ обращикъ инквизиторства Посомшкова. Онъ пишетъ: „А буде кои люди явятся богохульцы, иже тѣла Христова и крове его не приемають сквернае, и нарицають ту пресвятую святыню мерзостью, то тѣмъ не надлежитъ сроку давать ни на сутки, ни въ застѣвка выведъ на медалъ, того же часу и на висѣлицу, или на главоушибленіе, или на сожженіе, како о томъ указъ будетъ повелѣвати, повеже таковыхъ самъ Богъ еще при Моисеи повелѣлъ предавати смерти. А буде станетъ онъ проситца на покаяніе, не вѣрь ему: нѣсть ему покаянія, и аще даше ему отъ смерти отраду, то ты самъ за него постраждени, повеже онъ, избывъ отъ смерти, горши перваго будетъ развратъ въ вѣрѣ чинити, прочіе же клеветы будутъ его исповѣдавикомъ нарицати, и аще совратить въ вѣчную погибель и десять душъ, то ты чѣмъ ихъ искуляши. А а вѣмъ что онъ многіе сты душъ по губить, то ты вѣжды омые яко всѣхъ тѣхъ погибшихъ душъ взыщеть Богъ на тебѣ, аще ты собою его свободиши, а аще ту ему свободу учинить вышней твой товарищъ или саовникъ, то на нихъ Богъ

* *Отеч. Зап.*, 42.

** *Зерцало*, 92.

и взыщеть, токмо ты не приобщайся его свободѣ, обаче елико можеша споры. А еще же мирскаго и духовнаго чина наступать на тебя чтобы ты далъ ему свободу, и ты игла-цами на челѣ его и на рукахъ назначь что онъ расколъ-никъ, и собери поручную запись по немъ крѣпкую в добры-ми поруки, а въ записи напиши имянно что ему людей Бо-жихъ изъ благочестивыя вѣры во свои расколъничьи ло-гическыя вѣры не приводить, но и старыхъ своихъ това-рищей на свѣтъ истиннаго благовѣрія изводити и еликихъ увѣщаетъ, приводилъ бы къ тебѣ на объявку къ записи, и ты, пріявъ ихъ, на словахъ всячески поискуси. Веда ему проговорить символъ вѣры, или заставь его при себѣ ла-вечерницу прочитати предъ образомъ стоя, какъ онъ ста-ветъ читати и персты свои къ воображенію слагати. И кого ли есть и съ стороны подошли подъ него чтобы его по-искусили на словахъ. И буде явится ложное того исповѣ-данія, то ты новопросвѣщеннаго того лестца прими за ка-раула, и въ застѣвкѣ лытай его накрѣпко, тотъ кой его привелъ прямо ль принуждалъ ко благочестивой вѣрѣ, уже святая церковь содержитъ, или для обману какова привелъ. И буде явитца что приведенъ лестью, то уже не по что его много спрашивать, только попросить его товарищей, кои учителями ходятъ и въ расколъ приводятъ, и гдѣ они живутъ, и дни два или три погодивъ лаки ихъ попытать крѣпко чтобы истину сказали, а потомъ предать ихъ обо-ихъ огню: а буде кости ихъ останутца, то разбивъ ихъ ла-ки изжечь чтобы въ лепель претворились и тотъ лепель въ пометъ человекъ вмѣстить или въ непроходимое болото развѣять чтобы ученикамъ ихъ собрать и во сватыя мощи причести имъ было невозможно. А кои по немъ ручались, учинить имъ жестокое наказаніе, какъ о томъ пункты пред-ложены будутъ и страшенное учинить имъ великое. О семъ ты сынъ мой не сумняйся, еже злыхъ злѣ погублять, тако бо отъ Господа повелѣно, а не отъ себя а сіе глаголю. И совершенные богохульцы никогда на совершенное покааніе обратиться не могутъ, понеже отъ таковыхъ благодать Бо-жія отъемается, и владѣетъ ими діаволъ. Того бо ради самъ Господь ясно намъ изъяснилъ глагола, яко всякой грѣхъ же творять человекъ отпустится, а иже возхулитъ на Духа святаго (то-есть на дѣйство Духа святаго), и той грѣхъ ни

въ сей вѣкъ ни въ будущій не отпустится (отъ Матеея, гл. 12, ст. 31; отъ Марка, гл. 8, ст. 29), и пр.“ *

Въ какой мѣрѣ воззрѣнія Петра расходились съ убѣжденіями Посошкова въ вопросахъ религіи и церкви можно видѣть и изъ слѣдующихъ изреченій Петра. По случаю свиданія его съ польскимъ королемъ въ Баржахъ въ 1701 году Петръ былъ въ церкви и внимательно приглядывался къ католическому богослуженію, спрашивая что значитъ то и другое дѣйствіе. Одинъ изъ польскихъ сенаторовъ замѣтилъ ему что въ его власти соединить церковь греческую съ латинскою. Царь отвѣчалъ: „Господь дѣйствительно далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстью людей властвуетъ одинъ Христосъ, и соединеніе церквей можетъ совершиться только съ Божіей воли.“ **

Въ слѣдующемъ году царю случилось ѣхать изъ Архангельска къ Финскому заливу черезъ Выгъ, гдѣ жило много раскольниковъ. Когда разнеслась страшная вѣсть о приближеніи Петра, одни изъ братьевъ и сестеръ начали готовиться къ смерти, приготовили смолу и солому въ часовні, другіе собирались бѣжать; но гроза прошла: когда государю доложили что по Выгу живутъ раскольники, то онъ сказалъ: „пускай живутъ“, и прошелъ смирно. Другой разъ онъ спросилъ: „Каковы купцы изъ раскольниковъ, честны ли и прилежны ли?“ Когда ему отвѣчали что честны и прилежны, то онъ сказалъ: „Если они подлинно таковы, то по мнѣ пусть вѣрують чему хотятъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то конечно не пособить ни огнемъ, ни мечъ; а мучениками за глупость быть—ни они той чести недостойны, ни государство пользы имѣть не будетъ.“ За то Петръ требовалъ чтобы раскольники работали уславно на желѣзныхъ заводахъ близъ Выговской пустыни, объявляя при этомъ что „за то царское величество далъ имъ свободу жить въ той Выговской пустыни и по старопечатнымъ книгамъ службы свои къ Богу отправлять“. Когда раскольники жаловались на нѣкоторыя притѣсненія, Меншиковъ въ 1711 году издалъ указъ чтобы „никто общежителамъ Андрею Денисову съ товарищи и посланнымъ отъ нихъ обидѣ и утѣсненія и въ вѣрѣ помѣша-

* *Отеч. Зап.*, 234—236.

** *Словесныя*, XIV, 358.

тельства отнюдь не чинили подъ опасеніемъ жестокаго истребленія“.

Есть основаніе думать что Теофанъ въ отношеніи къ раскольникамъ раздѣлялъ взгляды Петра. Скоро послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ онъ совершилъ путешествіе въ Лифляндію. Тутъ онъ, въ небольшомъ разстояніи отъ Дерпта, отправился въ раскольничій монастырь въ селѣ называемомъ „Релика нмза“ (Rappin?), гдѣ жило около тысячи человѣкъ раскольниковъ. „Но“, пишетъ онъ, „съ приходомъ нашимъ всѣ они разбѣжались въ лѣса, оставивъ пустой домъ, такъ что не осталось никого кому бы мы могли проповѣдывать.“ * Значитъ не для преслѣдованія и наказанія раскольниковъ отправился Прокоповичъ въ тотъ монастырь, но чтобы дѣйствовать тамъ сообразно съ правиломъ Петра: „Съ противниками церкви съ кротостью и разумомъ поступать по Апостолу—быхъ беззаконнымъ яко беззаконенъ да беззаконныхъ приобщающу, и не такъ какъ выиѣ жестокими словами и отчужденіемъ.“ ** Петръ желалъ воспользоваться игуменомъ Переяславскаго монастыря, Питиримомъ, также бывшимъ прежде раскольниковъ и потому хорошо знавшимъ своихъ прежнихъ собратій, для обращенія раскольниковъ увѣщательными средствами. Далѣе онъ требовалъ отъ раскольниковъ двойной подати и этимъ перевесъ такъ-сказать вопросъ о расколѣ изъ области церкви на почву государственнаго хозяйства. Раскольники сдѣлались достойными вниманія съ точки зрѣнія финансовъ, бюджета. Но въ то же время правительство не переставало дѣйствовать путемъ обученія, просвѣщенія, причемъ нѣкоторая строгость была соединена съ кротостью.

27го января 1722 года вышелъ синодскій указъ „ластырское увѣщаніе къ обращенію раскольниковъ въ нѣдра православной церкви“. Тутъ прежде всего выражается сожалѣніе о „суевѣріи“ то-есть о томъ что „не по слову Божію, но по легкомысленнымъ разказамъ и по бабьимъ баснямъ всеу вѣруется“. Синодъ умоляетъ всѣхъ „меліицеиѣрно истиннымъ желающимъ, да прилежно разсудятъ, коль неисцѣлимый душепагубный вредъ есть чловѣку неучену сущу, не требуя отъ искусныхъ наставленія, самоволіемъ своимъ избирати

* Чистовичъ, 48.

** Соловьевъ, XVI, 326.

нѣнія и не вѣдая, суть ли истинная, за истинная себя тверждати“. Затѣмъ разказано что самъ Талицкій, сожженный въ 1701 году на кострѣ „покаялся и объявилъ что все о ложь, чему училъ“. Въ заключеніе Синодъ объявляетъ: да всаки, кто бы ни быль, ежели въ книгахъ преждепечатанныхъ, такожъ и которыя впередъ съ разсужденія и опредѣленія синодальнаго будутъ напечатаны, покажется кому ѣкоторое сомнительство, приходилъ бы съ объявленіемъ наго сомнительства, въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, безо всякаго подозрѣнія и опасенія, и таковому въ вомъ Синодѣ то сомнительство изъяснено будетъ отъ Святаго писанія, и оный сомнитель по тому разсужденію сомнительства своего удовольствуется рѣшеніемъ“. * Въ синодальномъ указѣ, отъ 3го апрѣля 1722 года, оказано что раскольники напрасно „отговариваются лживо, яко бы за грѣхъ удержанія и тѣлеснаго наказанія являтися не смѣли“, замѣчая что это не что иное какъ „явное отбывательство и хотѣющаго имъ быть обличенія избѣжаніе“. Синодъ поэтому объявляетъ что онъ „не намѣренъ никакимъ образомъ оныхъ удерживать и озлоблять“, а только „съ усердіемъ требуетъ свободнаго съ ними о противности разглагольствія“, прося раскольническихъ учителей „показаться нескрѣпочно безо всякой боязни, и въ разглагольствіи наблюдая надлежащую токмо учтивость, и не употребляя нехристіанскихъ поустулковъ“ такъ что каждый „имѣлъ бы въ объявленіи мнѣнія своего голосъ свободный“. Прибавлено даже слѣдующее: „Которые явятся къ обращенію къ святой церкви не прикасаемы, и останутся при прежнемъ своемъ мнѣніи, тѣмъ дана будетъ неурержанная свобода, и пр.“. Прокъ для такихъ объясненій или „разглагольствія“ былъ предѣленъ отъ 1го марта 1722 до 1го марта 1723 года. Кто не явится и станетъ продолжать распространять расколъ будетъ строго наказанъ „безо всякой пощады и помилованія“. „Если который изъ сіе толь правильное призываніе не приидетъ, тотъ яко совѣстенъ ажи и лести своей и застыдъ обличенія своего отъ разговора опрятающійся, покажетъ явно о себѣ что онъ есть безбожникъ и прелестикъ, и не спихую себя неиную, но вѣдомою лестью ради суесловія и тупоумства своего удовлетъ сердца незнабныхъ.“ **

* П. С. З. № 3.891.

** П. С. З. № 3.925.

Не въ первый разъ въ 1722 году правительство изъявило готовность вступить съ раскольниками въ „разглагольствіе“. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, скоро послѣ перваго Стрѣлецкаго бунта, въ 1682 году, происходили пренія между раскольниками и представителями государственной церкви въ присутствіи регентши Софіи. При этомъ случаѣ однако не было исполнено условія, требуемаго правительствомъ въ 1722 году; при диспутѣ, происходившемъ въ іюлѣ 1682 года въ Крестовой и Грановитой палатахъ, не была „наблюдается учтивость“, а случились даже „невѣжскіе поступки“. Происходила драка; стрѣльцы дѣйствовавшіе заодно съ раскольниками кинулись на священниковъ, избili ихъ и разогнали. Это происходило на Красномъ Крыльцѣ; въ Грановитой Палатѣ раскольники не оказывали никакого уваженія царевнамъ и патриарху и святителямъ. Въ глазахъ регентши Никита Пустосвятъ, заскрежетавъ зубами, кинулся съ неистовствомъ на Холмогорскаго архіепископа Аванасія; выборные стрѣльцы едва спасли Аванасія отъ яростнаго изувѣра. Когда наконецъ начались пренія, раскольники съ неистовымъ крикомъ осыпали пастырей церкви наглыми упреками, называли ихъ лаутами. Когда кое-какъ кончилось преніе, то-есть было прервано „за позднимъ временемъ“, раскольники изъ Грановитой Палаты съ торжествующими лицами вышли къ народу и кричали что есть мочи, подавая вверхъ два пальца: „Тако вѣруете, тако творите, всѣхъ архіереевъ препрехомъ и посрамахомъ!“ На другой день были приняты мѣры для подавленія мятежа. Никита Пустосвятъ нѣсколько дней спустя былъ казненъ; главные раскольники сосланы въ разные монастыри; многочисленныя послѣдователи ихъ разбѣжались въ разные стороны.*

* Устряловъ I, 66—77. Посетковъ хорошо помнилъ этотъ печальный эпизодъ 1687 года. Онъ пишетъ въ введеніи ко своему *Омечскому Записанию* что раскольники „не просто отъ святыя церкви отпалоша, но и войной на ню востаха, ибо во время стрѣлецкаго бунта онидошася въ Кремль, и хотѣша московскаго патриарха до смерти убити, и прочихъ митрополитовъ, и епископовъ, и презвитеровъ, кѣи древняго благочестія державшихся всѣхъ до смерти побити, но десница вышнѣяго Бога на таковое ихъ злое умышленіе еже въ дѣло произвести не допустила, ибо судомъ царскаго вѣлчества возмутителю и предводителю ихъ Никитѣ располѣ, нарицаемому Пустосвяту, приведе на площадь, голову ему отсѣкоша, и

Такова была въ 1682 году попытка „разглагольствія“. Нельзя не признать что то время было крайне неудобно для благопріятнаго рѣшенія вопроса. Раскольники были одстрекаемы Хованскимъ, состояли въ связи съ мятежными стрѣльцами; правительство противъ своей воли, своей бстоятельствъ было вовлечено въ это опасное предпріятіе. Въ 1722 году не имѣли въ виду публичныхъ диспутовъ; власть была сильна, раскольники въ случаѣ явнаго мятежа еще менѣе чѣмъ въ 1682 году могли надѣяться на успѣхъ. Пренія къ которымъ были приглашаемы раскольники окрѣпили бы характеръ испытанія для раскольниковъ, представленія со стороны Синода.

Едва ли много раскольниковъ откакнулись на приглашеніе Синода. По всей вѣроятности раскольники опасались входить въ столь близкія отношенія ко власти, отвѣкаться на „разглагольствіе“, которое могло повести чрезвычайно далеко и вовлечь раскольниковъ въ бѣду. На этотъ счетъ достойнымъ вниманія стараніемъ правительства мѣшать такіа опасенія. Въ синодскомъ указѣ сказано: „Если они (раскольники) въ чемъ какое-либо опасеніе имѣютъ, то неусумнительныя ради безопасности, очинивъ они себя отъ лица Синода, какое имъ угодно въ своей сторонѣ въ предостерегательство о неудержаніи ихъ и о неотъятіи имъ свободы, обязательное письмо, съ показаніемъ усмотрѣннаго ими къ разглагольствію мѣста и времени, прислали бы въ Святѣйшій Синодъ немедленно, которое письмо будетъ отъ Синода подписано, и ако залогъ несумнямыя вѣрности имъ отдастся, и по тому обязательству, не точію Синодъ обѣщанное непрѣмѣнно содержитъ, но и извѣстную императорскаго величества волю представляеть что и его величество, ако всемогуществѣйшій государь, принужденія имъ безъ самопроизвольной ихъ склонности чинить не повелить.“ *

Такая склонность правительства ко кроткимъ мѣрамъ была впрочемъ общимъ правиломъ. До 1722 года и то видѣть, мятежники вси умокали: и кѣждо ихъ воссоеди размыкаса. И отъ того десятистаго года живутъ вси въ похорожкахъ: кривыяся яко мыши въ норы, или яко клопы въ щели, и тайно лазаа изъ щелей, многихъ людей Божіихъ кусаютъ, и пр.“ *Отмеч.*

Зам., стр. 6.

* П. С. З., т. VI, стр. 519.

послѣ него много было принято мѣръ довольно строгихъ въ отношеніи къ раскольникамъ. Петръ отначало терпимостію только въ отношеніи къ догматическимъ вопросамъ; но онъ хорошо зналъ что раскольники были самыми отчаянными противниками преобразования, самыми ревностными распространителями ученія о новыхъ временахъ какъ временахъ антихриста, зналъ что эти люди топаютъ бѣгутъ и кроются въ лѣсахъ и пустыняхъ, лишая государство рабочихъ силъ, отбывая отъ службы. Свѣтскіе власти изъ-за своихъ государственныхъ интересовъ не могли смотрѣть спокойно и равнодушно на раскольниковъ. Нужно было наблюдать за расколомъ, устроить контроль относительно числа раскольниковъ, привлекать ихъ къ участию въ государственныхъ новизнахъ. Такимъ образомъ правительствомъ были приняты мѣры вѣсколы сходящія съ проектомъ Посошкова. Въ 1716 году было объявлено Сенатомъ: „чтобы всѣ люди у отцовъ своихъ духовныхъ исповѣдывались покаянно“. На тѣхъ же не исполняетъ этого требованія „власть штрафы противъ дохода съ него втрое, а потому имъ ту исповѣдь исполнить“. Въ этомъ же указѣ велѣно брать съ раскольниковъ двойной окладъ. * Переписать всѣхъ раскольниковъ ** было дѣломъ чрезвычайно трудное. Раскольники считали не безоснованно опаснымъ дѣломъ объявить себя раскольникомъ это значило отдаться въ руки правительству, которое если не будетъ преслѣдовать, то будетъ наблюдать и неминуемо будетъ тайкомъ распространять свое ученіе: новоприбылые будутъ явны. Раскольники стали подкупать священниковъ которые должны были показывать, кто у нихъ въ приходѣ исповѣдуются и кто нѣтъ. Тутъ начались допросы на укрывающихся раскольниковъ и на неисполняющихъ свой долгъ священниковъ. Питиримъ писалъ къ Петру о десяткахъ тысячахъ раскольниковъ, которые „государственному благополучію не радуются, но лаче несчастію радуются и всегда стремятся возвысить свой злой рокъ къ обладанію на церковь на гражданство“. Требуя весьма строгихъ мѣръ, Питиримъ доносилъ что „попы едва не всѣ укрыва раскольниковъ, и писали исповѣдающимися, то никакъ не писали“, такъ что

* П. С. З., № 2991.

** То же, № 2996.

не уплачиваются ни штрафы отъ неисповѣдающихся, ни двойной окладъ отъ раскольниковъ. * Въ 1718 году правительство строго потребовало отъ всѣхъ священниковъ утаившихъ раскольниковъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ объявить о своей винѣ: „такимъъ вины ихъ прощати“; если же кто этимъ срокомъ не воспользуется, то его наказать конфискованіемъ имущества и ссылкой на каторгу. Висловниковъ должно-быть было много. Правительство грозило и архимандриту строгимъ взысканіемъ если онъ станетъ „попакать“ безсовѣстными покаяньми. ** Такой же характеръ имѣютъ и позднѣйшіе указы „о судѣ и наказаніи людей духовнаго чина, обличившихся въ преступленіяхъ и въ утайкѣ душъ“. *** И свѣтскіе чиновники не всегда принимались за дѣло какъ слѣдовало. Въ именномъ указѣ капитану-поручику гвардіи Ижевокому „о перепискѣ и о положеніи въ окладъ всѣхъ раскольниковъ безъ различія чиновъ и званія“, сказано между прочимъ: „самому что которые раскольники за застѣлыми людьми живутъ и съ тѣми слабо поступаемъ, чего боятся, но дѣлай прямо по указу“. ****

Въ 1721 году 17 мая Синодъ приказалъ отбирать „у кого явились харатейныя и старопечатныя книги“; † далѣе были приняты разныя мѣры для поимки лжеучителей †; въ инструкціи „прото-инквизитору“, іеромонаху Пафнутію, ему вѣнчено въ обязанность наблюдать за исполненіемъ всѣхъ правилъ о раскольникахъ чтобы не было „пославленія и покровки“, и пр.; †** въ 1722 году возобновляется указъ о присылкѣ вѣдомостей о небывшихъ на исповѣди и о раскольникахъ; въ некоторой строгости свидѣлствуютъ разныя предписанія, какъ напр. объ отдачѣ конфискованнаго у раскольниковъ имѣнія въ Синодъ, о православленіи крещеніи дѣтей записныхъ раскольниковъ, о запрещеніи браковъ „обоихъ расколъ держащихъ лицъ“, объ отправленіи тайныхъ раскольниковъ на каторгу, о запрещеніи писать

* Соловьевъ. XVI, 329—329.

** П. С. З. № 3.183.

*** П. С. З. № 4.113, 4.519.

**** П. С. З. № 3.282.

† П. С. З. № 3.784.

†* П. С. З. № 3.854 пунктъ 13.

†** П. С. З. № 3.870.

иконы „по раскольниковому мудрованію“, и пр. * Достоинъ вниманія, какъ намъ кажется, особенно оцѣдующія положенія въ синодальномъ указѣ о распоряженіяхъ по обращенію раскольниковъ къ православноѣ церкви. Пунктъ 6: когда у раскольника родится младенецъ, то должно „у отца взять сказку за порукою, и съ роспискою что учить раскольниковыхъ преданій и двоесперстнаго сложенія не будетъ. А когда пройдетъ отроку семь лѣтъ, дабы представилъ его церкви ко исповѣданію и Святыхъ Таинъ причастію, а буде всего того не исполнить, то подпадаетъ жестокому наказанію, поже такой явится явной учитель раскольниковскій. Пунктъ 10: раскольники иногда отказываются отъ причастія будто изъ-за чрепѣрно тяжкихъ грѣховъ своихъ. „То было врачество церковное, дабы знали грѣшники тяжесть беззаконія своего, и Божія отъ нихъ раздраженія, а мытъ же раскольники свое врачество обратили себѣ въ отраву и притворно на себе сказуютъ грѣхи безмысленные, дабы тако отбиться отъ причастія Свѣтой Еucharістіи, ими безбожно хулимою“. Пунктъ 12: „отъ раскольника свидѣтельства ни на какое правотѣрное лицо не принимать“.

Число наказанныхъ раскольниковъ было весьма значительно, какъ видно изъ указа даннаго Петромъ Сенату 15 октября 1722 года. Тутъ сказано между прочимъ: „Раскольниковъ отнюдь въ Сибирь посылать не велите, ибо тамъ и безъ нихъ раскольниковъ много; а велите ихъ посылать въ Рогервикъ, гдѣ дѣлаютъ новой гавань. Также пошлите въ Сибирскую губернію крѣпкіе указы, дабы тамъ по городамъ и уѣздамъ бѣглыхъ раскольниковъ не принимали, и которые тамъ поселились, тѣхъ бы выслали оттоль на старыя мѣста, отколь они бѣжали, съ наказаніемъ.“ ** Въ январѣ 1723 года Синодъ издалъ указъ о крѣпкомъ содержаніи лесныхъ монастырей раскольниковскихъ монаховъ и монахинь. *** Не задолго до кончины Петра еще были прилаты нѣкоторыя мѣры, стѣснявшія права и свободу раскольниковъ. Такъ напримѣръ 11го февраля 1724 года Сенатъ приказалъ чтобы раскольники Поѣвнецкаго округа жили въ своихъ мѣстахъ и никуда въ другія мѣста не сходили и не

* П. С. З. № 4.009.

** П. С. З. № 4.109.

*** П. С. З. № 4.113.

бѣгали и въ томъ ихъ воѣхъ обзавать другъ по другъ по-рукою; а буде они куда побѣгутъ въ другія мѣста, и за то они казнены будутъ смертію.“ Въ разныхъ мѣстахъ поставлены были заставы для поимки бѣглыхъ раскольниковъ. Введена строгая паспортная система. * 13 ноября 1724 года было приказано: „раскольникамъ и бородачамъ, крѣмъ крестьянъ, давать знаки мѣдныя чтобы нашивать на верхнемъ платѣ старинномъ, какое имъ велѣно носить... Женамъ раскольниковымъ и бородачевымъ носить платья опашки и шапки съ рогами старинныя жъ“ **, и пр.

Изъ всего этого видно что въ области практики, администрація оказывается нѣкоторое сходство между соображеніями Петра и предложеніями Посомшкова. Но послѣдній руководствовался исключительно религіозными побужденіями, тогда какъ для правительства на первомъ планѣ были соображенія государственнаго интереса.

IV. Посомшковъ о бытѣ духовенства.

Главною причиною раскола былъ недостатокъ просвѣщенія, нравственнаго вліянія духовенства. Не было достаточнаго числа училищъ для приготовленія пастырей церкви. Часто въ духовенствѣ встрѣчалась лѣньность исправлять церковную службу, невнимательность ко своему званію. Многія духовныя лица оставляли вовсе чтеніе установленныхъ молитвъ или сокращали ихъ. Въ духовенствѣ было распространено корыстолюбіе и лѣньство. При малочисленности и обширности епархій и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ духовенство не могло бы имѣть сильнаго нравственнаго и умственнаго вліянія на массу народа. Отдаленныя страны были часто лишены вовсе епископскаго надзора. Нерѣдко епархіи „вдовствовали“, то-есть оставались безъ архиерея. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было весьма мало церквей; въ другихъ онѣ были распределены неправильно, несообразно съ мѣстными нуждами и обстоятельствами. Мѣстами встрѣчался излишекъ священниковъ; между ними было много безмѣстныхъ, бродячихъ, недостойныхъ.

* П. С. З. № 4467.

** П. С. З. № 4596.

Посошковъ на недостатокъ просвѣщенія въ духовенствѣ уже весьма рано обращаетъ вниманіе, какъ видно изъ его письма къ Стефану Яворскому. Онъ пишетъ:

„О семъ ты, государь! извѣстно всѣмъ, что мы люди малоученые, а отъ настоятелей нашихъ ни о какомъ исправленіи духовномъ ученія на духовности не бываетъ; потому что и самъ онъ ничего не разумѣетъ, да и разумѣть ему не по чему; и самъ онъ отъ отца своего духовнаго тому не наученъ есть, а въ книгахъ нашихъ славянскихъ многихъ нашихъ христіанскихъ нуждъ не напечатано, и все конечно знать имъ не по чему. Толь мы просты что не токмо бѣ кто учевой иновѣрецъ, но хотя бѣ самой послѣдней земледѣлецъ иновѣрной о чемъ спросилъ насъ Москвичъ, то не знаемъ какъ имъ отвѣди дать; и не до того-ста, но аще и отъ бесурманъ кто спроситъ насъ, то и имъ отвѣту дать не умѣемъ, а что и ставемъ говорить, лишь самимъ себѣ намъ на стыдъ и всему православію на поруганіе; и за то имя наше христіанское вельми во иновѣрныхъ хулятся. А наипаче мы, Россіяне, носимъ на себѣ зазоръ, понеже ни вѣры своей, какова она есть, ни благочинія духовнаго, ниже естественнаго добродѣтели, ни гражданства добраго, какъ надлежитъ жить, не разумѣемъ же, но живемъ чуть не подобны безсловеснымъ. И того ради вельми нужно нашей святости о семъ потщатся, дабы намъ дать знать, какъ намъ духовное и естественное, и гражданское благочиніе управлять, наипачежъ того, какъ намъ Бога знать, и какъ честныя иконы почитать, и какъ душеполезно жить. Я мню, что на Москвѣ развѣ сотою человѣкъ знаетъ, что то есть православная христіанская вѣра, или кто Богъ, или что есть воля Его, или какъ Ему молиться и какъ молитву приносить, и какъ волю его творить? Или какъ Пресвятую Богородицу почитать и какъ ангеловъ и угодниковъ Божіихъ чтить, и какъ ихъ въ помощь себѣ призывать, или о ходатайствѣ молить и какъ ангела хранителя, такожде и тезоименнаго святаго какъ чтить и какъ на помощь себѣ призывать, или какъ честныя иконы почитать? А есть ли въ поселянѣхъ посмотреть, то истинно не чаго изъ десяти тысящъ обрѣсти человѣка, еже бы хотя малое что о сивыхъ вещахъ что зналъ.“

Посошковъ требуетъ чтобы были составлены инструкціи священникамъ, какъ спрашивать исповѣдывающихся, какъ

колеблющихся въ вѣрѣ направлять на истинное благовѣріе, и какое правоученіе читать своимъ прихожанамъ. При этомъ Посомковъ входитъ въ подробности, объясняя какъ священникъ долженъ обращаться съ бѣдными и убогими, какія онъ долженъ давать наставленія о брачной жизни, о разныхъ добродѣтеляхъ, и пр. И тутъ, какъ при другихъ случаяхъ, Посомковъ ожидаетъ успѣха отъ взаимнаго контроля священниковъ друга за другомъ наблюдающихъ, отъ бдительнаго надзора священниковъ надъ всеми своими прихожанами. *

Подробнѣе о томъ же предметѣ говорится въ другой запискѣ Посомкова, списокъ которой находится въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ. Обращаясь къ Яворскому, Посомковъ ссылается на свое прежнее посланіе. Онъ пишетъ:

„Сіе мочно разумѣть что насадивый древо мзду пріиметъ, а возрастивый его толкъ мзды не лишится, понеже древо еще и добро посажено есть, а не будетъ кто о немъ пещися, то оно оное скривится, овожь отъ вѣтра повредится, иноежь участіетъ множествомъ сучія и отраслей и отъ излишняго изращенія древо повреждается, и плодъ свой добрый погубляетъ: еще и вѣтра наша велии подобна древу: еще она и добра суть насаждена обаче отъ неученія наипачежь пастьорскаго велии она закоростѣла и нахилила, ово отъ діавола, ово отъ еретическихъ ученій, яко отъ вѣтру сокрушилась, овожь отъ своего многомыслія недознаннаго участилась и отъ того овѣи отвратилась въ Моисейскій законъ, овѣижь въ старой не исправный уставъ и держать потаенныхъ половъ, овѣижь ни половъ, ни инаго духовнаго чина при себѣ не имѣють, но сами о себѣ мудрствуютъ, ииѣижь Христомъ простаго челоувѣка называютъ, и пр.“ Посомковъ корень зла видитъ въ неученіи священниковъ. Поэтому онъ предлагаетъ дѣйствовать осмотрительно при назначеніи священниковъ. Онъ говоритъ:

„Древнѣе у насъ государь въ Россіи обмыкновение посвящатися въ презвитерство изъ самаго простоумія, и кон главы своея инако прокормити не можетъ, тѣи и тѣится въ презвитеры, и у поставленія древне же обычай бывалъ, еже архіереи не разума въ ставленыхъ смотрѣли, но хотя бѣ

* Соч. Пос. I, 307—317.

худенко по ученому могъ что пробрести, а не разума ии борзостнаго чтенія въ чтеніи. И аще, государь, сего стараго обыкновенія всего не отринуть и лорядковъ преѣихъ, не измѣнить, то никогда намъ, Россіянамъ, добра, и видать, и т. д.“

Прежде всего, какъ полагаетъ Посолшковъ, было бы необходимо составить грамматику славянскаго языка. Онъ сожалѣетъ о чрезмѣрномъ количествѣ буквъ въ славянско азбукѣ, говорить о просодіи и замѣчаетъ что „азбука и законъ“, и что не слѣдуетъ обращать чрезмѣрнаго вниманія на принятое правописаніе. Онъ совѣтуетъ распространять такія грамматики въ большомъ числѣ экземпляровъ по дешевой цѣнѣ чтобы не только священники, но и „всякіе люди“ могли покупать такія книжки и „ко ученію поощряться“. А затѣмъ не худо бы иныя философскія книги кои и грамматикѣ ко ученію книжнаго разума надлежитъ превести на славянскій языкъ также исправить добрымъ исправленіемъ и устроив напечатать же.“

Затѣмъ Посолшковъ предлагаетъ учрежденіе высшаго училища для духовнаго просвѣщенія. Онъ пишетъ: „И для российской славы, наипачежь ради духовныя пользы, довелось бы въ Россіи соорудить академія великая всѣхъ наукъ ие полновѣная. И въ царствующемъ градѣ Москвѣ соорудити бы академію великую, патріаршу и въ нее собрать учителей благочестивыхъ, высокоученыхъ отъ различныхъ странъ а буде же въ Греціи и въ иныхъ православныхъ странахъ самыхъ высокоученыхъ людей не обращается, то локужде хотя изъ лютерскія вѣры какова учителя достать, точію управленіе тоя академіи и въ началствѣ быль благочестивый христіанинъ и смотрѣлъ бы отъ того накрѣпко, дабы въ ученіи не прозябала какая ересь, и учить бы въ ней всякихъ чиновъ людей туне. Также и въ городѣхъ во всѣхъ епархіяхъ построить училища и въ тѣ училища разослать бы тѣ напечатанныя грамматики и изъ московскаго училища учениковъ выбрать добрыхъ, кои къ грамматическому разуму по-словенски научити могли, и повелѣть половыхъ, діаконовыхъ и дьячковыхъ дѣтей малыхъ и возрастшихъ собрать всѣхъ и учить ихъ грамматическаго разума, и аще кои хотя едину орографію выучать, и правописаніе познають, то въ повоисправленныхъ книгахъ могутъ исправленные рѣчи разумѣти, кои право исправлены

ли кои и не право: и раскольникамъ упирающимся о ювоисправленныхъ рѣчахъ будутъ разсуждать, и мало по малу стануть и раскольники правость въ книгахъ познавать. Отъ недознаннаго упорства обращаться будутъ. И не худо бѣ грамматическіе школы построить и во обителехъ наочитыхъ, а у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ можно бытъ цѣлой академіи, а не то что грамматической одной школы и не было бѣ безчестія ащебѣ и инокѣ поучились книжнаго разума, и не худобѣ и на стелени возводить тѣхъ кто низкимъ разумъ имѣеть въ себѣ.“

Затѣмъ, какъ видимъ, Посомшковъ стоитъ на одной почвѣ съ Теофаномъ Прокоповичемъ и Петромъ Великимъ. Точь-въ-точь тѣ же мысли встрѣчаются и въ *Духовномъ Регламентѣ*; въ немъ на примѣръ сказано: „А понеже мало есть, противно такому Россійскіи церкви многонародія, таковыхъ презвитерей, которые наизусть могли проповѣдать догматы и законы Священнаго Писанія, те всеконечная нужда есть имѣти книги краткія и простыяи челоуѣкамъ уразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ заключится все что къ наудному наставленію довольно есть.“ Затѣмъ слѣдуютъ указы на вѣкоторыя таковыя сочиненія и на необходимость распространенія болѣе доступныхъ народу книгъ во всѣхъ селахъ и деревняхъ, и т. д.

Объ училищахъ сказано въ *Духовномъ Регламентѣ*: „Извѣстно есть всему міру, каковая скудость и немощь была юности Россійскаго, когда оное не имѣло правильнаго себѣ ученія, и какъ несравненно умножилась сила его и надчашіе велика и страшна стала, когда державнѣйшій нашъ монархъ, его царское величество Петръ I обучилъ оное измѣненными регулами. Тожъ разумѣть и объ архитектурѣ, и о вѣществѣ и о политическомъ правительствѣ и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ. И наипаче тое жъ разумѣть объ управленіи церкви: когда вѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церковному поведенію, нельзя быть нестроенію и многимъ смѣхамъ юстойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ.... наши русскіе раскольники не отъ грубости и невѣжества толь жестоко возбѣсновались?.. Если посмотримъ чрезъ исторію, аки чрезъ зрительныя трубки, на комедіи вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, вежѣ въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ.... а то видимъ что, и учились вси древніе наши учителя не токмо священнаго писанія, но и вѣншей философіи.“

Мы не знаемъ когда Посомковъ составилъ свою записку о школахъ. Есть основаніе думать что она была составлена скоро послѣ первой о духовныхъ дѣлахъ вообще, отнесенной къ 1704 году. Значитъ Посомковъ гораздо раньше чѣмъ Теофанъ и Петръ развивалъ мысль о необходимости ученія для кандидатовъ для занятія священническихъ мѣстъ. Вотъ нѣкоторыя частности этой записки во многихъ отношеніяхъ сходныя съ позднѣйшими указами. Онъ пишетъ:

„Для совершеннаго отсѣченія прежняго буйства достойно предѣлъ положить недвижимый, чтобъ половы и иныя церковниковъ дѣти хотя гораздо богаты или велии убои, одиначе во ивъ чинъ кромѣ духовнаго не получаемы бы были... и такого ради предѣла, будутъ отцы о ученіи дѣтей своихъ со тщаніемъ пеущися, а кои и дѣти въ смыслу будутъ то те и сами о себѣ радѣть станутъ, также естны и иноковъ неученыхъ во власти не поставлять, то всячески и тѣ похотятъ поучитися елико могутъ, дабы дураками не смышъ и власти не отбыть. И во всякомъ училищѣ надобно устроить приставаиковъ, избравъ изъ иноковъ или изъ церковныхъ причетниковъ, или изъ простолюдиновъ добрыхъ и разумныхъ и Бога боящихся, и въ писаніи довольныхъ и о всякой пользѣ рачительныхъ, и чтобъ они тѣхъ отрочать учащихъ грамматическаго разума, между дѣлъ учебъ книжному чтенію и всякому благонравію и страху Божию и кругу церковному и егда тѣ ученики станутъ книги какія читать, то той бы предводитель ихъ вопрошавалъ чтомага дѣла отвѣту и толкованія и буде кой чтець а не разумѣетъ что чтеть, и тому бы онъ толковалъ, что кая речъ въ себѣ содержитъ овогда жъ бы и доспытаніе отъ святаго писанія между собою они чинили, о той бы у нихъ слушалъ и буде кой прямо разсуждаетъ, того бы онъ помятовалъ и записывалъ въ тетрадь, а кой не можетъ право разсуждать, того бы наставляалъ; а того бы предводителю накрѣпко звучащимися со вниманіемъ смотрѣли, кто каковъ нравомъ и къ чему склоненъ, и буде кой отрокъ будетъ зловраженъ или кощуннивъ или сребролюбивъ или гордъ или нахаловатъ или къ лѣнству любительнъ или иная какая дурная признака въ немъ явится, иже къ духовному чину не свойственна, и таковыхъ бы отнюдь въ священныи чинъ не посвящать, хотя бы кой былъ и славнаго

отца сына, и научился крѣпко...“ Скорѣе можно, полагаетъ Посомковъ, „посвящать однихъ тѣхъ, кои хотя и не церковныя дѣти, да кретки и благонравны и ученіе пріимутъ твердо, и писанія разсуждать могутъ. И такова ради искушенія и науки, хотя бѣ годъ другой или и больше посвящати въ презвитеры и поимѣннѣвать, дождеже въ училищахъ ставленники научатся и во правѣхъ искусятся.“

„Мнѣ, государь, мнится, что подлежитъ и соборною каятвю подтвердить, чтобъ безъ училищнаго свидѣтельства стаудъ въ презвитеры и въ діаконы не посвящать на Москвѣ и въ городѣхъ, и есть ли такой указъ у насъ состоится, то никакіе люди мочные о поставленіи негодныхъ ставленниковъ доуку архіереємъ чинить не будутъ, и на грѣхъ ихъ приводить не станутъ, и такъ же и шюковъ неученыхъ и отъ божественнаго писанія слова сказать не умѣющихъ и силы таинства вѣры неразумѣющихъ, на степени правленія духовнаго стаудъ бы не возводить и такова ради поведенія и нехота охоту по ученію имѣть будутъ и учиться съ прилежаніемъ станутъ и всякому благонравію навѣкать будутъ, и т. д.“

Далѣе Посомковъ предлагаетъ „собрать всѣ ереси съ самаго начала“, въ томъ числѣ и „изсякшіе“ и изучить спеціально ихъ сущность и ученіе, и „въ тонкость ихъ изслѣдъ напечатать, чтобъ ихъ не то что пастыри, но и простолюдны бѣ знали въ конецъ чѣмъ въ нихъ пороку“... „Ереси объявля объявить и нашу благочестивую вѣру, на чемъ она утверждается и учинить ей твердую ограду еже единыя дѣры не оставить, колабъ неограждена была... такъ ее надлежитъ утвердить что не то что благочестивому христианину въ чемъ усумниться и поколебаться, но еже бѣ ни самый высокоученый еретикъ могъ ее чѣмъ повредить или пороковать, а естли бѣ кто врагъ христіанскій и лоблазилъ бы чѣмъ или всякой бы священникъ отпорѣдъ имъ дать и уста ихъ хульными заградить могъ“.

Посомковъ замѣчаетъ что не только слѣдуетъ изучать начала христіанскихъ „ересей“, то-есть догматы лютеранскаго, реформатскаго и католическаго исповѣданій, но и главныя начала ислама и другихъ религій восточныхъ народовъ, а также и „жидовскую вѣру“, замѣчая при этомъ: „Аще и зрится и невеликая нужда намъ до знанія бусурманскихъ вѣръ, обаче по Святому Павлу надобно оныхъ звать

отчего они погибають, дабы такихъ нравовъ намъ остерегаться, и егда лучится съ нимъ слово, то ихъ же бы вѣрою могъ ихъ уличить, и безбожіе ихъ облачить, и къ христіанства бы вѣрѣ удобнѣе ихъ было обращаться, а будешь не будемъ вѣрѣ и ересей ихъ знать, то намъ нельзя съ ними ни о чемъ говорить, аще бо свою токмо едину вѣру и совершенно будемъ знать, то ничтожъ въ насъ будетъ и причтемся къ безумію, мы хвалимъ свою вѣру яко права есть, а иновѣрніе хвалятъ свою какова у кого есть, а правости познать нечимъ, и ничѣмъ же мы крѣпостію лучши Мордвы и Чюваши будемъ, тіа бо ни о чемъ не разговаривають точію въ томъ стоять, что наша вѣра добра и старики наши такъ вѣру имѣли да жили жъ и намъ де для чего старую вѣру оставлять и крѣпить свою вѣру единымъ упрямствомъ. Въ таковомъ своемъ нравѣ они подобны скоту, намъ же, дай Боже знать вся пути спасенія, такожде и всѣ пути погибельныя.“

Другое требованіе заключается въ томъ чтобы „всякой ставленникъ зналъ то, какъ ему стадо свое духовное пасти и отъ волковъ лагубныхъ блюсти и ко спасенію наставлять и свою душу не потерять. И поставя во священникъ чинъ отдавать тѣхъ новопоставленныхъ старымъ мѣстамъ священникамъ, и велѣть имъ учить накрѣпко всякаго священнодѣйствія, а до коихъ мѣстъ всѣхъ дѣйствій не научится и до тѣхъ мѣстъ отаудъ по прежнему изъ подначала новопоставленныхъ поповъ или діаконовъ не отпущать. Егда же всѣхъ дѣйствъ поставленникъ совершенно научится, тогда тому мѣстному презвитеру написать писмо за рукою, что тотъ новопоставленный священникъ всѣхъ дѣйствъ научился совершенно, и съ тѣмъ писмомъ тѣхъ ставленниковъ отсылать къ половскому старостѣ, и чтобы онъ староста его въ служеніи во всѣхъ службахъ освидѣтельствовалъ, и буде все совершенно вся дѣйствія отправлять можетъ, то подписалъ бы на томъ писмѣ онъ староста, что той священникъ новопоставленный совершенъ есть, а по мздѣ несовершенно науча отаудъ бы изъ подначала не освобождать, и буде кой начальной полъ подначальнаго и отпуститъ, а староста осмотритъ, что онъ не совершенъ и тѣхъ лаки отсылать къ мѣстнымъ полѣмъ.“ Затѣмъ слѣдуютъ разныя предложенія о наказаніяхъ тѣхъ кои недобросовѣстно экзаменовали новыхъ священниковъ.

Подобныя же требованія встрѣчаются и въ *Духовномъ Регламентѣ*: „проповѣдника въ Духовномъ Коллегіумѣ испытать какъ искусенъ въ Священномъ Писаніи, и слово бы сказалъ о томъ, о чемъ ему повелитъ Коллегіумъ, и если искусенъ покажется, то дать ему свидѣтельство, что еще похочетъ быть въ чину священническомъ, мощно ему проповѣдать.“ *

„Хорошо, государь,“ продолжаетъ Посомтковъ, „такъ священныи чинъ упредить, чтобъ они были отъ мірскихъ людей вовсе отиѣны, не то что однимъ латъемъ, но и во всякомъ пребываніи, чтобъ хожденіе ихъ было тихество и ступаніе кротко, взоръ тихъ и слово гладко и умиленно и еще тако научатся всякой благой поступкѣ, то будетъ ихъ не то что зрячіе, но и слѣпыя за отиѣну ихъ познать будутъ; такожде надобно имѣть и въсѣмъ церковникамъ тихость и смиреніе во всякой поступкѣ, а отъ пьянства весьма вси церковнаго причта удалялись, и такъ далѣе.“

Посомтковъ замѣчаетъ что если въ Россіи будетъ такое духовенство, и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи высоко стоящее, то „Россія наша яко отъ сна пробудится и просвѣтитъсѣ яко солнце“. Особенно Посомтковъ сожалеетъ о томъ что „сельскіе священники мало и церковныя службы отправляютъ, но лекутся лаче о лашнѣ земли своей, да осеннихъ покосехъ и о цыныхъ земледѣльныхъ дѣлахъ, а не о духовныхъ дѣлахъ, и въ такомъ своемъ пребываніи всю свою жизнь провождаютъ, а надобно, государь, и сему измѣненіе учинить чтобы они, церковныя служители питались отъ церкви, а не отъ земледѣлія, и едва тѣи сельскіе священники хлѣба напашутъ, да вина накурятъ, да лише пьютъ, и въ пьянствѣ толь бывають не угожи, яко иное и сказать страшно, понеже пьяные полны гораздо хуже во нравѣхъ нежели простолюдины бывають, и отъ такова ихъ неплотнаго пьянства честь свою всю потеряли, а и благовѣрію нашему не малый порокъ наносится отъ невоздержанія. Еще истинно, государь, чаю что вашей святости о пьяныхъ священникахъ подлинно неизвѣстно, а естли бы, государь, вся ихъ чудодѣйствія

* П. С. З. VI, 338.

пьянственными вашей святости въ тонкости извѣстна была, то азъ чаялъ бы что и клятвами великими утвердили и запрещеніями запретили немалыми еже священному чину отнюдь пьянственнаго питія не лить. Ей, государь, отъ неученыхъ и отъ пьяныхъ священниковъ благочестивая наша вѣра обругана и еще и ученіе въ Россіи распростра- нится, а отъ пьянства священнай чинъ удаленъ не будетъ, то и съ ученіемъ намъ добра никогда невидать, понеже пьянственная страсть вельми овладѣла и еще твое святи- тельское изволеніе на сіе будетъ, то прежде ученія надобно пьянство отъ нихъ отнять.“

Затѣмъ Посошковъ въ этой запискѣ обращаетъ вниманіе Стефана Яворскаго на новую „ересь“, распространяющуюся будто въ Россіи благодаря вліянію протестантовъ, а имен- но на то возвращеніе по которому „кромѣ дѣла хотять еди- ную вѣрою спастися“.—Тутъ онъ приводитъ разныя мѣста изъ Священнаго Писанія, опровергающія такое ученіе и выражаетъ убѣжденіе что эта „ересь отъ самаго сатаны произросла“, онъ называетъ такую вѣру „лежебочною“. Предлагая принять самыя строгія мѣры противъ дальнѣй- шаго распространенія этой ереси, онъ совѣтуетъ составле- ніе догматическо-полемиической книги, которую должно рас- пространить въ народѣ. Посошковъ находитъ весьма опас- нымъ что „нынѣ при бесѣдахъ наипаче приказаные люди, а на нихъ смотря и посадскіе, кои маленько губъ своихъ по- мазали книгоченіемъ вси тако мудрствуютъ, яко вѣрсю одною спасется человекъ, а помы на тѣхъ бесѣдахъ сидя- щіе воспятить отъ такого ихъ суемудрія и уста имъ за- градить не умѣютъ, понеже сами ничего не знаютъ и тако отъ неученія всѣ люди духовны и мирстіа погибають.“

Въ концѣ своего посланія Посошковъ пишетъ: „Аще, го- сударь, сіе мое изреченіе авится о священникахъ неимо- вѣрно, то пожалуй изволь самъ какова ни есть попа спро- сить о таинствахъ вѣры или о грѣсѣхъ какихъ дикихъ раз- сужденія или о какихъ ересахъ, и я чаю что ничему отпо- вѣди прямой не дастъ, понеже никакова и духовнаго, не то что гражданскаго дѣла разсудити можетъ, и пр.“... „И естли, государь, благоволишь сію пресвѣтлую свѣщу у насъ въ Россіи воспалити и изъ-подъ спуда ее извести и на высоту вознести, то отъ Бога приимети вѣчное наслажденіе

отъ великаго государя чести повышенія, а отъ народа Россійскаго благодареніе до скончанія вѣка, и пр.“ *

Нѣкоторыя мысли, изложенныя въ этой запискѣ, Посошковъ повторилъ въ послѣдствіи въ своей *Книжѣ о скудости и богатствѣ*.

И тутъ Посошковъ является обличителемъ. Онъ замѣчаетъ между прочимъ: „Наши пастыри въ книжномъ ученіи и разумѣніи не весьма довольны; и сего не вѣмъ, чего ради тако дѣется, токмо мню, еще и страшно ми изрещи, дабы архіерейская клятва на мя не пала, а наипаче не вѣмъ, како ми воспластити, понеже азъ призываю, еже отъ олошкы архіерейскія тако чинится: понеже полагаются на служebníковъ своихъ влоствленія по поветѣмъ; ти бо пріимуть отъ новоставленника дары, и затвердятъ ему во псалтыри псалмы дватри и передъ архіереємъ заставляютъ то твержемое читати, а той ставленникъ ясно и внятно и послѣшво пребѣжитъ, и архіереи, того не вѣдая ухищеннаго подлога, посвящаютъ въ презвитеры, и отъ такого порядка у иныхъ и грамота плоха.“ Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя замѣчанія о необходимости строгихъ и тщательно производимыхъ экзаменовъ. **

Глава „о духовности“ представляетъ религіозный бытъ Россіи въ самомъ неутѣшительномъ видѣ. Посошковъ говоритъ что отъ неученія священниковъ большая часть народа „склонилась въ погибельный луть, въ древнемъ же благочестіи уже малая часть остается, ибо въ великомъ Новѣгородѣ едва и сотая часть обращается ли древняго благочестія держащихся“. Тутъ онъ сильно жалуется на „презвитеровъ“, которые не только „не лекутся о томъ, еже бы отъ погибели ихъ отвратити“, но и „лотакаютъ имъ, и того ради церкви всѣ уже залустьѣли и тако было до нынѣшняго 723 года въ церквахъ пусто что и въ недѣльный день человекъ двухъ трехъ настоящихъ прихожанъ не обрѣталося. А нынѣ архіерейскимъ указомъ, слава Богу, мало по малу начинаютъ ходить ко святой церкви. Гдѣ бывало человека по два три въ церкви, а нынѣ и десятка по два три бываетъ по

* Рукопись этого неизданнаго сочиненія Посошкова хранится въ библіотекѣ Академіи Наукъ и мнѣ была сообщена обязательно Академіею.

** О скуд. и бог. 3. и 4.

воскреснымъ днямъ, а въ большіе праздники бываетъ и больше, и то страха ради, а не ради истиннаго обращенія. И впредь еще подкрѣпленія не будетъ, то вси по прежнему ходить по церквамъ не будутъ; вельми бо въ нихъ вкоренилась раскольническая ересь.“

„Вся сія гибель,“ продолжаетъ Посомковъ, „чинится отъ презвитеровъ.“ Указывая на невѣжество и на нерадѣніе священниковъ, онъ замѣчаетъ: „Не постави, Господи Боже мой, сего моего словесе въ осужденіе, еже дерзнулъ поносительно на пастырей своихъ писати, самъ вѣсь, ни предъ Богомъ, ни предъ царемъ, ни предъ простымъ народомъ чѣмъ исправенъ; но токмо едино отъ маѣнія моего припало желаніе, да негли изъ сего моего изъясненія Богъ израститъ нѣкое исправленіе.“ Затѣмъ онъ указываетъ на нѣкоторые факты. Въ Москвѣ онъ видѣлъ „презвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина что и Татаркѣ противъ ея заданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ; что же можетъ рещи сельскій полъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ.“ * Въ Новгородѣ онъ въ 1720мъ году видѣлъ „новоставленника такова въ діаконствѣ на литургіи, не могъ единыя страницы въ Евангеліи прочести, ежебы разовъ пяти шести не помѣтатися“. **

Что касается нерадѣнія священниковъ, то Посомковъ объясняетъ оное главнымъ образомъ матеріальными заботами; онъ приводитъ слѣдующій фактъ: „Нынѣ вси сельстіи попы, еще у коея церкви пола и два три, то мало церковной службы у нихъ бываетъ. Въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть: у той церкви три пола, да дьяковъ, а на Святую Пасху только по два дни литургія была; а тутюшніе жители оказывали что больше одной обѣды на Святой Недѣлѣ прежде сего не бывало, то де тебя поопасались что двѣ обѣды были; и жилъ я ту недѣлю, вичимъ ни отмѣняю отъ простыхъ недѣль: ни обѣдень, ни вечерень, ни утреннихъ не было. А у коихъ церквей по одному полу, то, чаю, и во весь годъ обѣдень десятка другаго не отслужить; понеже еще лошади ему не пахаты, то голодноу быть.“ *** Я такихъ

* Соч. Пос. I. 3—4, 10.

** Соч. Пос. I. 19.

*** Соч. Пос. I. 27.

стариковъ," пишетъ Посомжковъ, „много и въ Москвѣ видалъ что лѣтъ имъ подъ шестьдесятъ и больше, а у отцовъ духовныхъ на исповѣди не бывали, не ради раскольниковства, но ради непомужденія пресвитерскаго. Такой у нихъ обычай что не состарѣвся, деревенскіе мужики на исповѣдь не хаживали.“ *

Правительству все это было хорошо извѣстно, какъ видно изъ разныхъ мѣръ и предписаній. Въ 1716 году былъ объявленъ указъ о хожденіи на исповѣдь повсегодно и штрафованіи за неисполненіе этого правила; въ 1719 году этотъ указъ былъ повторенъ; велѣно было ходить въ церковь въ воскресные дни и господскіе праздники, выбирать въ должности позволено было только такихъ которые ежегодно исповѣдывались. „Кто явится безъ исповѣди, съ того доправить штрафъ съ разночинцевъ и посадскихъ людей въ первый разъ по рублю, во второй по два, въ третій по три рубля, и пр.“ Священники, не доносившіе о такомъ упущеніи должны были подлежать значительному денежному штрафу. ** Съ цѣлю религіозною соединялась здѣсь еще и другая: въ церквахъ послѣ обѣдни читались новые указы, о которыхъ народъ могъ узнавать только этимъ средствомъ, ибо листы прибитые къ городскимъ воротамъ не были доступны для безграмотныхъ. Въ указѣ 1719 года говорится: „Помеже есть такіе отчаянные что никакой доброй совѣсти не имѣютъ и не хотятъ того слышать, что имъ судомъ Божіимъ и здѣшнимъ запрещается и тѣмъста противны имъ, гдѣ слово Божіе и повелѣніе монаршеское читается, того ради не токмо въ недѣльные дни, но и въ господскіе праздники въ церковь не ходятъ, дабы отнюдь того не слышать что противу совѣсти ихъ читается, и для того всѣхъ такихъ, которые въ день воскресный или въ господскій праздникъ во время Божіей службы будутъ гдѣ шататься, кромѣ самой крайней и необходимой нужды и на молитвы къ слушанію слова Божія и указовъ, которые въ народъ въ такіе дни при церквахъ публикуются, не пойдутъ, ловить и ими размыскивать, помеже и такіе за недобрыхъ людей почитаются, которые отъ христіанскаго собранія удаляются.“ ***

* Соч. Пос. I. 29.

** П. С. З. 2.991, 3.169.

*** Соловьевъ XVI, 352.

Предложенія Посомкова въ *Книгѣ о скудости и богатствѣ* о принятіи мѣръ для воспитанія и приготовленія священниковъ въ значительной долѣ закупаютъ въ себѣ лишь повтореніе сказаннаго имъ въ вышеупомянутой запискѣ. И тутъ говорится о грамматикѣ и о филологическомъ образованіи священниковъ. При этомъ случаѣ Посомковъ оказывается строгимъ рецензентомъ, замѣчая: „Нынѣ есть напечатано въ Москвѣ тысячъ пять шесть грамматикъ, да Богъ вѣсть какія, на печатномъ дворѣ командиры напечатали ее толь просто что безъ учителя и орфографіи не можно растолковать и научиться чтобы по ней православіе разумѣть. Къ тому жъ еще и бумагу положили самую плохую, коя никуда кромѣ чернымъ писемъ по нуждѣ что развѣ на такой бумагѣ календари печатать, потому что они на одинъ только годъ печатаются, а грамматика дѣло высокое и прочное: и того ради и печатать ее надлежитъ на самой доброй бумагѣ чтобы она прочна была.“ *

Предлагая устраивать школы, Посомковъ требуетъ чтобы „которые отцы добромъ дѣтей въ школы отпустить не похотятъ, то брать бы ихъ и неволею и учить грамматикѣ и всякаго книжнаго разума“. Затѣмъ говорится о разныхъ предметахъ въ которыхъ должны обучаться лица желающія посвятить себя духовной карьерѣ: сюда относятся кромѣ грамматики и реторика, и философія. Посомковъ считаетъ только начало всего этого дѣломъ труднымъ, „а тамо будетъ оно уже и само вправдѣ, понеже ученіе грамматическое и прочихъ наукъ умнымъ и острымъ людямъ весьма охотно и любезно бываетъ.“

Довольно подробно Посомковъ объясняетъ, каково должно быть содержаніе книгъ, учебниковъ, для справокъ „о священнодѣйствіи“, изданій которыя должны быть доступны и простолюдинамъ по ясности изложенія. Онъ желаетъ принятія мѣръ для распространенія въ народѣ цѣлыхъ библиотекъ церковныхъ книгъ, библій, маргаритовъ, соборниковъ, евангеліевъ толковыхъ и апостольскихъ бесѣдъ, четиныхъ мисей, и пр. Особенно же онъ желаетъ распростра-

---

* Вѣроятно Посомковъ говоритъ здѣсь о грамматикѣ напечатанной въ началѣ 1721 года, переизданіи грамматики Мелетія Смотрицкаго, изд. въ 1648 году. См. Пекарекаго, *Наука и Лит.* II, 500—501.

венія сочиненія Стефана Яворскаго *Калень Вѣри, Розыска* Дмитрія Ростовскаго, его *Зерцала* и Питиримовской *Працицы*. *

Оображенія Посомкова о техникахъ обученія школьни-ковъ походятъ на мысли высказанныя имъ въ прежней за-пискѣ, а также на относящіяся къ этому предмету прави-ла *Духовнаго Регламента*. Способныхъ и прилежныхъ онъ предлагаетъ поощрять всячески. Далѣе онъ ссылается на свое *Отеческое Запѣчаніе*, въ которомъ говорилось подроб-но объ обязанностяхъ священниковъ и о правилахъ по ко-торымъ сѣдowało, по его мнѣнію, подвергать испытанію желающихъ посвящать себя духовному поприщу. **

Затѣмъ Посомковъ говоритъ о лѣнствѣ священниковъ и какъ должно наказывать такихъ пресвитеровъ которые „напившись до пьяна по улицѣ ходя или гдѣ и сидя, бу-дутъ кричать неаѣлостно и бранно и сквернословити или драться съ кѣмъ или лѣси лѣтъ, и пр“. „А буде каковымъ случаемъ“, продолжаетъ Посомковъ, „пресвитеръ и напьет-ся до пьяна, то шелъ бы во утишное мѣсто и выслался, а народу бы себя отнюдь не открывалъ что онъ пьянъ. А бу-де же кой попъ или діаконъ, лаче же аще инокъ, пойдеть пить на кабакъ или въ корчму, то таковыхъ надлежитъ на-казать оугубо, дабы на духовной чинъ пороку не наноси-ли“. ***

Говоря объ обязанностяхъ пресвитеровъ Посомковъ тре-буетъ между прочимъ чтобъ они почаще посѣщали сво-ихъ духовныхъ дѣтей, буде возможно не менѣе одного раза въ мѣсяцъ. „И въ тѣхъ посѣщеніяхъ отнюдь бы ничему не касался и вина бы не лилъ что онъ ради надзиранія ду-ховныя ластвы ходитъ, а не ради потребности и чтобъ тѣ пре-зитеры улодобились святымъ апостоломъ: туне бы ихъ посѣщали и на спасеніе наставляли.“ Посомковъ желаетъ чтобъ духовныя лица занимались дома чтеніемъ и сочине-ніемъ книгъ: отъ степени добросовѣстности пресвитеровъ, полагаетъ онъ, главнымъ образомъ зависитъ „погибель и спасеніе“ народа. „Нынѣшняя ластва“, замѣчаетъ онъ, „вельми неоправна“. Онъ не понимаетъ какъ пресвитеры

* Соч. Пос. I. 16—16.

** Соч. Пос. I. 18—20.

*** Соч. Пос. I. 21.

не чувствуютъ лежащей на нихъ тяжелой предъ Богомъ ответственности.

Всѣ эти соображенія встрѣчаются и въ указахъ правительства. Въ 1716 году были разосланы „кошіи съ общаго, чинаго архіереями при поставленіи ихъ въ сей чинъ“. Тутъ они обязывались постыщать вѣренную имъ паству два или три раза въ годъ и постыщать не ради лихонманія и чести, но апостольски и во Господѣ, и пр.“*.

Посопиковъ обращаетъ вниманіе и на вѣдшее благопріичіе духовнаго сана. „И егда презвитеры въ ученіи своемъ исправятся и всякаго благоправія наыкнутъ, тогда и одежда имъ прежняя своя гнусная и многшвейная годству-етъ измѣнити; и не токмо градскіе, но и сельскіе помы и діаконъ не токмо гнусныя и раздранныя носили, но и сермяжныя бы стрыхъ и бѣлыхъ суконъ некрашеныхъ отнюдь не носилибъ, но носилибъ рясы широкорукыя и длинныя. И буде кому сукна нѣмецкаго купить не въ мочь, то дѣлалибъ изъ яремку; а буде и того не въ мочь, то бы сермяжныя сукна бѣла красили въ вишневую или въ лазоревую краску. А въ непотребномъ одѣяніи презвитерамъ и діаконамъ отнюдь ходить не подобаетъ; понеже они слуги суть Божіи и предстоятъ у престола Божіа жертвы приносяще за царя и за вся христіанъ. И за ихъ близость къ Богу самъ Господь Богъ еще и въ ветхозакононой церкви не токмо священникамъ, но и служителемъ церковнымъ повелѣлъ въ чистыхъ одеждахъ служить. Коими же лаче подобаетъ въ новой благодати священному чину чистоту во всемъ имѣть, яко въ тѣлѣ, тако и въ душѣ, подобно и во одеждѣ и во всякомъ своемъ и житейскомъ исправленіи, чтобы они яко житіемъ своимъ, тако и одеждою были отъ простолюдиновъ отмѣняемы не одною верхнею одеждою, но и нижнею и всѣмъ своимъ уборомъ: шапка бы была съ бобрѣмъ или съ лисцею круглая, салогі бы были низкіе; передъ круглые, а лаптей бы отнюдь ни въ каковыхъ мѣстахъ не носили. И съ запрещеніемъ отсѣщи еіе, ежебы отнюдь къ престолу Божію въ лаптяхъ не приступали; сіи бо не токмо чинъ свой, но и Божіей чести уатіе творить. Ради бо чести Божіей повелѣно презвитерамъ у престола Божіа служить во украшеныхъ ризахъ и по тому уставу

* П. С. З. № 2.985.

иной прѣзвитеръ во время служенія своего возложить на ся одежду златотканную, а на ногахъ лапти растоптанные и во всякомъ кафѣ обваленные, а кафтанъ нижній весь гнусея. И на такое прѣзвитерское убраніе зря, кто не удивится что злато мѣшають съ благомъ. И цареву дѣло подлѣжить вести честно, а Божіе наипаче“.*

Объ одеждѣ и лицѣ монаховъ Посомковъ весьма подробно говоритъ въ главѣ „о купечествѣ“ въ томъ мѣстѣ гдѣ онъ предлагаетъ строгую регламентацію относительно одежды кулцовъ различныхъ разрядовъ. Посомковъ требуетъ отъ монаховъ крайняго воздержанія отъ всякой роскоши**.

Наконецъ Посомковъ затрогиваетъ въ главѣ „о духовности“ еще весьма важный вопросъ относящійся къ экономическому состоянію священниковъ. Ояъ пишетъ:

„И аще уставлено будетъ еже попомъ сельскимъ и причетникамъ ихъ лашки по прежнему не лахать и сѣна не косить, но пишася имъ токмо о церковной службѣ, да о паствѣ духовной, а вмѣсто лашки давать имъ, дворянамъ и хрестьяномъ, кои у нихъ въ приходѣ, отъ своего прилоду десятю доля, то прѣзвитерамъ въ той же исповѣди и дѣтей своихъ духовныхъ твердо подтверждать чтобы неизмѣнно отъ всякаго прилоду, колико себѣ отложить на пищу, то безъ утайки и жалѣнія отдѣлили бы десятую долю какъ изъ хлѣба, такъ изъ мяса и изъ яицъ и съ прочаго харчу, и отомали бы въ церкви на пищу прѣзвитерамъ съ причетники и нищимъ, кои при церкви живутъ.“... „О семъ я не извѣстенъ, какъ дѣется въ прочихъ земляхъ, чѣмъ питаются сельскіе помы, а о семъ весьма извѣстенъ что у насъ въ Россіи сельскіе помы питаются своею работою, и ни чѣмъ они отъ лахатыхъ мужиковъ не отѣны; мужикъ за соху и полъ за соху, мужикъ за косу и полъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ. И отъ такова ихъ земледѣлія многіе хрестіане помирають не только не сподобившіеся пріятія тѣла Христова, но и покаянія лишаются, и умирають яко скоть. И сіе, како бы исправить, не вѣмъ: жалованья государева имъ нѣтъ, отъ міру никакого подаванія имъ нѣтъ же и чѣмъ

* Соч. Пос. I. 80—81.

** Соч. Пос. I. 132—135.

имъ литатися, Богъ вѣсть. А я мнѣніе свое предлагаю сщесное: аще возможно учинить тако чтобы прихожанъ всѣхъ у всякія церкви одесятетвовать чтобъ отъ всякія своа лица отдѣляли церковникамъ десятину или двадцатину, какъ о семъ царское и архіерейское произыдетъ изволеніе, тобы таковымъ порядкомъ были сыты и безъ лашни. А и правильно имъ безъ лашни быть: понеже они слуги естъ Божіи, и подобаеъ имъ по Господню словеси литатися отъ церкви, а не отъ земледѣлія. А аще презвитеру землю пахать, то церкви святой будетъ солгать, и лашта своа истерять. Презвитеру не токмо земли пахать, но и торговъ ему никаковымъ не подобаеъ торговать и мастераства ему художественнаго дѣлать не надлежитъ, дабы и отъ того помѣшательства церковной службѣ и лаштѣ духовной не чинилось... У насъ сельскіе полы... самые люди простые: взростеъ онъ въ деревнѣ, деревенскія дѣла и омышляетъ. А что Богъ взыщеть всякія погибшія души на нихъ, того не омышляютъ, и коль у Бога душа человѣческа велика ничего того не знаютъ... и ради земледѣльства половскаго стоятъ Божіи церкви яко пустыя храмы безъ славословія Божія... и въ праздничный день, гдѣ было идти въ церковь на славословіе Божіе, а полъ съ мужиками поидеъ овинами сушить, и гдѣ было обѣдню служить, а полъ съ причетники хлѣбъ молотить, и въ таковыхъ суетахъ живуще не токмо стадо Христова лашти, но и себя не улашти, и яр.“ *

Посошковъ предлагаетъ земли которыми владѣли полы отдавать въ наемъ и „тѣми деньгами строить церковное строеніе и нищимъ больницы“. На содержаніе больницъ и богадѣльницъ, какъ полагаетъ Посошковъ, можно бы употребить тѣ приласы которые послѣ обезпеченія половъ и причетниковъ останутся отъ предлагаемой имъ десятой или двадцатой доли всѣхъ приласовъ. **

Изо всего этого видно что Посошковъ предлагалъ относительно духовенства весьма важныя реформы, какія имѣло въ виду и само правительство. Соображенія Посош-

---

* Соч. Пос. I. 23 - 28.

** Соч. Пос. I. 26.

кова убѣждаютъ насъ что онъ былъ весьма близко знакомъ со всѣми недостатками быта духовенства. Онъ рисуетъ намъ весьма мрачную картину этой стороны общественнаго строя въ Россіи. Если вспомнить сколь высокого мѣстна онъ былъ о духовенствѣ вообще, объ авторитетѣ и о власти священниковъ, нельзя не удивляться той смѣлости съ которою онъ подвергаетъ своей строгой критикѣ священниковъ. Ему самому казалось дерзкимъ отваживаться на столь рѣзкіе отзывы о тѣхъ лицахъ, которымъ, какъ онъ самъ говорилъ, Богъ вручилъ ключи царства небеснаго и безъ которыхъ поэтому нельзя войти въ оное. Онъ замѣчаетъ однажды порицая священниковъ за то что они недостаточно лекутся о душевномъ благѣ своихъ прихожанъ: „Аще сіа моя изрѣченія возжелшуетъ кто яко бы азъ написалъ сіе на осужденіе и на поруганіе презвитерамъ, и о семъ Богъ есть свидѣтель что не руганія ради написалъ сіа, но ради исправленія, и самъ не безъ страха что въ такое дѣло великое вступилъ, обаче буди Божія воля: Онъ вся вѣсть, чесо ради тако дерзнухъ.“ *

Мѣткія Посомшкова о церковномъ бытѣ вполне соответствуютъ взглядамъ просвѣщенныхъ и замѣчательныхъ дѣятелей того времени на этотъ поприщъ. Отзывы „мишурнаго крестьянина“, фабриканта и кулца Посомшкова согласны со строгою критикою знаменитаго и высоко стоявшаго архимандрита Θεодосія, ученаго и остроумнаго Θεοφана Прокоповича, самого Петра. Мы знаемъ изъ множества узаконеній и предписаній правительства, изъ *Духовнаго Регламента*, изъ переписки царя съ Курбатовымъ, Питуриномъ и пр. что лучшіе люди того времени думали о реформахъ относительно духовенства въ томъ самомъ духѣ какъ мечталъ о нихъ Посомшковъ. Мѣткость и справедливость сужденій Посомшкова на этотъ счетъ достойны вниманія особенно потому что, какъ мы видѣли въ области догматики, въ вопросахъ о терпимости, о религіозномъ просвѣщеніи Посомшковъ былъ ограниченнымъ, отстающимъ представителемъ домостроевскихъ понятій въ противоположность къ болѣе свѣтлымъ взглядамъ Петра и Θεοφана. Но крайній консерваторъ въ области теоріи, Посомшковъ

---

* Соч. Пос. I 25.

поричалъ невѣжество и пьянство въ духовномъ сословіи почти столь же строго какъ дѣлали это иностранцы, на-примѣръ: Маржере, Колинсъ, Олеарій, Перри, Фоккеродтъ и другіе. Оставаясь съ одной стороны вѣрными преданіямъ прежнихъ вѣковъ, Посомковъ съ другой стороны признавалъ необходимость коренныхъ преобразованій въ области просвѣщенія духовныхъ лицъ и въ церковной администраціи. Не касаясь нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сюда относящихся вопросовъ, напримѣръ: отмѣны патріаршества, учрежденіе Синода, онъ и тутъ былъ во многомъ единомышленникомъ Петра.

А. БРИКНЕРЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧЕЛОВѢКА*

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ЗАНЯТІЯ ВЪ МОСКВѢ (1832—1849), ЖЕН-
СКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЗА ЭТОТЪ ПЕРІОДЪ ВРЕМЕНИ.

Въ 1832 году изъ временнаго помѣщенія въ домѣ Разу-
мовскаго (на Гороховомъ лодѣ), дѣти родителей умершихъ
отъ холеры были переведены въ домъ принадлежавшій
Апраксину (на углу Знаменки и Пречистенскаго бульвара),
разумѣется перестроенный, увеличенный и вообще приспо-
собленный къ потребностямъ новаго, учебно-воспитательна-
го учрежденія—Александринскаго Сиротскаго Института,
который въ простолюдіи постоянно назывался холернымъ за-
веденіемъ. Онъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій—мужскаго и
женскаго, въ каждомъ по двѣсти человѣкъ. Весь этотъ четы-
рехсотенный комплектъ былъ ввѣренъ управленію надвор-
наго совѣтника В. Н. Ш — на. Видное мѣсто директора,
обезпеченное содержаніемъ и квартирой, доставлялъ ему
предсѣдатель Московскаго Опекунскаго Совѣта, князь Сер-
гій Михайловичъ Голицынъ, крестившій у него единствен-
наго сына. Въ лисьмоводители къ директору дали изъ того
же Совѣта одного мелкаго чиновника, который вскорѣ умѣлъ
сдѣлаться крупнымъ, то-есть изъ лисьмоводителя превра-
титься въ правителя дѣлъ и кромѣ того соединить въ

---

* Статья шестая. Первые пять были помѣщены въ *Русскіе
Вѣстникъ* 1875 ноябрь, 1876 май, октябрь и ноябрь и 1877 ноябрь.

своемъ лицѣ двѣ другія должности: казначея и эконома. Обѣ эти персоны съ перваго же раза отаично поняли взаимную необходимость. Директоръ крайне нуждался въ человѣкѣ опытномъ въ веденіи дѣлъ, а правитель канцеляріи крайне нуждался въ протекціи директора, сильнаго еще болѣе могучею протекціей своего вельможнаго кума. Впрочемъ отношенія между ними нельзя сравнить съ отношеніями Фамусова къ Молчалину. Хотя директоръ и походилъ на Фамусова, но правитель былъ самостоятельнѣе Молчалина: онъ зналъ свою силу также хорошо какъ и безсиліе начальника, никогда не бывшаго дѣловымъ и потому старавшагося застраховать себя олекой подначальнаго ему дѣльца.

Высшій надзоръ за всѣми частями институтскаго управленія обыкновенно поручался двумъ почетнымъ олекунамъ: у насъ завѣдывали этимъ надзоромъ князь С. М. Голицынъ и князь С. И. Гагаринъ, человѣкъ умный и образованный, занимавшійся, какъ говорили, агрономіей, физикой и химіей, но болѣзненнымъ. Можетъ статься по этой причинѣ онъ рѣдко посѣщалъ институтъ, да и въ эти рѣдкія визитаціи выказывалъ какую-то слѣпшность и равнодушіе, которыя не могли скрыться даже отъ дѣтскаго вниманія.

Единственный въ то время московскій вельможа—вельможа по именитости рода, богатству, придворному и общественному положенію — князь Сергій Михайловичъ Голицынъ самъ въ обществѣ мѣняи Москвичей за человѣка очень добраго. Но тѣ которымъ извѣстно различіе между истинною, разумною добротой и добротой инстинктивною, не могли увлекаться господствомъ молвы. И безъ басни Крылова: *Слонъ на волеводствѣ*, они знали по собственнымъ опытамъ что доброта такого разбора часто приводитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ, смотря по образу мыслей, по положенію душевному, а чаще по воздѣйствію людей окружающихъ, втершихся въ довѣріе. Они знали что иному боярину также легко подарить первому встрѣчному шубу со своего плеча, какъ и разрѣшить волкамъ содрать по шкурѣ съ каждой овцы на тулупы. Нѣтъ сомнѣнія что въ лицѣ е которомъ здѣсь говорится вовсе не было зла, что оно всегда готово было дѣлать добро и дѣлало его своею властію или предстательствомъ предъ властію еще высшею. Свидѣтельствъ тому не мало. Но бѣда въ томъ что по неадаптивности, не различая границъ отдѣляющихъ добро

отъ зла, добрый всьмѣжа перѣдко принималъ первое за второе и наоборотъ. Отъ этого въ его дѣйствіяхъ оказывалась черезполосица, чего больше въ итогѣ выходило отъ такихъ переходовъ съ одной межи на другую—хорошаго или худаго, зависѣло отъ чистыхъ случайностей. Занимая высокій постъ, легко оказывать милость которая иногда ничего не стоить оказывающему, но также легко и лишать своей милости, что дорого обходится лишенному. На такіе переходы отъ одного настроенія къ другому способны всѣ тѣ въ душѣ кого, по словамъ какого-то французскаго писателя, много доброты, но очень мало истинной любви къ ближнему (*beaucoup de bonté, mais très peu de charité*). Еще хуже, если къ этой способности присоединяется другая,—податливость на предубѣжденія, принятіе ихъ на вѣру и затѣмъ тугое освобожденіе отъ нихъ собственнымъ толкомъ, если не придетъ къ нему чужой толкъ или нежданная случайность. Князь часто обнаруживалъ эту слабость. Разкажу одинъ примѣръ, за истинность котораго не ручаюсь, но который, по пословицѣ, если и выдуманъ, то выдуманъ хорошо, потому что правдоподобенъ и вѣрно характеризуетъ дѣйствующія личности. Какъ всѣмъ москвичамъ извѣстно, князь отличался набожностью, въ церковно-обрядовомъ смыслѣ этого слова. И вотъ, въ бытность свою полечителемъ Московскаго учебнаго округа (съ 1830 по 1835), онъ узнаетъ что Ю. Н. Бартенева, директоръ одной изъ гимназій этого округа, членъ масонскаго братства. Одного слова „масонъ“ было достаточно чтобы придти къ заключенію о невозможности терпѣть на службѣ такое лицо. Провѣдавъ о томъ, Бартенева, очень ученый и хитрый человекъ, во избѣжаніе грозящей ему непріятности, принялъ свои мѣры. Онъ выпросилъ у одного изъ близко знакомыхъ съ княземъ рекомендательное къ нему письмо. Принявъ его двумя перстами, какъ нѣчто зачумленное, и бросивъ на столъ нераспечатаннымъ, князь сказалъ сердитымъ голосомъ:

— Хорошо, я самъ пріѣду въ вашу гимназію, а теперь ступайте.

Пріѣзжаетъ съ твердымъ намѣреніемъ сокрушить масона, входитъ въ классъ къ законоучителю, садится на кресло и строгимъ голосомъ приказываетъ экзаменовать учениковъ.

— Позвольте, ваше сіятельство, останавливаетъ его Бар-

тенева, — по нашему по православному, не такъ. Мы при-
выкли каждое дѣло начинать молитвою. Дѣти, читайте мо-
литву! И вотъ дѣти начинаютъ молиться; вмѣстѣ съ ними
молятся князь и законоучитель, а Бартеневъ молится боль-
ше всѣхъ, даже кладетъ земные поклоны. Кончилось тѣмъ
что гимназисты оказались отлично знающими катихизисъ.
Князь остался всѣмъ и всѣми доволенъ. Потрепавъ дирек-
тора по плечу, онъ сказалъ:

— Ну, вотъ теперь вижу что ты хорошій человекъ.

Такимъ образомъ злостный масонъ, по понятію князя,
еретикъ, преобразился въ православнѣйшаго христианина.
Впрочемъ не всегда удавалось князю такъ быстро отрѣ-
шиться отъ усвоеннаго имъ мнѣнія. Въ большинствѣ слу-
чаевъ оно крѣпко хранилось въ его памяти и проявлялось
самымъ откровеннымъ, подчасъ наивно-комическимъ обра-
зомъ, какъ увидимъ дальше.

За выборъ инспектора классовъ взялся самъ III — нъ.
Наслышавшись о дарованіяхъ и учености И. И. Давыдова
занимавшего въ то время кзедру русской словесности въ
Московскомъ Университетѣ, онъ отправился къ нему на
лекцію съ однимъ изъ пріятелей, лично знавшимъ профес-
сора. Въ чемъ состояла эта лекція — не знаю; знаю только
что по окончаніи ея III — нъ въ восторгѣ сказалъ своему
пріятелю: „mais c'est un génie, mon cher; познакомьте меня
съ нимъ“.

Вскорѣ за этимъ профессоръ принялъ сдѣланное ему пред-
ложеніе. Нельзя было желать лучшаго выбора. Обладав
многообразными знаніями, опытный въ организациі учеб-
ной части, И. И. Давыдовъ сообщилъ ей опредѣленную си-
стему, составилъ программы по всѣмъ предметамъ, изъ быв-
шихъ до него преподавателей удержалъ тѣхъ, которые ока-
зались пригодными, а мѣста другихъ упраздненныхъ пред-
ложилъ новымъ, болѣе надежнымъ. Я принадлежалъ къ пер-
вой категоріи: остался преподавателемъ рускаго языка и
арифметики въ двухъ низшихъ классахъ женскаго отдѣле-
нія. При отличномъ инспекторѣ и при хорошемъ персоналѣ
учителей дѣло съ самаго начала пошло ходко, что и оказа-
лось на быстрыхъ успѣхахъ учащихся. Дивиться тутъ
ничему. Какъ въ баснѣ: *Царь и два пастуха* волки не по-
хищали овецъ у одного пастуха, потому что онъ вы-
бралъ *добрыхъ псовъ*, такъ и въ учебномъ заведеніи успѣхъ

несомнѣннъ при соблюденіи главнаго условія—выбора хорошихъ учителей... Извините, пожалуйста, за сравненіе: оно само собою подвернулось подъ руку, при воспоминаніи какъ въ это время третировали педагоговъ.

Въ исторіи Александринскаго Сиротскаго Института, на первой порѣ ея, въ маломъ видѣ повторялось то же самое явленіе какое представляетъ намъ исторія Академіи Наукъ. Какъ академическая канцелярія, въ лицѣ Шумахера и Тауберта, взяла верхъ надъ конференціей академиковъ, такъ и институтская канцелярія, въ лицѣ ея правителя и директора, своею распорядительною силою покрыла значеніе инспектора и учителей. Она выдвинула себя на первый планъ, а болѣе существенное — распорядителей и дѣателей по преподаванію — поставила на задній. Она, конечно, понимала что въ учебномъ заведеніи безъ учителей обойтись нельзя, но она смотрѣла на нихъ какъ на послѣднія слупы въ институтской колесницѣ. Велика важность — учителя! Одно изъ двухъ: или онъ не хорошъ какъ преподаватель, или хорошъ, но почему-нибудь не угоденъ директору. Въ томъ и другомъ случаѣ легко замѣнить его новымъ: мало ли этихъ господъ въ Москвѣ? Иное дѣло — правитель канцеляріи (онъ же эконокъ и казначей): безъ него директоръ очутится круглымъ сиротой, вся бюрократическая машина прекратитъ свое дѣйствіе; и дѣти останутся безъ обѣда, и некому будетъ раздавать служащимъ жалованье. А найти другаго правителя также трудно какъ было трудно Діогену съ огнемъ сыскать человека. Въ силу такихъ убѣжденій учительская корпорація не пользовалась достодолжнымъ вниманіемъ. Къ ней относились свысока, словно къ чернорабочему люду, хотя необходимому, но не имѣющему права выступать впередъ. Къ сожалѣнію, самъ инспекторъ иногда слытывалъ на себѣ слѣдствіе канцелярскихъ взглядовъ. Я помню какъ однажды, при раздачѣ жалованья, казначей, наскучивъ ждать его въ канцеляріи, прислалъ ему деньги со сторожемъ въ классъ, во время его занятій съ дѣвцами. Инспекторъ обидѣлся и выразилъ свою обиду директору. Но чѣмъ же кончилось дѣло? Не казначей, а обиженный протянулъ первый ему руку на мировую. Можно, конечно, обвинить здѣсь обѣ стороны: одну — за неуважительность обращенія, другую — за излишнее уваженіе последицы: „худой миръ лучше доброй ссоры“; но фактъ остается

тѣмъ же фактомъ. Еще понятнѣе такое „умоначертаніе“ въ директорѣ: принадлежа къ классу родовитыхъ дворянъ, онъ зараженъ былъ общимъ для всѣхъ Фамусовыхъ понятіемъ, по которому иной отецъ могъ мириться съ тою мыслию что сынъ его ничему не выучился порядочно, могъ даже любить сына-неуча, но никакъ не переварилъ бы той бѣды еслибы сынъ его выбралъ профессію учителя. Но казначей нашъ, ишедшій отъ обыкновенныхъ смертныхъ, не имѣлъ права на подобныя оправдывающія обстоятельство. Поэтому надобно искать другихъ причинъ его „умоначертанія“ и главныя изъ нихъ, во первыхъ, сознаніе своей неизбежности не для заведенія, даже не для мѣста имъ занимаемаго, а для лица, и, во вторыхъ, состояніе чиновничества, большею частію очень мало образованнаго. Человѣкъ отъ природы очень не глухой, но самолюбивый, онъ завидовалъ двойному надъ нимъ превосходству учителей: превосходству въ образованіи и превосходству по служебнымъ правамъ соединеннымъ съ образованіемъ. Его чиновническое честолюбіе страдало отъ той мысли что имъ даются чины въ меньшіе сроки противъ тѣхъ лицъ которыя не были даже въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Отсюда гнѣвъ. Впрочемъ онъ напрасно гнѣвался: онъ не только не отставалъ отъ насъ въ этомъ отношеніи, но даже постоянно опережалъ насъ, получая и чины, и знаки отличія, и другія награды не въ указные сроки, а по особымъ представленіямъ за отличія.

Стоя во главѣ управленія, директоръ былъ очень ревнивъ ко своей власти. Онъ не хотѣлъ дѣлиться ею съ тѣми которые, по своему назначенію, должны были помогать ему и по учебной и по воспитательной части, особенно на женской половинѣ института. Здѣсь главная надзирательница, К. К. Киновичъ, не имѣла почти никакого голоса. Добрая, но равнодушная, обязанная семействомъ, и по бѣдному состоянію дорожившая своимъ мѣстомъ, она и не покушалась на какую-нибудь самостоятельность въ сферѣ своей обязанности. Только по имени стояла она выше классныхъ дамъ. О послѣднихъ и говорить нечего. Между ними и воспитанницами не могло быть такого тѣснаго сближенія какъ въ другихъ московскихъ институтахъ (Екатерининскомъ и Александровскомъ), потому что директоръ не потерпѣлъ бы иного вліянія кромѣ своего собственнаго. Все должно было исходить отъ него и притекать къ нему.

Замѣчательнѣе былъ ежедневный выходъ директора изъ его квартиры въ классы. Онъ отличался торжественностью и совершался постоянно въ одно и то же время — въ 11 часовъ, то-есть за часъ до окончанія предобѣденныхъ уроковъ*. Все время до этого часа посвящалось туалету. Говорю: „посвящалось“, потому что этотъ туалетъ, какъ ходили слухи, былъ своего рода священнодѣйствиємъ, главная доля котораго состояла въ ежедневной краскѣ волосъ сѣдыхъ или начинавшихъ сѣдѣть. Анфиладное расположеніе классныхъ комнатъ позволяло каждому учителю издали, сквозь стеклянныя двери, видѣть приближеніе процессіи которую открывалъ эскекторъ; за нимъ слѣдовалъ директоръ въ сопровожденіи инспектора либо главной надзирательницы. При входѣ въ классъ воспитанницы, по заведенному обычаю, потомъ отмѣненному, гурьбой сходились съ мѣстъ своихъ, окружали директора и здоровались съ нимъ, цѣлуя его въ губы. Этотъ обрядъ цѣлованія отнималъ у урока минутъ десять или пятнадцать, смотря по числу ученицъ. Директоръ рѣдко останавливался послушать преподаваніе или поговорить съ преподавателемъ. Но послѣднему нерѣдко случалось выслушивать наставленіе или выговоръ начальника дѣтямъ по поводу какой-нибудь жалобы. Какъ то, такъ и другое не отличалось ни содержаніемъ, ни формой. Для подтвержденія словъ моихъ приведу два примѣра, изъ которыхъ на одномъ я имѣлъ неудовольствіе присутствовать, а на другомъ имѣлъ удовольствіе не присутствовать. Выслушавъ донесеніе дежурной классной дамы Черепановой (дочери бывшаго московскаго профессора) о провинности всего класса, директоръ сказалъ: „Чего жь вы хотите отъ этихъ дѣвченокъ? Въ нихъ ни калли нѣтъ хорошаго. Если даже разложить ихъ химически, то ничего въ нихъ не найдешь кромѣ дряни.“ Другой примѣръ эффектиѣе не по словамъ, а по дѣйствию. Одна воспитанница предпослѣдняго класса, слѣдовательно дѣлушка лѣтъ шестнадцати, дозволила себѣ наругать преподавателю географіи. Тотчасъ доведено было это до свѣдѣнія директора, который является въ классъ, вызываетъ

---

* Всѣхъ уроковъ было четыре: два утренніе (съ 8 до 12) и два послѣобѣденные (съ 2 до 6). Въ послѣдствіи двухчасовые уроки замѣнились полуторачасовыми.

провинавшуюся и спрашиваетъ ее какъ она смѣла рѣшиться на дерзость. Отвѣтъ виновной и здѣсь былъ не совсемъ вѣжливый. Директоръ, вспыхнувъ, тутъ же, въ присутствіи всего класса, надавалъ ей пощечинъ, а потомъ оттрепалъ за косу. Скандалъ не разгласился, такъ какъ казенной строжайше было запрещено говорить о немъ роднымъ.

На мужской половинѣ главный надзиратель и его помощники дурно обращались съ воспитанниками, тѣмъ болѣе что директоръ мало интересовался ею. Главная причина зла—какъ же иначе назвать дурное отношеніе къ юности?—общаго почти всемъ лицамъ приставленнымъ для надзора за дѣтми въ классъ и въ классъ, заключалась въ томъ что всѣ эти приставники, надзиратели, дѣтководители называйте ихъ какъ угодно, смотрѣли на свою обязанность какъ на страшную обузу, невыносимую пытку. Глупа съ стороны, можно было подумать что они въ каждомъ воспитанникѣ видѣли личнаго себѣ врага, рушителя своего покоя, помѣха своему занятію или отдыху. Привязаться къ нему тѣмъ искреннимъ, свободнымъ чувствомъ которое на-поминало бы хотя мало-мальски не чадолюбіе отца или благорасположеніе родственника, а просто пріязнь или уваженіе добраго человѣка, они были не въ силахъ; но и отвязаться отъ него также не могли, интересовъ своимъ нѣтъ. Поэтому ничего другаго имъ не оставалось какъ проклинать свою судьбу втайнѣ, да вымѣщать ее на вѣтренныхъ имъ лицахъ явно. Весь день ихъ надзирательства начинался и оканчивался скучающимъ, недовольнымъ, сердитымъ выраженіемъ лица, да крикомъ: не шумѣть! да взысканіями которыя большею частію налагались безъ толку и мѣры, безъ мысли о ихъ цѣли и послѣдствіяхъ. Вотъ одинъ изъ многихъ тому примѣровъ. Пришедши въ институтъ на мужскую половину, гдѣ я въ послѣдствіи также имѣлъ уроки въ высшихъ классахъ, я увидѣлъ странное прибавленіе къ костюму одного воспитанника, малаго лѣтъ четырнадцати или пятнадцати: на груди у него, подъ самымъ почти подбородкомъ, висѣлъ мѣшокъ не мѣшокъ, подушка не подушка, а что-то въ этомъ родѣ. Я попросилъ объясненія у дежурнаго надзирателя. „Этотъ негодяй“, отвѣчалъ онъ, „сѣвъ свою порцію каши за обѣдомъ, началъ еще брать съ блюда и прятать въ платокъ.“ Чтѣ бы сдѣлалъ въ такомъ случаѣ здравомыслящій человѣкъ? Полагаю, онъ просто

жазая бы ученику: „если хочешь еще каши, спроси—тебѣ дадутъ, а тайкомъ брать и прятать стыдно“. Институтскій инструкторъ распорядился иначе: онъ велѣлъ всю кашу оставшуюся на блюдѣ сложить въ платокъ и привязать его на шее воспитаннику, который и просидѣлъ цѣлый урокъ съ большимъ искусственнымъ и вдобавокъ еще теплымъ зобомъ. Это, видите ли, служило наказаніемъ за жадность, а по нашему за аллегитить который у разныхъ людей бываетъ разнымъ. Нѣтъ, подумалъ я, никогда бы Минерва не рѣшилась явить очамъ смертныхъ въ образѣ класснаго надзирателя.

Отъ воспитательной системы института мысль моя съ удовольствіемъ переносится къ постановкѣ въ немъ учебной части. Здѣсь иное дѣло: здѣсь есть что вспомнить не только и смѣхомъ, а добромъ. Несмотря на различіе какъ въ возрастѣ, такъ и въ предварительной подготовкѣ сиротъ, онѣ на первый же годъ оказали видимо быстрые успѣхи, за что, конечно, прежде всего должно благодарить умное руководство инспектора и добросовѣстные труды набранныхъ имъ преподавателей. Сравнительно съ другими учрежденіями того же рода, Александринскому Сиротскому Институту много помогало и то обстоятельство что воспитанники его были распределены на классы, съ переходомъ изъ одного класса въ другой, разумѣется при удовлетворительномъ экзаменѣ, а не на два отдѣленія — лучший и худшій, съ подраздѣленіемъ cadaго на два класса—младшій и старшій, какъ было тогда въ институтахъ Екатерининскомъ и Александровскомъ, и чего теперь уже нѣтъ. Наибольшая успѣшность оказалась по математикѣ и русскому языку. Математика не ограничивалась ариметикою, но заключала въ себѣ алгебру и геометрію — и въ какое же время? когда и въ домашнемъ и въ общественномъ обученіи господствовало убѣжденіе что женскій умъ рѣшительно не способенъ къ этой наукѣ, что дѣвушка достаточно знать четыре арифметическія дѣйствія, по преимуществу съ простыми числами. Да и эта цѣль не вполнѣ достигалась: большинство заключивали умноженіемъ. Поэтому въ институтахъ смотрѣли на арифметику какъ на предметъ совершенно побочный, даже излишній; никто изъ учащихся не занимался ею какъ должно, и незнаніе ея не принималось въ разчетъ при аттестаціи кончившихъ курсъ. Въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ преподаватели этой „ненужной“ науки,

Погорѣльскій (директоръ 3й гимназій) и профессоръ Зеровъ, доказали несправедливость мнѣнія обратившагося почти въ аксіому: ихъ ученицы усвоили всѣ части элементарной математики также основательно какъ гимназисты, и по окончаніи курса сами обучали ей. Знаніямъ одной изъ нихъ (гжи Ефимовой) и умѣнью передавать знанія дивился П. Д. Чебышевъ. Отзывъ такого лица, конечно, выше всякихъ моихъ похвалъ. Наряду съ успѣхами по математикѣ ставлю успѣхи въ русскомъ языкѣ. Дѣти чрезвычайно скоро выучились правописанію, чему особенно способствовало частое объяснительное диктованіе. Имѣя въ своемъ распоряженіи двухчасовые уроки, преподаватель могъ каждый разъ уделять достаточно времени на это упражненіе, которыми въ послѣдствіи напрасно стали пренебрегать, удивившись въ подробный до мелочности синтаксическій разборъ. Правда что правописаніе того времени усваивалось легче по своей однообразности. Руководствомъ въ высшихъ и среднихъ школахъ служила почти одна и та же книга: сначала грамматика Греча, а потомъ грамматика Востокова. Поэтому окончивавшіе курсъ въ этихъ школахъ слѣдовали опредѣленнымъ орфографическимъ правиламъ. А что вынесено изъ школы, то остается надолго, почти навсегда: не многимъ придетъ охота переучиваться на новый ладъ или своимъ умомъ доходить до изобрѣтенія новой орфографіи. Другимъ, весьма полезнымъ подспорьемъ къ достиженію той же цѣли, то-есть умѣнью писать правильно, было перелисываніе учительскихъ записокъ по нѣкоторымъ предметамъ. Каждая воспитанница должна была заластить собственнымъ экземпляромъ, за имѣніемъ печатнаго учебника. Писать приходилось много. А отъ долгой практики въ этомъ дѣлѣ не только глазъ, но и рука привыкаетъ къ правильному употребленію буквъ и даже нѣкоторыхъ знаковъ препинанія. Изученіе нѣмецкаго языка воспитанницы начали съ азбуки, но преподаватель, руководясь распространенною тогда методой Эртеля, сообщилъ имъ такой запасъ словъ и оборотовъ что они въ короткое время стали понимать нетрудную повѣствовательную и описательную прозу. Каллиграфія безъ преувеличенія процвѣтала въ институтѣ. У многихъ воспитанницъ сформировался такой четкій и красивый почеркъ что онѣ сами могли быть очень хорошими преподавательницами

этого искусства. Нѣкоторые изъ нихъ, по окончаніи курса, занимались перепиской, бывшею для нихъ особою статьей дохода. Наконецъ самъ инспекторъ въ старшихъ классахъ женскаго отдѣленія преподавалъ педагогику, знакомя ученицъ съ предстоящею имъ карьерой. Мнѣніе удовлетворительными оказались успѣхи въ разговорномъ французскомъ языкѣ, что лаче всего требовалось отъ тогдашнихъ гувернантокъ. Но какъ можно было научиться ему основательно при томъ отчужденіи въ какомъ директоръ держалъ воспитанницъ отъ классовыхъ дамъ? притомъ же половина этихъ дамъ были Нѣмки или вовсе не говорившія по-французски или говорившія плохо, да и бѣольшая часть Русскихъ объяснялась на немъ незavidно.

На окончательномъ экзаменѣ воспитанницъ перваго выпуска выказались вышеупомянутые ихъ успѣхи въ наукахъ. При производствѣ этого публичнаго испытанія институтское начальство благоразумно отступило отъ нѣкоторыхъ традиціонныхъ обычаевъ, несвоевременность которыхъ хотя сознавалась почти всѣми, но которые однакожъ по давности держались твердо. Главное отступленіе сдѣлано было въ пользу учителей производящихъ экзаменъ и своимъ положеніемъ возбуждавшихъ чувство состраданія. Посудите сами: всѣ посѣтители спокойно сидѣли на креслахъ или стульяхъ, инспектору также отводилось особое мѣсто, одинъ только учитель—въ мундирѣ, при шлагѣ и съ трехугольною шляпой подъ мышкой—долженъ былъ, во все время экзамена изъ своего предмета, стоя предлагать вопросы воспитанницамъ. Въ Александринскомъ Сироткомъ Институтѣ и ему дозволили сѣсть подлѣ инспектора. Эта новость поразила многихъ, а нѣкоторые сочли ее даже за оскорбленіе, такъ что одинъ сенаторъ, какъ бы не выдержавъ афронта, удалился изъ залы. Несмотря на такой пассажъ, экзамены кончились отлично, выпущенныя воспитанницы тотчасъ нашли себѣ мѣста въ семействахъ и пользовались справедливо заслуженною репутаціей отличныхъ наставницъ.

Въ 1847 году И. И. Давыдовъ простился съ Институтомъ вызванный на службу въ Петербургъ, гдѣ получалъ мѣсто директора Главнаго Педагогическаго Института. Преемникъ его, профессоръ П. Г. Рѣдкинъ, обнаружилъ въ своемъ инспекторствѣ живую преданность педагогическому дѣлу и соединенную съ нею энергію. Онъ обновилъ составъ учителей новы-

лицами, достойными воспитанниками Московскаго Университета. Самъ онъ въ специальномъ курсѣ мужскаго отдѣленія, имѣвшемъ цѣлю образованіе гражданскихъ чиновниковъ, преподавалъ предварительныя понятія о законовѣдѣніи, основныя законы, учрежденія и законы о состояніяхъ. Подъ вліяніемъ его рвенія, воспитанники какъ бы почувствовали усиленное возбужденіе и предались занятіемъ съ охотою и любовью. Но этому доброму направленію не суждено было продолжаться долго. Въ Петербургѣ, высшею властію рѣшено было устроить новый кадетскій корпусъ. Для избѣжанія особыхъ расходовъ на устройство нужнаго для него помѣщенія, подлежащее начальство вошло въ переговоры со статсъ секретаремъ императрицы, по управленію женскими учебными заведеніями, А. Л. Гофманомъ. Послѣдній предложилъ слѣдующій планъ: домъ Александринскаго Сиротскаго Института передать начальству военно-учебныхъ заведеній для помѣщенія имѣющаго быть новаго корпуса; всѣхъ институтокъ для окончанія курса перевести въ Николаевскій Сиротскій Институтъ (при Воспитательномъ Домѣ), воспитанниковъ низшихъ классовъ помѣстить въ кадетскіе корпуса, а воспитанникамъ высшихъ (спеціальныхъ) классовъ предоставить окончить курсъ, съ переводомъ также въ зданіе Воспитательнаго Дома. Боже мой, что сталося съ нашимъ директоромъ! Выходъ его потеряли обычную торжественность, онъ притихъ, какъ бы пришибенный межданнымъ сюрпризомъ. Конечно онъ былъ увѣренъ что его, благодаря протекціи князя Голицына, не выбросятъ за окно, но въѣхъ съ тѣмъ онъ зналъ что какое бы ни дали ему назначеніе, оно не замѣнитъ прежняго, а будетъ своего рода изгнаніемъ изъ рая. Онъ дѣйствительно, по совершенномъ упраздненіи института, былъ опредѣленъ директоромъ сберегательной кассы при Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ съ жалованьемъ въ три тысячи рублей и съ обязанностию посвящать службѣ одинъ только день воскресный, для приѣма вкладовъ отъ народа занятаго всѣ остальные дни работой. Что касается казначея, то онъ устроилъ свою судьбу иначе. Онъ давно уже завелъ лошадей и соответствующіе имъ экипажи, потомъ учинился домовладѣльцемъ, а дальше поступилъ въ эконома въ Воспитательный Домъ. Экономъ же въ то время шутить было нельзя: этого мѣстечка

добивались даже люди съ состояніемъ, даже зажиточные помѣщики. Такъ на экономяство въ Екатерининскій Московскій Институтъ охотно перешелъ одинъ совѣтникъ Калужскаго губернскаго правленія, владѣлецъ значительнаго числа душъ.

Въ 1849 году П. Г. Рѣдкимъ также оставилъ инспекторство и перешагъ въ Петербургъ на службу по Министерству Удѣловъ. Мѣсто его занялъ профессоръ С. И. Баршевъ, третій и послѣдній инспекторъ классовъ. Дни института, существовавшаго семнадцать лѣтъ, были уже сочтены. Въ немъ осталось немного воспитанниковъ, да и у нихъ какъ бы опустѣли руки. Интересъ къ ученію пропалъ. Вмѣсто того чтобы внимательно слѣдить за уроками, они разговаривали между собою, читали какую-нибудь книгу, что-нибудь переписывали. Порядокъ, дисциплина исчезли. Явились знаки деморализаціи. Укажу на случай бывшій на моемъ урокѣ въ утренніе часы: двое воспитанниковъ явились замѣтно хмѣльные. Подобныя явленія были тѣмъ болѣе печальны что въ числѣ юношей окончивавшихъ спеціальный курсъ находились даровитые, любознательные и образованные, которые потомъ заслужили репутацію дѣльныхъ, достойныхъ уваженія молодыхъ людей. Мнѣ особенно пріятно вспомнить изъ нихъ Г. Г. Новикова. Онъ приобрѣлъ такія познанія въ иностранныхъ языкахъ (французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ) что свободно читалъ на нихъ серіозныя ученые сочиненія. Братъ его кромѣ того зналъ и латинскій языкъ. Трудно сказать какимъ образомъ достигли они такъ скоро той цѣли которая другимъ дается работою многихъ и многихъ лѣтъ, если приять во вниманіе что латинскій и англійскій языки не преподавались въ Институтѣ.

При небольшомъ числѣ уроковъ въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ, у меня оставалось много свободного времени для такихъ же занятій въ другихъ мѣстахъ. Въ 1837 году мнѣ предложили преподавать рускую словесность въ старшемъ отдѣленіи Александровскаго Института или училища. Это училище, основанное въ царствованіе Александра I, своимъ характеромъ видимо отличалось отъ того заведенія гдѣ я началъ мою педагогическую карьеру. Въ немъ крѣпко держались традиціи императрицы Маріи; память о ней хранилась какъ руководящій завѣтъ во всемъ

кругъ распоряженій—воспитательныхъ, учебныхъ, хозяйственныхъ. Огражденные отъ постороннихъ вліяній не одними стѣнами, но и особыми порядками и обычаями, глубоко лустившими свои корни, оно образовало отдѣльный міръ, соприкасавшійся съ міромъ вѣншаимъ только немногіе часы по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, когда родные и знакомые могли навѣщать воспитанницъ. Но и этотъ соприкосновеніемъ, происходившимъ въ присутствіи дежурныхъ классныхъ дамъ и потому стѣснительнымъ, пользовались не всѣ воспитанницы: его лишены были тѣ изъ нихъ которыя поступали въ институтъ изъ другихъ городовъ и не имѣли въ Москвѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ. Понятно что при такомъ устройствѣ все институтское населеніе, отъ начальницы до воспитанницъ, составляло своего рода семью, члены которой съ каждымъ годомъ больше и больше привыкали другъ къ другу, тѣснѣе и тѣснѣе сближались между собою, и при разставаньи не могли не чувствовать искренней печали. Когда воспитанницы Александровскаго Института называли свою начальницу „ташанъ“ то это слово звучало не тѣмъ звукомъ какой слышалась въ томъ же словѣ обращеніемъ ко главной надзирательницѣ Александринскаго Сиротскаго Института: въ первомъ случаѣ оно дѣйствительно выражало чувство привязанности, напоминавшей отношеніе дочери къ матери; во второмъ оно было безсодержательною формою обычнаго обращенія. Поэтому, каждой классной дамѣ поручалось извѣстное число ученицъ, которыя и оставались подъ ея надзоромъ все время шестилѣтняго ихъ пребыванія въ институтѣ: она была обязана наблюдать и за ихъ поведеніемъ, и за приготовленіемъ ими уроковъ. Такимъ образомъ комплектъ учащихся разбивался на отдѣльные кружки, меньшіе по объему сравнительно съ цѣлою институтскою семьей, но въ этомъ меньшинствѣ завязывались еще болѣе крепкія связи, исключавшія всякую мысль о взаимно-равнодушныхъ отношеніяхъ. Одна изъ особенностей Александровскаго Института состояла въ томъ что онъ наполнялся по преимуществу дочерями малочиннаго и бѣднаго люда. Неизбалованная жизнью въ своихъ семействахъ, онѣ вступали въ казенное заведеніе безо всякихъ барскихъ притязаній, которыя замѣтно обнаруживались въ другихъ заведеніяхъ, предназначенныхъ для дѣтей именитыхъ и богатыхъ.

богатыхъ фамилій. Родители Александровской институтки считали за счастье что дочь ихъ получить такое образованіе какого они были не въ силахъ дать ей дома, и что, кромѣ того, они освобождались отъ заботъ о ней на цѣлыхъ шесть лѣтъ. По своему общественному положенію, они не имѣли возможности стѣснять распоряженій начальства. Обхожденіе съ институтками не подвергалось опасности власти въ неуровность, потому что не откуда было явиться пристрастію или предпочтенію однихъ предъ другими. Короче, положеніе институтскаго начальства было таково что оно не смущалось, какъ Фамусовъ, при мысли что скажетъ княгиня Марья Алексѣевна, приходящаяся бабушкой или тетуской такой-то воспитанницѣ.

Указавъ хорошія стороны воспитательно-учебнаго устройства въ Александровскомъ Институтѣ, я, по чувству справедливости, не долженъ умолчать и о его невыгодахъ, которыя онъ, впрочемъ, раздѣлялъ съ другими заведеніями того же рода и которыя теперь уже не существуютъ, благодаря новой постановкѣ учебнаго плана и вообще значительнымъ переменамъ во всей системѣ воспитанія. Самый главный недостатокъ состоялъ въ распредѣленіи воспитанницъ на два разряда, сообразно ихъ способностямъ и предварительной подготовкѣ. Такимъ распредѣленіемъ, напомнимъ отлученіе козлицъ отъ овецъ, постановку однихъ одесную, другихъ ошую, какъ бы заблаговременно, безповоротно, давали знать послѣднимъ то что Дантъ прочелъ на вратахъ ада: „оставьте надежду входящіе сюда!“ Педагогично ли, гуманно ли обезкураживать юношество, внушать ему печальную и вмѣстѣ оскорбительную мысль что оно обдѣлено природой, не имѣетъ надлежащей понятливости, не можетъ надѣяться на блестящіе успѣхи въ наукахъ, а можетъ только отличаться благокравіемъ? Правда, иныя изъ ученицъ втораго, то-есть худшаго отдѣленія переводились въ первое, лучшее; но это случалось рѣдко, въ видѣ исключеній. Большое неудобство было соединено и съ дѣленіемъ каждаго разряда только на два класса: старшій и младшій, изъ которыхъ въ каждомъ воспитанницы оставались по три года. Не всѣ же онѣ оказывали равные успѣхи, такъ что на второй или третій годъ известное число ихъ не могло слѣдовать за уроками учителя наряду съ другими, отставали отъ нихъ. Различіе между успѣвавшими и неуспѣвавшими

опредѣлялось единственно мѣстомъ которое каждая воспитанница занимала въ классѣ, для чего нѣсколько разъ въ году производилась такъ-называемая пересадка. Но вѣдь дѣло не въ томъ, на какой скамьѣ и какою по счету сидитъ ученица, а въ томъ, не сидитъ ли она праздною слушательницей уроковъ по малознанію или малоразвитію. Страшно что новопринятыхъ сортировали по отдѣленіямъ, а какъ только онѣ уже поступили и начали учиться, сортировка по ежегоднымъ успѣхамъ прекращалась, такъ что каждая воспитанница очень хорошо знала что какъ бы ни училась она, хорошо или дурно—все же она кончитъ курсъ въ одно время съ другими, т.-е. пробудетъ въ институтѣ шесть лѣтъ, не больше. Впрочемъ изъ этого шестилѣтія надобно исключить цѣлый годъ: одно полугодіе съ начала курса и одно полугодіе предъ публичнымъ экзаменомъ уходило на особыя занятія. Поступали новопринятые въ концѣ августа; на повѣрочномъ экзаменѣ ихъ знанія обыкновенно оказывались ниже требуемыхъ программой: что же было дѣлать? Не возвращать же ихъ восвояси. Поэтому недостатокъ подготовки пополнялся въ самомъ институтѣ классными дамами и леліньерками: онѣ занимались съ дѣтми чтеніемъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, чистописаніемъ, повтореніемъ молитвъ, и пр. Приготовленія къ выпускному экзамену, который ожидался какъ грозный судъ, равнымъ образомъ ложились не мало времени. За три мѣсяца до вакаціи преподаватели только и дѣлали что повторяли пройденное, даже въ вакаціонные полтора мѣсяца обязаны были разъ или два въ недѣлю являться въ институтъ для той же цѣли. А начальница съ классными дамами устраивала релетиціи торжественно-страшнаго суда: показывала ученицамъ какъ онѣ должны были выходить по вызову экзаменаторовъ, на какомъ разстояніи останавливаться предъ поставителями, какъ отвѣчать и возвращаться на свои мѣста, и пр. Такую непроизводительную трату значительнаго времени на приготовленія къ одному дню нельзя конечно назвать вещью полезною. Нельзя также похвалить и того обычая, по которому леліньерокъ, то-есть воспитанницъ оставленныхъ по окончаніи ими курса на трехлѣтіе при институтѣ, потомъ назначали въ классныя дамы. Онѣ могли быть очень хорошими по характеру и знаніямъ дѣвушками, полезными пособницами воспитанницъ въ приготовленіи

уроковъ, но не руководительницами при воспитаніи. Почти забывъ міръ семьи, изъ котораго онѣ пришли въ институтъ и совершенно не вѣдая міра общественнаго, въ который никогда не входили, онѣ составляли о немъ мечтательныя фантастическія представленія, заражали ими воображеніе вѣрныя имъ дѣвицы, запугивали ихъ. Десятилѣтнее пребываніе въ институтѣ приучило ихъ находить счастье только въ стѣнахъ его; что же происходило за его стѣнами, въ свѣтѣ, то казалось имъ жилищемъ тревогъ, печалей и напастей, чуть-чуть не царствомъ антихриста. Отсюда ложный страхъ и ложный стыдъ, крайняя застенчивость, забавная наивность и столько же забавное невѣдѣніе самыхъ обыкновенныхъ вещей. Не даромъ воспитанницъ Смольнаго Монастыря называли монастырками, то есть затворницами. Но это прозвище съ одинаковою справедливостью могло прилагаться ко всѣмъ закрытымъ воспитательнымъ заведеніямъ для дѣвицъ. Каждая институтка болѣе или менѣе была монастырка. Она всему удивлялась, отъ всего краснѣла. Стоило только преподавателю явиться съ новою цѣпочкой на часахъ, въ новомъ жилетѣ или фракѣ—и въ рядахъ воспитанницъ пробѣгалъ шепотъ изумленія: *mesdames*, смотрите, новая цѣпочка! новый фракъ! Всего забавнѣе что вмѣстѣ съ воспитанницами конфузились сами не зная отчего и нѣкоторыя классныя дамы изъ тѣхъ именно что были оставлены въ дамы изъ лепишь-рокъ, по лѣтамъ недалеко ушедшихъ отъ ученицъ старшаго возраста.

Директрисой Александровскаго Института въ мое время была Е. Л. Шарліо, очень умная и образованная женщина. Родомъ Француженка, она однакожъ свободно владела русскимъ языкомъ. Мѣсто инспектора занималъ Юрій Ивановичъ Венелинъ, извѣстный своими сочиненіями по исторіи Болгаръ. Прекрасный челоѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ: добросердечный, прямой, откровенный, онъ скоро привязалъ къ себѣ и воспитанницъ и учителей. Но какъ инспекторъ, онъ не подходилъ подъ тѣ условія которыя требовались тогда отъ лица завѣдующаго учебною частью. Въ то время въ женскихъ институтахъ знаніе французскаго языка, особенно разговорнаго, считалось предметомъ первой важности, а онъ почти вовсе не умѣлъ на немъ объясняться. Большое значеніе имѣли и внѣшность, костюмъ, соблюденіе

свѣтскихъ приличій, а онъ часто являлся въ поношенномъ платьѣ и съ пзмятою шляпой. Входя въ классъ, онъ иногда садился не на стулъ, а на лодоконникъ, и болталъ ногами, что смущало классныхъ дамъ и заставляло улыбаться ученицъ. Назначивъ однажды въ старшемъ отдѣленіи Екатерининскаго Института экзаменъ въ два часа пополудни, онъ явился въ четыре. На вопросъ о причинѣ такой запоздалости онъ громко отвѣтилъ: „былъ въ банѣ“, и этимъ отвѣтомъ, словно паромъ, обдалъ всѣхъ присутствовавшихъ. Помощница начальницы, женщина добрая, но несообразительная, вмѣсто того чтобы замять разговоръ, пустилась въ разспросы: „что это вамъ вздумалось въ такое время? Лучше бы вечеромъ.“—„Вечеромъ много народа, тѣснота, а теперь просторѣе.“ Несмотря на короткій срокъ своего инспекторства, Венеливъ успѣлъ однакожь сдѣлать очень хорошее дѣло: онъ обновилъ составъ преподавателей, пригласивъ на мѣсто одряхлѣвшихъ, съ избыткомъ заслужившихся новыя и молодыя лица. Такъ какъ цѣна людей и вещей опредѣляется сравнительно, то эти учителя-новобранцы, конечно, оказались кладомъ при сопоставленіи ихъ съ педагогами-ветеранами. Да и не стоило большого труда перецебовать послѣднихъ. Вѣдь это большею частію были своего рода антики какихъ теперь едва ли представить самое живое воображеніе. Я уже не засталъ ихъ, но хорошо познакомился съ ними изъ анекдотическихъ разказовъ классныхъ дамъ. При этомъ случаѣ мнѣ въ третій разъ приходится въ моихъ воспоминаніяхъ встрѣчаться съ почтеннымъ П. В. Побѣдоносцевымъ, преподававшимъ русскую словесность въ Александровскомъ Институтѣ. Онъ и съ прекраснымъ полломъ обращался попросту, какъ со студентами: каждой институткѣ говорилъ *ты*, и каждую классную даму, молодую и старую, называлъ *матушкой*. Между воспитанницами находилась одна уже взрослая, но малоспособная, которую онъ особенно не жаловалъ. Предъ началомъ урока онъ постоянно заставлялъ ее стирать съ классной доски написанное другими, а затѣмъ подзывалъ къ себѣ спрашивать урокъ. Едва она открывала ротъ для отвѣта какъ онъ останавливалъ ее словомъ: „врешь!“ Бывало классная дама подойдетъ къ нему съ заступничествомъ: „Что жъ это, Петръ Васильевичъ, вы такъ ее конфузите? Подождите немножко, дайте ей подумать и сообразить.“— „Чего матушка,

дожидаться? я ужъ по глазамъ ея вижу что она собирается врать". Или, подозвавъ къ каедрѣ нѣсколько воспитанницъ и медовольный ихъ отвѣтами, онъ, укорительно помотавъ головой, начиналъ стыдить ихъ: „ахъ вы, мокрокрылая ворона, залетѣли вы въ высокія хоромы!" Потомъ, вынувъ изъ кармана платокъ и привставъ со своего мѣста, махалъ имъ на стоящихъ, точно спугивалъ птицъ, восклицая: „кши! кши! мокрокрылая ворона! садитесь на свои мѣста!"

Учитель исторіи, кажется Сокольскій, любилъ къ разказу о лицахъ и фактахъ прибавлять нравственныя сентенціи. Если приличіе не позволяло обозначить предметъ точнымъ его именемъ, онъ прибѣгалъ къ намекамъ или къ междометію *гм!* Такъ, изложивъ царствованіе Лудовика XIV и упомянувъ о вліяніи на него мадамъ Ментенонъ, онъ заключалъ свою лекцію словами: „барышни, замѣтьте что гослосжа Ментенонъ была хорошая женщнна... *гм! гм!...* да не совѣмъ". Наконецъ, діаконъ Хивковскій, обучавшій въ младшемъ отдѣленіи Екатерининскаго Института русской грамматикѣ, пускалъ въ ходъ столь распространенный вымыселъ, а тогда еще мало употребительный, наглядный способъ объясненія. Интересно что при этой методѣ онъ преимущественно выводилъ на сцену себя самого и свою семью. Нужно ли было показать что предположнй падежъ узнается по вопросамъ: *гдѣ*, въ чемъ и т. д., онъ предлагалъ вопросы, на которые воспитанницы легко могли отвѣчать: „*Гдѣ* я?"—Въ классѣ. „*Въ чемъ* я?"—Въ рясѣ. На урокъ о значеніи предлоговъ *къ* и *съ*, онъ фигурировалъ не одинъ, но вмѣстѣ съ женой: „я всегда ложусь *съ* краю, а жена моя *къ* стѣнѣ."

Учителей по исконному обычаю набирали преимущественно изъ класса людей женатыхъ, которые поэтому предполагались нравственными и степенными. Изъ холостяковъ допускали только пожилыхъ; молодые же получали право учительствовать лишь въ томъ случаѣ если они имѣли несчастье (а въ настоящемъ случаѣ—счастье) быть невзрачными и слѣдовательно отъ природы запаслись какъ бы наличнымъ свидѣтельствомъ полной своей безопасности для институтокъ. Опытъ показалъ однакожъ что послѣднія находили возможность точить свои юныя сердца и при такой обстановкѣ. Подъ вліяніемъ наивной фантазіи онѣ сочиняли себѣ романтическую привязанность къ тому или другому учителю и давали о ней знать

выбранному различными способами. Если сюжетъ потребу-
еть учебникъ или хрестоматію, ему подвозилась книга дѣ-
вицы имъ заинтересованной. Развернувъ ее, онъ на пер-
выхъ же страницахъ встрѣчалъ слова: *ангелъ, архангелъ,*
божество, божественный, начертанныя рукой его обожа-
тельницы, или видѣлъ нѣсколько начальныхъ прописныхъ
буквъ подчеркнутыми; сложивъ ихъ, онъ получалъ акро-
стихъ выражающій его имя или фамилію. На институт-
скихъ балахъ, которыхъ давалось три или четыре въ
годъ и гдѣ преподаватели были желанными гостями, шлана
сюжета до верху наполнялась конфетами и ледоками. Въ-
вращать ихъ вкладчицамъ или владѣлицѣ было невозможно,
и онъ волей-неволей уносилъ домой багровую провизію, ко-
торой хватало ему недѣли на двѣ. На балу же, если учи-
тель умѣлъ и рѣшался танцовать, прыскали на него духа-
ми, какъ бы воскурая ему елиамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ
лорты ему фракъ. Даже преподаватели Закона Божія не
освобождались отъ общей повинности быть обожаемыми.
Мнѣ разказывали что одна воспитанница въ то время какъ
законоучитель по окончаніи урока, ставилъ отмѣтки въ
спискѣ балловъ сумѣла ножницами отрѣзать отъ его бороды
прядку послѣднихъ волосъ, которые и сохранила на память.
Если весь педагогическій персоналъ былъ разобранъ, воспи-
танница устремляла свое обожаніе на одну изъ классныхъ
дамъ. Случалось что избранной льстило такое предпочте-
ніе и она, по тщеславію, даже поощряла дѣтское чувство
особы за ней ухаживающей. Когда же и комплекта
классныхъ дамъ недоставало на запросъ обожанія, тогда
воспитанница привязывалась къ другой воспитанницѣ, своей
подругѣ, изъ старшаго или младшаго отдѣленія—все равно.
При взаимномъ и равностепенномъ чувствѣ привязанности
появился особый терминъ—„обожаться“, глаголъ новаго
институтскаго залога.

Предшественникомъ моимъ въ Александровскомъ Инста-
тутѣ былъ Семенъ Егоровичъ Раичъ. Вотъ тоже, какъ и
Венелинъ, прекрасный человекъ и сверхъ того извѣстный
литераторъ, основательно знавшій древніе и нѣсколько но-
выхъ иностранныхъ языковъ и переведшій съ подлинни-
ковъ поэмы Тасса и Аріоста. Повтъ въ душѣ, онъ искрен-
но хотѣлъ и своимъ ученицамъ внушить любовь къ поэзіи,
развить въ нихъ чувствоизящнаго. Намѣреніе доброе, только

онъ принялся за исполненіе его неудачнымъ образомъ. Съ перваго же раза началъ онъ диктовать имъ элегію Батюшкова: *Умиравшій Тассъ*, и онъ должны были продиктованное въ классѣ выучить наизусть къ слѣдующему уроку. Такъ какъ стихотвореніе очень длинно, то диктованіе и ученіе наизусть тянулось долго и до того надоѣли ученикамъ что онъ, принимаясь за перо, съ досадою говорили другъ другу: „Господи, когда же, наконецъ, умретъ этотъ господинъ Тассъ!“ Въ послѣдствіи оказалось что учившія наизусть господина Тасса плохо знали орфографію, и первымъ предметомъ моихъ уроковъ была эта статья, крайне необходимая, хотя рѣшительно прозаическая. Покончивъ съ нею, я приступилъ къ теоріи словесности и исторіи русской литературы. Результатами уроковъ я остался совершенно доволенъ. Вообще воспитанники Александровскаго Института отличались старательнымъ приготовленіемъ уроковъ и приобретали очень хорошіе успѣхи въ русскомъ и французскомъ языкахъ. Каждый выпускъ, въ теченіе одиннадцатилѣтней моей тамъ службы, насчитывалъ въ себѣ много развитыхъ и образованныхъ дѣвицъ.

По смерти Венелина, мѣсто его занялъ Н. Д. Брашманъ, профессоръ механики въ Московскомъ Университетѣ. Я опредѣленъ былъ къ нему помощникомъ, въ каковой должности и пробылъ около трехъ лѣтъ (съ 1840 по 1843). Такъ какъ, продолжая уроки въ Александровскомъ Институтѣ, я былъ обязанъ посѣщать и Екатерининскій, то и перехожу къ этому заведенію. Но прежде этого считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о новомъ инспекторѣ, какъ моемъ ближайшемъ начальникѣ. Не имѣя ни быстрого соображенія и распорядительности Давыдова, ни любезныхъ качествъ Венелина, онъ отличался своеобразными особенностями. Добросовѣстный и доброжелательный, но крайне боязливый и осторожный, недовѣрчивый и подозрительный, а болѣе всего нерѣшительный, онъ выводилъ изъ терпѣнія, доводилъ до отчаянія тѣхъ кому приходилось съ нимъ вѣстѣ работать. Надъ каждымъ ничтожнымъ дѣломъ онъ возился словно надъ квадратурой круга. Чего стоила одна пересадка (по его выраженію пересадка), то есть размѣщеніе ученицъ по новымъ мѣстамъ, соразбно ихъ успѣхамъ, производившееся нѣсколько разъ въ годъ! Ему казалась бѣдною двѣнадцатилѣтняя система

аттестаций, принятая въ институтахъ: онъ хотѣлъ бы 75 балловъ въ Александровскомъ и 150 въ Екатерининскомъ, по числу воспитанницъ въ каждомъ отдѣленіи того и другаго. Короче, онъ хотѣлъ невозможнаго. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ съ математическою точностью опредѣлять удѣльный вѣсъ каждой индивидуальности. А онъ какъ будто добивался именно этого, считая и пересчитывая баллы выставленные учителями, принимая въ соображеніе большее или меньшее значеніе учебныхъ предметовъ, разсуждая надъ разными величинами входящими въ итогъ оцѣнки. Алтекаръ не съ такимъ тщаніемъ отвѣшиваетъ скрупулы съ какимъ онъ взвѣшивалъ сравнительную стоимость такой-то ученицы, и все же при окончательномъ выводѣ оставался въ сомнѣніи: вѣсомъ его инспекторскаго правосудія постоянно колебались, оклоняясь то направо, то налево. Прибавьте къ этому чрезвычайную неясность въ мысляхъ, зависѣвшую отъ тугаго формировація ихъ въ головѣ и отъ нескладнаго ихъ выраженія на словахъ. Брашманъ говорилъ на четырехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, и на каждомъ говорилъ дурно. Какой именно былъ его природный языкъ, для меня до сихъ поръ тайна. Между тѣмъ, по обычаю многихъ Нмцевъ живущихъ въ Россіи (Брашманъ былъ моравскій уроженецъ), онъ считалъ себя знатокомъ русской грамматики, даже рѣшался преподавать ее, въ случаѣ маскировки преподавателя. Но урокъ оканчивался неудачно: ученицы не могли воздержаться отъ смѣха когда временный преподаватель говорилъ *высвистать* вмѣстѣ *освистать*, или *солнце движется*, или когда онъ удивлялся что глаголъ *ходить* не имѣетъ совершеннаго вида, и что слѣдовательно нельзя сказать *ходнуть*. Несмотря однакожь на свою осторожность, Брашманъ нерѣдко попадался, какъ говорится, впросакъ. Я былъ свидѣтелемъ забавнаго съ нимъ казуса въ день выпуска воспитанницъ Екатерининскаго Института, при раздачѣ имъ аттестатовъ, шифровъ и другихъ наградъ. Торжество это обыкновенно открывалось чтеніемъ письма императрицы ко кн. С. М. Голицыну на французскомъ языкѣ. Надобно было прочесть его во всеусамшаніе предъ многолюдною публикой, состоявшею, кромѣ полнаго комплекта институтокъ съ классными дамами и учителями, изъ родственниковъ и знакомыхъ выпускныхъ дѣвицъ. Клавъ

поручилъ это дѣло Брашману какъ инспектору классовъ. Но Брашманъ съ первыхъ же словъ началъ запынаться и выказалъ дурной выговоръ.

— Э, э! громогласно оставилъ его князь.—Да ты, я вижу, не умѣешь читать по-французски. Подай сюда. Monsieur Pascault, lisez, je vous prie. *

Разумѣется, Пако прочелъ отлично, а Брашманъ съ тѣхъ поръ и залегъ въ голову князя инспекторомъ не умѣющимъ читать по-французски. Этотъ случай произошелъ де назначенія меня помощникомъ инспектора, и я передаю его по разказу присутствовавшихъ. Но вотъ прошло три года; наступилъ новый выпускъ; повторился обычный порядокъ торжественнаго акта, на которомъ и я находилась по должности помощника. Съ прїѣздомъ князя, замѣтилъ я, Брашманъ началъ безлокоитьсѣ и волноваться: его какъ бы подмывало подойти къ князю, но не хватало рѣшимости. Наконецъ, онъ рѣшился и робкимъ голосомъ заговорилъ о письмѣ императрицы, хотя это вовсе было не его дѣло.

— Чтò? спросилъ князь, не разсмышлявъ.

— Votre excellence, il y a une lettre de l'Impératrice.

— Ну да, есть; да тебѣ-то чтò? Вѣдь ты не умѣешь читать по-французски. Monsieur Pascault, lisez, je vous en prie.

Можете представить гаулое положеніе тѣхъ кто стоялъ въ свитѣ инспектора!

Начальница Екатерининскаго Института, С. К. Пѣвцова, многою отвѣчала занимаемому ею мѣсту. Свѣтски образованная, ловкая, представительная и вдобавокъ генералъ-лейтенантша, она держала себя независимо, потому что стояла въ уровень какъ съ почетными олекунами завѣдывавшими учебною и экономическою частями ея заведенія, такъ и съ именитыми фамиліями лицъ, дѣти которыхъ воспитывались подъ ея началомъ. Въ молодости своею красотою и любезностью она кружила головы молодымъ людямъ. ** Трудно женщину забыть такіе драгоценные дары; волею-неволею, въ силу простаго о нихъ воспоминанія, она и въ позднѣйшее время выказываетъ на нихъ притязанія. Эту

* Пако—лекторъ французскаго языка въ Университетѣ и преподаватель натуральной исторіи на томъ же языкѣ въ Институтѣ.

** Выдержки изъ старой записной книжки. (Русск. Архивъ 1875 года, кн. 2, стр. 454—455).

притязательность въ Пѣвцовой иногда останавливала князя С. М. Голицына своимъ откровеннымъ словомъ: „помяно, помяно, матушка,“ говаривалъ онъ ей, дружески трепая ее по плечу, „пора перестать кокетничать: вѣдь тебѣ ужь шестьдесятъ лѣтъ.“ Что касается учебнаго дѣла въ Екатерининскомъ Институтѣ, то воспитанницы его отличались предъ всѣми другими институтками знаніемъ французскаго языка. Это и неудивительно: онѣ уже дома хорошо были приготовлены къ нему гувернантками; посвященіе родныхъ говоровъ по-французски, иногда свободнѣе чѣмъ по-русски, поддерживало практику начатую еще въ семействѣ; начальница и классныя дамы объяснялись съ ними на томъ же діалектѣ; наконецъ лекторъ Пако, преподававшій исторію французской литературы и краткій курсъ естественной исторіи—то и другое на французскомъ языкѣ—очень много содѣйствовалъ его разговорному усвоенію. Благодаря другому отличному преподавателю, г. Архидіаконскому, воспитанницы оказывали въ мое время не меньшіе успѣхи и въ языкѣ русскомъ. Многія приобрѣли навыкъ въ свободномъ литературномъ изложеніи, а двѣ выказали даже особенную къ тому способность: Васильева и Хвощинская—родная сестра писательницы, извѣстной подъ псевдонимомъ Крестовскаго.

Хотя Александровскій Институтъ находился въ очень близкомъ разстояніи отъ Екатерининскаго, отдѣляясь отъ него только Маріинскою больницей и потомъ улицей, однакожь между воспитанницами того и другаго существовалъ своего рода сословный антагонизмъ выражавшійся, конечно, ребяческимъ образомъ, но за то откровенно. Екатерининскія смотрѣли на александровскихъ нѣсколько свысока, называли мѣсто ихъ воспитанія мѣщанскимъ, а ихъ самихъ мѣщанками. Поэтому страннымъ казался мнѣ обычай—сводить ихъ вмѣстѣ на вакаціи. Разъ въ году екатерининскія приходили къ александровскимъ, а затѣмъ послѣднія отъѣзжали визитъ. Время проводили въ танцахъ и угощеніи, но истиннаго веселья не было. Обычай вытекалъ изъ очень хорошаго намѣренія—познакомить и сблизить одинаково воспитываемую молодежь. Но можно ли въ два вечера въ году сблизить то что разрознила исторія, общественное положеніе и давнишнія помятія переходившія отъ поколѣній къ поколѣнію, отъ отцовъ и матерей къ сыновьямъ и

дочерямъ? Александровскія институтки по собственному опыту знали что пріемъ оказываемый имъ екатерининскими имѣетъ смыслъ снисхожденія, а визитъ послѣднихъ первымъ—смыслъ оказанной чести. Поэтому онѣ безъ удовольствія шли изъ дома и съ удовольствіемъ возвращались домой.

Кромѣ трехъ описанныхъ институтовъ имѣ хорошо знакомъ и четвертый—институтъ оберъ-офицерскихъ сиротъ при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ (Николаевскій Сиротскій). Я поступилъ туда въ 1839 году также преподавателемъ русской словесности. Мѣсто главной надзирательницы занимала въ это время Лукерья Алексѣевна Цеймеръ, а инспекторомъ классовъ былъ А. О. Арифельдъ, профессоръ судебной медицины—совершенная противоположность Брашману: даровитый, быстрый, съ умомъ яснымъ и скоро обнимающимъ предметы, онъ въ совершенствѣ владѣлъ не только языками русскимъ и нѣмецкимъ, которые можно назвать его природными (по матери—Русской и по отцу—Нѣмцу), но и другими—латинскимъ, французскимъ, англійскимъ, итальянскимъ. Постановка учебной части въ институтѣ одолжена ему исключительно. Въ этомъ отношеніи заслуга его одинакова съ заслугой И. И. Давыдова, съ тѣмъ однакожь различіемъ что Давыдовъ дѣйствовалъ въ новоучрежденномъ заведеніи, не имѣвшемъ исторіи, тогда какъ Арифельдъ долженъ былъ измѣнять и преобразовывать до него существовавшій планъ, что представляло больше трудностей. Благодаря нововыработанному плану преподаваніе, а равно и другимъ распоряженіямъ инспектора, въ особенности выбору учителей, учебная часть Николаевского Сиротскаго Института стояла на одномъ уровнѣ съ тою же частію въ Александринскомъ Сиротскомъ. И здѣсь и тамъ воспитанницы получали очень хорошее образованіе и выходили съ солидною подготовкой для собственной педагогической дѣятельности. Для этой подготовки устроены были въ Николаевскомъ Институтѣ два спеціальные класса, въ которые, по окончаніи общаго курса, поступали лучшія ученицы, желавшія посвятить себя дѣлу воспитанія и образованія, и потому называвшіяся кандидатками. Въ первомъ кандидатскомъ классѣ (теоретическомъ) онѣ проходили нѣкоторые дополнительные предметы, преимущественно педагогика, а во второмъ (практическомъ) практиковались въ обученіи воспитанницъ

низшихъ классовъ. По знанію нѣмецкаго языка воспитанницы Николаевского Сиротскаго Института даже брали верхъ надъ воспитанницами Александринскаго Сиротскаго. Это происходило оттого что на нѣмецкомъ языкѣ преподавались нѣкоторые предметы (напримѣръ педагогика) и что сама начальница и классныя дамы преимущественно говорили съ ученицами по-нѣмецки. Кандидатки свободно владѣли этимъ языкомъ и въ разговорѣ, и въ письменномъ изложеніи. Обученіе математикѣ велось также весьма основательно: адъюнкту Н. В. Кацаурову, помощнику инспектора, поручено было преподаваніе не только алгебры и геометріи, но и тригонометріи. Наконецъ уроки русскою словесности привали нормальное направленіе и потому принесли большую пользу, тогда какъ прежде они страдали схоластицизмомъ, отсутствіемъ живой связи между теоріей и образцами, да и самая теорія ограничивалась скудными правилами реторики, рецептами для разныхъ родовъ сочиненій. Особенно успѣшно пошло дѣло съ того времени какъ мы съ П. Н. Кудравцевымъ, тоже преподававшимъ русскую словесность въ нѣсколькихъ классахъ до поѣздки своей за границу, устроили особый классъ чтенія, которое воспитанницы считали пріятнѣйшимъ урокомъ, лучшею для себя наградой. На этихъ чтеніяхъ мы познакомили ихъ съ капитальными произведеніями нашей литературы, извѣстными имъ до того по однимъ названіямъ, да по именамъ авторовъ. Онѣ узнали Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Это развивало ихъ эстетическій вкусъ, пріучало чувствовать и оцѣнивать достоинства поэтическихъ произведеній. Сверхкомплексныя, безплатныя занятія наши оплачивались съ лихвою видимымъ удовольствіемъ слушательницъ и столько же видимымъ добрымъ результатомъ, а также благодарностію инспектора и начальницы, въ квартирѣ которой происходили чтенія, и которая нашу услугу въ пользу институтокъ цѣнила какъ личное себѣ одоженіе. Въ педагогической профессіи ничто такъ не способно возбудить добровольную ревность учителей какъ свободное и пріязненное отношеніе ихъ къ лицу завідующему учебною частью. Въ такомъ именно отношеніи состояли мы съ П. Н. Кудравцевымъ къ нашему инспектору А. О. Арсфелду. Онъ ничѣмъ и никогда не стѣснялъ насъ. Я преподавалъ въ высшихъ классахъ, Петръ Николаевичъ, посту-

павшій въ институтъ поздно меня, въ низшихъ, такъ что воспитанницы, начавъ съ нимъ русскую словесность, доканчивали ее со мною. Чтобъ избѣжать неудобствъ, всегда соединенныхъ съ переходомъ ученицъ отъ одного преподавателя къ другому или—что еще хуже—къ нѣсколькимъ другимъ, мы условились съ Петромъ Николаевичемъ попеременно мѣняться мѣстами и вести каждому свой курсъ отъ перваго класса до послѣдняго. Распоряженіе это устроилось не официальнымъ порядкомъ, а, такъ-сказать, домашнимъ образомъ, со словеснаго разрѣшенія инспектора. Не было никакой надобности прибѣгать къ формальностямъ въ томъ случаѣ гдѣ слово законъ. Въ сферѣ педагогической суровая требовательность безусловно точнаго исполненія того или другаго устава нерѣдко останавливаетъ самыя добрыя намѣренія и обрекаетъ ихъ на бесплодность. Если нельзя обойти ни одного пункта, случается нерѣдко обходить и тѣ хорошія послѣдствія которыя имѣли бы мѣсто при возможности обхода. Да, хорошо было бы еслибы каждый могъ положиться на себя и на другихъ также вѣрно какъ всѣ знавшіе Кудрявцева полагались на него! Исчезли бы всѣ принудительныя и поощрительныя мѣры, упразднились бы всѣ письменныя огражденія и формальныя основы дѣйствій, замѣнившись одною нравственною основой, безусловно-прочною и въ высшемъ смыслѣ законою. *

Главная надзирательница Л. А. Цеймеръ была замѣчательная женщина, поэтому я долженъ сказать о ней нѣсколько словъ. Она обладала такимъ чувствомъ долга и такою силой воли какія рѣдко встрѣтишь въ нашемъ братѣ, мушкетѣ. Эти дорогія качества и были ей нужны въ виду отношеній существовавшихъ между нею и главнымъ надзирателемъ, И. А. Штрикомъ. По номинальности званія, обѣ личности стояли на одной доскѣ, но по объему и значенію власти одноименныя званія не равнялись: главная надзирательница заведывала только воспитательною частью, а главный надзиратель управлялъ всѣмъ Воспитательнымъ Домомъ въ сферу котораго Николаевскій Сиротскій Институтъ входилъ какъ часть въ цѣлое. Онъ могъ вмѣшиваться и дѣйствительно вмѣшивался въ распоряженія директрисы,

---

* Мои воспоминанія о П. Н. Кудрявцевѣ (*Русскій Вѣстникъ* 1858 № 4).

касавшіяся непосредственно ея круга дѣйствій, мѣшала тому или портила то что по ея убѣжденію было необходимымъ и полезнымъ. Отсюда возникали между ними частыя несогласія. Такъ какъ на директрисѣ лежала прямая отвѣтственность за все что относилось къ воспитанію вѣрныхъ ей дѣвицъ, то она справедливо хотѣла формальное право главнаго надзирателя устранить *de facto*. И она достигла своей цѣли, благодаря твердой настойчивости и умному самообладанію. Особенно раздражался Штрикъ въ тѣхъ случаяхъ когда Воспитательный Домъ посѣщали высокопоставленныя особы. Онъ разумѣлся водилъ ихъ по разнымъ частямъ своего управленія, но при входѣ въ институтъ г-жа Цеймеръ тотчасъ заступала ему дорогу и брала на себя трудъ давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по воспитанію и ученію дѣвицъ, отвѣчать на вопросы, объяснять все принадлежащее къ кругу ея распоряженій. Главный надзиратель терялъ при этомъ первую роль: онъ уже не предшествовалъ гостямъ, не фигурировалъ съ ними рядомъ, а шелъ позади ихъ, даже позади той которая, говоря строго, была подчиненнымъ ему лицомъ, но которая изъ этого officialнаго подчиненія умѣла упразднить то что не согласовалось съ ея прямою обязанностью. Отсюда гнѣвъ, отсюда и непріятности. Послѣднія или равнодушно переносились ею, какъ побѣдительницей на главномъ пунктѣ, или обращались ей же въ честь. Она знала что у кого больше власти тотъ всегда найдетъ средство такъ или иначе нанести оскорбленіе менѣе властному, но она отъ этого не падала духомъ. Напримѣръ, воспитанницы Николаевскаго Института проводили лѣтнюю вакацію на такъ-называемомъ Загородномъ дворѣ (верстахъ въ двухъ отъ Дорогомиловской заставы). Правленіе Воспитательнаго дома, изъ экономіи, присылало только одинъ экипажъ главной надзирательницы: она отказывалась отъ него и, несмотря на свои годы, шла весь долгій путь пѣшкомъ, отказывалась потому что знала что малолѣтнимъ воспитанницамъ низшихъ классовъ нужна такая же льгота какъ и ей, пожилой женщинѣ. Другой примѣръ: Ежегодный выпускъ окончившихъ курсъ ученія сопровождался обыкновенно обѣдомъ на которомъ присутствовали многія почетныя особы, и духовныя, и свѣтскія. Дѣло эконома, разумѣется, экономить, то-есть пригласить поменьше лицъ на

трапезу, что впрочемъ имъ дѣлалось не безъ воли ближайшаго его начальника. Когда онъ являлся съ приглашеніемъ къ Л. А. Цеймеръ, первымъ вопросомъ ея было: „а будутъ ли приборы для классныхъ дамъ?“ Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, она благодарила за оказанную ей любезность, но не принимала ея: „классныя дамы,“ говорила она, „мои помощницы; дѣлая со мною труды, онѣ должны раздѣлять и праздники; мѣтъ имъ мѣста за столомъ—не нужно его и мнѣ.“ Такъ какъ отсутствіе на праздничномъ обѣдѣ такого лица какъ директриса было бы равнозначительно публичному скандалу, то, разумѣется, она одерживала верхъ, а представитель экономіи сдавался. Нѣкоторые находили одинъ недостатокъ въ образѣ дѣйствій главной надзирательницы, именно деспотичность и часто сопровождающій ее іезуитизмъ: она требовала безпрекословнаго исполненія своихъ распоряженій отъ классныхъ дамъ и другихъ подвѣдомственныхъ ей лицъ, хотѣла все знать и вѣдать, рекомендовала кандидатоку не на тѣ мѣста какихъ просили ихъ родители ради болѣе возможнаго и болѣе удобнаго свиданія съ дѣтьми, а на другія, совершенно вопреки ихъ просьбамъ, однимъ словомъ—считала себя какъ бы вторымъ Провидѣніемъ, обязаннымъ пекусь о воспитанницахъ даже и послѣ того какъ онѣ вышли изъ-подъ ея начала. Можетъ-статься, въ этомъ обвиненіи есть правда, но надобно имѣть въ виду и облегчающія обстоятельства. Во первыхъ, кто убѣжденъ въ доброкачественности своихъ мѣръ, тотъ почти всегда больше или меньше наклоненъ къ диктатурѣ, какъ протѣвшему средству достигнуть желаннаго результата мѣръ. Во вторыхъ, надобно было знать родителей, (а гжа Цеймеръ знала многихъ и и очень коротко) прибѣгавшихъ съ просьбами: они конечно любили своихъ дѣтей, но эта любовь не мѣшала имъ часто ввязываться въ отношенія ихъ дѣтей къ тѣмъ лицамъ у которыхъ послѣднія получали мѣста, и своимъ вмѣшательствомъ быть причиною непріятностей и даже отказа. Испорченное дѣло приходилось поправлять той же гжѣ Цеймеръ, которая вела постоянную переписку со своими бывшими воспитанницами, давала имъ совѣты, исполняла ихъ порученія. Гувернантка оставившая мѣсто по своей волѣ или по другимъ причинамъ находила въ ея квартирѣ временный пріютъ до пріисканія новаго мѣста.

Много ли такихъ которые согласились бы добровольно брать на себя подобныя заботы и хлопоты? Не говорю уже о кандидаткахъ жившихъ въ Москвѣ: при первомъ извѣстїи объ ихъ болѣзни или постигшей ихъ нуждѣ, она немедленно слѣшила къ нимъ съ помощью и утѣшенїемъ, какъ бы исполняя долгъ ближайшаго роднаго человѣка.

Въ заключенїе скажу нѣсколько словъ объ институтахъ вообще. Я не буду говорить, какъ о предметѣ уже извѣстномъ, ни о тѣхъ педагогическихъ началахъ на которыхъ они основаны, ни о томъ широкомъ развитїи котораго они достигли при заботливомъ управленїи Императрицы Марїи Феодоровны. Эти учебно-воспитательныя заведенїя для дѣвицъ были закрытыя, согласно съ мыслію Екатерины II: образовать новую породу гражданъ, разлучивъ ее, въ періодъ образованїа (отъ шести до девяти лѣтъ) съ породой старою, то-есть съ отцами и матерями. Время обнаружило многія неудобства такой системы, и начальство, внимая опыту, старалось постепенно устранивать ихъ. Но улучшенїа не примирили съ нею нѣкоторыхъ публицистовъ: смотра на предметъ съ извѣстнаго пункта, они пришли къ отрицанїю всякой полезности закрытыхъ учебно-воспитательныхъ заведенїй вообще и слѣдовательно къ необходимости безусловнаго ихъ упраздненїа. Они забыли что найти недостатки въ какомъ-либо учрежденїи также легко какъ выразить крайнее мнѣніе, но что гораздо труднѣе отвѣтить на вопросъ чѣмъ замѣнить прежнее, оказавшееся по нѣкоторымъ статьямъ неосостоятельнымъ? А въ отвѣтъ на этотъ вопросъ и заключается вся сила. Дайте лучшее: тогда не лучшее ладеть само собою.

Что же было тогда лучше институтовъ? Женскія гимназіи? Но онѣ еще не существовали; онѣ и теперь далеко не во всѣхъ городахъ. Да еслибъ и существовали, все же не могли бы онѣ служить удовлетворительною замѣной. У нихъ особое положенїе: онѣ назначены для приходящихъ, слѣдовательно для живущихъ въ городѣ, имѣющемъ гимназію, а не для деревенскихъ жителей, которые не имѣютъ возможности переселиться изъ мѣста своего жительства, и между тѣмъ нуждаются не только въ образованїи своихъ дѣтей, но и въ надежномъ за ними надзорѣ за все время образованїа. Одни пансіоны восполняли тогда недостатокъ учебныхъ заведенїй для дѣвицъ, но они, раздѣлая указанное неудобство съ нынѣшними женскими гимназіями,

представляли еще другое, а именно: они, какъ извѣстно, возникали по коммерческимъ соображеніямъ и держались ими отъ начала до конца. Содержательницы ихъ, всегда почти иностранки, имѣли въ виду барышъ. У нихъ дѣло велось по очень простому разчету, тождественному съ формулой прѣмого геометрическаго отношенія: чѣмъ меньше расходъ, тѣмъ больше приходу, а чѣмъ больше приходу, тѣмъ лучше. Это желаніе лучшаго, то-есть наибольшей прибыли, заставляло ихъ прибѣгать къ соотвѣтственнымъ тому мѣрамъ, въ особенности къ двумъ: къ плохому содержанію пансіонерокъ и къ набору плохихъ учителей—числомъ помельше, цѣною подешевѣе. Нерѣдко случалось что одинъ и тотъ же учитель, иногда мужъ мадамы, жившій при ней на покое, въ родѣ махалѣбника, бралъ на себя одного преподаваніе многихъ предметовъ. Могло ли, при такомъ веденіи дѣла, пансіонерское образованіе быть, не скажу лучшимъ, а просто удовлетворительнымъ? Какъ оно могло конкурировать съ образованіемъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какими были тогда единственно институты?

Представьте же положеніе той части дворянскаго сословія которая проживала въ своихъ помѣстьяхъ. Не говорю о высшемъ его слое: родовитые и богатые не отдавали своихъ дочерей ни въ институты, ни въ пансіоны, а воспитывали ихъ дома, подъ руководствомъ гувернантокъ, которыя и учили ихъ французскому языку или даже преподавали на томъ же языкѣ всѣ науки, не исключая и священной исторіи. Дворянство средней руки находилось въ иномъ положеніи: при значительной семьѣ иностранная гувернантка обшлась бы имъ дороги, а русскія хотя и вели дѣло успѣшно, но только до извѣстнаго возраста и до извѣстной, большей частью низкой степени. Дальнѣйшая степень предлагалась казенными заведеніями, гдѣ, кромѣ того, надзоръ лицъ, отвѣтственныхъ предъ правительствомъ, обезпечивалъ и дѣтей, и ихъ родителей. Что касается бѣдныхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ, то вся ихъ надежда была на ученіе даровое. Чья дочь при баллотировкѣ вынимала счастливый жребій, та, поступивъ въ число казеннокоштныхъ воспитаницъ, на шесть лѣтъ устраивала себя и тѣмъ услаживала своихъ родителей. Однимъ словомъ, безъ институтовъ нельзя было обойтись, какъ нельзя безъ нихъ обходиться еще и теперь. А что необходимо, то разумѣется полезно.

Нѣкоторые измѣняли въ недостатокъ институтамъ даже то что бѣдная дѣвушка, переходя изъ простой жизненной обстановки въ другую, совершенно на нее не похожую, приучалась къ просторному помѣщенію и другимъ удобствамъ, такъ что, по возвращеніи къ себѣ домой чрезъ шесть лѣтъ, ей было трудно помириться со скромнымъ бытомъ родителей, къ которому она по этому и относилась съ пренебреженіемъ. Подобныя обвиненія по малой мѣрѣ забавны. Какое бы зданіе ни воздвигла казна для полуторасти или трехсотъ воспитанницъ, какъ бы она ни сэкономила при устройствѣ его съ необходимыми приспособленіями къ жизни и учению, все же оно окажется палатами сравнительно съ домомъ или домишкомъ иного помѣщика, часто крытомъ соломой. Невъ этой новизнѣ дѣло: она вовсе не опасна. Дѣло въ другихъ новизнахъ, которыя поступившая въ институтъ встрѣчала, можетъ-статься, въ первый разъ. Она встрѣчала тамъ чистоту, порядокъ, дисциплину; приучилась къ правильному распределенію времени, къ слушанію и приготовленію уроковъ, къ общему для всѣхъ уставу, къ полатію о долгѣ. Исканчливій, перестановокъ, откладываній не допускалось. Отношенія дѣвицы къ окружающимъ измѣнялись: въ каждой воспитанницѣ она видѣла себѣ ровню по обязанностямъ и занятіямъ. Даже обращеніе съ прислугой было совершенно иное: институтка говорила ей *ты*, а не *ты*, просила ее о чемъ-нибудь, а не требовала, не смѣла сердиться или выговаривать. Если все это сначала дѣлалось невольна и принужденно, какъ вѣчто вовсе не похоже на то что дѣвица видѣла въ родительскомъ домѣ и къ чему она привыкла, то въ теченіе шести лѣтъ она приобретала иную, противоположную привычку, которая весьма нерѣдко и оставалась при ней какъ ея вторая натура.

Это личная польза институтокъ. А сколько пользы заявили онѣ, по выходѣ изъ мѣста своего образованія, на двухъ поприщахъ—педагогическомъ и семейномъ! Если это явленіе замѣчалось немногими, то единственная тому причина въ скромномъ характерѣ женской дѣятельности вообще. Чтò не бросается ярко въ глаза, чтò не трубить торжественно въ уши, того мы слышимъ и рядомъ не признаемъ, даже не хотимъ признать. Подземные ключи не выступаютъ наружу, но объ ихъ полезномъ существованіи даетъ знать свѣжая, сочная зелень, покрывающая ту почву подъ

которою они текутъ. Кто станетъ вычислять пользу занятій какой-нибудь гувернантки въ деревенскомъ захолустьѣ? Кому нужна подобная статистика? А между тѣмъ этой гувернаткѣ десятки дѣтей одолжены своимъ начальнымъ образованіемъ, а иногда и такимъ съ которыми мальчики могли поступать въ низшіе классы гимназій (прежняго устройства). Умалчиваю о помощи которую институтки приносили въ родной домъ младшимъ братьямъ и сестрамъ: онѣ снимали тяготу съ родителей, избавляя ихъ отъ заботъ и издержекъ на подготовительное обученіе дѣтей.

Еще благотворилъ было вліяніе въ сферѣ семьи. Оставимъ въ сторонѣ классъ зажиточный и высшій: здѣсь дѣвушка большею частію выходила замужъ за равню какъ по состоянію, такъ и по образованію. Говорю о большинствѣ, слѣдовательно о дочеряхъ бѣдныхъ родителей. Судьба ихъ устраивалась иначе. Онѣ вступали въ бракъ преимущественно съ такими кавалерами которые, при равенствѣ съ ними общественнымъ положеніемъ, вовсе не равнялись имъ по образованію. Надобно знать характеръ этихъ малообразованныхъ, а гораздо чаще необразованныхъ жениховъ. Кто они были въ большинствѣ случаевъ? Мелкіе чиновники, армейскіе офицеры, иногда изъ прежней породы такъ-называвшихся бурбоковъ, квартальные и тому подобныя личности, иногда съ добрымъ сердцемъ, иногда безъ добраго сердца, но всегда почти съ пошлымъ или грубымъ образомъ жизни, съ неблагородными навыками, часто съ наклоностью къ брутальному, деслотическому обращенію въ своей мелкой средѣ, въ которой однакожъ считали себя крупными, полновластными господами. Нужно было запастись большимъ терпѣніемъ и силою воли чтобы не задохнуться въ душной атмосферѣ этой среды, очистить ее, освѣтить. Многія конечно падали подъ тяжестью такой задачи: горькая доля забивала ихъ; онѣ невольно втягивались въ пошлую жизнь. Чтò дѣлать? Сила ломить солому. Но за то многія спасались отъ бѣды и спасали своихъ мужей, если только послѣдніе не совсемъ были лишены способности воспринимать доброе вліяніе. Въ противномъ случаѣ, онѣ, помирившись съ мыслию о невозможности собственнаго счастья, находили его замѣну въ любви къ дѣтямъ, въ заботахъ о ихъ воспитаніи. Въ этой материнской заботливости, въ этомъ самоотреченіи и

состоялъ тотъ сокрытый отъ свѣта героизмъ, примѣры котораго, въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, отъ большихъ городовъ до провинціальной глуши, дали воспитанницы институтовъ. Здѣсь припоминаются мнѣ слова Бѣлинскаго изъ одного письма его, написаннаго по прочтеніи моей повѣсти *Превращеніе*, которую я послалъ къ нему, въ числѣ другихъ пріятельскихъ вкладовъ, для задуманнаго имъ альманаха. * Крутая нравственная перемѣна въ героинѣ повѣсти, недостаточно мотивированная и потому имѣвшая видъ волшебной метаморфозы, подверглась справедливой его критикѣ. „Гдѣ вы встрѣчали такое чудо, неисправимый Москвичъ?“ писалъ онъ мнѣ. „Нынѣшній читатель неугомоняе бѣса въ своихъ требованіяхъ. Ему мало если вы скажете: съ такимъ-то дѣйствующимъ лицомъ произошло вотъ что. Нѣтъ, покажите ему какъ и почему произошло это. Притомъ вы сильно ошибаетесь если думаете что женщина такъ легко оплошдается, попавъ въ пошлаую среду. У меня другое убѣжденіе. По моему, о нашемъ русскомъ прогрессѣ, ростъ котораго не по днямъ, а по часамъ такъ восхваляютъ, вѣрнѣе судить по женскому развитію и образованію. На женщинахъ онъ выказывается ощутительнѣе и остается при нихъ прочнѣе и долговременнѣе...“

СТО ОДИНЪ.

---

* Альманахъ не состоялся, и потому повѣсть моя, передѣланная по совѣту Бѣлинскаго, напечатана въ № 7 *Современника* 1847 г.

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО

ВЪ ПОХОДѢ И ВЪ БИТВѢ

Подъ свѣжамъ впечатлѣніемъ минувшаго, я берусь за перо не для того чтобы представить читателю полную картину войны 1877—1878 годовъ съ ея планами, тактическими и стратегическими соображеніями, — это дѣло историка, — а просто чтобы подѣлиться впечатлѣніями которыя пришлось испытать въ военномъ походѣ и на кровавой аренѣ народной войны за дѣло освобожденія христіанъ изъ-подъ мусульманскаго ига. Я постараюсь послѣдовательно изложить эти впечатлѣнія съ того времени какъ мы тронулись въ походъ и до той минуты когда за ранами я вынужденъ былъ оставить ряды арміи. Въ своемъ очеркѣ буду держаться строгой истины, и если читатель, соратникъ мой по дѣлу, найдетъ въ немъ какія-либо ошибки и неточности, то да припишетъ такія невольныя искаженія тому что пишу единственно по памяти и да не оставитъ мнѣ ошибки въ фальшь. Не ошибается только тотъ кто ничего не дѣлаетъ.

I.

„Я долго щадилъ вашу кровь, стараясь разрѣшить Восточный вопросъ мирнымъ путемъ, но усилія мои не привели къ желаемому успѣху. Честь Россіи затронута. Я надѣюсь что вы поддержите ея достоинство и выкажете себя молодцами.“ Такими словами 11го апрѣля, на Высочайшемъ смотрѣ полкамъ 9й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріей, подъ городомъ Тирасполемъ, Государь Императоръ напутствовалъ насъ на предстоящій походъ въ Турцію, куда 12го апрѣля, въ день Высочайшаго манифеста, должны были мы двинуться эшелонамъ, въ составѣ полковъ Брянскаго и Орловскаго, со 2'и 5 батареями 9й артиллерійской бригады. Громкимъ и долго неумолкаемымъ ура мы всѣ единодушно привѣтствовали слова Государя; у каждого запечатѣлась на сердцѣ державная рѣчь Монарха; всѣ мы горѣли желаніемъ оправдать надежды Государя и Россіи, и вотъ 12го апрѣля, съ музыкой и лѣсками, мы тронулись въ походъ на Кишиневъ и далѣе по маршруту на Плембеуту, предмѣстье Букурешта, которое въ маршрутѣ было пока конечнымъ пунктомъ нашего движенія.

Число верстъ которое предстояло намъ сдѣлать—505, а дней марша—28. Начальникомъ нашего эшелона былъ тогда генералъ-майоръ Дерожинскій, въ послѣдствіи лавшій геройскою смертію подъ Шилкой во время штурмовъ Судейманъ-лаши. Я былъ въ 5 батареѣ 9й артиллерійской бригады и батарея наша состояла въ то время припѣхотномъ Орловскомъ полку 9й дивизіи.

Первый переходъ отъ Тирасполя до Бендеръ прошелъ благополучно и войскамъ за этотъ переходъ не выпало ничего труднаго.

День былъ тихій и солнечный, дорога ровная и эти 11 верстъ эшелонъ миновалъ незамѣтно. Музыка, лѣски, удвоили бодрость солдатъ и къ полудню мы были уже въ Бендерахъ.

Въ походъ мы выступали всегда рано, часа въ четыре, чтобы до наступленія жаровъ полудня быть уже на мѣстѣ; но этотъ расчетъ почти никогда не оказывался вѣренъ какъ вслѣдствіе трудности движенія по гористой мѣстности,

такъ равно и отъ плохого состоянія дороги, по которой перевозка артиллеріи была сопряжена съ великими затрудненіями, въ особенности же когда путь размывался дождемъ. Здѣсь кстати не могу не замѣтить что раннее поднятіе войскъ въ походъ имѣло свои дурныя стороны, въ особенности въ примѣненіи къ артиллеріи: лошади наши не имѣли почти никакого отдыха. Выступая въ четыре часа, лошадь необходимо было поднимать въ два, то есть въ такую пору когда она охотно спитъ, да и самому ѣздовому, измученному трудами дня, не было никакой возможности выспаться какъ слѣдуетъ; онъ долженъ былъ встать въ два часа чтобы вычистить, напоить, накормить и осѣдлать лошадь, иначе рисковалъ опоздать и подвергнуться наказанію. Все это вредно отзывалось на экономіи человѣческихъ и лошадиныхъ силъ, отчего неизбѣжно слѣдовали улущенія. Не выспавшійся и полусонный ѣздовой, во первыхъ, плохо убиралъ свою лошадь, часто вымѣщавъ на ней свое негодованіе за прерванный сонъ, а главное—въ походѣ, сидя на лошади, спавъ олутивъ поводья, отчего нередко лошади страдали спящими нарывами и вывихами и часто сплечивались. Услѣдить офицерамъ за всею батареей не было возможности, при протяженіи ея на версту; да и наконецъ что вы сдѣлаете съ человекомъ котораго невыносимо клонить ко сну? Какъ вы его заставите не спать? Между тѣмъ уставомъ походнаго движенія воспрещается войскамъ выступать ранѣе семи часовъ утра.

На переходахъ отъ Бендеръ до станціи Бульбаки и отъ Бульбакъ до деревни Марены, на протяженіи сорока верстъ, войскамъ пришлось вывести страшныя трудности, ибо за все это время, въ теченіе полутора сутокъ, не переставалъ идти крупный, проливной дождь, испортившій въ концѣ дороги и много надѣлавшій хлопотъ нашему обозу и заряднымъ артиллерійскимъ ящикамъ.

Нынешніе двухколесные ящики при троечной запряжкѣ, съ грузомъ 25 пудовъ приходящимся на каждую лошадь, не имѣютъ никакой подвижности при движеніи по проселочнымъ дорогамъ, особенно въ гористой мѣстности. Тройка не беретъ, и ящикъ безнадежно остался бы на мѣстѣ, еслибы въ батареяхъ не было при орудіяхъ выноса, который всегда можно прилечь къ ящику и тѣмъ помочь ему. Но это страшно затрудняетъ движеніе. Одавъ коренныя

лошади двигать орудіе не въ силахъ, оно должно поневоле остановиться и ждать пока подтянутся ящики и обозъ; а для этого для всей батареи необходимо не менѣе полутора часа времени. Не забудьте что это должно повторяться при каждой горѣ и даже небольшой крутости размытой дождемъ, и вы поймете всю трудность которая выпала на долю артиллеристовъ въ походѣ.

Пѣхота до Дуная, не помогала ни въ чемъ артиллеріи; артиллеристамъ самимъ приходилось на плечахъ вытаскивать войсковые обозы, что при маломъ штатѣ людей въ батарее сильно обременяло солдата. Доходило до того что повалится солдатъ на землю и нѣтъ силъ ему двинуться. Ноги замрутъ, весь онъ одеревенѣетъ, зрачки расширятся, наполнятся кровью, да такъ среди дороги и заснетъ бѣдняга.

А пѣхота между тѣмъ кратчайшимъ путемъ, по горамъ и тропинкамъ, идетъ себѣ ко станціи, и нѣтъ ей препятствій въ пути.

Но медаль имѣетъ двѣ стороны: если артиллерійскому солдату вкупѣ съ лошадьми зачастую случалось втаскивать обозъ и ящики на горы съ крутымъ подъемомъ, или по поясъ въ грязи или болотѣ съ неимоверными усиліями вытаскивать изъ нихъ войсковыя тяжести, за то онъ не былъ такъ сильно нагруженъ какъ пѣхотный солдатъ. Мало описать, нужно видѣть какъ этотъ солдатъ согбенный подъ тяжкою ношей отхватывалъ сотни верстъ безъ малѣйшаго признака ролота или негодованія на трудность службы и на ту физическую пытку которую выносилъ въ походѣ.

Только при беззавѣтной удали, полной покорности и неистощимомъ долготерпѣніи можно было выдерживать то что выдерживалъ нашъ солдатъ.

Съ такимъ героемъ вы сдѣлаете все, умѣйте только руководить имъ.

Два перехода наши отъ Бендеръ до станціи Марены высили все это какъ нельзя лучше. Какъ замѣтилъ я уже выше, шелъ сильный, проливной дождь, дороги размыло въ конецъ, мягкій грунтъ обратило въ сплошное, толкое болото, сѣверо-восточный вѣтеръ дулъ, проливая до костей. Съ каждымъ шагомъ впередъ люди и лошади нарывались ужасно; мѣстами орудія и ящики окунались по ось. Тройка не беретъ; люди сами еле дышущіе прилегаютъ къ ящику,

затягивалась „зеленая дубинушка“, затѣмъ ура! всѣ разомъ рвануть, а ящичъ ни съ мѣста; межъ тѣмъ дождь льетъ какъ изъ ведра, размываетъ почву сильнѣе: прилпагаются еще люди гдѣ мѣста хватаютъ, опять затягивается „дубинушка“ и опять ящичъ ни съ мѣста.

Вотъ такимъ-то черепашьимъ шагомъ двигались мы эти двѣ убійственныя станціи не подозревая того что это были только цѣтки, а ягодки ожидали насъ еще впереди.

На пѣхотнаго же солдата было и смотрѣть страшно. Онъ окончательно пригнулся подъ свою кошей, тяжесть которой удвоилась отъ страшнаго ливня. Появилась масса отсталыхъ, по всему пространству дороги только и видишь что групу солдатъ которые попросту, раставувшись въ грязи и положивъ ранецъ подъ голову, отдыхали въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Остротамъ и замѣчаніямъ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, не было конца. Солдатъ нашъ любить балагурить, и тамъ гдѣ другой бы плакалъ навзрыдъ, онъ въ это время смѣшитъ и рассказываетъ веселыя анекдоты.

— Фу ты, какая важная фигура! Ишь развалился какъ! замѣчаетъ проходящій солдатъ другому, который лежа въ грязи покуриваетъ трубочку.

— А тебѣ небось завидно что я на перинѣ лежу, подшучиваетъ этотъ въ свою очередь.

Слѣдуетъ за этимъ взрывъ хохота. Къ весельчаку присоединяются другіе и лошадь лотѣха.

А то порою видишь такого рода картину: идетъ пѣхотный солдатъ, ковыляя въ глубокой грязи, видно усталъ онъ страшно, хочется ему прилечь, да не рѣшается: не приказано отставать. Вотъ онъ и идетъ еле переводя духъ, наконецъ выбивается ужъ изъ силъ, сбрасываетъ на землю ружье и приговариваетъ, несмотря ни на кого: „видно казеннаго-то привала не дождешься; нужно свой устроить“; и въ сторонѣ дороги растягивается замертво.

— Ты бы, землякъ, затянулъ лѣсеньку-то, все бы веселѣе идти, да къ тому и не такъ трудно, просить солдатъ коренастаго залѣвала. Залѣвала затягиваетъ: „Пошла Лиза въ нѣсъ по ягodu гулять“; къ ложащимъ начать присоединяться прочіе, вскорѣ составляется большой хоръ, и люди звуками дружной лѣсни весело оглашаютъ тоскливое поле. Солдатъ пріосаживается и начинаетъ пѣть бодрѣе, остальные

слѣшать подтянуться и все идетъ по мѣстамъ. А то изъ хора выскочить какой-нибудь бородачъ и къ вѣщему ужасу офицеровъ начнетъ въ густой грязи съ ружьемъ и въ полной боевой амуниціи вѣсомъ до луда отхватывать казачка. Это фактъ, и судите послѣ этого объ нашемъ солдатѣ какъ знаете.

Наконецъ къ вечеру дотащились мы кое-какъ до деревни Бульбаки, гдѣ намъ былъ назначенъ ночлегъ. Въ деревнѣ 90 крестьянскихъ дворовъ, пришедшихъ же на ночлегъ было до семи тысячъ; итого на каждую хату приходилось по 77 солдатъ; при такихъ условіяхъ обогрѣться солдату было негдѣ, а переобуть обувь нечего было и думать, большинство имѣло одни сапоги, другіе же не считые состояли въ товарѣ который солдатъ носилъ поверхъ ранца. Къ довершенію всего солдатъ голодалъ, такъ какъ обозъ и кухни отстали, застрявъ въ грязи, и только къ тремъ часамъ утра слѣдующаго дня была сварена ему горячая пища.

Нашъ офицерскій обозъ постигла та же участь, онъ тоже гдѣ-то остался позади; приходилось такимъ образомъ 15 часовъ быть въ мокромъ бѣльѣ. Когда я снялъ мундиръ, съ моего тѣла и бѣлья ларъ повалилъ клубомъ; я дрожалъ въ сильной лихорадкѣ и надо благодарить Провидѣніе какъ мы всѣ не переболѣли тифомъ.

Послѣдующій переходъ до станціи Марены мы шли подъ тѣмъ же проливнымъ дождемъ и на этотъ разъ не отдѣлались такъ дешево. Околотки стали переполняться лихорадочными больными, появились тифозные, и общій процентъ заболѣвающихъ сталъ возрастать. Тяжесть перехода утроилась, такъ какъ войска изнуренныя переходомъ предыдущимъ не имѣли въ Бульбакахъ дневки, по маршруту она назначалась въ Маренахъ.

Съ Марены до Кишинева переходъ былъ гораздо легче, погода установилась, неровности стали встрѣчаться рѣже, такъ что къ 2 часамъ полудни, 16го апрѣля, мы были въ Кишиневѣ. Здѣсь Государь, прямо съ похода, сдѣлалъ намъ вторичный смотръ, пропустивъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ пѣхоту поротно, а артиллерію полполубатарейно, разомкнутою колонной. Въ Кишиневѣ былъ ночлегъ; 17го же числа слѣдующаго дня мы тронулись на Гору-Голбину.

Предстояло сдѣлать два перехода: сначала до деревни Гаурены (20 верстъ), а отсюда уже до Горы-Голбины (18

версть). Мѣстность здѣсь крайне волнообразная; перерѣзанная отрогами Карпатскихъ горъ, она образуетъ возвышенныя лоскогорья, которыя по мѣрѣ приближенія къ границѣ спускаются къ Пруту и образуютъ тутъ обширную котловину, въ весеннее половодье затопляемую водами Прута. Дорогъ въ этой мѣстности нѣтъ, или по крайней мѣрѣ нельзя назвать ихъ дорогами. Это двѣ глубокія колеи, прорѣзанныя колесами крестьянскихъ телегъ, извивающіяся въ ущельяхъ горъ съ такими опасными наклонами въ бокъ что нужно много усилій чтобы не дать кузову повозки уласть на сторону. При ширинѣ хода и при значительной высотѣ центра тяжести надъ осью, вымѣнная военная повозка имѣетъ мало-устойчивое равновѣсіе, и потому легко перекинется если не сдерживать ее канатами, со стороны противоположной наклону.

Вотъ съ такого рода трудностями природы должны были бороться войска за время сѣдованія ихъ отъ Гаурены до Гора-Голбины, то-есть на протяженіи 18 верстъ. Здѣсь физическое изнеможеніе дошло до своего алогей, такъ какъ втаскивая на своихъ плечахъ тяжести и заботясь постоянно о ихъ равновѣсіи, люди должны были рубить вѣтви деревьевъ и собирать хворостъ чтобъ устилать ими глинистую, пропитанную дождевою водою дорогу, безъ чего невозможно было тронуться съ мѣста; мягкая глина облипала колеса, которыя глубоко врызывались въ колеи, такъ что шестерка лошадей едва брала орудіе. О зарядныхъ ящикахъ и говорить нечего; они и по сіе время стояли бы на Гора-Голбинской дорогѣ, еслибы усиліями солдатъ и всѣхъ наличныхъ лошадей батареи не втащили ихъ наконецъ на эти адскія горы.

Никогда не забуду этого страшнаго 18го апрѣля 1877 года. Какъ теперь вижу изнуренныя, потныя лица изъ всѣхъ силъ напрягающихся солдатъ. Вижу измученныхъ лошадей, полную грудью усиленно дышущихъ; нѣкоторыя изъ нихъ падали подъ тяжестью непосильной работы. Вотъ группы солдатъ раскинулись по дорогѣ; вотъ по одиночкѣ бредутъ на горы отстаемыя люди: у каждаго взоръ мутный и безжизненный, каждый шатается отъ усталости; его томитъ кромѣ того сильная жажда, идетъ онъ ковыляя и наконецъ падаетъ сразу, какъ колосъ пшеницы подкошенный серпомъ.

— Воды! проситъ страдалецъ.

Къ запекшимся губамъ лежачаго подносилъ кто-то миску съ водой. Солдатъ жадно втягиваетъ живительную влагу и снова падаетъ на землю. А тамъ вдали стоитъ ящикъ съ запряженною тройкой: надорванные лошади уныло поводятъ головами; ящикъ окружаютъ солдаты и облокотясь руками на крышу и склонивъ голову каждый спать стоя; тутъ же въздвой, лежа на землѣ, раскинулся ящикомъ у ногъ лошади. Это сонное царство, выбившееся изъ силъ и усталое страшно.

Выступивъ изъ Гауренъ въ пять часовъ утра мы едемъ только къ 11 часамъ вечера могли прибыть въ Гора-Голбину. Значитъ двигались 18 часовъ, дѣлая одну версту въ часъ. По счастью въ Голбинѣ была дневка.

Погода стояла хорошая; передохнувъ и сытно поѣвъ, солдаты забыли свое вчерашнее горе; появилась музыка, пѣсенники и танцоры; отхватывался широкій украинскій танецъ, тотъ самый танецъ который такъ краснорѣчиво изобразилъ Гоголь въ своемъ *Тарасъ Бульба*.

Далѣе путь лежалъ на городъ Леово; мы приближались къ границѣ; томимый тяжелою неизвѣстностью, каждый изъ насъ молча и съ замиреніемъ сердца, долгимъ взглядомъ прощался съ родною землею. Но вотъ раздалось оглушительное *ура!* Войска перешли рубежъ, — мы уже были въ Молдавію.

II.

21го числа мы прибыли въ Леово. Это небольшой и грязный городъ въ самой долинѣ Прута. Въ немъ, какъ я слышалъ, до шести тысячъ жителей. Здѣсь впервые мы встрѣтили наше русское полевое почтовое отдѣленіе, принимавшее отъ насъ всякую корреспонденцію, за исключеніемъ денежной. Была тутъ и кафана (родъ нашей рестораціи), доставившая ея владѣльцу не мало золотыхъ. Офицерство массами проводило здѣсь свободное время, уничтожая все что въ ней было съѣдобнаго. За то союзники наши драги немилосердно, угощая при этомъ далеко не изысканною пищей. Какой-нибудь прокислый борщъ, твердая какъ подошма котлета, со стаканомъ плохаго краснаго вина, оплачивались четырьмя франками. Какъ и всегда, недовѣрчивые къ Русскимъ, содержатели кафанъ брали сначала за обѣдъ деньги

впередъ, но наши офицеры отучили ихъ отъ этого; они заставляли ихъ даже улучшать самую пищу; при непозволительной аличности Румынъ, церемоніи отбрасывались въ сторону и казацкая нагайка верѣдко гуляла по спинамъ плаутоватыхъ торгашей.

Въ Леово мы нагнали эшелонъ 14й дивизіи, который ожидалъ здѣсь окончанія постройкы ларома черезъ Прутъ. Эшелонъ этотъ однимъ переходомъ шелъ впереди насъ и составлялъ одну изъ первыхъ колоннъ арміи,—я не считаю казаковъ и гусевые полки,—тѣ шли въ первомъ авангардѣ далеко отъ насъ.

Леово обратился въ военный городъ. Военный элементъ затмилъ собой гражданскій и городъ принялъ иную физиономію. Вчера еще безжизненный и скучный, онъ нынѣ закипѣлъ жизнью; заиграли хоры военной музыки, повсюду слышались барабаны и трубы; верховые и ординарцы разѣзжались непрерывно; смѣхъ, гвалтъ и крикъ царилъ надъ городомъ,—пѣсенники не умолкали. Послѣ всѣхъ невзгодъ и лишеній широкая русская натура явила себя на славу. Впервые полученное золото цѣлкомъ переходило въ пространные карманы Румынъ, приходившихъ въ восторгъ и умилеіе отъ нестоимой щедрости Русскихъ. Евреи пронырливо сновали всюду, надувая и обчитывая немилосердно. Ради жизни пренебрегалось средствами—лишь бы грошей побольше!

Но все было благородно и чинно; румынской полиціи приходилось бездѣйствовать, такъ какъ, при строгости дисциплины, армія есть воплощенный порядокъ.

Въ Леовѣ пробыли пять сутокъ и на шестую уже тронулись въ городъ Фальчи. Отъ Леово до Фальчи чуть ли не 12 верстъ; мы дошли до того мѣста Прута, гдѣ собственно предстояло быть переправѣ: мѣсто это какъ разъ напротивъ Фальчи. Тутъ мы расположились на ночлегъ бивакомъ, съ котораго рано утромъ на слѣдующій день, 29го апрѣля, войска начали переправу.

Едва только зардѣлся востокъ и первые лучи солнца брызнули на поверхность земли какъ слышались барабаны и войска начали подыматься съ бивака. Это было на разсвѣтъ 29 апрѣля. Начальство обходя войска ободряло солдатъ, рассказывая имъ о предстоящихъ трудностяхъ переправы, о всемъ томъ вообще что предстояло имъ исполнить

въ этотъ день; при этомъ указывалось на батареи которыми они должны были братски помогать и вытасчить ихъ на плечахъ своихъ до ларома на которомъ войска перевозились на противоположный берегъ.

„Постараемся! Вытащимъ!“ отвѣчали солдаты, поглядывая на Прутъ, предъ которымъ съ полторы версты протяженія синѣло тинистое болото, поросшее тростникомъ и водяными лиліями. Наконецъ благословясь мы тронулись къ берегу.

Отъ весенняго половодья болото раздвинулось въ ширь и въ глубь; дно его, изрытое рытвинами и ухабами, поросло мѣстами водяными растеніями, которыя, обхватывая и цѣпляясь за колеса повозокъ, еще болѣе усиливали трудность движенія. Съ каждымъ шагомъ впередъ грозила опасность потонуть или провалиться по горло; приходилось тщательно изслѣдовать путь и изъ золъ выбирать меньшее, то-есть лишь бы не уйти съ головой въ тилу.

Я былъ въ мрачномъ раздумьи, глядя на свою полубатарею; ящички не выходили у меня изъ головы: что дѣлать, и какъ перетащить ихъ на тотъ берегъ, думалъ я, а между тѣмъ перетащить нужно во что бы ни стало. Въ военное время невозможнаго нѣтъ. Приказано—и никакихъ разговоровъ. Я видѣлъ предстоящую трудность, но при всемъ томъ я понималъ что приказаніе должно быть свято исполнено и старался черными мыслями отгонять прочь, уловая на Бога, да на нашего чудо богатыря солдата. Я зналъ что въ адской работѣ солдатъ скорѣе разорвется на части, лишь бы угодить любимому начальнику, а меня они любили.

Я собралъ людей и сказалъ имъ два слова которыя я считалъ необходимымъ сказать. Они какъ бы удивились что я позволялъ себѣ хотя на минуту усомниться въ ихъ твердости предъ предстоящимъ препятствіемъ. „Ваше благородіе не безпокойтесь, отвѣчали они. Ужъ постараемся и сдѣлаемъ все что будетъ только подъ силу.“

— Снимать салоги, разуваться, послышалась команда въ пѣхотѣ. Стоявшіе по берегу люди Брянскаго полка стали поспѣшно исполнять команду, и скоро полкъ преобразился по поясъ въ одѣяніе прародителей. Отъ полка сдѣлалась нѣсколько ротъ въ помощь артиллеріи; роты эти составили

на берегу всю свою одежду и аммуницію съ ружьями и такъ, въ чемъ мать родила, первыя вошли въ Прутъ.

— Ухъ холодно, холодно братцы! замѣчаетъ одинъ входя въ болото, съ каждымъ шагомъ погружаясь все глубже.

— Ой, ой, ой...., трр.р.фю., затараторили и засвистѣли солдаты, ежась въ грязи.

— Да никакъ тутъ и прохода нѣтъ, кричить кто-то, зашедшій впереди всѣхъ.—Пропадеть душа ни за грошъ! Ой, братцы, помогите—таетъ ко дну. Родимые помогите!

Товарищи слѣшаютъ къ нему на помощь и наконецъ вытягиваютъ его со значнаго мѣста.

— Подавайся, подавайся впередъ, командуетъ офицеръ съ берега. Люди подаются держась за руки.

— Стой, провалился, кричитъ передній; да тутъ и дна какись нѣту, не достанешь!

— Ладно, не достанешь! Иди, коли велятъ, отвѣчаютъ ему прочіе, толкая дальше передняго.

— Да чего лихаешься-то! Видишь дороги нѣту.

— Чего нѣту дороги? Плыви коли нѣту.

И подаются эти богатыри, старааясь разыскать лучшій бродъ.

— А что, земляки, намъ еще туда-сюда, а вы-то съ орудіемъ какъ тремитесь, замѣчаетъ лѣхотинецъ стоящимъ на берегу артиллеристамъ.

Артиллеристы молчатъ и угрюмо смотрятъ на Прутъ.

— Ты, родимый, изъ рекрутъ должно-быть, замѣчаетъ ему кто-то изъ нашихъ.

— Такъ точно, изъ рекрутъ.

— То-то, оно и видно!

И сконфуженный солдатикъ отходить въ сторону.

Но вотъ люди разбрелись всюду, отыскивая бродъ для артиллеріи. Въ помощь имъ отъ батареи, кромѣ того, посланы были расторопные фейерверкеры. Всѣ они пріѣхали съ извѣстіемъ что и тамъ не хорошо, и здѣсь скверно; тамъ окунешься съ головой, здѣсь провалишься въ грязь; тамъ грязи поменьше, воды за то побольше. Судили, рядили и наконецъ порѣшили: мѣсто было выбрано и первыя четыре орудія тронулись въ Прутъ.

Сильно покачавшись на сторону грохнуло первое орудіе, спустившись въ болото съ крутаго обрыва.

— Никакъ треснуло что-то! кричить бомбардиръ ѣздовому.

— Ничего! Это такъ, раскачнулось маленько, отвѣчаетъ этотъ.

Со свѣжими силами, лошади дружно тянули орудіа, благополучно минуя первый ухабъ.

Орудіе подается впередъ шаговъ на десять.

— Шорника! кричить ѣздовой.—Шлея лопнула.

Шорникъ послѣшью бѣжить и исправляетъ разорванное.

Наличные люди пѣхоты, вкупѣ съ орудійною прислугой, подхотятъ къ лафету и разомъ выталкиваютъ его изъ рытвины.

— Легче, легче! командуетъ орудійный фейерверкеръ, дѣлая крутой заѣздъ лошадей и минуя ухабъ.

— Держи вправо! вправо держи! провалишься здѣсь! кричитъ прислуга ѣздовымъ.

Но тутъ на лишній дюймъ коренной ѣздовой подалъ лошадей влѣво. Орудіе переворачивается и съ трескомъ шлепается въ грязь.

— Ахъ ты Иродова душа! срамятъ ѣздоваго солдаты.—Разинулъ ротъ и ѣдетъ какъ баринъ какой! Чего вылаулилъ глаза-то?

Ѣздовой огрызается, и наконецъ осажденный со всѣхъ сторонъ умолкаетъ, самъ видя какъ много надѣлалъ бѣды и хлопотъ.

Со страшными усилиями, по поясъ въ грязи, люди канатами ставятъ орудіе на колеса.

— Трогай! раздается команда. И съ такою же опасностью орудіе двигается дальше.

Но вотъ позади слышится глухой трескъ: то дѣшежный ящикъ съ размаху ввалился въ ухабъ. Море головъ окружаютъ его, держась руками за длинные канаты привязанные всюду гдѣ только возможно зацѣпить. Люди напрягаются изо всѣхъ силъ, а ящикъ хоть бы на дюймъ съ мѣста.

— Бери дружище, ребята! командуетъ старшій.—Ну, разомъ бери.. и.. и.

Все то же самое.

— Стой! затапу пѣсеньку. Натягивай канаты, продолжаетъ распоряжаться старшій. Затыгивается „дубинушка“. Слѣдуетъ затѣмъ ура. Люди дружно рванули; но тутъ новая бѣда:

канать тресаулъ и все что держалось за него стремительно летить въ болото и окунается въ грязь съ головой.

— Ха, ха, ха! Экъ онъ важно выкутался, ну да за то и толость больно, може съ тѣла спадеть маленько, слышится голосъ направленный къ солдату, который барахтался въ грязи вопить о помощи. Подходятъ къ нему люди, и съ крикомъ урѣ станаваютъ его на ноги. Бѣдная весь въ грязи: ротъ, уши и носъ заложило ему плоть, онъ чуть не задохнулся.

— Ваше благородіе, держитесь ровнѣе, а не то остулюсь и бѣда неизбѣжна, говоритъ солдатъ офицеру, который сидя на плечахъ его старается удержать равновѣсіе.

— Смѣлѣе, смѣлѣе, тутъ ничего, не провалишься, ободряютъ солдаты несущаго.

Носильщикъ шатаясь, неровною поступью идетъ подаваясь впередъ.

Но вотъ онъ случайно остулился и солдатъ съ офицеромъ летятъ въ глубокую грязь, безропотно покоряясь судьбѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болото становилось все глубже; мягкій грунтъ разбитый лошадьми и колесами предыдущихъ орудіи испортился въ концѣ.

Движеніе ящиковъ и обоза становилось совсѣмъ невозможнымъ. Лошади выпраженные изъ орудій по нѣскольку разъ возвращались обратно къ берегу помогать тащить ящики.

— Сюда, сюда, народу побольше, кричатъ издали люди, напрягаясь надъ ящикомъ. Народъ прибываетъ. Семь лошадей запряженныхъ въ ящикъ не берутъ; онъ давно уже выбился изъ силъ и еле стоитъ на ногахъ. Но вотъ подъ ударами нагайки лошадь дѣлаетъ послѣднее усиліе и затѣмъ падаетъ вдругъ.

Все наличное бросается спасать лошадь; отстегиваются построжки, напильники; снимаются хомутъ со шлеей; аммуниція облипла грязью и плоть. Затѣмъ съ трудомъ подымается лошадь, на ея мѣсто вводится заласная. Но вотъ только что кончили съ первою лошадью, только что люди снова взялись тащить ящикъ, какъ другая начинаетъ сильно дрожать на переднія ноги, немного простонитъ и падаетъ также какъ и первая. Опять та же мука. Припряжена наконецъ вторая лошадь. Всѣ тащутъ, а ящикъ на смѣхъ хотъ бы колыхнулся.

Онъ ушелъ въ грязь на четверть выше оси.

— Стой, братцы, раздается рѣшительный голосъ.— Не будемъ мы Русскіе, если не тронемъ его съ мѣста! Трофимъ и вы всѣ берись за подножку и тащите наверхъ; мы потянемъ впередъ. Да берись крѣпче и разомъ. Ну! Съ Богомъ. *Ура!*

И ящикъ трогается съ мѣста. Къ вечеру люди начали постепенно убывать съ фронта; работая такъ сильно, они стояли въ холодной водѣ по 6, 7 и 8 часовъ сряду. Лихорадка одолевала нѣкоторыхъ; потухшій взоръ выражалъ страданіе и эти богатыри шатаясь падали въ воду; товарищи ихъ сейчасъ же оттуда вытаскивали и на плечахъ переносили къ парому.

— Возьми, возьми его, Степанъ, говорилъ солдатъ, указывая на больного другому, у котораго была еще бодрость.— Отнеси его. Вишь онъ шатается, должно мутить у него въ головѣ.

И сострадательный товарищъ тащить больного къ парому.

По всему пространству затопленной мѣстности отъ берега до парома предъ глазами наблюдателя раскидывалась величественная картина борьбы людей съ природою; тамъ и сямъ видѣлись группами войска трудившіяся надъ перевозкою тяжестей; вблизи раздавался говоръ солдатъ и фырканье лошадей, то и другое все было въ поту и изнуренное сильно; далече слышится *ура*, тамъ люди тянутъ что-то изъ ухаба.

Орудія, ящики и обозъ, все это разбросано въ повѣтряномъ безпорядкѣ. Мѣстами валялись лошади, иныя уже павшія отъ труда, другія же собирающіяся имъ послѣдовать. На всемъ лежала печать истощенія: солдатъ съ ружьемъ тихо, едва ступая, осторожно плетется къ парому; онъ сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ и остановится; взоръ мутный, голова опущена; онъ глубоко вздохнетъ разъ, два, сямнетъ кели, утретъ калями ладающій лоть, и слова идетъ, идетъ утомленный, по поясъ въ грязь. Присѣсть ему негдѣ и не на чемъ.

Вотъ стоитъ орудіе совсѣмъ окунувшееся въ грязь по самый шкворень гербышной подушки. Лошади саятъ и дико смотрять вокругъ. Одна изъ нихъ уже лежитъ въ грязи; вдовой трудится распречь ее; прислуга орудія стоитъ тутъ же; лица у всѣхъ черныя отъ поту и грязи; кели,

мундиръ и рубашка въ гармоніи съ лицомъ; у всѣхъ ноги и руки дрожать отъ напряженія мускуловъ, и тутъ же при нихъ офицеръ сидитъ на лошади и склонивъ голову на шею ея мрачно отдыхаетъ въ такомъ положеніи.

Поздно вечеромъ, къ 9 или 10 часамъ, переправа окончилась. Нашъ эшелонъ былъ цѣликомъ на той сторонѣ Прута. Такимъ образомъ закончился одинъ изъ самыхъ трудныхъ дней похода въ который такъ много страдали войска и о которомъ такъ мало знаетъ Россія.

Но важнѣе всего что солдаты, выйдя побѣдителями изъ такихъ трудностей, даже не вывѣяетъ себѣ это въ заслугу и нисколько не кичится своимъ подвигомъ.

— Ну, что братцы, сильно устали и трудно было? сказали я имъ послѣ переправы.

— Сказать, ваше благородіе, чтобъ устали особенно—нельзя, а трудно было.

— Важное дѣло сдѣлали.

— Еще какое это дѣло, ваше благородіе: дѣло наше впереди.

III.

Въ Фальчи намъ была дневка, хотя по маршруту ей и не слѣдовало быть здѣсь; но принимая во вниманіе усталость войскъ сопряженную съ переправой, начальство эшелона взяло съ представленіемъ о необходимости сдѣлать дневку въ Фальчи, которое и было уважено въ высшихъ инстанціяхъ.

Фальчи также какъ и Леово небольшой городъ, но за то опрятнѣе и чище его. Жители народъ далеко не зажиточный. Дома деревянные и построены на манеръ сельскаго образца: украшены рѣзьбой съ качающимся на крышѣ флюгеромъ; при домѣ небольшой палисадникъ улицы и дворы вычищены, выметены, и вообще положеніе и обстановка города какъ-то дышетъ миловидною простотой.

Съ прибытіемъ войскъ, городъ оживился и закипѣлъ дѣятельностью; небольшія улицы были запружены массой солдатъ, которые скупили себѣ все необходимое къ походу: рубашки, сапоги, шила, дратву, нитки и прочую мелочь. Покупая товаръ у Румыкъ, нашему солдату не мало

стоило труда освоиться со значеніемъ и родомъ румынскихъ монетъ, еще впервые имъ видѣнныхъ за границей. Еще франки или леи онъ полагалъ хорошо и скоро, но бани окончательно сбивали его съ толку.

„Чудныя какія-то названія говоритъ, онъ. Бани вдругъ! Чтѣ за бани такія? Фу, ты пропасть!“ Но существовавшій тогда курсъ бумажнаго рубля цѣнностью въ $2\frac{1}{2}$ фр. или $62\frac{1}{4}$ коп. на золото сначала былъ ему окончательно непонятенъ. „Какъ? говоритъ солдатъ, чтобы нашъ русскій рубль да ходилъ за $62\frac{1}{4}$ копѣйки! Этого не можетъ быть, это Румыны насъ надуваютъ.“ Вслѣдствіе всего этого вы всегда легко могли быть зрителемъ довольно смѣшной картины когда солдатъ нашъ, купившій напримѣръ товаръ у Еврея, расплачивается съ нимъ.

— Сколько тебѣ, Жидъ, слѣдуетъ? спрашиваетъ солдатъ Еврея, у котораго онъ купилъ товаръ.

— Три бани за слищцаницу; да семь бани за нитки и дратвы, да франкъ и пять бани за позынды.

— Сколько же это выйдетъ?

— Три бани, да семь бани — десять бани, да франкъ и пять бани — два франка и пять бани, итого два и шлоловиной франка.

— Ну, ханковъ вашихъ у меня нѣтъ, а есть русскія деньги. На вотъ возьми рубль и давай сдачи!..

— Цаво шдачи? Ойвей! Бозе сохрани шдачи! замоталъ руками Жидъ, вопросительно смотря на солдата.

— Да ты чтѣ же купецъ, шутя или взаправду говоришь такъ?

— Я по курсу беру, курсъ бумажнаго рубля — два шлоловиною франка.

— Съ тебя тридцать копѣекъ слѣдуетъ сдачи, полагъ ты или нѣтъ?

— Ладно, шдачи! На томъ свити полуцышь, говоритъ Жидъ, отворачиваясь отъ него въ сторону.

Солдатъ набрасывается на Еврея, хватая его за плечи; тутъ неизбежно послѣдовала бы потасовка, когда бы не подвернулся другой знающій солдатъ, объяснившій первому въ чемъ тутъ дѣло.

Солдатъ глубоко вздохнетъ, смутно понимая чтѣ толковалъ ему товарищъ, и отходить отъ Жида прочь выругавшись непремѣнно.

Бывали тоже случаи, но только рѣдко, что нѣкоторые купцы въ Румыніи не охотно брали наши бумажныя деньги, позволяя себѣ смѣяться надъ ними. Такой казусъ случился съ однимъ изъ нашихъ солдатъ въ Букурештѣ, когда тотъ, взявъ у купца товаръ, хотѣлъ расплатиться нашими деньгами. Торговецъ взялъ деньги и началъ гаумиться надъ ними.

Такое непочтительное отношеніе къ русскимъ бумажкамъ оскорбляло патріотизмъ солдата и сильно взорвало его; онъ размахнулся и хватилъ купца. Вышло цѣлое дѣло, которое, какъ я слышалъ, окончилось въ пользу солдата.

Перваго мая мы тронулись изъ Фальчи далѣе въ путь. Дожди которые такъ сильно досаждали намъ до Прута за Прутомъ прекратились; ихъ замѣнилъ солнечный зной и тяжелый удущившій жаръ южнаго неба. По счастью дороги здѣсь были хорошія, подъемы съ крутыми обрывами въ сторону почти не встрѣчались, только мѣстами попадались низменные луговины съ которыхъ не успѣла еще сойти вода отъ весеннихъ разливовъ; изрѣдка были также крутые, длинныя спуски, изъ нихъ я помню одинъ тянувшійся чуть ли не на двѣ версты протяженія. При подобныхъ спускахъ на долю артиллеріи всегда выпадаетъ не мало трудовъ и возни пока успѣетъ спуститься вся батарея. Здѣсь требуется особенная ловкость и умѣніе отъ коренныхъ и ящичныхъ ѣздовыхъ, особенно если лошади въ батареяхъ недостаточно выѣзжены. Въ такихъ случаяхъ уставомъ требуется тормозить орудія имѣющимся при нихъ канатомъ, а при ящикахъ и обозахъ желѣзными тормозами; но при крутомъ спускѣ все это мало помогаетъ, и при горячей не выѣзженной лошади и неумѣіи ѣздоваго править, орудіе или ящикъ неизбежно постигаетъ такое же несчастіе какъ крыловскій обозъ съ горшками, который на диво всемъ хотѣла лихо спустить ретивая лошадь. Въ такихъ случаяхъ кромѣ тормозовъ часть людей подходятъ обыкновенно къ подручнымъ лошадямъ и берутъ ихъ за поводья, а часть — къ дышлу орудія, подымающагося вверхъ, и помогаютъ спуску.

Солдату, особенно пѣхотному, и за Прутомъ было нисколько не легче идти какъ и до Фальчи; измѣнилась только причина страданій: прежде ему досаждали дожди, размывавшіе

дороги, и гористая, неровная мѣстность; теперь жгучіе лучи солнца и удушливый жаръ съ тѣкою пылью, захватывавшею дыханіе, застилавшю глаза, ротъ, носъ и уши слюмою земли и пыли.

Физическое страданіе солдата было ужасно. Вы видите бывало предъ собою колонну; вначалѣ всѣ идутъ бодро и весело; разговариваютъ и смѣются, глухое эхо носится въ воздухѣ, идутъ обыкновеннымъ аршиннымъ шагомъ. Но вотъ время подходитъ къ полудню; жаръ увеличивается, удушливый вѣтеръ пронзительно свиститъ, подымается сухая и жгучая пыль—говоръ въ колоннѣ постепенно смолкаетъ и наконецъ исчезаетъ совсѣмъ. Чѣмъ дальше тѣмъ шагъ колонны постепенно мельчаетъ; часто слышется глубокіе и долгіе вздохи; съ наветренной стороны солдатъ закрываетъ лицо свое платкомъ или тряпкой, но это мало помогаетъ. Жаръ лезетъ его все также, пыль забирается въ отверстія тѣла, волосы принимаютъ пепельный оттѣнокъ, его томить сильная жажда. Онъ идетъ и качается; стволъ ружья опускается ниже, грузный рюкзакъ съ лампочнымъ холстомъ и танцевымъ инструментомъ тянетъ его назадъ, онъ вынужденъ нагнуться впередъ, сдавливая такимъ образомъ надчревную полость; а грудная кѣтка въ сильныхъ тискахъ отъ поперечнаго и боковаго ремней ранца.

Онъ идетъ и смотритъ вѣтъ ли воды гдѣ, но воды вѣтъ; жажда между тѣмъ томитъ его; собравъ послѣднія силы онъ подается еще версты на двѣ, продолжая глазами отыскивать воду; воды опять вѣтъ; но вотъ онъ видитъ грязную лужу, съ поверхности покрытую зеленою плесенью, отъ лужи несетъ зловоніемъ; онъ съ яростью кидается въ ровъ, и припадая жадно втягиваетъ жидкость.

Съ каждымъ шагомъ впередъ картина мѣняется: колонна растягивается шире, шагъ укорачивается; люди начинаютъ постепенно отставать, и слабѣйшіе падаютъ все тише и тише; наконецъ одинъ останавливается, дико смотритъ вокругъ, дѣлаетъ отчаянный жестъ рукой, зашатается и грохнется о землю.

Прибѣжить фельдшеръ, послѣшно обнажить грудь, раскроетъ животъ, сниметъ сапоги, вспрыснетъ водой или натретъ лобъ и виски спиртомъ. Солдатъ лежитъ безъ движенія; грудь его тяжело подымается, крупная капля

нога орочають лицо, все черное отъ грязи и пыли; зрачки расширились, подавшись впередъ; рубашка вся мокрая, покрытая пылью, и на ногахъ большіе, синіе, съ темною каймой нарывы залекшіеся кровью—свидѣнія трудовой и суровой жизни въ походѣ. Прейдетъ время, онъ скоро очнется, подымется на ноги, засмѣется какъ бы сконфузясь чего-то, взвалитъ опять добро свое на плечи и съ тою же мукой снова идетъ куда лежить его путь.

Черезъ каждыя пятнадцать или двадцать верстъ отъ Фальчи до Галаца попадались намъ молдаванскія деревни, гдѣ жители встрѣчали войска далеко не съ радушіемъ. Всѣдствие ли незнанія русскаго языка, или по какой иной причинѣ, но только крестьяне даже неохотно вступали въ разговоръ съ нашимъ солдатомъ. На всякое пріятливое обращеніе намъ отвѣчали вѣчнымъ своимъ „нушти“, не знаю. Достать въ деревняхъ что-либо съѣстное рѣдко когда удавалось, что объясняется значительнымъ налымвомъ войскъ, уничтожавшихъ въ селеніяхъ все что было съѣдобнаго.

При незнаніи молдаванскаго языка намъ приходилось запоминать нѣкоторыя фразы и слова которыми можно было спросить важнѣйшіе предметы необходимые въ повседневной жизни. Солдату должностному, какъ напримѣръ фуражиру, артельщику, калтеноармусу, приходилось немало прилагать труда и терпѣнія пока онъ успѣвалъ разъяснить Молдаванину на губахъ и пальцахъ что ему отъ него нужно. При такихъ условіяхъ вести, напримѣръ, фуражиру торгъ на счетъ сѣна или овса было сущемо мукой. Дѣло доходило чуть не до ссоръ. „Нушти!“ отвѣчаетъ Молдаванинъ, да и баста. Жители нѣкоторыхъ деревень, какъ напримѣръ Оамче, если не сказать зажиточны, то по крайней мѣрѣ безбѣдны. Хата снаружи аккуратно выбѣлена и обнесена впереди деревянною рѣшеткой. Дворы чистые, по нимъ ходитъ всевозможная домашняя птица, тутъ же въ стойлахъ по нѣскольку лошадей, кромѣ того у каждаго въ достаточномъ числѣ рогаый скотъ, а также свиньи, овцы, и т. п. Внутренность избы вполне гармонизируетъ съ ея внѣшностью; вы входите въ нее: васъ прежде всего поражаетъ безусловная чистота пола, стѣнъ, скамеекъ, оконъ и потолка. По стѣнамъ развѣшены образа, на окнахъ кисейныя узорчатыя занавѣски, а на деревянной кровати (видане ли это у насъ?)

огромная луговая перина съ двумя простынями, покрытая чистымъ ватымъ одеяломъ, поверхъ котораго четыре или пять луговыхъ подушекъ, съ наволочками замѣчательной бѣлизны. Столы убраны цвѣтною скатертью, а на скамейкахъ ковры доморощеннаго издѣлія. Въ сторонѣ избы, въ углу стоитъ печь вымазанная мѣломъ, домашняя утварь аккуратно сложена на полкахъ и занавѣшена бумазёйною матеріей.

Числа пятого или шестаго мая эшелонъ нашъ прибылъ въ Галацъ. Галацъ торговый и красивый по мѣстоположенію городъ. Дома по большей части каменные, улицы мощеныя булыжникомъ и плитами. Преобладающій языкъ послѣ румынскаго исключительно французскій, на которомъ здѣсь можетъ объясняться чуть не каждый лавочникъ. Въ Галацѣ офицерство за дорогую цѣну покупало необходимое къ походу; союзники не щадили нашихъ кармановъ. Все румынское драго и тянуло съ Русскихъ что только было возможно. Независимость, которую Румынія объявила съ переходомъ русскихъ войскъ за границу, нисколько не ставилась въ заслугу нашей арміи, и наши войска не видѣли даже малой доли уваженія и признательности, которыя слѣдовали бы имъ по праву, какъ освободителямъ Румынской націи. На всемъ протяженіи румынской территоріи, отъ Прута до Букурешта и даже до Дуная, солдаты нашъ не встрѣчалъ отъ Румынъ радужнаго пріема и гостепріимства. Всюду смотрѣли на него какъ-то недружелюбно и искоса, всюду сторонились, всюду старались отъ него освободиться, ни мало не уважая даже законнѣйшія его требованія, какъ на примѣръ по части расквартированія войскъ и вообще лостойной повинности.

Граждане Галаца, Браилова и Букурешта не считали даже своею обязанностью встрѣтить войска съ хлѣбомъ и солью, какъ то принято по русскому обычаю; впрочемъ говорятъ, да къ тому же еще и рисуютъ у насъ на картинкахъ будто нашимъ казакамъ такое радушіе было оказано въ Галацѣ; можетъ-быть, я съ этимъ не спору, но только къ себѣ лично мы ничего подобнаго не видѣли. Межъ тѣмъ городу ничего не стоило выставить нѣсколько бочекъ вина и дать каждому солдату по рюмкѣ. Это навѣрно ихъ не разорило бы, но зато выразило бы многое. Я не хочу сказать этимъ чтобы

солдаты нашъ нуждался въ рюмкѣ румынскаго вина, онъ пилъ казенную водку въ количествѣ совершенно для него достаточномъ, но подобнымъ вниманіемъ къ простому русскому человѣку, Румыны всегда надлежащимъ образомъ выразили бы свою признательность и то что они цѣнятъ заслуги и труды его. Съ Галаца луть лежалъ на Браиловъ: здѣсь скоро мы перешли рѣку Сереть; это притокъ Дуная и чрезвычайно быстрая теченіемъ рѣка. Она не широка; мостъ переброшенный черезъ нее, мы перешли благополучно, хотя въ послѣдствіи съ местомъ этимъ при слѣдованіи 10го эшелона случился казусъ; его разорвало теченіемъ, и эшелонъ задержанъ былъ на нѣсколько дней.

Браиловъ изъ лучшихъ городовъ Румыніи, но по богатству и роскоши далеко уступаетъ Галацу. Прибывшія сюда войска расположились въ виду города бивакомъ; тутъ впервые мы узнали подробности о взрывѣ турецкаго монитора *Лютфи-Джамиль*, о которомъ еще за нѣсколько переходовъ до Браилова до насъ доходили слухи.

Съ браиловской батареи намъ показывали мѣсто Дуная гдѣ случилась катастрофа. Все это очень насъ радовало, и успѣхи наши съ первыхъ дней войны сильно возвышали духъ войскъ, неустержимо желавшихъ начать поскорѣе дѣло съ Турками. Съ Браилова по маршруту мы должны были идти на Букурештъ, черезъ различныя мѣстечки и села, всего на протяженіи 160 верстъ. Дороги на этомъ пространствѣ были ровныя, безъ большихъ подъёмовъ и спусковъ что, конечно, значительно облегчало движеніе и не такъ утомляло войска; жары не уменьшались, только изрѣдка шедшіе дожди немного умѣряли сухость и духоту воздуха, но за то портили дорогу, что впрочемъ на ровной мѣстности не особенно еще обременяло войска. При двухъ крайностяхъ для солдата лучше дождь чѣмъ жаръ который въ походѣ всегда переносится труднѣе.

Какъ разъ на среднѣхъ пути, между Браиловымъ и Букурештомъ, въ деревнѣ Метелеу, 12го мая, въ моей службѣ произошла большая перемѣна: по волѣ начальства я былъ переведенъ въ 3ю батарею той же бригады. Я получилъ предписаніе ждать здѣсь прибытія 10го эшелона, въ которомъ слѣдовала означенная батарея. По разчету времени, батарея эта должна была прибыть въ деревню Метелеу

черезъ два дня послѣ ухода изъ нея нашего 8го эшелона, но печальное событіе съ мостомъ на рѣкѣ Серетѣ, какъ я уже замѣтилъ выше, задержало движеніе этого эшелона на нѣсколько сутокъ. Я конечно тогда ничего объ этомъ не зналъ и по истеченіи двухъ сутокъ, сидя одинъ въ деревнѣ Метелеу окончательно терялся въ догадкахъ и предположеніяхъ что бы все это значило что эшелонъ не прибылъ сюда къ 15му мая. Продавъ еще двое сутокъ, я рѣшился нагнать 9й эшелонъ, который на одинъ переходъ шелъ сзади 8го. Здѣсь я пристроился къ одной изъ батарей и вмѣстѣ съ нею прослѣдовалъ до Букурешта, куда я прибылъ 16го мая. Черезъ четыре дня въ Букурештѣ пришла 3я батарея.

Букурештъ—столица Валахіи и лучший городъ Румыніи. Въ немъ до 180.000 жителей. Онъ стоитъ въ 40 верстахъ отъ Дуная, если считать по прямому направленію. Городъ изрѣзанъ конно-желѣзными дорогами, въ немъ драматическій театръ, всевозможныя кафаны, гостиницы, chateaux de fleurs и всякая всячина, которая вездѣ и всюду въ столицахъ. Безъ сомнѣнія, все это страшно обогащалось русскими золотомъ. Цѣны на все назначались неслыханныя, напримѣръ: за комнату въ сутки съ меня взяли 16 франковъ или 4 рубля, что составляетъ на бумажки 6 рублей 40 копѣекъ считая полумперіалъ по 8 рублей. Скромный обѣдъ изъ трехъ блюдъ въ ресторанѣ: супъ, котлеты и пирожное со стаканомъ краснаго вина стоили до 2 рублей на золото или 3 рубля 20 копѣекъ на бумажки.

Въ Букурештѣ до насъ дошли куріозныя извѣстія туркофильскихъ газетъ о разбитіи Турками нашей 14й дивизіи и четырехъ казачьихъ полковъ. Подобныя неистинности печатались, конечно, съ злонамѣренною цѣлю, увидѣть достоинство Россіи и выказать безсиліе русской арміи; знакомые съ направленіемъ газетъ подобнаго рода, мы натурально не вѣрили этому; Всѣ военныя операціи со стороны нашей арміи ограничивались тогда взрывомъ съ браиловской батареи турецкаго монитора, сухопутныя же войска къ тому времени нигдѣ еще не имѣли дѣла съ Турками. 14я дивизія стояла тогда въ Журжевѣ, подъ самымъ Дунаемъ, въ виду грозныхъ стѣнъ Рущука.

Наша 3я батарея, на слѣдующій день по прибытіи въ Букурештъ, должна была идти въ деревню Жуляву. Жулява

лежить въ 10ти верстахъ южнѣе отъ Букурешта. Это маленькая и бѣдная деревенька, заброшенная въ обширныхъ степяхъ придунайской равнины. Лѣтсомъ по близости не было, почему жары стоявшіе въ то время дѣлали атмосферу невыносимо удушающею; въ воздухѣ просто парило, и отъ зноя некуда было скрыться. Въ Жулявѣ сосредоточилось нѣсколько батарей, были тутъ также полевая канцелярія, интендантства и полевое почтовое отдѣленіе нашего восьмага корпуса.

Въ Жулявѣ мы простояли болѣе двухъ недѣль, со дня на день ожидая дальнѣйшихъ приказаній; этимъ временемъ офицеры пользовались и ѣздили въ Букурештъ.

Какъ ни многочисленна была русская армія, но въ Букурештѣ и его предѣлахъ къ тому времени не было войскъ, всѣ они размѣщались выше и по берегу Дуная, что было необходимо съ цѣлю замаскировать численность ихъ, а равно и движеніе арміи готовившейся къ переправѣ. Предстояла трудная задача ввести непріателя въ заблужденіе касательно выбраннаго пункта переправы. Его Императорское Высочество Главнокомандующій такимъ пунктомъ выбралъ Систово, о чемъ и сообщилъ только одному корпусному командиру 8го армейскаго корпуса.

Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца командиръ батареи получилъ приказаніе двинуться съ батареей въ деревню Кукуруцу (кажется такъ). Благословясь, мы тронулись. Сначала путь лежалъ по шоссе, но скоро мы свернули въ сторону и проселочными дорогами тайно и безъ шума подвигались къ деревнѣ. Куда мы шли и гдѣ былъ конечный пунктъ нашего шествія—никто ничего объ этомъ не зналъ; мы знали только что идемъ въ такую-то деревню въ этой деревнѣ получали новое приказаніе идти къ слѣдующей и такимъ образомъ чрезъ нѣсколько сутокъ неожиданно - негаданно очутились въ Зимницѣ. Все это вѣроятно дѣлалось съ цѣлю обить съ толку турецкихъ лазутчиковъ, которые въ это время роємъ шныряли повсюду.

Въ послѣдней деревнѣ предъ Зимницею командующій 14ю дивизіей генералъ-майоръ (теперь генералъ-лейтенантъ) Драгомировъ объѣзжалъ верхомъ войска своей дивизіи, напоминая имъ присягу и долгъ службы. Солдаты бѣжали вслѣдъ за генераломъ и кричали ура! Въ сторонѣ стояла группа офицеровъ, къ которой случайно примкнулъ и я, идѣ въ

штабъ дивизіи за выпиской приказанія. Генералъ подѣхалъ и остановился предъ нами; онъ былъ сильно разстроганъ, сказалъ нѣсколько словъ, перекрестилъ и уѣхалъ сейчасъ же. Я, догадавшись что переправѣ вѣроятно предстоитъ быть въ Зимницѣ. Мои предположенія оправдались когда 14 часа въ полдень командиръ батареи объявилъ намъ что сегодншняго числа, къ 12 часамъ ночи, батарея нашей приказано занять позицію на берегу Дуная, напротивъ деревни Варденъ.

Былъ одиннадцатый часъ въ началѣ. Жители Зимницы спали глубокимъ сномъ; на улицахъ тускло мерцали фонари и видѣ не видно было прохожихъ. Луна медленно выдвигалась изъ-за черныхъ облакъ, слабо освѣщая земаю. Длинною колонной стояла батарея вдоль улицы. Гробовая тишина царяла кругомъ; солдаты стояли у орудій, но временами слышались глубокіе вздохи; осѣняя себя крестомъ, нѣмнго тихо читали молитву; всякій припоминалъ свое прошлое, мысленно прощаясь съ семьей и отчизной; впервые вступая въ бой, каждый готовился ко смерти. Но вотъ все разомъ какъ будто очнулось.

— Шагомъ маршъ! раздалась команда.

Солдаты перекрестились и батарея тронулась на позицію

IV.

Отъ Зимницы до мѣста позиціи батареи предстояло пройти пять верстъ. Крутою дорогою, мы спустились въ низменную часть долины и дошли до перваго повтожнаго моста; такихъ небольшихъ мостовъ мы на своемъ пути встрѣчали нѣсколько, всѣ они переброшены были черезъ мелкіе рукава Дуная или черезъ толкія мѣста, съ которыхъ не успѣла сойти вода отъ разливовъ. У перваго моста стояли саперные офицеры и сѣдили чтобы при движеніи по мосту батарей, послѣднія брали бы должный интервалъ между орудіями и ящиками, что было необходимо при достаточной длинѣ моста и малой подъемной силѣ повтона. Скоро мы миновали всѣ мосты и приблизились къ берегу самаго Дуная; круто свернувъ направо, мы шли далѣе по берегу острова на позицію.

Тѣмъ временемъ по всему берегу, предъ Систовымъ, кипѣла оживленная дѣятельность: спускались въ воду

понтонны, чинились неисправные, войска строились и разсортывывались по понтонамъ.

Тишина царила кругомъ, не слышно было говора, только рѣдкіе удары молота, да стукъ колесъ отъ проходящихъ батарей изрѣдка нарушали молчаніе.

— Кто тамъ? Тихе! шепотомъ относилось замѣчаніе къ солдату, который увлекшись колотилъ молотомъ по понтону.

— Тихе, сатана! болѣе громче раздавалось замѣчаніе того же, когда солдатъ, не дослышавъ, съ такимъ же усердіемъ продолжалъ свою операцію. За послѣднимъ возгласомъ стукъ умолкалъ, тишина водворялась и только въ воздухѣ слышался еще глухой шумъ отъ уходившей въ даль батареи.

Въ часъ переправы ночь была темная; по небу ходили густыя, черныя тучи, изъ-за которыхъ луна таинственно выказывала свою половину; значительный вѣтеръ шелестилъ по деревьямъ и вздымалъ волны Дуная, которыя съ шумомъ ударялись о берегъ рѣки; что-то зловѣщее слышалось въ этомъ шумѣ, въ этомъ глухомъ раскатѣ волнъ... Черною массой представлялся глазамъ непріятельскій берегъ; скраденный шириною Дуная, онъ казался намъ близкимъ. На немъ все было покойно, нигдѣ не обнаруживалось движенія войскъ или тревоги: скованные безмятежнымъ сномъ, они спали близъ деревни Варденъ, расположившись тутъ лагеремъ. Подъ прикрытіемъ баталіона Брявскаго полка, съ покойною отвагой подвигалась наша батарея къ позиціи. Мы шли по дорогѣ скрытой съ обѣихъ сторонъ лѣсомъ, шли тихо и медленно, безпрерывно оставаясь: толкій грунтъ дороги и ночная темнота тормозили движеніе ящиковъ которые безъ крика и шума приходилось часто вытаскивать изъ болота. Близость непріятельскаго берега вынуждала быть осторожнѣе изъ опасенія вслѣдствіе войска.

Было около часа ночи когда батарея прибыла на позицію. Здѣсь встрѣтилъ насъ офицеръ и указалъ мѣста гдѣ надлежало поставить орудія. Онъ очень торопился ухватить обратнo съ донесеніемъ что батарея прибыла и стоитъ уже на позиціи, почему и просилъ операцію разстановки орудій кончить скорѣе.

Позиція была надъ самымъ берегомъ Дуная, сзади протекалъ лѣсъ который тянулся въ глубь на значительное

протяженіе; почва была болотистая, такъ что нога въ въ-
которыхъ мѣстахъ уходила по колено. Прежде всего пре-
стояло скрыть въ лѣсу передки и зарядные ящики и по-
ставить ихъ въ мѣста наиболѣе безопасныя отъ непріятель-
скихъ выстрѣловъ, иначе граната попавшая въ ящикъ при-
несетъ батареѣ много бѣды и несчастія. Въ ящики помѣ-
щается болѣе двухъ съ половиною пудовъ пороха, считая
всѣхъ въ однихъ только зарядахъ. Кое-какъ, съ большими
усиліями, ящики втащили въ лѣсъ и скрытно поставили въ
сторонѣ отъ орудій. Орудія размѣстили по опушкѣ лѣса,
прикрывъ тѣла ихъ вѣтвями и листьями, что дѣлалось съ
цѣлю удалить отъ металла солнечное отраженіе свѣта, ко-
торое на большихъ даже дистанціяхъ выдаетъ присутствіе
орудія въ данномъ мѣстѣ и тѣмъ даетъ непріятелю возмож-
ность пристрѣляться къ батарее скоро и мѣтко.

По бокамъ орудія прислуга на скорую руку вырыла се-
бѣ небольшіе ровики. Орудія были заряжены обыкновен-
ною гранатой; словомъ, къ половинѣ второго ночи батарея
была готова къ бою.

Открывать огонь было не приказано, пока не начнутъ
стрѣльбу Турки.

Мы всѣ стояли и ждали начала дѣла.

Какое-то странное, еще невѣдомое ощущеніе наполняло
душу за нѣсколько минутъ до боя.

На рубежѣ жизни и смерти, въ моей памяти воскре-
сали различные образы далекаго прошлаго. Мнѣ рисова-
лось мое мѣдѣчество, со всею его веселою безмятеж-
ностью; представлялась бѣдная деревенька, ея зеленые луга
и равнины, на которыхъ въ бывшее, старое время я такъ
беззаботно шалилъ и рѣзвился. Мнѣ чудилась моя ста-
рушка мать, которой мысль несется на берега Дуная, къ
ея любимому сыну; она вся поглощена своей мечтой, сердце
ея чувствуетъ что-то недоброе, она ждетъ роковаго письма.
Я думалъ о нашихъ войскахъ, которыя вотъ те-
перь должны сѣсть на понтоны и переправиться на не-
пріятельскій берегъ. Что если переправа не удастся?
Что если Турки отобьютъ штурмъ? Сколько будетъ
тогда жертвъ и безцѣльной потери. Я ощущалъ уси-
ленное сердцебиеніе, холодный потъ выступалъ на лбу; я
сильно сдвигал виски руками и медленно опустился на за-
фетъ.

Тѣмъ временемъ тихе и безъ суеты, ровно въ часъ ночи, отвалилъ отъ берега первый рейсъ войскъ и направился къ устью ручья Текиръ-Дере. Эшелонъ этотъ, подъ начальствомъ полковника Родіонова, состоялъ изъ одиннадцати ротъ Волинскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго полка, сотни пластуновъ, полусотни Донскаго казачьяго № 23 полка и № 2й горной батареи.

Волненіе на Дунаѣ стало усиливаться. За темнотою ночи, а также вслѣдствіе сильнаго теченія, затруднявшаго подходъ къ берегу, нѣкоторые лантоны были свесены на версту и болѣе выше, другіе же прибиты были къ берегу выше предположеннаго мѣста, и только нѣсколько лантоновъ подошли къ самому устью Текиръ-Дере.

Это былъ роковой моментъ; славшіе до этого времени Турки проснулись. На непріятельскомъ берегу въ караульных домахъ появилось вдругъ зарево свѣта, которое, постоянно увеличиваясь, приняло огромные размѣры. Турки всполошились и загалдѣли: Аллахъ, аллахъ!

Я поднялся съ лафета, подошелъ къ Дунаю, смочилъ водою распаленную голову, освѣжился и приказалъ людямъ стать по мѣстамъ.

Вскорѣ огоньки отъ ружейныхъ выстрѣловъ забѣгали на противоположномъ берегу. Эти выстрѣлы въ упоръ клали на смерть солдатъ и офицеровъ перваго рейса.

Первый разъ въ жизни переживали мы такую страшную минуту. Чувство ужаса и жалости къ цѣлой массѣ погибающихъ сдавило грудь и ослабило сердцебіеніе.

Было около двухъ часовъ ночи, когда съ нашей стороны грянулъ первый орудійный выстрѣлъ въ непріятельскихъ стрѣлковъ; выстрѣлъ посланъ былъ отъ 2й батареи 9й артиллерійской бригады, которая стояла рядомъ лѣвѣ насъ. Всѣ мы перекрестились, выжидая отвѣта и въ этомъ ожиданіи было что-то роковое и величественное!

Прошло минутъ десять какъ показался на той сторонѣ бѣлый, все разрастающійся клубъ дыма.

— Выстрѣлъ! Въ насъ... крикнулъ кто то.

Вскорѣ въ воздухѣ слышалось шипѣнье, сначала тихое, затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе, переходившее въ ревъ;

надъ нашими головами пронеслась непріятельская граната и гдѣ-то съ шумомъ полнула назадъ; глухое эхо отъ разрыва раздалось въ лѣсу.

Это былъ первый за кампанію въ насъ выстрѣлъ. Всѣ мы опять перекрестились и какъ бы замерли на мѣстѣ. У всѣхъ на лицахъ обрисовалось такое выраженіе какъ бы каждый хотѣлъ спросить другаго: „А что, слышалъ гранату?“ Но такое состояніе длилось всего съ минутой. Мы съ жаромъ и съ какою-то злобостью принялись за работу и стали энергически отвѣчать турецкой батареей.

Завязалась сильная канонада. Вторая непріятельская граната легла опять позади, но значительно ближе къ намъ. Турки постепенно обдѣлывали выстрѣлы. Третья граната шлепнулась впереди насъ и съ силой ударилась въ воду. Насъ обдало брызгами.

— Ишь, чортова сила, валить какъ! говоритъ солдатъ, обтирая обрызганное лицо шинелью.

— Теперь подготовься, ребята; должно уже дернуть въ самую батарею. Пристрѣлялся, ахъаема! говоритъ фейерверкеръ, ободрая солдатъ.

— Да что готовится-то Семейъ Олуффричъ!? Мы давно готовы: убьетъ—ужь дѣло наше такое, отвѣчаетъ ему бомбардиръ.

— Вотъ она, вотъ она, голубушка, прямо претъ къ намъ въ гости, закричалъ канониръ, отыскивая въ воздухѣ глазами гранату.

Слышится свистъ и ужасное шипѣнье; граната падаетъ близъ ящика и съ силою разрывается.

— Такъ и есть! отчеканиваетъ фейерверкеръ, глядя на мѣсто разрыва, гдѣ мелкими струйками подымался вверхъ дымокъ и были видны слѣды обожженной травы на днѣ глубокой выбоины.

— Берегись! Легитъ другая, предупреждаетъ кто-то.

Другая падаетъ сзади и у самого орудія; солдатъ-наводчикъ, стоявшій тутъ, отъ удара волной воздуха падаетъ затылкомъ на землю; въ баталіонѣ Брянскаго полка произошло замѣшательство.

— Что тамъ такое? интересуется артиллеристъ, спрашивая пѣхотныхъ.

— Убило! слышится голосъ.

При звукѣ „убило“ меня передернуло. Я подошелъ къ убитому и сейчасъ же отворотился. Это былъ первый видѣнный мною убитый, — фельдшеръ Брянскаго полка. Оазъ убитъ былъ наповалъ, безъ страданій: осколкомъ гранаты ему раскрыло грудную клетку.

Какъ ни сильно былъ изуродованъ трупъ, я тутъ же подумалъ: если суждено мнѣ умереть, такъ ужъ лучше какъ этотъ фельдшеръ; по крайней мѣрѣ безъ мукъ и страданій.

— А ты чего растянулся? спрашиваетъ фейерверкеръ наводчика, который приподымаясь съ земли отыскивалъ свое кели.

— Сшибло съ ногъ, Семенъ Олуфричъ, говоритъ онъ.— Обдало малость, что-то въ боку побаливаетъ.

— Ничего, пройдетъ! утѣшаетъ Семенъ Олуфричъ.

— Поди къ рѣкѣ, да промойся, а то вишь опалило какъ, говоритъ наводчику приземистый солдатъ, становясь на его мѣсто.

Наводчикъ подходитъ къ Дунаю и моетъ лицо водою.

Межь тѣмъ канонада усиливается; Турки безпощадно громятъ батарею; но артиллеристамъ море по колено: каждый изъ нихъ дѣлаетъ свое дѣло и нѣтъ ужъ имъ теперь заботы, куда и какъ ложатся чужія гранаты. Впереди трескаетъ, назади разорвется, шлепнется почти у самыхъ ногъ. „Ладно, алаяема, не попадешь!“ отвѣчаютъ они, продолжая свою работу.

Къ турецкой батарее въскорѣ примкаулъ пароходъ и началъ громить насъ съ фланга. Задача нашихъ двухъ батарей состояла въ томъ чтобы привлекая на себя огонь турецкой батареи, этимъ самымъ отвлечь ея вниманіе отъ мѣста переправы. Кроме того, при штурмѣ высотъ гвардейскимъ отрядомъ и ротами Волынскаго и Милскаго пѣхотныхъ полковъ, вмѣнялось намъ въ обязанность оказать имъ дѣятельную помощь. Задача эта была исполнена нами лихо и со славой.

Съ каждымъ часомъ канонада усиливалась: Турки османили насъ кучею свинца и чугуна.

— Ишь жарить какъ! Должно озябла! замѣчаетъ ящичный вожатый подходя къ орудію. Какъ бы не ударило въ ящикъ, ужъ больно близко рветъ.

Пришлось ящикъ сдвинуть подальше и въ сторону отъ опаснаго мѣста.

— Да никакъ Турки заломъ уже бить начали, произнесъ нумеръ съ сумей изъ-подъ руки глядя на непріятельскую батарею.

— Оно и вправду такъ! отвѣчаетъ наводчикъ, всматриваясь туда же.

Дѣйствительно, широкій клубъ дыма поднялся надъ батареей и вскорѣ три гранаты съ шумомъ влетѣли въ центръ нашего расположенія. Послѣдовалъ единовременный разрывъ. Въ баталіонѣ Бранскаго полка опять произошло замѣшательство.

— Что такое? спрашиваютъ наши.

— Равило! раздается отвѣтъ.

— Все лѣхотныхъ быють! сказалъ кто-то.

— И что за неучи подумашь эти Турки! Мы ихъ колодимъ, а они на лѣхоту и рады что быють кого не слѣдъ.

— Засвѣти-ка ему за то, Романъ, въ самую морду, говоритъ строевой съ банникомъ обращаясь къ наводчику.

Наводчикъ всячески старается тщательно навести орудіе. Происходитъ выстрѣлъ. Дѣйствительно, засвѣтилъ, потому что послѣ выстрѣла одно непріятельское орудіе умолкло совсѣмъ.

Въ жаркой канонадѣ мы и не замѣтили какъ разсвѣло совсѣмъ. Нѣсколько рейсовъ переправилось уже на ту сторону Дуная, добывая каждый клочокъ земли потоками крови. Но несмотря на страшный огонь, почти въ упоръ, и на то что противъ каждого нашего бойца приходилось по десятку враговъ, Волынскія роты взбирались на отвѣсный берегъ, прикладомъ и штыкомъ копая ступеньки по которымъ всходили на всѣхъ, штыками прочищали дорогу.

Много повтоновъ было прострѣлено и одинъ паромъ съ двумя горными орудіями былъ лущенъ ко дну; причемъ командиръ 2й горной батареи полковникъ Стрѣльбидскій, штабсъ-капитанъ Кобіевъ, подлоручикъ Тюрбертъ и 19гъ артиллерійскихъ солдатъ нашли славную смерть въ волнахъ Дуная. Нѣкоторые повтоны теченіемъ сносило близъ берега и одинъ изъ нихъ отнесло на три версты ниже и прибило къ берегу, какъ разъ у нашей батареи. Въ немъ было только

двое моряковъ; одинъ изъ нихъ былъ безъ рубашки и оба сильно изранены. Артиллеристы окружили ихъ и стали спрашивать. Вотъ что говорилъ одинъ изъ нихъ: „Только что мы, значитъ, начали подплавать къ самому берегу. какъ видимъ съ горы бѣгутъ Турки. Бѣгутъ и кричатъ. Мы взяли дружище и гребемъ что есть мочи, стараюсь причалить скорѣе. Пули такъ и свищутъ, и что ни выстрѣлъ, такъ и кладетъ наповалъ нашихъ, и въ лодкѣ что ни на есть перебили всѣхъ. Остались въ живыхъ вотъ я и товарищъ. Течение въ этомъ мѣстѣ было большое, никакъ съ лодкою вдвоемъ совладать мы не можемъ, а тутъ на бѣду и меня поранили въ руку; кровь такъ и хлыщетъ, товарищъ сорвалъ съ себя рубашку, и говоритъ: дай Трофимъ перевяжу руку, а то изойдетъ кровью. И сталъ мнѣ перевязывать, а Турки-то все жарятъ, да жарятъ по насъ; мнѣ лицо поранили; на грѣхъ и товарища задѣло; свалился онъ въ лодку, да такъ на дѣѣ и остался, кровь бѣжитъ у него, такъ и подливается ею; жалость разобрала меня гляючи на него; я собрался кое-какъ съ силами, порвалъ свою рубашку зубами, да кое-какъ, значитъ, обвертѣлъ его рану холстиной. Только-что привсталъ я съ лодки, вижу, а его течениемъ несетъ къ Туркамъ, да какъ разъ къ караульному ихъ домику. Ахъ, ты грѣхъ какой думаю я, перебьютъ теперь на смерть обоихъ. Что было во мнѣ мочи, взялъ весло и давай грести на супротивную, значитъ, сторону. Богъ что ли хотѣлъ того или гребъ ужъ я сильно, только лодка стала подаваться къ нашему берегу. Турки давай опять бить въ меня съ караулки; убили бы совсѣмъ, да вотъ спасибо вамъ, землячки, помогали родимые, ударили съ орудія въ эту самую караулку. Турки тогда разбѣжались и вотъ я и сплелъ такимъ образомъ. Лодку привнесло къ вамъ.“

Лицо и темя разкащика были сильно поранены, кровь мелкими струйками падала на его грудь, раненая рука была совсѣмъ безъ движенія, но при всемъ томъ онъ разсказывалъ бодро и смѣялся изрядно.

Было около 5 часовъ утра, когда гвардейскій отрядъ и полки Волынскій и Минскій двинулись на штурмъ высотъ расположенныхъ лѣвѣе переправы и къ сторонѣ Рущука.

Батарея наша стала жестоко громить Турокъ во флангъ; послѣдніе не выдержали губительнаго огня и сдали войскамъ нашимъ высоты окаймляющія съ востока устье Текирь-Дере. Къ 6ти или 7ми часамъ утра, Турки настолько были отброшены назадъ отъ берега что высадка дальнѣйшихъ десантовъ могла производиться уже въ выстрѣлахъ отъ непріятельскаго стрѣльцоваго огня. Съ этой минуты можно было приступить къ болѣе систематическому (распредѣленію высаживающихся частей.

Считая дѣло переправы обезпеченнымъ съ восточной стороны, генералъ Драгомировъ рѣшилъ занять главный хребетъ, командующій городомъ Систовымъ. Обязанность эта пала на 2ю бригаду генералъ-майора Петрушевскаго и на стрѣлковую бригаду генералъ-майора Цвѣдннскаго. 2я бригада 14й дивизіи была направлена чрезъ виноградники, причемъ пришлось преодолѣть весьма серіозныя препятствія, въ особенности Подольскому полку, при овладѣніи ближайшимъ предгоріемъ Систовскихъ гмсть. Полку этому оказала помощь наша артиллерія стоявшая на лѣвомъ берегу.

Къ 2 часамъ полудни бригада генералъ-майора Петрушевскаго занимала уже Систовскія высоты и подступы къ этому городу, а въ три часа войска вошли въ городъ, встрѣченныя на пути гражданами города — Болгарами, объявившими что турецкія войска покинули городъ.

Такъ закончился великій день переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай. Всѣ чины войскъ, по отзыву начальника дивизіи, исполнили свой долгъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Было не мало подвиговъ мужества какъ со стороны офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, въ особенности же отличились: Минаскаго полка поручикъ Маторный и Волинскаго полка штабсъ-капитанъ Бряновъ, прапорщикъ Сергѣевъ и горной батареи поручикъ Лихачевъ.

Первымъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ генералу Драгомирову былъ свиты Его Величества генералъ-майоръ Скобелевъ, принимавшій на себя съ полнымъ готовностію всѣ назначенія, не исключая и ординарческихъ, и оказывавшій самое благотворное вліяніе на молодежь своимъ неизменно яснымъ спокойствіемъ.

Рота штабсъ-капитана Брянова, переправившись на тотъ берегъ, пришла на время въ замѣшательство отъ сильнаго стрѣлковаго огня въ упоръ. Бряновъ, желая подбодрить солдатъ кинулся на Турокъ первый, со словами: „Ребята за мной! у! а!“ Рота не подослѣла вовремя на помощь. Турки приняли на штыки храбраго офицера.

Онъ получилъ девять ранъ, восемь были не смертельны, девятая же уложила героя въ могилу, — онъ умеръ на другой день. Когда сильно обезображенаго Брянова принесли на перевязочный пунктъ, то солдаты его роты не узнали его.

— Братцы! сказалъ онъ, это я, Бряновъ. Неужто не узнали? Хотѣлъ подбодрить... кинулся впередъ... да не поддержали вовремя... Турки взяли на штыки... вотъ и поранили сильно. Потомъ-то вы, голубчики, заступились за своего капитана... дали себя знать Туркамъ.

Въ ночь съ 15го на 16е іюня Его Высочество Главнокомандующій перевелъ свою главную квартиру изъ Драчи въ Зимницу. 16го іюня перѣхалъ туда же Государь Императоръ. Около 11ти часовъ утра, Государь становился у госпиталя и пошелъ по палаткамъ навѣстить раненыхъ. Государь благодарилъ людей: „Спасибо вамъ, молодцы!“ „Рады стараться Ваше Императорское Величество“, отвѣчали раненые.

— Богъ съ вами, поправляйтесь!

— Постараемся Ваше Императорское Величество.

— Да ужъ вы кажется постарались! Они говорятъ постараемся, обратился Государь къ окружавшимъ Его лицамъ, а ужъ кажется они постарались!

Государь обойдя госпиталь сѣлъ въ коляску и поѣхалъ на свой бивакъ.

Встрѣтивъ тутъ Государя, Главнокомандующій отправился къ переправѣ. Подойдя къ салерамъ, повтоверамъ и морякамъ, Его Высочество благодарилъ ихъ за героическую полную самоотверженія службу и затѣмъ перѣхалъ на тотъ берегъ. На пристани стояли Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, начальникъ 14й пѣхотной дивизіи генералъ-майоръ Драгомировъ, адъютанты и ординарцы Его Высочества Главнокомандующаго. Свиданіе было трогательное. Во время разговора Его Высочества съ

генераль-майоромъ Драгомировымъ подошла гвардейская рота и стала въ сторонѣ на холму. Генераль-майоръ Драгомировъ просилъ Его Высочество позволить ему поблагодарить людей.

— Честь и слава вамъ, братцы, обратился генераль къ ротѣ, снявъ фуражку, — спасибо вамъ, молодцы! Со-служили вы службу, показали себя! Дѣти вы Русской земли!

Между тѣмъ съ того берега доносились крики ура и звуки музыки. Государь Императоръ съ Цесаревичемъ, Великими Князьями и свитой сѣлъ въ лодку подъ управленіемъ лейтенанта Павлова, съ командой матросовъ съ собственнаго катера Его Величества. На носу лодки развѣвался штандартъ Собственнаго Его Величества конвоя. Великій Князь Главнокомандующій выстроилъ гвардейскую роту на высотахъ вдоль берега и всталъ съ начальникомъ штаба, генераломъ Драгомировымъ и со свитою на флангѣ. Какъ только Государь сталъ подъѣзжать къ Болгарскому берегу, Главнокомандующій снялъ фуражку; грянуло ура; подхватили гвардейская рота и всѣ войска стоявшіе по окрестнымъ высотамъ.

Выйдя изъ лодки Государь обнялъ Его Высочество Главнокомандующаго, пожаловалъ Георгіевскій крестъ 3й степени генералу Драгомирову, затѣмъ подошелъ ко гвардейской ротѣ и благодарилъ ее за молодецкую службу. Потомъ сѣлъ верхомъ и въ сопровожденіи Главнокомандующаго и всей свиты поѣхалъ благодарить войска 14й дивизіи. Солдаты кричали ура и бросали вверхъ шапки. На пути въ Систово встрѣтилъ Государя Императора генераль-лейтенантъ Радецкій, котораго Его Величество пожаловалъ кавалеромъ Георгія 3й степени, а также бригадные командиры Юшнинъ и Петрушевскій, пожалованные тѣмъ же орденомъ 4й степени. При въѣздѣ въ Систово, Государь былъ встрѣченъ жителями и духовенствомъ съ крестомъ и Евангеліемъ.

Государь приложился и приказалъ слѣдовать въ соборъ. Въ соборѣ было пропѣто многолѣтіе. Сюда Его Величество поѣхалъ въ домъ генераль-лейтенанта Радецкого, гдѣ извоилъ принять завтракъ, послѣ чего возвратился въ Зимницу.

17го іюня Его Величеству угодно было принести торжественное Господу Богу благодареніе за дарованную побѣду, причѣмъ провозглашена была и вѣчная память по воинамъ на бранн убійеннымъ. Когда священникъ провозгласилъ „вѣчную память“, Выдаеносный Вождь Русскаго народа первый изъ всѣхъ молившихся сталъ на колѣно и со слезами на глазахъ возносилъ молитвы къ Царю Царей объ улокоеніи Своихъ лавшихъ въ бою воиновъ.

Примѣру Монарха послѣдовали всѣ войска.

Это была торжественная и великая минута!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. П. ГАМУЛЕЦКІЙ.

ЧЕТВЕРТЬ ВЪКА НАЗАДЪ*

XIII.

Репетиція *Синичкина* отошла. На сценѣ не оставалось уже никого, кромѣ режиссера и Вальковскаго отмѣчавшихъ по экземпляру *Гамлета* нужныя для драмы бутефорскія принадлежности. Участвовавшіе въ ней актеры разбирали свои роли, только что принесенныя изъ домовой конторы. Въ залу зрителей набралось еще болѣе прежняго,—но смѣха и говора слышно уже не было; на всѣхъ лицахъ ясно читалось нетерпѣніе съ примѣсю какой-то торжественности, словно, дѣйствительно, готсвилось по выраженію Ашанина, вѣское „священнодѣйствіе“. Но, увы, долгъ правдиваго повѣствователя заставляетъ насъ признатьъ что великій Шекспиръ былъ тутъ не причемъ; общее любопытство относилось не къ *Гамлету* а къ княжѣ Ливѣ, которая должна была принять въ немъ участіе,—о чемъ много было тогда рѣчей по окрестнымъ весямъ и селамъ. Мушкетеры, въ особенности пріѣзжіе Москвичи, готовы были заранѣе отъѣчать за ея талантъ; провинціальныя барыни и барышни, сжавъ губы сердечкомъ, ожидали въ свою очередь *выгода* „заграничнаго чуда“....

См. *Рускій Вѣстникъ*, № 48.

Въ переднихъ креслахъ возсѣдала сама хозяйка между неизбѣжнымъ Зяблинымъ и Софьею Ивановной. Княжна, стоя передъ ними со свернутою трубочкой ролью свсею въ рукѣ, равнодушно улыбалась, отвѣчая на какія-то очевидно любезныя рѣчи „бриганта“....

При видѣ тетки, Гундузова передернуло; присутствіе ея его смущало. „Для нея все это скоморошество“ — онъ зналъ... Онъ чувствовалъ что она все это осуждаетъ, что ей „совѣстно“ за него...

— Сергѣй Михайловичъ, обратился къ нему тутъ же князь Ларіонъ, сидѣвшій у столика, сливой къ сценѣ и реалистывавшій лежавшую предъ нимъ книгу, — согласны ли вы будете на нѣкоторыя урѣзки?

— На что именно, спросилъ, подходя, молодой человѣкъ, на котораго тотчасъ же и обратились глаза всей залы.

— Это требуетъ нѣкотораго изъясненія, заговорилъ князь своимъ изысканно изящнымъ тономъ; — и прежде всего прошу вѣрить въ глубокое мое уваженіе къ великому произведенію которое мы взяли теперь исполнить. Я бы не рѣшился выкинуть изъ него ни фоты, еслибы, вопервыхъ, это уже не было сдѣлаано Полевымъ — князь, слегка скрививъ губы, кивнулъ на свою книгу, — а главное, еслибы я не могъ сослаться на другой, посильнѣе этого авторитетъ...

— На Гёте? спросилъ Гундузовъ.

— Вы сказали! улыбнулся князь, слегка наклонивъ голову; — благодаря вашей доброй затѣѣ, я въ эти два послѣдніе дня доставилъ себѣ наслажденіе перечестъ самого *Гамлета*, и есѣ мѣста въ *Вильгельмъ Мейстеръ* гдѣ о немъ идетъ рѣчь...

— Il est si savant, Larion, онъ все знаетъ! прислушавшись къ этимъ словамъ, сочла нужнымъ вздыхая сообщить княгня Софья Ивановна.

— Très savant! бровью не моргнувъ отвѣчала ей та.

— Вы помните, продолжалъ тѣмъ временемъ князь Ларіонъ, — что Гёте устами своего героя говоритъ о тѣхъ „вѣвшихъ, не истекающихъ изъ внутреннихъ отношеній лицъ и событій мотивахъ“ въ *Гамлетѣ*, къ которымъ онъ относитъ всю эту скучную исторію Фортинбраса, посольство къ его дядѣ, походъ его въ Польшу и возвращеніе... *Вильгельмъ Мейстеръ* признаетъ все это „ошибками“ Шекспира и предлагаетъ даже цѣлый планъ передѣлки драмы...

— Это совершенно такъ, возразилъ Гундуровъ.— Но этотъ предлагаемый Гёте планъ никогда нѣмъ исполненъ не былъ и мнѣ кажется...

Онъ заикнулся, замѣтивъ какой-то, показалось ему, неодобрительный взглядъ княжны Ливы: она незамѣтно подошла къ столику за которымъ сидѣлъ дядя и внимательно слушала...

И князь Ларіонъ замѣтилъ этотъ взглядъ.

— Прекрасно-съ, отрывисто проговорилъ онъ,—но надо сообразоваться со средствами нашего персонала, а главное съ лубликой, понизилъ голосъ князь;—наскучить... зѣвать начнутъ... Я предлагаю исключить Фортинбраса и все что до него относится... Первую сцену съ Тѣвью можно также вонъ: non bis in idem, — о ней подробно докладываютъ Гамлету Горацио съ товарищами и затѣмъ она повторяется при его участіи...

Новое движеніе княжны остановило возраженіе на устахъ Гундукова.

— И отлично будетъ, молвилъ подходя Ашанинъ,—начнемъ прямо съ выхода двора... Я воображаю заранѣе какъ вы будете величественно воссѣдать на тронѣ, обернулся онъ смѣясь къ Зяблицу.

„Калабрскій бригадъ“ уныло усмѣхнулся и скромно потупилъ очи.

— C'est vrai, vous serez très bien en costume! поощрила его княгиня Аглая, устремивъ на него свои круглые глаза.

— Mon Dieu, шепотомъ проговорилъ онъ, осторожно наклоняясь къ ея плечу,—еслибы только бы...

Онъ не досказалъ, но намѣреніе его дошло по адресу: княгиня подарила его снова поощрительно сладкимъ взглядомъ.

— А Тѣвѣ-то у насъ кто же играетъ? чуть не злобно обратился со сцены къ Ашанину Вальковскій, подходя къ рамплѣ съ режиссеромъ.

— А то вѣтъ развѣ?

— Извѣстно вѣтъ, буркнулъ „фанатикъ“,—на то у тебя и дворянская голова чтобъ ею не думать никогда!

— А вѣтъ, такъ мы сейчасъ кличъ кличемъ, беззаботно засмѣялся красавецъ.—Господа, обернулся онъ ко кресламъ, кому угодно взять на себя роль Тѣви отца Гамлета? Она,

какъ извѣстно, должна походить на свой портретъ * и имѣть сѣдовательно:

И Марса взоръ, и кудри Аполлона...

Ему отвѣчали дружнымъ хохотомъ.

— Какъ разъ по васъ роль! молвила въ увисовъ этому смѣху Ольга Елпидиоровна видѣвшему податъ нея на кончикъ стула здоровому молодцу въ новешенькомъ фракѣ, гладко причесанные височки котораго, подфабранные усы и вздрагивающія плечи свидѣтельствовали съ перваго взгляда о его недавней службѣ въ арміи.

— Чего-съ? переспросилъ онъ не понявъ, и выправился на своемъ стулѣ.

— Я говорю вамъ надо предложить себя на роль Тѣни отца Гамлета.

— Вы помогаете съ?..

— Еще бы! кудрей у васъ, правда, нѣтъ, за то настоящій „Марса взоръ“—Марсъ былъ богъ войны, вы знаете?

— Какъ же съ,—проходили еще въ корлусъ!..

— Вотъ видите!.. Ну и наружность?.. и самая фамилія у васъ даже воинственная...

— Эго дѣйствительно-съ, весело разсмѣялся и онъ,—Ранцевъ: у каждаго рядоваго, извѣстно, *ранецъ* бываетъ... Что же-съ, если только прикажите,—я всегда... съ покорностью, промолвилъ онъ внезапно дрогнувшимъ голосомъ и робко подвывая на нее также мгновенно загорѣвшіеся глаза.

Отставной капитанъ Ранцевъ, — еще недавно изъ бѣднаго лѣхотнаго офицера неожиданно превратившійся, влѣдствіе смерти дальняго, незнакомому ему родственника, въ помѣщика одного изъ лучшихъ по устройству и угодамъ имѣній въ уѣздѣ,—былъ уже годъ цѣлый страстно влюбленъ въ быстроглазую Ольгу Елпидиоровну, жилъ изъ-за нея гораздо чаще въ городѣ чѣмъ въ наслѣдованномъ имъ прекрасномъ помѣстьѣ, и находилъ средство вѣчно какъ изъ-подъ земли вырасти вездѣ гдѣ бы она ни находилась. Такъ и теперь, къ немалому ея удивленію, очутился онъ въ Суцкомъ, куда, вздѣвъ съ утра новый фракъ, явился „съ первымъ визитомъ“ въ качествѣ „сосѣда“... Окончательнаго признанія бравый капитанъ своему предмету дѣлать до сихъ поръ не рѣшался:

* Сцена Гамлета съ матерью. Дѣйствіе III.

бойкая барышня третировала его свысока, въ лицо глумилась надъ нимъ, обращала его чуть не въ шута. Онъ сносилъ ея насмѣшки и фырканья со смирениемъ лягавой собаки, виспадалъ во прахъ предъ ея „умомъ и образованіемъ“, и когда оставался „одинъ съ своею мечтой“ вздыхалъ такъ громко что вздоя кулчиха, у которой онъ нанималъ квартиру въ городѣ, и до которой долетали его вздохи сквозь стѣну, каждый разъ вздрагивала и крестилась..

— Monsieur Ашанинъ, громко крикнула съ мѣста Ольга Еллидифоровна,—Владиміръ Петровичъ!..

Словно остріе шпига сверкнули по направленію бойкой особы два глаза,—глаза Надежды Ѳедоровны, одиноко сидѣвшей въ дальнемъ углу,—и тревожно тутъ же перекинулись на красавца.

— Чтѣ прикажете? отозвался онъ на кликавшій его голосъ.

— Вотъ, извольте познакомиться,—господинъ Ранцевъ, Никаноръ Ильичъ Ранцевъ! Онъ, по скромности своей не рѣшается самъ сказать,—но, какъ мнѣ извѣстно, старается желаніемъ изобразить собою тѣнь Гамлета.. лаленьки Гамлета, то есть, поправилась барышня съ новымъ хохотомъ.

Бѣдный капитанъ вскочилъ на ноги и покраснѣлъ до самыхъ бровей:

— Помилуйте-съ, Ольга Еллидифоровна, залетѣлъ онъ,—какъ же это мнѣ сгарать съ, когда я можетъ-быть и вовсе не въ состояніи, а единственно изъ-за вашего желанія...

Барышня только покатывалась.

— Такъ роль прикажете считать за вами? официальнымъ тономъ спросилъ Ашанинъ.

— Ну, разумѣется! отвѣчала за капитана все та же барышня.

Тотъ поклонился въ подтвержденіе.

— Значитъ, теперь, всѣ налицо! обернулся Ашанинъ къ сценѣ.

Вальковскаго всего даже повело отъ заости. Онъ круто повернулъ на каблучкахъ, и ушелъ въ кулису, чуть не громко фыркая:

— Этакихъ капрановъ въ труллу набирать... Тьфу!...

— Такъ можно бы теперь записать, Владиміръ Петровичъ? спросилъ режиссеръ,—предварительную афишечку составили бы?...

— Сдѣлайте милость!.. Господа участвующие въ Гамлетѣ, позвольте легкую переключку!

Изъ креселъ подались, зашаркали...

Режиссеръ сталъ читать наскоро набросанную имъ афишу. Актеры отвѣчали съ мѣсто: „я“, или „здѣсь“.

— Тѣбѣ отца Гамлета, дойдя до нея, переспросилъ за-
памятовавъ режиссеръ,—господишь, господишь?...

— Ранцевъ, Никаморъ Ильичъ, герой Венгерскій! визгну-
ла опять бойкая барышня.

— Помилуйте-съ, за что конфузите! зардѣлся еще разъ
бѣдный капитанъ,—дѣйствительно получившій свой чинъ
за отличіе въ прошлогоднюю венгерскую кампанію.

Толстый исправникъ, безмолвно погруженный все время
въ чтеніе своей роли Полонія, поднялъ голову и воззрился
издали на дочь какъ будто побить ее собирався:

— Дура! пропустилъ онъ про себя по ея адресу и снова
погрузился въ Полонія.

— Господа, кто участвуетъ въ первомъ выходѣ, не угод-
но ли на сцену! звалъ Ашанинъ;—Клавдію, руку вашу На-
деждѣ Ѳедоровѣ, Гамлетъ, Полоній, Лаертъ, дворъ,—за
нами. Пожалуйста!...

Проба началась.

XIV.

Съ перваго выстула Полонія на сцену вслѣдъ за коро-
левскою четой, оказалось что толстый Епифанъ Ак-
линь дѣйствительно „родился актеромъ“. Онъ былъ изъ тѣхъ
нервныхъ исполнителей которые оказываются съ первой
репетиціи, которыхъ съ первой же минуты охватываетъ и
уноситъ горячая волна лицедѣйства. Онъ еще не зналъ сло-
ва изъ своей роли, и прищуренными глазами пробѣгалъ ее
по высокоприподнятой къ лицу тетради, но онъ игралъ уже
каждымъ фибромъ своего лица, каждымъ движеніемъ своего
громоздакаго, но удивительно поворотливаго туловища. Онъ
былъ комиченъ съ головы до ногъ, но ни тѣни буфонства
не было въ этомъ комизмѣ. Старый, преданный и *убѣжден-*
ный царедворецъ, взрослый и искушенный во дворскихъ
обычаяхъ и передѣлкахъ, — петербургскія воспоминанія
очевидно помогали отставному гвардейцу, — суетливый и
осторожный, простодушно-лукавый и лукаво-простоватый,

пустой болтуна глубоко върующій въ непогрѣшимость своей дюжинной морали и придворной своей тонкости, тонкій настолько чтобы быть всегда мнѣнія сильнаго и не замѣчать когда этотъ сильный дѣлаетъ изъ него шута, полудулаutz и полудобрякъ,—такимъ уже ясно, понятно для каждого, обрисовывался Половій въ исполненіи Акулина. Онъ сразу завоевалъ себѣ „сочувствіе лубайки“: при каждомъ его появленіи, слышался смѣхъ, возгласы одобренія... Восторгу Вальковского не было конца: онъ замеръ за кулисою, прислушивался и хрустя пальцами до боли, и не выдержавъ наконецъ, кинулся къ исправнику (съ которымъ даже знакомъ не былъ), схватилъ его за плечи:

— Ну, и чортъ тебя возьми какъ хорошъ! прохрипѣвъ онъ задыхающимся голосомъ,—и поцѣловалъ его въ самыя губы...

Какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, игра Акулина подняла всѣхъ остальныхъ актеровъ. Камертоны были даны. Самолюбіе каждого изъ участвующихъ было возбуждено,—въ чаяніи такого исполненія относиться къ своей роли спустя рукава становилось невозможнымъ. Оживленіе стало всеобщимъ; то что предполагалось быть простою, мертвою *считкой* вышло настоящею, серіозною релетиціей; актеры становились въ позы, читали съ жестами, старались давать настоящій тонъ...

— Гляди-ка какъ ихъ всѣхъ поддуваетъ! говорилъ потирая себѣ руки „фанатикъ“ исправнику, съ которымъ съ перваго разу сталъ *на ты*.

Для такихъ опытныхъ театраловъ-любителей какими были онъ и Ашанинъ успѣхъ *Гамлета* въ Сидкомъ былъ съ этой первой релетиціи обезпеченъ.

Одинъ, сначала, Гуадуровъ не чувствовалъ „приближенія бога“. Присутствіе Софьи Ивановны леденило его. Она это понимала, и старалась не глядѣть на него, поддерживая разговоръ со словоохотливою сосѣдкой,—но это еще болѣе его смущало. Онъ читалъ вяло, запынчался,—чувствовалъ это и безконечно досадовалъ на себя,—но не былъ въ состояніи сбросить свинцовую тяжесть словно налегшую ему на плечи. Его сбивалъ къ тому же незнакомый ему текстъ Полеваго по которому онъ долженъ былъ говорить роль, между тѣмъ какъ вся она сидѣла у него въ памяти по Кронеберговскому переводу...

Такъ продолжалось до перваго выхода Офеліи. Княжна въ этотъ день была въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, и когда она, объ руку съ Чижевскимъ-Лаертомъ, выступивъ изъ темной глубины сцены подошла къ рамлѣ, горячій свѣтъ солнца обвилъ какъ вѣтромъ ея золотистые волосы. Обаятельная прелесть ея лебединой красоты какъ бы впервые открывалась всѣмъ въ это мгновеніе. Въ залѣ заахали; „какъ изящна!“ громко вскрикнула образованная окружная... Княжна успѣла уже выучить роль и отвѣчала наизусть на прощальныя наставленія Лаерта:

— „А о Гамлетѣ и его любви
Забудь,

говорила ей братъ;—

Повѣрь, что это все мечта,
Игрушка дѣтская, цвѣтокъ весенній,
Который пропадаетъ какъ тѣнь—
Не боѣте.

— Не боѣте?“

повторила Офелія, поднявъ глаза,—и такъ искренно сказалося это,—сказалась тревога и молодая грусть и неизскаемое упованіе въ эту „мечту“, въ этотъ „цвѣтокъ весенній“—что ей невольнымъ взрывомъ откликнулись со всѣхъ сторонъ рукоплесканія... А полный той же грусти и тревоги взглядъ княжны, скользя по Лаерту, пробѣжалъ далѣе, остановился на мигъ на внимавшемъ ей въ кулисахъ Гундуровѣ—и потухъ... Сердце ходуномъ заходило у молодого человѣка. „Нѣтъ, не можетъ быть, этотъ взглядъ,—это случайность, случайность одна!“ спѣшилъ онъ отогнать отъ себя ободрятельный помыселъ... А въ то же время онъ весь замиралъ отъ неизяснимаго блаженства и слушалъ, слушалъ, уливаясь звуками ея тихаго голоса:

— „Онъ о любви мнѣ говорилъ,

печально признавалась отцу Офелія,

—Но такъ

Былъ нѣжкъ, такъ почитаемъ и ребокъ!...“

И неотразимо лились ему въ грудь эти слова... Она была Гамлетъ,—о немъ говорила Офелія!...

Не онъ одинъ внималъ ей съ этимъ трелетомъ, съ этимъ замираніемъ. Повернувшись спиною къ зрителямъ, опершись

локтемъ о стоявшій подлѣ него столикъ, безмолвно и недвижно сидѣлъ князь Ларіонъ, прикрывъ лицо свое рукой. Онъ видимо избѣгалъ докучившихъ взглядовъ—но зоркіе глаза исправника Акулина разглядывалъ со сцены какъ слегка дрожавшіе длинныя пальцы этой руки, а сквозь нихъ пылали устремленные на князю неотступные зрачки...

Все смущеніе теперь соскочило съ Гундурова;—сильною вѣрною, полною живыхъ драматическихъ оттѣнковъ, цвѣта націей повелъ онъ слѣдующую за тѣмъ сцену свою съ Тѣмъ несмотря на то что эта бѣдная Тѣнь устами храбраго капитана Равцева читала такимъ дубоватымъ и могильнымъ голосомъ, будто не для того являлась она на землю чтобы возбудить сына ко мщенію, а затѣмъ чтобы прочесть над нимъ отходную. Храбрый капитанъ ужадно старался—чѣмъ болѣе старался тѣмъ хуже выходило; онъ недочитывалъ, пропускалъ цѣлыя стихи, обрывалъ на полусловѣ кашлялъ и сморкался—все это къ невыразимому негодованію Вальковскаго, и къ немалой потѣхѣ бойкой барышни, помиравшей со смѣху на своемъ диванчикѣ, безо всякой жалости къ своему пламенному обожателю. Она смѣялась впрочемъ и столько потому что ей было смѣшно, сколько для того чтобы приковывать вниманіе Ашанина, который въ свою очередь пожиралъ ее украдкой со сцены. Вся эта игра, какъ ни былъ остороженъ нашъ донъ-Жуанъ, не ускользала отъ ревнивыхъ взоровъ Надежды Федоровны. Цѣлый адъ кипѣлъ въ душѣ бѣдной дѣвы... На минуту очутились они вдвоемъ за кулисами:

— Скажи мнѣ, вскинулась она вдругъ, схватывая его за руку,—скажи хотя разъ въ жизни правду: любишь ли ты меня, или съ твоей стороны *все это* былъ обманъ, одинъ обманъ?...

—Прочь, мой другъ, саова,
Къ чему клятвы, обѣщанья?

пропѣлъ онъ ей на это въ отвѣтъ словами романса Глинка, глядя ей прямо въ лицо и освобождая свою руку.

— Безъ шутовства, прошу васъ! блѣднѣя и дрожа заговорила она опять;—отвѣчайте,—вы меня за тѣмъ лишь погубили чтобы кинуть меня къ ногамъ этой презрѣнной дѣвочки?

— Прекрасный другъ мой, комически вздохнулъ красавецъ,—послѣ пьянства залѣмъ я не знаю порока хуже ревности!

Слезы брызнули изъ глазъ перервѣлой дѣвицы.

— О, это ужасно! всхлинула она, едва сдерживая истерическія рыданія...

— Да, ужасно! повторилъ внутренно Ашанинъ,—и чортъ меня дернулъ!...

Репетиція шла своимъ чередомъ. Пройдены были два первые акта. Гундуровъ признавалъ себя все болѣе и болѣе хозяиномъ своей роли. Монологи свои онъ читалъ наизусть по заученному имъ тексту; его молодой, гибкій голосъ послушно передавалъ безконечные извивы, переходы и претиворѣчія по которымъ, какъ корабль межъ коралловыхъ острововъ, бѣжитъ Гамлетовская мысль. Ему уже жадно внимали слушатели; князь Ларіонъ покачивалъ одобрительно головой; сама Софья Ивановна пріосанилась и не отводила болѣе отъ него глазъ. Всѣми чувствовалось что онъ давно освоился съ этою передаваемою имъ мыслью, съ этимъ своеобразнымъ языкомъ, что онъ вдумался въ эту скорбную провію, прикрывающую какъ блестящимъ щитомъ глубокую язву внутренней немощи... Но самъ онъ въ эту минуту исполненъ былъ ощущеній такъ далеко не ладившихъ съ безысходнымъ отчаяніемъ Датскаго принца!... Княжна была тутъ, онъ чувствовалъ на себѣ взглядъ ея, она внимала ему какъ другіе,—болѣе чѣмъ другіе, сказывалось въ тайникѣ его души... И, помимо его воли, прорывались у него въ голосъ звенящія ноты, и не разъ не тоскою безмѣрной, а торжествующимъ чувствомъ звучала въ его устахъ провія Гамлета.

— Не забудьте классическаго опредѣленія характера который вы изображаете, замѣтилъ ему князь Ларіонъ послѣ монолога слѣдующаго за сценой съ актерами:—„въ драгоценный сосудъ, созданный быть вмѣстителищемъ однихъ лишь нѣжныхъ цвѣтовъ, посажено дубовое дерево; корни его раздуются,—сосудъ разбитъ“ *. У васъ слишкомъ много силы; при такой энергіи, усмѣхнулся князь,—вы бы не задумавшись тутъ же зарѣзали господина Зябину, еслибъ онъ имѣлъ несчастье быть вашимъ отчимомъ; а вотъ на это-то именно Гамлетъ неспособенъ...

Гундуровъ только склонилъ голову; князь былъ тысячу разъ правъ и самъ онъ это зналъ точно также хорошо какъ

* *Вильгельмъ Мейстеръ.*

князь... Но гдѣ же взять ему было безсудна когда въ газзахъ его еще горѣло отраженіе того взгляда, тѣхъ лазоревыхъ глазъ!...

— Ne vous effensez pas, успокоивала тѣмъ временемъ Завина княгиня Аглая Константиновна,—il plaissent toujours comme cela, Larion!

— У васъ сейчасъ, кажется, будетъ сцена съ Офелией какъ бы вспомнилъ князь Ларіонъ;—тамъ есть нѣкоторые неудобныя мѣста?.. Ее надо было бы предварительно почистить...

— Я хотѣлъ только что наломить вамъ объ этомъ, сказалъ Гундуровъ и покраснѣлъ до самыхъ ушей.

Лицо князя словно передернуло...

— Oui, oui, Larion, запотѣла, услышавъ, княгиня Аглая je vous prie qu'il n'y ait rien de scabreux!..

— Господа, обратился онъ ко сценѣ,—я предлагаю отложить продолженіе вашей пробы до вечера. Во всякомъ случаѣ, до сѣдня не далеко, кончить не успѣли бы.—Пройдемте ко мнѣ, Сергѣй Михайловичъ!

Нашъ герой послѣдовалъ за нимъ съ Ашанинымъ.

XV.

Was ist der langen Rede kurzer Sinn?

Князь Ларіонъ Васильевичъ занималъ въ Царскомъ бывшіе покои своего покойнаго отца. Это былъ цѣлый рядъ комнатъ, обмѣблированныхъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, въ вкусѣ того времени,—и съ того времени оставшихся нетронутыми. Длиноватые разнѣры и узкія очертанія столовъ, консолей и дивановъ на ножкахъ въ видѣ львиныхъ лапъ, золоченые сфинксы и орны полукруглыхъ креселъ въ подражаніе консульскимъ сѣдалищамъ древняго Рима, вычурныя вырѣзки тяжелыхъ штофныхъ занавѣсей съ бахромой изъ перебранныхъ золотымъ шнуркомъ и синеватою продолговатыхъ витусекъ, чернобронзовыя муміи поддерживающія на головахъ изогнутыя рукава свѣтлыхъ канделябровъ,—все это невольно приводило на память походъ Бонапарта въ Египетъ, нагихъ гладіаторовъ и Ахиллесовъ академиста Давида, Тальму въ Корнелевомъ Циннѣ и паромъ Тильзитскаго свиданія въ описаніи Дениса Давыдова.

Отъ всего этого вѣдало чѣмъ-то сухимъ, но важнымъ, поблеклымъ, но внушительнымъ. Кабинетомъ служила огромная библіотека въ два свѣта въ которой собрана была цѣлая наслѣдственная движимость Шастуновыхъ, доставшаяся лично князю Ларіону, по раздѣлу съ братомъ. Тутъ, между старинными рѣзными баютами и шкапами черного дуба, полными рѣдкихъ, дорогихъ изданій, висѣлъ большой портретъ стараго князя на боевомъ конѣ, въ генераль-аншефскомъ мундирѣ, со шпагой въ рукѣ и Андреевскою лентой, волнующеюся по бѣлому камзолу. Рядомъ съ нимъ, глядя на изъ почеркѣныхъ рамъ, товарищи его по Ларгѣ и Италіанской кампаніи: Румянцевъ, Суворовъ, Кутузовъ, Баграпювъ... Мраморный Потемкинъ, красивый и надменный, стоялъ на высокомъ цоколѣ изъ черного дерева, на которомъ, въ вѣнкѣ изъ серебряныхъ лавровъ, читались, начертанные такими же серебряными буквами, два извѣстные стиха Державина:

Се ты аи, счастья, славы сынъ,
Великодушный князь Тавриды?

— а на противоположной стѣнѣ сама „Великая Жена“, въ ризахъ, на высокихъ каблукахъ, съ бриллиантовымъ ордемомъ на лѣвомъ плечѣ, писанная Лампи, улыбалась съ лютна своею очаровательною улыбкой... Нѣсколько картинъ идеологическаго содержанія опускались надъ карнизами библіотеки. Копія съ *Психеи* Кановы, сдѣланная имъ самимъ, отражалась въ зеркалѣ на яшмовомъ каминѣ. На глянцовой доскѣ столовъ тончайшей Флорентійской модели разставлена была цѣлая коллекція фамильныхъ женскихъ портретовъ—прелестныя акварели на кости работы Изабеллы де-Мирбель, темноокія красавицы въ высокихъ пудровыхъ прическахъ à la jardinière, или съ разсыпанными, à la Récamier, кудрями по обнаженной груди и плечамъ...

Глаза Ашанина такъ и разбѣжались на роскошныхъ нимфъ и Кипридъ, словно возрадовавшихся ему со стѣнъ какъ своему человѣку, едва вошли они вслѣдъ за хозяиномъ въ это покои...

— Ваше сіятельство засмѣялся онъ,—это навѣрно вамъ писалъ Пушкинъ:

Библиотека, кумиры и картины.

И прочее тутъ все, прибавилъ отъ себя Ашанинъ, обводя кругомъ рукой.

Свидѣтельствуютъ мнѣ

Что благосклонствуешь ты Музамъ въ тишинѣ.

— Къ сожалѣнію, не мнѣ, улыбулася и князь, а Музамъ, не скрываю служилъ и я когда-то... Время наше было таково; я старый Арзамасецъ!.. Гдѣ бы намъ удобнѣе устроиться, господъ? спросилъ онъ, окидывая взглядомъ кругомъ.

— Да не прикажете ли вотъ тутъ? указавъ Ашанинъ на большой, покрытый до полу сукномъ рабочій столъ князя, приставленный къ одному изъ оконъ и уложенный портфелями и кипами всякаго печатнаго и писаннаго матеріала,—тамъ, кажется, все что намъ нужно,—карандаши, бумага..

Онъ хотѣлъ прибавить: и въ синей бархатной рамѣ большой, очевидно женскій, акварельный портретъ,—на который ужасно манило его взглянуть поближе.

— Пожалуй! съ видимою неохотою согласился князь, направляясь къ столу.

— Княжна! воскликнулъ Ашанинъ, подходя;—какъ хорошъ и какое удивительное сходство! Это вѣрно въ Римѣ дѣлано?

Гундуровъ не смѣлъ поднять глазъ...

— Въ Римѣ! отвѣчалъ князь Ларіонъ тономъ явно не допускавшимъ продолженія разговора объ этомъ... Онъ утѣлся на свое плетеное кресло предъ столомъ. — Итакъ, Господа...

Они принялись „очищать *Гамлета ad usum Delphini*“ съ несовѣстмъ искреннюю насмѣшливостью говорилъ князь. Но Гундуровъ оказался здѣсь еще болѣе строгимъ чѣмъ онъ самъ: онъ урѣзалъ въ своей роли всѣ слова, всѣ намеки которыми Гамлетъ въ уныломъ разочарованіи оскорбляетъ чистоту Офеліи. Въ первомъ разговорѣ его съ нею выкинуты были двусмысленныя его рѣчи о несовѣстимости женской красоты съ „добродѣтелью“ (слово неправильно передающее въ русскихъ переводахъ англійское *honesty*). Въ сценѣ театра герой нашъ безжалостно пожертвовалъ традиціонною со временъ Гаррика и эффектившему для актера позой Гамлета, который слушаетъ представленіе откинувшись затылкомъ на колѣни Офеліи. Положено было что вмѣсто словъ „могу ли прикоснуться къ вашимъ колѣнямъ?“ Гамлетъ скажетъ „позволите ли мнѣ прилечь къ вашимъ ногамъ,“ и, вслѣдъ за ея согласіемъ, тотчасъ же перейдетъ къ репликѣ: „и какое наслажденіе покоиться у ногъ

преlestной дѣвушки!“ и усадится, какъ указано въ драмѣ, у са ногъ во не прямо предъ нею, а нѣсколько сбоку. Такимъ порядкомъ, употребляя выраженіе образованной окруж-
ной, „и ситуація была соблюдена, и конвенансы спасены...“
Князь Ларіонъ, знакомый съ *Гамлетомъ* по англійскому
тексту, напоминалъ было о лѣсни про *Валентиновъ день*, ко-
торую поетъ въ безуміи своемъ Офелія,—но выходило что
въ перевозѣ Полеваго изъ лѣсни этой изъять былъ тотъ
„скабрзый“ смыслъ, какой она имѣетъ у Шекспира, и
благодаря хорошенькой музыкѣ Варламова она лѣлась въ
то время російскими дѣвушками во всѣхъ углахъ госу-
дарства:

Милый другъ, съ разсвѣтомъ яснымъ
Я пришла къ тебѣ тайкомъ.
Валентиномъ будь прекраснымъ,
Выглянь,—здѣсь я, подъ окномъ!
Онъ поспѣшно одѣвался,
Тихо двери растворилъ,
Быть ей вѣрнымъ страшно казался,
Обманулъ—и разлюбилъ! и т. д.

Фортиабрасъ и все что до него относится были выкинуты.
Затѣмъ князь потребовалъ чтобъ выкинута была также
вса сцена на кладбищѣ, какъ „trier lugubre“ для домашняго
спектакля, выразился онъ по-французски. Гундуровъ, ли-
шавшійся такимъ образомъ весьма эффектныхъ въ роли
своей мѣстъ, открылъ было ротъ для возраженія, но тутъ
же вспомнивъ о гробѣ въ которомъ несутъ мертвую Офе-
лію, какъ-то невольнo вздрогнулъ и согласился съ княземъ.
Но онъ не могъ при этомъ не вспомнить тоже какъ вели-
кодушно могло выйти мѣсто когда Гамлетъ прыгаетъ въ
са могилу и восклицаетъ:

Да, я любилъ,
Офелію и сорокъ тысячъ братьевъ
Все любить такъ горячо не могутъ!

и подавилъ вздохъ сожалѣнія...

Остальныя урѣзки касались уже частныхъ.

Покончивъ съ этимъ,—Ашанинъ отмѣчалъ выкидываемое
на режиссерскомъ экземплярѣ,—собесѣдники на мигъ замол-
кли. Князь слегка откатилъ свое плетеное кресло отъ
стола и повернулся всѣмъ лицомъ къ Гундурову:

— Къ дѣлу отъ бездѣлья, началъ онъ неожиданно, очевидно наладивъ свои уста на улыбку;—что вы думаете изъ себя дѣлать теперь, Сергѣй Михайловичъ?

Какъ потокомъ холодной воды обдало Гундузова. Изъ міра золотыхъ сновъ его сразу опрокидывало въ самую неприглядную дѣйствительность. Онъ остался безъ отвѣта...

— Смѣю надѣяться, продолжалъ князь Ларіонъ съ тою же дѣланною улыбкой,—что вы не посчитаете мой вопросъ за нескромное любопытство. Я зналъ еще вашего покойнаго батюшку и очень цѣнилъ его.... Старыя отношенія нашихъ семей.... наконецъ мои годы,—я вамъ чуть не дѣдомъ могъ бы быть,—все это, если не даетъ мнѣ правъ, то въ вѣкоторой мѣрѣ можетъ служить мнѣ извиненіемъ. Къ тому же сегодня, изъ вѣсколькихъ словъ которыми я успѣлъ обѣяться съ Софьею Ивановной, я могъ предположить что она очень о васъ безлокуится....

Онъ пріостановился. Гундуровъ сосредоточенно внималъ ему.... Еще внимательнѣе слушалъ Ашанинъ.

— Я самъ не знаю что мнѣ предпринять, сжавъ брови проговорилъ наконецъ нашъ герой.

— Я думалъ о васъ эти дни, заговорилъ снова князь.— Когда я, въ тотъ разъ, имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ вами, я вамъ говорилъ: терпѣніе и душевная бодрость.... Сегодня повторяю вамъ то же. Терпѣливее.... онъ искалъ слова, — *теченіе* должно наконецъ измѣниться.... Немормальныя положенія долго не длятся, словно проглотилъ онъ.— Но не въ этомъ дѣло. Прося о заграничномъ паспортѣ, въ той формѣ въ какой вы это сдѣлали, вы поступили какъ неопытный юноша, обратили на себя вниманіе. Дѣло вашей профессуры можетъ отъ этого пострадать,—я отъ васъ не скрою.... Все это однако поправить можно. Мнѣ не нужно вамъ говорить что я и.... отношенія мои въ Петербургѣ—къ вашимъ услугамъ съ этой же минутой.... Но я прямо вамъ говорю что ранѣе года возобновить дѣло о вашей поѣздкѣ за границу и думать нельзя....

— Еслибъ еще черезъ годъ! воскликнулъ Гундуровъ.

— Вы имѣете для этого, по моему, въ рукахъ вѣрное средство.

— Я? Какое? съ изумленіемъ спросилъ тотъ.

— Отправляйтесь, немедленно, путешествовать по Россіи!

Ашанинъ закусилъ себѣ губу до боли. Пріятель его растерянно поглядывалъ на князя:

— По Россіи? могъ только повторить онъ.

— Точно такъ-съ! Какъ бытъ тамъ сказано въ резолюціи послѣдовавшей на вашей просьбѣ: „Изучать славянскій бытъ можно отъ Москвы и до Камчатки“?... До Камчатки доѣзжать вамъ разумѣется, не для чего, усмѣхнулся князь Ларионъ,—а побывать на Уралѣ, въ Оренбургскомъ краѣ, и на Кавказѣ, утѣраю васъ, принесло бы вамъ столько же удовольствія сколько и пользы. А черезъ годъ,—я берусь за это,—о васъ будетъ сдѣлано представленіе, въ которомъ предложится что вотъ вы, пріема сдѣланное вамъ указаніе, совершили этнографическую поѣзку по Россіи,—а теперь проситесь, для той же цѣли, въ Славянскія земли.... И поѣзьте моею старой опытности,—это будетъ очень хорошо принято, и васъ не только отпустятъ, но будутъ имѣть въ виду какъ молодаго человѣка благонадежнаго....

— Конечно, это можетъ быть, бормоталъ Гундуровъ, не успѣвъ еще собрать свои мысли,—но ѣхать такъ, безъ опредѣленной цѣли.... У меня есть спеціальность....

— Спеціальность ваша остается при васъ, возразилъ ему князь, и еще разъ дѣланная улыбка замигала въдолю его длинныхъ губъ; — но позвольте одно замѣчаніе: вамъ двадцать-три года, вы носите старинную фамилію, у васъ хорошее состояніе; думаете ли вы отдать всю вашу жизнь этой вашей спеціальности?

— Почему же нѣтъ?

— Просте потому что это, я полагаю, васъ удовлетворить не можетъ,—да еще потому что не таковъ еще у насъ общій уровень просвѣщенія чтобы вообще наука могла быть у насъ для человѣка тѣмъ что называютъ карьерой. И въ Германіи Савиньи и Бунзены мѣняли свои катѣдры на министерскія кресла; а въ Россіи подавно для молодыхъ людей какъ вы катѣдра можетъ быть только ступенью....

— Я не честолюбивъ, сказалъ сухо Гундуровъ,—и на министерское кресло не претендую.

— Прекрасно съ,—и губы князя словно судорожно повело, вы не честолюбивы, вы единственно желаете быть профессоромъ; но профессору вы можете получить лишь при извѣстной разстановкѣ шапекъ которую я имѣлъ сейчасъ честь предложить вамъ, но пользу которой, какъ кажется, вы не совсемъ признаете. Затѣмъ, любезнѣйшій Сергій Михайловичъ, примовилъ онъ, видимо сдерживаясь,—а

позволю себя спросить васъ: что же предстоитъ вамъ теперь въ Москвѣ, какая дѣятельность, какіе живые интересы? Ваши книги, „спеціальность“ ваша, какъ вы говорите,—чудесно! Славянская наука, *Любушкинъ Судъ* и историческіе памятники *Святаго Вячеслава*? Воля ваша, этимъ мезамъ наполнить жизнь въ ваши дѣта! Что же съ затѣмъ въ те-перешнемъ положеніи вашемъ дать вамъ Москва? Что вы будете дѣлать? Извывать въ бесполезныхъ сѣтованіяхъ въ тѣсномъ кружкѣ друзей, слушать каждый вечеръ все ту же болтовню московскихъ умницъ, играть въ *дѣтской* въ Ан-глійскомъ клубѣ?... Не думаете же вы, я полагаю, съ но-вымъ смѣхомъ промолвилъ онъ—обзавестись своимъ домкомъ отъ скуки, жениться, какъ жеются въ Москвѣ, въ 23 года отъ роду, не создавъ себѣ положенія, ничего еще не сдѣлавъ ни для общества, ни для себя самого?..

И старый дипломатъ временъ Вѣнскаго конгресса,—словно только и ждалъ онъ этой минуты,—остановилъ теперь на молодомъ человѣкѣ долгій, пристальный взглядъ.

— Вотъ онъ, „длинной рѣчи краткій смыслъ“! прогово-рилъ внутренно Ашанинъ, и въ свою очередь съ безпокой-ствомъ взглянулъ въ лицо пріятелю.

Но ни онъ, ни князь не ярчали на немъ того чего ожи-дали. Гундуновъ не понималъ; пойми онъ, его молодое само-любіе разразилось бы, можетъ-быть, какимъ-нибудь горя-чимъ, неосторожнымъ отвѣтомъ... Но развѣ онъ думалъ о „женитьбѣ“, развѣ у него были какіе-нибудь планы, какая-нибудь опредѣленная мысль? „Ловкій подходъ“ князя, какъ говорилъ себѣ въ эту минуту Ашанинъ, прошелъ мимо, даже не замѣченный нашимъ героемъ. Въ прослушанныхъ имъ рѣчахъ для Гундунова звучало лишь отраженіе мнѣній и доводовъ его тетки, съ которою вѣроятно, объяснялъ онъ себѣ, князь говорилъ о немъ пока они съ Ашанинымъ ку-рили въ саду... Никакихъ личныхъ намѣреній онъ со сто-роны князя не предполагалъ, да и что онъ могъ предпола-гать? То какъ предлагалъ князь „разставить шашки“ чтобъ устроить на будущій годъ его поѣздку за границу даже по-правилось Гундунову... Только не теперь, не теперь, и по-скорѣ кончить съ этимъ разговоромъ, внутренно восклик-нулъ онъ...

— Князь, сказалъ онъ громко,—я поставленъ теперь въ такое положеніе что мнѣ дѣйствительно кажется ничто

болѣе не остается какъ послѣдовать вашему совѣту. Я переговоровъ съ тетушкой, и она, вѣроятно, ничего не будетъ имѣть противъ такого моего путешествія... А на будущій годъ позволяте ужъ мнѣ серьезно разчитывать на наше содѣйствіе?

Морщины разомъ сгладились съ чела князя Ларіона. Онъ всталъ и протянулъ руку Гундурову:

— Я вамъ отъ души добра желаю, Сергѣй Михайловичъ, знайте это, искренно, почти горячо проговорилъ онъ.

Молодой человѣкъ былъ тронутъ и съ безмолвнымъ поклономъ пожалъ подаваемую ему руку...

Въ это время по всему дому раздался трескучій звонъ китайскаго гонга.

— Одѣваться! весело и насмѣшливо объяснилъ князь, — я долженъ предупредить васъ Сергѣй Михайловичъ что княгиня Аглая Константиновна бывала въ англійскихъ замкахъ, и ихъ обычай перенесла теперь въ Сибирь: къ обѣду у нея являются не иначе какъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Звонъ этого гонга обозначаетъ: къ туалету. Черезъ часъ позвонятъ на дворѣ къ обѣду. Соображайтесь!..

Пріятели наши поклонились и вышли.

Князь Ларіонъ прошелъ за ними нѣсколько шаговъ, медленно оборотился и, когда они исчезли въ сосѣдней комнатѣ, вернулся къ своему рабочему столу, сѣлъ противъ портрета племянницы и, подперевъ голову обѣими руками, погрузился въ глубокую, сладкую и мучительную старческую думу.

XVI.

— Каково ядовитъ старикъ-то этотъ? заговорилъ Ашанинъ, какъ только сошли они съ лѣстницы на дворъ, по пути ко своимъ комнатамъ.

Гундуровъ съ изумленіемъ поднималъ голову....

— Да что ты, лицемеръ или простофиля? даже разсердился его пріятель. — Ты въ самомъ дѣлѣ не разобралъ къ чему онъ велъ рѣчь?

— Къ чему? разъясненіе повторилъ нашъ герой: — онъ совѣтовалъ мнѣ вѣхать по Россіи....

— Боже мой, какъ безтолковъ этотъ ученый народъ! воскликнулъ Ашанинъ, — да вѣдь это жъ онъ тебѣ въ ротъ

положилъ! Весь этотъ разговоръ о его участіи къ тебѣ, о старыхъ связяхъ, о славянской наукѣ, о твоей карьерѣ, и чего онъ тутъ не напелъ?—неужто жъ онъ даромъ сталъ бы кидать свои слова?... Вѣдь все же это подведено было къ тому чтобы какъ можно любезнѣе предварить тебя заранѣе что князю не выдадутъ за „злѣйшаго человека“, который „не создалъ себѣ еще никакого положенія“,—и чтобы ты, значить, отоживъ всякое о семъ попеченіе, отправился „немедля“ путешествовать по Киргизскимъ степямъ!..

Гнѣвомъ, стыдомъ и страданіемъ искажилось все лицо Гундузова.

— Къ чему ты мнѣ это говоришь? обернулся онъ на пріятеля съ поблѣднѣвшими губами.

— Какъ къ чему, Сережа?...

— Да, къ чему? Вѣдь ты знаешь... что я никакихъ намѣреній... княземъ сватать не.. имѣю, едва находилъ онъ силу выговаривать.

— Я знаю, Сережа, но....

— Ты... ты привезъ меня сюда играть... играть, а не... Ты... или этотъ князь.. вы... Что вы хотите отъ меня наконецъ! почти взвизгнувъ Гундузовъ.

— Да ничего же отъ тебя не хотятъ... Сумасшедшій!

— А не хотите, такъ оставьте вы меня всѣ въ покоѣ!...

И, махнувъ отчаянно рукой, онъ побѣжалъ ко флагеалу, на крыльцѣ котораго давно его ждалъ Федосій.

Чернокудрый пріятель его остановился посреди двора, не зная идти ли за нимъ или дать простить его первому пмыу.

— Однако, говорилъ онъ себѣ мысленно,—какъ онъ вѣрзался бѣдняга!.. И это съ двухъ... чего,—съ одного разу! Вотъ эти дѣлстваемые,—загорятся сразу—какъ колна горать!.. И отвести его теперь—поздно... Станетъ онъ теперь мучиться, безумствовать,—и я вѣдь знаю его, онъ на все способенъ; я помню какъ въ лавсіонѣ онъ изъ втораго этажа выскочить хотѣлъ когда его вздумалъ высѣчь инспекторъ... Весь вопросъ теперь въ томъ что она,—раздѣляетъ ли?.. Сегодня она меня что-то очень подробно разспрашивала о немъ... Съ другой стороны эта нотація князя... Такъ или инако, Жаръ-Птицу добыть легче.. Эхъ, Сережа мой бѣдный, надо же... И это они называютъ жизнью? Нѣтъ! и въ подвижномъ

воображеніи Ашанина заколошились тутъ же обычная ему представленія,—вѣтъ; вотъ эту быстроглазую Акулину, напримеръ, „къ груди прижать во тьмѣ ночной“, дѣло будетъ другое! А все же такъ этого оставить нельзя! Разъ Сережа избѣгаетъ даже говорить со мной, надо предварить его тетушку.

И Ашанинъ вернулся въ домъ отыскивать гжу Перевриву.

Въ это же время въ одной изъ садовыхъ бесѣдокъ, куда, по выходѣ изъ театральной залы, исправникъ Акулины увелъ свою дочь, происходилъ между ними слѣдующій разговоръ:

— Потрудись объяснить мнѣ, сударыня, говорилъ родитель, отдаваясь отъ слѣпшася ходьбы,—на что тебѣ нужно Рамцева предо всемъ обществомъ шуткомъ выставить,—а?

— А вамъ-то что до этого? отвѣчала на это дочка;—и для этого только вы меня сюда и увели? Я даже понять не могла—что за слѣхъ такой!..

— А то я тебѣ скажу, возразилъ исправникъ,—что онъ, видя твое грубіяство, плюетъ и откланяется тебѣ!

— Вопервыхъ, не говорите „плюетъ“, потому что это въ высшей степени табуаіс герге, и вы, какъ сами служили въ гвардіи, должны знать это! Въ вторыхъ, мой капиталка откажется отъ меня только когда я сама этого захочу. Въ третьихъ, ну—онъ откажется, что жъ за бѣда такая?

— А такая что послѣ кащей этого, Тарусова, что ему четвероюроднымъ какимъ-то приходился, досталось ему неожиданно нежданно богатѣйшее имѣніе, да тысячъ двѣсти на старыя ассигнаціи денегъ,—что онъ любую княжну въ Москвѣ за себя можетъ взять,—вотъ что! А у насъ съ тобой жаворонки въ небѣ поютъ, да и вся тутъ!...

Бойкая барышня вспыхнула какъ лѣвъ.

— Что жъ, это вы мнѣ никого лучше найти не могли какъ армейскаго, необразованнаго ваше благородіе Развѣ я на то воспитывалась въ институтѣ чтобы капиталашею быть? Развѣ....

— И, матушка! перебилъ ее, махая руками, толстый Елпидифоръ,—васъ тамъ, что цылаять у ярославскаго курятника, штукъ шестьсотъ за разъ воспитывается, такъ на всѣхъ-то на васъ, пожалуй, вашихъ свѣтостей и не хватить!

— Да развѣ я была какъ всѣ, какъ всѣ шестьсотъ? Когда вы меня брали, вы не помните развѣ что вамъ сказала *мать*? (назвала она институтскимъ языкомъ начальницу заведения)—„*Notre cher rosignol*“, сказала она вамъ про меня; она чуть не плакала что вы меня взяли до выпуска... Я на виду бывала! Меня всѣ знали, баловали, всѣ изъ *grand monde*, кто ни прѣзжалъ... Сама государыня сколько разъ заставляла лѣтъ!.. Еслибы вы не взяли меня тогда, я могла съ шифромъ выйти—я изъ первыхъ училась, могла бы ко двору попасть за голосъ, какъ фрейлина Веретенева; *grande dame* была бы теперь!.. И послѣ этого я должна, по вашему, отставною калитаншей сдѣлаться!

Она чуть не рыдала; но вдругъ вспомнила, оборвала и, подступая ближе къ отцу:

— Да что вамъ вздумалось мнѣ теперь про него говорить, спросила она—когда вы знаете *кого* я имѣю въ предметъ?

— Вотъ, то-то, матушка, вздохнулъ на это исправникъ,—когда бы ты не такъ лыка была, да не закидывала меня твоими *гранд-дамами*, такъ у насъ, пожалуй, ладъ бы вышелъ иной. Ты съ чего взяла, впервыхъ, что онъ къ тебѣ склонность имѣетъ?

— Я же говорила вамъ:—когда я сюда прѣехала гостить, въ первый же день *старуха* (увы, что сказала бы княгиня Аглая Константиновна, еслибъ узнала какъ ее обзывала барышня!) заставила меня лѣтъ, и я спѣла: *Я полню чудное мгновенье. Онъ былъ вѣкъ себя отъ восторга, подошелъ, и-сколь-ко разъ жалъ мнѣ руку, даже поцѣловалъ одинъ разъ, кажется, и потомъ каждый вечеръ заставлялъ лѣтъ, все опять Я полню, шутилъ, любезенъ былъ... ну, извѣстно, какъ когда человекъ занять женщиной.. Вы тогда прѣехали, и я вамъ разказала... И вы тогда сами мнѣ сказали: „Гляди, Оля, умка будешь, большого остера можно выловить!“ Вѣдь говорили вы?*

— Говорить говорилъ, не отказываюсь. Элидифоръ Павловичъ почесалъ себѣ за ухомъ—говорилъ потому что эту Шастуновскую породу давно знаю, слышалъ! Покойный князь Михайло Васильевичъ въ свое время пропадалъ изъ-за женщинъ... *Этотъ* опять, когда товарищемъ министра былъ,—я въ лейбъ-Уланскомъ полку еще служилъ,—въ Петергофѣ лѣтомъ жила его тогдашній предметъ, замужняя, одного доктора жена, красавица!.. Я всю эту исторію зналъ... Мужъ

ни за что разводной ей дать не хотѣлъ, а то бы онъ на ней непременно женился. Вотъмъ пренебречь, имя свое, мѣсто, въ фаворѣ какомъ былъ тогда, все это ему было ни по чемъ! Вотъмъ жертвовать былъ готовъ ей... Только она въ скорости тутъ умерла; такъ его самъ государь, говорятъ, послѣ этого за границу послалъ, а то мало съ ума не сошелъ отъ горя... Такъ вотъ, зная разъ, какіе они люди страстные, восторыхъ, что подъ старость еще сильнѣе бываетъ эта слабость,—что жъ, думаю, попытка не пытка; авось и съ вашей удачи клюнетъ! Ты же меня уродилась такая что у тебя на мушкетера въ каждомъ глазу по семи чертей сидить...

— Я васъ и послушалась, молвила Ольга Елпидиоровна, невольно засмѣявшись такому неожиданному опредѣленію ея средствъ очарованія,—и все повела какъ слѣдуетъ...

— Ну, и...? крякнулъ, подмигнувъ исправникъ.

— Что „ну“?

— Ни съ мѣста?..

— Да, дѣйствительно, сжавъ въ раздумьи брови, созналась барышня,—я въ эти послѣдніе дни стала замѣчать....

— То-то!.. И, по-твоему, какъ это понимать надо?

— Старъ... Выдохся! Она презрительно повела плечомъ.

— Авъ и ошиблась!... И я ошибся, повинился достойный родитель.

— Что же, по-вашему? она остановила на немъ расширенные зрачки.

— И не выдохся, и даже очень лыласть,... да только не про насъ!...

— Что-о? протянула Ольга Елпидиоровна,—онъ влюбленъ... въ другую?...

— А сама-то и не замѣтила! Исправникъ покачалъ головой.—Эхъ вы! Прозорливы только пока самолюбіемъ глаза вамъ не застелеть!...

— Да въ кого, въ кого же, говорите? нетерпѣливо торопила барышня, дергая отца за рукавъ.

Толстый Елпидифоръ поднялся со скамьи, обогнулъ кругомъ бесѣдки, заглянулъ въ сосѣдніе кусты, сѣлъ опять, привлекая къ себѣ за руку дочь и шепнулъ ей на ухо:

— Въ княжну!

— Въ племянницу! вскрикнула барышня.—Не можетъ быть!..

Исправникъ зажмурилъ глаза и повелъ головою сверху внизъ:

— Есть! прошепталъ онъ;—по полицейской части не даромъ двѣнадцатый годъ служу, съ меня одного взгляда довольно!..

— Ахъ онъ противный! еще разъ воскликнула Ольга Елпидифоровна.

— Ссс!.. Боже тебя сохрани хотя видомъ показать что ты объ этомъ прочула!.. Ты тамъ себѣ, матушка, *гражданствуй* сколько тебѣ угодно; только помни одно что отецъ у тебя—горшокъ глиняный; такъ чугуны-то ему, только притроься, всѣ бока проломатъ... А брюхо у меня объемное, сама видишь,—вѣсть много просить...

Барышня примолкла и опустила голову. И у нея теперь какъ у Лафонтеновской Перреты лежала въ ногахъ разбитая молочная крышка, на которой строила она свое воздушное княжество...

— Какъ же быть теперь? проговорила она езабоченно.

— Какъ быть? повторилъ толстякъ;—очень просто! Я тебѣ сейчасъ...

— Нѣтъ! перебила она, и толкнула ногой, въ мѣхъ про Равцева и говорить не смѣйте!.. Хотя бы сами подумали: ну, что я изъ него могла бы сдѣлать?... Нѣтъ, я ужъ лучше за Мауса пошла бы!..

— За стряпчего-то? скорчилъ гримасу исправникъ.

— Онъ не стряпчій просто, онъ правовѣдъ! На тридцать первомъ году онъ будетъ статскій совѣтникъ, онъ мнѣ самъ на бумажкѣ высчиталъ. Я всѣ чины знаю, и производство,—выходило вѣрно!.. И у отца его большая практика, а онъ одинъ сынъ....

— Какъ знаешь! Акулинь пожалъ плечами;—только вот что Оля, промолвилъ онъ какъ-то странно помаргивая своими залывшими глазками,—ты ужъ Равцова не срами!.. Для меня хоть....

Она глянула ему прямо въ лицо:

— Олять профершнлмнсь?

— Такое чертовское несчастье! вскрикнулъ исправникъ, ударивъ себя по боку до боли;—третьего дня у Волжискаго лять таиій сряду,—въ доскъ!.. Последнiедесять цѣл-кашей сюда тѣлочи отдалъ... То-есть, à la lettre, ни гроша!...

— Вы капитану сколько ужъ должны? спросила барышня.

— Семьсотъ... кажется, неувѣренно пробормоталъ онъ.

— А теперь сколько вамъ надо?

— Да есаибѣмъ полтысячки далъ...

— Хорошо, я ему скажу.

— Ахъ ты мой министръ финансовъ! восторженно возгласилъ толстый.

Балидифоръ, схватилъ обѣими руками дочь за голову и звучно чмокнулъ ее въ лобъ.

— То-то министръ!... досадливо промолвила она, поправляя прическу,—а вы-то... Она не договорила и ушла изъ бестѣлки...

— А ты все же погоди, старикашка противный, утѣшала она себя по луту;—я тебѣ отомщу!..

Какъ она ему отомститъ, она, разумѣется, не знала....а

XVII.

Ашанинъ стоялъ предъ Софьею Ивановною въ комнатѣ которую она занимала въ большомъ домѣ, со шляпой въ рукѣ, готовый уйти. Онъ только-что успѣлъ передать ей разговоръ ихъ съ княземъ, „приладокъ“ Сергѣя и свои опасенія за него...

На умномъ лицѣ Софьи Ивановны читалось заботливое раздумье; она обсуждала и соображала.

— Что онъ, (то-есть князь Ларіонъ), говорила она,—сказалъ это въ томъ намѣреніи,—вы не ошибаетесь,—и я даже не могу на него за это сердиться... Предварилъ заранѣе, цѣло сдѣлалъ!... Хоть я опять-таки не пойму изъ-за чего онъ такъ заранѣе обезпокоился! Вѣдь не могъ же Сережа дать повода... Я его знаю: что бы ни происходило у него теперь на душѣ, онъ слишкомъ благовоелитанъ что-бы показать...

— Онъ ничѣмъ и не показывалъ, завѣрилъ Ашанинъ,—и ни бровью не моргнулъ,—мы же все вмѣстѣ на сценѣ были... а вы изъ залы видѣли...

— Такъ съ чего же вздумалъ этотъ старый мудрецъ?.. размышляла Софья Ивановна.

— Я начинаю подозревать... не замѣтилъ ли онъ чего-нибудь.... со стороны...

— Со стороны княжны! договорила она, быстро вскинувъ глазами на молодого человѣка,—едва ли!.. Она такъ слерсала!... Да и много ли они видались-то съ Сережей? А

мила-то она, ужь какъ мила! вздохнула, ломочавъ, тетка Гундунова!...—Нѣтъ, это онъ такъ, съ большой хитрости. Каподистрию вспоминалъ! засмѣялась она привычнымъ своимъ короткимъ, обрывистымъ смѣхомъ.

Ашанинъ положилъ шляпу, подвинулъ стулъ и сѣлъ подлѣ нея:

— Софья Ивановна, началъ онъ шелоткомъ,—а что же... еслибы княжна дѣйствительно... отчего же бы?...

— И, милый мой, и она махнула рукой,—развѣ объ этомъ возможно думать? Развѣ они такіе люди? *Эта Агала*—ну, само собою!... А то вы видите, и онъ... бояринъ опальный, и онъ туда же!...

— Я все это очень хорошо знаю и понималъ съ перваго раза, молвилъ красавецъ;—но вѣдь если посмотрѣть поближе, съ фанаберіей этою можно же и сладить. Вѣдь ничего же существеннаго они протаивъ Сережи сказать не могутъ. „Положеніе“? Да какое тамъ „положеніе“ бываетъ въ наши годы?... А если только княжна захочетъ, чѣмъ же Сережа ей...

— Нѣтъ! не давъ ему договорить, съ сердцемъ возразила Софья Ивановна.—Гундуровъ не партія для княжны Шастуновой. Правда, Гундуровы все едно что Всеволожскіе да Татищевы, только туфла не носятъ, а тѣ же Рюриковичи. Да что за дѣло: вотъ Фитюлькинъ въ шитомъ воротникѣ—тотъ женихъ и аристократъ—потому что повезетъ жену на балъ въ эрмитажную залу!...

— На то онъ и Фитюлькинъ, засмѣялся Ашанинъ,—у насъ извѣстно, „чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣе!“

— И чутьемъ чую, продолжала Софья Ивановна,—да и вскользь слышала даже отъ кого-то въ Москвѣ, не помню—что какого-либо такого непременно ужь имѣютъ они въ предметѣ для княжны... то-есть *эта Агала*, поправилась Софья Ивановна,—она хоть и сердилась на князя Ларіона, и въ душѣ чувствовала себя очень оскорбленною имъ за племянника,—но все же онъ былъ для нея не *эта Агала*!...

— А мы съ Фитюлькинымъ про заведемъ! сказалъ смѣясь Ашанинъ, почитывавшій иногда издававшійся въ тѣ годы Погодинымъ *Москвитанинъ*.

Софья Ивановна невесело закачала головой.

— Бѣдный мой Сережа!... Вы говорите,—онъ и не догадался?... Чистъ—и простъ! коротко разсмѣялась она, какъ голубь! И совѣтъ о путешествіи принялъ съ благодарностью?

Что же, это хорошо,—очень хорошо! Знаете мой милый, я чѣмъ болѣе думаю... Я даже очень рада что князь Ларіонъ прочелъ ему эту, какъ говорится, „нотацію.“ И вы очень хорошо сдѣлали что ему объяснили... Только ужъ теперь—ни слова болѣе. На него насѣдать не надо. Онъ гордъ и самолюбивъ до крайности... Вы ужъ оставьте его совсѣмъ съ *этими*,—пусть онъ самъ... И я, сегодня же, сейчасъ послѣ обѣда, уѣзжаю къ себѣ въ Сашино,—мнѣ къ тому же *эта Аглая* не по силамъ... Это важничанье, глулость!... Предоставимъ его себѣ, его собственному разсудку,—вотъ какъ Менторъ когда онъ оставилъ Телемака на островѣ Калипсо! улыбувшись промолвила милая женщина;—я такъ думаю что съ нимъ произойдетъ... какъ это говорится? — une reaction. Ахъ, еслибы не этотъ вашъ дурацкій спектакль, я бы его, кажется, завтра же въ дорогу сварила!...

— Однако мнѣ лора, Софья Ивановна, сказалъ поднимаюсь Ашанинъ,—одѣваться, да и вамъ также... Здѣсь, вы знаете, къ обѣду какъ на балъ!...

— У меня мое robe feuille-morte, неизмѣнно, отрѣзала она, другаго для beaux yeux Аглаи не надѣну!...

Она встала проводить Ашанина...

— Сережа—влюбленъ! начала она елать, останавливаясь у дверей;—признаюсь вамъ, я до сихъ поръ помириться съ этой мыслью не могу. Съ каждымъ молодымъ человѣкомъ это бываетъ,—но при его характерѣ... это можетъ быть опасно... очень опасно!... Мнѣ даже представляется теперь что кажется лучше было бы еслибъ онъ...

— На меня походилъ? договорилъ со смѣхомъ Ашанинъ,—признайтесь генеральша что вы именно объ этомъ подумали въ эту минуту?

— Ну, вѣтъ, полусеріозно отвѣчала она,—отъ этого Боже сохрани cadaго! Очень ужъ вы безкрасивы, мой милый! Только Богъ васъ знаетъ какъ это вы дѣлаете что на васъ сердиться нельзя... Сердце то у васъ золотое,—вотъ что! И я вамъ отъ сердца благодарна за вашу дружбу къ Сережѣ...

— Нѣтъ, генеральша, комически вздохнулъ неисправимый шалунъ,—я больше за добродѣтель мою погибаю. И тяжкія наказанія за это несу, очень тяжкія!...

Софья Ивановна взглянула на него.

— Господи, да ужь не влѣзли ли вы чего гувернанткѣ здѣшней? внезапно пришла ей эта мысль.

— Вы почему знаете? съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— Да она тутъ сейчасъ была: Аглая ее ко мнѣ приставила и она меня устраивала въ этой комнатѣ... Гляжу, а на ней лица нѣтъ.—Что съ вами, говорю, моя милая, вы, кажется, чѣмъ-то разстроены? А она—въ слезы, и выбѣжала вонъ..

— Въ слезы, — непремѣнно съ! закивалъ утвердительно Ашанинъ, — слезъ у нея—много! Вотъ еслибъ у меня столько же денегъ было!..

— Ахъ, вы, негодникъ! Да вѣдь она и не молода ужь?

— Не молода, Софья Ивановна! повторилъ онъ съ новымъ вздохомъ.

— И даже не очень хороша?

— Даже очень не хороша, Софья Ивановна!

— Никому-то у него лошады нѣтъ, безсовѣстный человѣкъ! Ну, на что она вамъ, несчастная, нужна была?

— А у насъ, видите ли, матери Гамлета не было и некому кромѣ нея играть. А она уперлась какъ коза: не хочу—да и все тутъ!.. Я собою и пожертвовалъ!..

Софья Ивановна не на шутку разсердилась:

— Подите вы отъ меня съ вашими гадостями! И хороша причина—*Гамлетъ*! Да еслибы вы этого вздора здѣсь не затѣяли—Сережѣ поводу не было бы безумствовать!....

— Чему быть тому не миновать, Софья Ивановна, смиренно замѣтилъ на это Ашанинъ, — не здѣсь, такъ у васъ, въ Сашинѣ, встрѣтился бы онъ съ княжною.

Она не нашла возраженія на этотъ доводъ.

— А все же вы безстыдникъ! проговорила она еще сердито.

Ашанинъ отвѣчалъ ей глубокимъ поклономъ и побѣжалъ въ свою комнату. Гудурова онъ уже не засталъ; по словамъ Федосѣя, онъ одѣвшись ушелъ въ садъ прогуляться до обѣда.

XVIII.

Vanityfair.

Княгиня Аглая Константиновна съ жизнью англійскихъ замковъ была, дѣйствительно, какъ говорилъ князь Ларионъ, знакома; то-есть, въ сущности, она была однажды въ Шилмоунткэслѣ, замкѣ лорда Динмора, въ Кемберлендѣ,

куда приглашена была „на восемь дней“ * съ мужемъ, состоявшимъ тогда при лондонскомъ посольствѣ, года полтора послѣ своего замужества. Но эти восемь дней, проведенные въ обществѣ чистокровнѣйшихъ *viscountess* и элегантнѣйшихъ *marchionesses* (маркизъ), остались навсегда лучезарнѣйшимъ воспоминаніемъ ея жизни, и она гордилась имъ болѣе чѣмъ всеми почестями доваѣвшими ей въ послѣдствіи при томъ маленькомъ Германскомъ дворѣ, гдѣ князь Михайло Шастуновъ состоялъ представителемъ Россіи.... Не на розовомъ ложѣ, вообще говоря, прошло для новобрачной Аглаи пребываніе въ Лондонѣ. Князь Михайло, самъ воспитанный въ Англіи, принятый тамъ въ обществѣ какъ свой, не измѣнилъ ни своего образа жизни, ни отношеній, женившись противъ воли на російской дѣвицѣ Раскательской: онъ, на первыхъ же порахъ, предоставилъ ей проводить жизнь какъ ей заблагоразсудится, а самъ проводилъ ее у ногъ одной, тогда весьма извѣстной, обаятельной умомъ и красотой эксцентричной лэди, которая, сказать мимоходомъ, послѣ двухлѣтней съ нимъ связи, въ одинъ прекрасный Божій день улетѣла отъ него въ Италію, вышла тамъ отъ живаго мужа за немолодаго уже, но еще сладкозвучнаго тенора, кинула его чрезъ полгода, вступила въ третій бракъ съ однимъ очень красивымъ, но очень глупымъ греческимъ офицеромъ, дала ему лаюху на другой же день послѣ свадьбы, за то что онъ былъ оливки руками, бросила и его, и умерла наконецъ отъ лобоевъ четвертаго супруга, — шейха одного Бедуинскаго племени, — заставшаго ее въ своемъ кочевомъ шатрѣ in criminal conversation съ какимъ-то Французомъ, путешествовавшимъ по аравійской степи... Дерзость и насмѣшки этой сумасбродной, но блестящей женщины, съ которою ревнивая Аглая имѣла неосторожность гдѣ-то сойтись, оскорбленное самолюбіе, скука одиночества, неудовлетворенная страсть къ красавцу-мужу, — чуть было совсѣмъ съ ума не свели ее тогда. Но за то она провела „восемь дней“ въ Шилмонт-каслѣ и во все эти восемь дней, въ своемъ качествѣ *princess* **, брала, по іерархическимъ обычаямъ англійскаго

* Такія приглашенія въ Англію бываютъ всегда на срокъ, по истеченіи котораго гостившіе уступаютъ мѣсто новымъ приглашеннымъ.

** Съ княжескимъ титуломъ въ Англіи, какъ и вообще на западѣ, всегда соединяется понятіе царственнаго происхожденія.

reerage, шагъ къ обѣду надо всѣми тутъ бывшими герцогами и маркизами, и — что въ ея помятихъ было еще лестиѣ — даже надъ женой одного изъ тогдашнихъ англійскихъ минастровъ. — „Figurez-vous cela, ma chère“ долго еще потомъ удивлялась она, рассказывая объ этомъ пріятельницамъ своимъ на континентѣ.... Политическая и культурная Англія ничего не прибавила къ уметвенному запасу нашей princess: проживъ тамъ болѣе трехъ лѣтъ, она трехъ фразъ не могла сложить по-англійски; для чего тамъ собираются люди въ какой-то парламентъ, — значеніе котораго, когда она еще дѣвочкой была, madame Crébillon, воспитательница ея и бонапартистка, объясняла ей такими словами: „un parlement, ma chère amie, — ainsi nommé parcequ'on y parle et qu'on y ment“, — и какъ англійскій король позволяетъ этимъ людямъ „богатѣть и дгать“, — она до конца уловить себѣ не могла. Разница между *сиглами* и *торіями*, почему *лордъ-мерз* „не настоящій лордъ, когда онъ называется лордомъ“, что значитъ „Оранскій домъ“, и „что такого хорошаго сочинили этотъ Байронъ, dont parle toujours Michel“, то-есть ея мужъ, — всѣ эти хитросплетенныя мудрости такъ и остались для нея на всю жизнь не разобранными гіероглифами. Но за то въ эти незабвенные „восемь дней“ проведенные ею въ Шилмоуткаслѣ Аглая Константиновна постигла высшимъ націемъ всѣ тайны вѣшняго облака англійской аристократической жизни, уразумѣла всѣ порядки богатаго англійскаго дома, отъ drawing room (гостинной) и до комнаты, отъ столовой сервировки и до покроя выѣздныхъ ливрей. Чинный, чопорный, важный складъ этихъ порядковъ, эта широкая, преемственная, величавая обстановка существованія, презрительно относящаяся ко всякой эффектиности, но въ которой, отъ стараго слуги и до игорной щетки, все носитъ на себѣ характеръ какой-то незыблемости и *почтенности* (respectability), поразили ее своимъ глубокимъ противорѣчіемъ съ безалаберною, шероховатою роскошью среди которой выросла она сама подъ раззолоченными карнизамъ своего отчаянно икавшаго послѣ обѣда „палаши“. Въ силу какихъ историческихъ и нравственныхъ условій все это сложилось и могло такъ держаться — Аглая сообщить была не въ состояніи, да и не думала объ этомъ.

Вся сумма ея впечатлѣній выразилась въ одной мысли: „вотъ какъ должны жить *les gens comme vous*“!...

И съ этой минуты, съ этихъ блаженныхъ „восьми дней“ въ Шилмоуткаслѣ, предъ нею выросъ идеалъ: „поставить домъ свой на англійскую ногу“. Каждому свое, сказалъ древній мудрецъ. Кто знаетъ, какъ безъ этого идеала совладала бы Аглая съ муками своей ревности, съ тѣмъ „*délassement*“, какъ выражалась она, въ какомъ оставлялъ ее мужъ до того дня когда, почувствовавъ въ груди первые признаки унесшей его два года потомъ болѣзни, онъ воротился, усмиренный и кающійся, къ семейному очагу устроенному ею „на англійскую ногу“? Кто знаетъ, отъ какихъ соблазновъ спасали Аглаю глубокомысленныя соображенія о выборѣ венезя на новый фарфоровый сервизъ къ столу или цвѣта матеріи для заказаннаго въ Лондонѣ кэба? А сколько не-сказанныхъ утѣшеній доставляло ей изумленіе и тотъ даже нѣкоторый терроръ которые бывъ уже *посланницей* вступала она пышнымъ устройствомъ своего дома разчетаннымъ Нѣмцамъ при которыхъ мужъ ея былъ аккредитованъ, и корреспонденціи изъ обитаемаго ими города въ парижскія газеты, въ которыхъ говорилось: „*la grande existence, le luxe intelligent de monsieur le prince de Szastounof, ministre de Russie*“, или уже прямо о ней, о томъ что было ей такъ близко: „*la tenue toute anglaise de la maison de madame la princesse de Szastounof*“, и т. п..

Въ Сапкомъ, еще до пріѣзда, приняты были всѣ мѣры для устройства жизни на подобіе того же незабвеннаго Шилмоуткасла, заказаны были новая каменная ограда и левъ съ гербомъ на воротахъ, знакомые уже нашему читателю. Многочисленная прислуга облечена въ безукоризненные черные и ливрейные фраки, обута въ салопи безъ каблукъ— „чтобы на ходу не стучали“, писала княгиня своему управляющему,—и мягко выступала теперь по коврамъ и паркетамъ, внимательная, отеленная и безмолвная... Изъ-за границы ожидалась оставленная тамъ всякіе экипажи. Присланнымъ изъ Москвы живописцемъ изготовлена была для большой гостиной копія съ портрета старика князя Шастунова, такъ какъ князь Ларіонъ не соглашался на перенесеніе оригинала изъ своихъ покоевъ, а по понятію Аглаи Константиновны „*dans un premier salon*“ надо непременно

un portrait d'ancêtre". Monsieur Vittorio, главный исполнитель ея распоряженій и мажордомъ, велъ бдительный надзоръ за порученными наемнымъ и дворовымъ мастеровымъ всякими передѣлками и починками по дому и ходилъ каждое утро со своими книгами и докладами ко княгинѣ, которая провѣряла первыя до малѣйшей копѣйки, а по вторымъ клала собственноручная, большею частію строгія, резолюціи... Распределение времени „однажды навсегда“ велось по хронометру покойнаго князя Михаила Васильевича, который Vittorio приказано было носить въ карманѣ жилета „въ особомъ кожаномъ мѣшечкѣ“, и по которому повѣрялись черезъ день всѣ часы дома. Тралезы имѣли чисто англійскій характеръ: утромъ въ 10 часовъ сервировался первый завтракъ breakfast, чай, масло, яйца, картофель и холодная говядина; въ два часа полудни подавали второй завтракъ, luncheon, вѣрнѣе цѣлый обѣдъ изъ четырехъ блюдъ, только безъ супа и безъ сладкаго. Обѣдали въ шесть: „Car ces estomacs russes ne pourraient jamais attendre plus longtemps“, разсудила Аглая Константиновна. Между завтраками предоставлялось каждому дѣлать изъ себя что угодно; отъ трехъ часовъ до обѣда предполагались прогулки или поѣздки „en commun, любоваться на виды“,— время это теперь занято было репетиціями. „Для серьезныхъ людей“ подавъ столовой, устроена была reading room, читальня, гдѣ на большомъ кругломъ столѣ разложены были *Indépendance Belge* и *Journal de St.-Petersburg*, какія-то вылизываемыя, по старой памяти, бывшею посланницею *Hannoverschen Nachrichten*, и изъ русскихъ *Сѣверная Пчела* и *Современникъ*, „pour être au courant de la littérature nationale“, покровительственно говорила владѣлица Сидкаго...

Но англійскіе порядки княгини Аглаи Константиновны приходились видно не по зубамъ“, какъ выражался исправникъ Акулинь, большинству соотечественниковъ, подъ предлогомъ репетицій, наѣхавшихъ къ ней изъ окрестностей, въ расчетъ на безцеремонные обычаи стародавняго барскаго хазбосоловства. Пораженные вѣстью о бѣлыхъ гаалстухахъ изъ платьяхъ *decollete* къ обѣду, отяжелѣвшіе помѣщики и распустившіяся въ деревенской лѣтви сосѣдки послѣднимъ убратъся по домамъ и, трясаясь въ своихъ доморощенныхъ бричкахъ, долго и злобно, съ высоты своего оскорбленнаго

дворянскаго достоинства, обзывали бывшую посланницу *кабаркою пазой* и зазнавшимся *Раскаталовскимъ отродьемъ*, что впрочемъ нисколько не помѣшало тому что въ тотъ же вечеръ, на двадцать пять верстъ кругомъ, вытаскивались изъ старыхъ сундуковъ залежалые фраки и отставные мундиры, и всякія Аришки и Палашки кроили, при свѣтѣ самой свѣчи, разнообразнѣйшихъ фасоновъ кисейныя и барежевыя платья; „на случай, приказывали имъ господа—соберемся какъ-нибудь къ Шаптуровымъ опять“... Въ Ситкомѣ остались обѣдать почти исключительно участвовавшіе въ спектаклѣ. Пулярка, въ избѣжаніе новой обиды ихъ, или новаго окаянства съ ихъ стороны, заботливо поручены были отъѣзжавшими мажантами ближайшему надзору и покровительству образованной окружной.

XIX.

Люблю я часъ

Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ...

Пушкинъ.

Обѣдъ былъ отличный, а сервировка его еще лучше. Хозяйка, сидѣвшая между Чижевскимъ, генераль-губернаторскимъ чиновникомъ и Зябливымъ, съ самодовольною уямбкой поглядывала на свое великозлатное серебро отъ Стора и Мортимера *, богемокое текло и саксонскія тарелки на безупречную тепле своихъ гостей, и переносилась мыслію къ далекому Шилмауткаслу:—*„с'est presque aussi cozy chez moi que chez les Deanmore!“* думала она своєю ежедневною въ эту пору думу, въ то же время прикладывая ухо къ сладкимъ рѣчамъ, которыя нашептывалъ ей слѣва „калѣброкій бригавътъ...“ Разоренный московскій левъ, много денегъ и трудовъ положившій въ свое время на успѣшное впрочемъ *печоринство* въ московскихъ салонахъ, велъ съ самой зимы правильную осаду милліонамъ княгини Аглаи Константиновны. Представленный ей вскорѣ послѣ возвращенія ея изъ-за границы, онъ направилъ было батареи свои

* Въ то время особенно славившіеся лондонскіе фабриканты серебряныхъ издѣлій.

на княжну Лилу, но весьма скоро сообразилъ что изъ этого ничего не выйдетъ, началъ громить или самую маленькую и, какъ имѣлъ поводъ думать, не безуспѣшно. Сорочкаѣтней барыня правилась его разочарованные азыри, его молчаливыя улыбки и сдержанные вздохи, сопровождаемые косыми взглядами направляемыхъ на нее въскользко воловьихъ глазъ. И когда князь Ларионъ, который терпѣть его не могъ, спросилъ ее однажды: „Что, вамъ очень весело бываетъ съ господиномъ Зяблинымъ? она покраснѣла,“ и недовольнымъ тономъ отвѣчала: „ne le touches pas, Laron, je vous prie, c'est un être incompréhensible!“ Князь прикусилъ губу, покосился на нее съ сардоническою усмѣшкой и отрѣзалъ: „болванъ и тунеядецъ, ищущій приданого!“ Съ тѣхъ поръ онъ вовсе пересталъ замѣчать „бриганта“, Зяблинъ уже не отставалъ отъ княгини, и съ каждымъ днемъ почиталъ себя все ближе и ближе къ своей цѣли. Онъ былъ теперь особенно въ ударѣ, послѣ того какъ она сказала ему въ театрѣ что онъ будетъ очень хорошъ въ костюмѣ Клавдію, и отпуская ей вѣжливость за вѣжливостью.

Чижевскій, высокій, рыжеватый молодой человѣкъ лѣтъ 26, со смѣлыми карими глазами и высоко приподнятою головою, вслѣдствіе чего почитался московскими лѣнцами за непреходимаго фата, былъ на самомъ дѣлѣ *душа-малой* веселый и въ то же время мечтательный, вѣчно влюбленный лавовически въ какую-нибудь женщину и всегда готовый вылить бутылку шампанскаго съ хорошими пріятелями. Неистощимый разсказчикъ, онъ передавалъ осязая своей Софьѣ Ивановнѣ одинъ изъ удачнѣйшихъ своихъ анекдотовъ и очень удивился что вмѣсто ожидаемаго имъ громкаго смѣха, на лицѣ ея едва скользнула смислительная улыбка. Но Софьѣ Ивановнѣ было не до анекдотовъ. Она украдкой слѣдила взглядомъ за племянникомъ сидѣвшимъ на концѣ длиннаго обѣденнаго стола и тосковала всею тою тоскою которую читала на его лицѣ. Онъ сидѣлъ между Духовичнымъ и Факирскимъ, бѣдный и безмолвный, не подымая ни на кого глазъ и едва притрогиваясь ко своей тарелкѣ, и безучастно внималъ какому-то оживленному спору затѣвавшемуся казалось между его сосѣдами.

Боже счастливая чѣмъ Чижевскому доля выпала Шаргареву, котораго хозяйка, съ тайною мыслью обезлечить за

собой любезность „калэбрскаго бригадта“ на все время обѣда, посадила по другую сторону одной московской тридцатилѣтней княжны, своей пріятельницы, только-что предъ самымъ столомъ пріѣхавшей въ Сидкое. Шигаревъ слышавшій о ней какъ объ очень умной дѣвушкѣ считалъ нужнымъ повести съ нею „серіозный“ разговоръ. Темъ для такого „серіознаго“ разговора было у него исключительно двѣ: о томъ, во первыхъ, что у него „тысяча безъ одной“, то-есть 999 душъ и конскій заводъ въ Харьковской губерніи, а вторыхъ, о его родномъ братѣ, который также былъ харьковскій помѣщикъ и тоже имѣлъ тысячу душъ и заводъ, но не конскій, а мыловаренный. Шигаревъ былъ чрезвычайно братолюбивъ и объ этомъ братѣ разсказывалъ съ такими подробностями и такъ вѣжливо что слушатели не знали куда дѣваться. Но вслѣдствіе ли того что предварительно было имъ сообщено о числѣ владѣемыхъ имъ душъ или просто по тому что для тридцатилѣтней дѣвицы и Шигаревъ—человѣкъ, только умная московская княжна внимательно глядя на него маленькими прищуренными глазками и поощрительно улыбалась. На этотъ разъ вариация на тему брата заключалась въ томъ что у этого брата необыкновенно развиты были мускулы правой руки, такъ что „когда онъ протянетъ ее крѣпко—сейчасъ и выскочить у него на ней лаубокъ величавою съ алеаисинъ“.

— Да, я слышала, подтвердила княжна,—это бываетъ... у мушницъ.

— Не у всѣхъ! горячо возражалъ Шигаревъ,—у брата моего, да! Но не у всѣхъ! Вотъ на моемъ заводѣ у двухъ моихъ лошадей сдѣлались такіа же какъ алеаисины гулы у самыхъ воздрей... Онъ не выдержалъ и вдругъ захохоталъ: — Гулы вы не знаете, это у насъ такъ, по-хохлацки... а вы думали—голубей кличутъ?... Гулы, гулы гуленьки, гулы, гулы голубокъ... Онъ заходилъ носомъ, губами, изображая голубиное воркованье...

И московская княжна, закрывъ уже совсѣмъ свои маленькіе глазки, смѣялась до упаду, восхищалась этимъ милымъ „оригинальничаньемъ“.

Князь Ларіонъ, сидѣвшій по другую сторону Софьи Ивановны, говорилъ ей тѣмъ временемъ:

— Не знаю, успѣлъ ли передать вамъ Сергѣй Михайловичъ о нашемъ сегодня съ нимъ разговорѣ и о моемъ совѣтѣ ему?

— Знаю; очень вамъ благодарна отвѣтила она.

Онъ взглянулъ на нее, нѣсколько удивленный сухостью показалось ему, ея тона.

— Очень! повторила она кивая головой:—вы правы, ему здѣсь нечего дѣлать! подчеркнула она... Особенно если вы устроите ему потомъ...

— Это непременно! не далъ онъ ей кончить;—и это мы въ Москвѣ же устроимъ. Не понимаю даже, для чего вашъ племянникъ ѣздилъ въ Петербургъ подавать свою просьбу вашему главноначальствующій, при дружбѣ своей съ... (князь называлъ одного очень высокопоставленнаго въ то время сановника)—все можетъ теперь... Я чрезъ него обдѣлаю...

Софья Ивановна наклонила голову въ знакъ признательности.

— Я очень интересуюсь вашимъ племянникомъ, заговорилъ опять князь Ларіонъ,—мнѣ много говорили въ Москвѣ зимой о его способностяхъ и познаніяхъ, и, сколько я могъ самъ судить за это короткое время, онъ дѣйствительно, далеко не дюжинный молодой человекъ. Еслибъ я былъ еще во власти, я бы непременно...

— Ничего для него бы не сдѣлали! быстро промолвила Софья Ивановна, которую уже давно подмывало сказать ему что-нибудь непріятное.

— Почему же вы такъ думаете? недовольнымъ тономъ спросилъ онъ.

Она послѣдила обратить слова свои въ шутку:

— Я Писанія держусь: *не уповай ни на князи, ни на сыны человеческіе...*

— Я не могу вамъ воспрепятствовать почитать меня за эгоиста, сказалъ слегка усмѣхался князь Ларіонъ,—но прошу васъ вѣрить только въ то что я по *принципу* стараюсь бы проложить Сергѣю Михайловичу дорогу. Мудрое правительство должно было бы всегда, по-моему, имѣть такихъ *намяченныхъ* имъ, такъ - сказать, заранее, для занятія въ будущемъ высшихъ должностей въ государствѣ, молодыхъ людей, которые, какъ вашъ племянникъ, къ счастливой случайности рожденія и независимости по состоянію присоединяютъ еще имъ солиднее высшее образованіе.

— Очень красно, только ты племяннику-то своей этому „намяченному“ отдать не намѣренъ, подумала Софья

Ивановна и опять неудержимо захотѣлось ей кольнуть въ-нибудь „старого лукавца“...

— Я о правительствѣ не сужу, громко проговорила она,— о у насъ, по Писанію тоже, и *своя своимъ не познаша!*..

Захотѣлъ ли или вѣтъ ловить князь Ларіонъ этотъ на-акъ, но онъ прекратилъ разговоръ справа и обратился съ какимъ-то вопросомъ къ сидѣвшей у него слѣва образованной окружной.

Глаза еще взволнованной Софьи Ивановны обѣжали кругомъ стола и съ какою-то бессознательною, но глубокою вѣжностью остановились на княжѣ Ливѣ, съ обѣихъ сторонъ которой двѣ изъ пуларокъ, чуть не повисли ей на лечи, ужасно торолась и перерывала другъ друга, передавали ей какой-то вздоръ. Софья Ивановнѣ самой себѣ не отѣлось признаться въ темъ чувствѣ которое неотразимо лежало ее къ этой дѣвушкѣ. Давно ли,—когда Сергій пріѣхалъ изъ Сицкаго, и она его исповѣдывала, она не только жасалась мысли о предстоявшихъ ему недочетахъ, но и амый услѣхъ его, думала она, былъ бы кажется для нея агостенъ? Тогда она обѣими руками, не задумавшись, подписалась бы подъ разумнымъ приговоромъ князя Ларіона: не жениться въ 23 года, не создавать себѣ никакаго положенія, не сдѣлавъ ничего ни для общества, ни для себя“... Теперь всѣ соображенія ея перепутывала и смущала одна порно, неотступно забѣгавшая ей въ голову мысль: „а что же если и она, это милое созданіе, полюбитъ Сережу, что же тогда?“ И она, сама себѣ въ этомъ не давая отчета, осадаиво отгоняла этотъ „соблазнъ“, каждый разъ когда представлялъ онъ предъ нею, страстно, съ какимъ-то молодымъ бѣненіемъ сердца, жаждала теперь чтобъ это случилось... Чибъ „это милое созданье“, эта синеекая, изящная икая дѣвушка... такъ напоминающая его, отца своего, тобъ и она... да... И Софья Ивановна отуманенными глазами глядѣла любуясь на тонкій обликъ Ливы и въ головѣ я проносилось что „есаибъ ужъ на то была воля Божья“, на' и не знаетъ кого бы изъ „нихъ двухъ“ она болѣе юбила...

Княжна какъ бы почувствовала на себѣ проникающую грую этого взгляда: она подняла голову, встрѣтилась глазами съ Софьей Ивановной, и улыбнулась... „Да, люби меня, хорошаа!“ такъ и говорила эта улыбка.

У Софьи Ивановны забилось въ груди какъ въ двадцатъ лѣтъ....

— Господи, точно я сама влюблена въ нее! подумала она дружески кивая ей черезъ столъ.

Княжна тихо отвела отъ нея глаза, вскинула ихъ на мигъ вѣне въ сторону гдѣ сидѣлъ Гудуровъ—и опять какъ бы вопросительно взглянула на нее:

— „О чемъ онъ тоскуетъ“? прочла въ нихъ ясно Софья Ивановна....

Старый офиціантъ съ сѣдыми бакенбардами и строгой физиономіей, наклоняясь тѣмъ временемъ къ уху исправника, передавалъ ему на тарелкѣ продолговатый конвертъ лодъ казенною печатью и шепталъ ему таинственно и внушительно:

— Сею минутою изъ города къ вамъ разсылный,—называлъ-съ что очень нужное...

Исправникъ торопливо вскрылъ на колѣнахъ конвертъ вынулъ изъ него бумагу и какое-то вложенное въ нее письмо, прочелъ надписанный на немъ адресъ и также торопливо обернувшись къ слугѣ:

— Князю Лариону Васильевичу сейчасъ! передалъ онъ ему письмо, и слегка дрожащими руками развернулъ подъ столомъ полученную имъ бумагу, принялся читать ее.

Слуга съ тѣмъ же таинственнымъ видомъ и молча поднесъ письмо по назначенію.

Князь съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянулъ на него узнавъ почеркъ на адресѣ, тотчасъ же взялъ его съ тарелки и спросилъ:

— Кѣмъ доставлено?

— Господина капитанъ-исправникъ приказали вашему сіятельству вручить-съ, отчетливо, лѣвуче и протяжно доложилъ старый дворовый, отъ избытка почтительности совсѣмъ ужъ неестественно приподымая сѣдые брови.

— Вамъ съ нарочнымъ приславо? громко обратился черезъ столъ князь къ Акулину.

— Точно такъ съ, приподымаясь на половину со своего стула, отвѣчалъ толстый Еллидифортъ:—получилъ сейчасъ въ пакетъ съ извѣщеніемъ что ихъ сіятельство изволятъ прослѣдовать чрезъ нашъ уѣздъ въ сосѣднюю губернію; въ имѣніе свое въ Наруссово, надо полагать, ѣхать изволятъ. Отъѣздъ изъ Москвы назначенъ по маршруту въ

пятницу, 19го числа, а въ субботу утромъ они намѣреваются быть здѣсь—въ Сидкомъ съ....

— Le comte? къ намъ? вопросительно протянула княгиня Аглая Константиновна, скрывая причиняемое ей этой вѣстью удовольствіе подъ равнодушною улыбкой.

— Oui, ваше сіятельство! послышалъ подтвердить исправникъ.

— Официальности, официальности-то на себя что напустилъ! хихикнулъ вполголоса Свищовъ, подмигивая черезъ столъ Духовину, — Эликуреецъ, а?

— Отстаньте, — служба! такимъ же не оердитымъ теплотомъ осадилъ его Акулинь.

— Я его знаю—графа! громко возгласила Ольга Елпиди-форовна, которая сидѣла между двумя обожателями своими, Равцевымъ и Маусомъ и въ продолженіе всего обѣда занималась тѣмъ что дразнила и натравливала ихъ другъ на друга;—когда я была на балѣ въ Благородномъ Собраніи съ генеральшей Датаовой, она меня познакомила. Онъ очень добрый старикъ и смѣливой такой—голова точно арбузъ, лысая вся кругомъ. Онъ мнѣ руку далъ, любезенъ очень былъ и сказалъ чтобъ я чаще прѣзжала въ Москву, домогла самадовольно барышня; причемъ почтеннаго родителя ея такъ и повело, такъ какъ графъ,—чего не сказала вслухъ Ольга,—приглашая ее чаще бывать въ Москвѣ, прибавилъ къ этому: „а отду скажите чтобъ въ карты меньше игралъ“!....

— А мнѣ придется отсюда скрыться куда-нибудь на время, засмѣялся Чижевскій:—я у него насилу выпросился на 28 дней, родныхъ позвать,—и вдругъ онъ меня найдетъ здѣсь на сценѣ... Бѣда какого дастъ нагоняя!...

— Ne s'agitez pas, я ему скажу et il ne vous fera rien, обладешила его съ высоты своего величія княгиня.

Князь Ларіонъ читалъ тѣмъ временемъ письмо графа. Оно писано было крупными растянутыми буквами, какъ пишутъ начинающія дѣти и грамотные лавочки, и занимало всѣ четыре страницы большого почтового листа. Содержаніе его, повидимому, представляло значительный интересъ, потому что князь то хмурился, то разжималъ брови, и сосредоточенно вникалъ, казалось, въ смыслъ каждой строки. Онъ добрался до конца, сложилъ письмо:

— Извините за мою неучтивость, своимъ любезнымъ и какъ бы повеселявшимся тономъ проговорилъ онъ, обводя

легкимъ поклономъ своихъ сосѣдокъ,—я такъ безцеремонно занялся чтеніемъ. Вотъ и ближайшій случай обдѣлать дѣло Сергія Михайловича, шепнулъ онъ тутъ же Софѣ Ивановѣ. И поднявъ голову:

— Нарочный вашъ еще здѣсь? спросилъ онъ олатъ громко у исправника.

— Здѣсь еще, ваше сіятельство!..

— И можетъ подождать нѣсколько?

— Сколько прикажете съ!

— Такъ я послѣ обѣда напишу и попрошу васъ письмомъ мое распорядиться доставить скерѣ на почту...

— Я самъ, если позволите, ваше сіятельство, доставлю его въ городъ сегодня же, отвѣчалъ Акулинь,—и для большей скорости не прикажете ли отправить его оттуда съ эстафетой?

— Очень хорошо съ!..

— А Половія чтѣ жъ,—по боку, значитъ? раздался вдругъ какъ изъ бочки, къ общему смѣху, встревоженный и раздраженный голосъ,—голосъ „фанатика“, безмолвно до сихъ поръ лишь отваливавшего себѣ огромные куски съ блюдъ, которые пожиралъ съ алчностью достойною Гомеровскаго Полицея.

— Я вернусь завтра же къ полудню, оказалъ смѣясь исправникъ,—а на сегодня ужъ извините: служба прежде всего съ....

— Дороги не въ исправности? шутиливо спросилъ князь Ларіонъ.

— На этотъ счетъ смѣю просить извиненія у вашего сіятельства, возразилъ почтительно обиженнымъ тономъ толстый Еллидифоръ: — по губерніи, смѣло могу сказать съ, нѣтъ дорогъ исправнѣе моихъ! А паремъ на рѣкѣ Нарѣ осмотрѣть нужно съ. Съ торговъ отдается, изволите знать; возать, не жалятся.. Только подѣ проѣздъ ихъ сіятельства, чтобы не задержали какъ-нибудь, заранѣе приказаніе отдать чтобы къ 19му числу народъ нагнать на рѣку на всякій случай...

Князь Ларіонъ усмѣхнулся съ тѣмъ полупрезрительнымъ, полускусающимъ видомъ человѣка которому изъ долголѣтней практики службы въ вышнихъ чинахъ до тошноты вѣдома была вся эта исторія начальническихъ поѣздокъ по толкучимъ закиданнымъ колеямъ отечественныхъ дорогъ, съ

было скачущимъ впереди на тройкѣ исправникомъ и нагнаннымъ народомъ на переправахъ, но который изъ той же практики давно убѣдился что ничего съ этимъ не поделаешь, и что этими порядками стояла и будетъ стоять Святая Русь до скончанія вѣковъ...

XX.

Люби всѣ возраста покорны.

Пушкинъ.

Тотчасъ же послѣ обѣда князь ушелъ къ себѣ, попросивъ прислать кофе къ нему наверхъ. Это значило что онъ не скоро намѣренъ вернуться къ обществу... То чѣмъ имѣлъ онъ отвѣтить на полученное имъ письмо требовало размышленія. *Графъ* съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ связяхъ еще со временъ Отечественной войны, когда юношей, прямо со скамьи Лейпцигскаго университета, онъ поступилъ дипломатическимъ чиновникомъ въ походную канцелярію князя Кутузова, писалъ ему о *предложеніяхъ* имѣющихъ быть ему сдѣланными изъ Петербурга, и о которыхъ онъ, то-есть *графъ*, передать ему подробнѣе при личномъ свиданіи въ Спбкомѣ, но что его, *графа*, просятъ заранѣе узнать: согласенъ ли будетъ вообще князь снова вступить въ службу, „потому,—говорило въ письмѣ,—если *вообще* переменить своего покоя не хочешь, то *ничего* тебе и предлагать. А потому отпущи сейчасъ *штобъ* и я могъ *нѣмного* про тебя *што просятъ* отвѣчать“... Князь зналъ *кто* проситъ объ этомъ его отвѣтъ его почтеннаго, хотя и не очень грамотнаго, стараго друга; онъ зналъ что оттуда могли идти лишь *вѣскія* по своему источнику *предложенія*... Онъ могъ опять попасть во власть, и невольно проводилъ у него въ головѣ знакомыя имена облеченныхъ въ высшія должности государства... „Кого же думаютъ тамъ замѣнить мною?“ спрашивалъ онъ себя съ безотчетнымъ любопытствомъ, медленными шагами подымаясь по лѣстницѣ въ свои покои... Онъ еще далеко не зналъ какого рода отвѣтъ онъ дастъ *графу*. Власть?... Онъ сознательно, потому что признавалъ долгомъ своей совѣсти, отказался отъ нея два года тому назадъ. Ему было тяжело тогда: этотъ міръ власти, въ

которомъ съ юныхъ лѣтъ было предназначено ему мѣсто, въ которомъ онъ такъ долго былъ своимъ, былъ ему дорогъ. Но онъ отказался отъ нея, и уѣхалъ въ Италию. Въ воспоминаніи князя мелькали подробности этого отъѣзда его тогда: скверный октябрьскій петербургскій вечеръ, съ пронзительнымъ вѣтромъ и дождемъ, полусвѣщенная зала въ зданіи почтовыхъ каретъ въ Большой Морской, два исполненные гражданскаго мужества бывшіе его чиновники, пришедшіе проводить его, охрипшая труба кондуктора... Затѣмъ олять дождь, свинцовое небо, нескончаемый путь до Таурогена, бессонныя ночи въ тѣсномъ экипажѣ, упреки и сожалѣнія не засылавшаго честолюбія, и на границѣ равнодушный голосъ таможеннаго чиновника провѣрившаго паспорта,—голосъ словно и теперь звенѣвшій въ его ухѣ и показавшійся ему тогда такимъ дерзкимъ: „князь Шастуновъ, отставной тайный совѣтникъ, не угодно ли получить!..“

Онъ не останавливаясь проѣхалъ чрезъ Германію,—Германію почти ему родную во времена *Тугендбунда* и пѣсень Кёхнера, но которая теперь вся, отъ Одера до Майна и Дуная, горѣла огнемъ междоусобія, и достигъ цѣли своего пути, — прибылъ въ Ниццу. Велѣлъ вести себя въ *Hôtel Victoria*, гдѣ, онъ звалъ по письмамъ, стояла семья его недавно умершаго брата. *Vittorio*, котораго онъ помнилъ курьеромъ у князя Михайла, встрѣтился съ нимъ на лѣстницѣ, узналъ и любѣжалъ доложить... Дверь открылась, онъ вошелъ... „*Lagion*!“ вскрикнула княгиня Агая, и за нею высокая дѣвушка, въ черномъ съ головы до ногъ, съ глухимъ рыданіемъ упала ему головой на плечо...

Какъ живо теперь припоминалъ онъ это мгновеніе!... Онъ не видалъ ее лѣтъ шесть. Какъ мало походило на тогдашнюю владогрудую, длинную дѣвочку это стройное созданіе, блѣдное и прекрасное въ своей вѣной печали какъ мраморъ Ніобеи, съ тихимъ пламенемъ мысли въ васильковыхъ глазахъ!... Она его прежде всего поразила сходствомъ своимъ съ его братомъ, съ которымъ онъ всегда былъ очень друженъ и который всегда съ глубокою любовью говорилъ о ней въ своихъ письмахъ къ нему. Тотъ же не улыбавшійся взглядъ, то же изящное сложистіе вѣшняго облика, подъ которымъ у князя Михайлы скрывалась въ молодости неудержимая страстность... „А дальше?“ спрашивалъ себя въ

первые дни налаженный на сомнѣніе князь Ларіонъ; „на- сколько тутъ къ той чистой крови являеи отъ грубой на- туры ея матери?...“

Не долго задавая оиъ себя подобные вопросы...

Ихъ сблизила прежде всего эта дорогая имъ обоимъ па- мять о князѣ Михайлѣ. Они каждый день говорили о немъ... Онъ умиралъ, медленно угасая, въ полномъ сознаніи своего состоянія, читалъ каждый день Евангеліе и молился по цѣ- лымъ часамъ. „Онъ былъ чрезвычайно ласковъ и *покоренъ* пашап, но никогда ничего не говорилъ ей о себѣ чтобы не испугать ее, объясняя Лина, только когда мы остава- лись съ нимъ вдвоемъ онъ не таился, и будто легче бывало ему оттого“... Князь Ларіонъ договаривалъ себя то чего не позволяла или не хотѣла оказать ему Лина: „покоряясь,“ его бѣдный братъ до послѣдней минуты не могъ побѣдить того чувства которое въ продолженіе всей его жизни удаляло его отъ женщины связанной съ нимъ невольными узами. Онъ томился ею до конца, и въ рабочемъ настроеніи своемъ тѣмъ мучительнѣе тосковалъ и калялся въ винахъ своихъ предъ нею. Въ полубреду предсмертныхъ часовъ онъ, уцѣпившись костепѣвшими пальцами за поледенѣвшую отъ ужаса руку Лины, говорилъ ей: „мать... не огорчай... Искупи... искупи меня, грѣшнаго“!..

Князь Ларіонъ былъ вскорѣ весь охваченъ благоуха- ніемъ этой расцвѣтающей жизни. Чѣмъ-то невыразимо- чистымъ свѣтлымъ, примиряющимъ вѣяло отъ нея въ его наболѣвшую и возмущенную душу. Онъ уже не разсуждалъ, онъ отдавался этому обаянію... Идти объ руку съ лаеман- вицею къ морскому берегу, куда-нибудь подальше отъ *Prote- nade des Anglais* * и, уцѣвшись на камнѣ у самого прибоя, глядѣть по цѣлымъ часамъ на ларуеа скользящіе вдаль по голубому простору средиземныхъ воамъ, читать съ нею по вечерамъ, а по утрамъ учиться вмѣстѣ италянскому языку у стараго, смѣшнаго учителя на даивныхъ, драбленъ- кихъ ножкахъ который при каждомъ объясненіи лукаво моргалъ глазами и таинственно спрашивалъ ихъ: „*Sentite Eccellenze*“? **, такова была идиллія которую переживалъ

* Главное мѣсто гулянья въ Ниццѣ.

** Понимаете, ваше сіятельство?

теперь на склонѣ дѣтъ этотъ послѣдшій въ тревогахъ и разочарованіяхъ дѣловой жизни человѣкъ.

А время бѣжало, трауръ по братѣ приходилъ уже къ концу; княгиня Аглая заговорила о „devoirs de société“, о необходимыхъ выѣздахъ, о Россіи... На князя Ларіона это произвело впечатлѣніе неожиданнаго удара: въ уносившемъ его теченіи онъ какъ бы никогда не думалъ о томъ что эта блаженная, одинокая, почти вдвоемъ съ Лилой жизнь его въ Ниццѣ должна была измѣниться не сегодня такъ завтра; ему какъ бы въ голову не приходило что ее могутъ отнять у него. Онъ спрашивалъ себя: не то ли же самое испыталъ бы князь Михайло на его мѣстѣ, не тою ли же тревогой исполнился бы онъ еслибъ его тѣснымъ, нѣжнымъ, счастливымъ отношеніямъ къ дочери грозило чье-либо мертвящее внимательство?.. Увы, внутренний голосъ отвѣчалъ ему что отцовская нѣжность не вѣдала бы подобныхъ опасеній, что это чувство все даетъ и ничего не требуетъ, что ему не грозно никакое соперничество, потому что соперниковъ у этого чувства быть не можетъ... А онъ,—онъ ужаснулся своей мысли... „Бѣжать, бѣжать скорѣе!“ мелькнуло у него въ головѣ.

— Намъ, вѣроятно, скоро придется разстаться, сказалъ онъ Лилѣ, — твоя мать желаетъ ѣхать въ Россію, а мы... мы тамъ нечего дѣлать, — я уѣду въ Римъ...

Она съ испугомъ подняла голову:

— Дядя, что же мы безъ васъ дѣлать будемъ?..

Князь Ларіонъ ожилъ... Онъ былъ нуженъ ей, онъ былъ для нея преемникомъ всего того высшаго, сочувственнаго, просвѣтительнаго что представлялось Лилѣ въ ея покойномъ отцѣ, что связывало ее съ нимъ духовными неразрывными узами и безъ чего ей жить нельзя... Онъ жадно уцѣпился за эту мысль:—да, онъ ей нуженъ, не имѣетъ права ее оставить; онъ будетъ оберегать это нѣжное растеніе отъ грубыхъ, невѣжественныхъ прикосновеній, будетъ ревниво охранять тотъ священный огонь вожеваемый братомъ его въ душѣ дочери,—онъ, по праву, единственный ея покровитель.

Онъ остался, и весь старый свой дипломатическій опытъ употребилъ онъ теперь въ дѣло чтобъ отсрочить отъѣздъ ихъ изъ Италіи, чтобы не дать разыгратъ воскресавшимъ свѣтскимъ вождѣлѣніямъ своей неѣстки. Онъ пугалъ ее русскими холодами, петербургскою сыростью, опасными для

ея дѣтей взрослыхъ подъ умѣреннымъ небомъ Германіи; племянницѣ онъ говорилъ о тщетѣ свѣтской жизни, о бессмысленномъ тщеславіи Петербурга; онъ поощрялъ замѣчательную имъ въ ней релігіозную восторженность; онъ расправлялъ горечь и безъ того живучихъ сожалѣній ея о страстно любимомъ отцѣ:—на этой почвѣ, онъ зналъ, у него не могло быть соперниковъ....

Онъ достигъ своей цѣли: еще годъ оттянувшись у Агалаи Константиновны. Вѣсто Россіи онъ увезъ ее съ дѣтьми въ Римъ. Но свѣтская жизнь уже забирала свои права. Княгиня Агалая завела много знакомствъ, между прочимъ съ одною графиней Анисьевою, петербургскою дамою жившею въ Римѣ для своего здоровья. Князь Ларіонъ, очень не жаловалъ ее и чулалъ въ ней „интригантку“. Агалаѣ Константиновнѣ она, напротивъ, пришлаась очень по вкусу: онъ безпрестанно выдались и вѣчно о чемъ-то шушукались. Лицу графиня не звала иначе какъ „mon idole“ и только вздыхала глядя на нее, въ изъясненіе своего восхищенія ею. Все это коробило князя Ларіона... А княгиня въ то же время все настоятельно приставала къ нему—вернуться въ Россію. „Ея дѣла... et puis Lina va avoir dixhuit ans, многозначительно намекала она и ея сынъ, Basile.... онъ долженъ получить une éducation russe“.... Подъ „éducation russe“ она разумѣла Пажескій корпусъ, а подъ „Россією“ Петербургъ, и ужасно поражена была когда „Larion“ наотрѣвъ объявилъ ей что въ Петербургъ онъ не поѣдетъ. Безъ него, она понимала, „se n'est plus du tout la même chose тамъ“.... Много было по этому поводу у нея интимныхъ совѣщаній съ графиней Анисьевою, результатомъ которыхъ было то что она, тяжело при этомъ вздыхая, предложила князю вѣхать на зиму „s'établir à Moscou“... Онъ могъ бы еще на время отдалить, отсрочить, — но сама Лина всею душою рвалась въ Россію... Онъ согласился съ сокрушеннымъ сердцемъ....

Они пріѣхали, стали принимать. Князю повезли на первый балъ ко графѣ.... Предъ княземъ Ларіономъ открылся скорбный путь, по которому суждено было ему брести отмывъ до той минуты когда его *Hélène* совсѣмъ отмытъ и отдадутъ молодому счастливцу заранѣе ему ненавистному. Болѣе всего боялся онъ чтобы Лина не догадалась какъ-нибудь о его безумной, бессмысленной, почти преступной страсти... И такъ уже казалось ему иногда она не прежнимъ яснымъ взглядомъ

глазѣла ему въ лицо говоря съ нимъ, улыбалась сдержаннѣе на его ласковыя рѣчи... Да, онъ былъ обреченъ на одинокое, безмолвное, нескончаемое страданіе...

И вотъ неожиданно приглашаютъ его о какихъ-то *предложениахъ*... зовутъ его опять къ дѣлу, ко власти отъ которой онъ ушелъ тому два года... Не спасеніе ли это? Въ томъ омутѣ заботъ, интригъ и тревоженій онъ можетъ отдохнуть, забыться отъ этой теперешней, неустанно гложущей его муки. Но какъ понимать этотъ призывъ его обратно; перемѣнилось ли „теченіе“, какъ онъ выражался, или думаютъ тамъ что онъ, получивъ урокъ, подчинится теперь безусловно тому что порицалъ тогда?... „Въ этомъ случаѣ—нѣтъ, онъ не пойдетъ, разсуждалъ съ собою князь Ларіонъ,—онъ вѣрный слуга, а не рабъ нѣмой; въ саду хозяина онъ не станетъ косить тамъ гдѣ очевидно слѣдуетъ насаждать“... Онъ невольно усмѣхнулся, вспоминая что эти именно слова сказанныя имъ въ одной гостиной въ Петербургѣ были главною причиною неудовольствія на него...

Но, такъ или иначе, отвѣта отъ него ждутъ,—и надо дать его!.. Что же онъ напишетъ?

Онъ снова сѣлъ за свой письменный столъ, предъ лорнетомъ племянницы и, опершись головою объ руку, снова задумался крѣпкою и невеселою думой.

XXI.

Общество послѣ обѣда перешло пить кофе на балконъ, обращенный въ садъ. Въ Шилмоунткэслѣ леди Динморъ всегда готовила кофе сама послѣ обѣда, и готовила по-арабски—съ гущею, какъ научилъ ее это дѣлать мужъ, долго странствовавшій по Востоку. Поэтому и у княгини Аглаи Константиновны кофе не подавался готовый, а готовился при всѣхъ и разливался въ великолѣпныя севрскія чашки съ гербомъ Шастуновыхъ на неизбѣжномъ голубомъ фонѣ, но только безъ гущи, въ уваженіе все тѣхъ же „estomacs sensibles“, не разумѣющихъ такихъ гастрономическихъ квинтэссенцій; готовить же его, вслѣдствіе прирожденной лѣни и неуклюжести своей, княгиня предоставила „à cette bonne Надежда Федоровна“, которая и вообще завѣдывала всѣмъ *маленькимъ хозяйствомъ* дома.

Надежда Федоровна принялась за свое дѣло съ особеннымъ оживленіемъ. Розы цвѣли у нея на душѣ: подлѣ нея за обѣдомъ сидѣлъ Ашанинъ, и, послѣ нѣсколькихъ успокоительныхъ увѣреній, пролившихъ сладостный елей въ ея взволнованную грудь, все время затѣмъ къ довершенію ея благополучія нещадно гаумился надъ бойкою барышней и сидѣвшими по бокамъ ея обожателями,—сравнивалъ ее съ московскимъ гербомъ на груди двуглаваго орла, съ господиномъ сидящимъ на двухъ стульяхъ и тому подобнымъ вздоромъ. Сидѣлся онъ такъ искренно и просто что задней мысли блѣдная влюбленная въ него дѣва— „а кто любитъ, хочетъ вѣрить,“ сказано давно,—предположить въ немъ была не въ состояніи и простодушно разсудила что она, дѣйствительно, должно-быть, ошибалась, и что такая „пустая дѣвчонка какъ эта исправникова дочь“ не можетъ *серіозно* правиться такому умному человѣку какъ *ея Владиміръ*. А между тѣмъ *ея Владиміръ* руководился при этомъ двумя побужденіями: прежде всего, въ виду дальнѣйшихъ соображеній, надо было ему отдалить подозрѣнія и усилить ревность; вторыхъ, онъ дѣйствительно злобствовалъ на барышню за то что она такъ возбуждительно глядѣла въ глаза своимъ сосѣдямъ, такъ весело сверкала своими блестящими зубами, такъ откровенно шевелила свои пышныя плечи... А злобствовалъ онъ потому, что никогда еще такъ какъ въ эту минуту не правилась она ему, а правилась она ему вслѣдствіе того что у самого его были въ эту минуту крылья связаны, и занималась она другими, а не имъ. Соперники и прелятствія,—это давало ей двойную цѣну въ его глазахъ.

Онъ продолжалъ, усѣвшись за столомъ за которымъ готовили кофе, петѣшать на ту же тему свою перерзѣвшую жертву:

— Мнѣ очень хочется спросить эту дѣвицу, говорилъ онъ ей,—подъ какимъ вѣнкомъ желаетъ она чтобъ ей воздвигло статую благодарное потомство: подъ лавровымъ или подъ оливковымъ?

— Она не пойметъ что это значитъ? съ высоты своей начитанности улыбнулась Надежда Федоровна, раскладывая сахаръ въ чашки.

— А я ей объясню: Равцевъ воинъ—это лавръ; Маусъ судейскій—олива! И затѣмъ спрошу что вы, сударыня, предпочитаете—оливковое масло или лавровый листъ?

Та разсмѣялась до того что уронила щипцы на подносъ...
— Подите, подите, спросите! попавшись въ ловушку, по-
слала она его сама къ своей соперницѣ.

Ашанину только того и нужно было.

Онъ медленно привсталъ, отыскавъ глазами Ольгу Елпидиоровну—она стояла опершись о перила балкона и бо-
тала съ Еулампіе, *самую рѣшительную изъ пулярокъ*,—по-
доселъ къ ней и уставившись ей прямо въ глаза:

— Прошу васъ сейчасъ же громко разсмѣяться! *сказалъ онъ.*

— Это что такое? чуть не привскочила барышня.

— Смѣйтесь, повторялъ онъ торжественно,—отъ смѣха
вашего зависитъ счастье мое—и самая жизнь!

Она, а за нею Еулампіе, расхохотались не на шутку.

Онъ избока глянулъ на чайный столъ: Надежда Федо-
ровна доверчиво смѣялась тоже этому доносившемуся до нея
смѣху.

— Жизнь мою вы спасли, продолжалъ Ашанинъ;—теперь
вопросъ о счастье: *который изъ двухъ?*

И онъ кивнулъ съ балкона внизъ, гдѣ на ступенькахъ
спускавшейся съ него лѣстницы, въ числѣ молодыхъ людей,
дымили папиросками, на благородномъ разстояніи другъ
отъ друга, Равцевъ—*лаэръ* и Маусъ—*олива*.

Она тотчасъ же поняла:

— Евааша, душечка, обернулась она къ ней,—мнѣ холодно
въ кисейномъ; сбѣгай, ангелъ мой, въ столовую, тамъ бур-
нусъ мой лежитъ, ты знаешь....

Пулярка слегка поморщилась Ашанинъ казался ей очень
интересенъ,—однако, побѣжала за бурнусомъ, неуклюже пе-
ребирая ступнями, съ развальцемъ на ходу....

— Къ чему вашъ вопросъ? спросила тогда Ольга Елпи-
дировна.

— Къ тому, молвилъ донъ-Жуанъ, сопровождая слова свои
комическимъ жестомъ,—чтобъ убить того *который*...

— Что за вздоръ! засмѣялась она.—Я вамъ въ тотъ разъ
еще говорила: вѣдь вы на мнѣ не женитесь?

— Не смѣю... страшно! засмѣялся онъ.

— И неужно! промолвила она съ невольною вспышкой
досады.

— Вѣрно! подтвердилъ онъ.

— Что?—...

— И я говорю: *неужно!* подчеркнул Ашанинъ.

Она опять разсмѣялась:

— Вы съ ума сошли!...

— Совершенно такъ извоили сказать!

И онъ принялся вполголоса пѣть изъ какого-то водевиля, подражая обрывистой манерѣ и хриплому голосу бывшего тогда на московской сценѣ въ роляхъ комическихъ любовниковъ актера Востокова:

Э-ти глаз-ки, кáкъ хо-тѣ-те,
Хоть ко-гó съ у-ма све-дутъ!..

— Знаете что, сказала она, помолчавъ,—я такого какъ вы еще и не встрѣчала!

— И я такой какъ вы не встрѣчалъ! вздохнулъ Ашанинъ. Шутовство въ сторону. Онъ не могъ смотрѣть на нее равнодушно.

— Чего же вы отъ меня хотите? спросила Ольга, закусывая алую губу.

— Не знаю!...

Она повела глазами въ сторону Надежды Федоровны:

— А тамъ же что?

— Тамъ—неволя; здѣсь Магометовъ рай! отвѣтилъ онъ не смущаясь.

— Какая неволя?

— Она все что дѣлается въ домѣ передаетъ княгинѣ, безсознательно сочинилъ Ашанинъ,—я ее боюсь и потому задабриваю, и вамъ тоже совѣтую дѣлать...

— Вы все лжете, я вижу! молвила со смѣхомъ быстроглазая дѣвица.

— Кромѣ того что вы внушаете мнѣ!..

Eulapre залыхавшись бѣжала къ нимъ съ бурнусомъ.

— А теперь—довольно! сказала Ашанину Ольга.

— Когда это вы мнѣ скажете: *еще*? отвѣчалъ онъ ей на это долгимъ, говорящимъ взглагомъ, и отправился назадъ къ Надеждѣ Федоровнѣ.

— Ну что, сказали? спросила та, передавая ему чашку кофе.

— Сказалъ.

— Что же она?

— А она говоритъ: „это, вѣрно, не вы сочинили, а эта злоющая Травкина“?

— Какъ гаула! презрительно повела плечами бѣдная дѣва.

— И я то же замѣтилъ! подтвердилъ Ашанинъ, преспокойно пошевеливая ложкой въ своемъ кофе;—съ нею прескучно!....

Только послѣ того какъ онъ отошелъ отъ нея сообразила ясно быстроглазая Ольга прямой смыслъ тѣхъ рѣчей которыя онъ держалъ ей,—и когда вернувшаяся Еулампя съ жаднымъ любопытствомъ въ глазахъ спросила ее:

— Скажи, душка, что онъ говорилъ тебѣ?

— Онъ дерзкій! отвѣчала она, и покраснѣла.

— Всѣ мушкетеры дерзкіе! замѣтила на это опытная, какъ видно, *пулларка*.

Онъ обѣ громко разсмѣялись....

Посреди гостиной, выходившей на балконъ тремя большими, настежь открытыми дверями, ставили ломберный столъ. Княгиня со времени пріѣзда своего въ Россію пристрастившаяся къ преферансу собиралась играть. Софья Ивановна, которой она предложила карту, отказалась было говоря что она до ночи хочетъ вернуться домой, но потомъ уступила. Княжна ее окончательно очаровывала и, словно сознавая это, не отходила отъ нея. Когда она сѣла за партію съ хозяйкою, московскою княжною и неизбежнымъ „бригантиномъ“, Луна умѣстилаась подлѣ нея, и глядя ей въ карты очень смѣшила ее, давая ей совѣты вкривь и вкосъ...

Чрезъ нѣсколько минутъ она поднялась съ мѣста.. Софья Ивановна безсознательно подняла глаза по направлению открытыхъ противъ нея дверей и отгадала скорѣй чѣмъ различила унылую фигуру проходившаго мимо племянника. Княжна его также увидала, Софья Ивановна не сомнѣвалась...

— Господи, что изъ всего этого выйдетъ! съ новымъ взрывомъ тревоги промолвила она мысленно, безпощадно покрывая тузомъ короля вистовавшаго вмѣстѣ съ нею противъ княгини Зяблина.. Тотъ только очи къ небу воздвѣлъ.

Княжна прошла на балконъ.

Тамъ было людно и шумно. Курившая молодежь вернулась изъ сада. Сидѣли кружками.. Слышался звонкій голосъ анекдотиста Чижевскаго и провинціальныя взвизги потѣшаемыхъ имъ барышень. Въ углу Факирскій и Духовникъ горячо препирались объ искусства и о Жоржъ-Сандъ. Исправникъ о чемъ-то тихе совѣщался со Свищовымъ;

оба они были записные игроки и оба въ эту минуту безъ гроша: рѣчь между ними шла о томъ какъ бы имъ отыграться у Волжинскаго, постоянно обиравшаго ихъ въ лухъ и котораго оба они знали за отъявленнаго шулера.... Гундуровъ одинъ сидѣлъ ото всѣхъ лошадей, и обернувшись къ саду разсѣянно глядѣлъ на видѣвшуюся съ балкона рѣку, по которой, крадучись изъ-подъ тучи, бѣжалъ золотомъ полосой сверкавшій лучъ солнца.... Онъ былъ угрюмъ до злости и до сихъ поръ не могъ справиться съ тѣмъ подавляющимъ впечатлѣнiемъ какое произвели на него слова Ашанина въ объясненiе рѣчей князя Лариона. И чувство это и самолюбіе были задѣты живо. Да развѣ я подавалъ въ самомъ дѣлѣ поводъ? возкипало у него слова на душѣ, — требовалъ ли чего-нибудь, просилъ, надѣлся? Развѣ и *смотреть* ужъ на *нее* нельзя?... И *привѣщать* совсѣмъ не нужно было!... Кому все, скажу что нездоровъ!.. Богъ съ нимъ и съ *Гамлетомъ*! Видно не судьба!... И нужно было тетешкѣ отъѣхать за карты, — такъ бы сейчасъ и уѣхали въ Санино!...

Лина пошла прямо къ нему:

— Сергѣй Михайловичъ!

Онъ вздрогнулъ отъ неожиданнаго звука этого голоса, — обернулся, поднялся съ мѣста....

Она сѣла... Онъ съ тревогой въ сердцѣ опустился снова на стулъ.

— Вы нездоровы? заговорила она, участливо глядя ему въ лицо.

— Я?... Нѣтъ.... Я здоровъ.... совершенно здоровъ....

— Чтò съ вами, Сергѣй Михайловичъ, скажите! настойчиво начала она опять, продолжая смотрѣть ему въ лицо.

— Ничего, княжна, утѣряю васъ; я не знаю....

— Вы на релетиціи.... совсѣмъ другой были! Потомъ мы ушли, — съ дядей, да?

— Точно такъ.

— Къ нему наверхъ?

— Къ нему.

— И чтò же вы дѣлали у него?

— Мы условливались на счетъ урѣзокъ....

— Да, я знаю... И больше ничего? спросила Лина.

— Нѣтъ, мы еще.... бесѣдовали, чрезъ силу проговорилъ Гундуровъ, у котораго при этомъ воспоминанiи вся кровь кинулась въ голову.

Она примолкла.

— И вы *такой* сдѣлались послѣ этой... *бесѣды*? *начала* она послѣ довольно долгаго молчанія.

Онъ не находилъ отвѣта...

— Онъ очень добрый, дядя Ларіонъ, заговорила опять княжна, — только слова его могутъ иногда показаться....

— Нѣтъ, напротивъ, я ему долженъ быть очень благодаренъ за совѣтъ, промолвилъ съ невольною ироническою улыбкой Гундуровъ.

— Какой совѣтъ? Она съ необычною ей живостью подняла на него вопрошающіе глаза.

— Онъ обѣщалъ выхлопотать мнѣ паспортъ за границу на будущій годъ, а для этого совѣтывалъ мнѣ теперь ѣхать путешествовать по Россіи.

— По Россіи, немедленно повторила Лина, — скоро?..

— Онъ говорилъ: „не медля“....

— И вы поѣдете? еще тише спросила она.

— Да, отвѣчалъ Гундуровъ твердымъ голосомъ и избѣгая въ то же время ея глазъ, — поѣду!

— А нашъ *Гамлетъ*? промолвила она съ какимъ-то особымъ удареніемъ.

— Послѣ.... Онъ не договорилъ.

Она опять замолкла и опустила голову.

— Что же, подняла она ее опять и тихо улыбнулась, — по крайней мѣрѣ *Гамлета отыграемъ*!...

— Это мигъ одинъ! вырвалось у молодого человѣка.

— Все въ жизни мигъ... И сама она — мигъ одинъ! зазвѣталъ какою-то еще неслышанною имъ нотой голосъ Лины.

Онъ недоумѣло поглядѣлъ на нее:

— Да, но тогда жить не стоить?...

— Слѣдуетъ! тономъ глубокаго убѣжденія молвила она: — вестн надо!..

— Бороться надо! сказало у него какъ-то невольное опять.

— Да и бороться! раздумчиво закивала она золотистомъ головкой.... И вдругъ перемѣнила разговоръ.

А между тѣмъ въ углу, куда безотчетно устремлялись глаза княжны, препирались о Жоржъ-Сандъ Духовицъ, Факирскій и подсѣвшій къ нимъ Свищовъ. Студентъ, не прерывая разговора, жадными глазами слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Лины.

— Читали вы ея послѣдній романъ? спрашивалъ онъ у Духомина.

— Какой?

— *Le compagnon du tour de France*, проговорилъ онъ заглавіе коверканнымъ французскимъ произношеніемъ.

— Нѣтъ, не читалъ. Онъ, кажется, запрещенъ?

— У насъ, извѣстно, всѣ хорошія вещи запрещаются! Я его все-таки имѣю...

— Здѣсь?

— Да. Желаете прочесть?

— Одолжите, если можно.

— Съ моимъ удовольствіемъ... Это вещь замѣчательная. Два странствующіе ремесленника, Пьеръ и пріятель его, приглашаются работать — они мастерствомъ столяры — въ замокъ одного богатѣйшаго стараго графа.. У этого стараго, вдоваго графа внучка, и эта дѣвушка, героиня романа, влюбляется въ Пьера...

— Какъ, вскрикнулъ Свищевъ, — такъ-таки графиня въ простаго рабочаго, столяра?..

— Да съ, именно, и что же вы находите въ этомъ удивительнаго, закинулась вдругъ пылкій поклонникъ Жоржъ-Санда, — этотъ столяръ — это французскій *уверіеръ*, человѣкъ можетъ быть во сто разъ образованнѣе какого-нибудь нашего губернатора!..

— Ну! ужъ какъ вамъ угодно, а только онъ непременно долженъ былъ класемъ вонять, вашъ *уверіеръ*, расхохотался во всю мочь Свищевъ.

Студентъ разсердился:

— Съ вами говорить нельзя съ....

— Удивительное дѣло, вмѣшался Духоминъ, — какъ эти всѣ Жоржъ-Сандовскіе герои „изъ народа“ алчущіе „равенства“ не ищутъ себѣ героинь между своею сестрой — швеями и корсетницами, а все облюбливаютъ графинь какихъ-то да маркизъ!..

— Что же съ, залаялся Факирскій — это несомнѣнно что пока.... аристократическое, такъ-сказать, воспитаніе даетъ это.... эту прелесть вѣвшей формы.... манеры — и глаза его невольно олять устремились на княжну, — а это не можетъ не цѣнить всякій.... всякій эстетически развитый человѣкъ...

Свищовъ подмигнулъ Духомину, какъ бы приглашая его къ вниманію.

— Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, сказалъ онъ,—что очень было бы пріятно быть.... Какъ бишь вы называете столара вашего? Онъ глянулъ прямо въ глаза Факирскому,—да, *Пьеръ*,—очень было бы пріятно быть *Пьеромъ* княжымъ здѣшней налпримѣръ, какъ вы полагаете?...

Бѣдный юноша не выдержалъ—онъ сорвался съ мѣста, словно готовясь кинуться на зубоскала, но сдержался, и красный какъ ракъ:

— Я съ вами говорить не хочу съ! вскрикнулъ онъ и побѣжалъ вонъ съ балкона.

— Эко молодо, зелено, расхохотался ему вслѣдъ Свищовъ.

— И охота же вамъ! недовольнымъ тономъ промолвилъ Духовинъ.

— Ничего-съ, — осторожнѣе будетъ!... Вѣдь туда же, о княжнахъ мечтаетъ!... Довольно съ нея и этого педанта, кивнулъ онъ въ сторону Гундунова.—Эхъ, вотъ до кого бы обратиться! неожиданно вырвалось у него....

Духовинъ съ удивленіемъ глянулъ на него изъ-подъ очковъ.

— А что онъ вамъ сдѣлалъ? спросилъ онъ.

— Ничего, нагло оскакалъ зубы тотъ,—а учинить пакость ближнему никогда не мѣшаетъ.

— Гм! промычалъ Духовинъ, всталъ и отошелъ ко кружку ликовавшихъ отъ анекдотовъ Чижевскаго *пуларокъ*.

— Ну, и убирайся! проговорилъ себѣ подъ носъ Свищовъ, продолжая наблюдать изъ своего угла за Гундуновымъ и княжной и становясь все заѣе по мѣрѣ того какъ все очевиднѣе дѣлалось ему что она находитъ удовольствіе въ бесѣдѣ съ нашимъ героемъ.

Свищовъ его ненавидѣлъ. За что? Между ними не было ничего общаго, нечего имъ было дѣлать, не о чемъ соперничать. Но Свищовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ безалаберныхъ Яго которыхъ такъ много на Руси: онъ ненавидѣлъ людей *здорово усмѣешь*, за то что есть у этихъ людей и чего ему самому вовсе не нужно было, а слѣдовательно чему казалось бы онъ не имѣлъ никакой причины завидовать. Самъ онъ, налпримѣръ, смахивалъ наружностью на короткошейнаго, грудастаго испанскаго быка, и очень гордился этимъ выраженіемъ силы въ своей наружности; Гундуновъ былъ тонекъ, строенъ и мѣсколько щедушенъ съ виду, и Свищовъ его ненавидѣлъ за это. Гундуновъ готовился на каеэдру, а Свищовъ кромѣ картъ и московскаго

бадета ни о чемъ знать не хотѣлъ и за это ненавидѣлъ Гундукова... Въ настоящую минуту онъ несказанно злился на него за то что вотъ онъ бесѣдуетъ съ княжною Шастуновой и та слушаетъ его съ видимымъ вниманіемъ, а ему, Свищову, никогда въ голову не приходило вступить съ нею въ бесѣду, а въ Сидкое-то онъ пріѣхалъ привезенный Акулинымъ въ качествѣ любителя-актера единственно потому что былъ въ эту минуту безъ гроша и не на что было ему вернуться въ Москву.

Онъ отправился изливать свою желчь предъ пріятелемъ своимъ Елпидифоромъ.

— Поглядите-ка, батенька... началъ было Свищовъ,—какъ въ эту минуту подошла къ отцу бойкая барышня:

— Можете получить! коротко сказала она ему.

— Что? не понялъ сразу отяжелѣвшій послѣ обѣда исправникъ.

— Стулайте къ капитану!...

— Даетъ? Онъ радостно вскочилъ со стула.

— Еще бы смѣлъ не дать! отвѣчали приподнявшіеся плечи Ольги.

— Ахъ, ты моя разумица!... Сейчасъ?

— Идите, говорю вамъ!..

Онъ поспѣшно заковылялъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ. Она за нимъ...

— Ольга Елпидифоровна! остановилъ ее Свищовъ.

— Чего вамъ? спросила она его черезъ плечо: она его терпѣть не могла.

— Спектакль сей извоили видѣть? И онъ осторожно повелъ глазами по направленію княжны и Гундукова.

— Какой же тамъ спектакль?

— Воркуютъ-то какъ! хихикнулъ онъ.

— А вамъ до этого что?

— А мнѣ вичего; какъ другимъ, а мнѣ даже пріятно, много посмѣивался Свищовъ,—даже поучительно: вотъ оно, значить, иностранное воспитаніе...

— А у васъ языкъ слишкомъ дикъ, отрѣзала ему на это Ольга;—Лина мой другъ, и вы не смѣйте!... А то я разкажу княгинѣ что вы ея дочь браните, и васъ попросятъ отсюда вонъ... Можете къ вашему Волжискому отправляться!..

Она повернула ему спину и ушла.

— А чортъ бы ихъ побралъ всѣхъ! рѣшилъ послѣ такой неудачи Свищовъ:—хоть бы съ кѣмъ-нибудь по маленькой въ ликетедъ сразиться....

Но замѣчаніе его не прошло мимо ушей смышавной особы. Она пристально, на ходу, воззрилась на забывавшаго весь міръ въ эту минуту Гудурова, на „друга своего Ливу“, и довольная улыбка пробѣжала по ея губамъ:

— Вотъ оно чѣмъ тебя допечъ, противный старикашка! послала она мысленно по адресу князя Ларіона.

XXII.

А голосъ самого князя послышался въ это время въ дверяхъ гостиной.

— Господинъ Акулинъ! Еллидифоръ Павловичъ!

— Здѣсь! отвѣчалъ исправникъ, торопливо засовывая подъ мундиръ деньги только-что полученныя имъ отъ „капиташки“.

Князь Ларіонъ отдалъ ему написанное имъ ко графу письмо. Исправникъ тотчасъ же собрался ѣхать и, откланявшись княгинѣ, вышелъ изъ гостиной.

Свищовъ любѣжалъ за нимъ:

— Чтѣ батенька, не заѣдемъ ли по пути? подмигнувъ онъ ему, разумѣя усадьбу Волжянскаго въ которой съ утра до вечера велась игра...

— Чтѣ вы, чтѣ вы! отмахнулася отъ него обѣими руками толстый Еллидифоръ; и васъ съ собою не возьму... отъ соблазна подальше! Тысячу дѣловъ, *графъ*, Полонія учить надо,—а онъ съ чѣмъ подѣхалъ!.. Сидите, сударикъ заѣсь, да рольку прогладите, а я завтра сюда къ релетиціи... Равне полудня, полагаю, не начнется....

И онъ послѣшно пустился съ дѣстницы.

— Вотъ поди-на! подумалъ Свищовъ:—Халуга вѣдь завзятый, а тоже себя артистомъ мнитъ... И артистъ, дѣйствительно, чортъ его возьми! злобно хихикалъ онъ въ заключеніе.

За отъѣздомъ Акулина продолженіе релетиціи *Гамлета*, предполагавшееся въ тотъ же вечеръ, отложено было на завтра. Кромѣ Вальковскаго, который, услышавъ о такомъ рѣшеніи, воспылалъ негодованіемъ и ушелъ со зассти пить

чай въ лустой театрѣ, захвативъ съ собою туда пріятеля своего режиссера, никто изъ молодежи на это не ропталъ....

— Не поѣхать ли намъ кататься? предложила Лина, прерывая бесѣду свою съ Гундуровымъ и подымаясь съ мѣста.

— Поѣдемъ, поѣдемъ: скинулись разомъ всѣ.

— Дождь сейчасъ пойдетъ! сказалъ кто-то.

— Что вы, откуда? залипали пулярки.

— Откуда онъ всегда идетъ,—сверху! загаерничалъ Шигаревъ, принимаясь подражать языкомъ звуку барабанившихъ уже по ступенькамъ лѣстницы дождевыхъ капель....

Черезъ минуту крупный весенній дождь полилъ какъ изъ ведра.

— Ай, ай, ай! съ визгомъ и хохотомъ лобѣжало молодое общество съ балкона въ гостиную.

— Я очень радъ этому случаю залопотать васъ молодая особа, весело молвилъ подходя къ бойкой барышнѣ князь Ларіонъ:—вы противъ соловья имѣете то преимущество что можете лѣть и въ ненастье. А мы вотъ уже третій день какъ не слышали васъ...

— Ah, oui, Olga, faites nous de la musique! крикнула ей въ свою очередь княгиня.

— Слушаю съ! присѣла предъ ней барышня танцмейстерскимъ присѣданіемъ, и обернувшись ко князю: И лѣть все то же опять? спросила она, лукаво глядя на него.

— Непремѣнно! засмѣялся онъ.

— Я помню чудное мгновенье?

— Точно такъ.

— Вы это очень любите, ваше сіятельство?

— Чрезвычайно!

— И что именно: музыку или слова?

— И то и другое. Я нахожу что мысль поэта передается здѣсь музыкою въ такомъ совершенствѣ что иной и нельзя написать на это стихотвореніе...

— А сами вы?....

— Что самъ?

— Сами вы при этомъ не вспоминаете ли какого-нибудь „чуднаго мгновенья“?

Онъ засмѣялся опять.

— Непременно вспоминаю,—то когда вы мнѣ это въ первый разъ пропѣли.

— Ну, ви, ви, медленно закачала она головой,—меня провести не легко! Что вы вспоминаете и что вспоминать вамъ сладко — это я знаю: оттого вы такъ часто и заставляете меня это пѣть... Но что не я, а кто-то другой тотъ „гений чистой красоты“, о которомъ вы вспоминаете, подчеркнул Ольга,—я тоже знаю...

Она подняла на него глаза и обомлѣла....

Онъ былъ блѣденъ какъ холстъ, судорога кривила его губы...

— Про кого это вы говорите? еле слышнымъ голосомъ промолвилъ онъ.

Бойкая барышня страшно перепугалась: слова отца проглаженный горшокъ пришли ей на память; она пошла въ бой, не справившись со своими силами и только теперь поняла какимъ разгромомъ могло это кончиться для такихъ горшка и горшечка какъ отецъ ея и сама она сравнительно съ людьми какъ Шастуновы....

Но она была находчива:

— Сказать? смѣло взглянула она на него еще разъ.

— Говорите! пропустилъ онъ сквозь стиснутые зубы.

— Далеко отсюда это воспоминаніе, молвила она, сопровождая эти слова соответствующимъ движеніемъ руки, къ Самсону, въ Петергофъ надо бѣжать....

— Въ Петергофъ? повторилъ онъ недоумѣло, впился въ нее глазами.... и вздохнулъ, вздохнулъ всею грудью, какъ человѣкъ котораго только-что миновала смертельная опасность...

— Отгадала? спрашивала его между тѣмъ смышленная особа.

— Вы что объ этомъ можете знать? сказалъ онъ, хмуря брови.

— Мало ль я что знаю! уже свободно расхохоталась она.

— Это я вижу, съ язвительною усмѣшкою вымолвила ея на это князь Ларіонъ,—и къ сожалѣнію, не могу васъ никакъ съ этимъ поздравить!

Онъ нагнулся въ знакъ поклона и отошелъ отъ нея.

Она нѣсколько растерянно глянула ему вслѣдъ: „гаупость“ ея совсѣмъ не такъ удачно сходила ей съ рукъ какъ она вообразила себѣ въ первую минуту.

— Eh bien, Olga? раздался снова голосъ княгини.

Она подбѣжала къ фортепiano на которомъ съ прїѣзда ея въ Сацкое лежала лалка съ ея нотами.

— А Надежда Федоровна гдѣ же? обвела она кругомъ глазами,—я не могу сама себя аккомпанировать...

— Если позволите, вызвался подбѣгая Чижевскій,—я музицирую довольно порядочно...

Онъ сѣлъ за фортепiano. Она залѣла: *Я помню чудное мгновенье*“.

Пѣла она, дѣйствительно, такъ что, какъ говорилъ про нее Ашанинъ, „мертвого могла бы воскресить“. Неутихшее еще въ ней волненіе сказывалось въ ея слегка дрожавшемъ, но никогда еще, можетъ-быть, такую провицательною силой не звучавшемъ, густомъ и яркомъ контраптовомъ голосѣ. Пѣла она *по-своему*, какъ поютъ пивыя чисто русскія лѣвицы, какъ пѣла знаменитая въ то время исполнительница Глипки и Даргомыжскаго, Марья Васильевна III—ая, съ тою сладко-томительною, неотступною, насковъ прожитающею страстностью, тѣмъ особымъ капризнымъ, подудыгаискимъ пошибомъ что прямо хватаетъ и бьетъ по всѣмъ живымъ струнамъ русской души...

— И сердце бьется въ упоеньи,
И для него настала вновь
И божество-о... и вѣдо-хло-верье,
И жи-вье, и сле-е-зы, и-и любовь!...

Все примолкло, все слушало... У аккомпанировавшаго ей Чижевскаго дрожали отъ волненья руки, Ашанина когда-то женившася изъ-за Варламовскаго романа била лихорадка...

Онъ первый кинулся къ ней когда она кончила:

— Что хотите, то и дѣлайте со мною! бормоталъ онъ, самъ себя не помня... Никогда еще такъ всевластно не говорилъ въ немъ восторгъ и желаніе...

Но ее уже обступали всѣ... Образованная окружающая душа ее въ своихъ жирныхъ объятіяхъ. Чижевскій безъ словъ жалъ ея руки...

— Charmant, charmant, словно фанотъ въ визгѣ маленькихъ флейтъ слышался поощрительный голосъ княгини Аглаи въ хорѣ возгласовъ восхищенныхъ пулярокъ.

— Вѣрде вумеръ второй! подбѣжалъ къ ней Маусъ съ

фразою которую неукоснительно повторялъ онъ ей каждый разъ когда она при немъ была.

— Нѣтъ-съ и онъ лучше Ольги Елпидифоровны лѣтъ не въ состояніи—я за это готовъ прозакласть мою честь, отрѣзалъ капиталъ Равцевъ.

— Она, а не онъ — Біардо! презрительно отпустилъ ему правовѣдъ.

— Все равно, она съ или онъ съ, а только что не можетъ, и никто не можетъ слѣть лучше съ!

Ольга не слушала похвалъ и прищурившись отыскивала глазами князя Ларіона.

Онъ сидѣлъ поодаль ото всѣхъ, на угловомъ диванѣ и разсѣянно игралъ большою кистью подушки положенной себѣ имъ подъ бокъ... „Магнетизмъ воли“ ея не дѣйствовалъ: онъ не подымалъ головы...

Досада и тревога опять овладѣли Ольгою. Она повела взглядомъ вокругъ...

Ашанинъ, опершись локтемъ о фортепіано не сводилъ съ нея глазъ...

Она шагнула къ нему:

— Мнѣ нужно будетъ вамъ сказать два слова!

— Развѣ вы еще не будете лѣтъ? воскликнулъ, словно обиженный, Маусъ.

— Потомъ... потомъ... А теперь надо Лизу попросить!...

Княжна опять сидѣла подлѣ Софьи Ивановны и глядѣла ей въ карты. Съ прихода князя Ларіона Гундуровъ все мучился желаніемъ подойти къ ней—и все не рѣшался...

— Лиза, милая, за вами теперь очередь: всѣ просятъ, говорила, подбѣжавшая къ ней Ольга.

— Oui, ma chère, chantez nous quelque chose! предписала и княгиня.

Чижевскій предложилъ опять свои услуги.

Она зашла очень извѣстный, тогда еще новый, романъ Гордиджіани: „o santissima Vergine Maria!“ Тихою, несложною модуляціей словно журчитъ сквозь слезы молитва бѣдной поселанки къ Пречистой Дѣвѣ Маріи. Она проситъ о своемъ Джованно, объ исцѣленіи ея „roverino“, опасно заболѣвшаго: „исцѣли его, Пресвятая, и я отдамъ тебѣ ту ленту что мнѣ подарила мать и каждую субботу предъ Твоимъ пречистымъ ликомъ будетъ горѣть зажженная мною свѣча...“

Точно откуда-то сверху, изъ воздушныхъ пространствъ, несся вѣжливый и трогательный какъ у ребенка, чистый какъ звонъ стекла, голосъ Лили. Онъ не возбуждалъ восторговъ, этотъ голосъ, не вырывалъ невольныхъ рукоплесканий... Но князь Ларіонъ, откинувшись головою въ спинку своего дивана, едва переводилъ дыханіе... Слезы туманили глаза Софьи Ивановны. Гундуровъ кусалъ себя губы до боли...

— Ты очень хорошо пѣла, *Hélène*, молвилъ князь Ларіонъ подойдя къ княжнѣ.

— *Merci, oncle!* Она шуточно кивнула ему въ знакъ благодарности.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ... И знаешь, пѣла даже съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, котораго я и не подозревалъ въ тебѣ, прибавилъ онъ, видимо налаживая себя также на шуточный тонъ.

— А именно? спросила Лилиа.

— Да ты будто дѣйствительно молилась о чемъ-то исцѣленіи? засмѣялся онъ дѣланымъ смѣхомъ.

Что-то неудовимое пробѣжало у нея по лицу.

— У меня, слава Богу, никого больного нѣтъ! сухо отвѣтила она.

— Elle aurait bien dû prier le bon Dieu de vous guérir de votre antipathie pour Pétersbourg! отпустила неожиданно княгиня Аглая, тоже въ видѣ шутки.

Князь Ларіонъ закусилъ языкъ чтобы не отвѣтить ей грубостью... У него было нехорошо на сердцѣ...

Фортеліано зазвучало снова. Ольга пѣла романсъ Глинки на слова Павлова:

Не называй его небесной,
И отъ земли не отрываи!

Противъ послѣдній кулаетъ, и объявивъ кругомъ что „на сегодня баста, лѣтъ больше не буду—и не просите!“ Ольга доманила рукой Ашанина:

— Владиміръ Петровичъ, пожалуйста...

У Мауса и у Гандева запрыгали искры въ глазахъ... Они почти вѣжно глянули другъ на друга въ виду этого, новаго, для обоихъ ихъ грознаго соперника...

Бойкая барышня взглянула на нихъ въ свою очередь, словно спрашивая: ну, чего вамъ еще нужно?..

Она послушно отомла. Она ушла съ Ашанинымъ около инструмента, на которомъ замечтавшійся Чижовскій переводилъ изъ тона въ тонъ мотивъ только-что слѣтаго ею романса. Онъ никакъ не могъ рѣшить въ головѣ своей, кто ему больше нравится: княжна, или эта соблазнительная лѣвица?..

— Послушайте, быстро заговорила Ольга,—вы, я знаю, очень тонкій человекъ; вы можете мнѣ дать совѣтъ. Я, вотъ видите, совсѣмъ кажется поссорилась съ моимъ старикомъ...

Ашанинъ не отвѣчалъ, и только жадно глядѣлъ на нее.

— Не смотрите на меня такъ, она нетерпѣливо отвернула свое лицо отъ него; — я вамъ о дѣлѣ говорю...

— Не могу! прошепталъ онъ черезъ силу.

— Посадъ, посадъ! невольно засиѣлась барышня; — а теперь вы мнѣ скажите, какъ мнѣ быть: я кажется оскорбила его...

Она передала Ашанину разговоръ свой съ княземъ Лариономъ, намекъ на его „петергофскую“ привазанность, его ѣдкій отвѣтъ ей... О томъ что побудило ее къ этому намеку, кого она первоначально имѣла въ виду дѣлая его — она не сообщила. Она боялась сдѣлать новую неосторожность... Въ сущности она сама не знала къ чему передавала все это Ашанину и какого „совѣта“ могла ждать отъ него, но она тревожилась, и чувствовала потребность высказаться предъ кѣмъ-нибудь....

— Сердится, пересердится, и сердиться-то будетъ недолго, смѣясь отвѣчалъ на ея торопливныя рѣчи Ашанинъ; какой глѣзъ устоитъ предъ этими глазами!...

— Нѣтъ, перебила его Ольга Ефимовна,—онъ обо мнѣ не думаетъ... Я теперь знаю! утвердительно кивнула она, какъ бы желая сказать что это вопросъ внѣ спора...

— Если такъ, то вамъ еще менѣе причинялъ беспокоиться, замѣтилъ молодой человекъ.

— Я не о себѣ... и какое мнѣ до него дѣло! съ горячимъ взрывомъ досады возразила она,—но онъ можетъ повредить моему отцу....

— Полноте! пожалъ плечами Ашанинъ,—онъ слишкомъ порядочный человекъ для этого.

— Да, вы думаете? быстро проговорила Ольга;—я сама думаю... онъ не способенъ на гадость.... Боже мой, какъ это все удивительно! вырвалось у нея вдругъ.

Красавецъ въ свою очередь вопросительно на нее взглянулъ.

— Да, продолжала она, высказывая громко все что въ эту минуту неудержимо всплывало у нея со дна души,—быть *дочерью исправника*, отъ всѣхъ зависѣть, во всѣхъ искать... этого я переносить не могу!... Я не для этого рождена... Да, не для этого! Я рождена для блеска,—она чуть не плакала,—мнѣ надобна ипе position.... О, дайте мнѣ только быть *знатною*.... Взгляните на эту Лаву... Она княжна, за нею полмилліона приданого. Къ чему ей это все? Она тяготеетъ своимъ богатствомъ; еслибы не княгиня, она бы каждый день ходила въ однемъ и томъ же платьѣ; посмотрите на ея комнату—точно келья въ монастырѣ!... А я!... Для чего же ей все,—а мнѣ ничего? Отчего эти несправедливости?... О, еслибы мнѣ только половину, половину только, я знаю что бы я дѣлала, и чѣмъ была бы! восклицала Ольга, сверкая глазами...

— И я знаю, прервалъ ее страстнымъ взрывомъ Ашанинъ,—знаю что вы меня съ ума сведете!...

— Перестаньте, пожалуйста, вы мной увлечены,—вѣрю... всѣ мной увлекаются, Ольга засмѣялась вдругъ,—но вы сейчасъ сами на балконѣ говорили мнѣ...

— Я говорилъ вздоръ! горячо вскрикнулъ онъ,—я не слышалъ какъ вы поете... я не зналъ васъ!... А теперь,—голосъ у него прерывался,—теперь... скажите слово,—и я васъ... завтра же.. поведу къ вѣнцу!...

Она вскинула на него свои блестящіе глаза и опустила ихъ опять подъ огнемъ его взгляда... Самодовольная, почти счастливая улыбка заиграла на ея губахъ. Ашанинъ видѣлъ какъ подъ прозрачною кисеей заходила волной ея высокая грудь... Онъ ждалъ....

— Нѣтъ, сказала она наконецъ,—вы мнѣ не мужъ!..

Онъ чуть не вскрикнулъ...

— Нѣтъ, повторила она, и еще разъ поднимъ на него глаза, окутала его такимъ взглядомъ что у него сердце запрыгало,—я бы васъ слишкомъ любила... а вы бы меня измучили! Ваша любовь на одинъ часъ!...

— И часъ—цѣлый рай! вскрикнулъ Ашанинъ.

Она закачала головой и полуудохнувъ, полуулыбнувшись:

— Нѣтъ и я для васъ не *подходящая*... слишкомъ дорога была бы для васъ жена... Вы кажется не богаты?...

Она забывшись схватила ее за руку:

— Но это невозможно! Такъ между нами не можетъ кончиться!

Ольга тихо отдернула изъ руки его свою...

— Я и не говорю... чтобъ это кончилось, проговорила она какъ бы безсознательно, и горячею краской покрылось все ея лицо;—но объ этомъ послѣ... послѣ!.. Она насъ увидитъ! кивнула она по направлению къ двери, откуда выходила Надежда Федоровна съ пачкою писемъ и газетъ, только что привезенныхъ изъ города...

Въ этотъ вечеръ Софья Ивановна уѣхала изъ Сидкаго въ такомъ состояніи духа въ какомъ себя еще никогда не помнила. Она не знала чего хотѣла, чего въ данномъ положеніи вещей слѣдовало ей желать, что должна она была теперь дѣлать или не дѣлать... Правъ у нея былъ не менѣе пылокъ чѣмъ у ея племянника. Одаренная силою для сопротивленія, она была бессильна противъ обольщенія чувства. Она была бессильна, и признавала это, противъ обаянія Лины... „Она его любитъ или близка къ тому“! говорила она себѣ, и съ ужасомъ спрашивала себя: „а потому что же, что ждетъ ихъ“?.. Но оторвать его отъ нея она была не въ состояніи... Нервы были у нея возбуждены до крайности; прощаясь въ передней съ Сергѣемъ, при всѣхъ, она призвала на помощь всю власть свою надъ собою чтобы не разразиться слезами и только шепнула ему на ухо: „да хранить тебя Царица небесная“!... Съ Ашакина предъ отъѣздомъ взято было ею слово внимательно наблюдать за пріи- телемъ и, въ случаѣ малѣйшей важности, тотчасъ же извѣстить ее въ Сашино или еще лучше „урваться и пріѣхать самому, хотя бы ночью“...

XXIII.

Die Engel, die nennen es Himmelsfreud',
Die Teufel, die nennen es Hölleleid,
Die Menschen, die nennen es: Liebe!

Heine.

О ты, послѣдняя любовь,
Ты и блаженство, и безнадежность!

Тютчевъ.

Мучительные дни настали для князя Ларіона. Онъ угадывалъ, онъ чуялъ встревоженнымъ чутьемъ что ласкавица его, что Лина *уходитъ* отъ него. Между имъ и ею что

то внезапно встало невидимою, но недогадимою стѣной, и въ то же время, говорило ему это чутье, между ею и тѣмъ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ, въ виду грядущихъ случайностей, удалялъ изъ Суцкаго, что-то уже слѣлось и шло на душѣ у cadaго изъ нихъ несомнѣннымъ и, можетъ-быть, онъ содрагался при этой мысли, уже неразрывнымъ созвучіемъ.... И тѣмъ сильнѣе сказывалось ему это что-то, чѣмъ неудовимѣе, неосознательнѣе были его признаки. Луна казалась еще холоднѣе, еще сдержаннѣе чѣмъ прежде. Съ Гундуrowымъ она говорила не болѣе, — менѣе, быть-можетъ, чѣмъ съ другими; спокойные глаза ея такъ же безмятежно, казалось, останавливались на немъ какъ на Ольгѣ, на Ашанинѣ, на Шигаревѣ.... Но князь Ларіонъ съ глубокою тоскою замѣчалъ что она избѣгала его глазъ.... избѣгала разговоровъ съ нимъ. Давно уже, съ самого возвращенія въ Россію, перестали они быть неразлучными, — давно долженъ онъ былъ отказаться отъ тѣхъ долгихъ, блаженныхъ для него бесѣдъ что вели они въ Ниццѣ, сидя вдвоемъ на камнѣ у морскаго берега.... Но до сихъ поръ все-же урывались на дню хоть нѣсколько мгновеній когда они оставались наединѣ, когда свѣтлая душа ея раскрывалась предъ нимъ съ прежнимъ довѣріемъ и вѣжностью.... Теперь она закрывалась для него, она *уходила*... И онъ не смѣлъ спросить, не смѣлъ допытываться. Онъ зналъ ее, эту чуткую и гордую душу; онъ *тогда* тѣмъ намекомъ на выразительность ея лѣнія, отъ котораго не въ силахъ былъ удержаться, навесѣ себя самъ неисцѣлимый ударъ: въ отвѣтъ ея онъ прочелъ надолго, навсегда быть-можетъ, конецъ всему *прежнему*. Теперь она укутывалась въ свою холодность и безмолвіе, какъ то растеніе что бояливо сжимаетъ лепестки свои при отдаленномъ шумѣ идущей непогоды. Ему не было уже тамъ мѣста, — и другой.... Другой?... Кто онъ, за чѣмъ, какими обольщеніями, въ силу какого права завладѣетъ онъ ею? Безпощадныя змѣи нежной старческой ревности сосали сердце князя Ларіона.... И онъ долженъ былъ молчать, таиться, не замѣчать.... А онъ все видѣлъ все угадывалъ!... Онъ видѣлъ, когда на сценѣ Гундуrowъ читалъ свои монологи, какъ каждый разъ ловкая взорамъ Луна чтобы никто не могъ прочесть того что сказали бы можетъ-быть ея глаза. Онъ блѣднѣлъ каждый

разъ отъ выраженія ихъ голосовъ когда въ первой сценѣ съ Офеліей, Гундуровъ говорилъ ей: „я любилъ тебя когда-то,“—а она ему отвѣчала: „я вѣрила этому принцу.“—„Не правда! готовъ-онъ былъ бѣшено крикнуть имъ, — твой голосъ говоритъ ей: я *люблю* тебя, а ея: я тебя *вѣрю*; вы по-своему передаете Шекспира“!... А онъ улыбался, и одобрялъ, и искалъ случая къ поправкѣ, къ замѣчанію чтобы хоть этимъ привлечь на себя взглядъ Лины, чтобы хоть на мгновеніе остановились на немъ эти теперь нѣмые для него глаза...

Онъ страдалъ невыносимо. „Театрикъ“ между тѣмъ шелъ впередъ и впередъ. То что на языкѣ сцены называется *ансамблемъ* уже достаточно обрисовывалось — и обрисовывалось удачно: исполненію драмы можно было заранее предсказать несомнѣимый успѣхъ. Роли уже всѣ были разучены; участвовавшіе относились къ дѣлу своему съ добросовѣстностью и прилежаніемъ рѣдко встрѣчаемыми между любителями: Шекспиръ, *Гамлетъ*,—„каждый торговецъ въ *городѣ*,“ какъ справедливо говорилъ Ваальковскій, зналъ тогда эти имена и валилъ за толпою въ театръ прочтя ихъ на афишѣ... По счастливой случайности, роли приходились по вкусу и по способности почти каждому изъ актеровъ. Княжна была идеальная Офелія. Въ игрѣ Гундурова съ каждымъ днемъ все шире и глубже выяснялся изображавшійся имъ характеръ. Половій — Акулинь былъ превосходенъ.

Надежда Федоровна—Гертруда, не портила, хоть нѣсколько маманина и, съ не привычки, не знала куда дѣвать руки. Въ знаменитой сценѣ съ сыномъ она была холодна и холодила Гундурова, что приводило его въ отчаяніе. „Погоди, утѣшалъ его Ашанинъ,—я вотъ ее въ самый день представленія самымъ жестокимъ образомъ разогорчу, и она будетъ тебѣ вѣть отъ начала и до конца роли“... Онъ и не предчувствовалъ какъ пророчески должно было сбыться его обѣщаніе!..

Зябливъ въ роли Клавдіо былъ почти хорошъ. Его печоринскіе взгляды изъ-подъ визу, *сдобный* голосъ и измѣжанные пріемы при разбойничьемъ лицѣ довольно близко подходили подъ тилъ того лицемѣрнаго сластолюбца, игрека и бражника, „благочестивымъ видомъ сумѣвшего обсах-

рить скрытаго въ немъ діавола“, * какимъ Шеколиръ изобразилъ Гамлетова отчима. Но, этого сахара перепускалъ онъ подчасъ уже столько что „фанатикъ“ Вальковскій не выдержалъ однажды, и крикнулъ ему изъ кулисы: „да что вы батюшка, злодѣя играете, или латочку сосете“? Самъ „фанатикъ“ въ небольшой роли Розенкранца былъ невмразливо смѣшонъ, и потѣшалъ Ашанина до истерики: — онъ сжималъ губы сердечкомъ, щурилъ глаза, подбоченивался фертомъ, и напускалъ удали и молодечества тамъ гдѣ, ни по характеру лица которое онъ игралъ, ни по смыслу положенія, и тѣмъ не требовалось чего-либо подобнаго.— „Эко чучело, эка безобразина!“ хохоталъ Ашанинъ послѣ каждаго выхода его на сцену. Но Вальковскій не смущался: „погоди, братъ, отвѣчалъ онъ ему съ торжествующей улыбкой,—прійдетъ Василій Тимоѣевъ, онъ меня не хуже тебя красавцемъ распишетъ!“ Василій Тимоѣевъ былъ театральнѣйшій ларикмахеръ, большой искусникъ своего ремесла, и закадычный другъ Вальковского, возлагавшаго на него, на время своихъ отсутствій по „театрикамъ“ всю свою дѣлу, а въ томъ числѣ и надзоръ за „Маргоренькой“, ужасно рѣбкою и столь же легковѣрною швеей, которую „фанатикъ“ готовилъ на сцену на роли свѣтскихъ кокетокъ...

Извѣстно что ничто такъ скоро и коротко не сближаетъ молодежь какъ любительскіе спектакли. Короткости между нашими актерами содѣйствовало еще и ихъ совмѣстное житье въ Сапкомъ, въ богатомъ, привольномъ домѣ, гдѣ каждому предоставлялось брать на свою долю настолько удовольствія, насколько хватало у него на это силъ и желанія. Княгиня Аглая, въ подраженіе своимъ англійскимъ образцамъ, предоставляла гостямъ своимъ полную свободу: они цѣлымъ обществомъ, дамы и мужчины, катались верхами, удили рыбу, ѣздили по вечерамъ въ дальнія прогулки въ которыхъ не всегда принималъ участіе князь Ларіонъ, а сама хозяйка—никогда. Ленивая и отяжелѣвшая, она почти не выходила изъ своего будуара, гдѣ съ утра до вечера пила чай въ компаніи неизбѣжнаго Зяблина, и куда, разумѣется, никому не приходила охота идти ее тревожить. Только по утрамъ Лиза являлась съ „bonjour, maman“,

* Выраженіе Гервалуса.

цѣловала ей руку, и почти тотчасъ же уходила. Мать почти никогда не говорила съ ней, не потому чтобъ имѣла какія-нибудь причины недовольства ею, а просто потому что не находила предметовъ разговора съ дочерью.— „Elle est trop-sérieuse,“ повѣряла она „бригантѣ“ вздыхая и томно улыбаясь,—elle n'a pas d'enjouement dans le caractère comme moi!.. Потомъ приходилъ князекъ, сынъ ея, разодѣтый какъ на картинкѣ, съ mîster Ноксомъ который ни на какомъ, кромѣ англійскаго, языкѣ не говорилъ, и котораго она, и съ воспитанникомъ его, отпускала также очень скоро, потому что никакъ не могла сказать ему того что хотѣла;—да Ольга Баладифоровна по нѣскольку разъ на день забѣгала къ ней подъ разными предлогами, тѣша ее своими *фантильками*. Смышлялая барышня отчаявшись вернуть себѣ расположеніе князя Ларіона, — оный пересталъ даже говорить съ нею, — заискивала и юлила теперь предъ княгиней болѣе чѣмъ когда-нибудь... Въ то же время она всячески набивалась въ наперсницы къ „другу своему, Ликѣ“, и хотя это ей очень мало удавалось, и княжна, и какъ она ни билась, не дѣлала ей никакихъ *конфидансовъ*, она сама отъ себя, изъ злобы къ „противному старикушкѣ“, употребляла всякія ухищленія и средства чтобы „сблизать“ Лиду съ Гумауровымъ: старалась находить случаи когда бы они могли побыть подольше вмѣстѣ, искусно отводила тѣхъ кто могли бы помѣшать ихъ бесѣдѣ когда представлялись такіе случаи; распорядилась такъ чтобы нашему герою непрѣменно доставалось мѣсто подлѣ княжны на лѣнцѣ которая везла ихъ въ лѣсъ, или на тою на Оку... Княжна, ловидимому, не замѣчала этихъ услугъ, и даже большею частью не пользовалась тѣми „удобными“ случаями которые должна была доставляла ей въ возможномъ изобиліи, — но не всегда же она отъ нихъ уходила, не всегда же находила силу избѣгать ихъ... Иногда, на лету глаза ея встрѣчались съ глазами Сергѣя, съ глазами полными безконечной мольбы, и безвластно шла она занять подлѣ него мѣсто въ экипажѣ, и долго потомъ вѣдали они молча, не смѣя уже болѣе поднимать глазъ другъ на друга. И что бы въ эти минуты могли они другъ другу сказать? За нихъ говорила вся эта молодая природа, что цвѣла и пѣла вокругъ нихъ, окропленная живительною влагой, озаренная солнцемъ весны: широкая даль рѣчнаго разлива, сладкій

шелестъ молодыхъ дубовъ, соловей урчавшій въ кустъ дикой малины, мимо котораго, когда на померкавшемъ небѣ загаралась первая звѣздочка, проѣзжали они на возвратномъ пути въ усадьбу...

XXIV.

Утромъ, 20го числа, только-что послѣ первого завтрака, исправникъ Акулинь, еще накануне вечеромъ уѣхавшій встрѣчать графа, подскакалъ на вымышленной тройкѣ къ широкому крыльцу Сацкаго.

— Вдуть, вдуть! прытко выкидывая изъ телеги свое грузное тѣло, кричалъ онъ сдавленнымъ, будто только-что сорвався съ веревки, голосомъ слугамъ выбѣжавшимъ въ сѣни на топотъ его лошадей, — князю доложите, княгинѣ.. сейчасъ прибудутъ... вотъ и коляска ихъ видна!...

Изъ-подъ льва, дѣйствительно выѣзжала и мчалась къ дому четверней коляска графа.

Предувѣдомленный князь Ларионъ вышелъ ему на встрѣчу...

Тотъ котораго въ то время коротко и многозначительно въ предѣлахъ Москвы бѣлокаменной и на всемъ пространствѣ кругомъ просто называли „графомъ“ былъ лѣтъ шестидесяти съ чѣмъ-то генералъ, нѣсколько тучноватый, безусый по формѣ Александровскаго времени, которой онъ не хотѣлъ измѣнить и въ новое царствованіе, и лысый, по выраженію Ольги Елпидифоровны, какъ арбузъ. Эга совершенно голая голова съ тремя подвитыми вверхъ волосиками на самомъ затылкѣ, отвислыми какъ рыбы жабры щеками, небольшими глазками и выступавшею добродушно впередъ нижнею губой, давала ему совершенно видъ стараго Китайца; но въ общемъ выраженіи его облика было что-то свое, самостоятельное и достойное, чѣмъ Александровскіе люди замѣтно отличались отъ удачливыхъ слугъ той эпохи къ которой относится нашъ разказъ. Графъ былъ то что называется сынъ своихъ дѣлъ: бѣдный армейскій офицеръ, воспитанный какъ самъ онъ любилъ говорить, „на мѣдную полушку“, онъ счастливою случайностью выдвинутъ былъ весьма рано впередъ, и еще въ пору Отечественной войны считался дѣльцомъ. Сорока съ

небольшимъ лѣтъ отъ роду онъ былъ уже большой человѣкъ въ служебной іерархіи, богатъ, женатъ, получилъ графскій титулъ... Но въ годы Аракчеевской силы онъ оди́нъ изъ весьма немногихъ имѣлъ мужество не кланяться временщику, а чрезъ нѣсколько лѣтъ затѣмъ съ министерскаго поста вышелъ въ чистую отставку, вслѣдствіе того что одно изъ его представленій не получило чаемаго утвержденія. О мелкомъ своемъ происхожденіи и первоначальной бѣдности онъ говорилъ всегда съ какою-то особенною гордостью, а тому первому своему, давно умершему начальнику, который вывелъ его изъ темныхъ рядовъ арміи, онъ въ любимомъ своемъ имѣніи, подъ окнами своего кабинета, поставилъ въ саду бронзовый памятникъ съ надписью: „мо-
ему благодѣтелю“...

Таковъ былъ человѣкъ, который пробывъ въ отставкѣ цѣлыя восемнадцать лѣтъ, призванъ былъ снова затѣмъ на высокую должность которую онъ правилъ теперь, — и правилъ какъ правилъ въ тѣ блаженные времена съ произволомъ трехбунчужнаго лаи и съ мудрою простотой Самхо-Пансы на островѣ Баратаріи.

Онъ выѣхъ изъ коляски вслѣдъ за выскочившимъ впередъ чиновникомъ сопровождавшимъ его и принялся лобызаться съ княземъ Лариономъ.

— Здравствуй, очень радъ тебя видѣть, — онъ говорил короткими, словно остриженными фразами, съ полнымъ отсутствіемъ всякихъ вводныхъ и придаточныхъ предложений; — нарочно затѣхалъ; потолковать надо. Мѣста все знакомыя; — онъ глянулъ кругомъ: — въ одиннадцатомъ году были у твоего старика съ графомъ Барклаемъ; тогда онъ еще княземъ не былъ. Что княгиня? спрашивалъ онъ подымаясь на лѣстницу.

Все это говорилось точно онъ акансистъ читалъ подъ рядъ безо всякаго повышенія или пониженія голоса, причѣмъ его китайское лицо сіяло добродушнѣйшею и самодовольнѣйшею улыбкой.

— Она васъ ждетъ, отвѣчалъ князь; — но прежде всего вопросъ: не хотите ли позавтракать?

Тотъ пріостановился на стульчикѣ и приподнял обѣ руки ладонями вверхъ:

— Не хочу. Никогда не завтракаю. Что дѣлать князь?

— Слава Богу!

— Милое дитя! тѣмъ же акаѳистомъ пропѣлъ графъ.

— *Cher comte, soyez le bienvenu chez moi*, заголосила княгиня, встрѣчая его въ первой гостиной, гдѣ висѣлъ *portrait d'ancêtre*, но вспомнивъ что „*cher comte*“ ни слова не понималъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ, предложила ему завтракать по-русски.

Онъ опять поднималъ обѣ ладони къверху, и опять повторялъ то же:

— Не хочу. Никогда не завтракаю! А,—милое дитя! пошелъ онъ на встрѣчу входившей въ гостиную княжнѣ; какъ ваше здоровье?

Лина пристѣла; онъ пожалъ ея тонкія руки своими обѣими, лухлыми какъ у протопопа въ богатомъ приходѣ руками.

— И шалуныя тутъ же? пропѣлъ онъ опять, узнавая Ольгу Елпидиоровну, вышедшую вслѣдъ за княжнѣй. Когда опять въ Москву? А отцу сказала что я поручилъ?

— Сказала, прошептала барышня, и тутъ же глянула ему въ глаза своимъ забирающимъ взглядомъ.

Онъ умильно улыбнулся и погрозилъ ей пальцемъ:

— Шалуныя!... Шажковъ! кликнулъ онъ черезъ сѣню прѣхавшаго съ нимъ чиновника,—исправника!

Толетый Елпидифоръ стоялъ въ ожиданіи въ передней, крестя себя по животу и шепча отъ времени до времени: „проеси Господи“!...

Онъ какъ бомба влетѣлъ по зову въ гостиную и вытянулся въ дверяхъ будто аршинъ проглотилъ.

— Исправникъ, залѣлъ графъ, говорила тебѣ дочь что я поручилъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство! еле слышно пропустилъ онъ сквозь засохшее отъ страха горло.

— Помиа! Будешь играть—прогомяю вонъ! А шалуныю въ Москву пѣтъ!... говорятъ, голосъ хорошъ? Онъ погрозилъ опять пальцемъ бойкой барышнѣ, стараясь какъ можно лукавѣе глянуть, въ свою очередь, въ ея искрившіеся глаза.

— *Monsieur* Акулиаъ прекрасно на сценѣ играетъ! отрекомендовала его княгиня Агдая на которую исправникъ глядѣлъ телячьими умоляющими глазами.

— Актеръ? Это хорошо! Графиня—онъ назвалъ по имени жену свою—очень любитъ театръ. Что играетъ?

— *Гамлета*, ваше сіятельство! прохрипѣлъ Елпидифоръ.

— Не знаю! приподнявъ свои ладоны вымолвилъ графъ.

— C'est sérieux! объяснила Аглая,—но они еще играютъ одно смѣшное...

— *Льва Гурьча Синичкина*, ваше сіятельство!

— А! вспоминалъ онъ—и ткнулъ пальцемъ по направлению исправника,—Живокини еще играетъ?

— Точно такъ, ваше-съ... чуть не заржалъ въ отвѣтъ на милостивый вопросъ ошастливленный Елпидифоръ.

— Хорошій актеръ! поощрительно отозвалось его сіятельство;—смѣшить меня!...

— Не пройдемъ ли мы ко мнѣ? предложилъ князь Ларіонъ, все время морщившійся отъ этого разговора.

— Пойдемъ; поговорить надо!... Шалуны! Онъ еще разъ погрозила пальцемъ бырышнѣ—и отправился, сопровождаемый княземъ, въ его покои.

Шажкова,—это былъ особый типъ московскаго чиновника служащаго изъ-за „крестинекъ“, нѣчто среднее между Фамусовымъ и Молчалинымъ, крѣпышокъ на лѣтучьихъ ногахъ и при лѣтучьей надменности,—Шажкова увели кормить...

XXV.

— Я твое письмо отослалъ какъ есть, говорилъ графъ въ библіотекѣ, утѣвшись въ самую слипку большаго вольтероваго кресла и прямо уложивъ локти по его ручкамъ, а ножки свои сдвинувъ крестъ-на-крестъ; онъ очень походилъ въ этомъ положеніи на идола индійскаго бога Вишну.

— И аллробуете? спросилъ князь Ларіонъ.

— Что же, написалъ по совѣсти, — аллробую!

— Я не приму никакого мѣста связаннаго съ какими-либо полицейскими обязанностями... Не потому чтобъ я отрицалъ пользу полиціи; хорошая полиція при нашихъ порядкахъ—все... только я на нее не способенъ... Слишкомъ хорошъ или слишкомъ дуренъ, какъ хотите... Онъ усмѣхнулся.

— Безъ полиціи нельзя! пропѣлъ графъ.

— Да, но и она остается мертвымъ орудіемъ... Подумайте что дѣлается кругомъ: воровство, неправоудіе, отсутствіе ума во всемъ. Вотъ за чѣмъ смотрѣть, что карать, о чемъ печалиться!... А они какой-то революціонной пропаганды боятся, и образованныхъ людей, науку тѣснятъ!

— Знаю! Не я! отмахнулася обѣими ладонями Вишну;—у меня въ государственномъ совѣтѣ (на его языкѣ это означало московскій англійскій клубъ) каждый вечеръ дѣла рѣшаютъ; приговоры... Пусть! Онъ выставилъ впередъ нижнюю губу, и добродушно засмѣялся;—опять славянофиламъ эти... Знаю, на Собачьей площадкѣ собираются, умные люди, государства дѣлаютъ... Мы лишутъ изъ Петербурга: набавдай чтобъ не смѣли! Я отъѣхалъ: вздоръ,—я отъѣхалъ; пусть болтаютъ! Пресѣдывать будешь—хуже! Стали они... по-мужички одѣваться, кафтаны, шалки на себя понадевали... Ну, я призвалъ, говорю имъ: пожалуста, чтобъ этой гаупости больше не было!... Тѣмъ и кончилось.

— Посмотрите до чего доходить! заговорилъ опять князь:—вотъ тутъ у насъ молодой человѣкъ есть, сосѣдъ,—на профессорскую кафедру готовился...

— Фамилія какъ?

— Гундуровъ.

— Гундуровъ? Въ Клястицкомъ гусарскомъ полку былъ одинъ Гундуровъ, майоръ, веселая голова. Не отецъ?

— Нѣтъ, отца я зналъ, никогда военнымъ не былъ... Князь Ларіонъ разказалъ повѣсть нашего героя.

— Пустяки! засмѣялся графъ.—Зачѣмъ ѣздилъ въ Петербургъ? Мнѣ бы просьбу подавалъ,—отпустили бы.

— Я на васъ и разчитывалъ, съ живостью заговорилъ князь опять;—вы одинъ можете поправить это дѣло. А я, кашлянулъ онъ,—имѣю причины желать... желалъ бы ему услужить...

Старикъ взглянулъ на пріятеля и словно поваялъ „причины“: губы его приняли насмѣшливое выраженіе:

— Сосѣдъ? Бываетъ у васъ часто?

— Театръ этотъ у насъ затѣялся! Князь Ларіонъ сморщилъ брови.

— Отчего? Могу! Зимой дворъ пріѣдетъ: доложу! Пошам его ко мнѣ когда нужно будетъ!

— Очень вамъ благодаренъ за него, послѣдшилъ сказать князь.—Отказъ въ паспортѣ приводилъ молодого человѣка въ отчаяніе... Я ему совѣтовалъ... пока... по Россія проѣхаться...

— Хорошо, пусть поѣдетъ! Ему полезно! А тебѣ, я хотѣлъ сказать на счетъ тебя... Все въ твоихъ рукахъ. И сила твоя будетъ! Потому онъ будетъ твой (разумѣлся еяный) человѣкъ, отъ котораго шла предложенія князю Ларіону

и съ которыми самъ графъ находился въ давнишнихъ короткихъ отношеніяхъ)...

Породниться съ тобой хочеть!...

— Породниться? чуть не вскрикнулъ князь Ларіонъ.

— Да, чрезъ твою княжну!

— Чрезъ Нелёне?... У него сперлось дыханіе.

— Племянникъ у него Анисьева, графы!

— И я не догадался объ этомъ въ Римѣ съ отчаяніемъ воскликнулъ внутренно князь Ларіонъ.—Этотъ Анисьевъ... началъ онъ и не могъ кончить.

— Тридцати лѣтъ,—давно поаконникъ; пороку не нюхалъ, очень цѣннъ!... Исполнитель! Нижняя губа графа выстоялась впередъ:—при Александрѣ Павловичѣ не такихъ выбирали! объяснилъ онъ мысль свою.

— Онъ, кажется, зимою былъ въ Москвѣ проездомъ, вспоминалъ князь, дрожащею рукою проводя себя по губѣ; а его карточку видѣлъ какъ-то. Онъ былъ у Агапи Константиновны...

Графъ заговорилъ опять:

— Пишетъ мнѣ (разумѣется все тотъ же сильный человекъ) что сестра его за границей съ твоею невесткой въ счетъ этого оговорились ужъ!

— Отъ меня скрыто! Въ первый разъ слышу!

— Не знаю! Ладони откинулись вверхъ. Онъ пишетъ мнѣ... А все безъ тебя нельзя: ты родной дядя, опекунъ!..

— А! Такъ вотъ они отчего—*предложенія*! Не служба моя нужна... а роденьку, къ богатой... невестѣ... пристроить, едва могъ говорить отъ прожимавшаго его бѣшенства князь;—торгъ мнѣ предлагаютъ. Такъ напишите же имъ... что... что я ни собой... ни племянницей моею, княжною Шастуновой, не торгую!.. Мнѣ... отъ нихъ... ничего не нужно! Господина этого Анисьева я не знаю и согласія моего напередъ не даю!.. А тамъ,—чуть не воплемъ вылилось у него изъ груди—я не отецъ,—могутъ отдать ее и безъ моего согласія...

Старый Виниу невозмутимо внималъ, глядя ему прямо въ лицо и недвижнымъ истуканомъ сидя въ гаубишъ своего кресла; только лухлые его пальцы слегка приподымались и опускались на оконечностяхъ ручекъ...

— Какъ былъ въ двадцать лѣтъ, горячка все та же! заплывъ онъ наконецъ слова своимъ однозвучнымъ голосомъ

Сердиться зачѣмъ? Не хочешь? Сказалъ. Довольно! Я напишу ему... А теперь прощай! молвилъ онъ, разомъ подымаясь съ мѣста;—завтра въ вечеръ въ Нарцесовѣ хочу быть: тамъ у меня винокурня сгорѣла...

Князь Ларіонъ былъ такъ взволнованъ что и не думалъ удерживать его.

— Прощай, Ларіонъ! и выставляя заранѣе обѣ губы впередъ, старикъ подошелъ къ нему, взявъ его за оба плеча и поцѣловалъ въ обѣ щеки.

— Прощайте, почтенный другъ мой, сказалъ князь,—и благодарствуйте во всякомъ случаѣ!..

— Прощай!.. Надо съ твоею княгиней проститься!..

Онъ двинулся и вдругъ остановился:

— А что ты, какъ былъ, такъ и есть,—это хорошо! Такихъ теперь мало! почему-то шелуилъ и подмигнулъ онъ князю Ларіону;—мы настоящіе были вѣрные слуги! Не то что нынѣшніе *исполнители!* презрительно повелъ онъ губами, и, покачиваясь съ боку на бокъ, бодрыми шагами вышелъ изъ библіотеки.

XXVI.

— Cher comte, неужели вы ужъ насъ покидаете? томяно заголосила княгиня Аглая, когда зашелъ онъ къ ней проститься въ гостиную.

— Дѣло! Надо! У меня винокурня сгорѣла! говорилъ онъ ей въ отвѣтъ, подходя къ ручкѣ.

— По крайней мѣрѣ на возвратномъ пути, милый графъ, дайте мнѣ обѣщаніе пріѣхать опять; вамъ по дорогѣ. Зго июня ma fille aura dix-neuf ans.—Личны рожденіе, слыхватилась она,—у насъ спектакль... вы любите... Общайтесь!..

— Третьяго числа? Не помню... Шажко-ъ! Когда намъ по маршруту мимо Сацкаго проѣзжать?

— 6го июня предполагается возвращеніе въ Москву, доложилъ чиновникъ;—только вы предъ тѣмъ желали провести день въ Покровскомъ...

— Не лѣду, и днемъ раньше изъ Нарцесова уѣду! Милое дитя! — онъ отплатилъ жать руки Личны въ своихъ

лукныхъ рукахъ,—хочу здѣсь быть на ваше рожденіе!.. Ну, прощайте, княгиня!

— Vous êtes si gentil... вы такъ милы! голосила княгиня, цѣлуя его въ щеку и подымаясь провожать его...

— Тутъ одна мѣщанка молоденькая изъ города, съ просьбою къ вашему сіятельству, доложилъ Шажковъ.

Онъ выставилъ свою нижнюю губу впередъ:

— Просьба? Все просьбы. О чемъ она проситъ?

— Мужъ ея выдалъ своей прежней... одной жеманѣ, залулся чиновникъ,—два безденежныхъ заемныхъ письма на 800 рублей.

— Мошенники! протянулъ графъ.—Ну, теперь не имѣю времени! подумалъ онъ,—скажи чтобы пришелъ когда назадъ будемъ,—третьяго числа. Я разберу!..

— Не прикажете ли, ваше сіятельство, съ ведоброю улыбочкой проговорилъ Шажковъ,—заняться до пріѣзда вашего этимъ дѣломъ Чижевскому?..

— Чижевскому? повторилъ удивленно его сіятельство;—а его отпустилъ къ роднымъ на 28 дней?

— Онъ здѣсь, съ тою же улыбочкой объяснилъ тотъ.

— Да, cher comte, это я виновата, вступилась княгиня,—онъ на пути заѣхалъ къ намъ, и я его удержала... il est si bon aeteur...

— Гдѣ онъ? графъ сморщилъ брови.

Чижевскій бывшій въ другой комнатѣ вышелъ съ нѣсколько сконфуженнымъ видомъ.

— Знаетъ кошка чье мясо съѣла! залѣлъ графъ полусурово, полуусмѣхаясь.—Зачѣмъ прячешься?..

— Я не прячусь, съ невольнымъ смѣхомъ отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Я тебя отпустилъ къ роднымъ,—а ты здѣсь! Отецъ ждетъ. Не хорошо!

— Я получилъ письмо что отецъ уѣхалъ въ Крымъ купаться въ морѣ, послѣдилъ объяснить Чижевскій.

— Купаться? Это хорошо для здоровья! одобрилъ графъ.—А матушка?

— И она съ нимъ уѣхала, кемилосердно соглашъ тотъ.

— Играешь здѣсь на театрѣ? уже совсѣмъ добродушно спросилъ его графъ. Я посмотрю: не хорошо будешь играть—подъ арестъ!.. Возьми тутъ у Шажкова просьбу; одна мѣщанка подала; разбери, кого нужно вызови къ моему

пріѣзду, третьяго числа... Ну, прощайте! пошелъ онъ опять жать руку дамамъ и лобызаться съ княземъ Ларіономъ.

— Мамо протѣхало! щелкнулъ пальцами за его спиной Чижевскій, показывая въ то же время языкъ Шажкову, который ненавидѣлъ его также злобно и также безпричинно какъ Сидицъ ненавидѣлъ Гумадурова... Чѣмъ другимъ, а этими безпричинными ненавистями другъ къ другу богаты люди русской земли.

— Шалунья! До свиданія! Пріѣду послушать какъ поете! отпустилъ тѣмъ временемъ старшій Китаецъ Ольгъ Елпидифоровичъ, вызывающіе глаза которой производили на него, повидимому, вѣкоторое впечатлѣніе.

Князь Ларіонъ, проводивъ его до коляски, прешелъ прямо на половину своей невѣстки.

Она уже успѣла устыться въ мягкія подушки дивана своего ситцеваго кабинета и собиралась пить чай въ компаніи Зяблина.

— Мнѣ надо переговорить съ вами! коротко и рѣзко проговорилъ князь, входя и останавливаясь посреди комнаты.

— Parlez, Larion! и она подняла на него свои круглые глаза изумленная и этимъ тономъ, и еще болѣе его посвященіемъ: онъ никогда еще до сихъ поръ не заходилъ въ ея покои.

— Я съ вами желаю говорить! подчеркнулъ онъ, ни на кого не глядя.

Зябливъ поспѣшно всталъ со своего низкаго кресла и вышелъ.

Княгиня почти испугано глянула ему вслѣдъ.

— Я хотѣлъ васъ спросить, какъ только остались вы вдвоемъ, началъ князь Ларіонъ,—братъ-ли я вашего покойнаго мужа, олекутъ-ли я его дѣтей, или нѣтъ?

— Mon Dieu, Larion, какіе странные вопросы? Она растерянно заерзала въ своихъ подушкахъ,—qui en doute что вы дядя и олекутъ Лили и Базилъ?... .

— Такъ какъ же это вы, едва сдерживаясь говорилъ онъ,—какъ же вы, тайно отъ меня, не предваривъ ни словомъ, прѣчасть и лукава какъ.... онъ чуть не сказалъ „какъ горничная“—порѣшили судьбу Hélène съ этою интриганткой.... и я узнаю это только теперь, чрезъ другихъ?...

Она ужасно перелугалась:

— Je vous prie, Larion, ne serditez! Мы съ графиней Аамсьевой à Rome говорили—c'est vrai.... И я вамъ хотѣла

тогда же сказать.... Но она меня просила si instamment!... Я, говорить, боюсь, *votre beau-frère me déteste*, не говорите ему теперь ничего.... Она меня такъ просила, Larion,—не vous fâchez pas! Я ее послушала....

— А Hélène! вскрикнулъ князь.—Вы говорили съ ней?...

— Ничего не говорила, Larion, je vous jure! съ просто-душнѣйшею увѣренностью въ томъ что такъ и сдѣлала ей поступить отвѣтила Аглая Константиновна.

Онъ съ невыразимымъ презрѣніемъ вскинулъ на нее глаза:

— Вѣдь вы же мать! Чего другого.... но этого—онъ ударилъ себя по груди—можно же отъ васъ требовать.... Не видавъ человека въ глаза, не зная кто, чѣмъ онъ, вы ее, вашу дочь.... такое существо какъ Hélène,—голосъ его отъ волненія зазвенѣлъ неестественнымъ, визгливымъ звукомъ,—вы распорядитесь ею какъ кулемъ муки, по вашему капризу, какъ безсловеснымъ у котораго ни ума, ни воли своей нѣтъ....

Аглая вдругъ ударилась въ слезы:

— Mon Dieu, Larion, развѣ я не о ея счастіи думаю? Какая еще можетъ быть для нея партія лучше?... Songez donc, *кого* онъ племянникъ! Et si bien en cour. Une carrière!... Онъ будетъ непременно министромъ современемъ, говорила мнѣ всегда la comtesse sa mère, à Rome.

— Министромъ! злобно засмѣялся князь Ларіонъ;—а если ей, Hélène, не министра нужно, а человека! Понимаете вы: *че-ло-вѣка!*...

— Il sera bientôt général, Larion, томо вращая своими круглыми глазами отвѣтила она на это ему.

— Вы его видѣли зимой—этого господина? спросилъ князь на сколько могъ хладнокровнѣе.

— Да, отвѣчала она, еще всхлипывая,—онъ былъ у меня съ письмомъ отъ своей матери.... Его послали въ Тамбовъ pour les festes, vous savez, за наборомъ.... Онъ уѣхалъ въ тотъ же день тогда....

— И вы его теперь ждете? Князь Ларіонъ горящими глазами глянулъ пристально на нее.

— Я ему говорила что третьяго іюля рожденіе Ливы.... и что мы будемъ въ Сидкомъ....

— И онъ будетъ? не далъ ей договорить онъ.

— Я, право, не знаю, Larion.... Vous êtes si singulier, при-
нялась она опять плакать, — а съ тѣхъ поръ не шлѣ

«*châchach, nouvelles...*» ни отъ него.... ни отъ его матери, la comtesse....

Она безбожно лгала: отъ графиню Анисьевою она была въ непрерываемой перепискѣ съ Римъ, а отъ сына Яя недавно какъ за два дня получила изъ Симбирска письмо, въ которомъ онъ отборнѣйшими французскими фразами извѣщалъ ее что порученіе его приходитъ къ концу, и что онъ, пользуясь ея любезнымъ приглашеніемъ, явится себя радостною надеждой явиться въ Сидкое, для изъясненія ей своего глубокаго печенія и преданности никакъ не позднее 2-го июля.

Князь Ларіонъ и не сомнѣвался что она лгала.... Но ему претягло было поверить съ ней, противно осмотрѣть на ея живое, тупое лицо....

Онъ повелъ плечами и вышелъ изъ комнаты.

Вбѣжавшая въ нее почти вслѣдъ за нимъ Ольга Елпидифоровна застала свою покровительницу всю въ слезахъ.

— Мамочка моя, княгинюшка, голубушка, вскрикнула она, выдалась къ ней на диванъ и принималась цѣловать ее, — что съ вами, о чемъ вы плачете?

Та почувствовала вдругъ neodолжимую потребность разка-заться ей какаа она обиженная, разогорченная, несчастная женщина:

— Larion m'a fait une scène affreuse, — et pourquoi? Потому что я хочу le bonheur de mon enfant? Ямаа она и терла себя глаза кружевнымъ платкомъ.

— За Лину! тотчасъ же догадалась барышня — и носы-лааа самымъ жаднымъ любопытствомъ узнать поводъ „scène affreuse“....

— Je vous dirai tout, petite, сказала ей Аглаа Константиновна, — только ты мнѣ должна дать слово что ты ни слова никому не скажешь?

Ольга стала креститься на уголъ что никому, никому, пока жива, не выдастъ этой тайны.

Княгиня передала ей все отъ начала, какъ она познакоми-лась съ графиню Анисьевою въ Римѣ и та „вылюбилась въ Лину“ и потомъ говорила ей о сынѣ, и какъ онъ обѣ-матилъ что этотъ сынъ „qui a tout pour lui и который непре-мѣнно долженъ быть министромъ современемъ“ и ея дочь „seront un couple assorti“, — а теперь вотъ Larion, „изъ зло-сти къ этой бѣдной comtesse Anisjief“, наговорилъ ей

ужасовъ и что она видитъ что онъ противится „à un mariage aussi brillant“ только потому что она, по просьбѣ графини, не сообщала ему до сихъ поръ о ихъ „projet d'alliance“...

— Вы думаете потому, княгинюшка! стремительно прервала ее на этомъ мѣстѣ бойкая барышня подъ помыслъ интимныхъ приливовъ той заботы которую внушалъ ей теперь князь Ларіонъ;—вы ошибаетесь: онъ и этому и всякому другому projet de mariage Лина будетъ противиться!...

Княгиня воззрѣлась на нее недоумѣвая.

— Повѣрьте мнѣ, я знаю! закивала ей та;—онъ ни на что не согласится, онъ не желаетъ чтобъ Лина вышла замужъ!

Аглая Константиновна недоумѣливо качнула головой:

— Olga, c'est une bêtise! что ты говоришь: я вѣдь знаю, Ларіон любитъ Лину...

— Еще бы! хихикала барышня,—слишкомъ любить!...

Кругаме глаза княгини растерянно заморгали: она не могла...

— Онъ влюбленъ въ нее! скоротворкой, наклонясь къ ней, промолвила Ольга.

— Quelle horreur! Un oncle! вскакнула Аглая.

— Княгинюшка, милая, вскинулась со своей стороны барышня, страшно перепугавшись вдругъ того что только что сказала и тѣхъ послѣдствій въ которыхъ могла впасть ее по своей несомнѣнной глупости ея пѣкровительница.—Ради Бога, ради всего святаго, чтобы никто кромѣ васъ этого не зналъ!... Вы понимаете, а бѣдная дѣвушка.. мой отецъ исправникъ... онъ зависитъ отъ графа, а князь его другъ... А я только изъ преданности моей, изъ любви къ вамъ...

Но княгиня, послѣ перваго взрыва негодованія, успѣла смутно сообразить что въ чувствѣ такого человѣка какъ князь Ларіонъ къ такой дѣвушкѣ какъ Лина „il ne peut y avoir rien de sâbreux“, а если онъ дѣйствительно, „un peu amoureux de sa nièce“ то это можетъ еще пожалуй какъ-нибудь послужить ей, Аглаѣ, въ пользу, еслибы Ларіонъ вздумалъ и въ самомъ дѣлѣ упрямиться.... Она поспѣшила усовестить барышню и въ свою очередь крестилась на утомъ что никому не передать сообщеннаго ей, а Ольгу и еще ея никогда не оставить. „Surtout si la chose réussit“, многозначительно напирала она, онъ (то-есть, графъ Анисовъ) чрезъ своего дядю можетъ доставить твоему отцу гораздо

лучшее мѣсто, — il ne sera plus ispravnik, ma chère, on pourra le faire gouverneur dans une province éloignée“!...

Посреда этихъ изліяній посмѣшалася легкій каплею, который Зябинъ счелъ нужнымъ повѣстить о своемъ возвращеніи.

— Arrivez, arrivez! крикнула ему хозяйка, завидя его въ дверяхъ, — мы одѣ съ Ольгой....

— Его сіятельство давеча меня такъ безцеремонно импроводилъ.... съ нѣкоторою лезительностью усаживалася „бригантъ“, мягко пробирался къ нимъ мимо всякихъ *dos-à-dos* и низенькихъ козетокъ которыми усаженъ былъ кабинетъ княгини.

— Oui, и поощъ васъ il m'a fait une scène affreuse! закричала она опять.

Зябинъ опустился въ кресло противъ нея, оперся подбородкомъ на обѣ руки и погрузился своими воловьими глазами въ ея бараньи глаза.

— Бѣдная! проговорилъ онъ только, но вздохнулъ такъ какъ моръ вздыхать развѣ одинъ Байроновскій Манфредъ на своей скалѣ.

— Ça, c'est un vrai ami, Olga! томо проговорила княгиня, протягивая ему черезъ столѣкъ съ чаемъ свою жирную руку, которую Зябинъ благоговѣнно принималъ обѣими своими руками и принималъ. цѣловать палецъ за пальцемъ.

— Finissez, polisson! игриво промолвила она и отдернула ее изъ-подъ его губъ. — Онъ все знаетъ давно quant à l'affaire d: Rome, кивнула она на него Ольгѣ, — mais il est discret!... И Larion объ этомъ узналъ теперь.. Ему вѣрно, сказалъ графъ, а тому — а теперь утѣрена — писалъ, vous savez.... братъ графини, объяснила она Зябину; — et Larion est fugieux почему я сама не пришла ему сказать тогда же, à Rome...

— Маѣ кажется, началъ „бригантъ“ своимъ напоминавшимъ о одобномъ гѣстѣ голосомъ — что судьба княжны прежде всего зависитъ отъ ея матери...

— Je crois bien! воскликнула княгиня, — sa mère, qui l'a mise au monde!

— А потому, продолжалъ онъ, — я смѣю думать что князь... что онъ не можетъ требовать....

— Онъ ея дѣда, возразила она глубокомысленно, — son propre oncle, vous savez, и попечитель d'après la loi...

— Дядя не отецъ, еще мягче и олуцкая глаза проговорила Зяблинъ.

Она уперлась въ него взглядомъ, какъ бы соображая что-то очень сложное:

— Вы знаете Larion теперь въ отставку,—mais... il a toujours une grande position dans le monde! пришла она къ заключенію.

Зяблинъ, проводившій дни свои въ обществѣ этой умной женщины, привыкъ къ необыкновеннымъ ходамъ ея мыслительнаго процесса:

— La position графа Алишьева нѣтъ кажется не уступитъ княжеской, слегка усмѣхнулся онъ и глянулъ на нее изъ-подъ низу. Это значило: „при такомъ злѣ нечего тебѣ боятся твоего beau-frère“, и Аглая тотчасъ же это поняла и все лицо ея словно озарилось сіяніемъ:

— Да, воскликнула она, у него будетъ une position superbe.. Я поставлю его домъ sur un pied anglais... Et la cour viendra, даже задрожала ея голова...

„Неудавшійся бригантъ“ умно поднялъ на нее очи: „а меня на кого же ты покинешь!“ говорили они. А думалъ онъ въ то же время сабдующее: „главное выдать скорѣе княжну замужъ и спустить Лариона, а тамъ увидимъ какъ я тебя изъ Москвы вылуцую“!..

— Вы также, mon ami, вы также въ Петербургъ переедете! Аглая протянула ему олатъ руку свою черезъ столъ; et Olga aussi je vous prends avec moi, petite; vous n'êtes pas faite pour poudrir en province...

— Княгинюшка, милая, я съ вами готова на край свѣта! чуть не взвизгнула та, куда-съ ей на шею; въ глазахъ бойкой барышни такъ и замелькали гвардейскіе мундиръ, богатые холостаки, завитки институтскія подружки, и дворъ,—дворъ куда она „могла попасть—за голосъ“...

— Но княгиня,—вдругъ, среди упоенія этими золотыми сѣнами припомнилась ей дѣйствительность,—если Дядя... если ей не понравится этотъ графъ, и... можетъ-быть кто-нибудь... другой ей нравится?..

Аглая Константиновна окинула ее снисхока взглядомъ, усмѣхнулась—и внушительно проговорила:

— Этого я не боюсь. Lina est trop bien née pour cela!

Барышня прикусила себѣ губу чуть не до крови и осторожно замолкала...

XXVII

Князь Ларіонъ, выходя изъ аллартаментовъ Аглаи Константиновны, встрѣтился съ проходившею къ себѣ навверхъ Надеждой Федоровной.

— Не знаете ли вы гдѣ Hélène? спросилъ онъ ее.

— Она, кажется, въ мою комнату сейчасъ прошла...

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе, сходите къ ней и спросите: можетъ ли она принять меня? На десять минутъ! примолвилъ онъ, почему-то считая нужнымъ назначить срокъ... Но у него сердце билось какъ у юноши въ ожиданіи перваго свиданія... Онъ сложилъ на груди руки и прислонился къ периламъ лѣстницы...

— Княжна васъ проситъ, передала вернувшись Надежда Федоровна.

Князь Ларіонъ медленными шагами поднялся по ступенькамъ. Послѣ многихъ, многихъ дней онъ теперь опять будетъ говорить наединѣ съ Линой... И тяжель для него будетъ этотъ разговоръ,—онъ зналъ.

Подойдя къ ея двери онъ, по заграничному обыкновению, стукнулъ въ нее три раза рукою.

— Войдите, дядя, послышался голосъ Лины.

Онъ вошелъ.

Ольга Еллидифоровна была права: комната Лины—ея кабинетъ—если не по бѣдности, то по строгости своего вида напоминалъ дѣйствительно монашескую келью. Полъ обтянутый верблюжьимъ сукномъ, ситцевыя занавѣси съ темнымъ узоромъ по бѣлому фону, простой дубовый столъ съ большимъ на немъ портретомъ отца ея въ черной рамѣ, такой же длинный шкафъ съ книгами, лаковые соломенные стулья приставленные къ стѣнамъ, а по стѣнамъ старинныя, пожелтѣвшія по краямъ, въ черныхъ же рамахъ, гравюры библейскаго содержанія,—все это свидѣтельствовало о странномъ душевномъ настроеніи у дѣвушки съ миліонными приданымъ... Единственно цѣныя, но того же строгаго, религіознаго характера предметы въ ея покоѣ представлялись въ видѣвшихся изъ растворенныхъ дверей ея спальни старинномъ, изящной венеціанской рѣзьбы при-

Дизу, на которомъ лежала объемистая, переплетенная въ бархатъ, съ золотыми застѣжками книга — Евангеліе или Молитвословъ, и надъ нимъ драгоценное по работѣ Распятие изъ слововой кости на крестѣ изъ чернаго дерева... Въ углу той же спальни золоченая лампадка лила свой блѣдный пламень среди яркаго дневнаго свѣта предъ родовою, изукрашенною смарагдомъ и алмазомъ иконой Пречистой Матери, когда-то, послѣ казни одного изъ Шастуновыхъ при Баронѣ, зарытой въ землю вѣрнымъ слугою и возвращенною имъ при Елисаветѣ представителю ихъ рода. Князь Ларіонъ, къ которому она перешла по наслѣдству отъ отца, подарилъ ее Лизѣ...

Она пошла къ нему на встрѣчу:

— Вамъ нужно говорить со мною, дядя?

— Да... Я сейчасъ отъ твоей матери...

— Она нездорова? вскрикнула княжна.

— Здоровехонька! отвѣтилъ онъ; — рѣчь не о ней... о тебѣ!..

Онъ никакъ не могъ совладать со своимъ голосомъ: онъ ему измѣнялъ, — князь это чувствовалъ.

— Гдѣ бы у тебя сѣсть? сказалъ онъ, самъ въ эту минуту избѣгая ея глазъ, — у тебя во всей комнатѣ одно кресло.

— И садитесь на него; мнѣ все равно гдѣ сѣсть.

Онъ подошелъ ко креслу, окинулъ взглядомъ комнату, отыскивая мѣсто потемнѣе, и придвинулъ его къ стѣнѣ за оконную занавѣсь.

Лиза помѣстилась на стулѣ у того же окна и ждала, сложивъ руки на колѣняхъ...

— Нынѣшнею зимой, началъ князь, — былъ у твоей... у Аглаи Константиновны, молодой человѣкъ графъ Амисель, сынъ этой...

Она утвердительно кивнула.

— Ты его видѣла?

— Да!

— Говорила съ нимъ?

— Кажется... Да, конечно говорила...

— Разговоръ этотъ, повидимому, — старался усмѣхнуться князь Ларіонъ, — не произвелъ на тебя особеннаго впечатлѣнія?..

Она чуть-чуть пожала плечами.

— Этотъ господинъ прибудетъ теперь сюда ко дню твоего рожденія.

— Да? проговорила она со врезаннымъ замираніемъ...

— И объ этомъ... объ этомъ, невольно запылаясь повторилъ князь,—я пришелъ поговорить съ тобою...

Словно зарница промелькнула въ спокойныхъ до сей минуты глазахъ Лины; она выпрямилась на своемъ стулѣ...

— Твоя... этого господина, выговорилъ наконецъ князь,—прочать тебѣ въ мужья!

— Ради Бога, дядя, могла только выговорить Лина, закрывая себѣ глаза рукою.

Онъ схватилъ обѣими ея свободную руку...

— Hélène, другъ мой, я ловимаю... Я знаю... Я хотѣлъ сказать... Ради Бога, не отчаивайся!..

— Ничего, дядя... нѣтъ... я...

Она будто сжалась вся, закрыла еще разъ на мигъ глаза, открыва ихъ, тихо высвободила свою руку...

— Говорите! промолвили ея блѣдныя губы.

Онъ собрался съ силами—и тихо спросилъ:

— Онъ не по тебѣ, Hélène?

— Нѣтъ! твердо проговорила она, и головой качача.

— И былъ не по тебѣ... и тогда, когда ты его увидѣла въ первый разъ? съ замирающимъ сердцемъ спросилъ опять князь Ларіонъ.

Она какъ бы пожала разомъ и то что хотѣлъ онъ сказать, и то чувство которое побуждало его къ этому вопросу. Еле замѣтнѣйшій румянецъ проступилъ сквозь снѣговую блѣдность ея ланитъ:

— И тогда, дядя! какъ бы поспѣшила она успокоить его,—и тогда!...

Онъ замоакъ, судорожно, крѣлко сжалъ вѣки, какъ бы отъ солнца...

— Годъ тому назадъ, въ эту пору, помнилось, заговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—мы были въ Гмунденѣ на возвратномъ пути изъ Италіи... Какой-то невѣдомый еще людямъ уголокъ! Ни одной души знакомой... цѣлая три недѣли! Помнишь наши безконечныя прогулки въ лодкѣ по Траувзее?...

— Помню.

— Вѣдь лучше было тогда, Hélène, лучше?...

Она не отвѣтила.

Онъ горько улыбкался. Безумецъ, онъ могъ хоть на мгновеніе вообразить себѣ что отъ этого воспоминанія зазвенитъ какая-нибудь струна въ ея душѣ! Прогулки по озеру въ лунныя ночи—съ нимъ! Онъ такой юный, милый, интересный Шиллеровскій герой!...

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, опять сѣлъ...

— *Hélène*, мнѣ не нужно тебѣ говорить что твое счастье во сто разъ дороже мнѣ моему... моему никому не нужной жизни,—скажи мнѣ только: въ настоящемъ случаѣ разчитываешь ли ты на мою поддержку?

Она отвѣчала не сейчасъ:

— Да, дядя! И подавляя на него глаза:—все что отъ насъ зависитъ—сдѣлать!

— *Hélène*,—я требую полной откровенности! Иначе я не буду знать какъ мнѣ дѣйствовать.

Плечи ея дрогнули,—она быстро отвернулась къ окну.

— Алексѣевъ не по тебѣ, продолжалъ князь Ларіонъ,—но... но есть... другой.

Она не отвѣчала.

— Я это предвидѣлъ... Я хотѣлъ удалить его...

— Я знаю! прошептала Лина.

— И это... это уже такъ сильно, *Hélène*?...

— Не спрашивайте! тоскливо сказали ея отуманившіеся глаза.

Князь Ларіонъ имѣлъ еще силу усмѣхнуться, проговорить шутливымъ тономъ:

— Значитъ, мнѣ предстоятъ двѣ задачи: одного выпроводить—другаго выправить... Хорошо! Молись твоему богу, а я сдѣлаю что могу!...

Онъ подошелъ къ ней, подавъ ей руку... Она схватила ее, прижалась щекою къ рукаву его—и тихо заплакала...

Онъ наклонился, поцѣловалъ ее въ лобъ, вышелъ изъ ея комнаты и, дотавившись къ себѣ, повалился на диванъ какъ раздавленный...

XXVIII.

Мы пьемъ въ любви отраву сладкую,—
Но все жь отраву пьемъ мы въ ней...

Баратынскій.

Дни бѣжали за днями. Въ обычномъ теченіи жизни въ Сидкомъ ничто наружно не измѣнилось. Все тѣ же были вкусные завтраки и обѣды, тѣ же репетиціи между этими завтраками и обѣдами и прогулки посатъ этихъ обѣдовъ, все тѣ же по вечерамъ музыка, и громкій смѣхъ, и безконечные споры Духовина съ Факирскимъ о Жоржъ-Сандъ и Луи Бланъ, и брызжавшій къ великой потѣхѣ публики „фанатикъ“ и толстый Елпидифоръ, отбывшій грознаго начальника и съ легкой душой весь день теперь проводившій надъ своею ролью Полонія... О послѣдствіяхъ посвященія графа ничего не проникло въ лубайку. Бредившая Петербургомъ бойкая барышня хранила внутреннюю ей тайну даже отъ отца,—даже отъ Ашанина. А Ашанинымъ она увлекалась съ каждымъ днемъ все болѣе.. Онъ однажды поймалъ ее одну, въ актерской уборной, куда побѣжала она на минуту со своимъ приколотъ предъ зеркаломъ сорванную имъ для нея розу къ волосамъ,—и, не говоря ни слова, обнялъ ее и страстнымъ поцѣлуемъ поцѣловалъ въ самыя губы. Она не крикнула—и, какъ въ угарѣ, чуть не шатаясь, вернулась на репетицію съ неприколотою розой въ рукѣ... И съ той минуты все чувствовала она на губахъ своихъ сладость того горячаго, перваго поцѣлуя. Ночью въ кровати, среди долго не дававшихъ ей спать всякихъ честолюбивыхъ и тщеславныхъ ломышеній, образъ чернокудраго красавца возставалъ вдругъ предъ нею какъ живой — и наклонялся къ ней, и цѣловалъ ее...

А все же она молчала и таила отъ Ашанина то что, она знала, должно было пасть сокрушающимъ ударомъ на голову его друга. И самую покровительственную свою руку отняла она теперь отъ этого друга и княжны. Не въ выгодахъ бойкой барышни было болѣе „сближать“ ихъ. Ненавистному ей князю Ларіону накопился ударъ почище чѣмъ то чего могла она ожидать отъ любви Гундунова. Предъ нею лично открывались новыя, широкіе горизонты

и въ виду ихъ разсуждала она, ей садовало бы даже теперь всеми зависѣвшими отъ нея средствами „мѣшать“ этому обидѣнію. Но Ольга Балдифорова въ душѣ своей относилась ко княжѣ съ крайнимъ пренебреженіемъ: въ ея помятіяхъ, Липа была ничто иное какъ „вялая рыба,“ безъ искорки того „огня жизни“ которымъ внутренно гордилась сама барышня, и который, дѣйствительно, горѣлъ въ ней какою-то вѣчно брызжущею струей: „достаточно мнѣ, рѣшила она,—только не помогать имъ, а безъ меня они ни до чего не дотолкуются!..“

Липѣ, впрочемъ нечего было „дотолковываться“ съ Гундуринымъ; они понимали другъ друга безъ словъ. Она дѣйствительно ему вѣрила какъ вѣрила Офелія своему принцу, и чувствовала что ея Гамлетъ никогда не скажетъ ей „я не любилъ тебя“!.. Страннымъ чувствомъ исполнена она была теперь: она словно витала въѣ времени и пространства, какъ витаютъ безпачтамы души уносимая мимо бѣгущимъ мгновеніемъ, не задумываясь, не тревожась, не заботясь о будущемъ, объ этомъ грозномъ, исполненномъ тоски и муки будущемъ, которое надвигалось къ нимъ все ближе и ближе.... Она будто забыла о немъ. Ей ждало, какъ Гундурову, хотѣлось теперь также „жить, просто жить“, и она жила, зная что какъ мотыльку ей суждено было этой жизни лишь нѣсколько краткихъ часовъ, и не останавливаясь на этой мысли. Когда на сценѣ она гогорила о „лектарѣ клятвъ“ Гамлета, она знала что эти никогда не слышанныя ею отъ Гундурова клятвы онъ повторялъ ихъ въ эту минуту въ своемъ сердцѣ, стоя за кулисою и безмолвно внимая ей,—и невольная, дѣтски лукавая улыбка каждый разъ скользяла по ея губамъ, когда выходившій тотчасъ вслѣдъ за нею Зяблицъ-Клавдію начиналъ, говоря про того же Гамлета:

Любовь? О кѣтъ! Онъ не любовью боленъ....

Однажды, проходя мимо Факирскаго, разсуждавшаго на этотъ разъ съ Духонинымъ о какихъ-то университетскихъ преданіяхъ, она услышала какъ онъ говорилъ: „Гундуровъ, напримѣръ, Гундуровъ былъ изъ ряду вонъ студентъ“!.. И съ этой минуты она полюбила Факирскаго, растрепаннаго вида котораго ей долго не нравился, и находила предлога каждый день заводить съ нимъ разговоры.... Съ Ашанинымъ, съ Вальковскимъ она была необычайно привѣтлива

Она любила все что любило ея, что она любила; она перечитывала по вечерамъ мѣста поэтовъ, о которыхъ въ продолженіе дня ему случалось упомянуть; каждый день горничная ей ставила на столъ большой букетъ бѣлыхъ лилій, отъ сильнаго запаха которыхъ нерѣдко болѣла у нея голова, потому что однажды, гуляя съ нею по цвѣтнику, онъ сказалъ ей что она „непремѣнно должна любить лиліи“... Она чувствовала что никто послѣ отца ее не любилъ, и не могъ бы полюбить ее такъ вѣрно и такъ свято. Дядя?... То же чутье всегда предвѣщало ей противъ его чувства къ ней, говорило ей что обѣщанная имъ теперь „поддержка“ была съ его стороны жертва которою томился и страдалъ онъ. Онъ послѣ того разговора съ него словно избѣгалъ ея, — избѣгалъ всѣхъ и по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ своего покоя.

Да, „они были теперь вдвоемъ на свѣтѣ“ съ Гундуровымъ, съ этимъ случайнымъ Гамлетомъ, съ которымъ она познакомилась тому двѣ недѣли... „Кто же еще будетъ съ нами?“ проносилось въ душѣ Лины, когда иной разъ тѣлое сознаніе неизбѣжной дѣйствительности внезапно пробуждало ее изъ міра „грезъ любви первоначальной“.

— А гдѣ это наша милая тетюшка—какъ оказалось у нея это „наша“, она сама не знала,—Софья Ивановна? спросила она разъ Гундукова.

— А вы бы желали ее видѣть? вскрикнулъ онъ, блеснувъ радостнымъ взглядомъ.

— Да. За нею, знаете, какъ то такъ спокойно себя чувствуешь, отвѣчала Лина не ему, а своей мысли...

— Я за нею съѣзжу, если хотите? засмѣялся онъ.

— Съѣздите!

Онъ отправился въ тотъ же вечеръ и вернулся съ нею на другое утро. День былъ воскресный: княгиня съ княжной уѣхали въ церковь... Софья Ивановна первымъ дѣломъ вытребовала къ себѣ въ комнату Ашанина:

— Ну что, каковы дѣла? Зачѣмъ онъ меня сюда пригласилъ? спросила она.

— Про то Аллахъ вѣдаетъ, засмѣялся красавецъ;—онъ у меня совсѣмъ изъ рукъ отбился: ничего не говорить!

— Пріѣхалъ онъ ко мнѣ, съ невольною улыбкой разказала Софья Ивановна,—руки цѣлуешь, самъ чуть не прыгаетъ.. И лукавить началъ: давно не видѣлъ, говорить, есекучился...

А я по глазамъ вижу—не то! Наконецъ объявляетъ что меня де очень всѣ желаютъ видѣть въ Сидкомѣ. Кто же эти „всѣ“? Ужь не эта ли Аглая воопылала ко мнѣ страстныи? Нѣтъ, оказывается княжна просила... Мидаа!.. Что она?... И Софья Ивановна какъ-то безотчетно потупилась.

Ашанинъ помялъ:

— На нихъ занятно глядѣть, сказалъ онъ,—точно старинный романъ читаешь, гдѣ перваго объясненія любовниковъ ницъ въ десятой части!

— А вамъ бы его въ первой же главѣ хотѣлось, а во второй—расклавлялись и разошлись! почти сердца въразны! Софья Ивановна, отъ чего онъ и лучше разошлся.

— Безъ шутокъ однако, молвилъ онъ:—по моимъ блжайшимъ наблюденіямъ, Сережа княжѣ положительно прѣвится!

— Ахъ! глубоко вздохнула она,—я это замѣтила еще въ тотъ разъ когда здѣсь была... И, признаюсь въ моей слабости, умилилась на нихъ!... А какъ прѣѣхала въ Сашино, да размыслила... такъ вотъ уже восьмой день не сплю, — истомилась... Такая ужъ натура, какъ бы извинялась она,—это все равно какъ вотъ когда гроза: ударить — не боюсь, а какъ издалека наступаетъ и погромыхивать начнетъ,—смерть моя!..

— Ничего, генеральша, съ бою возьмемъ! утѣшалъ ея Ашанинъ.

— Ахъ, не говорите, не шутите такъ! прервала его Софья Ивановна:—сердце мое говоритъ, а оно меня никогда не обманывало—что не добромъ это кончится... И близко это близко! промолвила она подъ впечатлѣніемъ какого-то страннаго предвидѣнія...

Но когда она опять свидѣлась съ Линой, усыхала этотъ тихій голосъ, глянула въ эти задумчивые лазурные глаза, тревога ея снова затихла; она опять „умилилась“ на нее... на нихъ!... Ихъ тайна, еще яснѣе быть-можетъ чѣмъ на лицѣ Сергѣя, оказывалась для Софьи Ивановны въ выраженіи этихъ глазъ, въ проникающихъ звукахъ этого голоса. Во всѣхъ движеніяхъ Лины было теперь что-то совсѣмъ новое для Софьи Ивановны. Она словно ютилась, словно прижималась къ теткѣ Гундурова, словно говорила ей „да, намъ нужна твоя любовь,—твоя опора!... Втроемъ, съ тобою, какою блаженною жизнью зажили бы мы!...“ И пылко

воображеніе Софьи Ивановны прикидалось со своей стороны бредить отъ этой блаженной жизни втроемъ, и опять начинало ей казаться что соединенными силами они будутъ въ состояніи сломить всякое препятствіе и что никакая „Аглайна дурь“ не устоитъ предъ молящимъ взглядомъ ея дочери...

Она прожила въ Сидкомъ цѣлые два дня — и почти не разлучалась съ княжной. Такъ откровенно ни съ кѣмъ еще не говорила Лина, ни съ кѣмъ такъ хорошо себя не чувствовала. Она взяла съ Софьи Ивановны слово вернуться „за два дня до ея рожденія, никакъ не позже.“ Май былъ на исходѣ, „тотъ“ она знала, долженъ былъ прійхать къ этому времени; она чувствовала что какъ у Офеліи у нея подъ ногами уже обламывались вѣтви...

А князь Ларіонъ все сидѣлъ у себя и не выходилъ даже къ обѣду, и по цѣлымъ часамъ шелъ объ этомъ разговоры между Аглаей Константиновной и Зяблицкимъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Б. МАРКЕВИЧЪ.

АНГЛІЯ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ

ВОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ

A history of England in the eighteenth century, by William Edward Hartpole Lecky.

Въ ряду новыхъ историческихъ произведеній особенно вниманіе останавливаетъ на себѣ *Исторія Англіи въ восемнадцатомъ столѣтіи* Уильяма Лекки. Авторъ составилъ себѣ извѣстность двумя книгами философскаго содержанія*, но теперь обратился отъ философіи къ исторіи. Быть-можетъ покажется страннымъ что онъ остановилъ свой выборъ на эпохѣ королевы Анны, трехъ первыхъ Георговъ, Вальпола, лорда Четама и Уильяма Питта, — эпохѣ уже столько разъ, и въ цѣломъ и по частямъ, подвергавшейся подробной разработкѣ и о которой въ Англіи существуетъ между прочимъ обширное сочиненіе лорда Стенгопа. Мы все-таки говоримъ однако въ пользу автора: прежде всего конечно

---

* *History of the rise and influence of the spirit of rationalism in Europe.* 2 vol. и *History of European morals from Augustus to Charlemagne.* 2 vol. Кроме того г. Лекки принадлежатъ сочиненія: *The leaders of public opinion in Ireland.*

го обстоятельство что самостоятельный ученый всегда сумѣетъ оказать что-нибудь новое и оригинальное о предметѣ даже повидимому изслѣдованномъ со всѣхъ сторонъ; нѣтъ огромнѣйшій интересъ который никогда не утратитъ въ глазахъ Англичанина судьба его отечества въ XVIII вѣкѣ, ибо въ этотъ періодъ времени, послѣ тяжкихъ религіозныхъ и политическихъ кризисовъ, оно окончательно упрочиваетъ свое вѣншее могущество и внутреннее благоустройство, благодаря плечдъ государственныхъ людей, составляющихъ и донынѣ національную ея гордость; наконецъ самый методъ избранный г. Лекки не позволялъ ему опасаться соперничества съ своими предшественниками. По поводу этого метода онъ замѣчаетъ въ предисловіи къ своей книгѣ слѣдующее: „Я не колебался посвятить свой досугъ тѣмъ же самымъ событіямъ которыми съ такимъ успѣхомъ занимался лордъ Стенгопъ, хотя съ перваго взгляда можетъ показаться что два писателя говорящіе объ одной и той же эпохѣ и одной и той же странѣ должимъ очень часто повторять другъ друга. Подобныя соображенія не смущали меня, потому что у меня былъ свой планъ, и интересовали меня такіе факты которые у лорда Стенгопа играютъ лишь второстепенную роль. Я вовсе не намѣревался писать по годамъ, въ хронологическомъ порядкѣ, исторію Англіи или изображать подробно военныя событія а также борьбу политическихъ партій и страстей занимающихъ столь видное мѣсто въ лѣтописяхъ прошлаго. Моею цѣлью было изъ огромной массы фактовъ избирать преимущественно тѣ которые свидѣтельствуютъ о свойствахъ неизмѣнно присущихъ націи, указываютъ не на случайныя, а на укоренившіяся черты національной жизни. Различныя фазисы усиленія и упадка монархической власти, аристократическаго и демократическаго элементовъ, господствующей церкви и диссидентовъ, земледѣльческихъ, промышленныхъ и торговыхъ интересовъ; возрастающее значеніе парламента и печати; исторія политическихъ идей, искусства, нравовъ и вѣрованій; перемѣны послѣдовательно происходившія въ социальномъ и экономическомъ быту народа; вліянія преобразившія національный характеръ; отношенія метрополіи къ ея колоніямъ и причины ускорившія или замедлившія развитіе ихъ благосостоянія, вотъ что читатель найдетъ въ моей книгѣ.“ Оставалось вѣрнымъ этой

задачѣ г. Лекки отводить весьма незначительное мѣсто многимъ изъ событій, удостоившимся самаго подробнаго изложенія со стороны другихъ историковъ (для примѣра достаточно указать что возстаніе приверженцевъ Стюартовъ въ Шотландіи въ 1745 году разказано у него лишь на двухъ страницахъ), но за то онъ знакомитъ насъ какъ нельзя болѣе обстоятельно съ различными явленіями общественной жизни, по которымъ можно вывести вѣрное понятіе о томъ что представляла собою Англія въ изображаемую имъ эпоху.

Трудъ г. Лекки еще не доведенъ имъ до конца. До сихъ появились два обширные его тома, останавливающіеся на смерти короля Георга II, то-есть на 1760 годѣ. Такимъ образомъ мы не имѣемъ предъ собою самой интересной половины исторіи Англіи въ XVIII вѣкѣ, а именно того періода когда Англія начинаетъ безгранично господствовать на моряхъ, когда за утрату своихъ сѣвероамериканскихъ колоній она вознаграждаетъ себя быстрымъ расширеніемъ своего владычества въ Остѣ-Индіи, когда она пользуется своимъ могуществомъ для того чтобы занять мѣсто во главѣ Европы противъ революціонной Франціи; но и періодъ непосредственно предшествовавшій этому энергическому развитію ея силъ не менѣе замѣчательнъ. Тутъ было подготовлено Англіей все то что въ послѣдствіи принесло ей обильную жатву.

Въ настоящее время русское общество имѣетъ законныя причины питать недружелюбныя чувства къ англійской націи, но это отнюдь не избавляетъ отъ обязанности изучать внимательно все что было великаго, достойнаго подражанія въ ея историческихъ судьбахъ. Книга съ которою мы намѣрены познакомить нашихъ читателей представляетъ для этого надежное средство, ибо если съ одной стороны она проникнута сильнымъ патріотическимъ чувствомъ, то съ другой г. Лекки вовсе не думаетъ сглаживать тѣ мрачныя и неаппетитныя черты англійской политики которыя, какъ теперь такъ и прежде, возбуждали противъ нея общее негодованіе.

I.

Исторія Англіи въ XVIII вѣкѣ раздѣляется на два періода: въ первомъ изъ нихъ, съ 1715 до 1770 года, господство принадлежало партіи виговъ; съ 1770 года—съ того времени когда лордъ Нортъ образовалъ министерство, торіи захватываютъ власть и удерживаютъ ее за собою до той минуты какъ приблизился къ разрѣшенію въ 1832 году вопросъ о парламентской реформѣ.

Въ вышедшихъ нынѣ двухъ томахъ разбираемаго нами сочиненія изложено періодъ преобладанія виговъ. Преобладаніе это поражаетъ прежде всего своимъ эфемернымъ характеромъ, съ перваго взгляда даже трудно понять на чемъ держалось оно, ибо уломянутая партія отнюдь не пользовалась популярностью въ странѣ. Известно съ какимъ упорствомъ ея противники держались за династію Стюартовъ; господствующая церковь и огромное большинство джентри выказывали ей до послѣдней минуты безпредѣльную преданность, такъ что со стороны Якова II нужно было особое искусство чтобъ измѣнить это настроеніе. Консервативная партія отшатнулась отъ него лишь послѣ того какъ онъ поставилъ ее въ совершенно безвыходное положеніе, но затѣмъ хотя она и не противилась революціи, все-таки эта революція была далеко неутѣшительнымъ явленіемъ въ ея глазахъ. Торіи порицали ее съ точки зрѣнія законности; въ глазахъ ихъ она не находила оправданія и въ нравственномъ отношеніи, ибо что по мнѣнію ихъ могло быть возмутительнѣе междуусобной войны которую дочь (супруга Вильгельма Оранскаго) начала съ цѣлью отнять престолъ у отца; что могло быть позорнѣе зрѣлища измѣны, предъ которою не остановились лица благодѣтельствованныя Яковомъ II? Позднѣйшія событія только усиливали неудовольствіе торійской партіи: по смерти Анны корона перешла къ привцамъ германскаго происхожденія, совершенно чуждымъ и англійскимъ обычаямъ и англійскимъ понятіямъ и какъ бы умышленно не желавшимъ сблизаться со своимъ новымъ отечествомъ. Повсюду выражалось раздраженіе противъ „Ганноверцевъ“,—не столько даже противъ Георга I и Георга II, сколько противъ толпы клевретовъ, которыхъ они привезли съ собою изъ-за моря, которые были чужимъ.

ными ихъ совѣтниками и пользовались огромнымъ вліяніемъ при дворѣ. Достаточно обратиться къ англійской литературѣ XVIII вѣка, достаточно прочесть хоть *Тома Джонса*, въ которомъ Фальдингъ такъ рельефно изобразилъ нравы англійскаго общества при первыхъ Георгахъ, чтобы составить себѣ понятіе о нерасположеніи Англичанъ къ своимъ новымъ правителямъ.

А между тѣмъ виги были главною опорою ганноверской династіи и они же по справедливости считались виновниками того порядка вещей который возникъ послѣ 1688 года. Несмотря на огромную, могущественную и численностью и вліяніемъ оппозицію, они не только упрочили за собою власть, но воспользовались ею для достиженія великихъ цѣлей. Дѣйствительно, настроеніе умовъ въ Англіи послѣ реставраціи Стюартовъ было таково что оно угрожало серьезными опасностями принципамъ политической свободы; ужасы революціонныхъ смутъ заставили общество броситься въ противоположную крайность; въ литературѣ, поученіяхъ духовенства, въ университетахъ господствовали теоріи находившіяся въ явномъ противорѣчіи съ основами конституціоннаго государства; Гоббсъ, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ, проповѣдывалъ систему чистаго деспотизма. „Въ виду всего этого, говоритъ г. Лекки, отнюдь не кажется несбыточнымъ что свободнымъ учрежденіямъ Англіи могла угрожать точно такая же участь какая постигла ихъ въ Испаніи, Италіи и Франціи; для этого необходимо было только одно условіе чтобы династія вполне искренно стала на сторону господствующей церкви; въ такомъ случаѣ могущество ея сдѣлалось бы несокрушимымъ.“ Яковъ II не захотѣлъ подчиниться подобающему условію, и постигшая его катастрофа вывела Англію на другой путь, но и на этомъ пути предстояло еще преодолѣть огромныя трудности чтобы достигнуть двойной цѣли: обезпечить мирное развитіе свободныхъ учрежденій и утвердить на престолѣ вполне національную династію. Вотъ въ какую сторону были направлены старанія виговъ, и нужны были необыкновенныя усилія съ ихъ стороны чтобы подвинуть впередъ разрѣшеніе этой задачи.

Мы уже замѣтили выше что средства которыми они располагали оказывались для нея далеко недостаточными. И въ восемнадцатомъ столѣтіи, точно также какъ теперь,

торіи были партіей землевладѣльческаго джентри и господствующей церкви, а виги служили представителями интересовъ коммерческихъ, промышленныхъ классовъ и диссидентовъ, но въ то время городское населеніе служившее главною опорою виговъ еще не пользовалось такимъ значеніемъ какъ теперь. Перевѣсъ былъ рѣшительно на сторонѣ землевладѣльческаго дворянства. Когда-то и въ средѣ этого дворянства находилась элементъ проникнутый весьма либеральными стремленіями, а именно мелкіе собственники, *уэсмен*. Фортеस्कью въ сочиненіи своемъ; *De laudibus legum Angliae* утверждаетъ что при Генрихѣ VII на въ какой другой странѣ Европы этотъ классъ не былъ такъ многочисленъ какъ въ Англіи, но еще задолго до XVIII вѣка онъ началъ приходить въ упадокъ. Ослабленіе феодальной системы дозволило землевладѣльцамъ отчуждать свои помѣстья; неизбѣжнымъ послѣдствіемъ увеличенія богатствъ было то что земли стали сосредоточиваться въ немногихъ рукахъ, а широкое развитіе торговли шерстью, въ связи съ возрастаніемъ земледѣльческой заработной платы, побудило помѣщиковъ превращать свои земли въ пастбища. Уже въ послѣдніе годы Тюдоровъ слышались жалобы что мелкихъ землевладѣльцевъ становится все меньше, что цѣлыя участки, на которыхъ уэсмен занимались обработкою земель служатъ выгонами для скота. Принимаемы были мѣры противъ этого, но ни одна изъ нихъ не достигала цѣли. Вскорѣ послѣ реставраціи еще насчитывалось въ Англіи около 160.000 мелкихъ помѣстій, но затѣмъ число ихъ уменьшается въ значительной степени съ каждымъ годомъ. Владѣльцы ихъ или становятся простыми крестьянами, или же занимаютъ мѣсто въ средѣ джентри, а въ этомъ послѣднемъ случаѣ они неизмѣнно увеличиваютъ силы торійской партіи. Такимъ образомъ вигамъ приходилось искать опоры главнымъ образомъ въ промышленномъ населеніи, средоточіемъ коего служили города; но хотя населеніе это значительно подвинулось впередъ при Стюартахъ, оно еще далеко не окрѣпло чтобъ играть важную политическую роль. Благодаря корпоративному его духу въ немъ развилось сознаніе своихъ правъ, сознаніе тѣхъ цѣлей къ которымъ оно должно было стремиться; но корпораціи находились въ тѣсной зависимости отъ правительства, которому принадлежало утвержденіе ихъ хартій. Словомъ, это была сила

призванная пользоваться огромнымъ вліяніемъ въ будущемъ, но въ описываемый періодъ времени она еще далеко не была тѣмъ чѣмъ сдѣлалась въ послѣдствіи.

Такъ какъ въ первой половинѣ XVIII вѣка промышленный и торговый классъ въ Англіи все-таки пріобрѣлъ уже значеніе, то г. Лекки остановился довольно подробно на томъ какія обстоятельства содѣйствовали его усиленію. Очеркъ представленный имъ весьма любопытенъ, ибо имъ видимъ что если съ одной стороны Англія и тутъ обнаружилась въ полномъ блескѣ свое трудолюбіе, предприимчивость и энергію, съ другой не мало помогли ей постороннія причины, котормя она умѣла какъ нельзя лучше эксплуатировать въ свою пользу. Историкъ указываетъ между прочимъ на огромное вліяніе обнаруженное въ этомъ случаѣ реформацией. Одно изъ важнѣйшихъ ея послѣдствій заключалось въ томъ что цѣлыя тысячи искусныхъ фабрикантовъ и рабочихъ, обезлечивавшихъ своею дѣятельностью процвѣтаніе той или другой мѣстности, разсѣялись по лицу всей Европы и сообщили промышленности, такъ-сказать, космополитическій характеръ, содѣйствовали упроченію различныхъ ея отраслей въ тѣхъ странахъ гдѣ прежде ничего не было о нихъ слышно. И это еще не все. Нѣтъ сомнѣнія что люди для которыхъ убѣжденія были дороже матеріальныхъ выгодъ, люди не допускавшіе никакихъ сдѣлокъ съ религіозными своими вѣрованіями и осудившіе себя на жертваніе вмѣсто того чѣобы пожертвовать ими, стояли выше обыкновеннаго общественнаго уровня. Они привнесли съ собою на новую свою родину такіа нравственныя качества котормя не могли не обнаружить самого благотворнаго вліянія, и въ то же время общественная среда лишившаяся ихъ должна была неминуемо почувствовать губельныя послѣствія такой утраты. Такъ, между прочимъ, во Франціи не только на промышленности, но даже и на національномъ характерѣ, отразились результаты того что эта страна лишилась не менѣе четверти милліона своихъ лучшихъ гражданъ. Католическая партія торжествовала: Боосюетъ, Масильонъ и Флешье расточали въспреннія похвалы новому Θεодосію, искоренившему ересь во Франціи, аббатъ Тамлеманъ превознесъ до небесъ отмѣну Нантскаго эдикта въ торжественномъ засѣданіи Французской академіи; а г-жа Севинье писала что достаточно было бы только одной этой

мѣры чтобъ обезсмертить царствованіе Лудовика XIV; Лесюёръ увѣковѣчилъ своею кистью на стѣнахъ Версаля упомянутое событіе, въ честь коего воздвигнута была также бронзовая статуя предъ Парижскою городскою ратушей. Но въ виду горькой дѣйствительности воѣ сколько-нибудь провинцательные люди отрезвились очень скоро отъ этихъ восторговъ. Многія изъ отраслей промышленности, требовавшія особаго искусства и составлявшія исключительное достояніе Франціи, перешли въ Голландію, Германію и Англію; многими вольностями, которыми еще обладало французское общество, нанесенъ былъ тяжкій ударъ послѣ того какъ люди служившіе главною ихъ опорой вынуждены были покинуть свою родину; хотя изгнанники не принадлежали къ господствующей церкви, но они поддерживали религиозное чувство въ странѣ, отличались строгостію своихъ нравовъ, и съ удаленіемъ ихъ рушился послѣдній оплотъ затруднявшій распространеніе скептицизма и разврата. А между тѣмъ другія государства слѣдили наперерывъ воспользоваться отъѣною Нантскаго эдикта: Голландія употребила воѣ усилія чтобъ привлечь къ себѣ французскихъ протестантовъ; болѣе двадцати тысячъ ихъ переселились въ Бранденбургское курфиршество и дали могучій толчокъ улучшенію прусской промышленности.

Ни одна страна однако не извлекала столько выгодъ какъ Англія изъ тѣхъ преслѣдованій которымъ подвергались протестанты въ Европѣ. И тутъ обнаружилась характеристическая черта ея политики. Королева Елисавета, напримѣръ, вполнѣ преданная англиканской церкви, относилась крайне недружелюбно къ континентальнымъ протестантамъ, но это не помѣшало однако ей выступить ихъ ревностною покровительницей. Не одна она, но и преемники ея, за весьма незначительными исключеніями, дѣйствовали точно такимъ же образомъ. Въ то время когда въ самой Англіи диссиденты подвергались такому ограниченію своихъ правъ, мѣры принимаемыя относительно ихъ не были распространяемы на выходцевъ изъ Европы, какъ бы рѣзко религиозныя убѣжденія ихъ ни противорѣчили господствующей церкви. Существенныя выгоды заставляли привлекать ихъ въ Англію, и ради этихъ выгодъ Англичане охотно жертвовали своими принципами. Послѣдствія подобной политики были для нихъ въ высшей степени

благопріятѣмъ. Эмиграція протестантовъ въ Англію началась собственно съ 1567 года, когда провѣслась вѣсть о вступленіи герцога Альбы въ Нидерланды; изъ письма Маргариты Пармской къ королю Филиппу видно что въ теченіе нѣсколькихъ дней выселилось тогда болѣе 100.000 чело-вѣкъ. Въ 1572 году прибыли толпы Французовъ вслѣдствіе ужасовъ Вароламеевской ночи; послѣ отбѣгѣмъ Нантскаго эдикта явилось около 80.000 изгнанниковъ. Тысячами спѣсались они также въ Англію изъ Германіи: такъ напримѣръ въ 1709 году изъ Палатината, въ 1732 году изъ Зальцбурга; а въ половинѣ XVIII вѣка новыя гоненія возникшія во Франціи увеличили еще болѣе ихъ число. Вслѣдствіе всего этого, говоритъ г. Лекки, было время что въ средѣ промышленнаго населенія Англіи замѣтное преобладаніе принадлежало чужеземному элементу. Слитфилдсъ напримѣръ былъ сплошь заселенъ Французами, занимавшимися шелковыми издѣліями; въ самомъ началѣ восемнадцатаго столѣтія въ Ловдонѣ, числе жителей коего простиралось лишь до 600.000, было 35 французскихъ протестантскихъ церквей; эмигранты насчитывались также въ значительномъ количествѣ въ Норвичѣ, Кентербери, Сандвичѣ, Ярмутѣ, Инсвичѣ, Экстерѣ и вообще трудно указать городъ который не служилъ бы ихъ мѣстопробываніемъ. Лишь очень немногіе изъ нихъ спускавали себѣ пропитаніе тѣмъ что вступали въ военную службу; огромное же большинство занималось мануфактурною дѣятельностью и оказало на этомъ поприщѣ неоцѣнимыя услуги, познакомивъ англійское общество съ такими отраслями производства которыя до того времени были ему совершенно неизвѣстны. Кружевные издѣлія Валаисеяна, стекольныя Парижа, батистовыя Камбре, ткацкія Мо, кораблестроительныя Гавра и Діенна, шелковыя мануфактуры Ліона и Тура, бумажныя Бордо и Оверни, шерстяныя Седана, кожевенныя Туреви, получили широкое и чрезвычайно успѣшное развитіе въ Англіи. Французскимъ протестантамъ была она обязана своимъ искусствомъ въ изготовленіи часовъ, математическихъ инструментовъ, различныхъ орудій и тому подобнаго, и она же познакомила Англичанъ съ правильнымъ садоводствомъ. Не подлежитъ сомнѣнію что въ концѣ XVIII вѣка, когда перевѣсъ въ политическомъ и военномъ отношеніи былъ рѣшительно на сторонѣ католической Европы,

первенство въ области промышленности и торговли принадлежало протестантскимъ государствамъ. Цѣнахъ три четверти тогдашней всемірной торговли сосредоточивались въ рукахъ Великобританіи, Голландіи, Швеціи, Норвегіи, Дании, Ганзейскихъ городовъ и протестантскихъ областей Германіи. Франція сильно соперничала съ ними преимущественно тѣмъ изяществомъ и совершенствомъ котораго достигла она въ различныхъ отрасляхъ мануфактуръ, но и тутъ отличалась главнымъ образомъ гугеноты. Воздвигнувъ гоненіе на нихъ Франція сама облегчала своимъ противникамъ средства удачно соперничать съ нею.

„Промышленные и торговые классы составлявшіе главную опору партіи виговъ, замѣчаетъ авторъ разбираемой нами книги, значительно усилились вслѣдствіе прилива эмигрантовъ изъ-за границы. Эмиграція была проникнута чувствомъ тѣмъ болѣе враждебнымъ ко Франціи и къ папству, что оно поддерживалось не убѣжденіемъ только, но и воспоминаніемъ объ испытанныхъ гоненіяхъ. Такъ какъ наглядно и очень скоро обнаружались матеріальныя выгоды отъ того что масса людей чуждавшихся господствующей церкви получила возможность избрать себѣ пристанищемъ Англію, то вслѣдствіе этого великій принципъ, лоборникамъ коего выстулали виги—принципъ религіозной свободы оказывалъ мало-по-малу вліяніе даже на тѣхъ которые относились къ нему наиболѣе враждебно.“ Замѣчаніе это слѣдуетъ принимать не иначе какъ съ оговоркой. Англія въ XVIII вѣкѣ, точно такъ же какъ въ два предшествовавшія столѣтія, вовсе не была страной вѣротерпимости. Въ этомъ отношеніи виги отнюдь не отставали отъ торіевъ: если послѣдніе изъ нихъ были неумолчимы къ диссидентамъ протестантскаго исповѣданія, то первые отличались изобрѣтательностью въ гоненіяхъ противъ католиковъ. И тѣ и другіе готовы были однако сдерживать свои страсти какъ скоро дѣло касалось матеріальныхъ выгодъ и интересовъ государства.

Хотя переселеніе въ Англію голыхъ изъ различныхъ европейскихъ государствъ протестантовъ было большимъ подспорьемъ для городского ея населенія, все-таки, повторяемъ еще разъ, населеніе это не настолько окрѣпло чтобы играть въ первой половинѣ XVIII вѣка важную политическую роль. Оно не могло служить вполнѣ надежной,

опорой для партіи виговъ. Но партія эта не находила критической опоры и въ протестантскихъ диссидентахъ. Въ 1689 году собственно въ Англіи и Вальей насчитывалось ихъ не болѣе 110.000; послѣ второй революціи, окончательно низвергнутой престолъ Стюартовъ, оставались въ силѣ издаваемые противъ нихъ законы, которые—еслибы они принимались въ точности—одѣлали бы существованіе ихъ положительно невозможнымъ: они не были допускаемы въ университеты, могли вѣнчаться не иначе какъ по англиканскому обряду; имъ воспрещено было вступать въ корпораціи и занимать общественныя должности, если отказывались они принимать причастіе по правиламъ господствующей церкви. Вильгельмъ III старался облегчить ихъ положеніе, но ему не удалось достигнуть этой цѣли. Партія виговъ приносила они общественную пользу лишь потому что были ревностно преданы Ганноверскому дому и выставили изъ своихъ рядовъ въ высшей степени талантливыхъ людей служившихъ ей своимъ перомъ.

Слѣдуетъ упомянуть также и о другихъ обстоятельствахъ благодаря которымъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ удерживала она за собою мѣсто во главѣ государственнаго управленія. Государственный долгъ, весьма незначительный при вступленіи на престолъ Вильгельма III, возросъ до огромной цифры при немъ и особенно при его преемникахъ; главною причиною того была продолжительная борьба съ Франціею, взявшею подъ свою защиту права претендента изъ дома Стюартовъ, и было опасеніе что если падеть правительство созданное революціей, то едва ли правительство которое его замѣнитъ сочтетъ своею обязанностью улачивать аккуратно проценты долга образовавшагося преимущественно изъ внутреннихъ займовъ. Какъ ни былъ повтому непопуляренъ Ганноверскій домъ, крупные капиталисты изъ личнаго интереса стояли на его сторонѣ, слѣдовательно и на сторонѣ партіи виговъ, всецѣло отдавшей себя на служеніе ему. То же замѣчаніе относится и къ такимъ важнымъ учрежденіямъ какъ Англійскій Банкъ и Остъ-Индская Компанія: вліяніе ихъ было громадно во всей странѣ; въ зависимости отъ нихъ прямо или косвенно находились все значительныя промышленныя предпріятія, во они созданы были правительствомъ виговъ, отъ него получили свои привилегіи, и оно же облегчило имъ заключеніе займовъ.

Все это нисколько не ослабляетъ замѣчанія ослѣпшаго г. Лекки что „торжество партіи виговъ, вызванное революціей 1688 года и закрѣпленное вступленіемъ на престолъ Ганноверскаго дома, было въ сущности торжествомъ партіи слабой и не имѣвшей глубокихъ корней въ странѣ“. Англія отчасти представляла тогда такое же зрѣлище какое мы видимъ теперь во Франціи. Едва ли можно сомнѣваться что въ настоящее время зажиточные и образованные классы во Франціи не сочувствуютъ республиканскому правленію и имѣли бы средства испровергнуть его если бы была династія которую они могли бы посадить на престолъ. Но они поневолѣ должны мириться съ республикой потому что такой династіи нѣтъ: съ Наполеонидами связаннымъ позорнымъ воспоминаніемъ, а Бурбоны представляютъ собою принципъ не встрѣчающій сочувствія въ странѣ. Между монархическими партіями господствуетъ рознь, вражда, тогда какъ республиканцы единодушно стремятся къ своей цѣли, и въ этомъ заключается главная ихъ сила. И въ Англіи послѣ 1688 года вліятельная часть населенія отнюдь не была расположена къ порядку вещей созданному революціей, но ей приходилось скрѣпля сердце подчиняться ему, потому что для борьбы съ нимъ она была бы вынуждена поставить во главѣ своей претендента изъ дома Стюартовъ, съ которымъ раздѣляла ее въ наиболѣе важномъ вопросѣ непреходимая пропасть. „Такимъ образомъ, говорить г. Лекки, партія незначительная по своимъ силамъ пользовалась превосходствомъ благодаря своей энергіи, единодушію и строгой организаціи, а партія многочисленная и вліятельная была парализована антагонизмомъ какой обнаруживался въ ея средѣ.“

И тѣмъ не менѣе очень долгое время англійское общество не могло успокоиться отъ опасеній что изгнанной династіи удастся возстановить свои права, и исключительно этимъ сабдуется объяснять продолжительное господство виговъ. Въ критическія минуты они не упускали случая дѣйствовать на умы слухами о замыслахъ претендента и это средство постоянно удавалось имъ какъ нельзя лучше. Въ сущности лишь въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ цѣлаго ряда тяжкихъ ударовъ которымъ подверглась партія якобитовъ, общественное мнѣніе въ Англіи перестало

придавать ей серьезное значеніе, и именно съ означеннаго времени виги должимъ были надолго проститься съ властью. Чтобы дать понятіе о томъ какъ они пользовались ею и какія услуги оказаны были ими странѣ при первыхъ Георгахъ, необходимо остановиться здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ на дѣятельности знаменитаго представителя ихъ въ означенный періодъ,—на дѣятельности Роберта Вальпола. Цѣлая двадцать лѣтъ сряду занималъ онъ должность перваго министра, не встрѣчая себѣ соперниковъ главнымъ образомъ потому что не было человека болѣе пригоднаго для тогдашнихъ обстоятельствъ. При ненормальныхъ отношеніяхъ между политическими партіями, при шаткости общаго положенія дѣлъ, время о которомъ мы говоримъ было вовсе неблагоприятно для какихъ-нибудь отважныхъ рѣшеній какъ во внешней, такъ и во внутренней политикѣ; задача состояла въ томъ чтобъ избѣгая раздражать страсти, не допуская партіи до ожесточенныхъ столкновеній, подготовить почву для будущаго, и Вальполъ вполнѣ проникся ею. При вступленіи его въ должность, Англія была поглощена спорнымъ вопросомъ о престолонаслѣдіи, во главѣ ея стоялъ непопулярный государь; парламентъ вмѣсто того чтобы содѣйствовать правильному развитію политическихъ учрежденій старался только затруднять дѣйствія верховной власти. Въ виду этого могущественный министръ понялъ что миръ составляетъ главную потребность страны, и воспользовался продолжительнымъ миромъ для того чтобъ упрочить династію на престолѣ и утвердить основы парламентскаго правленія. Одна забота не покидала его ни на минуту,—забота о томъ чтобы примирить съ царствующимъ домомъ землевладѣльческіе джентри; этотъ классъ общества относился къ Ганноверцамъ, диссидентамъ и даже къ промышленному населенію отнюдь съ немевшимъ недоброжелательствомъ чѣмъ къ ланкастамъ, а до тѣхъ поръ пока онъ находился въ непримиримой оппозиціи нельзя было ручаться за прочность новаго порядка вещей. Вальполъ успѣлъ ослабить враждебное настроеніе сельскаго дворянства; это удалось ему между прочимъ потому что оно не могло смотрѣть на него какъ на чуждаго себѣ человека; онъ самъ вышелъ изъ его среды, былъ привыкнутъ его привычкамъ, любилъ раздѣлять его грубыя удовольствія, составилъ себѣ многочисленный кругъ друзей

среди помѣщиковъ. Онъ достигалъ важныхъ цѣлей не отличаясь какими-нибудь необыкновенными способностями: никто не считалъ его глубокимъ или оригинальнымъ мыслителемъ, онъ не способенъ былъ къ роли реформатора, не увлекалъ краснорѣчіемъ, но Англія, какъ замѣчаетъ г. Декки, „всегда предпочитала осторожныхъ и разсудительныхъ блестящихъ государственныхъ людей, и главнымъ образомъ имъ обязана своимъ благосостояніемъ“. Рѣдкимъ достоинствомъ слѣдуетъ считать въ немъ только умѣнье подчинять себя всѣмъ съ кѣмъ онъ сходился и кого онъ считалъ необходимымъ расположить въ свою пользу. Вліяніе его на короля Георга I было безгранично, хотя король вовсе не говорилъ по-англійски, а Вальполъ не могъ объясняться ни по-французски, ни по-нѣмецки: бесѣды между ними проходили на латинскомъ языкѣ и это не мѣшало имъ проводить время иногда неразлучно по цѣлымъ днямъ. Георгъ II, когда былъ наслѣднымъ принцомъ, ненавидѣлъ Вальполъ, но по вступленіи его на престолъ Вальполъ сдѣлался необходимъ и для него. Фавориты и фаворитки мѣнялись при дворѣ, а онъ одинъ неизмѣнно сохранялъ свое положеніе. Конечно, были у него громадныя недостатки, безпощадно заклеиваемые такими историками какъ Маклей, лордъ Стенголь и Карейль. Больше всего ставятъ ему въ вину систему подкуловъ, которой держался онъ относительно парламента. Парламентскіе подкулы процвѣтали и въ прежнее время, но совершенно справедливо что онъ какъ бы возвелъ ихъ въ систему; онъ самъ съ цинизмомъ признавался въ этомъ; когда въ парламентъ вступали молодые люди, совѣтовавшіеся продавать свой гололъ, стремившіеся честно исполнять свои обязанности, имъ приходилось при встрѣчѣ съ первымъ министромъ выслушивать отъ него грубыя и желчныя измѣшки; Вальполъ преслѣдовалъ ихъ прозвищами: „Римляне“, „евяты“, „Спартанцы“. Какъ ни возмутительна эта сторона его дѣятельности, нельзя отрицать однако что она являлась естественнымъ и неизбежнымъ слѣдствіемъ того положенія въ которомъ находилась партія виговъ; при болѣе безупречномъ образѣ дѣйствій она не могла бы располагать большинствомъ въ палатѣ общинъ, а потому Вальполъ и вынужденъ былъ прибѣгать къ подкулу мѣстечекъ обладавшихъ избирательнымъ правомъ („гнилыхъ мѣстечекъ“, rotten boroughs, какъ

называли ихъ въ послѣдствіи). Мѣстечки эти находились подъ безграничнымъ вліяніемъ различныхъ знатныхъ фамилій, представители коихъ — иногда люди положительно бездарные — склоняемы были на сторону правительства тѣхъ что получали видныя мѣста при дворѣ или даже въ министерствѣ. Г. Лекки замѣчаетъ однако что хотя Вальполь, благодаря неразборчивости своихъ средствъ, могъ вполнѣ располагать парламентомъ, онъ не рѣшался злоупотреблять своею властью въ тѣхъ случаяхъ когда видѣлъ что общественное мнѣніе рѣзко высказывается противъ него. Можно было бы привести много примѣровъ въ доказательство этого, но мы ограничимся однимъ изъ нихъ. Дѣло шло о новомъ акцизѣ на различные предметы потребленія. „Билль, разсказываетъ г. Лекки, прошелъ значительнымъ большинствомъ въ палатѣ общинъ при первомъ и второмъ его чтеніи, но Вальполь видѣлъ что въ публичѣ господствуетъ сильное недовольство; вечеромъ, наканунѣ того дня когда должна была рѣшиться участь этой мѣры, онъ созвалъ своихъ приверженцевъ и пожелалъ услышать ихъ мнѣніе. Всѣ единогласно убѣждали его не уступать и ручались за успѣхъ дѣла. Министръ молча выслушивалъ ихъ, но когда она кончили, онъ всталъ и объявилъ тономъ непоколебимаго убѣжденія что при господствовавшемъ настроеніи умовъ нельзя будетъ примѣнить новый законъ иначе какъ силой, а что прибѣгать къ подобному средству значило бы посягать на свободу англійскаго народа; поэтому онъ твердо рѣшился не настаивать на биллѣ, и еслибы король былъ другаго мнѣнія, то очелъ бы своимъ долгомъ немедленно выйти въ отставку. Политическая исторія Англіи представляетъ немного примѣровъ такой трезвости и умѣренности въ пользованіи властью.“ Конечно, умѣренность эта въ большинствѣ случаевъ являлась дѣломъ простой необходимости, какъ, видно изъ словъ того же историка: „Ганноверская династія, говоритъ онъ, была такъ не прочна на престолѣ что могла держаться на немъ лишь тщательно и заботливо избѣгая всего что способно было вызвать раздраженіе народныхъ страстей; вотъ что служило уздою для деспотизма парламентскаго большинства, вотъ гдѣ слѣдуетъ искать разгадку того уваженія съ которымъ и парламентъ и министерство относились къ требованіямъ общества“.

II.

Авторъ разбираемой нами книги считаетъ, какъ мы видели, вѣротерпимость однимъ изъ основныхъ принциповъ партіи виговъ, но понимать это слѣдуетъ относительно. Въ сущности Англичане никогда не отличались послѣдовательностью въ примѣненіи какого бы то ни было принципа, а сообразовались съ обстоятельствами. Цѣлая толпа людей не хотѣвшихъ подчиняться господствующей церкви, людей благонамѣренныхъ и нисколько не угрожавшихъ общественному порядку, обречены были на переселеніе въ отдаленныя страны, но это не мѣшало Англіи открыть бѣжище для выходцевъ изъ Европы, религіозныя вѣровапія коихъ не встрѣчали въ большинствѣ сочувствія, и все то лишь потому что покровительство имъ влекло за собою много. Въ XVIII вѣкѣ сохранились въ полной силѣ законы Елизаветы, а также Corporation Act 1661 года и Test Act 1673 года, которыми католики и диссиденты протестантскаго исповѣданія лишены были права участвовать въ какихъ бы то ни было корпораціяхъ и занимать должности а государственной службѣ: виги очень желали бы отмѣнить ограниченія тяготѣвшія надъ протестантскими диссидентами, и въ этомъ случаѣ могли хвалиться своею вѣротерпимостью, но поступали они такимъ образомъ потому что диссиденты находились въ рядахъ ихъ партіи. Продолжительное управленіе Вальпола было ознаменовано нѣсколькими попытками въ ихъ пользу, но попытки оказались неудачными. Торіи не хотѣли и слышать объ отмѣнѣ стѣснительныхъ мѣръ, а Вальполь страшился настаивать что бы не раздражить страстей, и нѣсколько разъ, когда болѣе стертливые изъ его приверженцевъ возбуждали этотъ вопросъ, возвышая свой голосъ противъ нихъ. Разказываютъ что однажды явилась къ нему депутація отъ протестантскихъ диссидентовъ, представитель коихъ декторъ Ладлеръ обратился къ министру съ рѣзкими жалобами и то что несмотря на всѣ его обѣщанія онъ нисколько не подвинулъ дѣла впередъ. Вальполь по обыкновенію отвѣтилъ что еще не наступило время. „Постоянно мы слышимъ это,—когда же наступитъ оно?“ воскликнулъ Чанд-

леръ.—„Если хотите знать правду, сказалъ министр, то увѣрьте! вамъ не дождаться его никогда.“ Диссиденты протестантскаго исповѣданія должны были довольствоваться тѣмъ что хотя законы ограничивавшіе ихъ гражданскія права сохраняли свою обязательную силу, правительство вслѣдствіе старалось примѣнять ихъ какъ можно слабѣе.

Совершенно иначе дѣйствовало оно относительно католиковъ. Тутъ ревностными гонителями являлись уже не торги и виги, которые послѣ революціи 1688 года воспользовались своимъ вліяніемъ чтобы сдѣлать положеніе католическаго населенія еще болѣе невыносимымъ чѣмъ прежде. Наболѣе строгія изъ сохранившихся до тѣхъ поръ узаконеній противъ католиковъ были изданы въ царствованіе Карла II Стюарта. Въ то время обстоятельства вызывали ихъ необходимость: противъ самого короля были сильныя подозрѣнія что онъ присоединился къ римской церкви а наследникъ престола даже и не считалъ нужнымъ скрывать свою преданность ея вѣрованіямъ; правительство въ союзѣ съ Людовикомъ XIV объявило войну Голландіи, главному изъ протестантскихъ государствъ на континентѣ вліятельныя должности были умышленно раздаваемы католикамъ. Помяну что парламентъ служившій въ этомъ случаѣ вѣрнымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія приблизился къ рѣшительнымъ и энергическимъ мѣрамъ, но съ тѣмъ обстоятельства измѣнились, и слѣдовало, повидимому надѣяться что законы оказавшіеся необходимыми во второй половинѣ XVII вѣка будутъ отменены въ послѣдствіи. Но виги не только не смягчили, а старались усилить ихъ. На это, по мнѣнію г. Лекки, было нѣсколько причинъ. Первая та что католицизмъ самъ по себѣ такой врагъ относительно котораго вообще опасно допускать послабленія. „На католицизмъ, говоритъ авторъ разбираемой нами книги, нельзя смотрѣть только какъ на религію. Это обширное и искусно организованное государство, не признающее для себя никакихъ географическихъ границъ управляемое чужеземнымъ монархомъ, безпрерывно выходящимъ во всѣ отрасли свѣтской политики и привлекающимъ къ себѣ энтузіазмъ, который иначе получилъ бы національное направленіе. Тѣсныя и постоянныя сношенія между лицами католическаго духовенства въ различныхъ стра-

нахъ, строгое единство ихъ дѣйствій, почти безграничное вліяніе ихъ надъ огромнымъ народонаселеніемъ и совершенное отчужденіе ихъ отъ національныхъ интересовъ, поражадали въ критическія минуты не мало серьезныхъ опасностей. Никто не сочтетъ за клевету противъ католическаго духовенства если мы скажемъ что очень часто преслѣдованіе оно политику наступательную, неразборчивую по средствамъ, честолюбивую и даже не останавливавшуюся предъ пролитіемъ крови.“ Въ примѣненіи къ Англіи вопросъ шель о томъ способна ли была католическая партія въ XVIII вѣкѣ возобновить такія же смуты какія были поражаемы ею въ прежнее время? Г. Лекки не задумывается отвѣчать на это отрицательно. Совершенно справедливо, замѣчаетъ онъ, что даже Яковъ II въ своихъ попыткахъ доставить торжество католицизму вовсе не встрѣчалъ сочувствія въ большинствѣ гражданъ принадлежавшихъ къ этому исповѣданію; онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ лишь нѣсколькихъ фанатиковъ, замыслы коихъ были порицаемы даже при римскомъ дворѣ; англійскіе католики сознавали свое безсиліе и съ ужасомъ смотрѣли на приближавшуюся катастрофу, не ожидая для себя отъ нея ничего кромѣ новыхъ бѣдствій. Когда Вильгельмъ предпринялъ походъ для того чтобы низвергнуть своего тещя, онъ обѣщалъ императору позаботиться объ улучшеніи судьбы приверженцевъ римской церкви, и многіе факты доказываютъ что это не было пустое обѣщаніе съ его стороны, что еслибы дѣло зависѣло отъ него, то законы противъ католиковъ подверглись бы существеннымъ измѣненіямъ. Онъ не могъ однако исполнить своего намѣренія. Но если уже ему казалось что католическая партія собственно въ Англіи не должна возбуждать опасеній, то при его примѣнахъ не было возможности привести въ пользу противнаго мнѣнія никакихъ сколько-нибудь вѣскихъ и основательныхъ аргументовъ. „Нельзя отрицать, замѣчаетъ г. Лекки, говоря о царствованіяхъ Георга I и Георга II, что католиковъ въ самой Англіи было немного, что они не пользовались общественнымъ значеніемъ и не въ состояніи были причинить какой-либо серьезный вредъ государству. Они встрѣчались въ довольно значительномъ количествѣ лишь въ немногихъ графствахъ—Ланкаширъ, Стаффордширъ, Суссексъ, а что касается городовъ, то за исключеніемъ Лондона ихъ не было тамъ почти вовсе; поэтому не представлялось никакой

настоятельной необходимости подвергать ихъ преслѣдованіямъ, вслѣдствіе коихъ многіе изъ нихъ переселялись на континентъ—въ Италію, Францію, Португалію и Фландрію гдѣ они учреждали семинаріи, коллегіумы, монастыри. Конечно, между духовными лицами находилось не мало гонимыхъ на самыя дерзкія и вредныя предпріятія, но то бывали безъ войска, ибо толпа отказывалась сдѣлать имъ помощь.

Тѣмъ не менѣе, стѣснительныя для католиковъ мѣры не были отменяемы. Авторъ объясняетъ это еще другимъ соображеніемъ. Англійское правительство оправдывало себя тѣмъ что въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII вѣковъ во всѣхъ католическихъ странахъ Европы римская церковь отличалась духомъ нетерпимости и гоненія. Безпрерывно происходили казни напоминавшія самыя мрачныя времена инквизиціи. Въ 1691 году лордъ Стенголь писалъ с острова Майорки: „Въ прошлый вторникъ были здѣсь сожжены 37 Евреевъ и еретиковъ, а на слѣдующей недѣлѣ долженъ происходить другой подобный же *fiesta*, ибо здѣсь привыкли считать праздничными днями дни посвѣщаемыя этимъ варварскимъ зрѣлищамъ.“ Въ 1706 году Уильямъ Колинзъ, управлявшій англійскою факторіей въ Лисабонѣ, прислалъ оттуда письмо съ подробнымъ описаніемъ *auto-da-fe* происходившаго въ присутствіи самого короля; нельзя было читать безъ ужаса разказъ его о томъ какъ въ числѣ прочихъ одна женщина болѣе часу мучилась на кострѣ, тщетно умоляла палачей чтобъ они усилили огонь и прекратили бы разомъ ея страданія. Въ 1724 году во Франціи, среди гонимыхъ протестантовъ, издавъ былъ новый законъ относительно протестантовъ, перещеголавшій даже самыя жестокія постановленія Лудовика XIV: въ силу его лица собравшіяся для богослуженія по протестантскому обряду даже въ частныхъ домахъ подвергались пожизненной каторжной работѣ и конфискаціи своего имущества; протестантскимъ пасторамъ за исполненіе церковныхъ обязанностей угрожала смертная казнь; каждый медикъ если онъ лѣчилъ протестанта и убѣждался въ неизбежность его кончины долженъ былъ тотчасъ же извѣщать объ этомъ католическаго священника, который являлся къ больному и напутствовалъ его, даже противъ его воли, своими увѣщаніями; если же онъ встрѣчалъ при этомъ предпа-

ствіе со стороны лица протестантскаго исповѣданія, даже ближайшаго родственника умирающаго, то виновнаго ожидали также каторга и конфискація имущества. До какой степени приводились въ исполненіе эти мѣры можно видѣть уже изъ того что въ 1745 и 1746 годахъ въ Дофинѣ 277 протестантовъ были приговорены къ галерамъ. Нѣсколько поздѣе Англійское правительство рѣшилось ходатайствовать за 33 человекъ томившихся на Тулонскихъ галерахъ и за 60 женщинъ осужденныхъ на пожизненное заключеніе въ Лангедокскихъ тюрьмахъ, виновныхъ единственно въ томъ что они присутствовали при протестантскомъ богослуженіи. Точно такіе же ужасы совершались въ Венгріи, Польшѣ, Испаніи и Португаліи; въ 1732 году Заальбургскій архіепископъ осудилъ 17.000 протестантовъ на изгнаніе. Если католическія государства Европы, говорятъ англійскіе историки, считали позволительнымъ для себя прибѣгать къ подобнымъ гоненіямъ, то удивительно ли что Англія со своей стороны не щадила католиковъ? Г. Лекки не оправдываетъ, впрочемъ, этой аргументаціи: протестантскія церкви, замѣчаетъ онъ, гордятся тѣмъ что въ основѣ ихъ лежитъ принципъ свободы изслѣдованія, а потому прилично ли было церкви англійскаго слѣдовать примѣру католической инквизиціи? Въ этомъ случаѣ другія протестантскія страши Европы значительно опередили Англію: не говоримъ уже о Голландіи гдѣ католики были такъ мало угнетены что 4.000 ихъ стали добровольно подъ знамена Вильгельма когда онъ предпринялъ походъ противъ Якова II, но въ Бранденбургѣ великій курфирстъ Фридрихъ-Вильгельмъ самъ заботился о постройкѣ католическихъ церквей, а при его преемникѣ, приверженцы римской церкви пользовались всеми гражданскими правами. Если Англія предпочла выступить на другой путь, то нечего было партіи виговъ, столь долгое время пользовавшейся властью, хвалиться тѣмъ будто она готова отстаивать начала вѣротерпимости, ибо именно на этой партіи и лежить отвѣтственность за горькую участь католическаго населенія. При первыхъ двухъ Георгахъ она заставила парламентъ принять цѣлый рядъ узаконеній противъ католиковъ, нисколько не уступавшихъ тѣмъ которыя во Франціи при регентѣ герцогѣ Орлеанскомъ издаваемы были противъ протестантовъ. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ: католическій священникъ уличенный въ исполненіи своихъ

церковныхъ обязанностей подвергался пожизненному заключенію; такое же наказаніе постигало каждаго католика, который вздумалъ бы учредить школу или вообще заниматься обученіемъ дѣтей; если родители не имѣвшіе власти этого возможности воспитывать дѣтей въ Англіи отправляли ихъ за границу, то должны были уплачивать значительный денежный штрафъ; католикамъ воспрещено было появляться при дворѣ, приближаться къ Лондону на разстояніе менѣе десяти миль, держать у себя оружіе, уѣзжать на продолжительное время изъ своего помѣстья безъ особаго разрѣшенія, и т. п.

Все это относится собственно къ Англіи; что же сказать объ Ирландіи? Ирландцы отстаивали права Якова II и конечно не потому только что Яковъ стоялъ на сторонѣ католической церкви; они видѣли въ немъ законнаго своего короля, питали къ нему такія же чувства какими была воодушевлена значительная часть англійскаго общества, вовсе не расположеннаго къ католицизму, а потому было въ высшей степени несправедливо воздвигать гоненіе исключительно на нихъ или, вѣрнѣе сказать, на ихъ вѣрованія. Они противились революціи до послѣдней возможности, и въ то время когда власть Вильгельма III и королевы Маріи была признана уже повсюду, городъ Лимерикъ въ Ирландіи все еще не сдавался войскамъ новаго правительства. Это было большимъ затрудненіемъ для него, ибо приближалась зима, заразительныя болѣзни распространялись въ лагерѣ, и можно было опасаться объявленія войны со стороны Лудовика XIV. Въ эту критическую минуту ирландскіе вожди рѣшились добровольно сдать городъ подъ тѣмъ лишь непремѣннымъ условіемъ чтобы католическому населенію острова было дозволено безпрепятственно исповѣдывать свою вѣру. Правительство охотно согласилось на это, и подписанъ былъ формальный трактатъ гласившій что „лица принадлежащія къ католическому исповѣданію будутъ пользоваться относительно своей религіи привилегіями сообразными съ существующими законами въ Ирландіи; ихъ королевскія величества (Марія и Вильгельмъ)—какъ скоро соберется парламентъ—озабочатся о томъ чтобы на будущее время были они ограждены отъ всякихъ посягательствъ на свои вѣрованія“. Можно было безопасно исполнить эти условія, ибо, по усмиреніи

возстаніи, Ирландія лишена была всякихъ средствъ тревожить правительство; вожди ея были изгнаны, 14.000 ея войска перешли на службу къ Лудовику XIV, и въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ, въ то время когда и въ Шотландіи и въ Англіи возникали заговоры въ пользу дома Стюартовъ, она обнаруживала невозмутимую покорность. Ирландцы имѣли право считать Лимерикскій договоръ своего рода Нантскимъ эдиктомъ, но его постигла такая же судьба какая постигла и означенный эдиктъ во Франціи, съ тою лишь разницею что рокъ его существованія былъ несравненно менѣе продолжителенъ. Уже въ 1703 году изданы были новыя законы противъ католиковъ, закономъ отнюдь не вызванные какими-нибудь смутами въ Ирландіи, какими-нибудь преступными дѣйствіями католической партіи. Это обнаруживается между прочимъ изъ офиціальнаго ихъ названія: „Актъ имѣющій цѣлю *предупредить* дальнѣйшее усиленіе папизма“ (Act to prevent the further growth of Popery.) То былъ цѣлый кодексъ, *ferocious code*, по выраженію г. Лекки.

Первая цѣль его состояла въ томъ чтобы лишить католиковъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Они не могли ни засѣдать въ парламентъ, ни быть избирателями, ни занимать судебныя должности, ни посвящать свою дѣятельность адвокатурѣ, не могли быть ни шерифами, ни солиситорами, ни даже констеблями; имъ запрещено было держать у себя оружіе, и каждому шерифу, меру или мировому судѣ предоставляемо было дѣлать у нихъ внезапныя обыски; главный судья Робинзонъ публично заявилъ однажды что законъ не признаетъ существованія католиковъ. „Такимъ образомъ, говоритъ г. Лекки, большинство Ирландскаго народонаселенія лишено было гражданскихъ правъ, и въ то же время усилія законодательства направлены были къ тому чтобы развить въ привилегированномъ меньшинствѣ всѣ пороки самой надежной аристократіи. Протестанты имѣли возможность вслѣдствіе существованія католическаго народонаселенія. Вліяніе поземельной собственности и вліяніе правительственной власти были одинаково направлены противъ католика, который могъ быть увѣренъ что въ каждомъ трибуналѣ встрѣтитъ лишь непримиримыхъ своихъ враговъ. Парламентъ и правительство, городскія корпораціи, судьи, солиситоры, адвокаты, присяжные

смотрѣли на него какъ на отверженнаго. Удивительно ли что масса католическаго населенія Ирландіи усвоила себѣ привычки свойственныя людямъ, подавленнымъ самымъ тяжкимъ рабствомъ.“

Другою цѣлью уголовного кодекса, введеннаго въ Ирландію въ началѣ XVIII вѣка, было держать приверженцевъ римской церкви въ состояніи глубокаго невѣжества. Всѣ средства къ образованію были преграждены для нихъ. Университеты были имъ недоступны; учреждать свои училища, исполнять обязанности гувернеровъ и наставниковъ въ домахъ своихъ единовѣрцевъ, они не могли подъ страхомъ тяжкихъ наказаній; правительство установило денежныя награды для всякаго кто укажетъ на католика дерзнувшаго нарушить это постановленіе. Страна кишела шпіонами, говорить г. Лекки, и въ судахъ безпрерывно возбуждаемы были уголовныя процессы на основаніи доксовъ.

Наконецъ уголовный кодексъ стремился систематически разорить католиковъ, довести ихъ до крайней нищеты. Землевладѣльцы католическаго исповѣданія лишены были, напримѣръ, права располагать своимъ имуществомъ по завѣщанію; помѣстья ихъ были распределяемы поровну между дѣтьми мужескаго пола, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ если одинъ изъ сыновей умершаго принималъ протестантскую вѣру,—тогда все имущество переходило къ нему. Стоило лишь замужней жевщицѣ заявить что она отрекалась отъ католицизма, и тотчасъ же получала она часть принадлежащего ей мужу имѣнія въ полное свое распоряженіе; то же самое было постановлено и относительно даже несовершеннолѣтняго сына, заявившаго о желаніи своемъ сдѣлаться протестантомъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ размѣръ подлежащаго имъ надѣла зависѣлъ исключительно отъ усмотрѣнія канцлера. „Такимъ образомъ, говоритъ авторъ разбираемой нами книги, дѣти были возстановляемы противъ родителей, жены противъ мужей, и въ каждомъ католическомъ домѣ господствующая партія старалась посягать на взаимнаго недоверія, подозрительности и вражды. Недѣльной жевѣ, безправственному сыну, нужно было только присоединить ко всемъ своимъ порокамъ еще отступничество отъ вѣры чтобъ обезпечить себѣ и безнаказанность и награду, а лицъ которымъ они причиняли горе обречь на разореніе“. Но и это еще не все. Католики

умирая не имѣлъ права назначить опекуномъ своихъ дѣтей родственника или друга одинаковаго съ нимъ исповѣданія, онъ непремѣнно обязанъ былъ остановить свой выборъ на протестантѣ. Принимавшы были разумѣется средства чтобъ обойти этотъ законъ, но не всегда оказывались они удачными, какъ видно между прочимъ изъ слѣдующаго случая: въ 1707 году умеръ въ графствѣ Коркъ богатый помѣщикъ сэръ - Джонъ Котренъ, оставивъ по себѣ трехъ дѣтей, изъ коихъ старшему было пятнадцать лѣтъ. Опека надъ ними была поручена имъ католику Галлоуэю, но протестанты тотчасъ же обратили на это вниманіе канцлера, который потребовалъ точнаго соблюденія закона. Нашелся между протестантами добрый человекъ, нѣкто Неттервилъ, согласившійся принять на себя званіе опекуна съ тѣмъ чтобы Галлоуэй попрежнему заботился ихъ воспитаніемъ. Благодаря доводчикамъ и эта оѣака не замедлила огласиться: Неттервилъ былъ потребованъ къ отвѣту предъ ирландскимъ парламентомъ, осужденъ на заключеніе, и въ то же время былъ изданъ законъ предписывавшій опекунамъ неуклонно исполнять свои обязанности, а главнымъ образомъ заботиться о томъ чтобы дѣти отданные на ихъ попеченіе были воспитываемы въ правилахъ протестантской религіи.

Г. Лекки оцѣнилъ по достоинству варварское законодательство, отъ которыхъ мы познакомили здѣсь читателей. „Быть-можетъ, говорить онъ, и въ законодательствѣ другихъ протестантскихъ или католическихъ государствъ найдутся постановленія соотвѣтствующія постановленіямъ ирландскаго уголовного кодекса, даже превышающія его своею жестокостію, но тѣмъ не менѣе справедливо что въ цѣломъ этотъ кодексъ имѣетъ совершенно исключительный характеръ. Онъ былъ направленъ не противъ меньшинства, а противъ большинства. Онъ имѣлъ въ виду не преслѣдованіе какой-либо секты или партіи, а гибель цѣлой націи. Въ рукахъ любѣдителей олигаравшихся на высшую ихъ изъ своей среды державу онъ служилъ средствомъ подавить и развратить народъ, надъ которымъ они утвердили свое господство. И дѣйствительно если вспомнимъ что кодексъ этотъ дѣйствовалъ почти цѣлое столѣтіе, что жертвы его составляли три четверти народонаселенія Ирландіи, что вліяніе его простиралось на всѣ отрасли политической, граж-

давской и даже семейной жизни, что онъ былъ установленъ вопреки договору положительно обезпечивавшему протестантскимъ католикамъ свободу ихъ вѣроисповѣданія, то нельзя не сказать о немъ что онъ составляетъ самую мрачную страницу во всей исторіи релігіозныхъ преслѣдованій.“

И еслибы по крайней мѣрѣ всѣ эти жестокости были вызваны дѣйствительно релігіознымъ фанатизмомъ или хотя и преувеличеннымъ, но непритворнымъ страхомъ опасностей которыми католическая партія могла угрожать Англіи! Но вѣтъ, мы увидимъ что англійское общество прибѣгало къ намъ съ холоднымъ расчетомъ, преслѣдуя цѣли чуждыя релігіи.

III.

Относительно вѣншей своей политики Англія и въ XVIII вѣкѣ оставалась вѣрна тѣмъ же правиламъ которыми слѣдовала она всегда, и которыхъ держится и теперь. Точно также старалась она маскировать свои дѣйствія возвышенными принципами, заботливостью о благѣ всей Европы и чуть ли не всего человѣчества, а въ сущности помогала только частнымъ своимъ выгодамъ, стремясь къ достиженію ихъ самыми предосудительными средствами. Начало означеннаго періода времени ознаменовано было Утрехтскимъ миромъ прекратившимъ войну за испанское наслѣдство. Въ этой войнѣ Англія была душою коалиціи направленной противъ Лудовика XIV; дѣйствіа союзниковъ были чрезвычайно удачны и уже они готовились нанести Франціи рѣшительный ударъ, долженствовавшій надолго, если не навсегда; лишить ее возможности тревожить своимъ честолюбіемъ спокойствіе Европы. Но Англичане разочались что нисколько не соответствовало ихъ интересамъ разгромить Францію для того чтобы дать усилиться другимъ находившимся въ союзѣ съ ними государствамъ; Франція и безъ того, уже была достаточно истощена, надо было помѣшать Австріи и Голландіи извлекъ изъ войны всю ту пользу какую они ожидали отъ нея для себя. И вотъ Англійское правительство прибѣгаетъ къ одной изъ самыхъ возмутительныхъ интригъ о какихъ когда-либо упоминается въ лѣтописяхъ исторіи: съ виду оно дѣйствуетъ попрежнему заодно со своими союзниками, войска его находятся подъ

одними знаменами съ ихъ войсками, а между тѣмъ оно вступаетъ въ тайные переговоры съ Лудовикомъ XIV и соглашается ради крайне выгодныхъ для себя условій мира привести въ жертву тѣ государства которыя вмѣстѣ съ нимъ ополчились противъ Франціи; о всемъ томъ что дѣлалось въ лагерѣ союзниковъ англійскіе же полководцы извѣщали полководцевъ французскихъ, и отказывались подѣлиться различными предлогами принимать участіе въ общихъ дѣйствіяхъ. Интрига обнаружилась когда уже поздно было бороться съ нею. Въ послѣдствіи въ самой Англіи поднялся вопль противъ этого недостойнаго образа дѣйствій, и главные виновники его были призваны къ отвѣту, но сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣнилась. Пострадали два министра, а Англія все-таки осталась въ выигрышѣ. Преспокойно воспользовалась она выгодами мира купленного ею столь позорною цѣной. По этому миру удержала она за собою Гибралтаръ, Портъ-Магонъ, Гудзоновъ заливъ, Ньюфаундлендъ, но главнѣйшимъ приобрѣтеніемъ слѣдовало считать то что миръ наносилъ страшный ударъ Голландіи: это государство господствовавшее до того времени на моряхъ такъ мало было вознаграждено — благодаря своимъ добрымъ друзьямъ и союзникамъ Англичанамъ — за продолжительную борьбу которую оно вынуждено было вести съ Лудовикомъ XIV что съ этой минуты политическая его роль кончилась. Морское его могущество переходитъ къ Англіи.

Но и этимъ еще далеко не ограничивались для нея выгоды Утрехтскаго мира. Особымъ договоромъ, извѣстнымъ подъ названіемъ договора *Assiento* обезпечила она себѣ монополію торговли неграми, что должноствовало не только съ избыткомъ вознаградить ее за матеріальныя пожертвованія, принесенныя ею въ послѣдней войнѣ, но и послужить обильнымъ источникомъ для обогащенія въ будущемъ. „Для тѣхъ кто считаетъ не излишнимъ подмѣчать правительственный смыслъ политическихъ событій, говорить г. Лекки, необходимо уломянуть что ни одао изъ постановленій относящихся къ Утрехтскому миру не возбудило такого безусловнаго и единодушнаго восторга въ Англіи какъ то вслѣдствіе коего она могла сосредоточить въ своихъ рукахъ торговлю неграми во всемъ мірѣ. Во всѣхъ церквахъ пѣли *Te Deum* впрочемъ сочиненный по этому случаю Генделемъ. Въ то время были сильно возбуждены

въ Англіи богословскія страсти; пренія между богословами представляли для публики такой всепоглощающій интересъ какого не испытывала она со временъ первой революціи, но кажется ни одному классу общества не пришло на умъ что національная политика, поощрявшая похищеніе десятковъ тысячъ негровъ для того чтобы обрекать ихъ на страшное рабство, не совсѣмъ согласна съ предписаніями христіанской религіи.“

Вопреки мнѣнію многихъ историковъ, авторъ доказываетъ что если невольничество привилось на почвѣ американскихъ колоній Англіи, изъ которыхъ образовалось въ послѣдствіи государство Соединенныхъ Штатовъ, то вина этого лежитъ главнымъ образомъ на Англійскомъ правительствѣ. Въ первой половинѣ XVIII вѣка Англія встрѣчала еще относительно колоніальной своей политики сильное соперничество со стороны другихъ государствъ: если Испанія и Португалія находились въ уладѣ, то Франція со временъ Кольбера ревностно заботилась о расширеніи своихъ владѣній въ Европѣ. Въ Остѣ-Индіи, напоимѣръ, гдѣ подъ властью Англичанъ находятся нынѣ болѣе 180 милліоновъ подданныхъ, имъ принадлежали тогда лишь Бомбей, Мадрасъ, фортъ Уиліамъ въ Бенгаліи и нѣсколько разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ факторій, и серіозныя опасности угрожали имъ со стороны Французовъ дѣйствовавшихъ подъ предводительствомъ такихъ энергическихъ вождей какъ Дюпле и Лабурдонне. Цейлонъ принадлежалъ Голландцамъ, которымъ удалось также утвердить свое торговое преобладаніе на Явѣ, Суматрѣ, Борнео, Целебесѣ, на полуостровѣ Малаккѣ и въ Сіамѣ; въ Африкѣ принадлежалъ имъ мысъ Доброй Надежды и они же—одни изъ всѣхъ европейскихъ народовъ—имѣли правильныя торговыя сношенія съ Японцами. Вслѣдствіе всего этого Англія очень дорожила своими колоніями въ Сѣверной Америкѣ, но съ самаго начала, а въ XVIII вѣкѣ болѣе чѣмъ когда-нибудь усвоила она относительно ихъ политику долженствовавшую возбуждать сильное неудовольствіе: политика эта руководилась совершенно ложною мыслью о необходимости стѣснять промышленное и торговое развитіе колоній изъ опасенія чтобы оно не причинило ущерба метрополіи. Послѣдствія этого можно было предвидѣть заранее. Еще въ 1748 году посѣтившій Америку шведскій путешественникъ Каммъ

писалъ: „не только американскіе уроженцы, но и англійскіе эмигранты публично говорятъ что чрезъ тридцать или сорокъ лѣтъ англійскія колоніи въ сѣверной Америкѣ превратятся въ совершенно независимое государство“.

Предсказаніе сбылось, но новое государство несло уже въ себѣ страшную язву — невольничество. Любопытны свѣдѣнія сообщаемыя г. Лекки о томъ какъ постепенно распространялось это зло. Англичане начали заниматься торговлею неграми съ половины XVI вѣка: примѣръ подалъ нѣкто Джонъ Гаукинсъ, отправившійся въ 1562 году съ тремя кораблями къ берегамъ Сьерры-Леоне гдѣ, по словамъ одного современнаго документа, „частью мечомъ, а частью другими средствами“ захватилъ онъ 300 негровъ и перевезъ ихъ для продажи въ Испаньолу; въ 1564 году повторилъ онъ эту экспедицію ко Гвинее и не менѣе успѣшно; Англичане „ежедневно выходили на берегъ, жгли, грабили дома туземцевъ и обращали ихъ въ лавъ“. Эти подвиги были оценены по достоинству правительствомъ королевы Елисаветы, которая даровала дворянское званіе Гаукинсу; не безынтересная подробность заключается въ томъ что корабль на которомъ совершалъ онъ свои поѣздки носилъ названіе *Иисусъ*. Торговля людьми сдѣлалась необыкновенно популярна. Сначала монополія ея была предоставлена Африканской Компаніи, но вскорѣ явилось столько желающихъ посвятить ей свою предпріимчивость что правительство вынуждено было распространить это право на всѣхъ безъ изъятія англійскихъ подданныхъ. Въ 1680 году была заключена конвенція между Англіей и Испаніей о снабженіи невольниками испанскихъ колоній въ Остѣ-Индіи, и исчислено что съ этою цѣлью въ теченіе двадцати лѣтъ — отъ 1680 до 1700 года — Англичане вывезли изъ Африки болѣе 300.000 негровъ.

Полнаго своего развитія этотъ отвратительный промыселъ достигъ впрочемъ лишь съ Утрехтскаго мира, когда, какъ упомянуто выше, трактатомъ *Assiento* предоставлена была Англіи монополія доставлять невольниковъ всѣмъ испанскимъ колоніямъ. Означенною монополіей воспользовалась Южно-морская Компанія (*South-Sea Company*) и повела дѣло по истинѣ въ грандіозныхъ размѣрахъ. Въ промежутокъ времени отъ 1752 до 1762 года продала она на островѣ Ямайкѣ 71.115 негровъ, а въ теченіе трехъ лѣтъ на островѣ Гваделупѣ

40.000; губернаторъ Сенегамбіи утверждалъ въ 1766 году что изъ Африки вывозимо было среднимъ числомъ ежегодно по 70.000 этихъ несчастныхъ, всего же продано было ихъ до конца прошлаго столѣтія три миліона, но кромѣ того погибло при перевозѣ на судахъ, гдѣ заботились о нихъ менѣе чѣмъ о животныхъ, до полутора миліона, и трупы ихъ брошены въ Океанъ. Кажется эти цифры достаточно краснорѣчивы. „Никакое человѣческое воображеніе не можетъ представить, говорить г. Лекки, никакое перо не въ состояніи изобразить бѣдствія испытанныя страдающими. Похищенные изъ различныхъ областей Африки, чуждые другъ другу по языку, связанные между собою только общимъ своимъ несчастіемъ, оторванные отъ всего къ чему они привыкли и что они любили, вынужденные промѣнять дикую и необузданную свободу на томительное рабство, они были перевозимы на судахъ до такой степени непригодныхъ для подобнаго путешествія что при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ изъ каждой сотни только семьдесятъ достигали своего назначенія. Ничто не ограждало ихъ отъ капризовъ самаго грубаго и жестокаго произвола.“

Нельзя сказать чтобъ американскія колоніи Англіи не предвидѣли тѣхъ гибельныхъ послѣдствій которыми угрожало имъ невольничество, и не старались принимать мѣръ противъ этого зла. „Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію тотъ фактъ, говоритъ авторъ разбираемой нами книги, что съ самаго начала обнаруживалось въ колоніяхъ движеніе противъ него, что оно было особенно сильно въ сѣверныхъ провинціяхъ, но что всякія попытки воспретить или ограничить торгъ неграми встрѣчали рѣзкое сопротивленіе со стороны Англіи.“ Въ 1701 году Бостонской законодательной палатѣ подава была просьба объ эманципаціи невольниковъ; въ 1703 году въ Массачусетсѣ устанавливается была пошлина въ 4 ф. ст. на каждого вновь ввозимаго негра; послѣ Утрехтскаго мира многіе изъ штатовъ, и во главѣ ихъ Южная Каролина, рѣшились дѣйствовать энергично въ томъ же смыслѣ, но всѣ ихъ усилія не привели равно ни къ чему. И правительство и общество въ Англіи никакъ не хотѣли отказаться отъ столь обильнаго источника обогащенія. Англійскій парламентъ узаконилъ цѣлый рядъ мѣръ имѣвшихъ цѣлю сообщить самые широкіе размѣры торгу неграми, и губернаторамъ штатовъ приказано было вслѣдствіи поощрять

его. Въ 1775 году министръ колоній лордъ Дартмутъ, отвѣчая на адресъ представленный ему депутаціей отъ колоній, произнесъ слѣдующія слова: „мы не можемъ допустить что бы колоніи затрудняли торговлю столь выгодною для англійской націи“....

О лордѣ Дартмутѣ сохранилось извѣстіе что онъ былъ очень религіозный человѣкъ. Не онъ одинъ, но и множество его соотечественниковъ ухитрились соединять набожность съ возмутительнымъ поруганіемъ надъ человѣческой природою и, работая въ распространеніи работъ, старались показать что этимъ самымъ хотятъ служить Богу. Обычнымъ аргументомъ въ пользу невольничества служило то что если бы негры оставались на родинѣ, то погребали бы въ грубомъ язычествѣ, и что переселять ихъ въ среду христіанскаго общества значило уже оказывать имъ громадную услугу. Духовныя лица обсуждавшія печатно этотъ вопросъ обращались къ рабовладѣльцамъ съ такого рода рѣчами: „Если вы думаете воспитывать рабовъ въ духѣ христіанской вѣры, если вы намѣрены указать имъ путь ко Христу, то неволя должна послужить для нихъ незломъ, а великимъ благомъ....“ Оправданіе было такимъ образомъ приносно, и люди славившіеся своимъ благочестіемъ преспокойно занимались постыднымъ, но выгоднымъ для нихъ торгомъ; даже общество распространенія Евангелія было очень довольно тѣмъ что его миссіонеры въ Гвиней, на Золотомъ Берегу и въ Сіерра-Леоне препровождали цѣлыя толпы захваченныхъ ими негровъ въ Барбадосъ, гдѣ это общество владѣло обширными плантаціями. Лицемѣріе, составляющее одну изъ характеристическихъ чертъ англійскаго общества, достигло тутъ крайняго своего проявленія.

Р.

ОТРЫВКИ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ *

XLIII.

Я долженъ возвратиться за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ чтобы разказать объ одномъ военномъ эпизодѣ, въ которомъ хотя и не принималъ личнаго участія, но имѣвшемъ нѣкоторое косвенное отношеніе къ послѣдующимъ, лично меня касавшимся событіямъ. Къ тому же и самъ собою этотъ эпизодъ для интересующихся исторіею кавказской войны не лишенъ интереса.

Еще лѣтомъ 1853 года, князь Аргутинскій-Долгорукій, послѣ продолжительнаго отпуску въ Тифлисъ и Петербургъ, настолько возстановилъ свое здоровье что опять вернулся къ своей должности командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, а исправлявшій его должность князь Григорій Дмитріевичъ Орбелянъ уѣхалъ къ своему мѣсту начальника Джаробълоканскаго округа и всей Лезгинской кордонной линіи, въ Закатаалы.

Въ это же время начавшіяся съ Турціей недоразумѣнія и движеніе русской арміи въ придунайскія княжества заставляли опасаться и усиленныхъ враждебныхъ дѣйствій Шамилля, и волненій среди покорнаго мусульманскаго населенія

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 3, 4 и 12я 1876 и 1, 2, 3я 1877 и 2, 3я и 4я 1878.

на Кавказъ. Приходилось тѣмъ болѣе объ этомъ подумать, что въ случаѣ войны немалую часть войскъ, действовавшихъ противъ горцевъ, придется двинуть въ Азіатскую Турцію.

И действительно, уже въ концѣ июля князь Аргутинскій получилъ свѣдѣнія что Шамиль сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ значительныхъ скопищъ горцевъ. Чтобы не впасть въ обманъ, осторожный князь Менсѣй Захаровичъ держался своей выжидательной системы и, по обыкновенію, расположилъ войска въ извѣстныхъ пунктахъ на Кутуминскихъ высотахъ и въ Кавкумухскомъ ханствѣ; затѣмъ съ большою частью отряда перешелъ на Турчидагъ. Наконецъ, только 27го августа, обиженный Шамилемъ лятисотенный начальникъ въ его войскѣ, житель аула Хидатаъ Гаджіевъ-Уркулау-оглы, во время самаго движенія явился со скопищемъ, бѣжалъ съ двумя товарищами и явился на Турчидагъ, разказавъ что Шамиль съ десятию тысячами человекъ двинулся къ Джаробъбакавскому округу съ тѣмъ чтобы возмутить тамошнее населеніе, перевести часть его въ горы, непослушныхъ разорить и вообще перенести войну въ эту ближайшую къ Грузіи и Тифлису часть края.

Князь Аргутинскій, зная незначительность нашихъ военныхъ средствъ на Лезгинской линіи, не могъ не понять всей важности такого движенія Шамиля, движенія которое, въ случаѣ удачи, могло имѣть для насъ неисчислимыя бѣдственныя послѣдствія.

Во всякой войнѣ успѣхъ, хотя бы даже временный и въ стратегическомъ отношеніи не особенно важный, всегда имѣетъ болѣе или менѣе значительное вліяніе на ходъ дѣла; а въ такой войнѣ какъ Кавказская, гдѣ кромѣ явнаго непріятеля у насъ былъ и тайный въ лицѣ массы мусульманскаго населенія, всякій даже не особенно значительный успѣхъ Шамиля могъ послужить искрой и произвести взрывъ. Азіатскіе народы чрезвычайно легковѣрны и легкомысленны; а во имя религіознаго фанатизма подвигать ихъ—задача самая немногосложная. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они, что называется, „себѣ на умѣ“. Большинство ихъ всегда ожидало начальныхъ результатовъ враждебныхъ намъ дѣйствій; оказывался успѣхъ на нашей сторонѣ—они являлись съ поощреніями и готовностью на великія услуги, увѣрали въ искреннѣйшей преданности и не жалѣли самыхъ сильныхъ

выраженій для поощренія разрушителей спокойствія; но малѣйшая наша неудача—они оказывались въ рядахъ противника и плохо приходилось, если варъ бывалъ слишкомъ мало или, что еще хуже, мы не обезпечили себя съ тыла отъ нихъ. А въ такомъ случаѣ какой обузовывался състоятельствомъ 1853 года, когда они знали что въ виду войны съ Турціей войска отвлечены въ другую сторону, при первой удачѣ Шамилъ, населеніе Джаробтлокамакаго округа, сплошь суанитское, весьма воинственное и хорошо вооруженное, могло бы поголовно подняться и промчавшись въ соседней Кахетіи, до самаго Тифлиса, разнѣ и разореніе ужасное.

Князь Аргутинскій не медлилъ. Того же 27го августа онъ сѣлся съ Турчидага и выступилъ въ Казикумухъ, распустивъ слухъ что идетъ въ Табасаранъ наказать жителей за неисполненіе данныхъ обѣщаній насчетъ проложенія дорогъ и за непрекращающіеся сношенія ихъ съ мюридами. (См. главу XXXVIII, въ которой я разсказывалъ о походѣ въ Табасаранъ въ 1851 году.) Въ теченіе ночи войска пополнили свои провіантскіе и военные запасы, а 28го числа отрядъ выступилъ въ составѣ 5½ баталіоновъ пѣхоты, двухъ эскадроновъ драгунъ, двухъ сотенъ доискихъ казаковъ, нѣсколькихъ сотенъ милиціи, при шести горныхъ орудіяхъ и двухъ ракетныхъ командахъ. Для охраненія же Прикаспійскаго края, которому, за выступленіемъ Шамилъ съ десятью тысячами, уже не могла грозить особенно серьезная опасность, были оставлены въ Казикумухскомъ ханствѣ шесть ротъ Дагестанскаго полка при четырехъ орудіяхъ и нѣсколькихъ стахъ милиціонеровъ, подъ командою нашего полковаго командира Броневскаго, а на Кутитинскихъ высотахъ два баталіона Алшеровцевъ при шести орудіяхъ и части милиціи, подъ начальствомъ нашего бригаднаго генералъ-майора Волкова. Кромѣ того, въ укрѣпленіяхъ, штабъ-квартирахъ и нѣкоторыхъ постахъ, остались достаточные гарнизоны, могущіе выдѣлать нѣкоторую часть для движеній къ угрожаемымъ пунктамъ.

Для скорѣйшаго прибытія къ Лезгинской линіи выбралъ былъ ближайшій путь отъ Ховрека на перевалъ Носдагъ. Здѣсь отрядъ захватила ужасная метель (31го августа). Благодаря тому что дорога была недавно исправлена, войска благополучно совершили этотъ переходъ, одинъ изъ тѣхъ

знакомых старинных Кавказцамъ переходовъ, обратилъ коимъ я уже имѣлъ случай представить въ началѣ этихъ моихъ записокъ. Достигнувъ Ихракского ущелья, одного изъ притоковъ Самура, отрядъ присоединилъ къ себѣ еще два баталіона съ четырьмя горными орудіями и нѣсколько сотъ милиціонеровъ Самурскаго округа. Князь Аргутинскій считалъ нужнымъ явиться съ сильнымъ, самостоятельнымъ отрядомъ чтобы можно было дѣйствовать рѣшительно и немедленно атаковать непріятеля, зайдя ему непрѣменно въ тылъ. Съ этою цѣлью пришлось двигаться по неизвѣстнымъ дорогамъ, полагаясь на показанія жителей. По ихъ словамъ, слѣдовало пересѣзаться черезъ высокую гору Дюльти-дагъ, съ которой спускъ велъ въ ущелье Самура, къ разоренному аулу Кусуръ. (Одинъ изъ ауловъ горныхъ Магалоу, моихъ родичевыхъ въ 1849 году, и послѣ разоренныхъ де тла въ 1852 году. Объ этомъ я уже тоже говорилъ подробно въ главѣ XXV.) Увѣряли что дорога хорошая, не представляющая особыхъ затрудненій; но это по помятымъ горцамъ такъ, а въ дѣйствительности, хотя разстояніе было всего 32 версты, войска, при самыхъ ужасныхъ усиліяхъ, едва прошли это разстояніе въ трое сутокъ! Кавалерія вся посмалась впередъ чтобы лошадьми проталтывать въ ошквныхъ сугробахъ тропинку; за нею шли саперы съ рабочими командами, какъ устраивая проходъ въ самыхъ опасныхъ, трудныхъ мѣстахъ. При всемъ томъ половина отряда была застигнута страшною метелью на самой высшей точкѣ перевала, и всю ночь, шагъ за шагомъ, должна была подвигаться, достигнувъ Кусура только къ семи часамъ утра. Слѣгъ зачилъ цѣлая сутки (3го сентября); войска были утомлены до крайности, пришлось сдѣлать дневку, первую послѣ восьми дней безостановочнаго труднаго похода. Теперь предстоялъ перевалъ еще черезъ главный Кавказскій хребетъ. Слѣдствія о дорогѣ были разнорѣчивы; жители опять увѣряли что до джарскихъ лѣтнихъ пастбищъ, гдѣ будто бы расположился Шамиль, было не болѣе 20—25 верстъ порядочной дороги. Для удобства движенія командующій войсками раздѣлилъ отрядъ на двѣ части, и двинулся съ четырьмя баталіонами Ширванцевъ, стрѣлковою ротой, саперами, драгунами (5 и 6 эскадроны Нижегородскаго полка), Донцами и частью милиціи, при шести орудіяхъ, вверхъ по

Самуру къ Гудурдагу, а тремъ баталіонамъ Самурцевъ, со всеми выючными обозомъ, приказалъ оставаться на мѣстѣ до приказанія. При началѣ подъема были схвачены два горца, показавшіе что они бѣжали изъ скопища потому что за недостаткомъ продовольствія терпѣли голодъ и что самъ Шамиль, будто бы узнавъ уже о движеніи войскъ изъ Дагестана, оставилъ свою позицію и потянулся къ Бѣлокави, откуда удобнѣе отступать въ горы. На эти свѣдѣнія само собою нельзя было положиться; рѣшено было двигаться впередъ. Дорога оказалась ужасная: вмѣсто 20—25 верстъ, вышло по измѣренію топографа 37, постоянно приходилось снимать выюки, артиллерію проносить на рукахъ и опять навьючивать. Авангардъ колонны стаялся послѣ 43 часовъ безпрерывнаго марша, хотя всѣ понимали важность спѣшнаго движенія и напрягали силы до крайности. И это можно было сдѣлать только съ колонной двигающейся на легкіхъ, а будь при ней весь обозъ съ запасными провіантомъ и лагеремъ, потребовалось бы вдвое больше времени.

Достигнувъ урочища Динди, колонна остановилась на отдыхъ, и предположено было послать приказаніе арріергарду слѣдовать туда же. Но здѣсь получено было уведомленіе отъ князя Орбеляна что Шамиль, узнавъ о приближеніи Дагестанскаго отряда, угрожающаго его тылу, дѣйствительно перемѣнилъ позицію и перешелъ на Месельдигерскія высоты, черезъ которыя пролегаетъ удобная горная дорога въ верховья Аварскаго Койсу, къ ауламъ ближайшаго враждебнаго намъ Джурмутскаго общества. На одной изъ этихъ высотъ, для обезпеченія дороги, было недавно возведено и еще не окончательно вооружено укрѣпленіе Месельдигерское, въ которомъ гарнизонъ состоялъ изъ двухъ ротъ Мингрельскаго егерскаго полка. Шамиль окружилъ это укрѣпленіе, нѣсколько разъ бросалъ свои толпы на штурмъ, но горсть нашихъ храбрецовъ еще продолжала держаться. Князь Орбелянъ собралъ все что только могъ стянуть, и съ лѣтью баталіонами двинулся на выручку укрѣпленія, но въ виду многочисленнаго непріятеля, занятаго неприступными лѣсистыми высотами, атаковать не рѣшился и просилъ князя Аргутинскаго слѣшить сколько возможно для спасенія гарнизона, которому угрожаетъ крайняя опасность...

Въ виду такого извѣстія, уже нельзя было ожидать

присоединенія своего аррьергарда, и князь М. В. Аргутинскій въ сентябрѣ двинулся со своею колонною черезъ Закатамы къ осажденному укрѣпленію. Узнавъ объ этомъ, Шамиль въ 8 часовъ вечера того же числа еще разъ повелъ штурмъ на Месельдигерскій фортъ, но былъ отбитъ съ урономъ. Тогда, опасаясь встрѣчи съ соединенными войсками двухъ отрядовъ, онъ ночью на 7е число отступилъ въ Джурмутъ, а затѣмъ въ горы.

Благодаря героизму двухъ мингрельскихъ ротъ, державшихся тринадцать дней противъ десяти тысячъ горцевъ, и изумительному движенію Дагестанскаго отряда, предпріятіе Шамилля не удалось, грозныя послѣдствія были предотвращены. Но вѣтъ никакого сомнѣнія что ладеніе укрѣпленія послужило бы сигналомъ общаго возстанія, и тогда движеніе князя Аргутинскаго тоже могло бы быть задержано направленными противъ него въ самыя трудныя мѣста нѣсколькими тысячами челоувѣкъ; наконецъ, распространились бы волненія даже за Самуръ, Аргутинскому пришлось бы заботиться о его подавленіи уже у себя въ Дагестанѣ, и онъ оказался бы въ возможности слѣштить на помощь Лезгинской линіи.

Нужно однако сказать что Шамиль оказался плохимъ, вялымъ, нерѣшительнымъ предводителемъ воинственной толпы. Въ теченіе двадцати дней, не взирая на то что при первой встрѣчѣ съ отрядомъ князя Орбеляна, онъ не только не потерпѣлъ пораженія, но остался въ своей позиціи, Шамиль ничего не сдѣлалъ, ограничился посылкой небольшой партіи за Алазань на почтовую дорогу, гдѣ и были рождены Алмалинская и Мугаллинская почтовые станціи, да ограблены нѣсколько проезжавшихъ. Появленіе этой партіи за Алазанью возбудило однако въ Тифлисѣ страхъ не малый, и князь Воронцовъ чрезвычайно безпокоился за судьбу отряда князя Орбеляна. Затѣмъ Шамиль занялся атакой укрѣпленія, въ сущности ему ни въ чемъ не мѣшавшаго, и далъ возможность прибыть дагестанскимъ подкрѣпленіямъ. При ихъ приближеніи, онъ послѣдилъ отступить, не выждавъ даже атаки нашей, которую на своихъ неприступныхъ лѣсистыхъ горахъ, усиливъ завалами, онъ могъ выдерживать хоть настолько чтобы причинить намъ чувствительныя потери и тогда уже отступить, въ чемъ мы, по условіямъ мѣстности, едва ли могли ему воспрепятствовать. Шамиль

влрочсмъ никогда не отличался военными способностями; онъ былъ организаторъ и администраторъ—въ духѣ кавказскихъ горцевъ. Все же когда-либо удававшіяся ему военныя дѣйствія были результатомъ лучшихъ его набоновъ: Ахверды-Магомы, Шуаибъ-Мудлы, Гаджи-Мурата и нѣкоторыхъ другихъ. Но этихъ джигитовъ съ нимъ уже не было: они уже сложили свои буйныя головы на службѣ дѣлу мюридизма. Съ нимъ былъ бывшій султанъ Элисуйскій Даниель-Бекъ, но этотъ еще менѣе военный человекъ чѣмъ самъ Шамаль. Этого обстоятельства тоже не сѣдуетъ упускать изъ вида при сужденіи о бездѣятельности шанама въ теченіе 1853—55 годовъ, когда, казалось, ему представлялась возможность причинить намъ значительныя безпокойства. Шамаль боялся рисковать, хорошо понимая что одно сильное пораженіе ему нанесенное можетъ весьма печально для него отозваться, подрывая обаяніе и страхъ, сопряженные съ его именемъ среди горцевъ. Періодъ его борьбы съ нами между 1840—1856, не взирая на очевидныя успѣхи наши въ Чечнѣ, вслѣдствіе принятой княземъ Воронцовымъ системы просьбъ и казачьихъ заселеній, все-таки былъ лучшимъ періодомъ для Шамиля, давшимъ ему возможность окончательно упрочить свою власть надъ разнородными, непривычными къ подчиненности племенами. Онъ былъ близокъ къ основанію чего-то въ родѣ династіи. Честолюбіе его стремилось къ цѣлямъ болѣе серіознымъ и положительнымъ чѣмъ честолюбіе какого-нибудь горца Гаджи-Мурата, которому нужна была слава джигита, сѣлаго предводителя партій въ набѣгахъ и битвахъ съ Русскими.

Цѣль князя Аргутинскаго была достигнута. Онъ освободилъ Бѣлоканскій округъ отъ нашествія. Его войскамъ не пришлось сражаться съ горцами, но ихъ изумительный походъ, ихъ неутомимость, имѣли важный результатъ, а самое предпріятіе и быстрота съ которою оно было приведено въ исполненіе составляютъ одну изъ лучшихъ услугъ оказанныхъ генераломъ Аргутинскимъ-Долгорукимъ Кавказу. Къ крайнему сожалѣнію, этотъ походъ, выюга и метели, утомительныя подъемы и спуски, неизбѣжныя лишенія, отозвались на разстроенномъ здоровьѣ князя: больнымъ возвратился онъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, и чрезъ два мѣсяца ему стало такъ дурно что пришлось его увезти въ Тифлисъ,

гдѣ онъ уже и не всталъ съ постели. Смерть его лишила Кавказъ одного изъ лучшихъ, опытныхъ военачальниковъ и администраторовъ.

Объ этомъ походѣ намъ въ Чиръ-юртъ было извѣстно. Мы крайне досадовали на вынужденное бездѣйствіе, особенно при скверной обстановкѣ въ которой находились.

Съ уходомъ драгунъ настала совершенная тишина и жизнь приняла самыя скучныя формы. Мы завидовали войскамъ которымъ выпала счастливая доля выступить въ походъ противъ Турокъ. Всѣ наши разговоры только и вертѣлись на предположеніяхъ и фантазіяхъ — потребуютъ ли изъ нашего полка хоть одинъ баталіонъ и который именно будетъ назначенъ. Когда мы узнали что изъ Дагестана вытребовали въ Турцію два баталіона Ширванскаго полка, надежды наши ожили до того что мы въ какомъ-то нервномъ настроеніи со дня на день ждали приказанія выступить... При затруднительности сообщеній съ Шуру, извѣстія оттуда получались весьма рѣдко, и потому довольно было появиться кому-нибудь знающему изъ нашей столицы, хотя бы то былъ маркитантъ, чтобы мы атаковали его вопросами что слышать и требуютъ ли войскъ въ Турцію?

Въ одинъ изъ пасмурныхъ, чисто осеннихъ дней, когда мы съ Федосеевымъ и Щелоковымъ сидѣли въ баракѣ за чаемъ и въ облакахъ табачнаго дыма въ сотый разъ разговаривали на тему похода въ Турцію, или о безобразіяхъ Б., послышался шумъ отъ быстрого движенія колесъ и топота лошадей. Послали узнать что случилось и совершенно неожиданно узнали что пріѣхалъ изъ Шуры „Кузьмичъ“, (т.-е. полковникъ Дмитрій Кузьмичъ Асѣевъ о которомъ я говорилъ выше) и остановился у майора.

— Ну, теперь конечно, сказали мы въ одинъ голосъ. — Очевидно нашему баталіону идти въ походъ съ Кузьмичемъ; не такого же господина посылать туда какъ нашъ майоръ; его значить на мѣсто Кузьмича имъ баталіономъ пошлютъ командовать. Ура! вотъ такъ штука; это намъ награда за полтора года мѣки съ Б.

Послѣ пробитія зари, нетерпѣніе наше въ ожиданіи ливки фельдфебелей съ приказаніями достигло крайняго напряженія; трубки набивались одна за другой, чубуки высасывались съ азартомъ, вхлотившій деньщикъ изгонялся вонъ,

какъ будто его присутствіе замедляло разрѣшеніе окладовъ.

Наконецъ докладываютъ: ваше благородіе, фитьфебелъ пришелъ съ. (Солдатъ о фельдфебелѣ даже въ третьемъ лицѣ не рѣшался говорить въ единичномъ числѣ, а всегда говорили, пришли, послали, и т. д.)

— Ну, давай его скорѣе сюда!

Входитъ. „Ваше благородіе, во 2й мушкатерской ротѣ всѣ обстоить благополучно“.

— Да ты говори ошорѣ какія приказанія?

— Вашему благородію съ ротою, въ восемь часовъ утра выступать въ Хасавъ-юртъ для конвоирования полковника Асѣева, идущаго на линію. Изъ драгунскаго штаба придутъ 10 казаковъ и урядникъ, а въ укрѣпленіи, при проходѣ мимо, приказано взять одно орудіе. Въ Хасавъ-юртѣ ночевать, а на другой день назадъ.

— А насчетъ похода баталіону ничего не сказано?

— Никакъ нѣтъ съ, ничего не самхалъ.

— Ну, хорошо; ступай, приготовь роту; не оставлять тамъ нѣхъ людей дома чтобы не меньше 200 штыковъ было взять на два дня хлѣба съ собой и одну тройку, на случай кто заболѣетъ или ранятъ; ружья осмотрѣть чтобы было все исправно.

Вотъ-те и Кузьмичъ, и походъ въ Турцію! Давайте съ горя уживаться...

На другое утро, когда рота моя уже выстроилась у спуска къ мосту въ готовности двигаться, я отправился явиться начальству.

Не успѣвъ я войти какъ Б. уже приподнялся и сталъ въ величественную позу повелителя; онъ очевидно хотѣлъ показать предъ другимъ баталіоннымъ командиромъ какіе Юпитеромъ онъ умѣетъ быть. Но тутъ случился неожиданный имъ казусъ: Кузьмичъ, какъ только увидѣвъ меня, всталъ мнѣ на встрѣчу и самымъ дружелюбнымъ тономъ забасалъ: „вотъ кого я вижу, моего любезнѣйшаго „слезвордающаго“, (я уже разказывалъ выше какъ мы у него въ Дешлагарѣ выпрашивали взаимны денегъ и писали *слезвордающія* просьбы),—а я и не зналъ что ты, другъ мой, здѣсь; я думалъ что по старому, въ 3мъ баталіонѣ. Вотъ чудеса, до Хасавъ-юрта вмѣстѣ пойдемъ, наговоримся и Дешлагаръ вспомняемъ!“

Б., краснѣя, стараясь придать своей физиономіи не то прощическое, не то заботное выраженіе, поглаживаетъ тощія ушки и съ видимымъ неудовольствіемъ возвращаетъ на свое мѣсто. А чтобы поддѣлаться къ Кузьмичу (нельзя же — полковникъ, да и протеже князя Аргутинскаго, въ дружбѣ со всѣми штабными, — чертъ возьми, это не шутка!) принимаетъ товарищескій добродушный видъ и, вмѣсто приготовленныхъ юпитеровскихъ повелѣній, приказываетъ вылить на дорогу стаканъ чаю. Я поблагодарилъ.

Путешествіе наше до Хасавъ-юрта, верстъ около тридцати, было не весьма пріятно: моросилъ не то мелкій дождь, не то какой-то сквозь сите пропускаемый мокрый туманъ. Кузьмичу пришлось поднимать верхъ своего тарантаса, а мнѣ, ѣхавшему верхомъ, надѣть бурку и башмакъ; поэтому разговоръ затруднялся. На половинѣ дороги, у караульной башни, мы сдѣлали привалъ и тутъ, за завтракомъ, я наконецъ уловилъ удобный моментъ спросить у Кузьмича разрѣшенія мучившихъ насъ предположеній и надеждъ.

Отвѣтъ оказался самый разочаровательный. „Наѣрное, сказалъ Кузьмичъ, я ничего не знаю, но убѣжденъ что за исключеніемъ уже взятыхъ двухъ ширванскихъ баталіоновъ изъ Дагестана не тронуть больше ни одного человека, тѣмъ болѣе что изъ Чечни, изъ Владикавказа, съ личи, тоже забрана часть войскъ и, въ случаѣ чего (то-есть успѣшныхъ дѣйствій Шамшя), намъ изъ Дагестана придется туда послышать подкрѣпленія; а если тамъ, на лѣвомъ флангѣ, не приостановятъ зимнихъ дѣйствій противъ Чеченцевъ, то изъ Дагестана имъ непремѣнно пошлютъ два три баталіона на усиленіе.

Входя въ Хасавъ-юртъ, по обыкновенію при громѣ лѣсѣвниковъ, бубновъ и барабановъ, я былъ встрѣченъ двумя ѣхавшими верхомъ офицерами Кабардинскаго полка, изъ коихъ одинъ голосомъ зависти и досады спросилъ: „въ Турцію идете?“ У меня сейчасъ мелькнула мысль что не одни мы, значить, только и мечтаемъ объ этомъ, а и господъ Кабардинцы, находящіеся въ гораздо лучшей обстановкѣ и — главное — имѣющіе случай драться въ Чечнѣ, тоже рвутся въ Турцію и сидятъ какъ на иголкахъ. Спрашивавшій меня офицеръ былъ майоръ Георгій Константиновичъ Ваастевъ, съ которымъ послѣ случай свезъ насъ гораздо ближе и мнѣ придется еще о немъ говорить.

Теперь * онъ давно мирный гражданинъ — авторъ серьезной книги, трактующей, если не ошибаюсь, объ отношеніи наукъ вообще и новѣйшихъ открытій въ особенности къ Священному Писанію, — сочиненіе богословско-философское, судя по отзывамъ газетныхъ рецензентовъ. И какъ вспомню я молодого майора, досаждующаго что не приходится идти воевать съ Османлисами, то какъ-то нелепо странно кажется переходъ къ богословскимъ занятіямъ.

Я тогда первый разъ былъ въ Хасавъ-юртѣ, и въ сравненіи съ нашимъ унылымъ монастыремъ, штабъ-квартирой, Хасавъ-юртъ показался мнѣ весьма бойкимъ, оживленнымъ мѣстомъ. Я явился къ мѣстному воинскому начальнику, который распорядился отвести мнѣ квартиру, а вечеромъ пригласилъ къ себѣ чай пить; роту же мою забрала къ себѣ въ гости одна изъ ротъ Кабардинскаго полка.

Вечеръ у воинскаго начальника, капитана Данилова, я провелъ самымъ веселымъ образомъ. Тамъ былъ походный атаманъ Дюбскихъ казачьихъ полковъ на Кавказѣ, генералъ-лейтенантъ Хрещатицкій (отецъ нынѣшняго атамана) почтеннѣйшій сѣдовласый старикъ, смѣшившій въ хъ весь вечеръ самыми забавнѣйшими анекдотами. Онъ долго стоялъ съ полкомъ въ Польшѣ, выучился отлично говорить по-польски и вообще вполнѣ познакомился со всѣми мѣстными привычками, взглядами и пр. Запасъ его анекдотовъ, преимущественно о панахъ пробовахъ и канонакахъ, былъ неисчислимъ; рассказывалъ онъ по-польски, очевидно стараясь забавить хозяйку дома — Польшку; но какъ только доходилъ до *журенькаго* мѣста, а безъ таковыхъ ни одинъ изъ анекдотовъ о панахъ-коендахъ не обходится, старикъ Хрещатицкій обращался къ Даниловой со словами: *a tem panie ktoś woła* (засъ, сударыня, тамъ кто-то зоветъ). И какъ только она выйдетъ, онъ намъ вполголоса и докончитъ рассказъ... Хохотъ раздается всеобщій; а хозяйка возвращается и, какъ будто не понимая въ чемъ дѣло, садится на свое мѣсто. Старикъ начинаетъ новый анекдотъ.

На другой день я въ восемь часовъ выступилъ со своимъ отрядомъ обратно. Не успѣлъ я уйти съ версту за Хасавъ-юртъ, меня догналъ казакъ съ приказаніемъ остановиться и дожидаться генерала Рангеля (солдаты никогда не говорили — Врангель), который желаетъ посмотрѣть роту.

* Въ 1877 году.

Я основываясь, поспѣшилъ до фронта; а предъѣздивъ къ нему, поспѣшилъ въ козачьихъ генералъ-майоръ баронъ А. Е. Врангель отъ командирова Кабардинскаго полка баронъ Л. П. Николаевъ.

— Здорово, братцы!

— Здравія желаемъ, ваше—отъ!

— Кто старшій офицеръ, пожалуйста ко мнѣ,

Я подошелъ и отъадресовалъ.

— Какъ ваше фамилія?

— Поручикъ Зверевъ, ваше превосходительство.

— А, мы вѣдь съ вами старые знакомые; очень радъ встрѣтиться. — Вы уже давно въ Дагестанскомъ полку? — (Знакомство съ барономъ я уже опиывалъ; это было въ 1849 году, когда я былъ заискусскимъ приставомъ, а А. Е. пензенскимъ губернаторомъ).

— Сколько у васъ людей подъ ружьемъ?

— Двѣсти штыковъ, ваше превосходительство.

— Вотъ такъ рота; вотъ съ такими молодцами дѣло дѣлать. — Спасибо, братцы, молодцы! — Прощайте съ, обратися баронъ ко мнѣ, подавъ мнѣ руку, пожелавъ благополучнаго пути и уѣхавъ по дорогѣ къ крѣпости Везалиной.

— Радъ стараться, ваше превосходительство! раздалось ему вслѣдъ.

Мы двинулись дальше.

Дѣло въ томъ что тогда Апшеронскій и Дагестанскій полки хотя квартировали и постоянно находились въ Дагестанѣ, слѣдовательно въ полномъ распоряженіи командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, но числились въ составѣ 20й дивизіи, вмѣстѣ съ Кабардинскимъ и Куринскимъ полками, штабъ коей былъ въ крѣпости Грозной, а начальникомъ ея былъ командовавшій войсками лѣваго фланга Кавказской линіи. И выходило какое-то двоякое, ибо по части строевой мы все же должны были подчиняться начальнику дивизіи, который насъ никогда не видалъ и не могъ видѣть, ибо ѣхать въ чужой, другому лицу подчиненный районъ, было прямымъ путемъ къ столкновеніямъ и неудовольствіямъ. Такимъ образомъ начальникъ дивизіи зналъ только на бумагѣ свою первую бригаду.

Баронъ Врангель недавно предъ тѣмъ только что былъ назначенъ командующимъ 20ю дивизіей и лѣвымъ флангомъ и нѣкого князя Барятинскаго, назначеннаго начальникомъ

главнаго штаба въ Тифлисъ. Въ мой приходъ въ Касахъ-юртъ, баронъ находился тамъ для перваго осмотра своего района, для ознакомленія съ войсками и мѣстными условіями. Его поражаемо малое число людей подъ ружьемъ въ ротахъ Кабардинскаго и Куринскаго полковъ, не достигавшее никогда полныхъ 150 человекъ, а зачастую ограничивавшееся 120 и менѣе, и потому онъ просто любезался моею ротой въ 200 штыковъ. Расходъ людей изъ фронта на разныя хозяйственныя надобности былъ на Кавказѣ вообще очень сильный; это уже можно видѣть изъ того что рота въ 200 штыковъ считалась чѣмъ-то необычайнымъ, хотя по штату въ ротѣ было воиновъ людей 283 человекъ; но особенно отличался этимъ лѣвымъ флангъ Кавказской линіи, гдѣ, какъ я сказалъ, рѣдко и съ трудомъ добывались 150 человекъ въ ротѣ. Какъ-то такъ уже сложились тамъ обстоятельства что и больныхъ тамъ бывало больше, и потери въ дѣлахъ тоже, и расходъ людей въ обширѣйшихъ размѣрахъ.

По возвращеніи въ Чиръ-юртъ и окончательномъ разочарованіи въ возможности похода въ Турцію, тоска одолѣла меня такая что выносить ее дольше я уже не могъ. Я рѣшился пробраться въ Тифлисъ и оттуда какъ-нибудь къ князю Ильѣ Орбеляну въ Александрополь, съ просьбою перевести меня въ командуемый имъ Грузинскій гренадерскій полкъ. Я былъ вполне увѣренъ что отказа не послѣдуетъ; главная забота была только какъ бы добраться до него, потому что письменно дѣйствовать было бы совершенно напрасно.

Я подалъ въ отпускъ на 28 дней въ Тифлисъ, сталъ собираться въ полной увѣренности что назадъ мнѣ уже не придется возвращаться. Около 10го ноября получалъ наконецъ разрѣшеніе, съ тѣмъ чтобы роту я сдалъ во временное завідываніе другому офицеру. Тутъ только я спохватался что вмѣстѣ съ отпускомъ нужно было просить и о сдачѣ роты на законномъ основаніи чтобы въ случаѣ невозвращенія не быть ничѣмъ связаннымъ и не подвергнуться какому-нибудь придиранью, начетамъ, и т. п. Нечего было дѣлать: я ухалъ изъ баталіона съ видомъ кратковременно-отлучающагося; я былъ радъ какъ ребенокъ вырваться изъ Чиръ-юрта, принявшаго въ послѣднее время окончательный характеръ какого-то мѣста заключенія, подъ надзоромъ немилосерднѣйшаго смотрителя, находившаго какъ бы

особое наслаждение терзать заключенных... Еще не выйдя из барачной Чирч-юрты, я воображеніем уже былъ въ Тифлисѣ, въ этомъ казавшемся намъ тогда прекрасномъ, шумномъ, кипящемъ жизнью центрѣ, въ которомъ я встрѣчу добрыхъ знакомыхъ и участіе къ осуществленію моихъ заветныхъ желаній, тогдашнѣе перевода въ войска выступившія противъ Турціи.

Въ Шурѣ, предъ выѣздомъ, я случайно встрѣтился и познакомился съ командиромъ линейнаго баталіона, расположеннаго въ укрѣпленіи Егеріевскомъ на Сулакѣ, подполковникомъ Бучкиевымъ, тоже бывавшимъ въ Тифлисѣ. Я воспользовался его любезными предложеніями совершить путешествие въ его тарантасѣ, что было конечно весьма пріятно, особенно въ такое скверное осеннее время, когда жда на перекадной дороге рода пытка; но за то тащились мы, всего 5—6 дней, въ которые я одинъ, конечно не почувствую, доѣхавъ бы до Тифлиса, — цѣлыхъ 11 дней! Тарантасъ тяжелый, и не взирая на пять лошадей, по грязной дорогѣ, ѣхали очень медленно. Какъ только смеркалось, Бучкиевъ располагался на ночлегъ со всеми возможными удобствами, напоминавшими путешествія помѣщиковъ стараго добраго времени на собственныхъ лошадяхъ. Ставилась окладная кровать, вынимали тюфяки, одеяло и проч. Дельщикъ хлопоталъ около всего этого и около самовара, а поваръ снаряжалъ ужинъ изъ возимыхъ съ собою запасовъ; работы, оказывалось столько что и моему дельщику, ѣхавшему сюда на перекадной, приходилось принять дѣятельное участіе. Бучкиевъ въ этомъ отношеніи рѣшительно не походилъ на своихъ соотечественниковъ, Грузинъ, людей во всѣхъ своихъ привычкахъ выказывающихъ вполнѣ „походный“ характеръ; никто какъ они (я говорю о старыхъ временахъ) не примѣняли такъ на практикѣ известнаго *à la guerre c'est comme à la guerre*, и все это дѣлалось съ особою веселостью, находчивостью. Бучкиевъ, напротивъ, напомнилъ мнѣ совершенно типъ степнаго помѣщика, которому нужно позавтракать, пополадничать, пообѣдать, поужинать, въ промежуткахъ закусить, да не какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь, а основательно, разнообразно; выспаться хорошенько и удобно, съ тѣмъ чтобы безотлучныя собаки-молсы непрестанно лежали у его ногъ на одеялѣ. Однимъ словомъ онъ — Грузинъ и военный человѣкъ — напомнилъ мнѣ того выведеннаго въ

какомъ-то ведевиатъ Мзаоресса-наа, который говорилъ своему слугѣ, ложись спать: поправа мнѣ подушку, накрой меня, перекрести меня, теперы воими сачку и стуша, а я уже самъ засну...

Пріѣхалъ я въ Тифлисъ, кажется 28—25 ноября, когда по городу уже носилась слухи о большомъ сраженіи съ Турками и одержанной побѣдѣ. Но вѣсти съ тѣмъ, къ великому своему горю, я узналъ что въ этомъ сраженіи (при Батъ-Кадикъ-Дарѣ) князь Илья Орбелянъ, ведя своихъ гренадеръ въ атаку, былъ смертельно раненъ и вскоре умеръ. Такой прекрасный, симпатичный, молодой, на пути къ блестящей карьерѣ, недавно только женившійся,—и все это одною пыльною пулей уничтожено, разбито въ прахъ! А для меня какой ударъ! Всѣ мои мечты и надежды только на этомъ и основывались. Что же теперь дѣлать?

Изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ, у которыхъ я могъ бы найти добрый совѣтъ и содѣйствіе, въ Тифлисъ оставался одинъ только В. П. Александровскій. Къ нему я и обратился.

Выслушавъ мои порыванія ко дракѣ съ Турками, В. П. напелъ ихъ ребячествомъ и далъ мнѣ рѣшительный совѣтъ не забывать стараго кавказскаго правила: „ни на что не напрашиваться, ни отъ чего не отказываться“. Еслибъ еще былъ живъ князь Илья Орбелянъ, лично меня знавшій и заявлявшій прежде желаніе имѣть меня у себя въ полку, дѣло другое, можно было бы прямо ѣхать къ нему и переводъ ужъ онъ устроилъ бы самъ. Теперь же затѣять переводъ, значить ждать многіе мѣсяцы согласія новаго полковаго командира и можетъ-быть дожидаться отказа. Между тѣмъ главная цѣль перевода, какъ ни толкуй, сводится къ желанію отличій и наградъ. Но того же самого можно достигнуть и оставаясь въ Дагестанѣ, гдѣ Шамиль, вѣтъ сомнѣнія, не останется спокойнымъ зрителемъ, да еще съ меньшимъ рискомъ и лишеніями чѣмъ въ войнѣ съ Турками.

— Приходите вечеромъ чай пить, заключилъ Василій Павловичъ;—у меня будетъ И. Г. Колосовскій, (дежурный штабъ-офицеръ главнаго штаба) поговоримъ съ нимъ и поспушаемъ что онъ скажетъ*.

---

* Въ настоящую минуту, когда я пишу эти строки, неожиданно читаю въ траурныхъ объявленіяхъ Голоса что Василій Павловичъ

Вечеромъ успѣлъ я воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ чѣмъ развѣшится неожиданно образовавшійся для меня вопросъ о моей будущности. Участію, которое долженъ было принять въ дѣлѣ Иванъ Григорьевичъ Колосовскій, я заранѣе радовался, потому что онъ, бывъ долгое время дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ штабѣ князя Аргутинскаго въ Шурѣ, зналъ меня по хорошей рекомендаціи своего пріятеля „Кузьмича“ и помнилъ меня какъ баталіоннаго адъютанта въ Табасаранскій походъ 1851 года, когда я часто являлся въ отрядный штабъ за приказаніями. Въ Тифлисѣ же онъ былъ переведенъ недавно.

В. П. Александровскій передалъ ему причину моего пріѣзда и спрашивалъ что онъ посоветуетъ. Иванъ Григорьевичъ съ первыхъ же словъ оказался совершенно такого мнѣнія какъ выше изложенное. Онъ только подробнѣе развилъ доводы въ пользу возвращенія въ полкъ.

— Успѣшныя дѣйствія противъ возможныхъ покушеній Шаміа и удержаніе спокойствія въ краѣ считаютъ чуть ли не важнѣе побѣдъ надъ Турками. Вотъ, напримѣръ, блистательный походъ князя Аргутинскаго на выручку Лезгинской линіи возбуждалъ такое удовольствіе главнокомандующаго что хотя войскамъ не пришлось сразиться съ горцами, тѣмъ не менѣе всѣ будутъ награждены самымъ щедрымъ образомъ. Такихъ случаевъ будетъ не мало, а кромѣ того уже сдѣлано распоряженіе отправлять изъ Дагестана на зиму въ Чечню для наступательныхъ дѣйствій по дватри баталіона,—вотъ и новые случаи для отличій. При этомъ въ своемъ знакомомъ кругу, при лучшей обстановкѣ чѣмъ въ Малой Азіи. Я рѣшительно совѣтую вамъ ѣхать назадъ и вооружиться нѣкоторымъ терпѣніемъ. А чтобы облегчить вамъ обратный перѣздъ до Шуры, пожалуйста найди вамъ какую-нибудь командировку.

Мнѣ осталось только отвѣсить низкій поклонъ и рассыпаться въ благодарности, тѣмъ болѣе что полковникъ Колосовскій одинъ изъ умныхъ, опытныхъ кавказскихъ

умеръ въ Ниццѣ 14го февраля, послѣ продолжительной тяжкой болѣзни. Сомнѣю со сдѣны еще одинъ изъ старыхъ Кавказцевъ!.. Въ послѣднее время, въ чинѣ тайнаго совѣтника, Александровскій былъ членомъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

офицеровъ и за его словами нельзя было не признавать авторитета.

Часу въ 12, когда мы вмѣстѣ вышли отъ Александровскаго, Иванъ Григорьевичъ еще разъ подтвердилъ мнѣ свой совѣтъ и приказалъ навѣдываться въ штабъ чтобъ узнать когда окажется удобный случай для командировки.

Такимъ образомъ прожилъ я въ Тифлисѣ еще два тричетыре. Грязь была большая; на всемъ лежалъ какой-то унылый видъ. Князь М. С. Воронцовъ, здоровье котораго въ послѣднее время сильно пошатнулось, былъ кромѣ того крайне огорченъ вспыхнувшею войной, къ которой онъ не готовился. Турки открыли ее внезапнымъ нападеніемъ на приморское укрѣпленіе Николаевское, которымъ и овладѣли, истребивъ почти весь слабый гарнизонъ нашъ. Войскъ вначалѣ въ краѣ было мало, пути сообщенія ужасные, продовольственныхъ припасовъ недостаточно,—все это само собою не могло радовать князя. Обычные приемы были отменены; для большаго удобства въ слѣдующихъ занятіяхъ и распоряженіяхъ начальникъ главнаго штаба, князь Барятинскій, устроилъ себѣ кабинетъ въ домѣ нахѣстника, и тамъ къ нему являлись всѣ по служебнымъ дѣламъ.

Во второй или третій приходъ мой въ штабъ, полковникъ Колосовскій встрѣтилъ меня пріятнымъ извѣстіемъ объ истребленіи турецкаго флота у Синопа, о чемъ князь приказалъ послать съ курьеромъ сообщеніе ко всѣмъ мѣстнымъ начальникамъ, особенно въ мѣста населенныя мусульманами, съ тѣмъ чтобы вездѣ были отолужены молебствія и совершены возможно большія торжества, въ присутствіи представителей туземнаго населенія. Это порученіе и предположилъ Иванъ Григорьевичъ возложить на меня, съ тѣмъ чтобы не позже слѣдующаго утра я уже выѣхалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ взялъ меня съ собою, представилъ князю Барятинскому, тутъ же подписавшему всѣ нужныя бумаги и подтвердившему мнѣ стараться о скорѣйшемъ и повсемѣстномъ распространеніи извѣстія.

Выходя изъ кабинета начальника главнаго штаба, я въ залѣ увидалъ князя Воронцова что-то говорившаго представившемуся въ полной формѣ генералу. Я остановился, князь взглянулъ въ мою сторону, очевидно узналъ меня, на лицѣ его появилась извѣстная дружественно-привѣтливая улыбка. Это было между 24—28 ноября 1853 года, я въ

последній раз видѣлъ незабвеннаго на Кавказѣ намѣстника, замѣчательнаго государственнаго человека, оказывавшаго мнѣ столько незаслуженнаго вниманія. Мѣсяца чрезъ три онъ покинулъ Кавказъ послѣ девяти лѣтъ блистательнаго управленія, съ тѣмъ чтобъ уже болѣе въ него не возвращаться: въ 1856 году князь М. С. Воронцовъ, пожалованный предъ тѣмъ въ фельдмаршала, скончался въ Москвѣ. Впрочемъ въ 1853 году онъ уже очевидно ослабѣлъ и здоровье его было въ плохомъ состояніи. Не было уже и прежней энергіи и неутомимости въ дѣлахъ. Къ довершенію всего, неоправдавшаяся увѣренность князя что войны ни въ какомъ случаѣ не будетъ, и что Англія не выступитъ нашею противницей была поводомъ не малаго огорченія...

Я возвратился въ штабъ, получилъ курьерскую подорожную, прогоны, кучу пакетовъ, и на другой день, въ 8 часу утра, уже трясся на перекладной по адской мостовой армянскаго базара.

LXIV.

Описывать свое обратное путешествіе до Шуры я не стану. Была ужаснѣйшая осенняя слякоть, едва проѣзжая дорога такъ грязна что, не взирая на курьерскую подорожную и впряганіе по пяти, даже семи лошадей въ перекладную телѣгу, случалось дѣлать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 6 до 8 верстъ въ часъ. Въ Шемахѣ, пріѣхавъ къ губернатору генералъ-майору Сергѣю Гавриловичу Чилеву, (брату моего бывшаго начальника на Лезгинской линіи) для передачи ему пакетовъ, я засталъ у него нашего командующаго войсками князя Аргутинскаго-Долгорукова, котораго везли въ Тифлисъ совсѣмъ больного, въ крайне печальномъ состояніи. Онъ хотя и сидѣлъ со своею неизмѣнною короткою трубкой въ рукахъ, но очевидно въ какомъ-то отупѣніи, едва сознавая происходящее вокругъ него... Губернаторъ прочитавъ извѣстіе о Сивольской побѣдѣ, обратился къ нему со словами: вотъ, князь, офицеръ прискакалъ курьеромъ съ радостнымъ извѣстіемъ о побѣдѣ на морѣ. Но Моисей Захаровичъ только посмотрѣлъ на меня своими жуткими глазами, какъ-будто силясь что-то вспомнить и спросилъ: вы откуда ѣдете? „Изъ Тифлиса, ваше сіятельство; я поручикъ Дагестанскаго полка Зиссерманъ, посланъ

до Шуры съ извѣстіемъ о побѣдѣ.“ Олять мутный взглядъ и молчаніе.

Очень грустно мнѣ было видѣть князя Аргутинскаго въ такомъ положеніи. Мнѣ живо вспомнился нашъ Табасаранскій походъ 1851 года, когда онъ былъ еще въ своей роли дѣятельнаго начальника войскъ; затѣмъ его болѣзнь, когда несли его на носилкахъ и когда я замѣтилъ уже признаки ужасной болѣзни—паралича, возобновившейся теперь въ такой безнадежной степени. Видѣлъ я его тутъ въ послѣдній разъ.

Послѣ обѣда у генерала Чилева, я поскакалъ дальше. Кажется за двѣ станціи до Кубы, но дорогѣ отъ грязи уже рѣшительно не было никакого проѣзда. Меня повезли стороной, глухимъ песчанымъ берегомъ Каспійскаго моря, гдѣ мнѣ пришлось увидѣть оригинальную картину кочевья перелетныхъ съ сѣвера птицъ. Тучи, буквально тучи самыхъ разнородныхъ утокъ, гусей, гагаръ, лебедей, журавлей и другихъ пернатыхъ устилали берегъ по небольшому заливу, на разстояніи какихъ-нибудь двухъ верстъ, поднимая при приближеніи нашемъ и непривычномъ имъ звукъ колокольчиковъ такое гоготаніе, такой гамъ и шумъ что я былъ просто пораженъ. Попадъ въ первый разъ въ жизни въ самый центръ этого пернатого царства, я просто изумлялся и ихъ количеству, и разнородности, и тому что все это уживалось новидимому такъ дружелюбно на небольшомъ пространствѣ. Татары-ямщики передали мнѣ что, когда они нѣскольکو дней тому назадъ первый разъ сюда пріѣхали, птицы поднимались какъ саранча, сплошною массой, и произвели такой шумъ что заглушали слова, а теперь ихъ уже гораздо меньше: вѣроятно проѣздъ нарушилъ ихъ спокойствіе и значительная часть откочевала куда-нибудь въ другое мѣсто. Вообще обиліе дичи въ этой части Прикаспійскаго края, въ тѣ времена, было баснословно. Въ окрестностяхъ Дешлагара Э. Э. Кеслеру, страстному охотнику и отличному стрѣлку, случалось въ одну охоту убивать болѣе *являдесяти* кабановъ, которыхъ на нѣсколькихъ тройкахъ отвозили домой; дикія козы, олени не переводились за столомъ, также какъ фазаны, дупеля, а разныхъ породъ дикихъ утокъ охотники Самурскаго полка были такими количествами что солдаты варили съ ними щи, солили ихъ впрокъ!

Въ Дербентъ пріѣхалъ я вечеромъ къ губернатору покой-

ному Ю. Ф. Минквицу. Онъ былъ очень радъ привезенно-
му мною извѣстiю, разспрашивалъ о Тифлисѣ, о князѣ Во-
ронцовѣ, у котораго онъ долго былъ адъютантомъ, и убѣ-
дилъ меня остаться ночевать, не рискуя въ темную ночь
пускаться по ужасной дорогѣ, по его словамъ еще худшей
чѣмъ проѣхавшая мною. Послушался я его, и съ большимъ
удовольствiемъ растянулся на коврахъ у какого-то Персiя-
вина, у котораго отвели мнѣ квартиру. Послѣшестисуточ-
ной убійственной, безостановочной ѣзды, всѣ члены были
какъ избитые...

Выѣхавъ на слѣдующій день съ разсвѣтомъ, я къ вечеру
дотащился до Шуры и явился прямо къ бригадному гене-
ралу нашему Волкову, оставшемуся послѣ отъѣзда князя
Аргутинскаго временно-командующимъ войсками. А черезъ
день отправился въ полковую штабъ-квартиру Ишкарты.

Полковникъ Бромевскiй весьма подробно разспрашивалъ
меня о поѣздкѣ, очень интересовался разказомъ о Синол-
ской побѣдѣ, причемъ весьма мѣтко выразился: „Нахимовъ
вразумилъ Турокъ“, разрѣшилъ мнѣ остаться нѣсколько
дней отдохнуть и затѣмъ отправляться обратно въ Чиръ-
юртъ къ своей ротѣ. Это послѣднее приказанiе было для
меня просто страшнымъ ударомъ. При одной мысли опять
попасть въ передрагу къ Б. меня коробило. Я рѣшился пу-
стить въ ходъ всѣ средства чтобъ отдѣлаться отъ lго ба-
тальона и перейти въ какой-нибудь другой. Однако въ Иш-
картахъ попытки мои ни къ чему не повели. Ни полковой
адъютантъ, ни майоръ Котляревскiй, которыхъ я убѣди-
тельно просилъ о ходатайствѣ у полковаго командира, не
рѣшились взяться за это; самъ я тѣмъ менѣе рѣшался пря-
мо явиться съ просьбою. Таковы были отношенiя къ стро-
мому, упрямо ледантическому командиру!...

Никакого другаго исхода не было, пришлось подчинить-
ся злой судьбѣ и отправляться въ Чиръ-юртъ. Черезъ нѣ-
сколько дней, я выѣхалъ въ Шуру чтобы тамъ дожидаться
первой оказiи отъ нашего батальона. Но въ Шурѣ совер-
шенно неожиданно произошелъ необычайный случай. Когда
я явился къ генералу Волкову, у него былъ капитанъ Ал-
шеронскаго полка князь Иванъ Баграціонъ, съ которымъ
мы были знакомы по встрѣчамъ въ походахъ. Увидѣвъ ме-
ня, онъ вдругъ обратился къ генералу съ озадачившими
меня словами: „вотъ, ваше превосходительство, судьба

посылаетъ намъ кладъ; такого „перваго любовника“ въ цѣломъ Дагестанѣ не найдете!“

Я посмотрѣлъ на Багратіона, на улыбающагося генерала съ совершеннымъ недоумѣніемъ. Что за исторія! Какой я „первый любовникъ“, когда я просто ротный командиръ, пришедшій явиться по обязанности службы къ начальству?

Багратіонъ послѣднимъ разсѣять мое недоумѣніе. Дѣло въ томъ что Петръ Алломоновичъ Волковъ, хотя и былъ генералъ съ весьма воинственною, суровою наружностью, но въ сущности добрый человѣкъ, хлѣбосолъ и большой любитель всякихъ удовольствій, кавалькадъ, вокально-инструментальныхъ вечеровъ и особенно любительскихъ спектаклей. Оставшись временно главнымъ начальникомъ въ краѣ, онъ могъ не стѣсняясь дать болѣе обширные размѣры устройству любимыхъ развлеченій. Затѣмъ былъ театръ не на шутку, конечно съ благотворительною цѣлью. Багратіонъ—музыкантъ, пѣвецъ, танцоръ, однимъ словомъ тилъ воспитанника Пажескаго корпуса и гвардейскаго кирасирскаго офицера сороковыхъ годовъ, былъ избранъ режиссеромъ и главнымъ распорядителемъ; онъ же писалъ музыку для куцлетнаго тѣня, онъ же обучалъ оркестръ, онъ же направлялъ работы декорацій, распредѣлялъ роли и проч. Труппа составила такая что можно бы съ большимъ успѣхомъ выступить на любомъ провинціальномъ театрѣ; особенно женскій персоналъ былъ хорошъ, благодаря супругѣ одного артиллерійскаго офицера, бывшей до замужства актрисой. Недоставало только перваго любовника, всѣ кандидаты не удовлетворяли требовательнаго Багратіона; ломали себѣ головы гдѣ бы раздобыть такового... Въ это-то время я явился, и Багратіонъ, уже не знаю почему, хотѣлъ видѣть во мнѣ недавній имъ кладъ.

Я, само собою, сталъ отрекаться отъ предложенной чести, утѣряя что въ жизни моей никогда на сцену не выступалъ, не умѣю пѣть и одержимъ большою робостью. Ничего не помогало. Мнѣ приказано остаться въ Шурѣ, взять роль для перваго представленія, и если дебютъ выйдетъ плохъ, тогда меня отпустить. Багратіонъ предлагалъ мнѣ поселиться у него на квартирѣ и такимъ образомъ вмѣсто скучнѣйшаго Чиръ-юрта и нервнаго разстройства причисляемаго майоромъ, я очутился въ столицѣ Дагестана, среди разгара самой кипучей, беззаботной веселости, между славными ребятами!...

Для перваго дебюта, какъ теперь помню, пришлось мнѣ выступить въ водевилѣ *Нѣтъ дѣйствія безъ причины* въ роли ревниваго молодого мужа. Роль зналъ я хорошо, на репетиціяхъ удостоился одобреній и Багратіона и генерала, аккуратно на нихъ присутствовавшихъ; но когда подняли завѣсъ и я очутился на сценѣ, предъ нѣсколькимистами зрителей, когда въ первомъ ряду креселъ увидѣлъ серьезное лицо полковаго командира Броневского и мнѣ представилась строжайшій приказъ по полку „съ посаженіемъ на гауптвахту“, я растерялся. Сердце забило сильнѣйшую тревогу, потъ выступилъ на лбу, казалось столбнякъ на меня напалъ!... Багратіонъ за кулисами выходитъ изъ себя, дѣлаетъ мнѣ угрожающіе знаки; генералъ хмуро поглядываетъ, въ публикѣ кое-гдѣ улыбка... Гляжу—грознаго командиръ мой тоже улыбается и обращаетъ ко мнѣ одобрительный взглядъ. Тогда только я вздохнулъ свободнѣе, пришелъ въ себя и чтобы загладить невольность, происшедшую на сценѣ отъ моего продолжительнаго молчанія, обратился къ сидѣвшей между тѣмъ въ затруднительномъ положеніи, въ роли моей жены—дамъ съ нѣсколькими словами собственнаго сочиненія, имѣвшими смыслъ какого-то извиненія въ разсѣянности или нѣчто подобное, что было встрѣчено одобрительнымъ кивкомъ генерала. Затѣмъ, робость исполдоволь исчезла и плеча сошла изрядно. А въ слѣдующія представленія смѣлость все преодолевала, даже иной разъ и плохое знаніе роли.

Цѣлые три мѣсяца провелъ я въ Шурѣ, въ качествѣ „перваго любовника“; веселье шло какимъ-то заломъ: то обѣды, то балы въ клубѣ, то вечера въ частныхъ домахъ, а главное каждый день репетиція съ завтраками—источникъ безконечныхъ забавнѣйшихъ сценъ, сплетенъ, мелкихъ интригъ, анекдотовъ. Война насъ ни чуть не смущала. Послѣ Батъ-Кадыкъ-Ларскаго и Ахалцыхскаго пораженія Турокъ въ Азіатской Турціи все было тихо. На Дунаѣ особаго дѣла тоже не было. А время-то вѣдь было тогда какое? Единственная газета, *Русскій Инвалидъ*, получалась чрезъ 25—30 дней послѣ выхода, да и ту рѣдко читали. Политикой заниматься не приличествовало офицеру; кто любилъ чтеніе, тотъ удовлетворялъ этой потребности романами, преимущественно переводными: Сю, Феваль, Дюма и К^о.

Въ теченіе этой же зимы нашъ полковой командиръ былъ

переведенъ въ Тифлисъ оберъ-квартирмейстеромъ. По общезаведенному обычаю, въ штабъ-квартирѣ полка устроили ему проводы, на которые былъ приглашенъ генералъ Волковъ. Я поѣхалъ тоже. Былъ парадный обѣдъ, затѣмъ вечеръ. Предъ домомъ зажгли нѣсколько плашекъ и транспорать съ вензелемъ П. Н. Броневскаго, съ надписью: „любимому начальнику благодарные подчиненные.“ Этою надписью виновникъ торжества былъ весьма доволенъ и узналъ что она была моимъ *сочиненіемъ* изъяснилъ мнѣ свою благодарность. На другой день, послѣ завтрака, начались проводы, настоящіе кавказскіе съ музыкой, лѣсенами, выстрѣлами, качаніями, скачкою верхомъ нѣсколькихъ десятковъ офицеровъ и многократными остановками для тоотовъ. На разстояніи 14 верстъ отъ Шуры, въ теченіе не менѣе пяти часовъ, кутежъ шелъ все crescendo, такъ что пріѣхали уже въ темнотѣ, подгулявъ крѣпко... Даже самъ полковникъ не могъ отдѣлаться отъ настоячивыхъ изъясній преданности и благодарности, долженъ былъ выпить нѣсколько лишнихъ бокаловъ и былъ не въ обыкновенномъ своемъ педагогически-строгомъ настроеніи, постоянно повторяя: „господа, я ничѣмъ не заслужилъ такого расположенія; я четыре года простоялъ на своемъ посту какъ часовой, строго исполняющій свою обязанность“. Но публика не унималась. Больше всѣхъ шумѣли чуть ли не тѣ которые не имѣли никакого повода заявлять свою любовь и преданность, испытывавшіе на себѣ строгую ферулу командира... Но эта забавная черта до такой степени общая во всей Россіи что распространяться о ней нечего.

Новымъ полковымъ командиромъ былъ назначенъ изъ Самурскаго полка полковникъ Р., о которомъ было извѣстно, во первыхъ, что онъ корчитъ изъ себя Спартака, спитъ на землѣ, вмѣсто подушки—сѣдло, вмѣсто одѣяла—бурка, питается солдатскою кашей; во вторыхъ, что на штурмъ возмущившагося кайтахскаго аула Шеляги ему раздробило лѣвую руку и ее должны были отрѣзать. Изъ этихъ двухъ свѣдѣній трудно было составить понятіе о будущемъ командирѣ, но предчувствія были не розовыя. Опасались какъ бы не попасть изъ огня да въ полымя.

Съ наступленіемъ Великаго поста театръ прекратился.*

* Благотворительныхъ цѣлей мы конечно не достигли, но за разные предметы взятые въ лавкахъ и особенно за завтраки употребленные на репетиціяхъ остались нѣсколько сотъ рублей въ долгу.

пришлось отпраиваться къ своей ротѣ. Дѣлались ли мною какія-нибудь попытки къ переводу въ другой баталіонъ чтобъ избавиться отъ Б., я не помню; но если и дѣлались то вѣроятно кончились неудачно, ибо я вскорѣ очутился опять въ Чирь-юртѣ, въ той же обстановкѣ. Предъ выѣздомъ туда я былъ въ Ишкартахъ и являлся новому командиру. Впечатлѣніе произвелъ онъ на меня самое непріятное. Юпитеровское величіе, неприступность, съ которыми встрѣчалъ офицера П. Н. Броневскій, носили видъ убѣжденія что таковы должны быть отношенія командира къ подчиненнымъ, что этого требуетъ духъ военной службы и что онъ исполняетъ свою обязанность. Положимъ что онъ утрировалъ, что для поддержанія дисциплины вовсе не было надобности кидаться въ такую крайность, что между фамильярностью и безсердечно холодною строгостью есть середина, но все же манера Броневского выходила какою-то внушительною, вселявшею особаго рода служебный страхъ, выражавшійся въ невольныхъ движеніяхъ „вытянуться въ струнку“, олусть руки по швамъ... У Р. же въ приемѣ высказывалась только простѣйшая неделикатность, даже презрительность какая-то: ни въ фигурѣ, ни въ голосѣ, ни во взглядѣ не было ничего внушительнаго; онъ не вселялъ ни служебнаго уваженія, ни страха, а досаду, желаніе выругаться. Еще болѣе рѣзкая разница между этими командирами состояла въ томъ что Броневскій въ отношеніяхъ своихъ къ высшему начальству не выказывалъ ни малѣйшаго подобострастія, раболѣпія, угодливости; онъ строго исполнялъ приказанія, соблюдалъ дисциплинарныя правила вѣжливості—и только; а въ отношеніи разныхъ „штабныхъ“, вліятельныхъ фаворитовъ и проч. держалъ себя весьма неприступно, и всѣ эти господа его крайне не любили, о чемъ онъ, очевидно, вовсе и не заботился. Р. же, напротивъ, стибался предъ начальствомъ и угодничалъ всякой букашкѣ, если она только стояла въ какомъ-нибудь отношеніи къ *власти* *внушительнѣйш.* Стѣло какому-нибудь младшему помощнику старшаго адъютанта намекнуть что онъ нуждается въ парѣ походныхъ сапогъ или въ ючномъ сѣдлѣ чтобы на другой же день изъ полковаго штаба явился къ нему завѣдывающій полковыми мастерскими офицеръ, въ сопровожденіи спеціалиста по части сапожной или сѣдельной работы и чтобы

желанная вещь была немедленно изъ лучшаго матеріала сдѣлана и доставлена, безо всякаго вознагражденія... Однимъ словомъ, молчалинское правило „угождать всѣмъ, дворнику, себѣ и дворника“ было правиломъ и господина командира, но съ тѣмъ ограниченіемъ чтобъ и дворникъ, и собака принадлежали ко „штабу“, а для подчиненныхъ своихъ обратно: не только угожденія не допускались, а полное пренебреженіе. Угодничество въ Шурѣ вымѣщалось этимъ обращеніемъ съ подвѣдьяными.

Съ водвореніемъ такого новаго полковаго командира, Ишкарты попрежнему стали для меня однимъ изъ самыхъ ненавистныхъ мѣстъ и я уже предпочиталъ возвратиться въ Чиръ-юртъ ко вѣломощному, назойливому Б. чѣмъ очутиться въ полковомъ штабѣ. Впрочемъ театральнй сезонъ сблизилъ меня настолько съ бригаднымъ генераломъ Волковымъ, добрымъ и любезнымъ человекомъ, а также съ нѣкоторыми близко къ нему стоявшими офицерами, что я былъ увѣренъ, въ случаѣ надобности, найти опору и защиту отъ придирокъ и преслѣдованій, еслибѣ они стали выходить за предѣлы терпѣнія.

Возвратясь въ Чиръ-юртъ, я даже обрадовался, очутившись опять со своею милою 2ю мушкатерскою ротой. Не успѣлъ я сѣсть съ коня у своего барака, какъ всѣ люди уже выстроились и, съ гордостью вспоминая объ этомъ, встрѣтили меня не обычайнымъ „здравія желаемъ ваше благородіе“, а самымъ душевнымъ привѣтомъ и „покорнѣйше благодаримъ что не оставили насъ, опять къ намъ воротились; мы уже сумѣвали увидѣть васъ, нашего отца - командира“, и т. д. Я былъ до глубины души тронутъ такою незаслуженною привязанностью 280 мушкатеровъ роты, и ихъ пріемъ, ихъ нѣсколько простыхъ словъ вознаградили меня за бывшія и предстояшія непріятности съ пресловутымъ баталіонеромъ.

Впрочемъ и Б., на первыхъ порахъ по моемъ возвращеніи, держалъ себя какъ-то мирнѣе и даже силлся быть любезнымъ. Онъ все заговаривалъ о театрѣ, причемъ разказывалъ какъ онъ когда-то въ полкахъ, гдѣ прежде служилъ, тоже игралъ, былъ лучшимъ актеромъ, что безъ него не могло обойтись ни одно представленіе, и т. д.

Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Чиръ-юртѣ, пребыванія не особенно непріятнаго, ибо періодъ вѣтровъ еще не

наступалъ, а все большею частью стояла порядочная веселая погода, которою мы пользовались для производства фронтовыхъ ученій, наконецъ получился приказъ выступить баталіону для занятія двумя ротами (1 и 3 мункатерскими съ баталіоннымъ штабомъ) укрѣпленія Аймаки, а другими двумя (1ю гренадерскою и моею) аула Оглы, лежащаго какъ я уже писалъ, на большой дорогѣ изъ Шуры въ Куташу и дальше въ глубь Дагестана. Мы были чрезвычайно обрадованы этимъ новымъ назначеніемъ. Въ Оглы отличный климатъ, прекрасная вода, обиліе фуража, не скучно вслѣдствіе непрестаннаго прохода войскъ и проѣзда разныхъ лицъ въ отряды и Шуру и, самое главное, тамъ по близости съ непріятельскими населеніями весьма частыя тревоги; могутъ быть перестрѣлки и—вънезъ воиъ чадній и мечтаній—случаи отличиться, получить награду. Я же еще специально былъ радъ: полаяя съ ротой въ Оглы, а избавляаяся отъ постояннаго присутствія Б., который изъ баталіоннаго штаба Аймаки, въ 17 верстахъ отъ Оглы, въ крайне опасной мѣстности, не могъ часто совершать поѣздки. Такая относительная свобода и обезпеченность отъ неизбежной назойливой придирчивости и непріятныхъ распоряженій уже сами по себѣ составляли весьма утѣшавшуюся перспективу предстоящей стоянки. Распрощались мы съ драгунскою слободкой, гдѣ нашъ довелась Б. „гулялъ по прекрасному цвѣтнику“, и чуть забрезжилъ разсвѣтъ одного прекраснаго майскаго дня выступили, имѣя приказаніе дойти до Шуры безъ ночлега, а переходъ этотъ, какъ я уже описывалъ, былъ весьма труденъ: 45 верстъ, безъ воды, а послѣдняя часть дороги у Шуры гористая.

И дѣйствительно, притащились мы въ Шуру едва въ десять часовъ вечера, крайне утомленные переходомъ, причемъ не обошлось безъ крика, шума и извѣстныхъ распеканій со стороны баталіонера то за отставшихъ людей, то за приставшихъ артельныхъ лошадей, и т. п. Пользуясь темнотою, солдаты не стѣснялись, довольно громко по-своему острить надъ Б. и даже крупно ругаться; они хорошо понимали всю несправедливость его распеканій обращенныхъ къ ротнымъ командирамъ.

Послѣ дневки въ Шурѣ, мы выступили дальше, ночевали

въ Дженгутай и на другой день пришли въ Оглы. Здѣсь 1я гренадерская и я со своею ротой остались, занявъ разѣ навсегда опредѣленные для помѣщенія сакаи, а остальные двѣ роты ушли въ Аймяки. Мы смѣнили нашъ 2й баталіонъ, выступившій на Кутишинскія высоты.

Мы были вполне убѣждены что предстоящее лѣто доставить намъ не мало работы. Война Россіи съ Турціей и европейскою коалиціей давали повидимому Шамилю удобный случай приступить къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ и повести серіозныя предпріятія къ возмущенію подвластнаго намъ мусульманскаго населенія. Если уже въ 1853 году, когда война еще не была объявлена, Шамиль предпринялъ движеніе къ сторонѣ Лезгинской линіи, оставшееся безъ успѣха только благодаря энергическому походу князя Аргутинскаго черезъ главный хребетъ, то теперь, разсуждали мы, ожидать отъ него подобныхъ предпріятій слѣдуетъ непремѣнно. Мнѣ вспоминался даже извѣстный походъ Шамиля въ 1846 году въ Кабарду, когда онъ рѣшился переправиться черезъ Сунжу и Терекъ, среди нашихъ укрѣпленій, станицъ, кордоновъ и отрядовъ, пробылъ нѣсколько дней между Кабардинцами и возвратился въ свои горы. Отступленіе его совершилось довольно благополучно и съ незначительною потерей, какъ уже было мною разказано въ предшествовавшихъ главахъ. Онъ тогда не встрѣтилъ особаго сочувствія вліятельныхъ людей и князей кабардинскихъ, которымъ не могла нравиться все ивелирующая, террористическая система шамилевскаго шоридизма. Но въ этотъ разъ обстоятельства были совсѣмъ другія: турецкіе эмиссары могли возбудить не только религіозный фанатизмъ (впрочемъ среди Кабардинцевъ и вообще черкесскихъ племенъ, населявшихъ западную часть Кавказа до побережья Чернаго моря, мусульманство далеко не пустило такихъ глубокихъ корней чтобы дѣятельность духовныхъ миссіонеровъ однимъ именемъ Магомета могла обѣщать важныя результаты), но разныя, болѣе положительныя виды на полную независимость, на льготы въ торговлѣ съ Турціей, на доставку запасовъ соли, оружія, патроновъ, и проч. для народа, на денежныя вознагражденія и пенсіи предводителямъ и болѣе вліятельнымъ людямъ, на блестящіе пріемы ихъ въ Стамбулъ... Дѣйствія турецкихъ

агентовъ подкрѣплялись разными авантюристами, Англичанами. Поляками, высаживавшимися на восточный берегъ Чернаго Моря и подстрекавшими черкесскихъ старшинъ къ дѣятельной войнѣ противъ насъ, общая имъ золотая горы отъ англо-французскихъ щедротъ. Повтори Шамиль свою попытку пройти на правый флангъ нашей Кавказской линіи чтобы соединиться съ орудовавшимъ тамъ во имя мюридизма Магометъ-Эминомъ и произвести рядъ набѣговъ по большой почтовой дорогѣ между Ставрополемъ и Владикавказомъ, соблазнить успѣхомъ грабежей Малокабардинцевъ, Ингушей и другія мелкія племена обитающія на плоскости среди русскихъ населеній, — такая попытка быть-можетъ въ 1854—55 годахъ имѣла бы для него большій успѣхъ и надѣлала бы намъ, хоть бы и временно, не мало хлопотъ и ущерба.

Лѣто однако проходило, а въ Дагестанѣ не только никакихъ дѣлъ не было, но даже спокойствіе царило такое полное какого и въ обыкновенное время не бывало. Чтò за причина? Дѣло объяснилось вскорѣ. Около половины іюля мы узнали что Шамиль, собравъ большую толпу своихъ горцевъ и часть Чеченцевъ, направился опять къ Лезгинской линіи, но уже не къ правому ея флангу, а къ лѣвому, то-есть къ Кахетіи, что онъ произвелъ тамъ цѣлый рядъ набѣговъ на беззащитныя села Грузинъ, разорилъ ихъ, захватилъ много жителей въ плѣнъ и въ томъ числѣ семейство князей Чавчавадзе и Орбеляна, проводившихъ лѣто въ своей кахетинской деревнѣ Цивондамы...

Извѣстіе это поразило всѣхъ; но на меня, такъ долго прожившаго въ Кахетіи, знавшаго всякую тамъ тропинку, всѣ эти мирныя цвѣтуція села, всѣхъ этихъ грузинскихъ князей, оно произвело потрясающее впечатлѣніе!... Я никакъ не могъ сообразить, какимъ образомъ значительная непри-ятельская партія могла пройти всею открытою долиною Кахетіи, переправиться черезъ Алазань, на почтовую дорогу между Телавомъ, Сигнахомъ и Тифлисомъ, въ самое сердце грузинскаго населенія и напасть на Цивондамы, большое многочисленное селеніе—забрать всѣхъ князей съ ихъ дѣтьми и прислугой въ плѣнъ, и опять переправиться черезъ Алазань безнаказанно?... Разказывали различно; объясненій, обвиненій и оправданій было много; но дѣло все же оставалось темнымъ.

Шамиль совершилъ такимъ образомъ удачный набѣгъ, но только набѣгъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Никакого важнаго результата изъ своего движенія, со значительнымъ оборотомъ, онъ не извлекъ. Въ Тифлисъ, послѣ выѣзда князя Воронцова за границу, оставался главнымъ начальникомъ края (на правахъ командира отдѣльнаго корпуса) генералъ-отъ-кавалеріи Реедъ, человѣкъ вовсе незнакомый съ Кавказомъ и вообще по странной случайности очутившійся въ дѣятельности не соответствовавшей вовсе ни его подготовкѣ, ни его предшествовавшей служебной карьерѣ. При первыхъ извѣстіяхъ отъ телавскаго уѣзднаго начальства что 3го, 4го іюля шамилевскія орды вторглись въ Кахетію, жгутъ и грабятъ, встрѣчая отпоръ лишь въ нѣсколькихъ милиціонерахъ, тифлисское начальство забило сильную тревогу, можно сказать даже съ отбѣскомъ нѣкоторой паники, и стало лобавиваться уже чуть ли не за самый Тифлисъ, а еще болѣе за военно-грузинскую дорогу—единственное сообщеніе тогда съ Россією. И за какую же часть дороги генералъ Реедъ больше всего тревожился? За ту которая лежитъ между Душетомъ, Алазаномъ и Кайшауромъ, на южномъ склонѣ хребта, по Арагвѣ, среди исключительно грузинскаго населенія!.. Даже ко Мцхетскому мосту приближиди два баталіона съ артиллеріей... Все это въ томъ предположеніи что Шамиль *фрезъ Тушетію* (?) двинется въ эту сторону и займетъ военно-грузинскую дорогу. Предположеніе не выдерживающее никакой критики и возможное только со стороны людей не имѣющихъ понятія ни о мѣстности, ни о народонаселеніи, ни — это главное — объ условіяхъ среди которыхъ Шамилю приходилось дѣйствовать. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ разборъ и доказательства моего рѣзкаго опредѣленія; это дѣло будущаго историка кавказской войны; я только мимоходомъ и почти вольно коснулся этого эпизода. Ограничусь только замѣчаніемъ что еслибы хотя половина тѣхъ баталіоновъ, всадроновъ и пушекъ,—которые были приведены въ движеніе около Мухета, Душета, Тіонета и въ другихъ мѣстахъ, *послѣ вторженія* Шамиля,—были *заблаговременно* расположены за Алазанью по такъ-называвшемуся тогда лѣвымъ флангу Лезгинской линіи, которому всегда, въ теченіе десятковъ лѣтъ, грозила опасность вторженій, то ни Кахетинскихъ селъ бы не разорили, ни княгиня бы въ лѣтѣ не

увели и не изъ-за чего было бы въ панику впадать, опасаясь за Тифлисъ и Мѣхеты...

Находившійся тогда въ Тифлисъ графъ Соллогубъ сказавъ по этому поводу весьма мѣткій экспромптъ; къ сожалѣнію, не могу въ точности вспомнить его, но было приблизительно что-то въ такомъ родѣ:

Шамиль бѣдой намъ угрожаетъ;
Но ты не бойся, нашъ народъ:
Тебя оберегаютъ—
Рездъ, Реутъ и Ретъ!.. *

И вѣдь удивительно, какъ примѣры прошлаго мало дѣйствуютъ на послѣдующее время! Въ 1877 году у насъ опять война съ Турціею и опять на тѣ же кахетинскія мѣстности совершаются горцами (впрочемъ уже безъ Шамиля) нападенія, опять жгутъ, убиваютъ, угощаютъ стада и опять не встрѣчаютъ отпора, опять къ защитѣ никто не приготовленъ!..

Движеніе Шамиля съ полчищемъ къ Кахетіи и отвлекло его отъ Дагестана. Возвратясь изъ этого дальняго и труднаго похода, потерявъ въ стычкахъ съ милиціями и вооруженными жителями нѣсколько десятковъ человѣкъ, имамъ распустилъ своихъ людей по домамъ. Онъ никогда не могъ долго держать въ сборѣ своихъ партій, особенно въ отдаленныхъ отъ Дагестана мѣстахъ, потому что для этого не хватало самаго необходимаго—продовольствія. Никакихъ, ни общественныхъ, ни частныхъ запасовъ у горцевъ не водится. Всякъ перебивается, такъ-сказать, со дня на день. Если поэтому, собирая свое войско, Шамиль могъ разчитывать что всякъ возьметъ съ собою на десять дней хлѣба, то для дальнѣйшаго содержанія ихъ уже долженъ былъ самъ позаботиться. При расположеніи въ ближайшемъ соседствѣ со своими владѣніями это удавалось ему: то посредствомъ реквизиціи въ болѣе обезпеченныхъ аулахъ, то небольшою покупкой хлѣба изъ своей тощей казны, то постоянными отлусками людей по домамъ на нѣсколько дней, и т. д. Но забравшись далеко, онъ не имѣлъ уже этихъ рекурсовъ; нужна была или богатая добыча съ запасами продовольствія, или готовность мѣстнаго населенія довольство-

* Реутъ генералъ-лейтенантъ, членъ совѣта главнаго управленія, а Ретъ, генералъ-майоръ, тогда комендантъ въ Тифлисъ.

вать полчища. Понятно поэтому что на продолжительное пребываніе шамилевскихъ сборовъ можно было разчитывать только среди мусульманскаго населенія. Пристань къ нему напримеръ Джаробѣлоканскій округъ или Нухинскій или Енисаветопольскій уѣзды, дѣла другое: тутъ нашлось бы продовольствіе для его десяти тысячъ человѣкъ хоть на годъ, и являлось бы затрудненіе только уже другого рода: каждый его ополченецъ былъ семьяниномъ, хозяиномъ, работникомъ и кормитель своей семьи; уйти ему надоело изъ дому нельзя, не рискуя разорить свое хозяйство, да и человѣкъ онъ свободный, не привыкшій оставаться долго въ зависимости отъ разныхъ, на военное время назначаемыхъ сотенныхъ, латисотенныхъ и т. п. людей. Нужны бы постоянно удачные набѣги, богатая добыча чтобы разжигать хищнические инстинкты дикарей и удерживать ихъ въ сборѣ. Ничего подобнаго при движеніи въ Кахетію не представлялось: ближайшія къ этому театру дѣйствій лезгинскія общества, Дидойцы, Калучи, Андучи и проч.,—ищущіе дикари, едва цмѣющіе возможность удовлетворить своимъ собственнымъ, крайне ограниченнымъ потребностямъ; найти у нихъ продовольствіе для вѣсколькихъ тысячъ лишнихъ ртовъ немисливо; грузинскія же села не могли служить источникомъ продолжительнаго довольствія, потому что ежеминутно должно было ожидать прибытія русскихъ войскъ и командъ набѣговъ. Да и добыча захваченная въ вѣсколькихъ селахъ была слишкомъ ничтожна для удовлетворенія многотысячной толпы хищниковъ. Самый лакомый кусокъ, то-есть княжескія семейства, Шамиль конечно взялъ себѣ. Понятно что въ толпѣ является неудовольствіе, въ продовольствіи недостатокъ, и не остается ничего больше какъ распустить сборище по домамъ.

Если къ этимъ условіямъ прибавить что Шамиль, хотя и умный по-своему человѣкъ, но все же не больше какъ простой горецъ, всѣ понятія коего замыкались въ ограниченномъ тѣсномъ міркѣ, которому не могли быть доступны болѣе обширныя политическія соображенія, что онъ къ томъ уже былъ мало воинственный человѣкъ и въ то время уже лишился лучшихъ своихъ помощниковъ, то станетъ понятнымъ почему онъ не воспользовался стѣсненнымъ положеніемъ нашимъ на Кавказѣ во время Восточной войны и не нанесъ намъ никакого особеннаго вреда. Очень

просто: онъ не умѣлъ, отчасти не могъ предпринять что-нибудь важное. Кой же какія попытки его встрѣтили такой отпоръ со стороны нашихъ войскъ что отбили у него охоту къ наступательнымъ дѣйствіямъ и ограничили болѣе присущую ему ролью обороны со стороны Чечни, гдѣ мы не прекращали системы простѣкъ и отниманія удобныхъ земель. Будь Шамиль болѣе энергиченъ, онъ могъ бы на-примѣръ вмѣсто набѣга на Кахетію, предпринять движеніе къ Кистискимъ обществамъ Майста, Цори, Галгай, Джерахи, покорность коихъ намъ была номинальна и вообще сомнительнаго свойства, и съ этими бѣдными дикарями, склонными къ хищничеству, вмѣстѣ вторгнуться на военно-грузинскую дорогу въ *северной* ея части, около Ларса (а не у Мухета), производить мелкими партіями постоянные набѣги и дѣйствительно до крайности затруднить сообщенія наши, вынудивъ производить ихъ подъ сильнымъ прикрытіемъ лѣхоты. Но онъ очевидно былъ мало знакомъ съ этою частью горъ и Кистискими обществами, не привлекая ученія мюридовъ, ни даже мусульманства въ такой степени какъ горцы Дагестана и Чеченцы. Попытки имама силой обратить ихъ въ мюридизмъ были безуспѣшны и встрѣтили вооруженный отпоръ. Привлечь ихъ на свою сторону и сдѣлать своими дѣятельными соучастниками, онъ могъ бы только задобривъ вліятельныхъ людей и соблазнивъ ихъ перспективою дѣбачи, не касаясь ни ихъ религіозной, ни бытовой свободы.

Прочитавъ донесеніе о лѣтненіи княгини Чавчавадзе и Орбелянъ, внучекъ послѣдняго Грузинскаго царя, покойный государь Николай Павловичъ былъ крайне огорченъ и собственноручно написалъ: „ужасно; употребить всевозможныя средства къ скорѣйшему освобожденію лѣтницъ, и какъ можно чаще сообщать имъ дальнѣйшія свѣдѣнія объ ихъ судьбѣ“. Благодаря настояніямъ его, съ Шамилемъ велись самые энергическіе переговоры. Первоначальныя условія имъ поставленныя были: возвратитъ ему сына, взятаго еще въ 1839 году при Ахульго мальчикомъ, воспитаннаго въ Имъ Кадетскомъ корпусѣ и служившаго во Владимирскомъ уланскомъ полку; возвратитъ еще трехъ его родственниковъ, тоже взятыхъ въ 1837 году при Тилитѣ заложниками и служившихъ въ разныхъ полкахъ; отпустить въсколько сотъ лѣтняныхъ и сосланныхъ въ Россію горцевъ,

наконецъ выплатить миллионъ рублей. На всѣ первыя условія последовало съ нашей стороны согласіе, но о миллионѣ и рѣчи быть не могло. Послѣ длинныхъ восьмимѣсячныхъ переговоровъ, кончилось тѣмъ что Шамиль согласился взять восемь тысячъ полуимперіаловъ, вмѣсто миллиона...

10го марта 1855 года изъ укрѣпленія Куринскаго выступила наша колонна изъ семи ротъ Кабардинскаго полка при нѣсколькихъ сотняхъ Донцевъ, подъ начальствомъ барона Николаи, съ которыми ѣхалъ сынъ Шамиля Джамаледдинъ и везлись разбитыя на серебро деньги. (Золота имамъ не хотѣлъ брать, и вообще мелочность и дикость выказывалъ тогда горцы поразительныя). Подойдя къ Мичику войска остановились; на той сторонѣ расположился Шамиль съ толпою въ нѣсколько тысячъ человекъ. Обмѣны совершились благополучно. Сына встрѣтилъ Шамиль весьма трогательно, но еще трогательнѣе было прощаніе этого бѣднаго молодого человека съ нѣсколькими нашими офицерами: особенно съ юнкеромъ графомъ Буксгевдемомъ, его одноклассникомъ въ Имъ Кадетскомъ корпусѣ, проводившими его къ самой ставкѣ имамъ. Онъ плакалъ навзрыдъ, предчувствуя вѣроятно печальное будущее. Наши видя что онъ можетъ-быть пріобрѣтетъ влияние на отца и будетъ содѣйствовать къ прекращенію борьбы, или же послѣ смерти его какъ старшій сынъ, очутится во главѣ горцевъ и тогда изъяснить покорность, не обманишь... Выросшій и воспитанный въ Россіи, среди другихъ условій жизни, онъ затосковалъ въ годахъ, закахъ и года черезъ три умеръ отъ хотки.

Возвращаясь къ разказу о моихъ личныхъ походахъ.

Около пяти мѣсяцевъ прожилъ я въ Оглы. Хожденія мфуражемъ, для чего назначалась цѣлая рота и соблюдались всѣ воинскія предосторожности, конвоирования до Джугутая транспортовъ, бѣганія на тревоги и пролеживания цѣлыхъ ночей въ засадахъ и секретахъ, къ сожалѣнію безъ всякихъ встрѣчъ съ неприятелемъ, въ этомъ заключались всѣ служебныя занятія. Чтеніе, неустанные разговоры съ Тоистовыми, встрѣчи и проводы часто протѣкавшихъ изъ отряда и въ отрядъ офицеровъ составляли наши развлечения. Въ примѣненіи къ обстоятельствамъ, жизнь была бы смѣсною, еслибъ олять не тотъ же Б. Не имѣя возможности лично ежечасно гнѣзъ насъ своими визгивыми распева-

ниями, онъ обратился къ письменной формѣ и закидывалъ меня грубѣйшими предписаніями, приказами, выговорами...

Наконецъ мнѣ стало уже рѣшительно не вмоготу. Я отправился на Кутитинскія высоты и обратился къ бывшему тамъ генералу Волкову съ убѣдительнѣйшею просьбой избавить меня отъ невыносимаго положенія, повѣявъ у полкового командира на переводъ мой въ другой баталіонъ или и вовсе въ другой полкъ. Получивъ обѣщаніе его устроить это дѣло, я возвратился и сталъ ждать.

Послѣ довольно продолжительнаго времени, въ теченіе коего говенія продолжались усиленно, я наконецъ дождался приказа о назначеніи меня командиромъ 6й роты, которую долженъ былъ принять когда 2й баталіонъ будетъ проходить изъ отряда черезъ Огалы.

Жаль мнѣ было расставаться со своею ротой. Послѣ формальной сдачи ея, мое прощаніе съ людьми было далеко не обычное, такъ что я выступилъ изъ Огалы совершенно съ такими чувствами какія испытываются при оставленіи родныхъ, близкихъ людей. Въ тѣ времена, когда служба солдатская длилась 25 и болѣе лѣтъ, когда палки играли еще роль повседневнаго явленія, отношенія солдатъ къ ротнымъ командирамъ покоились на другихъ, чѣмъ нынѣ, основаніяхъ и принимали иногда почти родственныи оттѣнокъ. Я съ гордостью вспоминаю что къ рѣдкимъ исключеніямъ такихъ отношеній принадлежали отношенія роты ко мнѣ. Почти четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ, но у меня совершенно ясно стоятъ предъ глазами многіе изъ солдатъ, грустно меня провожавшіе и говорившіе: „прощайте, ваше благородіе, дай Богъ вамъ всякаго благополучія; мы васъ никогда не забудемъ“. И такимъ голосомъ говорили что искренность ихъ никакимъ архискептикомъ заподозрѣна быть не могла. Эти слова, этотъ голосъ мнѣ очень памятенъ и служатъ до сихъ поръ лучшими воспоминаніями моими за длинный, трудный періодъ моей кавказской службы.

Второй баталіонъ, въ который я теперь попалъ, назначенъ былъ на временную стоянку въ полковой штабъ Ишкарты, а оттуда еще неизвѣстно было куда пойдеть на зиму. Перспектива жизни въ Ишкартѣ уже сама по себѣ не могла настраивать меня на хорошее расположеніе духа, а тутъ какъ на бѣду присоединилось еще другое обстоятельство: баталіонный командиръ, недавно опредѣленный на службу

изъ отставки, подполковникъ Б — йй оказался чуть ли не хуже самого Б. Въѣхъ свой преслуживъ въ Россіи, воспитанный въ тогдашней военной школѣ исключительно мелочныхъ фронтовыхъ формальностей, когда незастегнуты крючокъ у мундира или потерянная луговица у солдатской шинели считались чуть не государственными преступленіемъ, въ той „ремешковой школѣ“, Кавказу мало знакомой которая была убѣждена что армія существуетъ для ученій разводовъ, равненія и проч., Б — скій думалъ перенести все этотъ арсеналъ мученій на кавказскую почву и съ утра до ночи терзалъ и офицеровъ и солдатъ своими мелочными придирадками, внушеніями и приказаніями. Особенно наегалъ онъ на меня и на мою роту. Онъ не кричалъ, не возвышалъ голоса, не бѣсновался съ лѣвой у рта какъ Б. но, какъ говорится, *пилилъ* человѣку голову безъ усталости и возбуждалъ уже не минутную злобу и раздраженіе, а просто ненависть. Пискливый тихій голосокъ, польскій акцентъ, іезуитскія язвительныя фразы, ежедневныя письменныя приказы и запросы, словомъ — терзаніе невыносимое... Я рѣшительно попалъ изъ огня да въ полымя! Я рѣшился окончательно и во что бы ни стало уйти изъ этого полка, въ которомъ очевидно ужъ судьба преслѣдовала меня, и послалъ письмо къ Э. Э. Кеслеру, умоляя о переводѣ въ Самурскій полкъ.

Съ первыхъ же дней стоянки въ Ишкарты баталіонъ ежедневно выводился на ученія, на которыхъ Б — скій былъ въ своей сферѣ; но какъ онъ ни придирался ко мнѣ, какъ будто стараясь во что бы ни стало находить предлогъ для замѣчаній и колкихъ выговоровъ, однако чрезъ нѣкоторое время угомонился. Одинъ разъ послѣ ученія позвалъ онъ меня къ себѣ на квартиру и вдругъ, къ крайнему моему изумленію, обратился ко мнѣ со словами которыхъ отъ него я никакъ не ожидалъ.

— Я васъ попросилъ къ себѣ, г. поручикъ, чтобъ откровенно объясниться. Видите ли въ чемъ дѣло: вашъ прежній баталіонный командиръ Б. отрекомендовалъ мнѣ васъ какъ совершенно незнающаго службы, строптивого, дерзкаго офицера, избавиться отъ котораго онъ считалъ за особенное удовольствіе. Я не могъ не повѣрить старшему и потому повелъ съ вами такое обращеніе. Однако

жду что на васъ наклепали, что службу вы знаете, въ ротъ у васъ тишина и исправность, сами ведете вы себя такъ что я, знающій хорошо людей, не могу не отдать вамъ справедливости. Дайте мнѣ вашу руку, забудемъ минувшія несправедливости и будемъ служить добрыми товарищами.

Я былъ просто озадаченъ. Что за притча? Б—скій — и такіе рѣчи! „Ужъ если пошло на откровенности, отвѣчайте ему, то позволяйте и мнѣ поговорить подробице.“ Я разсказалъ ему свою предшествовавшую службу, рѣзкость перехода отъ нея, отъ отношеній въ которыхъ я стоялъ къ высшимъ властямъ въ краѣ къ отношеніямъ въ полку, начало службы заѣхъ съ покойнымъ Соймоновымъ и разладу съ переходомъ въ 1й баталіонъ къ Б., характеръ коего я очертилъ довольно рельефно, наконецъ послѣднее короткое время, вынудившее меня уже принять мѣры къ переходу въ другой полкъ. Я объяснилъ Б—скому и неправоильность его взгляда вообще на службу которая на Кавказѣ совсѣмъ не то что въ какой-нибудь 13й пѣхотной дивизіи, и что онъ себѣ самому такимъ взглядомъ скорѣе повредить чѣмъ пользу принесетъ.

— Вы можете обидитесь, г. подполковникъ, заключилъ я, моею откровенностью, но я съ вами говорю не по службѣ, а какъ съ частнымъ человѣкомъ; къ тому же въ полку оставаться не намѣренъ и до перевода пожалуй отралпอร์ตуюсь большимъ и одамъ роту.

— Нѣтъ, прошу васъ этого не дѣлать. Напротивъ, очень мнѣ благодаренъ за откровенность и сумѣю вамъ доказать что я не такой человѣкъ какимъ меня считаютъ. Обѣщаю вамъ по секрету что нашъ баталіонъ назначенъ на зиму въ Чечню, только время выступленія еще неизвѣстно. Не говорите объ этомъ никому; полковой командиръ строго приказалъ не разглашать этого назначенія.

Я чуть не подпрыгнулъ отъ радости при этомъ извѣстіи и готовъ былъ обнять Б — скаго. Задумевѣвшая мечта сбывается: походъ, зимняя экспедиція, новыя мѣста и встрѣчи, драки съ Чеченцами, съ которыми мнѣ еще не приходилось встрѣчаться, и въ перелективѣ отличія, награды... Въ довершеніе всего возможность лично обратиться къ начальнику дивизіи съ просьбой о переводѣ въ одинъ изъ полковъ въ Чечнѣ расположенныхъ и отдѣлаться

отъ надобнаго Дагестана, отъ Р., Б. и даже Б—скаго послѣднія слова коего не могли еще изгладить сквернѣшаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ на меня въ теченіи нѣсколькихъ недѣль.

Мы разстались рѣшительными друзьями. Декораціи рѣдко измѣнялись; чуть ли каждый день благодарности въ приказахъ по баталіону—то за ученіе, то за порядокъ наведенный при осмотрѣ въ цейхаузѣ или ротной канцеляріи. Мой фельдфебель просто блаженствовалъ; прежде не было для чтобы баталіонный командиръ по нѣскольку разъ и грызъ его, не ругалъ, не ставилъ на часы, придираясь безо всякой видимой причины и все только ради того чтобы дѣлать мнѣ непріятности, а тутъ вдругъ и молодецъ онъ, и самый исправный, и рота бл образцовая... Вотъ она извѣстная малоросійская пословица: „наим дерутся, а у хлопцовъ чубы болятъ!“

Наконецъ, около половины ноября, насталъ желанный день. Намъ объявлено приказаніе выступить по данному маршруту въ крѣпость Грозную и поступить тамъ въ распоряженіе начальника лѣваго фланга Кавказской линіи, генерала барона Врангеля....

Послѣ обычнаго смотра полковаго командира и молествія на плацу, мы выступили въ походъ. Баталіонъ былъ въ отличномъ состояніи. Около 900 штыковъ въ строю, народъ здоровый, сытый, отлично одѣтый и снаряженный: одно чѣмъ мы немного хромали,—это составомъ офицеровъ которыхъ въ полку вообще былъ выборъ крайне ограниченный... Я забылъ сказать что воспользовавшись дружбой Б—скаго, я чрезъ него выхлопоталъ переводъ къ себѣ въ роту Толстова, волевымъ, чтобы избавить его отъ неминуемыхъ преслѣдованій Б., возторжъ, чтобы дать ему случай быть въ дѣлахъ и заслужить награду. На первомъ же переходѣ къ Чиръ-юрту, Б—скій просилъ меня ѣхать съ нимъ впереди чтобы веселѣе было. Рассказалъ онъ мнѣ свою исторію, какъ онъ, сынъ помѣщика Подольской губерніи, воспитывался у какихъ-то бераардиловъ или доминикановъ, какъ твердилъ латынь, которую и забылъ и до сихъ поръ, какъ готовился въ юристы, какъ любилъ поэзію, какъ страстно читалъ произведенія лучшихъ польскихъ писателей, и вдругъ молодымъ мальчикомъ, совершенно неожиданно, попалъ въ военную службу въ Императорскій

корпусъ, состоявшій почти исключительно изъ Поляковъ. Участвовалъ онъ въ Польской кампаніи 1830—31 годовъ, гдѣ изъ корпусъ терпѣлъ все пораженіе, былъ произведенъ въ офицеры въ Вилевскій егерскій полкъ, и вотъ уже 25 лѣтъ таетъ аямку военной службы не только безо всякой къ ней наклонности, но совершенно противъ таковой... Въ 1852 году вышелъ было въ отставку съ полною пенсіей, жилъ затѣмъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, въ надеждѣ найти себѣ какое-нибудь занятіе; но насталъ 1853 годъ, война съ Турціей, затѣмъ союзники объявили намъ войну, всѣхъ отставныхъ офицеровъ стали приглашать на службу, знакомые посоветовали ему проситься на Кавказъ, ибо не должно въ такое время оставаться въ отставкѣ, особенно Поляку; и такимъ образомъ онъ весной очутился въ Дагестанскомъ полку. Дальше онъ не скрывалъ отъ меня что въ 5мъ корпусѣ онъ видѣлъ только одно требованіе фронта, ржевской службы и безлющаваго повиновенія старшимъ, абсолютнаго подчиненія своей воли другому, власть имѣющему: молчать, не смѣть разсуждать, держать руки по швамъ, показывать фронтъ, а не дѣла, также въ свою очередь постулатъ съ подчиненными, однимъ словомъ—постоянно пребывать подъ страхомъ готовый разразиться надъ головой бѣды, въ видѣ распеканій, выговоровъ, арестовъ, отрѣшеній и такъ далѣе... Всю эту школу онъ прошелъ до тонкости, зналъ все что требовалось на плацу, но того что дѣйствительно нужно всякому человѣку, въ бою, особенно въ случаѣ необходимости дѣйствовать самостоятельно, не имѣя возможности поминутно обращаться за приказаніями и разрѣшеніями,—это для него было чѣмъ-то въ родѣ неразрѣшимой проблемы; это могло бы его поставить втупикъ, въ безвыходное положеніе. Исповѣдь свою онъ пересматривалъ и латинскими цитатами, и еще больше цѣлыми строками изъ стихотвореній Мицкевича, Пушкина, Лермонтова, которыхъ любилъ не менѣе своего роднаго поэта.

— Откровенно скажу, заключилъ онъ на другой день похода свой монологъ, появился теперь предъ нами венріатъ, я рѣшительно не зналъ бы что нужно дѣлать... Я просто рѣшился довериться вамъ, полагаясь на вашу опытность и вполнѣ убѣжденный что вы не выдадите меня ни Чеченцамъ, ни еще болѣе своимъ господамъ.

Мнѣ даже конфузно сдѣлалось отъ такой откровенности

сѣдаго подполковника... Я послѣднимъ его увѣрить что онъ напрасно ужъ считаетъ себя такимъ будто бы профаномъ въ военномъ дѣлѣ, и что въ случаѣ надобности онъ сумѣетъ, безъ сомнѣнія, принять свои фронтовые знанія къ дѣлу, но что я вполнѣ цѣню его довѣріе и онъ можетъ быть спокоенъ: ни изъ подчиненности, ни изъ скромности предъ другими я не выйду, тѣмъ болѣе что ни съ кѣмъ изъ офицеровъ не состою въ особенно близкихъ отношеніяхъ.

И уморительный же чудакъ былъ этотъ Антонъ Ивановичъ Б—скій. Сѣдой, не казистый, въ сѣрой солдатской шинели на плохой клячѣ, окулой до окражества, ничего не пившій, питавшійся только однимъ чаемъ, да гдѣ можно было достать молокомъ и яйцами, по странной привычкѣ вѣчно брюзгливый, кого-нибудь распекающій, не дающій покоя своему крѣпостному ларю, котораго таскалъ за собою въ уморительномъ костюмѣ полухолацкомъ, полупольскомъ; то крайне безпокоющійся за полковыхъ лошадей, измучившихся по тяжелой грязной дорогѣ, между тѣмъ какъ полковникъ Р. поручилъ ему беречь ихъ лучше глаза, то терзающійся сомнѣніями какъ онъ представитъ баталіонъ въ Грозной, послѣ такого похода, то вдругъ съ плавающимъ декламирующій стихи...

Прѣйдя Хасавъ-юртъ, мы потянулись по Кумыкской плоско-кости, вдоль такъ-называемаго Качкалыковского хребта, за которымъ въ долину рѣки Мичикъ топилаась тогда главная масса келокорнаго населенія большой Чечни. Дорога тянулась по пустынной мѣстности, поросшей колючими кустарникомъ, весьма мѣтко названнымъ солдатами „держи-дерево“; стоило только войти въ этотъ колючій лѣсъ и выку-да негоднаго кустарника, чтобы быть *задержаннымъ* и оставлять клочки своего платья. На Кавказѣ есть много мѣстъ, гдѣ огромныя пространства заросли этимъ неподдающимся ни толору, ни огню, густо и быстро разрастающимся мерзкимъ „держи-деревомъ“; они занимаютъ не одну сотню тысячъ десятинъ плодороднѣйшей земли, остающейся втунѣ. Было много толковъ и предположеній о средствахъ уничтожить этого врага изъ растительнаго царства, но на толкахъ въ тѣ времена и кончалось, да и военное время плохо вяжется съ подобными культурными дѣлами. Не знаю сдѣлано ли что-нибудь въ послѣдній мирный періодъ

времени съ цѣлю очистить огромную Кумыкскую плоскость отъ колючки и сдѣлать ее способною къ обработкѣ и поселенію. Помню что единственно дѣйствительнымъ средствомъ находили выпалывать кустарникъ съ корнемъ особыми для этого устроенными лаугами.

Прошли мы мимо укрѣпленія Куринскаго, сторожскаго удобнѣйшаго перевала черезъ лѣсистый хребетъ Качкалыкъ и угрожающаго своимъ подвижнымъ резервомъ прорывающимся на плоскость для набѣговъ Чеченцамъ; остановившись у единственнаго на этомъ пути аула Истису, населеннаго выходцами изъ Чечни, защищаемаго небольшимъ редутомъ, въ коемъ расположена была рота Кабардинскаго полка съ одною пушкой.

Выходцы изъ Чечни были люди, доведенные нашими наступательными движеніями и набѣгами до крайней нужды, усилившейся еще требованіями шамилевскаго управленія, безпрестанными оборонами въ партіи то для отраженія нашихъ колоннъ, то для предпринимавшихъ противъ насъ движеній. Борьба большинству населенія уже начинала становиться не подъ силу, тѣмъ болѣе что ни результатовъ отъ нея, ни близкаго исхода ей не видѣлось. Лучшія земли ближе къ Аргуну и Сунжѣ исполдывались переходили совсѣмъ во власть Русскихъ и заселялись казачьими станицами или же, благодаря системѣ широкихъ просякъ, открывались для свободнаго во всякое время набѣга нашихъ войскъ, истреблявшихъ всѣ посѣвы и заласы. Все дальше и дальше отбрасываемые такимъ образомъ къ горамъ въ менѣе плодородныя мѣста, вынужденные бросать только что устроенныя жилища, плоды своихъ трудовъ и единственные средства существованія, и опять въ новыхъ лѣсныхъ трущобахъ рубить полянки для посѣвовъ, ежечасно ожидая нападенія, которое выудитъ уйти еще дальше, многіе Чеченцы особенно имѣвшіе и личные поводы неудовольствія на Шамиля или на его набобовъ, рѣшались измѣнять дѣлу мюридизма и переходить на жительство въ мѣста уже совсѣмъ занятыя Русскими, становясь такимъ образомъ покорными намъ. Понятно что мы такіа переселенія поощряли всѣми возможными способами: это ослабляло число враждебнаго населенія, лишало Шамиля бойцовъ, подрывало его не только матеріальное, но и нравственное вліяніе. Переселившіеся къ намъ не облагались

никакими податями, ни повинностями, жили совершенно свободно подъ нашею защитой, сами собою управлялись и сра-
внительно съ немокорными блаженствовали. Но для Шами-
ля такія выселенія были самыми тяжкими ударами, и не
мудрено что онъ принималъ всѣ мѣры пріостановить ихъ.
Увѣщанія, угрозы муками ада за добровольную покорность
главарь, разныя обольстительныя обѣщанія скорей пере-
мѣнымъ обстоятельствамъ и изгнанія Русскихъ съ Кавказа, все
болѣе и болѣе теряли свою силу, особенно между Чечен-
цами, вообще немѣе фанатично настроенными чѣмъ другіе
дагестанскіе и закавказскіе мусульмане. Мѣры крайней
строгости, аресты въ ямахъ, конфискація всего имущества,
насильное переселеніе въ отдаленнѣйшія трущобы, нако-
нецъ и смертныя казни зачинщиковъ выселенія были бо-
лѣ дѣйствительными и удерживали многихъ, въ душѣ давно
готовыхъ покончить съ нестерпимымъ положеніемъ, но все
же не могли прекратить тайнаго выселенія подъ покрови-
тельство Русскихъ.

Вотъ изъ такихъ - то выходцевъ Большой Чечни со-
стоялся довольно значительный аулъ Истису (горячая во-
да) у подножія Качкамыковского хребта, между укрѣплені-
ями Курилокимъ и Умахавъ-юртомъ, у источника минераль-
ной воды. Поселеніе здѣсь этихъ ста или полутора-ста се-
мействъ Чеченцевъ вполне соответствовало нашимъ ви-
дамъ не только по вышеизложеннымъ причинамъ, но и какъ
пунктъ обезпечивавшій отъ набѣговъ довольно большой
промежутокъ на ближайшемъ сообщеніи Грозной съ Кунья-
кою плоскостью и Хасавъ-юртомъ, и потому для прикрѣ-
пленія аула на случай усиленнаго нападенія на него шамилев-
скихъ мюридовъ былъ построенъ небольшой земляной ре-
дутъ, вооруженный крѣпостною пушкой и занятый одною
ротой Кабардинскаго полка. Аулъ постепенно все увеличи-
вался вновь прибывающими бѣглецами изъ долины Мичика
и служилъ соблазномъ для тамошняго населенія. Шамиль
рѣшился истребить его и кого захватить—увести назадъ.
Онъ считалъ это такимъ для себя важнымъ дѣломъ,—важ-
нѣе конечно всякихъ демонстрацій въ Закавказскій край
для содѣйствія Омеръ-пашѣ, что собралъ большую партію
кромя ближайшихъ Чеченцевъ, еще не менѣе пяти тысячъ
человѣкъ, изъ горскихъ дагестанскихъ обществъ не имѣв-
шихъ съ Чеченцами ничего общаго, 2го октября 1854 года

ввезало появился на Качкалыковскомъ хребтѣ въ виду Истису. Жители этого аула постоянно были насторожѣ, а въ этотъ разъ, безъ сомнѣнія, имѣли отъ своихъ родственниковъ свѣдѣнія о движеніи такой значительной силы и могли догадываться о грозящей имъ опасности; поэтому они были все въ сборѣ и приготовились къ защитѣ. Дрались они съ атакующими ихъ мюридами отчаянно, а рота въ редутѣ геройски отбивала бросавшіяся на штурмъ толпы горцевъ. Пущенные выстрѣлы распространили тревогу, и изъ Хасаеъ-юрта послѣдила помощь, состоявшая изъ шести ротъ Кабардинскаго полка, 4хъ сотенъ Донскихъ казаковъ и 4хъ орудій, подъ начальствомъ полковаго командира флигель-адъютанта барона Л. П. Николаи. Не взирая на утомленіе людей, пробѣжавшихъ около 20 верстъ почти безъ отдыха, баронъ Николаи безъ малѣйшаго колебанія атаковалъ въ пять-шесть разъ сильнѣйшаго непріателя и разбилъ его на голову! Сотни труповъ покрывали все пространство между аулами и близъ лежащимъ лѣсомъ, столько же въ сажающіе дни находили ихъ валявшихся и въ лѣсу и по дорогѣ черезъ гору и въ ближайшихъ оврагахъ и лоципкахъ, очевидно умершихъ тяжело раненыхъ. Чеченцы изъ Истису при преслѣдованіи не давали спуска мюридамъ изъ горцевъ... Пораженіе было полное и весьма тяжелое для Шамиля. Не говоря о потерѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ горцевъ изъ самыхъ дальнихъ обществъ, еще вѣровавшихъ въ его силу, въ успѣхъ борьбы съ Русскими и теперь узнающихъ о такомъ плачевномъ событіи, эта катастрофа ближе всего отражалась на настроеніи всей Чечни и должна была произвести совсѣмъ обратное дѣйствіе: переселенія усилятся, Чечня ускользнетъ изъ его рукъ... Успѣхъ приобретенный лѣтомъ въ Кахетіи ограничился лѣтвеніемъ нѣсколькихъ грузинскихъ княгинь и полученіемъ значительнаго за нихъ денежнаго выкупа, а пораженіе въ Истису наносило всему дѣлу мюридизма жестокій, трудно поправимый вредъ; оно отбило у Шамиля и послѣднюю охоту предпринимать что-нибудь рѣшительное противъ насъ, да и о пораженіи лѣтомъ Турокъ въ Кюрюк-дара онъ не могъ не знать. Полагаю что я достаточно разъяснилъ казавшійся многимъ темнымъ вопросъ: почему во время Восточной войны Шамиль не пользовался случаемъ и бездѣйствовалъ?

При чтеніи донесенія объ этомъ молодецкомъ дѣлѣ, въ которомъ Кабардинцы еще разъ доказали что они достойны своей старой славы, государь Николай Павловичъ собственноручно написалъ: „Молодцы. Жааю всѣмъ важнымъ чинамъ по два рубля на человека“.

Послѣ небольшого привала у Истису, мы тронулись дальше, миновали укрѣпленіе Умаханъ-юртъ, построенное у впаденія Гудермеса и Аргуна въ Суажу. Не помню, на шестой или седьмой день подошли къ Грозной, которую я тутъ же переименовалъ въ „Грязную“, такая отвратительная, невылазная грязь была въ ней тогда. Да и вообще во весь походъ отъ Ишкарты погода была дождливая, туманная, хавдру наводящая.

Подходя къ крѣпости, мы были встрѣчены барономъ А. Е. Врангелемъ, выразившимъ свое удовольствіе баталіону за его видъ и численность.

— Представьте мнѣ вашихъ ротныхъ командировъ, обратился генералъ къ Б—скому.

Мы вышли. „Капитанъ такой-то, штабсъ-капитанъ NN, поручикъ Зиосерманъ“, выкрикивалъ вытанувшійся въ струнку, держа руку подъ козырекъ, баталіонеръ нашъ. Когда дошло до меня, баронъ сказалъ: „А, здравствуйте, очень радъ встрѣтиться съ вами здѣсь.“ Затѣмъ Б—скій и четыре ротные командира приглашены были на другой день къ обѣду.

Вся эта встрѣча, благодарность за состояніе баталіона, весь деликатный радушный приѣмъ со стороны главнаго начальника, самая наружность его красиво-симпатичная, приглашеніе къ обѣду, уже достаточно насъ всѣхъ обрадовали и ободрили, а тутъ еще и это личное обращеніе ко мнѣ, и совершенно неожиданная встрѣча съ адъютантомъ генерала Зозулевскимъ, моимъ старымъ знакомымъ по походамъ на Лезгинской кордонной линіи, на меня особенно такъ подѣйствовали что я уже давно не чувствовалъ себя въ такомъ отличномъ расположеніи духа... Б—скій, получивъ благодарность, вмѣсто терзавшей его всю дорогу мысли о головной болѣи, не могъ придти въ себя отъ изумленія и все повторялъ: „тридцать лѣтъ прослужилъ, такого генерала еще не встрѣчалъ! Не кричитъ, не ругаетъ, не грозитъ, говоритъ вѣжливо, подаетъ руку, приглашаетъ къ себѣ... Чудеса!“

Я уже упоминалъ въ одной изъ прежнихъ главъ что всѣ районы на Кавказѣ носили на себѣ особый типическій отпечатокъ, бросавшійся наблюдательному человѣку рѣзко въ глаза. Но нигдѣ это не было такъ рѣзко, какъ съ переходомъ изъ Дагестана на лѣвый флангъ. Въ Дагестанѣ высшее начальство и штабы держали себя въ родѣ высшей касты браминовъ, допуская въ свой кругъ полковыхъ и вѣскольکو батарейныхъ командировъ, все же остальное было въ ихъ глазахъ вѣкоторымъ образомъ ларіи, имѣвшіе специальное назначеніе нести всѣ тягости черной работы, не разсуждать, не роптать никогда,—ни за грубое обращеніе, ни за безцеремонное обхожденіе наградами въ ущербъ справедливости. На всемъ лежала печать какого-то монастырскаго послушанія, постоянного страха предъ начальствомъ, представлявшагося чуть не въ образѣ инквизиторовъ, на то и существующихъ чтобы казнить... Нѣтъ правила безъ исключенія, и, само-собою, въ Дагестанѣ не вездѣ и не всѣ были въ такомъ положеніи; въ другихъ полкахъ удержался другой, болѣе старокавказскій товарищескій духъ; но въ общемъ все-таки культъ служенія лицу, а не дѣлу, дрожаніе предъ начальствомъ и прочіе, сопряженные съ этимъ оттѣнки, слишкомъ ярко замѣчались здѣсь, тогда какъ съ перваго же шага въ средѣ войскъ лѣваго фланга нельзя было не замѣтить преобладающаго духа военного удалства и молодечества, отсутствіе всякой придавленности, мертвенности... Жизнь килѣла, жизнь той воинственной, кровь волнующей лозии которую такъ рельефно изобразилъ графъ Л. Толстой въ своемъ *Набегѣ* и другихъ разказахъ. Если лагерь отряда въ Дагестанѣ или стоянку въ какомъ-нибудь мрачномъ аулѣ можно было сравнить со ставкою партіи квакеровъ, то на лѣвомъ флангѣ сдѣловало сравнивать съ цыганскимъ таборомъ. Еслибы судьба бросила графа Л. Толстаго на службу не въ батарею на лѣвомъ флангѣ, а въ другую, служившую въ Дагестанѣ, мы или вовсе не имѣли бы его прекрасныхъ типичныхъ разказовъ и повѣсти *Казакъ*, или же онъ написалъ бы другіе, но уже совершенно въ иномъ родѣ разказы, въ которыхъ преобладало бы угрюмое, тѣко саркастическое міровоззрѣніе. Впечатанія окружающей природы, обстановка, условія и отношенія, среди которыхъ пришлось бы ему жить въ Дагестанѣ, отразились бы на его творчествѣ неизбежно.

Причины такого рѣзкаго различія между Дагестаномъ и лѣвымъ флангомъ заключались и въ природѣ, и въ характерѣ непріятеля съ которымъ приходилось имѣть столкновенія, и въ самомъ составѣ войскъ, въ Дагестанѣ на половину составленныхъ изъ полковъ 5го корпуса, пробывшаго два года на Кавказѣ и внесшаго элементъ не знакомой и не свойственной Кавказу подавленности. Въ послѣднее время въ Дагестанѣ мы держались оборонительной системы, встрѣчи съ непріятелемъ отдѣлялись рѣдкими и случайными, а въ Чечнѣ, (лѣвый флангъ) напротивъ, каждую зиму дѣйствовали наступательно, и сѣдовательно битвы были неизбежны и чуть не заранѣе по числамъ разчитаны. Въ слѣдствіе этого все столично-аристократическое, все познательно увлекавшееся и честолюбивыми и боевыми мечтами, все искавшее забвенія отъ неудачъ сердечныхъ или даже бѣжавшее отъ преслѣдованія кредиторовъ послѣ извѣстнаго образа жизни въ Петербургѣ стремилось на Кавказъ исключительно на лѣвый флангъ. Эти условія еще усилили уже безъ того рѣзкую разницу въ характеристикѣ двухъ наиболѣе обширныхъ и важныхъ военныхъ районовъ, не говоря о томъ что по особой случайности и главными начальниками на лѣвый флангъ попадали все генералы, по своему характеру, по своимъ взглядамъ и пріемамъ, вполнѣ соответствующіе устоявшемуся въ войскахъ духу. Фрейтагъ, Козловскій, Неостеровъ, князь Барятинскій, баронъ Врангель, при совершенномъ отсутствіи сходства между собою, всѣ одинаково служили поддержкою выработавшагося въ Чечнѣ своеобразнаго военного типа.

Баталіонъ нашъ расположился подъ крѣпостью Грозной въ лагерь собиравшихся туда съ разныхъ сторонъ войскъ. Тутъ были и Алшеровцы, пришедшіе двумя днями раньше насъ изъ Шурмъ, и Темгинцы, и Навагинцы изъ Владикавказа, разные казаки и артиллеристы. Все это мѣсило отвратительную грязь, и кучи народа таянулись по дорогѣ въ Грозную, и обратно. Побывалъ и я тамъ, навѣстилъ Зозулевскаго, походилъ по лавкамъ, изъ которыхъ одна общаго отряднаго маркитанта Лебедева не могла не обратить на себя вниманія: въ ней можно было найти все отъ грошовой сальной свѣчки, махорки, веревки и гвоздей до бутылки рейнш-вейна или лафита въ 8 руб., жестянки съ француз-

скимъ черносаивомъ, стразбургскихъ лироговъ и коробокъ съ дамскими бархатными шалками; рядомъ съ говядиной и свинымъ саломъ можно было получить лучшія деликатесы, вестфальскую ветчину и т. п.

На другой день мы обѣдали у генерала барона Врангеля, въ обществѣ еще другихъ офицеровъ одного изъ пришедшихъ въ отрядъ баталіоновъ. Нечего и говорить что мы были очарованы любезностью хозяина, его радушіемъ, отличнымъ обѣдомъ и господствовавшею за нимъ нестяжательностью, невольнао вызывавшею въ памяти сравненія съ обѣдами у полкового командира Бреневскаго, гдѣ сидѣли какъ бы за судейскимъ, а не обѣденнымъ столомъ.

Возвращаясь въ лагерь, Б—скій все восторгавшійся и не могшій придти въ себя отъ удивленія встрѣтитъ такого генерала, оказалъ мнѣ: однако я не совсѣмъ доволенъ.

— Чѣмъ же вы недовольны? спросилъ я его.

— Я предчувствую что васъ возьмутъ изъ баталіона въ адъютанты или тамъ вообще въ штабъ, но уже возьмутъ, я убѣжденъ въ этомъ; и я останусь одинъ, какъ разъ когда начнутся дѣла и вы мнѣ были бы нужныѣ всего. Я ужъ готоваясь къ этому удару съ нашего прихода сюда, когда баронъ встрѣтилъ васъ какъ стараго знакомаго.

— Будьте увѣрены что никто меня никуда не возьметъ и будемъ имъ попрежнему съ вами тянуть службу во 2мъ баталіонѣ. Но по окончаніи экспедиціи, не скрою, я намѣренъ похлопотать о переводѣ въ Кабардинскій или Куринскій полкъ, потому что мысль возвратиться въ Дагестанъ, въ полкъ, мнѣ крайне непріятна.

— Ужъ не знаю какъ это случится, но убѣжденъ что долго мы съ вами вмѣстѣ не прослужимъ, отвѣтилъ Б—скій.

LXV.

Послѣ нѣсколькихъ дней стояки подъ Грозной, весь собравшійся здѣсь отрядъ (6тъ баталіоновъ, 11 сотенъ казаковъ и 10 орудій) 4го декабря выступилъ къ Устартъ-Гордоевской переправѣ черезъ Аргунъ и въ тотъ же день перешелъ на ту сторону. При переправѣ черезъ эту быструю рѣку, въ морозъ, не легко было лѣхотѣ, особенно нашимъ дагестанскимъ

солдатамъ, не привыкшимъ къ подобнымъ переправамъ, да еще зимою. Для предупрежденія несчастій, казаковъ выстроивали въ водѣ противъ теченія плотными шеренгами. Дошла очередь до моей роты; люди поднявъ ружья и патроны суммы пустились въ воду, а я отсаясь на берегу, предупреждая ихъ держаться другъ за друга и не смотрѣть на воду, а то отъ быстроты теченія кружится голова. Сначала все шло хорошо, но вдругъ одинъ упалъ въ самомъ быстромъ мѣстѣ. Я стегнулъ лошадь нагайкой и бросился за нимъ въ рѣку; на самой срединѣ, когда я нагнулся чтобы схватить уже захлебывавшагося солдата, лошадь моя споткнулась и я бултыхнулся съ нею, окунувшись по горло... Къ счастью я удержался въ сѣдлѣ, лошадь порывистымъ прыжкомъ вынесла меня на тотъ берегъ, а солдата схватили ниже казаки, только ружье его пропало. Положеніе мое было крайне непріятное, тѣмъ болѣе что уже начало смеркаться, холодный рѣзкій вѣтеръ съ изморозью пронизывалъ до костей, а до мѣста, гдѣ отрядъ долженъ былъ остановиться, оставалось еще нѣсколько верстъ. Что могло быть легче какъ схватить при этихъ условіяхъ сильнѣйшую горячку? Весь мокрый, съ салогамъ полными водой, я прошелъ остальную дорогу лѣтшкомъ, и какъ только палатки наши были разбиты, переодевшись, натерся спиртомъ, напился чаю и легъ, укрывшись всѣмъ что могъ найти сухаго. Однако всю ночь у меня зубъ на зубъ не попадалъ и я уже не сомнѣвался что вмѣсто похода грозитъ мнѣ болѣзнь, госпиталь... Къ утру только я заснулъ, и какова же была моя радость, когда часовъ въ семь меня разбудили: я вкопчилъ совсѣмъ здоровый! Уже подливно какъ съ гуся вода.

Палатки мигомъ исчезли, наскоро проглотили чай, и отрядъ, усиленный прибывшими ночью изъ крѣпости Воздвиженской двумя баталіонами Куринскаго полка, тронулся дальше.

Не имѣя въ рукахъ ни дневника, ни хоть бы какихъ-нибудь замѣтокъ, я къ крайнему сожалѣнію вынужденъ ограничиваться скуднымъ запасомъ сохранявшагося въ памяти матеріала; поэтому много характеристическихъ чертъ могущихъ рельефно изобразить и дѣйствующихъ лицъ, и мѣстность, и непріятеля рѣшительно ускользаютъ. Что же касается самыхъ военныхъ дѣйствій, то освѣживъ ихъ въ

памяти официальными документами, а изложу их здѣсь въ самомъ сжатомъ очеркѣ.

Главными цѣли предпринимаго наступательнаго движенія были, во-первыхъ, показать Чеченцамъ, что война съ Турціей не ослабила нашихъ силъ, какъ старался увѣрить ихъ Шамиль, и что мы не только готовы отравить всякое ихъ покушеніе на нашей сторонѣ, но и можемъ продолжать наступательныя дѣйствія, заставляя ихъ или локоряться намъ, или терять лучшія свои плодородныя мѣста и уходить дальше къ горами, гдѣ имъ придется бороться съ нуждой и недостатками пропитанія; во-вторыхъ, имѣлось въ виду разорить ближайшее чеченское населеніе по рѣкѣ Джалкѣ и прорубить здѣсь протѣку, по которой открывалось бы кратчайшее сообщеніе Грозной съ Кумыкскою плодскою, и была бы возможность, въ случаѣ нападенія на нее значительныхъ непріятельскихъ силъ, подать ей отсюда скорую помощь. Существовавшій же до того кружной путь, какъ обнаружилось въ началѣ октября, при вторженіи Шамиля въ Истису, не допускалъ быстрого соединенія войскъ изъ Грозной на поддержку Кумыкской плодскости. Кроме того, густое населеніе Чеченцевъ по Джалкѣ, на самомъ близкомъ разстояніи отъ Суажи и дороги, дѣлало ее такою опасною что движенія по ней возможны были только для сильныхъ самостоятельныхъ колоннъ. Всѣ же обыкновенныя своденія, мелкія команды и т. п. должны были изъ Грозной пробираться за Терекъ, слѣдовать тамъ по Гребенскимъ станицамъ, послѣ въ Шелковой опять переходить на правый берегъ Терека и съ оказіями дѣлать еще тридцативерстный переходъ до Хасавъ-юрта. Все это въ сложности составляло разстояніе около 185 верстъ вмѣсто 70 прямою дорогою.

Въ теченіе пяти дней ежедневно происходило систематическое сжиганіе сплошнымъ рядомъ таявшихъ по Джалкѣ ауловъ и истребленіе замѣчательно громадныхъ запасовъ кукурузы, проса, сѣна и пр. Дымъ отъ этого пожараща густыми черными клубами застилалъ горизонтъ, и невыносимою гарью лахло кругомъ на десять верстъ. Населеніе бѣжало въ чащи лѣсовъ въ паническомъ страхѣ, предоставляя сопротивленіе намъ нѣсколькимъ стамъ челоѣкамъ, избраннымъ набомъ Большой Чечни. Но что они могли дѣлать противъ такого отряда, противъ такой массы

казаковъ и артиллеріи? Происходили ежедневныя перестрѣлки, нѣкоторые смѣльчаки пользовались частыми, трудно проходимыми ортышниками, и подкрадывались на самое близкое разстояніе къ нашимъ цѣлямъ, дѣлая залпы; иные джигитовали на полянкахъ, но какъ только замѣчали что въ обходъ имъ скачетъ какая-нибудь казачья сотня, окрывались въ лѣсъ. Потери наши были весьма незначительны, хотя, какъ я уже говорилъ прежде, по вкоренившемуся обычаю, патроновъ и снарядовъ не жалѣли, и жаря иногда по цѣлымъ часамъ раздавалась такая, гулъ по лѣсу шелъ такой что можно было думать—бой идетъ самый отчаянный, люди валятся тысячами. Вообще, съ первыхъ же дней этого перваго для меня похода по Чечнѣ, я не могъ не замѣтить что не только солдаты, но не мало и разныхъ баталіонныхъ, ротныхъ, батареинныхъ и другихъ командировъ страдали нѣкоторою долей военного шарлатанства, иначе трудно назвать эту слабость—нагрѣмѣть, надѣлать побольше шума, пойти на ура—единственно съ релационными цѣлями. Все это были лхкіе служаки, храбрые люди, отлочно распорядившіеся въ серіозной встрѣчѣ съ непріятелемъ, но любившіе пустить пыль въ глаза, сочинять дѣло во что бы ни стало, хотя бы пришлось для этого безъ надобности пожертвовать даже людьми, не то что патронами и гранатами...

Вмѣстѣ съ разореніемъ ауловъ, отрядъ занимался и исправленіемъ дороги ведущей къ укрѣпленію Умаханъ-юрта, лежащему вблизи впаденія Аргуна въ Сулжу. Сначала прежде было все разстояніе внизъ по теченію Джааки, а 9, 10 и 11го числа мы проходили тѣ же мѣста вверхъ по рѣкѣ, довершая истребленіе запасовъ. Въ послѣдній день со стороны непріятеля оказались попытки къ болѣе упорному сопротивленію: къ Чеченцамъ прибыли подкрѣпленія съ нѣсколькими пушками; но дѣло кончилось, однако, не значительною потерей: у насъ убитъ 1 и ранено 17 человекъ, въ томъ числѣ офицеръ.

Слѣдующіе восемь дней отрядъ провелъ въ лагерѣ вблизи Умаханъ-юрта. Каждый день назначалась колонна изъ трехъ баталіоновъ, 6 сотенъ казаковъ и 8 орудій для рубки просѣки шириной на лущечный выстрѣлъ. Морозы усилились до 12, 15, 17°, иногда еще и съ рѣзкимъ вѣтромъ. Жизнь въ

палаткѣ въ такой холодъ была уже сама по себѣ не изъ пріятныхъ; мы рыли посредиѣ ямы и насыпали въ нихъ горячихъ угольевъ, доводя температуру до такой теплоты что можно было пережвнуть бѣлье, писать и оставаться даже безъ шубы; но это средство сопровождалось тяжестью въ головѣ и опасностью схватить какую-нибудь простудную болѣзнь: пережвнъ температуры въ палаткѣ и внѣ ея была слишкомъ рѣзка. Выступление колоннъ назначалось не позже 4 часовъ утра чтобы къ разсвѣту уже быть на мѣстѣ и начать рубку лѣса, а къ сумеркамъ, то-есть къ пятому часу возвратиться въ лагерь; нужно было въ короткіе зимніе дни выгадывать время и торопиться одолженіемъ работы чтобы сократить пребываніе отряда въ такой холодъ въ полѣ. Ну и встаешь въ три часа, приказавъ предварительно наполнить ямку угольями, а то вѣдь за ночь такъ оскоченъ что и подняться трудно. Въ нѣсколько минутъ въ палаткѣ дѣлается очень тепло, паръ поднимается вверхъ какъ въ банѣ, одѣнешься, выльешь нѣсколько стакановъ горячаго чаю, и разомъ выскочишь изъ палатки на морозъ и насквозь прокизывающій вѣтеръ, да и останешься уже на воздухѣ часовъ двѣнадцати сряду. Что удивительнаго если большинство не только офицеровъ, но и солдатъ, вывостили изъ продолжительной кавказской службы хроническіе ревматизмы, катарры, пораженія слуховыхъ органовъ, и т. л. Многие изъ насъ имѣли еще обыкновеніе при умываніи лить себѣ на голову холодную воду, что доставляло особенное удовольствіе, освѣжая отъ давящаго угарнаго воздуха въ палаткѣ; и никто не понималъ какъ губельно было это обыкновеніе. Переходъ съ мокрою головою отъ температуры + 17 или 18° прямо на вѣтеръ и морозъ—15 или 17°, очевидно долженъ былъ вести къ сильнѣйшимъ катаррамъ. И дѣйствительно, во всей колоннѣ, въ потемкахъ собирающейся предъ лагеремъ, раздавалось постоянное чиханіе и кашляніе. Мнѣ суждено было вынести слишкомъ тяжелыя послѣдствія такой жизни; но думаю что и всѣ другіе участники чеченскихъ зимнихъ экспедицій болѣе или менѣе запаслись недугами удручающими ихъ жизнь въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Въ молодости никто и не думалъ о такихъ пустякахъ какъ сохраненіе здоровья, о соблюденіи основныхъ гигиеническихъ правилъ, да и кто зналъ эти правила? А послѣ, когда послѣдствія дали себя

почувствовать, было уже поздно, болѣзнь запущенна... Что имѣемъ — не хранимъ, потерявши — плачемъ.

Итакъ, бывало въ 4 часа утра, темь непроглядная, выйдешь къ ротѣ, вполголоса поздравляешься (приказано было избѣгать всякаго шума чтобы не обращать вниманія неприятеля и избѣгать перестрѣлокъ вплотымахъ) и пойдешь среди полуотухающихъ костровъ, среди фантастически вырисовывающихся въ дыму солдатскихъ фигуръ въ разныхъ видахъ и позахъ окружающихъ костры, мимо продрогшихъ у коновязей лошадей, какъ-то особенно стоящихъ и фыркающихъ. То заплывешь за какую-нибудь повозку, то попадешь въ какую-нибудь яму или наткнешься на сплошной рядъ коновязей съ сердитыми часовыми изъ артиллеристовъ, грубо гонящихъ — „куда поѣхали, тутъ вѣтъ дороги“, — а темель такая что ни зги не видно и еле-еле выберешься изъ лагеря на дорогу, гдѣ колонна строится по заранее отданной диспозиціи. Происходятъ невольные остановки и нѣкоторая сумятица. Благоразумный, опытный колонный начальникъ понимаетъ неизбежность considerable безпорядка, спутника всякихъ ночныхъ движеній; горячіе же изъ прикомандированныхъ „для участия въ дѣлахъ“ выходили изъ себя, бѣсновались, роптали и напрасно нагоняли только скверное расположеніе духа на войска. Отличался у насъ по этой части генеральнаго штаба полковникъ Р—скій; но это былъ исключительный тилъ какого-то бѣшеннаго сумасброда, котораго слѣдовало передать въ руки психіатровъ, а между тѣмъ онъ очевидно самъ въ глазахъ вышнихъ начальственныхъ сферъ за полезнаго, опытнаго дѣятеля и въ теченіе еще многихъ лѣтъ, въ генеральскихъ чинахъ, занималъ разные видныя должности то на лѣвомъ, то на правомъ крылѣ Кавказской линіи, командовалъ большими отрядами. Толку отъ его дѣятельности, само собою, не выходило никакого; изъ терпѣнія выводилъ онъ всѣхъ, отъ наивысшаго въ край лица до послѣдняго вѣстового казака и фурштата, и только уже въ 1861 году какъ будто окончательно убѣдились въ совершенной непригодности его превосходительства, и онъ оставилъ Кавказъ послѣ двадцатилѣтняго въ немъ пребыванія, увезъ съ собою названіе „самоваръ-лаши“. (То-есть жостянно килящій). Затѣмъ онъ командовалъ дивизіей въ Царствѣ Польскомъ во время возстанія, тамъ тоже что-то

не отличился особою распорядительностью, былъ зачисленъ въ запасныя войска и прожилъ послѣдніе годы за границей, гдѣ, если не ошибаюсь, въ прошломъ году умеръ. Да, это былъ оригинальный типъ и мнѣ еще придется въ послѣдствіи говорить о немъ, такъ какъ судьба свела насъ одне время въ близкія служебныя отношенія.

Къ числу обстоятельствъ, вызывавшихъ распеканія и непріятности, принадлежали преимущественно—собаки. Какъ ни забавно это можетъ показаться, но собаки бывали причиною крупныхъ непріятностей и волненій въ отрядномъ мирѣ. Откуда и какимъ образомъ при всякомъ отрядѣ, особенно въ Чечнѣ, появлялась цѣлая стая собакъ, очевидно протезируемая солдатами, сказать не могу; но дѣло въ томъ что стая непремѣнно слѣдовала за колонной, грывалась, лаяла и мыла, нарушая тишину, о которой, какъ я уже выше сказалъ, заботились во избѣжаніе ночныхъ перестрѣлокъ. Завота, положимъ, резонная до нѣкоторой степени, но не слѣдовало ей придавать особенно важнаго значенія и дѣлать изъ мухи слона: непріятель и безъ того отанчиво зналъ что мы до свѣта пойдемъ на рубку лѣса и что ни задержать насъ, ни нанести особаго вреда онъ не въ состояніи; онъ на ночь располагался въ окрестныхъ аулахъ, укрываясь отъ холода, и далеко не такъ снаряженъ былъ и послушенъ своему начальству какъ нашъ солдатъ чтобы въ 15^ю мороза ночью выходить изъ своей сакаи ради пустой стрѣльбы.

„Чьи собаки? колоть, гнать ихъ, уничтожить!“ раздавались крики; ничего не помогало: гони не гони, собаки не уходили, а колоть ни у кого и руки не поднимались. Отдавались строгія приказанія, возлагалась отвѣтственность на ротныхъ и баталіонныхъ командировъ, и все ни къ чему не вело: въ этомъ случаѣ солдатская оппозиція оказывалась сильнѣе военной дисциплины. Большинство колонныхъ начальниковъ ограничивались двумя—тремя словами неудовольствія; ну а такой какъ Р—скій доходилъ до того что вмѣсто собаки готовъ былъ тутъ же разстрѣлять солдата или еще лучше—ротнаго командира...

Послѣ нѣкоторой суеты, разспросовъ—пришелъ ли такой-то баталіонъ, или батарея, устанавливаній и перебранокъ, колонна наконецъ двигалась. Среди ночной тишины и темноты, въми невольна овладало какое-то тревожное состояніе; напряженные взгляды впередъ и въ стороны, едва

различающія очертанія лѣса, казавшагося чѣмъ-то таинственнымъ, разговоры вполголоса, глухое грохотанье и звakanье орудій по мерзлой землѣ, какіе-то неслышныя звуки вдругъ откуда-то раздававшіеся, все это настраивало людей къ чуткому ожиданію опасности, внезапнаго залпа въ упоръ, засады, и т. п. И хотя это повторялось ежедневно, и мы уже должны бы убѣдиться въ ложности такихъ ощущеній, но они невольно повторялись всякій разъ пока движеніе длилось влотьмахъ. Вообще военныя движенія въ темную ночь вещь крайне утомительная для войскъ и рискованная; самыя опытыя, обстрѣланныя войска легко могутъ отъ какой-нибудь неожиданности растеряться, открыть огонь въ своихъ же или подвергнуться лавинѣ. Къ нимъ саѣдуетъ прибѣгать по возможности только въ неизбѣжныхъ случаяхъ, на мѣстахъ до подробности изученныхъ стоящими во главѣ частей войскъ начальниками. Ночью разстоянія какъ бы удваиваются, малѣйшее препятствіе, въ видѣ небольшого оврага, ручья, кустарника, принимаетъ видъ чего-то неодолимаго; пустѣйшая дорога какой-нибудь повозки задерживаетъ всю колонну, а встрѣча съ малочисленнымъ непріателемъ, сумѣвшимъ воспользоваться неожиданностью, можетъ произвести переломъ и разстройство. Но какъ только показывались первые признаки разсвѣта и густой туманъ начиналъ подниматься, медленно полза вверхъ по лѣсу, все выше и выше, притягиваемый къ себѣ горами,—вся картина вдругъ измѣнялась: начинался говоръ, смѣхъ, закуриваніе трубокъ, все какъ будто выходило изъ невольнаго оцѣлѣнія, оживало и двигалось быстрее, стараясь согрѣть коченѣвшіе члены. Вся собачья стая, видимо обрадовавшись дневному свѣту, бросалась во всѣ стороны въ перегонку за воронами, кувыркалась, каталась по влажной травѣ, выгоняла зайцевъ, бросавшихся безумнѣе отъ страха въ колонну на потѣху солдатъ, поднимавшихъ гамъ, аukanіе и наивнѣйшее веселіе.

„*Шарикъ, Жучка*, ахъ ты шельмецъ этакой!“ приласкивая собаку солдатъ, съ искреннѣйшимъ добродушіемъ, очевидно сосредоточивая на этой кудластой дворняжкѣ потребность въ привязанности и савалъ ей кусокъ хлѣба. И не было никакой возможности разсердиться на него, хотя изъ-за этихъ *Шариковъ* и выходили распеканія и непріятности.

Приходили мы на мѣсто, откуда должна была начинаться

рубка простѣки. Часть пѣхоты съ артиллеріей выдвигалась впередъ занимать какую-нибудь опушку, разсылая пѣхоту и оставалась весь день для прикрытія работъ; въ обѣ стороны на поляны выдвигались казаки; остальные затѣмъ, оставивъ ружья въ козлы, брались за топоры и по лѣсу раздавался стукъ тысячи топоровъ, трескъ валявшихся деревьевъ, крики „берегись“, громкій говоръ; разводились сотни костровъ, дымъ густыми столбами носился кругомъ, раздражая глаза. Не пройдетъ часу, впереди начинается перестрѣлка, сначала рѣдкая, одиночными выстрѣлами, потомъ чаще, чаще, вдругъ затрепещетъ, загудитъ, раздастся гулъ пушекъ, звуки рожковъ, гуки Чеченцевъ, ура!... То стихаетъ, то опять усиливается, скачутъ адъютанты и ординарцы, несутся вдругъ маршъ-маршемъ нѣсколько сотъ казаковъ съ прыгающими по кочкамъ конными орудіями, происходитъ, однимъ словомъ, одна изъ тѣхъ военныхъ сценъ которыя волнуютъ, возбуждаютъ нервы, рвутъ человека въ бой, какъ звуки какого-нибудь страусовскаго вальса увлекаютъ молодежь къ танцу, когда негн какъ бы электризуются и неудержимо готовы пуститься по залѣ....

И досада-жь брала меня въ такія минуты, когда нашъ баталіонъ былъ на рубкѣ и вмѣсто участія въ бою приходилось сидѣть у костра, или лохаживать назадъ и впередъ около своей роты, поучая людей не развлекаться, дѣлать свое дѣло, и наблюдать чтобы были осторожныѣе и не задавило человека сваленнымъ деревомъ, что иногда и случалось и доставляло ротному командиру не мало непріятностей. Когда же нашему баталіону была очередь находиться въ прикрытіи, милѣйшій мой баталіонеръ Б—скій былъ самъ не собой, не скрывалъ предо мною своего смущенія и совершенно терялся... Выходило же однако почти всякій разъ что не такъ страшенъ былъ чортъ какъ его малюютъ, и Чеченцы оказывались далеко ниже своей старой репутаціи отчаянныхъ противниковъ въ лѣсу. Вели они въ этотъ походъ перестрѣлки какъ-то мало, какъ будто для очистки совѣсти, не особенно настаивали и довольствовались тѣмъ чтобы произвести у насъ переполохъ, вызвать усиленную панику, подразнить насъ. Случалось большею частью такъ какъ я уже описывалъ въ прежнихъ главахъ. Много шуму, трескотни, издали могло казаться что идетъ отчаянный горячій бой, люди валятся сотнями, а кончалось дѣло

нѣсколькими ранеными и то больше уже при нашемъ отступленіи, когда Чеченцы, перебѣгая изъ-за одного дерева къ другому, сближались съ нашею цѣлью и стрѣляли почти въ упоръ, или когда мы уже выходили совсѣмъ на поляну, и цѣль наша оставалась олушкѣ, которую они тотчасъ занимали. Въ этихъ случаяхъ мы сейчасъ выдвигали артиллерию и картечью удаляли ихъ назадъ въ лѣсъ.

И нужно сказать что въ то время, въ концѣ 1854 года, Чеченцы уже упали духомъ. Начиная съ возстанія 1840 года, въ первое время ихъ энергія, отчаянная храбрость и ловкость въ лѣсной войнѣ выказались въ полномъ блескѣ; они наносили нашимъ отрядамъ не разъ сильныя потери и—не зачѣмъ скрывать—даже пораженія. Но въ теченіе четырнадцати лѣтъ безпрестанной борьбы, они уже потеряли многихъ лучшихъ людей, у нихъ мы отняли лучшія плодородныя земли, не мало ихъ переселилось къ намъ, ослабивъ количество враждебнаго населенія; ободьщенія и заманчивыя надежды на изгнаніе Русскихъ за Терекъ, щедро расточаемыя Шамилемъ, не только не сбывались, но очевидно становились химерой. Наша система просьбъ, наступательныхъ дѣйствій зимою, разорявшая ихъ въ концѣ и заставлявшая бѣдствовать ихъ семейства, необходимость довольствоваться своимъ хлѣбомъ приводимыя Шамилемъ изъ Дагестана полчища Лезгинъ, не приносявшихъ имъ однако никакой особенной пользы, слишкомъ строгое управленіе наибовъ, и терроръ, посредствомъ коего имамъ усиливался поддерживать чистоту мюридскаго ученія, все это вмѣстѣ сильно поколебало ихъ вѣру въ возможность успѣшной борьбы съ Русскими. Съ каждымъ днемъ они становились слабѣе, а Русскіе сильнѣе и опытнѣе въ войнѣ съ ними. Въ первые годы у нихъ было значительное преимущество въ кавалеріи, превосходившей нашу численностью, отчасти и качествами; въ пятидесятыхъ же годахъ отношеніе было совершенно обратное. Съ образованіемъ новыхъ казачьихъ поселеній, съ появленіемъ на театрѣ войны лихихъ полковъ линейныхъ казаковъ, несшихъ прежде большею частью только конную службу, нѣсколькихъ удалыхъ донскихъ командировъ, сумѣвшихъ довести своихъ Донцовъ до замѣчательнаго молодечества, и наконецъ Нижегородскихъ драгунъ,—чеченской конницѣ, ослабѣвшей количественно отъ потери призывныхъ луговъ, уже не подъ силу было бороться съ

нашею. Бывали времена, въ сороковыхъ годахъ, когда нѣсколько сотенъ нашихъ казаковъ въ виду непріятельской конницы приходилось загонять внутрь лѣхотной колонны какъ въ ящикъ, а теперь стоило только показаться коннымъ Чеченцамъ, наши казаки неслись въ атаку и не только по чистому полю, но верѣдко уже съ излишнимъ неблагодарнымъ въ дѣлѣ, въ аулѣ, черезъ канавы, плетни, не обращая вниманія на преграды, и непріятельскіе всадники показывали немедленно тылъ, луская съ необыкновеннымъ усердіемъ въ дѣло свои нагайки...

Да, времена уже очень тогда измѣнились и видно было достаточно ясно что дви Чечни сочтены, если дѣйствія по принятой системѣ будутъ продолжаться еще нѣсколько лѣтъ съ достаточною энергіей.

Проведя цѣлый день на рубкѣ лѣса, то у костра, когда по мѣткому солдатскому выраженію „спереди Петровки, а сзади Рождество“, то бѣгая взадъ и впередъ чтобы согрѣть ноги, то прикладываясь къ чаркѣ и закусывая, то болтая съ Толстовичемъ, мы бывали чрезвычайно довольны, заслышавъ звукъ барабана „отбой“. Бѣгомъ бросались солдаты къ ружьямъ, стукъ толпоровъ мгновенно умокалъ, фельдфебеля наскоро дѣлали повѣрку людямъ, всѣ нетерпѣливо ждали приказанія отступать, всѣмъ хотѣлось скорѣе въ лагерь къ горячему борщу и палаткѣ. Часамъ къ пяти начиналось обратное движеніе, медленно, въ порядкѣ, съ готовыми цѣлами для поддержки прикрывавшаго баталіона. Иногда при этомъ происходила перестрѣлка пожарче, иногда слабѣе; если колонный начальникъ былъ солидный, старый опытный Кавказецъ, все дѣлалось безъ особой суеты, безъ крику, спокойно, ну, а иной начиналъ суетиться, пороть горячку, маневрировать, безъ толку задерживая только людей, носиться взадъ и впередъ съ громкими приказаніями и очевиднымъ желаніемъ разыграть роль полководца на полѣ сраженія...

Одинъ только день выдавался нѣсколько большимъ боевымъ оживленіемъ. Непріятель очевидно получилъ подкрѣпленія людьми и пушками; но слухамъ, самъ Шамиль явился. Весь день во время рубки лѣса не умолкала горячая перестрѣлка и гремѣли пушечные выстрѣлы. Артиллерія непріятельская, скрытая въ лѣсу, стрѣляла въ насъ ядрами, съ какимъ-то особымъ свистомъ проносясь надъ нашими головами,

изрядкашлепаясь въ размокшую почву между людьми и обдавая насъ брызгами грязи. При отступленіи, Чеченцы съ гикомъ настойчиво наступали на аррьергардную цѣль; пули порядкомъ жужжали мимо ушей и пролизывали частые тонкіе прутья оршника. По мѣрѣ выхода нашего изъ лѣсу перестрѣлка по обыкновенію ослабѣвала, и только нѣсколько десятковъ конныхъ смѣльчаковъ еще провожали насъ своими выстрѣлами, улепетывая назадъ какъ только замѣчали приготовленія нашихъ казаковъ броситься въ атаку. Усиленнымъ огнемъ вызвалъ въ лагерѣ нѣкоторую тревогу, и оттуда были посланы намъ подкрѣпленія, бѣгомъ спѣшившія къ мѣсту рубки. Дѣле обошлось впрочемъ довольно благополучно, работа весь день продолжалась обычнымъ порядкомъ, и мы возвратились, имѣя съ десятокъ раненыхъ.

Такъ продолжалось до 19го декабря. Тянувшіеся онаешникомъ цѣлью по Джаикѣ 17 ауловъ съ огромными запасами были превращены въ груды пепла; дорога на нѣсколько верстъ непроходимаго густаго лѣса была расчищена и уже не могла представить препятствія движенію небольшой колонны. Все чеченское населеніе гнѣздившееся здѣсь бѣжало дальше къ Чернымъ горамъ и бѣдствовало въ лѣсахъ, готовое переселиться къ намъ; удерживаемое лишь бдительнымъ надзоромъ шамилевскихъ наивовъ, оно выжидало удобнаго случая. Вскорѣ часть его прислала къ намъ просить оодѣствія, и подъ прикрытіемъ особой колонны, обезпечившей переправу черезъ Аргуизъ, нѣсколько десятковъ семействъ дѣйствительно успѣли скрытно уйти и поселились вблизи Грозной.

19го числа весь отрядъ снялся съ позиціи и перешелъ къ крѣпости Воздвиженской, гдѣ и расположилась лагерь на берегу Аргуна. Въ теченіе трехъ дней, уже описаннымъ порядкомъ, колонны ходили на такъ-называемую Шалимоку просѣку для ея расчистки отъ новѣйшихъ порослей. Нужно сказать что сила растительности на Чеченской плоскости изумительна: довольно двухъ-трехъ лѣтъ чтобы широкая просѣка, самымъ тщательнымъ образомъ прорубленная, на которой кромѣ пеньковъ ничего не осталось, опять заросла частымъ оршникомъ до того что съ трудомъ можно сквозь него пробираться. Естественно что цѣль просѣки—свободное движеніе войскъ и ланіе Чеченцевъ возможности нести намъ въ этихъ чащахъ пораженія—достигалась только

периодическими, разъ въ два года, расчистками свѣжихъ зарослей. А Шалинская просѣка была одною изъ важнѣйшихъ: она проходила такъ-сказать по самому сердцу Большой Чечни къ одному изъ значительнѣйшихъ ауловъ Шали, игравшему особую роль по относительной зажиточности своихъ жителей, по центральному положенію, по вліянію нѣсколькихъ муллъ и извѣстныхъ наездниковъ. Къ этому аулу нѣсколько разъ пробирались наши отряды, но на пути лежалъ большой лѣсъ, и проходы черезъ него стоили не малыхъ жертвъ. Кроме того, Шамиль, понимая важное значеніе Шали и окружавшей его на нѣсколько верстъ плодородной поляны, устроилъ на протяженіи до полутора верстъ околъ глубиной въ двѣ сажени; тылъ и фланги этого окола примыкали къ густому, трудно проходимому лѣсу, а предъ фронтомъ оборона была усилена засѣками. Этими средоточіями онъ надѣялся преградить намъ доступъ къ Шали и чрезъ него дальше въ глубь самаго густаго чеченскаго населенія, къ которому въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ ни съ какой другой стороны мы еще и не предполагали возможности проникнуть. Работа была дѣйствительно громадная, но никакой особенной пользы непріятелю не принесла. Зимой 1851 года нашими молодцами околъ этотъ былъ взятъ, по лѣсу прорублена просѣка и доступъ на Шалинскую поляну открытъ; а въ 1852 году чрезъ это представилась возможность двинуться отряду, подъ начальствомъ князя Барятинскаго, дальше за Басъ, Шавдонъ, къ Гудермесу и сорвать завѣсу скрывавшую до того отъ насъ эту часть непокорнаго края.

Расчищая эту Шалинскую просѣку въ концѣ 1854 года, мы хотя цѣлые дни и перестраивались съ непріятелемъ, но это уже не были тѣ отчаянныя драки какія происходили вслѣдъ въ 1850—52 годахъ. Тогда Чеченцы, поддерживаемые тысячами толпами, приводимыми изъ дальнихъ горскихъ обществъ, еще вѣрили въ возможность успѣшной борьбы и продолжали съ замѣчательною энергіей и смѣлостью свои качества природныхъ мѣстныхъ бойцовъ; успѣхи наши обходились довольно дорого; потери считались всакій разъ сотнями людей. Но за то съ тѣхъ поръ враги были сломлены. Палъ Шалинскій околъ, русскія войска проникли въ самое сердце Большой Чечни, гордившейся своею неприступностью, заняли аулы, которыхъ со времени

возстанія 1840 года не осквернила нога гауровъ; въѣхоте лихихъ набѣговъ пришлось заботиться о собственной безопасности и каждую зиму спастись въ дальніе лѣса отъ нашего нашествія. Плодородная ласкость, раздольное житіе очевидно ускользали отъ нихъ; оставался выборъ между покорностью Русскимъ или выселенію въ трущобы, не представлявшія возможности безбѣднаго существованія. Наступилъ періодъ колебаній, и хотя борьба все еще продолжалась, болѣе подъ вліяніемъ страха предъ поселившимся вблизи Чечни въ Веденѣ грознаго имама, съ его вездѣ шныравшими опричниками (муртазаками), но, какъ уже сказалъ я, далеко не съ прежнею энергіей и упорствомъ.

24го декабря отрядъ былъ распущенъ на отдыхъ. Мѣстныя войска разошлись по своимъ штабъ-квартирамъ, а наши прибывшіе изъ Дагестана баталіоны ушли въ Грозную и размѣстились по квартирамъ и казармамъ. Здѣсь мы провели восемь дней, въ теченіе коихъ ничего особеннаго не случилось. Я перезнакомился со всѣми офицерами, составлявшими штабъ и свиту барона Врангеля, часто у нихъ бывалъ, что какъ будто внушало милѣйшему моему баталіонеру еще больше уваженія или расположенія ко мнѣ. Мы съ нимъ оставались все время въ наилучшихъ отношеніяхъ, и я рѣшительно отдыхалъ отъ тѣхъ нравственныхъ мукъ какія приходилось испытывать въ предшествовавшее два съ половиною года въ имѣ баталіонѣ.

3го января вечеромъ въ Грозную опять стали собираться баталіоны и казаки, а 4го, чуть разсвѣло, мы уже выступили и опять къ Аргуну. Между тѣмъ былъ распущенъ слухъ что отрядъ идетъ въ противоположную сторону къ рѣкѣ Гойтѣ для рубки просѣки.

День былъ морозный, свѣтлый; солдаты шли весело, живой говоръ раздавался въ рядахъ. Кавалерія выступила раньше и была уже далеко впереди. Подходя къ Аргуну, мы улыбались выстрѣлы и всё какъ-то весело прибавили шагъ, боясь опоздать. Подошли къ Джаикѣ; таетея рядъ недавно сожженныхъ ауловъ; кругомъ все мертво, уныло, талки стальны несутся надъ нами, оглашая воздухъ печальнымъ крикомъ, вполнѣ соответствующимъ картиѣ пожара, разрушенія...

Въ разореванномъ аулѣ Эльмирханъ застали мы отдыхающую кавалерію, которая внезапнымъ появленіемъ разогнала

въ плачевномъ страхѣ часть населенія, убѣжавшаго послѣ нашего ухода въ декабрѣ возвратиться на свои пепелища, надѣясь кое-какъ провести остатокъ зимы и спасти хотя частицу неистребленныхъ запасовъ; нѣсколько человѣкъ неустыжшихъ бѣжать и вздумавшихъ защищаться были изрублены, нѣкоторые взяты въ плѣнъ.

Не давая опомниться изумасному, совсѣмъ не ожидавшему насъ здѣсь неприятелю, мы на другой день прешли густой труднопроходимой Ирзелинскою лѣсою и стали на Шавдонѣ. Прямо предъ нами оказался значительный аулъ Марашъ, съ таявшимися въ обѣ стороны отъ него по берегамъ тонкаго Шавдона аульчиками, жители коихъ считали себя до нашего прихода вполне безопасными. Въ Марашѣ видно было нѣсколько сотъ Чеченцевъ, очевидно собравшихся защищать свой аулъ, прикрытый высокими платнею съ фронта и рощей частаго орѣшника съ обоехъ фланговъ. Можно было ожидать жаркаго дѣла. Однако стремительная атака казаковъ, поневохѣхъ подъ командою генерала Бакалова по открытой полянѣ прямо на аулъ и двинутый въ обходъ баталіонъ заставили Чеченцевъ, послѣ минутной перестрѣлки, укрыться въ лѣсъ.

Не успѣли мы оглянуться, аулъ уже пылалъ со всѣхъ концовъ, затрещали окирды и етога, дымъ густыми клубами поднимался къверху, вой убѣгающихъ людей сливался съ лаемъ перелугаемыхъ собакъ и кудахтаніемъ кружившихся надъ пламенемъ куръ. Потеря наша ограничилась нѣсколькими ранеными, да съ десятокъ убитыхъ лошадей было брошено казаками.

Въ этотъ день мы впервые пришлось увидѣть въ дѣлѣ Якова Петровича Бакалова, донскаго казачьяго генерала, имя котораго уже нѣсколько лѣтъ повторялось по всему Кавказу и въ военныхъ кружкахъ Петербурга. Въ послѣдствіи онъ еще болѣе сталъ извѣстенъ своими дѣйствіями въ Азіатской Турціи и особенно подъ Карсомъ въ 1855 году; наконецъ во время безпорядковъ въ Западномъ краѣ, гдѣ онъ командовалъ нѣсколькими Донскими полками и успѣшно расправлялся съ разными бандами въ Литвѣ.

На Лезгинской линіи и въ Дагестанѣ, уже по свойству самой мѣстности, кавалеріи предоставлялась болѣею частью второстепенная роль, къ тому же и бывшіе тамъ на службѣ Донскіе казаки употреблялись почти исключительно для

службы постовой, конвойной, разсыльной; многие исполняли обязанности полицейскихъ служителей и не то конюховъ, не то лакеевъ. Въ Чечнѣ же, гдѣ кавалеріи постоянно выпадала дѣятельность чисто боевая и встрѣчи съ непріятелемъ имѣвшимъ не мало лихихъ всадниковъ, Донскіе казаки не отставали отъ молодцовъ Кавказскихъ линейцевъ и нередко совершали подвиги, совершенно измѣнившіе установившійся ложный взглядъ на утрату будто бы Донцами прежней боевой удали. Здѣсь я убѣдилась, что не Донскіе казаки были виноваты, а мѣстными условіями, начальства и ближайшіе ихъ командиры.

Нолки ихъ, попадавшіе въ Чечню, подъ командою такихъ офицеровъ какъ Бакаловъ, Ежовъ, Пелаковъ и нѣкоторые другіе показали что можно сдѣлать изъ Донскихъ казаковъ. Когда подъ Марашемъ Бакаловъ построилъ два ряда въ колонны и съ командою „лики на перевѣсъ“ пошелъ маршъ-маршемъ по полямъ къ аулу, изъ котораго прикрытый пластмассъ непріятель открывалъ огонь, когда земля загорѣла подъ копытами тысячи строило всомкнула безъ выстрѣла всадниковъ, а дивизіонъ конныхъ орудій гремѣя по мерзлой землѣ неоса среди этой колонны и въ мгновеніе ока смяла съ передковъ у самой олушки, обдавъ ее картечью, тогда я понялъ какъ неапно было представлеіе установившееся о Донцамъ, какъ о воицахъ „летучекъ“ и штабныхъ выюковъ.

А самъ Бакаловъ! Одной фигуры его было достаточно чтобы воображенію представилась тѣ атаманы - молодымъ которые ходили подъ Азовъ или на Кубань въ XVII столѣтіи, или наводили страхъ на европейскія войска въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка. Косая сажень въ плечахъ, красное каравое лицо, обросшее большими бакенами и усичами, голосъ какъ труба, въ морозъ и самый жестокий вѣтеръ въ одномъ своемъ синемъ чекменѣ съ нагайкой черезъ плечо, зачастую разстегнутый, съ видѣющеюся красною рубахой, ѣдетъ онъ, бывало, на здоровомъ буромъ конѣ, впереди кавалеріи съ трубкою въ зубахъ, смотря хмуро, сентябремъ, съ грубою рѣзкостью отдавая приказанія или отлуская непечатными шуточками и остротами, поднимавшія громкій хохотъ въ ближайшихъ рядахъ. За нимъ его значокъ — подарокъ женскаго монастыря съ Дона: на черномъ полѣ бѣлая мертвая голова и надписокъ

чаю воскресенія мертвых".—Уже одной этой наружности и обстановки довольно было, помимо его несомненной личной храбрости и умѣнія распорядиться, чтобы создать ему славу незауряднаго вѣтаза, не говоря о томъ что такими эффектами легче всего дѣйствовать на прїѣзжіе, артобстрѣлческіе, столичные военные кружки, искавшіе поэзіи и оригинальных картинъ. При болѣе близкомъ знакомствѣ, нельзя было, конечно, не замѣтить что покойный Яковъ Петровичъ былъ не прочь пустить пыль въ глаза, одѣвать подчасъ муху изъ слона, то-есть пустую перестрѣлку превратить въ жаркое дѣло, не жалѣть снарядовъ и артиллерійскихъ лошадей, заставляя при этомъ племяніи по всплаханію тоже тащить пушки на острѣлахъ и катать картечью въ десѣтокъ Чеченцевъ, дракизскихъ нахъ безпрѣдѣлныи лукавіями изъ своихъ винтовокъ. Но это ни чуть не умаляло его достоинства какъ лихаго кавалерійскаго генерала, умѣннаго поставить казаковъ на подобающую имъ роль самой полезной, боевой команды. Въ теченіи зимы съ 1854 по 1855 годъ, я имѣлъ случай сблизиться съ нимъ, заслужить его расположеніе, убѣдиться что онъ былъ къ тому же человекъ разумный и себя на умѣ. Послѣ окончанія войны въ Азіатской Турціи, гдѣ онъ оказалъ не мале важныхъ заслугъ, новый главнокомандующій князь Барятинскій назначилъ его атаманомъ войскъ Донскихъ полковъ на Кавказѣ, затѣмъ, какъ я уже упоминалъ, онъ былъ переведенъ въ Вильну, въ распоряженіе генералъ-губернатора Муравьева. Въ 1867 году я съ нимъ встрѣтился въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, откуда онъ безо всякаго назначенія возвратился на Донъ, гдѣ и умеръ кажется въ 1871—72 году.

Въ послѣдующіе дни отрядъ двигался, сжигая на пути аулы, хутора, истребляя громадное число всякаго рода запасовъ; кукурузы, проса, сѣна, оказывалось такое множество что тутъ я только помалъ, какъ справедливо было названіе Чечки *жизницею* горцевъ. При этомъ прорубались черезъ всѣ лежащія по дорогѣ лѣса просѣлки уже описаннымъ мною порядкомъ. Подослѣвшіи къ Чеченцамъ подкрѣпленія вели съ нами безпрестанную перестрѣлку, пушки ихъ выпускали десятки ядеръ, безъ особаго впрочемъ для насъ вреда. Двигались мы по направленію къ рѣкѣ Гудермессъ, навстрѣчу подходившему съ Кумыкской пласкості отряду барона Николаи.

Бго числа поздно вечеромъ, помню, услышали мы сильную пушечную пальбу и ружейные залпы, встревожившіе весь нашъ лагерь. Всѣ были убѣждены что отрядъ барона Николаи подвергся ночной атакѣ и вѣроятно при движеніи въ какомъ-нибудь тѣсномъ, перестѣнномъ пространствѣ. Убѣжденіе это еще болѣе усилилось, когда вдругъ неожидан-но, непріятель подкрался къ ближайшему отъ насъ лѣсу и началъ стрѣлять по нашему лагерю изъ нѣсколькихъ орудіи,—что заставило немедленно потушить всѣ огни. Я уже говорилъ о ночныхъ движеніяхъ, когда всякая мелочь принимается увеличенныи размыслъ и воображеніе настраи-вается на тревожный ладъ, чуя большую опасность. То же можно сказать и вообще о всякомъ ночномъ дѣлѣ, когда нѣсколько всему придаютъ преувеличенныи размыслы. Такъ и въ этотъ разъ всякому представлялось что происходитъ что-нибудь серьезное, что вѣроятно прибываа большіа скопища горцевъ, остановившіа слабѣйшую часть отряда, а оста-вша обстрѣливаютъ насъ чтобъ удержать отъ движенія на помощь атакованнымъ.

При первыхъ выстрѣлахъ, мы выскочили изъ палатокъ, а когда проспистѣли надъ нашими головами нѣсколько ядеръ, мой бѣдный баталіонеръ порядочно-таки растерялся и сталъ ругать солдатъ и гнать ихъ въ палатки, особенно бранился за то что люди стали смѣяться и отшучивать раз-ныи шуточки по поводу немѣткой стрѣльбы непріятель-скихъ пушкарей. Я потерялась влогазоса уговорить его перестать бранить солдатъ, которыхъ приличіе ободрать въ такихъ случаяхъ, поддерживая въ нихъ такое похва-ное безбоязненное отношеніе къ ядрамъ, а не смущать ихъ, выказывая боязнь... Онъ замолчалъ: но войдя со мною въ палатку не удержался отъ фразы которая вполнѣ характе-ризуетъ человѣка прослужившаго однако тридцать лѣтъ въ рядахъ арміи.

— Ну, не варвары ли этотъ народъ: въ нихъ стрѣляютъ ядрами, а они смѣются. Дикари!

Я воспользовался своими хорошими отношеніями къ нему и высказалъ ему, не стѣсняясь, всю фальшь и неумѣстность его взгляда.

— Да, да, вы правы, сказалъ онъ мнѣ.—Вѣдь я говорилъ вамъ что я вовсе не военный человѣкъ и никакой наклон-ности къ этой службѣ не имѣю. Ковчится война—подамъ въ отставку.

Но крайней мѣрѣ нельзя было упрекнуть человека въ недостаткѣ откровенности...

Черезъ некоторое время стрельба умолкла. Въ лагерь воцарилась тишина. Утромъ загадка разрѣшилась: 6го января, въ день Крещенія, бываетъ полковой праздникъ Кабардинцевъ, изъ коихъ и состояла колонна ихъ полкового командира барона Николая. Вотъ они, расположившись на позиціи въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ, и отпраздновали по кавказскому обычаю: кутнули порядкомъ и сопровождали тосты залпами...

На другой день мы продвинулись дальше и на рѣкѣ Гудермессѣ сошлись съ ними. Начатый наканунѣ кутежъ еще не совсѣмъ окончился; явилась депутація пригласить начальника отряда барона Врангеля на закуску. Съ нимъ пошли и нѣсколько человекъ офицеровъ, приглашенныхъ отъ всѣхъ баталіоновъ, въ томъ числѣ и я. Никакія отягиванія не помогли, и подвыпили мы у Кабардинцевъ таки порядочно. Тутъ я въ первый разъ познакомился съ этимъ молодецкимъ изъ молодецкихъ старыхъ Кавказскихъ боевыхъ полковъ, не думая еще что вскорѣ судьба кинетъ меня и совсѣмъ въ его среду. Особенно запечатлѣлось у меня въ памяти знакомство тогда съ однимъ изъ ротныхъ командировъ, штабсъ-капитаномъ Василиемъ Александровичемъ Гейманомъ, нынѣ извѣстнымъ героемъ Ардагана и Девебойну, къ сожалѣнію унесеннымъ въ могилу тифомъ.

Пройдя затѣмъ къ укрѣпленію Умаханъ-юртъ, около котораго разбили лагерь, соединенные отряды въ теченіе недѣли рубили просѣку, окончательно открывшую возможность свободного движенія войскамъ между Грозною и Кумыкскою плоскостью, и лишили массу Чеченскаго населенія весьма значительной полосы плодороднѣйшей сѣверной части Чеченской долины, которую они уже вынуждены были оставить и выселиться дальше къ горамъ, или перейти на жительство въ покорные намъ аулы, и такимъ образомъ мы удаляли отъ Суажи и своихъ сообщеній постоянно угрожавшихъ хищническими набѣгами непокорныхъ Чеченцевъ. Морозы стояли сильныя: доходило до 17°, снѣгу вылаало тоже порядочно, жизнь въ палаткахъ и вообще служба была не изъ легкихъ, хотя благодаря сбилію льса костры не потухали и случаевъ обмороженія я не помню.

Въ одинъ изъ этихъ дней баталіонъ нашъ былъ не на очереди и оставался въ лагерь. Побѣждая съ Толстовымъ,

мы вышли изъ палатки и прогуливались взадъ и впередъ, разсуждая о близившемся окончаніи похода и перспективѣ возвращенія въ опротивѣвшій намъ Дагестанъ. Я высказалъ ему мою рѣшимость на другой же день отправиться въ штабъ и попытаться выпросить перевода въ Кабардинскій или Куринскій полки. Онъ въ свою очередь чуть не со слезами на глазахъ сталъ упрасивать меня не оставлять его на жертву въ Дагестанскомъ полку, гдѣ безъ меня ему просто погибать придется.

Во время этого разговора, когда, признаться сказать, меня брало полнѣйшее сомнѣніе въ успѣхѣ предположеннаго ходатайства о переводѣ, подходитъ казачій урядникъ, ordinarily, и спрашиваетъ: гдѣ здѣсь Дагестанскаго полка поручикъ Зиссерманъ?

— А что тебѣ нужно? говорю; я поручикъ Зиссерманъ.

— Такъ пожалуйста къ начальнику отряда, барону Раингею.

Мы съ Толстовымъ только вопросительно взглянули другъ на друга, недоумѣвая зачѣмъ меня требуютъ и боясь даже высказать невольную радостную догадку о возможности быть взятымъ въ штабъ.

Я послѣднимъ привѣсилъ шашку, оправиться и пошелъ къ штабнымъ палаткамъ. Смотрю, баронъ Врамгелъ ходитъ взадъ впередъ у своей ставки. Я подошелъ и явился по принятой формѣ.

— А, здравствуйте. Я посылалъ за вами чтобы одѣлать вамъ предложеніе. Отрядъ скоро будетъ распущенъ, баталіоны ваши уйдутъ въ Дагестанъ: не желаете ли остаться здѣсь при моемъ штабѣ?

Мое волненіе, моя радость были такъ сильны что я сумѣлъ только поклониться...

Сейчасъ же было послано письменное приказаніе Б—скому о моемъ откомандированіи и назначеніи офицера для принятія отъ меня роты.

— А что, воскликнулъ Антонъ Ивановичъ, — не говорилъ я что такъ будетъ, не предчувствовалъ я что намъ не дадутъ съ вами долго послужить? Вотъ такъ всегда моя преслѣдовала судьба: какъ только попадешь ко мнѣ въ баталіонъ хорошій офицеръ, тотчасъ его въ полковой штабъ или куда-нибудь въ адъютанты!

— Очень вамъ благодаренъ и за преувеличенное доброе мнѣніе, и за расположеніе; но я такъ радъ что готовъ,

кажется, въ присадку пуститься. Желаю вамъ всего лучшаго въ Дагестанѣ, желаю вамъ самыхъ лучшихъ ротамъ командировъ. Дастъ Богъ еще увидимся.

Снаобо Б—скому: и поздравилъ онъ меня, и пожеланій всакихъ, и предсказаній блестящей будущности не могушился онъ высказать самымъ искреннимъ образомъ. Звѣсть тотчасъ назначилъ офицера принять отъ меня роту, приказавъ ему ограничиться самымъ наружнымъ, формальнымъ пріемомъ: „я беру на себя отвѣтственность самимъ чего-нибудь не доставало“, прибавилъ онъ.

На другое же утро я перебрался въ отрядный штабъ, гдѣ были самымъ дружескимъ образомъ встрѣчены и отарыны знакомыя, адъютантъ барона Врангеля Зазулевскій, и другіе штабныя. Сейчасъ же началась другая служба, другія отношенія, другія впечатлѣнія и начался я дѣло.

Однимъ изъ первыхъ моихъ просьбъ къ моему споску спонсодителю-добрѣйшему начальнику была просьба о переводѣ въ одинъ изъ полковъ 4-го фланка Толстова; порцію коего я разказывалъ вкратцѣ. Баронъ приказалъ мнѣ вытребовать его и представить ему на смотръ, что я само собой тотчасъ и исполнилъ.

Толстовъ явился молодцомъ, вполне походившимъ солдатомъ, бойко отвѣтилъ на всѣ вопросы, стоялъ и поворачивался по уставу. Когда онъ ушелъ, баронъ приказалъ мнѣ передать дивизионному адъютанту чтобъ отдалъ приказъ по дивизіи о переводѣ Толстова въ Кабардинскій полкъ. О его восторгѣ распространяться нечего.

Послѣдніе два-три дня похода я уже фигурировалъ въ числѣ сѣдовавшей за начальникомъ войскъ свиты адъютантовъ и ординарцевъ, скакалъ въ разныя стороны для передачи приказаній или собранія свѣдѣній, и т. п. Къ этому присоединилось особое порученіе: явиться къ полковнику Р—скому и состоять при немъ въ качествѣ помощника на время занятій его по составленію реляціи о послѣднихъ дѣйствіяхъ отряда. Помощь моя, впрочемъ, выразилась тѣмъ что Р—скій поручилъ мнѣ наблюдать за исправною перепиской писаремъ его сочиненій. Самъ же, какъ кровавый офицеръ генеральнаго штаба, наморщивъ чело, сидѣлъ съ перомъ въ рукахъ и мнилъ себя творцомъ знатной эпопеи...

14 января 1855 года отрядъ совершенно закончилъ свои дѣйствія, и мы чрезъ Старый-юртъ возвратились въ Грозную;

РАЗКАЗЫ ИЗЪ 1813 ГОДА*

(UT DE FRANZOSENTID)

ФРИЦА РЕЙТЕРА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НИЖНЕ-НѢМЕЦКАГО.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Фридрихъ переводить медальнику прусскій девизъ *Suum cuique* и отправляется ловить Француза.—Медальнику приходитъ мысль что онъ съѣзъ прямо въ муравейникъ.

— Хозяинъ, сказалъ Фридрихъ, когда они выбрались съ медальницы и шагомъ ползали по невылазной грязи дороги,—видали вы какъ иной разъ старуха разобьетъ горшокъ да и начнетъ прикладывать одинъ черепокъ къ другому: вѣдь вотъ де какъ оно было?

— Къ чему ты это говоришь? спросилъ старый медальникъ.

— Нѣтъ, это я такъ, сказалъ Фридрихъ и началъ помахивать кнутомъ надъ лошадьми, какъ будто онъ хотѣлъ отогнать отъ нихъ мухъ.

Медальникъ сидѣлъ задумавшись. Черезъ нѣсколько времени Фридрихъ опять обратился къ нему съ вопросомъ:

* См. Русск. Вѣстн. № 5. 1878 г.

— Хозяинъ! выдали вы мальчишку который вылетит изъ рукъ воробья, смотреть себя въ пустой кулакъ и говорить: тю-тю?

— Ты это къ чему? спросилъ мельникъ.

— Нѣтъ, это я такъ, сказалъ Фридрихъ.

Мельникъ опять замолчалъ. Въ головѣ у него бродили разные мысли. Онъ рѣшалъ въ умѣ задачу на тройное правило и разчитывалъ сколько къ Святой будетъ стоить мѣра ржи если онъ не заплатитъ завтра денегъ Жиду; выходили все какія-то дробы. Между тѣмъ они все ѣхали и ѣхали. Наконецъ Фридрихъ на половину обернулся къ мельнику и спросилъ:

— Хозяинъ! задефе вы посудину: не выливай грязной воды пока не зачерпнешь чистой?

Мельника начали сердить эти вопросы. Онъ нѣсколько времени молчалъ, соображая что бы она могли значить, потомъ отставилъ нижнюю губу и сказалъ:

— Послушай! ты это что же? колкости что ли ты это говоришь?

— Колкости? спросилъ въ свою очередь Фридрихъ.— Сохрани Богъ! это я просто такъ. Вотъ я еще знаю пословицу: что у кого есть, то и его. У насъ, Прусаковъ, въ гербѣ орелъ, а подъ нимъ латинскій стихъ. Если его читать вслухъ, такъ выходитъ то же самое какъ если ущипнуть и хвостъ морсесенка. У насъ въ ротѣ былъ фельдфебель изъ студентовъ; онъ этотъ стихъ понималъ и переводилъ что онъ значить: держи, говорить, крѣпко что у тебя есть и бери что можешь взять. Эта поговорка всегда годится, особенно въ военное время.—Тпруу! крикнулъ онъ и опять обернулся.—Послушайте, хозяинъ: пусть будетъ проклято колѣйка которую я когда-нибудь въ свою жизнь украду или возьму у своего товарища, и пусть будетъ проклято какое зерно овса или ржи которое я утаю отъ своего хозяина; но въ военное время—дѣло совсѣмъ иное. Турокъ и Французъ—враги государства, а врагъ государства ничѣмъ не лучше врага рода человѣческаго, и Господу Богу пріятно если кто хорошенько защемятъ чорту хвостъ. Что говорилъ нашъ старый полковникъ? „Врагу“, говоритъ, „сѣдуетъ вредить всѣмъ мѣрами“. Вотъ у насъ тутъ она такая мѣра и есть.—И онъ показывалъ на чемоданъ Французъ.

— Оставь это! сказалъ отрывисто мельникъ,—это дѣло конченое; я не хочу связываться съ этою исторіей, отъ

дешьга въ правленіе и шабашъ. Жаль одного: нельзя мнѣ Француза туда представить. Фихенъ вонъ тоже говоритъ что тутъ не долго до бѣды.

— По мнѣ—какъ знаете! сказалъ Фридрихъ. Ну!—онъ ударилъ по лошадямъ.—Иные слушаютъ мужчинъ, иные—женщинъ. Я женскимъ совѣтамъ не вѣрю.

— Да вѣдь и я только изрѣдка, сказалъ мельникъ.

Они опять медленна потащились далѣе. Черезъ нѣсколько времени Фридрихъ опять заговорилъ:

— Хозяинъ! кто этотъ высокій паренекъ который сегодня утромъ пришелъ на мельницу?

— Это сынъ Иохана Фосса, тотъ самый съ которымъ я веду тяжбу. Нравится онъ тебѣ?

— Я видѣлъ его только съ тыла. Ничего. Славный выйдетъ гренадеръ.

— Онъ говоритъ что хочетъ со мною сойтись миромъ.

— Ну, такъ значитъ онъ хорошій человекъ. Худой миръ лучше доброй ссоры.

— Онъ будетъ меня ждать на мельницѣ пока я вернусь.

— Вотъ какъ! сказалъ Фридрихъ и опять обернулся на половину.—Знаете что, хозяинъ? оставьте-ка его лучше покончить дѣло съ Фихенъ. Это будетъ всего вѣрнѣе.

— То-есть какъ же это? спросилъ мельникъ.

— Да также, сказалъ Фридрихъ.

Онъ наклонился впередъ, пристально посмотрѣлъ вдаль, сунулъ вожжи въ руки мельнику, спрыгнулъ съ повозки, отвязалъ отъ нея лошадь стрѣлка и, прежде чѣмъ мельникъ успѣлъ понять въ чемъ дѣло, окрылся съ нею въ глубокомъ пограничномъ рвѣ вырытомъ близь дороги. Онъ привязалъ здѣсь лошадь къ терновому кусту, такъ что она совершенно исчезла изъ глазъ мельника, и опять вернулся назадъ.

— Чтѣ съ тобою дѣлается? спросилъ его мельникъ.

— Чтѣ со мною дѣлается? Я увидалъ что-то недоброе. Тамъ, впереди, по Ставенгагенскому городскому выгону ѣдутъ двое какихъ-то людей; у нихъ что-то сверкаетъ когда на нихъ падаетъ солнце. Это Французъ, и еслибъ они увидали у насъ совѣтъ осѣдланную французскую лошадь, то намъ долго пришлось бы съ ними разговаривать.

— Это правда, сказалъ мельникъ.

Они подѣхали къ Ставенгагенскому лѣсу. Фридрихъ

показалъ кнутомъ на солому еще лежавшую подъ деревьями и сказалъ:

— Вотъ гдѣ я его положилъ.

— Хорошо еслибъ онъ еще и теперь тутъ лежалъ, сказалъ мельникъ Фоссъ.

— Нельзя и требовать этого, хозяинъ. Сегодня ночью дождь лилъ какъ изъ ведра, а теперь подъ деревьями отъ него нѣтъ защиты.

— Это правда, возразилъ мельникъ. Они еще толковали про это дѣло когда къ нимъ лоды́хали двое Французовъ и спросили дорогу къ Гиловской мельницѣ потому что здѣсь былъ перекрестокъ. Мельникъ не успѣлъ еще отвѣтить, какъ Фридрихъ показалъ уже имъ дорогу въ противоположную сторону. „Далеко ли это?“ спросили Французы. „Совсѣмъ рукой подать,“ отвѣтилъ Фридрихъ, и Французы лоды́хали по указанному направленію.

— Въ своемъ ли ты умѣ? спросилъ мельникъ и покачалъ головой.—Что тебя лукавый что ли попуталъ? Да вѣдь они сколько ни будутъ ѣхать, а лошади-то у нихъ все будутъ смотрѣть хвостомъ къ Гиловской мельницѣ. Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

— Хозяинъ, сказалъ Фридрихъ,—этотъ народецъ не привезетъ въ домъ добра; я не хочу ѣсть по утрамъ разогрѣтую капусту.

— Про какую ты капусту говоришь? спросилъ мельникъ.

— Да про такую же. Вотъ видите ли, хозяинъ: какъ знать? можетъ быть эти двое, пріѣхавъ на мельницу, влюбятся въ нашу Христиану и пойдутъ за нею въ коровникъ. Можетъ имъ тамъ покажется тѣсно и они выведутъ вашихъ двухъ послѣднихъ коровъ, да по забывчивости погонятъ ихъ предъ собою. Тогда по утрамъ ужъ нельзя будетъ хлебать молоко, а придется приниматься за капусту; ну, а я капусту не люблю.

— Все можетъ-статься, сказалъ мельникъ.

— А то вѣдь можетъ-быть что они совсѣмъ и не о коровахъ думаютъ, сказалъ Фридрихъ.—Это два жандарма. Они вѣроятно ищутъ совсѣмъ другаго, и я думаю, хозяинъ, что намъ нужно благодарить Бога за то что мы уѣхали изъ дома. Смотрите, хозяинъ, они ищутъ Француза, или можетъ-быть даже и васъ! Кто знаетъ что случилось въ городѣ!

Можетъ-быть тамъ уже все извѣстно и Фихенъ пожалуй что и права. Теперь я самъ былъ бы радъ еслибы Французъ былъ въ нашихъ рукахъ.

— Да про что же я толкую! воскликнулъ мельникъ.

— Да, сказалъ Фридрихъ,—вотъ адѣсь онъ лежалъ, а потомъ всталъ и пошелъ вотъ тутъ. Вотъ и сѣды его въ гниѣ, а вотъ, посмотрите: солома которую онъ еще тащилъ нѣсколько времени съ собою. Онъ пошелъ въ Гюльцовъ. Я теперь приведу вамъ его лошадь, поѣзжайте въ правленіе и сдайте ее тамъ вмѣстѣ съ чемоданомъ, а я пойду вслѣдъ за Французомъ и словлю его.

Сказано, сдѣлано. Лошадь опять привязали, а Фридрихъ пошелъ чрезъ лѣсъ въ Гюльцовъ и разсуждалъ самъ съ собою. Дюмуррь! говорилъ онъ, однако заварилъ я мельнику кашу. Фихенъ-то оказывается умнѣ насъ всѣхъ. Ну, ужъ если только можно найти Француза, то я его схватаю!

Мельникъ поѣхалъ далѣе по направленію къ городу. Въ головѣ у него ходили разныя мысли и онъ въ недоумѣніи чесалъ себѣ затылокъ.—Господи, Боже мой! говорилъ онъ, еслибы не Фихенъ, сидѣть бы мнѣ теперь подъ замкомъ и за рѣшоткой. Да я еще и теперь не выпутался. Куда! самая дьявольщина-то только что начинается. А вотъ теперь еще и дождь пошелъ. Вѣдь вотъ какъ полилъ!

Онъ подѣхалъ къ городскимъ ригамъ. Первый кто ему встрѣтился былъ хлѣбникъ Виттъ. Онъ стоялъ съ возомъ соломы предъ своею ригой и сейчасъ же вступилъ въ разговоръ:

— Здравствуй, кумъ. Что за чортъ? какъ къ тебѣ попала французская лошадь?

— Да вотъ лоди ты! сказалъ мельникъ Фоссъ, и въ немногихъ словахъ разказалъ ему все происшествіе.

— Плохія твои дѣла, сказалъ хлѣбникъ. Весь геродъ биткомъ набитъ Французами; тебѣ не провести лошади безъ того чтобъ они ее не увидали. Поставь ка ее ко мнѣ въ ригу, у меня тутъ есть мѣсто.

Лошадь поставили. Хлѣбникъ Виттъ вынулъ свой круглый мѣдный гребень и началъ имъ снизу вверхъ приглаживать свои сѣдые волосы. Онъ все качалъ головою и заговорилъ опять:

— Отецъ, ты впутался въ такое дѣло отъ котораго тебѣ можетъ быть много хлопотъ. Въ замкѣ должно быть также

не все въ порядкѣ. Господинъ президентъ прислалъ сегодня за хлѣбомъ въ половинѣ восьмага, вмѣсто половинъ одиннацатаго, а Фрицъ Зальманъ разказывалъ что дѣвица Вестфаленъ скрылась и никто не знаетъ гдѣ она теперь находится. Часовщика залерли въ тюрьму, это ужъ я самъ видѣлъ своими собственными глазами, и люди толкуютъ про военный судъ и про разстрѣланіе.

— Господи сохрани и помилуй насъ! воскликнулъ старый мельникъ.—Да вѣдь это значить что я прямехонько такъ: сѣлъ въ муравейникъ! Ну да ужъ тутъ ничего мельзя сдѣлать нужно отвезти чемоданъ къ президенту въ замокъ. Отецъ я поѣду кругомъ города до зеленыхъ воротъ которыя ведутъ въ садъ замка и около нихъ приважу своихъ лошадей. Дойди до нихъ потомъ и поставь ихъ куда-нибудь къ себѣ въ вѣрное мѣсто, а если меня посадятъ въ тюрьму, поѣзжай на мельницу и разкажи объ этомъ какъ-нибудь исподовомъ моей женѣ и дочери. А молодому человѣку, котораго ты тамъ у меня встрѣтишь, скажи чтобъ онъ по родственному сдѣлалъ мнѣ одолженіе, присмотрѣлъ бы за мельницей и за хозяйствомъ и не покинулъ бы женщинъ.

Хлѣбникъ Виттъ обѣщалъ все это сдѣлать. Мельникъ подѣхалъ къ саду замка, привязалъ лошадей и хотѣлъ вѣсти чемоданъ въ замокъ, какъ вдругъ чрезъ ворота промчался кучеръ старика Роггенбома на четверкѣ карачовыхъ. Онъ гналъ лошадей во весь духъ, такъ что грязь летѣла ему прямо въ лицо, и кричалъ: пусть лучше мнѣ грязь заплѣтитъ всѣ глаза чѣмъ отдать лошадей на муку!

За нимъ слѣдомъ мчался по лугу на парѣ буланыхъ старикъ Цанмеръ изъ Гюльцова и говорилъ:

— Этого еще не доставало! прямо вести лошадей къ водерамъ!

Старый Адлеръ изъ Ставенгагена ѣхалъ верхомъ на своей старой клячѣ, подгонялъ ее каблуками и разговаривалъ съ нею вслухъ:

— Не хочется тебѣ, старуха, таскать лушки? не намѣ это дѣло? Нѣтъ; я лучше сведу тебя въ лѣсъ и приважу тамъ въ ямѣ изъ которой копаютъ песокъ. Все равно! вѣтъ-то тебѣ и дома нечего.—Пошлетъ же Господь такой дождь!

Адлеръ былъ покрытъ отъ дождя мѣшкомъ; въ то время мѣшки закрывали непромокаемая пальто. Когда мельникъ вошелъ въ садъ, онъ увидалъ что послѣдній былъ положенъ

народа, лошадей и повозокъ; лошадей прятали за кустами и за валомъ, дергали ихъ назадъ и впередъ, притаивались съ ними; каждому хотѣлось укрыться повѣрше.

— Мельникъ Фоссъ, сказалъ сынъ старосты Бессердихъ изъ Гюльцова, припрятывайте вашихъ лошадей. Всякій у кого есть хотя немного разума въ головѣ пользуется теперь дождемъ: Французы все попрятались по домамъ какъ тараканы.

Но старый мельникъ вытянувшись во весь ростъ шелъ далѣе и несъ въ замокъ свой чемоданъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ какомъ видѣ наша дѣвица Вестфаленъ свою кровать и почему она поручила Каролинѣ ударить себя раза два по затылку. — Почему Фрицъ Зальманъ разбилъ трубки господина президента, а французскій поковникъ едва не вынулъ своей шпаги.

Если кто-нибудь хочетъ разказывать исторію какъ садуетъ, то онъ долженъ поступать при этомъ также какъ поступаютъ пахари когда они обрабатываютъ поле: идти все прямо впередъ и не оставлять по дорогѣ ни сучка, ни задоринки. Но какъ бы ни старался пахарь, а ему все-таки приходится возвращаться назадъ и подправлять то здѣсь, то тамъ. То же самое и со мною. Я долженъ нѣсколько вернуться назадъ, прихватить дѣвицу Вестфаленъ и господина Дрой, и потомъ опять идти по прямой линіи впередъ.

Въ то самое утро когда мельникъ съ головою болью глубокомысленно смотрѣлъ на свои салоги, дѣвица Вестфаленъ одѣлась какъ садуетъ, потому что она любила порядокъ, и стала было уже надѣвать свой чепчикъ. Но онъ ей что-то не показался — дѣвица Вестфаленъ была очень опрятна — и она пошла къ себѣ въ комнату достать чистый чепчикъ.

Она постучала въ дверь и спросила: господинъ Дрой, вы совсѣмъ одѣты?

— Вуй, сказалъ часовщикъ.

Она отворила дверь. Мать Пресвятая Богородица! На что была похожа ея комната!

Дѣвица Вестфаленъ во всю свою жизнь еще не видывала ничего подобнаго. Ночью она дошла только до корридора и не заглянула черезъ порогъ. Пологъ у кровати былъ проломленъ; поперекъ двери растянулся одинъ изъ Французовъ среди бѣлыхъ кисейныхъ занавѣсокъ и курилъ изъ глиняной трубочки; подъ головой у него лежалъ ея новый матрацъ, бѣлый съ красными полосками. Другой Французъ сидѣлъ на ея креслѣ и закрывъ себѣ ноги ея новою стаметою юпкой. Господинъ Дрой дѣлился въ ногахъ кровати и на лицѣ его, выглядывавшемъ изъ-подъ мѣховой шапки, изображались печаль и уныніе. На что стала похожа ея маленькая комнатка! Она всегда была предметомъ ея гордости, ея игрушкой; дѣвица Вестфаленъ неограниченно распоряжалась въ ней, содержала ее въ чистотѣ и порядкѣ, собственными руками стирала пыль и все прибирала. Она не позволяла никому, не позволяла даже своей хозяйкѣ до чего-либо дотронуться здѣсь или что-нибудь переставить.

„Нѣтъ, говорила она, — хозяйка наша хорошая дама, но я ей не доверяю съ того времени какъ она уронила на полъ мою вилку латаря.“

И что же она видѣла теперь! Все было сдвинуто съ мѣста и опрокинуто; въ комнатѣ носились густыя облака табачнаго дыма; платья ея были сорваны со стѣн и лежали на полу вѣхотѣ съ ружьемъ господина Дрой и киверомъ Француза; ея кровать, ея прекрасная кровать, стояла посреди комнаты. Кровать эта была ея собственная; кумъ дѣвицы Вестфаленъ, столяръ Рейссъ, — старикъ Рейссъ, а не молодой — сдѣлалъ ей эту кровать изъ того же самаго дерева изъ котораго она заказала ему свой гробъ. Она сама спрала вилки для полотна нужнаго на оба эти предмета; мужъ ея пріятельницы ткачихи Стадъ соткалъ ей полотно „и довольно порядочно“, говорила она, „только каждое полотнище пальца на два уже чѣмъ бы слѣдовало, и это очень глупо съ его стороны, потому что я женщина полная и онъ долженъ это знать.“ Жена президента хотѣла подарить ей перья и лухъ на лерину и подушки, но дѣвица Вестфаленъ не согласилась и заплатила за нихъ деньги, „потому что“, говорила она, „я хочу своими трудами заслужить себѣ локоть на этомъ и на томъ овѣтѣ, и въ этомъ состоитъ моя гордость.“ Когда кровать была совсѣмъ готова и

постель на нее постлана, дѣвица Вестфаленъ купила себѣ двѣ пары бѣлыхъ кисейныхъ занавѣсокъ и пришила ихъ къ пологу. Потомъ она отошла шага на три отъ кровати, остановилась среди комнаты, полюбовалась, кивнула головой и сказала своей хозяйкѣ: „Сударыня, конецъ дѣло вѣнчается!“ Теперь вся постель была разметана, а вѣнцы ея, бѣлыя кисейныя занавѣски лежали на полу.

Дѣвица Вестфаленъ сначала остановилась какъ пораженная громомъ и смотрѣла сквозь табачный дымъ какъ полная луна выглядываетъ чрезъ вечерній туманъ. Потомъ она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ господину Дрой, лицо ея покраснѣло какъ дно большаго мѣднаго котла въ ея кухнѣ, челчикъ отъ гнѣва задрожалъ на ея головѣ, но она ничего не сказала кромѣ трехъ словъ: „Что это такое?“ Господинъ Дрой началъ что-то бормотать; она пристально посмотрѣла ему въ лицо и сказала: „Вы лжете, господинъ Дрой! Вы лгали сегодня ночью, вы лжете и утромъ. Я изъ милосердія дала вамъ мою кровать—и вотъ какъ вы меня отблагодарили!“ Съ этими словами дѣвица Вестфаленъ подошла къ своему комоду, вынула себѣ чистый челчикъ и хотѣла уже выдти изъ двери, но увидѣла что ея прекрасная перина на половину свѣсилась съ кровати на полъ. Ей сдѣлалось ужъ очень жаль перины. Она хотѣла поднять ее, но по несчастію взялась руками прямо за то мѣсто которое было подмочено водою. „Фу!“ сказала она и бросила перину прямо на голову господину Дрой, „этого еще только не доставало!“ И она выскочила изъ двери съ такимъ достоинствомъ и величіемъ съ какимъ шествуетъ невинная жертва которую ведутъ на казнь.

Французы смѣялись и кричали что-то по-своему, но она не обращала на нихъ вниманія. Въ корридорѣ ей попался на встрѣчу французскій полковникъ который въ полной формѣ вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ выходилъ изъ голубой комнаты. Онъ учтиво поклонился ей. Дѣвицѣ Вестфаленъ въ эту минуту было не до вѣжливостей; но какъ аукнется такъ и откликнется, а по чину и честь. Дѣвица Вестфаленъ присѣла въ свою очередь, сказала „добраго утра, господинъ полковникъ фонъ-Толль!“ и хотѣла идти далѣе. Но полковникъ остановилъ ее.

— Позвольте, сказалъ онъ. — Мнѣ нужно поговорить съ господиномъ президентомъ. Гдѣ я могу его найти?

Дѣвица Вестфаленъ подумала что съ нею сдѣлается ударъ.

— Чего вы желаете? спросила она съ изумленіемъ.

Французъ еще разъ повторилъ свое требованіе.

— Да, развѣ это возможно? сказала дѣвица Вестфаленъ. — Вы хотите говорить съ нашими президентомъ съ полковникомъ восьмью?

Французъ оставался при своемъ.

— Господинъ полковникъ фонъ-Толль, сказала она, — въ моей комнатѣ въ эту ночь все перевернуто вверхъ дномъ и я, къ несчастію, ничего не могу противъ этого сдѣлать; но никто не долженъ сказать про меня чтобъ я помогала вывернуть свѣтъ наизнанку. Положимъ, нашъ президентъ спать не по христіанскому обычаю; но онъ въ этомъ домѣ владыко и можетъ спать и дѣлать все остальное какъ ему угодно. Никакой царь, ни даже самъ нашъ герцогъ Фридрихъ-Францъ не заставитъ меня участвовать въ возмущеніи противъ домашнихъ порядковъ.

Полковникъ сказалъ что въ такомъ случаѣ онъ самъ все сдѣлаетъ, учтиво отодвинулъ дѣвицу Вестфаленъ и пошелъ по лѣстницѣ вверхъ.

— Господи сохрани меня и помилуй, сказала дѣвица Вестфаленъ и руки у нея опустились. — Вѣдь онъ разбудитъ президента! Разбудитъ! сказала она, усмысливъ что Французъ вошелъ въ комнату старика. — Тебя еще не оставало, тонконожка оканная, прибавила она когда адъютантъ пошелъ въ ея комнату къ господину Дрой, и съ этими словами отправилась въ кухню.

— Слушайте, сказала она обѣимъ работницамъ, — нынѣшній день плохо начался и если дѣло пойдетъ такъ, то одному Господу Богу извѣстно чѣмъ онъ кончится. Завтра мы всѣ будемъ лежать въ растяжку, у меня есть свои основанія думать такъ; сегодня мы всѣ примемся за свое дѣло какъ будто бы ничего не случилось.

Съ этими словами дѣвица Вестфаленъ взяла кофейную мельницу и начала молоть. Она все вертѣла ручку, мельница все скрипѣла да скрипѣла. Но когда дѣвица Вестфаленъ хотѣла высыпать изъ ящика смолотый кофе, то оказалось что ящикъ пустъ и что она позабыла насыпать въ мельницу кофейныя зерна.

На верху у стараго президента слышался громкій, оживленный разговоръ. Фрицъ Зальманъ, неразумный молоко-

оостъ, набивавшій въ это время гашнями трубки президен-
та, хотѣлъ поскорѣе разказать что происходитъ вверху,
поспѣлъ въ кухню и сразу распахнулъ дверь. Но за этою
дверью, приложивъ къ ней ухо, стояла въ это время ра-
ботница Софья которой хотѣлось уловить что-нибудь изъ
разговора. Бацъ! Фрицъ Заальманъ налетѣлъ на нее, трубки
разбились въдребезги и осколки ихъ разсыпались по кух-
нѣ. Но рука дѣвцы Вестфаленъ не потянулась къ выш-
лымъ; руки ея остались сложенными на кофѣнахъ и
она тихо и кротко сказала: „такъ и должно быть! Бег-
да все рушится, гашенная трубка очень естественно раз-
бивается первая; если провалятся небо, воробьямъ не жить.
Я даже не удивляюсь если теперь кто-нибудь войдетъ и
начнетъ пилывать въ окно всю нашу фарфоровую посуду.“

Споръ наверху усиливался. Разговоръ перемѣнился уже
на площадкѣ лѣтницы; старый президентъ ежесекундно по
ступенямъ вѣнчалъ со французскими полковниками и на-
правлялся въ корридоръ. Президентъ рѣше и отрывисто
говорилъ чтобы Француз поступалъ такъ какъ онъ опи-
таетъ нужнымъ, что онъ на его сторонѣ. Полковникъ от-
вѣчалъ что это ему извѣстно, но что прежде нежели уне-
требать силу, онъ хочетъ изощривать это дѣло, потому
что здѣсь очевидно произошло дѣло такое что хотѣтъ
скрыть. Президентъ возражалъ что ему нечего скрывать;
если ужъ кому-нибудь окрывать то Французамъ; впрочемъ
они быть-можетъ уважаютъ такихъ мерзавцевъ какъ былъ
французскій стрѣлокъ. Онъ, президентъ, съ своей стороны не
знаетъ ничего кромѣ того что этотъ стрѣлокъ явился къ
нему какъ разбойникъ и велъ себя какъ свинья; его люди и
часовщикъ Дрозъ сказывали ему, президенту, что Гиловскій
мельникъ посадилъ Француза къ себѣ въ позовку и хотѣлъ
взять его съ собой; самъ онъ этого не видалъ. „Откуда
взялъ часовщикъ Дрозъ французскій мундиръ?“ спрашивалъ
полковникъ. Президентъ отвѣчалъ что это до него не ка-
сается, что часовщикъ ему не подвѣдомственъ и что онъ
не обязанъ за него отвѣчать; до него доходили слухи что
Дрозъ надѣваетъ иногда мундиръ для своего удовольствія.
„Это отговорки“, говорилъ полковникъ. Президентъ взы-
лилъ, вытянувся во весь свой ростъ, гордо посмотрѣлъ на
Француза и сказалъ:

— Отговорки въ родѣхъ съ ложью. Вы забываете мои гдѣ-та и мое положеніе!

Полковникъ началъ горючить.

— Все это кажется мнѣ неправдоподобно, сказалъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ спросилъ старый президентъ, и взоръ его сверкнулъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей ненавистью и гнѣвомъ, какъ молнія сверкаетъ иногда изъ темной грозовой тучи надъ привѣтливою многотнью. „Вамъ это кажется неправдоподобнымъ?“ Онъ на половину обернулся и съ гордымъ презрѣніемъ глянулъ чрезъ плечо на полковника. „Почему же Французу не надѣтъ для своего удовольствія французское мундира, когда есть Нѣмцы которые съ удовольствіемъ берутъ по сѣту въ этомъ мундирѣ?“

„Дико полковника зардѣлся точно зарѣво пожара. Чрезъ мгновеніе онъ побѣднѣлъ какъ полотно, отступилъ шага на два и схватился за рукоять своей шпаги. За нимъ какъ бы огнемъ какое-то страшное привидѣніе и подталкивало его руку совершить кровавое дѣланіе. Прошло еще мгновеніе. Полковникъ торжественно повернулся и быстро пошелъ по корридору. Работница Софья, которая видѣла все это изъ кухни черезъ щелку въ двери, разсказывала потомъ что ей во всю жизнь не приходилось видѣть ничего подобнаго. „Онъ былъ красивый мужчина,“ товарищала она, „и у него было ласковое лицо. Но когда онъ шелъ по корридору, нѣ вдругъ вспенилось, и сама не знаю почему, какъ одинъ разъ, дѣломъ, въ то время какъ я стерегла гусей, при солнечномъ свѣтѣ налетѣлъ вихрь и обломилъ въ одно мгновеніе всѣ вѣтви на дубѣ за садомъ пастора. Все такъ и замаякало въ воздухѣ. Вотъ такъ и у Француза маякало на лицѣ“.

Полковникъ опять вернулся, подошелъ къ президенту и сказалъ спокойно и холодно что объ этомъ вопросѣ они еще вѣроятно поговорятъ когда-нибудь въ другой разъ; его обязанность требуетъ теперь разсѣдовать это дѣло. Зачѣмъ часовщикъ ночевалъ эту ночь въ замкѣ?

— Онъ не ночевалъ здѣсь, сказалъ президентъ.

— Ночевалъ, возразилъ полковникъ, — вотъ здѣсь, въ этой комнатѣ. И онъ указалъ на комнату дѣвицы Вестфаленъ.

— Это не можетъ быть! воскликнулъ старикъ и возвысилъ голосъ, какъ бы желая защитить предъ цѣлымъ свѣтомъ невинность, — это комната дѣвицы Вестфаленъ. Она

болѣе двадцати лѣтъ живетъ въ моемъ домѣ и не станетъ на старости лѣтъ ночью прятать въ своей комнатѣ мушкетъ!

— Каролина, сказала въ кухнѣ дѣвица Вестфаленъ,—ударъ меня смѣло три раза по затылку. Ко мнѣ подступаютъ обмороки и все кружится у меня въ головѣ.

Между тѣмъ полковникъ распахнулъ дверь и президентъ увидалъ предъ собою часовщика. Адъютантъ успѣлъ допросить его въ это время, и онъ разказалъ все возможное кромѣ той простой истины что мой отецъ призывалъ его какъ лугало противъ Французовъ. Но онъ также божился и клялся что Гиловскій мельникъ взялъ съ собою стрѣлка. Старый президентъ крайне изумился, увидавъ здѣсь часовщика. „Это для меня совершенно необъяснимо!“ воскликнулъ онъ. Полковникъ съ усмѣшкой сказалъ что онъ надѣется скоро разъяснить дѣло, пошелъ таася о чемъ-то съ адъютантомъ и потребовалъ ключи отъ мѣстной тюрьмы.

— Я ихъ не выдамъ, сказалъ президентъ,—этотъ человѣкъ не имѣетъ права сидѣть въ здѣшней тюрьмѣ, онъ городской обыватель и долженъ быть заключенъ въ городскую тюрьму.

— Прекрасно, сказалъ полковникъ,—мнѣ это еще пріятнѣе, а буду по крайней мѣрѣ увѣренъ что тамъ не такъ легко будетъ оказать ему укрывательство.

Господина Дрой поставили между двухъ солдатъ—весь дворъ замка наполнился Французами — и повели въ ратушу. Полковникъ пошелъ вслѣдъ за нимъ. Но въ дверяхъ онъ обернулся еще разъ и сказалъ что еслибъ ему поступать строго по закону, то онъ долженъ былъ бы арестовать и господина президента; но такъ какъ онъ старый человѣкъ и, что главное, сказалъ лично ему, полковнику, такое жестокое, обидное слово, то онъ оставляетъ его на свободѣ потому что не хочетъ чтобы въ этомъ дѣлѣ на него могла пасть хотя бы тѣнь подозрѣнія въ томъ что онъ мститъ за личную обиду. Но онъ долженъ заранѣе объявить президенту что если при слѣдствіи окажется необходимымъ присутствіе его или дѣвицы Вестфаленъ, то они должны будутъ явиться, и что президентъ отвѣчаетъ ему за себя и за дѣвицу Вестфаленъ. Старикъ спокойно и спокойно изъявилъ свое согласіе и полковникъ ушелъ, но спалила отправилъ двухъ жандармовъ на Гиловскую мельницу,

и дѣлая это распоряженіе пристально посмотрѣлъ на президента.

По уходѣ полковника старый президентъ пошелъ къ кухнѣ и работница Софья быстро отскочила отъ дверной щели и спряталась, ожидая что онъ взойдетъ. Но онъ вдругъ остановился, повернулося назадъ и сказалъ самъ про себя: „что говорилъ этотъ Французъ про укрывательство! Тѣ у французскаго полковника только слова, тамъ у президента Вебера будетъ дѣло. Я не хочу чтобы даже существовалъ видъ какъ будто я намѣренъ заниматься укрывательствомъ.“ И съ этими словами онъ пошелъ къ себѣ въ комнату.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Что сказалъ мой дядя Герзе и кто онъ былъ; почему Фрицъ Заальманъ долженъ былъ свистѣть.

Когда часовщика повели изъ замка, Фрицъ Заальманъ разумѣется пошелъ за солдатами чтобы посмотрѣть что изъ этого выйдетъ и не убѣжить ли господина Дрозъ отъ своего конвоя. Ничего подобнаго не случилось. Солдаты медленно подвигались съ арестантомъ къ ратушѣ. Они съ трудомъ должны были пробираться между лошадьми и повозками, собранными изъ деревень въ городъ для перевозки тяжелыхъ и легкихъ; все это было согнано на дворъ замка и на дорогѣ къ нему и окружено Французами чтобы предупредить возможность исчезновенія, къ которому крестьяне оказывали рѣшительную охотность и большія способности. Часовщикъ шелъ черезъ толпу терпѣливо какъ овца между своими двумя провожатыми. Онъ даже казался совершенно спокойнымъ. Сначала онъ сильно испугался и цѣлую ночь дѣло казалось ему очень неприятнымъ и сомнительнымъ. Но во время допроса произведеннаго ему адъютантомъ, господина Дрозъ услѣлъ напасть на своего рода тактику которая могла быть переведена слѣдующими словами: „толкуй себѣ! тебѣ много придется толковать прежде чѣмъ ты добьешься отъ меня слова“, и отвѣты были весьма коротки и малочисленны. Въ немъ не было той отчаянной храбрости которая всюду идетъ на проломъ но онъ уже слишкомъ давно жилъ на свѣтѣ и уже слишкомъ часто бывалъ въ затруднительныхъ положеніяхъ чтобы

сейчасъ же упасть духомъ. Господинъ Дровъ предоста-
вилъ обстоятельствамъ слѣдовать ихъ теченію. „Что-то
изъ этого будетъ“, говорилъ онъ самъ про себя, когда его
звели въ двери ратуши.

— Фрицъ Зальманъ, сказалъ застѣдатель Герзе когда „не-
разумный молокососъ“ хотѣлъ опять отправиться въ за-
мокъ,—что это за исторія?

Фрицъ съ величайшею важною разказалъ все проис-
шедшее наканунѣ. Онъ разказалъ какъ господинъ Дрой по-
чевалъ въ комнату у дѣвицы Вестфаленъ, какъ онъ тамъ
все переломалъ въдребезги, какъ онъ, Фрицъ, самъ разбилъ
трубки господина президента и притомъ безо всякой вины
со своей стороны—виновата была работница Софья,—какъ
полюбовникъ хотѣлъ заколотъ президента, какъ дѣвица Вест-
фаленъ сидитъ теперь въ кухнѣ и на что она стала похо-
жа. Но про ледышку онъ не оказалъ ни слова.

Теперь нужно вамъ сказать что мой дядя, застѣдатель
Герзе, былъ необыкновенный патріотъ, хотя онъ и держалъ
это въ секретѣ. На это была своя причина. Въ то время
онъ принадлежалъ къ тайному патріотическому обществу,
къ Тугендбунду, какъ онъ самъ шепотомъ сознавался мнѣ
случая много лѣтъ, когда Бонапартъ уже давно умеръ. Я
вѣрю ему въ этомъ, потому что когда онъ бывалъ въ обще-
ствѣ то всегда игралъ длинною часовою цѣлочкой сплетен-
ною изъ совершенно свѣтлыхъ волосъ—жена его была брю-
нетка—и выставлялъ на показъ громаднѣй желѣзный пер-
стень которымъ онъ разъ едва было не убилъ до смерти
одного бродягу подмастерья, оказавшаго какую-то непочи-
тельность во время производившихся надъ нимъ въ ратушѣ
суда и расправы. — „Фрицъ“, говорилъ онъ мнѣ въ послѣд-
ствіи, „эти волосы принадлежать одной героической дѣвицѣ
которая въ Тринадцатомъ году ради отечества обрила себѣ
голову, а это желѣзное кольцо стоило мнѣ моего золотого.
Но не говори про это: я этихъ разговоровъ не люблю.“
Итакъ, въ то время въ которое происходили описываемыя
событія, онъ имѣлъ основаніе любить таинственность. Если
принять въ соображеніе весь его характеръ и нравъ, то
можетъ-быть окажется что они находились въ связи съ
принадлежностью его къ тайному обществу. Пока мой
отецъ, бывшій бургомистромъ Ставнгагена, день и ночь
бился и мучился со всевозможными придирками и мелочами

чтобы сколько-нибудь поддержать въ порядкѣ небольшое и скудное городское хозяйство, застѣдатель Герзе разказывалъ всѣмъ что Кутузовъ, по его мнѣнію, долженъ идти направо, а Чернышевъ налево; онъ бранилъ Бюлова который, по его словамъ, не зналъ своего дѣла потому что пошелъ на Берлинъ вмѣсто того чтобы повернуть прямо къ Ставенгагену и отсюда ударить во флангъ Бонапарту. Однимъ словомъ, это былъ человѣкъ созданный на то чтобы дѣлать изъ мухи слона. Въ каждомъ кевляномъ французскомъ сержантѣ онъ видѣлъ „корсиканскаго злодѣя“, а если городской стражъ Лутъ, разнимая драку пьяныхъ подмастерьевъ, получалъ тоачокъ, то онъ считалъ это обстоятельство настолько же важнымъ какъ еслибы причивено было оскорбленіе самому герцогу Мекленбургскому.

— Держи языкъ, парень, внушительно прошелталъ застѣдатель Герзе.—Что ты хочешь во всеуслышаніе объявить вамъ всѣмъ смертный приговоръ здѣсь на площади? За жизнь часовщика я не дамъ ни гроша, потому что мельникъ и его Фридрихъ навѣрное убили вчера Француза...

— Мельникъ не убилъ, перебилъ его Фрицъ Зальманъ.— Въ мельникъ вчера ничего не было кромѣ вина и милосердія.

— Ну такъ Фридрихъ, онъ Прусакъ. Знаешь ли ты что такое Прусакъ? Знаешь ли ты что значитъ Прусакъ? Знаешь ли?.. Что ты на меня уставился, дурачина? Неужели ты думаешь что я такъ тебѣ все и разкажу что мнѣ извѣстно?—Да, я хотѣлъ сказать: стадика президента они ушли въ Байонну, во Францію, а дѣвицу Вестфаленъ, насколько я знаю французскіе военные законы, вѣроятно просто повѣсятъ. Тебя, мой другъ, за то что ты бѣгалъ за часовникомъ, жестоко отдерутъ.

Предъ Фрицомъ Зальманомъ открылось печальное будущее. Онъ сдѣлалъ лицо соответствующее обстоятельствамъ.

— Неужели на площади будутъ драть, господинъ застѣдатель? спросилъ онъ.

— Гдѣ настигнуть. Въ городѣ, такъ въ городѣ, въ полѣ, такъ въ полѣ. Затѣмъ вѣдь и говорится: на основаніи полевыхъ законовъ. Но если взять дѣло въ настоящія руки, то можетъ-быть все еще поправится. Можешь ты молчать?

Фрицъ Зальманъ сказалъ что онъ можетъ молчать самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

— Ну, такъ поди сюда. Положи обѣ руки въ карманъ. Посвисти-ка что-нибудь.—Хорошо! Теперь сдѣлай такое лицо какъ будто тебѣ ни до чего дѣла нѣтъ,—такое лицо какое ты дѣлаешь лѣтомъ когда ты въ саду трясешь яблоки и вдругъ тебя накроетъ дѣвица Вестфаленъ.—Такъ! Теперь замѣть каждое слово которое я тебѣ буду говорить. Стулай съ этимъ лицомъ и съ этимъ очаровательнымъ видомъ дѣтской невинности черезъ толпу Французовъ и крестьянъ въ замокъ, прямо въ кухню; отзови дѣвицу Вестфаленъ въ уголь—при этомъ никого не должно быть—и скажи ей только два слова: „помощь приближается!“ Если она этимъ не удовольствуется, ты можешь наекнуть ей про то что я говорилъ о повѣшеніи, а если она испугается, скажи ей чтобъ она не унывала, что я, засѣдатель Герзе, взялъ это дѣло въ свои руки. Но главное не въ этомъ. Пусть она сейчасъ же запретъ дверь въ кухню и другую дверь которая выходитъ въ садъ; возьмите всѣ, ты, дѣвица Вестфаленъ и обѣ работницы, какое-нибудь оружіе, что вы тамъ найдете въ кухнѣ, не впускайте ни единого Француза и защищайтесь до послѣдней капли крови, пока я не приду. Я сейчасъ явлюсь черезъ садъ въ заднюю дверь—мнѣ нужно только сходить къ себѣ за плащомъ, вѣдь вонъ какъ льетъ дождь; пароль мой будетъ „все благополучно“, а лозунгъ „Йоркъ“. Нѣтъ, это не годится, этого она не пойметъ. Что бы придумать? Ну да все равно. Пароль мой будетъ—„солонина“. Это ей понятно. Слѣдовательно: если кто-нибудь придетъ и скажетъ это слово, то пусть она отпираетъ дверь.—Ты все запомнилъ?

— Да, господинъ засѣдатель.

— Ну, стулай! Да чтобы никто, даже самъ президентъ, не зналъ про это ни одного слова!—И они разошлись.

Мой дядя Герзе, одѣлавшись засѣдателемъ, разумеется, сейчасъ же заказалъ себѣ засѣдательскій синій мундиръ съ краснымъ, шитымъ золотомъ, воротникомъ. Онъ охотно надѣвалъ его при каждомъ удобномъ случаѣ, потому что онъ былъ высокій, полный, статный мужчина; дядя Герзе щеголялъ, напримѣръ, въ своемъ мундирѣ когда производилось испытаніе пожарныхъ трубъ, когда перваго мая выгоняли коровъ въ поле или являлся постой. Онъ дѣлалъ это чтобы принудить къ себѣ надлежащее уваженіе. Въ то время какъ мой отецъ въ своемъ стромъ сюртучикѣ сидѣлъ въ

ратушѣ позади стола и не разгибаясь все писалъ, засѣдатель Герзе рассказывалъ предъ столомъ и придавалъ своему на-
ружностью и своимъ мундиромъ блескъ и торжественность
засѣданію. Ему особенно льстило когда Французы назы-
вали его *monsieur le maire*. Отецъ мой не имѣлъ ничего
противъ этого, потому что съ Французами обыкновенно
приходилось торговаться и выпрашивать у нихъ что-нибудь;
онъ предоставлялъ это дѣло вмѣстѣ съ блескомъ представи-
тельства засѣдателю Герзе. Такъ подѣлали они свои за-
нятія. И я желалъ бы знать гдѣ можно было бы найти
другое такое дѣятельное городское управленіе какъ на
моей родинѣ, въ городѣ Ставенгагенѣ. Засѣдатель Суземилъ
лыхтѣлъ за своею трудною должностью члена городского
суда, городской стражъ Лутъ бѣгалъ по улицамъ, городской
глашатая Домштрейхъ только потому не становился еще
появѣ что все ходилъ по городскому выгону и по город-
скому лѣсу, отдыхая въ полдень на мягкой травѣ город-
скаго рва, ребятъ гоняли изъ гороха, испытывали по нѣ-
сколько разъ въ годъ городскія пожарныя трубы, толковали
и спорили про общественнаго быка. И все это такъ хорошо
шло потому что засѣдатель Герзе любилъ надѣвать свой
мундиръ.

Итакъ, пришедши домой,—дождь дѣйствительно лилъ какъ
изъ ведра,—мой дядя Герзе сталъ искать свой сѣрый плащъ.
Во время этихъ поисковъ ему подвернулся подъ руку мун-
диръ. Дядя подумалъ: „а не надѣтъ ли мнѣ его сегодня?
Случай, кажется, подходящий; можетъ-быть мундиръ мнѣ
еще въ чемъ-нибудь пригодится.“ Онъ надѣлъ мундиръ и
свою чудесную треугольную шляпу которую мы, мальчиш-
ки, въ послѣдствіи постоянно пускали вмѣсто корабля по
пруду. Но въ то время шляпа была еще во всей своей кра-
сѣ. Выходя изъ дома, господинъ засѣдатель покрылъ ее
капюшономъ плаща чтобъ она не замочилась, и сталъ среди
бѣла дня похожъ на францускаго генерала который во
время ночи тайкомъ крадется мимо непріятельскихъ па-
рулей. — „Теперь“, сказалъ дядя Герзе, „никто меня не
узнаетъ.“ Онъ пошелъ черезъ площадь. Старикъ Намакеръ
выглядывалъ изъ своего окна и смотрѣлъ всадъ своимъ
лошадямъ которыхъ Французы увели у него изъ стойла.

— Доброго утра, господинъ засѣдатель, сказалъ онъ. — Чтѣ
это за погода, батюшки-свѣты!

— Молчите! сказалъ мой дядя Герзе, и пошелъ далѣе. Черезъ нѣсколько шаговъ ему повстрѣчался токарь Шверд-фегеръ:

— Доброго утра, господинъ засѣдатель!

— Держите языкъ за зубами! сердито отвѣтилъ мой дядя, и пошелъ къ саду зѣмка.

— Доброго, утра, господинъ засѣдатель! сказалъ маленькій сынъ музыканта Гартаоффа.

Трахъ! засѣдатель щелкнулъ его по головѣ:

— Гаульный мальчишка! развѣ ты не видишь что я не хочу быть узнаваемымъ?

Онъ вошелъ въ садъ зѣмка и съ досадою говорилъ: „Чортъ знаетъ что это такое! Просто наказаніе занимать общественныя должности!“

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Почему мой дядя Герзе явился съ паролемъ и лозунгомъ.—Почему дѣвица Вестфаленъ не хочетъ сидѣть въ торфяномъ болотѣ, и почему господинъ засѣдатель сѣлъ на повозку мельника и опять сѣлъ съ нею.

Между тѣмъ Фрицъ Зальманъ, устроивъ предписанную ему физіономію, посвистывая и заложивъ руки въ карманы, пришелъ въ зѣмокъ. Но войдя въ кухню онъ забылъ всѣ предписанія. Лицо его выразило нѣчто совершенно необыкновенное и онъ толкнулъ дѣвицу Вестфаленъ на ухо: „помощь приближается!“

— Фрицъ Зальманъ, сказала дѣвица Вестфаленъ,—что это такое? что это значитъ? и какъ это называется?

Фрицъ разказалъ ей что они должны дѣлать, какъ они должны держаться въ кухнѣ до послѣдней капли крови и не впускать ни единого Француза, какъ придетъ господинъ засѣдатель съ паролемъ и лозунгомъ, и какъ онъ приметъ на себя командованіе.

— Господи, Боже мой! сказала дѣвица Вестфаленъ,—что мы теперь дѣлать? Я не могу при этихъ обстоятельствахъ показаться на глаза господину президенту; совѣсть не допускаетъ меня до этого. Я стану слушаться господина засѣдателя; его совѣтъ долженъ быть правильный, не даромъ же онъ засѣдатель.—Софья и Каролина! стерегите вдвоемъ

заднюю дверь, Фрицъ Зальманъ и я будемъ стеречь кухонную дверь. Да будьте внимательнѣе чтобы не прозвѣвать пароль.

Двери заперли на ключъ. Софья взяла метлу, Каролина сѣтку, Фрицъ Зальманъ лопату, а дѣвица Вестфаленъ потянулася было за пестикомъ отъ ступки, но оставила его и сказала: „избави меня Богъ еще болѣе увеличить мою вину смертоубійствомъ! Нѣтъ, я знаю другое средство.“ Она достала ящикъ съ золой, поставила его предъ собою на кухонный столъ, откуда ей удобно было обстрѣливать обѣ двери, и сказала:

— Ну теперь съ Богомъ! Пусть ка они попытаются прийти! Кому я залѣплю лицо золой, тотъ долго не протретъ себѣ глазъ.

Не долго спустя кто-то крикнулъ за дверью выходящей въ садъ: „Все благополучно!“ и чрезъ мгновеніе тотъ же голосъ тихо произнесъ сквозь замочную скважину: „соломина!“

— Вотъ онъ, настоящій-то! сказала дѣвица Вестфаленъ.— Каролина, пріотвори дверь насколько нужно чтобы пройти человѣку, и когда онъ войдетъ, сейчасъ же запирай ее опять на замѣкъ.

Каролина пріотворила дверь. Господинъ засѣдатель хотѣлъ въ нее протѣсниться, но въ это время капшомъ сползъ у него съ головы и обнаружилъ треугольную шляпу и красный воротникъ мундира.

— Ай! взвизгнула Каролина и на половину защемила господина засѣдателя въ двери,—это Французъ! это Французъ!

— Соломина! воскликнулъ засѣдатель Герзе.—Развѣ вы не слышите? Соломина!

Но ужъ было поздно. Софья сбила ему своею метлою шляпу съ головы и расцарапала ему все лицо, а дѣвица Вестфаленъ пустила ему въ глаза два залпа золы.

Мой дядя Герзе стоялъ, чихалъ, плевался, фыркалъ и размахивалъ предъ собою руками, какъ будто онъ игралъ съ кѣмъ-нибудь въ жмурки. Онъ не могъ открыть глазъ. Въ сердцѣ его кипѣла ярость. Весь его плакъ разсыпался прахомъ, потому что ужъ что же это за тайна изъ которой вышла такая сцена, да еще гдѣ? въ кухнѣ! Какая секретность можетъ сохраниться на лицѣ по которому прозвѣ-

лазъ метаа, и какой уже можетъ быть блескъ у мундира, который весь покрытъ золой!

Работница Софья первая опомнилась и поняла надъ кѣмъ обрушилась вся эта атака. Въ одинъ прыжокъ она очутилась за дверью и вылетѣла подъ дождь. Каролина бросилась за нею съ крикомъ: „пусть лучше достанется отъ дожда, чѣмъ отъ дѣвицы Вестфаленъ!“ „Батюшки мои, да вѣдь это господинъ засѣдатель!“ воскликнулъ Фрицъ Зальманъ. Дѣвица Вестфаленъ стояла въ томъ положеніи въ которомъ на картинахъ обыкновенно пишутъ Лотову жену, съ тою только разницей что она была гораздо полнѣе ея. Она смотрѣла на господина засѣдателя какъ будто въ немъ сосредоточивались Содомъ и Гоморра.

— Творецъ милосердый! воскликнула она слабымъ голосомъ. — Вотъ мы ходимъ во мракѣ!

— Хорошо вамъ разговаривать, крикнулъ мой дядя Герзе. — Вы глазами-то видите, а я своихъ не могу открыть. Давайте сюда воды!

Началось умываніе, обтираніе, чистка. Пошли сожалѣнія, объясненія, упрощиванія. Но мой дядя Герзе былъ слишкомъ разгнѣванъ и объявлялъ что пусть перевѣшаютъ всѣхъ мамзелей которыя живутъ гдѣ-либо въ замкахъ, что онъ остережется теперь вступать въ тайные разговоры съ лицами женскаго пола. Дѣвица Вестфаленъ закрыла себѣ глаза фартукомъ, начала плакать, и сказала:

— Господинъ засѣдатель, посоветуйте что мнѣ дѣлать. Отца и матери у меня нѣтъ, господину президенту я не могу показаться на глаза при такихъ обстоятельствахъ. Вы моя единственная надежда и утѣшеніе.

Мой дядя Герзе былъ человекъ съ душой и сердцемъ. Душа у него была мягкая, а сердце доброе. Когда зола перестала вѣсть ему глаза и дѣвица Вестфаленъ намазала ему сливками ссадины, такъ что его доброе красное лицо сдѣлалось похоже на грибъ мухоморъ, онъ ласково сказалъ:

— Перестаньте плакать, я вамъ помогу. Вамъ нужно бѣжать.

— Бѣжать? воскликнула она съ величайшимъ изумленіемъ и посмотрѣла на себя. — Господинъ засѣдатель! мнѣ? бѣжать?

— Да, сказалъ мой дядя. — Можете вы, при этой погодѣ и по этой грязи, не останавливаясь, пройти миль три,

четыре? Повозокъ теперь нельзя найти, да ужъ съ повозкой и не будетъ настоящей тайны.

— Господинъ застѣдатель, сказала дѣвица Вестфаленъ и чуть было опять не привалась за слезы, — посмотрите на меня. Я имѣю подную комплекцію. Иной разъ мнѣ даже по лѣстницамъ бываетъ трудно подниматься.

— Можете вы ѣздить верхомъ?

— Что вы говорите?

— Я говорю: верхомъ ѣздить можете вы?

Дѣвица Вестфаленъ встала и подперла бока руками.

— Лучше мнѣ совсѣмъ не быть живою чѣмъ срамиться, сказала она. — Какая же женщина ѣздитъ верхомъ? Я только одну такую и знала во всю мою жизнь; ну да ужъ она таковская и была.

Застѣдатель Герзе также всталъ и въ раздумьи раза два прошелся по кухнѣ. Наконецъ онъ спросилъ:

— Въ состоянн ли вы при этой погодѣ просидѣть сутки въ камышѣ въ нашемъ городскомъ торфяномъ болотѣ?

— Господинъ застѣдатель, сказала дѣвица Вестфаленъ, опять схватила свой фартукъ и утерла себѣ глаза, — вотъ видите ли: мнѣ ужъ пятьдесятъ лѣтъ и прошлаго осенью у меня была большая болѣзнь...

— Значить и это не годится, перебилъ ее господинъ застѣдатель. — Въ такомъ случаѣ остается только два мѣста. Одно вверху, другое внизу. Вамъ нужно бѣжать или на чердакъ, или на погребъ.

— Господинъ застѣдатель, воскликнулъ Фрицъ Зальманъ и выползъ изъ-за печи, — я знаю мѣстечко.

— Ты развѣ здѣсь? спросилъ мой дядя.

— Здѣсь, отвѣтилъ Фрицъ смиренно и робко.

— Тогда опять нѣтъ никакой тайны. Что знаютъ трое, то извѣстно всему свѣту.

— Господинъ застѣдатель, сказалъ Фрицъ, — я ей-Богу ничего не буду разказывать. Мамзель Вестфаленъ, я знаю мѣстечко. Въ колтальнѣ отстала одна доска и легко отгибается. Если вы сожметесь, вамъ можно будетъ протѣсниться въ это отверстіе, а тамъ, подъ накатомъ, есть маленькое мѣстечко, тамъ васъ никакой чортъ не сыщетъ.

— Безсовѣстный плутъ, сказала дѣвица Вестфаленъ, забывъ весь свой страхъ и все свое горе, — такъ это ты постоянно таскалъ колбасы съ чердака? а я то, господинъ застѣдатель, все клелала крысъ!

Мой дядя сказалъ что Фрицу Зальману сѣдуетъ за это одѣлать внушеніе совершенно иного рода, но что теперь нужно прежде всего бѣжать, что время не терпитъ и что это мѣсто надлежащее.

Они отправились всѣ трое въ колтильню. Фрицъ Зальманъ указалъ отставшую доску и мѣстечко находившееся за нею.

— Садитесь прямо на полъ, мамзель Вестфаленъ, сказалъ мой дядя Герзе,—нужно же вамъ на чемъ-нибудь сидѣть. Теперь я запру дверь. Если вы услышите что кто-нибудь къ ней подходитъ, пролѣзайте потихоньку за доску и остерегайтесь чтобы не чихнуть и не кашлянуть.

— Каково мнѣ будетъ пролѣзать въ этомъ платьѣ-то, господинъ засѣдатель? сказала она.

— Ну, ужъ это вы какъ-нибудь устроите, сказалъ онъ, и отогнулъ доску.

— Фрицъ Зальманъ, дитя мое, сказала дѣвица Вестфаленъ когда они хотѣли уходить,—не покидай меня и привози мнѣ вѣсточку о томъ какъ идутъ дѣла.

— Ни лодъ какимъ видомъ! сказалъ засѣдатель Герзе.— Онъ не долженъ входить въ колтильню, а то кто-нибудь увидитъ его и тогда все откроется.

— Будьте покойны, мамзель Вестфаленъ, сказалъ Фрицъ и лукаво подмигнулъ ей,—я это устрою.

Они ушли. Дѣвица Вестфаленъ печально сѣла между своими окороками и колбасами и сказала: „не радуется и весь этотъ даръ Божій когда въ мои лѣта приходится состоятъ въ бѣгахъ“.

Успокоившись насчетъ участи дѣвицы Вестфаленъ, дядя Герзе опять сошелъ въ кухню и еще разъ, держа Фрица Зальмана за ухо, внушилъ ему необходимость молчать и сохранять тайну. Затѣмъ онъ опять покрылъ себѣ голову калашникомъ плаща и украдкою, какъ кошка съ голубятни, прокрался черезъ заднюю дверь. Но едва онъ успѣлъ выставить за нее свою голову, какъ за нею раздался визгъ. Софья и Королина, которыя думали что онъ уже ушелъ и только-что хотѣли вернуться въ кухню, бросились въ разныя стороны какъ пара пестрыхъ голубей на которыхъ налетѣлъ ястребъ.

— Не кричите! воскликнулъ мой дядя Герзе. Я васъ не трогу!

Но это не помогло. Крестьяне которые еще стояли со своими лошадьми въ саду оглянулись, услыхавъ визгъ дѣвушекъ. Увидавъ за собою закутаннаго французскаго офицера,—въ дѣйствительности это былъ мой дядя Герзе,—они всѣ бросились къ зеленымъ воротамъ и чрезъ нѣсколько минутъ во всемъ саду не осталось ни одной подводой подъ лужки.

Господинъ засѣдатель пробрася чрезъ кусты и пошелъ по небольшой тропинкѣ. Здѣсь ему попался на встрѣчу старый мельникъ Фоссъ съ чемоданомъ въ рукахъ.

— Доброго утра, господинъ засѣдатель!

— Чортъ знаетъ что это такое! сказалъ засѣдатель Герзе.—Мельникъ Фоссъ! да развѣ вы не видите что меня нельзя узнавать?

— Если нельзя, такъ и не нужно, сказалъ мельникъ.—Только вотъ что, господинъ засѣдатель: сдѣлайте мнѣ одно одолженіе. Я привязалъ моихъ лошадей и повозку у зеленымъ воротъ: скороните ихъ куда-нибудь въ надежное мѣсто. Я тоже сослужу вамъ службу. Какъ только окуни начнутъ клевать у меня въ прудѣ, я сейчасъ же дамъ вамъ знать.

— Извольте, сдѣлаю, сказалъ господинъ засѣдатель и пошелъ къ зеленымъ воротамъ. Онъ отвязалъ тамъ лошадей мельника, сѣлъ въ повозку и только-что хотѣлъ трогать съ мѣста, какъ ему заступилъ дорогу отрядъ Французовъ подъ предводительствомъ самого батарейнаго командира, по требованію котораго были собраны подводы и который видѣлъ теперь что почти всѣ онѣ скрылись. Моего дядю Герзе немедленно задержали и стащили съ повозки. Французы увидали на немъ мундиръ и услышали что онъ называетъ себя *conseiller d'état* — въ полыхахъ онъ не нашелъ другаго слова чтобы выяснитъ имъ свое званіе Ставегагенскаго городского засѣдателя; они подумали что сдѣлали важную находку и поймали зачинщика всему дѣлу. Батареинный командиръ клялся на своемъ богонепротивномъ языкѣ всеми возможными клятвами что онъ покажетъ на моего дядю примѣръ и велѣлъ окружить его четырьмя солдатами. И такимъ образомъ засѣдателя Герзе, который явился сдѣлать доброе дѣло, повели на всеобщее позорище назадъ въ городъ и ему пришлось испытать бѣду на самомъ себѣ.

Во время этого происшествія хлѣбникъ Виттъ стоялъ тутъ же рядомъ за толстымъ каштановымъ деревомъ. Онъ также

пришелъ выручить лошадей и повозку мельника. „Подѣломъ ему,“ говорилъ онъ про себя, „зачѣмъ онъ покупаетъ булки не у меня? Ну да онъ выпутается, онъ очень уменъ. А вотъ о неразумной скотицѣ которая ни въ чемъ не повинна, нужно позаботиться нашему брату.“ Хлѣбникъ сѣлъ на повозку, потихоньку поѣхалъ вслѣдъ за Французами и поставилъ лошадей мельника къ себѣ въ ригу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Почему господина президентъ долженъ былъ читать Марка-Аврелія и не могъ умыть себѣ лицо.—Почему Фихель мельника Фосса не показала президенту плаксою.

Старикъ президентъ ходилъ по своей комнатѣ и сердился. Онъ былъ человѣкъ старый, привыкъ повелѣвать и имѣлъ свои причуды. Теперь онъ долженъ былъ подчиниться французскому полковнику и встать въ половинѣ восьмого, что было совершенно противно его привычкамъ. Кофе ему также не дали, а когда онъ хотѣлъ закурить трубку чтобъ освѣжить свои мысли, то трубокъ не оказалось. Онъ позвонилъ разъ, Фрицъ Зальманъ не пришелъ. Онъ позвонилъ два раза, Софья также не явилась. Президентъ вынулъ изъ кармана табатерку и такъ задумчиво потянулъ носомъ щепотку табаку какъ дѣлаютъ люди готовящіеся ко всевозможнымъ непріятностямъ. Затѣмъ онъ взялъ лорнетъ, подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на погоду. На дворѣ лилъ дождь; вороны такъ печально и смиренно сидѣли на обнаженныхъ вѣтвяхъ вязы какъ будто у нихъ были подвязаны крылья; вода лила съ ихъ промокшихъ перьевъ.

— Не веселое время! сказалъ старый президентъ.—Впрочемъ, гдѣ весело теперь въ Германіи? Много есть страшнаго въ судьбахъ міра. Какъ можетъ зачѣмъ Господь Богъ допускаетъ одного изверга губить весь свѣтъ? Изъ главнаго герцогскаго управленія также получаютъ иногда такіа распоряженія и предписанія которыхъ не можетъ постигнуть никакой чиновникъ и ни одна христіанская душа; но управленіе это также состоитъ изъ людей и ему на роду написано дѣлать иногда глупости, какъ и всѣмъ намъ грѣшнымъ; мы это знаемъ и миримся съ этимъ, какъ ни бываетъ намъ досадно. Но

зачѣмъ Господь Богъ терпитъ этого негодя Бонапарта и какую онъ пользу приноситъ на землѣ?.. (онъ приподнялъ свою шалочку вершка на три надъ головою)—Прости Господи мои согрѣшеніе! Я въ жизни своей не имѣлъ ненависти ни къ одному человѣку, ни къ одному предмету, даже къ проклятымъ подтвержденіямъ изъ главнаго управленія. Но теперь во мнѣ есть ненависть—онъ кинулъ свою шалочку на полъ и наступилъ на нее ногой—и я ее сохранию!

Послѣднія слова президентъ вѣроятно произнесъ довольно громко, потому что жена его съ испуганнымъ видомъ вошла въ комнату.

— Веберъ! что съ тобою? Развѣ Фрицъ Зальманъ или Софья...

— Нѣтъ, Іетхенъ, перебилъ онъ ее и подвѣлъ свою шалочку,—не они. Бонапартъ.

— Господи помилуй! воскликнула она.—Опять ты за него! Зачѣмъ ты съ нимъ связываешься?

Она подошла къ шкафу въ которомъ стояли книги и вынула одну изъ нихъ.

— Вотъ, Веберъ. Почитай свою книгу.

Это былъ Маркъ-Аврелій. Когда президентъ бывалъ разсерженъ, онъ читалъ изъ него главу, въ крайнемъ случаѣ—двѣ. Итакъ онъ взялъ книгу и началъ читать. Жена надѣла на него широкій бѣлый лудромантель, пригладила его почтенные, сѣдые волосы, заплела его маленькую косичку которая такою знатною барыней выглядывала изъ за его воротника и тихо, тихо посыпала ему голову бѣлою пудрой. Маркъ-Аврелій также одѣлалъ свое дѣло. Гнѣвные морщины уже исчезли съ серьезнаго чела президента, когда его жена маленькою серебряною бритвой начала счищать ему пудру съ лица. „Она всегда должна соскребать съ него пудру“, говорила работница Софья, когда рѣчь заходила объ этомъ предметѣ; „онъ вѣдь не можетъ умываться, потому что тогда мука залѣпитъ ему глаза.“

— Іетхенъ, сказалъ президентъ, когда голова его была приведена въ порядокъ,—взгляни, если тебѣ можно, что тамъ у насъ дѣлается по хозяйству. Это удивительное дѣло! Софья не идетъ, Фрицъ Зальманъ не идетъ; прокля... а хотѣлъ сказать—противные—Французы должно-быть перевернули весь домъ кверху ногами. Не такъ ли?

Жена президента была добрая женщина, нѣсколько слабая здоровьемъ, но тѣмъ не менѣе всегда готовая безъ

малѣйшаго раздраженія переносить всѣ причуды старика. У нихъ былъ одинъ сынъ; онъ находился за границею, и старики жили одни-одинешеньки въ большомъ старомъ замкѣ. Честно и истово дѣлили они между собою радости и горе. Едва начинала подкрадываться скука, какъ судьба всегда вовремя посылала президенту какую-нибудь новую причуду или затѣю которая разгоняла зѣвоту какъ свѣжій вѣтерокъ разгоняетъ облачка. Причуды президента скрѣпляли взаимную привязанность между нимъ и его женой. Любовь все равно что дерево. Чѣмъ сильнѣе играетъ вѣтеръ по листьямъ и по вершинѣ, тѣмъ глубже пускаетъ дерево свои корни.

То что президентъ въ это утро потребовалъ отъ своей жены не было, собственно говоря, ни причудою, ни затѣею, и она ни мало не возмущалась этимъ требованіемъ, какъ сдѣлала бы въ наше время многія благовоспитанныя дамы еслибъ ихъ попросили присмотрѣть за хозяйствомъ. Только что она вышла, какъ въ комнату вошелъ мельникъ Фоссъ съ чемоданомъ въ рукахъ.

— Добраго утра, господаинъ президентъ, сказалъ мельникъ.—Съ вашего позволенія! Онъ положилъ чемоданъ на столъ.—Вотъ онъ, анекдотъ-то!

— Что это такое? спросилъ президентъ.

— Почему мнѣ знать, сударь? Можетъ я что и знаю, можетъ и много знаю, а можетъ и ничего. Что это добро ворованное, такъ это вѣрно.

— Откуда къ тебѣ попало ворованное добро, мельникъ Фоссъ?

— Откуда къ собакамъ поладаетъ ошейникъ, господаинъ президентъ? Бываетъ что и курица поестъ лѣтухомъ. Я знаю только что это Французовъ чемоданъ и что чортъ свалилъ мнѣ вчера вечеромъ на повозку Француза, а Фридрихъ его потомъ олять выкинулъ.

И мельникъ разказалъ все какъ было. Старый президентъ ходилъ между тѣмъ по комнатамъ и ворчалъ про себя какія-то слова похожія на: „дѣло плохо!“ Потомъ онъ остановился предъ мельникомъ и пристально смотрѣлъ ему въ глаза, пока тотъ не окончилъ своего разказа.

— Мельникъ Фоссъ! сказалъ онъ.—Ты навѣрное знаешь что Французъ живъ?

— Почему мнѣ знать, господаинъ президентъ? Я, вотъ видите ли, разчитываю такъ: ночь была по этому времени не

особенно холодна; но цѣлую ночь шелъ дождь и еслибъ намъ съ вами, господинъ президентъ, полежать ночь такимъ образомъ, то можетъ-быть мы и не разогнулись бы. Но у меня вотъ какой расчетъ: народецъ этотъ больше привыкъ валяться на землѣ чѣмъ мы съ вами, и если съ нимъ уже въ Россіи ничего не сдѣлалось, то здѣсь-то и подавно ему отъ этого не будетъ вреда. Вѣдь онъ же ужъ всталъ да и пошелъ. Фридрихъ теперь погнался за нимъ. Ну а если съ нимъ потомъ что прикажучиася, то ужъ мы въ этомъ не виноваты.

— Мельникъ, мельникъ, сказалъ старый президентъ и покачалъ головой,—это дѣло плохое! Если Фридрихъ не поймаетъ Француза, тебѣ придется за него отвѣчать!

— Господи! воскликнулъ мельникъ,—что за глупости я творю на старости лѣтъ! Да вѣдь я ни въ чемъ не виноватъ, господинъ президентъ, я вѣдь не оставилъ у себя его чемоданъ, а лошадь стоитъ у хлѣбника Витта въ ригѣ.

— И это твое счастье, мельникъ, это твое счастье, потому что я могу быть въ этомъ свидѣтелемъ. А въ чемоданѣ, говоришь ты, все золото и серебро?

— Все золото и серебро, господинъ президентъ. Прусскіе талеры, луидоры и серебряныя ложки.

Онъ развязалъ чемоданъ и показалъ что въ немъ находится. Господинъ президентъ широко раскрылъ глаза.

— Да вѣдь это сокровище! воскликнулъ онъ.

— Да вотъ подите, господинъ президентъ! Моя жена и обыкновенно не очень разговорчива, а какъ она *это* увидѣла, то всплеснула руками и ни единого словечка не могла сказать.

— Это все краденое, мельникъ. На ложкахъ Юрцевскій гербъ, я его знаю. Серебро этотъ мошенникъ укралъ здѣсь, по сосѣдству. Только тебѣ отъ этого не легче.

Старый мельникъ стоялъ какъ приговоренный къ смерти. Господинъ президентъ все ходилъ по комнатамъ и потиралъ себѣ голову. Наконецъ онъ подошелъ къ мельнику и положилъ ему руку на плечо.

— Мельникъ Фоссъ, оказалъ онъ,—я всегда считалъ тебя за честнаго человѣка, но при твоихъ телерешивихъ обстоятельствахъ твоя честность престо меня удивляетъ. Ты перебиваешься со дня на день, и добровольно возвращаешь такую сумму денегъ которая неизвѣстно кому принадлежитъ!

Старый мельникъ весь покраснѣлъ точно зарево и устался смотрѣть на свои сапоги.

— Да, мельникъ, продолжалъ президентъ,—это твоя собственная заслуга, потому что ты не могъ знать что здѣсь произошло. Благодари Создателя. Можетъ-быть что этотъ твой поступокъ спасетъ тебѣ жизнь.

Опасность въ которой онъ находился; незаслуженная похвала, кольнувшая его также неожиданно какъ иглою которую жена забудетъ на креслѣ; надежда съ Божіею помощію еще какъ-нибудь выйти изъ бѣды и, главное, сознание что онъ ничего этого не заслужилъ,—все это жестоко смущало стараго мельника. Онъ стоялъ потупивъ глаза, ворочаясь на одномъ мѣстѣ и все сильнѣе и сильнѣе маялъ свою шапку. Наконецъ онъ такъ сильно ударилъ ее руками что она потеряла всякое подобіе, и восклицалъ:

— Чортъ лобери всю эту исторію съ Французомъ, да и меня тоже, господинъ президентъ! Если Господь Богъ смилуется надо мною и поможетъ мнѣ въ этой бѣдѣ, я тоже не хочу быть предъ Нимъ лжецомъ. Коли ужъ говорить правду, такъ до конца! Еслибы не моя Фихенъ, то эти проклятыя деньги лежали бы у меня въ сундукѣ, а я болтался бы сегодня вечеромъ на вистаицѣ.

И онъ все разказалъ президенту.

— Мельникъ, сказалъ президентъ, выслушавъ всѣ подробности дѣла,—я не очень за дѣвочекъ; онъ всѣ плаксы. Но твоя Фихенъ... это совсѣмъ другое дѣло. Мельникъ, это дѣлаетъ честь тебѣ и твоей женѣ что вы воспитали такую дочь. Послушай: когда ты опять пріѣдешь въ замокъ, привези съ собою твою Фихенъ. Я, то-есть моя жена, будемъ ей очень рады. Не такъ ли? Ну, а теперь возьми чемоданъ, отнеси его въ ратушу и веши тамъ о себѣ доложить, потому что Французы вѣроятно устроили тамъ что-нибудь въ родѣ суда, — хорошъ же ужъ и будетъ судъ! Сначала попроси увидать бургомистра, онъ человѣкъ хорошій и по французски умѣетъ говорить, а скоро и я туда приду и одѣлаю для тебя что только можно будетъ сдѣлать.

— Слушаю, господинъ президентъ. Теперь у меня совсѣмъ полегчало на сердцѣ. А насчетъ банкротства вы все полагаете.

— Я полагаю что ты старый дуракъ и что тебѣ не сѣдѣть на старости лѣтъ заниматься такими пустяками.

— Слушаю, господина президентъ. Счастливо вамъ оставаться!

И мельникъ вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Почему Фрицъ Зальманъ въ зимнее время сидѣлъ безъ зонтика на лѣвонѣ, почему онъ подкладывалъ себѣ подъ платье связку бумагъ и почему дѣвица Вестфаленъ объявила себя великою грѣшницей.

Черезъ нѣсколько времени жена президента опять возвратилась къ нему въ комнату.

— Веберъ, сказала она, — что это значитъ? Фрица Зальмана нѣтъ, дѣвицы Вестфаленъ нѣтъ, комната ея точно послѣ турецкаго погрома, а дѣвушки говорятъ что онѣ только видѣли какъ засѣдатель Герзе потихоньку вошелъ черезъ заднюю дверь въ кухню и Софья по ошибкѣ ударила его метлой по лицу, а дѣвица Вестфаленъ бросила ему въ глаза двѣ пригоршни золы, и тоже по ошибкѣ. Потомъ Фрицъ Зальманъ ушелъ съ дѣвицею Вестфаленъ, и никто не знаетъ гдѣ они.

— Что за странность? оказалъ старый президентъ. — Что засѣдатель Герзе дѣлать въ моей кухнѣ? Я ничего не имѣю противъ этого человѣка, Гетхенъ, онъ человѣкъ забавный; но онъ суетъ свой носъ во всякіе пустяки и изъ этого никогда еще не выходило ничего путнаго. Скажи-ка, Гетхенъ, которую изъ работницъ ты считаешь поумнѣе?

— Господь съ тобою, Веберъ! Какого же ты ума захотѣлъ отъ нихъ?

— Ну такъ которая лобойчѣе, лосмысленѣе?

— О! разумѣется Софья Бессердихъ, у нея глаза такъ и бѣгаютъ, а языкъ еще острѣе.

— Позови-ка мнѣ ее сюда.

Софью позвали. Это была веселая, остроглазая дѣвушка, какъ и слѣдовало быть дочери Гюльцовскаго старосты (въ то время дочери старостъ еще служили въ людяхъ). Теперь она стояла предъ президентомъ потупивъ глаза и вертѣла руками завязки своего фартука; она предчувствовала что ей будетъ произведено нѣчто въ родѣ допроса.

— Итакъ, началъ старый президентъ,—ты должна показывать въ семь дѣлѣ сущую правду, не увлекаясь ни дружбою, ни родствомъ, и такъ далѣе. Софья Бессердихъ! что извѣстно тебѣ о двѣцѣ Вестфаленъ? Начинай со вчерашняго вечера.

Софья разказала что ей было извѣстно и что уже извѣстно намъ.

— Слѣдовательно, сказалъ старый президентъ,—она спала съ тобою, а не въ одной комнатѣ съ господиномъ Дрой?

— Помилуй, Веберъ, что ты такое говоришь! перебила его жена.

— Иетхенъ, каждая мелочь становится важною когда нужно доказать невинность человѣка. И ты полагаешь,—онъ снова обратился къ Софьѣ,—что она не убѣждала съ засѣдателемъ Герзе?

— Я думаю что она убѣждала, сударь, но вѣроятно не съ господиномъ засѣдателемъ. Онъ встрѣтился мнѣ потомъ одинъ близъ задней двери, когда я шла отъ брата. Братъ былъ въ саду, господинъ президентъ, съ нашими лошадьми; только онъ—тутъ она подняла глаза и лаутовская улыбка такъ и сверкнула по ея свѣжему лицу—онъ удраля отъ Французовъ.

— Вотъ какъ? спросилъ старый президентъ.—Такъ онъ удраля?

— Да, сударь, сказала Софья.—Онъ-то и надуумилъ всѣхъ остальныхъ и показалъ имъ зеленые ворота.

— Это очень глупо съ его стороны; если Французы его поймають, они его засадятъ. Вы Бессердихи ужъ очень всѣ бойки. Иетхенъ, напомни ка мнѣ какъ-нибудь про этого лаута Фрица Бессердиха.—Ну, а гдѣ Фрицъ Зальманъ?

Софья опять оробѣла. Вся дальнѣйшая рѣчь шла у нея гораздо медленнѣе и тише, какъ будто капля за каплей.

— Сегодня утромъ, господинъ президентъ, онъ разбилъ всѣ ваши трубки, а потомъ сказалъ что я это сдѣлала. А я, господинъ президентъ, ни въ чемъ тутъ не виновата. Я только хотѣла посмотреть изъ-за угла о чемъ такъ кричитъ французскій полковникъ. А Фрицъ Зальманъ налетѣлъ на меня съ трубками; осколки лежатъ еще и теперь въ кухнѣ.

— И ты его послѣ этого не видала сегодня утромъ?

— Видѣла, сударь. Когда повели часовщика, онъ лобѣжалъ за нимъ, а потомъ вернулся и началъ говорить съ мамзелью по-книжному. А потомъ они стали шептаться.

— По-книжному? Фрицъ Зальманъ говорилъ по-книжному? Что же онъ говорилъ?

— Онъ сказалъ: помощь приближается.

— Да, вотъ что. А потомъ пришелъ господинъ застѣдатель?

— Да, господинъ президентъ, и я ударила его метаю по лицу, но я въ этомъ тоже не виновата.

— Удивительное дѣло! сказалъ старшій президентъ.

Онъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и задумчиво смотрѣлъ то на полъ, то на потолокъ. Наконецъ онъ остановился и сказалъ:

— Иетхенъ, дѣло мнѣ ясно. Старуха Вестфаленъ напугалась, а застѣдатель выѣхался въ это дѣло и разумѣется вышло Богъ знаетъ что. Ты увидишь, что Вестфаленъ спряталась.

— Ну что же? пусть ее прячется, Веберъ.

— Нельзя этого, Иетхенъ. Она должна отправиться въ городъ и дать показаніе о часовщикѣ и о мельникѣ; имъ обоимъ можетъ быть очень плохо. Еслибы мнѣ только узнать гдѣ этотъ лаутъ Фрицъ Зальманъ. Онъ все знаетъ.— А ты не знаешь, Софья, гдѣ онъ?

— Нѣтъ, сударь.

— Ну, ступай съ Богомъ.

Софья повернулась чтобъ идти и случайно взглянула на окно. Но такъ какъ глаза у нея были очень бойки и остры, то она увидала и то что дѣлается за окномъ. Она быстро обернулась опять и сказала:

— Господинъ президентъ, теперь я знаю гдѣ онъ.

— Ну, гдѣ же?

— Посмотрите: вонъ онъ сидитъ.

— Гдѣ? спросилъ старшій президентъ, приставилъ къ глазамъ лорнетъ и началъ смотрѣть во все стороны, только не туда гдѣ сидѣлъ Фрицъ Зальманъ.

— Вотъ тамъ, господинъ президентъ, на нашей старой яблонѣ, которая стоитъ возлѣ угла кухни.

— Въ самомъ дѣлѣ: онъ тамъ. Удивительное дѣло! Иетхенъ! представь себѣ: зимой! Еслибы еще дѣло было осенью, когда бываютъ яблочки; но зимою-то, Иетхенъ!

— Онъ можетъ-быть вѣзъ просто для упражненія, Веберъ.

— Софья Бессердихъ, у тебя глаза хороши: что онъ тамъ

дѣлаетъ? спросилъ старый президентъ, двигая лорнетъ взадъ и впередъ предъ глазами.

— У него, сударь, въ рукахъ длинная палка. Я не знаю что онъ хочетъ съ нею дѣлать. Онъ что-то двигаетъ ею передъ коптильней.

— Иетхенъ, предъ коптильней! Зачѣмъ онъ двигаетъ палкой предъ коптильней, Иетхенъ?

— Не знаю, Веберъ. Только я не удивляюсь если завтра унать не окажется нѣсколькихъ штукъ колбасъ.

— Смотрите пожалуйста! Да вѣдь это значитъ отащное дерево для моего Фрица Зальмана! Лѣтомъ яблоки, а зимой колбасы!

Президентъ открылъ окно.

— Фрицъ Зальманъ! Фрицъ! слѣзь съ дерева, дитя мое. Ты пожалуй еще простудишься подъ дождемъ.

Есть, говорятъ, звѣрь который называется „лѣнливцемъ“. Ему будто бы требуется семь дней чтобы влѣзть на дерево и семь дней чтобы съ него спуститься. Фрицъ Зальманъ спустился, положимъ, нѣсколько скорѣе, но все же слѣзаніе съ яблони продолжалось очень долго; едва ли онъ спускался такъ медленно потому что жалѣлъ свое платье.

Ставъ на землю, Фрицъ Зальманъ очевидно былъ въ сильномъ раздумьи: идти ли ему къ президенту или же стремглавъ бѣжать отъ него. Но Фрицъ Зальманъ былъ послушное дитя. Онъ пошелъ къ дому и только повременамъ заглядывая-то останавливался на пути.

— Софья, что онъ тамъ дѣлаетъ за кустомъ? спросилъ старый президентъ.

— Онъ сударь, за него что-то кинулъ.

— Вотъ какъ! Это совсѣмъ другое дѣло. Послушай, Фрицъ! Стулай-ка сюда черезъ кухонную дверь! А ты, Софья, годи и постереги чтобы онъ не убѣжалъ черезъ другую дверь.

Софья ушла, а Фрицъ Зальманъ пришелъ, медленно, но все-таки же пришелъ.

— Фрицъ Зальманъ, дитя мое, у тебя настолько есть рассудка чтобы понять какъ вредно для здоровья сидѣть тамъ вверху подъ дождемъ; когда ты въ слѣдующій разъ пойдешь на дерево, возьми съ собою зонтикъ. Ты понимаешь также что въ такую погоду можно испортить себя съ штаны, лазая по деревьямъ; выбирай для этого время посуше. Ну, теперь скажи-ка: что ты дѣлалъ тамъ на деревѣ?

— Да это я такъ, господинъ президентъ.

— Гмъ, сказалъ президентъ, — и это резенъ. Что я хотѣю тебя спросить? Да! ты не видалъ дѣвицы Вестфаленъ?

Фрицъ Зальманъ ожидалъ совершенно иного вопроса. Онъ ожилъ и совершенно бойко отвѣтилъ:

— Нѣтъ, господинъ президентъ.

— Разумѣется, дитя мое. И почему же именно тебѣ что-нибудь знать про нее, когда никто ничего не знаетъ. Ну, теперь сдѣлай мнѣ одолженіе и посмотри мнѣ прямо въ глаза.

Фрицъ Зальманъ сдѣлалъ ему это одолженіе. Но взгляды его вѣроятно были похожи на фальшивую монету, и старикъ президентъ не принималъ этой монеты.

— Фрицъ Зальманъ, сказалъ онъ, — вотъ тебѣ оловянный ножъ, сходи въ садъ и срубь-ка изъ орѣшника, — ты знаешь гдѣ онъ, — хорошій прутикъ, толщиною, ну, какъ тебѣ сказать, положимъ хотя въ твой мизинецъ. Да еще, дитя мое, ты что-то потерялъ тамъ за кустомъ. Позови Софью Бессердихъ, пусть она поможетъ тебѣ поискать. Зачѣмъ тебѣ лишаться твоихъ вещей? Только, слышишь: возьми съ собою Софью Бессердихъ.

Дѣла Фрица Зальмана приняли плохой оборотъ и предъ нимъ открывалась печальная перспектива. Но у него были двѣ надежды, тѣ самыя которыя обыкновенно питаютъ всѣ люди въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Онъ надеялся, во-первыхъ, на судьбу которая быть-можетъ еще вовремя поставитъ какое-нибудь препятствіе намѣреніямъ президента, а во-вторыхъ, на свою прежнюю опытность въ такого рода непріятностяхъ. Кромѣ того у него было еще одно средство, неизвѣстное обыкновеннымъ людямъ, а именно: небольшая связка бумагъ которую онъ въ сомнительныхъ случаяхъ подкладывалъ себѣ подъ платье. Онъ подложилъ ее и теперь, и довольно спокойно пошелъ въ садъ въ тихой надеждѣ что Софья, которая шла вмѣстѣ съ нимъ, не найдетъ надлежащаго куста. Но пока онъ занимался отыскиваніемъ въ орѣшникѣ подходящаго прута, Софья къ немалому его ужасу подошла прямо къ настоящему кусту и подыала за нимъ что-то показавшееся ему издали весьма похожимъ на колбасу. Итакъ, ему нужно было другимъ путемъ искать спасенія. Онъ сдѣлалъ въ прутѣ двѣ-три незамѣтныя надрѣзы

которыя не особенно должны были содѣйствовать его проч-ности, и затѣмъ попытался уговорить Софью чтобы та отдала ему ее находку. Это ему не удалось. Софья не хотѣлась еще разъ идти на экзаменъ къ господину президен-ту, и, кромѣ того, ей пришло въ голову что можетъ-быть никто иной какъ Фрицъ Зальманъ насмѣлялъ ей съ недѣлю тому назадъ въ постель цѣлую горсть свиной щетины. Та-кимъ образомъ предъ президентомъ снова появились Фрицъ Зальманъ съ прутомъ и Софья Бессердихъ съ колбасой въ рукахъ.

— Софья, сказалъ господинъ президентъ и взялъ у нея колбасу,—ты можешь теперь идти, дитя мое.—Иетхенъ, продолжалъ онъ, обратившись къ жентъ и показалъ ей колбасу,—мы называемъ это *corpus delicti*.

— По-латыни это можетъ и такъ называется, Веберъ, по-нашему это копченая колбаса.

— Хорошо, Иетхенъ. Скажи, ты можешь узнать наша ли это колбаса?

— Разумѣется, Веберъ. Я ее знаю по бичевкѣ.

— Фрицъ Зальманъ, откуда ты досталъ эту колбасу?

Для Фрица Зальмана это былъ самый злодѣйскій во-просъ со стороны президента. Судьба очевидно не хотѣла помогать; опытъ не помогалъ тоже. Президентъ стоялъ предъ нимъ, держа въ одной рукѣ колбасу, а въ другой пруть, и пруть этотъ находился въ опасной близости отъ его спины. Единственная выручка заключалась въ связкѣ бумагъ, да и на нее была плохая надежда потому что госпо-динъ президентъ всегда открывалъ ее присутствіе по зву-ку. Фрицъ Зальманъ понялъ что дѣло было плохо и пустился въ слезы.

— Мнѣ ее дали! сказалъ онъ.

— Это ты лжешь! воскликнула жена президента. Ты до-сталъ ее лалкой изъ копильни!

— Успокойся, Иетхенъ! Отвѣтовъ нельзя подсказывать Фрицъ, кто далъ тебѣ колбасу?

— Дэвида Вестфаленъ.

— Гдѣ это было, Фрицъ?

— На деревѣ.

— Развѣ она сидѣла тамъ съ тобою?

— Нѣтъ, она сидѣла въ копильнѣ и повѣсила мнѣ кол-басу на лалку, а для этого вколотилъ въ нее гвоздь.

— Ты сейчасъ говорилъ мнѣ что ты не знаешь гдѣ дѣвица Вестфаленъ. Ты слѣдовательно солгалъ, Фрицъ Зальманъ.

— Ахъ господинъ президентъ! что же мнѣ было дѣлать! я и господинъ застѣдатель Герзе устроили заговоръ, и я ему далъ священную клятву что никому, даже вамъ, не скажу гдѣ дѣвица Вестфаленъ.

— Кому ты служишь и чей ты хлѣбъ ѣшь: мой или господина застѣдателя? Ты солгалъ, Фрицъ, а когда ты лжешь, тебя нужно съечь. Такое у насъ условіе.

Съ этими словами старикъ президентъ взялъ Фрица за воротъ и уже поднималъ свой прутъ. Если судьба хотѣла вступиться, ей нельзя было болѣе терять времени. И она вступилась. Въ дверь постучали и въ комнату вошелъ городской стражъ Лутъ.

— Господинъ бургомистръ приказали кланяться и доложить что дѣла часовщика и мельника очень плохи. Они просятъ господина президента побезпокоиться и сейчасъ пожаловать въ ратушу. А главное—чтобы потрудились захватить съ собою дѣвицу Вестфаленъ, потому что ея показаніе особенно важно.

— Сейчасъ иду, мой милый Лутъ. Иетхенъ, это дѣло слѣшное. Фрицъ Зальманъ, принеси мнѣ мой сюртукъ. А ты, Иетхенъ, поди къ несчастной старухѣ въ коптальню и сведи ее оттуда.

Съ какою быстротою принесъ Фрицъ Зальманъ сюртукъ! Какъ онъ торопился скрыться изъ глазъ президента!

— Сударыня, мнѣ нужно идти съ вами, сказалъ онъ женѣ президента. — Она вамъ однимъ не отойдетъ, да она вѣдь собственно и сидитъ-то не въ коптальнѣ, а въ одномъ мѣстечкѣ которое я одинъ знаю.

Онъ побѣжалъ впередъ. Жена президента не торопясь пошла за нимъ. Фрицъ постучалъ въ дверь коптальни:

— Мамзель Вестфаленъ, отойдите, это я!

Отвѣта не было.

— Мамзель Вестфаленъ, „все благополучно“! „Соломинка“!

Отвѣта опять не послѣдовало.

— Мамзель Вестфаленъ, Французы ушли!

Послышались какіе-то звуки. Раздался печальный голосъ:

— Фрицъ Зальманъ, тебѣ имя—лгуны. Не вводи меня въ искушеніе!

— Отворите, Вестфаленъ! воскликнула между тѣмъ и жена президента.—Это я, хозяйка!

— Я не могу вамъ показаться, отвѣчалъ голось.—Я грѣшница, великая грѣшница!

— Отворяйте только! тогда все опять устроится!

Послѣ долгихъ уговоровъ, дѣвица Вестфаленъ наконецъ отворила коптильню и показала. Лицо ея было красно и по щекамъ текли слезы. Никто не знаетъ по сей день текли ли онѣ отъ волненія или отъ дыма. Довольно того что онѣ текли, и еслибы только можно было употребить это выраженіе про тучную пожилую дѣву, то я сказалъ бы что она стояла какъ поломанная тростинка.

— Сударыня, сказала дѣвица Вестфаленъ,—я не могу показаться вамъ на глаза, я глубоко пала. Я двадцать лѣтъ нахожусь въ вашемъ благословенномъ домѣ и въ жизни моею не украли ни одной крупицы. Одна горестная минута изменила все дѣло: я покусилась на ваше добро.

— Ахъ, Вестфаленъ, оставьте это! сходите только съ Богомъ внизъ!

— Я не могу сдѣлать ни одного шага, сударыня! Сначала мнѣ нужно покаяться! Вы знаете что я скрываюсь; засѣдатель Герзе помогъ мнѣ скрыться, да вотъ еще этотъ лаутъ, Фрицъ Зальманъ. Я въ горести сижу тутъ и думаю про участь господина Дрой и про все остальное, и жду что вотъ этотъ лаутъ принесетъ мнѣ извѣстіе о томъ въ какомъ положеніи находятся дѣла. Вдругъ я слышу что предъ слуховымъ окномъ кто-то кашляетъ; потомъ меня зовутъ по имени; я подкралась къ окну, выглянула, да такъ и обмерла. Вообразите, сударыня, этотъ разбойникъ вѣвзъ на дерево, сползъ на длинную вѣтку и сидитъ какъ ворона, да на такой высотѣ-то! „Фрицъ Зальманъ“, говорю я ему, „лаутъ! слѣзешь ты съ дерева или нѣтъ?“ Что жъ вы думаете? онъ смѣется! „Фрицъ Зальманъ“, кричу я, „вѣдь мнѣ придется отвѣчать предъ твоимъ отцомъ если ты сломишь себѣ шею!“ А онъ опять смѣется и говоритъ: „я“, говоритъ, „хотѣлъ вамъ только сказать что часовщика ловѣсятъ, что засѣдателя Герзе Французы схватили и заперли въ тюрьму, а васъ послали искать цѣлый баталіонъ солдатъ“. Сударыня, извѣстія эти были не утѣшительны, я очень испугалась; но утѣраю васъ что страхъ за этого лаута былъ у меня сильнѣе. „Слѣзай съ дерева“, кричу я ему. А онъ осклабился, знаете какъ обезьяны которыя вотъ на собакахъ верхомъ ѣздятъ, и говоритъ: „Дайте мнѣ“, гово-

рить, „колбасу, тогда я слѣзу“. Да какъ начнетъ выкидывать разные штуки, точно паацъ, да запрыгаетъ по вѣтвямъ, какъ заяцъ въ капустѣ: такъ у меня въ глазахъ-то и потемнѣло! Я подумала: что такое колбаса? и что такое жизнь человѣческая? и въ страхъ локучилась на вашу ответственность. Онъ протянулъ мнѣ палку, я повѣсила на нее колбасу. Въ это время его позвалъ господинъ президентъ. Онъ началъ слѣзать съ дерева, а самъ лотихоньку кричить мнѣ что это онъ мнѣ все навралъ, что это все неправда. Поэтому я и говорю, сударыня, что онъ лгуиъ, и такъ при этомъ и останусь.

— Оставьте, Вестфаленъ, мой мужъ считаетъ еще за нимъ цѣлый окорокъ. Онъ не уйдетъ отъ расправы.

Жена президента съ большими усиліями свела старую дѣву съ чердака. Когда онъ сошелъ внизъ, президентъ, выправившись во весь ростъ, ходилъ совсѣмъ одѣтый по комнатѣ и уже ждалъ. Не малаго труда стоило уговорить дѣвицу Вестфаленъ отправиться вмѣстѣ съ президентомъ въ ратушу, или, какъ она говорила, „прямо во львиную пасть“. Она согласна была терпѣть все что она заслужила по своему неразумію, хотя она и сдѣлала все по добротѣ и честь честью. Но стоять предъ посторонними мужчинами и защищаться въ своихъ отношеніяхъ къ господину Дрой, это было выше ея силъ, какъ честной женщины. Она объявила, что ужъ если господинъ президентъ непремѣнно настаиваетъ на томъ, то пусть идутъ съ ними также Софья и Каролина которыя въ свою очередь покажутъ что онъ ночью спали вмѣстѣ съ нею.

Господинъ президентъ долженъ былъ уступить въ этомъ отношеніи. Въ то время какъ дѣвица Вестфаленъ отправилась къ себѣ въ комнату чтобы достать себѣ платокъ и калоръ, старикъ задумчиво ходилъ большими шагами по комнатѣ и размахивалъ по воздуху своею старою студенческою палкой безъ которой онъ никогда не выходилъ со двора.

— Гетхенъ, сказалъ онъ наконецъ,—она права: работницамъ не будутъ въ этомъ случаѣ лишними. Но скажи пожалуйста, Гетхенъ,—онъ остановился и понюхалъ воздухъ,—почему здѣсь пахнетъ копченымъ?

— Да это отъ нея, Веберъ. Она вѣдь болѣе часа сидѣла въ котилѣнѣ.

— Да! это другое дѣло, сказалъ старикъ президентъ.

Жена его должна была позвать обѣихъ работницъ. Не доставало только дѣвицы Вестфаленъ. Когда она явилась, всѣ отправились и дѣвица Вестфаленъ простилась со своею хозяйкой на вѣки. Никто не говорилъ ни слова. Но когда они вышли изъ дверей замка, дѣвица Вестфаленъ обернулась и сказала:

— Софья, когда мы придемъ на площадь, забѣги къ доктору и попроси его чтобъ онъ явился если со мною случится что-нибудь. Мнѣ кажется что ко мнѣ подступаютъ обмороки.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ДЕНЬГИ МИЛЕДИ

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ МОЛОДОЙ ДѢВУШКИ,

РАЗКАЗАННЫЙ

УИЛКИ КОЛЛИНСОМЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

Г Л А В А XVI.

Сдѣлавъ на другой день визитъ бывшей школьной учительницѣ, Гардиманъ такъ ловко воспользовался благоприятными обстоятельствами что посѣщеніе конскаго завода состоялось спустя сутки. Въ распоряженіе Изабелы и ея тетуски былъ предоставленъ собственный его экипажъ, а личное присутствіе сестры его должно было придать особенное значеніе приему миссъ Пикъ.

Въ такой странѣ какъ Англія, гдѣ ради скачекъ ежегодно приостанавливаются даже законодательныя собранія, весьма естественно что на конскомъ заводѣ дѣломъ первостепенной важности являлись заботы о лошадиномъ comfortѣ.

Девять - десятыхъ всего помѣстья Гардимана такъ или иначе посвящались благородному животному съ низкимъ лбомъ и длинною мордой. Жалкое человѣчество довольствовалось кое-какими удобствами втораго и даже третьяго разбора.

Декоративныя части, садъ и прочее, скудно разбиты, отличались и ограниченностью размѣровъ, что же касается жилой усадьбы, то это былъ простой коттеджъ. Зала, кухня, курительная комната, спальня и свободная комната для заѣзжихъ друзей, непритомливо обставленная, совершенно удовлетворяла огромнымъ потребностямъ владѣльца имѣнія. Желавшій насытиться зрѣлищемъ роскоши долженъ былъ отправиться въ конюшни.

Описавъ конскій заводъ, мы по порядку должны познакомиться читателя съ сестрой Гардимана.

Досточтимая Лавинія Гардиманъ, какъ это извѣстно въ свѣтъ, въ довольно зрѣлыхъ лѣтахъ вышла замужъ за генерала Дромбледа. Если назвать мистрисъ Дромбледъ самою злоковѣнною женщиной ея лѣтъ во всей Англіи, то этимъ будетъ сказано все, хотя отнюдь не преувеличено. Она, такъ-сказать, жила и дышала сплетнями: ставить людей въ ложныя положенія, разглашать тайны и вредить чужой репутаціи, разстраивать дружественныя связи и усиливать враждебныя отношенія — таковы были источники наслажденія въ которыхъ эта опасная женщина почерпала неизсякаемый запасъ отличнѣйшаго расположенія духа, дѣлавшаго ее блестящимъ свѣтиломъ общественнымъ сферѣ. Она была одною изъ привилегированныхъ грѣшницъ современнаго общества. Самое злостное коварство съ ея огромнымъ прилисомъ „избытку живости ея характера“. Она въ высшей степени владѣла тою фамиллярною развязностью подъ видомъ которой (въ ея кругу) такъ часто скрывается наглость. Самоуверенность ея такъ сильно вліяла на волю, что гдѣ бы она ни появилась, ей подчинялись безпрекословно. Это была одна изъ тѣхъ великодушныхъ, подавляющихъ женщинъ, съ рѣзкими манерами, смѣлымъ взглядомъ, и бойкими на языкъ, которыя во всемъ идутъ на проломъ къ цѣли. Вмѣстѣ общество скромно считало себя рискующимъ потускнуть въ отсутствіи мистрисъ Дромбледъ. Даже самъ Гардиманъ, почти не выдавшійся съ нею, такъ какъ его чистосердечная прямая натура инстинктивно уклонялась отъ столкновѣній съ сестрой, и тотъ не нашелъ болѣе подходящей особы для того чтобъ очаровать пріемомъ миссъ Пункъ, въ то время какъ самъ онъ посвящать все свое вниманіе ея племянницѣ. Мистрисъ Дромбледъ впадала за предлагаемую ей роль съ самою любовною готов-

ностью. Въ глубинѣ души она истолковала себѣ братскимъ намѣреніемъ такимъ образомъ что нельзя было оказать ему большей несправедливости. Она думала что виды Гардина на касательно Изабелъ были самаго порочнаго свойства. Помочь ему въ этомъ дѣлѣ, въ то время какъ дѣвушка по-видимому находилась подъ заботливымъ окомъ ближайшей своей родственницы, мистрисъ Дромбледъ считала величайшею „лѣтѣхой“. Злѣйшіе враги ея находили что у достойной Лавиніи есть качества искушающія ея недостатки и ставили ей въ заслугу тонкое пониманіе юмора.

Такова ли была миссъ Пинкъ чтобы воспротивиться обаянію мистрисъ Дромбледъ? Увы! бѣдная учительница! Не успѣла она пробить и пяти минутъ въ обществѣ этой дамы какъ сестра Гардина уже закинула ей удочку, подсадила и подвела ее. Бѣдная миссъ Пинкъ! Мистрисъ Дромбледъ умѣла надѣвать личину строжайшаго достоинства, когда этого требовали обстоятельства. Она отличалась важностью и большимъ достоинствомъ, когда Гардинъ совершалъ церемонію представленій. Мало сказать что она въ восторгѣ отъ встрѣчи съ миссъ Пинкъ—эта банальная свѣтская фраза оскорбила бы слухъ миссъ Пинкъ—она считаетъ это представленіе существенно для себя важнымъ. Въ свѣтѣ такъ рѣдко приходится встрѣчать людей истинно развитыхъ. Мистрисъ Дромбледъ много измышляла о прошлыхъ триумфахъ миссъ Пинкъ какъ наставницы юнашества. Самое мистрисъ Дромбледъ Богъ не благословилъ дѣтьми, но у нея есть племянники, племянницы, и она такъ беспокоится за ихъ воспитаніе, особенно за племянницъ. Какая милая, скромная дѣвушка миссъ Изабелла. Она была бы вполне счастлива еслибы племянники ея приходили на миссъ Изабеллу, когда вырастутъ. Ее занимаетъ вопросъ о наилучшемъ способѣ воспитанія. Она должна сознаться что искала знакомства миссъ Пинкъ съ эгоистическою цѣлью. На заводъ они пріѣхали, конечно, по-смотреть Альфредовыхъ лошадей. Мистрисъ Дромбледъ не знаетъ толку въ лошадяхъ; она интересуется вопросомъ воспитанія. Она готова признаться что и самое приглашеніе Альфреда приняла она единственно въ надеждѣ усаманить мнѣніе миссъ Пинкъ. Быть-можетъ найдется возможность посвятить нѣсколько минутъ поучительной бесѣдѣ объ этомъ предметѣ. Пожалуй, оно и сдѣлано въ ея дѣла

заявлять что она чувствует себя какъ бы ученицей миссъ Пинкъ, однако жъ это какъ нельзя вѣрнѣе выражаетъ то что у нея на умѣ. Такимъ образомъ, пролагая себѣ путь съ чрезвычайною ловкостью, мистрисъ Дромбледъ опутывала миссъ Пинкъ сѣтями лести, пока не овладѣла вполнѣ этою невинною особой. Не успѣли онѣ осмотрѣть и половины лошадей какъ уже потеряли изъ виду Изабелу и Гардимана, а сами заблудились въ лабиринтѣ стойлъ.

— Какъ это глупо съ моей стороны! вернемтесь-ка лучше да усядемся поужинать въ залъ. Когда братъ хватится насъ, они съ вашею очаровательною лакеянницей станутъ искать насъ въ коттеджѣ.

Подъ покровомъ такого соглашенія, лары окончательно разлучились. Миссъ Пинкъ читала въ залѣ мистриссъ Дромбледъ лекцію о воспитаніи, между тѣмъ какъ Изабела и Гардиманъ направлялись къ небольшому загону на самомъ отдаленномъ концѣ имѣнія.

— Кажется, вы немного устали, сказалъ Гардиманъ, — позвольте мнѣ предложить вамъ руку.

Изабела была на сторожѣ: она не забыла сказаннаго ей леди Лидіардъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, мистеръ Гардиманъ. Я лучшій ходокъ нежели вы думаете.

Гардиманъ повелъ разговоръ по-своему, круто и рѣшительно.

— Не знаю, повѣрите ли вы, спросилъ онъ, — если я скажу вамъ что это одинъ изъ счастливейшихъ дней въ моей жизни.

— Я полагаю, вы всегда счастливы, осторожно возразила Изабела, — живя въ такомъ прелестномъ уголкѣ.

Гардиманъ спокойно противопоставилъ этому отвѣту одно изъ своихъ обычныхъ рѣзкихъ возраженій.

— Человѣкъ никогда не бываетъ счастливъ пока одинокъ. Онъ счастливъ вдвоемъ. Я, напримѣръ, счастливъ съ вами.

Изабела остановилась и отшатнулась назадъ. Гардиманъ выражался ужъ слишкомъ ясно.

— Мы вѣрно потеряли мистрисъ Дромбледъ и тетюшку, проговорила она, — я нигдѣ не вижу ихъ.

— Сейчасъ увидите, онѣ только поотстали отъ насъ.

Вслѣдъ за этимъ увѣреніемъ, онъ со свойственною ему настойчивостью вернулся къ тому что имѣлъ въ виду.

— Миссъ Изабела, я хочу предложить вамъ одинъ вопросъ. Я не дамскій угодникъ. Я прямо высказываюсь всякому — въ томъ числѣ и женщинамъ. Покрапидось ли вамъ сегодня у насъ?

Сдержанность Изабелы не устояла противъ такого вопроса въ упоръ.

— Трудно было бы угодить мнѣ, сказала она смѣясь, — еслибъ я не наслаждалась лѣтздой въ ваше имѣніе.

Гардиманъ храбро двинулся на проломъ сквозь прелатствіе имѣнія къ вопросу о его хозяйнѣ.

— Вамъ нравится здѣсь, повторилъ онъ, — а я нравлюсь ли вамъ?

Это было серьезно. Изабела немного отступила и смотрѣла на него. Онъ съ непроницаемою важностью ждалъ ея отвѣта.

— Мнѣ кажется, едва ли вы можете разчитывать что я отвѣчу на этотъ вопросъ, проговорила она.

— Почему же нѣтъ?

— Наше знакомство еще такъ непродолжительно, мистеръ Гардиманъ. И если вы такъ добры, что забываете разницу между нами, то я должна ее помнить.

— Какую разницу?

— Разницу общественныхъ положеній.

Гардиманъ вдругъ остановился и отбѣялъ посаждающую рѣчь, ударяя тростью по травѣ.

— Если въ моихъ словахъ что-нибудь оскорбило васъ, началъ онъ, — скажите мнѣ это просто, миссъ Изабела, и я попрошу у васъ извиненія. Но не бросайте мнѣ въ лицо моего общественного положенія. Я покончилъ со всѣмъ этимъ вздоромъ, заведя этотъ заводъ и добывая себѣ хлѣбъ лошадыми. Что общаго между общественнымъ положеніемъ человека и его чувствами? продолжалъ онъ, снова ударяя тростью. — Я совершенно серьезно спрашиваю васъ, нравлюсь ли я вамъ, по той простой причинѣ что вы мнѣ нравитесь. Да, это вѣрно. Вы помните тотъ день, когда я пускалъ кровь собачекѣ старой леди, ну вотъ съ тѣхъ поръ я и вижу что въ жизни моей кака-то неполнота, которой я до этого времени не подозрѣвалъ. Это вы пробудили въ моей головѣ такіа мысли. Разумѣется, вы не хотѣли этого, но тѣмъ не менѣе вы это сдѣлали. Вчера вечеромъ, сижу я одинъ, курю трубку — никакого

удовольствія.. Сегодня утромъ былъ одинъ лишь чай—никакого удовольствія. Думаю, она придетъ къ завтраку, это будетъ утѣшеніе, позавтракаю съ удовольствіемъ. Вотъ каковы мои чувства, въ грубыхъ чертахъ. Кажется, не проходило и пяти минутъ безъ того чтобъ я не думалъ о васъ то такъ, то этакъ съ тѣхъ поръ какъ увидѣлъ васъ въ первый разъ. Человѣкъ моихъ лѣтъ и съ моею опытностью знаетъ что это значитъ. Это значитъ, попросту сказать, что сердце его отдано женщинѣ. Женщина эта—вы.

Изабела вѣсколько разъ пыталась прервать его, но безъ успѣха. Когда же исповѣдь Гардимана достигла кульминаціонной точки, она настояла чтобъ ее выслушали.

— Вы меня извините, сэръ, серьезно перебила она,—мнѣ кажется лучше будетъ пойти въ коттеджъ. Тетушка моя не здѣшная и не знаетъ гдѣ васъ искать.

— Намъ тетушка ваша не нужна, замѣтилъ Гардиманъ высказываясь по обыкновенію самымъ положительнымъ образомъ.

— Нужна, возразила Изабела.—Я не рѣшусь утверждать, мистеръ Гардиманъ, что вамъ не слѣдовало бы говорить такимъ образомъ, но совершенно увѣрена въ томъ что мнѣ отнюдь не слѣдуетъ этого слушать.

Онъ взглянулъ на нее съ такимъ непритворнымъ удивленіемъ и растерянностью что она, совсѣмъ было ужъ готовая оставить его, приостановилась и попыталась высказаться яснѣе.

— Я не имѣла намѣренія оскорбить васъ, сэръ, сказала она съ вѣкоторымъ смущеніемъ,—я только хотѣла напомнить вамъ что есть вещи, о которыхъ джентльменъ въ вашемъ положеніи... Она залулась, стараясь докончить фразу, но это не удалось и она начала другую:—Будь я дѣвушка равнаго съ вами положенія въ свѣтѣ, продолжала она,—я можетъ-статья поблагодарила бы за вниманіе и пожалуй дала бы вамъ серьезный отвѣтъ. Но при существующихъ обстоятельствахъ кажется я должна сказать что вы удивили и огорчили меня. Я знаю что не могу требовать многого по отношенію къ себѣ. Но я думала что пока въ моемъ поведеніи нѣтъ ничего предосудительнаго, я имѣю вѣкоторое право на ваше уваженіе.

Слушая ее съ возрастающимъ нетерпѣніемъ, Гардиманъ

взялъ ее за руку и разразился еще однимъ изъ своихъ отрывистыхъ вопросовъ.

— Неужели вы могли это подумать? спросилъ онъ.

Она не отвѣчала ему; только взглянула на него съ упрямствомъ и пыталась освободиться. Гардиманъ еще крѣпче держалъ ея руку.

— Мнѣ кажется, вы считаете меня чертовскимъ негодяемъ? сказалъ онъ.—Я могу многое вывести, миссъ Изабела,—но *этого* я не выведу. Чѣмъ же я оказалъ вамъ неуваженіе, скажите пожалуйста? Я¹ говорилъ что вы женщина которой отдано мое сердце. Ну? Развѣ не знаю чего я хочу отъ васъ, говоря это? Изабела Миллеръ, я желаю что бы вы были моею женой.

Единственнымъ отвѣтомъ Изабелы на это необычайное предложеніе былъ слабый крикъ изумленія, сопровождаемый трелетомъ всего тѣла съ ногъ до головы.

Гардиманъ обнялъ ее съ такою вѣжностью которой конечно не ожидалъ бы отъ него даже самый старинный изъ его друзей.

— Подумайте вѣсколько времени, сказалъ онъ, возвращаясь къ обычному спокойному тону,—если бы вы хоть немного лучше знали меня, вы меня поняли бы и не смотрѣли бы на меня теперь такъ какъ будто боитесь повѣрить своимъ ушамъ. Чтò удивительнаго въ моемъ желаніи жениться на васъ? Вѣдь не въ святые же мнѣ готовиться. Въ молодости я былъ не лучше (и не хуже) остальныхъ молодежи. Теперь я уже становлюсь человекомъ среднихъ лѣтъ. Мнѣ не нужно романовъ и приключеній, я ищу спокойной жизни съ милою любящею женщиной, которая была бы мнѣ доброю женой. Эта женщина вы, опять-таки говорю вамъ. Я это знаю и по тому что самъ видѣлъ въ васъ, и по тому что слышалъ о васъ отъ леди Лидиардъ. Она говорила что вы кротки, добры, способны къ привязанности; къ этому я долженъ присевокупить что у васъ именно такое лицо и фигура какія мнѣ нравятся, скромныя манеры и къ счастью, полное отсутствіе пошлости въ разговорѣ, чего я не нахожу въ молодыхъ особахъ встречаемыхъ въ наши дни. Взглядъ мой таковъ: прежде всего я забочусь о самомъ себѣ. Чтò мнѣ за дѣло чья вы дочь—герцога или скотника? Вѣдь я не на отцѣ вашемъ женюсь, а на васъ. Разсудите, дорогая моя. Надо рѣшить одинъ только

вопросъ прежде чѣмъ вернемся къ тетумкѣ. Вы не хотѣли отвѣтить, когда я спросилъ нѣсколько минутъ тому назадъ. Не отвѣтите ли теперь? Праваясь ли я вамъ?

Изабела робко взглянула на него.

— Въ моемъ положеніи, сэръ, сказала она, — имѣю ли я право на это? Что скажутъ ваши родные и друзья, если я дамъ утвердительный отвѣтъ.

Гардиманъ въ видѣ укора слегка сжалъ ея талию.

— Какъ! вы опять за то же? Хорошо отвѣтъ человеку — называть его „сэръ“ и прятаться за его общественное положеніе, точно это убѣжище отъ него! Я терпѣть не могу говорить о себѣ, но вы меня вынуждаете на это. Вотъ мое положеніе въ свѣтѣ — у меня есть старшій братъ; онъ женатъ, сынъ его наследуетъ титулъ и имѣнія. Понимаете вы это? Хорошо. Вотъ уже сколько лѣтъ какъ я свалилъ свою долю общественнаго положенія (каково бы оно ни было) на братиныя плечи. Онъ славный малый, и съ тѣхъ поръ несъ за меня бремя почестей, ни разу не уронивъ его. Что же касается того что скажутъ, то было уже довольно сказано, начиная съ моихъ родителей и ниже, съ того времени какъ я занялся конскимъ заводомъ. Если они дѣйствительно умные люди, какими я ихъ считаю, то едва ли они возьмутъ на себя трудъ говорить все это снова. Нѣтъ, нѣтъ. Судите какъ угодно, миссъ Изабела, будь я холостъ или женатъ, все же я останусь Альфредомъ Гардиманомъ, а всакому изъ моихъ знакомыхъ извѣстно что я иду своимъ путемъ и ни въ чьемъ одобреніи не нуждаюсь. Если я вамъ не праваясь — это будетъ для меня самымъ горькимъ разочарованіемъ во всю мою жизнь; но тѣмъ же менѣе скажите это прямо и честно.

Какая женщина, въ положеніи Изабелы, была бы способна ни мало не уступить въ своемъ сопротивленіи при подобномъ обращеніи къ ней?

— Надо быть безсердечнымъ существомъ чтобы не цѣнить той чести которую вы мнѣ сдѣлали, горячо возразила она, — и я глубоко признательна вамъ.

— Значитъ, вы согласны выйти за меня замужъ? напрямикъ спросилъ Гардиманъ.

Она была прижата къ стѣнѣ; но (какъ женщина) понытавшись въ послѣднюю минуту выскользнуть у него изъ самыхъ рукъ.

— Простите ли вы мнѣ, сказала она, — если я попрошу васъ еще немного повременить? Я такъ растерялась, не знаю что мнѣ сказать и какъ поступить чтобъ это было къ лучшему. Вы понимаете, мистеръ Гардиманъ, мнѣ было бы невыносимо стать причиной вашего разрыва съ родней. Я обязана подумать объ этомъ. Вамъ было бы очень горько (о себѣ ужъ я не говорю), еслибы ваши друзья заперли мнѣ двери своего дома. Они могутъ сказать что я интригантка, воспользовавшаяся вашею благоославною тобою пріобрѣсти болѣе высокое положеніе въ свѣтѣ. Леди Лидіардъ всегда предостерегала меня отъ личнаго честолюбія и со-вѣтовала не забывать своего мѣста, хотя и обращалась со мною какъ съ пріемною дочерью. Но истинѣ... право я не могу выразить до какой степени чувствую вашу доброту и вниманіе которое вы мнѣ оказываете!.. Сердце мое свободно; и еслибъ я послѣдовала собственному влеченію... Она остановилась, чувствуя себя на волосокъ отъ излишней откровенности. — Дайте мнѣ нѣсколько дней, умоляла она, — я попробую спокойно обдумать все это... Я неопытная дѣвушка, и меня просто ослѣпляетъ предлагаемая вами будущность...

Гардиманъ принялъ эти слова за желанное поощреніе своему искательству.

— Дѣйствуйте по своему усмотрѣнію въ этомъ, какъ и во всемъ! проговорилъ онъ съ необычнымъ жаромъ въ рѣчахъ и манерѣ. — Я такъ радъ слышать что сердце ваше открыто мнѣ и что влеченія ваши на моей сторонѣ...

Изабела тотчасъ запротестовала противъ такого неправильнаго толкованія ея словъ.

— О, мистеръ Гардиманъ, вы совсѣмъ не такъ меня поняли.

Онъ отвѣчалъ ей почти то же что говорилъ и леди Лидіардъ, когда та пыталась вразумить его касательно его отношеній къ Изабелѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ; я понимаю васъ. Я согласенъ съ каждымъ вашимъ словомъ. Могу ли ожидать что вы выйдете за меня замужъ, какъ вы совершенно справедливо замѣтили, если не дамъ вамъ денька два на то чтобъ освоиться съ этою мыслью и рѣшиться? Съ меня довольно и того что вамъ нравится этотъ планъ. Если леди Лидіардъ обращалась съ вами какъ съ дочерью, почему же вамъ не быть моею

женой? Не подлежит сомнѣнію что вы совершенно правы, выходя замужъ за человѣка который можетъ дать вамъ болѣе высокое положеніе. Мнѣ нравится что вы честолюбивы, хотя, видите Богъ, многого дать вамъ я не могу, за исключеніемъ любви отъ всего сердца. Все же меня сильно ободряетъ когда я слышу что взгляды миледи сходятся съ моими...

— Они не сходятся, мистеръ Гардиманъ, протестовала бѣдная Изабелла:—вы совершенно перебиваете...

Гардиманъ добродушно согласился и съ этою точкой зрѣнія.

— Да, да! Я не могу въ точности передать выраженія леди Лидіардъ или ваши; мнѣ приходится говорить какъ умѣю. Не разстраивайтесь: все хорошо, я понимаю. Вы сдѣлали меня счастливѣйшимъ изъ людей. Завтра я пройду съ верхомъ къ вашей тетюшкѣ за вашимъ отвѣтомъ. Смотрите же, будьте дома! Теперь не пройдетъ дня чтобъ я не видалъ васъ. Я люблю васъ, Изабелла, истинно люблю.

Онъ замолчалъ и поцѣловалъ ее отъ всего сердца.

— Это награда, пояснилъ онъ,—за то что даю вамъ время подумать.

Она отошла отъ него рѣшительно, но безъ гнѣва. Прежде чѣмъ она успѣла сдѣлать новую попытку представить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ, въ коттеджъ прозвонили къ завтраку и появился слуга, очевидно посланный искать ихъ.

— Не забудьте завтра, теплулъ Гардиманъ.—Я заѣду пораньше, а потомъ въ Лондонъ за кольцами.

Г Л А В А XVII.

Событія быстро пошли одно за другимъ послѣ этого памятнаго Изабеллѣ завтрака у Гардимана.

На другой день (9го числа) леди Лидіардъ послала за своимъ управляющимъ и потребовала чтобъ онъ объяснилъ свое странное поведение, свои частыя отлучки изъ дому безо всякаго повода. Она не ослабляла его правъ на свободу дѣйствія, недопускаемую для обыкновеннаго служителя. Неудовольство ея относилось единственно къ таинственности которою онъ облакался и къ неизвѣстности времени его возвращенія. На этихъ основаніяхъ она считала себя въ правѣ требовать объясненія. Обычная сдержанность

Муди, усиливаемая въ этомъ случаѣ боязнью попасть въ смѣшное положеніе, если его усилія въ пользу Изабеллы потерпѣтъ неудачу, не позволяла ему довѣриться леди Лидіардъ пока его розыски встрѣчали прелѣтствія. Онъ почтительно просилъ миледи отсрочить требуемое объясненіе на нѣсколько недѣль. Горячность леди Лидіардъ возмущалась этою просьбой. Она прямо высказала Муди что онъ совершаетъ проступокъ противъ благоприличія, дерзко ставя свои условія нанимателю. Онъ привалъ выговоръ съ примѣрною покорностью, но тѣмъ не менѣе настаивалъ на условіяхъ.

Съ этой минуты результатъ свиданія уже не подлежалъ сомнѣнію. Муди было приказано прислать свои счета. Когда счета были просмотрѣны и найдены безукоризненно правильными, онъ отказался отъ полученія сѣдовавшаго ему жалованья, которое ему предлагали. На другой день онъ оставилъ службу леди Лидіардъ.

10го числа миледи получила письмо отъ племянника.

Здоровье Феликса не улучшалось. Онъ рѣшился ѣхать за границу въ концѣ мѣсяца. Между тѣмъ онъ писалъ своему парижскому другу и имѣлъ удовольствіе получить отвѣтъ. Приложенное Феликсомъ письмо гласило что утраченный билетъ въ пятьсотъ фунтовъ былъ предметомъ самыхъ бдительныхъ розысковъ въ Парижѣ. Никакихъ сѣдковъ не найдено. Французская полиція предлагала прислать въ Лондонъ одного изъ лучшихъ своихъ людей, хорошо знающаго англійскій языкъ, если леди Лидіардъ пожелаетъ воспользоваться его услугами. Онъ охотно возьмется вести сѣдствіе вмѣстѣ съ англійскимъ полицейскимъ агентомъ, если это окажется необходимымъ.

Мистеръ Трой, когда къ нему прибѣгли за совѣтомъ по поводу этого предложенія, возсталъ противъ требуемаго денежнаго вознагражденія, которое онъ находилъ несообразно высокимъ. Онъ совѣтовалъ обождать немножко прежде чѣмъ посылать какой-либо отвѣтъ въ Парижъ, а тѣмъ временемъ онъ войдетъ въ сношенія съ однимъ лондонскимъ солиситоромъ, имѣвшимъ большую опытность въ дѣлахъ о кражѣ, такъ что при его помощи можно будетъ совершенно обойтись безъ услугъ французской полиціи.

Ставъ снова свободнымъ человекомъ, Муди могъ теперь сѣддовать своимъ вѣченіямъ касательно инструкцій полученныхъ имъ отъ стараго Шарона.

Путь указанный ему этимъ послѣднимъ не согласенъ былъ съ его самоуваженіемъ и чувствомъ деликатности, остававшимся врожденными качествами Муди. Онъ отвращался отъ мысли войти въ дружбу съ лакеемъ Гардимана, онъ отступалъ предъ необходимостью соблазнить этого челядька чтобы тотъ выкралъ образчикъ почерка своего господина. Пораазмысливъ, онъ рѣшился обратиться къ управляющему лондонскимъ домомъ Гардимана. Будучи старымъ знакомымъ Муди, это лицо конечно не задумалось бы сообщить ему адресъ банкира Гардимана, если адресъ былъ ему извѣстенъ. Опытъ произведенный при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Муди въ тотъ же день явился на квартиру Шарона съ адресомъ банкира записаннымъ въ памятной книжкѣ. Старый негодяй, котораго чрезвычайно забавляла совѣстливость Муди, ясно видѣлъ что если онъ напишетъ это предполагаемое письмо Гардимана въ третьемъ лицѣ, то почеркъ будетъ имѣть мало значенія, такъ какъ никакой подписи не потребуется. Письмо было тутъ же сочинено по плану уже передававшему Муди Шарономъ, и респектабельный посмѣянный (по крайней мѣрѣ по вѣжливости) повеселъ его въ банкъ. Черезъ полчаса пришелъ отвѣтъ. Къ прежнимъ затрудненіямъ, которыя пришлось преодолевать, прибавлялось еще одно. Въ упомянутыя числа суммы въ пятьсотъ фунтовъ не вносились на текущій счетъ Гардимана. Старый Шаронъ, впрочемъ, отнюдь не былъ сконфуженъ первою неудачей.

— Передайте мой поклонъ милой молодой особѣ, сказалъ онъ съ обычнымъ нахальствомъ,—и скажите ей что мы еще на шагъ подвинулись къ поимкѣ вора.

Муди посмотрѣлъ на него, недоумѣвая, шутитъ онъ или говоритъ серьезно.

— Прикажете вдобавить еще кое-какія свѣдѣнія въ вашу тулупную голову? спросилъ Шаронъ; съ этими словами онъ досталъ еженедѣльную газету и показалъ параграфъ извѣщавшій, подъ рубрикой спорта, о недавнемъ постиженіи Гардиманомъ конской ярмарки въ одномъ изъ городковъ сѣверной Франціи.

— Мы знаемъ что онъ не внесъ банковаго билета на текущій счетъ, замѣтилъ Шаронъ;—куда жъ онъ его дѣлъ? Взялъ съ собой для уплаты за лошадей купленныхъ имъ

во Франціи! Надѣюсь, вы теперь яснѣ видите нашъ путь? Очень хорошо. Теперь надо развѣдать въ чьихъ рукахъ эти деньги. Кто-нибудь долженъ переплатить камааъ на поиски за билетомъ. Кому же изъ насъ двоихъ сидѣть на пароходѣ съ бѣлыми тазомъ на колѣнахъ? Конечно, старому Шарону! Онъ замолчалъ, пересчитывая деньги оставшіяся отъ суммы врученной ему Муди на расходы по розыскамъ.

— Все въ порядкѣ! продолжалъ онъ,—хватить на проездъ туда и обратно. Не трогайтесь изъ Лондона пока не получите отъ меня вѣсточку. Не могу сказать долго ли вы мнѣ не понадобится. Если возникнутъ затрудненія по розыску билета, вамъ придется опять раскошелиться. Не залучите ли вы и законника въ долю? Господи! какъ бы охотно посорилъ *его* денежками! Вѣдь это просто позоръ что я вытянулъ изъ него всего только одну гинею. Я готовъ съ себя шкуру спустить какъ подумаю объ этомъ.

Въ ту же ночь старый Шаронъ выбылъ во Францію черезъ Дувръ и Кале.

Прошли два дня безо всякихъ вѣстей объ агентѣ Муди. На третій день онъ получилъ нѣкоторое извѣщеніе касательно Шарона не отъ него самого, но въ письмѣ отъ Изабелы Миллеръ. „Вопервыхъ, дорогой Робертъ, писала она, мое сужденіе оказалось проицательнѣе вашего. Этотъ ненавистный старикъ оправдалъ мое дурное мнѣніе о немъ. Пожалуста накажите его. Отдайте его подъ судъ и обвините его въ мошенническомъ вымогательствѣ у васъ денегъ. Я прилагаю запечатанное письмо данное имъ мнѣ. Недѣльный срокъ, по истеченіи котораго я должна была распечатать его, наступилъ вчера. Можетъ ли быть что-нибудь безстыднѣе и безчеловѣчнѣе? Я слѣшкомъ огорчена и раздосадована тѣмъ что вы даромъ потратили кучу денегъ на этого стараго негодяя, и не въ состояніи писать больше. Ваша признательная и преданная *Изабела*.“

Письмо въ которомъ старый Шаронъ обѣщалъ (ради успокоенія Изабелы) назвать вора по имени содержало слѣдующія строки:

„Вы очаровательная дѣвушка, другъ мой, но все же вамъ кой-чего не достаетъ до совершенства—это урока терпливости. Я горжусь и счастливъ тѣмъ что преподаю его вамъ. Имя вора до сихъ поръ остается: мистеръ... (пробѣлъ).“

Съ точки зрѣнія Муди тутъ можно было сказать лишь одно: это совершенно въ духѣ стараго Шарона! Письмо Изабелы было для него безконечно интересно. Онъ не могъ наглядѣться на слова предшествовавшія подписи: она подписалась „ваша признательная и предавшая“. Неужели это послѣднее слово означало что она начинала любить его? Подѣлавъ это слово, онъ написалъ ей утѣшительное письмо въ которомъ обязывался зорко слѣдить за Шарономъ и не дѣлать ему впередъ денегъ пока онъ честно ихъ не заслужитъ.

Прошла недѣля. Муди (топительно желая повидать Изабелу) все еще напрасно ждалъ вѣстей изъ Франціи. Онъ уже рѣшилъ было не откладывать поѣздки въ Соутъ-Морденъ, какъ вдругъ несомнѣнный мальчишка Шарона привезъ ему слѣдующее извѣстіе: „Старикъ дома и ждетъ васъ“.

ГЛАВА XVIII.

Шаронъ привезъ не веселыя вѣсти. Онъ встрѣтилъ серьезныя затрудненія и, пытаясь преодолѣть ихъ, потратилъ деньги Муди до послѣдняго фардинга.

Впрочемъ онъ сдѣлалъ одно несомнѣнно важное открытіе. Изъ всей армарки только одна лошадь пришлась Гардману по вкусу. Онъ приобрѣлъ ее по высокой цѣнѣ, за двѣнадцать тысячъ франковъ, что составляетъ четыреста восемьдесятъ фунтовъ на англійскія деньги, и заплатилъ англійскимъ банковымъ билетомъ. Продавецъ (французскій барышникъ, живущій въ Брюсселѣ) вернулся въ Бельгію тотчасъ по окончаніи торговыхъ сдѣлокъ. Шаронъ добылъ его адресъ и написалъ ему въ Брюссель, приложивъ нумеръ утраченнаго банковаго билета. Черезъ два дня онъ получилъ отвѣтъ сообщавшій ему что барышникъ былъ вызванъ въ Англію болѣзнью какого-то родственника и не приѣхалъ оттуда адреса по которому слѣдовало ему посылать письма. Узнавъ это и уже истощивъ свои фонды, Шаронъ вернулся въ Лондонъ. Теперь Муди оставалось рѣшить сѣдуетъ ли направить розыски по стопамъ барышника. Затѣмъ налицо былъ счетъ на что употреблены деньги. Налицо былъ самъ Шаронъ съ трубкой во рту и собакой на кофѣвѣхъ, ожидающій приказаній. Муди благоразумно

пожелалъ подождать и подумать прежде чѣмъ рѣшиться. А между тѣмъ осмѣлился предложить новый планъ дѣйствія который пришелъ ему на умъ вслѣдствіе доклада Шарона.

— Мнѣ кажется, оказалъ онъ,—что вы выбрали окольнымъ путь къ достиженію нашей цѣли, тогда какъ предъ нами лежала прямая дорога. Если мистеръ Гардиманъ истратилъ украденный билетъ, вамъ это также хорошо извѣстно какъ и мнѣ что онъ обылъ его неумышленно. Вмѣсто того чтобы тратить время и деньги на выслѣживаніе чужеземца, почему не разказать мистеру Гардиману о случившемся и не попросить его чтобы онъ сообщилъ намъ номеръ билета? Я знаю что невозможно думать обо всемъ ничего не теряя изъ виду; но мнѣ кажется страннымъ что эта мысль не пришла вамъ въ голову до вашего отъѣзда во Францію.

— Мистеръ Муди, сказалъ старый Шаронъ,—мнѣ предстоитъ прервать мое знакомство съ вами. Вы человѣкъ недовѣрчивый и не нравитесь мнѣ. Какъ будто я не думалъ о Гардиманѣ педѣлю тому назадъ! презрительно воскликнулъ онъ.—Или вы въ самомъ дѣлѣ настолько добродушны чтобы допустить что джентльменъ въ его положеніи станетъ говорить со мною о своихъ денежныхъ дѣлахъ? Вы о немъ довольно мало знаете, если только знаете хоть что-нибудь. Недѣли двѣ тому назадъ я послалъ одного изъ своихъ молодыхъ (одѣтаго наиприличивѣйшимъ образомъ) пошататься около колскаго завода, не разузнаетъ ли чего. Молодецъ мой свелъ пренепріятное знакомство съ каблукомъ салого. Салогъ-то былъ тяжеловатъ, сэръ, и принадлежалъ Гардиману.

— Я рискну познакомиться съ салогомъ, отвѣтилъ Муди съ обычнымъ спокойствіемъ.

— И предложите вопросъ Гардиману?

— Да.

— Очень хорошо, сказалъ Шаронъ.—Если вы добьетесь отвѣта языкомъ, а не салогомъ, тогда и дѣлу конецъ—если только я не совсѣмъ обманулъ въ его сути. Слушайте Муди! Если хотите оказать мнѣ добрую услугу, скажите законнику что мой совѣтъ за гинее пригодился. Пусть онъ знаетъ что дуракомъ былъ онъ, а не вы, когда онъ застѣгнулъ карманъ и отказалъ мнѣ въ довѣріи. И вотъ что я вамъ скажу, продолжалъ старый Шаронъ, съ обычнымъ безстыдствомъ:—вы вѣдь влюблены въ эту славную дѣвочку

Она мнѣ нравится. Когда женитесь, позовите меня на свадьбу. Я принесу жертву: причешусь и умоюсь въ честь этого торжества.

Вернувшись на свою квартиру, Муди нашелъ на столѣ два письма пришедшія въ его отсутствіе. На одномъ изъ нихъ была почтовая марка Соутъ-Мордена. Онъ распечаталъ это письмо первымъ.

Оно было отъ миссъ Пинкъ. Въ первыхъ строкахъ его заключалась убѣдительная просьба о томъ чтобъ обстоятельства связанныя съ утратой пятисотъ фунтовъ хранились въ строжайшей тайнѣ отъ всѣхъ вообще и отъ Гардинама въ особенности. Причины этого страннаго требованія излагались далѣе такимъ образомъ: „имѣю очастіе сообщить вамъ что племянница моя Изабела помогалась съ мистеромъ Гардинамомъ. Если до него дойдетъ малѣйшій намекъ на то что надъ нею тяготѣло, хотя бы въ высшей степени несправедливое и жестокое, подозрѣніе въ кражѣ, свадьба разстроится и послѣдствіемъ этого какъ для нея, такъ и для всѣхъ близкихъ ей будетъ позоръ на всю жизнь.“ На оставшемся свободномъ мѣстечкѣ внизу страницы было прибавлено рукой Изабелы: „Какія бы ни произошли перемены въ моей жизни, никто не вытѣснитъ васъ изъ моего сердца какъ лучшаго моего друга. Пожалуйста, лишите мнѣ и увѣрьте меня что вы не огорчены и не сердитесь. Единственное мое желаніе—чтобы вы вспомнили что я всегда говорила вамъ о своихъ чувствахъ. Единственное мое желаніе—чтобы вы позволили мнѣ попрежнему любить и цѣнить васъ какъ роднаго брата.“

Письмо выпало изъ рукъ Муди. Ни слова, ни даже вздоха не вырвалось у него. Молча и безъ слезъ покорился онъ терзавшей его пыткой. Молча и безъ слезъ смотрѣлъ на крушеніе разбитой жизни.

Г Л А В А XIX.

Повѣствованіе снова переноситъ насъ въ Соутъ-Морденъ къ событіямъ сопровождавшимъ обрученіе Изабелы.

Сказать что миссъ Пинкъ, напыщенная торжествомъ, духовно вознеслась отъ земли и возлелась въ облакахъ, было бы весьма слабымъ изображеніемъ дѣйствія произведеннаго на бывшую школьную учительницу разказомъ племянницы

о томъ что произошло при посѣщеніи конского завода. Осаждаемая съ одной стороны теткой, съ другой—Гардиманомъ и слабо защищенная лишь собственными сомнѣніями и предчувствіями, Изабела въ концѣ-концовъ сдалась на капитуляцію. Подобно тысячамъ другихъ женщинъ въ ея положеніи она была до крайности не увѣрена касательно влеченій своего сердца. Разобрать въ какой степени высокое положеніе Гардимана нечувствительно вліяло на ея увѣренность въ томъ что она искренно къ нему привязана, это превышало ея способность къ самоисцѣдованію. Онъ удвойлъ ослабляя ее, и происхожденіемъ, и знаменитостью. Не только въ Англіи, но и во всей Европѣ его признавали авторитетомъ въ его профессіи. Могла ли она—могла ли какая бы то ни была женщина—протиснуться вліянію его твердаго ума, его настойчивости въ достиженіи цѣли, мужественной рѣшимости во всемъ быть обязаннымъ самому себѣ, а не общественному своему положенію, причемъ эти привлекательныя качества еще возвышались вѣнчиками и личными преимуществами, которыя и безъ того покоряютъ людей? Изабела была очарована, но все же ей было не по себѣ. Въ минуты удивленія ее смущали полныя сожалѣнія мысли о Муди, тревожившія и раздражавшія ее. Она всегда честно относилась къ нему; она никогда не подавала ему ни малѣйшей надежды на то что любовь его къ ней можетъ встрѣтить взаимность. Но, сознавая вполнѣ что поведеніе ея относительно его было безусловно, она тѣмъ не менѣе ощущала въ себѣ какое-то непонятное сочувствіе къ нему. Ночью, въ часы безсонницы, въ глубинѣ души ея слышались какіе-то голоса шептавшіе: „Подумай о Муди!“ Не расло ли въ сердцѣ ея расположеніе къ доброму другу, невѣдомо ей самой? Она старалась изсцѣдовать это, узнать его истинную цѣну. Но чувство это залегало слишкомъ глубоко для того чтобъ его можно было найти и опредѣлить, если только оно существовало въ дѣйствительности, если оно имѣло болѣе глубокій источникъ чѣмъ болѣзненное воображеніе. А когда наступалъ бѣлый день со всеми его крошечными надоедливыми заботами, она снова забывала это. Она могла думать о томъ что надѣнетъ въ день свадьбы, могла даже тайкомъ забавляться пробами пера, какова будетъ на взглядъ новая подпись: „Изабела Гардиманъ“, когда она получитъ право такъ подписываться. Вообще же, можно сказать, время

проводилась пріятно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ недоразумѣній и столкновеній которыя тѣмъ легче было перенести что они вытекали изъ поведенія самой Изабелы. При всей ея уступчивости было между прочимъ два обстоятельства, относительно которыхъ нельзя было преодолѣть ея рѣшимости дѣйствовать по-своему. Она отказалась собственноручно извѣдывать Муди и леди Лидіардъ о своей помолвкѣ, и осуждала миссъ Пинкъ за ея политику скрытности по дѣлу о пропажѣ въ домъ леди Лидіардъ. Тетка насилу обезпечила себѣ ея пассивное соучастіе, изложивъ ей соображенія семейнаго свойства въ возможно сильныхъ выраженіяхъ.

— Еслибы пловоръ касался одной тебя, душечка, я могла бы предоставить это твоему усмотрѣнію. Но и я замѣтила въ немъ, какъ ближайшая твоя родственница, и, что еще важнѣе, тѣмъ эта можетъ коснуться даже священной памяти твоего отца и матери.

Эти преувеличенныя слова, какъ и всякое преувеличеніе, коварное оружіе въ арсеналѣ слабости и предрасудка, подействовали на Изабелу. Она согласилась хранить молчаніе, хотя весьма неохотно и съ досадой.

Миссъ Пинкъ прежде всего черкнула словечко Муди о помолвкѣ, откладывая до другаго дня высокое наслажденіе извѣдывать леди Лидіардъ о томъ самомъ событіи которое эта дерзкая женщина прямо объявила невозможнымъ. Къ удивленію тетки, какъ разъ въ то время когда она хотѣла запечатать письмо, Изабела подошла къ ней съ самою непоследовательною просьбой о дозволеніи ей сдѣлать приписку въ томъ самомъ письмѣ которое она отказалась написать сама. Миссъ Пинкъ не дала даже взглянуть на постскриптумъ. Изабела, положивъ перо, сама заклеила пакетъ и на весь день удалилась въ свою комнату съ головою болую (которая въ сущности была сердечною).

Пока вопросъ о свадьбѣ все еще оставался открытымъ, произошелъ случай имѣвшій серьезное вліяніе на грядущіе планы Гардмана.

Онъ получилъ съ материка письмо, требовавшее немедленнаго исполненія. Одинъ изъ государей Европы рѣшился произвести кое-какія коренныя измѣненія въ ремонтъ какаго-то кавалерійскаго полка и просилъ помщи Гардмана въ томъ немаловажномъ отдѣлѣ задуманной реформы

который касался выбора и покупки лошадей. Не говоря уже о личной выгоде, Гардиманъ былъ кое-чѣмъ обязанъ внимательности высколоставленнаго корреспондента и потому не могъ отдѣлаться, пославъ письменное извиненіе. Недѣли чрезъ двѣ, викакъ не больше, необходимо было выѣхать изъ Англіи, а до возвращенія могъ пройти мѣсяцъ или болѣе.

Въ такихъ обстоятельствахъ онъ со свойственною ему внезапностію предложилъ поспѣшить свадьбой. Требуемый по закону срокъ дозволить совершить церемонію черезъ двѣ недѣли. Изабела будетъ сопутствовать ему въ поѣздкѣ и проведетъ блистательный медовой мѣсяцъ при иностранномъ дворѣ. Но она рѣшительно отказалась не только принять это предложеніе, но даже и обдумать его. Въ то время какъ миссъ Пинкъ краснорѣчиво распространялась о краткости срока, племянница миссъ Пинкъ основывала свое рѣшеніе на болѣе важныхъ причинахъ. Гардиманъ до сихъ поръ еще не объявлялъ о своей роднѣ и друзьямъ о предлагаемой женитьбѣ, а Изабела рѣшилась не выходить за него замужъ до тѣхъ поръ пока не убѣдится въ томъ что новая семья приметъ ее вѣжливо и снисходительно, если ужъ не приходится разчитывать на болѣе радужный пріемъ.

Гардиманъ не легко уступалъ даже въ пустякахъ. Въ этомъ же случаѣ самые дорогіе интересы его заставляли его побуждать Изабелу перемѣнить свое рѣшеніе. Онъ все еще безуспѣшно пытался поколебать ея упорство, какъ вдругъ съ послѣбодѣнною почтой миссъ Пинкъ получила письмо, подавшее поводъ къ новымъ усложненіямъ спорнаго вопроса. Письмо это было не что иное какъ отвѣтъ леди Лидіардъ на письменное извѣщеніе о помолвкѣ Изабелы, посланное миссъ Пинкъ наканунѣ.

Отвѣтъ леди Лидіардъ былъ изумительно кратокъ. Въ немъ заключались лишь слѣдующія строки:

„Леди Лидіардъ имѣетъ честь уведомить что она получила письмо миссъ Пинкъ, въ которомъ ее просятъ ничего не говорить мистеру Гардиману о пропажѣ банковаго билета въ ея домѣ на томъ основаніи что миссъ Изабела Миллеръ помолвлена съ мистеромъ Гардиманомъ, и если случившееся получить огласку, то это можетъ повредить ей въ его мнѣніи. Миссъ Пинкъ можетъ успокоиться. Леди Лидіардъ не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія взять

мистера Гардмана въ повѣренныя своихъ домашнихъ дѣлъ. Что касается предполагаемаго брака, то леди Лидіардъ не сомнѣвается въ совершенной искренности и добросовѣстности миссъ Пикъ; но въ то же время она положительно отказывается вѣрить чтобы мистеръ Гардманъ намѣренъ былъ жениться на Изабелѣ Миллеръ. Леди Лидіардъ уступить очевидному доказательству надлежаще скрѣпленнаго свидѣтельства, но ничему иному.

Сложенный клочокъ бумаги, адресованный Изабелѣ, выпалъ изъ этого характеристичнаго письма когда миссъ Пикъ переворачивала страницу. Леди Лидіардъ обращалась къ пріемной дочери со слѣдующими словами:

„Я совсѣмъ было собралась выѣхать изъ дому и еще разъ свидѣться съ вами какъ вдругъ получила письмо вашей тетюшки. Бѣдное, битое съ толку дитя-мое! вѣтъ словъ чтобы выразить какъ я скорблю за васъ. Вы уже стали жертвой дурачества глупѣйшей женщины въ мірѣ. Бога ради поберегитесь чтобы вслѣдъ затѣмъ не стать жертвой злонамѣренности развратнаго человѣка. Пріѣзжайте ко мнѣ немедленно, Изабела, и я общаю позаботиться о васъ.“

Подкрѣпясь этими письмами и вспомоществуемый недужущею миссъ Пикъ, Гардманъ съ новымъ рвеніемъ настаивалъ на своемъ предложеніи Изабелѣ. Она не пыталась отражать его доводовъ, она только крѣпко держалась своего рѣшенія. Если не будетъ нѣкотораго поощренія со стороны отца и матери Гардмана, она все также твердо отказывалась выйти за него замужъ. Достаточно раздраженный уже и письмомъ леди Лидіардъ, онъ потерялъ самообладаніе, которымъ въ высшей степени отличался въ обычныхъ житейскихъ дѣлахъ, и выказалъ деспотическое властолюбіе, составлявшее врожденную черту его характера. Жесткій языкъ, которымъ онъ заговорилъ съ Изабелой, съ первыхъ словъ уязвилъ ея гордость. Она сказала ему прямо что освобождаетъ его отъ даннаго слова и, не дожидаясь извиненій, вышла изъ комнаты.

Оставшись наединѣ, Гардманъ и миссъ Пикъ изобрѣтали планъ, который, разсѣивая сомнѣнія Изабелы, въ то же время отвѣчалъ на оскорбительное недовѣріе къ честности намѣреній Гардмана формальнымъ и публичнымъ оглашеніемъ брака. Предполагено было чрезъ недѣлю устроить званый завтракъ въ саду нарочно для того чтобы пред-

оставить родитѣ и друзьямъ Гардимана Изабелу въ качествѣ его нареченной невесты. Если его родители примутъ это приглашеніе, то единственное возраженіе Изабеламъ противъ спѣшности ихъ союза ляжетъ само собою. Гардиманъ, въ такомъ случаѣ, могъ выпросить у своего царственнаго корреспондента нѣсколько дней отсрочки, и свадьба могла состояться до отъѣзда изъ Англіи. Изабела, по настоянію миссъ Пикъ, вынуждена была принять извиненія своего поклонника, и, въ случаѣ благосклоннаго приѣма ея родителями Гардимана, дать обѣщаніе (хотя все еще не слишкомъ охотно) устроить совершеніе обряда дѣлаваго ее женой Гардимана. На другое утро всѣ приглашенія были уже разосланы, за исключеніемъ приглашенія отцу и матери Гардимана. Не сказавъ объ этомъ Изабелѣ, Гардиманъ рѣшился лично обратиться къ матери прежде чѣмъ осмѣлится посвятить въ свои дѣла главу семейства.

Свиданіе это увѣчалось не полнымъ успѣхомъ. Лордъ Ротерфильдъ отказался принять младшаго своего сына; притомъ же у него есть другія приглашенія, которыя ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ ему присутствовать на завтракѣ въ саду. Но, по особенной просьбѣ леди Ротерфильдъ, онъ согласенъ на нѣкоторыя уступки.

— Я всегда считалъ Альфреда вполне здравомыслящимъ человѣкомъ, сказалъ его лордство, — съ тѣхъ поръ какъ онъ отвернулся отъ своихъ надеждъ и сталъ конскимъ барышникомъ. Если мы откажемся санкціонировать этотъ новый, не скажу сумашедшій, но бессмысленный поступокъ съ его стороны, то нельзя предвидѣть къ какимъ предосудительнымъ крайностямъ онъ можетъ прибѣгнуть. Надо какъ-нибудь сдѣлаться съ нимъ. Между тѣмъ я постараюсь собрать кое-какія свѣдѣнія объ этой молодой особѣ — какъ ее? Миллеръ, кажется, ты сказала, — нынѣ проживающей въ Соутъ-Морденъ. Если я увѣрюсь въ томъ что эта женщина безупречной репутаціи, съ нѣкоторымъ образованіемъ и приличными манерами, Альфреду можно будетъ предоставить свободу дѣйствія. Онъ и теперь уже въ общественнаго круга; у миссъ Миллеръ нѣтъ ни отца, ни матери, что составляетъ явное преимущество въ ея пользу, такъ какъ иначе неизбежны были бы новыя усложненія, словомъ, если эта желаніе не безусловно повора, то, не имѣя возможности предотвратить ее, умѣе всего будетъ согласиться.

Альфреду ничего не говори о моемъ предположеніи. Просто сказать, я ему не доверяю. Можешь лишь извѣстить его отъ моего имени что мнѣ нужно подумать, и что если онъ до того дня не получитъ отрицательнаго отвѣта, то можетъ считать вѣроятнымъ твое присутствіе на этомъ завтракѣ, или полдникѣ, или на чемъ бы то ни было... Мнѣ на этихъ дняхъ надо сѣздить въ городъ, я разужаю какого мнѣнія Альфредовы друзья объ этой новой глупости, если встрѣчу кого-нибудь изъ нихъ въ клубѣ.

Вернувшись въ Соутъ-Морденъ не въ особенно веселомъ расположеніи духа, Гардиманъ нашелъ Изабелу въ состояніи такого унынія что это его и огорчило, и встревожило.

Вѣсть о томъ что мать жениха вѣроятно будетъ присутствовать на праздникѣ оказалась совершенно безсильною противъ этого улада духа. Единственнымъ объясненіемъ происшедшей въ ней перемѣны она выставляла то что пасмурная, сырая погода въ послѣдніе дни нагнала ей скуку и подѣйствовала на нервы. Естественно неудовлетворенный такимъ отвѣтомъ на его разпросы, Гардиманъ освѣдомился о миссъ Пинкѣ. Ему сказали что миссъ Пинкъ не можетъ его принять. Она отъ природы расположена къ одышкѣ, и теперь вслѣдствіе признаковъ возврата этой болѣзни (по совѣту доктора) не выходитъ изъ комнаты. Гардиманъ вернулся домой въ такомъ расположеніи духа которое не замедлило почувствовать вся прислуга, начиная съ берейтора до грума.

Если оправданіе миссъ Пинкъ было вполнѣ справедливо, то надо сознаться что Гардиманъ былъ правъ отказываясь удовольствоваться извиненіемъ Изабелы. Въ это утро она получила письмо отъ Муди въ отвѣтъ на приписку въ концѣ письма ея тетки и еще не оправилась отъ произведеннаго имъ впечатлѣнія.

„Не могу сказать по чести (писалъ Муди) что я не огорченъ извѣстіемъ о вашей помолвкѣ. Поразившій меня ударъ очень тяжелъ. Заглядывая теперь въ свою будущность, я вижу лишь ужасающую пустоту. Это не ваша вина — васъ ни въ чемъ нельзя упрекнуть. Мнѣ помнится время, когда я былъ еще слишкомъ вспыльчивъ для того чтобы сознать это, когда я могъ наговорить или надѣлать чего-нибудь такого въ чемъ торько бы раскаялся въ послѣдствіи. То время прошло. Характеръ мой укротился съ тѣхъ поръ“

какъ ваше горе скрѣпило нашу дружбу. По крайней мѣрѣ хотъ эту пользу принесли мои глупыя надежды, а можетъ-быть и неподдѣльное участіе которое я питалъ къ вамъ. Искренно прошу васъ принять мои сердечныя пожеланія вамъ счастья, остальное же я въ силахъ сохранить про себя.

„Позвольте мнѣ теперь сказать нѣсколько словъ относительно усилій употребленныхъ мною для того чтобы помочь вамъ, съ того грустнаго дня когда вы покинули домъ леди Лидіардъ.

„Я надѣялся (по причинамъ о которыхъ бесполезно было бы упоминать здѣсь) настолько заинтересовать мистера Гардimana въ нашихъ розыскахъ чтобы онъ самъ помогъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Но желанія вашей тетюшки выраженныя въ письмѣ заставили меня молчать. Я прошу только вашего позволенія, когда-нибудь въ болѣе удобное время изложить вамъ послѣднія сдѣланныя нами открытія, оставляя вамъ самой, когда мистеръ Гардиманъ будетъ нашимъ мужемъ, предложить ему тѣ вопросы которые при иныхъ обстоятельствахъ я сдѣлалъ бы ему лично.

„Само собой разумѣется что, считая мистера Гардimana способнымъ помочь намъ, я можетъ-быть и ошибаюсь. Въ этомъ случаѣ, если вы все еще желаете чтобы слѣдствіе въ тайнѣ шло своимъ чередомъ, я прошу вашего позволенія руководить имъ, какъ величайшей милости вашему преданному старому другу.

„Не безпокойтесь о расходахъ въ которые мнѣ можетъ-быть придется войти. Я неожиданно наслѣдовалъ весьма порядочное для меня состояніе.

„Та же почта, съ которою пришло письмо вашей тетюшки, доставила мнѣ извѣщеніе отъ одного адвоката, просившаго меня повидаться съ нимъ по дѣламъ покойнаго моего отца. Я переждалъ денька два пока собрался съ духомъ настолько чтобы видѣться съ нимъ или съ кѣмъ бы то ни было; потомъ отправился въ его контору. Вы знаете что контора моего отца приостановила платежи во время коммерческой паники. Банкротство его главнымъ образомъ произошло отъ недобросовѣстности одного пріятеля, который заималъ у него крупную сумму и ежегодно платилъ проценты не сознаваясь въ томъ что капиталъ весь до послѣдняго фардинга погибъ въ неудачныхъ спекуляціяхъ. Смыслъ этого человѣка разбогатѣлъ своими предпріятіями и често

пожертвовалъ частію своего состоянія на уплату отцовскимъ кредиторамъ. Такимъ образомъ половина суммы должной мнѣ моему отцу вымѣ уже перешла въ мои руки, какъ ближайшаго наследника; остальная половина будетъ уплачена въ послѣдствіи. Еслибы мои надежды сбылись, какъ радостно раздѣлилъ бы я мое богатство съ вами! Теперь же у меня гораздо болѣе чѣмъ нужно одинокому человеку, а сядо-вательно весь излишекъ къ вашимъ услугамъ.

„Да благословитъ васъ Богъ и да пошлетъ онъ вамъ счастье, дорогая моя. Я попрошу васъ принять и отъ меня небольшой подарокъ въ числѣ прочихъ которые получите ко дню вашей свадьбы. *P. M.*“

Изысканно-внимательный и деликатный тонъ этого письма подѣйствовалъ на Изабелу какъ разъ противоположно тому на что разчитывалъ писавшій. Она залилась потокомъ горячихъ слезъ и въ удивленіи ея комнаты у нея вырвались полныя отчаянія слова: „лучше бы мнѣ умереть чѣмъ встрѣтиться съ Альфредомъ Гардиманомъ“.

По мѣрѣ того какъ тянулись дни, всевозможныя неудачи и затрудненія какимъ-то роковымъ образомъ скоплялись надъ предполагаемымъ оглашеніемъ брака.

Болѣзнь миссъ Пикъ, разыгравшаяся не на шутку вслѣдствіе неблагоприятной погоды, ставила дектора въ тулукъ при всемъ его искусствѣ и грозила удержать эту злосчастную особу въ четырехъ стѣнахъ ея комнаты во время предстоящаго праздника. Приглашенія посланныя Гардиманомъ частію вовсе не были приняты, частію приняты мужьями съ извиненіемъ за отсутствіе ихъ женъ. Старшій братъ его извинился и за себя, и за жену. Феликсъ Свитсэръ писалъ: „съ удовольствіемъ, любезнѣйшій Альфредъ, если здоровье позволитъ мнѣ выѣхать изъ дому“. Леди Лидіардъ, приглашенная по особенной просьбѣ миссъ Пикъ, ничего не отвѣтила. Ободрающаго только и было что молчаніе леди Ротерфильдъ. Пока сынъ не получалъ извѣщенія въ отрицательномъ смыслѣ, это значило что лордъ Ротерфильдъ позволялъ женѣ скрѣпить союзъ сына своимъ присутствіемъ на свадьбѣ.

Гардиманъ написалъ своему царственному корреспонденту, обѣщая выѣхать изъ Англіи въ возможно скоромъ времени и прося извиненія въ томъ что не можетъ выразиться опредѣленнѣе вслѣдствіе домашнихъ дѣлъ кото-

рыя необходимо устроить до поѣздки на материкъ. Если онъ не успѣетъ отправить письмо, то пошлетъ телеграмму о своемъ выѣздѣ. Долгое время спустя Гардиманъ не разъ вспоминалъ предчувствія смущавшія его пока онъ писалъ это письмо. Въ черновомъ наброскѣ онъ приводилъ въ оправданіе своего неопредѣленнаго положенія то что онъ на дняхъ женится. При перепискѣ набѣло смутное описаніе чего-то неожиданнаго въ ближайшемъ будущемъ до того тяжело угнетало его умъ что онъ вычеркнулъ слова относящіеся къ его женитьбѣ и замѣнилъ ихъ умышленно неяснымъ выраженіемъ: „домашнія дѣла“.

ГЛАВА XX.

Наступилъ день праздника въ саду. Дожда не было, но воздухъ былъ тяжелъ и небо покрыто низко спускавшимися облаками.

За нѣсколько часовъ до времени назначеннаго для пріѣзда гостей Изабелла явилась одна въ усадьбу, принесла извѣщенія заполучной миссъ Пинкъ, которую болѣзнь все еще удерживала въ комнатѣ. Среди суматохи приготовленій единственная комната гдѣ Гардиманъ могъ безъ помѣхи принять Изабеллу была курительня. Въ это прекрасное убѣжище онъ повелъ ее, все еще одержанную и молчаливую, далекую отъ прежней веселости.

— Если гости явятся раньше времени, сказалъ Гардиманъ слугѣ,—говорите имъ что я занятъ въ конюшняхъ. Мнѣ нужно хоть часокъ спокойно поговорить съ вами,—обратился онъ къ Изабеллѣ,—и я буду въ слѣдкомъ дурномъ расположеніи духа чтобы принимать гостей съ обыкновенною вѣжливостью. Не могу выразить какъ для меня тяжелъ и утомителенъ предстоящій праздникъ. Я желалъ бы ограничиться представленіемъ васъ моей матери и съ удовольствіемъ послаалъ бы къ чорту остальныхъ гостей.

Полчаса прошли спокойно, и первый гость, неизвѣстный слугамъ, появился у дверей коттеджа. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, не желавшій тревожить мистера Гардимана. „Я буду ждать въ саду, сказалъ онъ, и не обезлюкомъ никого“. Человѣкъ среднихъ лѣтъ выразившійся такъ скромно былъ Робертъ Муди.

Пять минутъ спустя у воротъ остановилась карета. Изъ нея вышла полная дама сопровождаемая толстымъ бѣлымъ шотландскимъ терьеромъ, лаявшимъ навскаго встрѣчнаго. Было бы излишнимъ говорить что это была леди Лидіардъ и ея Томми.

Услышавъ что мистеръ Гардимаъ находится въ конюшняхъ леди Лидіардъ подала слугѣ карточку.

— Передайте это вашему господину и скажите что я задержу его не больше какъ на пять минутъ.

Съ этими словами миледи выпрыгнула на землю. Она внимательно осмотрѣла все вокругъ и замѣтивъ раскинутую на травѣ палатку для гостей вошла въ нее и посмотрѣла на слугъ занятыхъ сервировкой завтрака. Выйдя изъ палатки она замѣтила что лужайка предъ домомъ была совсѣмъ заброшена. Трава мѣстами выгорѣла отъ солнца и на обнаженныхъ мѣстахъ были впадины и трещины образовавшіяся отъ жаровъ. Было очевидно что лужайка, какъ и все остальное въ усадьбѣ, была въ совершенномъ пренебреженіи, вслѣдствіе исключительныхъ заботъ объ удобствахъ лошадей. Дойдя до кустарника окаймлявшаго лужайку съ одной стороны, миледи замѣтила медленно приближавшагося человека, повидимому погруженнаго въ глубокую задумчивость. Человекъ приблизился. Она подняла лорнетъ къ глазамъ и узнала Муди.

Оба они не смутились при этой неожиданной встрѣчѣ. Леди Лидіардъ нѣсколько времени тому назадъ приглашала къ себѣ своего бывшего управляющаго; сожалѣя о своей горячности она желала загладить рѣзкія выраженія вырвавшіяся у нея при разставаньи съ нимъ. Въ дружеской бесѣдѣ послѣдовавшей за примиреніемъ леди Лидіардъ не только узнала о полученномъ Муди наслѣдствѣ, но замѣтивъ перемѣну къ худшему въ его наружности, сумѣла также побудить его къ откровенному признанію о его несчастной страсти къ Изабелѣ. Встрѣча съ нимъ здѣсь, послѣ всего что онъ открылъ ей, прогуливающимся въ саду мистера Гардимаана, въ высшей степени удивила леди Лидіардъ.

— Праведное небо! воскликнула она своимъ громкимъ голосомъ, — что вы здѣсь дѣлаете?

— Когда я имѣлъ честь быть у васъ, миледи, вы сообщали мнѣ о готовившемся праздникѣ у мистера Гардимаана, отвѣчалъ Муди — Послѣ, когда я думалъ объ этомъ, мнѣ

казалось что я не могу найти болѣе удобнаго случая сдѣлать маленькій свадебный подарокъ миссъ Изабелѣ. Я думалъ что съ моей стороны не будетъ слишкомъ смѣло если я попрошу мистера Гардимана позволить мнѣ положить мой подарокъ на ея тарелку, такъ чтобъ она могла видѣть его садясь за завтракъ. Если вы не одобряете этого, миледи, я уйду и пошлю мой подарокъ по почтѣ.

Леди Лидіардъ посмотрѣла на него внимательно.

— Вы не презираете дѣвушку, спросила она,—за то что она продала себя за деньги и почести? Могу вамъ сказать что я ее презираю!

Истомленное блѣдное лицо Муди слегка вспыхнуло.

— Нѣтъ, миледи, отвѣчалъ онъ,—я не могу слышать чтобы вы говорили такимъ образомъ. Изабела не согласилась бы выйти за мистера Гардимана еслибы не полюбила его, не полюбила его такъ какъ я надѣялся когда-то что она можетъ полюбить меня. Не легко признавать это, но я признаю, отдавая ей справедливость: Богъ да благословитъ ее!

Великодушіе выраженное въ этихъ простыхъ словахъ затронуло нѣжныя струны въ симпатичной натурѣ леди Лидіардъ.

— Дайте мнѣ вашу руку, сказала она, съ великодушнымъ порывомъ освѣтившимъ ея лицо.—У васъ великое сердце, Муди. Изабела Миллеръ глупо поступила что не вышла за васъ, и встанетъ день когда она пойметъ это!

Прежде чѣмъ одинъ изъ нихъ успѣлъ сказать еще слово съ другой стороны кустовъ послышался голосъ мистера Гардимана, сердито приказывавшій слугѣ отыскать леди Лидіардъ.

Муди удалился на дальній конецъ дорожки пока леди Лидіардъ направилась въ противоположную сторону чтобы встрѣтить мистера Гардимана при выходѣ изъ-за кустовъ. Онъ сухо поклонился и спросилъ чему онъ долженъ приписать что леди Лидіардъ сдѣлала ему честь поѣхать его.

Не обращая вниманія на холодность пріема, леди Лидіардъ отвѣчала:

— Я была не совсемъ здорова, мистеръ Гардиманъ, иначе вы увидѣли бы меня еще прежде. Единственная цѣль моего посѣщенія, лично извиниться что я писала о васъ въ выра-

женіяхъ выказывавшихъ сомнѣніе въ вашей чести. Я была несправедлива къ вамъ и прошу васъ простить меня.

Гардиманъ принялъ это извиненіе съ такою же искренностью съ какою оно было высказано.

— Не говорите больше ничего, леди Лидіардъ, и позвольте мнѣ надѣяться что такъ какъ вы уже пожаловали сюда, вы не откажетесь почтить мой маленькій праздникъ вашимъ присутствіемъ.

Леди Лидіардъ съ достоинствомъ выказала причины прелятствовавшія ей принять приглашеніе.

— Я до такой степени не одобряю неравные браки, сказала она, медленно идя въ направленіи дома, — что не считаю удобнымъ быть въ числѣ вашихъ гостей. Я никогда не перестану интересоваться счастіемъ Изабелы Миллеръ, и по совѣсти могу сказать что буду рада если ваша семейная жизнь докажетъ что мои старосвѣтскіе предразсудки были въ настоящемъ случаѣ неосновательны. Примите мою благодарность за ваше преглашеніе, и позвольте мнѣ надѣяться что мои простыя откровенныя слова не оскорбили васъ.

Она поклонилась и, подходя къ каретѣ стоявшей у воротъ, оглянулась ища *Томми*. Изумленная встрѣчей съ Муди она позабыла оглянуться на собаку когда входила въ кустарники. Теперь она кликнула ее, посвистала въ свистокъ висѣвшій у нея на часовой цѣпочкѣ, но *Томми* нигдѣ не было видно. Гардиманъ послалъ слугъ искать въ домѣ и вокругъ дома. Приказаніе было исполнено дѣлательно и внимательно, но безо всякаго успѣха. *Томми* рѣшительно пропала.

Гардиманъ обѣщалъ распорядиться поисками собаки по всей усадьбѣ и прислать ее съ однимъ изъ своихъ людей. Леди Лидіардъ пришлось удовольствоваться этимъ любезнымъ обѣщаніемъ. Она уѣхала совершенно разстроенная. „Сперва Изабела, думала она, теперь *Томми*. Я теряю единственныхъ друзей которые дѣлали жизнь мою сколько-нибудь сносною!“

Когда Гардиманъ возвращался отъ воротъ послѣ отъѣзда поспѣтительницы, слуга подалъ ему цѣлую пачку только что полученныхъ писемъ. Проходя медленнымъ шагомъ черезъ лужайку и распечатывая ихъ, онъ находилъ во всѣхъ извиненія гостей которые прежде приняли приглашенія. Онъ

сунулъ письма въ карманъ усадивъ позади себя шага и обернувшись увидѣлъ Муди.

— Ага! Не пришли ли вы завтракать? спросилъ онъ грубо.

— Я пришелъ, сэръ, намѣревался передать миссъ Изабелѣ маленькій подарокъ по случаю ея свадьбы, отвѣчалъ Муди спокойно,—и прошу васъ позволить положить его на столъ такъ чтобъ она увидѣла его когда будетъ садиться за завтракъ съ вашими гостями.

Говоря это онъ открылъ футляръ въ которомъ былъ гладкій золотой браслетъ съ вырѣзанною внутри его надписью: „Миссъ Изабелѣ Миллеръ, съ искреннимъ желаніемъ счастья отъ Роберта Муди“.

Несмотря на всю простоту, рисунокъ браслета отличался необыкновеннымъ изяществомъ. Гардиманъ замѣтилъ волненіе Муди въ тотъ день когда встрѣтилъ его вмѣстѣ съ Изабелой близъ дома ея тетки и вывелъ изъ него свои заключенія. При взглядѣ на браслетъ лицо его омрачилось мгновенною вспышкой ревности.

— Ладно, другъ мой! сказалъ онъ съ презрительною фамиліарностью.—Къ чему такъ скромничать; дождитесь ее и передайте ей браслетъ изъ рукъ въ руки.

— Нѣтъ, сэръ, сказалъ Муди;—я предпочитаю оставить его, если позволите, чтобъ онъ говорилъ самъ за себя.

Гардиманъ понялъ деликатность чувства внушившаго эти слова и безотчетно готовъ былъ отвѣтить рѣзкостью. Въ это время изъ дома раздался голосъ Изабелы звавшей его.

Лицо Муди мгновенно исказилось выраженіемъ страданія когда онъ узналъ этотъ голосъ.

— Я не смѣю удерживать васъ, сэръ, сказалъ онъ печально.—Доброе утро.

Гардиманъ безъ церемоніи оставилъ его. Муди медленными шагами вошелъ въ палатку. Всѣ приготовленія къ завтраку были уже кончены; въ палаткѣ никого не было. Мѣста для гостей были отмѣчены карточками съ ихъ именами. Муди нашелъ карточку Изабелы и положилъ браслетъ подъ салфетку лежавшую на тарелкѣ. Съ минутой онъ постоялъ задумавшись не отрывая руки отъ стола. Испытаніе обратиться къ Изабелѣ съ нѣсколькими словами прежде чѣмъ утратить ее навсегда было такъ сильно что онъ не могъ ему противиться. „Еслибъ я могъ убѣдить ее написать мнѣ словечко что ей понравился браслетъ, думаю

онъ, это было бы для меня утѣшеніемъ когда я вернусь къ своей одинокой жизни.“ Онъ вырвалъ листокъ изъ своей записной книжки и написалъ на немъ: „Напишите одно слово что вы принимаете мой подарокъ и мои благожеланія. Положите записку подъ подушку вашего стула, я найду ее когда гости уйдутъ изъ палатки.“ Онъ положилъ бумажку въ футляръ вмѣстѣ съ браслетомъ, и вмѣсто того чтобы тотчасъ оставить усадьбу, какъ намѣревался прежде, вернулся въ уединеніе кустарниковъ.

Г Л А В А XXI.

Войдя въ домъ Гардиманъ нашелъ Изабелу въ нѣкоторомъ возбужденіи. Возлѣ нея тихо помахивая хвостомъ и устремивъ глаза на Гардимана, въ ожиданіи можетъ-быть толчка, стоялъ *Томми*.

— Леди Лидіардъ уѣхала? съ живостью спросила Изабела.

— Да, сказалъ Гардиманъ.—Гдѣ вы нашли собаку?

На самомъ дѣлѣ собака нашла Изабелу при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Появленіе карточки леди Лидіардъ въ курительной комнатѣ смутило и испугало пріемную дочь леди Лидіардъ. Она сознавала себя виновною въ томъ что не отвѣтила на записку миледи вложенную въ ея письмо къ миссъ Пивкъ и не послушалась совѣта миледи касательно удаленія отъ искательства Гардимана. Когда послѣдній всталъ чтобы идти встрѣтить свою гостью въ саду Изабела умоляла его не говорить что она здѣсь, развѣ только леди Лидіардъ обнаружитъ готовность простить ее и будетъ сама о ней спрашивать. Оставшись одна въ курительной комнатѣ она вдругъ услышала въ корридорѣ знакомый лай. Она отворила дверь, и *Томми* вбѣжалъ визжа отъ радости: любопытство привело его въ домъ. Онъ услышалъ голоса въ курительной комнатѣ, узналъ голосъ Изабелы, и выжидалъ съ обычною своею хитростью и недовѣріемъ къ чужимъ когда Гардиманъ уйдетъ. Изабела приласкала его, поцѣловала и выпустила на лужайку, опасаясь что леди Лидіардъ можетъ хватиться его. Возвратясь въ курительную комнату, она стала у окна, поджидая возвращенія Гардимана. Когда слуги искали собаку, она могла сказать имъ только что видѣла ее въ послѣдній разъ на лужайкѣ недалеко отъ дома.

Когда безплодные поиски были оставлены и карета миледи выѣхала за ворота, *Томми* вылезъ изъ-за шкафа гдѣ были сложены лустыя корзинки. Трудно было сказать какимъ образомъ удалось ему опять попасть въ комнату, развѣ только возвращаясь она забыла плотно припереть дверь. Какъ бы то ни было, но онъ былъ тутъ, рѣшившись остаться съ Изабелой и скрываясь пока стукъ колесъ не далъ ему знать что его законная госпожа уѣхала изъ дому. Изабела тотчасъ же позвала Гардимана, надѣясь что можно еще было остановить экипажъ. Но онъ уже скрылся изъ вида и никто не зналъ по какой изъ двухъ дорогъ ведущихъ въ Лондонъ онъ поѣхалъ. При такомъ затрудненіи Изабела могла только спросить Гардимана что дѣлать.

— Я не могу оторвать ни одного изъ слугъ пока не разѣдутся гости, сказалъ онъ, — надо привязать собаку въ кошпѣ.

Изабела покачала головой. *Томми* не привыкъ чтобъ его привязывали. Онъ поднялъ бы визгъ и грумы стали бы бить его.

— Я буду смотрѣть за нимъ, отвѣчала она, — онъ отъ меня не отойдетъ.

— Найдется о чемъ позаботиться кромѣ собаки, раздраженно возразилъ Гардиманъ. — Посмотрите на эти письма. — Говоря это онъ высыпалъ изъ кармана цѣлую пачку. — Вотъ семь человѣкъ которые всѣ называются моими друзьями, которые приняли приглашеніе и теперь предъ самымъ завтракомъ извиняются что не могутъ быть! Знаете отчего? Всѣ они боятся моего отца. Я забылъ сказать что онъ не только лордъ, но и кабинетъ-министръ. Трусы и негодаи. Они прослышали что онъ не пріѣдетъ и думаютъ своимъ отсутствіемъ списать благоволеніе сильнаго человѣка. Такъ-то, Изабела! Надо снять ихъ имена со стола и ни одинъ изъ нихъ никогда больше не осквернитъ порога моего дома!

— Я виновата во всемъ этомъ, печально отвѣтила Изабела. — Я удаляю васъ отъ вашихъ друзей! Есть еще время, Альфредъ, вы можете измѣнить ваши намѣренія и позволить мнѣ уйти.

Онъ обнялъ ее съ грубою нѣжностью.

— Я пожертвовалъ бы всѣми друзьями въ мірѣ скорѣе нежели разстаться съ вами. Такъ-то!

Они вышли изъ дома. При входѣ въ палатку Гардимана

замѣтилъ собаку у ногъ Изабелы и сорвалъ свою злобу, какъ обыкновенно дѣлають мушкетеры, на первомъ попавшемся невинномъ существѣ.

— Прочь, безобразный скотъ! крикнулъ онъ.

Толли поджалъ хвостъ и бросился со всѣхъ ногъ въ свое убѣжище за шкафомъ въ курительной комнатѣ. Это была одна изъ тѣхъ мелочей къ которымъ женщины относятся серьезно. Изабела не сказала ничего, но подумала про себя: „Желала бы я чтобъ онъ выказалъ свой нравъ когда я впервые узнала его.“

Они вошли въ палатку.

— Я буду читать имена, сказалъ Гардиманъ, — а вы отыскивайте карточки и рвите ихъ. Постойте! Я лучше спрячу карточки. Вы какъ разъ такая женщина какихъ любить мой отецъ. Онъ помирится со мной когда увидитъ васъ послѣ нашей свадьбы. Если кто-нибудь изъ этихъ людей когда-нибудь попроситъ мѣста у моего отца, я постараюсь помѣщать ему, если это будетъ годы спустя. Возьмите карандашъ и ставьте на карточкахъ мѣтку чтобъ я не забылъ. Такую же мѣтку я ставлю въ своей книжкѣ противъ именъ лошадей которыя мнѣ не нравятся — крестъ въ кругѣ.

Онъ вынулъ записную книжку; руки его дрожали отъ волости когда онъ подавалъ карандашъ Изабелѣ и клалъ книжку на столъ. Только-что онъ прочелъ первое имя и Изабела нашла карточку какъ вошелъ слуга.

— Мистрисъ Дромбледъ пріѣхала, сэръ, и желаетъ видѣть васъ по очень важному дѣлу.

Гардиманъ не особенно охотно вышелъ изъ палатки.

— Подождите здѣсь, сказалъ онъ Изабелѣ. — Я сейчасъ вернусь.

Она стояла около своего мѣста за столомъ. Муди оставилъ одинъ уголъ футляра неприкрытымъ салфеткой чтобъ она замѣтила его. Черезъ минуту браслетъ и записка были у нея въ рукахъ. Она опустилась на стулъ подавленная разнообразными ощущеніями возбужденными въ ней видомъ браслета и чтеніемъ записки. Голова ея опустилась и глаза наполнились слезами.

„Неужели всѣ женщины также мало умѣютъ различать доброе и благородное въ мушкетерахъ которые любятъ ихъ?“

печально гадала она про себя. „Но все къ лучшему, подумала она съ горькимъ вздохомъ. Я не стою его.“

Она взяла карандашъ чтобы написать отвѣтъ Муди на оборотѣ обѣденной карточки какъ слуга вновь появился у входа въ лалатку.

— Господи въ мой просить васъ, миссъ, поскорѣе придти въ домъ.

Изабела встала, положила браслетъ и записку въ отдѣленную серебромъ кожаную сумочку (подарокъ Гардимана) висѣвшую у нея на поясѣ. Въ торопяхъ проходя около стола она не замѣтила какъ зацѣпила платьемъ записную книжку Гардимана лежавшую на самомъ краю и уронила ее. Книжка попала въ одну изъ тѣхъ трещинъ которыя леди Лидіардъ замѣтила какъ признакъ небрежнаго содержания усадьбы.

— Послушайте пріятеля вѣсти только-что привезенныя сестрой, сказалъ Гардиманъ когда Изабела вошла въ комнату.—Мистрисъ Дромбледъ слышала изъ вѣрнаго источника что матушка моя не пожалуетъ завтракать.

— Разумѣется этому должны быть какія-нибудь причины, дорогая Изабела, прибавила мистрисъ Дромбледъ.—Не знаете ли вы отчего бы это могло случиться? Я сама не видѣла матушки и всѣ мои разспросы не привели ни къ чему.

Говоря это она пытливо смотрѣла на Изабелу. Маска сочувствія на ея лицѣ была вполне непроницаема. Никто кромѣ развѣ лицъ слишкомъ коротко знавшихъ характеръ мистрисъ Дромбледъ не могъ бы залодозрять какъ велика была ея тайная радость при видѣ замѣшательства въ какое привело ея брата привезенное ею извѣстіе. Пассивно сомѣщаясь въ полной искренности дружелюбнаго тона мистрисъ Дромбледъ, Изабела отвѣчала что она незнакома съ леди Ротерфильдъ и потому не имѣетъ возможности объяснить причину отсутствія миледи. Пока она говорила, гости начали собираться одни за другими и разговоръ прекратился самъ собою.

Общество не отличалось веселостью. Предстоящая свадьба Гардимана стала предметомъ многихъ злыхъ пересудовъ, и характеръ Изабелы, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, сдѣлался предметомъ всевозможныхъ живыхъ измышлений какія только могла выдумать сплетня. Всѣ мужчины чувствовали себя болѣе или менѣе неловко. Женщины

не могли простить что наружность Изабелы не поддавалась никакой злобной критикѣ. Красота ея была прямымъ оскорбленіемъ для нихъ; ея изящныя и скромныя манеры были объявлены искуснымъ актерствомъ: „право, другъ мой, даже отвратительно видѣть такую искусственность въ такой молодой дѣвушкѣ“. Генералъ Дромбледъ, высокій толстый ветеранъ, въ состояніи хроническаго изумленія (вслѣдствіе собственнаго брачнаго опыта) по поводу неразумнаго рѣшенія Гардimana жениться вообще, распространялъ вокругъ себя обширный кругъ скуки, куда бы онъ ни шелъ и что бы ни дѣлалъ. Его талантливая жена, съ кошачьею игривостью, обращавшая вниманіе всякаго на свое прекрасное расположеніе духа, еще усиливала угнетающее дѣйствіе всеобщей скуки, подобно всякому рѣзкому контрасту. Прождавъ напрасно полчаса прибытія своей матери, Гардиманъ въ отчаяніи открылъ шествіе въ палатку. „Чѣмъ скорѣй я наполню ихъ желудки и выпровожу ихъ, думалъ онъ свирѣло, тѣмъ будетъ пріятнѣе для меня.“

Гости накупились на завтракъ съ какою-то молчаливою жадностью, на которую даже слуги обратили изумленное вниманіе, несмотря на свою долговременную привычку. Мушкетеры пили много, но вино непонятнымъ образомъ очень мало содѣйствовало ихъ оживленію; женщины, за исключеніемъ любезной мистрисъ Дромбледъ, держали Изабелу въ сторонѣ отъ общаго разговора. Генералъ Дромбледъ, сѣдя около нея на одномъ изъ почетныхъ мѣстъ, тихо разказывалъ Изабелѣ „объ адскомъ характерѣ своего шурина“. Молодой маркизъ, сидѣвшій около нея съ другой стороны, почти мальчикъ, которому во уваженіе къ его титулу предоставлено было произнести прѣдвѣтственный сличъ, всталъ съ нервною дрожью чтобы предложить выпить здоровье нареченной невесты хозяина дома. Блѣдный и дрожащій, сознавая что забылъ до послѣдняго слова все что заранѣе выучилъ, этотъ молодой человекъ началъ такъ: „Леди и джентльмены, у меня нѣтъ мысли...“ Онъ остановился, взялся рукой за голову, широко раскрылъ глаза и олять сѣлъ, выразивъ замѣчательно кратко и вполнѣ правдиво собственное состояніе въ рѣчи изъ семи словъ.

Разочарованіе нѣкоторыхъ изъ гостей и веселость другихъ еще не успокоились какъ вошелъ слуга Гардimana и подойдя къ нему сказалъ шепотомъ:

— Могу я передать вамъ, сэръ, нѣсколько словъ наединѣ?

— Какого чорта вамъ нужно? сердито спросилъ Гардиманъ.—У васъ въ рукахъ письмо ко мнѣ? Дайте сюда.

Лакей былъ Французъ, другими словами, имѣлъ чувство собственнаго достоинства. Гардиманъ забылъ это. Слуга съ достоинствомъ подалъ письмо и вышелъ изъ палатки. Гардиманъ вскрылъ письмо. Прочтя его онъ поблѣднѣлъ, скомкалъ его въ рукахъ и бросилъ на столъ.

— Чортъ побери! Это ложь! воскликнулъ онъ съ яростью.

Гости въ смущеніи начали вставать. Мистрисъ Дромбледъ, видя что письмо недалеко отъ нея, взяла его и увидавъ по черкѣ матери прочла слѣдующія строки.

„Мнѣ только теперь удалось убѣдить твоего отца позволить мнѣ написать тебѣ. Ради Бога откажись отъ этой свадьбы чего бы это тебѣ ни стоило. Отецъ твой слышалъ изъ источника не подлежащаго сомнѣнію что миссъ Изабела Миллеръ оставила домъ леди Лидіардъ вслѣдствіе позорнаго ея въ воровствѣ.“

Пока сестра его читала письмо, Гардиманъ подошелъ къ Изабелѣ.

— Я долженъ немедленно поговорить съ вами, шеллаулъ онъ.—Мы должны выйти отсюда.

Онъ взялъ ее подъ руку и обернулся къ столу.

— Гдѣ мое письмо? спросилъ онъ.

Мистрисъ Дромбледъ подала ему записку, вновь старательно сматую въ томъ видѣ какъ она нашла ее на столѣ.

— Надѣюсь, ты не получилъ дурныхъ извѣстій, Альфредъ? спросила она самымъ любезнымъ тономъ.

Гардиманъ, не отвѣчая, вырвалъ у нея письмо и вывелъ Изабелу изъ палатки.

— Прочтите это, сказалъ онъ, когда они остались одни. И говорите сейчасъ правда это или ложь.

Изабела прочла письмо. Пораженная открытіемъ, она въ первую минуту не могла выговорить ни слова. Оправившись она отдала ему письмо.

— Это правда, сказала она.

Гардиманъ отшатнулся назадъ какъ подстрѣленный.

— Правда что вы виновны? спросилъ онъ.

— Нѣтъ; я невинна. Всякій кто знаетъ меня вѣритъ въ мою невинность. Правда что обстоятельства говорили противъ меня. Они и теперь еще противъ меня.

Проговоривъ это, она стала ждать твердо и спокойно что онъ еще скажетъ.

Онъ провелъ рукой по лбу со вздохомъ облегченія.

— Это и такъ довольно плохо, проговоривъ онъ спокойно, — но поправить это легко. Вернемся въ палатку.

Она не двигалась съ мѣста.

— За чѣмъ? спросила она.

— Думаете ли вы что я также не вѣрю вашей невинности? спросилъ онъ. — Единственное средство для васъ оправдаться предъ всѣми—это стать моею женой, не взирая ни на какія призрачныя подозрѣнія. Я слишкомъ люблю васъ, Изабела чтобы рѣшиться отказаться отъ васъ.... Возвратимся въ палатку, и я объявлю о нашей помолвкѣ моимъ друзьямъ.

Она взяла его руку и поцѣловала ее.

— Это великодушно и любезно съ вашей стороны, сказала она;—но этого не должно быть.

Онъ приблизился къ ней.

— Чтѣ вы хотите сказать? спросилъ онъ.

— Противъ моей воли, продолжала она,—тетушка скрыла отъ васъ истину. Я дурно поступила согласившись на это; я не буду продолжать поступать дурно. Ваша матушка права, Альфредъ. Послѣ того что случилось я недостойна быть вашею женой, пока моя невинность не будетъ доказана. Она еще не доказана въ настоящее время.

Гнѣвный румянецъ снова покрылъ его лицо.

— Берегитесь, сказалъ онъ;—я не расположенъ чтобы со мною шутили такимъ образомъ.

— Я не шучу съ вами, отвѣчала она тихимъ печальнымъ голосомъ.

— Вы серьезно говорите то что думаете?

— Да.

— Не будьте упрямы, Изабела; подумайте нѣсколько времени.

— Вы слишкомъ добры, Альфредъ. Для меня вполне ясно что я должна дѣлать. Я готова выйти за васъ—если вы будете продолжать желать этого—когда будетъ восстановлено мое доброе имя, но не прежде.

Онъ положилъ одну руку ей на плечо; указывая другою рукой на гостей въ отдаленіи, которые выходили изъ палатки, направляясь къ своимъ экипажамъ.

— Вы возвратите себѣ доброе имя, сказалъ онъ, — въ тотъ день когда станете моею женой. Злѣйшій вашъ врагъ не будетъ имѣть возможности соединить мое имя съ подозрѣніемъ въ воровствѣ. Помните это и подумайте прежде нежели рѣшиться. Видите этихъ людей. Если вы не переимените вашего рѣшенія прежде чѣмъ они дойдутъ до дому, мы съ вами простимся, и простимся навсегда. Я не хочу ждать, не хочу условнаго согласія. Подумайте прежде. Они идутъ медленно; у васъ есть еще нѣсколько минутъ.

Онъ все еще держалъ руку на ея плечѣ смотря на гостей какъ они медленно скрывались изъ виду. Не прежде какъ всѣ они собрались у дверей дома началъ онъ говорить,

— Теперь, сказалъ онъ, — вы имѣли время обдумать хладнокровно. Хотите ли вы взять мою руку и присоединиться къ этимъ людямъ, или же вы хотите чтобы мы простились навсегда?

— Простите меня, Альфредъ, начала она кротко, — изъ уваженія къ вамъ я не могу согласиться прикрыть себя вашимъ именемъ. Это имя вашего семейства, и они въ правѣ ожидать что вы не увидите его....

— Я желаю прямого отвѣта, перебилъ онъ сурово, — да или нѣтъ?

Она взглянула на него грустнымъ сострадательнымъ взглядомъ. Голосъ ея былъ твердъ когда она отвѣтила ему одними словъ, согласно его желанію. Слово это было — „Нѣтъ“.

Не отвѣчая ничего, даже не взглянувъ на нее онъ повернулся и пошелъ къ дому.

Пройдя молча мимо группы гостей — изъ которыхъ каждый зналъ о случившемся изъ разказа его сестры — онъ вошелъ съ олуценою головой и сжатыми губами въ свою комнату и позвонилъ въ колокольчикъ проведенный къ квартирѣ управляющаго около конюшенъ.

— Знаете что я утѣжаю за границу по дѣламъ? сказалъ онъ когда управляющій явился на зовъ.

— Знаю, сэръ.

— Я ѣду сегодня съ вечернимъ поѣздомъ въ Дувръ. Прикажете сейчасъ же заложить лошадь въ кабриолетъ. Не нужно ли чего-нибудь прежде чѣмъ я уѣду?

Настоятельныя надобности стали заявлять свои права на вниманіе чрезъ посредство управляющаго. Гардиманъ принужденъ былъ съѣсть къ конторкѣ, подписывать чеки и

ѣкущіе счѣты въ то время какъ запряженный кабріолетъ жидаль на конномъ дворѣ.

Среди занятій стукъ въ дверь привлѣкъ его вниманіе.

— Войдите, крикнулъ онъ рѣзко.

Онъ подвѣлъ голову, ожидая увидѣть кого-нибудь изъ готей или слугъ. Въ комнату вошелъ Муди. Гардиманъ положилъ перо и сурово уставился на человѣка осмѣливавшагося помѣшать его занятіямъ.

— Какого чорта вамъ нужно? спросилъ онъ.

— Я видѣлъ миссъ Изабелу и говорилъ съ нею, отвѣчалъ Муди.—Мистеръ Гардиманъ, я увѣренъ что вы можете поправить это дѣло. Ради молодой дѣвушки, сэръ, вы не должны уѣзжать изъ Англіи не едѣлавъ этого.

Гардиманъ обратился къ управляющему:

— Этотъ человѣкъ пьянъ или безумный? спросилъ онъ.

Муди продолжалъ также спокойно и рѣшительно какъ будто этихъ словъ вовсе не было сказано.

— Простите что я обезпокоилъ васъ, сэръ. Я не стану утруждать васъ объясненіями. Я предложу вамъ только одинъ вопросъ. Не записанъ ли у васъ номеръ того чека въ пятьсотъ фунтовъ которыми вы произвели уплату во Франціи?

Гардиманъ совершенно потерялъ терпѣніе.

— Вы негодяй! воскликнулъ онъ.—Вы какъ шліонъ сѣдѣте за моими частными дѣлами. Ваше ли дѣло знать чѣмъ я дѣлаю во Франціи?

— Это ваша мѣсть женщины которой вы не хотите сказать номеръ билета? возразилъ Муди твердо.

Этотъ отвѣтъ затронулъ чувство чести Гардимана, не взирая на его гнѣвъ. Онъ всталъ и приблизился къ Муди. Съ минуту оба они молча глядѣли другъ на друга.

— У васъ довольно смѣлости, сказалъ Гардиманъ, внезапно переходя отъ гнѣва къ пропіи.—Я буду справедливъ къ этой дѣвушкѣ и взгляну въ мою записную книжку.

Онъ опустилъ руку въ верхній карманъ сюртука, осмотрѣлъ другіе карманы, перебралъ вещи на конторкѣ. Книжки не было.

Муди слѣдилъ за нимъ съ отчаяніемъ.

— О, мистеръ Гардиманъ! не говорите что вы потеряли книжку!

Гардиманъ снова сѣлъ къ конторкѣ съ видомъ покорности новой неудачѣ.

— Все что я могу сказать вамъ—поищите ее, отвѣчалъ онъ.—Я вѣроятно гдѣ-нибудь обронилъ ее.

Онъ нетерпѣливо повернулся къ управляющему.

— Что еще? Какой вамъ еще чекъ? Я сойду съ ума если не уѣду сейчасъ же изъ этого проклятаго мѣста!

Муди оставилъ его и пошелъ въ людскую.

— Мистеръ Гардиманъ потерялъ записную книжку, сказалъ онъ.—Поищите ее въ домѣ, на лужайкѣ и въ палаткѣ. Десять фунтовъ награды тому кто найдетъ ее!

Слуги немедленно разошлись на поиски въ ожиданіи обѣщанной награды. Одни пошли смотрѣть на лужайкѣ и въ цвѣточныхъ клумбахъ, другіе вошли въ опустѣвшую палатку, гдѣ въ торопяхъ не замѣтили какъ спугнули собаку завтракавшую остатками съ тарелокъ. Собака спряталась, выжидая пока люди уйдутъ, и потомъ опять вернулась въ палатку продолжать прерванный завтракъ.

Муди поспѣшилъ въ ту часть сада гдѣ Изабела ожидала его возвращенія.

Пока онъ передавалъ ей о своемъ свиданіи съ Гардиманомъ она глядѣла на него съ такимъ выраженіемъ какого онъ никогда прежде не видалъ у нея и которое заставило сильно биться его сердце и прервать свой разказъ не доведя его до конца.

— Я понимаю, сказала она спокойно, когда онъ остановился въ замѣшательствѣ.—Вы принесли новую жертву моему благополучію, Робертъ! Я твердо вѣрю что вы благороднѣйшій изъ людей когда-либо жившихъ на землѣ!

Онъ опустилъ глаза и вслыхнулъ какъ мальчикъ.

— Пока я еще ничего не сдѣлалъ для васъ, сказалъ онъ.—Но не теряйте надежды если книжка и не отыщется. Я знаю кто получилъ чекъ, и мнѣ стоитъ только найти этого человѣка чтобы знать тотъ ли это самый чекъ который пропалъ или нѣтъ.

Она грустно улыбнулась его энтузіазму.

— Не хотите ли вы опять идти за совѣтомъ къ Шарону? спросила она.—Шутка которую онъ сыгралъ со мною заставила меня потерять всякую вѣру въ него. Онъ также мало какъ и я знаетъ имя вора.

— Вы ошибаетесь, Изабела. Онъ знаетъ и я знаю.

Онъ остановился и сдѣлалъ ей знакъ не говорить. Одинъ изъ слугъ подходилъ къ нимъ.

— Нашлась книжка? спросилъ Муди.

— Нѣтъ, сэръ.

— Уѣхалъ мистеръ Гардиманъ изъ дому?

— Только-что уѣхалъ, сэръ. Не имѣете ли еще чего приказать?

— Нѣтъ. Вотъ мой лондонскій адресъ, на случай если книжка будетъ найдена.

Слуга взялъ поданную ему карточку и удалился. Муди подавъ руку Изабелѣ.

— Если вы желаете вернуться къ тетюшкѣ, я къ вашимъ услугамъ.

Они почти дошли до палатки какъ замѣтили джентльмена шедшаго имъ на встрѣчу со стороны дома. Онъ былъ незнакомъ Изабелѣ. Муди тотчасъ узналъ въ немъ мистера Феликса Свитсера.

— А! любезнѣйшій нашъ Муди! воскликнулъ Феликсъ.— Я завидую вамъ; вы все молодѣете.

Онъ приподнял шляпу, кланяясь Изабелѣ; его свѣтлые быстрые глазки тотчасъ остановились какъ онъ взглянулъ на нее.

— Я имѣю счастье говорить съ будущею мистрисъ Гардиманъ? Позвольте мнѣ поздравить васъ? Чтѣ стало съ нашими другомъ Альфредомъ?

Муди отвѣтилъ вмѣсто Изабелы.

— Если вы потрудились навести справки въ домѣ, сэръ, сказалъ онъ,—вы узнаете что по меньшей мѣрѣ вы ошиблись, обращаясь съ вашими вопросами къ этой молодой особѣ.

Феликсъ опять снялъ шляпу съ выраженіемъ величайшаго изумленія.

— Боюсь не случилось ли чего, сказалъ онъ обращаясь къ Изабелѣ. — Я поистинѣ пристыженъ если причинилъ вамъ хотя минутное неудовольствіе. Просту васъ принять мои искреннія извиненія. Я только-что пріѣхалъ; здоровье мое не позволило бы мнѣ присутствовать на завтракъ. Позвольте мнѣ выразить увѣренность что все можетъ устроиться къ общему удовольствію. Добрый день.

Онъ раскаяваясь съ изысканною любезностью и направился опять къ дому.

— Кто это? спросила Изабела.

— Племянникъ леди Лидіардъ, мистеръ Феликсъ Свитсъръ, отвѣчалъ Муди со внезапною суровостію въ голосѣ и внезапною холодностію въ манерѣ, что не мало изумило Изабелу.

— Онъ вамъ не нравится? спросила она.

Пока она говорила, Феликсъ остановился чтобы выслушать грума, повидимому посланнаго къ нимъ съ какимъ-то порученіемъ. Онъ повернулся такъ что Изабела опять могла видѣть его лицо. Муди выразительно пожалъ ея руку лежавшую въ его рукѣ.

— Замѣтьте хорошенько этого человѣка, прошепталъ онъ. Пора наконецъ предостеречь васъ. Мистеръ Феликсъ Свитсъръ вашъ злѣйшій врагъ.

Изабела слушала съ нѣмымъ изумленіемъ. Онъ продолжалъ голосомъ дрожащимъ отъ сдерживаемаго волненія.

— Вы сомнѣвались что Шаронъ знаетъ вора. Вы сомнѣвались что я знаю вора. Изабела! Такъ же вѣрно какъ то что небо надъ нами вонъ тамъ стоитъ негодяй украшій банковый билетъ!

Она отняла свою руку съ крикомъ ужаса. Она смотрѣла на него какъ будто сомнѣваясь не лишился ли онъ разсудка.

Онъ взялъ ее за руку и переждалъ минуту, стараясь овладѣть собой.

— Слушайте меня, сказалъ онъ.—При первомъ свиданіи съ Шарономъ онъ далъ мнѣ и мистеру Трой такой совѣтъ. „Подозрѣвайте всякаго на кого только можетъ пасть подозрѣніе“. Эти слова, сопоставленныя съ тѣми вопросами какіе онъ дѣлалъ мнѣ прежде чѣмъ высказать мнѣ свое мнѣніе, поразили меня какъ ударъ ножа. Я сразу заподозрилъ племянника леди Лидіардъ. Поймите! Съ того времени до сихъ поръ я ни слова не говорилъ объ этомъ ни одному живому существу. Я зналъ про себя что подозрѣніе это зародилось во мнѣ оттого что я всегда не любилъ мистера Свитсера, и потому я не довѣрялъ себѣ. Несмотря на то я отправился къ Шарону и передалъ дѣло въ его руки. По его разслѣдованіямъ оказалось что у мистера Свитсера были „долги чести“ (какъ называютъ ихъ джентльмены), вслѣдствіе проигранныхъ пари, многимъ лицамъ, въ томъ числѣ лятьсотъ фунтовъ проигранные мистеру Гардману. Дальнѣйшее разслѣдованіе показало что мистеръ Гарди-

шансъ сталъ во главѣ движенія, объявивъ что онъ выставитъ мистера Свитсера обманщикомъ, выгнать его изъ каубовъ и изъ кружка, держащихъ пари на скачкахъ. Ему грозила гибель, если онъ не заплатитъ своего долга Гардинану въ день послѣдняго срока, приходившагося на другое утро послѣ утраты билета. Этимъ самымъ утромъ леди Лидіардъ, говоря со мной о посвященіи ея племянникомъ, сказала: „еслибъ я дала ему возможность высказаться, Феликсъ занялъ бы у меня денегъ; я видѣла это по лицу его“. Микюточку, Изабела. Я не только убѣжденъ въ томъ что мистеръ Свитсеръ взялъ пятисотфунтовый билетъ изъ открытаго пакета,—я твердо увѣренъ что онъ же сообщилъ лорду Ротерфильду о тѣхъ обстоятельствахъ при которыхъ вы покинули домъ леди Лидіардъ. Выйдя замужъ за мистера Гардинана, вы были бы въ состояніи открыть кражу. Вы, а не я, могли бы въ такомъ случаѣ узнать у нашего мужа что украденный билетъ былъ тотъ самый которымъ мистеръ Свитсеръ заплатилъ свой долгъ. Онъ и пріѣхалъ сюда, будьте увѣрены, лишь за тѣмъ чтобъ убѣдиться удалось ли ему разрушить ваши планы. Безсердечіе этого негодяя не бывало еще и между вистальниками.—На этихъ словахъ онъ сдержался. Внесливость разгадки, страстность и сила его выраженій ошеломили Изабелу. Она дрожала какъ испуганный ребенокъ.

Пока онъ старался успокоить ее, у ногъ ея послышался тихій визгъ. Они олустили глаза и увидали *Толми*. Видя, что его наконецъ-то замѣтили, онъ выразилъ свое облегченіе лаемъ, и выронилъ что-то изо рта. Пока Муди наклонялась поднять, собачка бросилась къ Изабелѣ и ткнулась ей въ ноги. Изабела протянула было руку приласкать *Толми*, какъ вдругъ ее остановило восклицаніе Муди. Теперь настала его очередь дрожать. Онъ едва пролепеталъ: „собака наша бумажникъ“.

Онъ открылъ бумажникъ дрожащими руками. Въ немъ была подшита книжка для записыванія пари съ обычнымъ календаремъ. Онъ перелистывалъ ее до дня сѣдовавшаго за кражей.

Тутъ было внесено: „Феликсъ Свитсеръ. Получено 500 фунтовъ. Номеръ билета № 70.564; дата 15 мая 1875.“

Муди вынулъ изъ жилетнаго кармана записанный для памяти номеръ утраченнаго билета.

— Прочтите это, Изабела, сказалъ онъ,—я не хочу полагаться на одну память.

Она прочла. Номеръ и дата билета, внесенные въ записную книжку бумажника, какъ разъ соответствовали номеру и датѣ выставленнымъ въ письмѣ леди Лидіардъ. Мужъ подалъ бумажникъ Изабелѣ.

— Вотъ доказательство вашей невиновности, сказалъ онъ,—благодаря собачкѣ! Вы напишете мистеру Гардимуану и сообщите ему что случилось? спросилъ онъ потупясь и глядя въ землю.

Она отвѣчала ему яркимъ румянцемъ, внезапно разлившимся по ея лицу.

— Вы сами напишете ему, сказала она,—когда настанетъ время.

— Какое? спросилъ онъ.

Она обняла его и скрыла свое лицо у него на груди.

— Время, прошептала она,—когда вы назовете меня своею женой.

Тихое ворчанье *Томми* напомнило имъ что онъ также имѣетъ право на вниманіе.

Изабела олустилась на колѣни и привѣтствовала старого товарища своихъ игръ самыми горячими поцѣлуями, какихъ онъ не получалъ съ самаго начала ихъ знакомства.

— Милый, милый! говорила она, опуская его опять на землю,—чѣмъ я могу наградить тебя?

Томми перевалился на спину медленнѣе чѣмъ дѣлалъ это всегда, вслѣдствіе плотнаго завтрака въ палаткѣ, поднималъ всѣ четыре лапки вверхъ и лѣнливо смотрѣлъ на Изабелу своими свѣтлокарими глазами. Если собачьи глаза могутъ говорить, то глаза *Томми* ясно высказали теперь: „я сажу лапкой лапкой поцѣл, поглажу мнѣ брюшко“.

Постскриптумъ.

Лица занимающіяся спекуляціями оимъ извѣщаются что продается нижеслѣдующій документъ; просятъ обозначить сумму, какую желаютъ за него дать:

„Обязуюсь уплатить леди Лидіардъ пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ (500 ф. с.). Феликсъ Свитсъръ.“

Леди Лидіардъ получила эту денежную цѣнность при обстоятельствахъ придавшихъ ей романтическій интересъ.

Это было последнее извѣстіе, какое ей суждено было получить отъ своего высокоталантливаго племянника. Къ документу была приложена записка, которая не можетъ не имѣть значенія въ глазахъ каждаго благоразумнаго человека, сѣдѣющаго за обращеніемъ цѣнныхъ бумагъ.

Нижеслѣдующія строки совершенно конфиденціальны:

„Нашъ несравненный Муди извѣстилъ меня, любезная тетюшка, что вы рѣшили (вопреки его совѣту) отказаться отъ преслѣдованія. Я не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ что онъ разумѣетъ подъ этими словами; тѣмъ не менѣе я очень благодаренъ ему что онъ напомнилъ мнѣ объ одномъ обстоятельстве, имѣющемъ нѣкоторый интересъ для васъ лично.

„Я удаляюсь на континентъ для поправленія здоровья. Во время приготовленій къ путешествію всегда что-нибудь забудешь. Пока Муди не зашелъ ко мнѣ, я совершенно забылъ что имѣлъ удовольствіе нѣсколько времени тому назадъ занять у васъ пятьсотъ фунтовъ.

„При томъ свиданіи, о которомъ я упоминаю, вашъ разговоръ и обращеніе дали мнѣ понять что я не получу денегъ если прямо попрошу ихъ. Оставалось одно: взять ихъ не спрашивая. Я ихъ взялъ, пока Муди отлучился чтобы прислать мнѣ рюмку кюрассо, и вернулся въ картинную галерею какъ разъ вовремя чтобы принять этотъ очаровательный напитокъ изъ рукъ слуги.

„Само собою, вы спросите, зачѣмъ я нашелъ нужнымъ одѣлать этотъ „принудительный заемъ“ (употребляя финансовое выраженіе) въ свою пользу. Я руководился побужденіями которыя, надѣюсь, дѣлаютъ мнѣ честь: положеніе мое въ то время было въ высшей степени критическое. Кредитъ мой у ростовщиковъ совершенно изсякъ; всѣ друзья отвернулись отъ меня. Мнѣ оставалось или взять деньги, или обезчестить имя моего семейства. Если есть на свѣтѣ человѣкъ искренно привязанный къ своей семьѣ—человѣкъ этотъ я. Я взялъ деньги.

„Представьте себѣ положеніе ваше какъ моей тетюшки (я ничего не говорю о себѣ), еслибъ я выбралъ другой исходъ. Исклученный изъ Жокей-клуба, исключенный изъ таттерсаловъ, лишенный права держать пари, однимъ словомъ: публично объявляемый обманщикомъ предъ благороднѣйшимъ въ Англіи учрежденіемъ, скаковымъ гиллодромомъ,—

и все это за неимѣніемъ пятисотъ фунтовъ чтобы заплатить ротъ величайшему негодяю, Альфреду Гардимуану! Я не буду огорчать вашу чувствительность (и мою также), останавливаясь на этомъ. Дорогая и изумленія достойная женщина! вамъ принадлежитъ честь спасенія семейнаго имени; себя я могу приписать только низшую заслугу—я оставилъ вамъ случай сдѣлать это.

„Моя расписка, какъ вы увидите, прилагается при этомъ письмѣ.

„Не могу ли я сдѣлать для васъ что-нибудь за границей? Ф. С.“

Къ этому остается только прибавить, во первыхъ, что Муди былъ вполнѣ правъ въ своей увѣренности что Феликсъ Свитсэръ сообщалъ отцу Гардимуана объ обстоятельствахъ при которыхъ Изабела оставила домъ леди Лидіардъ, и, во вторыхъ, что Феликсъ Свитсэръ передалъ французской полиціи вполнѣ точно разказъ мистера Троя о покражѣ, не измѣнивъ въ немъ ничего, кромѣ нумера мошеннаго билета.

К О Н Е Ц Ъ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Русскій дилеттантизмъ и общинное землевладѣніе. Разборъ книги князя А. Васильчикова: Землевладѣніе и земледѣліе. В. Герье и Б. Чичерина. 1878.

Разказываютъ что одинъ изъ извѣстныхъ въ Петербургѣ иностраннѣхъ дипломатовъ въ разговорѣ объ агитаціяхъ въ какихъ упражняются наши нигилисты выразился слѣдующимъ образомъ: „воля не высока, но лютіа слаба“. Нельзя было въ немногихъ словахъ охарактеризовать болѣе мѣтко и вѣрно наше общественное зло. Дѣйствительно, лютіа черезчуръ плоха. Страшна не толпа недоучекъ, усилія коихъ породить смуту въ народѣ разбиваются о здравый смыслъ этого народа, а страшно то что вмѣсто отпора со стороны нашей „интеллигенціи“ они встрѣчаются съ такою невѣдностью мысли, съ такимъ сумбуромъ понятій что получаютъ даже нѣкоторое право придавать себѣ значеніе. Вотъ, напримѣръ, книга о землевладѣніи и земледѣліи имѣющая видъ серьезнаго ученаго трактата, прославленная въ нѣкоторыхъ журналахъ, подписанная княжескимъ именемъ, принадлежащая человѣку вмѣщающему въ себя, казалось бы, всѣ условія умственной и политической зрѣлости.

Гг. Герье и Чичеринъ приняли на себя трудъ подвергнуть эту книгу тщательному и подробному разбору, она прослѣдила шагъ за шагомъ все экономическія, историческія и административныя соображенія автора, и не полѣнились написать по этому поводу цѣлое изсѣдованіе въ 250 страницъ довольно убористой печати. Результатъ выходитъ поучительный. Тяжеловѣсный трактатъ оказывается легкомысленнѣйшимъ произведеніемъ; прославленныя учеными и глубокомысленными сужденія — шалостями пера, притомъ непростительными. Рецензенты убѣдительно доказываютъ что авторъ ни о чемъ серьезно не думалъ, ничего серьезно не изучалъ и пользовался литературой занимавшаго его предмета не съ цѣлью уяснить изъ нея для себя различныя истины, а единственно для того чтобы безъ разбора выхватывать изъ нея разныя шпеста въ подтвержденіе своихъ предвзятыхъ мыслей. Какъ эти мысли зародились въ умѣ князя Васильчикова, подъ вліяніемъ чего онъ проникся къ нимъ восторгомъ, это такое же явленіе современной нашей общественной патологии какъ и сочувственный пріемъ оказанный ему со стороны весьма замѣтной доли публики.

Если человѣкъ принимается возвыщать новыя истины, то прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ въ какой мѣрѣ онъ компетентенъ для этого, возникаетъ естественное желаніе освидѣтельствовать его познанія и научные пріемы. Такъ и поступили гг. рецензенты. „Зороастръ и Конфуцій, говорятъ они, могли не знать географію и исторію, но когда въ наше время раздается голосъ мудреца, позволительно спросить имѣетъ ли онъ свидѣтельство зрѣлости и обладаетъ ли онъ тѣми свѣдѣніями которыя составляютъ предметъ обученія въ гимназическомъ курсѣ?“ Авторы брошюры производятъ князю Васильчикову экзаменъ, результаты коего оказываются крайне не утѣшительныя.

Географія, напримѣръ, самый легкій и доступный изъ учебныхъ предметовъ, но князь Васильчиковъ не знаетъ и ея. Онъ подробно говоритъ о земледѣліи въ различныхъ графствахъ Англіи, а между тѣмъ для него не очевиднѣе ли что эти графства наводятся на картѣ въ Германіи изобрѣлъ онъ страну Люкбургъ, и что это не опечатка вмѣсто Люксембурга, замѣчаютъ авторы брошюры, видно

изъ того что новая страна оказывается у него рядомъ съ Саксоніей. Ему неизвѣстно какое значеніе въ географіи имѣетъ выраженіе „Новый Свѣтъ“; онъ прилагаетъ его то къ Америкѣ, то къ западной Европѣ.

Съ исторіей дѣло еще хуже. Князь Васильчиковъ распространяется о законахъ „Лициніевъ“, предполагая вѣроятно что законодателей съ этимъ именемъ было въ Римѣ очень много; къ тому же и жили они, по его понятіямъ, должно-быть въ послѣднія времена республики, ибо законы „Лициніевъ“ онъ считаетъ „предсмертными признаками общества уже клонившихся къ разрушенію“. *Sensus equester* переводитъ онъ „родовая знать“ очевидно не зная что слово *equester* означаетъ „всадническій“, а *sensus* значитъ „цenzъ“ и не подозревая по этому что всадническій цenzъ не имѣетъ ничего общаго съ родовой знатью; консула Фламинія ученый авторъ неожиданно произвелъ въ „латинскіе писатели“ и поставилъ его на ряду съ Полибиемъ, котораго отнесъ къ III вѣку до Рождества Христова; изъ его же книги можно почерпнуть свѣдѣнія о какомъ-то трибунѣ *Маркафили*: еслибы, говорятъ гг. Чичеринъ и Герье, ухъ князя Васильчикова сколько-нибудь привыкло къ именамъ Римской исторіи, то онъ конечно не отважился бы сочинить такого трибуна. Плинію Старшему поставлено въ заслугу что „еще онъ предвѣщалъ своимъ согражданамъ, римскимъ патриціамъ, что ихъ обширныя помѣстья погубятъ Италію,—*latifundia perdidere Italiam*“: авторъ не обратилъ вниманія на то ничтожное обстоятельство что Плиній жилъ въ I вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, что уже задолго до этого вся средняя и южная Италія превратилась въ латифундіи, и что такимъ образомъ было бы забавно еслибы онъ вздумалъ предсказывать давно совершившіяся событія. „И зачѣмъ это, говорятъ гг. Герье и Чичеринъ, привелъ князь Васильчиковъ слова Плинія въ оригиналѣ? Вѣдь по нимъ-то мы и получаемъ возможность узнать ex pingue leonem, что князь Васильчиковъ, писавшій о классическомъ образованіи, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о латинской грамматикѣ: вѣдь *perdidere* прошедшее время, а не будущее.“ Если читатели ничего не знаютъ объ аекискихъ *деорнатахъ*, то и о нихъ могутъ почерпнуть изъ книги ученаго автора любопытныя и конечно неслыханныя свѣдѣнія. Онъ ссылается на слова

„извѣстнаго нѣмецкаго историка Шлецера, сказанныя еще въ тридцатыхъ годахъ“, но, замѣчаютъ ему рецензенты „извѣстный историкъ Шлецеръ умеръ въ 1809 году; сынъ его, бывший профессоромъ въ Москвѣ и издавшій въ 1804 году свое сочиненіе *О началахъ народнаго хозяйства* не можетъ быть названъ извѣстнымъ нѣмецкимъ историкомъ, а извѣстный нѣмецкій историкъ тридцатыхъ годовъ назывался не Шлецеръ, а Шаоссертъ“.

Экзаменъ не ограничивается исторіей и географіей, онъ дѣлается и по другимъ предметамъ гимназическаго курса, и по вѣдѣнью, между прочимъ по математикѣ и русскому языку, князь Васильчиковъ оказывается одинаково несостоятельнымъ.

Мы не можемъ перечислить въ этой краткой замѣткѣ всѣ куріозы подмѣченныя рецензентами въ книгѣ князя Васильчикова. И указаннаго, кажется, достаточно и для характеристики князя Васильчикова какъ ученаго, и для характеристики нашей журнальной критики, на которую именно ученость автора произвела особенно сильное впечатлѣніе. Петербургскіе журналы трубили похвалу изслѣдователю, прославившему себя открытіемъ трибуна Маркафи. Въ *Отечественныхъ Запискахъ*, говорятъ рецензенты, одинъ публицистъ,

искренно увѣровавшій въ ученость князя Васильчикова и не могущій надивиться ей, хвалить его въ своей рецензіи за ту „массу фактическаго матеріала въ историческомъ и статистическомъ отношеніи“, который имъ собранъ и „могъ быть, доступенъ только ему“; въ другомъ мѣстѣ рецензентъ восклицаетъ: „цѣлымъ рядомъ трудныхъ и вполнѣ добросовѣстныхъ изслѣдованій, однимъ вамъ, князь, можетъ-быть доступныхъ“ и т. д., не подозревая сколько соли заключается въ этой похвалѣ. Дѣйствительно, факты собранные княземъ Васильчиковымъ таковы что нужно желать чтобы только ему одному такая ученость была доступна....

Если свѣдѣнія князя Васильчикова оказываются весьма сомнительнаго качества, то и „о методѣ имѣеть онъ также мало понятія какъ по его мнѣнію древній русскій челоувѣкъ имѣлъ мало понятія о личной поземельной собственности и наследственности; перо его гуляетъ также свободно по страницамъ его объемистой книги какъ ходили соха, коса и топоръ по малонаселеннымъ областямъ древней Руси“.

Отсутствіе элементарныхъ свѣдѣній, неумѣніе пользоваться источниками, полное незнакомство съ научнымъ методомъ, все это не помѣшало князю Васильчикову приняться за трудъ въ которомъ онъ поставилъ себѣ задачей истолковать по-своему смыслъ европейской цивилизаціи, и на основаніи своеобразно помѣтыхъ имъ прошлыхъ судебъ Россіи высказать пророчество о томъ что ожидаетъ ее въ будущемъ. Не трудно догадаться какими результатами ознаменовалась такая попытка. Это какіе-то обрывки мыслей, невообразимый хаосъ, путаница отъ начала до конца, въ которой всѣ человѣческія понятія стоятъ вверхъ ногами.

Не даромъ, говорятъ гг. Герье и Чичеринъ, все сочиненіе князя Васильчикова устлано поперечными черточками, отдѣляющими одну страницу отъ другой и показывающими что нить изслѣдованія или мысль у него прервалась, и что онъ вдругъ почувствовалъ потребность броситься въ сторону, заговорить о совершенно другомъ, или же начать сначала и повторить то что уже было сказано. Особенно характеристично у князя Васильчикова употребленіе слова *итакъ*. У обыкновенныхъ писателей это значитъ что авторъ хочетъ вывести заключеніе изъ того что имъ было приведено въ подтвержденіе своей мысли или по крайней мѣрѣ что онъ хочетъ подвести итогъ тому что было сказано; у князя Васильчикова *итакъ* служитъ очень часто только предостереженіемъ для читателя что авторъ хочетъ перевести дыханіе послѣ длиннаго набора напыщенныхъ словъ и броситься бѣжать куда-нибудь въ сторону.

Ему не показалось рискованнымъ писать историческое изслѣдованіе не зная исторіи; сознательно или инстинктивно онъ не ошибся что невѣжество не будетъ поставлено ему въ вину. И дѣйствительно, замѣчаютъ авторы разбираемой нами брошюры:

Наша критика не только терпѣливо свесла, но и преклонилась предъ сочиненіемъ князя Васильчикова который составилъ обзоръ исторіи Европы на смѣхъ общепризнаннымъ экономическимъ и политическимъ законамъ, регулирующимъ историческую жизнь народовъ. Въ нашей публицистикѣ и въ нашемъ обществѣ боѣе чѣмъ гдѣ-либо говорятъ о необходимости вывести для исторіи такіе же простые и непреложные законы какіе установлены въ естественныхъ наукахъ, и между тѣмъ видѣтъ, какъ у насъ, дилеттантизмъ не можетъ разчитывать на такой просторъ и на такую снисходительность если онъ выброситъ за бортъ всѣ результаты исторической науки и всѣ признанныя ею положенія въ угоду привилегированной въ данную минуту тенденціи.

Все дѣло въ тенденціи! Какъ скоро авторъ заданъ тенденціей которая должна вызвать сочувствіе къ нему въ нашихъ якобы прогрессивныхъ журналахъ и въ извѣстныхъ слояхъ нашей интеллигенціи, онъ можетъ смѣло идти впередъ, не caring за установленныя истины и относясь съ презрѣніемъ ко всѣмъ ученымъ авторитетамъ. Такъ именно и поступилъ князь Васильчиковъ.

Онъ дѣйствительно сумѣлъ вполнѣ отрѣшиться отъ принципа признающаго что историческая жизнь управляется законами которые могутъ быть познаваемы разумомъ, и, эмпиризовавшись отъ руководства разумомъ, успѣлъ создать историческую картину, которая отражаетъ на себѣ не дѣйствительность, а хаотическое состояніе ума и понятій автора. Но такое отношеніе къ исторіи странно со стороны человека, имѣющаго притязаніе на образованность. Оно полагаетъ только въ устахъ какого-нибудь самоучки рабочаго, который говоритъ предъ толпой полуграмотныхъ слушателей не съ тѣмъ чтобъ ихъ просвѣщать и знакомить съ ходомъ исторіи, а чтобы возбуждать ихъ неудовольствіе противъ существующаго порядка и убѣждать ихъ въ томъ что этотъ порядокъ сложился такъ по винѣ тѣхъ самыхъ основій которыя и теперь составляютъ преграду на пути къ благоденствію рабочаго класса. Князь Васильчиковъ въ качествѣ историка можетъ смѣло подать руку берлинскому нерефлектирующему Мосту, подвергнутому критикѣ съ социалистической точки зрѣнія римскую исторію Момзена, котораго, какъ всякій знаетъ, вовсе нельзя обвинять въ реакціонныхъ стремленіяхъ и въ сочувствіи римскимъ латифундіямъ и „юнкерамъ“. Такіе историческіе обзоры понытамы только какъ орудіе борьбы, и то лишь съ той точки зрѣнія съ которой могутъ быть допущены и разрывныя лули, то-есть съ точки зрѣнія борьбы фанатической, ожесточенной и считающей дозволенными всякія средства“...

Вотъ въ этомъ-то и заключается наша оригинальность что никакой ожесточенной борьбы у насъ нѣтъ, ни одинъ классъ общества не проникнутъ фанатическою враждой къ другому, и тѣмъ не менѣе тотъ или другой забавникъ преспокойно пускаетъ въ ходъ разрывныя лули. А вокругъ стоятъ „образованные“ люди которые съ удовольствіемъ смотрятъ на это зрѣлище и руколаещутъ ему. Оригинальность заключается еще въ томъ что виновникъ этого восторга очевидно самъ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ что онъ творитъ и наивно убѣждаетъ что онъ занятъ весьма полезнымъ и серьезнымъ дѣломъ. Скажите, напримѣръ, князю Васильчикову что книга его проникнута отъ начала до

конца оквержѣйшими социалистическими тенденціями и онъ не повторитъ вамъ; проповѣдуя чистѣйшій социализмъ онъ нерѣдко отрещивается отъ него, и происходитъ это отъ того что онъ рѣшительно не способенъ серьезно овладѣть какою бы то ни было мыслию. По замѣчанію рецензентовъ, читая его книгу кажется иногда что изложенныя въ ней мысли случайно свѣтѣлись съ разныхъ сторонъ и наскла, какъ полагало, на страницы или даже на строки, не заботясь о взаимномъ соглашеніи. Какъ же требовать отъ него чтобы онъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ что говорить?

Несмотря на то что князь Васильчиковъ безъ разбора принимаетъ различные отголоски социалистическихъ мнѣній, почтенный авторъ всеми силами отбивается отъ социализма. Но изъ собственного его изложенія видно что едва ли ему извѣстны теоріи и произведенія социалистовъ. Социализмъ представляется ему исключительно въ видѣ коммунизма, да и о самомъ коммунизмѣ онъ имѣетъ весьма смутное понятіе. Въ его изображеніи „новѣйшихъ коммунистическихъ вымысловъ“ перемѣшиваются и вольная ассоціація, которая не имѣетъ въ себѣ ничего коммунистическаго, и обломки Сень-Симонистской формулы: „каждому по его способности и каждой способности по ея дѣламъ“ (à chacun selon sa capacité et à chaque capacité selon ses oeuvres), — формула, которую князь Васильчиковъ презрительно называетъ пресловутою, но которая въ сущности не что иное какъ собственное его начало надѣленія землею по рабочей силѣ.... Разница между княземъ Васильчиковымъ и социалистами состоитъ единственно въ томъ что социалисты знаютъ чего хотать и къ чему они идутъ, а князь Васильчиковъ проповѣдуетъ социализмъ также какъ извѣстное лицо въ комедіи Мольера говорило прозой само того не вѣдая.

Въ доказательство гг. Чичеринъ и Герье приводятъ нѣкоторыя основныя положенія ученія Маркса, какъ на примѣръ:

Въ дѣйствительной исторіи главную роль (die grosse Rolle) играютъ завоеваніе, пораженіе, грабежъ съ убійствомъ (Raub und mord).

Исходнымъ пунктомъ развитія современнаго гражданскаго общества было порабощеніе рабочаго. Дальнѣйшее развитіе заключалось только въ видоизмѣненіи этого порабощенія. Экспропріація и обезземеленіе рабочаго составляютъ основу всего историческаго процесса.

Часть капиталистической частной собственности пробилъ. Экспропріаторы будутъ экспропріированы. Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народной массы немогими узурпаторами

а здѣсь дѣло идетъ объ экспроприаціи узурпаторовъ народною массою.

Но вѣдь именно всѣ эти темы и развиваетъ князь Васильчиковъ въ своемъ сочиненіи. Еврейская культура основана на сугубомъ захватѣ и „экспроприаціи“, на томъ что „одна половина рода человеческого обобрава другою“: это собственныя его слова, это—вѣдь которая проходитъ чрезъ все его сочиненіе. И онъ, подобно Марксу, убѣждаетъ что положить конецъ этому несправедливому порядку вещей и „надѣлать наибольшее число жителей имуществомъ соответствующимъ ихъ рабочей силѣ должно послужить идеальною цѣлью экономического прогресса. Онъ идетъ даже дальше Маркса: вѣнецкій социалистъ, по замѣчанію рецензентовъ, примѣнилъ свою теорію экспроприаціи только къ исторіи Англіи гдѣ крестьяне почти не владѣютъ землею, а русскій князь, идущій по его стопамъ, смѣло приложилъ ее ко всей Европѣ! Онъ старается, напримѣръ, доказать что „настоящее положеніе землевладѣнія во Франціи не соответствуетъ общепринятому мнѣнію будто бы аграрное положеніе Франціи есть чисто демократическое, обезпечивающее большинству жителей поземельную собственность“. Рецензенты останавливаютъ его вопросомъ:

Но кто же и когда въ этомъ смыслѣ понималъ демократію? Кто ставилъ французской демократіи требованіе чтобъ она обезпечила большинству жителей поземельную собственность? Да и возможно ли это? Если срыть съ лица земли всѣ французскіе города, уничтожить всѣ фабрики, срубить всѣ лѣса и сады, обратить Французскую республику въ военныя поселенія Аракчеевскихъ временъ и распределить территорію Франціи между ея жителями по нормѣ установленной княземъ Васильчиковымъ, то и тогда только 4.200.000 семействъ получили бы нормальный надѣлъ въ 12¹/₂ гектаровъ (то-есть 16.000.000), большая же половина Французовъ осталась бы не только безъ надѣла, но и безъ охладости....

Предъ подобнымъ экспериментомъ, какъ остроумно замѣчаютъ гг. Герье и Чичеринъ, отступила бы „даже самая необузданная фантазія какого-нибудь египетскаго фараона“, но нашъ князь-социалистъ не смущается ничѣмъ. Всѣхъ кто владѣетъ землею превышающе рабочую силу семьи онъ выдѣляетъ изъ народа, называетъ ихъ *буржуа*, и надо слышать какою ненавистью звучитъ это слово въ его устахъ! Никакой французскій пролетарій не произноситъ его съ такимъ остервененіемъ.

„Употребленіе слова *буржуазія* въ этомъ отдѣльномъ отъ народа и враждебномъ народу смыслѣ, говорятъ гг. Чичеринъ и Герье, понятнo только съ социалистической точки зрѣнія. Вражда приверженцевъ социализма къ буржуазіи, по крайней мѣрѣ большинства рабочихъ, примкнувшихъ къ социализму, происходитъ отъ того что каждый изъ нихъ желаетъ именно сдѣлаться буржуа, то-есть собственникомъ, стремится обставить свой трудъ такими условіями чтобы онъ скорѣе достигъ желаннаго результата—собственности. Впрочемъ, откуда бы ни происходило это негодованіе и какъ бы оно ни было нелогично, оно служитъ однимъ изъ орудій, однимъ изъ военныхъ кликовъ современнаго социализма, и изъ его лагеря заимствовано княземъ Васильчиковымъ. Но что для социалистовъ есть оружіе, то для нашего автора служить побракушкой; что для нихъ является серьезнымъ дѣломъ, то для него лишь княжескою забавой, великосвѣтскимъ *спортомъ*. Князь Васильчиковъ дилеттантъ во всемъ, онъ дилеттантъ и въ социализмъ. Его настолько же можно назвать социалистомъ, насколько можно назвать тампліеромъ или доминиканцемъ юношу надѣвшаго для опернаго маскарада соответствующій костюмъ.

Послѣдняя глава рецензіи посвящена разбору „практическихъ выводовъ“ князя Васильчикова. Объ этихъ выводахъ читатели могли составить себѣ понятіе уже на основаніи того что сказано нами выше. Князь Васильчиковъ съ неописаннымъ восторгомъ увѣряетъ будто бы „помѣстное владѣніе въ Россіи видимо склоняется къ ликвидаціи, къ распродажѣ недвижимыхъ имуществъ, къ упраздненію господскихъ заповѣдъ“; если значительная часть продаваемыхъ нынѣ дворянскихъ помѣстій переходитъ къ купцамъ, то онъ твердо вѣритъ что купцы не долго сохранятъ за собою эту собственность, что чрезъ нѣсколько лѣтъ они непремѣнно растратятъ ее; такимъ образомъ на первомъ планѣ останутся лишь крестьяне. „Мы считаемъ себя въ правѣ заключить, восклицаетъ онъ что будущность Россіи принадлежитъ крестьянской земельной собственности“. Онъ советуетъ намъ не пріостанавливать, не затруднять этого переворота, а „содѣйствовать“ ему, хотя до сихъ поръ не было слышно чтобы подобное содѣйствіе сколько-нибудь обнаруживалось со стороны такого крупнаго землевладельца какъ самъ князь Васильчиковъ. Впрочемъ *entendons-nous*: когда дѣло идетъ о томъ чтобы „не затруднять, не пріостанавливать, не препятствовать“, то слѣдовать этому правилу нужно съ разборомъ. Всякія льготы и всякая свобода

т. сxxxv.

должны быть предоставляемы крестьянамъ; что же касается дворянства, то на него, говоритъ авторъ, необходимо дѣйствовать „понуительно“. По замѣчанію рецензентовъ, всѣ предложенія князя Васильчикова, „почерпнутыя изъ социалистическаго арсенала, устремлены на несчастныхъ русскихъ землевладѣльцевъ, которые и безъ того уже, по признанію автора, составляютъ ничтожное меньшинство среди массы крестьянства и сокращаются все болѣе и болѣе.“ Къ нимъ нѣтъ милосердія, и князь Васильчиковъ относительно ихъ настоящій Драконъ. Когда онъ разсуждаетъ объ этомъ злополучномъ и обреченномъ на уничтоженіе классѣ общества, то невольно припоминается неоднократно слышанный нами разказъ объ одномъ изъ нашихъ прогрессистовъ, который сначала развивалъ свою дѣятельность въ Россіи, а теперь продолжаетъ ее бѣжавъ за границу. Состоялъ онъ некогда членомъ земскаго собранія, гдѣ зашелъ однажды рѣчь о мѣрахъ противъ порубокъ помѣщичьихъ лѣсовъ крестьянами. Онъ высказалъ по этому поводу слѣдующія мысли: главное зло происходитъ отъ самихъ помѣщиковъ которые рубятъ свои лѣса, причиняя тѣмъ вредъ не только себѣ, но и государству; необходимо ограничить ихъ право въ этомъ отношеніи, необходимо постановить чтобъ они пользовались имъ не иначе какъ въ извѣстномъ размѣрѣ; но кто же будетъ слѣдить за тѣмъ чтобъ они не дозволили себѣ злоупотребленій? Нельзя возложить подобную обязанность на особыхъ чиновниковъ,—къ тому же чиновники вообще народъ не надежный; гораздо удобнѣе поручить надзоръ за помѣщиками крестьянамъ, которые живутъ въ близкомъ соседствѣ съ ними и легко могутъ слѣдить за ихъ дѣйствіями; но такъ какъ не въ состояніи же крестьяне оказывать столь важныя услуги безвозмездно, то справедливость требуетъ назначить имъ вознагражденіе натурой, а именно: дозволить имъ производить порубки въ помѣщичьихъ лѣсахъ... Аргументація князя Васильчикова отличается часто отнюдь не меньшимъ безпристрастіемъ.

Мы привели отнюдь не вымышленный анекдотъ. Вполнѣ достовѣрныя лица говорили намъ что подобная рѣчь дѣйствительно была произнесена въ земскомъ собраніи, которое очень смиренно выслушало ее отъ начала до конца. И отъ чего же не вѣрить этому? Чѣмъ лучше и осмысленнѣе то что проповѣдуетъ князь Васильчиковъ въ своемъ „ученѣ“

произведеніи? Онъ доказываетъ между прочимъ что администрація не должна допускать чтобы „собственность расхищалась самими владѣльцами“; по словамъ его „право собственности до известной степени обуславливается пребываніемъ, дѣйствительнымъ владѣніемъ, собственнымъ хозяйствомъ, но оно ограничивается и термлетъ нѣкоторыя преимущества когда передается другому лицу или въ третью руку.“

Едва ли нужно объяснять — говорятъ по этому поводу рецензенты — что такое понятіе о собственности не признается вѣдѣ, ни въ наукѣ, ни на практикѣ. Собственность означаетъ именно право распоряжаться вещью по своему усмотрѣнію, безъ чужаго вмѣшательства, право пользоваться ею, отдавать ее въ займы, отчуждать и наконецъ даже уничтожать ее. Это право ограничивается тамъ гдѣ оно причиняетъ вредъ постороннимъ лицамъ, но если правительство будетъ видѣть въ предметахъ находящихся въ частной собственности не частное, а народное богатство, если оно захочетъ не допускать расхищенія собственности самими владѣльцами и будетъ предписывать имъ способы пользованія ею, то оно само сдѣлается собственникомъ, а частныя лица снизойдутъ на степень простыхъ агентовъ, исполняющихъ волю власти и постоянно находящихся подъ ея контролемъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ можно предписать на примѣръ что собственники обязаны истреблять сорные травы на своей землѣ, потому что эти травы обсеменяютъ и сосѣднія поля; можно регулировать и пользованіе водами, потому что вода отъ одного владѣльца течетъ къ другому; если доказано что истребленіе лѣсовъ имѣетъ вліяніе на климатическія условія, то и тутъ не только возможно, но и необходимо вмѣшательство правительства. Но нѣтъ ли малѣйшаго основанія предупреждать истощеніе почвы которое не имѣетъ никакого вліянія на сосѣднія земли. Держась началъ князя Васильчикова слѣдовало бы воспретить и трату движимаго капитала...

Вотъ какія истины нужно объяснять князю Васильчикову! Онъ очевидно не приходилъ ему въ голову. Онъ упорно стоитъ на томъ что помѣщикъ долженъ пользоваться своею собственностью не иначе какъ съ известными ограниченіями, а еще хуже если онъ самъ не живетъ на своей землѣ и отдаетъ ее въ аренду: за этотъ грѣхъ онъ лишается различныхъ правъ, которыя и перечислены ученымъ авторомъ. Князь Васильчиковъ направляетъ при этомъ свои стрѣлы противъ того, какъ выражается онъ, „тунеяднаго“ класса общества который „спокоенъ въ ка прію-

тился къ столицамъ, при дворахъ государей" или занимаетъ государственною службой.

И тутъ мы узнаемъ, чего прежде не видали, говорятъ авторы разбора, что служащія государству лица составляютъ тунеладный классъ, который долженъ быть лишенъ поземельной собственности. До сихъ поръ съ самаго начала русской исторіи дворянство было сословіемъ служилымъ и землевладѣльческимъ вмѣстѣ. Отнынѣ, по предложенію князя Васильчикова, служащій не долженъ быть землевладѣльцемъ, ибо состоя на службѣ онъ не можетъ самъ обрабатывать свою землю, а принужденъ сдавать ее въ аренду, или же полагаться на управляющаго, что бываетъ еще хуже. То обезпеченіе и та независимость которыя доставляла ему поземельная собственность должны уничтожиться; всякая связь между служилымъ сословіемъ и стравою порывается. Отнынѣ военные и гражданскіе чины должны жить исключительно своимъ жалованьемъ, какъ чистые агенты правительства, безо всякихъ корней въ землѣ. По истинѣ радостная перспектива!

Немного радостнаго и для тѣхъ владѣльцевъ которые исполняютъ требованіе князя Васильчикова и не будутъ выѣзжать изъ своихъ помѣстій. Развѣ рано или поздно, по велѣнію неумолимаго рока, земли ихъ все-таки не должны перейти къ крестьянамъ?

II.

Два новыя повѣсти Джорджа Эллиота (*The lifted veil and Brother Jacob*, by George Elliot).

Все интересно что вышло изъ-подъ пера большого таланта. Держаться на одинаковой высотѣ, идти шагъ за шагомъ путемъ непрерывнаго, послѣдовательнаго совершенствованія не свойственно человеку; колебанія, уклоненія те въ ту, то въ другую сторону, признаки слабости вслѣдъ за проявленіями силы присущи ему, присущи особенно людямъ талантливымъ. Нѣтъ художника, нѣтъ писателя котораго всѣ произведенія были бы равно хороши или шли бы все улучшаясь въ хронологическомъ порядкѣ. Поэтическое творчество смѣняется холоднымъ придумываньемъ; вслѣдъ за звуками, изъ души исходящими и проникающими въ душу, слышатся фальшивыя ноты; нерѣдко бываетъ трудно повѣрить чтобы два произведенія, отдѣленные другъ отъ друга

лишь небольшимъ промежуткомъ времени, принадлежали одному и тому же автору. Предъ нами явные признаки уладка, едва удастся отыскать слѣды того что лѣзняло насъ прежде; мы готовы отказаться отъ возбужденныхъ въ насъ ожиданій, и вдругъ ярче, своеобразнѣе прежняго скаывается снова могучее дарованіе. Эти повышенія и пониженія, приливы и отливы творческой силы, всего интереснѣе тому кто ищетъ въ литературѣ не одного только препровожденія времени. Читатель желающій наполнить чѣмъ-нибудь праздный часъ, конечно отложить въ сторону неудачную повѣсть и возьметъ ту которая имѣетъ громкій успѣхъ. Но въ этихъ смѣнахъ успѣха и неудачи заключается самая жизнь искусства, какъ и всякая жизнь. Неизмѣнно однообразное совершенство, если было бы возможно для человѣка, производило бы не привлекательное, а томительное, гнетущее впечатлѣніе. Невольно вспоминаются слова Мура: „Есть красота всегда неизмѣнно яркая, какъ неотступный безоблачный свѣтъ длиннаго лѣтняго дня, сіяющая, все сіяющая, не смягченная ни малѣйшею тѣнью, пока любовь засыпаетъ въ однообразномъ сіяніи.“ И заснула бы любовь наша къ художнику у котораго всегда и вездѣ мы встрѣчали бы неизмѣнно, неизбѣжно одни и тѣ же достоинства. Да это былъ бы и не художникъ, а ремесленникъ: можно дѣлать чашки, обжигать кирпичи, но нельзя писать повѣсти всегда одинаково хорошо. Недостижимость цѣли, уходящей вдаль по мѣрѣ того какъ стараешься къ ней приблизиться, всегдашняя недостаточность исполненія сравнительно съ намѣреніемъ—вотъ существенная черта искусства, тайна его обаянія. Здѣсь нѣтъ полного удовлетворенія, нѣтъ предѣла. Здѣсь успѣхъ содержитъ въ себѣ неудачу, и въ неудачѣ верѣдко таится начало успѣха. Какъ бы ни прекрасно было что произвелъ художникъ, оно все-таки не такъ хорошо какъ то что хотѣлъ онъ произвести. Образъ дѣйствительно созданный рѣзцомъ, кистью, или словомъ, не передаетъ вполнѣ идеалъ являющійся художнику въ минуты вдохновенія.

Разглядѣть въ осязаемомъ неосязаемое, угадать за представленными намъ чертами что видѣлъ предъ собою художникъ, въ этомъ и состоитъ пониманіе искусства. Оно не дается изученіемъ однихъ образцовъ. Не лучшія произведенія художника, а опыты иногда неудачные выдаютъ намъ

его тайну. Тамъ гдѣ мастерство отдѣлки сгладило всѣ слѣды труда, за блескомъ созданія мы не видимъ какъ оно создавалось и чего добивался создатель. Поражающая насъ красота заслоняетъ ту высшую красоту которую всегда лишь отчасти удастся изобразить осязательно. Не докопавшись, не доблывая яснѣе обнаруживаетъ приемы и цѣли художественной работы; приготовительные этюды, наскоро набросанные очерки, выказываютъ постепенное развитіе творческой мысли, представляютъ въ начальной простотѣ элементы изъ которыхъ въ послѣдствіи слагается сложное произведеніе, а иногда и содержатъ, среди недостатковъ и погрѣшностей, черты такой красоты которая пропадаетъ или блѣднѣетъ въ позднѣйшей, тщательной, сглаживающей всѣ неровности обработки. Припомнимъ этюдъ головы *Іоанна Крестителя* Иванова, припомнимъ разновременныя редакціи Гетевского *Гетца фонъ-Берлихингенъ*, изъ которыхъ первая, наименѣе правильная и выдержанная, поэтическою силой несомнѣнно превосходитъ позднѣйшія.

Нѣтъ ничего интереснѣе, какъ эта борьба таланта съ невыяснившіеся еще задачей, съ неосиленнымъ еще матеріаломъ; эти внезапно яркія краски среди блѣдныхъ контуровъ, эти исканія, пробы, нерѣшительные приступы, смѣняющіеся вдругъ увѣренностью вдохновенія. Вы стоите въ срединѣ той сокровенной, таинственной лабораторіи, гдѣ, по выраженію поэта, „трепещутъ творческія силы;“ предъ вами невидимое облекается мало-по-малу въ осязательную форму, изъ тумана выступаютъ образы, ускользаютъ, скрываются, являются снова, яснѣютъ, оживаютъ. Вглядываться внимательно въ этюды, въ приготовительныя работы, въ бѣглые очерки и наброски, въ пробы силъ талантливаго художника, едва ли менѣе доставляетъ удовольствія и столько же можетъ-быть приносить пользы, какъ любоваться самыми законченными, самыми знаменитыми его произведеніями.

Вотъ предъ нами двѣ повѣсти того писателя котораго англійскіе критики признаютъ единогласно лучшимъ изъ современныхъ своихъ романистовъ, котораго имя ставится рядомъ съ самыми великими именами изящной литературы. Эти повѣсти недавно появились въ печати, но онѣ носятъ характеръ именно такихъ этюдовъ о которыхъ мы говорили. Когда написаны эти очерки — теперь ли, или уже давно, прежде большихъ романовъ, раз-

вещных по всему свѣту славу Джорджа Эллиота, намъ неизвѣстно, во всякомъ случаѣ это не что иное какъ попытки изобразить двѣ фигуры, мелькающія предъ воображеніемъ автора, но еще не вполне выяснившіяся, не очертившіяся отчетливо: одна изъ нихъ симпатическая, мрачно грустная, другая отталкивающая безсовѣтною веселостію. Можетъ-быть эта именно противоположность и заинтересовала автора, можетъ-быть задачею его было сопоставить страданія благородной, до болѣзненности воспріимчивой, исключительной натуры съ наглымъ самодовольствомъ и эгоизмомъ бездушной пошлости. Картина не дорисована, лица изъ которыхъ составились бы художественныя группы являются лорозы, части не соединены еще въ одно стройное цѣлое, черты мѣстами только намѣчены, свѣтъ и тѣни слишкомъ рѣзко нанесены. Глазъ не отдыхаетъ, чувство напрягается и остается неудовлетвореннымъ, вы съ раздраженіемъ закрываете книгу, но въ самомъ раздраженіи этомъ сказывается сила художника. Звуки имъ вызванныя не слились въ гармонію, но они отзываются въ васъ глубоко, шевелятъ, волнуютъ душу.

—Конецъ мой приближается—такъ подъ заглавіемъ *Приподнятая завѣса*, одинокій больной начинаетъ свою грустную повѣсть—Въ послѣднее время я подверженъ припадкамъ грудной жабы. При обыкновенномъ ходѣ болѣзни, говоритъ докторъ, я могу надѣяться что не протяну дольше нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Недолго мнѣ, слѣдовательно, стоять подъ скучнымъ бременемъ земнаго существованія, если только я не одаренъ на бѣду исключительнымъ тѣлосложеніемъ, какъ одаренъ на бѣду исключительною нравственною природою.... Я предвижу когда умру и все что случится въ мои послѣднія минуты. Ровно чрезъ мѣсяцъ отъ нынѣшняго дня, 20-го сентября 1850 г., я буду сидѣть на этомъ креслѣ, въ этомъ кабинетѣ, въ десять часовъ вечера, желая смерти, тяготясь способностью все видѣть насквозь, все знать напередъ, отсутствіемъ заблужденій и надежды. Я буду глядѣть на вспыхивающіе въ каминѣ языки синяго пламени, лампа моя будетъ горѣть тускло, и вотъ начнется ужасное отѣшеніе въ груди. Я едва успѣю достать рукой звонокъ и сильно дернуть его, какъ мной овладѣетъ чувство удушья. Никто не придетъ на мой звонокъ. Я знаю

почему. Мой лакей и моя экономка влюблены другъ въ друга и въ этотъ день поссорятся. Экономка въ изступленіи выбѣжала изъ дому два часа тому назадъ, надѣясь что лакей испугается, какъ бы она не утопилась. Онъ наконецъ встревожился и пошелъ посмотрѣть куда она дѣлась. Горничная дѣвочка спитъ крѣпкимъ сномъ на лавкѣ. Она никогда не слышитъ звонка. Чувство удушья усиливается, лампа гаснетъ съ отвратительною вонью, я напрягаю силы и хватаюсь опять за звонокъ. Мнѣ хочется жить, а помощи нѣтъ. Я жажду неизвѣстнаго; жажда эта пропала. О Боже! позволь мнѣ остаться съ извѣданнымъ, съ тѣмъ что надоѣло уже. Я доволенъ. Нестерпимая боль и удушье. А вѣдь тамъ земля, поля, свѣтлая рѣчка журчащая въ паркѣ, свѣжее благоуханіе послѣ дождя, свѣтъ утра сіяющій въ окно, теплота камина послѣ морознаго воздуха,—ужели темнота навсегда прикроетъ все это? Темнота, темнота, боли нѣтъ, одна темнота; я движусь впередъ и впередъ сквозь темноту; мысль моя останавливается въ темнотѣ, но все же я сознаю что движусь впередъ.

Мрачное видѣніе блѣднѣетъ; складъ рѣчи мѣняется. Больной хочетъ воспользоваться послѣдними силами чтобы повѣдать свои испытанія, открыть свою душу, которой никому не открывалъ въ жизни.

— Я никогда не полагался особенно на сочувствіе ближняго, говоритъ онъ. Но все мы можемъ надѣяться на нѣкоторую долю благосклонности, состраданія, милосердія послѣ смерти. Только живымъ не прощаютъ, только живымъ отказываютъ въ снисхожденіи, въ уваженіи. Пока сердце бьется—терзайте его, послѣ будетъ поздно; пока глаза обращаются къ вамъ съ робкою мольбой—отвѣчайте холоднымъ, отталкивающимъ взглядомъ; пока ухо доступно звукамъ любви,—оскорбляйте его сухою учтивостью, насмѣшливою любезностью, завистливымъ равнодушіемъ; пока въ умѣ живетъ сознаніе несправедливости, потребность братскаго содѣйствія,—давите его опрометчивымъ укоромъ, пошлымъ осужденіемъ. Сердце остановится, глаза перестанутъ молить, ухо оглохнетъ, умъ усложнится отъ желаній и работы. Тогда пора начаться вашимъ похвальнымъ рѣчамъ; тогда время припомнить съ собогѣзнованіемъ и трудъ, и борьбу, и неудачу; тогда можно отдать справедливость совершенному дѣлу, можно найти оправданія ошибкамъ.

Все это хорошо сказано, но это уже не творчество художника, а сужденіе умнаго литератора, да еще и самшааюе уже тысячу разъ, и въ данномъ случаѣ вовсе не идущее къ дѣлу, какъ сознаетъ и самъ предполагаемый авторъ.

— Это избитая, ученическая тема, прерываетъ онъ себя зачѣмъ я на ней останавливаюсь? Все это ко мнѣ не относится.—Да, но это относится къ дѣйствительному автору, Джорджу Эллиоту. Когда видѣніе, ярко мелькнувшее на мину-ту, померкло, скрылось въ туманѣ, оставивъ одно лишь скорбное чувство, онъ не могъ удержаться чтобы не дать этому чувству выраженія наиболѣе соответствующаго его личному опыту, тѣмъ условіямъ въ какихъ самъ онъ находится. Воображеніе охладѣло, поэтическое настроеніе прошло. Авторъ помнитъ однако какое лицо взялся онъ изобразить, и старательно подыскиваетъ подходящія черты и краски; но черты выходятъ слабы, краски блѣдны. Большой припоминаетъ свое дѣтство, противопоставляетъ его позднѣйшимъ годамъ. Разумѣется, это входитъ необходимо въ установленную, общеизвѣстную программу. Онъ рано лишился вѣжно-любившей его и вѣжно имъ любимой матери. Конечно, безъ этого нельзя. Отецъ его богатый банкиръ, воплощеніе аккуратности и холоднаго разчета; старшій братъ, предполагаемый наслѣдникъ, любимецъ отца, образецъ дюжинной добродѣтели и пошлой, здоровой, самоуверенной красоты. Онъ не способенъ понять поэтической мечтательности, болѣзненной вѣжливости, чуткой нервной впечатлительности младшаго брата, обращается съ нимъ, какъ и съ окружающими, небрежно-покровительственно. Все это подобрано по рецепту давно знакомому. Читая начало страницы уже знаешь что будетъ въ концѣ. Напрасно авторъ мастерствомъ языка старается поддержать ладающій интересъ. Магическая сила покинула его. Онъ соблюдаетъ предписанные приемы, произноситъ затверженные формулы, но духи не являются на его зовъ, священный огонь не возгарается, образы не выходятъ изъ тумана. Читатель, скучая, перевортыиваетъ страницы, и вдругъ останавливается на слѣдующихъ.

— Счастливая жизнь въ Женевѣ, куда отправили меня оканчивать воспитаніе, заключилась тяжкою болѣзью. Я ломаю чувство боли и присутствіе отца у моей постели.

Однажды онъ сказалъ мнѣ: „Когда ты со временемъ отправишься, Латимеръ, я повезу тебя домой черезъ Тироля и Австрію. Ты увидишь много новыхъ мѣстъ. Сосѣди наши, Фильморы, теперь здѣсь, они поѣдутъ съ нами; Альфредъ присоединится къ намъ въ Базель; мы все вмѣстѣ посетимъ Вѣну и Прагу....“ Отца куда-то отозвали, умъ мой остановился на словѣ *Прагу*, и странное зрѣлище представилось мнѣ. Большой городъ; его заливаютъ яркій солнечный свѣтъ, свѣтъ какъ будто давно минувшаго вѣка, остановившійся здѣсь, не освѣжаемый ни ночью росой, ни дождемъ; онъ жжетъ запыленное, ветхое величіе народа, обреченнаго жить въ устарѣлыхъ воспоминаніяхъ прошлаго, какъ изложенныя, одряхлѣвшіе цари въ царственныхъ, золотомъ шитыхъ лохмотьяхъ. Городъ словно томится жаждой; широкая рѣка таетъ какъ полоса изъ металла; я иду по длинному мосту; почернѣвшія статуи въ древнихъ обличіяхъ, съ увѣнчанными головами, туло глядятъ на меня; вотъ истинные обитатели этого города; а хлопотливо тѣснящіяся, спующіе взадъ и впередъ мужчины и женщины лишь чуждые посетители, лишь на одинъ день вторглись сюда.... Раздался рѣзкій металлическій звукъ, я очулся и увидѣлъ опять окружающіе меня въ комнатѣ предметы. Слуга Пьеръ, принося мнѣ лѣкарство, уронилъ щипцы у камина. У меня сильно билось сердце; я отослалъ Пьера, попросивъ поставить лѣкарство на столъ. Оставшись одинъ я спросилъ себя, не во снѣ ли представилось мнѣ это изумительно ясное видѣніе, отчетливое до мелочей, до лянна радужнаго свѣта, ладающаго на мостовую въ видѣ звѣзды сквозь цвѣтную лампаду; видѣніе страннаго, совершенно незнакомаго мнѣ города, съ именемъ котораго связывалось въ моемъ умѣ только смутное воспоминаніе историческихъ фактовъ, царственнаго величія и религіозныхъ войнъ.... Я не могъ допустить что заснулъ въ это время. Я помнилъ ясно какъ началось и постепенно свѣтлѣло видѣніе, словно разсѣивался утренній туманъ предъ лучами восходящаго солнца; и въ то же время я помнилъ также какъ приходилъ Пьеръ доложить отцу что мистеръ Фильморъ его дожидается и какъ отецъ послѣдшне вышелъ изъ комнаты. Нѣтъ, это не сонъ. Ужъ не проявляется ли во мнѣ наконецъ — радостный трепетъ овладѣлъ мною при этой мысли — ужъ не проявляется ли во мнѣ творчество

фантазіи, поэтическое дарованіе, сказывавшееся до сихъ поръ только болѣзненною впечатлительностью? Наверное такъ Гомеръ видѣлъ равнину Трои, такъ Дантъ видѣлъ жилище отшедшихъ, такъ Мильтоу видѣлъ полетъ Искusstеля на землю... Нѣсколько дней я былъ въ тревожномъ ожиданіи, не проявится ли опять мой новый даръ. Я обращалъ мысли то на тотъ, то на другой знакомый мнѣ предметъ, надѣясь побудить мою фантазію къ творчеству; но нѣтъ, окружающій міръ оставался туманенъ попрежнему и не вслыхивалъ лучъ страннаго свѣта, хотя я ждалъ и звалъ его съ замираніемъ сердца.

Отецъ ежедневно ѣздилъ со мною кататься, а потому сопровождалъ меня на прогулкѣ лѣшкомъ, когда началъ я крѣпнуть. Разъ вечеромъ, мы сговорились что онъ зайдетъ за мной завтра утромъ и мы отправимся за нѣкоторыми покупками. Отецъ былъ одинъ изъ аккуратнѣйшихъ людей и банкировъ; я нервно тревожился и торопился чтобы быть готовымъ къ назначенному часу. Но, къ удивленію, въ четверть перваго отецъ еще не являлся. Нетерпѣливо волнуясь, я ходилъ по комнатѣ, поглядывалъ изъ окна на Рову въ томъ мѣстѣ гдѣ она вытекаетъ изъ темносиняго озера, и все думалъ о томъ что бы могло задержать отца. Вдругъ мнѣ представилось что отецъ здѣсь, въ моей комнатѣ, но не одинъ: съ нимъ еще два лица. Странно, я не слышалъ шаговъ, не видалъ чтобы дверь отворялась, но вотъ отецъ предо мною, по правую руку наша соседка, мистрисъ Филморъ, которую я помнилъ очень хорошо, хотя не видалъ ее лѣтъ пять: дюжйнная женщина среднихъ лѣтъ въ шелкѣ и кашемирѣ. А по лѣвую руку отца стояла дѣвушка лѣтъ двадцати, не больше, высокая, худощавая, гибкая; роскошныя бѣлокурыя волосы, хитро залащенные въ пряди и косы слишкомъ тяжелыя, казалось, для тонкогубаго лица съ мелкими чертами. Лицо это носило не дѣвичье выраженіе, эти черты были рѣзки, блѣдно-сѣрые глаза глядѣли остро, тревожно, насмѣшливо. Они остановились на мнѣ съ полупрезрительнымъ любопытствомъ и я почувствовалъ боль, словно рѣзкій вѣтеръ пронизываетъ меня. Блѣдно-зеленое платье, зеленые листья, обвивающіе свѣтлыя волосы, привели мнѣ на мысль водяную русалку. Мой умъ былъ полонъ нѣмецкимъ романтизмомъ, и эта блѣдая, увѣчанная зелеными травами дѣвушка съ пронизывающими глазами

представилась мнѣ какъ бы дочерью какой-нибудь холодной, заросшей, старой рѣки.

— Ты заждался меня Латимеръ, сказалъ мнѣ отецъ.

Еще послѣднее слово звучало въ моихъ ушахъ, 'какъ' вся группа исчезла и ничего уже не было между мною и китайскими ширмами, стоящими предъ дверью. Я весь похолодѣлъ и дрожалъ. Едва добрался я, шатаясь, до дивана. Странный новый даръ опять проявился во мнѣ. Но даръ ли это? Не болѣзнь ли скорѣе? Не особый ли родъ перемежающагося помѣшательства, болѣзненно напругающаго мозговую дѣятельность въ извѣстныхъ минуты, за которыми слѣдуетъ совершенный ея упадокъ? У меня мутилось въ глазахъ. Я судорожно ухватился за колокольчикъ, словно стараясь избавиться отъ кошмара, и два раза позвонилъ.

Пьеръ вошелъ со встревоженнымъ видомъ.

— *Monsieur* ne se trouve pas bien? спросилъ онъ заботливо.

— Я усталъ дожидаться, Пьеръ, отвѣчалъ я насколько могъ внятно и твердо, какъ захмѣлѣвшій человекъ который силится казаться трезвымъ. — Я боюсь не случилось ли чего съ отцомъ. Онъ обыкновенно такъ аккуратенъ. Сбѣгайте въ *Hôtel des Bergues* и узнайте.

Пьеръ тотчасъ же вышелъ съ успокоительнымъ: „Bon, monsieur“, и я почувствовалъ себя лучше, вернувшись къ обыденной прозѣ. Стараясь окончателно успокоиться, я пошелъ въ свою спальню, досталъ бутылку *eau de cologne*, тщательно откурилъ ее и натеръ виски и руки... Освѣжившись такимъ образомъ, я воротился въ гостиную. Она была занята. Предъ китайскими ширмами стоялъ отецъ, по правую его руку мистрисъ Фильморъ, а по лѣвую художавая бѣлокурая дѣвушка съ рѣзкими чертами лица и устремленными на меня пронизывающими глазами.

— Ты заждался меня, Латимеръ, сказалъ отецъ.

Больше я ничего не слыхалъ, я лишился сознанія. Когда я очнулся, я лежалъ на диванѣ, отецъ сидѣлъ подлѣ меня.

Эта дѣвушка, Берта Грантъ, богатая наследница, невеста старшаго брата, Альфреда. Разказъ продолжается такъ:

— Вскорѣ послѣ этого случая, чуть ли не на слѣдующій же день, обнаружилось во мнѣ новое явленіе ненормальной, болѣзненной воспріимчивости. Я началъ какъ будто видѣть что происходило въ головѣ у тѣхъ людей съ которыми я встрѣчался. Несвязныя, пустыя мысли и ощущенія какой-

нибудь вовсе не интересной личности, мистрисъ Фильморъ напимѣръ, съ докучною ласкостью вторгались въ мое сознаніе, какъ непріятная, безлокойная музыка или раздражающее жужжанье пастѣкомаго. По временамъ души окружающихъ людей опять замыкались отъ меня, и эти перерывы доставляли мнѣ отрадный отдыхъ, какъ молчаніе встревоженнымъ нервамъ. Я могъ бы подумать что это докучное ласковидіе не что иное какъ болѣзненная возбужденность воображенія, но знаніе мое напередъ непредвидимыхъ словъ и поступковъ другихъ доказывало дѣйствительную связь его съ мыслями и чувствами окружающихъ меня людей. Но если скучно и утомительно было знать повсюду что на душѣ у каждаго встрѣчаемаго, то мучительно больно становилось когда предо мной какъ бы открывались души людей мнѣ близкихъ, когда за разсудительными рѣчами, за ласковою внимательностью, за остроумными замѣчаніями, за проглавленіями доброты видѣлись заднія мысли, сдержанный эгоизмъ, хаосъ мелочности и суеты, изъ котораго возникаютъ слова и дѣла человѣческія, какъ листья прикрывающіе темную глубину.

Этотъ страшный, болѣзненный, ласковидящій герой повѣсти, конечно, страстно влюбляется въ Бертю. Страсть эта возбуждается и поддерживается особенно тѣмъ обстоятельствомъ что душа одной только Берты для него замкнута, ея сокровенныя мысли и чувства недоступны ему. Берта ласкаетъ его какъ большого ребенка, снисходительно кокетничаетъ съ нимъ. Свадьба ея съ Альфредомъ уже назначена, но опять является видѣніе будущаго, противорѣчащее всѣмъ предположеніямъ.

— Мы осматривали Лихтенбургскую картинную галерею. Я долго стоялъ предъ картиной Джорджоне, изображающей женщину съ жестокими глазами, какъ говорятъ, Лукрецію Борджіа. Страшная живость этого лукаваго, безжалостнаго лица привлекала, сковывала меня, пока наконецъ во мнѣ возникло ощущеніе какой-то отравы, словно я слишкомъ долго вдыхалъ губительный запахъ... Утомленный я вышелъ въ садъ и пошелъ по усыпанной ласкомъ дорожкѣ. Вдругъ чья-то рука просунулась подъ мою руку и я почувствовалъ легкое пожатіе. Въ ту же минуту мною овладѣло странное ошмѣніе, словно усилилось чувство вызванное во мнѣ портретомъ Лукреціи Борджіа. Садъ, лѣтнее небо,

рука Берты подъ моею рукой, все исчезло, я вдругъ очутился въ потемкахъ, изъ которыхъ мало-по-малу пробилась мерцающій свѣтъ огня: я увидѣлъ себя въ отцовскомъ кожаномъ креслѣ, въ кабинетѣ, у камина. Мнѣ знакомъ былъ этотъ каминъ изъ чернаго мрамора съ бѣлыми медальйонами, изображающимъ умирающую Клеопатру по срединѣ. Глубокое, безнадежное уныніе давило мнѣ душу. Свѣтъ сталъ ярче. Вошла Берта со свѣчей въ рукѣ. Берта—моя жена; она глядитъ на меня жестокими глазами; на ней бѣлое байковое платье съ зелеными камнями и зелеными листьями; всѣ злобныя мысли ея обнажены предо мною: „Безумецъ! идіотъ! чтѣ жъ ты не локочишь съ собою“? Это была минута адскаго мученія. Я видѣлъ ея безжалостную душу, видѣлъ всю ея сухость и холодность, всю ея суровую ненависть. Она наклонилась надо мной съ улыбкой горькаго презрѣнія. На груди ея блестѣла изумрудная змѣйка съ брилліантовыми глазами. Я содрогнулся. Я презираю эту женщину съ сухою холодною душою и язвками мыслями, но я чувствую себя предъ ней безоружнымъ и беззащитнымъ, словно она ухватила за мое сердце, и жметъ его, и выжимаетъ изъ него кровь, и выжметъ всю до послѣдней капли. Она моя жена, и мы ненавидимъ другъ друга. Но вотъ кабинетъ, каминъ и свѣча окрылись, потонули въ свѣтломъ сумракѣ, только изумрудная змѣйка съ брилліантовыми глазами все еще блестѣла предо мною. Я почувствовалъ дрожаніе въ вѣкахъ, лосный дневной свѣтъ ошарилъ меня: вотъ садъ, вотъ слышится голоса, я сидѣлъ окруженный своими на бельведерской террасѣ.

Нужно ли говорить что заовѣщее видѣніе сбывается черта въ черту? Альфредъ, полный силъ и здоровья, внезапно умираетъ отъ паденія съ лошади на охотѣ. Латимеръ становится наслѣдникомъ и женится на Бертѣ. Бракъ этотъ конечно ведетъ лишь къ страданію, къ большому отчужденію другъ отъ друга. Душа Берты перестаетъ быть тайной для ея мужа; онъ видитъ ясно пустоту тамъ гдѣ предполагалъ богатство скрытаго содержанія, гладкую стѣну гдѣ ожидалъ найти живописный ландшафтъ. Прошли долгіе годы. Супруги жили на разныхъ половинкахъ обширнаго дома, только изрѣдка встрѣчаясь, по какой-нибудь надобности.

— Я сидѣлъ въ январскій вечеръ въ кабинетѣ, на отцовскомъ кожаномъ креслѣ, предъ огнемъ мерцающимъ въ

каминѣ. Берта вошла со свѣчей въ рукѣ. Я узналъ бѣлое бальное платье, зеленые камни и листья, жестокий, презрительный взглядъ и изумрудную змѣйку, блестящую на груди. „Безумецъ! идіотъ! думала Берта,—что жъ ты не покончишь съ собою“?

— Мнѣ надо нанять новую горничную, сказала она.—Флетчеръ выходить замужъ; она проситъ чтобы вы отдали ей жениху ферму въ Мольтонѣ. Я этого желаю. Вы должны общаться нынче же, потому что Флетчеръ отходить завтра, и скорѣе, потому что я слышу.

— Хорошо, общайтесь ей, сказалъ я равнодушно, и Берта вышла изъ комнаты.

Новая горничная, женщина среднихъ лѣтъ, не привлекательная по наружности, очень сближается съ Бертой; у нихъ заводятся какія-то тайны; потомъ онѣ сосоратся. Горничная опасно занемогаетъ. Берта сама ходитъ за нею, никого не подпускаетъ къ ней. Она умираетъ. Старый другъ дома, знаменитый медикъ, случайно находящійся тутъ въ гостяхъ, совершаетъ надъ мертвой интересующій его опытъ вливанія крови въ жилы. Берта, которую удалили, входитъ въ сильномъ волненіи въ то время какъ совершается опытъ, и останавливается въ ногахъ кровати.

— Открытые глаза мертвой встрѣтились съ ея глазами, и сознаніе пробудилось въ нихъ, сознаніе ненависти. Рука съ напряженіемъ поднялась и протянулась къ Бертѣ, черты потемнѣвшаго лица дрогнули, глухой, прерывающійся голосъ проговорилъ:

— Ты хочешь отравить своего мужа... Ядъ у тебя въ темномъ чуланѣ... Я тебѣ его достала... Ты смѣялась надо мною, ага! на меня за оливой чтобы внушить ко мнѣ отвращеніе... потому что ты ревновала... Довольна ли ты... теперь?..

— Съ этого дня я живу врозь съ Бертой. Ее всѣ жалѣютъ и уважаютъ. Что могъ я имѣть противъ этой прелестной женщины съ которою всякій, кромѣ меня, былъ бы счастливъ?

— Страствуя по свѣту, я иногда останавливался въ какомъ-нибудь привѣтливомъ мѣстѣ, и въ душѣ моей пробуждалась теплота къ мужчинамъ, женщинамъ и дѣтямъ, лица которыхъ съ каждымъ днемъ становились знакомѣе; но меня прогонялъ страхъ что воротится мое роковое ясно-видѣніе. Наконецъ, болѣзнь мною овладѣла и приковала

здѣсь, и поставила меня въ зависимость отъ слугъ; я знаю ихъ узкія мысли, ихъ ненадежное уваженіе, ихъ владную жалость.

— Сегодня 20е сентября 1850 года. Мнѣ давно знакомы только-что написанныя мною строки, я видѣлъ эти страницы въ моемъ лицѣ тысячу разъ, предъ началомъ видѣнія смерти моей.

Перевернемъ страницу. Вотъ другой очеркъ: *Братъ Яковъ*.

Между страстями влекущими юношей къ роковымъ послѣдствіямъ, слѣпая страсть къ кондитерскому ремеслу недостаточна, кажется, принималась до сихъ поръ во вниманіе. Откуда сыну земледѣльца-собственника, питавшемуся преимущественно вегетичной и домашнимъ хлѣбомъ, знать что пресыщеніе ожидаетъ желудокъ человѣческой даже среди конфетъ и банокъ варенья, и недовольство жизнью можетъ дойти до такой степени что приятели не въ силахъ уже доставить ни малѣйшей отрады? Какъ, въ томъ лѣтнемъ возрастѣ когда кондитеръ представляется достойнымъ всеобщей зависти сказочнымъ принцемъ, который завтракаетъ, обѣдаетъ и ужинаетъ самыми утонченными лакомствами и въ промежуточные часы услаждается леденцомъ и мятными лепешками,—какъ предвидѣть что наступитъ день печальной мудрости, и званіе кондитера окажется не очень вліятельнымъ въ обществѣ, не особенно благоприятнымъ великому честолюбію?... Юный Давидъ Фо, посѣтивъ однажды дядю своего, служившаго буфетчикомъ въ знатномъ домѣ близъ Бригфорда, былъ пораженъ блескомъ кондитерскихъ въ этомъ городѣ. Воображеніе его воспламенилось. Онъ вернулся домой съ убѣжденіемъ что кондитеръ счастливѣйшій и полезнѣйшій изъ людей, и когда отецъ предложилъ ему избрать ремесло, онъ не колебался посвящать себя дѣлу кондитерскому. Скоро однако дѣло это потеряло свою первоначальную прелесть; пробудились иныя стремленія, не удовлетворившіяся сферой избранною въ юношескомъ порывѣ. Но что было дѣлать? Давидъ былъ юноша одаренный весьма дѣятельнымъ умомъ и въ особенности ловкою изворотливостью, однако его способности могли проявиться съ успѣхомъ только въ области леденца, варенья и пирожного. Какъ ни толкуйте что умственная процессъ одинъ и тотъ же во всѣхъ отрасляхъ мышленія,

что выгодно приступить къ дѣлу со свѣжимъ умомъ,—развѣшиванье мяса и муки, приспособленіе печного жара къ тѣсту не составляетъ самую лучшую подготовку для должности перваго министра. Кроме того, при теперешнемъ неудовлетворительномъ состояніи общества, существуютъ общественныя преграды. Давидъ способенъ былъ изобрѣтать удивительное пирожное и обладалъ самыми широкими взглядами на употребленіе сахара; но въ другихъ областяхъ дѣятельности онъ чувствовалъ себя связаннымъ недостаткомъ свѣдѣній и навыка, а свѣтъ такъ неудобно устроенъ что одного сознанія своихъ личныхъ достоинствъ недостаточно для успѣха на какомъ бы то ни было поприщѣ.

Эти затрудненія удручали до нѣкоторой степени умъ Давида. Но даже до окончанія ученичества. Душа его переполнена была сознаніемъ что онъ призванъ къ чему-то весьма замѣчательному, что узкая жизнь другихъ людей вовсе не пригодна и не прилична ему; онъ не допускалъ для себя дюжинной посредственности. Онъ твердо увѣренъ былъ что во всѣхъ отношеніяхъ выдается между другими; даже прачка, какъ ему казалось, замѣчала это и относилась къ его бѣлѣ съ особеннымъ предпочтеніемъ. Правда, въ эту минуту онъ отвѣшиваетъ пряники, но такая аномалія не можетъ продолжаться. Только въ условіяхъ вполне благопріятныхъ для тѣла и лествыхъ для духа можетъ онъ найти себѣ приличное мѣсто....

Когда человѣкъ не доволенъ своимъ положеніемъ или не оцѣненъ по достоинству на родинѣ, мысли его естественно обращаются къ чужимъ краямъ, и воображеніе Давида уносило его до крайнихъ предѣловъ его географическихъ свѣдѣній, отыскивая страну гдѣ юноша съ желтоватымъ лицомъ, безгубнымъ ртомъ и шершавыми волосами былъ бы принятъ съ подобающимъ ему восторженнымъ радушіемъ. Имѣя общее понятіе объ Америкѣ, какъ о странѣ гдѣ народонаселеніе большею частью черное, онъ пришелъ къ мысли что эта именно страна представляетъ благопріятнѣйшія условія для выходца обладающаго несомнѣннымъ, бросающимся въ глаза преимуществомъ близины кожи. Эта мысль мало-по-малу до такой степени овладѣла имъ что сатана ухватилась за нее и сталъ намелтывать какъ удобно было бы выселиться, еслибъ имѣть въ карманѣ нѣсколько денегъ изъ конторки хозяина. Но злой духъ, провицательность

котораго, по моему мнѣнію, слишкомъ преуспеваютъ, рѣшительно даромъ теряя трудъ въ данномъ случаѣ. Давидъ, конечно, охотно положилъ бы себя, въ карманъ хозяйскія деньги, еслибы зналъ навѣрное что одинъ только хозяинъ отъ этого потерпитъ; но онъ былъ осторожный юноша и нисколько не желалъ себя самого подвергать опасностямъ. Поэтому онъ выдержалъ срокъ ученія, не совершивъ никакого безчестнаго поступка, который могъ бы открыться, и отложилъ помысламъ о переселеніи до болѣе удобнаго времени. Вотъ какъ онъ привелъ ихъ въ исполненіе. Пробывъ въ родительскомъ домѣ недѣли двѣ, онъ удостовѣрился въ одномъ обстоятельствѣ, весьма важномъ для него, а именно что у матери его есть небольшое количество золотыхъ, которые она берегла отъ своего приданаго и хранила въ углу ящика, гдѣ лежало у нея дѣтское бѣлье уже двадцать лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ сынъ ея Давидъ началъ ходить, облачая въ которую кривизну въ ногахъ, не совѣтъ изглажившуюся съ возрастомъ. Отецъ не разъ говаривалъ Давиду прямо чтобъ онъ не ждалъ отъ него денегъ на обзаведеніе. При семи сыновьяхъ, изъ которыхъ одинъ былъ весьма здоровый идиотъ, отъдавшій ежедневно объемистую ковригу хлѣба, дай Богъ чтобы каждому досталась какая-нибудь сотня въ наслѣдство. При такихъ обстоятельствахъ что было дѣлать Давиду? Конечно, непріятно похитить деньги у матери, но не представлялось другого средства достать денегъ, и неужели же юношѣ, столь много общающему, добровольно подвергать себя трудностямъ и лишеніямъ которыхъ можно избѣгнуть? Да вовсе и не воровство присвоить себѣ имущество матери: она не станетъ преслѣдовать. Давидъ былъ очень почтителенъ и ласковъ съ матерью, услаждалъ ее похвалами себѣ, увѣреніями что не причастенъ вовсе порокамъ, какіе замѣтилъ въ его сверстникахъ, и необыкновенно любить честность. Еслибы мать отдала ему свои золотые въ награду за такое благородное настроеніе духа, онъ право не укралъ бы ихъ у нея, и это было бы ему пріятнѣе. Однако для дѣятельнаго ума какимъ обладалъ Давидъ, не лишено было удовольствія тайкомъ знакомиться съ формою бородки материнскаго ключа и промыслить другой подходящий...

Многообщающій юноша крадетъ золотые и зарываетъ ихъ въ землю въ соседней рощѣ. За этимъ занятіемъ

застаетъ его братъ Яковъ, идіотъ. Давидъ кормитъ брата конфетами, которыя захватилъ было съ собою для одной прекрасной миссъ Сарры, и увѣряетъ что если зарыть золотые въ землю, они обратятся въ такія же конфеты. Идіотъ вѣритъ этому, и не безъ труда отдѣлавшись отъ него, Давидъ исчезаетъ со своею добычей и отправляется въ Вестъ-Индію.

Шесть лѣтъ спустя по провинціальному англійскому городку Гримворту прошелъ слухъ что стоявшая пустою лавка на торговой площади сада пріѣзжему торговцу съ желтоватымъ лицомъ и ярко-желтымъ галстукомъ, котораго не безъ удивленія замѣтили на почтовой станціи. Гримвортъ представлялся выгоднымъ мѣстомъ чтобы начать торговлю: въ немъ не было до сихъ поръ конкуренціи.

Старые лавочники качали головами и вовсе не радовались новому собрату. Въ Гримвортѣ изстари было заведено и считалось обязательнымъ въ порядочныхъ семействахъ покупать бѣлье и сахаръ тамъ гдѣ отцы покупали. Если повѣдомо откуда явившіеся пришельцы введутъ опрометчивую, шальную торговлю, начнутъ заманивать покупателей живыми приманками разложенныхъ вѣромъ матеріи и искусственныхъ цвѣтовъ—развѣ на комъ-нибудь лаать сидитъ вѣромъ, и можетъ ли женская голова угодиться лучку георгинъ—чего добраго важнѣйшіе покупатели станутъ обращаться въ болѣе значительный городъ Кетльтовъ, гдѣ торговля ведется въ виду скорыхъ барышей, и моды свѣжѣе, и цѣны дешевле....

Даже извѣстіе что новое помѣщеніе приспособляется для кондитерской, до сихъ поръ невиданной въ Гримвортѣ, не устранило нерасположенія къ незваному гостю, хотя хозяйка почтовой гостиницы горячо заступалась за него и увѣряла что онъ очень умный молодой человекъ, вѣроятно хорошаго семейства.

Площадь просіяла, словно радуга внезапно спустилась на нее, когда въ одно прекрасное утро сняты были ставни у новой лавки и въ обоихъ окнахъ предстала взорамъ роскошная выставка самыхъ соблазнительныхъ лакомствъ, живописно размѣщенныхъ и манящихъ взгляды разнообразіемъ формъ и цвѣтовъ.... Кто опишетъ восторгъ гримвортскихъ дѣтей?... Они толпились предъ окнами лавки, большія впереди, а маленькія въ заднихъ, отдаленныхъ рядахъ, подаявъ

кверху головы, широко раскрывъ глаза и рты, словно голодные молодые лгички.

Взрослые люди качали головой, вида такую затрату новаго торговца на товаръ который портится. Правда, приближается Рождество, но какая же хозяйка въ Гримвортъ не постыдится убрать свой столъ кушаньями приготовленными не дома? Нѣтъ, нѣтъ, мистеръ Эдуардъ Фрили ошибается, если думаетъ что гримвортскія деньги такъ и потекутъ въ его карманы.

Имя Эдуардъ Фрили сіяло золотыми буквами на зеленомъ фронтѣ надъ дверью новой лавки; благородно звучащее имя, которое могло бы принадлежать щедрому, неблагоразумному герою старой комедіи, готовому осыпать обсахареннымъ миндалемъ, словно манной небесною, молодое населеніе толпящееся подъ его окнами. Но мистеръ Эдуардъ Фрили былъ человѣкъ умѣвшій какъ слѣдуетъ обуздывать свои порывы и полагавшій что вкусъ къ лакомствамъ долженъ удовлетворяться лишь соразмѣрно средствамъ платить за нихъ. Приди къ нему самый малый ребенокъ въ Гримвортъ съ мѣдною денежкой въ кулачкѣ, онъ освидѣтельствуетъ денежку и отпустить должно количество товара. Малаго ребенка не обидимъ, любилъ онъ говорить, присовокупая что весьма цѣнить честность и обладаетъ весьма нѣжнымъ сердцемъ, хотя и не высказываетъ своихъ чувствъ какъ другіе.

Въ награду ли за такіа добродѣтели, или вслѣдствіе другихъ сокровенныхъ причинъ, только торговля мистера Фрили началась успѣшно. Мистрисъ Челверъ, жена ректора, явилась одною изъ первыхъ покупательницъ, считая причиннымъ оказать покровительство и содѣйствіе новому прихожанину, который съ должнымъ усердіемъ явился въ церковь. Она вѣдала мистера Фрили весьма учтивымъ, любезнымъ молодымъ человѣкомъ, необыкновенно даже развитымъ для кондитера, и весьма хорошихъ правилъ, ибо, сообщивъ ей полезныя указанія какъ выбирать сахаръ, онъ очень ясно выставилъ на видъ безчестность другихъ торговцевъ. Къ тому же онъ былъ въ Вестъ-Индіи и видѣлъ то самое имѣніе которое принадлежало когда-то ея покойному дѣдушкѣ, и намекнулъ что одни только миссіонеры возбуждаютъ неудовольствіе между неграми—очевидно, наблюдательный молодой человѣкъ. Мистрисъ Челверъ дала

ему заказъ и сказала что предвидитъ для себя большія удобства отъ его лавки. То же самое сдѣлала и жена доктора, и миссъ Гэтъ, владѣтельница большой сукновальни, которая, принимая у себя нерѣдко высокопоставленныхъ знакомыхъ, потребляла значительное количество ратафіи и пирожного. Менѣе аристократическія домохозяйки Гримворта сначала какъ будто намѣревались оправдать увѣренность своихъ супруговъ что онѣ не останутъ платить барышей кондитеру за сладкіе пироги которые можно печь дома и покупать въ лавкѣ холодныя кушанья, когда знакомый неожиданно зайдетъ ужинать чтобы похвастаться своимъ хозяйствомъ. Но я взялся разказать постепенное совращеніе Гримворта отъ первобытной чистоты нравовъ,—печальный трудъ, еслибы не служила утѣшеніемъ заключительная катастрофа, которою былъ остановленъ общій уладокъ нравственности. Первая уступила соблазну молодая мистрисъ Стинъ, жена ветеринарнаго врача. Она чуть ли не получила слухомъ блестящее воспитаніе для своего положенія въ обществѣ, ибо знала наизусть поэмы *Лалла-Рукъ*, *Корсара* и *Осаду Коринѳа*, что внушило ей нерасположеніе къ домашнему хозяйству и причинило глубоко порестское разочарованіе, когда послѣ свадьбы она замѣтила что мистеръ Стинъ вовсе уже не интересуется восточною поэзіей и сердится если луддизмъ не удастся, словомъ что онъ не иное что какъ дюжій ветеринаръ, приходящій домой голодный къ обѣду, и несколько не похожъ на вельможу обратившагося въ корсара, или на ремегата съ чалмой и полумѣсяцемъ. Этотъ суровый мушкетеръ пригласилъ гостей на Рождество, и хотѣлъ конечно чтобы были пироги съ начинкой. Мистрисъ Стинъ принялась печь пироги, потратила на нихъ много масла, отличной муки и труда; но когда вынули ихъ изъ печи, они оказались до такой степени тяжелыми что она невольно содрогнулась при мысли что будетъ когда мужъ увидитъ ихъ. Онъ несомнѣнно будетъ браниться при гостяхъ, она конечно расплачется—вотъ до чего она дожила послѣ восточной поэзіи. Вдругъ блеснула у ней мысль что можно да этотъ только разъ послать къ Фрилу за пирогами; у него они есть. Но куда же дѣвать свои восемнадцать тяжелыхъ пироговъ? Что пользы думать объ этомъ? Расходъ, конечно, большой, вообще очень расходно печь дома пироги съ начинкой, когда еще не знаешь навѣрное удадутся ли они;

гораздо лучше просто покупать ихъ готовые. Они обойдутся немного дороже, но крайней мѣрѣ деньги не будутъ брошены даромъ. Таковы были софизмы которыми эта неразумная молодая женщина... словомъ, мистрисъ Стивъ послала за пирогами и къ сожалѣнію я долженъ прибавить что она поддѣлала хозяйственные счета чтобы скрыть отъ мужа это обстоятельство. Таковъ былъ второй шагъ къ паденію, и все благодаря тому что молодая женщина находилась въ разладѣ съ окружающею ее средой: мечтала о восточной поэзіи, о корсарахъ и ренегатахъ, и принуждена была угождать ветеринарному врачу, любившему пироги съ начинкой. Третій шагъ къ паденію состоялъ въ томъ что мистрисъ Стивъ, отложивъ всякій стыдъ, рассказала о своемъ поступкѣ своей задушевной пріятельницѣ мистрисъ Моаль, которая уже впрочемъ сама догадалась, и въ послѣдствіи мистрисъ Моаль покупая въ кондитерской банку варенья, которое слѣдовало бы сварить дома, оправдывалась предъ собою совѣстью тѣмъ что „вѣдь и другія то же дѣлають“. Дурной примѣръ увлекъ многихъ, скоро въ Гримвортѣ образовалась партія „покупщиковъ у Фрили,“ и многіе мужья, державшіеся въ невѣдѣніи, беззаботно кушали пирожное за которое платили еще процентовъ сверхъ настоящей его стоимости и невинно поощряли роковое лукавство своихъ сожительницъ, похваливая это пирожное. Другіе, болѣе прозорливые, смотрѣли сквозь пальцы на слишкомъ частое появленіе за неожиданными ужинами тонкихъ блюдъ, болѣе вкусныхъ, конечно, нежели холодные остатки отъ обѣда, которыми прежде довольствовались. Каждая хозяйка, покупавшая у Фрили, радовалась въ глубинѣ души когда замѣчала тотъ же порскъ за своею сосѣдкой, и скоро только двѣ-три матери семейства остались вѣрны старинѣ, протестуя противъ возрастающаго развращенія нравовъ. „Я не могу угостить васъ лакомствами отъ Фрили, говорили онѣ, приглашая знакомыхъ ужинать. У насъ простая домашняя кухня, не знаю придется ли она вамъ по вкусу.“

Фрили преуспѣваетъ; ловкостью и находчивостью онъ всѣхъ располагаетъ къ себѣ. Наконецъ даже самъ мистеръ Пальфрей, первенствующій въ Гримвортѣ землевадѣлецъ, соглашается выдать за него свою дочь. Тутъ наступаетъ катастрофа. Въ то время какъ невѣста со всѣмъ своимъ семействомъ кушаетъ чай у жениха, является братъ Яковъ,

идіотъ, который, восторженно обнимая долго пропадавшего безъ вѣсти брата своего Давида, неотступно требуетъ отъ него украденныхъ у матери золотыхъ, давно уже, конечно, превратившихся въ конфеты.

Слусть нѣсколько мѣсяцевъ лавка на торговой площади опять отдавалась внаймы, и мистеръ Давидъ Фо, онъ же Эдуардъ Фрилл, исчезъ неизвестно куда. Такъ остановлено было развращеніе гримвортекихъ женъ. Молодая мистрисъ Стивъ старательно принялась печь пироги съ начинкой, и послѣ того какъ однажды мужъ, съ любовью глядя на нее, объявилъ что никогда въ жизни не ѣдалъ такихъ вкусныхъ пироговъ, она стала уже меньше думать о восточной поэзіи и ренегатахъ. Тайны домохозяйства оживились въ памяти матерей, и дочери усердно стали стремиться къ посвященію въ нихъ.

Вы видите яркія краски, мастерскою рукою набросанныя черты, затѣмъ пробѣлы, недорисованныя фигуры, слабые намеки на то что не исполнено. Въ промежуткахъ между выписанными страницами напрасно стали бы вы искать такой же силы, такой же живости, такого же юмора. Только въ этихъ отрывкахъ сказался на этотъ разъ художникъ: все остальное слабо и блѣдно. Два-три образа, двѣ-три картины мелькнули предъ нимъ, онъ схватилъ и передалъ ихъ со всею жаромъ творчества; затѣмъ жаръ остылъ, но художнику не хотѣлось чтобы видѣнное имъ такъ живо пропало безвѣстно; онъ связалъ кое-какъ отрывки и издалъ ихъ въ свѣтъ въ видѣ двухъ небольшихъ повѣстей. Какъ повѣсти—эти произведенія не выдерживаютъ критики. Въ нихъ нѣтъ завязки, нѣтъ ни начала, ни конца, только единичные характеры выдѣляются ярко между блѣдными, условными, безжизненными лицами. Но должны ли вслѣдствіе этого гибнуть незамѣченными тѣ истинно художественные отрывки которые авторъ желалъ сохранить? Не лишились ли бы мы многихъ цѣнностей, еслибы никто не захотѣлъ взять на себя трудъ выдѣлать золото изъ песку и грязи, съ которыми оно смѣшано? И находка чистаго ситка послѣ тщетныхъ, утомительныхъ поисковъ не радуетъ ли нашедшаго? Не любопытство ли, кромѣ того, видѣть въ одномъ человѣкѣ соединеніе силы и слабости, ученическую неловкость рядомъ съ поразительнымъ мастерствомъ?

Читатель, ищущій въ легкой литературѣ лишь развлеченія, пробѣжить эти отрывки и какъ нѣсколько болѣе или менѣе одни изъ удачныхъ очерковъ, но тотъ кто старается постигнуть тайну поэтического творчества, встрѣтитъ въ нихъ не мало интересныхъ и поучительныхъ указаній.

III.

Новая монографія изъ эпохи Филиппа II: Принцесса Эболи, изслѣдованіе Гаспара Муро, съ предисловіемъ Кановас-даль-Кастильйо. Gaspar Muro: la princesse d'Eboli, traduit de l'espagnol par Alfred Weil, Paris, Charpentier, 1878.

„Въ исторіи встрѣчаются такіа второстепенныя событія и личности“, говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, „которыя даютъ намъ возможность подробнѣе изучить другія болѣе важныя происшествія и лица и поэтому постоянно привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе. Къ числу ихъ относятся личности принцессы Эболи и Антоніо Переса. До настоящаго времени было распространено убѣжденіе что Анна Мендоза, принцесса Эболи, въ теченіе многихъ лѣтъ находилась въ цѣпкихъ отношеніяхъ съ Филиппомъ II, что въ то же время она сблизилась съ Антоніо Пересомъ, и что заключеніе ея и Переса имѣло единственнымъ причиною гнѣвъ короля убѣдившагося въ томъ что онъ обманутъ. Открытіе новыхъ документовъ позволяетъ исправить это историческое заблужденіе. Но для этого оказалось необходимымъ представить подробныя разъясненія, ознакомить читателя съ положеніемъ которое занимала принцесса Эболи, съ ея гордымъ и неспокойнымъ характеромъ, съ интригами которыя она вела при дворѣ, съ политическимъ состояніемъ государства, этимъ важнымъ моментомъ послужившимъ Филиппу II основаніемъ для всѣхъ предпринятыхъ имъ мѣръ. Однимъ словомъ, было необходимо не только начертать полную монографію принцессы, но кромѣ того связать ея судьбу съ исторіей ея эпохи для того чтобы главныя дѣйствующія лица рѣзче выдѣлялись на фонѣ картины. Такого рода задачу принялъ я на себя, приступивъ къ жизнеописанію принцессы Эболи. Главный интересъ моего труда состоитъ въ томъ новомъ

свѣтъ который онъ проливаетъ на Филиппа II. Ни одинъ государь не былъ, подобно ему, предметомъ столь ожесточенныхъ, страстныхъ обвиненій для которыхъ наиболѣе могущественнымъ оружіемъ послужили имена Алены Мендоза и Антоніо Переса. Возстановляя факты, настоящее сочиненіе должно разсвѣтъ обвиненія ни на чемъ не основанныя.“

Г. Кановасъ-дель Кастильйо, президентъ испанскаго совѣта министровъ, написалъ автору длинное письмо, помѣщенное вслѣдъ за предисловіемъ г. Мура и занимающее 50 страницъ. По его мнѣнію, сочиненіе Мура „представляетъ обильный источникъ свѣдѣній, которыя тѣмъ болѣе было бы искать въ другомъ мѣстѣ, и всякій кто станетъ въ послѣдствіи писать біографію Филиппа II, или описывать его эпоху, не будетъ въ состояніи обойтись безъ ссылокъ на документы заключающіеся въ этой книгѣ. Г. Муръ знаетъ все что могли знать современники Филиппа II и многое что было неизвѣстно самымъ важнымъ современникамъ того времени и самымъ приближеннымъ совѣтникамъ короля.“ Г. Кановасъ-дель-Кастильйо не совсѣмъ сходится съ авторомъ во взглядахъ на отношенія между Филиппомъ II и принцессой Эболи. Онъ представляетъ въ своемъ письмѣ весьма остроумныя доказательства почерпнутыя имъ изъ тѣхъ же документовъ которыми пользовался Муръ, не приводяція его къ противоположнымъ заключеніямъ. Главный интересъ его письма заключается однако не въ этомъ. Кановасъ-дель-Кастильйо даетъ весьма интересную характеристику Филиппа II. Характеристика эта тѣмъ любопытнѣе что она принадлежитъ перу современнаго государственнаго человѣка.

„Я не могу, говорить онъ, обращаясь къ автору, не предложить вамъ вопроса который прежде всего возникъ у меня когда я прочелъ вашу книгу: повредитъ ли обнародованіе сообщаемыхъ вами документовъ памяти Филиппа II? Кто сколько-нибудь слѣдитъ за историческою литературой, не можетъ уже видѣть въ Филиппѣ II, то чудовище жестокости которое изобразили намъ его религіозные и политическіе враги. Разнаго рода книги, документы и бумаги, собранные теперь въ большомъ изобиліи, доказываютъ до очевидности что *гипотеза* того времени обладала неимоверною расточительностію въ клеветахъ. Исслѣдованіе гг. Гашара и Муи заставили отвести къ области басень и мифа все что было гово-

рело о любви донъ-Карлоса къ королеви Елисаветѣ Валуа, о мнимомъ отравленіи ея и донъ-Жуана Австрійскаго. *Донъ-Карлосъ* Шиллера не есть болѣе историческая драма. Эта драматическая фантазія, основанная на старинной исторической легендѣ, на мнѣи порожденномъ страшнымъ религиознымъ кризисомъ, который съ первой четверти XVI вѣка приводилъ міръ въ отчаяніе вплоть до половины сѣдующаго столѣтія. Такого рода мнѣи послужили основаніемъ трилогіи Эсхила; сюжеты получившіе безсмертіе подъ перомъ трагическихъ писателей вошли въковъ также принадлежать къ области легенды. Мнѣи о Филиппѣ II составляетъ существенную часть того сокровища вымысловъ и фантастическихъ созданій которое древнія и новыя протестантскія націи сохраняютъ въ своемъ лонѣ, передавая его отъ поколѣнія къ поколѣнію. Оставимъ легенды жить въ поэзіи. Но пусть также исторія, обнаружившая и открывшая уже столько мнѣевъ, не дѣлаетъ исключенія для Филиппа II. Онъ не былъ единственнымъ представителемъ нетерпимости въ этомъ вѣкѣ въ которомъ ни протестанты ни католики еще вообще не знали терпимости. Нужно было олицетвореніе ненавистнаго понятія нетерпимости; поэзія избрала для этого олицетворенія образъ Филиппа II. Печально служить олицетвореніемъ заа въ исторіи; но если тайна разоблачена, пусть поэзія сохраняетъ въ цѣлости свое сокровище, а исторія—свою правду. Еще недавно сынъ Карла V представлялся какимъ-то нечеловѣческимъ существомъ, какою-то гигантскою, ужасною икарнаціей. Настоящая книга, послѣдній лучъ яркой исторической поэмы, представляетъ намъ его какъ чловека обычнымъ размѣровъ. Справедливость требуетъ сказать что Филиппъ II не выигрываетъ отъ этой перемѣны. Фантастическое чудовище религиозной политики исчезло предъ лицомъ голой правды; мнѣ кажется что найдутся многіе которые съ исчезновеніемъ чудовища не найдутъ въ Филиппѣ II великаго чловека.“

„Еще задолго до появленія этой книги я уже выражалъ мысль, говоритъ далье г. Кановасъ-дель-Кастильйо, что Филиппъ II не былъ ни классическимъ героемъ, ни средневѣковымъ паладиномъ, ни святымъ. Это былъ государственный чловекъ современной школы, предшественникъ, если не учитель всѣхъ тѣхъ личностей которыя послѣ него пош-

заванялось репутаціей государственныхъ людей. Имъ оканчивается эра героевъ, святыхъ и паладиновъ въ сферѣ правленія; съ него начинается эпоха государственныхъ людей, администраторовъ, стратегиковъ. Въ Испаніи произошло въ этомъ отношеніи то же что въ Германіи, Англіи, Франціи. Еще Карлъ V былъ болѣе паладинъ чѣмъ государственный человѣкъ. Францискъ I, его соперникъ, и Генрихъ IV, соперникъ его сына, были также болѣе рыцари нежели государственные люди, хотя Карлъ V остается самымъ чистымъ, благороднымъ, совершеннымъ типомъ христіанскаго рыцаря, этого идеала среднихъ вѣковъ, столь отличнаго отъ идеала классическаго. Были люди которые ошибались мнѣе его, но никто не обладалъ такимъ величіемъ чувства и мысли какъ онъ. Въ этомъ мірѣ совершаютъ мнѣе всего ошибокъ тѣ которые вообще мало дѣлаютъ. Люди посредственные гораздо чаще нежели великіе мирно оканчиваютъ свою жизнь; но исторія всегда можетъ со строгою точностью опредѣлить степень заслуги каждаго. Въ концѣ-концовъ нѣтъ завоевателей болѣе несчастныхъ чѣмъ Ганнибалъ и Наполеонъ I, а между тѣмъ кто будетъ оспаривать ихъ славу?

„Филиппъ II былъ не таковъ. Онъ не былъ геніальнымъ человѣкомъ, необыкновенною натурой въ смыслѣ ума и характера; но нельзя вслѣдствіе его недостатковъ дѣлать изъ него отвратительное и страшное исключеніе въ исторіи. Онъ былъ страшный человѣкъ для своего вѣка и еще болѣе страшный сравнительно съ людьми предыдущихъ эпохъ; но послѣ него было много подобныхъ ему людей и, вѣроятно, ихъ будетъ еще болѣе. Чтобы по достоинству оцѣнить Филиппа II, какъ государственнаго человѣка, нужно прежде всего добросовѣстно изучить XVI вѣкъ, дать себѣ отчетъ въ томъ чего хотѣла страна, принять въ соображеніе тѣ вопросы и тѣ обстоятельства которые Филиппъ II унаследовалъ отъ своего отца. Испанія никогда не могла ни по своему топографическому положенію, ни по своей производительности, ни по численности своего населенія мечтать о той высотѣ которую она во все время царствованія Филиппа II занимала между европейскими государствами.

„Меня, продолжаетъ авторъ письма, упрекаютъ въ парадоксъ когда я утверждаю что въ Испаніи люди лучше земли.

Но я не могу смотрѣть на всѣ наши завоеванія иначе какъ на блестящіе подвиги удачества, предпринятые горстью людей безъ денегъ и безъ страха. Удерживать труднѣе нежѣе приобретать. А между тѣмъ никто такъ долго какъ мы и сохранялъ отдаленныхъ и экцентричныхъ завоеваній, именно этимъ фактомъ лѣтъ подтверждается твердый закалъ нашего народа. Нашему окончательному пораженію сѣдуютъ удивляться менѣе нежѣли нашему продолжительному сопротивленію.

„Всѣ вопросы занимавшіе Филиппа II во все продолженіе его жизни, соперничество съ Франціей, война съ исламомъ и борьба съ протестантизмомъ, были уже безповоротно поставлены когда онъ вступилъ на престолъ. Филиппъ II былъ образцовымъ сыномъ. При жизни отца онъ доводилъ повиновеніе ему до робости; послѣ его смерти онъ почти суевѣрно слѣдовалъ его наставленіямъ, насколько это было въ его силахъ. Онъ не былъ полководцемъ, не былъ героемъ и гениальнымъ человекомъ подобно отцу; но онъ извлекалъ изъ событій все что только могъ извлечь изъ нихъ государственный человекъ. Онъ появлялся прежде другихъ члѣнъ вліяніе Испаніи зависить отъ ея положенія на морѣ. Онъ доказалъ свое благоразуміе и энергію въ важныхъ внутреннихъ вопросахъ возникшихъ въ его царствованіе. Онъ былъ медленъ въ своихъ рѣшеніяхъ, умѣренъ въ своихъ требованіяхъ, рѣшительнъ когда наступало время дѣйствовать. Строгость его была не выше той которую въ одинаковыхъ или аналогичныхъ случаяхъ обнаруживаютъ современныя правительства. Допустимъ на мгновеніе торжество программы проповѣдуемой парижскою коммуной, интернаціоналкой, германскими социалистами; предположимъ что послѣ долгой и ужасной борьбы собственность, семья, государство организованы согласно мечтамъ современныхъ утопистовъ; представимъ себѣ что эти новыя общества, устроенныя на этихъ новыхъ основаніяхъ, имѣли бы своихъ историковъ: развѣ могло бы подлежать въ этомъ случаѣ сомнѣнію что на лучшія правительства нашего времени полился бы потокъ проклятій и ругательствъ которыя несомнѣнно утѣшили бы Филиппа II, еслибъ онъ могъ самъ шатаь отголосокъ ихъ въ своей могилѣ. Сужденіе исторіи было бы благопріятнѣе для Филиппа II еслибъ историки обращали болѣе вниманія на тѣ средства которыми онъ

исполагать для своихъ предпріятій. Степень заслуги человѣ-
скихъ дѣланій находится въ прямомъ соотношеніи съ ко-
личествомъ или размѣромъ преодолѣнныхъ прелятствій, и се-
ржно установить только соразмѣривъ силы человѣка съ
результатами которые достигнуты посредствомъ этихъ силъ.
бщественное мнѣніе всегда склонно отдавать предпочтеніе
маководцу предъ политическимъ дѣятелемъ. Искусство
этики не поддается тому анализу который допускаетъ
ежное искусство. Стратagemы, хитрости, притворство, не
лько допускаемыя, но даже одобряемыя въ войнѣ, нахо-
тъ въ политикѣ извиненіе лишь въ томъ случаѣ когда они
тѣниваются успѣхомъ.

„Если говорить правду, Филиппъ II былъ просто терпѣ-
ивъ, умѣренъ, слабъ вблизи и непреклоненъ издали; это
мъ человѣкъ дѣйствовавшій болѣе подъ вліяніемъ ума не-
ели сердца, человѣкъ весьма склонный къ добру и справед-
ивости, человѣкъ изъятый отъ многихъ недостатковъ, напри-
връ лѣности и предразсудковъ своего времени. Его скрыт-
ость и недовѣріе къ окружающимъ и ко всѣмъ вообще были
е сильнѣе чѣмъ въ другихъ государственныхъ людяхъ ко-
орыхъ можно было бы сравнить съ нимъ и которые тѣмъ
е менѣе получили прозваніе „великихъ“. Въ его уединеніи,
ержанности и молчаливости было много искусственного;
онъ безъ сомнѣнія старался внушить этими средствами
тъ культъ уваженія котораго онъ не надѣялся достиг-
уть неоспоримымъ превосходствомъ надъ окружающими,
ревосходствомъ составлявшимъ отличительное каче-
ство его отца. Въ частной жизни Филиппъ II былъ
мекъ отъ святости (едва ли кому приходила мысль
го канонизировать); но какъ человѣкъ государственный
из добросовѣстнаго кого-либо исповѣдалъ то что онъ счи-
мъ своимъ долгомъ. Менѣе могущественный нежели онъ
ажелъ бы былъ быть чтобъ успѣшно окончить полити-
ескія предпріятія завѣщанныя ему его семьей и родиною,
о тѣмъ не менѣе вынужденный защищать ихъ оружіемъ
оймы и политики, Филиппъ II былъ одаренъ гениемъ, если
олько справедливо что терпѣніе есть также геній. Напро-
авъ, ему не доставало генія, если подразумѣвать подъ
гамъ понятіемъ то чудесное вдохновеніе и ту удивитель-
ую способность предвидѣнія которыми переть Божій отъ-
вчаетъ нѣкоторыхъ избранныхъ.“

Мы приведемъ въ ея главныхъ чертахъ интересную характеристику Филиппа II, сдѣланную однимъ изъ наиболее выдающихся современныхъ государственныхъ людей Испаніи. Намъ предстоитъ теперь познакомить читателей съ личностію принцессы Эболи, не тою которая уже знакома имъ изъ Шиллера, а съ дѣйствительною историческою личностію знатной Испанки XVI столѣтія. Исторія разбиваетъ много иллюзій. Такъ поступаетъ она и по отношенію къ принцессѣ Эболи. Вместо симпатичной, идеальной красавицы Шиллера, Мурро рисуетъ намъ женщину съ безлокопытнымъ, гордымъ, непріятнымъ характеромъ, склонную къ интригамъ, часто недоступную голосу разума. Портретъ приложенный къ книгѣ довершаетъ разочарованіе. Принцесса Эболи имѣла только одинъ глазъ и носила на другомъ повязку.

Анна де-Мендоза ла-Черда происходила изъ знаменитаго дома Мендоза, одного изъ самыхъ могущественныхъ во всей Испаніи. Не останавливаясь на генеалогическихъ подробностяхъ, мы укажемъ только на то что въ началѣ XVII вѣка домъ Мендоза имѣлъ болѣе шестидесяти вѣтвей обладавшихъ майоратами; герцога Инфантадо, глава дома въ эпоху Филиппа II, владѣлъ въ различныхъ мѣстностяхъ Испаніи *восемью* стали деревень и *девятиста* тысячами вассаловъ. Анна де-Мендоза была единственная дочь дона Діега, принца Мелито и герцога Франкавила, вице-короля Каталоніи и Арагоніи, перваго президента совѣта по дѣламъ Италіи, члена государственнаго совѣта въ правленіи Филиппа II. Она родилась въ 1540 году. О юности ея ничего неизвѣстно; „едва ли можно было бы многое о ней сказать“, говоритъ Мурро; „Жуана воспитывалась вѣроятно также какъ и всѣ благородныя дѣвицы того времени. Но вѣроятно ее баловали болѣе обыкновеннаго какъ единственную дочь, и можетъ-быть вслѣдствіе этого въ ней съ молодыхъ лѣтъ сложился тотъ капризный и упрямый характеръ котораго не сломали въ послѣдствіи величайшія несчастія.“ Въ то время въ Испаніи начали вводиться обыкновеніе заключать браки еще въ дѣтскомъ возрастѣ, не обращая вниманія ни на склонности, ни на лѣта обручаемыхъ. Богатая наследница знаменитой фамиліи, Анна была болѣе чѣмъ какая-либо иная дѣвушка предъ назначена вступить въ бракъ по расчету родителей.

Существовало еще и другое обыкновение. Взычанными особым считали своимъ долгомъ заботиться о бракахъ своихъ приближенныхъ. Въ силу этого обычая Филиппъ II, бывшій въ то время еще только наследникомъ престола, поручилъ просить руку Анны для своего любимца Рюи-Гомеца де-Силва, происходившаго изъ благородной португальской фамилии и бывшего съ одинадцатилѣтняго возраста товарищемъ Филиппа. Будущему королю хотѣлось посредствомъ брачнаго союза съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ домовъ Испаніи упрочить положеніе его любимца, которому онъ скоро по вѣнчаніи своимъ на престолъ далъ титулъ принца Эболи, званіе испанскаго гранда и достоинство герцога де-Эстремера и де-Пастрана. Анна было только двѣнадцать лѣтъ. Но родители ея поспѣшно приняли предложеніе Филиппа, и свадебный контрактъ былъ подписанъ 18го апрѣля 1558 года. Черезъ нѣсколько дней праздновали свадьбу на которой лично присутствовалъ Филиппъ, подарившій молодымъ ежегодную ренту въ 6.000 дукатовъ; рента эта могла передаваться въ формѣ майората изъ нисходящему потомству. Писатели увѣрявшіе что между Филиппомъ II и принцессой Эболи существовали престулыя отношенія говорятъ что король уже въ это время чувствовалъ влеченіе къ Жуанѣ, что Рюи-Гомецъ согласился вступить съ нею въ бракъ только чтобы упрочить себѣ милости короля. Гипотеза эта устраняется простымъ фактомъ: Филиппу въ это время было двадцать шесть лѣтъ, Жуанѣ—*двѣнадцать*. Повидимому онъ даже не обратилъ на нее вниманія и вѣроятно видѣлъ ее на свадьбѣ въ первый разъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы Филиппъ оставилъ Испанію и возвратился въ нее лишь спустя нѣсколько лѣтъ. Что касается предоставленія ренты, то нужно совершенное незнаніе обычаевъ эпохи чтобы вывести изъ этого факта какое-нибудь злостное заключеніе. По обычаю того времени король въ подобныхъ случаяхъ всегда давалъ своимъ приближеннымъ подарокъ или титулъ. При вступленіи въ замужество, дочери испанскихъ грандовъ обыкновенно получали двѣсти мараведисовъ (*deux cientos de maravedís*), и обычай этотъ установился до такой степени что сумму эту всегда вписывали въ число приданнаго принесеннаго невѣстою. Въ виду двѣнадцатилѣтняго возраста Жуанны, въ свадебномъ контрактѣ было оговорено что супруги могутъ жить

высотѣ лишь по истеченіи двухъ лѣтъ со дня брака. На самомъ дѣлѣ они сошлись лишь черезъ шесть лѣтъ, въ 1559 году, такъ какъ Рюи-Гомецъ все это время находился за предѣлами Испаніи, въ Англіи и въ Нидерландахъ, куда онъ сопровождалъ Филиппа. Черезъ тринадцать лѣтъ брака мужъ принцессы умеръ, оставивъ ей десять человѣкъ дѣтей. Повидимому бракъ ихъ былъ очень счастливъ. Не подлежитъ сомнѣнію что принцесса позволяла своимъ страстямъ увлечь себя въ послѣдствіи, но при жизни Рюи-Гомеца она не подавала ему никакого повода къ жалобамъ. Въ С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ находится рукопись содержащая въ себѣ дневникъ одной изъ французскихъ дамъ прѣбывавшихъ въ Испанію въ свитѣ королевы Елисаветы Валуа и сообщавшей Екатеринѣ Медичи малѣйшія подробности придворной жизни. Изъ этой рукописи усматривается только чрезвычайная близость существовавшая между королевою и принцессою. Невозможно представить себѣ чтобы дама ведшая дневникъ не отмѣтила бы въ немъ какого-либо изъ интимныхъ фактовъ въ жизни принцессы Эболи, или особаго вниманія къ ней со стороны короля какъ при жизни Рюи-Гомеца, такъ и послѣ его смерти. Дневникъ не содержитъ однако ни малѣйшихъ намековъ въ этомъ направленіи.

Чтобы дать понятіе о характерѣ принцессы, приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ автописи кармелитовъ поселившихся въ двухъ монастыряхъ, женскомъ и мужскомъ, которые были основаны въ Пастранѣ принцемъ и принцессою. Вотъ что сдѣлала принцесса немедленно послѣ смерти своего мужа:

„Огорченная до крайности кончиною принца и давъ скорби болѣе простора нежели разуму, принцесса вдругъ потребовала у Маріано (монаха ордена кармелитовъ присутствовавшего при послѣднихъ минутахъ Рюи-Гомеца) чтобы онъ далъ ей свою рясу и, несмотря на всѣ уговоры, отправилась въ монастырь. Отецъ Балтазаръ опередилъ повозку въ которой она ѣхала,—въ знакъ траура-она не захотѣла сѣсть въ карету,—и несмотря на то что было только два часа утра вызвала настоятельница монастыря объявить ей о рѣшеніи принцессы вступить въ число монахинь. Настоятельница не могла удержаться и воскликнула: „Принцесса вступаетъ въ монастырь! община

погибла! Немедленно по прибытіи въ монастырь принцесса потребовала чтобы двумъ ея служанкамъ было дамо монашеское платье. Настоятельница возразила что для этого необходимо разрѣшеніе прелата. „Какое дѣло прелатамъ до моего монастыря?“ съ гнѣвомъ возразила принцесса. Пріоръ разрѣшилъ исполнить желаніе принцессы. Когда лица присутствовавшія на похоровахъ ея мужа явились посѣтить принцессу въ монастырь, она настояла чтобы всѣ они были ввущены за ограду, полирая такимъ образомъ предписанія соборовъ, наставленія устава и просьбы настоятельницы.“

Недоразумѣнія между принцессой и монахинями дошли наконецъ до того что настоятельница должна была обратиться къ королю съ просьбою приказать принцессѣ оставить монастырь. Принцесса принуждена была выдти изъ монастыря, пробывъ въ немъ около полугода. Въ отищеніе она привудила кармелитокъ покинуть ея монастырь и пригласила на мѣсто ихъ францисканокъ. Между тѣмъ родственники ея возбудили противъ нея тяжбу, предъявляя свои права на извѣстную часть ея владѣній. Принцесса должна была по своимъ дѣламъ переѣхать въ Мадридъ. Здѣсь она сблизилась съ Антоніо Перрецомъ, молодымъ человѣкомъ пользовавшимся особеннымъ покровительствомъ ея покойнаго мужа. Перрецъ былъ въ это время однимъ изъ государственныхъ секретарей при Филиппѣ II. „Онъ получилъ тщательное воспитаніе и усовершенствовалъ его путешествіемъ по всѣмъ главнымъ столицамъ Европы. Перрецъ говорилъ свободно на вѣсколькихъ языкахъ, обладалъ большою живостью ума, необыкновенною легкостью труда, умѣлъ находить рѣшенія самымъ труднымъ вопросамъ и обладалъ весьма разнообразными свѣдѣніями. Благодаря этимъ качествамъ, онъ быстро снискалъ себѣ расположеніе Филиппа и всего двора, но не умѣлъ его сохранить. Его недостатки превосходили его достоинства. Онъ страстно любилъ роскошь, и домъ его могъ соперничать по блеску и убранству съ домами самыхъ могущественныхъ аристократовъ. Онъ не иначе выѣзжалъ изъ Мадрида какъ въ сопровожденіи многочисленной толпы лажей и слугъ; ночи онъ проводилъ за ужиномъ и игрою, рискуя при этомъ значительными суммами. Природа создала его красивымъ, но въ его щегольствѣ проглядывало что-то женоподобное. Чтобы поддержать роскошь которою онъ себя окружалъ,

Перецъ сдѣлался продажнымъ и бралъ обѣими руками деньги за дѣла находившіяся въ его рукахъ; невоздержный образъ жизни разстроилъ его здоровье.“

Таковъ былъ человѣкъ съ которымъ принцесса Эболи вступила въ связь. „Хороша ли еще была она въ 1576 году“, спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: „ей уже минуло 36 лѣтъ; она была матерью десяти дѣтей и обезображена потерей одного глаза; красота ея вѣроятно начала увядать. Но это не могло помѣшать Антонио Перecu искать ея расположенія. Ему нужна была блестящая, знатная интрига чтобы заставить всѣхъ говорить про него. Ей нужно было привлечь въ свой домъ министра чтобы поддержать свое вліяніе начинавшее упадать.“

Скоро наступила катастрофа. Въ Мадридъ пріѣхалъ въ началѣ іюля 1577 года Эскобедо, секретарь дона-Жуана Австрійскаго, управлявшаго въ то время Нидерландами, съ порученіемъ отъ послѣдняго къ королю. Эскобедо былъ однимъ изъ ближайшихъ лицъ къ покойному принцу Эболи, оказывавшему ему постоянное покровительство. Между Эскобедо и Перцомъ существовала тѣсная дружба; они оба были какъ бы созданіями одного и того же лица и находились въ постоянной перепискѣ. Отъ строгаго Эскобедо не укрывалась близость между принцессой и Перцомъ. Онъ рѣзко объявилъ принцессѣ что если она не порветъ этой связи, то онъ доложитъ обо всемъ королю. Гордость принцессы не могла перенести такого вмѣшательства. Она рѣшилась отомстить ему и сообщила все Перцу. Не долго задумываясь, онъ успѣлъ убѣдить подозрительнаго Филиппа II что дона-Жуанъ лгавъ честолюбивыя намѣренія относительно Испаніи, и что Эскобедо весьма опасный человѣкъ. Филиппъ тѣмъ легче дался въ обманъ что онъ зналъ тѣсную дружбу соединявшую Перца и Эскобедо. Задержать Эскобедо или предать его суду было опасно, такъ какъ то, такъ и другое могло обнаружить дона-Жуану что тайна его извѣстна королю. Филиппъ уполномочилъ Перца лишить Эскобедо жизни. Перецъ два раза безуспѣшно пытался отравить Эскобедо, одинъ разъ даже за обѣдомъ въ своемъ собственномъ домѣ. Наконецъ онъ договорился убицу, и ночью на 31 марта 1578 года Эскобедо былъ заколотъ въ одной изъ улицъ Мадрида.

Убіиство Эскобедо надѣлало чрезвычайнаго шума въ

Мадридъ. Подозрѣнія прямо падали на Перреца. Жена и дѣти Эскобедо обратились къ королю съ просьбой оказать имъ правосудіе. Съ другой стороны Маттео Васкецъ, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ секретарей Филиппа II, писалъ королю что въ народѣ ходятъ упорныя слухи о томъ что Эскобедо убитъ по распоряженію Антоніо Перреца и „по поводу женщины“; „чтобы прекратить еще и другіе, весьма дурныя слухи“, писалъ Васкецъ, „ваше величество хорошо сдѣлало бы приказавъ съ величайшею строгостію чтобы были приняты всѣ мѣры къ розыску и обнаруженію истины“. Филиппъ II имѣлъ обыкновеніе поселять раздоръ между своими секретарями. Онъ требовалъ чтобы каждый изъ нихъ наблюдалъ за другими и доносилъ ему про другихъ. Король показалъ Перрецу письмо Маттео Васкеца.

Довольно трудно объяснить себѣ поведеніе Филиппа въ этомъ случаѣ. Но какъ бы то ни было, между Перрецомъ и Васкецомъ завязалась страшная вражда. Принцесса Эболи была слишкомъ близко причастна къ случившемуся чтобы не принять сторону Перреца со всѣмъ неукротимымъ пыломъ своего характера. Читатели найдутъ въ книгѣ Муро весьма подробное изложеніе всего хода этого дѣла крайне интереснаго для характеристики Филиппа и его необычайной терпѣливости, медлительности и нерѣшительности. Для нашей цѣли достаточно указать что борьба Антоніо Перреца и принцессы Эболи съ Маттео Васкецомъ, борьба продолжавшаяся почти цѣлый годъ, привела въ волненіе весь дворъ и весь Мадридъ. Перрецъ и принцесса Эболи не соглашались ни на какія попытки примиренія, хотя для переговоровъ употреблялись, по желанію Филиппа, всевозможныя лица: архіепископъ Толедскій, президентъ Совѣта Кастиліи, иностранныя дипломаты, испанскіе гранды и сановники. Каждый изъ обоихъ секретарей опасался за свою жизнь и каждый писалъ къ королю письма, умолая защитить его отъ другаго. Наконецъ король рѣшился дѣйствовать. 28го іюня 1579 года были арестованы ночью Антоніо Перрецъ и принцесса Эболи. Король стоялъ на улицѣ подъ портикомъ церкви которая была напротивъ дома принцессы и лично наблюдалъ за исполненіемъ своихъ приказаній. Ударъ лавній на принцессу долженъ былъ отозваться на всей кастильской аристократіи, и поэтому неудивительно что Филиппъ II желалъ принять всѣ мѣры противъ возможнаго сопротивленія.

Принцесса Эболи пробыла въ заключеніи около двухъ лѣтъ. Герцогу Медина-Сидоніа и сыну ея, герцогу Пастрана, удалось наконецъ упросить короля позволить ей, по случаю ея разстроеннаго здоровья, поселиться въ Пастранѣ; но она не должна была покидать своего дворца. Объ Автоніо Перрецѣ начато было слѣдствіе къ которому запрещено было примѣшивать принцессу. Она сама постаралась, впрочемъ, ухудшить свою участь. Черезъ два мѣсяца послѣ ея прибытія въ Пастрану тамъ начался рядъ праздниковъ и увеселеній, валоминавшихъ, по свидѣтельству современниковъ, „рыцарскія времена“. Перрецъ между тѣмъ бѣжалъ изъ тюрьмы и поднялъ въ Арагоніи возстаніе противъ Филиппа. Совершенная неспособность принцессы управлять имѣніемъ дѣтей, отвратительный образъ жизни который она вела въ Пастранѣ и опасеніе чтобы она снова не вступила въ сношенія съ Перрецомъ заставили Филиппа II сдѣлать ея заключеніе болѣе строгимъ, лишить ея полечительства надъ дѣтьми, приставить къ ней смотрителя и даже вставить желѣзные рѣшотки въ окна ея комнаты. Принцесса Эболи умерла въ этомъ заключеніи 2го февраля 1592 года. Сводя итоги этой бурной жизни, авторъ приходитъ къ заключенію что принцесса Эболи была послѣднею представительницей древней кастильской аристократіи съ ея непреклонною гордостью, съ ея достоинствами и недостатками.

IV.

Характеристики, портреты, біографическія мелочи, воспоминанія.
Elie Berthet: Histoires des uns et des autres, silhouettes et anecdotes.
Paris, Dentu, 1878.

Ignotus: Portraits, Paris, 1878.

Alexandre Dumas fils, de l'Academie française: Entr'actes. Première Serie. Paris, Calmann Levy, 1878.

Эли Берте одинъ изъ ветерановъ французской литературы. Онъ родился въ 1815 году и былъ современникомъ той блестящей литературной плеяды которая въ первой половинѣ нашего столѣтія подымала во Франціи знамя романтизма. Весьма естественно что за время его долгой литературной дѣятельности у него собрался громадный запасъ воспоминаній о событіяхъ и лицахъ. Частаца этого запаса

сообщена авторомъ въ его книгѣ: *Силуэты и анекдоты*. Онъ разсказываетъ про Мери, Леона Гозлана, Тьера, Кавеньяка, Генри Монъе, барона Тайлора, Ламартина, Помсонъ-дю-Террайль, короля Людовика-Филиппа, Херубина и многихъ другихъ, про умершихъ и находящихся еще въ живыхъ. Разказъ Берте чрезвычайно простъ и безыскусственъ. Воспоминанія тянутся непрерывною чередой. Онъ начинаетъ говорить про одно, незамѣтно увлекается какою-нибудь подробностью, переходитъ къ другому предмету, сообщаетъ какую-нибудь биографическую черту, возвращается къ прежней темѣ, передаетъ мимоходомъ забытый разказъ, небольшую повѣсть, интересный фактъ. Мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ главы посвященной воспоминанію о виконтѣ Помсонъ-дю-Террайль. Выдержки эти лучше всего могутъ познакомить съ характеромъ книги.

Помсонъ-дю-Террайль, разсказываетъ Берте, писалъ съ изумительною, баснословною легкостью. Разъ утромъ онъ пришелъ въ одну изъ парижскихъ редакцій. Знакомый ему сотрудникъ журнала сидѣлъ здѣсь и поправлялъ свою корректуру. Помсонъ-дю-Террайль началъ разговаривать съ нимъ, какъ вдругъ прибѣжалъ, весь залыхавшись, посланный изъ типографіи.

— Позвольте вашу рукопись, сказалъ онъ, обращаясь къ Помсонъ-дю-Террайль. — Мы уже и то опоздали.

— Рукопись? Да у меня ея нѣтъ! Я даже не знаю что я буду писать въ слѣдующей главѣ.

— Слѣдовательно мы должны будемъ остаться завтра безъ фельетона? воскликнулъ съ ужасомъ посланный.

— Ахъ, полноте! дайте мнѣ бумагу и перо. Вотъ вы увидите!

Виконтъ сѣлъ за столъ и быстро началъ писать, не переставая разговаривать со своимъ товарищемъ. Тотъ продолжалъ исправлять свою корректуру. Наконецъ она была окончена и онъ всталъ, собиравшись уходить.

— Подождите меня одну минуту, сказалъ Помсонъ-дю-Террайль, — мы пойдемъ вмѣстѣ.

— Какъ вмѣстѣ? А вашъ фельетонъ?

— Онъ конченъ. Дайте мнѣ только поставить точку и подписать свое имя.

Помсонъ-дю-Террайль успѣлъ написать весь фельетонъ пока его товарищъ исправлялъ свою корректуру. Но за то

въ романахъ автора *Рокамболя* встрѣчались вслѣдствіе этихъ импровизацій чудовищная несообразности. Однажды Помсонъ-дю-Террайль далъ кому-то изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ ростъ въ *шесть* футовъ. Наборщикъ по разсѣянности поставилъ *десять* и эта типографская ошибка начала повторяться въ слѣдующихъ главахъ, нисколько не смущая автора. Человѣкъ десяти футовъ роста во всякое время былъ бы феноменомъ; но никто изъ читателей не думалъ обратить на это вниманія; ошибка не была исправлена даже когда романъ вышелъ отдѣльною книгой и выдержалъ нѣсколько изданій.

Когда Помсонъ-дю-Террайль давалъ себѣ трудъ обдумать планъ сочиненія и обратить вниманіе на свой стиль, онъ могъ, подобно всемъ другимъ писателямъ, создавать романы довольно старательно написанные и заслуживавшіе вниманія. Но демонъ импровизаціи постоянно увлекалъ его. Помсонъ-дю-Террайль никогда не прибѣгалъ къ системѣ Жюль-Жанена. Какой-то литераторъ, работавшій всегда весьма медленно и съ большимъ трудомъ, сказалъ разъ знаменитому фельетонисту *Journal des Débats*:

— Какой вы счастливецъ, любезный Жанень! Вы пишете съ одного почерка, безъ усилій, не задумываясь. Вотъ ваши фразы легки и правильны, а между тѣмъ кажется что вы никогда не перечитываете написаннаго!

— Вы ошибаетесь, возразилъ Жюль-Жанень. Дѣйствительно, когда я пишу мой театральнй фельетонъ, я не стѣсняюсь и все бываетъ кончено въ два часа времени. Но когда дѣло идетъ о чемъ-нибудь болѣе серіозномъ, я мучаюсь и потѣю болѣе чѣмъ кто-либо... *Saepe stylum vertas...* да вотъ посмотрите.

И онъ вынулъ изъ портфеля нѣсколько рукописныхъ листовъ болѣе покрытыхъ помарками нежели рукописи самого Баальзака. Жанень исправлялъ такимъ образомъ не болѣе трехъ или четырехъ листовъ, работая надъ этимъ по шести и семи часовъ въ день.

Помсонъ-дю-Террайль охотно заимствовалъ мысли изъ сочиненій своихъ товарищей. Онъ съ необыкновеннымъ добродушіемъ и подною откровенностью совершалъ эти невинныя плагиаты и всегда предупреждалъ о нихъ того кто становился ихъ жертвой.

— Вы знаете? говорилъ онъ кому-нибудь изъ знакомыхъ ему фельетонистовъ, — я передѣлываю вашъ романъ.

Знакомый начиналъ возражать.

— Ахъ, перестаньте, говорилъ Понсонъ-дю-Террайль.—Я вѣдь могъ бы и совсѣмъ не предупреждать васъ. Ни публика, ни вы сами, никто ничего не замѣтитъ.

И дѣйствительно, когда появлялся романъ имѣвшій успѣхъ, Понсонъ-дю-Террайль бралъ изъ него основную мысль и ходъ дѣйствія. Но тамъ гдѣ авторъ выводилъ старика, передѣлыватель ставилъ ребенка, гдѣ была первоначально монахиня, тамъ являлась женщина легкомысленнаго поведенія. Понсонъ-дю-Террайль все передѣлывалъ такимъ образомъ „avec sa verve endiablée“, говоритъ Бертъ, и часто случалось что его романъ имѣлъ еще болѣе успѣха чѣмъ романъ его товарища. Приѣмъ этотъ, продолжаетъ Бертъ, не есть новостъ. По-видимому онъ всего чаще употребляется композиторами. Я часто слышалъ отъ Кастиль-Блаза, быть-можетъ самаго ученаго изъ всѣхъ музыкальныхъ критиковъ, что многія модныя аріи современныхъ композиторовъ нота въ ноту списаны изъ старинныхъ сочиненій съ измѣненіемъ ритма и такта. Самые знаменитые музыканты не пренебрегали этимъ маленькимъ плутовствомъ; Кастиль-Блазъ въ особенности указывалъ въ этомъ отношеніи на Берліоза, Обера и Россини.

Понсонъ-дю-Террайль обладалъ удивительною памятью. Онъ прочелъ въ дѣтствѣ и юности необъятное количество романовъ и часто только подражалъ, думая что онъ изобрѣтаетъ. То же самое бываетъ, говорятъ, съ музыкантами. Было бы, впрочемъ, невозможно требовать чтобы несмотря на всю легкость съ которою давалась ему работа, виконтъ заразъ писалъ изъ своей головы четыре или пять романовъ, изъ которыхъ онъ ежедневно давалъ по главѣ такому же количеству различныхъ журналовъ. Романистъ разчитывающій на успѣхъ между массою читателей движется въ довольно ограниченномъ кругѣ и на каждомъ шагѣ встрѣчается съ комбинаціями употребленными уже прежде. Дѣло его состоитъ въ томъ чтобы освѣжить эти комбинаціи новыми украшеніями, усвоить ихъ себѣ, наложить на нихъ отпечатокъ собственной личности. Понсонъ-дю-Террайль обладалъ этимъ умѣніемъ, быть-можетъ самъ не сознавая этого. Помяну, какъ важна была для него память въ подобныхъ случаяхъ.

И по поводу вопроса о памяти, Бертъ, все въ той же главѣ,

разказываетъ анекдотъ о необычайной способности запоминанія которою былъ одаренъ Созе (*Sauzet*), министр юстиціи при Людовикѣ-Филиппѣ. Созе вмѣстѣ съ Ламартиномъ слушалъ однажды проповѣдь одного изъ извѣстѣйшихъ духовныхъ ораторовъ того времени. По окончаніи проповѣди всѣ присутствовавшіе сошлись вмѣстѣ за завтракомъ. Проповѣдникъ былъ въ числѣ гостей. Созе увѣрилъ его что сказанная имъ проповѣдь принадлежитъ Бурдау и въ доказательство повторилъ всю ее наизусть. Аббатъ чуть не сошелъ съ ума и успокоился только когда Созе убѣдилъ его что это была съ его стороны простая „шутка памяти“.

Вотъ еще прелестный анекдотъ о живописцѣ Діазѣ и Людовикѣ-Филиппѣ.

Діазъ писалъ фрески во дворцѣ Сень-Клау. Одна нога была у него на деревяшкѣ. Онъ стоялъ на лѣстницѣ особаго устройства и занимаясь своимъ дѣломъ локурировалъ изъ небольшой глиняной трубочки. Въ это время вошелъ король и началъ смотрѣть на его работу. Діазъ спряталъ трубку въ кулакъ и едва не обжогъ себѣ рукъ.

— Продолжайте курить, г. Діазъ, сказалъ Людовикъ-Филиппъ.—Вы теперь работаете, а за работой не слѣдуетъ оставлять своихъ привычекъ.

— Вы правы, государь, отвѣтилъ Діазъ.—Я не могу работать не куря.

Онъ снова сунулъ трубочку себѣ въ ротъ. Король постоялъ нѣсколько минутъ возлѣ него, сказалъ свое мнѣніе о картинахъ и удалился.

Черезъ нѣсколько времени въ залу вошелъ адъютантъ, весь расшитый золотомъ. Его обоняніе было поражено крѣпкимъ запахомъ *капорала*. Онъ поднялъ глаза и увидалъ подъ потолкомъ Діоза рисовавшаго прелестныя фрески сквозь облака табачнаго дыма.

— Здѣсь не курятъ, сударь, рѣзко крикнулъ адъютантъ.—Потрудитесь сейчасъ же потушить вашу трубку.

Живописецъ спокойно мѣшалъ краски на своей палитрѣ.

— Хозяинъ дома позволилъ мнѣ курить, отвѣтилъ онъ наконецъ, выпуская облако дыма.

Адъютантъ покраснѣлъ отъ гнѣва.

— У короля не курятъ, сударь... здѣсь не приказано курить... простое чувство приличія...

— Да вѣдь я же говорю вамъ что самъ хозяинъ дома разрешилъ мнѣ курить. Оставьте меня въ покоѣ!

— Ахъ, такъ вы вотъ какъ! Посмотримъ!

Адъютантъ вылетѣлъ изъ залы. Черезъ нѣсколько часовъ, въ продолженіе которыхъ никто не безлокопалъ болѣе художника, Лудовикъ-Филиппъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ,—въ числѣ ихъ былъ и сердитый адъютантъ,— снова прошелъ черезъ залу. Діазъ опять хотѣлъ спрятать свою трубочку.

— Курите, курите, г. Діазъ, сказалъ король съ улыбкой.— Вы знаете что *хозинъ* вамъ это разрѣшилъ.—

Портреты Феликса Плателя который лишаетъ подъ псевдонимомъ *Ignotus*—совершенно въ другомъ родѣ. Это остроумные, рѣзкіе, заостренные эскизы, набросанные челоукомъ лартіи и предназначенные первоначально для журнала. *Портреты* Феликса Плателя печатались въ *Фигаро*, имѣли здѣсь громадный успѣхъ и вызвали нѣсколько подражаній. Успѣхъ этотъ побудилъ автора издать ихъ отдѣльною книгой. „Я пишу“, говоритъ онъ въ предисловіи, „для тѣхъ просвѣщенныхъ собирателей фактовъ (*chercheurs lettrés*) которые захотѣли бы въ послѣдствіи найти въ *безпристрастной* книгѣ нѣсколько силуэтовъ, нужныхъ для европейской исторіи. Я говорю „европейской“, ибо я долго жилъ за границей, куда я былъ посланъ съ литературнымъ порученіемъ отъ министерства народнаго просвѣщенія.“ Авторъ находился кромѣ того въ близкихъ отношеніяхъ съ французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Говоря про то что онъ долго жилъ за границей, Платель прибавляетъ что онъ жилъ тамъ *avec présentation speciale du ministre des affaires étrangères*. Книга читается съ большимъ интересомъ, но читатель уже съ первыхъ страницъ выноситъ убѣжденіе что авторъ далекъ отъ того безпристрастія на которое онъ указываетъ въ своей вступительной замѣткѣ. Кромѣ того, есть портреты совершенно фантастическіе, какъ читатель убѣдится самъ, пробѣжавъ книгу. Мы представимъ нѣсколько выдержекъ изъ очерка посвященнаго Октаву Фѣлье; очеркъ этотъ наиболѣе приближается къ идеалу безпристрастія которымъ задался авторъ.

„Существуетъ мало писателей, говоритъ г. Платель, на которыхъ лучше чѣмъ на Октавѣ Фѣлье можно было бы провѣрить справедливость старой аксіомы *le style c'est l'homme*. Смыслъ генеральнаго секретаря въ префектурѣ Сенъ-Ло, Фѣлье принадлежалъ къ полуаристократическому, полубур-

жуазному провинціальному классу. Онъ рано сталъ видѣть тотъ учтивый свѣтъ, бытописателемъ котораго ему суждено было сдѣлаться. Когда ему пришла мысль избрать литературу своимъ занятіемъ, отецъ его возсталъ противъ этой фантазіи. Всѣ отцы постулають такимъ образомъ. Они правы. Литературное ремесло есть лотерея въ которой немногие выигрывающихъ, а выигравшіе часто теряютъ жизнь или счастье. Отецъ который оказалъ бы сыну: „Я хочу чтобы ты былъ художникомъ или постомъ“, оказался бы преступникъ Уголино. Октавъ Фэльс четыре года боролся противъ своего отца. Будущій академикъ написалъ уже нѣсколько пьесъ для театра, когда отецъ согласился на его бракъ съ Музой. Въ виду дѣтей которыхъ онъ уже имѣлъ отъ нея, трудно было бы задерживать долѣе это согласіе.

„Первая манера Фэльса состояла въ томъ чтобы задаться взглядомъ составляющимъ прямую противоположность точки зрѣнія Альфреда Мюссе. Онъ внесъ любовь въ супружество и наслажденіе въ мораль. Всѣ его первыя сочиненія, романы и „пословицы“, полны отвращеніемъ къ вульгарности. Все это изящно, изысканно, остроумно, наполнено отѣнками, отдѣлено съ любовью дилетанта. Это Марииво хорошаго тона. Эти сочиненія деликатны какъ женщина; „можно подумать что онъ былъ ею“, писалъ про него Сент-Бѣвъ. Но знаменитый критикъ былъ слишкомъ склоненъ къ материализму чтобы любить спиритуалиста Фэльса. Что касается публки, то она замѣтила только тонкую наблюдательность и неподражаемое изящество произведеній Фэльса. Она не видѣла ихъ недостатковъ, въ которой искусственной утонченности, въ котораго жеманства и притворства. Октавъ Фэльс подобно Мейсонавъ видѣлъ человечество въ миниатюрѣ.

„Но темпераментъ его дѣлался нервнымъ и болѣзненнымъ. Парижъ раздражалъ его и онъ его боялся. Парижская жизнь слишкомъ пожираетъ писателя пользующагося успѣхомъ. По выраженію одного знаменитаго психіатра израсходование жизненной силы превышаетъ здѣсь ея воспріятіе. Въ Парижѣ воображеніе работаетъ легче, но работа эта смертельна для нервныхъ людей. Октавъ Фэльс окончательно поселился въ Сент Ло. Онъ женился на изящной и въ высшей степени умной дѣвушкѣ и только изрѣдка пріѣзжалъ въ Парижъ. Въ Сент Ло Фэльс написалъ *La petite*

comtesse. Это было сочиненіе въ совершенно новомъ родѣ. Въ самыхъ незначительныхъ его сценахъ чувствовалось приближеніе сильныхъ страстей. За *Petite comtesse* послѣдовала *Dalila*. Черезъ недѣлю послѣ того какъ романъ этотъ былъ законченъ въ *Revue des Deux-Mondes*, въ нормандскіи домикъ писателя явился директоръ театра *Vaudeville* съ просьбою дать ему эту вещь для сцены. Громадный успѣхъ какъ романа, такъ и драмы рѣшилъ дальнѣйшее существованіе Фѣлье. У поэтовъ есть рѣзкія переходы отъ ночи ко дню, отъ унынія къ энтузіазму. Фѣлье поселился въ Парижѣ. *Далила* пересоздала своего творца. Часто случается что собственное произведеніе имѣетъ на автора громадное вліяніе, партеръ часто создаетъ драматическаго писателя.

„Жизнь идетъ полосами. Послѣ *Далилы* на Фѣлье пришла полоса счастья. Въ тридцать девять лѣтъ онъ сдѣлался академикомъ. Онъ получилъ приглашеніе въ Компьенъ, сдѣлался членомъ маленькаго кружка императрицы въ Сенъ-Клау и Тюльерійскомъ дворцѣ. Неудача двухъ его произведеній: *Monsieur de Camors* и *la Belle au bois dormant* снова навела хандру на Фѣлье. Онъ уѣхалъ въ Нормандію и купилъ себѣ здѣсь небольшой домъ возлѣ Сенъ-Ло. Онъ считалъ себя очень больнымъ и рѣдко посѣщалъ Парижъ. Грохотъ желѣзной дороги дѣлалъ на него непріятное впечатленіе. Фѣлье совершалъ путешествіе въ дормезѣ, употребляя на это четыре дня. Разъ утромъ онъ принесъ Бюлозу *l'Histoire de Sibylle*. Успѣхъ романа былъ неумовѣрный. За нимъ послѣдовали *le Roman d'un jeune homme pauvre*, *Julia de Trecoeur* и *le Spina*.

„Фѣлье по наружности былъ похожъ на Мюссе, съ тою разницею что у него темные волосы. Они темны еще и до настоящаго времени. Лицо его кажется болѣе утомленнымъ нежели постарѣвшимъ. Это свѣтскій человѣкъ, сдержанный, умный, деликатный, съ аристократическими манерами. Онъ имѣетъ разговаривать такъ какъ умѣла большая часть высокообразованныхъ умовъ предшествовавшаго намъ поколѣнія. Онъ болѣе благонамѣренъ нежели энтузіастъ, болѣе утомленъ чѣмъ разочарованъ. Иногда взоръ его всматривается. Тогда въ немъ можно узнать отзывчивую натуру. Фѣлье страстно вѣруетъ въ нѣсколько великихъ вещей; по отношенію къ остальному онъ только учитъ. Его внутренній человѣкъ похожъ на его стиль, а по наружности онъ

таковъ какимъ онъ изображаетъ героев своихъ романовъ. Его оба сына учатся въ коллегіи управляемой доминиканцами. Фёльзъ остается вѣрнымъ семейству императора, въ которомъ онъ былъ любимымъ гостемъ. Въ этомъ сказывается челоѣкъ чуждый политикѣ. Чѣмъ старше становится Фёльзъ, тѣмъ болѣе колорита получаютъ его сочиненія, какъ старинныя картины съ которыхъ счищенъ лакъ. Тембръ этого великаго таланта остается все тотъ же: такъ звукъ вечерняго колокола похожъ на звукъ утренняго. Это романтизмъ въ его крайнемъ выраженіи. Продолжающіеся успѣхъ сочиненій Фёльза есть добрый признакъ. Нужно надѣяться на будущее которое есть болѣе дѣло женщины нежели мужчины. Души которыя теперь задымають землю крыломъ, какъ ласточки во время грозы, подвигнутся опять. Октавъ Фёльза будетъ способствовать этому подъему. Онъ будетъ занимать социальную роль. Онъ сохранитъ преданія общества въ которомъ существовали учтивость и изящная любовь. Фёльзъ изъ числа тѣхъ которые въ эпоху позитивизма боролись противъ изгнанія идеаловъ. Онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ въ этой борьбѣ, въ которой даже пораженіе сдѣлало бы честь писателю."

Книга Пастеля заключаетъ въ себѣ пятьдесятъ „портретовъ“. Оригиналомъ для нихъ послужили: Литтре, маршалъ Камберберъ, Луи Бланъ, королева Викторія, Гревцъ, Шапгаринъ, Рузъ, Бюффе, Бисмаркъ, Мольтке, принцъ Наполеонъ, Рекавъ, Ротшильдъ, князь Горчаковъ, Гарибальди, Леверрье, Антоделли, и т. д.

Подъ заглавіемъ *Entr'actes* собрано все что Александръ Дюма сынъ писалъ въ своихъ романахъ и театральныя мѣсты. Это собраніе статей помѣщенныхъ съ 1848 по 1867 годъ въ различныхъ журналахъ и газетахъ. Подъ названіемъ *Courrier de Paris* и *Lettres d'un provincial* въ этой книгѣ помѣщенъ рядъ фельетоновъ писанныхъ Дюма въ журналахъ *La Liberté* и *La Presse* въ 1848 и 1849 годахъ; фельетоны эти весьма интересны какъ впечатлѣнія и отчеты современника этой любопытной эпохи. Читатель найдетъ въ книгѣ Дюма описаніе коронованія Голландскаго короля, похоронъ Ламартина, исторію лоттерей, письмо къ Дюма отцу „о физической силѣ“, письмо къ Франциску Сарсе о театральной критикѣ и еще нѣсколько другихъ статей: *Premieres representations*, *Les Madeleines repenties*, *Les faux*

Polonais, La vie d'une comédienne. Книга эта интересна какъ для характеристики самого Дюма, такъ и по отношенію къ описываемой эпохѣ и обсуждаемымъ вопросамъ. Едва ли нужно прибавлять что Дюма блестящій и остроумный разсказчикъ и наблюдатель. Читатель встрѣтитъ въ его книгѣ множество мыслей и разсужденій иногда замѣчательно вѣрныхъ, часто парадоксальныхъ, но всегда интересныхъ. Особенно любопытенъ взглядъ Дюма на республику во Франціи. „Я убѣжденъ,“ говорилъ онъ, „и лишу это безъ всякаго намѣренія шутить, что республика будетъ справедлива и прочна только когда не будетъ республиканцевъ.“

V.

Демократія въ Европѣ, Томаса Эрскина Мея (*Democracy in Europe, A history.* By Sir Thomas Erskine May. 2 vols. London, 1878).

Ни разрѣшенія спорныхъ вопросовъ, ни новыхъ историческихъ открытій читатель не найдетъ въ новой книгѣ Мея. Авторъ поставилъ себѣ болѣе скромную задачу: собрать въ одно цѣлое всѣ существующія уже по этому предмету свѣдѣнія; и эту задачу онъ добросовѣстно исполнялъ въ своемъ ученомъ, старательно продуманномъ трудѣ. Онъ начинается съ древнихъ демократій Азіи, Карфагена, Греціи и Рима и переходитъ потомъ къ исторіи демократіи въ Европѣ, слѣдя за развитіемъ народной власти отъ темной старины до настоящаго времени какъ въ европейскихъ республикахъ, такъ и въ монархіяхъ Англіи и Франціи. При обиліи интересныхъ свѣдѣній, нельзя не замѣтить нѣсколько чрезмѣрной подробности, нѣкоторыхъ излишнихъ уклоновъ отъ избранной темы. Индія, Китай, Іудея, Карфагенъ слишкомъ ужь далеки отъ насъ и безъ ущерба, кажется, могли бы быть опущены; а во второй части труда своего авторъ слишкомъ вдается въ обсужденіе такихъ явленій которыя вовсе не составляютъ отличительныхъ признаковъ или необходимой принадлежности демократіи. Демократія есть правленіе численнаго большинства; но она вовсе не предполагаетъ непремѣнно личную свободу, свободу совѣсти, неприкосновенность имущества. Эти блага могутъ существовать и не существовать и при этой, какъ

при всякой другой формѣ правленія. Религіозная свобода была при римскихъ императорахъ и ея не было напротивъ подъ властью сектаторовъ основавшихъ Новую Англію. Искусства и литература процвѣтали въ Афинской и Флорентійской демократіяхъ, но также и при Августѣ, и при Елисаветѣ англійской и при Лоренцо Медичи, и при Лудовикѣ XIV. Черты, лишь случайно и временно проявляющіяся въ демократіи, недостаточно ясно отдѣлены отъ существенныхъ, постоянныхъ свойствъ ея.

Исторія европейской демократіи дѣлится на три періода: первый отъ древнѣйшихъ временъ до установленія большихъ монархій,—до эпохи Карла V, Франциска I и Генриха VIII. Здѣсь демократія является преимущественно въ городахъ и скорѣе въ видѣ обычая нежели въ видѣ политическаго учрежденія. Второй періодъ — до французской революціи. Это вѣкъ большихъ монархій. Возрастающая независимость мысли и характеровъ, направленная преимущественно на религіозные вопросы, вызвала такія явленія какъ пуритане въ Англіи и гугеноты во Франціи, но имѣла однако существеннаго вліянія на ходъ событій. Третій періодъ продолжается еще въ настоящее время. Смысла возрѣвша на права человека, получившія философскую обработку въ Англіи, примѣненные къ дѣлу въ Соединенныхъ Штатахъ, дали форму государственному перевороту, сдѣлавшемуся неизбежнымъ во Франціи. И въ этой странѣ, и въ другихъ, вопросъ скоро перешелъ за предѣлы недовольствій, вызвавшихъ его. Отвлеченныя понятія свободы, равенства, братства, овладѣли умами недовольныхъ, словно какое-то новое откровеніе. Девяносто уже лѣтъ дѣйствуютъ они, и вотъ Эрсकिनъ Мей подводитъ итогъ достигнутыхъ результатовъ.

Въ одной только Швейцаріи встрѣчается въ первомъ періодѣ сельская демократія. Въ 1318 году императоръ Германскій пожаловалъ монастырю Эмменсдильнъ обширныя владѣнія въ Альпахъ. Часть этихъ владѣній была занята людьми впервые въ это время появляющимися въ исторіи подъ именемъ вольныхъ людей Швица. За отказъ покориться духовнымъ ли, свѣтскимъ ли властямъ, люди эти были объявлены вѣнъ закона и отлучены отъ церкви. Не пугаясь этого, они заключили со своими сосѣдями, жителями Ури и Унтервальдена оборонительный и наступательный союзъ, извѣстный подъ

именемъ Вальдштетена и положившій начало Швейцарской конфедераціи. Устройство этого союза Мей описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Это была простѣйшая форма демократіи. Не зная на свѣтскихъ, ни духовныхъ начальниковъ, суровые горцы собирались подъ открытымъ небомъ, сами постановляли для себя законы и казались исполнять ихъ. Собранія эти были также первобытны какъ описанныя Тацитомъ сходки древнихъ Германцевъ, и гораздо свободнѣе. Горцы сходились не позову вождей чтобъ одобрить ихъ намѣренія, а какъ равные между собою, принимающіе одинаковое участіе въ судьбѣ своего возлюбленнаго кантона. Всѣ они были простые поселенцы, пасущіе стада свои на склонахъ горъ и терпѣливымъ трудомъ добывающіе обильную жатву съ узкихъ нивъ, стѣсненныхъ скалами и глетчерами. Собирались въ виду своихъ горныхъ селеній, и во время совѣщаній слышали колокольчики стадъ по окружающимъ высотамъ. Эти дѣловые кантоны, независимые другъ отъ друга, заключавшіе союзы и выславшіе вооруженныхъ людей на войну, составляли скорѣе сельскую общину чѣмъ государство; такую земледѣльческую демократію какую когда-то хвалилъ Аристотель.“

Но въ этой средневѣковой швейцарской демократіи весьма мало было уваженія къ человѣческой личности и христіанскаго милосердія. Корыстные побужденія поселяли раздоры между кантонами и вели къ кровавымъ стычкамъ. Цюрихъ, въ союзѣ съ Австріей, хотѣлъ присвоить себѣ участокъ Удлахта. Жители Удлахта прислали выборныхъ просить чтобъ имъ оставили независимость. „Знайте, отвѣчалъ бургомистръ Стюсси что все что есть у васъ намъ принадлежитъ, даже внутренности ваши.“ Въ послѣдовавшей затѣмъ стычкѣ Стюсси былъ убитъ. Люди изъ Гларуса вырвали зубами его сердце, смазали свои сапоги его жиромъ и бросили трулъ въ рѣку. „Вся война эта, говоритъ швейцарскій историкъ, была ознаменована убійствомъ, насиліемъ, грабежомъ, пожарами и святотатствами.“ Вотъ темная сторона, присущая героической швейцарской республикѣ, точно также какъ дѣяніямъ средневѣковыхъ рыцарей и владетельновъ.

Если въ горныхъ кантонахъ знатность рода, богатство и численность не боролись между собою, то мы видимъ борьбу эту въ другой средневѣковой республикѣ, во Флоренціи. „Саа-

чала, говоритъ Макиавелли, возникъ раздоръ между знатыми, потомъ между знатыми и народомъ, наконецъ между народомъ и чернью. Въ началѣ XIII столѣтія мы видимъ во Флоренціи сильную, богатую общину и множество знатныхъ семействъ, у которыхъ въ каждой улицѣ были укрѣпленные дома съ высокими башнями, наполненные вооруженными саутами изъ загородныхъ владѣній. Опираясь на эту силу знатные люди домогались своихъ выгодъ, вредили сколько могли сосѣду и знать не хотѣли городскихъ властей. 130 лѣтъ не прекращались въ городѣ безпорядки вызванные раздорами вельможъ, пока наконецъ правительство не окрѣпло настолько что могло уже сладить съ ними. Тогда вельможи сплехватились и стали домогаться участія въ управленіи городомъ, отъ котораго прежде устранились презрительно. Но было уже поздно. Богатые банкиры и торговцы прежде всего хотѣли покоя, хотя бы пришлось казнить безъ уликъ всякаго вельможу обвиняемаго въ противузаконномъ дѣйствіи и разрушить дома всѣхъ его родственниковъ. Вельможи не могли покориться. Оставалось предоставить рѣшеніе мечу. И мечъ рѣшилъ. Знать была сокрушена. „Они лази до такой степени, говоритъ Макиавелли, что лишились не только силъ и оружія, но и всякой бодрости духа.“

Здѣсь обнаруживается уже часто упускаемая изъ виду разница между аристократіей и знатію, еще яснѣе сказывающаяся въ исторіи Англіи и Франціи. Подъ аристократіей собственно слѣдуетъ разумѣть сословіе людей привилегированныхъ участіемъ въ управленіи страной по праву рожденія или богатства, подъ знатію же разумѣются лишь люди занимающіе по своему рожденію или богатству видное мѣсто въ обществѣ. Первое видимъ мы въ Англіи, второе во Франціи. Во Франціи никогда не было аристократіи въ собственномъ смыслѣ. Въ ней было одно время извѣстное число князей управляющихъ хорошо ли, дурно ли, своими подданными; была всегда богатая, блестящая, отважная знать. Но знать эта лишь рѣдко пыталась принять участіе въ управленіи страной, и послѣ борьбы, мѣстами упорной и жестокой, князья обратились въ придворныхъ.

Совсѣмъ другое видимъ мы въ Англіи. Тутъ Вильгельмъ-Завоеватель добивался того чтобы бароны были не владѣтельными князьями, а совѣтниками короля; Генрихъ II заботился о томъ чтобы королевскія распоряженія имѣли

силу во владѣніяхъ бароновъ; и оба достигли своей цѣли. Такимъ образомъ государственныя дѣла были поставлены подъ надзоръ и охрану бароновъ, а съ другой стороны каждый отдѣльный баронъ, не лишаясь власти у себя, былъ ограниченъ закономъ, елибы вздумалъ злоупотреблять ею. Французскій историкъ Филиппъ де-Коминъ, описавъ страданія простаго народа во Франціи, прибавляетъ: „Затѣмъ, по моему мнѣнію, изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ государствъ въ мірѣ, общественныя дѣла лучше всего ведутся, и народу всего меньше приходится терпѣть отъ насилія въ Англіи.“

Мы видимъ изъ ряда примѣровъ что демократія можетъ удержаться лишь тамъ гдѣ политическое равенство основано на равенствѣ состоянія, воспитанія, умственнаго развитія. Но вотъ въ концѣ прошлаго столѣтія возникновеніе Сѣверо-американской республики возбудило съ новою силой демократическія стремленія въ Европѣ, и въ особенности во Франціи. Условія были однако слишкомъ различны, и то что въ Америкѣ сложилось естественно, какъ завершеніе и скрѣпленіе существующаго порядка вещей, явилось во Франціи орудіемъ для низверженія существующаго и замѣны его такимъ устройствомъ котораго никто на дѣлѣ не зналъ и каждый представлялъ себѣ по-своему. Слѣдствіемъ былъ рядъ переворотовъ, которые до сихъ поръ еще не привели къ устанавленію прочнаго, всѣхъ удовлетворяющаго порядка.

Перечислая сотрясенія какими отзывались на Европѣ слѣдовавшія одна за другой во Франціи революціи, Эрскинъ Мей выставляетъ въ противоположность спокойствіе, благоустройство какимъ пользовалась Англія, и указываетъ двѣ опасности грозящія демократіи въ наше время: первая что господствующее большинство законами направленными противъ богатства вызоветъ внутренніе раздоры и общее разореніе; вторая что люди благородные, высоко развитые, не захотятъ подвергаться униженіямъ необходимымъ для полученія вліятельной должности, и администрація перейдетъ сначала въ невѣжественныя, а потомъ и въ развращенныя руки.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

21го іюня 1878.

Первое іюня ознаменовалось блистательною побѣдой: всѣ неимоверныя сопротивленія и препятствія были преодолены, представители великихъ европейскихъ державъ съѣхались въ Берлинъ и конгрессъ открытъ. Что взятіе Карса, что переходъ черезъ Балканы въ сравненіи съ этою побѣдой! Тамъ борьба шла съ неприступными твердынями, съ сотнями плетечныхъ жерлъ изрыгавшихъ смерть, съ грозною природою, наконецъ ставшею на пути нашихъ легендарныхъ героевъ въ видѣ замесенныхъ снѣгомъ, обледевшихъ громадъ и быстроты рѣкъ, а здѣсь нужно было преодолевать упорство самого лорда Беконсфильда.... Тамъ — беззаветное мужество, баснословные подвиги, превозмоганіе неимоверныхъ лишеній, плѣненіе многотысячныхъ вооруженныхъ полчищъ турецкихъ, а здѣсь — напряженіе тончайшаго дипломатическаго ума, изобрѣтательности и изворотливости для плѣненія лорда премьера, сдѣлавшаго вражду къ Россіи и къ ея успѣхамъ въ дѣлѣ освобожденія восточныхъ христіанъ цѣлью своей дѣятельности, своей жизни....

Да, великая побѣда. И, Боже мой, какія средства были употреблены для ея достиженія! Уступки, еще уступки, соглашенія, все это облеченное въ строжайшую тайну — для

насть, но тотчасъ же извѣстное лондонскимъ газетамъ, изъ коихъ *Globe* была такъ нескромна что приподняла покрывало, таившее отъ глазъ міра результаты поѣздокъ графа Шувалова. Не только наши квазі-офиціозы, французскія газеты, но даже самъ британскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвергали правдивость разоблаченій *Globe*, и возмущенное чувство русскаго общества, не допускавшаго возможности такихъ уступокъ въ пользу Англіи, успокоилось. Не вѣрившіе опубликованнымъ въ англійской газетѣ пунктамъ соглашенія были пріятно удовлетворены опроверженіемъ маркиза Солсбери и не безъ гордости выставили свою проникательность: а что, мы вѣдь говорили что это невозможно. Развѣ мыслимо чтобы мы пожертвовали почти всѣми плодами нашихъ усилій, нашихъ побѣдъ и жертвъ, чтобы мы отказались отъ главныхъ условій ратификованнаго Санъ-Стефанскаго договора, потому только что Англія, да и не Англія даже, а только ея задорно виноватый премьеръ пугаетъ насъ демонстраціями, семью тысячами индійскихъ силаевъ и т. л.?

И вѣрили этому; да и какъ не вѣрить тому что кажется такъ основательнымъ и такъ желательнымъ? Увы! разочарованіе не замедлило.

Европейскій ареопагъ съѣхался въ Берлинъ. Первые дни извѣстія сообщали съ подобающею важноію какъ отдѣламъ замъ будущихъ засѣданій, въ какихъ экипажахъ, въ какихъ костюмахъ кто являлся, даже о томъ что турецкіе делегаты курили папироски и что у графа Беконсфильда изъ кармана пальто торчалъ носовой платокъ. Больше десяти дней прошло въ тайнственныхъ переговорахъ между уполномоченными, съ тѣмъ чтобъ они на конгрессѣ являлись, такъ сказать, съ готовыми рѣшеніями. Съ томительнымъ нетерпѣніемъ ждалъ міръ чего-нибудь положительнаго, роковой вопросъ „миръ или война“ ужаснымъ кошмаромъ давилъ всѣхъ, но особенно Россію, съ 19 января уже томящуюся въ невыносимомъ положеніи безкровной войны, несущую всѣ громадныя жертвы, тяжкимъ бременемъ лежащая на народныя силы, давая время врагамъ своимъ вооружаться, усиливаться, выигрывать не теряя.... Наконецъ пренія въ англійскомъ парламентѣ заставили правительственныхъ членовъ сознаться что разоблаченія газеты *Globe* основательны....

Мы не станемъ приводить здѣсь всѣхъ этихъ пунктовъ, въ свое время безъ сомнѣнія прочитанныхъ всеми въ газетахъ. Грустно, очень грустно и тяжело было русскому человѣку подумать что усердныя ухаживанья за Англіей, поѣздка изъ Лондона въ Петербургъ и обратно имѣли результатомъ такіа уступки. И кому? государству съ которыми мы не были въ войнѣ, которое во время войны соблюдало крайне неблаговидный нейтралитетъ, которое радовалось нашимъ временнымъ неудачамъ и смущалось нашими побѣдами, которое не было приготовлено къ серіозному внимательству и по одному слову котораго мы остановились у воротъ Константинополя и Галлиполи, осудивъ себя на потерю плодовъ, добытыхъ кровью и жертвами русскаго народа!...

Но этого разочарованія было еще мало. Безплощадный врагъ Россіи не удовольствовался и этими уступками; онъ какъ бы не призналъ даже обязательнымъ для себя соглашенія подписаннаго его же товарищемъ лордомъ Солсбери и безо всякаго сомнѣнія съ его же одобренія. Графъ Беконсфильдъ пожалѣлъ что мало выторговалъ; онъ, въ Берлинѣ, ближе познакомившись съ графомъ Андраши, уразумѣлъ что можно получить больше, что путь уступокъ, на который вышла Россія, ради сохраненія европейскихъ интересовъ, далеко еще не пройденъ до конца. И вотъ послѣднія извѣстія сообщаютъ что наиважнѣйшій изъ вопросовъ подлежащихъ обсужденію конгресса, именно вопросъ о судьбѣ Болгаріи, рѣшенъ наконецъ: лучшая за-Балканская половина ея остается турецкою провинціей, получаетъ названіе восточной Румелии, будетъ ограждена по хребту Балканъ рядомъ турецкихъ крѣпостей, прорѣжется цѣпью турецкихъ ѣталовъ. Для утѣшенія ей дадутъ что-то темное, именуемое административною автономіей, милицію съ офицерами назначаемыми султаномъ, губернатора изъ Фанаріотовъ. По землѣ пролитанной кровью тысячъ жертвъ болгарскихъ, лавшихъ подъ ножами Шевкетовъ и Сулеймановъ, усѣянной костями нашихъ героевъ, отстоявшихъ Шилку, двукратно перелезавшихъ Балканы, уничтожавшихъ полчища непріятеля, вырвавшихъ изъ рукъ орды Филиппополь, Казанлыкъ, Эски-Загру, Базарджикъ и всѣ эти чисто Болгарскіе города, опять зашагаютъ баши-бузуки, и будутъ лущены въ ходъ всѣ адскія средства чтобы истребить всякія

надежды на свободу и самостоятельность половины Болгаръ. Пребываніе нашихъ войскъ въ Болгаріи ограничивается нѣсколькими мѣсяцами; устройство управленія переходитъ въ руки европейской комиссіи; Австрія получаетъ Боснію съ Герцеговиной и разныя права и привилегіи на западную часть Болгаріи, вмѣстѣ съ рѣшительнымъ вліяніемъ на Сербію и Черногорію, которымъ мы же и советуемъ обращаться къ Вѣнскому правительству. Словомъ, она дѣлаетъ пріобрѣтенія, которыя могли бы считаться блестящими послѣ побѣдосной войны. Все направлено къ тому чтобы до minimumъ уменьшить результатъ нашихъ побѣдъ, ослабить наше вліяніе, показать Славянамъ что не Россія, а они Англо-Мадьяры, вершители судебъ ихъ. „Честный маклеръ“ вздумалъ подсластить горькую пилюлю и торжественно заявилъ на конгрессѣ что европейскія державы сознаютъ и цѣнятъ политическую мудрость всѣхъ дѣлаемыхъ Россіей уступокъ, оставленіе ею важныхъ позицій пріобрѣтенныхъ кровью русскою. Но мы не дѣти; намъ не нуженъ сахаръ отъ котораго тошнитъ.... Русскій народъ не разъ доказалъ что онъ умѣетъ смотрѣть въ глаза не моргнувъ величайшимъ опасностямъ; онъ сумѣетъ сознать и горечь настоящаго положенія, и не уласть отъ этого духомъ: что же дѣлать, видно такъ Богу угодно! Подождемъ. Aufgeschoben ist nicht aufgehoben, что отложено то еще не уничтожено.

Что произойдетъ теперь дальше на конгрессѣ, конечно неизвѣстно; но есть всѣ основанія думать что уступивъ въ главнѣйшемъ мы едвали станемъ упрямствоваться во второстепенномъ. Графъ Беконсфильдъ, отвѣчая на слова князя Горчакова, заявившаго что Россія сдѣлала крайнія предусмотрѣнныя уступки изъ желанія не нарушать мира Европы, сказалъ что онъ весьма признателенъ за это и надѣется что и дальше, по другимъ вопросамъ предстоящимъ обсужденію конгресса, представители Россіи будутъ слѣдовать тѣмъ же путемъ. Должно думать что надежды его не напрасны.... Только бы ужъ скорѣе конецъ, чтобы прекратить пребываніе арміи вдали отъ родины, гдѣ она выноситъ тѣмъ напрасныхъ лишеній, дѣлаясь жертвой тифа и лихорадокъ, да остановить эти ежедневные миллионныя расходы, не имѣющие никакой надежды на возмѣщеніе. Останется ли за нами Батумъ, получимъ ли назадъ

Бессарабію,—все это отходить на задній планъ послѣ рѣшенія вопроса бывшаго поводомъ войны,—особенно если, какъ лишуть, намъ отдадутъ Килію, а Суливу съ Змиинимъ островомъ оставить Румыніи. Къ тому же, видимъ, Лазы не желаютъ переходить во владѣніе Россіи и грозятъ отстаивать Батумъ съ оружіемъ въ рукахъ, хотя бы Турція и очистила его; ну, а ихъ вѣдь цѣлыхъ двѣнадцать тысячъ вооруженныхъ англійскими ружьями,—достаточный поводъ отказаться и отъ этого пріобрѣтенія, тѣмъ болѣе что и лорду Беконсфильду будетъ это весьма пріятно.

„Державы собрались съ цѣлью создать на Востокѣ *прочный порядокъ вещей*, говоритъ *Journal de St.-Petersbourg*, и есть причины надѣяться что эти условія прочности будутъ отысканы, устанавливаемы по общему соглашенію, и что они произтекутъ изъ *обоюдныхъ* (?) уступокъ, при которыхъ каждая изъ сторонъ *во имя общаго блага* (?) поступитъ своими личными предположеніями и предубѣжденіями имѣя въ виду одно: достиженіе прочнаго и продолжительнаго мира.“ Вотъ что значитъ многолѣтняя привычка! Настроивъ себя на тонъ дипломатической мавиловщины, на работѣнное поклоненіе европейскому концерту, на нѣкоторое такъ сказать, стояніе на заднихъ лапахъ предъ интересами, мнѣніями и злорадствомъ Европы, эти якобы русскіе органы не смущаются никакими примѣрами, никакими очевидными фактами; еиміамъ и растаркиванья продолжаются съ величайшимъ усердіемъ почти до забвенія здраваго смысла.

Еслибы державы собрались въ Берлинъ дѣйствительно съ цѣлью создать на Востокѣ *прочный порядокъ вещей*, то развѣ возможна была бы дикая мысль разрѣзать болгарское тѣло на двѣ половины, оставивъ одной нѣкоторую возможность начать человѣческое существованіе, а другую, лучшую, закабалить на продолженіе оскорбительнаго и невыносимаго подданства мусульманской орды, послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ такъ недавно совершенныхъ, послѣ неостывшей еще крови десятковъ тысячъ звѣрски, мученически погибшихъ людей, послѣ непотухшихъ еще пожаровъ, истребившихъ города и села лучшей, роскошнѣйшей части Болгаріи? Развѣ присутствіе турецкихъ войскъ въ укрѣпленныхъ Балканахъ, ихъ непрерывныя движенія по странѣ, могутъ подавать хоть малѣйшую надежду на прочное спокойствіе?

Развѣ одинъ видъ ненавистнаго Турки, одна мысль что послѣ всего вынесеннаго за послѣдніе два года опять пришлось преклонить предъ ними голову, могутъ прочно успокоить Болгаръ, особенно въ виду другой части народа, оказавшейся болѣе счастливою потому только что она живетъ по сѣверной сторонѣ Балканскаго хребта? Развѣ Сербія и Черногорія могутъ прочно удовлетвориться послѣ всѣхъ принесенныхъ ими жертвъ тѣми подачками отъ трапезы которыя имъ милостиво соизволить бросить графъ Андраши? А Кандія и другія греческія области, а Арменія? Наконецъ, зачѣмъ намъ скрывать это? Русскій народъ развѣ можетъ удовлетвориться такимъ искаженіемъ дѣла, такимъ исковерканіемъ Самъ-Стефанскихъ постановленій и ничѣмъ не рѣшеннымъ вопросомъ о Босфорѣ и Дарданеллахъ? Гдѣ же тутъ задатки продолжительнаго, да еще прочнаго мира? Еслибъ европейскія державы были одушевлены идеями общаго блага, ради коихъ слѣдуетъ поступиться своими предпочтеніями и предубѣжденіями, то развѣ вообще существовалъ бы Восточный вопросъ, развѣ онъ давно не былъ бы рѣшенъ безповоротно—уничтоженіемъ турецкаго владычества въ Европѣ и предоставленіемъ христіанскимъ національностямъ Балканскаго полуострова правъ независимости? Наконецъ, возможно ли было бы допустить искру Герцеговинскаго возстанія превратиться въ страшный пожаръ 1876—77 года? Зачѣмъ же эта высшая фальшь, эти всѣмъ надобѣвшія, никому не обманывающія фразы?... Напротивъ, Европа постоянно, послѣ каждой войны Россіи съ Турціей, какъ бы только о томъ и хлопотала чтобы, Боже упаси, не создастся на Востокѣ прочный порядокъ вещей, не настало время прочнаго мира. Молдо-Валахія, Черногорія, Сербія, Греція, только постепенно, періодически, благодаря каждый разъ успѣшной войнѣ нашей, достигали улучшеній въ своемъ положеніи; этапами, медленными трудными переходами, приближались они къ конечной цѣли—къ освобожденію, и каждый этапъ, каждый переходъ сопровождался кровопролитіями, нарушеніемъ мира и спокойствія во всей Европѣ. Общее благо—прекрасная фраза такъ фразой и оставалась, а своекорыстные расчеты, предубѣжденія и предпочтенія, враждебныя чувства къ Славянству и его естественной опорѣ, Россіи, выступали впередъ, пуская въ ходъ все что человѣческая изобрѣтательность придумать можетъ отъ

дипломатическихъ интригъ, обмановъ, подкуповъ до коалицій и ожесточенныхъ войнъ, лишь бы не допустить до того дѣйствительнаго, справедливаго, единственно возможнаго окончательнаго рѣшенія Восточнаго вопроса, который положилъ бы конецъ нестерпимому положенію вещей и создалъ бы прочный продолжительный миръ. Такъ оно было постоянно, такъ и теперь. Парижскому трактату 1856 года руколесакали въ Европѣ,—будутъ руколесакать и постановленіямъ Берлинскаго конгресса 1878 года. Россіи подрѣзаны крылья, отнята у нея всякая возможность поднимать этотъ ненавистный Восточный вопросъ, цѣлостъ и независимость Турецкой имперіи обезлечены, отнявъ она вступаетъ въ семью европейскихъ державъ, она будетъ управлять своими христіанскими подданными по самымъ гуманнымъ принципамъ и подъ наблюденіемъ всѣхъ представителей цивилизаціи,—вотъ что восклицали двадцать два года тому назадъ въ Европѣ, то же будутъ кричать на всѣ лады и теперь. Слѣдцы, мнящіе себя въ силахъ бороться съ неумолимымъ постулательнымъ движеніемъ историческихъ судебъ! Никакими измышленіями дипломатіи, никакими крѣпостями и изобрѣтеніями военной науки не остановите вы стремленія поработенныхъ турецкою ордою христіанскихъ національностей къ свободѣ и независимости, не удержите Русскаго народа отъ стремленія помочь имъ въ достиженіи этой цѣли и вмѣстѣ отъ упроченія своего положенія на берегахъ Чернаго Моря, отъ требованія свободнаго выхода чрезъ Проливы въ пространство океана. Всѣ постановленія Берлинскаго конгресса, вся квинтэссенція дипломатической премудрости и усилія „честнаго маклера“ не избавятъ Европы отъ Дамоклова меча, и будетъ она висѣть надъ нею, и пройдетъ немного лѣтъ какъ нитка олять улудобится тончайшему волоску, и олять раздадутся военные громы, стоны, проклятія и скрежетъ зубовый... И будетъ вамъ, вершители міровыхъ судебъ, члены великаго европейскаго ареолага, олять война—семилѣтняя, тридцатилѣтняя, хотя бы она въ сущности продолжалась только семь или тридцать мѣсяцевъ, ибо что же для спокойствія Европы, для благоденствія и развитія ея экономическихъ силъ значить—стрѣляютъ ли, или безъ стрѣльбы стоятъ миллионы людей вооруженные съ ногъ до головы, съ вѣчною заботой быть готовыми, не отстать, не ровенъ часть загремѣть.

Очень хороша также фраза *Journal de St.-Petersburg* объ *обояднѣхъ* уступкахъ. Да тутъ даже смысла нѣтъ. Россія уступаетъ отъ того что пріобрѣла кровью, громадными жертвами, послѣ того какъ другія державы, что говорится, пальцемъ не повели для предотвращенія войны; Россія уступаетъ изъ договора заключеннаго съ побѣжденнымъ непріятелемъ, которому она имѣла всяческое право предписывать условія, въ доброй волѣ коей было не оказать ни малѣйшаго снисхожденія поверженному въ прахъ къ ея ногамъ противнику, брошенному своими друзьями и подстрекателями на произволъ судьбы. Изъ чего же уступаютъ другія державы — Англія, Австро-Венгрія? Изъ мѣшка своихъ желаній и претензій? Они чужими руками жаръ загребаютъ; что бы на ихъ долю ни досталось—все это просто ничѣмъ незаслуженная легкая нажива, эксплуатація нашихъ ошибокъ, нашей уступчивости, нашей заботливости о пресловутыхъ европейскіхъ интересахъ. Ихъ уступки напоминаютъ восточную сказку о томъ самоулавному лашѣ который отнявъ у бѣднаго человѣка его родовой виноградникъ, отрѣзалъ и подаль ему кисточку винограда, сказавъ: на, кушай на здоровье и не думай что я въ самомъ дѣлѣ такой злой, безсердечный человѣкъ. Отхвативъ всю южную балканскую Болгарію отъ предполагаемаго цѣлаго княжества, наводивъ ее турецкою ордой и т. д., графъ Беконсфильдъ великодушно соглашается бросить намъ Софію. И наемные писаки рукоплещутъ съ одной стороны такому великодушію, съ другой ворчатъ за такую крайнюю уступчивость; наконецъ думаютъ дурачить русскихъ людей, возглашая о великихъ достигнутыхъ Россією въ этомъ случаѣ дипломатическихъ успѣхахъ... Пожалуй, Беконсфильдъ можетъ заявить что съ Россіи слѣдуетъ взять нѣсколько сотъ милліоновъ контрибуціи за убытки причиненные англійскимъ кредиторамъ Блистательной Порты посредствомъ ея разоренія войной, и затѣмъ послѣ усиленныхъ дипломатическихъ нашихъ хожденій и препирательствъ, послѣ поддержки „честнаго маклера“, великодушно сбавить сначала сумму контрибуціи, послѣ и совсѣмъ отъ нея отказаться, опять-таки сказавъ: видите ли какой я добрый человѣкъ. И опять всѣ закричатъ объ *обояднѣхъ* уступкахъ?..

Зачѣмъ эти подслащиванья?.. Уступки уже сдѣланы Россіей, будутъ и еще сдѣланы; такъ допущено сложиться

обстоятельствамъ... Вотъ и весь сказъ. Мы не дѣти, не тупоумная, темная масса, которой можно и нужно отуманивать глаза, выдавать мишуру за настоящее золото. Какъ ни больно русскому сердцу все совершающееся, какъ ни безрадостны всѣ эти берлинскія извѣстія, какъ „ни валится перо изъ рукъ и замираетъ слово“ когда приходится говорить о настоящемъ политическомъ положеніи, но намъ вѣчего прибѣгать къ самообману, худшему изъ всѣхъ обмановъ, и, наконецъ, все же мы должны признать что еще одинъ этапъ по пути къ великой, окончательной цѣли пройденъ; а если возьмемся дружно за работу, проверимъ недавно минувшее, постараемся извлечь пользу изъ полученныхъ уроковъ, станемъ серіозно изучать исторію и учиться ею, то сѣдующіе этапы будутъ то же пройденны и быть-можетъ легче чѣмъ до сихъ поръ.

Тѣмъ не менѣе сказать уже теперь положительно что дѣло окончено, что еще нѣсколько засѣданій конгресса, и всѣ затрудненія будутъ исчерпаны, ареолагъ торжествуя разѣдется по домамъ, а всѣ воины вложатъ мечи въ ножны и тоже мирно разойдутся по домамъ—едвали возможно. Какъ отъ искры герцеговинскаго возстанія вспыхнуло пламя кровопролитной войны, такъ и теперь еще малѣйшая случайность можетъ перевернуть вверхъ дномъ все дипломатическое зданіе. Матеріаловъ легко воспламеняющихся такой заласъ что огонь можетъ ежеминутно вспыхнуть и разлиться широко. Возстаніе въ греческихъ провинціяхъ продолжается, баши-бузуки не перестаютъ рѣзать христіанскихъ женщинъ и дѣтей, тронъ Абдулъ-Гамида проченъ какъ картонный домикъ, интриги, заговоры, борьбы разныхъ коршуновъ изъ-за готовящейся добычи неустанно работаютъ въ Царьградѣ; всѣ недовольны: и побѣдители и побѣжденные, и освобожденные и освободители, и мусульмане и христіане. Согласитесь, положеніе не такое успокоительное чтобы можно было съ полною увѣренностью сказать: на этотъ разъ конецъ; миръ и тишина да восцарствуютъ въ Европѣ? Кромѣ того, кто поручится что разлакомившись столь богатыми даровыми пріобрѣтеніями, благородные графы, руководители англо-мадьярскихъ интересовъ, не забудутся, не увлекутся какъ страстные игроки, не сумѣютъ поставить должныхъ предѣловъ своей жадности и заломятъ наконецъ такія требованія въ которыхъ даже наша уступчи-

вость должна будетъ рѣшительно отказать? Вѣдь соблюдали же мы съ самаго начала всѣ требованія Англіи и Австріи, подъ условіемъ коихъ они провозгласили свой нейтралитетъ? Вѣдь дошли же и до соглашенія 18го (30го) мая съ маркизомъ Солсбери? Однако пришлось идти далѣе, потому что противникъ, получивъ одно, удваивалъ свои требованія. Не даромъ же, какъ уже упомянуто, графъ Бекоффилдъ выразилъ надежду на дальнѣйшую уступчивость представителей Россіи по всѣмъ остальнымъ пунктамъ. Нажиманіе можетъ дойти до того что всякое терпѣніе, даже русское, лопнетъ?..

Когда заканчивали эти строки, получено извѣстіе о заключенной между Англіей и Турціей конвенціи въ силу коей Турція становится подъ протекторомъ Англіи. Это сдѣлано и безъ войны, и безъ конгресса. Выдержать ли и теперь русское долготерпѣніе?..

А. ЗИССЕРМАНЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТАГО

М А Й.

	Стр.
Бродяги и бродажество. <i>Н. В. Муравьева</i>	5
Укрощеніе трехъ строптивыхъ. Новѣйшіе усѣхи физики. <i>Я. И. Вейнберга</i>	33
Греческія статуетки изъ Тамагры. <i>К. К. Герца</i>	59
Тайны жизни. Последніе труды Клода Бермара. <i>С.</i>	69
Учено-торговая экспедиція въ Китай въ 1874—1875 годахъ. <i>Н. Ѳ. Петровскаго</i>	101
Россія и Австрія въ Восточномъ вопросѣ. <i>Р.</i>	122
На Горахъ. Разказъ. Гл. LXV—LXXIV. <i>Андрея Печерскаго</i>	150
Скрежетъ зубовой. Романъ. Часть четвертая. <i>В. Г. Аветъенка</i>	222
Разказы изъ 1813 года. (<i>Ut de Franzosentid.</i>) Фрица Рейтера. Переводъ съ ниже-нѣмецкаго. Гл. I—IV	287
Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Историко-литературный очеркъ. <i>М. Ѳ. Де-Пуле</i>	326
Поззія Некрасова. <i>Т. Толмачевой</i>	347
Разказы бабушки. Изъ воспоминаній пяти поколѣній. Записанные и собранные ея внукомъ. Гл. V—VII	386
Изъ дневника. Привидѣны острова. <i>Князя Д. Н. Цертеллева</i>	420
Новости иностранной литературы.....	425
Политическое обозрѣніе. <i>А. Л. Зиссермана</i>	456

І Ю Н Ъ.

Стр.

Мѣнія Посомкова о религіи и церкви. <i>А. Г. Брикнера.</i>	465
Изъ записокъ челоѣка. Педагогическія замятія въ Москвѣ (1832—1849), женское образованіе за этотъ періодъ времени. <i>Сто одного.</i>	533
Изъ недавняго прошлаго. Въ походѣ и въ битвѣ. Гл. I—IV. <i>В. П. Гамулецаго.</i>	567
Четверть вѣка назадъ. Гл. XIII—XXVIII. <i>Б. М. Марквича.</i>	602
Англія въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія. <i>Р.</i>	692
Отрывки изъ моихъ воспоминаній. Гл. XLIII—LXV. <i>А. Л. Зиссермана.</i>	722
Разказы изъ 1813 года. (<i>Ut de Franzosentid.</i>) Фрида Рейтера. Переводъ съ нѣмецкаго. Гл. V—X.	789
Деньги миледи. Эпизодъ изъ жизни молодой дѣвушки, разказанный Уилки Коллинзомъ. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.	828
Новости литературы.	873
Политическое обозрѣніе. <i>А. Л. Зиссермана.</i>	930

ВЪ КОНТОРѢ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Браддонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВѢРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сентъ-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фовбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ гжи Батчеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
ПРОДАЕТСЯ
ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ,
составленный по современнымъ словарямъ
Ананьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ и из-
данный
П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Въ этомъ словарѣ помѣщены всѣ слова находящіяся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ римской письменности до конца шестаго столѣтія по Р. Х., а равно всѣ собственныя имена (міеологическія, историческія и географическія) изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Непота, Ливія, Виргилія, Горация и Овидія.

Полный Словарь заключаетъ въ себѣ 910 страницъ въ четвертку, въ три столбца, по 78 строчекъ въ столбцѣ.

Цѣна Полнаго Латинскаго Словаря въ конторѣ типографіи и у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга четыре руб. сер. Кромѣ того въ конторѣ можно получать Полный Латинскій Словарь на слѣдующихъ условіяхъ: платящій за пять экземпляровъ получаетъ одинъ экземпляръ безплатно; платящій за восемь экземпляровъ получаетъ два экземпляра безплатно; платящій за семьдесятъ пять экземпляровъ получаетъ двадцать пять экземпляровъ безплатно.

Безплатные экземпляры отпускаются лишь на такое ответственное число оплаченных экземпляровъ. Поэтому на шесть и на семь оплаченныхъ экземпляровъ выдается по одному экземпляру бесплатно; на девять, десять, одиннадцать и двѣнадцать—по два; на тринадцать, четырнадцать и пятнадцать—по три и т. д.

За пересылку прилагается за каждый экземпляръ Полнаго Словаря за пять фунтовъ стерлинговъ, выписывающій двадцать экземпляровъ: такъ, напримеръ, двѣнадцать экземпляровъ шестьдесятъ фунтовъ, а сверхъ того въсвоихъ за сто фунтовъ. Также, напримеръ, прилагается за тридцать экземпляровъ сто фунтовъ, а сверхъ того въсвоихъ за сто фунтовъ.

Гг. иногородные со своими требованіями могутъ обращаться: въ Москву, въ контору Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Стрѣльнинскому бульвару.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1878 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1878 въ Москвѣ, безъ доставки, **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 р. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1878 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1878 годъ въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій **четырнадцать рублей 50 коп.** съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки **шестнадцать рублей 50 коп.** съ доставкой и пересылкой **девятнадцать рублей 50 коп.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ и въ конторѣ редакціи отъ иногороднихъ и заграничныхъ подписчиковъ, на Страстномъ бульварѣ.

—*—*—

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ Бульварѣ.

MAY 27 1954

